

АРМЭДЭЛЬ.

АРМЭДЭЛЪ

РОМАНЪ

УИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

ИЗДАНИЕ

Е. Н. АХМАТОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Е. Н. АХМАТОВОЙ, ДМИТРОВ. ПЕР. 1. № 17.

1871.

SECRET

6268-0

2007083032

АРМЭДЭЛЬ (°).

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.

На вильдбадскихъ водахъ открылся сезонъ тысяча-восемь-сотъ-тридцать-второго года.

Вечерній мракъ началъ собираться надъ спокойнымъ нѣмецкимъ городкомъ; дилижанса ждали каждую минуту. Передъ дверью главной гостиницы ожидали приѣзда первыхъ посѣтителей сезона три главные лица въ Вильдбадѣ съ своими жонами: бургомистръ—представитель жителей, докторъ—представитель водъ—трактирщикъ — представитель своего собственного заведенія. За этимъ избраннымъ кружкомъ сгруппировались на опрятномъ маленькомъ сквэрѣ, передъ гостиницей, городскіе жители, смѣшавшись съ поселянами въ ихъ причудливомъ нѣмецкомъ костюмѣ. Всѣ ожидали дилижанса — мужчины въ короткихъ, черныхъ курткахъ, узкихъ черныхъ панталонахъ, въ треугольныхъ поярковыхъ шляпахъ, — женщины съ длинными, свѣт-

---

(*) Начиная этотъ романъ, печатающійся въ ежемѣсячномъ лондонскомъ журналѣ «Корнгильскій Магазинъ», редація не можетъ принять отвѣтственности ни за окончаніе романа въ текущемъ году, ни за непрерывномъ появленіи его въ каждой книжкѣ «Собранія», потому-что оригиналь печатается по мѣрѣ того, какъ выходитъ изъ-подъ пера автора,

лыми косами, спускавшимися на затылокъ, въ короткихъ шерстяныхъ юбкахъ, корсажи которыхъ скромно закрывали шею. За этими группами рѣзвились полненькіе, бѣлоголовые ребятишки и, таинственно отдѣлившись отъ остальныхъ жителей музыканты, собравшись въ уголку, ждали появленія первыхъ посетителей, чтобы привѣтствовать ихъ первой серенадой въ этомъ году. Свѣтъ майскаго вечера еще мелькалъ на вершинѣ большихъ лѣсистыхъ холмовъ, возвышавшихся надъ городомъ съ правой стороны и съ лѣвой, а холодный вѣтеръ, начинающійся передъ закатомъ солнца, доносилъ благоуханіе сосенъ изъ Шварцвальда.

— Господинъ трактирщикъ, сказала жена бургомистра, величая хозяина гостинницы его полнымъ титуломъ: — къ вамъ будутъ какіе-нибудь иностранцы въ этотъ первый день сезона?

— Госпожа бургомистерша, отвѣчалъ трактирщикъ, платя ей за комплиментъ: — я жду двоихъ. Они написали—одинъ рукою слуги, другой, кажется, собственной своей рукою—чтобы приготовить комнаты для нихъ; они оба изъ Англии, какъ я сужу по ихъ именамъ. Однако, если вы попросите меня выговорить ихъ имена—языкъ мой запнѣтся; если же вы попросите меня сложить ихъ, вотъ они: буква по буквѣ, первое и второе по тому порядку; какъ они придутъ. Первый знатный иностранецъ, по титулу мистеръ, имя его состоитъ изъ восьми буквъ: А, р, м, э, д, э, л, ь; онъ больной и ѣдетъ въ своей собственной каретѣ; второй, знатный иностранецъ, по титулу также мистеръ, имя его состоитъ изъ четырехъ буквъ: Н, и, л, ь; онъ ѣдетъ больной въ дилижансѣ. Его превосходительство изъ восьми буквъ, пишетъ ко мнѣ рукою слуги, по-французски; его превосходительство изъ четырехъ буквъ пишетъ мнѣ по-нѣмецки. Комнаты для обоихъ готовы—больше я не знаю ничего.

— Можетъ-быть, намегнула бургомистерша:—вы, докторъ, слышали объ этихъ знаменитыхъ иностранцахъ?

— Только объ одномъ, и то въ строгомъ смыслѣ, не отъ самого его. Я получилъ извѣстіе отъ доктора его превосходительства изъ восьми буквъ и болѣзнь его, кажется, неизлечима. Богъ да поможетъ ему!

— Дилижансъ! закричалъ ребёнокъ изъ толпы.

Музыканты схватили свои инструменты и вездѣ воцворилась тишина. Вдали, въ извилинахъ лѣса, раздался слабый звукъ колокольчиковъ въ вечерней тишинѣ. Который экипажъ приближался: собственная ли карета мистера Армэдэля или дилижансъ съ мистеромъ Нилемъ?

— Играйте, друзья мои! закричалъ бургомистръ музыкантамъ:—публичный или частный это экипажъ—это первые больные въ нынѣшнемъ сезонѣ. Пусть они найдутъ насъ веселыми.

Оркестръ заигралъ веселый танецъ; дѣти на сквэрѣ топали ножками подь музыку. Въ эту минуту родители ихъ, стоявшіе у двери гостиницы, разступились и обнаружили первую мрачную тѣнь, спустившуюся на веселость и красоту этой сцены. Въ отверстіе, сдѣланное съ каждой стороны разступившейся толпой, появилась процесія дородныхъ поселянокъ; каждая везла за собою пустое кресло на колёсахъ, каждая ждала, съ вязаньемъ въ рукахъ, несчастныхъ, разбитыхъ параличомъ, пріѣзжавшихъ тогда сотнями и пріѣзжающихъ теперь тысячами на вильдбадскія воды для облегченія.

Пока оркестръ игралъ, пока дѣти танцевали, пока говоръ разговаривавшихъ дѣлался громче, пока сильныя молюды сидѣлки ожидаемыхъ калѣкъ вязали, ненасытное женское любопытство обнаружилось въ женѣ бургомистра. Она отвела трактирщицу въ сторону и шепнула ей вопросъ:

— Скажите мнѣ одно слово объ этихъ двухъ иностранцахъ изъ Англи: говорилось ли въ ихъ письмахъ, что съ ними будутъ дамы?

— Съ тѣмъ, который пріѣдетъ въ дилижансъ—нѣтъ, отвѣчала трактирщица:—но съ тѣмъ, который пріѣдетъ въ своей каретѣ—да. Онъ пріѣдетъ съ ребёнкомъ; онъ пріѣдетъ съ нянькой и, заключила трактирщица, искусно скрывъ главный пунктъ интереса къ самому концу:—онъ пріѣдетъ съ женой.

Бургомистерша просвѣтлѣла; докторша, участвовавшая въ конференціи, просіяла; трактирщица значительно кивнула головой. Въ умѣ всѣхъ трѣхъ промелькнула одна и та же мысль въ эту минуту: «мы увидимъ моды!»

Черезъ минуту сдѣлалось внезапное движеніе въ толпѣ; хоръ голосовъ провозгласилъ, что путешественники близко.

Въ это время дилижансъ уже былъ въ виду и всякое дальнѣйшее сомнѣніе прекратилось. Это дилижансъ приближался по длинной улицѣ, которая вела на скверъ—дилижансъ, восхитительно выкрашенный желтой краской, дилижансъ, привозившій первыхъ поѣздителей сезона къ дверямъ гостинницы. Изъ десяти путешественниковъ, выпедшихъ изъ средняго и задняго отдѣленія дилижанса, пріѣхавшихъ изъ разныхъ частей Германіи, троихъ вынули на рукахъ и посадили въ кресла на колѣсахъ, на которыхъ повезли ихъ въ квартиры, нанятая для нихъ въ городѣ. Въ переднемъ отдѣленіи сидѣли только два пассажира: мистеръ Ниль и его слуга. Опираясь на чужія руки съ каждой стороны, иностранецъ—болѣзнь котораго состояла только въ хромотѣ одной ноги—успѣлъ спуститься съ ступенекъ дилижанса довольно легко. Пока онъ утверждался ногами на мостовой съ помощью своей палки, не слишкомъ терпѣливо смотря на музыкантовъ, которые угощали его вальсомъ изъ *Фрейшюца*, его наружность нѣсколько охладила энтузіазмъ дружескаго кружка, собравшагося встрѣтить его.

Это былъ худощавый, высокій мужчина, среднихъ лѣтъ, съ холодными сѣрыми глазами и съ длинной верхней губой, съ нависшими бровями и выдавшимися скулами, человекъ, казавшійся именно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ—шотландцемъ съ головы до ногъ.

— Гдѣ хозяинъ этой гостинницы? спросилъ онъ очень бѣгло по-нѣмецки и съ ледяной холодностью въ обращеніи:—призовите доктора, сказалъ онъ, когда трактирщикъ представился ему:—я хочу видѣть его сейчасъ.

— Я здѣсь, сказалъ докторъ, выходя изъ дружескаго кружка:—я къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю, сказалъ мистеръ Ниль, смотря на доктора, какъ всѣ мы смотримъ на собаку, которая является на нашъ свистъ:—я буду радъ посовѣтоваться съ вами завтра утромъ въ десять часовъ о моей болѣзни. Теперь же я побезпокою васъ порученіемъ, которое я взялся вамъ передать. Мы перегнали дорожный экипажъ одного господина англичанина, кажется, который, повидимому, опасно боленъ. Дама, которая ѣдетъ съ нимъ, про-

сила меня немедленно увидѣться съ вами по прїѣздѣ и попросить васъ помочь вынуть больного изъ кареты. Съ курьеромъ ихъ что-то случилось и они оставили его на дорогѣ; они принуждены ѣхать очень медленно. Если вы будете здѣсь черезъ часъ, вы успѣете ихъ принять. Вотъ то порученіе, которое мнѣ дали къ вамъ. Кто этотъ господинъ, который, повидимому, съ такимъ нетерпѣніемъ желаетъ говорить со мной, бургомистръ? Если вы желаете видѣть мой паспортъ—мой слуга покажетъ вамъ. Нѣтъ? Вы желали встрѣтить меня и предложить ваши услуги? Мнѣ это чрезвычайно лестно. Если вы можете приказать оркестру перестать играть, вы сдѣлаете мнѣ одолженіе: мои нервы раздражительны, а музыки я терпѣть не могу. Гдѣ трактирщикъ? Я хочу посмотрѣть мои комнаты. Мнѣ не нужно вашей руки, я могу войти наверхъ съ помощью моей палки. Господинъ бургомистръ и господинъ докторъ, мы не должны задерживать другъ друга долѣе. Желаю вамъ спокойной ночи.

И бургомистръ и докторъ посмотрѣли въ слѣдъ шотландцу, когда онъ, прихрамывая, поднимался на лѣстницу, и покачали головою съ безмолвнымъ неодобреніемъ. Дамы, по обыкновенію, сдѣлали шагъ далѣе и открыто выразили своё мнѣніе самыми безцеремонными словами. Этотъ человекъ имѣлъ дерзость пройти мимо нихъ, не обративъ на нихъ никакого вниманія. Бургомистерша только приписывала подобное оскорбленіе врожденной свирѣпости дикаря. Докторша смотрѣла на это еще строже и считала такой поступокъ врожденной грубостью свиньи.

Ночь тихо спускалась на холмы. Звѣзды являлись одна по одной и первые огни замелькали въ окнахъ гостинницы. Когда наступила темнота, послѣднія группы разошлись со сквера; когда наступила темнота, могущественное безмолвіе Шварцвальда воцарилось надъ долиной и вдругъ заставило смолкнуть уединенный городокъ.

Часы проходили и фигура доктора, съ безпокойствомъ ходившаго взадъ и впередъ, только одна и видѣлась на скверѣ. Пять, десять, двадцать минутъ были сочтены докторомъ по его часамъ, прежде чѣмъ первые звуки, раздавшіеся въ ночной тишинѣ, дали ему знать о приближеніи экипажа. Медленно вѣхалъ онъ

на скверъ шагомъ и подѣхалъ, какъ дроги, къ дверямъ гостиной.

— Докторъ здѣсь? спросилъ женскій голосъ по-французски изъ тѣмной кареты.

— Я здѣсь, отвѣчалъ докторъ, взявъ свѣчу изъ рукъ трактирщика и отворяя дверцу кареты.

Первое лицо, на которое упалъ свѣтъ, было лицо говорившей женщины, молодой, черноволосой красавицы, на черныхъ глазахъ которой сверкали слѣзы. Второе лицо принадлежало морщинистой старой негритянкѣ, сидѣвшей напротивъ дамы, на передней скамейкѣ. Третье—было лицо ребѣнка, спящаго на колѣнахъ негритянки. Съ быстрымъ и нетерпѣливымъ движеніемъ дама сдѣлала негритянкѣ знакъ выйти съ ребѣнкомъ изъ кареты.

— Пожалуйста отведите ихъ въ наши комнаты! сказала она трактирщицѣ.

Она сама вышла, когда ея просьба была исполнена, тогда огонь въ первый разъ освѣтилъ задній уголъ кареты и четвертаго путешественника.

Онъ лежалъ на тюфякѣ; его длинныя и растрѣпанныя волосы выбивались изъ-подъ черной ермолки; глаза, широко раскрытые, тревожно разбѣгались во все стороны; остальное лицо не имѣло никакого выраженія и не обнаруживало ни его характера, ни его мыслей, точно будто онъ былъ мертвецъ. Теперь нельзя было смотрѣть на него и угадать каковъ онъ могъ быть прежде. Свинцовая неподвижность лица встрѣчала все вопросы о его лѣтахъ, званіи, характерѣ и наружности, которую это лицо имѣло когда-то, непроницаемымъ молчаніемъ. Теперь ничто не говорило за него, кромѣ удара, поразившаго его параличомъ. Глаза доктора допросили его нижніе члены и параличъ отвѣчалъ: *я здѣсь*. Глаза доктора, внимательно поднимавшіеся выше, допрашивали мускулы около рта, и параличъ отвѣчалъ: *я подвигаюсь*.

При видѣ столь страшнаго и безпощаднаго бѣдствія ничего нельзя было сказать. Женщинѣ, которая стояла и плакала у дверей кареты, можно было предложить только безмолвное сочувствіе.

Когда больного несли на тюфягѣ черезъ переднюю гостиницы, его блуждающіе глаза встрѣтились съ лицомъ его жены: они остановились на ней на одно мгновеніе, и въ это мгновеніе онъ заговорилъ:

— Гдѣ ребёнокъ? сказали онъ по-англійски, медленно и трудно произнося слова.

— Ребёнокъ на-верху, отвѣчала жена слабымъ голосомъ.

— Моя письменная шкатулка?

— Она у меня въ рукахъ—посмотри! Я никому её не повѣрила; я берегу её сама для тебя.

Онъ закрылъ глаза въ первый разъ послѣ этого отвѣта и не сказать ничего болѣе. Ловко и осторожно отнесли его на-верхъ. Жена шла по одну его сторону, докторъ (хранившій зловѣщее молчаніе) по другую. Трактирщикъ и слуги, слѣдовавшіе сзади, видѣли какъ дверь его комнаты отворилась и затворилась за нимъ. слышали, какъ дама истерически зарыдала, какъ только осталась одна съ докторомъ и больнымъ, видѣли какъ докторъ вышелъ черезъ полчаса и какъ его румяное лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, закидали его вопросами и получили только одинъ отвѣтъ:

— Подождите, пока я увижу его завтра. Не спрашивайте меня ни о чомъ сегодня.

Всѣ знали привычки доктора и вывели дурное заключеніе, когда онъ торопливо ушелъ послѣ этого отвѣта.

Такимъ образомъ эти два англичанина пріѣхали на вильдбадскія воды въ 1832 году.

Глава II.

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ СТОРОНА ШОТЛАНДСКАГО ХАРАКТЕРА.

Въ десять часовъ на другое утро мистеръ Ниль, ждавшій визита доктора—которому онъ самъ назначилъ это время—взглянулъ на часы и увидаль, къ удивленію своему, что онъ ждётъ

напрасно. Было почти одиннадцать, когда дверь отворилась наконецъ и докторъ вошелъ въ комнату.

— Я назначилъ десять часовъ для вашего визита, сказалъ мистеръ Ниль:—въ моёмъ отечествѣ докторъ всегда акуратень.

— А въ моёмъ отечествѣ, отвѣчалъ докторъ безъ малѣйшей досады:—докторъ точно такъ, какъ всѣ другіе люди, зависятъ отъ обстоятельствъ. Прошу васъ принять мое извиненіе, что я такъ опоздалъ: меня задержало очень печальное обстоятельство—болѣзнь мистера Армэдэля, карету котораго вы обогнали на дорогѣ вчера.

Мистеръ Ниль посмотрѣлъ на доктора съ неприятнымъ удивленіемъ. Въ глазахъ доктора виднѣлось какое-то безпокойство; обращеніе доктора показывало какую-то озабоченность, которыхъ мистеръ Ниль никакъ не могъ объяснить себѣ. Съ минуту оба лица молча смотрѣли другъ на друга съ рѣзкимъ національнымъ контрастомъ—лицо шотландца длинное и худощавое, суровое и правильное; лицо нѣмца полное и румяное, мягкое и не красивое. Одно лицо имѣло такой видъ, какъ-будто никогда не было молодо; другое какъ-будто никогда не должно было состарѣться.

— Смѣю напомнить вамъ, сказалъ мистеръ Ниль:—что мы теперь должны разсуждать о болѣзни *моей*, а не мистера Армэдэля.

— Конечно, отвѣчалъ докторъ, какъ-будто колеблясь между болѣзною, которую онъ пришелъ лечить, и тою, которую онъ только-что оставилъ:—вы, кажется, хромаете.—Позвольте мнѣ посмотрѣть вашу ногу.

Болѣзнь мистера Нила, какъ ни серьезна, могла она казаться въ его глазахъ, не имѣла особенной важности съ медицинской точки зрѣнія. Онъ страдалъ отъ ревматизма въ сгибѣ ноги. Необходимые вопросы были сдѣланы и необходимые отвѣты были получены, и необходимые ванны были предписаны. Черезъ десять минутъ консультація была кончена и больной ждалъ въ значительномъ молчаніи, чтобы докторъ ушелъ..

— Я очень хорошо понимаю, сказалъ докторъ, вставая и нѣсколько колеблясь:—что я задерживаю васъ, но я принуждёнъ

Просить вашего снисхожденія, если я опять обращусь къ болѣзни мистера Армэдэля.

— Могу я спросить, что васъ принуждаетъ къ этому?

— Обязанность христіанина къ умирающему, отвѣчалъ докторъ.

Мистеръ Ниль вздрогнулъ. Тѣ, которые касались чувства его религиозной обязанности, затрогивали самую живую струну въ его характерѣ.

— Вы предъявили право на моё вниманіе, сказалъ онъ серьёзно.—Моё время принадлежитъ вамъ.

— Я не буду употреблять во зло вашу доброту, отвѣчалъ докторъ, опять садясь на своё мѣсто:—я постараюсь рассказать всё вкратцѣ. Вотъ въ чомъ дѣло: господинъ Армэдэль провёлъ большую часть своей жизни въ Вест-Индіи; по его собственному признанію онъ вёлъ тамъ разгульную и порочную жизнь. Вскорѣ послѣ его женитьбы — три года тому назадъ—начали обнаруживаться первые симитомы паралича, и докторъ предписали ему европейскій климатъ. Послѣ отъѣзда изъ Вест-Индіи онъ всё жилъ въ Италиі, безъ всякой пользы для своего здоровья. Изъ Италиі, до его послѣдняго удара, онъ переѣхалъ въ Швейцарію, а изъ Швейцаріи былъ присланъ сюда. Это я знаю изъ письма его доктора; остальное я могу сообщить вамъ изъ моихъ собственныхъ наблюденій. Господина Армэдэля прислали въ Вильдбадъ слишкомъ поздно: онъ уже почти мёртвъ. Параличъ быстро распространяется кверху и нижняя часть спинного мозга уже поражена. Онъ еще можетъ немного шевелить руками, но въ пальцахъ ничего не можетъ держать. Онъ еще можетъ сегодня произносить слова, но завтра или послѣзавтра можетъ проснуться безъ языка. Много-много проживётъ онъ недѣлю. По его собственной просьбѣ я сказалъ ему—такъ осторожно и такъ деликатно, какъ только могъ—то, что я теперь говорю вамъ. Результатъ былъ самый печальный; я не могу даже описать вамъ, какъ сильно было волненіе больного. Я рѣшился спросить, не разстроены ли его дѣла. Ничуть не бывало. Завѣщаніе его находится въ рукахъ его душеприкащика въ Лон-

донѣ, и онъ оставляетъ свою жену и своего сына съ обезпеченнымъ состояніемъ. Мой второй вопросъ попалъ мѣтко.

«— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь на душѣ, спросилъ я:—что вы желаете сдѣлать передъ смертью и что еще не сдѣлано?» Онъ вздохнулъ и вздохъ этотъ выразилъ лучше словъ: «да».

«— Не могу ли я помочь вамъ?»

«— Да. Я *долженъ* написать кое-что. Можете ли вы сдѣлать, чтобы я могъ держать перо?» Онъ могъ бы точно такъ же спросить меня: не могу ли я сдѣлать чудо. Я могъ только сказать: «нѣтъ».

«— Если я буду диктовать, продолжалъ онъ:— можете ли вы писать? «Опять я *долженъ* былъ сказать: «нѣтъ». Я понимаю нѣсколько по-англійски, но не могу ни говорить, ни писать на этомъ языкѣ. Господинъ Армэдэль понимаетъ по-французски когда говорятъ (какъ я говорю съ нимъ) медленно, но онъ не можетъ выразиться на этомъ языкѣ; а по-нѣмецки онъ совсѣмъ не знаетъ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я сказалъ то, что сказалъ бы всякій на моемъ мѣстѣ:

«— Зачѣмъ просить *меня*, госпожа Армэдэль къ вашимъ услугамъ въ смежной комнатѣ». Прежде чѣмъ я успѣлъ встать со стула и сходить за его женой, онъ остановилъ меня—не словами, а взглядомъ ужаса, который пригвоздилъ меня къ моему мѣсту.

«— Ужъ конечно, сказалъ я:—вашей женѣ приличнѣе всѣхъ писать то, что вы желаете.

«— Менѣе всѣхъ! отвѣчалъ онъ.

«— Какъ! говорю я:—вы просите меня, иностранца и посторонняго, писать подъ вашу диктовку то, что вы хотите скрыть отъ вашей жены!» Представьте себѣ моё удивленіе, когда онъ отвѣчалъ мнѣ безъ малѣйшей нерѣшимости:

«— Да». Я сидѣлъ молча.

«— Если вы не можете писать по-англійски, сказалъ онъ:— найдите кого-нибудь». Я старался возражать. Онъ страшно застоналъ: это была мольба нѣмая, похожая на мольбу собаки.

«— Успокойтесь! успокойтесь! сказалъ я:—я найду кого-нибудь.

«— Сегодня же! сказалъ онъ:—прежде чѣмъ я останусь безъ языка, такъ какъ теперь безъ рукъ.

«— Сегодня, черезъ часъ». Онъ закрыль глаза и тотчасъ успокоился.

«— Пока я буду ждать васъ, сказалъ онъ:—прикажите принести ко мнѣ моего сына». Онъ не выказывалъ нѣжности, когда говорилъ о своей женѣ, но я видѣлъ слѣзы на его щекахъ, когда онъ спросилъ своего ребѣнка. Моя профессія не сдѣлала меня суровымъ, какъ вы, можете быть, думаете, и моё докторское сердце было такъ тяжело, когда я пошолъ за ребѣнкомъ, какъ-будто я совсѣмъ не былъ докторомъ. Я боюсь, что вы считаете это слабостью съ моей стороны.

Докторъ съ умоляющимъ видомъ посмотрѣлъ на мистера Ниля. Онъ могъ точно такъ же смотрѣть на скалу въ Шварцвальдѣ. Мистера Ниля никакой докторъ не могъ бы вывести изъ области простыхъ фактовъ.

— Продолжайте, сказалъ онъ:—я полагаю, вы сказали мнѣ еще не всё.

— Вы навѣрно понимаете цѣль моего посѣщенія, отвѣчалъ докторъ.

— Ваша цѣль довольно ясна, наконецъ. Вы приглашаете меня слѣпо ввязаться въ дѣло подозрительное въ высшей степени. Я не дамъ вамъ отвѣта до-тѣхъ-поръ, пока не узнаю болѣе. Сочли вы нужнымъ сообщить женѣ этого человѣка, что произошло между вами и просить у ней объясненія?

— Разумѣется, отвѣчалъ докторъ, негодуя на сомнѣнiе въ его человѣколюбiи, которое подразумѣвалось въ этомъ вопросѣ:—эта несчастная женщина любитъ и жалѣетъ своего мужа. Какъ только мы остались одни, я сѣлъ возлѣ нея и взялъ её за руку. Почему же нѣтъ? Я старъ и некрасивъ и, конечно, могу позволить себѣ такія вольности!

— Извините меня, сказалъ непроницаемый шотландецъ:— и позвольте замѣтить вамъ, что вы теряете нить разсказа.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ докторъ съ своею прежнею веселостью:—привычка моей націи—постоянно терять нить, а привычка вашего народа—постоянно находить её. Какой примѣръ порядка во вселенной и взаимной гармоніи вещей!...

— Сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе, разъ навсегда, ограничиться фактами, перебилъ мистеръ Ниль, нетерпѣливо нахмурившись: — могу я узнать, собственно для себя, сказала вамъ госпожа Армэдэль, что такое мужъ ея желаетъ заставить меня писать и почему онъ не хочетъ, чтобы писала она?

— Вотъ моя нить найдена—благодарю, что вы отыскиали её! сказалъ докторъ.—Вы услышите, что госпожа Армэдэль сказала мнѣ, ея собственными словами.

«— Причина, по которой онъ лишаетъ меня теперь своего довѣрія, сказала она:—вѣроятно, та самая, которая всегда лишала меня его сердца. Я жена, съ которою онъ вѣнчался, но я не та женщина, которую онъ любитъ. Я знала, когда онъ женился на мнѣ, что другой мужчина отнял у него любимую имъ женщину. Я думала, что я могу заставить его забыть её. Я надѣялась на это, когда выходила за него; я надѣялась опять, когда родила ему сына. Нужно ли мнѣ говорить вамъ, чѣмъ кончились мои надежды — вы сами это видѣли. (Подождите, умоляю васъ! я не потерялъ нити; я слѣдую за нею.)

«— Это всё, что вы знаете? спросилъ я.

«— Когда мы были въ Швейцаріи, отвѣчала она: — и когда болѣзнь его сдѣлалась опасна, онъ узналъ случайно, что женщина, которая отравила всю мою жизнь, такъ же, какъ и я, родила сына. Въ ту минуту, когда онъ сдѣлалъ это открытіе — открытіе, незаклучавшее въ себѣ ни малѣйшей важности—имъ овладѣлъ смертельный страхъ—не за меня, не за себя, а за его сына. Въ тотъ же самый день, не сказавъ мнѣ ни слова, онъ послалъ за докторомъ. Я поступила низко, дурно—называйте это какъ хотите—я подслушала у дверей; я слышала какъ онъ сказалъ: *«я долженъ сообщить кое-что моему сыну, когда онъ будетъ въ такихъ лѣтахъ, что поймётъ меня. Доживу ли я до этого?»* Докторъ не сказалъ ничего навѣрно. Въ тотъ же самый вечеръ—всё ни слова мнѣ не говоря—онъ заперся въ своей комнатѣ. Что сдѣлала бы на моёмъ мѣстѣ женщина, съ которою обращались такимъ образомъ? она сдѣлала бы то же, что и я: она подслушала бы опять. Я слышала, какъ онъ говорилъ про-

себя: «я не доживу до того, чтобы сказать ему: я должна написать это прежде чѣмъ умру. Я слышала какъ перо его скрипѣло, скрипѣло скрипѣло, по бумагѣ, я слышала какъ онъ стоналъ и рыдалъ, когда писалъ; я умоляла его именемъ Бога, чтобы онъ впустилъ меня. Жестокое перо скрипѣло, скрипѣло скрипѣло, это жестокое перо было единственнымъ его отвѣтомъ мнѣ. Я ждала у двери нѣсколько часовъ—не знаю даже сколько времени. Вдругъ перо остановилось и я не слыхала ничего болѣе. Я тихо шепнула въ замочную скважину, что я озябла и устала ждать; я сказала: «о мой возлюбленный!пусти меня.» Мнѣ даже не отвѣчало жестокое перо; мнѣ отвѣчало безмолвіе. Всею силою моихъ слабыхъ рукъ стучалась я въ дверь. Пришли слуги и разломали дверь. Мы опоздали; вредъ былъ сдѣланъ: надъ этимъ роковымъ письмомъ его разбилъ параличъ, надъ этимъ роковымъ письмомъ мы нашли его въ такомъ состояніи, какъ вы видите его теперь. Слова, которыя онъ просилъ васъ писать—тѣ самыя слова, которыя онъ написалъ бы самъ, если бы его до утра не разбилъ параличъ. Съ того времени въ письмѣ оставалось пустое мѣсто, и это-то пустое мѣсто онъ просилъ васъ наполнить». Вотъ какими словами мистриссъ Армэдэль говорила мнѣ; въ этихъ словахъ заключаются всѣ свѣдѣнія, какія я могу вамъ сообщить. Скажите, прошу васъ, держался ли я, наконецъ, нити? Показалъ ли я вамъ необходимость, которая привела меня сюда отъ смертнаго одра вашего соотечественника?

— До-сихъ-поръ, сказалъ мистеръ Ниль:—вы только показали мнѣ ваше собственное волненіе. Это дѣло слишкомъ серьезно для того, чтобы обращаться съ нимъ такъ, какъ вы обращаетесь теперь. Вы запутали меня въ это дѣло и я непремѣнно хочу видѣть прямо, какъ я долженъ дѣйствовать. Не поднимайте ваши руки: руки не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу. Если я долженъ быть замѣпанъ въ этомъ таинственномъ письмѣ, то благоразуміе требуетъ съ моей стороны узнать, что заключается въ этомъ письмѣ? Мистриссъ Армэдэль, кажется, удостоила сообщить вамъ безчисленное множество семейныхъ подробностей—въ благодарность, я полагаю, за вѣжливое вниманіе, съ

какимъ вы взяли её за руку. Могу я спросить, что она рассказала вамъ о письмѣ ея мужа до-тѣхъ-поръ, пока оно написано?

— Госпожа Армэдэль не могла сказать мнѣ ничего, отвѣчалъ докторъ съ внезапной формальностью въ обращеніи, которое показывало, что, наконецъ, терпѣніе измѣняетъ ему. — Прежде чѣмъ она успокоилась на столько, чтобы подумать о письмѣ, ея мужъ спросилъ о нёмъ и велѣлъ запереть въ его письменную шкатулку. Она знаетъ, что онъ послѣ того старался кончить это письмо и что перо выпадало изъ его пальцевъ. Она знаетъ, что когда всякая надежда на его выздоровленіе исчезла, доктора посовѣтовали ему здѣшнія знаменитыя воды, наконецъ, она знаетъ, какъ эта надежда кончилась, она знаетъ, что я сказалъ ея мужу сегодня.

Нахмуренный лобъ мистера Нилы сдѣлался еще мрачнѣе. Онъ поглядѣлъ на доктора такъ, какъ-будто докторъ лично оскорбилъ его.

— Чѣмъ болѣе я думаю о томъ положеніи, которое вы просите меня занять, сказалъ онъ: — тѣмъ менѣе оно мнѣ нравится. Можете ли вы утверждать положительно, что мистеръ Армэдэль находится въ здоровомъ разсудкѣ?

— Да, самымъ положительнымъ образомъ.

— Съ согласія ли его жены вы пришли просить меня?

— Жена его послала меня къ вамъ — къ единственному англичанину въ Вильбадѣ — написать для вашего умирающаго соотечественника то, что не можетъ онъ написать самъ и что никто здѣсь, кромѣ-васъ, не можетъ написать.

Этотъ отвѣтъ не оставилъ мистеру Нилу никакого повода къ отказу, а всё-таки шотландецъ сопротивлялся.

— Позвольте! сказалъ онъ:—вы утверждаете это горячо, но посмотримъ, утверждаете ли вы это правильно. Посмотримъ, дѣйствительно ли здѣсь нѣтъ никого, кромѣ меня, чтобы взять на себя эту отвѣтственность. Въ Вильбадѣ, во-первыхъ, есть бургомистеръ: его офиціальныя характеръ оправдываетъ его вмѣшательство.

— Конечно, никто такъ, какъ онъ, не годился бы для этого,

сказаль докторъ:—но онъ не знаетъ никакого языка, кромѣ своего собственнаго.

— Въ Штутгартѣ есть англійское посольство, настаиваль мистеръ Ниль.

— А сколько миль отсюда до Штутгарта? возразиль докторъ.— Если мы пошлёмъ туда сію минуту, мы не можемъ получить отвѣта изъ посольства прежде завтрашняго дня, а весьма вѣроятно, что умирающій завтра будетъ безъ языка. Я не знаю, безвредны или вредны его послѣднія желанія для его сына и для другихъ, но я *знаю*, что ихъ надо выполнить сейчасъ или никогда, и что вы единственный человѣкъ, который можетъ помочь ему.

Это положительное увѣреніе прекратило споръ и поставило мистера Ниль въ необходимость сказать «да» и сдѣлать неосторожный поступокъ, или сказать «нѣтъ» и сдѣлать поступокъ не человѣколюбивый. Наступило молчаніе на нѣсколько минутъ. Шотландецъ размышляль, нѣмецъ наблюдалъ за нимъ.

Мистеру Нилью предстояло заговорить первому; онъ всталъ со стула. Угрюмое чувство нанесеннаго ему оскорбленія видѣлось въ его нахмуренныхъ бровяхъ и въ линияхъ около его губъ.

— Меня принуждаютъ насильно, сказалъ онъ: — мнѣ ничего не остаётся, какъ только согласиться.

Впечатлительная натура доктора возмутилась противъ безжалостной краткости и нелюбезности этого отвѣта.

— Ей-богу, желаль бы я, сказалъ онъ горячо:—знать по-англійски на столько, чтобы заступитъ ваше мѣсто у смертнаго одра мистера Армэдэля!

— Исключая того, что вы призвали имя Господа Бога всеу, отвѣчалъ шотландецъ:—я совершенно согласенъ съ вами. Я самъ бы этого желаль.

Не говоря болѣе ни слова, они вмѣстѣ вышли изъ комнаты; докторъ показываль дорогу.

ГЛАВА III.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Никто не отвѣчалъ на стукъ доктора, когда онъ и его спутникъ дошли до передней комнаты мистера Армэдэля. Они вошли безъ доклада и, заглянувъ въ гостиную, увидали, что гостинная пуста.

— Я долженъ видѣть госпожу Армэдэль, сказалъ Ниль: — я отказываюсь дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ пока мистриссъ Армэдэль сама лично не дастъ мнѣ позволенія.

— Госпожа Армэдэль, вѣроятно, у своего мужа, отвѣчалъ докторъ.

Онъ подошелъ къ двери въ концѣ гостиной — колебался и, опять обернувшись, съ беспокойствомъ взглянулъ на своего кслаго спутника.

— Я боюсь, что я выразился нѣсколько жестоко, когда мы выходили изъ вашей комнаты, сказалъ онъ. — Убѣдительно прошу васъ простить меня. Прежде чѣмъ войдетъ эта бѣдная, огорченная женщина, вы извините меня, если я буду просить васъ быть съ нею кроткимъ и внимательнымъ.

— Нѣтъ, сурово возразилъ потладець:—я васъ не извиняю. Какое право далъ я вамъ думать, что я не умѣю быть кроткимъ и внимательнымъ къ кому бы то ни было?

Докторъ видѣлъ, что всё было бесполезно.

— Опять прошу васъ простить меня, сказалъ онъ съ безропотностью и оставилъ въ покоѣ неприступнаго иностранца.

Ниль отошелъ къ огню и машинально сталъ смотрѣть на видъ изъ окна, приготовляясь къ наступающему свиданію.

Быль полдень; солнце сіяло ярко и тепло; весь маленькій

свѣтъ Вильбада оживился и повеселѣлъ съ наступленіемъ весенней погоды. Тяжелыя телеги съ чернолицымы угольщиками катились мимо окна съ драгоценнымъ грузомъ угля изъ лѣса. Время отъ времени строевой лѣсъ на длинныхъ плотахъ проносился мимо домовъ по рѣкѣ, протекающей черезъ городъ, къ отдаленному Рейну. Высоко и круто возвышались надъ остроконачными деревянными зданіями на берегу рѣки горы, увѣнчанныя соснами во всеѣмъ великолѣпнѣ блестящей зелени. На лѣсныхъ дорожкахъ, извивавшихся по травѣ мимо деревьевъ, виднѣлись свѣтлыя весеннія платья женщинъ и дѣтей, искавшихъ лѣсные цвѣты. Внизу, въ аллеѣ, близъ ручья, лавки маленькаго базара, открывавшагося вмѣстѣ съ открытіемъ сезона, выказывали свои блестящія бездѣлушки. Дѣти заглядывались на лавки; загорѣлыя дѣвушки складывали своё вязанье, когда проходили мимо; вѣжливо горожане и посѣтители раскланивались другъ съ другомъ съ шляпою въ рукѣ, и медленно, очень медленно калѣки и ослабленные на колѣсныхъ стульяхъ появлялись на тёплое полуденное солнце и тоже брали свою долю въ этомъ пріятномъ свѣтѣ, которое развеселяетъ, и въ пріятномъ солнцѣ, которое сіяетъ для всѣхъ.

Шотландецъ глядѣлъ на эту сцену глазами, непримѣчавшими ея красоты, съ мыслями далеко уклонившимися отъ урока, которому она научала. Онъ размышлялъ о каждомъ словѣ, которое онъ скажетъ женѣ, когда она войдѣтъ. Онъ рассуждалъ объ условіяхъ, какія онъ можетъ наложить прежде чѣмъ возьмѣтъ перо въ руки у смертнаго одра ея мужа.

— Госпожа Армэдэль здѣсь, вдругъ сказалъ голосъ доктора, прервавъ его размышленія.

Онъ тотчасъ обернулся и увидалъ передъ собою освѣщенную полуденнымъ солнцемъ женщину смѣшанной крови европейской и африканской породы съ сѣверной нѣжностью въ очеркѣ лица и съ южнымъ богатствомъ колорита—женщину въ цвѣтѣ красоты, въ движеніяхъ которой была врожденная грація, наружность которой дышала врожденнымъ очарованіемъ; большіе, томные, черные глаза которой устремились на него съ признательностью; маленькая, смуглая ручка которой была протянута ему съ без-

молвнымъ выраженіемъ признательности, съ привѣтствіемъ, которымъ встрѣчаютъ друга первый разъ въ жизни шотландецъ былъ застигнутъ врасплохъ. Каждое осторожное слово, которое онъ обдумывалъ минуту тому назадъ, выскользнуло изъ его памяти. Его непроницаемая броня обычнаго подозрѣнія, обычнаго самообладанія, обычной сдержанности, никогда не спадавшая съ него въ присутствіи женщины, исчезла теперь при видѣ этой женщины и преклонила его передъ нею какъ побѣжденнаго. Онъ взялъ руку, протянутую ему, и въ поклонѣ его молча выразилась первая благородная дань его ея полу.

Она, съ своей стороны, колебалась. Быстрая женская проникаемость, которая, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, угадала бы тайну его замѣшательства въ одно мгновеніе, измѣнила ей теперь. Она пріписала его странный пріёмъ гордости, нежеланію—всему, кромѣ неожиданнаго дѣйствія произведённаго ея красотой.

— Я не нахожу словъ благодарить васъ, сказала она слабымъ голосомъ, стараясь умиловить его.—Я только опечалю васъ, если заговорю.

Губы ея начали дрожать; она нѣсколько отступила назадъ и молча отвернулась.

Докторъ, стоявшій въ сторонѣ спокойнымъ наблюдателемъ въ углу, подошелъ и отвѣлъ мистриссъ Армэдэль къ креслу.

— Не бойтесь его, прошепталъ добрый докторъ, кротко потрепавъ её по плечу:—онъ крѣпокъ какъ желѣзо въ моихъ рукахъ; но я думаю, судя по его лицу, что въ вашихъ рукахъ онъ будетъ мягокъ какъ воскъ. Скажите ему то, о чомъ я васъ просилъ, и отведёмъ его въ комнату вашего мужа прежде чѣмъ онъ успѣетъ опомниться.

Она собралась съ силами и подошла къ окну, гдѣ стоялъ Ниль.

— Мой добрый другъ, докторъ, сказалъ мнѣ, сэръ, что вы колебались только относительно меня, прибавила она, нѣсколько опустивъ голову; ея густой румянецъ исчезъ, когда она говорила:— я очень вамъ признательна, но умоляю васъ не думать обо мнѣ. То, что желаетъ мой мужъ... голосъ ея ослабѣлъ, она мужественно

но подождала и оправилась:—то что, желаетъ мой мужъ въ послѣднія минуты, желаю и я.

На этотъ разъ Ниль на столько успокоился, что могъ отвѣчать ей; тихимъ, серьёзнымъ тономъ умолялъ онъ её не говорить ничего болѣе.

— Я только желалъ показать вамъ всевозможное вниманіе, сказалъ онъ:—теперь я только желаю избавить васъ отъ огорченія.

Когда онъ говорилъ это, что-то похожее на краску медленно выступало на его желтомъ лицѣ. Глаза ея смотрѣли на него съ нѣжнымъ вниманіемъ и онъ съ раскаяніемъ думалъ о своихъ размышленіяхъ у окна до ея прихода.

Докторъ отворилъ дверь, которая вела въ комнату мистера Армэдэля, и всталъ возлѣ въ безмолвномъ ожиданіи. Мистриссъ Армэдэль вошла первая, черезъ минуту мистеръ Ниль уже подвергнулся ответственности навязанной на него насильно, подвергнулся безвозвратно.

Комната была убрана въ яркомъ континентальномъ вкусѣ; тёплый солнечный свѣтъ весело освѣщаль её. Купидоны и цвѣты были нарисованы на потолкѣ; яркія ленты украшали бѣлыя занавѣсы у оконъ; вызолоченные часы красовались на каминѣ, обитомъ бархатомъ; зеркала сіяли на стѣнахъ и пѣстрые цвѣты испещряли ковёръ. Среди этого щегольства, блеска, свѣта, лежалъ больной, разбитый параличомъ съ блуждающими глазами, съ безжизненной нижней частью лица; голову его подпирало высокое изголовье; безжизненные руки лежали на одѣялѣ какъ руки трупа. Въ головахъ кровати стояла угрюмая, старая, молчаливая, морщинистая, черная няня, а на одѣялѣ между расprostертыми руками отца лежалъ ребёнокъ въ бѣленькомъ платьицѣ, занимаясь новой игрушкой. Когда дверь отворилась и вошла мистриссъ Армэдэль, мальчикъ двигалъ игрушку—солдата верхомъ на лошади—взадъ и впередъ между безжизненными руками отца, котораго блуждающіе глаза слѣдовали за игрушкою украдкой и съ непрерывной зоркостью взгляда дикаго звѣря, на которую страшно было смотрѣть.

Въ ту минуту, когда Ниль показался въ дверяхъ, эти блуждаю-

ще глаза остановились, поднялись и устремились на незнакомаца съ нетерпѣливымъ вопросомъ. Медленно неподвижныя губы усиливались зашевелиться и трудно, невнятно произнесли вопросъ, который глаза дѣлали безмолвно.

— Это вы?

Ниль подошолъ къ кровати; мистриссъ Армэдэль отошла, когда онъ приблизился, и ждала съ докторомъ на дальнемъ концѣ комнаты. Ребѣнокъ поднималъ голову съ игрушкою въ рукѣ, когда подошолъ незнакомецъ, раскрылъ свои свѣтлыя, каріе глаза съ удивленіемъ, а потомъ продолжалъ играть.

— Мнѣ сообщили ваше печальное положеніе, сэръ, сказала мистеръ Ниль.—Я пришолъ сюда отдать себя въ ваше распоряженіе, такъ-какъ эту услугу никто, кромѣ меня — какъ сообщилъ мнѣ вашъ докторъ — не можетъ оказать вамъ въ этомъ иностранномъ городѣ. Меня зовутъ Ниль; я служу въ Эдинбургѣ чиновникомъ при королевской печати (*). Смѣю сказать, что ваше довѣріе ко мнѣ не будетъ обмануто.

Глаза прелестной жены теперь не слушали его. Онъ говорилъ больному мужу спокойно и серьезно безъ своей обычной суровости и съ серьезнымъ состраданіемъ въ обращеніи, которое выказывало его въ лучшемъ видѣ. Видъ смертнаго одра произвѣлъ на него впечатлѣніе.

— Вы желаете, чтобы я написалъ, что-то для васъ? продолжалъ онъ, ожидая отвѣта и ожидая напрасно.

— Да! сказалъ умирающій и всё нетерпѣніе, которое языкъ его не имѣлъ силъ выразить, сверкнуло въ его глазахъ.—Я не владѣю рукою и скоро буду безъ языка. Пишите!

Прежде чѣмъ мистеръ Ниль успѣлъ опять заговорить, онъ услышалъ шелестъ женскаго платья. Мистриссъ Армэдэль придвигала письменный столъ черезъ комнату къ ногамъ кровати. Если Ниль долженъ былъ принять предосторожности, придуманныя имъ, которыя должны были обезпечить его отъ всѣхъ послѣд-

(*) Writer to the Signet.—Слово Signet означаетъ частную королевскую печать, употребляемую при нѣкоторыхъ дипломахъ и патентахъ. Writer to the Signet.— особливая коронная должность въ Шотландіи, состоявшая въ прежнее время въ связи съ приложеніемъ этой печати.

ствій, то теперь настало это время или никогда. Онъ стоялъ спиною къ мистриссъ Армэдэль и сдѣлалъ свой осторожный вопросъ въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ.

— Могу я спросить, сэръ, прежде чѣмъ возьму перо въ руки, что вы желаете мнѣ диктовать?

Сердитые глаза больного сверкали всё ярче и ярче; губы его раскрылись и закрылись опять. Онъ не отвѣчалъ.

Мистеръ Ниль сдѣлалъ другой осторожный вопросъ въ новомъ направленіи:

— Когда я напишу, то, что, вы желаете мнѣ продиктовать, что надо будетъ сдѣлать съ этой бумагой?

На этотъ разъ отвѣтъ былъ данъ:

— Запечатайте её при мнѣ и отправьте на почту къ моему...

Его трудное произношеніе вдругъ остановилось и онъ жалобно посмотрѣлъ на того, кто его спрашивалъ, какъ бы желая, чтобы онъ подсказалъ то слово, которое самъ онъ не въ силахъ былъ произнести.

— Вы хотите сказать къ вашему душеприкащику?

— Да.

— Я долженъ буду отправить на почту письмо?

Отвѣта не было.

— Могу я спросить, не измѣняетъ ли ваше завѣщаніе это письмо?

— Нисколько.

Ниль думалъ нѣсколько минутъ. Тайна увеличивалась. Одно, что объясняло её нѣсколько, была та странная исторія неоконченнаго письма, которую докторъ повторилъ ему словами мистриссъ Армэдэль. Чѣмъ ближе приближался мистеръ Ниль къ своей неизвѣстной отвѣтственности, тѣмъ болѣе казалось ему, что наступаетъ что-то серьезное. Не сдѣлать ли ему еще вопросъ прежде чѣмъ онъ свяжетъ себя безвозвратно? Когда это сомнѣніе промелькнуло въ головѣ его, онъ почувствовалъ, что шелковое платье мистриссъ Армэдэль коснулось его, ея нѣжная, смуглая рука была тихо положена на его руку; ея глубокіе африканскіе глаза поглядѣли на него съ покорной мольбой.

— Мужъ мой очень тревожится, шепнула она: — успокойте его, сѣвъ за письменный столъ.

Просьба была произнесена ея устами, устами той, которая имѣла бѣльшее право колебаться, жены, исключонной изъ этой тайны! Многие люди, въ положеніи мистера Нила, сейчасъ отказались бы отъ всякой осторожности. И шотландецъ отказался, только не совсѣмъ.

— Я буду писать, что вы желаете, обратился онъ къ мистеру Армэдэлю.—Я запечатаю эту бумагу въ вашемъ присутствіи и самъ отправлю её на почту къ вашему душеприкащику; но, обаяясь сдѣлать это, я долженъ просить васъ вспомнить, что я дѣйствую совершенно въ темнотѣ и извинить меня, если я предоставлю себѣ совершенную свободу дѣйствія, когда ваши желанія, относительно того, чтобы письмо было написано и отправлено на почту, будутъ исполнены.

— Вы даёте мнѣ обѣщаніе?

— Если вы желаете моего обѣщанія, сэръ, я дамъ его — съ условіемъ, названнымъ мною.

— Исполните ваше условіе и сдержите ваше обѣщаніе. Мою письменную шкатулку, прибавилъ онъ, первый разъ взглянувъ на свою жену.

Она поспѣшно перешла черезъ комнату взять шкатулку, стоящую въ углу на стулѣ. Воротившись съ шкатулкою, она сдѣлала мимоходомъ знакъ негритянкѣ, которая стояла угрюмо и молча на томъ же самомъ мѣстѣ. Эта женщина, подошла повинуясь знаку, взять ребѣнка съ постели. Въ ту минуту, когда она дотронулась до него, глаза отца, прежде устремлённые на шкатулку, обратились на негритянку съ быстрою взгляда кошки.

— Нѣтъ! сказалъ онъ.

— Нѣтъ! повторилъ свѣжій голосъ ребѣнка, еще забавлявагося своей игрушкой и нехотѣвшаго оставлять своего мѣста на постели.

Негритянка ушла изъ комнаты, а ребѣнокъ съ торжествомъ швырнулъ своего игрушечнаго солдатика на одѣялѣ, которое лежало скомканное на груди его отца. Хорошенькое личико ма-

тери подёрнулось выраженіемъ ревности, когда она поглядѣла на него.

— Отпереть шкатулку? спросила она, съ досадою оттолкнувъ игрушку.

Отвѣтный взглядъ мужа заставилъ её протянуть руку подъ его изголовье, гдѣ былъ спрятанъ ключъ. Она отперла шкатулку и вынула оттуда нѣсколько небольшихъ листовъ, сшитыхъ вмѣстѣ.

— Это? спросила она, вынимая ихъ.

— Да, отвѣчалъ онъ: — ты можешь теперь идти.

Шотландецъ, сидѣвшій за письменнымъ столомъ, докторъ, приготовлявшій возбуждательную микстуру, въ углу переглянулись съ безпокойствомъ, которое ни одинъ изъ нихъ не могъ скрыть. Слова, изгонявшія жену изъ комнаты, были произнесены. Минута настала.

— Ты можешь идти теперь, сказала Армэдэль во второй разъ.

Она поглядѣла на ребѣнка, спокойно сидѣвшаго на постели; смертельная блѣдность разлилась по ея лицу. Она посмотрѣла на роковое письмо, бывшее для нея тайною, и мука ревниваго подозрѣнія—подозрѣнія къ той другой женщинѣ, которая была тѣнью и отравою ея жизни—зацемила ей сердце. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ кровати, она остановилась и воротилась назадъ. Вооруженная двойнымъ мужествомъ любви и отчаянія, она прижала свои губы къ щекамъ умирающаго мужа и въ послѣдній разъ обратилась къ нему съ мольбой; ея жгучія слѣзы капали на его лицо, когда она шепнула ему:

— О Алэнъ! подумай, какъ я тебя любила! Подумай, какъ я старалась сдѣлать тебя счастливымъ! Подумай, какъ скоро я лишусь тебя! О, мой возлюбленный! не отсылай меня!

Слова умоляли за неё; поцалуй умолялъ за неё; воспоминаніе о любви, отданной ему и неполучавшей взаимности, тронуло сердце умирающаго, какъ еще ничто не трогало его со дня его брака. Тяжелый вздохъ вырвался у него. Онъ посмотрѣлъ на неё и колебался.

— Позволь мнѣ остаться, шепнула она, еще крѣоче прижавшись своимъ лицомъ къ его лицу.

— Это только огорчить тебя, шепнуть онъ ей.

— Ничто не огорчить меня такъ, какъ если *ты* выплешь меня отсюда.

Онъ ждалъ. Она видѣла, что онъ думаетъ, и также ждала.

— Если я позволю тебѣ остаться...

— Да! да!

— Ты уйдёшь когда я тебѣ скажу?

— Уйду.

— Ты даёшь клятву?

Оковы, связывавшія его языкъ, какъ-будто спали на минуту въ порывѣ безпокойства, которое вызвало этотъ вопросъ на его губы. Онъ сказалъ эти странные слова такъ внятно, какъ никогда еще не говорилъ.

— Я даю клятву, повторила она и, упавъ на колѣна у кровати, страстно поцаловала его руку.

Оба посторонніе человѣка въ комнатѣ отвернулись какъ бы по взаимному согласію. Въ наступившемъ безмолвіи не слышалось ничего, кромѣ тихаго шума, производимаго, игрушкой, которую ребѣнокъ перекидывалъ на постели.

Докторъ первый прервалъ молчаніе. Онъ подошелъ къ больному и съ безпокойствомъ осмотрѣлъ его. Мистриссъ Армэдэль встала съ колѣнъ и, дождавшись позволенія мужа, отнесла рукопись, которую она вынула изъ шкатулки, къ столу, у котораго сидѣлъ мистеръ Ниль. Раскраснѣвшаяся и взволнованная, еще прелестнѣе прежняго, она наклонилась къ нему, подавая рукопись, и, стремясь къ своей цѣли съ необдуманностью женщины, увлекаемой впечатлѣніями, она шепнула Нилу:

— Читайте сначала. Я должна и хочу это слышать!

Глаза ея сверкнули пламенемъ прямо въ его глаза; ея дыханіе коснулось его щокъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣчать, прежде чѣмъ онъ успѣлъ подумать, она уже вернулась къ своему мужу. Она говорила одно мгновеніе и въ это мгновеніе ея красота преклонила шотландца къ ея волѣ. Досадуя на свою неспособность сопротивляться ей, онъ перевернулъ листки рукописи, посмотрѣлъ на пустое мѣсто, гдѣ перо выпало изъ руки писавшаго и оставило на бумагѣ пятно, опять воротился къ на-

чалу и произнёсъ слова, въ пользу жены, которая сама жена вложила, въ его уста:

— Можетъ-быть, сэръ, вамъ угодно сдѣлать нѣсколько поправоу, началъ онъ.

Повидимому всё его вниманіе было устремлено на письмо и онъ дѣлалъ видъ будто раздражительный характеръ опять овладѣлъ имъ.

— Не прочесть ли вамъ то, что уже написано? продолжалъ онъ.

Мистриссъ Армэдэль, сидѣвшая въ головахъ кровати съ одной стороны и докторъ, положившій пальцы на пульсъ больного съ другой стороны, ждали съ безпокойствомъ различнаго рода отвѣта на вопросъ Нилья. Глаза Армэделя повернулись вопросительно отъ ребѣнка къ женѣ:

— Ты хочешь слышать? спросилъ онъ.

Она дышала быстро и прерывисто; рука ея тихо взяла руку мужа; она молча наклонила голову. Мужъ молчалъ, тайно совѣщаясь съ своими мыслями и не спуская глазъ съ жены. Наконецъ онъ рѣшился и далъ отвѣтъ:

— Читайте, сказалъ онъ:—и остановитесь когда я вамъ скажу.

Быль почти часъ и колоколь, призывавшій посѣтителей къ раннему обѣду въ гостинницѣ, раздался. Быстрые шаги и говоръ голосовъ весело проникали въ комнату, когда Нилья разложилъ рукопись на столѣ передъ собою и прочолъ начальныя фразы:

«Я адресую это письмо къ моему сыну, когда мой сынъ дойдѣтъ до такихъ лѣтъ, что будетъ въ состояніи понять. Такъ-какъ я лишился всякой надежды видѣть взрослымъ моего сына, мнѣ остается только написать то, что мнѣ хотѣлось бы сказать ему современемъ самому, изустно.

«Я имѣю три цѣли для того, чтобы написать это письмо. Во-первыхъ, открыть обстоятельства, сопровождавшія бракъ одной англичанки, знакомой мнѣ, на островѣ Мадеры. Во-вторыхъ, набросить настоящій свѣтъ на смерть ея мужа, случившуюся, нѣсколько времени спустя, на французскомъ караблѣ *La Grâce de Dieu* (*Милость Божія*). Въ-третьихъ, предостеречь моего

сына объ опасности, ожидающей его — опасности, которая поднимется изъ могилы его отца, когда земля закроется надъ его пепломъ.

«Исторія брака англичанки начинается съ того времени, когда я получилъ въ наслѣдство большое армэдэльское имѣніе и принялъ роковое имя Армэдэль.

«Я единственный оставшійся въ живыхъ сынъ покойнаго Мэтью Рентмора изъ Барбадоса. Я родился въ нашемъ фамильномъ помѣстьѣ на этомъ островѣ и лишился моего отца когда былъ еще ребѣнкомъ. Мать моя слѣпо любила меня; она не отказывала мнѣ ни въ чемъ; она позволяла мнѣ жить какъ я хочу. Моя юность и моё дѣтство были проведены въ праздности и въ потворствѣ собственнымъ страстямъ между рабами, для которыхъ моя воля была законъ. Я сомнѣваюсь, есть ли во всей Англіи джентльмэнъ моего происхожденія и званія такой невѣжда, какъ я. Я сомнѣваюсь, былъ ли молодой человекъ на этомъ свѣтѣ, страсти котораго оставались безъ всякаго контроля, какъ мои во время моей юности.

«Матери моей, какъ романической женщины, не нравилось простое имя моего отца. Меня назвали Алленомъ, въ честь богатаго бузена моего отца—покойнаго Аллена Армэдэля — который имѣлъ помѣстье у насъ по сосѣдству самое большое и самое производительное на островѣ и согласился быть моимъ крестнымъ отцомъ заочно. Мистеръ Армэдэль никогда не былъ въ своемъ вест-индскомъ имѣніи. Онъ жилъ въ Англіи и, приславъ мнѣ обыкновенный подарокъ на крестины, онъ потомъ много лѣтъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ моими родителями. Мнѣ минулъ двадцать-одинъ годъ передъ тѣмъ, какъ мы получили извѣстіе отъ мистера Армэдэля. По этому случаю мать моя получила отъ него письмо, въ которомъ онъ спрашивалъ: живъ ли еще я, и предлагалъ, ни болѣе ни менѣ (если я живъ), какъ сдѣлать меня наслѣдникомъ своего вест-индскаго имѣнія.

«Это неожиданное богатство доставалось мнѣ единственно вслѣдствіе дурнаго поведенія сына мистера Армэдэля—его единственнаго сына. Молодой человекъ осрамилъ себя безвозвратно, бросилъ свой домъ отверженникомъ и, вслѣдствіе этого,

отецъ отказался отъ него навсегда. Не имѣя около себя никакого родственника мужского пола, который могъ бы быть его наслѣдникомъ, Армэдэль подумалъ о сынѣ своего кузена и своёмъ крестномъ сынѣ и предложилъ мнѣ свое вестъ-индское помѣстье и моимъ наслѣдникомъ послѣ меня, съ единственнымъ условіемъ, чтобы я и мои наслѣдники приняли его фамилію. Предложеніе было принято съ признательностью и взяты законныя мѣры, чтобы переимѣнить мою фамилію въ колоніи и въ Англіи. Съ слѣдующей же почтой мистеръ Армэдэль получилъ извѣстіе, что на его условія согласны. Завѣщаніе его было измѣнено въ мою пользу и, недѣлю спустя, смерть моего благодѣтеля сдѣлала меня богатѣйшимъ человѣкомъ въ Барбадосѣ.

«Это было первымъ звеномъ въ цѣпи событій. Шесть недѣль спустя, случилось второе событіе.

«Въ конторѣ въ моемъ помѣстьи была вакансія на мѣсто клерка и занять его явился молодой человѣкъ, моихъ лѣтъ, только-что пріѣхавшій на островъ. Онъ представился подъ именемъ Фергуса Ингльби. Впечатлѣнія управляли мною во всё; я не зналъ никакихъ законовъ, кромѣ своихъ собственныхъ прихотей, и пріѣзжій молодой человѣкъ понравился мнѣ въ ту самую минуту, когда я взглянулъ на него. У него было обращеніе джентльмена и онъ обладалъ самыми привлекательными качествами въ обществѣ, съ какими когда-либо случилось мнѣ встрѣчаться еще при моей неопытности въ обществѣ. Когда я услыхалъ, что аттестаты, привезенные имъ съ собою, были найдены неудовлетворительными, я вмѣшался и настоялъ, чтобы онъ получилъ это мѣсто. Моя воля была законъ и онъ получилъ его.

«Мать моя съ перваго раза почувствовала отвращеніе и недоувѣріе къ Ингльби. Когда она увидала, что короткость между нами быстро возрастала, когда она увидала, что я допустилъ этого подчиненнаго мнѣ молодого человѣка къ короткой дружбѣ со мною и къ довѣрію (я жилъ съ моими подчиненными всю жизнь и мнѣ это нравилось), она дѣлала всевозможныя усилія, чтобы разлучить насъ, и ей не удалось ни одно. Наконецъ, она

рѣшилась попробовать единственное оставшееся средство—убѣдить меня рѣшиться на путешествіе, о которомъ я часто думалъ, путешествіе въ Англію.

«Прежде чѣмъ она заговорила со мною объ этомъ, она рѣшилась заинтересовать меня мыслью увидѣть Англію такъ, какъ я никогда не былъ еще заинтересованъ. Она написала къ своему старому другу и старому поклоннику, покойному Стивену Блэнчарду, владѣльцу помѣстья Торп-Эмбросъ въ Норфолькѣ, и вдовцу съ семействомъ. Послѣ я узналъ, что мать моя ссылалась на ихъ первую привязанность (которую, кажется, не одобрили родители съ той и другой стороны), и что прося мистера Блэнчарда принять ея сына, когда онъ пріѣдетъ въ Англію, она справлялась о его дочери и намекала на возможность брака, соединившаго бы оба семейства, еслибы молодая дѣвушка и я понравились другъ другу. Мы были партией равной во всѣхъ отношеніяхъ, и воспоминаніе моей матери о ея дѣвической привязанности къ мистеру Блэнчарду дѣлало надежду на мой бракъ съ дочерью ея стараго поклонника самой счастливой и пріятной надеждой, какую только она могла себѣ представить. Обо всѣмъ этомъ я не зналъ ничего до-тѣхъ-поръ, пока отвѣтъ мистера Блэнчарда не былъ полученъ въ Барбадосѣ. Тогда моя мать показала мнѣ письмо и прямо поставила передо мною искушеніе, которое должно было разлучить меня съ Фергусомъ Ингльби.

«Письмо мистера Блэнчарда было написано съ острова Мадеры. Онъ былъ нездоровъ и его послали туда доктора попытать, не принесётъ ли ему пользу климатъ. Его дочь была съ нимъ. Искренно сочувствуя всѣмъ надеждамъ и желаніямъ моей матери, онъ предложилъ мнѣ, если я намѣренъ вскорѣ оставить Барбадосъ, заѣхать на Мадеру по дорогѣ въ Англію и сдѣлать ему визитъ въ его временномъ мѣстопробываніи на островѣ. Если же этого нельзя, онъ назначалъ время, въ которое надѣялся воротиться въ Англію и когда я могу надѣяться найти пріѣмъ въ его домѣ въ Торп-Эмбросѣ. Въ заключеніе онъ извинялся, что не пишетъ подробно, объясняя, что зрѣніе его ослабѣло и что онъ ослушался приказаній доктора, поддавшись искушенію написать своему старому другу своей собственной рукой.

«Какъ ни любезно написано было это письмо, оно само-по-себѣ имѣло бы мало на меня вліянiя; но, кромѣ письма, былъ присланъ миниатюрный портретъ миссъ Блэнчардъ. На задней сторонѣ портрета отецъ ея написалъ полупутливо-полунѣжно: «я не могу просить мою дочь писать вмѣсто меня, по обыкно-венію, не сказавъ ей о вашихъ разспросахъ и не заставивъ её краснѣть. Я посылаю ея портретъ безъ ея вѣдома, пусть онъ отвѣчаетъ за нея. Это хорошій портретъ хорошей дѣвушки. Если вашъ сынъ понравится ей и если онъ понравится мнѣ—въ чомъ я увѣренъ—мы, можетъ-быть, доживёмъ мой добрый другъ, до того, что увидимъ нашихъ дѣтей тѣмъ, чѣмъ мы сами могли быть когда-то — мужемъ и женой». Мать моя отдала мнѣ миниатюрный портретъ вмѣстѣ съ письмомъ. Этотъ портретъ тотчасъ поразилъ меня—не могу сказать почему, не могу ска-зать какимъ образомъ—какъ еще ничего въ этомъ родѣ не по-ражало меня прежде.

«Умы, твёрже моего, могли бы приписать необыкновенное впе-чатлѣніе, произведѣнное на меня этимъ портретомъ, разстроено-ному состоянію души моей въ то время,—утомленію, которое произвели во мнѣ въ послѣдніе мѣсяцы мои низкія удовольствiя,—неопредѣленному стремленію къ новымъ интересамъ и къ но-вымъ надеждамъ, порожденному этимъ утомленіемъ. Я не пы-тался допрашивать себя такимъ образомъ: тогда я вѣрилъ въ судьбу; я и теперь въ судьбу вѣрю; для меня довольно было знать, какъ я знаю, что первое ощущеніе чего-то лучшаго въ моей натурѣ было возбуждено лицомъ этой дѣвушки, смотрѣв-шей на меня съ портрета такъ, какъ ни одно женское лицо еще не смотрѣло на меня никогда. Въ этихъ нѣжныхъ глазахъ— въ возможности сдѣлать это кроткое созданіе моей женой—я ви-дѣлъ предназначеніе моей судьбы. Портретъ, который попалъ въ мои руки такъ странно, такъ неожиданно, былъ безмолвнымъ вѣстникомъ счастья, близкаго ко мнѣ, присланный предостеречь, ободрить, оживить меня, пока еще не поздно. Я положилъ пор-третъ подъ моё изголовье на ночь; я посмотрѣлъ на него опять утромъ. Моё вчерашнее убѣжденіе осталось такъ же сильно; моё суевѣріе—если захотятъ такъ назвать это—указывало мнѣ не-

преодолимо путь, по которому я долженъ идти. Въ гавани находился корабль, отправлявшійся въ Англію черезъ двѣ недѣли. Онъ долженъ былъ заѣхать и на Мадеру. Я поѣхалъ на этомъ кораблѣ».

До-сихъ-поръ читавшаго никто не прерывалъ; но при послѣднихъ словахъ тонъ другого голоса, тихій и прерывавшійся смѣшался съ его голосомъ:

— Она была блондинка? спросилъ этотъ голосъ:—или брюнетка, какъ я?

Ниль замолчалъ и поднялъ глаза. Докторъ всё еще сидѣлъ въ головахъ кровати, машинально положивъ пальцы на пульсъ больного. Ребѣнокъ, пропустившій время своего дневного сна, начиналъ томно играть съ своей новой игрушкой. Глаза отца наблюдали за нимъ съ восхищеннымъ и непрерывнымъ вниманіемъ. Мистриссъ Армэдэль выпустила руку мужа и сидѣла отъвернувшись отъ него. Горячая африканская кровь горѣла на ея смуглыхъ щекахъ, когда она настойчиво повторила вопросъ:

— Она была блондинка или брюнетка, какъ я?

— Блондинка, отвѣчалъ мужъ, не смотря на неё.

Она начала ломать руки, лежавшія на ея колѣнахъ, и не сказала ничего больше. Нависшія брови мистера Нила понизились зловѣщимъ образомъ, когда онъ вернулся къ разсказу. Онъ заслужилъ своё собственное строгое неудовольствіе — онъ поймалъ себя въ тайномъ состраданіи къ ней.

«Я сказалъ—такъ продолжалось письмо — что Ингльби былъ допущенъ къ короткости со мной. Миѣ было жаль, оставить его и меня огорчили его очевидное удивленіе и досада, когда онъ услышалъ, что я уѣзжаю. Для собственного оправданія, я показалъ ему письмо и портретъ и сказалъ ему всю правду. Интересъ, возбужденный въ нёмъ портретомъ, едва-ли былъ меньше моего. Онъ спрашивалъ меня о фамиліи и состояніи миссъ Блэнчардъ съ сочувствіемъ истиннаго друга, и подкрѣпилъ моё уваженіе и моё довѣріе къ нему, устранивъ себя самого отъ вопроса и великодушно поощряя меня стремиться къ моей новой цѣли. Когда мы разстались, я былъ здоровъ и веселъ. Прежде

чѣмъ мы встрѣтились на слѣдующій день, меня внезапно поразила болѣзнь, угрожавшая и моему разсудку и моей жизни.

«Я не имѣю доказательствъ противъ Ингльби. На островѣ была не одна женщина, которую я оскорбилъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, за которыми уже не можетъ быть прошеніе, и мщеніе которой могло поразить меня въ то время. Я не могу обвинить никого; я только могу сказать, что мою жизнь спасла моя старая черная няня и что эта женщина впоследствии призналась, что она употребила противоядіе, извѣстное неграмъ противъ яда, употребляемаго неграми же въ той странѣ. Когда настали первые дни выздоровленія, корабль, на которомъ я взялъ мѣсто, уже давно отплылъ. Когда я спросилъ Ингльби, мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ. Доказательства его непростительныхъ проступковъ были мнѣ представлены, противъ которыхъ не устояло даже моё пристрастіе къ нему. Онъ былъ выгнанъ изъ конторы въ первые дни моей болѣзни и о нёмъ ничего болѣе не было извѣстно, кромѣ того, что онъ оставилъ островъ.

«Во всё время моей болѣзни портретъ лежалъ подъ моимъ изголовьемъ; во всё время моего выздоровленія онъ былъ моимъ единственнымъ утѣшеніемъ, когда я вспоминалъ о прошломъ, и моимъ единственнымъ ободреніемъ, когда я думалъ о будущемъ. Никакія слова не могутъ описать до какой степени эта первая фантазія утвердилась во мнѣ. Этому помогли время, одиночество и страданія. Мать моя, при всѣмъ своёмъ желаніи этого брака, была изумлена неожиданнымъ успѣхомъ своего плана. Она написала къ мистеру Блэнчарду о моей болѣзни, но отвѣта не получила. Она предложила написать опять, если я обѣщаю не оставлять её до моего совершеннаго выздоровленія. Моё нетерпѣніе не знало границъ. Другой корабль въ гавани давалъ мнѣ другую возможность уѣхать на Мадеру. Прочитавъ еще разъ пригласительное письмо мистера Блэнчарда, я надѣялся, что я найду еще его на островѣ, если воспользуюсь этимъ случаемъ. Несмотря на просьбы моей матери, я настоялъ, чтобы взять мѣсто на второмъ кораблѣ, и на этотъ разъ, когда корабль отплылъ, я былъ на нёмъ.

«Перемѣна принесла мнѣ пользу; морской воздухъ сдѣлалъ

изъ меня опять человѣка. Послѣ необыкновеннаго, быстрого путешествія я достигъ цѣли моего странствованія. Въ прекрасный тихій вечеръ—котораго я никогда не забуду—я стоялъ одинъ на берегу, прижимая ея портретъ къ груди моей, и увидалъ бѣлыя стѣны дома, гдѣ, я зналъ, что она живётъ.

«Я обходилъ кругомъ сада, чтобы успокоиться прежде чѣмъ я войду. Осмѣлившись войти въ калитку и въ кустарникъ, я заглянулъ въ садъ и увидалъ тамъ женщину, стоявшую одну на лугу. Она обернулась лицомъ ко мнѣ и я увидалъ оригиналь моего портрета, осуществленіе моей мечты! Безполезно, хуже чѣмъ бесполезно писать объ этомъ теперь; я только скажу, что всѣ обѣщанія, которыя портретъ далъ моему воображенію, живая женщина оправдала въ моихъ глазахъ въ ту минуту, когда они въ первый разъ взглянули на неё. Я скажу только это—и ничего больше.

«Я былъ такъ взволнованъ, что не могъ рѣшиться представиться ей. Я воротился назадъ непримѣченный ею и, направившись къ парадной двери спросилъ прежде ея отца. Мистеръ Блэнчардъ ушелъ въ свою комнату и не могъ видѣть никого. Услышавъ это, я собрался съ мужествомъ и спросилъ миссъ Блэнчардъ. Слуга улыбнулся.

«— Наша молодая барыня ужъ не миссъ Блэнчардъ, сэръ, сказала онъ: — она замужемъ.

«Эти слова поразили бы многихъ въ моёмъ положеніи. Они разгорячили мою пылкую кровь и я схватилъ слугу за горло, въ припадкѣ бѣшенства.

— Это ложь! закричалъ я, какъ-будто говорилъ съ однимъ изъ невольниковъ въ моёмъ помѣстьи.

«— Это правда, отвѣчала слуга, вырываясь отъ меня:—мужъ ея здѣсь въ домѣ.

«— Кто онъ? говори, негодяй!

«Слуга отвѣчалъ, назвавъ моё собственное имя:

«— *Аллэнъ Армэдэль.*

«Теперь вы можете угадать правду. Фергусъ Ингльби былъ отверженнымъ сыномъ, чье имя и чье наслѣдство взялъ я.

«Разсказъ о томъ, какъ былъ произведенъ этотъ обманъ, не-

обходимъ для объясненія—я не скажу, для оправданія—участія моего въ происшествіяхъ, послѣдовавшихъ за моимъ пріѣздомъ на Мадеру.

«По собственному признанію Ингльби, онъ пріѣхалъ въ Барбадось — узнавъ о смерти моего отца и о моемъ правѣ на его наслѣдство — съ рѣшительнымъ намѣреніемъ ограбить меня и сдѣлать мнѣ вредъ. Мое опрометчивое довѣріе доставило ему такой удобный случай, на который онъ никогда не могъ надѣяться. Онъ перехватилъ письмо, которое мать моя написала къ мистеру Блэнчарду въ началѣ моей болѣзни, самъ побудилъ отказать ему отъ мѣста и уѣхалъ на Мадеру на томъ самомъ кораблѣ, на которомъ долженъ былъ ѣхать я. Пріѣхавъ на этотъ островъ, онъ подождалъ пока корабль отправится дальше, а потомъ представился мистеру Блэнчарду — не подъ чужимъ именемъ, о которомъ я продолжаю говорить о нёмъ здѣсь — но подъ тѣмъ именемъ, которое, конечно, принадлежало столько же ему, сколько и мнѣ — подъ именемъ «Аллэна Армэдэля». Обманъ сначала представлялъ немного затрудненій. Ему приходилось имѣть дѣло только съ больнымъ старикомъ, который не видалъ мою мать почти половину своей жизни, и съ невинной неподозрительной дѣвушкой, которая никогда её не видала; онъ довольно узналъ во время службы у меня, чтобы отвѣчать на немногіе вопросы, которые дѣлали ему, такъ же хорошо, какъ могъ бы отвѣчать я самъ. Его наружность и обращеніе, его привлекательныя манеры съ женщинами, его хитрость и находчивость сдѣлали остальное. Пока я лежалъ въ постели больной, онъ пріобрѣлъ привязанность миссъ Блэнчардъ. Пока я мечталъ надъ портретомъ въ первые дни моего выздоровленія, онъ получилъ уже согласіе мистера Блэнчарда на бракъ прежде чѣмъ онъ съ дочерью уѣдетъ съ острова.

«До-сихъ-поръ, слабость зрѣнія мистера Блэнчарда помогала обману. Онъ посылалъ въ письмѣ поклоны моей матери и получалъ выдуманнныя отвѣты. Но когда предложеніе жениха было принято и день свадьбы назначенъ, мистеръ Блэнчардъ счолъ долгомъ написать къ своему старому другу, спросить ея формальнаго согласія и пригласить на свадьбу. Онъ могъ только

написать самъ часть письма, остальное было dokonчено подъ его диктовку миссъ Блэнчардъ. Ингльби, увѣренный въ сердцѣ своей жертвы, встрѣтилъ её, когда она выходила изъ комнаты отца съ письмомъ и сказалъ ей правду. Она была еще не совершеннолѣтняя и положеніе было серьезно. Если отдать письмо на почту, не оставалось никакихъ средствъ, кромѣ разлуки или бѣгства при такихъ обстоятельствахъ, которыя дѣлали обманъ почти вѣрнымъ. Можно было заранѣе узнать куда отправляется каждый корабль; а яхта, на которой Блэнчардъ пріѣхалъ на Мадеру, еще ждала въ пристани, чтобы отвезти его обратно въ Англію. Оставалось только продолжать обманъ, перехвативъ письмо, и признаться во всѣмъ, когда они уже будутъ обвѣнчаны. Какіе искусные и убѣдительные доводы употребилъ Ингльби, какъ низко воспользовался онъ ея любовью и ея довѣріемъ, чтобы сдѣлать её такою же низкою, какъ и онъ самъ—сказать я не могу, но онъ успѣлъ заставить её унизиться до обмана. Письмо не дошло до своего назначенія и, съ согласія дочери, довѣріе отца было употреблено во зло.

«Оставалось только для послѣдней предосторожности сочинить отвѣтъ отъ моей матери, котораго ожидалъ Блэнчардъ.—У Ингльби было письмо моей матери, украденное имъ, но онъ не умѣлъ поддѣлаться подъ ея почеркъ. Миссъ Блэнчардъ, согласившаяся на обманъ, отказалась принять дѣятельное участіе въ поддѣлкѣ письма. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Ингльби нашолъ готовое орудіе въ двѣнадцати-лѣтней дѣвочкѣ-сиротѣ, отличавшейся изумительной способностью къ обману, къ которой миссъ Блэнчардъ романически пристрастилась и которую она пригнала съ собою изъ Англии, чтобы приучить къ должности своей горничной. Искусство этой дѣвочки устранило единственное серьезное препятствіе къ успѣху. Я видѣлъ поддѣланный почеркъ моей матери въ письмѣ, написанномъ подъ диктовку Ингльби и (если слѣдуетъ сказать постыдную истину) съ вѣдома ея молодой госпожи—и думаю, что я былъ бы обманутъ самъ. Я видѣлъ впоследствии эту дѣвочку—и вся кровь моя закипѣла при взглядѣ на неё. Если она теперь жива—го-

ре тѣмъ, кто полагается на неё! Никогда болѣе фальшиваго и болѣе безжалостнаго созданія не существовало на свѣтѣ.

«Подложное письмо проложило безопасный путь къ браку; а когда я дошолъ до дома, они были уже (какъ слуга сказалъ мнѣ) мужемъ и женой. Приѣздъ мой только ускорилъ признаніе, которое они оба условились сдѣлать. Ингльби самъ, безъ всякаго стыда, признался во всѣмъ. Ему нечего было терять этимъ признаніемъ: онъ былъ обвинчанъ, а состояніе его жены не зависѣло отъ воли отца. Пропускаю всё, что послѣдовало за этимъ— моё свиданіе съ дочерью, моё свиданіе съ отцомъ и перехожу къ результатамъ. Два дня жена и пасторъ, вѣнчавшій ихъ, успѣли не допустить свиданія между Ингльби и мной. На третій день мнѣ удалось и я и человѣкъ, смертельно оскорбившій меня, встрѣтились глазъ-на-глазъ, лицомъ-къ-лицу.

«Вспомни, какъ моё довѣріе было употреблено во зло! вспомни, какъ единственная добрая цѣль моей жизни была разрушена! вспомни сильныя страсти, вкоренившіяся въ моей натурѣ и никогда не сдерживаемыя, а потомъ представь себѣ самъ, что произошло между нами! Мнѣ же нужно рассказать только конецъ. Онъ былъ выше и сильнѣе меня и воспользовался своимъ скотскимъ преимуществомъ съ скотской свирѣпостью. Онъ ударилъ меня.

«Подумай объ оскорбленіяхъ, полученныхъ мною отъ этого человѣка, подумай, что онъ довершилъ всё этимъ ударомъ!

«Я отправился къ одному англійскому офицеру, который ѣхалъ вмѣстѣ со мною изъ Барбадоса. Я сказалъ ему правду и онъ согласился со мною, что дуэль неизбежна. Въ то время дуэль имѣла свои формальности и свои установленные законы; онъ началъ говорить о нихъ. Я остановилъ его.

«— Мы возьмёмъ въ правую руку по пистолету, сказалъ я:— а въ лѣвой рукѣ будемъ держать конецъ носового платка, черезъ этотъ платокъ мы будемъ стрѣляться.

«Офицеръ всталъ и посмотрѣлъ на меня такъ, какъ-будто я лично оскорбилъ его.

«— Вы просите меня присутствовать при убійствѣ и само-

убійствѣ, сказалъ онъ:—я не соглашаюсь быть вашимъ секундантомъ.

«Онъ вышелъ изъ комнаты. Какъ только онъ ушолъ, я написалъ тѣ самыя слова, какія я сказалъ офицеру, и послалъ ихъ къ Ингльби. Пока я ждалъ отвѣта, я сѣлъ передъ зеркаломъ и посмотрѣлъ на знакъ, оставленный на моёмъ лицѣ ударомъ, нанесённымъ имъ. «У многихъ есть кровь на рукахъ и на совѣсти, думалъ я: «по причинѣ не такой важной, какъ эта».

«Посланный воротился съ отвѣтомъ Ингльби. Онъ назначалъ дуэль въ три часа на слѣдующій день въ одномъ уединенномъ мѣстѣ внутри острова. Я рѣшилъ, что дѣлать, если онъ откажетъ; письмо его освободило меня отъ моего ужаснаго намѣренія. Я былъ признателенъ Ингльби—да, положительно признателенъ ему за то, что онъ написалъ такой отвѣтъ.

«На слѣдующій день я пошолъ въ назначенное мѣсто. Его тамъ не было. Я ждалъ два часа и онъ совсѣмъ не приходилъ. Наконецъ истина промелькнула въ головѣ моей. «Кто разъ былъ трусомъ, тотъ всегда будетъ трусомъ», подумалъ я. Я воротился въ домъ мистера Блэнчарда. Прежде чѣмъ я дошолъ, мною овладѣло внезапное предчувствіе и я повернулъ къ пристани. Я былъ правъ; мнѣ слѣдовало идти на пристань. Корабль, отправлявшійся въ Лиссабонъ въ этотъ день, доставилъ Ингльби случай убѣжать отъ меня вмѣстѣ съ своей женой. Его отвѣтъ на мой вызовъ былъ данъ нарочно съ цѣлью—отослать меня подале, во внутренность острова. Еще разъ повѣрилъ я Фергусу Ингльби и еще разъ его хитрая находчивость одержала верхъ надо мной!

«Я спросилъ того, кто мнѣ сказалъ объ отъѣздѣ Ингльби, зналъ ли мистеръ Блэнчардъ о бѣгствѣ своей дочери. Онъ узналъ о нёмъ когда уже корабль отплылъ. На этотъ разъ я взялъ урокъ въ хитрости отъ Ингльби. Вмѣсто того, чтобы показаться въ домъ мистера Блэнчарда, я пошолъ прежде взглянуть на его яхту.

«Она сказала мнѣ то, что владѣлецъ ея можетъ-быть скрылъ бы—правду. Я нашолъ на ней всё въ суматохѣ и въ хлопотахъ къ неожиданному отъѣзду. Весь экипажъ былъ на яхтѣ, за ис-

включеніемъ нѣкоторыхъ матросовъ, которые были отпущены на берегъ и находились внутри острова, никто не зналъ гдѣ. Когда я узналъ, что шкиперъ старался замѣнить ихъ самыми лучшими матросами, какихъ только могъ онъ найти въ такое короткое время, я немедленно рѣшился. Я зналъ обязанности матроса на яхтѣ довольно хорошо, потому что у меня была своя собственная яхта, и я самъ ею управлялъ. Поспѣшивъ въ городъ, я перодѣлся въ матросское платье и, воротившись на пристань, предложилъ себя волонтеромъ въ экипажъ. Я не знаю, что шкиперъ прочелъ на лицѣ моёмъ. Мои отвѣты на его вопросы удовлетворили его; однако онъ смотрѣлъ на меня и колебался. Но выборъ былъ не большой и наконецъ я былъ принятъ. Черезъ часъ Блэнчардъ пріѣхалъ на яхту; его свели въ каюту; онъ страшно страдалъ и душою и тѣломъ. Черезъ часъ мы были въ морѣ въ безвѣздную ночь, при свѣжѣмъ вѣтрѣ.

«Такъ, какъ я предполагалъ, мы гнались за кораблёмъ, на которомъ Ингльби съ женой уѣхалъ съ острова въ этотъ день. Этотъ корабль былъ французскій и принадлежалъ купцу, занимавшемуся перевозкой строевого лѣса; онъ назывался *La Grâce de Dieu* (*Божья Благодать*). О нёмъ ничего не было извѣстно, кромѣ того, что онъ шолъ въ Лиссабонъ, сбился съ пути и зашолъ на Мадеру почти безъ людей и безъ припасовъ. Послѣдній недостатокъ былъ пополненъ, а первый нѣтъ. Наши моряки не хвалили ни прочность судна, ни экипажъ набранный изъ бродягъ. Когда эти два серьёзные факта были сообщены мистеру Блэнчарду, жестокія слова, сказанныя имъ дочери въ первомъ пылу огорченія, когда онъ узналъ, что она помогала обманывать его, растерзали ему сердце. Онъ немедленно рѣшился предложить своей дочери убѣжище на своей собственной яхтѣ и успокоить её, не допустивъ ея негоднаго мужа пострадать отъ моихъ рубъ. Яхта была гораздо скорѣе на ходу, чѣмъ корабль съ строевымъ лѣсомъ. Не было никакого сомнѣнія, что мы нагонимъ *La Grâce de Dieu*; надо было бояться только одного, чтобы мы не миновали её въ темнотѣ.

«Когда мы вышли въ море, вѣтеръ вдругъ спалъ и настала душная тишь. Когда отдали приказъ спускать брамстенги и уби-

рать большіе паруса, мы всё знали, чего мы должны были ожидать. Черезъ часъ разразилась буря; громъ гремѣлъ надъ нашими головами; яхта была въ триста тоннъ и такъ вѣпка, какъ только дерево и желѣзо могли её сдѣлать. Ею управлялъ шкиперъ, вполне понимавшій своё дѣло и она держалась отлично. Когда настало новое утро, вѣтеръ, всё еще дувшій съ юго-запада, нѣсколько стихъ и море не такъ бушевало. Передъ самымъ разсвѣтомъ мы услышали сквозь свистъ вѣтра пушечный выстрѣлъ. Матросы, тревожно собравшіеся на палубѣ, переглянулись и сказали:

«— Это онъ.

«На разсвѣтѣ мы увидали корабль. Онъ потерялъ фок-мачту и грот-мачту и не годился никуда. На яхтѣ были три лодки; шкиперъ, видѣвшій признаки, что буря скоро возобновить свою ярость, рѣшился спустить кормовыя лодки, пока продолжалась тишь. Какъ мало ни было людей на погибающемъ кораблѣ, они всё не могли помѣститься въ одной лодкѣ, а послать обѣ лодки казалось не такъ опасно въ критическомъ положеніи погоды, вдругъ, какъ посылать два раза по одной лодкѣ съ яхты на корабль. Для одной безопасной поѣздки, повидимому, время было, но никто не могъ, взглянувъ на небо, сказать, что вторая поѣздка совершится благополучно.

«Лодками управляли волонтеры; я находился во второй. Когда первая лодка подъѣхала къ кораблю—что было такъ затруднительно и опасно, какъ никакія слова не могутъ описать—всѣ находившіеся на кораблѣ, хотѣли разомъ броситься въ лодку. Еслибы она не отчалила, жизнь многихъ принесена была бы въ жертву. Когда наша лодка подъѣхала къ кораблю, въ свою очередь, мы условились, что четверо изъ насъ взойдутъ на палубу, двое (я въ томъ числѣ) должны были заботиться о спасеніи дочери мистера Блэнчарда, а другіе двое удержать остальныхъ трусовъ, если они будутъ стараться прежде броситься въ лодку. Остальные трое—квартирмейстеръ и два гребца—остались въ лодкѣ, чтобы не допустить её столкнуться съ кораблёмъ. Что другіе увидали, когда вошли на палубу *La Grâce de Dieu*—я не знаю; я же увидалъ ту женщину, которой я лишился, жен-

щину, вѣроломно отнятую отъ меня, лежавшую въ обморокъ на палубѣ. Мы спустили её въ лодку. Остальной экипажъ, пять человѣкъ, силою заставили спускаться по порядку. Я спустился послѣдній и когда корабль покачнулся къ намъ, пустая палуба, на которой не видѣлось ни живой души отъ носа до кормы, показала, что экипажъ лодки сдѣлалъ своё дѣло. При громкомъ воѣ быстро поднимавшейся бури, мы гребли въ обратный путь, къ яхтѣ, спасая свою жизнь.

«Сильные шквалы показывали, что новая буря приближается отъ юга къ сѣверу; шкиперъ, выждавъ удобный случай, повернулъ яхту, чтобы наготовѣ встрѣтить бурю. Прежде чѣмъ послѣдній изъ нашихъ матросовъ вошёлъ опять на яхту, буря разразилась съ свирѣпостью урагана. Лодка наша потонула, но ничья жизнь не погибла. Опять устремились мы къ югу на произволь вѣтра. Я былъ на палубѣ вмѣстѣ съ остальными, наблюдая за однимъ оборваннымъ парусомъ, который мы рѣшились послать, чтобы замѣнить его другимъ, если его сорвѣтъ вѣтеръ, когда помощникъ шкипера подошёлъ ко мнѣ и закричалъ мнѣ въ ухо сквозь ревъ бури.

«— Она пришла въ чувство въ каютѣ и спрашиваетъ мужа. Гдѣ онъ?

«Этого никто не зналъ. Яхту обыскали съ одного конца до другого и не нашли его. Матросовъ всѣхъ перекликали, несмотря на погоду: его не было между ними. Экипажъ съ обѣихъ лодокъ допросили. Съ первой экипажъ могъ только сказать, что онъ ничего не зналъ о тѣхъ, кого бралъ и о тѣхъ, кого не взялъ. Экипажъ со второй лодки могъ только сказать, что привезъ на яхту всѣхъ, оставленныхъ первой лодкой на палубѣ корабля. Некого было обвинять, но въ то же время нельзя было опровергать факта, что этотъ человѣкъ пропалъ.

«Во весь этотъ день буря, свирѣпствовавшая всё съ тою же силою, не давала намъ никакой возможности воротиться и обыскать разбитый корабль. Для яхты оставалась только единственная надежда бѣжать на фордевиндъ. Къ вечеру буря, гнавшая насъ къ югу отъ Мадеры, начала, наконецъ, уменьшаться, вѣтеръ опять перемѣнился и позволилъ намъ направиться къ острову.

Рано на слѣдующее утро вошли мы въ гавань. Мистеръ Блэнчардъ и его дочь были свезены на берегъ, шкиперъ поѣхалъ съ ними и предупредилъ насъ, что онъ, по возвращеніи, сообщитъ что-то такое, касающееся всего экипажа.

«Насъ собрали на палубѣ и шкиперъ, воротившись на яхту, передалъ намъ приказанія мистера Блэнчарда воротиться на корабль и отыскать пропавшаго. Мы были обязаны это сдѣлать для самого Ингльби и для его жены, которая, по словамъ докторовъ, должна была лишиться разсудка, если не примутъ мѣръ для ея успокоенія. Мы могли быть почти увѣрены, что найдёмъ корабль еще непотопленнымъ, потому-что грузъ лѣса будетъ держать его надъ водою до-тѣхъ-поръ, пока его кузовъ не упадетъ. Если этотъ человѣкъ былъ на кораблѣ — живой или мѣртвый — его слѣдовало найти и привезти назадъ. А если буря станетъ уменьшаться, не было никакой причины, почему бы матросамъ, при надлежащей помощи, не привезти назадъ корабль и, съ согласія ихъ хозяина, не получить своей доли въ деньгахъ, выдаваемыхъ за спасеніе судовъ, вмѣстѣ съ служащими на яхтѣ.

«Экипажъ три раза крикнулъ громкое ура и принялся снаряжать яхту въ море. Только я одинъ не захотѣлъ участвовать въ этомъ предпріятіи. Я сказалъ, что буря разстроила меня, что я былъ боленъ и нуждался въ отдохновеніи. Всѣ поглядѣли мнѣ въ лицо, когда я проходилъ мимо нихъ съ яхты, но ни одинъ не заговорилъ со мной.

«Я ждалъ цѣлый день въ тавернѣ на пристани первыхъ извѣстій съ разбитаго корабля. Они были привезены къ ночи лоцманской лодкой, которая участвовала въ предпріятіи спасенія корабля. Его нашли еще на поверхности вода, а тѣло утонувшаго Ингльби — въ каютѣ. На разсвѣтѣ слѣдующаго утра покойника привезли на яхтѣ и въ тотъ же самый день его похоронили на протестантскомъ кладбищѣ.»

— Остановитесь! сказалъ голосъ съ кровати, прежде чѣмъ читавшій успѣлъ перевернуть новый листъ и начать слѣдующій параграфъ.

Въ комнатѣ сдѣлалась перемѣна и въ слушателяхъ то же, съ-тѣхъ-поръ, какъ мистеръ Ниль въ послѣдній разъ поднималъ

глаза съ разказа. Солнечный лучъ освѣщаль предсмертное ложе и ребѣнокъ спокойно заснулъ на этомъ золотистомъ свѣтѣ. Физиономія отца очевидно измѣнилась. Мускулы нижней части лица, еще до-сихъ-поръ не шевелившіеся, теперь пришли въ движеніе, возбужденное измученной душой. Увидѣвъ капли пота, тяжело выступавшія на лбу, докторъ всталъ привести въ чувство ослабѣвающаго. Съ другой стороны кровати стулъ жены стоялъ пустой. Въ ту минуту, когда ее мужъ прервалъ чтеніе, она отодвинулась за кровать подальше отъ его глазъ. Прислонившись къ стѣнѣ, она стояла, скрываясь отъ мужа и устремивъ глаза съ жаднымъ недоумѣніемъ на рукопись въ рукѣ мистера Нилья.

Еще черезъ минуту молчаніе опять было прервано мистеромъ Армэдэлемъ.

— Гдѣ она? спросилъ онъ, сердито смотря на пустой стулъ жены.

Докторъ указаль на неё. Ей ничего больше не оставалось, какъ выступить впередъ. Она подошла медленно и стала передъ нимъ.

— Ты обѣщала уйти, когда я скажу тебѣ, сказалъ онъ:— ступай теперь.

Мистеръ Ниль старался придать твердость своей рукѣ, державшей листки рукописи, но она дрожала вопреки его воли. Подозрѣніе, медленно возникавшее въ его душѣ, пока онъ читалъ, перешло въ увѣренность, когда онъ услыхалъ эти слова. Письмо обнаруживало одно обстоятельство за другимъ, до-сихъ-поръ, пока теперь дошло до послѣдняго открытія. Передъ этимъ открытіемъ умирающій рѣшился заранѣе остановить голосъ читавшаго, прежде чѣмъ позволилъ своей женѣ слушать разказъ. *Тутъ* была тайна, которую сынъ его долженъ былъ узнать впоследствии и которую мать никогда не должна была узнать. Отъ этого намѣренія самыя пѣжшыя мольбы его жены не отвлекли его и теперь жена его это узнала изъ его собственныхъ устъ.

Она не дала ему отвѣта. Она стояла и смотрѣла на него—смотрѣла съ послѣдней мольбою, можетъ-быть съ послѣднимъ прощаніемъ. Глаза его не отвѣчали ей отвѣтнымъ взглядомъ;

безжалостно отвернулись они отъ нея къ спящему мальчику. Она безмолвно отошла отъ кровати. Несмотря на ребѣнка, не говоря ни слова двумъ постороннимъ, смотрѣвшимъ на неё едва переводя духъ, она сдержала данное обѣщаніе и въ мѣртвомъ молчаніи вышла изъ комнаты.

Что-то въ ея наружности, когда она уходила, потрясло самообладаніе обоихъ мужчинъ, которые присутствовали при этомъ. Когда дверь затворилась за нею, они инстинктивно возмутились противъ того, чтобы дѣйствовать въ неизвѣстности. Докторъ первый выразилъ своё нежеланіе. Онъ просилъ позволенія у своего пациента уйти до окончанія чтенія письма. Пациентъ не согласился.

Мистеръ Ниль заговорилъ потомъ подробнѣе и серьезнѣе.

— Докторъ привыкъ въ своей профессіи, началъ онъ: — а я привыкъ въ моей — сохранять тайны другихъ. Но мой долгъ, прежде чѣмъ мы пойдёмъ дальше, спросить, дѣйствительно ли вы понимаете, какое странное положеніе занимаемъ мы относительно другъ друга. Вы сейчасъ лишили мистриссъ Армэдэль, при насъ, вашего довѣрія, а теперь предлагаете это довѣріе людямъ, совершенно для васъ постороннимъ.

— Да, сказалъ Армэдэль: — *именно* потому, что вы посторонніе.

Какъ ни коротки были эти слова, изъ нихъ можно было вывести такое заключеніе, которое не могло успокоить недоувѣрчивость. Мистеръ Ниль прямо выразилъ это словами:

— Вамъ нужна помощь моя и доктора, сказалъ онъ. — Долженъ ли я понять, что вы совершенно равнодушны къ впечатлѣнію, какое окончаніе этого письма можетъ произвести на насъ?

— Да. Я васъ не щажу. Я не щажу себя. Я щажу мою жену.

— Вы принуждаете меня вывести заключеніе, сэръ, очень серьезное, сказалъ мистеръ Ниль. — Если я долженъ кончить это письмо подъ вашу диктовку, я буду просить у васъ позволенія — такъ какъ я уже прочелъ громко бѣольшую часть этого письма — прочесть громко и остальное при этомъ господинѣ, какъ свидѣтелѣ.

— Читайте!

Съ серьёзнымъ сомнѣніемъ докторъ опять сѣлъ на свой стулъ. Съ серьёзнымъ сомнѣніемъ мистеръ Ниль перевернулъ листокъ и прочолъ слѣдующее:

«Мнѣ остаётся еще сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ я оставлю въ покоѣ умершаго. Я описалъ, какъ нашли его тѣло, но я не описалъ, при какихъ обстоятельствахъ скончался онъ.

Извѣстно было, что онъ находился на палубѣ, когда лодки съ яхты приближались къ разбитому кораблю; а потомъ, въ суматохѣ, возбужденной паническимъ страхомъ экипажа, онъ пропалъ. Въ то время вода была пяти футъ глубины въ каютѣ и быстро поднималась. Нечего было сомнѣваться, что онъ самъ добровольно попалъ въ эту воду. Ящикъ съ драгоценными вещами его жены былъ найденъ на полу подъ нимъ и объяснялъ его присутствіе въ каютѣ. Онъ зналъ, что приближается помощь и, весьма естественно, сошолъ внизъ постараться спасти ящикъ. Менѣе вѣроятности было — хотя и это можно было заключать — что смерть его была результатомъ какого-нибудь несчастія, случившагося съ нимъ, когда онъ нырнулъ въ воду, и которое на минуту лишило его чувствъ. Но открытіе, сдѣланное экипажемъ яхты, прямо указывало на одно обстоятельство, которое поразило ужасомъ всѣхъ до одного. Когда поиски привели матросовъ въ каюту, они нашли люкъ и дверь запертыми. Не заперъ ли кто каюту, не зная, что онъ былъ тамъ? Отложивъ въ сторону панической страхъ экипажа, не было никакой причины запираить каюту, прежде чѣмъ уйти съ разбитаго корабля. Оставалось другое заключеніе: не заперла ли съ умысломъ чья-нибудь убійственная рука этого человѣка и дала ему утонуть, когда вода, возвысившись, покрыла его?

«Да, убійственная рука заперла его и дала ему утонуть. Эта рука—была моя.»

Шотландецъ выскочилъ изъ-за стола; докторъ задрожалъ, сидя возлѣ кровати. Оба посмотрѣли на умирающаго злодѣя, поддавшись одинаковому отвращенію, охладѣвъ отъ одинаковаго опасенія. Онъ лежалъ, держа на своей груди голову своего ребенка, лишенный сочувствія людей, проклятый божескимъ правосу-

діемъ — онъ лежалъ одинокій, какъ Каинъ, и смотрѣлъ на нихъ.

Въ ту минуту, когда шотландецъ и докторъ встали, дверь, ведущая въ другую комнату, тяжело запаталась и звукъ, похожій на паденіе, раздавшійся въ ушахъ ихъ, заставилъ умолкнуть ихъ обоихъ. Стоя ближе къ двери, докторъ отворилъ её, прошолъ въ другую комнату и тотчасъ опять затворилъ дверь. Мистеръ Ниль повернулся спиною къ кровати и ждалъ молча, что будетъ. Звукъ, не разбудившій ребёнка, не привлёкъ также вниманія и отца. Его собственныя слова отвлекли его далеко отъ всего того, что происходило у его смертнаго одра. Его безпомощное тѣло вернулось на разбитый корабль и призракъ его безжизненной руки запиралъ дверь каюты.

Въ другой комнатѣ раздался звонокъ, говоръ голосовъ, поспѣшные шаги; послѣ нѣкотораго промежутка докторъ воротился.

— Она подслушивала? шепнулъ ему мистеръ Ниль по-нѣмецки.

— Женщины приводятъ её въ чувство, шепнулъ ему докторъ въ отвѣтъ. — Она слышала всё. Скажите, ради Бога, что намъ теперь дѣлать?

Прежде чѣмъ Ниль успѣлъ отвѣчать, заговорилъ мистеръ Армэдэль. Возвращеніе доктора возвратило его къ настоящему.

— Продолжайте, сказалъ онъ: — какъ-будто ничего не случилось.

— Я не хочу далѣе вмѣшиваться въ вашу гнусную тайну, возразилъ Ниль. — По вашему собственному признанію вы убійца. Если это письмо должно быть кончено, не требуйте, чтобы я писалъ за васъ.

— Вы дали мнѣ обѣщаніе, былъ отвѣтъ, сказанный съ тѣмъ же невозмутимымъ самообладаніемъ. — Вы должны писать вмѣсто меня, или нарушить ваше слово.

Мистеръ Ниль молчалъ съ минуту. Передъ нимъ лежалъ человѣкъ, защищенный отъ ненависти своихъ ближнихъ тѣнью смерти — человѣкъ, котораго люди не могли болѣе осуждать, который уже не могъ бояться людскихъ законовъ, который уже не былъ чувствителенъ ни къ чему, кромѣ своего послѣдняго, твёрдаго намѣренія кончить письмо къ своему сыну.

Ниль отвёлъ доктора въ сторону.

— Одно слово, сказалъ онъ по-нѣмецки:—вы по-прежнему утверждаете, что онъ можетъ остаться безъ языка прежде чѣмъ мы успѣемъ послать въ Штутгардъ?

— Посмотрите на его губы, отвѣчалъ докторъ: — и судите сами.

Губы больного отвѣчали за него; чтеніе разсказа оставило уже на нихъ свой слѣдъ. Искривленіе угловъ рта, которое было уже примѣтно, когда Ниль вошелъ въ комнату, теперь обнаружилось самымъ очевиднымъ образомъ. Произношеніе становилось труднѣе съ каждымъ словомъ, которое произносилъ больной. Положеніе было невыразимо страшное. Послѣ минутной нерѣшимости Ниль сдѣлалъ послѣднее покушеніе отстранить себя.

Теперь, когда глаза мои открыты, сказалъ онъ сурово:— неужели вы осмѣлитесь принуждать меня сдержать слово, которое вы принудили меня дать вамъ слѣпо?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Армэдэль:—я предоставляю вамъ на волю нарушить ваше слово.

Взглядъ, сопровождавшій этотъ отвѣтъ, задѣлъ гордость шотландца за самую чувствительную струну. Когда онъ заговорилъ, то онъ уже сидѣлъ на своёмъ прежнемъ мѣстѣ у стола.

— Еще никто не говорилъ, что я нарушилъ моё слово, сердито возразилъ онъ:—и даже *вы* не скажете обо мнѣ этого теперь. Помните! если вы принуждаете меня сдержать моё обѣщаніе, я принуждаю васъ исполнить моё условіе. Я выговорилъ себѣ свободу дѣйствія и предостерегаю васъ, что я употребляю её какъ самъ заблагоразсужу, какъ только освобожусь отъ вашего присутствія.

— Вспомните, что онъ умираетъ, кротко умолялъ докторъ.

— Садитесь на ваше мѣсто, сказалъ Ниль, указывая на пустой стулъ. — То, что осталось прочесть, я хочу прочесть при васъ. Что остаётся написать, я напишу только при васъ. *Вы* привели меня сюда: я имѣю право настаивать—и настаиваю—чтобы вы остались свидѣтелемъ до конца.

Докторъ безъ всякихъ возраженій, покорился своему положенію.

нію. Ниль взялъ опять рукопись и прочолъ остальное, не прерывая чтенія до конца.

«Не сказавъ ни слова въ свою защиту, я сознался въ моей винѣ; не сказавъ ни слова въ свою защиту, я расскажу какъ преступленіе было совершено.

«Я вовсе не думалъ о нёмъ, когда я увидалъ его жену, лежавшую безъ чувствъ на палубѣ. Я исполнилъ своё дѣло, бережно спустивъ её въ лодку. Тогда, только тогда мысль о нёмъ воротилась ко мнѣ. Въ суматохѣ, когда матросы съ яхты насильно удерживали матросовъ съ корабля, я имѣлъ случай незамѣтно отыскать его. Я не зналъ уѣхалъ ли онъ въ первой лодкѣ, или еще оставался на палубѣ; я поднялся по трапу и увидалъ, что онъ выходитъ изъ каюты съ пустыми руками и весь мокрый. Посмотрѣвъ на лодку съ безпокойствомъ (меня онъ не примѣтилъ), онъ увидалъ, что есть еще время прежде чѣмъ лодка отчалить.

«— Еще разъ! сказалъ онъ самъ себѣ и исчезъ, чтобы сдѣлать послѣднее усиліе отыскать ящикъ съ драгоценными вещами.

Злой демонъ шепнулъ мнѣ на ухо:—«Не убивай его какъ человѣка, а утопи какъ собаку!» Онъ былъ подъ водой, когда я заперъ люкъ, но голова возвышалась надъ поверхностью прежде чѣмъ я успѣлъ запереть дверь каюты. Я посмотрѣлъ на него и онъ взглянулъ на меня, когда я заперъ дверь прямо передъ нимъ. Черезъ минуту я воротился къ послѣднему матросу, оставшемуся на палубѣ. Еще черезъ минуту было уже поздно раскаяться: буря грозила намъ гибелью и гребцы на лодкѣ спасали свою жизнь, спѣша удалиться отъ корабля.

«Сынъ мой! я преслѣдую тебя изъ могилы признаніемъ, отъ котораго моя любовь охотно избавила бы тебя. Читай далѣе и ты узнаешь для чего я это дѣлаю.

«Я ничего не скажу о моихъ страданіяхъ; я не буду просить состраданія къ моей памяти. Мое сердце страшно замираетъ, рука моя страшно дрожитъ, когда я пишу эти строки, это предостерегаетъ меня спѣшить кончить мой рассказъ. Я уѣхалъ съ острова, не осмѣлившись взглянуть въ послѣдній разъ на женщину, которую я погубилъ такъ безжалостно, которой я сдѣлалъ такой гнус-

ный вредъ. Когда я уѣхалъ, вся тяжесть подозрѣнія, возбужденнаго смертью Ингльби, пала на экипажъ французскаго корабля. Не было никакой причины обвинять въ этомъ убійствѣ кого-нибудь изъ экипажа, но онъ состоялъ по большей части изъ бродягъ, способныхъ на всякое преступленіе; всѣхъ ихъ допросили. Только впоследствии услышалъ я случайно, что подозрѣніе наконецъ пало на меня. Одна вдова узнала по неопредѣленному описанію страннаго человѣка, находившагося въ числѣ экипажа яхты и исчезнуваго на другой день неизвѣстно куда. Одна вдова знала съ того времени, почему ея мужъ былъ убитъ и кто совершилъ это преступленіе. Когда она сдѣлала это открытіе, по острову разнесся ложный слухъ о моей смерти. Можетъ быть я былъ обязанъ этому слуху моимъ избавленіемъ отъ судебного преслѣдованія, можетъ быть (никто, кромѣ Ингльби, не видалъ какъ я запиралъ дверь каюты) уликъ не было достаточно для того, чтобы дать поводъ къ слѣдствію; можетъ быть вдовѣ были непріятны открытія, какія могли послѣдовать за публичнымъ доносомъ на меня, основаннымъ только на ея подозрѣніи. Какъ бы то ни было, преступленіе, сдѣланное мною въ тайнѣ, осталось не наказаннымъ до-сихъ-поръ.

«Я уѣхалъ съ Мадеры въ Вест-Индію переодѣвшись. Первое извѣстіе, полученное мною по приѣздѣ въ Барбадось, было извѣстіе о смерти моей матери. У меня не достало духа воротиться на прежнее мѣсто. Я не имѣлъ мужества рѣшиться жить дома въ одиночествѣ, подвергаясь мученію, чтобы мои виновныя воспоминанія грызли мое сердце и день и ночь. Не сходя на берегъ, не показываясь никому, я поѣхалъ на кораблѣ такъ далеко, куда только онъ могъ отвезти меня—на островъ Тринидадъ.

«Тамъ я увидалъ въ первый разъ твою мать. Долгъ мой былъ сказать ей правду, а я вѣроломно сохранилъ свою тайну. Долгъ мой требовалъ не допустить её до безвозвратнаго пожертвованія ея свободой и ея счастьемъ для такого человѣка, какъ я, а между тѣмъ я оскорбилъ её, женившись на ней. Если она будетъ еще жива, когда ты прочтѣшь это письмо, изъ состраданія скрой отъ нея правду. Я могу загладить мою вину только

тѣмъ, чтобы до самаго конца не дать ей подозрѣвать за кого она вышла. Жалѣй о ней, какъ я сожалѣлъ. Пусть это письмо будетъ священной тайною между отцомъ и сыномъ.

«Въ то время, когда ты родился, здоровье моё рушилось; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ первые дни моего выздоровленія тебя принесли ко мнѣ и сказали, что тебя окрестили во время моей болѣзни. Твоя мать поступила какъ всё любящія матери — она назвала своего первенца именемъ его отца. Ты также Алэнъ Армэдэль. Даже въ то время — даже тогда, когда я еще находился въ счастливомъ невѣдѣннн и не зналъ того, что я узналъ послѣ: меня мучило предчувствіе, когда я смотрѣлъ на тебя и думалъ объ этомъ роковомъ имени.

«Какъ только я могъ пуститься въ путь, меня вытребовали въ моё помѣстье, въ Барбадось. Въ головѣ моей промелькнула мысль — она, вѣроятно, покажется тебѣ странной — отказаться отъ условія, которое принуждало моего сына, такъ же какъ и меня, носить имя Армэдели, или лишиться армэдэльскаго имѣнія; но даже въ то время слухи объ освобожденіи невольниковъ — объ освобожденіи, которое теперь уже близко — быстро распространялись по колоніи. Никто не могъ сказать на сколько упала бы цѣнность вест-индскихъ имѣній, еслибы эта угрожающая перемѣна случилась; никто не могъ сказать, еслибы я возвратилъ тебѣ моё собственное отцовское имя, и оставилъ тебѣ только моё родительское наслѣдство — что ты не пожалѣлъ бы когда-нибудь объ обширномъ Армэдэльскомъ помѣстьи, и, можетъ быть, я слѣпо осудилъ бы на бѣдность твою мать и тебя. Замѣть, какъ всё роковыя случайности скопились одна къ другой! Замѣть какъ твоё имя и твоя фамилія остались за тобой вопреки моему желанію.

«Моё здоровье поправилось на родинѣ, но только на время; я опять занемогъ и доктора предписали мнѣ ѣхать въ Европу. Избѣгая Англіи (ты догадываешься почему), я поѣхалъ съ тобою и съ твоей матерью во Францію, изъ Франціи мы переехали въ Италію. Мы жили то здѣсь, то тамъ. Всё было бесполезно. Смерть овладѣла мною — смерть преслѣдовала меня, куда бы ни поѣхалъ я. Я покорялся своей участи, потому что у меня было облегченіе, котораго я не заслужилъ. Теперь ты, можетъ

быть, съ ужасомъ будешь вспоминать обо мнѣ, а тогда ты утѣшала меня. Только ты согрѣвала моё сердце. Послѣдніе проблески моего счастья на землѣ давалъ мнѣ мой маленькій сынъ.

«Изъ Италіи мы переѣхали въ Лозанну, откуда я теперь пишу тебѣ. Нынѣшняя почта принесла мнѣ такія подробныя извѣстія, которыхъ я еще не получала—о вдовѣ убитаго. Это письмо лежитъ передо мной, когда я пишу. Оно отъ друга моей юности, который видѣлъ эту женщину и говорилъ съ нею, который первый сообщилъ ей, что слухъ о моей смерти на Мадерѣ былъ несправедливъ. Онъ пишетъ, не понимая сильнаго волненія, которое она выказала, услыхавъ, что я еще живъ, женатъ и имѣю маленькаго сына. Онъ спрашиваетъ меня, не могу ли я это объяснить. Онъ говоритъ о ней съ сочувствіемъ—какъ о молодой и прелестной женщинѣ, заживо похоронившей себя въ одной рыбацкѣй деревнѣ на девонширскомъ берегу; отецъ ея умеръ, ея родные отделились отъ нея, не одобряя ея брака. Его слова пронзили бы меня въ самое сердце, еслибы не одно послѣднее мѣсто въ его письмѣ, которое овладѣло всѣмъ моимъ вниманіемъ и принудило меня написать рассказъ заключающійся въ этихъ страницахъ.

«Теперь я знаю—чего я никогда не подозрѣвала до-тѣхъ-поръ, пока я не получала отъ него письма—теперь я знаю, что вдова человѣка, въ смерти котораго виновель я, родила ребѣнка послѣ смерти ея мужа. Этотъ ребѣнокъ—мальчикъ, годомъ старѣе моего сына. Увѣренная въ моей смерти, его мать поступила такъ, какъ мать моего сына, она назвала своего сына именемъ его отца. И во второмъ поколѣніи есть два Аллена Армэдэля, какъ были въ первомъ. Причинивъ смертельный вредъ отцамъ, это роковое сходство имѣнь, вѣроятно, причинитъ таковой же вредъ и сыновьямъ.

«Безвинные люди, пожалуй, не увидятъ ничего до-сихъ-поръ, кромѣ ряда событій, которыя не могли повести ни въ чему. Я имѣя на совѣсти смерть этого человѣка—я, сходя въ могилу, не наказанный за преступленіе и не загладивъ его, вижу то, чего не могутъ различить люди безвинные: я вижу опасность въ будущемъ, происходящую отъ прошлой опасности—

вѣроломство, возбуждённое *его* вѣроломствомъ, и преступленіе порождённое *моимъ* преступленіемъ. Не-уже-ли страхъ, потрясающій меня до глубины души, есть ни что иное, какъ призракъ, вызванный суевѣріемъ умирающаго? Я заглядываю въ книгу, уважаемую всѣми христіанами, и эта книга говоритъ мнѣ, что грѣхъ родителей взыщется на дѣтяхъ. Я заглядываю въ свѣтъ и вижу около себя живыхъ свидѣтелей этой страшной истины. Я вижу, какъ пороки, заражавшіе отца, переходятъ къ сыну и заражаютъ также и его; я вижу, какъ стыдъ обезславившій имя отца, переходить къ сыну и обезславить его. Я заглядываю около себя—и вижу, какъ моё преступленіе созрѣваетъ въ будущемъ отъ тѣхъ самыхъ обстоятельствъ, которыя посѣяли сѣмена его въ прошломъ и перейдѣтъ, какъ наслѣдственная зараза зла, отъ меня къ моему сыну.»

Этими строчками кончалось письмо; на этомъ мѣстѣ ударъ поразилъ больного и перо выпало изъ его рукъ.

Онъ зналъ это мѣсто; онъ помнилъ эти слова. Въ ту минуту, когда замолкъ голосъ чтеца, больной взглянулъ на доктора.

— Я приготовилъ что слѣдуетъ, теперь, сказалъ онъ, всё медленнѣе произнося слова:—помогите мнѣ досказать.

Докторъ далъ ему возбуждительное лекарство и сдѣлалъ знакъ Нилу повременить. Черезъ нѣсколько времени пламя угасающей души опять вспыхнуло въ его глазахъ. Употребляя мужественныя усилія для того, чтобы выговорить слова онъ просилъ шотландца взять перо и произнёсъ окончательныя фразы разсказа, по мѣрѣ того, какъ память напоминала ихъ ему, одну за одной, въ слѣдующихъ словахъ:

«Пожалуй не вѣрь убѣжденіямъ умирающаго, но я торжественно умоляю тебя: исполни мою послѣднюю просьбу. Сынъ мой! единственная надежда, которую я оставляю тебѣ, зависитъ отъ одного великаго сомнѣнія—сомнѣнія властны мы или нѣтъ, надъ нашей собственной судьбой. Можетъ быть свобода воли можетъ побѣдить судьбу человѣка, и, осужденные на неизбѣжную смерть, мы неизбѣжно стремимся только къ ней одной, а не къ тому, что ей предшествуетъ. Если такъ, то уважай, если бы даже ты не уважалъ ничего другого—предостереженіе

которое я даю тебѣ изъ моей могилы: никогда, до самаго дня смерти, не допускай къ себѣ ни одной души, которая, прямо или косвенно, имѣла бы какое-нибудь отношеніе къ преступленію, совершенному твоимъ отцомъ. Избѣгай вдовы человѣка, котораго я убилъ, если эта вдова еще жива; избѣгай дѣвушки, злодѣйская рука которой устранила препятствія къ этому браку, если эта дѣвушка находится еще у нея въ услуженіи, а болѣе всего избѣгай человѣка, который носитъ одно имя съ тобою. Ослушайся лучшаго твоего благодѣтеля, если его вліяніе захочетъ сблизить тебя съ нимъ. Брось женщину, которая любить тебя, если эта женщина будетъ служить связью между нимъ и тобою; скрывайся отъ него подъ чужимъ именемъ, поставь горы и моря между вами. Будь неблагодаренъ, будь мстителенъ, будь всѣмъ, что будетъ наиболѣе противно твоему кроткому характеру, скорѣе чѣмъ жить подъ одной кровлею и дышать однимъ воздухомъ съ этимъ человѣкомъ. Не допускай, чтобы оба Армэдэля встрѣтились на этомъ свѣтѣ, никогда, никогда! никогда!

«Вотъ только такимъ образомъ ты можешь избавиться отъ опасности—если только можешь. Поступай такъ всю твою жизнь, если дорожишь твоей невинностью и твоимъ счастьемъ!

«Я кончилъ. Еслибы я могъ употребить не столь сильное вліяніе, какъ то, которое будетъ на тебя имѣть это признаніе для того, чтобы преклонить тебя къ моей волѣ, я избавилъ бы тебя отъ открытія, заключающагося въ этихъ страницахъ. Ты лежишь на груди моей и спишь невиннымъ своимъ ребѣнкомъ, между тѣмъ какъ рука посторонняго пишетъ тебѣ эти слова по-мѣрѣ того, какъ я произношу ихъ. Подумай, какъ сильно должно быть моё убѣжденіе, если я имѣю мужество на моёмъ смертномъ одрѣ помрачить всю твою юную жизнь съ самаго начала преступленіемъ твоего отца. Подумай—и остерегайся. Подумай и прости мнѣ если можешь.»

Тутъ письмо кончалось. Это были послѣднія слова отца къ сыну.

Неумолимо вѣрный къ своей вынужденной обязанности, Ниль положилъ перо и прочолъ вслухъ строчки, написанныя имъ.

— Не нужно ли еще чего прибавить? спросилъ онъ своимъ безжалостно твёрдымъ голосомъ.

Прибавлять было нечего. Ниль сложилъ рукопись, вложилъ её въ конвертъ и запечаталъ печатью Армэдэля.

— Адресъ? спросилъ онъ съ своимъ безжалостнымъ и дѣловымъ формализмомъ.

«Аллэну Армэдэлю младшему», написалъ онъ со словъ продиктованныхъ съ постели. «Поручается Годфри, Гэммику эсквайру. Въ контору Гэммика и Риджа, Линкольнъ-Иннъ Фильдзъ, въ Лондонѣ.»

Написавъ адресъ, Ниль ждалъ и думалъ.

— Вашъ душеприкащикъ долженъ распечатать это письмо? спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Онъ долженъ отдать это письмо моему сыну, когда онъ будетъ въ такихъ лѣтахъ, что будетъ въ состояннн понять его.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Ниль съ неумолимой акуратностью сообразивъ всё:—я прибавлю замѣтку и повторю ваши собственные слова, какъ вы сейчасъ произнесли ихъ, и объясню по какимъ обстоятельствамъ мой почеркъ является на этомъ документѣ.

Онъ написалъ записку въ самыхъ краткихъ и ясныхъ выраженiяхъ, прочелъ её вслухъ какъ читалъ предыдущее, подписалъ своё имя и адресъ въ концѣ, потомъ заставилъ подписать доктора, какъ свидѣтеля всего происходившаго и того положенiя, въ которомъ находился мистеръ Армэдэль. Сдѣлавъ это, онъ вложилъ письмо во второй конвертъ, запечаталъ какъ первый и адресовалъ къ мистеру Гэммику, прибавивъ къ адресу «въ собственные руки».

— Вы непременно желаете, чтобы я отправилъ это на почту? спросилъ онъ, вставая съ письмомъ въ рукѣ.

— Дайте ему время подумать, сказать докторъ:—ради этого ребѣнка, дайте ему время подумать. Одна минута можетъ измѣнить его намѣренiе.

— Я даю ему пять минутъ, отвѣчалъ Ниль, положивъ часы на столъ, неумолимо точный до самаго конца.

Они ждали и оба внимательно смотрѣли на Армэдэля. Признаки перемѣны, уже появившіеся въ нёмъ, быстро умножались. Движеніе, которое постоянное душевное волненіе сообщило мускуламъ лица, начало, подъ тѣмъ же опаснымъ вліяніемъ, распространяться къ низу. Его прежде безпомощныя руки уже не лежали неподвижно: онѣ шевелились на простынѣ. При видѣ этихъ предостерегательныхъ симптомовъ, докторъ обернулся съ движеніемъ испуга и сдѣлалъ Нилю знакъ подойти ближе.

— Спрашивайте сейчасъ, сказалъ онъ:—если вы будете ждать пять минутъ, вы опоздаете.

Ниль подошелъ къ кровати; онъ тоже примѣтилъ движеніе рукъ.

— Это дурной знакъ? спросилъ онъ.

Докторъ съ серьезнымъ видомъ кивнулъ головой.

— Предлагайте вашъ вопросъ сейчасъ, повторилъ онъ:—а то будетъ слишкомъ поздно.

Ниль поднёсъ письмо къ глазамъ умирающаго.

— Вы знаете что это?

— Мое письмо.

— Вы непременно настаиваете, чтобы я отправилъ его на почту?

Больной въ послѣдній разъ собралъ всѣ свои силы и отвѣчалъ:

— Да!

Ниль подошелъ къ двери съ письмомъ въ рукѣ. Нѣмецъ сдѣлалъ за нимъ нѣсколько шаговъ и раскрылъ уже губы, чтобы просить его нѣсколько помедлить, встрѣтился съ неумолимыми глазами шотландца и опять воротился назадъ молча. Дверь затворилась и они разстались, не сказавъ ни слова.

Докторъ воротился къ постели и шепнулъ умирающему:

— Позвольте мнѣ воротить его; еще есть время.

Вопросъ былъ бесполезенъ: отвѣта не было; ничто не показывало, что больной обратилъ вниманіе или даже слышалъ этотъ вопросъ. Глаза его съ ребѣнка перешли на его собственную судорожно подергивавшуюся руку и съ умоляющимъ видомъ обратились на сострадательное лицо, наклонившееся къ нему. Док-

торъ поднялъ руку—остановился, послѣдовалъ за глазами отца устремившимися на ребѣнка—и, понявъ его послѣднее желаніе, положилъ руку умирающаго на голову ребѣнка. Рука дотронулась до нея и сильно задрожала. Черезъ минуту трепеть овладѣлъ рукой и распространился по всей верхней части тѣла. Лицо изъ блѣднаго сдѣлалось краснымъ, изъ краснаго багровымъ, изъ багроваго опять блѣднымъ; потомъ судорожно подергивавшіяся руки остались неподвижны и цвѣтъ лица уже не перемѣнялся.

Окно въ смежной комнатѣ было открыто, когда докторъ вышелъ изъ комнаты умершаго съ ребѣнкомъ на рукахъ. Онъ посмотрѣлъ въ окно, проходя мимо и увидалъ Ниля на улицѣ медленно возвращавшагося въ гостиницу.

— Гдѣ письмо? спросилъ онъ.

Двухъ словъ было достаточно шотландцу для отвѣта:

— На почтѣ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Глава I.

ТАЙНА ОЗАЙЯЗА МИДУИНТЕРА.

Въ тёплую майскую ночь въ тысяча-восемьсотъ-пятьдесятъ-первомъ году ректоръ Децимусъ Брокъ, находившійся въ это время на островѣ Мэнъ, удалился въ свою спальную, въ Кэстль-тоунѣ. Серьёзная отвѣтственность тяготила его душу и онъ не могъ еще сообразить, какими способами онъ можетъ освободиться отъ неприятнаго положенія, въ которое его поставили настоящія обстоятельства.

Ректоръ дошолъ до того зрѣлаго періода человѣческой жизни, въ который умный человѣкъ научился уже уклоняться (такъ часто, какъ только позволяетъ его характеръ) отъ всѣхъ бесполезныхъ столкновеній съ своими собственными заботами. Оставивъ всякое дальнѣйшее покушеніе принять какое-нибудь рѣшеніе въ томъ непредвидѣнномъ случаѣ, который теперь смущалъ его, мистеръ Брокъ спокойно усѣлся на кровати и старался сообразить, дѣйствительно ли такъ серьезень этотъ непредвидѣнный случай, какъ онъ до-сихъ-поръ думалъ. Слѣдуя по этому новому пути изъ лабиринта своего недоумѣнія, мистеръ Брокъ совершенно неожиданно устремился къ цѣли посредствомъ самаго непріятнаго изъ всѣхъ странствованій для человѣка—странствованія по прошедшимъ годамъ своей собственной жизни.

Событія этихъ прошлыхъ лѣтъ, соединявшіяся съ тѣми же самыми лицами и болѣе или менѣе относившіяся къ безпокойству—которое теперь мѣшало пастору заснуть—одно за однимъ возникли въ памяти мистера Брока. Первый рядъ этихъ событій напомнилъ ему, какъ, за четырнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ имѣлъ въ своѣмъ пасторатѣ на сомерсетширскомъ берегу Бристольскаго канала свиданіе съ одной дамой, которая явилась къ нему совершенно незнакомая для него и для всѣхъ въ этомъ мѣстѣ.

Дама эта была блондинка; черты лица ея сохранились хорошо; она была еще молода и казалась моложе своихъ лѣтъ. Въ выраженіи лица ея былъ оттѣнокъ меланхоліи, а въ голосѣ—тонъ страданія, на столько, чтобы показать, что она имѣла огорченія, но не на столько, чтобы навязывать эти огорченія вниманію другихъ. Она привела съ собою прекраснаго бѣлокурого семилѣтняго мальчика, котораго представила пастору какъ своего сына, и въ самомъ началѣ свиданія отослала его играть въ садъ. Прежде чѣмъ она вошла въ кабинетъ пастора, она прислала свою карточку, на которой стояло имя: «Мистриссъ Армэдэль». Мистеръ Брокъ заинтересовался ею даже прежде чѣмъ она успѣла заговорить; а когда она отослала сына, онъ ждалъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, что скажетъ ему мать.

Мистриссъ Армэдэль прежде всего сообщила ректору, что она

вдова. Мужъ ея погибъ въ кораблекрушеніи, вскорѣ послѣ ихъ брака, во время путешествія изъ Мадеры въ Лиссабонъ. Послѣ этого несчастія отецъ ея привёзъ её въ Англію и ея сынъ родился послѣ смерти отца, въ фамиліи помѣстьѣ въ Норфолькѣ. Послѣ смерти ея отца случившейся вскорѣ, остававшіеся у нея родственники (два брата) совершенно отдалили её отъ себя, и—какъ она боялась—навсегда. Нѣсколько времени жила она въ Девонширскомъ графствѣ, посвятивъ себя воспитанію своего сына, который теперь находился уже въ такихъ лѣтахъ, когда для него были потребны уроки не одной матери. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ ей не хотѣлось разстаться съ сыномъ въ ея одинокомъ положеніи, она особенно желала не посылать его въ школу между чужихъ. Любимой ея мыслью было воспитать сына дома и уберечь отъ всякихъ столкновеній съ искушеніями и опасностями свѣта. Имѣя эти цѣли въ виду, она не могла уже оставаться тамъ, гдѣ она жила до-сихъ-поръ (тамъ пасторъ не былъ способенъ занять мѣсто воспитателя). Она собрала свѣдѣнія и услышала, что для нея годится домъ по близости пастората мистера Брока и что мистеръ Брокъ прежде имѣлъ обыкновеніе брать учениковъ. Узнавъ объ этомъ, она осмѣлилась явиться сама съ рекомендаціями, но безъ формальнаго представленія, спросить не согласится ли мистеръ Брокъ взять къ себѣ ученикомъ ея сына, если она предложитъ выгодныя условія.

Еслибы мистриссъ Армэдэль не имѣла никакой личной привлекательности, или еслибы мистеръ Брокъ имѣлъ защиту, въ видѣ жены, то, вѣроятно, поѣздка вдовы была бы предпринята напрасно. Теперь же ректоръ, разсмотрѣвъ рекомендаціи, представленныя ему, просилъ дать ему время на размышленіе. Когда это время прошло, онъ исполнилъ желаніе мистриссъ Армэдэль: взялъ на себя воспитаніе ея сына.

Это было первое происшествіе въ ряду событій; оно случилось въ тысячу-восемьсотъ-тридцать-седьмомъ году. Память мистера Брока переносясь впередъ къ настоящему, напомнила ему второе происшествіе, случившееся въ тысячу-восемьсотъ-сорокъ-пятомъ году.

Мѣстомъ дѣйствія всё еще была рыбацья деревенька на сомерсетширскомъ берегу, а дѣйствующія лица опять—мистриссъ Армэдэль и ея сынъ. Въ протекшія восемь лѣтъ отвѣтственность мистера Брока не слишкомъ тяготила его: мальчикъ мало подавалъ повода къ безпокойству своей матери и своему воспитателю. Конечно, успѣхи въ ученьи шли медленно, но скорѣе отъ природной неспособности сосредоточить вниманіе на занятіи, чѣмъ отъ недостатка способности понять урокъ. Нельзя было опровергать, что его темпераментъ былъ опрометчивъ въ высшей степени; онъ дѣйствовалъ необдуманно по первому впечатлѣнію и слѣпо выводилъ заключенія. Съ другой стороны, въ его пользу можно сказать то, что его характеръ былъ самый откровенный; болѣе великодушнаго, любящаго, кроткаго мальчика трудно было бы найти. Особенная оригинальность характера и природное здравомысліе во всёхъ его наклонностяхъ избавляли его отъ многихъ опасностей, которыми неизбежно подвергала его система воспитанія его матери. Онъ имѣлъ совершенно англійскую любовь къ морю и ко всему, что къ морю относилось; и когда онъ выросъ, наконецъ, нельзя было отвлечь его отъ берега моря и отъ верфи; однажды мать съ съ досадою и удивленіемъ застала его работающимъ тамъ. Онъ признался, что всё его честолюбіе въ будущемъ заключается въ томъ, чтобы имѣть свою собственную верфь, а настоящею цѣлью его было научиться построить лодку для себя. Благоразумно предвидя, что такое занятіе въ свободные часы именно можетъ примирить мальчика съ неизбѣнимъ товарищей его званія и лѣтъ, мистеръ Брокъ уговорилъ мистриссъ Армэдэль, съ немалымъ трудомъ, позволить сыну продолжать выбранное имъ занятіе. Въ періодъ второго происшествія въ жизни ректора молодой Армэдэль на столько научился корабельному мастерству, что достигъ цѣли своихъ желаній и собственными руками заложилъ киле своей собственной лодки.

Въ одинъ лѣтній день, вскорѣ послѣ того, какъ Аллену исполнилось шестнадцать лѣтъ, мистеръ Брокъ оставилъ своего

ученика прилежно работающимъ на верфи и пошоль провести вечеръ съ мистриссъ Армэдэль, взявъ съ собою *Tаймъзъ*.

Въ годы, прошедшіе послѣ первой ихъ встрѣчи, отношенія ректора и его сосѣдки давно уже установились. Первые попытки къ тому, чтобы заслужить расположеніе вдовы—попыткѣ, которыя заставилъ сдѣлать мистера Брока его возрастающій восторгъ къ мистриссъ Армэдэль въ первое время ихъ знакомства, она приняла съ своей стороны просьбою, заставившей его никогда не говорить объ этомъ болѣе. Она увѣрила его, развѣ навсегда, что единственное мѣсто въ ея сердцѣ, которое онъ могъ надѣяться занять, было мѣсто друга. Онъ на столько любилъ её, что радъ былъ принять всё, что она хотѣла предложить ему: они сдѣлались и оставались друзьями съ того времени. Ревнивое опасеніе, что другой мужчина будетъ имѣть успѣхъ тамъ, гдѣ онъ потерпѣлъ неудачу, не вливало горечи въ спокойныя сношенія ректора съ любимой имъ женщиной. Изъ немногихъ мужчинъ, жившихъ въ этихъ окрестностяхъ, мистриссъ Армэдэль никого не допускала къ короткому знакомству съ собою. Она добровольно погребла себя въ своёмъ сельскомъ уединеніи и никакія привлекательности свѣта, которыя могли бы прельстить другихъ женщинъ въ ея положеніи и въ ея лѣтахъ, на неё не имѣли ни малѣйшаго дѣйствія. Мистеръ Брокъ, съ своей газетой, являвшійся съ однообразной акуратностью за ея чайнымъ столомъ три раза въ недѣлю, сообщалъ ей всё, что она желала знать о внѣшнемъ мірѣ, окружавшемъ тѣсныя и неизмѣнныя границы ея ежедневной жизни.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ идётъ рѣчь, мистеръ Брокъ сѣлъ на кресло, на которомъ онъ всегда сидѣлъ, выпилъ одну чашку чаю, которую онъ всегда пилъ и развернулъ газету, которую онъ всегда читалъ вслухъ мистриссъ Армэдэль, которая всегда слушала его прислонившись къ спинкѣ того же дивана и всегда съ тою же самою работою въ рукахъ.

— Господи Боже мой! закричалъ ректоръ, съ удивленіемъ устремивъ глаза на первую страницу газеты.

Никогда такого вступленія къ вечернему чтенію не случалось слышать мистриссъ Армэдэль. Она съ любопытствомъ подняла

глаза, и просила своего почтеннаго друга удостоить её объясненіемъ.

— Я не вѣрю своимъ глазамъ, сказалъ Брокъ:—здѣсь есть объявленіе, мистриссъ Армэдэль, адресованное къ вашему сыну.

Безъ дальнѣйшихъ предисловіи онъ прочолъ слѣдующее объявленіе:

«Если эти строки попадутся на глаза Аллена Армэдэля, его просить: или пожаловать лично, или прислать свой адресъ къ гг. Гэммику и Риджу (въ Лондонѣ, въ Линкольн-Иннѣ), которые имѣютъ сообщить ему важное дѣло, касающееся его. Всякій, кто можетъ сообщить гг. Г. и Р., гдѣ можно найти Аллена Армэдэля, сдѣлаетъ большое одолженіе. Для предупрежденія ошибокъ, необходимо замѣтить, что находящійся неизвѣстно гдѣ Алленъ Армэдэль, юноша пятнадцати лѣтъ, и что это объявленіе напечатано по желанію его родныхъ и друзей.

— Другіе родные и другіе друзья, сказала мистриссъ Армэдэль.—Это объявленіе относится не къ моему сыну.

Тонъ, которымъ она говорила, удивилъ Брока. Перемѣна въ ея лицѣ непріятно поразила его. Ея нѣжный цвѣтъ лица принялъ какой-то мертвенно-блѣдный оттѣнокъ. Глаза отвернулись отъ ея гостя съ странной смѣсью замѣшательства и испуга; она, казалось, вдругъ постарѣла десятью годами.

— Это имя такое необыкновенное, сказалъ Брокъ, воображивъ, что онъ оскорбилъ её и стараясь извиниться. — Казалось рѣшительно невозможнымъ, чтобъ могло быть два человѣка...

— Ихъ два, перебила мистриссъ Армэдэль. — Аллену, какъ вамъ извѣстно, шестнадцать лѣтъ. Если вы опять взглянете на объявленіе, вы найдёте, что человѣку, находящемуся неизвѣстно гдѣ, только пятнадцать лѣтъ. Хотя онъ носить ту же фамилію и то же имя, онъ, слава Богу, вовсе не родня моему сыну. Пока я жива, главною цѣлью моихъ надеждъ и моихъ молитвъ будетъ то, чтобы Алленъ никогда его не видалъ и даже никогда о нёмъ не слыхалъ. Мой добрый другъ, я вижу, что я удивляю васъ. Простите ли вы мнѣ, если я не объясню вамъ эти странныя обстоятельства? Въ моей прежней жизни были такія несчастья

и такія огорченія, что мнѣ слишкомъ тяжело говорить о нихъ — даже *вамъ*. Поможете ли вы мнѣ переносить это воспоминаніе, никогда не упоминая объ этомъ? Хотите ли вы сдѣлать еще болѣе: хотите обѣщать мнѣ не говорить объ этомъ Аллану и сдѣлать такъ, чтобы эта газета не попалась ему на глаза?

Мистеръ Брокъ далъ требуемое обѣщаніе и оставилъ мистриссъ Армэдэль одну.

Ректоръ былъ такъ долго и такъ искренно привязанъ къ мистриссъ Армэдэль, что не могъ смотрѣть на неё съ недостойнымъ недовѣріемъ. Но бесполезно будетъ отрицать, что его нѣсколько разочаровало ея недовѣріе къ нему и что онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на объявленіе, не разъ, возвращаясь домой. Теперь было довольно ясно, что причина, заставившая мистриссъ Армэдэль похоронить себя и сына заживо въ отдаленной деревнѣ, заключалась не столько въ томъ, чтобы держать его на глазахъ, сколько въ томъ, чтобы не допустить его соименника найти его. Почему она опасалась ихъ встрѣчи? За себя, или за сына опасалась она этого? Благородное довѣріе мистера Брока къ его другу не позволяло ему разрѣшить загадку предположеніемъ о какомъ-нибудь проступкѣ мистриссъ Армэдэль въ прошломъ—проступкѣ, съ которымъ соединялись бы тѣ мучительныя воспоминанія, о которыхъ она намекала; или то отчужденіе ея братьевъ, которое разлучило её на столько лѣтъ съ ея родными и съ ея домашнимъ кровомъ. Въ этотъ вечеръ мистеръ Брокъ собственными руками уничтожилъ объявленіе; въ этотъ вечеръ онъ рѣшилъ, что никогда болѣе не будетъ думать объ этомъ предметѣ. На свѣтѣ былъ другой Алланъ Армэдэль, чужой по крови его ученику и бродяга, котораго отыскивали по объявленію въ газетѣ. Этотъ случай открылъ ему немного. Болѣе, ради мистриссъ Армэдэль, онъ не желалъ узнать.

Это было второе происшествіе изъ ряда событій, начавшихся со времени сношеній ректора съ мистриссъ Армэдэль и ея сыномъ. Память мистера Брока, приближаясь къ настоящимъ обстоятельствамъ, остановилась на третьемъ періодѣ въ тысяча-восемьсотъ-пятидесятомъ году.

Пять прошедшихъ лѣтъ не сдѣлали почти никакой перемѣны въ характерѣ Аллена. Онъ, просто, сдѣлался (употребляя собственныхъ слова его воспитателя) изъ шестнадцатилѣтняго мальчика молодымъ человѣкомъ двадцати-одного года. Характеръ его былъ такой же откровенный и спокойный какъ прежде; точно такой же неизмѣнно веселый, точно такой же опрометчивый и поддававшійся впечатлѣніямъ, увлекавшимъ его. Наклонность его къ морю увеличивалась съ годами. Начавъ строить лодку, онъ теперь — съ двумя работниками, которыми онъ распоряжался — уже строилъ яхту въ тридцать-пять тоннъ. Мистеръ Брокъ добросовѣстно старался привлечь его къ болѣе высокимъ стремленіямъ. Онъ возилъ его въ Оксфордъ посмотреть на университетскую жизнь, возилъ его въ Лондонъ, чтобы развить его умъ зрѣлицемъ обширной столицы. Перемѣна развлекала Аллена, но ни въ чемъ не измѣнила его. Онъ былъ такъ же недоступенъ для мірскаго честолюбія, какъ самъ Діогенъ.

— Что лучше, спрашивалъ этотъ бессознательный философъ: — постараться самому найти способъ какъ быть счастливымъ, или предоставить другимъ, не могутъ ли они отыскать этотъ способъ для насъ?

Съ этой минуты мистеръ Брокъ предоставилъ характеру своего ученика развиваться на свободѣ, и Алленъ непрерывно работалъ надъ своей яхтой.

Время, такъ мало измѣнившее сына, не такъ безвредно обошлось съ матерью. Здоровье мистриссъ Армэдэль быстро разрушалось; по мѣрѣ того, какъ упали ея силы, характеръ ея измѣнялся къ худшему. Она сдѣлалась безпокойнѣе, болѣе поддавалась болѣзненнымъ опасеніямъ и фантазіямъ, и всё менѣе чувствовала желанія выходить изъ своей комнаты. Послѣ объявленія въ газетѣ въ продолженіе пяти лѣтъ ничего не случилось такого, что напомнило бы ей непріятныя происшествія ея прежней жизни. Между ректоромъ и нею не было произнесено ни одного слова болѣе о запрещенномъ предметѣ; ни малѣйшаго подозрѣнія не было возбуждено въ душѣ Аллена о существованіи его соименника, а между тѣмъ, не имѣя ни малѣйшаго повода къ безпокойству, мистриссъ Армэдэль въ послѣдніе годы какъ-то упор.

но и причудливо тревожилась насчетъ своего сына. Одно время она радовалась его фантазіи строить яхту, что дѣлало его счастливымъ и занятымъ въ ея глазахъ. Въ другое время она съ ужасомъ говорила о томъ, какъ онъ пустится по вѣроломному океану, на которомъ ея мужъ нашолъ смерть. То въ одномъ отношеніи, то въ другомъ, она выводила сына изъ терпѣнія, какъ этого никогда не случалось въ то время, когда она была здоровѣе и счастливѣе. Мистеръ Брокъ не разъ опасался серьезнаго несогласія между ними. Но природная кротость Аллена, подкрѣпляемая его любовью къ матери, помогала ему переносить эти испытанія. Ни одного суроваго слова, ни одного жосткаго взгляда не вырывалось у него въ ея присутствіи; онъ былъ исполненъ къ ней неизмѣнной любви и терпѣнія.

Таково было положеніе сына, матери и друга; когда слѣдующее достопримѣчательное событіе случилось съ ними. Въ одинъ пасмурный день, въ первыхъ числахъ ноября, когда мистеръ Брокъ сочинялъ проповѣдь, его посѣтилъ хозяинъ деревенской гостинницы.

Послѣ предварительныхъ извиненій, трактирщикъ сообщилъ важное дѣло, которое привело его въ пасторатъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ, въ гостинницу привели молодого человѣка земледѣльца, работавшіе въ окрестностяхъ; они нашли его расхаживающимъ по полю ихъ хозяина въ такомъ сильномъ разстройствѣ, что они приняли это за помѣшательство. Трактирщикъ далъ приютъ бѣдному молодому человѣку и послалъ за докторомъ, который, увидѣвъ больного, объявилъ, что онъ страдаетъ воспаленіемъ въ мозгу и что переѣздъ его въ ближайшій городъ, въ которомъ есть госпиталь, или лечебница при рабочемъ домѣ, по всей вѣроятности будетъ гибеленъ для его выздоровленія. Услышавъ это и примѣтивъ, что вся поклажа незнакомца заключается въ небольшомъ дорожномъ мѣшкѣ, который былъ найденъ возлѣ него на полѣ, трактирщикъ тотчасъ отправился посоветоваться съ ректоромъ, что ему дѣлать въ такомъ серьезномъ и непредвидѣнномъ случаѣ.

Мистеръ Брокъ былъ не только ректоръ, но и судья этого округа, и нисколько не затруднился относительно того, что те-

перь слѣдуетъ дѣлать. Онъ надѣлъ шляпу и отправился съ трактирщикомъ въ гостинницу.

У дверей гостинницы къ нимъ присоединился Алланъ, узнавшій о случившемся отъ другихъ и ожидавшій мистера Брока, чтобъ посмотреть на незнакомца. Въ эту же минуту къ нимъ присоединился деревенскій докторъ и всѣ четверо пошли въ гостинницу.

Они нашли сына трактирщика съ одной стороны, а дворника съ другой, удерживавшихъ незнакомца на стулѣ. Молодой, худощавый и невысокаго роста, онъ былъ такъ силенъ въ эту минуту, что даже двоимъ трудно было сладить съ нимъ. Его смуглый цвѣтъ лица, большіе, блестящіе каріе глаза, черные усы и такая же борода придавали ему что-то иностранное. Платье его было нѣсколько изношено, но бѣлье чистое. Смуглыя руки нервно подѣргивались и во многихъ мѣстахъ были покрыты синими шрамами отъ прежнихъ ранъ. Палецъ одной ноги, съ которой онъ сбросилъ башмакъ, ухватился за рѣшотку стула сивозъ чулокъ съ той мускулярной силой, которую можно только видѣть у тѣхъ, кто привыкъ ходить босикомъ. При томъ неистовомъ бѣшенствѣ, въ которомъ онъ теперь находился, невозможно было рѣшиться ничего болѣе. Посовѣтовавшись съ мистеромъ Брокомъ, докторъ, подъ своимъ личнымъ надзоромъ, велѣлъ перенести больного въ спокойную спальную въ задней сторонѣ дома. Вскорѣ послѣ того его платье и дорожный мѣшокъ были снесены внизъ и осмотрѣны, въ надеждѣ найти какую-нибудь нить, которая подала бы возможность написать къ его друзьямъ.

Въ дорожномъ мѣшкѣ не было ничего, кромѣ перемѣны платья и двухъ книгъ—трагедіи Софокла на греческомъ языкѣ и «Фауста» Гете на нѣмецкомъ. Обѣ книги были истѣрты отъ чтенія, а на заглавномъ листѣ каждой были написаны начальныя буквы О. М. Волѣ ничего въ мѣшкѣ не нашлось.

Потомъ осмотрѣли платье, которое было на этомъ человѣкѣ, когда его нашли въ полѣ. Изъ кармана постепенно были вынуты кошелекъ (въ которомъ лежали sovereignъ и нѣсколько шиллинговъ), трубка, кисеть, носовой платокъ и роговой стаканъ.

Послѣдняя вещь найдена была небрежно скомканною въ грудномъ карманѣ сюртука. Это былъ аттестатъ, подписанный и съ числомъ, но безъ адреса. Судя по этому документу, исторія незнакомца была очень печальная. Онъ недолгое время занималъ мѣсто учителя въ школѣ и въ началѣ его болѣзни ему отказали, изъ опасенія, что его болѣзнь, можетъ-быть, заразительна и что, слѣдовательно, всё заведеніе можетъ пострадать. Ни малѣйшаго обвиненія въ дурномъ поведеніи не было въ аттестатѣ, напротивъ, школьный учитель съ удовольствіемъ свидѣтельствовалъ о его способностяхъ и его характерѣ, и горячо желалъ, чтобы онъ выздоровѣлъ въ какомъ-нибудь другомъ домѣ.

Аттестатъ, объяснявшій нѣсколько исторію этого человѣка, послужилъ еще къ одной цѣли—онъ указывалъ, что заглавныя буквы на книгѣ принадлежали его имени, и судья и трактирщикъ узнали, что онъ носилъ странное и необыкновенное имя—Озайязъ Мидуинтеръ.

Мистеръ Брокъ положилъ въ сторону аттестатъ, подозрѣвая, что школьный учитель съ намѣреніемъ не написалъ свой адресъ, чтобы уклониться отъ всякой отвѣтственности въ случаѣ смерти его учителя. Во всякомъ случаѣ, очевидно, было бесполезно, при существующихъ обстоятельствахъ, отыскивать друзей несчастнаго—если только онъ имѣлъ ихъ. Его привели въ гостинницу и, по долгу обыкновеннаго человѣколюбія, онъ долженъ былъ остаться пока въ гостинницѣ. Затрудненіе насчетъ издержекъ, еслибы болѣзнь приняла дурной оборотъ, можно было отстранить благотворительною подпискою въ этихъ окрестностяхъ, или сборомъ послѣ обѣдни въ церкви. Увѣривъ трактирщика, что онъ подумаетъ объ этомъ вопросѣ и дастъ ему знать какъ онъ рѣшитъ, мистеръ Брокъ ушелъ изъ гостинницы не примѣтивъ, что онъ оставилъ тамъ Аллена.

Прежде чѣмъ онъ отошелъ на пятьдесятъ шаговъ, Алленъ нагналъ его. Въ то время, пока продолжался обыскъ въ гостинницѣ, Алленъ былъ необыкновенно молчаливъ и серьезенъ; но теперь къ нему возвратилась его обыкновенная веселость. Посторонній подумалъ бы, что въ немъ недостаётъ самаго обыкновеннаго чувства.

— Какое это печальное обстоятельство! сказала ректоръ.—Я право не знаю, что лучше сдѣлать для этого несчастнаго человѣка.

— Можете успокоиться, сэръ, отвѣчала Армэдэль съ своимъ обыкновеннымъ чистосердечіемъ:—я уже всё рѣшилъ съ трактирщикомъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Вы! воскликнулъ Брокъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ.

— Я только сдѣлалъ нѣсколько простыхъ распоряженій, продолжалъ Аллэнъ:—нашъ пріятель, учитель, будетъ имѣть всё нужное и съ нимъ станутъ обращаться какъ съ принцемъ; а когда доктору и трактирщику понадобятся деньги, они обратятся ко мнѣ.

— Любезный Аллэнъ, кротко замѣтилъ мистеръ Брокъ:—когда вы научитесь думать прежде чѣмъ дѣйствовать по вашимъ великодушнымъ впечатлѣніямъ? Вы уже истратили гораздо больше денегъ на вашу яхту, чѣмъ позволяютъ ваши средства...

— Подумайте только! Мы положили первыя доски на палубѣ третьягодня, сказала Аллэнъ переходя къ новому предмету съ своей обыкновенной впечатлительностью. — Сдѣлано столько, что уже можно ходить, если только голова не закружится. Я помогу вамъ войти на лѣстницу, мистеръ Брокъ, если вы придѣте посмотрѣть.

— Выслушайте меня, настаивалъ ректоръ: — я теперь говорю не объ яхтѣ, то-есть я упомянулъ объ яхтѣ только для примѣра...

— И прекраснаго примѣра, замѣтилъ неисправимый Аллэнъ:—Найдите мнѣ во всей Англіи маленькую яхту этой величины красивѣе моей, и я завтра же брошу её строить... О чемъ мы разговаривали, сэръ? Я боюсь, что мы нѣсколько затерялись.

— Я боюсь, что одинъ изъ насъ имѣетъ привычку теряться каждый разъ, какъ раскрываетъ ротъ, возразилъ Брокъ.—Полно полно, Аллэнъ! это дѣло серьёзное. Вы взяли на себя издержки, которыя не будете въ состояніи заплатить. Замѣйте, я вовсе не порицаю васъ за ваше доброе чувство къ этому бѣдному человѣку...

— Не отчаявайтесь за него, сэръ, онъ выздоровѣетъ, онъ будетъ совсѣмъ здоровъ черезъ недѣлю. Отличный человѣкъ —

я въ этомъ не сомнѣваюсь! продолжалъ Аллэнъ, который имѣлъ привычку вѣрить каждому и не отчаиваться ни въ чомъ. — Не пригласите ли вы его обѣдать, когда онъ выздоровѣетъ, мистеръ Брокъ? Мнѣ хотѣлось бы знать—когда мы всѣ трое будемъ дружно сидѣть за виномъ—какъ ему досталось такое необыкновенное имя—Озайязъ Мидуинтеръ. Ей-богу, отцу его слѣдовало бы стыдиться самого себя.

— Будете вы отвѣчать мнѣ на одинъ вопросъ, прежде чѣмъ я уйду домой? сказалъ ректоръ съ отчаяніемъ останавливаясь у своей калитки.—Счотъ этого человѣка за квартиру и за леченіе можетъ простираться до двадцати или тридцати фунтовъ прежде чѣмъ онъ выздоровѣетъ, если только онъ выздоровѣетъ. Какъ вы это заплатите?

— Чтò говорить канцлеръ казначейства, когда запутается въ своихъ отчетахъ и не знаетъ какъ ему выпутаться? спросилъ Аллэнъ.—Онъ всегда говоритъ своему благородному другу, что онъ готовъ сократить расходъ, въ томъ, или другомъ...

— То-есть, оставляя пробѣлъ на всякій случай? намекнулъ Брокъ.

— Именно, сказалъ Аллэнъ.—Я похожъ на канцлера казначейства. Я оставляю въ своихъ расходахъ пробѣлъ—яхта поглощаетъ не всѣ мои доходы. Если у меня не достанетъ фунта два—не бойтесь, сэръ. Во мнѣ нѣтъ гордости; я пойду кругомъ съ шляпой и пополю недостатокъ сборомъ съ сосѣдей. Позвольте! Гдѣ мы? опять мы затерялись. О! я помню. Мы говорили о деньгахъ. Вотъ чего я не могу вбить въ мою тупую голову, заключилъ Аллэнъ не сознавая, что онъ проповѣдуетъ социализмъ пастору.—почему всѣ такъ хлопочатъ о томъ, чтобъ денегъ не бросать? Почему людямъ, у которыхъ есть лишніа деньги, не отдать ихъ тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ, и такимъ образомъ все на свѣтѣ было бы гладко и хорошо? Вы всегда мнѣ говорите, чтобъ я старался развивать идеи, мистеръ Брокъ. Вотъ эта идея, кажется мнѣ, совсѣмъ не дурна.

Мистеръ Брокъ шутиливо ударилъ своего ученика тростью.

— Ступайте на свою яхту, сказалъ онъ. — Все соображеніе, какое только могло умѣститься въ вашей легкомысленной головѣ

осталось на яхтѣ въ вашемъ ящикѣ съ инструментами. Какъ кончить этотъ мальчикъ, продолжалъ ректоръ оставшись одинъ:— этого не можетъ сказать ни одинъ человекъ. Я почти жалѣю зачѣмъ я взялъ на себя отвѣтственность за его воспитаніе.

Прошло три недѣли прежде чѣмъ незнакомецъ, носившій такое странное имя, вышелъ изъ опасности. Въ это время Аллэнъ постоянно справлялся о нёмъ въ гостинницѣ, и какъ только больному позволили принимать посѣтителей, Аллэнъ первый явился у его кровати. До-сихъ-поръ ученикъ мистера Брока показывалъ не болѣе самаго обыкновеннаго интереса къ одному изъ немногихъ романическихъ происшествій, нарушившихъ однообразіе деревенской жизни: онъ не сдѣлалъ никакой неосторожности, и не подвергнулъ себя порицанію. Но по мѣрѣ того, какъ проходили дни, молодой Армэдэль сталъ оставаться въ гостинницѣ гораздо долѣе прежняго, и докторъ (человекъ пожилой и осторожный) посовѣтовалъ ректору принять надлежащія мѣры. Мистеръ Брокъ немедленно послѣдовалъ этому совѣту и узналъ, что Аллэнъ поддакъ своей обыкновенной впечатлительности и своей обыкновенной опрометчивости. Онъ сильно привязался къ изгнанному учителю и пригласилъ Озайяза Мидуинтера поселиться въ этихъ окрестностяхъ навсегда, въ новомъ и интересномъ званіи его искренняго друга.

Прежде чѣмъ мистеръ Брокъ сообразилъ какъ ему дѣйствовать въ такомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ, онъ получилъ записку отъ матери Аллэнъ, просившей своего стараго друга навѣстить её. Онъ нашолъ мистриссъ Армэдэль въ сильномъ нервномъ волненіи, возбужденномъ въ ней свиданіемъ съ ея сыномъ. Аллэнъ сидѣлъ съ ней всё утро и всё время говорилъ только о своёмъ новомъ другѣ. Человекъ съ ужаснымъ именемъ (такъ называла его бѣдная мистриссъ Армэдэль) спрашивалъ Аллена съ страшной пытливостью о нёмъ самомъ и его родныхъ, но о своей собственной исторіи не упомянулъ ни слова. Въ прежнее время своей жизни онъ привыкъ къ мореплаванію. Къ несчастью, Аллэнъ это узналъ и между ними тотчасъ установилась связь. Съ безпощаднымъ недоумѣніемъ къ незнакомцу—только *потому*, что онъ былъ незнакомецъ—это казалось

мистеру Брокъ довольно безрасудно—мистриссъ Армэдэль уго-
ворила ректора идти въ гостинницу, не теряя ни минуты, и
непремѣнно заставить незнакомца подробно объяснить кто онъ.

— Разузнайте всё о его отцѣ и матери, сказала она съ
своей женской пылкостью.—Удостоверьтесь, прежде чѣмъ, оста-
вите его, что это не бродяга, странствующій подь чужимъ име-
немъ.

— Любезная мистриссъ Армэдэль, возразилъ ректоръ послуш-
но взявъ шляпу:—во всѣмъ другомъ, пожалуй, мы можемъ сомнѣ-
ваться, но имя этого человѣка должно быть настоящее. Никакое
человѣческое существо въ здоровомъ разсудкѣ не назовѣтъ себя
Озайзомъ Мидуинтеромъ.

— Можетъ-быть вы правы, а я ошибаюсь; только, пожалуй-
ста, повидайтесь съ нимъ, настаивала мистриссъ Армэдэль.—
Ступайте и не шадите его, мистеръ Брокъ. Почему мы можемъ
знать, не нарочно ли притворился онъ больнымъ?

Безполезно было разсуждать съ нею. Еслибы весь медицин-
скій факультетъ далъ свидѣтельство въ болѣзни этого человѣка,
въ настоящемъ расположеніи духа мистриссъ Армэдэль не по-
вѣрила бы и факультету. Мистеръ Брокъ выбралъ самый благо-
разумный способъ, чтобы выпутаться изъ затрудненія: онъ не
сказалъ ничего и немедленно отправился въ гостинницу.

На Озайза Мидуинтера, оправившагося отъ воспаленія въ моз-
гу, страшно было смотрѣть. Его выбритая голова, обвязанная
старымъ желтымъ шелковымъ носовымъ платкомъ, его смуглая и
впалыя щоки, его блестящіе каріе глаза, неестественно большіе
и дикіе, растрѣпанная черная борода, длинные, гибкіе, жилистые
пальцы, исхудалые отъ болѣзни до того, что походили на когти—
всё способствовало къ тому, чтобы разстроить ректора въ самомъ
началѣ свиданія. Когда прошло первое чувство удивленія, впечат-
лѣніе, послѣдовавшее за тѣмъ, было не весьма пріятное. Мис-
теръ Брокъ не могъ скрыть отъ себя, что обращеніе незна-
комца говорило не въ его пользу. Общее мнѣніе рѣшило, что
если человѣкъ честенъ, то онъ долженъ это показать, прямо
смотря на тѣхъ, съ кѣмъ онъ говоритъ. Если этотъ человѣкъ,
былъ честенъ, то глаза его выказывали такую наклонность смотрѣть

въ сторону и опровергать его честность. Очень можетъ быть, что они страдали тою же первою неугомонностью, которая преобладала въ его организаціи и виднѣлась въ каждомъ фибрѣ его худощаваго и гибкаго тѣла. По здоровому англо-саксонскому тѣлу ректора пробѣгали мурашки при каждомъ движеніи гибкихъ, смуглыхъ пальцевъ учителя и при каждомъ судорожномъ подѣргиваніи его желтаго лица.

«Прости меня Господи! думалъ Брокъ, вспомнивъ объ Алэ-нѣ и его матери: «а я желалъ бы придумать способъ выгнать Озайяза Мидуинтера опять на всѣ четыре стороны!»

Разговоръ, начавшійся между ними, былъ очень осторожный. Брокъ искусно пробовалъ разузнать, но какъ ни старался, онъ видѣлъ, что, хотя вѣжливо, его оставляли въ невѣдѣніи на счетъ того, что ему хотѣлось знать. Сначала до конца настоящей характеръ этого человѣка съ дикою робостью скрывался отъ попытокъ ректора развѣдать его. Онъ началъ увѣреніемъ, которому было невозможно повѣрить; глядя на него — онъ объявилъ, что ему только двадцать лѣтъ. Всѣ, что можно было уговорить его сказать о школѣ, состояло въ томъ, что одно воспоминаніе о ней было ужасно для него. Онъ занималъ мѣсто учителя только десять дней, когда первые признаки его болѣзни заставили отказаться ему. Какъ онъ добрался до поля, на которомъ его нашли — этого онъ не могъ сказать. Онъ помнилъ, что долго ѣхалъ по желѣзной дорогѣ съ намѣреніемъ (если только онъ имѣлъ какое-нибудь намѣреніе), о которомъ онъ теперь не могъ вспомнить, а потомъ шолъ по направленію къ берегу пѣшкомъ цѣлый день, или цѣлую ночь — навѣрно онъ не зналъ. Море осталось въ его памяти, когда рассудокъ началъ ему измѣнять. Онъ въ дѣтствѣ служилъ на морѣ, потомъ онъ бросилъ это мѣсто и поступилъ къ книгопродавцу въ одномъ провинціальномъ городкѣ. И книгопродавца онъ бросилъ и попробовалъ поступить учителемъ въ школу. На этотъ разъ школа выслала его и онъ долженъ былъ выбрать что-нибудь другое. Но онъ былъ увѣренъ, что возьмись онъ за что бы то ни было — неудача (въ которой некого было обвинять, кромѣ его самого) ожидаетъ его рано или поздно. Друзей, къ которымъ онъ могъ бы обратиться, у него не было, а о родствен-

никакъ онъ не желаетъ говорить. Онъ думаетъ, что они, можетъ быть, умерли, а *они* думаютъ, можетъ быть, что *онъ* умеръ. Нечего опровергать, что это печальное признаніе въ его лѣта. Это можетъ повредить ему въ мнѣніи другихъ и, безъ сомнѣнія, вредитъ въ мнѣніи господина, разговаривающаго съ нимъ въ эту минуту.

Эти странные отвѣты были даны такимъ тономъ и съ такимъ обращеніемъ, которые вовсе не показывали горечи съ одной стороны и равнодушія съ другой. Озайязъ Мидуинтеръ въ двадцать лѣтъ говорилъ о своей жизни какъ могъ бы говорить Озайязъ Мидуинтеръ семидесяти лѣтъ, терпѣливо перенесшій долгіе утомительные годы.

Два обстоятельства сильно говорили противъ того недовѣрія, съ какимъ мистеръ Брокъ слѣпо смотрѣлъ на Озайяза. Онъ написалъ въ банкъ, находившійся въ отдаленной части Англїи, въ которомъ лежали его деньги, взялъ ихъ оттуда и заплатилъ доктору и трактирщику. Человѣкъ съ душою пошлою, поступивъ такимъ образомъ, не считалъ бы себя обязаннымъ никому, расплатившись по счетамъ. Озайязъ Мидуинтеръ говорилъ о тѣхъ, кому онъ былъ обязанъ—особенно объ Аллэнѣ—съ такой горячей признательностью, что её не только удивительно, но и тягостно было видѣть. Съ истинно ужасной искренностью удивлялся онъ, что съ нимъ поступили по-христіански въ христіанской землѣ. Онъ говорилъ о томъ, что Аллэнъ взялъ на себя всѣ издержки по содержанію и леченію его съ неистовымъ восторгомъ признательности и удивленія.

— Я никогда не встрѣчалъ человѣка, похожаго на него! Я никогда не слышалъ ни о комъ, кто походилъ бы на него! кричалъ выгнанный учитель.

Черезъ минуту единственный проблескъ свѣта, сверкнувшій, какъ молнія, опять погасъ во мракѣ. Его блуждающій взоръ по-прежнему отвернулся отъ мистера Брона, а голосъ его понизился опять до неестественной твёрдости и спокойствія.

— Извините, сэръ, сказалъ онъ:—я привыкъ къ тому, чтобы меня преслѣдовали, обманывали, морили съ голода. Всѣ другое кажется мнѣ странно.

Чувствуя къ этому человѣку и влеченіе и отвращеніе, Брокъ вставъ проститься, протянулъ-было руку, поддавшись минутному побужденію и потомъ съ замѣшательствомъ отдернулъ её.

— Вы имѣли доброе намѣреніе, сэръ, сказала Озайязъ Мидуинтеръ, скрестивъ руки за спиной:—я не жалею на то, что вы одумались. Того, кто не можетъ дать о себѣ отчетъ, не можетъ взять за руку джентльмэнъ, находящійся въ такомъ положеніи, какъ вы.

Брокъ ушелъ изъ гостиницы въ совершенномъ недоумѣніи. Прежде чѣмъ отправиться къ мистриссъ Армэдэль, онъ пошелъ за ея сыномъ. Была надежда, что незнакомецъ забывалъ свою осторожность въ разговорѣ съ Алленомъ, и при чистосердечіи Аллена нечего было бояться, что онъ скроетъ отъ ректора то, что происходило между нимъ и больнымъ.

Тутъ опять дипломатія Брока не достигла полезныхъ результатовъ. Когда Алленъ заговаривалъ, онъ болталъ о своемъ новомъ другѣ съ своимъ обыкновеннымъ легкомысліемъ, но онъ не имѣлъ сказать ничего важнаго, потому-что ему самому ничего важнаго сказано не было. Они разговаривали о построеніи яхты и мореплаваніи по цѣлымъ часамъ, и Алленъ узналъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Они разсуждали (съ помощью диаграмъ) о серьезномъ вопросѣ: какъ спустить яхту на воду. Иногда они переходили и къ другимъ предметамъ разговора, о которыхъ Алленъ не могъ припомнить въ настоящую минуту. Неужели Мидуинтеръ ничего не говорилъ о своихъ родныхъ во время этихъ дружескихъ разговоровъ?—ничего, кромѣ того, что съ нимъ обошлись нехорошо—чортъ поberi его родныхъ! Выказывалъ ли онъ щекотливость относительно своего страннаго имени?—ни малѣйшую! Онъ подалъ примѣръ, какъ человѣкъ умный, смѣяться надъ этимъ именемъ—къ чорту его имя! оно казалось очень хорошо, когда къ нему привыкали. Чтò нашолъ въ немъ Алленъ? почему онъ такъ къ нему пристрастился? Алленъ нашолъ въ немъ то, чего не находилъ въ другихъ. Озайязъ не походилъ ни на кого въ этихъ окрестностяхъ. Всѣ другіе были скроены на одинъ образецъ. Каждый былъ здоровъ, силенъ, тупоголовъ, бѣлокуръ и грубоватъ; каждый пилъ пиво, курить

трубку цѣлый день, ѣздилъ на лучшей лошади, охотился съ лучшей собакой и пилъ лучшее вино за своимъ обѣдомъ каждый день; каждый обмывался каждое утро холодною водою и расхаживалъ въ морозную погоду точно такъ, какъ всѣ; каждый хвастался своими долгами и думалъ, что держать пари на скачкахъ самый достохвальный подвигъ, какой только можетъ совершить человеческое существо. Конечно, это были отличные люди въ своёмъ родѣ; но вотъ чтò было худо въ нихъ: они всѣ походили другъ на друга. Встрѣтить такого человѣка, какъ Мидуинтеръ, было истинной находкой — такого человѣка, который не былъ скроенъ по мѣстному образцу и поступки котораго имѣли то огромное достоинство (въ этомъ краю), что они имѣли свою особенность.

Оставивъ всѣ увѣщанія до болѣе удобнаго случая, ректоръ воротился къ мистриссъ Армэдэль. Онъ не могъ скрыть отъ себя, что мать Аллена была сама виновата въ настоящемъ необдуманномъ поступкѣ Аллена. Если бы онъ менѣе знался съ мелкимъ дворянствомъ по сосѣдству и поболѣе видалъ внѣшняго міра на родинѣ и за границей, удовольствіе пользоваться обществомъ Озайяза Мидуинтера имѣло бы для него менѣе привлекательности.

Сознавая неудовлетворительный результатъ своего посѣщенія, мистеръ Брокъ нѣсколько безпокоился о томъ, какъ примутъ его донесеніе. Его предчувствія скоро оправдались. Какъ онъ ни старался смягчить подозрительное молчаніе учителя о себѣ самомъ, мистриссъ Армэдэль воспользовалась этимъ для оправданія самыхъ строгихъ мѣръ, которыя она намѣревалась принять для того, чтобы разлучить сына съ нимъ. Если ректоръ не захочетъ вмѣшиваться въ это дѣло, она объявила, что сама намѣрена написать къ Озайязу Мидуинтеру. Возраженія раздражили её до такой степени, что она изумила мистера Брока, напомнивъ ему разговоръ, происходившій между ними, когда объявленіе было прочитано въ газетѣ. Она запальчиво увѣряла, что пропавшій Армэдэль, о которомъ говорилось въ этомъ объявленіи, и странствующій Мидуинтеръ, находившійся въ деревенской гостинницѣ, можетъ быть одинъ и тотъ же человѣкъ. Ректоръ

напрасно повтoрялъ о своёмъ убѣжденіи, что невѣроятно, чтобы кто-нибудь на свѣтѣ (особенно молодой человѣкъ) рѣшился назваться такимъ именемъ, если бы оно дѣйствительно не принадлежало ему. Мистриссъ Армэдэль ничто не могло успокоить, кромѣ рѣшительной покорности ея волѣ. Опасаясь послѣдствій—если сопротивляться ей, при слабомъ состояніи ея здоровья, и предвидя серьезный раздоръ между матерью и сыномъ—мистеръ Брокъ взялъ на себя опять повидаться съ Мидуинтеромъ и сказать ему прямо, что онъ долженъ или подробно объяснить кто онъ, или прекратить свою короткость съ Алленомъ. Взамѣнъ этого онъ потребовалъ отъ мистриссъ Армэдэль двѣ уступки: чтобы она терпѣливо ждала, пока докторъ позволить больному пуститься въ путь и чтобы въ этотъ промежутокъ остерегалась упоминать объ этомъ ея сыну.

Черезъ недѣлю Мидуинтеръ могъ выѣхать въ кабриолетѣ, принадлежавшемъ гостинницѣ и которымъ правилъ Армэдэль; черезъ десять дней докторъ объявилъ, что онъ можетъ пуститься въ путь. Вечеромъ въ десятый день мистеръ Брокъ встрѣтилъ Аллена и его друга въ одномъ изъ переулковъ, гдѣ они наслаждались послѣдними проблесками зимняго солнца. Онъ подождалъ пока они разстались, и потомъ пошелъ вслѣдъ за учителемъ въ гостинницу.

Намѣреніе ректора безжалостно стремиться къ цѣли чуть-было не измѣнило ему, когда онъ приближался къ этому одинокому человѣку и видѣлъ какъ онъ еще слабо шолъ, какъ обвисъ его поношенный сюртукъ на его исхудаломъ тѣлѣ и какъ тяжело упирался онъ на свою дешовую и неуклюжую палку. Съ чело-вѣколюбивымъ нежеланіемъ слишкомъ поспѣшно сказать рѣшительныя слова, мистеръ Брокъ сперва сказалъ ему маленькій комплиментъ относительно его чтенія, которое показывали томъ Софогла и томъ Гёте, найдённые въ его дорожномъ мѣшкѣ, и спросилъ какъ давно знакомъ онъ съ нѣмецкимъ и греческимъ языками. Быстрый слухъ Мидуинтера уловилъ что-то странное въ голосѣ Брока. Онъ повернулся при сгущавшихся сумеркахъ и подозрительно посмотрѣлъ въ лицо ректора.

— Вы имѣете что-то сказать мнѣ, отвѣчалъ онъ:—и не то, что вы теперь говорите.

Нечего было дѣлать, надо было принять вызовъ. Очень деликатно, съ разными приготовленіями, которыя учитель выслушалъ въ непрерывномъ молчаніи, Брокъ мало-по-малу всё ближе подвигался къ цѣли задолго до того, какъ онъ достигнулъ до нея — задолго до того, какъ человѣкъ съ обыкновеннымъ умомъ, догадался бы къ чему ведётъ эта рѣчь—Озайязъ Мидуинтеръ, всё стоя въ переулкѣ, сказалъ ректору, что ему не нужно говорить болѣе.

— Я понимаю васъ, сэръ, сказалъ учитель.—Мистеръ Армэдэль имѣетъ опредѣлённое положеніе въ свѣтѣ; мистеру Армэдэлю нечего скрывать, нечего стыдиться. Я согласенъ съ вами, что я не гожусь ему въ товарищи. Самая лучшая признательность, которую я могу выказать за его доброту, состоитъ въ томъ, чтобы не пользоваться ею долѣе. Можете быть увѣрены, что я завтра же уѣду отсюда.

Онъ не сказалъ ни слова болѣе и не хотѣлъ ничего слушать. Съ самообладаніемъ, которое въ его лѣта и при его темпераментѣ было изумительно, онъ вѣжливо снялъ шляпу, поклонился и воротился въ гостиницу одинъ.

Брокъ дурно спалъ въ эту ночь. Результатъ свиданія въ переулкѣ сдѣлалъ еще труднѣе задачу разгадать загадочнаго Озайяза Мидуинтера.

Рано на слѣдующее утро къ ректору было принесено изъ гостиницы письмо и посланный объявилъ, что пріѣзжій джентльмэнъ уѣхалъ. Въ письмѣ лежало незапечатанное письмо къ Аллену и заключалась просьба къ воспитателю Аллена прежде прочесть письмо самому, а потомъ или отдать или нѣтъ—какъ самъ онъ заблагоразсудитъ. Письмо было изумительно короткое: оно начиналось и кончалось этими нѣсколькими словами:

«Не осуждайте мистера Брока; мистеръ Брокъ правъ. Благодарю васъ. Прощайте»

Ректоръ передалъ письмо по назначенію, это, разумѣется само собой, и въ то же время написалъ къ мистриссъ Армэдэль нѣсколько строкъ, чтобы успокоить её извѣстіемъ объ отъѣздѣ учителя. Сдѣлавъ это, Брокъ ждалъ своего ученика, который, вѣроятно, придѣтъ тотчасъ по полученіи письма, и ждалъ не весьма спокойно. Въ поведеніи Мидуинтера могла скрыться какая-нибудь глубоко затаенная причина; но до-сихъ-поръ, было невозможно отрицать, что поступки его опровергали недобрыя ректора и оправдывали доброе мнѣніе Аллена.

Утро проходило, а Алленъ не являлся. Не найдя его на верфи, гдѣ строилась яхта, Брокъ отправился къ мистриссъ Армэдэль и тамъ узналъ такое извѣстіе отъ слуги, которое заставило его отправиться въ гостинницу. Трактирщикъ тотчасъ признался, что мистеръ Армэдэль приходилъ въ гостинницу съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ и настоятельно требовалъ увѣдомленія, по какой дорогѣ поѣхалъ его другъ. Въ первый разъ трактирщикъ видѣлъ мистера Армэдэля разгнѣваннымъ, и дѣвушка, прислуживавшая въ гостинницѣ, сдуру упомянула объ одномъ обстоятельстве, которое подлило масло на огонь. Она призналась, что слышала какъ мистеръ Мидуинтеръ заперся въ своей комнатѣ ночью и громко рыдалъ. Это ничтожное обстоятельство заставило вспыхнуть мистера Армэдэля; онъ началъ ругаться, бросился въ конюшню, принудилъ конюха осѣдлатъ ему лошадь и поскакалъ во весь опоръ по той дорогѣ, по которой Озайязъ Мидуинтеръ поѣхалъ прежде него.

Поручивъ трактирщику не говорить о поступкѣ Аллена, если кто-нибудь изъ слугъ мистера Армэдэля придѣтъ въ это утро въ гостинницу, мистеръ Брокъ воротился домой и съ безпокойствомъ ждалъ что будетъ далѣе.

Къ его неопisanному облегченію, его ученикъ явился въ пасторатъ довольно поздно въ этотъ же день. Алленъ смотрѣлъ и говорилъ съ упорной рѣшимостью, совершенно новой для его стараго друга; не ожидая разспросовъ, онъ самъ всё рассказывалъ съ своей обыкновенной прямою. Онъ нагналъ Мидуинтера на дорогѣ и сначала напрасно старался уговорить его воротиться, а потомъ

узнать куда онъ ѣдетъ, и наконецъ угрожалъ не отставать отъ него и такимъ образомъ вырвалъ признаніе, что онъ ѣдетъ попытать счастья въ Лондонъ. Добившись этого, Аллэнъ спросилъ адресъ своего друга въ Лондонѣ, и хотя другъ умолялъ его не настаивать, онъ всё-таки настаивалъ и наконецъ получилъ адресъ, обратившись къ признательности Мидуинтера, за что (искренно стыдясь самого себя) онъ впоследствии выпросилъ прощаніе Мидуинтера.

— Я люблю этого бѣднаго человѣка и не брошу его, заключилъ Аллэнъ, стукнувъ кулакомъ по столу:—не бойтесь, что я разсержу матушку; я предоставляю вамъ говорить съ нею, мистеръ Брокъ, когда и какъ вы хотите; а я прибавлю только вотъ что для того, чтобы кончить это дѣло. Адресъ записанъ въ моей записной книжкѣ, а я—въ первый разъ твёрдо—держусь моего намѣренія. Я дамъ вамъ и моей матери время подумать объ этомъ, а когда это время пройдётъ, если мой другъ Мидуинтеръ не пріѣдетъ ко *мнѣ*, я поѣду къ моему другу Мидуинтеру.

На томъ дѣло и осталось; и вотъ каковъ былъ результатъ того, что изгнаннаго учителя опять выгнали на всѣ четыре стороны.

Прошолъ мѣсяць и насталъ новый годъ—1851. Пройдя этотъ короткій промежутокъ, Брокъ остановился съ тяжолымъ сердцемъ на самомъ печальномъ, самомъ достопамятномъ событіи изъ всего ряда происшествій—смерти мистриссъ Армэдэль.

Первое предостереженіе о приближавшемся огорченіи случилось тотчасъ послѣ отъѣзда учителя, въ декабрѣ, и возникло изъ обстоятельства, мучительно тяготившаго воспоминанія ректора съ того самаго времени.

Черезъ три дня послѣ отъѣзда Мидуинтера въ Лондонъ, къ мистеру Броку подошла, когда онъ шолъ по деревнѣ, опрятно одѣтая женщина, въ чорномъ шолковомъ платьѣ и въ такой же шляпкѣ и въ красной шали. Эта женщина была совершенно незнакома Броку и просила его указать ей дорогу къ дому мистриссъ Армэдэль. Она сдѣлала этотъ вопросъ, не поднимая густого чорнаго воала, закрывавшаго ей лицо. Брокъ, указавъ ей дорогу, примѣтилъ, что это была замѣчательно изящная и граці-

озная женщина. Онъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ, когда она поклонилась и оставила его, спрашивая себя: кто могла быть гостья мистриссъ Армэдэль.

Четверть часа спустя, дама, всё подъ воалемъ, опять прошла мимо мистера Брока въ гостиницу и поговорила тамъ съ трактирщицей. Увидѣвъ, что трактирщикъ вскорѣ потомъ поспѣшилъ въ конюшню, мистеръ Брокъ спросилъ его: не уѣзжаетъ ли эта дама? Да; она приѣхала съ желѣзной дороги въ омнибусъ, но теперь уѣзжала въ экипажѣ, нанятомъ ею въ гостинницѣ.

Ректоръ пошолъ дальше, удивляясь, почему его мысли съ любопытствомъ устремляются на женщину, совершенно ему незнакомую. Воротившись домой, онъ узналъ, что его ждѣтъ деревенскій докторъ съ порученіемъ отъ матери Аллена. Чась тому назадъ, за докторомъ прибѣжали отъ мистриссъ Армэдэль. Онъ нашолъ её въ сильномъ нервномъ припадкѣ, возбужденномъ (какъ слуги подозрѣвали) неожиданной и, можетъ-быть, неприятной гостьей, которая была у ней въ это утро. Докторъ сдѣлалъ всё необходимое и не боялся никакихъ опасныхъ послѣдствій. Узнавъ, что его пациентка очень желаетъ немедленно видѣть мистера Брока, онъ счолъ нужнымъ исполнить ея желаніе и взялся самъ зайти въ пасторать.

Чувствуя къ мистриссъ Армэдэль болѣе глубокое участіе, чѣмъ чувствовалъ докторъ, мистеръ Брокъ увидѣлъ на лицѣ ея, когда она повернулась къ нему при входѣ его въ комнату, признаки, подававшіе поводъ къ серьезному опасенію. Она не дала ему случая успокоить её; она не обратила вниманія на его расспросы. Она желала слышать отвѣты на свои вопросы и она рѣшилась добиться этихъ отвѣтовъ: видѣлъ ли мистеръ Брокъ женщину, которая осмѣлилась придти къ ней въ это утро? Да. Видѣлъ ли её Алленъ? Нѣтъ. Алленъ работалъ всё время послѣ завтрака и теперь еще былъ на своей верфи. Этотъ послѣдній отвѣтъ повидимому успокоилъ мистриссъ Армэдэль; она предложила слѣдующій вопросъ—самый странный изъ всѣхъ—гораздо спокойнѣе: какъ думаетъ ректоръ: согласится ли Алленъ оставить свою яхту на-время и поѣхать съ матерью отыскивать какой-нибудь домъ въ какой-нибудь другой части Англій? Съ величайшимъ изумленіемъ

мистеръ Брокъ спросилъ: по какой причинѣ мистриссъ Армэдэль желаетъ оставить своё настоящее мѣстопробываніе? Эта причина, когда мистриссъ Армэдэль объяснила её, еще увеличила его удивленіе. За первымъ посѣщеніемъ этой женщины можетъ послѣдовать второе; а скорѣе чѣмъ увидѣть её опять, скорѣе чѣмъ подвергаться риску, что Алленъ увидитъ её и будетъ говорить съ нею, мистриссъ Армэдэль хотѣла уѣхать изъ Англіи, еслибъ это оказалось необходимо, и кончить жизнь въ чужой землѣ. Призвавъ на помощь свою, судейскую опытность, мистеръ Брокъ спросилъ, не приходила ли эта женщина просить денегъ. Да; хотя она была одѣта прилично, она выставила на видъ свои «стѣсненные обстоятельства», просила денегъ и получила ихъ; но вопросъ о деньгахъ не составлялъ никакой важности; только необходимо было уѣхать до возвращенія этой женщины. Удивляясь всё болѣе и болѣе, Брокъ осмѣлился сдѣлать еще вопросъ: давно ли мистриссъ Армэдэль встрѣчалась въ послѣдній разъ съ своею гостьей? Да; этому прошло столько же лѣтъ, сколько теперь Аллену—двадцать-одинъ годъ.

При этомъ отвѣтѣ ректоръ перемѣнилъ направленіе и, вспомнивъ то, что онъ слышалъ отъ мистриссъ Армэдэль въ качествѣ друга, онъ спросилъ:

— Эта особа имѣетъ ли какое-нибудь отношеніе къ тягостнымъ воспоминаніямъ о вашей прежней жизни.

— Да; съ тягостными воспоминаніями о времени моего замужства, отвѣчала мистриссъ Армэдэль.—Она принимала участіе, будучи ребёнкомъ, въ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ я должна думать со стыдомъ и горестью до самой моей смерти.

Брокъ примѣтилъ какъ измѣнился голосъ его стараго друга и съ какой неохотою дала она этотъ отвѣтъ.

— Не можете ли вы мнѣ рассказать о ней подробнѣе, не упоминая о себѣ? продолжалъ онъ.—Я увѣренъ, что я могу защитить васъ, если вы только поможете мнѣ немножко. Ея имя, напримѣръ—вы можете сказать мнѣ ея имя?

Мистриссъ Армэдэль покачала головой.

— Имя, подѣ которымъ я её знала, сказала она:—будетъ для

вась бесполезно. Она вышла замужъ послѣ того—она сама мнѣ такъ сказала.

— И не сказала какъ её зовутъ теперь?

— Она не хотѣла сказать.

— Вы знаете что-нибудь о ея родныхъ?

— Только о тѣхъ родныхъ, какихъ она имѣла, будучи ребёнкомъ. Они называли себя ея дядею и тёткою. Это были люди низкаго происхожденія и бросили её въ школѣ въ помѣстьи моего отца. Мы о нихъ ничего потомъ не слыхали.

— Она осталась на попеченіи вашего отца?

— Она осталась на моёмъ попеченіи, то есть, она поѣхала съ нами. Мы именно въ то время уѣзжали изъ Англїи на Мадеру. Отецъ мой позволилъ мнѣ взять её съ собою и приучить её къ должности моей горничной...

При этихъ словахъ, мистриссъ Армэдэль съ замѣшательствомъ остановилась. Мистеръ Брокъ кротко старался заставить её продолжать. Это было бесполезно; она вскочила въ сильномъ волненіи и начала ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Не спрашивайте меня болѣе! закричала она громкимъ и сердитымъ голосомъ.—Я разсталась съ нею, когда ей было только двѣнадцать лѣтъ. Я не видала её и никогда не слыхала о ней до-сихъ-поръ. Я не знаю какъ она нашла меня послѣ столькихъ прошедшихъ лѣтъ; я знаю только, что она нашла меня. Теперь она найдётъ Аллена и вольѣтъ въ душу моего сына ядъ противъ меня. Помогите мнѣ уѣхать отъ нея! помогите мнѣ увести Аллена прежде чѣмъ она воротится!

Ректоръ не дѣлалъ болѣе вопросовъ: было бы жестоко принуждать её объясниться подробнѣе. Прежде всего было необходимо успокоить её обѣщаніемъ, исполнить ея желаніе, потомъ надо было убѣдить её пригласить другого доктора. Брокъ успѣлъ достигнуть послѣдняго, напомнивъ, что ей нужны силы для путешествія и что ея всегдашній докторъ скорѣе вылечитъ её, если ему поможетъ совѣтъ другого хорошаго доктора. Преодолевъ такимъ способомъ ея обычное нежеланіе видѣть постороннихъ, ректоръ тотчасъ отправился къ Аллену и, деликатно скрывъ что мистриссъ Армэдэль говорила ему, сообщилъ, что его мать была серьезно

больна. Алленъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы послать слугу за докторомъ; онъ тотчасъ самъ поѣхалъ на желѣзную дорогу и пригласилъ доктора изъ Бристольа телеграфической депешей.

На слѣдующее утро докторъ пріѣхалъ и опасенія Брока подтвердились. Деревенскій докторъ съ самаго начала не понялъ болѣзни; теперь было уже поздно поправлять его ошибку. Потрясеніе вчерашняго утра довершило вредъ. Дни мистриссъ Армэдаль были сочтены.

Сынъ, нѣжно любившій её, старый другъ, для котораго ея жизнь была драгоценна, тщетно надѣялись до самаго конца. Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда бристоляскаго доктора, всякая надежда исчезла и Алленъ пролилъ первыя горькія слѣзы въ своей жизни на могилѣ своей матери.

Она умерла спокойнѣе чѣмъ Брокъ осмѣливался надѣяться, оставивъ всё свое маленькое состояніе своему сыну и поручивъ его торжественно попеченію своего единственнаго друга на землѣ. Ректоръ умолялъ её позволить ему написать къ ея братьямъ и постараться примирить ихъ съ нею, пока еще не поздно. Она отвѣчала съ грустью, что теперь уже поздно. Но въ этой послѣдней болѣзни у ней вырвался единственный намѣкъ на тѣ прошлыя горести, которыя такъ тяготили её въ послѣдующей жизни и которыя становились три раза, какъ тѣни зла, между ректоромъ и нею. Даже на своёмъ смертномъ одрѣ она не хотѣла объяснить исторію прошлаго. Она посмотрѣла на Аллена стоявшаго на колѣнахъ возлѣ ея кровати, и шепнула Брокъ:

*— Не позволяйте его соименнику приближаться къ нему!
Не допустите эту женщину отыскать его!*

Ни одного слова болѣе не вырвалось у нея о несчастьяхъ, претерпѣнныхъ ею въ прошломъ, или объ опасностяхъ, которыхъ она опасалась въ будущемъ. Тайну, которую она скрывала отъ сына и отъ друга, она унесла съ собой въ могилу.

Когда послѣдній долгъ любви и уваженія былъ исполненъ, Брокъ съчелъ своею обязанностью, какъ душеприкащикъ покойной, уведомить ея братьевъ о ея смерти. Полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми, которые, вѣроятно, ошибочно перетол-

кують его поступокъ, если онъ не объяснить положеніе Аллена, онъ позаботился напомнить имъ, что сынъ мистриссъ Армэдэль обезпеченъ и что цѣль его письма просто состоитъ въ томъ, чтобы сообщить извѣстіе о кончинѣ ихъ сестры. Оба письма были отправлены въ половинѣ января и съ первою почтой отвѣты были получены. Первое письмо, распечатанное ректоромъ, было написано не старшимъ братомъ, но единственнымъ сыномъ старшаго брата. Молодой человекъ послѣ смерти своего отца недавно получилъ въ наслѣдство норфолькское помѣстье. Онъ писалъ дружелюбно и чистосердечно и увѣрялъ мистера Брокъ, что какъ ни сильно отецъ его былъ предубѣжденъ противъ мистриссъ Армэдэль, его непріязненное чувство не простиралось до ея сына. Ему только оставалось прибавить, что онъ будетъ очень радъ принять своего кузена въ Торп-Эмбросъ, когда бы онъ ни вздумалъ пріѣхать къ нему.

Второе письмо было совсѣмъ не такъ пріятно, какъ первое. Младшій братъ былъ еще живъ и не отступалъ отъ своего намѣренія ни простить, ни забыть. Онъ увѣдомлялъ мистера Брока, что выборъ мужа его покойной сестры и ея поступокъ съ отцомъ во время ея замужства сдѣлали невозможными всякую привязанность или уваженіе съ его стороны, слѣдовательно и его племяннику и ему самому были бы тягостны личныя сношенія. Онъ говорилъ въ общихъ выраженіяхъ о непріятностяхъ, разлучившихъ его съ покойною сестрой только для того, чтобы увѣрить мистера Брока, что о личномъ знакомствѣ съ молодымъ Армэдэлемъ нечего было и думать и, въ заключеніе, просилъ позволеніе прекратить корреспонденцію.

Мистеръ Брокъ благоразумно уничтожилъ тутъ же второе письмо и, показавъ Аллену приглашеніе его кузена, посоветовалъ ему отправиться въ Торп-Эмбросъ такъ скоро, какъ только онъ будетъ чувствовать себя въ силахъ встрѣчаться съ посторонними. Алленъ выслушалъ этотъ совѣтъ довольно терпѣливо, но отказался воспользоваться имъ.

— Я охотно пожму руку моему кузену, если встрѣчусь съ нимъ, сказалъ онъ:—но я не буду гостемъ въ томъ домѣ, въ которомъ съ моею матерью такъ дурно общались.

Брокъ кротко возражалъ Аллену, стараясь выставить это обстоятельство въ его настоящемъ свѣтѣ. Даже въ то время—даже когда онъ еще не зналъ о происшествіяхъ, уже угрожавшихъ своимъ приближеніемъ—одинокое положеніе Аллена въ свѣтѣ возбуждало серьезное безпокойство его стараго друга и воспитателя. Поѣздка въ Торп-Эмбросъ открывала возможность для Аллена приобрести друзей и связи приличные его званію и возрасту; но Аллена уговорить было невозможно; онъ упорно и безразсудно не поддавался убѣжденіямъ и ректору ничего болѣе не оставалось, какъ прекратить этотъ разговоръ.

Недѣли проходили однообразно одна за одной. Алленъ не выказывалъ легкомыслія свойственнаго его лѣтамъ и характеру перенося огорченіе, сдѣлавшее его сиротой. Онъ кончилъ и спустилъ на воду свою яхту; но даже работники примѣтили, что его занятіе потеряло для него интересъ. Молодому челювѣку какъ-то было несвойственно предаваться горести такъ, какъ Алленъ предавался теперь. По мѣрѣ приближенія весны, Брокъ началъ тревожиться относительно будущаго, если Аллена не развлечетъ немедленно переменною мѣста. Послѣ многихъ размышленій ректоръ рѣшился на поѣздку въ Парижъ и даже далѣе, на югъ, если его спутникъ изъявитъ желаніе путешествовать по континенту. Согласіе Аллена на это предложеніе загладило его упорный отказъ познакомиться съ кузеномъ—онъ охотно соглашался ѣхать съ Брокомъ куда ему было угодно. Ректоръ воспользовался его словомъ и въ половинѣ марта эти оба страннѣе спутника отправились въ Парижъ черезъ Лондонъ.

Въ Лондонѣ мистеръ Брокъ неожиданно очутился лицомъ къ лицу съ новымъ безпокойствомъ. Неприятное воспоминаніе объ Озайязѣ Мидуинтерѣ, погруженное въ забвеніе съ начала декабря, опять всплыло на поверхность и встало передъ ректоромъ при самомъ началѣ его путешествія еще неприятнѣе прежняго.

Положеніе Брока въ этомъ трудномъ дѣлѣ было довольно затруднительно съ самага перваго раза. Теперь же положеніе это оказалось самымъ невыгоднымъ. Событія устроили такъ, что разногласіе мнѣнія между Алленомъ и его матерью относительно учителя не имѣло никакого отношенія къ волненію, ускори-

шему смерть мистриссъ Армэдэль. Намѣреніе Аллена воздержаться отъ раздражительныхъ словъ и нежеланіе Брока касаться неприятнаго предмета заставляли ихъ обоихъ молчать о Мидуинтерѣ въ присутствіи мистриссъ Армэдэль, въ тѣ три дня, которые прошли между отъѣздомъ учителя и появленіемъ незнакомой женщины въ деревнѣ. Въ періодъ недоумѣнія и страданія, послѣдовавшій за тѣмъ, не было возможности начинать разговоръ объ учителѣ. Освободившись отъ всякаго безпокойства по этому поводу, Алленъ упорно держался своего участія къ своему новому другу. Онъ написалъ къ Мидуинтеру о своемъ несчастіи и предлагалъ (если только ректоръ формально не воспротивится этому) навѣстить своего друга прежде чѣмъ онъ отправится въ Парижъ на слѣдующее утро. Что было дѣлать Броку? Нельзя было отрицать, что поведеніе Мидуинтера опровергало неосновательное недоуѣріе къ нему мистриссъ Армэдэль. Если бы ректоръ, не имѣя никакой убѣдительной причины, на которую онъ могъ сослаться, и не имѣя никакого права вмѣшиваться, кромѣ того права, которое предоставляла ему вѣжливость Аллена, отказался одобрить предполагаемое посѣщеніе, тогда онъ долженъ былъ сказать прости прежнему доуѣрію воспитателя и ученика въ предполагаемомъ путешествіи. Окруженный затрудненіями, которыми, можетъ быть, пренебрѣгъ бы менѣе справедливый и менѣе добрый человекъ, Брокъ сказалъ слова два въ предостереженіе при разставаніи, и (чувствуя болѣе доуѣрія къ скромности и самоотверженію Мидуинтера, чѣмъ ему хотѣлось признаться, даже себѣ самому), онъ предоставилъ Аллену полную свободу поступать по-своему.

Прогуливаясь около часа по улицамъ въ отсутствіе своего воспитанника, ректоръ воротился въ гостинницу и, увидѣвъ газету въ залѣ, разсѣянно сѣлъ пробѣгать еѣ; глаза его, лѣниво остановившись на первой страницѣ, немедленно были прикованы къ самому первому объявленію, которое случайно красовалось въ началѣ столбца. Имя таинственнаго соименника Аллена виднѣлось крупными буквами, вмѣстѣ на этотъ разъ съ предложеніемъ награды. Вотъ въ чомъ заключалось это объявленіе:

Предполагаемый умершимъ.—Къ приходскимъ причотни-

камъ, могильщикамъ и другимъ: двадцать фунтовъ награды будетъ выдано тому, кто доставитъ доказательство смерти *Аллэна Армэдэля* единственнаго сына покойнаго Аллэна Армэдэля изъ Барбадоса, родившагося на этомъ островѣ въ 1730. Для подробныхъ свѣдѣній просить обратиться къ гг. Геммику и Риджу въ Линкольн-Инн-Фильдзъ, въ Лондонѣ.

Даже вовсе непылкое воображеніе мистера Брока наполнилось какимъ-то суетвѣрнымъ страхомъ, когда онъ опять положилъ газету. Мало-по-малу имъ овладѣло смутное подозрѣніе, что весь рядъ событій, послѣдовавшихъ за первымъ появленіемъ имени соименника Аллэна въ газетахъ шесть лѣтъ тому назадъ, соединялся между собою какой-то таинственной связью и упорно стремился къ какой-то непонятной цѣли. Самъ не зная почему, онъ началъ тревожиться отсутствіемъ Аллэна, самъ не зная почему, онъ началъ съ нетерпѣніемъ желать увезти своего воспитанника изъ Англіи прежде чѣмъ случится что-нибудь до завтрашняго дня.

Черезъ часъ ректора нѣсколько успокоило возвращеніе Аллэна въ гостинницу. Молодой человекъ былъ раздосадованъ и не въ духѣ. Онъ нашолъ квартиру Мидуинтера, но не засталъ его дома. Хозяйка его могла сказать Аллэну только то, что Мидуинтеръ ушолъ въ своё обыкновенное время обѣдать въ ближайшей рестораціи и не воротился въ обыкновенный часъ. Аллэнъ пошолъ въ ресторацію и узналъ, что Мидуинтеръ былъ тамъ хорошо извѣстенъ. Онъ всегда имѣлъ обыкновеніе послѣ умереннаго обѣда читать газету съ полчаса. Въ этотъ день послѣ обѣда онъ взялъ газету, по обыкновенію, потомъ вдругъ бросилъ её и ушолъ неизвѣстно куда, чрезвычайно поспѣшно. Не имѣя возможности добиться дальнѣйшихъ свѣдѣній, Аллэнъ оставилъ записку въ квартирѣ Мидуинтера, сообщая ему свой адресъ и прося его явиться проститься съ нимъ до его отъѣзда въ Парижъ.

Вечеръ прошолъ, а невидимый другъ не явился. Настало утро, не встрѣтивъ никакихъ препятствій, мистеръ Брокъ и его воспитанникъ уѣхали изъ Лондона. До сихъ поръ судьба благопріятствовала ректору. Озаявъ Мидуинтеръ, неприятнымъ образомъ

Выплывъ на поверхность, весьма кстати опять исчезъ изъ глазъ. Что должно было случиться потомъ?

Подвигаясь опять отъ прошлаго къ настоящему, память мистера Брока напомнила ему происшествіе, случившееся только три недѣли тому назадъ, 7 апрѣля.

По всему видимому цѣль событій порвалась наконецъ. Новое происшествіе не имѣло никакого отношенія (ни по его мнѣнію, ни по мнѣнію Аллена) къ лицамъ, являвшимся, или къ обстоятельствамъ, случавшимся въ прошедшее время.

Путешественники доѣхали только до Париза. Перемѣна оживила Аллена и онъ тѣмъ болѣе чувствовалъ себя готовымъ наслаждаться новизною сцены окружавшей его, что получилъ письмо отъ Мидуинтера, сообщавшее извѣстіе, которое самому мистеру Броку показалось много обѣщающимъ для будущаго. Отставной учитель уходилъ по дѣламъ, когда Алленъ былъ въ его квартирѣ. Одно случайное обстоятельство въ тотъ день дало ему возможность вступить въ сношенія съ его родственниками. Результатъ удивилъ его неожиданностью — ему былъ обезпеченъ небольшой доходъ на всю жизнь. Его будущіе планы теперь, когда это неожиданное счастье досталось ему на долю, были еще не рѣшены. Но если Алленъ желалъ знать на что онъ рѣшится въ послѣдствіи, его агентъ въ Лондонѣ (адресъ котораго былъ приложенъ къ письму) будетъ принимать письма, адресованныя къ нему и сообщать мистеру Армэдэлю его будущій адресъ.

Получивъ это письмо, Алленъ схватилъ перо съ своею обыкновенною опрометчивостью и настойчиво приглашалъ Мидуинтера путешествовать вмѣстѣ съ нимъ и мистеромъ Брокомъ. Прошли послѣдніе дни марта, а никакого отвѣта на это предложеніе не было получено. Настали первые дни апрѣля и 7-го числа этого мѣсяца Алленъ наконецъ нашолъ письмо за утреннимъ чаемъ на столѣ. Онъ схватилъ письмо, посмотрѣлъ на адресъ и опять нетерпѣливо бросилъ письмо. Почеркъ былъ не Мидуинтера. Алленъ кончилъ завтракъ прежде чѣмъ позаботился прочесть что ему пишетъ его корреспондентъ.

По окончаніи завтрака Армэдэль лѣниво распечаталъ письмо. Онъ началъ читать его съ крайнимъ равнодушіемъ, а кончилъ

съ громкимъ крикомъ удивленія, вскочивъ со стула. Весьма естественно удивляясь такому необыкновенному порыву, Брокъ взялъ письмо, которое Аллэнъ перебросилъ къ нему черезъ столъ. Прежде чѣмъ онъ кончилъ читать, руки его опустились на колѣна и изумленіе, выражавшееся на лицѣ его воспитанника отразилось на его собственномъ лицѣ.

Дѣйствительно, и Аллэнъ и ректоръ имѣли основательныя причины потерять хладнокровіе. Письмо, поразившее ихъ обоихъ такимъ изумленіемъ, заключало въ себѣ извѣстіе, которое сначала казалось, просто, невѣроятно. Письмо было изъ Норфолька и заключало въ себѣ слѣдующее. Въ одну недѣлю смерть поразила троихъ въ семействѣ Торп-Эмброскомъ и Аллэнъ Армэдэль былъ въ настоящую минуту наслѣдникомъ имѣнія, приносящаго восемь тысячъ фунтовъ годового дохода.

При второмъ чтеніи письма ректоръ и его воспитанникъ сообразили подробности, ускользнувшія отъ нихъ при первомъ чтеніи. Письмо это было отъ фамильнаго нотаріуса изъ Торп-Эмброза. Сообщивъ Аллэну о смерти его кузена Эртѣра, скончавшагося двадцати-пяти лѣтъ отъ-роду, о смерти его дяди Генри, скончавшагося сорока-восемью лѣтъ, и о смерти его кузена Джона, скончавшагося двадцати-одного года, нотаріусъ сообщалъ вератцѣ содержаніе завѣщанія мистера Блэнчарда. Права наслѣдниковъ мужского пола—какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—имѣли преимущество передъ правами наслѣдниковъ женскаго пола. По смерти Эртѣра и его наслѣдниковъ помѣстье переходило къ Генри и его наслѣдникамъ. Если бы же ихъ не было оно переходило къ сыновьямъ сестры Генри, а еслибы ихъ не было, то къ ближайшему наслѣднику мужского пола. Оба молодые человека, Эртѣръ и Джонъ, умерли холостыми и Генри Блэнчардъ умеръ, оставивъ только дочь, слѣдовательно Аллэнъ былъ ближайшій наслѣдникъ, назначенный въ завѣщаніи, Торп-Эмброскаго имѣнія. Сообщивъ это странное извѣстіе, нотаріусъ просилъ мистера Армэдэля почтить его уведомленіемъ и прибавлялъ, въ заключеніе, что онъ готовъ сообщить всѣ подробности, какихъ только пожелаетъ мистеръ Армэдэль.

Безполезно было терять время на то, чтобы удивляться событію, возможность котораго никогда не приходила на мысль ни Аллену, на его матери. Не оставалось ничего болѣе, какъ тотчасъ воротиться въ Англію. На слѣдующій день путешественники опять остановились въ лондонской гостинницѣ и дѣло было передано кому слѣдовало. Началась переписка и совѣщанія и всѣ важныя подробности открылись, одна за одной, до-тѣхъ-поръ, пока всѣ свѣдѣнія не были собраны съ надлежащей ясностью и полнотой.

Вотъ странная исторія смерти трёхъ человѣкъ:

Въ то время, когда мистеръ Брокъ написалъ къ родственникамъ мистриссъ Армэдэль о ея кончинѣ (это было въ январѣ) въ семействѣ Торп-Эмброскомъ считалось пять человѣкъ: Эртёръ Блэнчардъ, владѣлецъ помѣстья, жившій въ большомъ домѣ съ своею матерью; Генри Блэнчардъ дядя, жившій по сосѣдству, вдовецъ съ двоими дѣтьми, съ сыномъ и дочерью. Для того, чтобы тѣснѣе соединить фамильныя связи, Эртёръ Блэнчардъ былъ помолвленъ съ своею кузиной. Свадьба должна была совершиться съ большими празднествами лѣтомъ, когда молодой дѣвицѣ исполнится двадцать лѣтъ.

Въ февралѣ сдѣлались перемѣны въ семействѣ. Примѣтивъ признаки слабости здоровья въ сынѣ, Генри Блэнчардъ уѣхалъ изъ Норфолька съ молодымъ человѣкомъ, по совѣту доктора, попытать что сдѣлаетъ для больного итальянскій климатъ. Въ первыхъ числахъ марта Эртёръ Блэнчардъ также уѣхалъ изъ Торп-Эмброза только на нѣсколько дней по дѣлу, требовавшему его присутствія въ Лондонѣ. Дѣло это привело его въ Сити. Досадуя на безконечныя препятствія на улицѣ, онъ воротился на западный конецъ Лондона, на пароходѣ, гдѣ и встрѣтилъ свою смерть.

Когда пароходъ отчаливалъ отъ пристани, Эртёръ примѣтилъ женщину, находившуюся возлѣ него и выказывавшую какую-то странную нерѣшимость при входѣ на пароходъ. Она была послѣдняя изъ пассажировъ, вошедшая на пароходъ. Она была опрятно одѣта въ черномъ, шелковомъ платьѣ, въ красной шали и лицо ея было покрыто толстымъ волею. Эртёръ Блэнчардъ

былъ пораженъ рѣдкой граціозностью и изяществомъ ея фигуры и почувствовалъ любопытство, свойственное молодому человѣку увидать ея лицо. Она не поднимала воала, не повѣртывала голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ Эртѣръ. Сдѣлавъ, нѣсколько шаговъ по палубѣ взадъ и впередъ, она вдругъ подошла къ кормѣ. Черезъ минуту рулевой съ испугомъ вскрикнулъ, пароходъ немедленно остановили—эта жѣнщина кинулась черезъ бортъ.

Всѣ пассажиры бросились на одну сторону, чтобы посмотреть. Одинъ Эртѣръ Блэнчардъ безъ малѣйшей нерѣшимости бросился въ рѣку. Онъ отлично плавалъ и схватилъ женщину когда она появилась на поверхность въ первый разъ. Помощь была подъ-рукой, ихъ обоихъ благополучно свезли на берегъ: женщину отвезли въ ближайшую полицію, гдѣ ея скоро привели въ чувство; ея спаситель сказалъ своё имя и свой адресъ—какъ обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ—дежурному инспектору, который благоразумно посоветовалъ ему взять тёплую ванну и послать въ свою квартиру за сухимъ платьемъ. Эртѣръ Блэнчардъ, который съ самаго дѣтства не былъ боленъ, смѣялся надъ этой предосторожностью и воротился домой въ кабѣ. На слѣдующій день онъ сдѣлался боленъ и не могъ явиться къ допросу. Черезъ двѣ недѣли онъ умеръ.

Извѣстіе объ этомъ несчастіи Генри Блэнчардъ и его сынъ получили въ Миланѣ; черезъ часъ они уже были на дорогѣ въ Англию. Снѣгъ на Альпахъ растаялъ ранѣе обыкновеннаго въ этотъ годъ и дорога была особенно опасна. Отецъ и сынъ, ѣхавшіе въ своёмъ экипажѣ, встрѣтились на горѣ съ возвращавшейся почтою. Предостереженія, которыя имѣли бы дѣйствіе при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, теперь оба англичанина не хотѣли слушать. Нетерпѣніе поскорѣе воротиться домой послѣ катастрофы, случившейся въ ихъ семействѣ, не допускало замедленія. Щедрая награда, предложенная ямщикамъ, побудила ихъ ѣхать. Экипажъ продолжалъ путь и затерялся въ туманѣ. Его увидали опять уже на днѣ пропасти; люди, лошади и экипажъ— всё было раздавлено лавиной.

Такимъ образомъ жизнь трёхъ человѣкъ скосила смерть. По сдѣленію событій, покушеніе неизвѣстной женщины на само-

убійство сдѣлало Аллена Армадаль наслѣдникомъ Торп-Эмброскаго помѣстья.

Кто была эта женщина—человѣкъ, спасшій ея жизнь, этого не зналъ. Судья, допрашивавшій её, пасторъ, увѣщавшій её, стенографъ, записывавшій ея отвѣты для печати—этого не знали. Отъ нея выслушали съ удивленіемъ, что хотя она была прилично одѣта, она находилась въ стѣснённыхъ обстоятельствахъ. Она выразила глубокое отчаяніе, но назвала себя именемъ очевидно ложнымъ и рассказала какую-то пошлую исторію, которая, какъ по всему видно, была выдумана ею и наотрѣзъ отказала сообщить, гдѣ находятся ея друзья. Одна дама, бывшая членомъ въ какомъ-то благотворительномъ заведеніи (заинтересованная ея необыкновеннымъ изяществомъ и красотой) вызвалась взять её на попеченіе и привести въ лучшее расположеніе состояніе ея души. На первый же день опытъ оказался неудовлетворителенъ, а на второй день незнакомка убѣждала, и хотя пасторъ, особенно заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, старался отыскать её — всѣ поиски съ того времени оказались бесполезны.

Пока производились эти бесполезныя изслѣдованія (предпринятія по желанію Аллена), нотариусы устроили первоначальныя формальности, относившіяся къ введенію во владѣніе имѣніемъ. Теперь новому владѣльцу въ Торп-Эмбросѣ оставалось только рѣшить, когда онъ поселится въ помѣстьи, котораго теперь онъ былъ законнымъ обладателемъ.

Предоставленный своему собственному руководству въ этомъ дѣлѣ, Алленъ рѣшилъ это съ своимъ обыкновеннымъ пылкимъ великодушіемъ. Онъ положительно отказался вступить во владѣніе до-тѣхъ-поръ, пока мистриссъ Блэнчардъ и ея племянница (которымъ изъ вѣжливости позволили до-сихъ-поръ оставаться въ ихъ прежнемъ домѣ) оправятся отъ несчастья, постигшаго ихъ, и будутъ въ состояніи сами рѣшить что имъ дѣлать. Вслѣдъ за этимъ намѣреніемъ началась переписка, заключавшая со стороны Аллена неограниченное предложеніе всего, что онъ только могъ дать (въ домѣ, котораго онъ еще не видалъ), а со стороны дамъ скромная и неохотная готовность воспользоваться

ся великодушiемъ молодого джентльмэна относительно времени. Къ удивленiю своихъ нотаріусовъ, Аллэнъ вошелъ въ одно утро въ ихъ контору, вмѣстѣ съ мистеромъ Брокомъ, и объявилъ съ совершеннымъ спокойствiемъ, что дамы были такъ добры: избавили его отъ необходимости распорядиться и что, изъ уваженiя къ ихъ удобствамъ, онъ намѣренъ поселиться въ Торп-Эмбросъ не прежде, какъ черезъ два мѣсяца. Нотаріусы вытаращили глаза на Аллена, а Аллэнъ, платя имъ за комплиментъ, вытаращилъ глаза на нихъ.

— Чему вы удивляетесь, господа? спросилъ онъ съ ребяческимъ изумленiемъ въ своихъ веселыхъ голубыхъ глазахъ.— Почему мнѣ не дать дамамъ два мѣсяца, если онѣ этого желаютъ? Пусть, бѣдняжки, пользуются временемъ. Мои права и моё положенiе? О! фи-фи! Я не тороплюсь сдѣлаться приходскимъ сквайромъ: это не въ моёмъ вкусѣ. Чтò я намѣренъ дѣлать въ эти два мѣсяца? тоже, чтò я сдѣлалъ бы во всякомъ случаѣ, остались ли бы дамы или нѣтъ—я намѣренъ поѣздить по морю: вотъ чтò я люблю. У меня есть новая яхта дома въ Сомерсетширѣ, яхта, которую построилъ я самъ. Я вотъ чтò скажу вамъ, сэръ, продолжалъ Алэнъ, схвативъ за руку старшаго партнёра въ пылу своихъ дружескихъ намѣренiй:—по вашему лицу видно, что вамъ нужно отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ: поѣдте-ка со мною на моёмъ новомъ кораблѣ и пусть ваши партнёры ѣдутъ тоже, если хотятъ, и главный клэркъ, кстати, такого прекраснаго человѣка еще не случалось мнѣ встрѣчать. Мѣста довольно. Я подарю мистеру Броку ковѣръ на столъ въ каюту. Чортъ побереи Торп-Эмбросъ! Вы хотите сказать, что если бы вы сами построили яхту (какъ я), вы уѣхали бы въ любое помѣстье въ Трѣхъ Королевствахъ, между тѣмъ какъ ваша красавица яхта сидѣла бы, какъ утка на водѣ, у себя дома и ждала, пока вы вздумаете испробовать её? Вы, юристы, мастера на аргументы. А вы, чтò думаете объ *этомъ* аргументѣ? Я думаю, что онъ неопровержимъ и завтра же отправляюсь въ Сомерсетширѣ.

Съ этими словами новый обладатель восьми тысячь годового дохода бросился въ контору старшаго клэрка и пригласилъ его поѣздить по морю, такъ ударивъ его по плечу, что это ясно

услыхали его хозяева въ смежной комнатѣ. Фирма съ вопросительнымъ удивленіемъ посмотрѣла на мистера Брока. Клиента, который могъ сдѣлаться англійскимъ помѣщикомъ и не торопился занять это положеніе при первой возможности, имъ не случилось еще встрѣчать.

— Онъ, должно-быть, былъ очень странно воспитанъ, сказали нотаріусы ректору.

— Очень странно! отвѣчалъ ректоръ нотаріусамъ.

Пропустивъ еще мѣсяць, Брокъ дошолъ до настоящаго времени—до своей спальни въ Кэстльтоунъ, въ которой онъ сидѣлъ и думалъ до безпокойства, которое упорно мѣшало ему заснуть. Это безпокойство было врагомъ, знакомымъ для душевнаго спокойствія ректора. Оно сначала посѣтило его въ Сомерсетширѣ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, и теперь послѣдовало за нимъ до острова Мэна, въ видѣ Озайаза Мидуинтера.

Перемена въ будущиxъ надеждахъ Аллена не произвела никакого измѣненія въ его упорномъ пристрастїи къ изгнаннику въ деревенской гостинницѣ. Среди своихъ совѣщаній съ нотаріусами онъ нацѣль время посѣтить Мидуинтера, и на возвратномъ пути въ Сомерсетширъ съ ними ѣхалъ другъ Аллена по его личному приглашенію. Волосы бывшаго учителя опять выросли на его обритомъ черепѣ, одежда его обнаруживала улучшеніе денежныхъ средствъ, но во всѣхъ другихъ отношенїяхъ чловѣкъ этотъ не измѣнился. Онъ встрѣчалъ недоувѣріе мистера Брока съ прежней безропотной покорностью; онъ сохранялъ то же подозрительное молчаніе о его родныхъ и его прежней жизни; онъ говорилъ о добротѣ Аллена къ нему съ тѣмъ же самымъ необузданнымъ пыломъ признательности и удивленія.

— Я сдѣлалъ всё, что могъ, сэръ, сказалъ онъ Брокъ, когда Алленъ спалъ въ вагонѣ.—Я скрывался отъ мистера Армэделя и даже не отвѣчалъ на его послѣднее письмо ко мнѣ. Болѣе этого я сдѣлать не могу. Я не прошу васъ подумать о моихъ собственныхъ чувствахъ къ единственному чловѣческому существу, никогда не подозрѣвавшему меня и никогда не обращавшемуся дурно со мною. Я могу сопротивляться моимъ собственнымъ чув-

ствамъ, но не могу сопротивляться этому молодому джентльмену. Никто на свѣтѣ не можетъ сравниться съ нимъ. Если мы опять будемъ принуждены разстаться, это будетъ уже его дѣло, а не моё. Хозяинъ свистнулъ собаку, сказалъ этотъ странный человѣкъ съ минутной вспышкой скрытной страсти, и на его дикихъ, карихъ глазахъ выступили слёзы гнѣва:—и жестоко, сѣрь, осуждать собаку, когда она является на этотъ свистъ.

Опять человѣколюбіе мистера Брока преодолѣло его осторожность. Онъ рѣшился ждать и посмотрѣть что выйдетъ изъ личныхъ сношеній.

Дни проходили; яхта была оснащена, устроилась поѣздка на уэльскій берегъ и таинственный Мидуинтеръ остался всё тѣмъ же Мидуинтеромъ. Поѣздка на маленькой яхтѣ не представляла большой привлекательности для человѣка въ лѣтахъ мистера Брока, но онъ отправился всё-таки на яхтѣ, только бы непустить Аллена одного съ его новымъ другомъ.

Не заставитъ ли во время ихъ поѣздки тѣсная бесѣда трёхъ человѣкъ разговориться Мидуинтера о его собственныхъ дѣлахъ? Нѣтъ. Онъ охотно говорилъ о другихъ предметахъ, особенно если Алленъ начиналъ о нихъ разговоръ, но у него не вырывалось ни одного слова о себѣ самомъ. Мистеръ Брокъ пробовалъ дѣлать ему вопросы о его недавнемъ наслѣдствѣ и получилъ въ отвѣтъ то же, что слышалъ когда-то въ сомерсетширской гостинницѣ. Мидуинтеръ называлъ странной случайностью то обстоятельство, что положеніе мистера Армэдэля и его неожиданно измѣнилось къ лучшему въ одно и то же время, но тутъ сходство и кончалось. Ему досталось небольшое состояніе, хотя его было достаточно для его потребностей. Это не примирило его съ родными, потому что деньги были даны ему не изъ доброты, а по праву. Что же касается до обстоятельства, которое привело его къ сношеніямъ съ друзьями, то о нёмъ не стоило упоминать, потому что временное возобновленіе сношеній не произвело дружелюбныхъ результатовъ. Изъ этого ничего не вышло, кромѣ денегъ, а съ деньгами явилось безпокойство, которое волновало его иногда, когда онъ просыпался рано утромъ.

При этихъ послѣднихъ словахъ онъ вдругъ замолчалъ, какъ будто разъ въ жизни его осторожный языкъ измѣнилъ ему. Брокъ воспользовался этимъ случаемъ и прямо спросилъ: какого свойства это безпокойство могло быть? не относилось ли оно къ деньгамъ? Нѣтъ; оно относилось къ письму, которое ждало его много лѣтъ. Получилъ онъ это письмо? Нѣтъ еще; оно было поручено одному изъ партнёровъ фирмы, управлявшему дѣлами по его наслѣдству; этотъ партнёръ находился въ отсутствіи изъ Англій и письмо, запечатое между его собственными бумагами, нельзя было достать до его возвращенія. Его ждали въ послѣднихъ числахъ мая; и если бы Мидуинтеръ зналъ навѣрное куда привезётъ его яхта къ концу этого мѣсяца, онъ написалъ бы, чтобы ему туда переслано было письмо. Не имѣлъ ли онъ какихъ-нибудь семейныхъ причинъ для безпокойства? Никакихъ, сколько ему было извѣстно. Ему любопытно было видѣть, что ждало его столько лѣтъ и болѣе ничего. Такъ онъ отвѣчалъ на вопросы ректора, повернувъ своё смуглое лицо къ низкому борту яхты и держа въ своихъ гибкихъ, смуглыхъ рукахъ удочку.

При попутномъ вѣтрѣ и благопріятной погодѣ маленькая яхта дѣлала чудеса на своёмъ пробномъ рейсѣ. Прежде чѣмъ прошло время, назначенное для рейса, яхта дошла уже до Голигада, и Алленъ, жажда приключеній въ неизвѣстныхъ областяхъ, смѣло объявилъ, что путешествіе продолжится до острова Мэна. Удоставившись отъ людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, что погода обѣщаетъ благопріятное плаваніе и что, въ случаѣ какой-нибудь непредвидѣнной необходимости для возвращенія, до желѣзной дороги легко доѣхать на пароходѣ изъ Дугласа до Ливерпуля, мистеръ Брокъ согласился на предложеніе своего воспитанника. Въ этотъ же вечеръ написалъ онъ къ нотаріусамъ Аллена и въ свой насторать, чтобы всѣ письма присылались въ Дугласъ, на островъ Мэнъ. Въ почтовой конторѣ онъ встрѣтилъ Мидуинтера, который только-что опустилъ письмо въ ящикъ. Вспомнивъ, что онъ сказалъ на яхтѣ, Брокъ заключилъ, что они оба приняли ту же предосторожность и распорядился, чтобы его корреспонденція присылалась туда же.

Въ этотъ же вечеръ они отправились на островъ Мэнъ. Нѣ-

сколько часовъ всё шло хорошо; но съ захожденіемъ солнца явились признаки наступающей переменѣны. Съ темнотою вѣтеръ сталъ свѣжѣть, и вопросъ о томъ, крѣпко ли морское судно построилъ Алленъ съ своими работниками, въ первый разъ подвергнулся серьёзной пробѣ. Цѣлую ночь, напрасно стараясь направиться къ Голигэду, маленькая яхта оставалась въ открытомъ морѣ и храбро выдерживала своё испытаніе. На слѣдующее утро показался островъ Мэнъ и яхта благополучно пристала у Кэстльтоуна. Осмотръ показалъ, что всё поврежденія легко исправить въ одну недѣлю. Путешественники остались въ Кэстльтоунѣ; Алленъ надзиралъ за поправками, Брокъ осматривалъ окрестности, а Мидуинтеръ каждый день странствовалъ въ Дугласъ и обратно, пѣшкомъ, справляясь о письмахъ.

Первый получилъ письмо Алленъ.

— Опять надоѣдаютъ эти нотаріусы! вотъ всё, что онъ сказалъ, когда прочелъ письмо и, сказавъ, сунулъ его въ карманъ.

Потомъ пришла очередь ректора. На пятый день пребывания ихъ въ Кэстльтоунѣ Брокъ нашолъ письмо изъ Сомерсетшира, ждавшее его въ гостинницѣ. Его принёсъ Мидуинтеръ и оно заключало въ себѣ извѣстія, совершенно разстроившія всё планы мистера Брока. Пасторъ, взявшійся замѣнить его во время его отсутствія, былъ неожиданно отозванъ домой, и мистеру Броку ничего болѣе не оставалось (это было въ пятницу), какъ отправиться на слѣдующее утро изъ Дугласа въ Ливерпуль и воротиться по желѣзной дорогѣ въ субботу вечеромъ, чтобы поспѣть къ воскресной службѣ.

Прочтя это письмо и покорившись переменѣнѣ своихъ обстоятельствъ такъ терпѣливо, какъ только могъ, ректоръ перешолъ къ слѣдующему вопросу, требовавшему также серьёзнаго обсужденія. Озабоченный тяжелою отвѣтственностью въ отношеніи къ Аллену и сознавая, что его недоувѣріе къ новому другу Аллена не уменьшилось, онъ спрашивалъ себя: какъ онъ долженъ поступить въ этомъ непредвидѣнномъ случаѣ относительно молодыхъ людей бывшихъ его спутниками въ этой поѣздкѣ.

Брокъ задалъ себѣ этотъ вопросъ въ пятницу и всё ещё напрасно прискивалъ отвѣтъ одинъ въ своей комнатѣ; утромъ въ

субботу. Былъ только конецъ мая, а пребываніе дамъ въ Торп-Эмбросѣ (если только онѣ сами не вздумаютъ сократить его), должно было продолжиться до половины іюня. Даже еслибы поправки на яхтѣ были кончены (а этого не было), подѣ какимъ предлогомъ торопить Аллена воротиться въ Сомерсетширъ? Оставалось одно: бросить его тутъ, то-есть, другими словами, въ самомъ опасномъ кризисѣ его жизни, оставить подѣ единственнымъ вліяніемъ человѣка, съ которымъ онѣ встрѣтился въ деревенской гостинницѣ и который до-сихъ-порѣ былъ для него совершенно чужимъ человѣкомъ.

Отчаяваясь добиться лучшихъ способовъ къ руководству своему въ разрѣшеніи этого труднаго вопроса, Брокъ сталъ соображать, какое впечатлѣніе произвелъ собственно на него Мидуинтеръ во время тѣсной бесѣды на яхтѣ.

Несмотря на свою молодость, отставной учитель очевидно велъ разгульную и разнообразную жизнь. Онѣ видѣлъ и наблюдалъ болѣе чѣмъ многіе люди, вдвое его старѣе; разговоръ его показывалъ странную смѣсь здраваго смысла и нелѣпости въ одно время пылкой серьезности, а въ другое—причудливаго юмора. Онѣ могъ говорить о книгахъ какъ человѣкъ, истинно наслаждавшійся ими; онѣ могъ братья за руль какъ морякъ, знавшій свою обязанность; онѣ могъ пѣть, рассказывать исторіи, стряпать, взбираться на мачты, накрывать столъ для обѣда съ страшнымъ сатирическимъ восторгомъ отъ своей собственной ловкости. Эти и другія тому подобныя качества, по мѣрѣ того, какъ его вѣстелость оживлялась во время этой поѣздки, достаточно обнаружили тайну, въ чемъ заключалась для Аллена его привлекательность. Но развѣ на этомъ останавливались всѣ открытія? Развѣ этотъ человѣкъ не проявилъ случайно своего характера въ присутствіи ректора? Очень немного, и это немногое выставило его нравственно въ не весьма привлекательномъ видѣ. Онѣ очевидно жилъ въ разныхъ сомнительныхъ мѣстахъ; знакомство съ мошенническими штуками бродягъ обнаруживалось въ немъ время отъ времени, слова срывались съ его языка въ неприятно сильныхъ выраженіяхъ, а что было еще болѣе значительнымъ признакомъ, онѣ обыкновенно спалъ легкимъ и подозри-

тельнымъ сномъ человѣка, привыкшаго смыкать глаза съ недо-
вѣріемъ къ тому обществу, которое находится подъ одной кров-
лей съ нимъ. До самой послѣдней минуты, въ которую ректоръ
видѣлъ его — до этого самаго вечера—его поведеніе было по-
стоянно скрытнымъ и непонятнымъ въ высшей степени. Когда онъ
принёсъ въ гостиницу письмо мистеру Броку, онъ таинственно
исчезъ изъ дома, не велѣвъ ничего сказать своимъ спутникамъ
и не показавъ никому, получилъ онъ самъ или нѣтъ письмо. При
наступленіи ночи онъ украдкой воротился въ темнотѣ — Алленъ
поймалъ его на лѣстницѣ, горя нетерпѣніемъ рассказать о пе-
ремѣнѣ въ планахъ ректора — выслушалъ новость, не сдѣлавъ
никакого замѣчанія, и съ угрюмымъ видомъ заперся въ своей ком-
натѣ. Чтò можно бы найти въ его пользу противъ такихъ при-
знаковъ характера: какъ косвенный взглядъ, упорная сдержан-
ность въ обращеніи съ ректоромъ, зловѣщее молчаніе о его
родныхъ и друзьяхъ? Мало или ничего: весь итогъ его до-
стоинствъ начинался и кончался его признательностью къ Ал-
лену.

Брокъ всталъ съ постели, зажегъ свѣчу и, всё погрузившись
въ свои мысли, разсѣянно смотрѣлъ въ темноту. Переменная мѣ-
ста не принесла съ собой новыхъ идей. Его обзоръ прошлой
жизни вполне удостовѣрилъ его, что его настоящая отвѣтствен-
ность основывалась не на однѣхъ причудливыхъ причинахъ, и
дойдя до этого пункта, онъ, стоя у окна, не видѣлъ ничего, кро-
мѣ совершенной темноты въ своемъ разумѣ, весьма вѣрно отра-
жаемой, совершенной темнотой ночи.

«Еслибы у меня былъ хоть одинъ другъ къ кому я могъ бы
обратиться, думалъ ректоръ: «еслибы я могъ найти хоть кого-
нибудь кто помогъ бы мнѣ...»

Въ ту минуту, когда это желаніе промелькнуло въ головѣ его,
въ дверь послышался тихій стукъ и голосъ въ корридорѣ ска-
залъ чуть слышно:

— Позвольте мнѣ войти.

Послѣ минутнаго молчанія, для укрѣпленія своихъ нервъ,
Брокъ отворилъ дверь и очутился въ часъ ночи лицомъ къ лицу
на порогѣ своей спальни съ Озайазомъ Мидуинтеромъ.

— Вы больны? спросилъ ректоръ, какъ только удивленіе позволило ему заговорить.

— Я пришолъ сюда откровенно объясниться, былъ странный отвѣтъ:—вы позволите мнѣ войти?

Съ этими словами онъ вошелъ въ комнату, потупивъ глаза. Губы его были страшно блѣдны, а въ рукахъ онъ что-то скрывалъ за спиной.

— Я увидалъ огонь въ щель вашей двери, продолжалъ онъ, не поднимая глазъ и не отнимая рукъ изъ-за спины:— я знаю какое безпокойство не даётъ вамъ спать. Вы уѣзжаете завтра утромъ и вамъ не пріятно оставить мистера Армэдэля.

Какъ мистеръ Брокъ ни былъ изумлёнъ, онъ увидалъ серьёзную необходимость объясниться откровенно съ человѣкомъ, который пришолъ къ нему въ такое время и сказалъ ему такія слова:

— Вы угадали, отвѣчалъ онъ:— я заступаю мѣсто отца Аллэу Армэдэлю и, натурально, не желаю оставить его въ его лѣта съ человѣкомъ неизвѣстнымъ мнѣ.

Овайязъ Мидуинтеръ сдѣлалъ шагъ къ столу. Его блуждающіе глаза остановились на Новомъ Завѣтѣ, лежавшемъ на столѣ.

— Вы много лѣтъ читали эту книгу вашимъ прихожанамъ, сказалъ онъ:— научила ли она васъ милосердію къ вашимъ несчастнымъ ближнимъ?

Не ожидая отвѣта, онъ первый разъ взглянулъ въ лицо мистеру Броку и медленно выставилъ вперёдъ свою спрятанную руку.

— Протите это, сказалъ онъ:—и ради Христа пожалѣйте обо мнѣ, когда узнаете кто я.

Онъ положилъ на столъ письмо въ нѣсколько листовъ; это было то самое письмо, которое Ниль отправилъ на почту въ Вильбадѣ девятнадцать лѣтъ тому назадъ.

ГЛАВА II.

ЧЕЛОВѢКЪ ОБНАРУЖИЛСЯ.

Первый холодный воздухъ наступающаго разсвѣта врывался въ открытое окно, когда Брокъ дочиталъ послѣднія строчки признанія. Онъ молча положилъ письмо, не поднимая глазъ. Первый ударъ открытія поразилъ его душу и потомъ всё прошло. Въ его лѣта и съ его привычкою къ размышленію въ мысляхъ его не могло вдругъ умѣститься всё открытіе, постигшее его. Сердце его, когда онъ закрылъ рукопись, обратилось къ воспоминанію о женщинѣ, которая была любимымъ другомъ его поздней и болѣе счастливой жизни; всё его мысли устремлены на жалкую тайну ея измѣны родному отцу, обнаружившуюся въ этомъ письмѣ.

Его отвлекло отъ его собственнаго огорченія сотрясеніе на столѣ, у котораго онъ сидѣлъ, отъ руки, тяжело положенной на этотъ столъ. Онъ побѣдилъ инстинктъ отвращенія и поднялъ глаза. Передъ нимъ, въ смѣшанномъ свѣтѣ желтаго огня свѣчи и слабаго сѣраго разсвѣта, молча стоялъ наслѣдникъ роковаго имени Армэдэля.

Брокъ задрожалъ, когда ужасъ настоящаго и еще болѣе мрачный ужасъ наступающаго будущаго потрясъ его при видѣ лица этого человѣка. Этотъ человѣкъ увидалъ это и заговорилъ первый.

— Развѣ преступленіе моего отца смотреть на васъ изъ моихъ глазъ? спросилъ онъ.—Развѣ призракъ утопленнаго послѣдовалъ за мною въ эту комнату?

Страданіе и волненіе, сдерживаемыя имъ, потрясали его руку,

лежавшую еще на столѣ и прерывали голосъ до такой степени, что онъ понизился до шопота.

— Я не имѣю желанія обращаться съ вами иначе, какъ того требуютъ справедливость и доброта, отвѣчалъ Брокъ.—Отдайте и мнѣ справедливость и повѣрьте, что я не способенъ къ жестокости требовать отъ васъ отвѣтственности за преступленіе вашего отца.

Этотъ отвѣтъ повидимому успокоилъ его. Онъ молча потушилъ голову и взялъ письмо со стола.

— Вы всё прочли? спросилъ онъ спокойно.

— Каждое слово съ начала до конца.

— Поступилъ ли я откровенно съ вами? Сдѣлалъ ли Озайязъ Мидуинтеръ...

— Вы всё еще называете себя этимъ именемъ, перебилъ Брокъ:—теперь, когда ваше настоящее имя извѣстно мнѣ?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ я прочелъ признанія моего отца, было отвѣтомъ:—я люблю моё безобразное имя еще болѣе прежняго. Позвольте мнѣ повторить вопросъ, который я хотѣлъ предложить вамъ: сдѣлалъ ли Озайязъ Мидуинтеръ всё, что могъ, до-сихъ-поръ для того, чтобы сообщить мистеру Броку все, что нужно было ему знать?

Ректоръ уклонился отъ прямого отвѣта.

— Немногіе, въ вашемъ положеніи, сказалъ онъ:—имѣли бы мужество показать мнѣ это письмо.

— Не слишкомъ полагайтесь, сэръ, на бродягу, котораго вы встрѣтили въ гостинницѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не узнаете о нёмъ подробнѣе, чѣмъ знаете до-сихъ-поръ. Вы узнали тайну моего происхожденія, но вамъ еще неизвѣстна исторія моей жизни. Вы должны узнать её и узнаете прежде чѣмъ оставите меня одного съ мистеромъ Армэдэлемъ. Угодно вамъ подождать и отдохнуть немножко, или я долженъ рассказывать вамъ теперь?

— Теперь, отвѣчалъ Брокъ, всё еще такъ же мало, какъ прежде, понимавшій настоящій характеръ человѣка, находившагося передъ нимъ.

Всё, что Озайязъ Мидуинтеръ дѣлалъ, было противъ него. Онъ выражался съ сардоническимъ равнодушіемъ, почти дерзкимъ

тономъ, которые оттолкнули бы сочувствіе всякаго человѣка слушающаго его. Въмѣсто того, чтобы помѣститься у стола и прямо рассказывать свою исторію ректору, онъ молча и нелюбезно отошелъ къ окну; сѣлъ отвернувшись и машинально перевѣртывалъ листы письма своего отца, пока дошелъ до послѣдняго. Устремивъ глаза на окончателныя строчки рукописи и съ странной смѣсью грусти и небрежности въ голосѣ, онъ началъ обѣщанный разказъ въ слѣдующихъ словахъ:

— Вы узнали обо мнѣ прежде всего изъ признаній моего отца: онъ упоминаетъ, что я былъ ребѣнокъ, спящій на его груди, когда онъ проговорилъ послѣднія слова на этомъ свѣтѣ, и когда рука посторонняго написала ихъ подъ его диктовку у его смертнаго одра. Имя этого посторонняго, какъ вы, можетъ-быть, примѣтили, на конвертѣ, «Александръ Ниль, чиновникъ при королевской печати, въ Эдинбургѣ». Первыя воспоминанія мои относятся къ Александру Нилю, прибывшему меня хлыстомъ (навѣрно я это заслужилъ) въ качествѣ моею вотчимъ.

— Развѣ вы не помните вашу мать въ то же время? спросилъ Брокъ.

— Да, я помню, что она передѣлывала для меня поношенное старое платье, а для дѣтей отъ второго мужа покупала прекрасныя новыя платья. Я помню, что слуги насмѣхались надъ моимъ старымъ платьемъ, а вотчимъ опять прибилъ меня хлыстомъ за то, что я разсердился и разорвалъ мои изношенныя платья. Мои слѣдующія воспоминанія переносятся за два года позже. Я помню, что меня заперли въ чуланъ на хлѣбъ и на воду и что я удивлялся, отчего вотчимъ мой и мать ненавидятъ меня. Я только вчера рѣшилъ этотъ вопросъ и разгадалъ тайну, когда письмо моего отца было мнѣ отдано. Мать моя и вотчимъ знали, что случилось на французскомъ кораблѣ производившемъ торгъ стросвымъ лѣсомъ и мнѣ хорошо было извѣстно, что постыдная тайна, которую имъ хотѣлось бы скрыть отъ всѣхъ на свѣтѣ, современемъ будетъ обнаружена *мною*. Помѣшать этому не было никакой возможности—признаніе находилось въ рукахъ душеприкащика и я, несчастный мальчикъ, съ африканской кровьюю моея матери на лицѣ, съ убійственными страстями отца моего

въ сердцѣ, былъ наслѣдникомъ ихъ тайны, вопреки всѣмъ ихъ желаніямъ скрыть её отъ меня! Я не удивляюсь, зачѣмъ меня били хлыстомъ, одѣвали въ старое платье, сажали на хлѣбъ и на воду въ чуланѣ: это были всё наказанія естественныя, сэръ, которыми ребѣнокъ начиналъ уже поплачиваться за преступленіе своего отца.

Брокъ посмотрѣлъ на смуглое лицо, всё упорно отвѣртывавшееся отъ него, и спросилъ себя:

— Что это: совершенная ли нечувствительность бродяги, или отчаяніе несчастнаго?

— Слѣдующія мои воспоминанія относятся къ школѣ, продолжалъ молодой человѣкъ:—самой дешевой школѣ въ дальнемъ уголку Шотландіи. Меня отдали туда съ самой дурной рекомендаціей. Избавляю васъ отъ разсказа о томъ, какъ учитель колотилъ меня въ классѣ, а мальчики били во время игръ. Навѣрно въ моемъ характерѣ была врожденная неблагодарность—по-крайней-мѣрѣ я убѣждалъ. Первый человѣкъ, встрѣтившій меня, спросилъ какъ меня зовутъ. Я былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ глупъ для того, чтобы понять какъ было важно для меня скрыть моё имя и, разумѣется, меня въ тотъ же вечеръ отвели въ школу. Послѣдствія научили меня уроку, котораго я съ-тѣхъ-поръ не забывалъ. Два дня спустя, какъ настоящій бродяга, я убѣждалъ во второй разъ. Дворовой собакѣ, вѣроятно, были даны инструкціи: она остановила меня прежде чѣмъ я успѣлъ выбѣжать изъ воротъ. Вотъ ея знакъ, между прочимъ, на моей рукѣ. Знаки ея хозяина я показать вамъ не могу: они всё на моей спинѣ. Можете ли вы повѣрить моему злему упрямству? Во мнѣ сидѣлъ демонъ, котораго никакая собака не могла выгнать; и опять убѣждалъ какъ только всталъ съ постели, и на этотъ разъ убѣждалъ совсѣмъ. Ночью я очутился въ степи. Карманъ у меня былъ набитъ овсяной мукой изъ школы. Я лёгъ на прекрасный мягкій верескъ подъ большой сѣрой скалой. Вы думаете, что я чувствовалъ своё одиночество?—нѣтъ! Я убѣждалъ отъ палки моего учителя, отъ пинковъ моихъ товарищей, отъ моей матери, отъ моего вотчима и, лёжа въ эту ночь подъ дружелюбною скалою,

я чувствовалъ себя счастливѣйшимъ мальчикомъ во всей Шотландіи.

Сквозь несчастное дѣтство, обнаруженное этимъ однимъ значительнымъ обстоятельствомъ, мистеръ Брокъ началъ видѣть тускло, какъ мало было страннаго, какъ мало непонятнаго въ характерѣ человѣка, говорившаго теперь съ нимъ.

— Я крѣпко заснулъ, продолжалъ Мидуинтеръ: — подъ моею дружелюбной скалой. Когда я проснулся утромъ, я увидалъ дороднаго старика со скрипкой, сидѣвшаго возлѣ меня съ одной стороны, и двухъ пляшущихъ собакъ въ красныхъ курточкахъ съ другой. Опытность научила меня не говорить правды, когда этотъ человѣкъ сдѣлалъ мнѣ первые вопросы. Онъ настаивалъ, онъ далъ мнѣ позавтракать изъ своей сумки и позволилъ побѣгать съ собаками.

«— Я вотъ что скажу вамъ, проговорилъ онъ, когда добился моего признанія такимъ способомъ:—вамъ нужны три вещи, мой милый: вамъ нуженъ новый отецъ, новая семья, новое имя. Я буду вашимъ отцомъ, эти собаки будутъ ваши братья, а если вы общаете мнѣ хорошенько беречь мое имя, я дамъ вамъ его въ придачу. Озайязъ Мидуинтеръ, младшій, вы хорошо позавтракали; если вы хотите хорошо пообѣдать, пойдѣте со мною». Онъ всталъ; собаки побѣжали за нимъ, а я побѣжалъ за собаками. Вы спросите: кто былъ мой новый отецъ?—подуцыганъ, сэръ; пьяница, злодѣй и воръ — и мой лучший другъ! Развѣ не другъ вамъ тотъ человѣкъ, который даѣтъ вамъ пищу, приютъ и воспитаніе? Озайязъ Мидуинтеръ научилъ меня танцовать шотландскій танецъ, кубыркаться, ходить на ходуляхъ и цѣть подъ его скрипку. Иногда мы странствовали и давали представленія на ярмаркахъ; иногда мы бывали въ большихъ городахъ и восхищали компанію низкаго разряда въ тавернахъ. Я былъ премилый, превеселый одиннадцатилѣтній мальчикъ — и компанія низкаго разряда, особливо женщины, пристрастились ко мнѣ и къ моимъ проворнымъ ножкамъ. Я имѣлъ такія бродяжническія склонности, что мнѣ нравилась эта жизнь. Я жилъ, ѣлъ, шелъ и спалъ съ собаками. Я не могу подуматъ равнодушно объ этихъ бѣдныхъ маленькиихъ четвероногихъ моихъ братьяхъ даже теперь. Много побоевъ

досталось намъ всѣмъ троемъ, много тяжелыхъ дней отплясывали мы вмѣстѣ, много ночей ночевали мы вмѣстѣ на холодныхъ холмахъ! Я не стараюсь огорчить васъ, сэръ, я только говорю вамъ правду. Эта жизнь, со всѣми своими неприятностями, была по-мнѣ и я любилъ цыгана, давшаго мнѣ своё имя, несмотря на то, что онъ былъ злодѣй.

— Вы любили человѣка, который васъ билъ! съ удивленіемъ воскликнулъ Брокъ.

— Развѣ я не сказалъ вамъ, сэръ, что я жилъ съ собаками? Развѣ вы не слыхали, что чѣмъ хозяинъ больше бьетъ собаку, тѣмъ больше она любитъ его? Сотни несчастныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей любили бы этого человѣка (какъ я его любилъ), если бы онъ всегда давалъ имъ-то, что давалъ мнѣ—изобильную пищу. Она была краденая по большей части и мой новый цыганъ-отецъ былъ на нее щедръ. Онъ рѣдко билъ насъ, когда былъ трезвъ; но его забавлялъ нашъ вой, когда онъ былъ пьянъ. Онъ умеръ отъ пьянства и до послѣдняго дыханія наслаждался своимъ любимымъ удовольствіемъ. Однажды (я служилъ ему уже два года), накормивъ насъ хорошимъ обѣдомъ на степи, онъ сѣлъ, прислонившись спиною къ камню и подозвалъ насъ, чтобы доставить себѣ забаву—отколотить насъ палкой. Сначала онъ заставилъ визжать собакъ, а потомъ подозвалъ меня. Я подошелъ невесело охотно—онъ пахлся больше обыкновеннаго, а чѣмъ болѣе онъ пилъ, тѣмъ болѣе ему нравилась послѣобѣденная забава. Въ этотъ день онъ былъ очень веселъ и ударилъ меня такъ сильно, что самъ повалился отъ силы своего собственного удара. Онъ упалъ лицомъ въ лужу и лежалъ тамъ безъ движенія. Я съ собаками стоялъ поодаль и смотрѣлъ на него; мы думали, что онъ притворяется, чтобы приманить насъ ближе и отколотить опять. Онъ такъ долго притворялся, что мы, наконецъ, осмѣлились подойти къ нему. Я долго не могъ перевернуть его, онъ былъ тяжелъ. Когда я повернулъ его на спину, онъ былъ мѣртвъ. Мы кричали изъ всѣхъ силъ, но собаки были малы и я былъ малъ, а мѣсто уединенное: никто не пришелъ къ намъ на помощь. Я взялъ его скрипку и его палку; я сказалъ моимъ братьямъ: «пойдѣте! мы теперь должны сами зарабатывать себѣ про-

читаніе», и мы ушли съ тяжолымъ сердцемъ и оставили его на стѣпи. Какъ ни неестественно вамъ это можетъ показаться, мнѣ было жаль его. Я сохранилъ его безобразное имя во всѣхъ моихъ послѣдующихъ странствованіяхъ, а во мнѣ осталось еще такъ много прежнихъ наклонностей, что мнѣ даже нравится звукъ этого имени. Мидуинтеръ или Армэдэль—оставимъ пока моё имя, мы послѣ поговоримъ о нёмъ; прежде вамъ нужно узнать обо мнѣ самое худшее.

— Почему же не самое лучшее? кротко спросилъ Брокъ.

— Благодарю васъ, сэръ, но я пришолъ сюда сказать правду. Мы перейдемъ, если вы позволите, къ слѣдующей главѣ въ моей исторіи. Послѣ смерти нашего хозяина собакамъ и мнѣ не посчастливилось. Я лишился одного изъ моихъ маленькихъ братьевъ—самаго искуснаго плясуна: его украли и я никогда не могъ отыскать его. Скрипку и ходули отнял у меня потому силою какой-то бродяга, который былъ сильнѣе меня. Эти несчастья сблизили Томми и меня—звините, сэръ, я говорю о собакѣ—тѣснѣе прежняго. Я думаю, мы имѣли какое-то смутное предчувствіе, что наше несчастье еще не кончилось; какъ бы то ни было, мы очень скоро разстались навсегда. Никто изъ насъ не былъ воромъ (нашъ хозяинъ училъ насъ только плясать), но, несмотря на это, мы оба сдѣлали набѣгъ на чужую собственность. Молодые существа, даже когда они умираютъ съ голода, не могутъ устоять отъ желанія побѣгать иногда въ хорошую погоду. Мы съ Томми не могли устоять отъ желанія побѣгать на плантаціи одного джентльмена; джентльманъ берѣмъ свою дичь, а его лѣсничій зналъ свою обязанность. Я услышалъ ружейный выстрѣлъ—вы можете угадать остальное. Сохрани меня Боже отъ несчастья еще когда-нибудь почувствовать такое огорченіе, какое почувствовалъ я, когда поднялъ Томми мѣртваго и окровавленнаго! Лѣсничій хотѣлъ разлучить насъ—я укусилъ его какъ дикій звѣрь; онъ ударилъ меня палкой, онъ могъ точно также пробовать ся удары на деревѣ. Этотъ шумъ услышали двѣ молодыя дѣвицы, ѣхавшія верхомъ мимо—дочери того джентльмена, въ помѣстьи котораго я забрался. Онѣ были слишкомъ хорошо воспитаны для того, чтобы возмутиться противъ священнаго права сохранять дичь, но это были дѣвушки добъ

рня, имъ стало жаль меня и онѣ взяли меня домой. Я помню, какъ всѣ мужчины—всѣ записные охотники—громко расхохотались, когда я поль мимо оконъ сослезамн, держа на рукахъ мою мѣртвую собачку. Не думайте, что я жалуюсь на ихъ смѣхъ; онѣ оказалъ мнѣ большую услугу: онѣ возбудилъ негодованіе обѣихъ дѣвицъ. Одна изъ нихъ повела меня въ садъ и показала мнѣ мѣсто, гдѣ я могъ похоронить мою собачку, подѣ цвѣтами, съ полною увѣренностью, что ничья другая рука не потревожитъ еѣ. Другая дѣвица пошла къ отцу и уговорила его пріютить маленькаго бродягу въ домѣ, помощникомъ одного изъ слугъ. Да, вы ѣхали на яхтѣ съ человѣкомъ, который когда-то былъ лакеемъ. Я видѣлъ, какъ вы смотрѣли на меня, когда я забавлялъ мистера Армэдэля, накрывая на столъ. Теперь вы знаете почему я умѣлъ накрыть такъ искусно и не забывалъ ничего: мнѣ посчастливилось видѣть хорошій свѣтъ, я помогалъ наполнять желудки и чистить сапоги. Жилъ я въ людской не долго. Прежде чѣмъ я износилъ мою первую ливрею, въ домѣ произошолъ скандалъ; это была старая исторія; нечего рассказывать еѣ въ сотый разъ. На столѣ были оставлены деньги; онѣ пропали; у всѣхъ слугъ были аттестаты кромѣ мальчика, который былъ взятъ такъ опрометчиво. Ну, мнѣ посчастливилось въ этомъ домѣ до конца: меня не преслѣдовали за похищеніе того, до чего я не только не дотрогивался, но чего я даже не видалъ—меня только выгнали. Въ одно утро, отправился я въ вѣ моѣмъ старомъ платьѣ на могилу, въ которой я похоронилъ Томми. Я поцаловалъ это мѣсто, я простился съ моею умершею собачкой и очутился опять одинъ на свѣтѣ въ зрѣломъ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ.

— Въ этомъ одиночествѣ и въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ развѣ въ головѣ вашей не промелькнула мысль воротиться домой? спросилъ Брокъ.

— Я въ эту же самую ночь воротился домой — я ночевалъ на горѣ. Какой другой былъ у меня домъ? Дня черезъ два я воротился въ большіе города, въ дурную компанію — открытая мѣстность казалась теперь такъ пустынна для меня, когда я лишился собакъ! меня скоро завербовали два моряка; я былъ маль-

чикъ проворный и меня сдѣлали каютъ-юнгой на береговомъ суднѣ. Грязна койка каютъ-юнги; кормить его остатками, заставляютъ работать его какъ взрослога, а ужь какъ больно бьютъ! Корабль вошелъ въ пристань на Гебридскихъ островахъ. Я, по обыкновенію, поступилъ неблагодарно съ моими благодѣтелями— я опять убѣжалъ. Меня нашли какія-то женщины, полумѣртваго отъ голода, въ сѣверныхъ пустыняхъ острова Скай. Это было близъ берега, и мнѣ пришлось жить у рыбаковъ. Мои новые хозяева меньше меня били, но за то приходилось мнѣ терпѣть и вѣтры и непогоды, а работа была такая тяжолая, что могла бы убить мальчика не такого привычнаго, какъ я. Я всё переносилъ, пока зима не наступила, тогда рыбаки выгнали меня. Я ихъ не порицаю: пищи было мало, а желудковъ много. Когда голодъ угрожалъ всей общинѣ, зачѣмъ было держать мальчика, не принадлежавшаго имъ? Большой городъ оставался моимъ единственнымъ прибѣжищемъ въ зимнее время; я отправился въ Глессго и чуть-чуть-было не попалъ въ львиную пасть. Я караулил пустую телегу въ Брумилау, когда услыхалъ голосъ моего вотчима на троттоарѣ возлѣ той лошади, около которой я стоялъ. Онъ встрѣтился съ какимъ-то знакомымъ и, къ моему ужасу и удивленію, они разговаривали обо мнѣ. Спрятавшись за лошадью, я узналъ изъ ихъ разговора, что меня чуть-было не захватили какъ-разъ передъ моимъ поступленіемъ на береговое судно. Въ то время я сошелся съ другимъ бродягою однихъ со мною лѣтъ, мы поссорились и разошлись. На другой день вотчимъ мой разузнавалъ въ этомъ самомъ округѣ, и онъ не рѣшался (потому-что описанія примѣтъ онъ не могъ добиться ни одного изъ насъ), за которымъ изъ двухъ мальчиковъ долженъ онъ гнаться; ему сказали, что одного изъ нихъ звали Браунъ, а другого Мидуинтеръ. Браунъ было именно такое обыкновенное имя, которое могъ принять хитрый бѣглець; а Мидуинтеръ, напротивъ, было такое замѣчательное имя, котораго всякій бѣглець долженъ былъ избѣгать. Погоня была направлена за Брауномъ, и это дало мнѣ возможность убѣжать. Послѣ этого вы легко можете себѣ представить, рѣшился ли я сохранить имя моего хозяина-цыгана. Но мое намѣреніе не остановилось на этомъ,

я рѣшился совсѣмъ оставить моё отечество. Дня два разузнавалъ я объ отходящихъ корабляхъ, узналъ, который идётъ прежде и спрятался на нёмъ. Голодь сильно вынуждалъ меня выйти изъ моего убѣжища прежде чѣмъ лоцманъ уѣхалъ, но голодь не былъ для меня новостью и я остался тамъ. Лоцманъ уѣхалъ съ корабля, когда я явился на палубу, и ничего болѣе не оставалось, какъ оставить меня или бросить черезъ бортъ. Капитанъ сказалъ (я не сомнѣваюсь въ справедливости его словъ), что онъ предпочёлъ бы бросить меня черезъ бортъ, но законъ иногда стоитъ даже за такого бродягу, какъ я. Такимъ образомъ я воротился къ жизни моряка. Такимъ образомъ я научился на столько, что могъ быть ловокъ и полезенъ, (какъ вы примѣтили) на яхтѣ мистера Армэдэля. Я ѣздилъ нѣсколько разъ и на разныхъ корабляхъ въ разныя части свѣта и, можетъ-быть, на всю жизнь остался бы морякомъ, если бы могъ сдерживать мой характеръ, несмотря на раздраженія, какимъ подвергали его. Я научился многому; послѣднюю часть моего послѣдняго путешествія въ бристольскую гавань я сдѣлалъ въ кандалахъ и попалъ въ тюрьму въ первый разъ въ жизни, по обвиненію въ непослушаніи одному изъ офицеровъ. Вы слушали меня съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, сэръ, и я съ радостью могу сказать вамъ, что мы теперь недалёко отъ конца моего разсказа. Вы нашли книги, сколько мнѣ помнится, когда разсматривали мою поклажу въ сомерсетширской гостиницѣ.

Брокъ отвѣчалъ утвердительно.

— Эти книги отмѣчаютъ слѣдующую переменъ въ моей жизни и послѣднюю, прежде чѣмъ я занялъ мѣсто учителя въ школѣ. Моё заключеніе было непродолжительно. Можетъ-быть моя юность защитила меня; можетъ-быть бристольскіе судьи приняли въ соображеніе то время, которое я провёлъ въ кандалахъ на кораблѣ; какъ бы то ни было, мнѣ только-что минуло семнадцать лѣтъ, когда я опять очутился одинъ на свѣтѣ. У меня не было друзей, которые приняли бы меня; мнѣ некуда было идти. Жизнь моряка послѣ того, что случилось, казалась мнѣ отвра-

тительна. Я стоялъ въ толпѣ на мосту въ Бристолѣ, спрашивая себя: что теперь мнѣ дѣлать съ моей свободой, когда она была мнѣ возвращена. Измѣнился ли я въ тюрьмѣ, или я чувствовалъ перемѣну въ характерѣ, наступающую съ возмужалостью — не знаю, но прежняя способность къ наслажденію бродяжнической жизнью совсѣмъ исчезла изъ моей натуры. Ужасное чувство одиночества преслѣдовало меня, когда я ходилъ по Бристолу, ужасаясь тихихъ окрестностей послѣ сумерекъ. Я смотрѣлъ на огни, мелькавшіе въ окнахъ съ жалкой завистью къ счастливымъ людямъ, жившимъ въ этихъ домахъ. Въ то время добрый совѣтъ значилъ бы для меня что-нибудь. Я и получилъ его: полицмэнъ посоветовалъ мнѣ идти дальше. Онъ былъ совершенно правъ: что другое могъ я сдѣлать? Я взглянулъ на небо и тамъ сіяла моя старая пріятельница многихъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ на морѣ—сѣверная звѣзда.

«Всѣ страны на свѣтѣ равны для меня, пойду въ твою сторону! думалъ я.

«Но даже и звѣзда не хотѣла сопутствовать мнѣ въ этотъ вечеръ: она зашла за тучу и оставила меня одного на дождѣ и въ темнотѣ. Я пробрался подъ навѣсъ, заснулъ и мнѣ привидѣлось бывшее, какъ я служилъ моему цыгану-хозяину и жилъ съ собаками. Боже! чего не далъ бы я, проснувшись, чтобы почувствовать холодную мордочку Томми на моей рукѣ! Зачѣмъ не спѣшу къ концу? Вы не должны поощрять меня, сэръ, слушая терпѣливо. Постранствовавъ еще недѣлю, не имѣя никакихъ надеждъ въ будущемъ, которыя могли бы поддерживать меня, я очутился на улицахъ Шрюсбюри и смотрѣлъ на окно книжной лавки. Къ двери подошелъ старикъ, осмотрѣлся вокругъ и увидалъ меня.

«— Хотите поработать? спросилъ онъ: — и согласитесь ли взять дешево?» Надежда имѣть какое-нибудь дѣло и сказать хоть слово человѣческому существу показалась мнѣ заманчива, и я за шиллингъ исполнялъ цѣлый день грязную работу въ кладовой книгопродавца. Я получилъ еще работу за ту же цѣну. Черезъ недѣлю мнѣ поручили уже мести лавку, закрывать ставни; потомъ стали поручать относить книги. Когда насталъ день

расплаты и прикащикъ отказался, я занялъ его мѣсто. Удивительное счастье! скажете вы: я наконецъ нашолъ друга. Я нашолъ самаго безжалостнаго скрягу въ Англии и мнѣ удалось попасть на это мѣсто только потому, что я бралъ дешевле всѣхъ. Работу въ кладовой не бралъ за эту цѣну никто въ городѣ, а я исполнилъ её. Носильщикъ получалъ своё еженедѣльное жалованье, жалуясь каждую недѣлю. Я взялъ двумя шиллингами дешевле и не жаловался. Прикащикъ отказался по той причинѣ, что онъ получаетъ дурную пищу и дурную плату. Я получалъ половину его жалованья и былъ радъ имѣть то, чѣмъ онъ пренебрегалъ. Никогда два человѣка не сходились такъ хорошо другъ съ другомъ, какъ этотъ книгопродавецъ и я. Его единственной цѣлью въ жизни было найти кого-нибудь, кто работалъ бы для него за самое малое жалованье. *Моей* единственной цѣлью было найти кого-нибудь, кто далъ бы мнѣ пріютъ. Не имѣя никакой взаимной симпатіи, ни малѣйшаго признака какого бы то ни было чувства непріязненнаго или дружелюбнаго, которое возродилось бы между нами; не желая другъ другу спокойной ночи, когда мы расходились на лѣстницѣ, или добраго утра, когда мы встрѣчались за прилавкомъ, мы жили одни въ этомъ домѣ, чужіе другъ другу съ начала до конца въ продолженіе двухъ лѣтъ. Печальная жизнь для юноши моихъ лѣтъ — не такъ ли? Вы — пасторъ и учоный, вы навѣрно можете угадать, чтò дѣлало эту жизнь сносною для меня?

Брокъ вспомнилъ истёртыя книги, найденныя въ мѣшкѣ учителя.

— Книги дѣлали для васъ сносною эту жизнь, сказала онъ.

Глаза отверженника сверкнули новымъ блескомъ.

— Да, сказала онъ: — книги — великодушныя друзья, встрѣчавшіе меня безъ подозрѣнія, — сострадательныя хозяева, никогда не обращавшіеся дурно со мной! Единственные годы моей жизни, на которые я могу оглядываться съ нѣкоторой гордостью, тѣ, которые я провёлъ въ домѣ скряги. Единственное чистое удовольствіе, когда-либо вкушенное мною, нашолъ я на полкахъ скряги. Рано и поздно въ продолжительныя зимнія ночи и спокойныя лѣтніе дни пилъ я у источника знаній и никогда онъ

не надоѣдалъ мнѣ. Покупателей было мало, книги были по бѣльшей части серьёзныя и учоныя. На мнѣ не лежало никакой отвѣтственности—счоты всё вѣлъ самъ хозяинъ и черезъ мои руки шли небольшія суммы. Онъ скоро увидаль, что на мою честность и на мое терпѣніе положиться можно, какъ бы онъ ни обращался со мной. То, что я узналъ о его характерѣ съ своей стороны, увеличило разстояніе между нами до послѣднихъ границъ. Онъ тайно принималъ опиумъ, онъ тратился на это, хотя во всемъ другомъ былъ скрягою. Онъ никогда не сознавался въ своей слабости, а я никогда не говорилъ ему, что я примѣтилъ её. Онъ имѣлъ своё удовольствіе отдѣльно отъ меня, а я имѣлъ моё удовольствіе отдѣльно отъ него. Недѣлю за недѣлей, мѣсяць за мѣсяцемъ сидѣли мы не говоря другъ другу дружескаго слова—я, одинъ съ моей книгой на прилавкѣ, онъ—одинъ съ своими счотами въ комнатѣ за лавкой, тускло виднѣясь мнѣ сквозь грязное стекло двери, иногда пристально смотря на цифры, иногда неподвижно остававшійся по цѣлымъ часамъ въ экстазѣ опьяненія. Время проходило и не оставляло на насъ слѣдовъ. Прошли два года и не измѣнили насъ. Въ одно утро, при наступленіи третьяго года; хозяинъ мой не вышелъ по обыкновенію, чтобъ дать мнѣ завтракъ. Я пошолъ наверхъ и нашолъ его больнымъ, въ постели. Онъ не хотѣлъ повѣрить мнѣ ключи отъ шкапа и не позволялъ послать за докторомъ. Я купилъ хлѣба и воротился къ моимъ книгамъ, такъ же мало сожалѣя о нёмъ (я откровенно признаюсь въ этомъ), какъ мало сожалѣлъ бы онъ обо мнѣ при подобныхъ обстоятельствахъ. Часа два спустя, чтеніе моё было прервано приходомъ одного изъ нашихъ покупателей, отставного доктора. Онъ пошолъ наверхъ. Я радъ былъ отвязаться отъ него и воротился къ моимъ книгамъ. Онъ воротился и опять помѣшалъ мнѣ.

«—Я не очень васъ люблю, мой милый, сказалъ онъ:—но я считаю моею обязанностью сказать вамъ, что вамъ скоро придётся искать себѣ другого мѣста. Васъ не очень любятъ въ городѣ и вамъ, можетъ-быть, будетъ довольно трудно найти новое мѣсто. Достаньте отъ вашего хозяина аттестатъ, пока еще не поздно». Онъ говорилъ со мною холодно. Я также холодно поблаго-

дарилъ его и въ тотъ же день получилъ свой аттестатъ. Вы думаете, что мой хозяинъ далъ мнѣ его даромъ?—не такой былъ онъ человекъ! Онъ торговался со мною на своёмъ смертномъ одрѣ. Онъ оставался мнѣ долженъ жалованья за цѣлый мѣсяцъ и онъ не хотѣлъ написать мнѣ аттестатъ до-тѣхъ-поръ, пока я не общалъ простить ему долгъ. Три дня спустя, онъ умеръ, насладившись послѣднимъ счастьемъ, что ему удалось обчестъ своего прикащика.

«— Ага! шепнулъ онъ, когда докторъ формально позвалъ меня проститься съ нимъ:—я досталъ тебя дешево!» Такъ ли жестока была палка Озайяса Мидуинтера, какъ эти слова? не думаю. Ну! вотъ я опять очутился одинъ на свѣтѣ, но съ лучшими надеждами на этотъ разъ. Я научился читать по-латыни, по-нѣмецки и по-гречески и у меня былъ аттестатъ. Всё оказалось бесполезно. Докторъ былъ совершенно правъ: меня не любили въ городѣ; низкій классъ народа презиралъ меня за то, что я продалъ мои услуги скрягѣ за скряжническую цѣну, на лучшей же классъ я произвёлъ (Богу знаетъ какимъ образомъ) то, что производилъ на всѣхъ, исключая мистера Армэдэля — неприятное впечатлѣніе съ перваго взгляда. Я не могъ поправить этого послѣдствіи, и въ порядочной части общества для меня не оставалось никакой надежды. Весьма вѣроятно, что я истратилъ бы всю небольшую сумму, накопленную въ два года, еслибы не явилось въ одной мѣстной газетѣ объявленіе, по которому приглашался школьный учитель. Ничтожное жалованье поощрило меня искать этого мѣста и я получилъ его. Какъ мнѣ удалось и что было со мною потомъ—мнѣ не нужно говорить вамъ. Нить моей исторіи вся размотана; моя бродяжническая жизнь лишилась своей таинственности и вы всё узнали обо мнѣ наконецъ.

Минутное молчаніе послѣдовало за этими словами. Мидуинтеръ отошолъ отъ окна къ столу, съ письмомъ изъ Вильбада въ рукахъ.

— Признаніе моего отца сказало вамъ кто я, а моё признаніе объяснило вамъ, какова была моя жизнь, обратился Мидуинтеръ къ Брокку, не сядя на стулъ, на который ректоръ указы-

валъ:—я обѣщаль откровенно объясниться, когда просилъ позволенія войти въ эту комнату. Сдержалъ ли я слово?

— Въ этомъ невозможно сомнѣваться, отвѣчалъ Брокъ:—вы получили право на моё довѣріе и моё сочувствіе. Я былъ бы человѣкомъ безчувственнымъ, если бы, зная ваше дѣтство и вашу юность, я не чувствовалъ расположенія къ другу Аллена.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ Мидуинтеръ просто и серьёзно.

Онъ сѣлъ напротивъ Брока у стола въ первый разъ.

— Черезъ нѣсколько часовъ вы уѣдете отсюда, продолжалъ онъ:—если я могу помочь вамъ уѣхать отсюда съ спокойною душою—я это сдѣлаю. Мы сказали еще не всё. Мои будущія сношенія съ мистеромъ Армэдэлемъ еще не рѣшены, и серьёзный вопросъ, возбуждённый письмомъ моего отца, еще никто изъ насъ не обсудилъ.

Онъ остановился и посмотрѣлъ съ минутнымъ нетерпѣніемъ на свѣчу, еще горѣвшую на столѣ при утреннемъ свѣтѣ. Усиліе, чтобы говорить спокойно и стоически скрывать свои чувства, очевидно становилось всё труднѣе для него.

— Можетъ-быть я помогу вашей рѣшимости, продолжалъ онъ:—если скажу вамъ, какъ я рѣшился дѣйствовать относительно мистера Армэдэля—по поводу сходства нашихъ имёнъ—когда я въ первый разъ прочелъ это письмо и на столько успокоился, что былъ въ состояніи подумать.

Онъ замолчалъ и бросилъ опять нетерпѣливый взглядъ на зажжонную свѣчу.

— Вы извините странную прихоть страннаго человѣка? спросилъ онъ съ слабой улыбкой.—Мнѣ хотѣлось бы задуть эту свѣчу, мнѣ хотѣлось бы говорить о новомъ предметѣ при новомъ свѣтѣ.

Онъ задулъ свѣчу и первые лучи разсвѣта освѣтили комнату.

— Я долженъ опять просить вашего терпѣнія, продолжалъ онъ:—если возвращусь на минуту къ себѣ и къ моимъ обстоятельствамъ. Я уже сказалъ вамъ, что мой вотчимъ старался найти меня черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ я уѣжалъ изъ шотландской школы. Онъ сдѣлалъ этотъ шагъ не въ слѣдствіе сво-

его безпокойства обо мнѣ, а просто, какъ агентъ душеприкащика моего отца. Въ силу даннаго имъ распоряженія, они должны были продать помѣстье въ Барбадосѣ во время освобожденія невольниковъ и разоренія вест-индскаго имѣнія) за сколько можно было его продать, изъ капитала обязаны были отложить сумму на моё ежегодное воспитаніе. Эта отвѣтственность принудила ихъ употребить усиліе, чтобы отыскать меня—усиліе бесполезное, какъ вамъ уже извѣстно. Нѣсколько позже (какъ я впоследствии узналъ) въ газетахъ было напечатано объявленіе, котораго я никогда не видалъ; еще позже, когда мнѣ минулъ двадцать-одинъ годъ, явилось второе объявленіе (которое я видѣлъ), предлагавшее награду за доказательство о моей смерти. Если я былъ живъ, я имѣлъ право по совершеннолѣтіи получить половину изъ капитала, вырученнаго отъ продажи помѣстья; еслибы я умеръ, деньги переходили къ моей матери. Я отправился къ нотаріусамъ и услышалъ отъ нихъ то, что я сейчасъ сказалъ вамъ. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій доказать мою личность—а послѣ свиданія съ моимъ вотчимомъ, который передалъ мнѣ порученіе моей матери, увеличившее безнадежно наше прежнее отчужденіе—мои права были признаны и капиталъ укрѣпленъ за мною подъ моимъ настоящимъ именемъ.

Брокъ подвинулся къ столу. Онъ теперь видѣлъ къ какой цѣли стремился говорившій.

— Два раза въ годъ, продолжалъ Мидуинтеръ:—я долженъ подписывать своё имя для того, чтобы получить мой доходъ. Во всякое другое время и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ я могу скрыть мою личность подъ какимъ именемъ я хочу. Мистеръ Армэдэль узналъ меня въ первый разъ какъ Озайза Мидуинтера—и до самой моей смерти онъ будетъ знать меня подъ этимъ именемъ. Каковъ бы ни былъ результатъ этого свиданія—лишусь я вашего довѣрія или приобрѣту его—вы можете быть увѣрены въ томъ, что вашъ воспитанникъ никогда не узнаетъ страшной тайны, ввѣренной мною вамъ. Въ этомъ намѣреніи нѣтъ ничего необыкновеннаго—вамъ уже извѣстно, что носить чужое имя для меня не составляетъ никакой жертвы. Въ моёмъ поведеніи нѣтъ ничего похвальнаго; оно, естественно, происхо-

дѣть отъ признательности благодарнаго человѣка. Переберите въ умѣ эти обстоятельства, сэръ, и отложите въ сторону моё отращеніе обнаружить ихъ мистеру Армэдэлю. Если когда-нибудь придётся рассказать исторію имёнъ, её нельзя будетъ ограничить только открытіемъ преступленія моего отца; необходимо тогда обратиться къ исторіи замужства мистриссъ Армэдэль. Я слышалъ какъ ея сынъ говорилъ о ней: я знаю какъ онъ любить ея память. Богъ мнѣ свидѣтель, что черезъ меня онъ никогда не будетъ любить её менѣе!

Какъ ни просто были сказаны эти слова, они возбудили самое глубокое сочувствіе въ натурѣ ректора: они воротили его мысли къ смертному одру мистриссъ Армэдэль. Передъ Бромомъ сидѣлъ человѣкъ, противъ котораго она предостерегала его ради интересовъ своего сына, а этотъ человѣкъ по собственной своей волѣ наложилъ на себя обязательство уважать ея тайну ради ея сына! Воспоминаніе о своихъ прошлыхъ усиліяхъ уничтожить ту дружбу, изъ которой возникло это намѣреніе, упреждало Брока. Въ первый разъ онъ протянулъ руку Мидуинтеру.

— Отъ имени ея сына я благодарю васъ, сказалъ онъ съ жаромъ.

Мидуинтеръ ничего не отвѣчалъ, а положилъ на столъ передъ Бромомъ раскрытое письмо своего отца.

— Я думаю, я сказалъ всё, что предписывалъ мнѣ долгъ, началъ онъ:—прежде чѣмъ мы начнёмъ дѣлать соображенія относительно этого письма. То, что могло показаться вамъ страннымъ въ моёмъ поведеніи съ вами и съ мистеромъ Армэдэлемъ, теперь можетъ объясниться само собой. Вы легко можете сообразить, какое любопытство и удивленіе почувствовалъ я (не зная тогда правды); когда звукъ имени мистера Армэдэля изумилъ меня, какъ отголосокъ моего собственнаго имени. Вы легко поймёте теперь, что я не рѣшался сказать ему, что я его соименникъ потому только, что боялся уронить себя—въ вашемъ мнѣніи, если не въ его—признавшись, что я явился къ вамъ подъ чужимъ именемъ. Послѣ того, что вы теперь слышали о моей бродяжнической жизни и о томъ низкомъ обществѣ, въ которомъ мнѣ приходилось жить, вы не станете удивляться, почему я сохра-

нилъ о себѣ такое упорное молчаніе въ то время, когда я не чувствовалъ отвѣтственности, которую признаніе моего отца наложилъ на меня. Мы можемъ вернуться къ этимъ личнымъ объясненіямъ въ другое время, если вамъ угодно; они не должны отвлекать насъ отъ важнѣйшихъ интересовъ, которые мы должны рѣшить прежде чѣмъ вы уѣдете отсюда. Теперь мы можемъ приступить...

Голосъ его ослабѣлъ и онъ вдругъ повернулся къ окну, чтобы скрыть своё лицо отъ ректора.

— Мы теперь можемъ перейти, повторилъ онъ—и рука его замѣтно дрожала, когда онъ держалъ листокъ:—къ убійству на кораблѣ, производившемъ торговлю строевымъ лѣсомъ и къ предостереженію, данному мнѣ изъ могилы моимъ отцомъ.

Тихо—какъ бы боясь разбудить Аллена, спавшаго въ смежной комнатѣ—прочолъ онъ ужасныя слова, написанныя шотландцемъ въ Вильдбадѣ, по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ устъ его отца.

«Избѣгай вдовы человѣка, котораго я убилъ, если эта вдова еще жива; избѣгай дѣвушки, злодѣйская рука которой устранила препятствія къ этому браку, если эта дѣвушка находится еще у нея въ услуженіи; а болѣе всего избѣгай человѣка, который носить одно имя съ тобою. Ослушайся лучшаго твоего благодѣтеля, если его вліяніе захочетъ сблизить тебя съ нимъ. Брось женщину, которая любитъ тебя, если эта женщина будетъ служить связью между нимъ и тобою; скрывайся отъ него подъ чужимъ именемъ, поставь горы и моря между вами. Будь неблагодаренъ, будь мстителемъ, будь всѣмъ, что наиболѣе противно твоему кроткому характеру, чѣмъ жить подъ одной кровлей и дышать однимъ воздухомъ съ этимъ человѣкомъ. Не допускай, чтобы оба Армэдэля встрѣтились на этомъ свѣтѣ, никогда, никогда, никогда!»

Прочтя эти фразы, онъ оттолкнулъ отъ себя рукопись, не поднимая глазъ. Скрытность, которую онъ нѣсколько минутъ уже успѣлъ преодолѣть, опять овладѣла имъ; опять глаза его разбредлись въ разныя стороны, опять голосъ его понизился. Посторонній, слышавшій его исторію и видѣвшій его теперь, сказалъ бы:

— Взглядъ у него нечестный, обращеніе у него дурное; онъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный сынъ своего отца ..

— Я долженъ сдѣлать вамъ еще вопросъ, заговорилъ Брокъ, въ первый разъ прервалъ молчаніе съ своей стороны:—зачѣмъ вы прочли это мѣсто въ письмѣ вашего отца?

— Для того, чтобы принудить себя сказать вамъ правду, было отвѣтомъ.—Вы должны знать, какъ много во мнѣ отцовскаго, прежде чѣмъ вы допустите меня остаться другомъ мистера Армэдэя. Я получилъ это письмо вчера утромъ. Какое-то предчувствіе волновало меня и я пошелъ къ берегу моря прежде чѣмъ распечатать письмо. Вы вѣрите, что умершіе могутъ возвращаться въ міръ, въ которомъ они нѣкогда жили? Я вѣрю, что отецъ мой воротился въ этомъ яркомъ утреннемъ свѣтѣ, сквозь блескъ солнечныхъ лучей и шума волнъ радостнаго моря, и наблюдалъ какъ я читалъ. Когда я дошелъ до словъ, сейчасъ выслушанныхъ вами, и когда я узналъ, что именно то обстоятельство, котораго онъ опасался передъ смертью, дѣйствительно случилось, я почувствовалъ, какъ ужасъ, овладѣвшій имъ въ его послѣднія минуты, овладѣвалъ мною. Я боролся съ самимъ съ собою какъ онъ желалъ этого. Я старался быть всѣмъ, что было наиболѣе противно моему кроткому характеру; я старался думать безжалостно о томъ, чтобы поставить горы и моря между мною и человѣкомъ, который носилъ мое имя. Прошло нѣсколько часовъ прежде чѣмъ я могъ принудить себя воротиться и подвергнуться риску встрѣтить Аллена Армэдэя въ этомъ домѣ. Когда онъ встрѣтилъ меня вечеромъ на лѣстницѣ, мнѣ кажется, я взглянулъ ему въ лицо, какъ мой отецъ глядѣлъ на его отца, когда дверь каюты затворилась между ними. Выводите какія вамъ угодно заключенія, сэръ. Скажите, если вы хотите, что отецъ мой оставилъ мнѣ въ наслѣдство, между прочимъ, свою изысканную вѣру въ судьбу—я не стану этого оспаривать, я не стану опровергать, что весь вчерашній день я придерживался его суевѣрія. Настала ночь, а я еще не могъ найти путь къ болѣе спокойнымъ и свѣтлымъ мыслямъ. Но наконецъ мнѣ это удалось. Вы можете сказать въ мою пользу то, что я наконецъ освободился отъ вліянія этого ужаснаго письма. Знаете что помогло мнѣ?

— Вашъ разумъ одержалъ верхъ?

— Я не могу разсуждать о томъ, что я чувствую.

— Вы успокоили вашу душу молитвою?

— Я не былъ въ состояннн молиться.

— Однако что-нибудь привело же васъ къ лучшимъ чувствамъ и къ настоящему взгляду на предметъ?

— Привело.

— Что?

— Моя любовь къ Аллену Армэдэлю.

Онъ бросилъ нерѣшительный, почти робкнй взглядъ на Брока, когда далъ этотъ отвѣтъ, и вдругъ, вставъ изъ-за стола, воротился къ окну.

— Развѣ я не имѣю права говорить о немъ такимъ образомъ? спросилъ онъ, скрывая своё лицо отъ ректора:—развѣ я не знаю его довольно-давно? развѣ я не довольно уже сдѣлалъ для него? Вспомните мою опытность о людяхъ вообще, когда я въ первый разъ увидалъ его руку, протянутую ко мнѣ, когда я въ первый разъ услышалъ его голосъ, говорившнй со мною въ той комнатѣ, гдѣ я лежалъ больной. Въ моёмъ дѣтствѣ я только и слышалъ, что чужая рука грозила мнѣ или била меня. Его рука поправляла моё изголовье, трепала меня по плечу, подавала мнѣ пищу и питьё. Когда я возмужалъ, я слышалъ голоса другихъ людей только произносящнхъ насмѣшки, проклятнх, шептавшнхся съ гнуснымъ недовѣрнемъ. Его голосъ сказалъ мнѣ:

«— Развеселитесь, Мидуинтеръ: мы скоро васъ вылечимъ. Черезъ недѣлю вы поправитесь на столько, что пойдете со мною покататься по нашимъ сомерсетширскимъ переулкамъ». Подумайте о пальцѣ цыгана; подумайте какъ негодяи смѣялись надо мною, когда я проходилъ мимо ихъ оконъ съ моею умершей собачкою на рукахъ; подумайте о хозяинѣ, который лишилъ меня жалованья за цѣлый мѣсяцъ на своёмъ смертномъ одрѣ—и спросите ваше собственное сердце: преувеличилъ ли жалкнй несчастливецъ, съ которымъ Алленъ Армэдэль обошелся какъ съ равнымъ и какъ съ другомъ, когда сказалъ, что онъ любитъ его? Я люблю его! Это чувство обнаружится во мнѣ — я не могу его сдержать. Я люблю даже землю, по которой онъ ступаетъ! Я отдалъ бы мою

жизнь — да, жизнь, которая драгоценна для меня теперь, потому что его доброта сдѣлала её счастливою — я говорю вамъ, что я отдалъ бы мою жизнь...

Слова замерли на его губахъ; истерическія рыданія овладѣли имъ. Онъ протянулъ руку мистеру Броку съ умоляющимъ движеніемъ, опустилъ голову на окно и залился слезами.

Даже тутъ обнаружилась суровая дисциплина, которой научила этого человѣка жизнь. Онъ не ожидалъ сочувствія; онъ не считывалъ на сострадательное уваженіе человѣка къ человѣческой слабости. Жестокая необходимость сдерживать себя не выходила изъ его мыслей, между тѣмъ какъ слёзы лились по его щекамъ.

— Дайте мнѣ одну минуту, сказалъ онъ слабымъ голосомъ: — я преодолѣю это сію минуту; я не стану разстраивать васъ опять такимъ образомъ.

Вѣрный своей рѣшимости, онъ черезъ минуту преодолѣлъ себя. Черезъ минуту онъ былъ въ состояніи говорить спокойно.

— Мы воротимся, сэръ, къ тѣмъ лучшимъ мыслямъ, которыя привели меня вчера къ вамъ, продолжалъ онъ. — Я могу только повторить, что я никогда не освободился бы отъ вліянія, которое произвело на меня это письмо, еслибы я не любилъ Аллена Армэдэля со всею полнотою братской любви. Я сказалъ себѣ: «если мысль разстаться съ нимъ раздираетъ мнѣ сердце, стало-быть эта мысль дурна!» — такъ я думалъ нѣсколько часовъ тому назадъ, такъ я думаю и теперь. Я не могу повѣрить и не вѣрю, чтобы дружба, возродившаяся только изъ доброты, съ одной стороны, и только изъ признательности, съ другой, могла повести къ дурному концу. Я не уменьшаю важности странныхъ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ насъ соименниками, — странныхъ обстоятельствъ, которыя свели насъ и привязали другъ къ другу, — странныхъ обстоятельствъ, случившихся потомъ съ каждымъ изъ насъ отдѣльно: они всё связываются между собою въ моихъ мысляхъ, но они не устрашаютъ меня. Я не вѣрю, чтобы эти обстоятельства случились по опредѣленію судьбы для того, чтобы правести къ дурному, — я вѣрю, что они случились по опредѣленію Господа для доброй цѣли. Будьте судей, какъ священнослужитель, между умершимъ отцомъ, слова котораго записаны

на этихъ страницахъ, и живымъ сыномъ, слова котораго срываются теперь съ его губъ. Теперь, когда оба Аллена Армэдэля встрѣтились во второмъ поколѣннн, что я такое: орудіе судьбы или Провидѣнія? Что предназначено мнѣ сдѣлать—теперь, когда я дышу однимъ воздухомъ и живу подъ одной кровлей съ сыномъ челоуѣка, убитаго моимъ отцомъ—продолжать ли преступленіе моего отца, нанося моему соименнику смертельный вредъ, или загладить преступленіе моего отца, посвятивъ ему преданность всей моей жизни? Въ силу этого лучшаго убѣжденія я могу рѣшиться сдѣлать вамъ, одинъ простой вопросъ, обозначающій ту простую цѣль, къ которой стремилось всё, что я пришолъ сюда сказать. Ващъ воспитанникъ стоитъ въ началѣ своей новой карьеры въ положеніи совершенно одинокомъ; ему непременно нуженъ товарищъ его лѣтъ и на котораго онъ могъ бы положиться. Настуцило время, сэръ, чтобы рѣшить, могу я быть этимъ товарищемъ или нѣтъ. Послѣ всего, что вы слышали объ Озалязѣ Мидуинтерѣ, скажите мнѣ прямо, позволете ли вы ему остаться другомъ Аллена Армэдэля?

Брокъ отвѣчалъ на этотъ безстрашно-чистосердечный вопросъ съ такимъ же безстрашнымъ чистосердечіемъ:

— Я вѣрю, что вы любите Аллена и вѣрю, что вы сказали правду: на челоуѣка, который произвелъ на меня это впечатлѣніе, я обязанъ положиться. Я полагаюсь на васъ.

Мидуинтеръ вскочилъ, его смуглое лицо покрылось густымъ румянцемъ; глаза его наконецъ твѣрдо и ясно остановились на лицѣ ректора.

— Огня! воскликнулъ онъ, отрывая страницы отцовскаго письма, одну по одной.—Уничтожимъ послѣднюю связь, соединяющую насъ съ ужаснымъ прошлымъ! Пусть мы увидимъ, что это признаніе превратится въ груду пепла, прежде чѣмъ мы разстанемся.

— Подождите! сказала Брокъ:—прежде чѣмъ мы сожжемъ это письмо, мы должны еще разъ пересмотрѣть его.

Огорванные листки рукописи выпали изъ рукъ Мидуинтера; Брокъ взялъ ихъ, старательно подобралъ, пока не дошелъ до послѣдней страницы.

— Я смотрю на суетвѣріе вашего отца совершенно такъ, какъ вы, сказалъ ректоръ.—Но онъ далъ вамъ одно предостереженіе, которымъ вамъ не слѣдуетъ пренебрегать (и для Аллена и для васъ самихъ). Послѣдняя связь съ прошлымъ не будетъ уничтожена, когда вы сожжете эти листки. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой вѣроломной и убійственной исторіи еще не умерло. Прочтите это слово.

Онъ подвинулъ листокъ черезъ столъ, указывая пальцемъ на одну фразу. Волненіе Мидуинтера сбило его съ толку. Онъ обратилъ вниманіе не на ту фразу и прочоль:

«Избѣгай вдовы челоуѣка, котораго я убилъ, если эта вдова еще жива.»

— Не эту фразу, сказалъ ректоръ:—а слѣдующую.

Мидуинтеръ прочоль:

«Избѣгай дѣвушки злодѣйская рука которой устранила препятствіе къ этому браку, если эта дѣвушка находится еще у ней въ услуженіи».

— Служанка и госпожа разстались, сказалъ Брокъ:—во время замужства госпожи. Служанка и госпожа опять встрѣтились въ домѣ мистриссъ Армэдэль въ Сомертсетширѣ въ прошломъ году. Я встрѣтилъ самъ эту женщину въ деревнѣ и знаю, что ея посѣщеніе ускорило смерть мистриссъ Армэдэль. Подождите нѣсколько и успокойтесь, я вижу, что я испугалъ васъ.

Онъ подождать, какъ ему было сказано; румянецъ его замѣнился сѣрватою блѣдностью, а блескъ свѣтлыхъ карихъ глазъ медленно исчезалъ. Слова ректора произвели на него не мимолѣтное впечатлѣніе, на его лицѣ виднѣлось болѣе чѣмъ сомнѣніе, виднѣлся испугъ въ то время, какъ онъ сидѣлъ погрузившись въ свои мысли. Не возобновилась ли уже борьба прошлой ночи? Не почувствовалъ ли онъ, что ужасъ наслѣдственнаго суетвѣрія опять овладѣваетъ имъ?

— Вы можете помочь мнѣ остерегаться её? спросилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія.—Можете вы сказать мнѣ ея имя?

— Я могу только сказать вамъ, что мистриссъ Армэдэль сказала мнѣ, отвѣчалъ Брокъ.—Эта женщина призналась, что она

вышла замужъ въ тотъ продолжительный промежутокъ, который прошолъ послѣ ея разлуки съ госпожой, но она не сказала ни слова о своей прошлой жизни. Она пришла къ мистриссъ Армэдэль просить денегъ, получила ихъ и ушла изъ дома, положительно отказавшись—когда её спросили объ этомъ—сказать своё замужнее имя.

— Вы видѣли её въ деревнѣ: какой она наружности?

— Она не поднимала воая: я не могу вамъ сказать.

— Вы можете сказать мнѣ, что вы видѣли?

— Конечно. Я видѣлъ, когда она подошла ко мнѣ, что ея походка очень граціозна, что у ней прекрасная фигура и что она нѣсколько выше средняго роста. Я примѣтилъ, когда она спрашивала у меня дорогу къ мистриссъ Армэдэль, что обращеніе ея было благородное, а голосъ замѣчательно нѣженъ и привлекателенъ. Наконецъ, я вспомнилъ потомъ, что на ней былъ толстый черный воаль, черная шляпка, черное шолковое платье и красная шаль. Я чувствую, какъ важно для васъ узнать о ней болѣе подробныя свѣдѣнія, какихъ я не могу вамъ дать. Но, къ несчастью...

Онъ остановился. Мидуинтеръ вдругъ наклонился черезъ столъ и положилъ руку на руку Брока.

— Не-уже-ли вы знаете эту женщину? спросилъ Брокъ, удивившись внезапной перемѣнѣ въ его обращеніи.

— Нѣтъ.

— Что же васъ такъ изумило въ моихъ словахъ?

— Вы помните ту женщину, которая бросилась въ рѣку съ парохода? спросилъ Мидуинтеръ:—женщину, которая была причиною смерти столькихъ человѣкъ, смерти, открывшей Аллану Армэдэлю путь къ наслѣдству Торп-Эмбросскаго имѣнія?

— Я помню ея описаніе въ полицейскомъ донесеніи, отвѣчалъ ректоръ.

— Эта женщина, продолжалъ Мидуинтеръ:—имѣла граціозную походку и прекрасную фигуру. На этой женщинѣ были черный воаль, черная шляпка, черное шолковое платье и красная шаль...

Онъ остановился, отдёрнулъ руку отъ руки мистера Брока и опять сѣлъ на свой стулъ.

— Не-уже-ли это одна и та же женщина? сказалъ онъ попотомъ самъ себѣ:—не-уже-ли какая-то роковая судьба преслѣдуетъ меня во мракѣ? преслѣдуетъ насъ въ образѣ этой женщины?

Если это предположеніе было справедливо, то одно прошлое происшествіе, повидимому, ни сколько не относившееся къ происшествіямъ предшествовавшимъ ему, напротивъ, оказывалось единственнымъ недостающимъ звеномъ въ цѣпи событій. Здравый смыслъ мистера Брока инстинктивно опровергалъ это изумительное заключеніе. Онъ посмотрѣлъ на Мидуинтера съ сострадательной улыбкой.

— Мой юный другъ, сказалъ онъ ласково: — точно ли до такой степени, какъ вы думаете освободились вы отъ суевѣрія? Достойны ли тѣ слова, которыя вы сейчасъ произнесли, того добраго намѣренія, на которое вы рѣшились вчера?

Голова Мидуинтера опустилась на грудь; румянецъ вспыхнулъ на его лицѣ; онъ глубоко вздохнулъ..

— Вы начинаете сомнѣваться въ моей искренности, сказалъ онъ:—я не могу васъ осуждать.

— Я вѣрю вашей искренности по-прежнему, отвѣчалъ Брокъ:— я только сомнѣваюсь, такъ ли сильно укрѣпили вы слабыя стороны вашего характера, какъ вы предполагаете. Многіе не выдерживали борьбы противъ себя самихъ гораздо чаще, чѣмъ съ вами случалось это до-сихъ-поръ, и всё-таки въ концѣ одерживали побѣду. Я васъ не осуждаю, я не потерялъ къ вамъ довѣрія, я только примѣчаю, что случилось, чтобы заставить васъ остерегаться себя самого. Полно! полно! Обратитесь къ вашему здравому смыслу—и вы согласитесь со мною, что никакіе признаки не оправдываютъ подозрѣнія, что женщина, которую я встрѣтилъ въ Сомерсетширѣ и женщина, которая покусилась на самоубійство въ Лондонѣ—одна и та же. Не-уже-ли такой старикъ, какъ я, долженъ напоминать такому молодому человѣку, какъ вы, что въ Англіи есть тысяча женщинъ съ прекрасными фигурами—тыся-

ча женщинъ, одѣвающихся въ черное шелковое платье и красную паль?

Мидуинтеръ съ такимъ жаромъ ухватился за это замѣчаніе, что болѣе суровому критику челоѣчества, чѣмъ былъ мистеръ Брокъ, это показалось бы подозрительно.

— Вы совершенно правы, сэръ, а я нѣтъ, сказалъ онъ: — десятки женщинъ отвѣчаютъ на это описаніе, какъ вы говорите. Я теряю время на мои прежнія пустыя фантазіи, когда долженъ былъ бы старательно соображать факты. Если эта женщина вздумаетъ пробраться къ Аллену, я долженъ быть готовъ остановить её.

Онъ началъ тревожно перебирать листки рукописи, разбросанные на столѣ, и внимательно рассмотрѣлъ одну страницу.

— Вотъ это поможетъ мнѣ положительно, продолжалъ онъ:— это поможетъ мнѣ узнать ея лѣта. Ей было двѣнадцать лѣтъ во время замужства мистриссъ Армэдэль, прибавьте годъ: ей будетъ тринадцать, прибавьте лѣта Аллена (двадцать-два года) и мы узнаемъ, что этой женщинѣ теперь тридцать-пять лѣтъ. Я знаю ея лѣта и знаю, что она имѣетъ причины молчать о своей замужней жизни. Это уже значить кое-что для начала и со временемъ это можетъ повести къ большому.

Онъ опять весело посмотрѣлъ на Брока.

— Попалъ ли я на настоящій путь теперь, сэръ? Пользуюсь ли я, какъ слѣдуетъ, предосторожностью, съ которою вы съ такою доброю предостерегли меня?

— Вы оправдываете вапу здравую мысль, отвѣчалъ ректоръ, поощряя его обуздать свое воображеніе съ всегдашнимъ недоѣріемъ англичанина къ благороднѣйшей изъ челоѣческихъ способностей:—вы пролагаете путь себѣ къ болѣе счастливой жизни.

— Вы думаете? задумчиво сказалъ Мидуинтеръ.

Онъ опять порылся между бумагами и остановился на другомъ изъ набросанныхъ листовъ.

— Корабль! вдругъ воскликнулъ онъ и румянецъ его опять исчезъ, а обращеніе въ одно мгновеніе переѣнилось.

— Какой корабль? спросилъ ректоръ.

— На которомъ было совершено это преступленіе, сказала Мидуинтеръ, обнаруживъ первые признаки нетерпѣнія:—корабль, на которомъ убійственная рука моего отца заперла дверь каюты.

— Что жь изъ этого? сказалъ Брокъ.

Мидуинтеръ, повидимому, не слыжалъ вопроса; глаза его были пристально устремлены на страницу, которую онъ читалъ.

— Французскій корабль, занимавшійся перевозкою строевого лѣса, сказалъ онъ, всё говоря самъ съ собою:—французскій корабль *La Grâce de Dieu*. Если вѣра моего отца въ судьбу была справедлива, если Рокъ преслѣдовалъ меня шагъ за шагомъ изъ могилы моего отца, то въ одномъ изъ моихъ путешествій я встрѣтился бы съ этимъ кораблёмъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на Брока.

— Теперь я знаю навѣрно, сказалъ онъ:—это двѣ женщины разныя, а не одна.

Брокъ покачалъ головой.

— Я радъ, что вы дошли до этого заключенія, сказалъ онъ:—но я желалъ бы, чтобы вы дошли до него какимъ-нибудь другимъ способомъ.

Мидуинтеръ вскочилъ и, схвативъ листки рукописи обѣими руками, бросилъ ихъ въ пустой каминъ.

— Ради Бога позвольте мнѣ сжечь ихъ! воскликнулъ онъ.—Пока останется еще одна страница, я буду её читать, а пока я буду читать её, отецъ подчинитъ меня своему вліянію противъ моей воли!

Брокъ указалъ на коробочку съ спичками. Черезъ минуту рукопись загорѣлась. Когда огонь уничтожилъ послѣдній доскутокъ бумаги, Мидуинтеръ съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Я могу сказать, какъ Макбетъ: «теперь дѣло кончено и я опять сталъ человѣкомъ! началъ онъ съ лихорадочной веселостью.—Вы, кажется устали, сэръ; и не удивительно, прибавилъ онъ болѣе тихимъ тономъ:—я слишкомъ долго лишилъ васъ сна; я не стану задерживать васъ долѣе. Будьте увѣрены, я буду помнить то, что вы мнѣ сказали; будьте увѣрены, что я стану между Алланомъ и всякимъ врагомъ, мужчиной или женщиной, которые приблизятся къ нему. Благодарю васъ, мистеръ Брокъ, тысячу,

тысячу разъ, благодарю васъ! Я вошелъ въ эту комнату несчастнѣйшимъ изъ людей—я могу выйти теперь отсюда счастливѣе птичекъ, поющихъ на воздухѣ!

Когда онъ направился къ двери, лучи восходящаго солнца струились въ окно на груды пепла, чернѣвшуюся въ каминѣ: чувствительное воображеніе Мидуинтера тотчасъ вспыхнуло при этомъ зрѣлищѣ.

— Посмотрите, сказалъ онъ весело: — будущее сіяетъ надъ пепломъ прошедшаго.

Необъяснимое состраданіе къ этому человѣку, именно въ ту минуту въ его жизни, когда онъ наименѣе нуждался въ состраданіи, прокралось въ сердце ректора, когда дверь затворилась, а онъ опять остался одинъ.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ, тревожно удивляясь своему состраданію:—бѣдняжка!

ГЛАВА III.

ДЕНЬ И НОЧЬ.

Прошли утренніе часы; наступилъ и прошелъ полдень, и мистеръ Брокъ отправился въ своё возвратное путешествіе домой.

Разставшись съ ректоромъ у дугласской пристани, оба молодые человѣка воротились въ Кэстльтоунъ и разстались тамъ у дверей гостинницы; Алленъ пошелъ взглянуть на свою яхту, а Мидуинтеръ вошелъ въ домъ насладиться тѣмъ отдохновеніемъ, въ которомъ онъ такъ нуждался послѣ безсонной ночи.

Онъ заперъ ставни, закрылъ глаза, но сонъ не смыкалъ его глазъ. Въ первый день отсутствія ректора чувствительная натура Мидуинтера безразсудно увеличивала отвѣтственность, которая теперь лежала на нёмъ по довѣрію мистера Брока. Нерв-

ный страхъ оставить Аллена одного, даже на нѣсколько часовъ, не позволялъ ему смыкать глазъ, такъ что, наконецъ, для него сдѣлалось скорѣе облегченіемъ, чѣмъ неприятнымъ усиліемъ опять встать съ постели и послѣдовать за Алленомъ по дорогѣ, которая вела въ яхтѣ.

Поправки маленькой яхты были почти кончены. День былъ ясный, съ прохладнымъ вѣтеркомъ; на землѣ всё было свѣтло; синія волны струились на солнцѣ; матросы пѣли за своей работой. Спустившись въ каюту, Мидуинтеръ увидалъ своего друга, прилежно занимающагося приведеніемъ всего въ порядокъ. Обыкновенно, наименѣе аккуратный изъ всѣхъ смертныхъ, Алленъ время отъ времени, вдругъ начиналъ чувствовать преимущества порядка и въ подобныхъ случаяхъ имъ овладѣвала какакто неистовая страсть къ опрятности. Онъ стоялъ на колѣнахъ, съ горячимъ усердіемъ занимаясь своею работою, когда Мидуинтеръ глядѣлъ на него, и быстро приводилъ опрятную каюту въ первобытный хаосъ, съ дурно направленной энергіей, на которую удивительно было смотрѣть.

— Вотъ какая каша! сказалъ Алленъ, спокойно приподнимаясь на кучѣ, самымъ имъ наваленной.—Знаете ли, мой милый, я начинаю жалѣть, зачѣмъ я не оставилъ всё какъ было.

Мидуинтеръ улыбнулся и поспѣшилъ на помощь своему другу съ проворствомъ моряка:

Первая вещь, попавшаяся ему, была шкатулка Аллена, въ которой всё было перевёрнуто вверхъ дномъ; половина разбросана по полу, гдѣ также лежала тряпка для обтиранія пыли, и метла. Укладывая въ шкатулку вещи, Мидуинтеръ неожиданно увидалъ миниатюрный портретъ стариннаго овальнаго фасона, въ рамкѣ, осыпанной мелкими брилліантами.

— Вы, кажется, не очень это цѣните, сказалъ онъ.—Чей это портретъ?

Алленъ наклонился черезъ плечо Мидуинтера и посмотрѣлъ на портретъ.

— Онъ принадлежалъ моей матери, отвѣчалъ онъ: и я чрезвычайно имъ дорожу; это портретъ моего отца.

Мидуинтеръ вдругъ сунулъ портретъ въ руки Аллэну и отошолъ на противоположную сторону каюты.

— Вы лучше знаете гдѣ должны лежать вещи въ вашей шкапулкѣ, сказалъ онъ, стоя спиною къ Аллэну.—Я буду убирать на этой сторонѣ каюты, а вы убирайте на другой.

Онъ началъ приводить въ порядокъ вещи, разбросанныя на столѣ и на полу, но точно будто судьба рѣшила, что въ это утро ему попадутся въ руки всѣ вещи его друга. Одна изъ первыхъ вещей, взятыхъ имъ, была банка съ табакомъ Аллэна, заткнутая письмомъ вмѣсто пробки.

— Вы знаете, что вы заткнули эту банку письмомъ? спросилъ Мидуинтеръ:—не важное ли это письмо?

Аллэнъ тотчасъ его узналъ. Это было первое письмо, полученное на островѣ Мэнѣ, письмо, о которомъ Аллэнъ выразился таѣмъ образомъ: «опять надоѣдаютъ эти несносные нотаріусы» и о которомъ онъ пересталъ думать съ своей обыкновенной безпечностью.

— Вотъ что выходитъ, когда бываешь необыкновенно заботливъ! сказалъ Аллэнъ:—вотъ примѣръ моей чрезвычайной заботливости! Вы, можетъ быть, не повѣрите, но я нарочно заткнулъ банку этимъ письмомъ. Каждый разъ, когда я подхожу къ банкѣ, я увижу письмо; а каждый разъ, когда я увижу письмо, я самъ скажу себѣ: «я долженъ отвѣчать на это». Тутъ не надъ чѣмъ смѣяться: это было совершенно благоразумное распоряженіе, если бы я только могъ помнить куда я ставлю банку. Не завывать ли мнѣ узелъ на носовомъ платкѣ? У васъ чудная память, мой милый другъ, можетъ быть, вы напомните мнѣ днѣмъ, если я забуду и объ узлѣ.

Мидуинтеръ увидѣлъ первый случай, послѣ отъѣзда Брока, съ пользою занять его мѣсто.

— Вотъ вашъ письменный приборъ, сказалъ онъ:—зачѣмъ тотчасъ не отвѣчать на это письмо? Если вы опять отложите, вы можете забыть.

— Очень справедливо, согласился Аллэнъ.—Но хуже всего то, что я никакъ не могу рѣшиться какой мнѣ написать отвѣтъ. Мнѣ нуженъ совѣтъ. Сядьте-ка здѣсь и я всё вамъ разкажу.

Съ громкимъ ребяческимъ смѣхомъ—которому вторилъ Ми-
дуинтеръ, заразившійся его веселостью—Аллэнъ снялъ съ дивана
кучу разныхъ разностей, наваленныхъ тамъ, и сдѣлалъ мѣсто
для своего друга и для себя. Въ полномъ разгарѣ юношеской
веселости, оба молодые человѣка сѣли шутивно совѣщаться
надъ письмомъ, затыкавшемъ, вмѣсто пробки, банку съ та-
бакомъ. Это была достопамятная минута для обоихъ, какъ ни
безпечно думали они объ этомъ въ то время. Прежде чѣмъ ни
оба встали съ своихъ мѣстъ, они сдѣлали первый безвозврат-
ный шагъ по мрачной и извилистой дорогѣ ихъ будущей жизни.

Вопросъ, относительно котораго Аллэнъ просилъ теперь со-
вѣта своего друга, можно опредѣлить такимъ образомъ:

Пока устраивались различныя распоряженія, относившіяся къ
Торп-Эмбросскому наслѣдству, пока новый владѣлецъ помѣстья
еще былъ въ Лондонѣ, поднятъ былъ вопросъ относительно то-
го, кто будетъ управлять помѣстьемъ. Управляющій Блэнчар-
довъ, не теряя времени, письменно предложилъ свои услуги. Хо-
тя человѣкъ совершенно порядочный и надѣжный, онъ лишился
милости новаго владѣльца, потому-что, дѣйствуя по обыкновенію,
по своему первому впечатлѣнію, рѣшился, во что бы то ни
стало, заставить Мидуинтера навсегда поселиться въ Торп-Эмбро-
зѣ. Аллэнъ опредѣлилъ, что мѣсто управителя именно годится
для его друга по той простой причинѣ, что это принудитъ его
друга жить вмѣстѣ съ нимъ. Аллэнъ письменно отказался отъ
сдѣланнаго ему предложенія, не посоветовавшись съ Броккомъ,
неодобренія котораго онъ имѣлъ причины опасаться; не сказавъ
Мидуинтеру, который, вѣроятно, отказался бы отъ мѣста, кото-
рое онъ по своей прежней жизни вовсе не способенъ былъ за-
нимать. Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ началась переписка и
возникли два новыя затрудненія, которыя, впрочемъ, Аллэнъ,
при помощи своихъ нотаріусовъ, легко успѣлъ рѣшить. Первое
затрудненіе, состоявшее въ томъ, чтобы обревизовать счоты управ-
ляющаго, было рѣшено отправленіемъ въ Торп-Эмбросъ опыт-
наго счотчика; второе затрудненіе, состоявшее въ томъ, чтобы
извлечь пользу изъ опроставнагося коэртѣджа управителя (Ал-
лэнъ рѣшилъ, что его другъ будетъ жить въ одномъ съ нимъ

домѣ) было устранено тѣмъ, что коттэдждь поручили отдать въ наймы дѣятельному агенту въ сосѣднемъ городѣ. На томъ распоряженіи и остановились, когда Аллэнъ уѣхалъ изъ Лондона. Онъ и не слыхалъ и не думалъ болѣе объ этомъ, пока не получилъ письма отъ нотариуса на островѣ Мэнѣ. Въ этомъ письмѣ заключались два предложенія: занять коттэдждь—оба получонныя въ одинъ и тотъ же день—и просьба увѣдомить такъ скоро, какъ ему только будетъ возможно, которое изъ двухъ онъ желаетъ принять.

Очутившись лицомъ къ лицу съ необходимостью рѣшить вопросъ, о которомъ онъ забылъ уже нѣсколько дней, Аллэнъ вкратцѣ объяснилъ своему другу обстоятельства этого дѣла, просилъ удостоить его совѣтомъ. Въмѣсто того, чтобы осмотрѣть оба предложенія, Мидуинтеръ безцеремонно отложилъ ихъ въ сторону и сдѣлалъ два весьма естественные и очень неловкіе вопроса о томъ: кто будетъ новый управитель и почему онъ долженъ жить въ домѣ Аллэна?

— Я скажу вамъ это, когда мы будемъ въ Торп-Эмброзѣ, сказалъ Аллэнъ, а пока мы будемъ называть управителя X. У. Z. и скажемъ, что онъ будетъ жить со мною, потому что я дьявольски хитѣрь и хочу имѣть его на глазахъ. Вамъ нечего принимать такой удивлѣнный видъ. Я знаю этого человѣка очень коротко: съ нимъ нужно обращаться умѣючи. Если я заранѣе предложу ему мѣсто управителя, скромность заставитъ его сказать: «нѣтъ»; если же я схвачу его за горло, ни слова не сказавъ ему вперѣдъ, и когда некому будетъ, кромѣ него, занять это мѣсто, ему ничего больше не останется какъ ради моихъ интересовъ сказать: «да» X. У. Z. Человѣкъ очень порядочный—могу васъ увѣрить; вы его увидите, когда мы прійдемъ въ Торп-Эмброзъ, и мнѣ кажется, что вы съ нимъ чрезвычайно хорошо сойдѣтесь

Шутливость, мелькавшая въ глазахъ Аллэна, лукавая значительность его тона выдали бы его тайну счастливому человѣку. Мидуинтеръ такъ же мало подозрѣвалъ о комъ идетъ рѣчь, какъ и плотники, работавшіе на палубѣ яхты.

— Развѣ теперь въ имѣніи нѣтъ управителя? спросилъ онъ,

и на лицѣ его выразилось ясно, что онъ вовсе не былъ доволенъ отвѣтомъ Аллена. — Развѣ управленіемъ имѣнія никто не занимается всё это время?

— Ни чуть не бывало! возразилъ Алленъ. — Дѣла идутъ: «на полныхъ парусахъ и при попутномъ вѣтрѣ». Я не шучу, я только выражаюсь метафорически. Извѣстный счетчикъ разсматриваетъ отчеты, а клеркъ нотаріуса бываетъ въ конторѣ развѣ въ недѣлю. Оставимъ пока въ покоѣ новаго управителя и скажите-ка мнѣ, котораго изъ двухъ жильцовъ выбрали бы вы на моёмъ мѣстѣ?

Мидуинтеръ развернулъ предложенія и прочолъ ихъ внимательно.

Первое предложеніе было отъ нотаріуса торп-эмброскаго, который первый сообщилъ Аллену въ Парижъ объ огромномъ состояніи, доставшемся ему на долю. Этотъ джентльмэнъ писалъ, что онъ давно любовался коттеджемъ, очаровательно расположеннымъ на границахъ Торп-Эмброскаго парка. Онъ былъ холостякъ, любившій серьезныя занятія и искавшій сельскаго уединенія послѣ утомительныхъ дѣловыхъ занятій; онъ осмѣливался утверждать, что мистеръ Армэдэль, взявъ его жильцомъ, могъ рассчитывать на спокойнаго сосѣда и на то, что коттеджъ будетъ отданъ въ надежныя руки.

Второе предложеніе дѣлалъ тотъ агентъ, кому было поручено отдать въ наймы коттеджъ и отъ имени совершенно посторонняго лица. Жилецъ, желавшій нанять коттеджъ, былъ отставной армейскій офицеръ—какой-то маіоръ Мильрой. Его семейство состояло изъ больной жены и единственной дочери—молодой дѣвушки. Рекомендаціи его были отличныя и онъ тоже особенно желалъ нанять коттеджъ, такъ какъ спокойное мѣстоположеніе было именно какого требовало слабое состояніе здоровья мистрисъ Мильрой.

— Какой профессіи отдать предпочтеніе? спросилъ Алленъ:— военной или судебной?

— Мнѣ кажется тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, сказалъ Мидуинтеръ. — Нотаріусъ уже переписывался съ вами, стало-быть, ему надо отдать предпочтеніе.

— Я знаю, что вы это скажете. Сколько раз ни спрашивалъ я совѣта у другихъ, я никогда не получалъ такой совѣтъ, какой былъ мнѣ нуженъ. Вотъ, напримѣръ, это дѣло, о наймѣ коттэджа. Я не согласенъ съ вами. Я хочу взять маіора.

— Зачѣмъ?

Армедэль указалъ пальцемъ на ту часть письма, въ которой перечислялось семейство маіора, на эти два слова: «молодая дѣвица».

— Холостякъ, любящій серьёзные занятія, прогуливающійся по моему парку—предметъ не интересный, сказалъ Аллэнъ:— а молодая дѣвица интересна. Я нисколько не сомнѣваюсь, что миссъ Мильрой очаровательна. Озайзъ Мидуинтеръ, несмотря на вашу серьёзную фізіономію, подумайте о ея хорошенькомъ кисейномъ платицѣ, развѣвающимся между вашими деревьями, подумайте о ея восхитительной ножкѣ, ступающей въ вашемъ фруктовомъ саду,—о ея очаровательно свѣжихъ губкахъ, касающихся до вашихъ спѣлыхъ персиковъ, подумайте о ея полненькихъ ручкахъ, срывающихъ ваши раннія фіалки,—о ея розовенькомъ носикѣ, нюхающимъ ваши розы! Чтò предложить мнѣ ученый холостякъ взаменъ потери всего этого? Онъ предлагаетъ мнѣ какой-то тёмный предметъ въ штиблетахъ и парикѣ. Нѣтъ! нѣтъ! Справедливость—вещь хорошая, любезный другъ, но, повѣрьте мнѣ, миссъ Мильрой лучше.

— Можете ли вы о чомъ бы то ни было говорить серьёзно, Аллэнъ?

— Я постараюсь, если вы хотите. Я знаю, что мнѣ слѣдовало бы выбрать нотаріуса; но чтò мнѣ дѣлать, если дочь маіора не выходитъ у меня изъ головы?

Мидуинтеръ рѣшительно воротился къ справедливому и разумному взгляду на предметъ и настойчиво обращалъ на него вниманіе своего друга со всѣмъ убѣжденіемъ, къ какому только онъ былъ способенъ. Выслушавъ его съ примѣрнымъ терпѣніемъ, Аллэнъ очистилъ мѣсто на столѣ отъ наваленныхъ на него вещей и вынулъ изъ кармана жилета полкраны.

— Мнѣ пришла въ голову совершенно новая идея, сказалъ онъ:—бросимъ жребій.

Нелѣпость этого предположенія, сдѣланнаго богатымъ помѣщикомъ, была до крайности смѣшна. Мидуинтеръ не могъ сохранить своей серьезности.

— Я буду спускать, продолжалъ Аллэнъ:—а вы выкликайте. Мы, разумѣется, должны отдать предпочтеніе арміи: орель будетъ маіоръ, а рѣшотка—нотаріусъ. Ну, глядите же!

Онъ спустилъ монету на столѣ.

— Рѣшотка! закричалъ Мидуинтеръ, потакая ребяческой шуткѣ Аллена.

Монета упала на столъ орломъ кверху.

— Не-уже-ли вы серьезно поступите такимъ образомъ? сказалъ Мидуинтеръ, когда Аллэнъ отперъ письменную шкатулку и обмакнулъ перо въ чернила.

— О, конечно! возразилъ Аллэнъ:—случай и миссъ Мильрой на моей сторонѣ; двое противъ васъ. Не къ чему убѣждать меня. Маіору выпалъ жребій и маіоръ получить коттэдъжъ. Я не поручу этого нотаріусамъ: они опять станутъ надоѣдать мнѣ письмами. Я самъ напишу.

Онъ написалъ отвѣтъ на оба предложенія буквально въ двѣ минуты. Одинъ къ агенту:

«Любезный сэръ, я принимаю предложеніе маіора Мильроя, пусть его приѣзжаетъ когда угодно. Искренно вамъ преданный Аллэнъ Армэдэль.»

Другой отвѣтъ къ нотаріусу.

«Любезный сэръ, я сожалѣю, что обстоятельства не позволили мнѣ принять вашего предложенія. Искренно вамъ преданный и проч. и проч.»

— Люди всегда поднимаютъ исторію, когда надо писать письма, замѣтилъ Аллэнъ, когда кончилъ:—а я нахожу, что писать письма довольно легко.

Онъ написалъ адресъ на обоихъ письмахъ и наклеилъ почтовые марки, весело свистя. Пока онъ писалъ, онъ не примѣчалъ чѣмъ былъ занятъ его другъ. Когда онъ кончилъ, его поразила внезапная тишина въ каютѣ, и поднявъ глаза, онъ примѣтилъ, что всё вниманіе Мидуинтера было странно сосредоточено на

монетѣ, лежавшей на столѣ. Алэнъ съ удивленіемъ пересталъ свистать.

— Что вы дѣлаете? спросилъ онъ.

— Я только спрашиваю себя... отвѣчалъ Мидуинтеръ.

— О чомъ? приставалъ Алэнъ.

— Я спрашиваю себя, отвѣчалъ Мидуинтеръ, возвращая ему монету:—есть ли на свѣтѣ то, что называется случаемъ?

Черезъ полчаса оба письма были отправлены на почту; Алэнъ, которому надзоръ за поправками на яхтѣ оставлялъ досихъ-поръ мало свободнаго времени, предложилъ прогуляться въ Кэстльтоунѣ. Даже Мидуинтеръ, несмотря на тревожное желаніе заслужить довѣріе мистера Брока, не могъ сказать ничего противъ такого невиннаго намѣренія, и молодые люди отправились вмѣстѣ посмотрѣть столицу острова Мэна.

Сомнительно, есть ли на земномъ шарѣ другой такой неинтересный городъ для пріѣзжихъ, какъ Кэстльтоунъ. Тамъ можно смотрѣть на внутреннюю пристань съ раздвижнымъ мостомъ для пропуса кораблей,—на наружную пристань, кончавшуюся крошечнымъ маякомъ,—на видъ на плоскій берегъ и съ правой и съ лѣвой стороны. Въ центрѣ города стоитъ скорченное сѣрое зданіе, называемое замкомъ, и столбъ, посвященный какому-то губернатору Смелту, съ плоской верхушкой для статуи, но статуи нѣтъ; стоятъ также казармы, въ которыхъ помѣщается рота солдатъ. Первенствующій цвѣтъ въ городѣ блѣдно-сѣрый. Немногія открытыя лавки раздѣлены другими лавками, запертыми и брошенными съ отчаянія. Всѣ юноши въ округѣ курили вмѣстѣ въ нѣмомъ молчаніи подъ тѣнью стѣны; оборванные дѣти говорили машинально: «подайте намъ пенни!» и прежде чѣмъ благотворительная рука успѣвала поискать въ карманѣ, убѣгали съ мизантропическимъ сомнѣніемъ относительно челоуѣколюбивой натуры, къ которой они обращались. Могильное молчаніе царствовало на кладбищѣ и наполняло этотъ жалкій городъ. Только одно зданіе, преуспѣвавшее на видъ, утѣшительно возвышалось въ этихъ унылыхъ улицахъ. Посѣщаемое студентами изъ окрестной

«Коллегія короля Вильгельма», это зданіе было отведено для кондитерской. Тутъ по-крайней-мѣрѣ (сквозь дружелюбное окно) стоило постороннему посмотрѣть на чтò. Тутъ, на высокихъ стульяхъ сидѣли воспитанники коллегіи, болтая ногами и медленно двигая челюстями, и подчиняясь страшному кэстльтоунскому безмолвію, съ важнымъ видомъ насыщались пирожками въ атмосферѣ страшнаго молчанія.

— Чортъ меня поberi, если я въ состояніи буду смотрѣть на этихъ мальчиковъ и на эти пирожки! сказала Аллэнъ оттащивъ своего друга, отъ кондитерской. — Попробуемъ, не найдёмъ ли мы чего-нибудь другого для развлеченія въ ближайшей улицѣ.

Первый предметъ для развлеченія въ ближайшей улицѣ представился въ видѣ лавки ваятеля и золотильщика, слабо кончавшейся въ послѣдней степени торговаго упадка. На прилавкѣ внутри ничего не виднѣлось, кромѣ склоненной головы мальчика, спокойно спавшаго въ непрерывномъ уединеніи этого мѣста. Въ огнѣ для прохожихъ красовались три маленькія загаженные мухами рамы; небольшой билетъ, запылѣнный отъ продолжительнаго небреженія, объявлявшій, что это мѣсто отдаётся внаймы, одна раскрашенная гравюра, представлявшая ужасы пьянства по принципамъ самаго свирѣпаго воздержанія. Сюжетъ—представлявшій пустую бутылку джина, необыкновенно обширный чердакъ, чтеца въ перпендикулярномъ положеніи и умирающее семейство въ горизонтальномъ положеніи—обращался къ благоволенію публики подъ привлекательнымъ названіемъ «Рука смерти». Намѣреніе Аллэна насильно выжать развлеченіе изъ Кэстльтоуна долго стояло на своёмъ, но измѣнило ему тутъ. Онъ посоветовалъ попробовать прогуляться въ какое-нибудь другое мѣсто. Мидуинтеръ охотно согласился, и они отправились назадъ, въ гостиницу собрать свѣдѣнія. По милости особенной способности Аллэна къ фамиллярности и отсутствія всякой методы дѣлать вопросы, на пріѣзжихъ посыпался градъ свѣдѣній, относившихся ко всѣмъ возможнымъ предметамъ, кромѣ того, который привёлъ ихъ въ гостиницу. Они сдѣлали разнообразныя и интересныя открытія, относившіяся къ законамъ и постановленіямъ острова Мэна и къ

нравамъ и къ обычаямъ туземцевъ. Аллэнъ съ восхищеніемъ услышалъ, что обитатели острова Мэна говорили объ Англии какъ о хорошо извѣстномъ близлежащемъ островѣ, находящемся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центральной столицы острова Мэна. Оба англичанина узнали также, что этотъ счастливый народъ пользовался своими собственными законами, публично провозглашаемыми разъ въ годъ губернаторомъ и двумя главными судьями, стоящими на вершинѣ стариннаго вала, въ фантастическихъ костюмахъ, приличныхъ этому случаю. Обладая этимъ завиднымъ постановленіемъ, островъ, вдобавокъ, пользовался еще неоцѣненнымъ счастьемъ имѣть мѣстный парламентъ, называемый Палатою Ключей, это собраніе далеко опередило другой парламентъ сосѣдняго острова въ томъ отношеніи, что члены обходились безъ народа и торжественно выбирали другъ друга. Съ этими и съ многими другими мѣстными подробностями, собранными отъ людей всякаго сорта и званія, въ гостинницѣ и около нея, Аллэнъ убилъ время самымъ безтолковымъ образомъ, пока болтовня не прекратилась сама собой и Мидуинтеръ (говорившій въ это время съ трактирщикомъ) спокойно напомнилъ Аллэну зачѣмъ они пришли сюда. Самое лучшее мѣстоположеніе на островѣ считалось на западномъ и южномъ берегу, и въ той сторонѣ былъ рыбачій городокъ, называвшійся «Портъ Сент-Мэри», съ гостинницей, въ которой путешественники могли ночевать. Если Аллэнъ все еще былъ недоволенъ Кэстльтоуномъ и желалъ посмотреть что-нибудь другое, ему стоило только сказать — и тотчасъ будетъ готовъ экипажъ. Аллэнъ ухватился за это предложеніе и минутъ черезъ десять онъ и Мидуинтеръ были на дорогѣ къ западнымъ пустынямъ острова.

Такимъ образомъ день отъѣзда мистера Брока прошолъ безъ всякихъ важныхъ происшествій, въ которыхъ даже тревожная заботливость Мидуинтера не могла найги никакого повода къ опасенію, прошолъ до наступленія вечера, который, по-крайней-мѣрѣ одинъ изъ друзей долженъ былъ помнить до конца своей жизни.

Прежде чѣмъ путешественники успѣли отъѣхать на двѣ мили,

случилось несчастье: лошадь упала и кучеръ сказалъ, что она ушиблась больно. Не оставалось ничего болѣе, какъ послать за другимъ экипажемъ въ Кэстльтоунъ, или дойти до Порта Сент-Мэри пѣшкомъ. Рѣшившись на послѣднее, Мидуинтеръ и Аллэнъ отошли еще недалеко, когда ихъ догналъ джентльмэнъ, ѣхавшій одинъ въ коляскѣ. Онъ вѣжливо отрекомендовался врачомъ, живущимъ недалеко отъ Порта Сент-Мэри, и предложилъ молодымъ людямъ мѣсто въ своей коляскѣ. Всегда съ радостью знакомившійся съ новыми лицами, Аллэнъ тотчасъ принялъ это предложеніе. Онъ и докторъ (котораго звали Гаубёри) сошлись и подружились въ пять минутъ. Мидуинтеръ сидѣлъ позади ихъ, сохраняя осторожное молчаніе. Они разстались передъ самымъ въѣздомъ въ городъ, у дома мистера Гаубёри. Аллэнъ шумно восхищался красивыми французскими окнами докторскаго домика, хорошенькимъ цвѣтникомъ и лугомъ, и пожалъ доктору руку на прощаньи, какъ-будто они знали другъ друга съ самаго дѣтства. Въ Портѣ Сент-Мэри оба друга очутились въ другомъ Кэстльтоунѣ меньшаго размѣра. Но мѣстность открытая, дикая, гористая заслуживала свою знаменитость. Прогулка дотянула этотъ день—безвредный и праздный съ начала до конца—до самаго вечера. Подождавъ нѣсколько, чтобы полюбоваться солнцемъ, величественно закатывавшимся за горы, степь и утѣсы, и разговаривая, между тѣмъ, о мистерѣ Брокѣ и его путешествіи—молодые люди воротились въ гостинницу заказать ужинъ пораньше. Ночь всё приближалась, а вмѣстѣ съ нею и приключеніе, которое должно было случиться съ друзьями; хотя всё, что случилось съ ними до-сихъ-поръ, возбуждало только ихъ смѣхъ. Ужинъ былъ дурно приготовленъ; служанка, не позволивительно глупа; старомодная сонетка въ залѣ осталась въ рукахъ Аллена и разбила въ дребезги пастушку изъ китайскаго фарфора на каминѣ. Только такія ничтожныя происшествія и случились, когда стемнѣло и въ комнату были принесены зажженные свѣчи.

Находя, что Мидуинтеръ, вдвойнѣ уставшій отъ безсонной ночи и безпокойнаго дня, не расположенъ къ разговору, Аллэнъ оставилъ его отдыхать на диванѣ и вышелъ въ корридоръ съ надеждой не найдётъ ли съ кѣмъ поговорить. Тутъ еще одно

ничтожное происшествіе опять свело Аллена и Гаубёри и укрѣпило—къ счастью или нѣтъ — это объяснится впоследствии—знакомство съ обѣихъ сторонъ.

Буфетъ въ гостинницѣ находился на концѣ корридора и трактирщица приготовляла тамъ рюмку ликёра для доктора, который зашолъ въ гостинницу поболтать; когда Алленъ попросилъ позволенія принять участіе и въ питьѣ и въ разговорѣ, мистеръ Гаубёри вѣжливо подаль ему рюмку, наполненную трактирщицей. Это былъ холодный грогъ. Замѣтная перемѣна въ лицѣ Аллена, когда онъ вдругъ отодвинулся назадъ и спросилъ уиски, не укрылась отъ медицинскихъ глазъ врача.

— Первая антипатія, сказалъ Гаубёри, спокойно взявъ рюмку.

Это замѣчаніе заставило Аллена признаться, что онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе (котораго онъ имѣлъ глупость стыдиться) къ запаху и вкусу водки. Всё равно чѣмъ ни была бы разжижена водка, присутствіе ея тотчасъ оцущали органы его обонанія и вкуса и производили тошноту и головокруженіе, какъ только питьё касалось его губъ. Послѣ этого разговоръ перешолъ на антипатіи вообще; докторъ признался, съ своей стороны, что онъ особенно этимъ интересовался и имѣлъ дома цѣлую коллекцію любопытныхъ случаевъ такого рода, и приглашалъ своего новаго знакомаго взглянуть на нихъ, если ему нечего было болѣе дѣлать въ этотъ вечеръ, черезъ часъ, когда онъ, докторъ, кончитъ свои визиты по больнымъ.

Дружелюбно принявъ это приглашеніе (которое простиралось и до Мидуинтера, если онъ желалъ имъ воспользоваться), Алленъ воротился въ залу отыскать своего друга. Сонный Мидуинтеръ еще лежалъ на диванѣ; газета выпала изъ его усталыхъ рукъ.

— Я слышалъ вашъ голосъ въ корридорѣ, сказалъ онъ соннымъ голосомъ.—Съ кѣмъ вы говорили?

— Съ докторомъ, отвѣчалъ Алленъ. — Я пойду къ нему черезъ часъ выкурить съ нимъ сигару. А вы пойдёте?

Мидуинтеръ согласился съ тяжолымъ вздохомъ. Онъ всегда из-

бѣгалъ новыхъ знакомствъ, а теперь еще какъ-то болѣе обыкновеннаго ему не хотѣлось сдѣлаться гостемъ мистера Гаубѣри. Однако ему ничего болѣе не оставалось, какъ идти, потому что, при неблагоразуміи Аллена, его нельзя было никуда пускать одного, а особенно въ домъ человѣка незнакомаго. Мистеръ Брокъ навѣрно не допустилъ бы своего воспитанника одного въ гости къ доктору, а Мидуинтеръ всё тревожно сознавалъ, что онъ занимаетъ мѣсто мистера Брока.

— Что мы будемъ дѣлать до-тѣхъ-поръ? спросилъ Алленъ, осматриваясь вокругъ. — Есть тутъ что-нибудь интересное? прибавилъ онъ, примѣтивъ упавшую газету и поднимая её съ пола.

— Я такъ усталъ, что не могъ читать. Если вы найдёте что-нибудь интересное, прочтите вслухъ, отвѣчалъ Мидуинтеръ, думая, что чтеніе поможетъ ему воздержаться отъ сна.

Большая часть газеты была посвящена выпискамъ изъ новыхъ книгъ, изданныхъ въ Лондонѣ. Одно изъ сочиненій, изъ котораго были сдѣланы наиболѣе подробныя выписки, заинтересовало Аллена: это былъ рассказъ о приключеніяхъ въ австралійскихъ пустыняхъ. Попавъ на то мѣсто въ выпискѣ, гдѣ описывались страданія путешественниковъ, заблудившихся въ непроходимой пустынѣ и подвергавшихся опасности умереть отъ жажды, Алленъ объявилъ, что онъ нашолъ кое-что, отъ чего его друга морозъ будетъ подирать по кожѣ; онъ началъ читать вслухъ. Рѣшившись не давать себѣ заснуть, Мидуинтеръ слѣдилъ за каждой фразой приключеній, не пропуская ни одного слова. Совѣщаніе заблудившихся путешественниковъ, когда имъ угрожала смерть отъ жажды; рѣшимость подвигаться впередъ, пока у нихъ достанетъ силъ; напрасныя усилія собрать дождевую воду, когда полилъ проливной дождь; мимолетное облегченіе, которое путешественники почувствовали, высасывая свою мокрую одѣжду; страданія, возобновившіяся черезъ нѣсколько часовъ, и какъ потомъ сильныя бросили слабыхъ ночью и далеко опередили ихъ; полѣтъ птицъ на разсвѣтѣ, наконецъ, какъ заблудившіеся нашли широкую лужу, которая спасла имъ жизнь — всё это Мидуинтеръ выслушалъ съ трудомъ, голосъ Аллена съ каждой фразой всё слабѣе раздавался въ его ухахъ. Скоро слова постепенно ис-

чезали; ничего не слышалось болѣе, кромѣ медленно понижава-шагося голоса; потомъ и въ комнатѣ стемнѣло, звуки замѣни-лись восхитительной тишиной и усталый Мидуинтеръ спокойно заснулъ.

Его разбудилъ громкій звукъ колокольчика у запертой двери гостинницы; онъ вскочилъ на ноги съ проворствомъ человѣка, котораго жизнь приучила пробуждаться каждое мгновеніе. Взглядъ, брошенный вокругъ, показалъ ему, что комната пуста, а взглядъ на часы показалъ, что время близится къ полночи. Шумъ двeри, растворенной соннымъ слугой, и шумъ быстрыхъ шаговъ въ корридорѣ наполнилъ его внезапнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго. Онъ торопливо пошолъ-было освѣдомиться, когда дверь въ залу отворилась и передъ нимъ очутился докторъ.

— Мнѣ жаль потревожить васъ, сказалъ Гаубѣри. — Не пугайтесь: ничего дурного не случилось.

— Гдѣ мой другъ? спросилъ Мидуинтеръ.

— На пристани, отвѣчалъ докторъ.— Въ нѣкоторомъ отноше-ніи на мнѣ лежитъ отвѣтственность въ его поступкѣ; мнѣ ка-жется, съ нимъ слѣдовало бы быть какому-нибудь осторожному че-ловѣку, такому, какъ напримѣръ, вы.

Этого намѣка было достаточно для Мидуинтера. Онъ и док-торъ немедленно отправились къ пристани; дорѣгой мистеръ Гаубѣри упомянулъ объ обстоятельствахъ, заставившихъ его придти въ гостинницу.

Акуратно въ назначенный часъ Алленъ явился къ доктору и объяснилъ ему, что онъ оставилъ своего друга такъ крѣпко спящимъ на диванѣ, что у него не достало духу разбудить его. Вечеръ прошолъ приятно; разговоръ переходилъ на разные пред-меты, пока, въ несчастную минуту, мистеръ Гаубѣри намекнулъ, что онъ любитъ кататься по водѣ и что у него есть собственная шлюпка у пристани. Этотъ любимый предметъ такъ одушевилъ Аллена, что гостепріимному хозяину не оставалось ничего болѣе, какъ отправиться съ Алленомъ на пристань и по-казать ему шлюпку. Красота ночи, тихій вѣтерокъ сдѣлали ос-тальное, внушивъ Аллену непреодолимое желаніе покататься

по водѣ при лунномъ сіяніи. Больные, удержавшіе доктора, не дали ему возможность проводить его гостя и докторъ, самъ не зная что ему дѣлать, рѣшился побезпокоить Мидуинтера скорѣе чѣмъ допустить мистера Армэдэля (какъ ни привыкъ онъ къ морю) отправиться въ море одному въ полночь.

Во время этого объясненія Мидуинтеръ и докторъ пришли къ пристани. Армэдэль былъ въ шляпкѣ, поднималъ парусъ и пѣлъ во всё горло матросскую пѣсню.

— Иди сюда, старый дружище! закричалъ Аллэнъ.—Ты какъ разъ поспѣлъ во-время къ прогулкѣ при лунномъ сіяніи!

Мидуинтеръ посоветовалъ прогуляться въ шляпкѣ днёмъ, а пока лечь въ постель.

— Въ постель! закричалъ Аллэнъ, легкомысленную весѣлость котораго гостепрѣимство мистера Гаубѣри не могло остепенить.—Послушайте его, докторъ! подумаешь, что это девяностолѣтній старецъ! Лечь въ постель—экой старый соня! Посмотри-ка сюда и думай о постели, если можешь.

Онъ указалъ на море. Луна сіяла на безоблачномъ небѣ; ночной вѣтерокъ тихо вѣялъ съ берега, спокойныя волны весело струились въ тишинѣ этой великолѣпной ночи. Мидуинтеръ повернулся къ доктору съ благоразумной покорностью обстоятельству; онъ видѣлъ, что всё его увѣщанія пропали бы даромъ.

— Въ которомъ часу начнётся приливъ? спросилъ онъ.

Гаубѣри сказалъ ему.

— Вѣсла въ шляпкѣ?

— Да.

— Я привыкъ къ морю, сказалъ Мидуинтеръ, спускаясь со ступеней.—Вы можете быть увѣрены, что я буду беречь моего друга и шляпку.

— Прощайте, докторъ, закричалъ Аллэнъ.—Вашъ уиски съ водой восхитителенъ, ваша шляпка красавица, а такого отличнаго человѣка, какъ вы, мнѣ не случалось встрѣчать.

Докторъ засмѣялся и махнулъ рукой; шляпка вышла изъ гавани; Мидуинтеръ правилъ рудёмъ.

Соображаясь съ вѣтромъ, они скоро поравнялись съ западнымъ

мысомъ Пульвашской бухты и подняли вопросъ: выйти ли въ открытое море или держаться берега. Благоразуміе требовало, въ случаѣ, если вѣтеръ спадётъ, не удалиться отъ земли. Мидуинтеръ повернулъ шлюпку и они плыли тихо по направленію къ юго-западу вровень съ берегомъ.

Мало-по-малу утёсы становились выше, а скалы въ дикихъ и зубчатыхъ массахъ обнаруживали расколотыя черныя пропасти со стороны моря. У мыса, называемаго Испанской Головой, Мидуинтеръ многозначительно посмотрѣлъ на свои часы, но Аллэнъ выпросилъ еще полчаса, чтобы взглянуть на знаменитый каналъ Соундъ, къ которому они быстро приближались и о которомъ онъ слышалъ разныя удивительныя исторіи отъ работниковъ, чинившихъ его яхту. Новая переѣзна, которую согласіе Мидуинтера на эту просьбу сдѣлало необходимою въ направленіи шлюпки, обнаружила съ одной стороны видъ самыхъ южныхъ береговъ острова Мэна, а съ другой—черныя пропасти островка, называемаго Кафъ и отдѣленнаго отъ твёрдой земли мрачнымъ и опаснымъ каналомъ Соундъ.

Мидуинтеръ опять взглянулъ на часы.

— Мы отѣхали довольно далеко сказалъ онъ:—станемъ подъ паруса.

— Постой!... закричалъ Аллэнъ съ носа корабля.—Боже мой! прямо передъ нами разбитый корабль!

Мидуинтеръ повернулъ шлюпку посмотрѣть куда указывалъ Аллэнъ. Тамъ, на самой серединѣ, между скалами, обрамливавшими каналъ съ каждой стороны, никогда уже не предназначенный встать на живыя волны изъ своей могилы на подводной скалѣ, одиноко, высоко и мрачно, какъ призракъ, при желтоватомъ сіяніи луны, лежалъ разбитый корабль.

— Я знаю какой это корабль, сказалъ Аллэнъ въ сильномъ волненіи:—я слышалъ какъ работники на моей яхтѣ говорили о нёмъ вчера. Его занесло сюда въ тёмную ночь. Это старый, жалкій купеческій корабль, Мидуинтеръ, его купили на сломку корабельные маклера. Подѣдемъ взглянуть.

Мидуинтеръ колебался. Вся прежняя страсть къ мореходной

жизни побуждала его принять предложеніе Аллена, но вѣтеръ спадаль и Мидуинтеру казалось подозрительно неправильное теченіе воды въ каналѣ.

— Въ такое мѣсто опасно вѣхаться въ шлюпкѣ, особенно когда оно неизвѣстно, сказалъ онъ.

— Какой вздоръ! возразилъ Алленъ.—Свѣтло какъ днѣмъ, а этой шлюпкѣ нужно только два фута глубины.

Прежде чѣмъ Мидуинтеръ успѣлъ отвѣчать, теченіе унесло шлюпку въ каналъ прямо къ разбитому кораблю.

— Спустите парусъ, спокойно сказалъ Мидуинтеръ:—и возьмѣйтесь за вѣсла.—Мы теперь быстро приближаемся къ кораблю, хотимъ этого или нѣтъ.

Оба такъ привыкли управлять вѣслами, что успѣли направить шлюпку на болѣе тихую сторону канала, ту, которая была ближе къ островку Кафъ. Когда они тихо приблизились къ разбитому кораблю, Мидуинтеръ передалъ своё весло Аллену и, выждавъ удобную минуту, ухватился лодочнымъ крюкомъ за руслени корабля. Черезъ минуту шлюпка стояла безопасно подъ навѣтренной стороною корабля.

Лѣстница, употребляемая работниками, висѣла надъ русленями. Мидуинтеръ поднялся на лѣстницу, съ верёвкой во рту, прикрѣпилъ одинъ конецъ верёвки къ кораблю, а другой спустилъ къ Аллену въ лодку.

— Прикрѣпите эту верёвку къ лодкѣ, сказалъ онъ:—и подождите, пока я посмотрю всё ли безопасно на кораблѣ.

Съ этими словами онъ исчезъ за бортомъ.

— Подождать? повторилъ Алленъ, изумленный необыкновенной осторожностью своего друга.—Что это значить? Вотъ еще! стану я ждать! куда одинъ, туда и другой!

Онъ зацѣпилъ конецъ верёвки за переднюю банку шлюпки и, поднявшись на лѣстницу, черезъ минуту стоялъ на палубѣ.

— Ужъ нѣтъ ли здѣсь чего страшнаго? съ насмѣшкой спросилъ онъ, встрѣтившись съ своимъ другомъ.

Мидуинтеръ улыбнулся.

— Ничего, отвѣчалъ онъ:—но я хотѣлъ удостовѣриться одни ли мы на кораблѣ. Я обошелъ и осмотрѣлъ всё кругомъ.

Аллэнъ прошолся по палубѣ и сдѣлалъ критическій обзоръ всему, съ носа до кормы.

— Не отличный корабль! сказалъ онъ: — французы вообще лучше строятъ корабли.

Мидуинтеръ перешолъ черезъ всю палубу и молча посмотрѣлъ на Аллена.

— Французы? повторилъ онъ черезъ нѣсколько времени. — Развѣ это корабль французскій?

— Да.

— Почему вы это знаете?

— Работники, чинившіе яхту, сказали мнѣ: они знаютъ.

Мидуинтеръ подошелъ ближе. Его смуглое лицо показалось Аллену необыкновенно блѣдно при лунномъ сіяніи.

— Говорили они, какой торговлей занимался этотъ корабль?

— Да; торговлею строевымъ лѣсомъ.

Когда Алленъ далъ этотъ отвѣтъ, худощавая, смуглая рука Мидуинтера схватила его крѣпко за плечо, а зубы Мидуинтера вдругъ застучали, какъ у человѣка, вдругъ охваченнаго сильнымъ холодомъ.

— Вамъ сказали, какъ называется этотъ корабль? спросилъ онъ голосомъ, вдругъ понизившимся до шопота.

— Кажется, сказали, только я забылъ. Потише, мой любезный! ваши длинные ногти ужъ черезчуръ крѣпко ухватились за моё плечо.

— Не назывался ли онъ...

Мидуинтеръ замолчалъ, отнялъ свою руку и отѣръ крупныя капли, выступавшія на его лбу.

— Не назывался ли онъ *La Grâce de Dieu*?

— Вы какъ это узнали? Точно, этотъ корабль называется: *La Grâce de Dieu*.

Однимъ прыжкомъ Мидуинтеръ вскочилъ на бортъ.

— Шлюпка!!! воскликнулъ онъ съ крикомъ ужаса, раздавшим-

ся далеко въ ночной тишинѣ и заставившимъ Аллена тотчасъ броситься къ нему.

Нижній конецъ небрежно пригрѣпленной верёвки висѣлъ въ водѣ, а впереди корабля, на полосѣ, проведенной луннымъ сіяніемъ, видѣлся далеко небольшой чорный предметъ. Лодка неслась по теченію.

ГЛАВА IV.

ТѢНЬ ПРОШЛАГО.

Оба друга—одинъ, стоя подъ тёмной тѣнью борта, другой, смѣло выступивъ на жолтый свѣтъ луны—обернулись и посмотрѣли другъ на друга молча. Черезъ минуту врожденная неутомимость Аллана овладѣла смѣшиною стороною положенія. Онъ сѣлъ верхомъ на борть и шумно разразился громкимъ и веселымъ смѣхомъ.

— Это моя вина, сказалъ онъ: — но теперь не поможешь. Вотъ мы сами попались въ свою ловушку и лодку доктора поминай какъ звали! Выйдите изъ темноты, Мидуинтеръ, я совсѣмъ васъ не вижу, а хочу знать что намъ теперь дѣлать.

Мидуинтеръ не отвѣчалъ и не шевелился. Алланъ сошелъ съ борта и, взобравшись на фор-кастель, внимательно посмотрѣлъ на проливъ.

— Одно вѣрно, сказалъ онъ:—при теченіи съ этой стороны и при подводныхъ скалахъ съ той, мы не можемъ выбраться отсюда вплавь: вотъ это видно съ этого конца корабля. Посмотримъ, что будетъ со второго. Пробудись же, товарищъ! весело закричалъ онъ, проходя мимо Мидуинтера. — Пойдѣмъ посмотрѣть, что намъ покажетъ корма.

Онъ пошелъ, засунувъ руки въ карманъ и напѣвая комическую пѣсню.

Его голосъ не произвѣлъ, повидимому, никакого дѣйствія на его друга, но при лёгкомъ прикосновеніи его руки, мимоходомъ, Мидуинтеръ вздрогнулъ и медленно отошелъ съ тѣни борта.

— Пойдѣмъ! вскричалъ Алланъ, переставъ пѣть и оглядываясь.

Мидуинтеръ слѣдовалъ за нимъ всё не говоря ни слова. Три раза онъ останавливался, прежде чѣмъ дошолъ до кормы, въ первый разъ для того, чтобы сбросить шляпу и откинуть волосы со лба и съ висковъ; во второй разъ для того, чтобы ухватиться за рым-болтъ, находившійся подъ-рукою, потому что онъ запатался отъ головокруженія; но послѣднй разъ (хотя Аллэнъ ясно виднѣлся въ нѣсколькихъ ярдахъ впереди) для того, чтобы украдкой оглянуться съ тайной осторожностью чело-вѣка, полагающаго, что чьи-то шаги слѣдуютъ за нимъ въ темнотѣ.

— Нѣтъ еще! прошепталъ онъ самъ себѣ, устремивъ глаза въ пустое пространство: — я увижу его на кормѣ, держащагося рукою за замѣкъ каюты.

На кормѣ не было сора, наваленнаго на другихъ частяхъ корабля. Тутъ единственный предметъ, виднѣвшійся на гладкой поверхности палубы, была низкая деревянная постройка, въ которой была сдѣлана дверь въ каюту и которая закрывала каютную лѣстницу. Руль и нактоузъ были сняты, но входъ въ каюту и всё, что къ нему принадлежало, оставили нетронутымъ. Люкъ остался и дверь была заперта.

Аллэнъ пошолъ прямо къ кормѣ и посмотрѣлъ на море черезъ гакабортъ: никакой лодки не виднѣлось на спокойной, освѣщенной луною, водѣ. Зная, что зрѣнiе Мидуинтера лучше, чѣмъ его, онъ позвалъ:

— Подите сюда и посмотрите, не виднѣется ли какого-нибудь рыбака, который слышалъ бы нашъ крикъ.

Не слыша отвѣта, онъ оглянулся. Мидуинтеръ дошолъ за нимъ до каюты и остановился. Онъ позвалъ опять, громче, и нетерпѣливо поманилъ его рукой. Мидуинтеръ слышалъ зовъ, потому-что поднялъ глаза, но всё не пошевелился съ своего мѣста. Онъ стоялъ тамъ, какъ-будто дошолъ до крайнихъ границъ корабля и не могъ идти дальше.

Аллэнъ воротился къ нему. Не легко было узнать, на что онъ смотрѣлъ, потому-что онъ отвернулся отъ луннаго свѣта, но глаза его были устремлены съ страннымъ вопросительнымъ выраженiемъ на дверь каюты.

— На что тут смотреть? спросил Алэнъ. — Посмотримъ, заперта ли она.

Онъ сдѣлалъ шагъ вперёдъ, чтобы отворить её, но рука Мидуинтера вдругъ схватила его за воротникъ и принудила воротиться. Черезъ минуту рука, не выпуская воротника, сильно задрожала, какъ рука человѣка разслабленнаго.

— Я долженъ считать себя арестованнымъ? спросил Алэнъ и съ изумленіемъ и съ улыбкой. — Зачѣмъ, позвольте спросить, не спускаете вы глазъ съ двери каюты? Развѣ вы слышите подозрительный шумъ внизу? Не к чему пугать крысъ — если вы объ этомъ думаете — съ нами нѣтъ собакъ, а людей здѣсь живыхъ не можетъ быть, потому-что они услыхали бы насъ и вышли бы уже на палубу. Мёртвые? Это совершенно невозможно! Какъ же экипажъ могъ бы утонуть въ мѣстѣ, окруженномъ землею, еслибы корабль не потонулъ вмѣстѣ съ нимъ, а этотъ корабль стоитъ-себѣ твёрдо и самъ говоритъ за себя. Какъ ваша рука дрожить! Что такъ пугаетъ васъ въ этой стгнившей старой каютѣ? Отчего вы такъ дрожите? Нѣтъ ли здѣсь чего сверхъестественнаго? Ужь не видите ли вы призракъ?

— *Я вижу два!* отвѣчалъ Мидуинтеръ, подчинившись безумному искушенію открыть истину. — Два! повторилъ онъ и дыханіе его вырывалось глубоко и тяжело, когда онъ тщетно старался удержать страшныя слова. — Призракъ человѣка, похожаго на васъ, утопающаго въ каютѣ! и призракъ человѣка, похожаго на меня, запирающаго за нимъ дверь!

Опять весёлый смѣхъ молодого Армэдэля громко и продолжительно раздался въ тишинѣ ночной.

— Онъ запираетъ дверь каюты, сказалъ Алэнъ, какъ только смѣхъ позволилъ ему говорить. — Это чертовски некрасивый поступокъ, мастеръ Мидуинтеръ, со стороны вашего призрака. Послѣ этого мнѣ ничего болѣе не остаётся, какъ выпустить мой призракъ изъ каюты!

Съ своей превосходной силой онъ легко освободился отъ Мидуинтера.

— Внизъ! весело позвалъ онъ, положивъ свою сильную руку

на ветхій замѣкъ и отворивъ настежь дверь каюты: — призракъ Аллена Армэдея выходи на палубу!

Въ страшномъ невѣдѣннн истины онъ сунуль голову въ каюту и посмотрѣлъ на то самое мѣсто, смѣясь, гдѣ умеръ его убитый отецъ.

— Фуй! воскликнулъ онъ, вдругъ отступивъ назадъ съ трепетомъ отвращенія. — Здѣсь воздухъ совсѣмъ испорченъ — и каюта полна воды.

Это была правда. Подводныя скалы, о которыя разбился корабль, пробились сквозь его нижнія доски и вода прошла сквозь щели дерева. Здѣсь, гдѣ преступленіе было совершено, роковая параллель между прошлымъ и настоящимъ была совершенная. Какова была каюта при отцахъ, такова была она теперь при сыновьяхъ.

Аллэнъ опять затворилъ дверь ногой, нѣсколько удивляясь внезапному молчанію своего друга съ той минуты, когда онъ взялся за замѣкъ каютной двери. Когда онъ обернулся посмотреть, причина молчанія немедленно обнаружилась. Мидуинтеръ упалъ на палубу и лежалъ безъ чувствъ передъ дверью каюты; лицо его, блѣдное и неподвижное, при лунномъ сіяніи походило на лицо мертвеца.

Въ одну минуту Аллэнъ былъ возлѣ него. Безполезно смотрѣлъ онъ вокругъ пустынныхъ границъ корабля, положивъ голову Мидуинтера на свои колѣна, ища какой-нибудь возможности получить помощь.

— Что я буду дѣлать? сказалъ онъ самъ себѣ въ первомъ порывѣ испуга. — Ни капли воды поблизости, кромѣ испорченной воды въ каютѣ.

Внезапное воспоминаніе пробѣжало въ его головѣ; румянецъ вспыхнулъ на его лицѣ; онъ вынулъ изъ кармана оплетѣнную бутылку.

— Спасибо доктору за то, что онъ далъ мнѣ это передъ нашимъ отъѣздомъ! сказалъ онъ съ жаромъ, наливая въ ротъ Мидуинтера нѣсколько капель уиски изъ бутылки.

Это возбуждательное средство немедленно подѣйствовало на чувствительную систему лежавшаго въ обморокѣ человѣка. Онъ слабо вздохнулъ и медленно раскрылъ глаза.

— Не во снѣ ли привидѣлось мнѣ? спросилъ онъ, смутно смотря на лицо Аллена.

Глаза его поднялись выше и устремились на изломанныя мачты корабля, черно высившіяся къ ночному небу. Онъ задрожалъ при видѣ ихъ и спряталъ лицо на колѣнахъ Аллена.

— Не сонъ! прошепталъ онъ самъ себѣ печально:—о Боже мой! это не сонъ!

— Вы слишкомъ утомились цѣлый день, сказалъ Алленъ:— и это проклятое наше приключеніе разстроило васъ. Выпейте еще уиски: онъ непременно принесетъ вамъ пользу. Вы можете сидѣть одинъ, если я прислоню васъ къ борту?

— Зачѣмъ одинъ? Зачѣмъ вы хотите оставить меня? спросилъ Мидуинтеръ.

Алленъ указалъ на ванты, еще стоявшіе.

— Вы не такъ здоровы, чтобы оставаться здѣсь до-тѣхъ-поръ, пока работники придутъ утромъ, сказалъ онъ.—Мы должны попасть на берегъ сейчасъ, если можно. Я взберусь на ванты и хорошенько осмотрю все кругомъ: нѣтъ ли гдѣ дома, въ которомъ услышали бы нашъ крикъ.

Даже въ ту минуту, которая прошла пока говорились эти слова, глаза Мидуинтера недобвѣрчиво обратились на дверь каюты.

— Не подходите къ ней! шепнулъ онъ.—Не старайтесь отворить, ради Бога!

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Алленъ, потакая его причудѣ.— Когда я спущусь съ вантовъ, я прямо приду сюда.

Онъ сказалъ эти слова нѣсколько принужденно, примѣтивъ въ первый разъ разстройство на лицѣ Мидуинтера, которое огорчило и привело его въ недоумѣніе.

— Вы не сердитесь на меня? сказалъ онъ съ своей добродушной простотой.—Я знаю, что это моя вина—я скотъ и дуракъ, что смѣялся надъ вами, когда мнѣ слѣдовало видѣть, что вы больны. Мнѣ очень жаль, Мидуинтеръ! Не сердитесь на меня!

Мидуинтеръ медленно поднималъ голову. Глаза его съ печальнымъ участіемъ долго и нѣжно покоились на растревоженномъ лицѣ Аллена.

— Сержусь ли я! повторилъ онъ тихимъ и вроткиимъ тономъ:—

сержусь ли я на васъ? О, мой бѣдный Аллэнъ! развѣ вы заслуживаете порицанія за то, что вы были добры ко мнѣ, когда я лежала больной въ старой гостинницѣ? А я развѣ заслуживаю порицанія за то, что я чувствовалъ вашу доброту съ признательностью? Развѣ мы виноваты, что никогда не сомнѣвались другъ въ другѣ и не знали; что мы слѣпо ѣдемъ вмѣстѣ по пути, который долженъ былъ привести насъ сюда? Наступаетъ жестокое время, Аллэнъ, когда мы будемъ оплакивать тотъ день, въ который мы встрѣтились. Пожмите мою руку, братъ, на краю пропасти—пожмите мнѣ руку, пока мы еще братья.

Аллэнъ быстро повернулся, убѣжденный, что рассудокъ Мидуинтера еще не оправился послѣ обморока.

— Не забывайте уiski! сказалъ онъ весело, прыгнувъ на талелажъ и взбираясь на бизань-марсъ.

Быль третій часъ; луна пропадала и темнота, наступавшая передъ разсвѣтомъ, начинала собираться вокругъ корабля. Позади Аллена, смотрѣвшаго съ высокаго бизань-марса, разстлалось широкое и пустынное море. Передъ нимъ видѣлись низгія, черныя, торчащія скалы и неровныя волны канала, плавно вливавшіяся въ обширный океанъ. Съ правой руки поднимались величественно изъ воды скалы и пропасти съ травянистыми площадками; между ними покатыя равнины и вересковыя пустыни острова Мэнъ. Съ лѣвой руки поднимались угѣсистыя окраины острова Кафъ—то перерѣзанныя глубокими черными пучинами, то закрытыя длинными покатосями, покрытыми травой и верескомъ. Ни на одномъ берегу не слышалось ни малѣйшаго звука, не видѣлось огней. Черныя линіи мачтъ корабля слабо обрисовывались въ таинственной темнотѣ небесъ; вѣтеръ, дувшій съ земли, спалъ; небольшія береговыя волны разбивались безъ шума; ни далеко, ни близко не слышалось никакого звука, кромѣ печальнаго журчанья воды, текущей въ страшной тишинѣ, въ которой земля и океанъ ждали наступающаго дня.

Даже беззаботная натура Аллена почувствовала торжественное вліяніе этого часа. Звукъ его собственнаго голоса испугалъ его, когда онъ посмотрѣлъ внизъ и закричалъ своему другу:

— Я вижу одинъ домъ, направо.

Онъ опять посмотрѣлъ, чтобы удостовѣриться, на маленькое бѣлое пятно, приютившееся въ травянистой впадинѣ.

— Это, кажется, каменный домъ съ заборомъ, продолжалъ онъ:—я закричу на случай.

Онъ обвилъ рукою верёвку, приложилъ обѣ руки ко рту и вдругъ опустил ихъ, не рѣшившись закричать.

— Такъ страшно тихо! сказалъ онъ про-себя:—я почти боюсь кричать.

Онъ опять посмотрѣлъ на палубу.

— Я не испугаю васъ, Мидуинтеръ? спросилъ онъ съ тревожнымъ смѣхомъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на слабый бѣлый предметъ въ травянистой впадинѣ.

«Не зачѣмъ было приходить сюда попустому, подумалъ онъ и опять приложилъ обѣ руки ко рту.

На этотъ разъ онъ закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Эй, вы, тамъ на берегу! Эй-эй!

Послѣдніе звуки его голоса затихли, но ему не отвѣчало ничего, кромѣ печальнаго журчанья воды.

Онъ посмотрѣлъ на своего друга и увидалъ тѣмную фигуру Мидуинтера, ходившую взадъ и впередъ по палубѣ, всё не терявшую изъ вида каюту и не проходившую дальше каюты, когда она возвращалась къ кормѣ.

«Онъ съ нетерпѣніемъ хочетъ уѣхать, думалъ Аллэнъ: «я опять попытаюсь.»

Онъ опять крикнулъ и, научонный опытностью, поднялъ свой голосъ до самаго пронзительнаго тона. На этотъ разъ ему отвѣчало не одно журчаніе воды; мычаніе испуганныхъ коровъ поднялось изъ строенія въ зеленистой впадинѣ и уныло раздавалось въ тишинѣ утренняго воздуха. Аллэнъ ждалъ и прислушивался. Если это строеніе ферма, крики скота разбудятъ людей; если это только хлѣвы—ничего болѣе не будетъ. Мычанье испуганныхъ коровъ поднималось и затихало; прошло вѣскольго минутъ — но не случилось ничего.

— Еще разъ! сказалъ Алэнъ, смотря на неугомонную фигуру, проходившую внизу.

Въ третій разъ онъ окликнулъ и въ третій разъ ждалъ и прислушивался.

Въ тотъ промежутокъ, когда смолкло мычанье скота, онъ услышалъ позади себя, на противоположномъ берегу канала—на пустынномъ островкѣ Кафъ—рѣзкій и внезапный звукъ, похожій на отдаленный стукъ отодвигаемаго дверного запора. Тотчасъ повернувшись въ другую сторону, Алэнъ напрягъ зрѣніе, чтобы отыскать глазами домъ. Последніе слабые лучи блѣднѣющей луны дрожали тамъ и сямъ на самыхъ высокихъ скалахъ, но большія тѣмныя полосы лежали густо и черно на всей землѣ, и въ этой темнотѣ дома—если домъ былъ тамъ, нельзя было видѣть.

— Разбудилъ я кого-нибудь, наконецъ, закричалъ Алэнъ Минуйнтеру, все ходившему по палубѣ взадъ и впередъ и странно равнодушному ко всему, что происходило около него: — надо ждать отвѣтнаго оклика.

Повернувшись лицомъ къ островку, Алэнъ сталъ звать на помощь.

На крикъ его не отвѣчали, а передразнили пронзительно и визгливо криками, становившимися всё болѣе дикими и поднимавшимися изъ глубокаго и отдаленнаго мрака и съ ужасной смѣсью человѣческаго голоса съ голосомъ звѣря. Внезапное подозрѣніе пробѣжало въ мысляхъ Алэна; голова его закружилась и руки охладѣли. Едва переводя духъ, онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда передразнили его окликъ. Послѣ минутнаго молчанія крики возобновились и слышались ближе. Вдругъ фигура, походившая на мужскую, зачернѣлась на скалѣ, начала прыгать и скакать при блѣднѣющемъ свѣтѣ луны. Крики испуганной женщины смѣшались съ криками прыгающей фигуры на скалѣ. Красная искра свергнула въ темнотѣ отъ свѣчи, зажженной въ невидимомъ окнѣ. Хриплый крикъ разсердившагося человѣка слышался сквозь весь этотъ шумъ. Вторая черная фигура прыгнула на скалѣ, начала бороться съ первой фигурой и исчезла вмѣстѣ съ нею въ темнотѣ. Крики становились слабѣе; крики

женщинъ прекратились; хриплый мужской голосъ послышался опять; онъ окликалъ корабль, но слова его нельзя было слышать по причинѣ дальнаго разстоянія, но тонъ ясно выражалъ и ярость, и страхъ. Черезъ минуту опять послышался стукъ дверного запора, красная искра погасла и весь островокъ опять погрузился въ тишину и въ темноту. Мычанье скота на материкѣ затихло—опять раздалось и прекратилось совсѣмъ; потомъ холодно и уныло, попрежнему, слышалось журчанье волнъ въ страшной тишинѣ—единственный оставшійся звукъ, когда таинственная тишина этого часа спустилась съ небесъ и покрыла разрушенный корабль.

Аллэнъ спустился съ бизань-марса и опять подошелъ къ другу своему на палубѣ.

— Намъ надо подождать, пока пріѣдутъ сюда работники, сказалъ онъ, встрѣтивъ Мидуинтера на половинѣ дороги его прогулочной прогулки. — Послѣ того, что случилось, признаюсь, я не имѣю болѣе желанія окликать землю. Подумайте, въ томъ домѣ на берегу живѣтъ сумасшедшій, а я разбудилъ его! Какъ это ужасно — не правда ли?

Мидуинтеръ стоялъ тихо съ минуту и смотрѣлъ на Аллена съ видомъ челоуѣка, слушающаго объ обстоятельствахъ совершенно для него постороннихъ. Казалось, еслибы только это было возможно—что онъ оставилъ совершенно безъ вниманія то, что случилось на островкѣ Глафъ.

— Ничего нѣтъ ужаснаго *внѣ* этого корабля, сказалъ онъ. — Въ *нѣмъ* ужасно всё.

Отвѣтивъ этими странными словами, онъ повернулся и продолжалъ свою прогулку.

Аллэнъ поднялъ бутылку, лежавшую на палубѣ возлѣ него, и оживилъ свою бодрость глоткомъ уиски.

— На кораблѣ есть одинъ предметъ не ужасный, вотъ этотъ, возразилъ онъ, закупоривая бутылку: — а вотъ и другой, прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана сигару и закуривая её. — Три часа! продолжалъ онъ, смотря на часы и спокойно усаживаясь на палубѣ спиною къ борту. — Скоро начнѣтъ свѣтать, скоро

насть развеселить пѣніе птицъ. Кажется, Мидуинтеръ, вы всёмъ оправились отъ вашего обморока. Какъ это вы можете ходить! Подите сюда, возьмите сигару и усядьтесь поудобнѣе. Чтò вамъ за охота таскаться взадъ и впередъ такимъ неугомоннымъ образомъ?

— Я жду, отвѣчалъ Мидуинтеръ.

— Ждѣте! чего?

— Того, чтò случится съ вами или со мной—или съ обоими нами—прежде чѣмъ мы сойдѣмъ съ этого корабля.

— Покоряясь вашему превосходному сужденію, любезный другъ, я думаю, что уже случилось довольно. Этого приключенія совершенно достаточно, даже болѣе, чѣмъ я желалъ бы.

Онъ опять хлебнулъ уиски и продолжалъ болтать, куря сигару, съ своей обыкновенной непринуждѣнностью.

— У меня нѣтъ вашего чуднаго воображенія и я полагаю, что первое, чтò случится, будетъ появленіе лодки работниковъ. Я подозреваю, что вы дали волю вашему странному воображенію, пока оставались здѣсь одни. Скажите: о чемъ вы думали, пока я тамъ, на бизань-мачтѣ, пугалъ коровъ?

Мидуинтеръ вдругъ остановился.

— Чтò, если я скажу вамъ? проговорилъ онъ.

— Чтò жъ, скажите!

Мучительное искушеніе открыть истину, уже разъ возбуждѣнное безжалостной веселостью духа его товарища, овладѣло Мидуинтеромъ во второй разъ. Онъ прислонился въ темнотѣ къ высокой сторонѣ корабля и молча посмотрѣлъ на Аллена, спокойно растянувшагося на палубѣ.

«Пробуди его, нашептывалъ злой духъ: «изъ его самодовольнаго невѣдѣнія и этого безжалостнаго спокойствія. Покажи ему мѣсто, гдѣ это преступленіе было совершено: пусть онъ это знаетъ наравнѣ съ тобой и почувствуетъ твой страхъ. Скажи ему о письмѣ, которое ты сжогъ, и о словахъ, которыя огонь уничтожить не можетъ, которыя живутъ теперь въ твоёмъ воспоминаніи. Покажи ему твою душу, какова она была вчера, когда она пробудила твою ослабѣвавшую вѣру въ собственныя твои убѣжденія, когда ты оглядывался на твою жизнь, проведен-

ную на морѣ и утѣшалъ себя воспоминаніемъ, что во всѣхъ твоихъ путешествіяхъ ты никогда не встрѣчался съ этимъ кораблёмъ. Покажи ему твою душу, какова она теперь, когда этотъ корабль встрѣтился тебѣ на поворотѣ твоей новой жизни, въ началѣ твоей дружбы съ единственнымъ человѣкомъ всѣхъ людей на свѣтѣ, котораго твой отецъ предостерегалъ тебя избѣгать. Подумай о его предсмертныхъ словахъ и шепни ему на-ухо, чтобы и онъ также могъ о нихъ подумать: «скрывайся отъ него подъ чужимъ именемъ, поставь горы и моря между вами. Будь неблагодаренъ, будь мстителенъ, будь всё, что будетъ наиболѣе противно твоему кроткому характеру, скорѣе чѣмъ жить подъ одной кровлей и дышать однимъ воздухомъ съ этимъ человѣкомъ».

Такъ совѣтовалъ искушитель. Какъ ядовитое испареніе изъ могилы отца, отцовское вліяніе оживило душу сына.

Внезапное молчаніе удивило Аллена; онъ сонными глазами поглядѣлъ черезъ плечо.

— Опять думаетъ! воскликнулъ онъ и зѣвнулъ съ утомленіемъ.

Мидуинтеръ вышелъ изъ темноты и подошолъ къ Аллену, ближе чѣмъ подходилъ до-сихъ-поръ.

— Да, сказалъ онъ:—я думаю о прошломъ и о будущемъ.

— О прошломъ и о будущемъ! возразилъ Алленъ, усѣвшись поудобнѣе.—Я, съ своей стороны, безмолвствую на счетъ прошлаго для меня: это предметъ непріятный; прошлое означаетъ потерю докторской шляпки. Будемъ говорить о будущемъ. Вы смотрѣли съ практической точки зрѣнія, какъ говорить милый старикъ Брокъ. Вы обдумали первый серьезный вопросъ, касающійся насъ обоихъ, когда мы воротимся въ гостинницу—вопросъ о завтракѣ?

Послѣ минутной перѣшимости Мидуинтеръ сдѣлалъ шагъ еще ближе.

— Я думалъ о вашемъ будущемъ и о моёмъ, сказалъ онъ:—я думалъ о томъ времени, когда вашъ путь и мой путь въ жизни будутъ два пути разные, а не одинъ.

— Вотъ и разсвѣтаетъ! вскричалъ Алленъ - Посмотрите на

мачты: онѣ начинаютъ уже ясно обозначаться. Извините... Что вы говорили?

Мидуинтеръ не отвѣчалъ. Борьба между наслѣдственнымъ суевѣріемъ, побуждавшимъ его объясниться, и непобѣдимая привязанность къ Аллэну, удерживавшая его, остановили слова на его губахъ. Онъ отвернулся съ безмольнымъ страданіемъ.

«О, отецъ мой! подумаль онъ: «лучше бы ты убилъ меня въ тотъ день, когда я лежалъ на груди твоей, чѣмъ оставить меня жить съ этимъ!»

— Что вы говорили о будущемъ? приставаль Аллэнъ. — Я смотрѣлъ на разсвѣтъ и не слышалъ.

Мидуинтеръ принудилъ себя и отвѣчалъ:

— Вы обращались со мной съ вашей обыкновенной добротой, когда намѣревались взять меня съ собой въ Торп-Эмбросъ. Я обдумаль и разсудилъ, что мнѣ лучше не навязываться туда, гдѣ меня не знаютъ и не ожидаютъ.

Голосъ его ослабѣлъ и онъ замолчалъ опять. Чѣмъ болѣе онъ не рѣшался, тѣмъ яснѣе картина счастливой жизни, отъ которой онъ отказывался, представлялась его воображенію.

Мысли Аллэна тотчасъ обратились къ той мистификаціи о новомъ управителѣ, которую онъ разыгрываль съ своимъ другомъ, когда они совѣтовались въ каютѣ яхты.

«Не начинаетъ ли онъ подозрѣвать? спрашиваль себя Аллэнъ: «я его испытаю.»

— Говорите столько вздору, сколько хотите, любезный другъ, отвѣчалъ онъ:—но не забывайте, что вы обязались посмотрѣть какъ я поселюсь въ Торп-Эмбросъ и сказать мнѣ ваше мнѣніе о новомъ управителѣ.

Мидуинтеръ вдругъ выступилъ впередъ прямо къ Аллэну.

— Я говорю не о вашемъ управителѣ и не о вашемъ помыслѣ, съ гнѣвомъ возразилъ онъ:—я говорю о себѣ самѣмъ— слышите? о себѣ самѣмъ! Я не гоюсь вамъ въ товарищи; вы не знаете кто я.

Онъ отошолъ въ темноту такъ же внезапно, какъ и вышелъ изъ нея.

— О Боже! я не могу сказать ему! сказаль онъ себѣ шепотомъ.

На минуту только, на одну минуту Аллэнъ былъ удивлёнъ.

— Я не знаю кто вы?

Даже, когда онъ повторилъ эти слова, его весёлая безпечность вдержала верхъ. Онъ поднялъ бутылку съ уиски и значительно ею потрясъ.

— Спрашиваю васъ, продолжалъ онъ: — сколько вы выпили этого докторскаго лекарства, пока я сидѣлъ на бизань-марсѣ?

Его безпечный тонъ довёлъ Мидуинтера до крайней степени раздраженія. Онъ вышелъ опять на свѣтъ и сердито тоннулъ ногой.

— Слушайте меня! сказалъ онъ: — вы не знаете и половины тѣхъ низкихъ поступковъ, какіе я дѣлалъ въ своей жизни. Я былъ работникомъ у лавочника, я мѣлъ лавку, запиралъ ставни; я разносилъ книги по улицамъ и ждалъ денегъ моего хозяина у дверей его покушниковъ...

— А я никогда не дѣлалъ и половины такихъ полезныхъ вещей, отвѣчалъ Аллэнъ. — Милый и добрый другъ, какъ трудолюбивы были вы въ вашей жизни!

— Я былъ бродягою въ моей жизни, свирѣно отвѣчалъ Мидуинтеръ: — я былъ уличнымъ скоморохомъ, странствовалъ съ цыганами; я пѣлъ за полпenni съ пляшущими собаками на большой дорогѣ; я носилъ лавейскую ливрею и служилъ за столомъ; я былъ поваромъ на кораблѣ и чернорабочимъ у голоднаго рыбака! Что можете имѣть общаго джентльмэнъ въ вашемъ положеніи съ такимъ человѣкомъ, какъ я? Развѣ вы можете допустить меня въ торп-эмбросское общество? Одно моё имя будетъ для васъ упрѣкомъ. Представьте себѣ лица вашихъ новыхъ сосѣдей, когда ихъ лакеи доложатъ объ Озайязѣ Мидуинтерѣ и объ Аллэнѣ Армэдэлѣ!

Онъ хрипло засмѣялся и повторилъ опять оба имя съ презрительной горечью, безжалостно выставлявшей контрастъ между ними.

Что-то въ звукѣ его смѣха неприятно подѣйствовало даже на безпечную натуру Аллена. Онъ приподнялся и серьёзно заговорилъ въ первый разъ:

— Шутка шуткой, Мидуинтеръ, но вамъ не слѣдуетъ заво-

дить её слишкомъ далеко. Я помню, вы и прежде говорили мнѣ что-то въ этомъ родѣ, когда я ухаживалъ за вами въ Сомерсетширѣ. Вы принудили меня спросить васъ: заслуживаю ли я, чтобы *вы* отталкивали меня отъ себя. Не принуждайте меня спросить васъ объ этомъ опять. Шутите сколько хотите, любезный другъ, только другимъ образомъ, а *это* оскорбляетъ меня.

Какъ ни просты были эти слова и какъ ни просто они были сказаны, они въ одно мгновеніе произвели переворотъ въ душѣ Мидуинтера. Его впечатлительная натура задрожала какъ бы отъ внезапнаго удара. Не говоря ни слова въ отвѣтъ, онъ отошелъ на переднюю часть корабля, сѣлъ на доски, наваленныя между мачтами, и провелъ рукою по лбу съ какимъ-то смутнымъ и разстроеннымъ видомъ. Хотя онъ опять раздѣлялъ вѣру отца своего въ судьбу, хотя въ душѣ его не было ни малѣйшей тѣни сомнѣнія, что женщина, которую мистеръ Брокъ встрѣтилъ въ Сомерсетширѣ и женщина, которая пыталась утопиться въ Лондонѣ—одна и та же, хотя весь ужасъ, овладѣвшій имъ, когда онъ въ первый разъ прочелъ письмо изъ Вильдбада, овладѣло имъ опять теперь, обращеніе Аллена къ ихъ знакомству другъ съ другомъ поразило его въ сердце съ силою болѣе непреодолимою, чѣмъ сила его суевѣрія. Вслѣдствіе этого самаго суевѣрія онъ теперь отыскивалъ предлогъ, который могъ бы поощрить его пожертвовать каждымъ менѣе великодушнымъ чувствомъ единственному преобладающему страху оскорбить сочувствіе его друга.

— Зачѣмъ огорчать его? шепталь онъ самъ себѣ.—Мы еще не дошли до конца—позади насъ стоитъ эта женщина во мракѣ. Зачѣмъ сопротивляться ему, когда вредъ сдѣланъ и предосторожность является слишкомъ поздно? Чтò *должно* быть, то *будетъ*. Чтò могу я сдѣлать съ будущимъ и чтò можетъ сдѣлать онъ?

Онъ воротился къ Аллену, сѣлъ возлѣ него и взялъ его за руку.

— Простите мнѣ, сказалъ онъ кротко: — я оскорбилъ васъ въ послѣдній разъ.

Прежде чѣмъ Алленъ успѣлъ отвѣчать, Мидуинтеръ схватилъ бутылку съ палубы.

— Вы пробовали лекарство доктора? воскликнул онъ съ внезапнымъ усиленіемъ подражать веселости своего друга: — почему же не попробовать и мнѣ?

Аллэнъ былъ въ восторгѣ.

— Вотъ эта перемена къ лучшему! сказалъ онъ: — Мидуинтеръ опять сталъ самимъ собой. Слушайте! вотъ поютъ птицы.

Онъ самъ запѣлъ своимъ веселымъ голосомъ и ударилъ Мидуинтера по плечу съ своимъ обыкновеннымъ искреннимъ дружескимъ.

— Какъ вамъ удалось очистить вашу голову отъ этихъ проклятыхъ глупостей? Знаете ли, что вы напугали меня, увѣряя, что съ которымъ-нибудь изъ насъ случится что-нибудь прежде чѣмъ мы сойдѣмъ съ этого корабля?

— Чистый вздоръ! возразилъ Мидуинтеръ презрительно: — мнѣ кажется, что голова моя еще не совсѣмъ въ порядкѣ послѣ этой горячки; у меня на шляпѣ пчела, какъ говорятъ на сѣверѣ. Будемъ говорить о чомъ-нибудь другомъ, о тѣхъ людяхъ, которымъ вы отдали въ наймы коттеджъ. Желалъ бы я знать, можно ли положиться на слова агента о семействѣ маіора Мильроя? Можетъ-быть у нихъ въ семействѣ еще есть женщина, кромѣ жены и дочери.

— О-го! вскричалъ Аллэнъ:—вы начинаете думать о нимфахъ между деревьями и о волокитствѣ въ фруктовомъ саду? Еще женщина—э? Ну что, если въ семейномъ кружкѣ маіора не найдется другой? Намъ придется опять спускать полкроны кому изъ насъ удастся заслужить расположеніе миссъ Мильрой.

Разъ въ жизни Мидуинтеръ заговорилъ такъ же безопасно и небрежно, какъ самъ Аллэнъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ:—хозяинъ маіора имѣетъ первое право на вниманіе его дочери. Я удалюсь на задній планъ и буду ждать первой дамы, которая появится въ Торп-Эмбросѣ.

— Очень хорошо! Я для этого прибью въ паркъ приглашеніе къ норфолькскимъ женщинамъ, сказалъ Аллэнъ:—вы имѣете какое-нибудь особенное предпочтеніе къ росту и цвѣту лица. акихъ лѣтъ должна быть ваша возлюбленная?

Мидуинтеръ забавлялся своимъ суетвѣріемъ какъ человекъ за-

багается своимъ ружьемъ, которое можетъ убить его, или свирѣпымъ звѣремъ, который можетъ изуродовать его на всю жизнь. Онъ назвалъ лѣта женщины въ черномъ платьѣ и красной шали.

— Тридцати-пяти, сказалъ онъ.

Когда эти слова сорвались съ его губъ, поддѣльная веселость оставила его. Онъ всталъ, оставаясь непроницаемо глухъ ко всѣмъ насмѣшкамъ Аллена надъ его необыкновеннымъ отвѣтомъ, и опять началъ ходить по палубѣ въ мѣртвомъ молчаніи. Мысль, преслѣдовавшая его въ часъ мрака, опять преслѣдовала его теперь въ часъ разсвѣта; опять его душою овладѣло убѣжденіе, что съ Алленомъ или съ нимъ случится что-нибудь прежде чѣмъ они оставятъ этотъ разрушенный корабль.

Минуту за минутой свѣтъ разстлался на восточномъ небѣ и темныя мѣста на палубѣ выказывали свою обнаженную пустоту при дневномъ свѣтѣ. Вѣтеръ опять поднялся и морѣ подняло свой ропотъ при утреннемъ свѣтѣ. Даже холодное журчанье воды въ каналѣ смягчило свой унылый звукъ, когда теплый потокъ свѣта струился на него отъ восходящаго солнца. Мидуинтеръ остановился около передней части корабля и устремилъ своё блуждающее вниманіе на прошлое время. Веселое вліяніе этого часа окружало его, куда бы онъ ни посмотрѣлъ. Радостная утренняя улыбка лѣтняго неба, столь състрадательная къ старой и утомленной землѣ, проливала свою всеобъемлющую красоту даже на разрушенный корабль. Роса, свергавшая на поляхъ, сверкала и на палубѣ, и ветхія снасти сіяли съ такимъ же блескомъ, какъ и свѣжіе зеленые листья на берегу. Нечувствительно, когда Мидуинтеръ оглядывался вокругъ, его мысли обратились къ товарищу, раздѣлившему съ нимъ его ночное приключеніе. Онъ воротился къ задней части корабля и заговорилъ съ Алленомъ, приближаясь. Не получивъ отвѣта, онъ подошелъ ближе и посмотрѣлъ пристальнѣе. Оставшись одинъ, Алленъ поддавался усталости; голова его откинулась назадъ, шляпа его спала; онъ растянулся на палубѣ во весь ростъ и заснулъ глубоко и спокойно.

Мидуинтеръ продолжалъ свою прогулку; мысли его затерялись въ сомнѣніи; его собственныя прошлыя мысли вдругъ какъ-буд-

то стали ему чужды. Какъ мрачно его предчувствіе не довѣряло наступающему времени! и какъ безвредно наступило это время! Солнце поднималось на небѣ; часть освобожденія становился все ближе и ближе и изъ двухъ Армэделей, заключенныхъ на этомъ роковомъ кораблѣ, одинъ проводилъ во снѣ скучное время, а другой спокойно смотрѣлъ на появленіе новаго дня.

Солнце поднялось еще выше; часы проходили. Все съ тайнымъ недоувѣріемъ къ разрушенному кораблю, которое еще оставалось въ нѣмъ, Мидуинтеръ разсматривалъ на каждомъ берегу признаки пробуждающейся человѣческой жизни. Земля была еще пустынна; дымъ, который скоро долженъ былъ подняться изъ трубъ коттѣджей, еще не поднимался.

Послѣ минутнаго размышленія онъ воротился къ задней части корабля посмотрѣть не виднѣтся ли оттуда рыбацѣй лодки. Поглощенный на минуту въ эту новую идею, онъ торопливо прошолъ мимо Аллена, примѣтивъ только, что онъ еще спитъ. Еще одинъ шагъ и онъ подошолъ бы уже къ гакаборту, когда этотъ шагъ былъ остановленъ звукомъ позади него — звукомъ, похожимъ на слабый стоиъ. Онъ обернулся и посмотрѣлъ на спящаго на палубѣ; онъ тихо всталъ на колѣна и посмотрѣлъ ближе.

— Наступило! прошепталъ онъ самъ себѣ:—не для *меня*, а для *него*.

Это наступило въ свѣтлой свѣжести утра, наступило въ таинственномъ и страшномъ сновидѣніи. Лицо, которое Мидуинтеръ только-что видѣлъ совершенно спокойнымъ, было теперь разстроено страданіемъ. Потъ выступилъ крупными каплями на лбу Аллена и смочилъ его кудрявые волосы. Въ его полураскрытыхъ глазахъ виднѣлись только бѣлки; его распростертныя руки царапали палубу. Каждую минуту онъ стоналъ и бормоталъ что-то, но слова вырвавшіяся у него, замирали въ скрежетъ зубовъ. Онъ лежалъ такъ близко тѣломъ къ другу, наклонившемуся надъ нимъ, и такъ далеко душою, что оба, можетъ-быть, были въ совершенно различномъ мірѣ: онъ лежалъ въ мучительномъ снѣ, между тѣмъ какъ утреннее солнце освѣщало его лицо.

Одинъ вопросъ, единственный, возникъ въ душѣ человѣка, смотрѣвшаго на него. Что опредѣлилъ ему видѣть во снѣ Рокъ, заключившій его на этомъ разрушенномъ кораблѣ?

Не-уже-ли вѣроломный сонъ раскрылъ предѣлы могилы тому изъ этихъ двухъ Армэделей, котораго другой держалъ въ невѣдѣніи истины? Не-уже-ли убійство отца обнаружилось сыну—тутъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ преступленіе было совершено—въ видѣніи сна?

Съ этимъ вопросомъ затемнившимъ всё другое въ его душѣ, сынъ убійцы стоялъ на палубѣ и смотрѣлъ на сына человѣка, котораго убила рука его отца.

Борьба между спящимъ тѣломъ и бодрствующей душой увеличивалась каждую минуту. Стоны спящаго становились громче; руки поднимались и хватались за пустой воздухъ. Выдерживая борьбу съ всепоглощающимъ страхомъ, который еще удерживалъ его, Мидуинтеръ тихо положилъ руку на лобъ Аллена. Какъ ни легко было прикосновеніе, какое-то таинственное сочувствіе въ спящемъ отвѣчало на него. Стоны его прекратились и руки опустились медленно. Наступила минута неизвѣстности. Мидуинтеръ посмотрѣлъ ближе; дыханіе его коснулось лица спящаго. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ вздохнуть въ другой разъ, Алленъ вскочилъ на колѣна, вскочилъ какъ-будто звукъ трубы коснулся его слуха.

— Вамъ привидѣлся, сонъ, сказала Мидуинтеръ, когда Алленъ дико посмотрѣлъ на него въ первую минуту пробужденія.

Глаза Аллена начали бродить по кораблю сначала смутно, потомъ съ выраженіемъ гнѣвнаго удивленія.

— Развѣ мы еще здѣсь? сказалъ онъ, когда Мидуинтеръ помогъ ему подняться на ноги.—Ужъ опять я не засну на этомъ проклятомъ кораблѣ! прибавилъ онъ черезъ минуту.

Когда онъ произносилъ эти слова, глаза друга его съ безмолвнымъ вопросомъ разсматривали его лицо. Оба прошли по палубѣ.

— Расскажите мнѣ вашъ сонъ, сказала Мидуинтеръ странно-подозрительнымъ тономъ и съ странно-рѣзкимъ обращеніемъ.

— Я еще не могу вамъ разсказать, отвѣчалъ Аллэнъ: — подождите немножко, пока я опомнюсь.

Они опять прошлись по палубѣ. Мидуинтеръ остановился и снова заговорилъ:

— Посмотрите на меня, Аллэнъ.

Въ лицѣ Аллена, когда онъ посмотрѣлъ на говорившаго, виднѣлось и волненіе, оставленное еще сномъ, и естественное удивленіе при странной просьбѣ, сдѣланной ему, но ни малѣйшей тѣни недоброжелательства или недовѣрія. Мидуинтеръ быстро отвернулся и скрылъ, какъ могъ, непреодолимую вспышку облегченія.

— У меня немножко разстроенный видъ? спросилъ Аллэнъ взявъ его за руку и опять увлекая его по палубѣ. — Не тревожьтесь обо мнѣ, если точно я кажусь немножко разстроенымъ. Моя голова кружится; это скоро пройдетъ.

Нѣсколько минутъ они ходили молча взадъ и впередъ. Одинъ старался прогнать изъ мыслей страшный сонъ; другой старался узнать въ чомъ могъ состоять этотъ страшный сонъ. Освободившись отъ страха, тѣснившаго его, суевѣрная натура Мидуинтера разомъ перескочила къ другому заключенію. Что если спящему представилось видѣніе не прошлаго? Что если сонъ раскрылъ тѣ неперевернутыя страницы въ книгѣ Будущаго, въ которыхъ разсказывается исторія его наступающей жизни? Подозрѣніе объ этомъ увеличило, въ десять разъ желаніе Мидуинтера проникнуть тайну, которую Аллэнъ скрывалъ отъ него.

— Покойнѣе стала ваша голова? спросилъ онъ: — можете теперь вы разсказать мнѣ вашъ сонъ?

Пока онъ дѣлалъ этотъ вопросъ, послѣдняя достопамятная минута приключенія на разрушенномъ кораблѣ была подъ-рукою.

Они дошли до кормы и только-что вернулись, какъ Мидуинтеръ заговорилъ. Когда Аллэнъ раскрылъ губы, чтобы отвѣчать, онъ машинально взглянулъ на море. вмѣсто отвѣта, онъ вдругъ побѣжалъ къ гакаборту и замахалъ шляпой надъ головою съ радостнымъ крикомъ.

Мидуинтеръ присоединился къ нему и увидалъ большую шестивесельную шлюпку, прямо направлявшуюся въ каналъ. Чело-

вѣкъ, который показался имъ знакомымъ, приподнялся и также замахалъ шляпою въ отвѣтъ Аллену. Лодка подъѣхала ближе, рулевой весело закричалъ имъ и они узнали голосъ доктора.

— Слава Богу, вы здоровы и невредимы! сказала Гаубѣри, когда они встрѣтили его на палубѣ разрушеннаго корабля.—Какой вѣтеръ занёсъ васъ сюда?

Онъ смотрѣлъ на Мидуинтера, дѣлая этотъ вопросъ; но Алленъ рассказалъ ему исторію ночи и Алленъ же сталъ спрашивать доктора. Единственный всепоглощающій интересъ въ душѣ Мидуинтера—интересъ проникнуть тайну сна—дѣлалъ его безмолвнымъ. Не обращая вниманія на то, что говорилось и дѣлалось вокругъ него, онъ наблюдалъ за Алленомъ; онъ слѣдилъ за Алленомъ какъ собака, пока не настало время садиться въ шлюпку. Медицинскіе глаза Гаубѣри съ любопытствомъ примѣчали измѣнявшійся цвѣтъ его лица и непрерывную тревогу рукъ.

«Я не обмѣнялся бы нервною системою съ этимъ человѣкомъ, еслибы мнѣ предлагали за это огромное богатство», думалъ докторъ, когда взялся за руль и приказывалъ гребцамъ отчалить отъ корабля.

Оставивъ всё объясненія до-тѣхъ-поръ, пока они возвратятся въ Портъ Сент-Мэри, Гаубѣри успѣшилъ удовлетворить любопытство Аллена. Обстоятельства, заставившія его успѣшить спасти своихъ вчерашнихъ гостей, были довольно просты. Пропавшую лодку встрѣтили въ морѣ рыбаки изъ порта Эррица на западной сторонѣ острова, узнали лодку доктора и тотчасъ отправили гонца къ нему въ домъ съ разспросами. Узнавъ, что случилось, Гаубѣри, натурально, испугался за безопасность Аллена и его друга. Онъ немедленно позаботился достать помощь и, по указаніямъ рыбаковъ, прежде всего отправился въ самое опасное мѣсто на этомъ берегу, единственное мѣсто, въ которомъ въ эту тихую погоду, могло случиться несчастье съ шлюпкой, управляемой опытными людьми—въ каналъ Соундъ. Объяснивъ такимъ образомъ своё удачное появленіе на сценѣ, докторъ гостеприимно настоялъ, чтобы его вечерніе гости сдѣлались и его утренними гостями. Еще было рано отправляться въ гостиницу и они найдутъ постели и завтракъ въ домѣ мистера Гаубѣри.

При первой паузѣ въ разговорѣ между Алланомъ и докторомъ, Мидуинтеръ, не присоединившійся къ разговору и не слушавшій его, дотронулся до руки своего друга.

— Вамъ лучше? спросилъ онъ шопотомъ:—вы скоро успокоитесь на столько, чтобы рассказать мнѣ то, что я желаю знать?

Брови Аллана нетерпѣливо нахмурились; его сонъ и упрямство, съ какимъ Мидуинтеръ возвращался къ нему, были равно неприятны для него. Онъ отвѣчалъ уже не съ своей обыкновенной веселостью:

— Я полагаю, что вы не оставите меня въ покоѣ, пока я не расскажу вамъ, стало-быть лучше кончить тотчасъ.

— Нѣтъ, возразилъ Мидуинтеръ, посмотрѣвъ на доктора и на гребцовъ:—не тамъ, гдѣ другіе могутъ слышать.—Подождите, пока мы съ вами будемъ одни.

— Если вы желаете, господа, посмотрѣть въ послѣдній разъ на вашу ночную квартиру, вмѣшался докторъ: — теперь пора; черезъ минуту берегъ закроетъ корабль.

Молча оба Армэдэля посмотрѣли въ послѣдній разъ на роковой корабль. Одинокимъ и погибшимъ нашли они разрушенный корабль въ таинственности лѣтней ночи; одинокимъ и погибшимъ оставили они его въ лучезарной красотѣ лѣтняго утра.

Черезъ часъ докторъ помѣстилъ своихъ гостей въ ихъ спальную и оставилъ ихъ отдохнуть до завтрака. Только-что онъ ушелъ, дверь изъ обѣихъ комнатъ тихо отворилась и Алланъ и Мидуинтеръ встрѣтились въ корридорѣ.

— Вы можете спать послѣ того, что случилось? спросилъ Алланъ.

Мидуинтеръ покачалъ головой.

— Вы шли въ мою комнату, сказалъ онъ:—для чего?

— Просить васъ посидѣть со мной. А вы зачѣмъ шли въ мою комнату?

— Просить васъ рассказать мнѣ вашъ сонъ.

— Къ чорту этотъ сонъ! Я хочу забыть его.

— А я хочу его узнать.

Оба замолчали, оба инстинктивно воздерживались сказать болѣе. Въ первый разъ съ начала ихъ дружбы между ними возникло

неудовольствіе по случаю этого сна. Прекрасный характеръ Аллена остановилъ ихъ на границахъ этого неудовольствія.

— Вы самый упрямый человекъ на свѣтѣ, сказалъ онъ:—но если вы хотите знать мой сонъ, то, нечего дѣлать, вы должны его узнать. Пойдѣмте въ мою комнату и я вамъ расскажу.

Онъ пошелъ впередъ, Мидуинтеръ за нимъ. Дверь затворилась и заперла ихъ вмѣстѣ.

Глава V.

ТѢНЬ БУДУЩАГО.

Когда Гаубѣри сошелся съ своими гостями въ столовой, страшный контрастъ въ ихъ характерѣ, уже примѣченный имъ, произвелъ на него еще болѣе впечатлѣнія. Одинъ сидѣлъ за уставленнымъ обильными кушаньями столомъ, голодный и счастливый, переходя отъ блюда къ блюду и увѣряя, что онъ никогда въ жизни не завтракалъ такъ отлично. Другой сидѣлъ поодаль у окна, не допивъ чашки, не доѣвъ съ тарелки. Утреннее привѣтствіе доктора вѣрно выразило различныя впечатлѣнія, которыя оба друга произвели на него. Онъ ударилъ Аллена по плечу и привѣтствовалъ его шуткой. Мидуинтеру онъ принужденно поклонился и сказалъ:

— Я боюсь, что вы еще не оправались отъ ночной усталости.

— Это не ночь, докторъ, привела его въ уныніе, сказалъ Алленъ: — а то, что я рассказалъ ему. Замѣьте, это не моя вина. Еслибы я зналъ, что онъ вѣритъ снамъ, я не раскрылъ бы рта.

— Снамъ? повторилъ докторъ, прямо посмотрѣвъ на Мидуинтера и ошибочно понявъ значеніе словъ Аллена. — Съ вашей организаціей вамъ слѣдовало уже привыкнуть къ снамъ.

— Вы не такъ поняли, докторъ! вскричалъ Алленъ: — это я

видѣлъ сонъ, а не онъ. Не изумляйтесь, я спалъ не въ этомъ удобномъ домѣ, а на томъ проклятомъ кораблѣ. Дѣло въ томъ, что я заснулъ передъ тѣмъ, какъ вы увезли насъ, съ корабля и не стану отпираться, что я видѣлъ очень гадкій сонъ. Когда мы воротились сюда...

— Зачѣмъ вы надоѣдаете мистеру Гаубѣри тѣмъ, что не можетъ его интересовать? заговорилъ Мидуинтеръ въ первый разъ и очень нетерпѣливо.

— Извините, возразилъ докторъ, довольно рѣзко:—сколько я слышалъ, это интересуется меня.

— Вотъ это прекрасно, докторъ! сказалъ Аллэнъ.—Прошу и умоляю, заинтересуйтесь этимъ: я желалъ бы, чтобы вы выбили вздоръ изъ его головы. Какъ вы думаете: онъ убѣжденъ, что сонъ этотъ предостерегаетъ меня избѣгать нѣкоторыхъ людей и настойчиво увѣряетъ, что одинъ изъ этихъ людей онъ самъ. Слышали вы что-нибудь подобное? Я очень старался объяснить ему всё. Я говорилъ, что это предостереженіе болѣе ничего, какъ слѣдствіе дурного пищеваренія. Вы не знаете, что я ѣлъ и пилъ за ужиномъ доктора. Вы думаете, что онъ меня послушалъ? Не такой онъ человѣкъ! Попробуйте вы—вы врачъ и онъ долженъ васъ послушать. Будьте такъ добры, докторъ, дайте мнѣ свидѣтельство въ томъ, что мой сонъ былъ слѣдствіемъ дурного пищеваренія; я съ удовольствіемъ покажу вамъ языкъ.

— Довольно посмотрѣть на ваше лицо, сказалъ Гаубѣри.— Я сейчасъ дамъ вамъ свидѣтельство, что вы никогда въ жизни не страдали отъ дурного пищеваренія. Послушаемъ вашъ сонъ и посмотримъ, что мы можемъ изъ него извлечь—то-есть, если это для васъ не неприятно.

Аллэнъ своей вилкой указалъ на Мидуинтера.

— Обратитесь къ моему другу, сказалъ онъ: — онъ можетъ лучше рассказать вамъ, нежели я. Повѣрите ли вы, онъ всё записалъ съ моихъ словъ и заставилъ меня подписать, какъ-будто это было «моимъ предсмертнымъ признаніемъ» передъ тѣмъ, какъ я пойду на висѣлицу. Вынимай же, старикашка, я видѣлъ какъ ты положилъ это въ записную книжку—вынимай!

— Вы серьезно этого желаете? спросилъ Мидуинтеръ, выни

мая записную книжку такъ неохотно, что это могло показаться доктору обидно, показывая къ нему недовѣрие въ его собственномъ домѣ.

Гаубѣри вспыхнулъ.

— Пожалуйста не показывайте, если чувствуете малѣйшее нежеланіе, сказалъ онъ съ изысканной вѣжливостью человѣка оскорблённаго.

— Какой вздоръ! закричалъ Аллэнъ.—Бросьте сюда!

Вмѣсто того, чтобы исполнить эту характерическую просьбу, Мидуинтеръ вынулъ бумагу изъ записной книжки и, вставъ съ своего мѣста, подошолъ къ Гаубѣри.

— Извините, сказалъ онъ, самъ подавая рукопись доктору.

Глаза его опустились, а лицо помрачилось, когда онъ извинился.

«Скрытный, угрюмый человѣкъ! думалъ докторъ, поблагодаривъ Мидуинтера съ формальной вѣжливостью: «его другъ въ тысячу разъ лучше его.»

Мидуинтеръ отошолъ къ окну и опять сѣлъ молча съ своей прежней непроницаемой безропотностью, которая когда-то привела въ недоумѣніе Брока.

— Читайте, докторъ, сказалъ Аллэнъ, когда Гаубѣри развернулъ рукопись. — Это рассказано не съ такими околичностями, какъ обыкновенно рассказываю я; но тутъ ничего не прибавлено и не убавлено. Тутъ всё точь-въ-точь, какъ я видѣлъ во снѣ, и точь-въ-точь какъ написалъ бы я самъ, еслибы думалъ, что это стоить записать и еслибы былъ мастеръ писать—а этого нѣтъ, заключилъ Аллэнъ, спокойно мѣшая свой кофе:—я только мастеръ писать письма, я мигомъ отвалаю ихъ.

Гаубѣри разложилъ рукопись на столѣ и прочолъ эти строки:

«СОНЪ АЛЛЭНА АРМЭДЭЛЯ.

«Рано утромъ перваго іюня, въ тысяча-восемьсотъ пятьдесятъ-первомъ году я находился (по обстоятельствамъ, о которыхъ нѣтъ никакой надобности упоминать здѣсь) одинъ съ моимъ другомъ—молодымъ человѣкомъ почти моихъ лѣтъ—на разрушенномъ французскомъ кораблѣ *La Grâce de Dieu*, который лежалъ въ рейвѣ Сундт, между материкомъ острова Мэнъ и

островкомъ называемымъ Кафъ. Не ложившись въ постель прошлую ночь и чувствуя непреодолимую усталость, я заснулъ на палубѣ корабля. Я былъ совершенно здоровъ въ то время. Солнце уже взошло и мнѣ привидѣлся сонъ. Вотъ, на сколько я могу припомнить, что представлялось мнѣ во снѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ:

«1. Первое, что я помню, было появленіе моего отца. Онъ молча взялъ меня за руку и мы очутились въ каютѣ какого-то корабля.

«2. Вода медленно поднималась надъ нами въ этой каютѣ. Я и мой отецъ вмѣстѣ потонули въ водѣ.

«3. Наступилъ промежутокъ забвенія; а потомъ мнѣ показалось, что я остался одинъ въ темнотѣ.

«4. Я ждалъ.

«5. Темнота раскрылась и показала мнѣ видѣніе — какъ въ картинѣ — широкаго уединеннаго пруда, обружоннаго открытой мѣстностью. Надъ дальнимъ краемъ пруда я увидалъ безоблачное западное небо, покрасѣвшее отъ заходящаго солнца.

«6. На ближнемъ краю пруда стояла тѣнь женщины.

«7. Это была только тѣнь. Мнѣ не виднѣлось никакого признака, по которому я могъ бы узнать её, или сравнить съ какимъ-нибудь живымъ существомъ. Длинное платье показало мнѣ, что это была тѣнь женщины, но не показало ничего больше.

«8. Настала опять темнота, а потомъ, послѣ нѣкотораго промежутка, раскрылась опять. Я очутился въ комнатѣ и стоялъ у длиннаго окна. Единственная мѣбель, или украшеніе, видѣнной (или которое я помню) была небольшая статуя, стоявшая возлѣ меня. Статуя была съ лѣвой руки, а окно съ правой. Окно открывалось на дугъ и цвѣтникъ и дождь тяжело билъ въ стѣкла.

«10. Я былъ въ комнатѣ не одинъ, напротивъ меня у окна была тѣнь мужчины.

«11. Я видѣлъ не болѣе, я зналъ не болѣе объ этой тѣни, какъ и о тѣни женщины. Но тѣнь мужчины двигалась, протянула руки къ статуѣ и статуя упала на полъ, разбившись въ дребезги.

«12. Съ смутнымъ ощущеніемъ, походившемъ отчасти на гнѣвъ, отчасти на огорченіе, я наклонился посмотреть на об-

ломки. Когда я опять приподнялся, Тѣнь исчезла и я не видалъ ничего болѣе.

«13. Темнота открылась въ третій разъ и показала мнѣ Тѣнь Женщины и Тѣнь Мужчины, вмѣстѣ.

«14. Никакой окружающей сцены (и ничего, что я могъ бы теперь припомнить) не виднѣлось мнѣ.

«15. Тѣнь Мужчины была ближе; Тѣнь Женщины стояла позади. Оттуда, гдѣ она стояла, слышался звукъ будто тихо лившейся жидкости. Я видѣлъ, какъ она дотронулась до Тѣни Мужчины одной рукой, а другою подала ему рюмку. Онъ взялъ рюмку и подаль еѣ мнѣ. Въ ту минуту, когда я поднёсъ еѣ къ губамъ, смертельная слабость овладѣла мною съ головы до ногъ. Когда я опомнился, Тѣнь исчезла и третье видѣніе кончилось.

«16. Темнота замкнулась надо мной опять и наступилъ промежутокъ забвенія.

«17. Я не сознавалъ ничего болѣе, пока не почувствовалъ утренняго солнца на лицѣ моёмъ и не услыхалъ, какъ другъ мой сказалъ мнѣ, что я проснулся отъ сна.»

Прочтя рассказъ внимательно, до послѣдней строчки (подъ которой виднѣлась подпись Аллена) докторъ посмотрѣлъ черезъ столъ на Мидуинтера и началъ хлопать пальцами по рукописи съ сатирической улыбкой.

— У всякаго своё мнѣніе, сказалъ онъ.—Я не согласенъ ни съ которымъ изъ васъ на счетъ этого сна. Вашу теорію, прибавилъ онъ, смотря на Аллена съ улыбкой:—мы уже опровергнули; надо еще поискать ужина, котораго *вашъ* желудокъ не могъ бы переварить. До моей теоріи сейчасъ придѣтъ очередь; прежде обратимъ вниманіе на теорію вашего друга.

Онъ опять обернулся къ Мидуинтеру и ожидаемое торжество надъ человѣкомъ, который ему не нравился, слишкомъ ясно виднѣлось въ его лицѣ и обращеніи.

— Если я такъ понималъ, продолжалъ онъ:—то вы полагаете, что этотъ сонъ служить сверхъестественнымъ предостереженіемъ мистеру Армэдэлю объ опасныхъ событіяхъ, угрожающихъ ему и объ опасныхъ людяхъ, имѣющихъ отношенія къ этимъ событіямъ, которыхъ онъ долженъ былъ бы избѣгать. Могу я уз-

нать, дошли ли вы до этого заключенія потому, что всегда вѣрите снамъ, или вы имѣете свои причины приписывать особенную важность одному этому сну?

— Вы очень вѣрно опредѣлили моё убѣжденіе, отвѣчалъ Мидуинтеръ, сердясь на выраженіе лица и голосъ доктора.—Извините меня, если я попрошу васъ удовольствоваться этимъ заключеніемъ и позволить мнѣ умолчать о моихъ причинахъ.

— Вотъ именно чтò онъ сказалъ и мнѣ, вмѣшался Аллэнъ:— а я думаю, что у него совсѣмъ нѣтъ никакихъ причинъ.

— Тихе! тихе! сказалъ Гаубѣри:—мы можемъ разсуждать объ этомъ предметѣ не вмѣшиваясь ни въ чьи тайны. Перейдемъ прежде къ моей методѣ на счетъ сновъ. Мистеръ Мидуинтеръ, вѣроятно, не удивится, когда услышитъ, что я смотрю на эти вещи съ практической точки зрѣнія...

— Я совсѣмъ не удивлюсь, возразилъ Мидуинтеръ. — Точка зрѣнія медика, когда онъ долженъ рѣшать проблему человѣчества, рѣдко заходитъ за точку его скальпеля.

Докторъ немножко обидѣлся съ своей стороны.

— Наши границы не такъ узки, сказалъ онъ:—но я охотно соглашусь съ вами, что въ вашихъ убѣжденіяхъ есть нѣкоторые пункты, въ которые мы, доктора, не вѣримъ. Напримѣръ, мы не вѣримъ, что разсудительный человѣкъ можетъ приписывать сверхъестественную причину какому бы то ни было феномену, являющемуся его чувствамъ, до-тѣхъ-поръ, пока онъ не удостовѣрится, что этотъ феноменъ нельзя объяснить естественнымъ образомъ.

— Это очень справедливо! воскликнулъ Аллэнъ. — Онъ мѣтко попалъ въ васъ «скальпелемъ», докторъ, а теперь вы оплатите ему тѣмъ же вашимъ «естественнымъ объясненіемъ». Послушаемъ.

— Извольте, сказалъ Гаубѣри: — вотъ оно. Въ моей теоріи о снахъ нѣтъ ничего необыкновеннаго: эта теорія принята большинствомъ людей моей профессіи. Сонъ есть воспроизведеніе въ спящемъ состояніи мозга, образовъ и впечатлѣній, произведенныхъ на него наяву, и это воспроизведеніе бываетъ болѣе или менѣе неполно и исполнено противорѣчій, такъ-какъ дѣйствіе нѣкоторыхъ способностей въ спящемъ сдерживается болѣе или

менѣе вліяніемъ сна. Не изслѣдывая долѣе эту послѣднюю часть предмета — часть очень любопытную и интересную — возьмёмъ теорію вообще такъ, какъ я выставилъ её, и приложимъ её тотчасъ къ сновидѣнію, о которомъ идётъ рѣчь.

Онъ взялъ рукопись со стола и оставилъ формальный тонъ (какъ профессоръ на лекціи), въ который онъ нечувствительно впалъ.

— Я вижу уже одно событіе въ этомъ сновидѣніи, продолжалъ онъ: — которое я знаю какъ воспроизведеніе впечатлѣнія наяву на мистера Армэдэля въ моемъ присутствіи. Если онъ захочетъ помочь мнѣ, сдѣлавъ усиліе надъ своею памятью, я не теряю надежды прослѣдить весь рядъ событій, записанныхъ здѣсь до всего, что онъ сказалъ, или думалъ, или видѣлъ, или дѣлалъ въ двадцать-четыре часа, или менѣе предшествовавшіе его сну на палубѣ разрушеннаго корабля.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ постараюсь припомнить, сказалъ Аллэнъ.— Съ чего мы начнёмъ?

— Начните разсказомъ, что вы видѣли вчера, прежде чѣмъ я встрѣтился съ вами и съ вашимъ другомъ на дорогѣ, отвѣчала Гаубэри. — Когда вы встали и позавтракали, что было съ вами потомъ?

— Мы взяли экипажъ, сказалъ Аллэнъ и поѣхали изъ Кэстльтоуна въ Дугдасъ проводить моего стараго друга, мистера Брока на ливерпульскій пароходъ. Мы воротились въ Кэстльтоунъ и разстались у дверей гостиницы. Мидуинтеръ пошелъ въ комнаты, а я—къ моей яхтѣ на пристань. Кстати, докторъ, вы обѣщали поѣздить съ нами по морю, прежде чѣмъ мы уѣдемъ съ острова Мэна.

— Очень благодаренъ; но будемъ продолжать. Что было потомъ? Аллэнъ колебался. Мысли его разбѣлелись въ разныя стороны.

— Что вы дѣлали на яхтѣ?

— О, знаю! Я приводилъ каюту въ порядокъ — даю вамъ честное слово, что я всё тамъ перевернулъ вверхъ дномъ. Другъ мой пріѣхалъ на береговой лодкѣ и помогъ мнѣ. Кстати, я еще не спрашивалъ васъ: не повреждена ли ваша шляпка въ прошлую ночь. Если съ ней случилось какое-нибудь поврежденіе, я непременно требую, чтобы мнѣ позволили поправить её.

Докторъ отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ воспользоваться памятью Алэна.

— Я сомнѣваюсь, достигнемъ ли мы нашей цѣли такимъ образомъ, сказалъ онъ.—Было бы лучше по порядку слѣдовать за событіями въ сновидѣніи и предлагать вопросы, которые, натурально, представятся сами, когда мы будемъ продолжать. Начнемъ съ первыхъ двухъ. Вы видѣли во снѣ будто вашъ отецъ явился вамъ—и вы съ нимъ очутились въ каютѣ какого-то корабля,—что вода поднялась надъ вами и что вы съ нимъ потонули. Могу я васъ спросить сходили ли вы въ каюту разбитаго корабля?

— Я не могъ сойти, отвѣчалъ Алэнъ:—потому что каюта была полна водой. Я заглянулъ, увидаль это и опять заперъ дверь.

— Очень хорошо, сказалъ Гаубѣри:—вотъ впечатлѣнія, сдѣланныя наяву, обозначились довольно ясно. У васъ въ мысляхъ была каюта и вода, и звукъ волнъ въ каналѣ (сколько я знаю не спрашивая) былъ послѣдній въ вашихъ ушахъ, когда вы заснули. Мысль объ утопленіи является такъ естественно изъ подобныхъ впечатлѣній, что объ этомъ нечего распространяться. Нѣтъ ли еще чего прежде чѣмъ мы будемъ продолжать? Да! еще одно обстоятельство остаѣтся объяснить.

— Самое важное обстоятельство, замѣтилъ Мидуинтеръ присоединяясь къ разговору, но не вставая съ своего мѣста у окна.

— Вы говорите о наружности отца мистера Армэдэля? Я приступалъ именно къ этому, отвѣчалъ Гаубѣри. — Отецъ вашъ живъ? обратился онъ къ Алэну.

— Отецъ мой умеръ, прежде чѣмъ я родился.

Докторъ вздрогнулъ.

— Это запутывается нѣсколько, сказалъ онъ. — Почему вы знаете, что фигура, явившаяся вамъ во снѣ, былъ вашъ отецъ.

Алэнъ опять колебался. Мидуинтеръ отодвинулъ нѣсколько стулъ свой отъ огня и внимательно посмотрѣлъ на доктора первый разъ.

— Вашъ отецъ былъ въ вашихъ мысляхъ прежде чѣмъ вы заснули, продолжалъ Гаубѣри.—Не думали ли вы о какомъ-нибудь портретѣ его?

— Разумѣется, отвѣчалъ Аллэнъ, вдругъ ухватившись за потерянное воспоминаніе.— Мидуинтеръ! помните миниатюрный портретъ, который вы нашли на полу въ каютѣ, когда мы приводили въ порядокъ яхту? Вы сказали, что я не дорожу этимъ портретомъ; а я сказала, что я дорожу, потому что это портретъ моего отца...

— А лицо, видѣнное вами во снѣ, походило на лицо миниатюрнаго портрета? спросилъ Гаубѣри.

— Точь-въ-точь! Докторъ, теперь это начинаетъ становиться интересно!

— Что вы скажете теперь? спросилъ Гаубѣри, опять обратившись къ окну.

Мидуинтеръ торопливо всталъ съ своего мѣста и сѣлъ у стола съ Аллэномъ. Такъ какъ онъ уже разъ искалъ защиты отъ тирании своего суевѣрія въ здоровомъ смыслѣ Брока, точно такъ и теперь, съ такою же необдуманной горячностью, съ такимъ же прямымъ и искреннимъ намѣреніемъ онъ искалъ прибѣжища въ теоріи доктора о сновидѣніяхъ.

— Я говорю, что говоритъ мой другъ, отвѣчалъ онъ, вдругъ вспыхнувъ внезапнымъ энтузіазмомъ:— это начинаетъ становиться интереснымъ. Продолжайте, пожалуйста продолжайте!

— Докторъ посмотрѣлъ на своего страннаго гостя гораздо снисходительнѣе прежняго.

— Вы единственный мистикъ, съ какимъ мнѣ случалось встрѣчаться, сказала она:— который не опровергаетъ очевидности. Я не отчаиваюсь обратить васъ прежде чѣмъ наше изслѣдованіе дойдѣтъ до конца. Перейдемъ къ слѣдующему ряду событій, продолжалъ онъ, заглянувъ на минуту въ рукопись.— Промежуткоу забвенія, послѣдовавшій за первымъ появленіемъ въ сновидѣніи, можно легко объяснить. Онъ означаетъ мгновенное прекращеніе умственнаго дѣйствія мозга, между-тѣмъ какъ глубокая волна сна залила его, точно такъ, какъ ощущеніе одиночества въ темнотѣ обозначаетъ возобновленіе этого дѣйствія до воспроизведенія другого рода впечатлѣній. Посмотримъ, каковы они. Уединенный прудъ, окруженный открытой мѣстностью, закатъ солнца на дальней сторонѣ пруда и тѣнь женщины съ ближайшей

стороны. Очень хорошо; теперь примется за это, мистеръ Армэдэль: какъ этотъ прудъ попалъ въ вашу голову? Открытую мѣстность вы видѣли по дорогѣ изъ Кэстльтоуна сюда. Но у насъ здѣсь нѣтъ ни прудовъ, ни озёръ; вы не могли видѣть ихъ недавно, потому что пріѣхали сюда послѣ путешествія по морю. Не видали ли вы этого въ картинѣ? не читали ли вы въ книгѣ или не разговаривали ли съ вашимъ другомъ?

Аллэнъ взглянулъ на Мидуинтера.

— Я не помню, чтобы я разговаривалъ о прудахъ и озёрахъ. А вы?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, Мидуинтеръ вдругъ спросилъ доктора:

— Есть у васъ послѣдній номеръ мэнской газеты?

Докторъ снялъ её съ полки буфета. Мидуинтеръ нашолъ страницу, заключающую тѣ выписки изъ недавно изданнаго «Путешествія по Австраліи», которыя такъ заинтересовали Аллена наканунѣ и чтеніе которыхъ кончилось глубокимъ сномъ его друга. Тамъ—въ томъ мѣстѣ, гдѣ описываютъ страданія путешественниковъ отъ жажды и открытіе, спасшее ихъ жизнь — тутъ, въ самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа, явился широкій прудъ, видѣнный Алленомъ во снѣ.

— Не откладывайте газету, сказалъ докторъ, когда Мидуинтеръ показалъ её ему съ необходимымъ объясненіемъ.—Прежде чѣмъ мы дойдёмъ до конца изслѣдованія, очень можетъ быть, что эти выписки понадобятся намъ опять. Прудъ мы нашли; а какъ закатъ солнца? Ни о чомъ подобномъ не упоминается въ газетной выпискѣ. Обратитесь опять къ вашей памяти, мистеръ Армэдэль, намъ нужны ваши впечатлѣнія наяву о закатѣ солнца.

Опять Алленъ не могъ найти отвѣта и опять быстрая память Мидуинтера помогла ему въ этомъ затрудненіи.

— Я думаю, что я могу добраться до этого впечатлѣнія такъ, какъ добрался до другого, обратился онъ къ доктору. — Когда мы пріѣхали сюда вчера, мы долго ходили по холмамъ...

— Именно! перебилъ Алленъ:—помню. Солнце закатывалось, когда мы воротились въ гостиницу ужинать; красное небо было такъ великолѣпно, что мы оба остановились посмотрѣть на

него. Потомъ мы стали говорить о мистерѣ Брокѣ и далеко ли отвѣчалъ онъ. Моя память можетъ быть медленна сначала, докторъ, но когда она разъ пущена въ ходъ, остановите её, если можете! Я еще не кончилъ и половины.

— Подождите минуточку изъ состраданія къ памяти мистера Мидуинтера и моей, сказалъ докторъ:—мы прослѣдили ваши впечатлѣнія наяву, открытую мѣстность, прудъ и закатъ солнца; но тѣнь женщины еще не объяснена. Можете вы найти намъ оригиналъ этой таинственной фигуры въ ландшафтѣ вашего сна?

Аллэнъ пришолъ въ прежнее недоумѣніе, а Мидуинтеръ ждалъ, что будетъ, не спуская глазъ съ лица доктора. Въ первый разъ въ комнатѣ водворилось непрерывное молчаніе. Гаубѣри вопросительно смотрѣлъ то на Аллэна, то на его друга: никто изъ нихъ не отвѣчалъ ему. Между тѣмъ и ея оригиналомъ была огромная бездна таинственности, непроницаемая для всѣхъ троицъ.

— Терпѣніе, сказалъ спокойно докторъ. — Оставимъ фигуру пруда пока и попытаемся, не можемъ ли мы подхватить её опять по мѣрѣ того, какъ мы будемъ продолжать. Позвольте мнѣ замѣтить, мистеръ Мидуинтеръ, что въ тѣни узнать личность не легко, но мы отчаяваться не будемъ. Эта неосязаемая дама озера можетъ быть воплотится, когда мы опять встрѣтимся съ нею.

Мидуинтеръ не отвѣчалъ. Съ этой минуты интересъ его къ изслѣдованію началъ ослабѣвать.

— Какая слѣдующая сцена въ сновидѣніи? продолжалъ Гаубѣри, принимаясь за рукопись.—Мистеръ Армэдэль очутился въ каюнатѣ: онъ стоитъ передъ большимъ окномъ, открывающимся на лугъ и цвѣтникъ и дождь бѣетъ въ стѣкла. Онъ видитъ въ комнатѣ только одинъ предметъ: небольшую статую, и единственный собесѣдникъ его—тѣнь мужчины, стоящая напротивъ него. Тѣнь протягиваетъ руки и статуя падаетъ на полъ и разбивается въ дребезги, а мистеръ Армэдэль, въ гнѣвѣ и въ огорченіи отъ этой катастрофы (замѣйте, господа, здѣсь мыслительныя способности спящаго нѣсколько пробуждаются и сновидѣніе рационально переходитъ на минуту, отъ причины къ дѣйствию) наклоняется и смотритъ на разбитые куски. Когда онъ поднялъ опять голову—сцена исчезла, то-есть, въ отливѣ и приливѣ сна на-

стала очередь прилива и мозгъ нѣсколько успокоился. Что съ вами, мистеръ Армэдэль? развѣ ваша непокорная память опять возвратилась къ вамъ?

— Да, отвѣчалъ Аллэнъ:—эта разбитая статуя ничто иное какъ фарфоровая пастушка, которую я уронилъ съ кампа въ гостинициѣ, когда я звонилъ въ колокольчикъ, чтобы подавали ужинать. Какъ хорошо у насъ идѣтъ — не правда ли? Это всёравно, что отгадывать загадку. Теперь ваша очередь, Мидуинтеръ.

— Нѣтъ, возразилъ докторъ:—теперь моя очередь. Я предъявляю притязанія на окно, цвѣтникъ и лугъ какъ на мою собственность. Вы найдёте длинное окно, мистеръ Армэдэль, въ смежной комнатѣ. Если вы посмотрите въ окно, вы увидите цвѣтникъ и лугъ; а если сдѣлаете усиліе надъ вашей чудной памятью, вы припомните, что вы обратили особенное вниманіе на моё красивое французское окно и мой хорошенькій цвѣтникъ, когда я вѣзъ васъ и вашего друга въ Портъ Сент-Мэри вчера.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ Аллэнъ.—Но какъ же дождь, который я видѣлъ во снѣ? На прошлой недѣли не было ни капли дожда.

Гаубѣри колебался. Газета, оставшаяся на столѣ, попала въ ему на глаза.

— Если мы не вспомнимъ ни о чомъ другомъ, сказалъ онъ:—посмотримъ, не можемъ ли мы найти дождь тамъ, гдѣ мы нашли прудъ.

Онъ внимательно пересмотрѣлъ выписки.

— Нашоль! воскликнулъ онъ.—Тутъ описывается дождь, упавшій на страдавшихъ каждою австралійскихъ путешественниковъ и оставшійся въ вашемъ воспоминаніи, когда вы читали вчера вашему другу эти выписки. Видите, мистеръ Мидуинтеръ, въ этомъ сновидѣніи смѣшались, по обыкновенію, отдѣльныя впечатлѣнія, случавшіяся на яву!

— А вы можете отыскать на яву впечатлѣнія, которыя объяснили бы человѣческую фигуру у окна? спросилъ Мидуинтеръ:—или мы должны пропустить Тѣнь Мужчины, какъ мы уже пропустили Тѣнь Женщины?

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ съ вѣливостью въ обращеніи, но

съ тономъ сарказма въ голосѣ, поразившемъ слухъ доктора и въ одно мгновеніе взбудоражившимъ въ нёмъ духъ противорѣчія.

— Когда вы подбираете раковины на берегу, мистеръ Мидуинтеръ, вы обыкновенно начинаете съ раковинъ, лежащихъ ближе къ вамъ, возразилъ онъ. — Мы теперь подбираемъ факты и берёмъ прежде тѣ, которые полегче. Пусть Тѣнь Мужчины и Тѣнь Женщины стануть рядомъ — мы не потеряемъ ихъ изъ вида — общаю вамъ. Всѣ въ своё время, любезный сэръ, всё въ своё время.

Онъ тоже говорилъ вѣжливо, но саркастически. Краткое перемиріе между оппонентами уже кончилось. Мидуинтеръ значительно воротился на своё мѣсто, къ окну. Докторъ тотчасъ повернулся спиною къ окну еще значительнѣе. Аллэнъ, никогда не оспаривавшій ничьего мнѣнія и не заглядывавшій ниже поверхности чужихъ поступковъ, весело барабанилъ по столу ручкою ножа.

— Продолжайте, докторъ, сказалъ онъ. — Моя чудная память свѣжѣе прежняго.

— Точно? сказалъ Гаубёри, опять возвращаясь къ рукописи. — Вы помните, что случилось, когда мы съ вами разговаривали съ хозяйкой у буфета вчера вечеромъ?

— Разумѣется! Вы подали мнѣ рюмку съ грогомъ, которую трактирщица только-что налила для васъ, а я былъ принуждёнъ отказать, потому-что, какъ я вамъ сказалъ, вкусъ водки всегда производитъ во мнѣ тошноту и слабость, съ чѣмъ ни была бы она смѣшана.

— Точно такъ, возразилъ докторъ. — И это самое обстоятельство воспроизведено во снѣ. Вы видите тѣнь мужчины и тѣнь женщины вмѣстѣ на этотъ разъ. Вы слышите какъ льётся жидкость (водка изъ трактирной бутылки и вода изъ трактирной кружки); рюмку подаётъ женская тѣнь (трактирщица) мужской тѣни (мнѣ), мужская тѣнь подаётъ рюмку вамъ (точь-въ-точь какъ я); а слабость (которую вы мнѣ описали) послѣдовала за этимъ надлежащимъ образомъ. Мнѣ неприятно сравнивать эти талиственныя видѣнія, мистеръ Мидуинтеръ, съ такими жалкими не романическими оригиналами, какъ женщина, которая содержитъ гостиницу, и мужчина, который кормитъ лекарствами провинці-

альный округ; но самъ другъ вашъ скажетъ вамъ, что рюмка съ громомъ была приготовлена трактирщицей, и перешла къ нему черезъ мои руки. Мы объяснили тѣни совершенно такъ, какъ я предполагалъ, и намъ остаётся только теперь объяснить—а это можно сдѣлать въ двухъ словахъ—какимъ образомъ онѣ явились во снѣ. Воображеніе спящаго, послѣ тщетныхъ попытокъ отдѣльно воспроизвести тѣ впечатлѣнія о докторѣ и трактирщицѣ, которыя наяву являлись вмѣстѣ, попало на настоящій путь и воспроизвело доктора и трактирщицу, какъ и слѣдовало, вмѣстѣ. Вотъ вамъ и всё! Позвольте мнѣ возвратитъ вамъ рукопись съ благодарностью за ваше полное и поразительное подтвержденіе рациональной теоріи о сновидѣніяхъ.

Сказавъ эти слова Гаубѣри возвратилъ рукопись Мидуинтеру съ безжалостной вѣжливостью побѣдителя.

— Удивительно: ни одного пункта не пропущено съ начала до конца! Клянусь Юпитеромъ! вскричалъ Аллэнъ съ благоговѣніемъ невѣдѣнія: — какая вещь — наука!

— Ни одного пункта не пропущено, какъ сказали вы, самодовольно замѣтилъ докторъ: — а между тѣмъ я сомнѣваюсь, удалось ли намъ убѣдить вашего друга.

— Вы не убѣдили меня, сказалъ Мидуинтеръ: — но я всё-таки не беру на себя увѣрять, что вы ошибаетесь.

Онъ говорилъ спокойно, почти грустно. Страшное убѣжденіе въ сверхъестественной причинѣ сновидѣнія, убѣжденіе, отъ котораго онъ старался освободиться, опять овладѣло имъ. Весь его интересъ къ аргументамъ истощился; вся его чувствительность къ раздражительному вліянію этихъ аргументовъ прошла. Если бы дѣло шло о другомъ человѣкѣ, Гаубѣри смягчила бы такая уступка, какую теперь его противникъ дѣлалъ ему, но онъ такъ искренно ненавидѣлъ Мидуинтера, что не могъ оставить его спокойно пользоваться своимъ собственнымъ мнѣніемъ.

— Вы соглашаетесь, спросилъ докторъ, еще задорливѣе прежняго: — что я прослѣдилъ каждое событіе въ сновидѣніи до соотвѣтствующаго ему впечатлѣнія наяву на воображеніе мистера Армэделя?

— Я не имѣю желанія отрицать, что вы это сдѣлали, покорно сказалъ Мидуинтеръ.

— Я сличилъ Тѣни съ ихъ живыми оригиналами?

— Вы сличили ихъ къ полному удовлетворенію моего друга и собственному вашему, но не моему.

— Не къ вашему? А *вы* можете сличить ихъ?

— Нѣтъ; я могу только ждать, пока живые оригиналы обнаружатся въ будущемъ.

— Вы говорите какъ оракулъ, мистеръ Мидуинтеръ! А теперь вы имѣете какое-нибудь понятіе о томъ, кто эти живые оригиналы?

— Имѣю. Я думаю, что наступающія событія обнаружатъ, что оригиналомъ Тѣни Женщины будетъ одна особа, съ которой другъ мой еще не встрѣчался, а оригиналомъ Тѣни Мужчины буду я самъ.

Аллэнъ хотѣлъ что-то сказать; докторъ остановилъ его.

— Поймёмъ другъ друга яснѣе, сказалъ онъ Мидуинтеру. — Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о васъ самихъ и позвольте мнѣ спросить: какимъ образомъ оригиналъ Тѣни, не имѣющей никакихъ отличительныхъ признаковъ, можно отыскать въ живой женщинѣ, которую вашъ другъ еще не знаетъ?

Румянецъ выступилъ на лицѣ Мидуинтера. Онъ начиналъ чувствовать, что логика доктора поражала его безпощадно.

— Ландшафтъ въ сновидѣніи имѣеть отличительные признаки, отвѣчалъ онъ: — и въ этомъ ландшафтѣ, живая женщина явится когда её увидятъ въ первый разъ.

— То же самое случится, я полагаю, продолжалъ докторъ: — съ мужской тѣпью, въ которой вы настойчиво видите самого себя. Въ будущемъ вы будете соединены съ статуей, разбитой въ присутствіи вашего друга, съ длиннымъ окномъ, выходящимъ въ садъ, и съ проливнымъ дождёмъ, который будетъ бить въ стѣкла. Вы говорите это?

— Говорю.

— Такимъ образомъ, я полагаю, объясните вы и слѣдующее видѣніе? Вы и таинственная женщина будете стоять вдвоёмъ въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ мѣстѣ и подадите мистеру

Армэдэлю какую-то жидкость, тоже еще неизвѣстную, отъ которой ему сдѣлается дурно? Вы серьезно мнѣ скажете, что вы вѣрите этому?

— Я серьезно вамъ говорю, что я этому вѣрю.

— И, по вашему мнѣнію, когда это сновидѣніе сбудется наяву, то счастье или жизнь мистера Армэдэля подвергнется опасности.

— Я въ этомъ твѣрдо убѣждёнъ.

Докторъ всталъ, отложилъ въ сторону свой нравственный скальпель, подумалъ съ минуту и опять его взялъ.

— Одинъ, послѣдній вопросъ, сказалъ онъ: — имѣете вы какия-нибудь причины, чтобъ объяснить, почему вы принимаете такой мистическій взглядъ, когда передъ вами лежитъ неопровержимо раціональное объясненіе сновидѣнія.

— Никакихъ причинъ, отвѣчалъ Мидуинтеръ:—которыя я могъ бы объяснить вамъ или вашему другу.

Докторъ посмотрѣлъ на свои часы съ видомъ чловѣка, который вдругъ вспомнилъ, что онъ понапрасну теряетъ время.

— У насъ различныя взгляды, сказалъ онъ: — и если мы будемъ говорить до преставленія свѣта, мы всё-таки не согласимся между собой. Извините меня, если я оставлю васъ. Гораздо позже, нежели я думалъ; и мои утренніе больные меня ждутъ въ аптекѣ. Я убѣдилъ васъ, мистеръ Армэдэль, такъ что время, которое я убилъ на это разсужденіе, еще не совсѣмъ потеряно. Пожалуйста оставайтесь здѣсь и курите сигары, а я менѣе чѣмъ черезъ часъ буду къ вашимъ услугамъ.

Онъ дружески кивнулъ Аллэну, церемонно поклонился Мидуинтеру и вышелъ изъ комнаты. Тотчасъ, по уходѣ доктора, онъ всталъ съ своего мѣста и обратился къ своему другу съ той непреодолимой задушевностью въ обращеніи, которая всегда находила путь къ сочувствію Мидуинтера, съ самого перваго дня, когда они встрѣтились въ сомерсетширской гостинницѣ.

— Теперь, когда состязаніе между вами и докторомъ кончилось, сказалъ Аллэнь:—я, съ своей стороны, скажу два слова: сдѣлаете ли вы для меня то, что не хотите сдѣлать для себя?

Лицо Мидуинтера внезапно просвѣтлѣло.

— Я сдѣлаю всё, о чомъ вы меня попросите, сказалъ онъ.

— Очень хорошо. Согласны вы съ этой минуты никогда не упоминать въ нашемъ разговорѣ объ этомъ снѣ?

— Хорошо, если вы этого желаете.

— Сдѣлаете ли вы еще болѣе: согласитесь ли перестать думать объ этомъ снѣ?

— Это будетъ трудно, Аллэнъ, но я постараюсь.

— Вотъ это хорошо! Теперь дайте мнѣ этотъ лоскутокъ бумаги и разорвѣмъ его.

Онъ хотѣлъ вырвать рукопись изъ рукъ своего друга, но Мидуинтеръ былъ проворнѣе его и отдѣрнулъ руку.

— Дайте! дайте! упрасивалъ Аллэнъ: — я непремѣнно хочу раскурить свою сигару этой бумагой.

Мидуинтеръ мучительно колебался; тяжело было сопротивляться Аллэну, но онъ сопротивлялся.

— Я подожду, сказалъ онъ: — и пока еще не дамъ вамъ закурить вашу сигару этой бумагою.

— Сколько? до завтра?

— Дольше.

— Пока мы уѣдемъ съ острова Мэнъ?

— Дольше.

— Чортъ побери! дайте мнѣ простой отвѣтъ на простой вопросъ: сколько времени *хотите* вы ждать?

Мидуинтеръ заботливо положилъ бумагу въ свою записную книжку.

— Я подожду, пока мы приѣдемъ въ Торн-Эмбросъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

ПРЕДВѢЩАНІЕ ВѢДЫ.

1. *Отъ Озайаса Мидуинтера къ мистеру Брокку.**Торп-Эмбросъ.**Юня 15, 1851.*

«Любезный мистеръ Брокъ, только часъ тому назадъ пріѣхали мы сюда, когда слуги уже запирали домъ на ночь. Алленъ лёгъ въ постель, уставъ отъ продолжительнаго путешествія и оставилъ меня въ комнатѣ, называемой библіотекой, рассказать вамъ исторію нашего путешествія въ Норфолькъ. Привыкнувъ болѣе его въ усталостямъ всякаго рода, я могу, не смыкая глазъ отъ дремоты, написать письмо, хотя часы на каминѣ показываютъ полночь и мы ѣхали съ десяти часовъ утра.

«Послѣднія извѣстія о насъ вы получили отъ Аллена съ острова Мэна. Если я не ошибаюсь, онъ писалъ вамъ о той ночи, которую мы провели на разбитомъ кораблѣ. Простите, меня, любезный мистеръ Брокъ, если я ничего не скажу объ этомъ предметѣ, пока время не поможетъ мнѣ думать объ этомъ нѣсколько спокойнѣе. Я долженъ выдержать опять жестокую борьбу съ самимъ собою, но, съ помощью Божіей, я снова одержу побѣду, непременно одержу.

«Нѣтъ никакой необходимости надождать вамъ подробностями о нашемъ путешествіи по сѣвернымъ и западнымъ округамъ острова, или о небольшой поѣздкѣ по морю, которую мы предприняли, когда были окончены поправки на яхтѣ. Я лучше тотчасъ перейду къ вчерашнему утру—четырнадцатаго числа. Мы съ вечернимъ приливомъ вошли въ Дугласскую пристань, и какъ только почтовая контора была отперта, Алленъ, по моему совѣту, послалъ на берегъ за письмами. Посланный воротился только съ однимъ письмомъ отъ прежней владѣтельницы Торп-Эмброза—мистриссъ Блэнчардъ.

«Я думаю, васъ слѣдуетъ увѣдомить о содержаніи этого письма, потому-что оно имѣло серьезное вліяніе на планы Аллена. Онъ всё затеряетъ, рано или поздно, и уже потерялъ это письмо, стало-быть я долженъ сообщить вамъ сущность того, что писала ему миссъ Блэнчардъ, такъ ясно, какъ только я могу.

«Первая страница содержала въ себѣ извѣстіе объ отбѣздѣ этихъ дамъ изъ Торп-Эмброза. Онѣ уѣхали третьягодня, тринадцатаго числа, послѣ большой нерѣшимости, наконецъ рѣшились уѣхать за границу, къ какимъ-то старымъ друзьямъ поселившимся въ Итали, въ окрестностяхъ Флоренціи. Можетъ-быть мистриссъ Блэнчардъ съ племянницей также тамъ поселится, если найдутъ удобный для нихъ домъ. Онѣ обѣ любятъ и Италію и итальянцевъ и имѣютъ достаточное состояніе для того, чтобы исполнять всѣ свои прихоти. Старшая дама пользуется содержаніемъ, назначеннымъ ей по ея брачному контракту, а младшей досталось всё состояніе ея отца.

«Вторую страницу въ письмѣ, по мнѣнію Аллена, было весьма пріятно читать. Отозвавшись въ самыхъ признательныхъ выраженіяхъ о добротѣ, съ какою Алленъ позволилъ ей племянницѣ и ей самой оставаться въ ихъ прежнемъ домѣ сколько онѣ пожелаютъ, мистриссъ Блэнчардъ прибавляла, что вниманіе Аллена къ нимъ произвело такое благопріятное впечатлѣніе на ихъ друзей и прислугу, что онѣ желали сдѣлать ему публичный пріемъ по пріѣздѣ. Встрѣча фермеровъ въ помѣстьи, а главныхъ особъ въ городѣ, приготовлялась уже и надо было вскорѣ ожидать письма отъ пастора, который спроситъ мистера Армэ-

дэля, когда онъ намѣренъ вступить во владѣніе своимъ норфолькскимъ помѣстьемъ.

«Вы можете угадать теперь причину нашего внезапнаго отъѣзда съ острова Мана. Первой и преобладающей идеей въ головѣ вашего бывшего ученика, какъ только онъ прочелъ письмо мистриссъ Блэнчардъ, было желаніе избавиться отъ публичнаго пріема, и единственный способъ, по которому онъ могъ избѣгнуть этого, состоялъ въ томъ, чтобы отправиться въ Торп-Эмбросъ прежде чѣмъ онъ получитъ письмо пастора. Я старался заставить его подумать, прежде чѣмъ онъ рѣшится дѣйствовать по этому первому побужденію, но онъ началъ укладывать свой чемоданъ съ своей обыкновенной непобѣдимой веселостью. Въ десять минутъ онъ уложился, черезъ пять отдалъ приказаніе своему экипажу отправляться съ яхтою въ Сомерсетширъ. Ливерпульскій пароходъ стоялъ въ гавани и мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ отправляться вмѣстѣ съ Алленомъ, или отпустить его одного. Избавляю васъ отъ подробностей нашего бурнаго переѣзда, отъ задержки въ Ливерпулѣ, о томъ, какъ мы опоздали къ поѣзду. Вамъ извѣстно, что мы пріѣхали сюда благополучно—и этого довольно. Чтò думаютъ слуги о внезапномъ появленіи между ними новаго сквайра—дѣло не важное. Чтò подумаетъ комитетъ, устроивавшій публичный пріемъ, когда извѣстіе о пріѣздѣ Аллена разгласится завтра—вотъ это, я боюсь, нѣсколько поважнѣе.

«Упомянувъ о слугахъ, я могу кстати сообщить вамъ, что послѣдняя часть письма мистриссъ Блэнчардъ была посвящена собственно на то, чтобы сообщить Аллену о домашней прислугѣ, которую она оставляла въ замкѣ. Всѣ слуги (за исключеніемъ трѣхъ) ждали, не оставитъ ли ихъ Алленъ на ихъ прежнемъ мѣстѣ. Два исключенія объяснить легко: горничныя мистриссъ и миссъ Блэнчардъ ѣдутъ за границу, съ своими господами. Третье исключеніе представляетъ служанка, которой было отказано вдругъ за то, чтò мистриссъ Блэнчардъ таинственно называетъ «легкомысленнымъ поведеніемъ съ постороннимъ».

«Я боюсь, что вы будете смѣяться надо мною, но я долженъ сказать вамъ правду. Я сдѣлался такъ недовѣрчивъ—послѣ того,

что случилось съ нами на островѣ Мэнѣ- къ самымъ бездѣльнымъ неудачамъ, относящимся какимъ бы то ни было образомъ къ вступленію Аллена въ его новую жизнь, что я уже спрашивалъ одного изъ здѣшнихъ слугъ объ этой служанкѣ, которой было отказано. Я могъ узнать только, что какой-то незнакомецъ подозрительно шатался около дома, что служанка была такъ безобразна что нечего было сомнѣваться въ томъ, что онъ ухаживалъ за нею съ какимъ-нибудь скрытнымъ намѣреніемъ и что послѣ того, какъ ей отказали, его уже не видали въ окрестностяхъ. Я могу только надѣяться, что Аллену не угрожаютъ никакія непріятности съ этой стороны. Что касается до другихъ остающихся слугъ, то мистриссъ Блэнчардъ описываетъ ихъ, и мужчинъ и женщинъ, какъ вполне заслуживающихъ довѣріе и я не сомнѣваюсь, что они останутся на своихъ мѣстахъ.

«Покончивъ съ письмомъ мистриссъ Блэнчардъ, я считаю обязанностью просить васъ отъ имени Аллена пріѣхать къ нему при первой для васъ возможности оставить Сомерсетширъ. Хотя я не могу позволить себѣ думать, что мои желанія могутъ имѣть особенное вліяніе на ваше намѣреніе принять это приглашеніе, я тѣмъ не менѣе долженъ признаться, что имѣю особенныя причины съ нетерпѣніемъ желать видѣть васъ здѣсь. Алленъ безсознательно возбудилъ во мнѣ новое безпокойство относительно моихъ будущихъ сношеній съ нимъ, и мнѣ очень нуженъ вашъ совѣтъ, какъ уничтожить это безпокойство.

«Затрудненіе, приводящее меня въ недоумѣніе, относится къ должности торп-эмбросскаго управителя. До сегодняшняго дня я зналъ только, что Алленъ составилъ какой-то планъ касательно этого и, между прочимъ, принялъ странное намѣреніе отдать въ наймы тотъ коттеджъ, въ которомъ жилъ старый управитель. Вслѣдствіе того, что новый управитель долженъ жить въ его домѣ, одно слово, случайно вырвавшееся въ разговорѣ во время нашего путешествія сюда, заставило Аллена яснѣе выразиться, чѣмъ онъ выражался до-тѣхъ-поръ, и я слышалъ, къ моему невыразимому удивленію, что мѣсто новаго управителя назначалось мнѣ!

«Безполезно говорить вамъ, какъ я чувствую этотъ новый при-

мѣръ доброты Аллена. Первое удовольствіе, когда я услыхалъ отъ него, что я заслужилъ самое сильное доказательство его довѣрія ко мнѣ, скоро помрачилось огорченіемъ, которое примѣшивается ко всякому удовольствію—по-крайней-мѣрѣ къ такому, которое до-сихъ-поръ было извѣстно мнѣ. Никогда моя прошлая жизнь не казалась мнѣ такимъ унылымъ воспоминаніемъ, какъ она кажется мнѣ теперь, когда я чувствую, какъ я неспособенъ занять мѣсто, которое, предпочтительно, передъ всѣмъ другимъ на свѣтѣ, хотѣлось бы мнѣ занимать въ службѣ моего друга. Я собрался съ мужествомъ и сказалъ ему, что я не имѣю никакихъ познаній и никакой опытности, какія слѣдуетъ имѣть управителю. Онъ великодушно возразилъ мнѣ, что я могу научиться, и обѣщалъ послать въ Лондонъ за тѣмъ, кто пока занималъ мѣсто управителя и, слѣдовательно, могъ научить меня. Какъ вы думаете, могу я научиться? Если вы это думаете, я буду трудиться день и ночь; но если—какъ я боюсь—обязанности управителя такъ серьёзны, что имъ не можетъ вдругъ научиться такой неопытный и молодой человѣкъ, какъ я, тогда пожалуйста посиѣдите прійхать въ Торп-Эмбросъ и употребите ваше личное вліяніе надъ Алленомъ. Ничто другое не заставитъ его помимо меня взять управителя, который будетъ годиться для этого мѣста. Пожалуйста, пожалуйста, дѣйствуйте въ этомъ какъ вы сочтёте лучшимъ для пользы Аллена. Какъ ни былъ бы я огорченъ, онъ этого не увидитъ.

«Остаюсь, любезный мистеръ Брокъ, искренно вамъ признательный

«Озайязъ Мидуинтеръ.»

P. S. Опять распечатаваю письмо, чтобы прибавить еще нѣсколько словъ. Если вы видѣли, по возвращеніи въ Сомерсетширъ, женщину въ черномъ платьѣ и красной шали, или слышали о ней, я надѣюсь вы не забудете сообщить мнѣ объ этомъ.—

«О-М.»

2. ОТЪ МИСТРИССЪ ОЛЬДЕРШО КЪ МИССЪ ГУИЛЬДЪ.

*Дамскій Косметическій магазинъ.**Улица Діана, Пимлико. Середа.*

«Любезная Лидія, чтобы не пропустить почты, я пишу къ вамъ послѣ утомительнаго дня за моимъ дѣломъ, на простой бумагѣ, тотъ какъ я узнала новыя извѣстія послѣ нашей послѣдней встрѣчи, которыя считаю нужнымъ сообщить вамъ какъ можно скорѣе.

«Начну сначала. Старательно обдумавъ это дѣло, я совершенно убѣдилась, что вы сдѣлаете благоразумно, если ничего не скажете молодому Армэдэю о Мадерѣ и обо всѣмъ, что случилось тамъ. Вы, конечно, занимали очень важное положеніе относительно его матери; вы тайно помогали ей обмануть ея роднаго отца — васъ отослали самымъ неблагодарнымъ образомъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, какъ только вы помогли ей достигнуть ея цѣли—а когда вы вдругъ явились къ ней послѣ двадцатилѣтней разлуки, вы нашли её въ разстроенномъ здоровьи съ взрослымъ сыномъ, котораго она держала въ совершенномъ невѣдѣніи на счетъ исторіи ея замужства. Имѣете ли вы такія преимущества съ молодымъ джентльманомъ пережившимъ её? Если онъ не идиотъ, онъ не захочетъ вѣрить вашимъ обвиненіямъ, оскорбительнымъ для памяти его матери; и такъ-какъ у васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ послѣ такого продолжительнаго времени, чтобы убѣдить его, вамъ не удастся выкопать денегъ изъ золотыхъ армэдэльскихъ рудъ. Замѣьте! я не оспариваю, что тяжолый долгъ признательности мистриссъ Армэдэль послѣ того, что вы сдѣлали для нея на Мадерѣ, еще не заплаченъ и что сынъ ея долженъ расплатиться съ вами, такъ какъ его мать ускользнула отъ васъ. Только приступите къ нему надлежащимъ образомъ, моя милая—вотъ, что я осмѣлюсь вамъ посоветовать—приступите къ нему надлежащимъ образомъ.

«Но какъ это сдѣлать? Это приводитъ меня къ моимъ новостямъ. Думали ли вы опять о вашемъ намѣреніи попробовать надъ этимъ счастливымъ молодымъ джентльманомъ вашу красоту

и ваше находчивое остроуміе? Эта мысль такъ неотступно преслѣдовала меня послѣ вашего отъѣзда, что я наконецъ послала записку моему нотаріусу съ порученіемъ посмотрѣть завѣщаніе, по которому молодой Армэдэль получилъ своё состояніе. Результатъ оказался гораздо ободрительнѣе, чѣмъ мы съ вами надѣялись. Послѣ того, что сообщили мнѣ нотаріусъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что вамъ слѣдуетъ сдѣлать. Въ двухъ словахъ, Лидія: схватите быка за рога и выходите за него замужъ!!!

«Я говорю совершенно серьёзно. Только убѣдите его сдѣлать васъ мистриссъ Армэдэль, а потомъ пусть его узнаётъ всё. Пока онъ живъ, вы можете сдѣлать съ нимъ такой уговоръ, какой хотите, а если онъ умрётъ, завѣщаніе даётъ вамъ право, вопреки его волѣ—съ дѣтьми или безъ дѣтей—получать доходъ съ его помѣстья *тысячу-двѣсти фунтовъ въ годъ пожизненно*. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: самъ нотаріусъ видѣлъ завѣщаніе. Разумѣется, когда мистеръ Блэнчардъ писалъ это завѣщаніе, онъ имѣлъ въ виду своего сына и его вдову: но такъ-какъ наслѣдникъ не поименованъ, то это относится теперь и къ молодому Армэдэлю, какъ при другихъ обстоятельствахъ относилось бы къ сыну мистера Блэнчарда. Какая возможность для васъ, послѣ всѣхъ бѣдствій и опасностей, претерпѣнныхъ вами, сдѣлаться владѣтельницей Торп-Эмброза, пока онъ живъ, и имѣть пожизненный доходъ, если онъ умрётъ! Подцѣпите его, моя бѣдная милочка, подцѣпите его во что бы то ни стало!»

«Навѣрно вы сдѣлаете то же самое возраженіе, когда будете это читать, которое сдѣлали, когда мы говорили объ этомъ намедни, то-есть о вашихъ лѣтахъ. Выслушайте меня. Вопросъ состоитъ не въ томъ, что вамъ минуло тридцать-пять лѣтъ—признаемся въ этой неспріятной истинѣ—но въ томъ, показываетъ ли ваша наружность ваши настоящія лѣта. Моё мнѣніе въ этомъ отношеніи должно быть самымъ лучшимъ въ Лондонѣ. Я пользуюсь двадцатилѣтнею опытностью между нашимъ прелестнымъ поломъ, подновляя истёртыя старыя лица, и положительно скажу, что вы не кажетесь ни однимъ днёмъ старѣе тридцати, если еще не моложе. Если вы послѣдуете моему совѣту и секретно

употребите два секретныя средства, я ручаюсь, что вы будете казаться еще тремя годами моложе. Я готова прозакладывать всѣ деньги, какими я буду помогать вамъ въ этомъ дѣлѣ, если когда я перемелю васъ сызнова въ моей чудной мельницѣ, вы будете казаться не старѣе чѣмъ двадцати-семи лѣтъ какому бы то ни было мушкетеру на свѣтѣ, кромѣ, разумѣется, когда вы просыпаетесь въ безпокойствѣ утромъ, и тогда, душа моя, вы будете старообразны и безобразны въ вашей уединенной спальнѣ, а это не значить ничего.

«Но вы можете сказать: «при всѣмъ томъ я шестнадцатую годами старѣе его и это будетъ противъ меня съ самаго начала». Такъ ли? Подумайте опять. Конечно, ваша собственная опытность могла показать вамъ, что самая обыкновенная изъ всѣхъ обыкновенныхъ слабостей въ молодыхъ людяхъ въ возрастѣ этого Армэделя—слабость влюбляться въ женщинъ старѣе ихъ. Какіе мушкетеры цѣнятъ насъ въ цвѣтѣ нашей молодости (я имѣю основательныя причины говорить о цвѣтущей молодости: я получила сегодня пятьдесятъ гиней, сдѣлавъ молодую женщину, которая по лѣтамъ годится вамъ въ матери), какіе мушкетеры, говорю я, готовы обожать семнадцатилѣтнихъ малютокъ? Веселые, юные джентльмены? Нѣтъ! лукавые, старые негодяи, перешедшіе за сорокалѣтній возрастъ.

«Какая же тутъ мораль, какъ говорится въ сказкахъ? Мораль состоитъ въ томъ, что всѣ возможности на успѣхъ съ такою головой, какъ ваша, въ вашу пользу. Если вамъ тяжело, какъ мнѣ кажется, ваше одинокое положеніе, если вы знаете какую очаровательной женщиной (въ глазахъ мушкетера) вы еще можете быть, когда захотите; если вся ваша прежняя рѣшимость вернулась къ вамъ послѣ того припадка отчаянія на пароходѣ, признаюсь (довольно естественнаго, при страшныхъ непріятностяхъ, которымъ вы подвергались), мнѣ не нужно будетъ васъ уговаривать, чтобы сдѣлать эту попытку. Только подумайте, какой переворотъ! Еслибы тотъ молокососъ не бросился въ рѣку за вами, *этотъ* молокососъ не получилъ бы имѣнія. Точно будто сама судьба опредѣлила, чтобы вы были мистриссъ Армэдель

торп-эмбросская — а кто может совладать съ своей судьбой, какъ говорить поэтъ?

«Напишите мнѣ Да или Нѣтъ, и вѣрьте привязанности вашего стараго друга

МАРИИ ОЛЬДЕРШО.

3. Отъ миссъ Гуильтъ къ мистриссъ Ольдершо.

Риммондъ, четвергъ.

«Негодная старуха! я не скажу ни Да, ни Нѣтъ пока не посмотрюсь хорошенько въ зеркало. Еслибы вы истинно заботились о комъ-нибудь, кромѣ вашей собственной негодной и старой персоны, вы знали бы, что отъ одной мысли опять выйти замужъ—послѣ того, что я перенесла—меня морозъ подираетъ по кожѣ.

«Но вы можете сообщить мнѣ нѣсколько болѣе подробныхъ свѣдѣній, пока я обдумываю рѣшиться мнѣ или нѣтъ. У васъ осталось моихъ денегъ двадцать фунтовъ отъ проданныхъ вами моихъ вещей; пришлите мнѣ десять фунтовъ на издержки, а другіе десять употребите на секретные разспросы въ Торп-Эмбросъ. Я хочу знать, когда уѣдутъ Блэнчарды и пріѣдетъ молодой Армедэль. Увѣрены ли вы, что съ нимъ такъ легко будетъ справиться, какъ вы думаете? Если онъ похожъ на свою лицемерную матушку, я скажу вамъ, что Иуда Искариотъ воскресъ.

«Мнѣ очень удобно въ этой квартирѣ. Въ саду прекрасные цвѣты, а по утрамъ птицы будятъ меня восхитительнымъ пѣніемъ. Я взяла на-прокатъ порядочное фортепяно. Единственный человекъ, которымъ я хоть сколько-нибудь дорожу—не пугайтесь, онъ давно уже лежитъ въ могилѣ, подъ именемъ Бетговена—служить мнѣ собесѣдникомъ въ уединенные часы. И хозяйка тоже бесѣдуетъ со мною, если я позволяю ей. Я ненавижу женщинъ. Новый пасторъ сдѣлалъ визитъ вчера другому вильцу и прошолъ мимо меня по лугу. Глаза мои еще ничего

не потеряли, по-крайней-мѣрѣ, хотя мнѣ минуло тридцать-пять лѣтъ; бѣдняжка просто покраснѣла, когда я взглянула на него. Какъ вы думаете, какой цвѣтъ приняло бы его лицо, еслибы одна изъ птичекъ въ саду шепнула ему на ухо истинную исторію очаровательной миссъ Гуильтъ?

«Прощайте, матушка Ольдершѡ. Я сомнѣваюсь, могу ли я быть преданной вамъ или кому бы то ни было, но мы всѣ пишемъ ложь въ концѣ нашихъ писемъ—не правда ли? Если вы любящій меня старый другъ, я, разумѣется, преданная вамъ

«Лидія Гуильтъ.»

«P. S. Сохраните ваши противныя притиранья для вашихъ веснушчатыхъ покушницъ, а до моей кожи не коснѣтся ни одно изъ нихъ—обѣщаю вамъ. Если вы дѣйствительно желаете быть полезной, постарайтесь отыскать успокоительное питьѣ, которое помѣшало бы мнѣ сбрежетать зубами во снѣ. Я скоро переломая ихъ и тогда что станется съ моею красотою, желала бы я знать?»

4. ОТЪ МИСТРИССЪ ОЛЬДЕРШѡ, КЪ МИССЪ ГУИЛЬТЪ.

Дамскій косметическій магазинъ, вторникъ.

«Любезная Лидія, какъ жаль, что ваше письмо адресовано не къ мистеру Армэдалю! ваша граціозная смѣлость очаровала бы его. Меся она не растрогала: я, знаете, уже привыкла къ ней. Задѣвъ вы тратите ваше блестящее остроуміе, душа моя, на вашу непроницаемую Ольдершѡ? оно только выдыхается и портится. Постарайтесь быть серьезнѣе на этотъ разъ, я имѣю для васъ извѣстія изъ Торп-Эмброза, съ которыми шутить нельзя.

«Черезъ часъ послѣ того, какъ я получила ваше письмо, я принялась разузнавать. Не зная къ какимъ послѣдствіямъ это можетъ повести; я думала, что безопаснѣе будетъ начать сек-

ретно. Въмѣсто того, чтобы употребить тѣхъ людей, которые находятся въ моёмъ распоряженіи (которые знаютъ васъ и меня), я отправилась въ контору Частныхъ Справокъ на Шедисайдской Площади и передала это дѣло въ руки инспектора, какъ совершенно посторонняя и не упоминая вовсе о васъ. Признаюсь, это былъ не деповый способъ начинать дѣло, но это самый надёжный, что всего важнѣе.

«Мы съ инспекторомъ поняли другъ друга въ десять минутъ, и самый пригодный человѣкъ для этой дѣли — по наружности преневиный молодой человѣкъ — немедленно былъ призванъ. Онъ поѣхалъ въ Торп-Эмбросъ черезъ часъ послѣ того, какъ я видѣла его. Я условилась, что приду въ контору въ субботу, въ понедѣльникъ и сегодня за извѣстіями. До сегодняшняго дня извѣстій не было — но сегодня я нашла нашего агента, только что воротившагося въ Лондонъ и приготовившагося сообщить мнѣ подробный рассказъ о своей поѣздкѣ въ Норфолькъ.

«Прежде всего позвольте мнѣ успокоить васъ насчетъ вашихъ двухъ вопросовъ; я имѣю отвѣты на тотъ и на другой. Блэнчарды уѣзжаютъ за границу тринадцатаго числа, а Армэдэль теперь крейсируетъ гдѣ-то съ яхтой. Въ Торп-Эмбросѣ поговариваютъ сдѣлать ему публичный пріёмъ и созвать митингъ изъ мѣстныхъ знаменчностей для устройства этого. Рѣчи и хлопоты въ этихъ случаяхъ обыкновенно берутъ много времени и думаютъ, что публичный пріёмъ встрѣтитъ новаго сквайра не прежде, какъ въ концѣ этого мѣсяца.

«Еслибы вашъ посланный сдѣлалъ для насъ только это, я думаю, что онъ всё-таки заработалъ бы свои деньги. Но невинный молодой человѣкъ настоящій іезуитъ съ тѣмъ великимъ преимуществомъ передъ всѣми папистами, видѣнными мною, что на лицѣ его не написана хитрость. Собравъ эти свѣдѣнія отъ служанокъ, онъ обратился съ удивительной находчивостью къ самой безобразной женщинѣ во всѣмъ домѣ.

«— Когда онѣ хороши собой и могутъ выбирать, объяснилъ онъ мнѣ: «онѣ теряютъ много драгоценнаго времени, выбирая возлюбленнаго. Когда онѣ безобразны и не имѣютъ возможности выбирать, онѣ кидаются на обожателя, если онъ имъ попадѣтся,

какъ голодная собака на кость». Дѣйствуя по этимъ превосходнымъ правиламъ, нашъ агентъ успѣлъ, послѣ неизбежнаго замедленія, обратиться къ главной служанкѣ въ Торп-Эмброзъ и овладѣлъ ея полнымъ довѣріемъ при первомъ свиданіи. Старательно придерживаясь данныхъ ему инструкцій, онъ поощрялъ женщину къ болтовнѣ и, разумѣется, выслушалъ всѣ сплетни изъ людской. Большая часть, повторенная мнѣ, не имѣла никакой важности; но, слушая терпѣливо, я была наконецъ вознаграждена драгоценнымъ открытіемъ. Вотъ оно:

«Въ Торп-Эмброзскомъ Паркѣ есть коттеджъ. По какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ молодой Армэдэль захотѣлъ отдать его въ наймы и уже нашолся жилецъ, бѣдный отставной маіоръ на половинномъ жалованьи, по имени Мильрой, человѣкъ кроткій, по рассказамъ, пристрастный къ механическимъ занятіямъ, имѣющій домашнюю непріятность въ видѣ больной жены, которую не видалъ никто. Ну что жъ изъ этого? спросите вы съ тѣмъ порывистымъ нетерпѣніемъ, которое такъ къ вамъ идѣтъ. Милая Лидія, не порывайтесь! Семейныя дѣла этого человѣка серьезно касаются насъ обѣихъ — потому-что, къ несчастью, у этого человѣка есть дочь!

«Вы можете вообразить, какъ я разспрашивала нашего агента и какъ нашъ агентъ рылся въ своей памяти, когда я наткнулась на это открытіе. Какъ не восхвалить женскіе болтливые языки! Отъ миссъ Блэнчардъ до ея горничной, отъ горничной миссъ Блэнчардъ до горничной ея тѣтки, отъ горничной тѣтки миссъ Блэнчардъ до безобразной служанки, отъ безобразной служанки до молодого человѣка съ невинной наружностью источникъ болтовни влился наконецъ въ настоящій резервуаръ и страдавшая жаждою мистриссъ Олдершотъ напилась изъ него. Сказать по просту, моя милая, вотъ въ какомъ положеніи дѣло. Дочь маіора шестнадцатилѣтняя дѣвочка, живая и хорошенькая (негодная дѣвчонка!) дурно одѣвается (слава Богу!) и не отличается манерами (опять слава Богу! Она была воспитана дома. Гувернантка, воспитывавшая её, отошла передъ отъѣздомъ ихъ отца въ Торп-Эмброзъ. Воспитаніе ея требуетъ окончанія и маіоръ не знаетъ, что ему дѣлать. Никто изъ его друзей не можетъ рекомендовать ему новую гу-

вернантку, а ему хочется отдать дочь въ школу. На томъ дѣло и остаётся пока, по собственнымъ словамъ маіора, какъ онъ объяснилъ во время утренняго визита, который отецъ и дочь сдѣлали дамамъ въ замкѣ.

«Вы получили мои обѣщанныя новости и, я думаю, безъ труда согласитесь со мною, что армэдэльское дѣло должно быть рѣшено сейчасъ, такимъ или другимъ образомъ. Если, при вашей безнадежной будущности и при вашихъ фамильныхъ правахъ на этого молодого человѣка, вы рѣшитесь отказаться отъ него, я буду имѣть удовольствіе прислать къ вамъ ваши деньги (двадцать-семь шиллинговъ) оставшіяся, и посвящу себя совершенно моимъ собственнымъ дѣламъ. Если, напротивъ, вы рѣшитесь попробовать счастья въ Торпъ-Эмбросѣ, тогда (нечего сомнѣваться, что маіорская дѣвчонка будетъ завлекать молодого сквайра), я буду рада слышать, какъ вы намѣрены побѣдить двойное затрудненіе воспламенить мистера Армэделя и затмить миссъ Мильрой.

Любящая васъ

«МАРІЯ ОЛЬДЕРШО.»

5. *Отъ миссъ Гуилтъ къ мистриссъ Ольдершо. (Первый отвѣтъ.)*

Ричмондъ, среда, утро.

«Мистриссъ Ольдершѣ, пришлите мнѣ двадцать-семь шиллинговъ и займитесь вашими собственными дѣлами.

Ваша

«Л. Г.»

6. *Отъ миссъ Гуилтъ къ мистриссъ Олдершѡ. (Второй отвѣтъ).*

Риммондъ, среда, вечеръ.

«Душа моя, оставьте у себѣ двадцать-семь шиллинговъ и сожгите моё первое письмо. Я передумала.

«Я написала первый разъ послѣ ужасной ночи, теперь я пишу послѣ прогулки верхомъ, стакана бордоскаго и крылышка цыплѣнка. Достаточно этого объясненія? Пожалуйста скажите: Да—потому-что мнѣ хочется воротиться къ своему фортепяно.

«Нѣтъ, я не могу еще воротиться, я прежде должна отвѣчать на вашъ вопросъ. Но не-уже-ли вы имѣете глупость предполагать, что я не вижу насквозь васъ и вашего писѣма? Вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что затрудненіе, въ которомъ находится маіоръ, доставляетъ намъ удобный случай—но вы хотите возложить на меня отвѣтственность сдѣлать первое предложеніе—не такъ ли? Что, если я поступлю такъ же, какъ и вы и скажу вамъ обиняками: «пожалуйста, не спрашивайте меня, какъ я на мѣреваюсь воспламенить мистера Армэдэля и затмить миссъ Мильрой; вопросъ такъ крутъ, что я, право, не могу на него отвѣчать». вмѣсто того спросите меня не составляетъ ли скромное честолюбіе моей жизни возможность сдѣлаться гувернанткою миссъ Мильрой? Да, если вы поможете мнѣ достать аттестаты, мистриссъ Олдершѡ.

«Вотъ вамъ! Если случится какое-нибудь серьёзное несчастье (что весьма возможно), какъ будетъ пріятно вспомнить, что виновата я сама!

«Теперь, когда я сдѣлала это для васъ, сдѣлаете ли вы что-нибудь для меня? Я хочу провести то короткое время, которое осталось у меня, по своему собственному желанію. Будьте сострадательны, мистриссъ Олдершѡ, и избавьте меня отъ скуки обдумывать всѣ шансы за и противъ въ этой новой моей по-

пыткѣ—словомъ, думайте за меня, пока я не буду принуждена думать сама.

«Лучше мнѣ больше не писать, а то я скажу что-нибудь свирѣпое, что вамъ не понравится. Я сегодня не въ духѣ. Мнѣ хотѣлось бы разсердить мужа, прибить ребѣнка или сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ. Любите вы видѣть какъ лѣтнія насѣкомыя жгутся на свѣчѣ? Я люблю иногда. Прощайте, мистриссъ Іезевель. Чѣмъ дольше вы оставите меня здѣсь, тѣмъ лучше. Воздухъ мнѣ полезенъ и я имѣю очаровательный видъ.

«Л. Г.»

7. *Отъ мистриссъ Олдершо къ миссъ Гуильтъ, четвергъ.*

«Любезная Лидія, другія, въ моёмъ положеніи, могли бы нѣсколько обидѣться тономъ вашего послѣдняго письма, но я такъ нѣжно привязана къ вамъ! А когда я люблю кого-нибудь, этой особѣ очень трудно оскорбить меня. Не ѣздите верхомъ такъ далеко и пейте только полстакана бордоскаго. Въ слѣдующій разъ я не скажу ничего больше.

«Не оставить ли намъ нашу дуэль и перейти тотчасъ къ серьезнымъ предметамъ? Какъ необыкновенно трудно женщинамъ понять другъ друга, особенно когда онѣ держатъ перо въ рукахъ! Но мы попробуемъ.

«Начнемъ съ того, что я поняла изъ вашего письма, что вы благоразумно рѣшились на торп-эмбросскую попытку и хотите занять, если можете, превосходную позицію съ самаго начала, сдѣлавшись членомъ семейства маіора Мильроя. Если обстоятельства обратятся противъ васъ и какая-нибудь другая женщина займётъ мѣсто гувернантки (объ этомъ я скажу вамъ потомъ подробнѣе), вамъ не останется тогда ничего другого, какъ познакомиться съ мистеромъ Армэдэлемъ въ какой-нибудь другой роли. Во всякомъ случаѣ вамъ будетъ нужна моя помощь и, слѣдовательно, первый вопросъ, который намъ остаётся рѣшить,

состоить въ томъ, что я хочу и могу сдѣлать для того, чтобы вамъ помочь.

«Женщина съ вашей наружностью, милая Лидія, съ вашимъ обращеніемъ, съ вашими способностями и съ вашимъ воспитаніемъ, можетъ явиться въ обществѣ когда только захочетъ, если только у ней есть деньги въ карманѣ и возможность сослаться на рекомендацію порядочныхъ людей въ крайнемъ случаѣ. Во-первыхъ, поговоримъ о деньгахъ. Я обязуюсь найти ихъ съ условіемъ, что вы прилично вознаградите меня, если одержите побѣду надъ Армэдэлемъ. Ваше обѣщаніе вспомнить объ этомъ вознагражденіи должно быть обозначено цифрами и написано на бумагѣ моимъ нотаріусомъ, и мы рѣшимъ и подпишемъ, какъ только я увижу васъ въ Лондонѣ.

«Теперь перейдемъ къ рекомендаціямъ. Тутъ опять мои услуги въ вашемъ распоряженіи—съ другимъ условіемъ, вотъ оно: вы должны явиться въ Торп-Эмбросъ подъ именемъ, которое вы приняли опять послѣ вашего ужаснаго замужства—я говорю о вашемъ дѣвическомъ имени Гуильтъ. Я имѣю только одну причину настаивать на этомъ; я не желаю подвергаться бесполезному риску. Моя опытность, какъ секретной совѣтницы моихъ кліентовъ въ разныхъ затруднительныхъ романическихъ обстоятельствахъ, показала мнѣ, что чужое имя десять разъ изъ десяти бесполезный и очень опасный обманъ. Васъ ничто не могло бы оправдать въ желаніи назваться чужимъ именемъ, кромѣ опасенія, что молодой Армэдэль узнаетъ васъ—этого опасенія по счастью избавилъ насъ поступокъ его матери, скрывшей въ глубокой тайнѣ отъ своего сына и отъ всѣхъ ея отношенія къ вамъ.

«Слѣдующее и послѣднее недоумѣніе, которое остаётся рѣшить, относится, душа моя, къ возможности вступить гувернанткой въ домъ маіора Мильроя. Попавъ туда, при вашемъ знаніи музыки и языковъ, если вы обуздаете вашъ характеръ, вы можете удержаться на вашемъ мѣстѣ. Единственное остающееся сомнѣніе относится къ тому, можете ли вы получить это мѣсто.

«Такъ-какъ маіоръ находится теперь въ затрудненіи на счетъ воспитанія своей дочери, онъ, я думаю, напечатаетъ объявленіе

о гувернанткѣ и въ такомъ случаѣ, по какому адресу назначить онъ писать къ нему? Въ этомъ-то вся и штука. Если онъ дастъ адресъ въ Лондонъ—проститесь со всѣми шансами въ вашу пользу, по той простой причинѣ, что намъ нельзя будетъ отличить его объявленія отъ объявленій другихъ людей, которымъ нужны гувернантки. Если, съ другой стороны, счастье поможетъ намъ и онъ назначитъ своимъ корреспондентамъ писать въ лавку, въ почтовую контору или куда бы то ни было въ *Торн-Эмбросъ*, тогда мы очень ясно отличимъ его объявленіе отъ другихъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ я не сомнѣваюсь—при рекомендаціяхъ, которыя я доставлю вамъ—что вы попадете въ семейный кругъ маіора. Мы имѣемъ одно большое преимущество передъ другими женщинами, которыя будутъ отвѣчать на это объявленіе. Благодаря справкамъ, собраннымъ на мѣстѣ, я знаю, что маіоръ Мильрой бѣденъ и мы назначимъ ваше жалованье такую умѣренную суммою, что она навѣрно прельститъ его. Что касается слога письма, если мы съ вами не можемъ сочинить скромной и интересной просьбы занять вакантнос мѣсто, желала бы я знать кто можетъ?

«Всѣ это, впрочемъ, еще впереди. Пока мой совѣтъ: оставайтесь тамъ, гдѣ вы, и мечтайте сколько душѣ угодно, пока получите отъ меня извѣстіе. Я получаю *Таймзъ* и можете положиться, что мои опытные глаза не пропустятъ объявленія. Къ счастью, мы можемъ ждать, не вредя нашимъ интересамъ. Теперь нечего бояться, что эта дѣвочка опередитъ васъ. Публичный пріёмъ, какъ намъ извѣстно, будетъ готовъ не прежде какъ въ концѣ этого мѣсяца, а мы можемъ безопасно положиться, что тщеславіе Армэделя не допуститъ его явиться въ его новый домъ, пока льстецы не соберутся его встрѣтить. Подождѣмъ еще дней десять, по-крайней-мѣрѣ, прежде чѣмъ откажемся отъ мысли о мѣстѣ гувернантки и придумаемъ какой-нибудь другой планъ.

«Странно, не правда ли, что такъ много зависитъ отъ рѣшенія этого бѣднаго офицера? Я, съ своей стороны, буду просыпаться каждое утро съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ въ голо-

вѣ: если явится объявленіе маіора, что назначить маіоръ: Торп-Эмброзъ или Лондонъ?

Всегда, любезная Лидія, любящая васъ

«МАРІЯ ОЛЬДЕРШО».

ГЛАВА II.

АЛЛЭНЪ ПОМѢЩИКОМЪ.

Рано утромъ на другой день послѣ своего перваго ночлега въ Торп-Эмброзѣ Аллэнъ всталъ и смотрѣлъ на видъ изъ окна спальни, чувствуя себя чужимъ въ своёмъ собственномъ домѣ.

Окно спальни находилось надъ большой парадной дверью съ портикомъ, съ террасой и съ ступенями, а еще далѣе широкія аллеи парка замыкали видъ. Утренній туманъ слегка лежалъ на отдалённыхъ деревьяхъ, а коровы дружелюбно паслись у желѣзной ограды, отдѣлявшей паркъ отъ дороги передъ переднимъ фасадомъ дома.

«Всё это моё! подумалъ Аллэнъ, съ смутнымъ изумленіемъ смотря на собственныя свои владѣнія. «Пусть меня повѣсятъ, если я еще могу вбить это въ мою голову. Всё моё!»

Онъ одѣлся, вышелъ изъ комнаты и отправился по корридору, который вѣлъ къ лѣстницѣ и къ передней, отворяя двери, мимо которыхъ онъ проходилъ. Комнаты въ этой части дома были спальныя и уборныя, свѣтлыя, обширныя прекрасно меблированныя, и всё пустыя, кромѣ спальни возлѣ алленовой, которая была отведена Мидуинтеру. Онъ еще спалъ, когда его другъ заглянулъ къ нему, оттого, что просидѣлъ поздно, занимаясь письмомъ къ мистеру Броку. Аллэнъ дошолъ до конца перваго корридора, повернулъ во второй и дошолъ до большой лѣстницы.

— Здѣсь нѣтъ ничего романческаго, сказалъ онъ самъ се-

бѣ, смотря внизъ съ обитой прекраснымъ ковромъ каменной лѣстницы въ свѣтлую переднюю.—Въ этомъ домѣ ничего не разстроить нервовъ Мидуинтера.

Дѣйствительно не было ничего; крайне поверхностная наблюдательность Аллена на этотъ разъ не обманула его. Замокъ Торп-Эмбросскій (выстроенный вмѣсто срытаго стараго дома) имѣлъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Ничего живописнаго, ничего таинственнаго и романческаго не являлось въ немъ нигдѣ. Это былъ, просто, деревенскій домъ—произведеніе классической идеи благо-разумно обсуженной коммерческимъ англійскимъ умомъ. Если на него смотрѣть съ наружной стороны, онъ походилъ на новѣйшую фабрику, старающуюся быть похожей на древній храмъ. Съ внутренней стороны это было чудо роскошнаго комфорта во всѣхъ частяхъ, начиная отъ фундамента до крыши.

«И прекрасно! думалъ Алленъ, самодовольно спускаясь съ широкихъ покрытыхъ ступеней.—Чортъ побори таинственности и романизмъ! Пусть всё будетъ опрятно и комфортабельно — вотъ что я говорю!»

Дойдя до передней, новый торп-эмбросскій владѣлецъ колебался и осмотрѣлся вокругъ, не зная куда повернуть. Четыре пріемныя комнаты въ нижнемъ жилѣ отворялись въ переднюю, по двѣ съ каждой стороны. Алленъ наудачу попробовалъ войти въ ближайшую дверь съ правой руки и очутился въ гостиной. Здѣсь появились первые признаки жизни въ самой привлекательной формѣ. Молодая дѣвушка одна находилась въ гостиной; тряпка для обметанія пыли въ ея рукѣ показывала, какую должность она занимала въ домѣ; но въ эту минуту она была занята преимуществомъ правъ природы надъ обязанностями службы; другими словами: она внимательно смотрѣла на своё лицо въ зеркало надъ каминомъ.

— Полно, полно! не пугайтесь меня, сказалъ Алленъ, когда дѣвушка отскочила отъ зеркала и посмотрѣла на него въ невыразимомъ замѣшательствѣ.—Я совершенно согласенъ съ вами, моя милая: на ваше лицо стоитъ смотрѣть. Кто вы? Служанка? Какъ васъ зовутъ? Сюзанна? Мнѣ нравится ваше имя. Вы знаете кто я, Сюзанна? Я вашъ господинъ, хотя вы, можетъ-быть, этого не думали. Вашъ атестатъ? О, да! мист-

риссъ Блэнчардъ отлично васъ атестовала. Вы здѣсь останетесь— не бойтесь. Вы будете доброй дѣвушкой, Сюзанна, и станете носить щегольскіе чепчики и передники и яркія ленты, будете казаться миленькой и хорошенькой и обметать пыль — не правда ли?

Съ этимъ исчисленіемъ обязанностей служанки Аллэнъ воротился въ переднюю и нашолъ тамъ еще болѣе признаковъ жизни. Явился слуга и поклонился, какъ приличествовало вассалу въ полотняной курткѣ передъ помѣщикомъ въ широкополой шляпѣ.

— Кто вы? спросилъ Аллэнъ.— Не тотъ слуга, который впустилъ насъ вчера? А! кажется не тотъ. Второй лакей? Атестать? о, да, отличный атестать. Разумѣется, вы останетесь здѣсь. Вы можете быть моимъ камердинеромъ? Мнѣ камердинера не нужно, я самъ могу одѣваться и чистить своё платье, и если бы я умѣлъ чистить сапоги, ей-богу мнѣ было бы это пріятно! Это какая комната? Утренняя? А это, разумѣется, столовая. Господи, какой столъ! дивнѣе моей яхты. Кстати, какъ васъ зовутъ? Ричардъ? Я ѣзжу на яхтѣ, которую выстроилъ я самъ. Чтò вы думаете объ этомъ? Вы, какъ мнѣ кажется, годитесь въ буфетчики на мою яхту. Если вы не страдаете морской болѣзью—о! вы страдаете? Ну, мы ничего болѣе не скажемъ объ этомъ. А это какая комната? Ахъ! библіотека; разумѣется, она нужна скорѣе для мистера Мидуинтера, чѣмъ для меня. Мистеръ Мидуинтеръ—тотъ джентльмэнъ, который пріѣхалъ сюда со мною вчера. Помните, Ричардъ, что вы должны показывать ему такое же вниманіе, какъ и ко мнѣ. Гдѣ мы теперь? Это какая дверь сзади? Въ бильярдную и курильную? хорошо. Еще дверь и еще лѣстница! Куда она ведётъ? и кто это идётъ? Не торопитесь, сударыня, вы уже не такъ молоды, какъ были когда-то—не торопитесь.

Предметъ предостереженій Аллена была толстая, пожилая женщина; четырнадцать ступеней отдѣляли её отъ хозяина дома; она останавливалась четырнадцать разъ, поднимаясь на нихъ и четырнадцать разъ вздыхала. Природа, разнообразная во всёмъ, до крайности разнообразна въ женскомъ полѣ. Наружность нѣкоторыхъ женщинъ напоминаетъ Амуровъ и Грацій, а наруж-

ность другихъ—горшокъ съ саломъ. Эта принадлежала къ послѣднимъ.

— Очень радъ видѣть васъ въ такомъ добромъ здоровьи, сказала Аллэнъ, когда званіе кухарки было провозглашено ему:— Васъ зовутъ Грипперъ? Я считаю васъ, мистрисъ Грипперъ, самой драгоценной особой въ домѣ по той причинѣ, что никто не любитъ такъ хорошо пообѣдать, какъ я. Сдѣлать распоряженія? О, нѣтъ, я не буду дѣлать распоряженій, я предоставляю всё это вамъ. Крѣпкій бульонъ, баранина съ подливкой—вотъ, по-моему, хорошій столъ... Пойдите! Вотъ еще кто-то другой. О! буфетчикъ тоже драгоценный человѣкъ. Мы пересмотримъ всё вина въ погребѣ, господинъ буфетчикъ, и если послѣ этого я не буду въ состояніи сказать вамъ моё мнѣніе: мы пересмотримъ въ другой разъ. Говоря о винѣ... Вотъ еще идутъ на лѣстницу. Не безпокойтесь: вы всё отлично атестованы и вы всё останетесь у меня... О чемъ я говорилъ сейчасъ? что-то о винѣ... да! Я вотъ что скажу вамъ, господинъ буфетчикъ: новый хозяинъ не всякій день пріѣзжаетъ въ Торп-Эмбросъ и я желаю, чтобы мы всё начали нашу жизнь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Угостите слугъ въ честь моего пріѣзда и дайте имъ выпить, что они захотятъ, за моё здоровье. Жалко то сердце, мистрисъ Грипперъ, которое не радуется никогда. Нѣтъ! я теперь не пойду въ погребъ, я хочу подышать чистымъ воздухомъ до чая. Гдѣ Ричардъ? Есть здѣсь садъ? по которую сторону дома? Вамъ не надо показывать мнѣ дорогу, я пойду одинъ, Ричардъ, и постараюсь заблудиться въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ.

Съ этими словами Аллэнъ сошелъ съ террасы, весело посвистывая. Онъ кончилъ утромъ свои домашнія дѣла самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

«Многіе толкуютъ о томъ, какъ трудно управлять слугами, подумалъ Аллэнъ... «Что они хотятъ этимъ сказать? Я вовсе не вижу никакихъ затрудненій.»

Онъ отпѣръ калитку и вышелъ въ разсадникъ, окружавшій торп-эмбросскій садъ.

— Славное тѣнистое мѣстечко для того, чтобы выкурить си-

гару, говорилъ Аллэнъ, расхаживая, засунувъ руки въ карманъ. — Желалъ бы я вбить себѣ въ голову, что оно дѣйствительно принадлежитъ *мнѣ*.

Разсадникъ вѣлъ въ пространный цвѣтникъ, ярко облитый лучами утренняго солнца. Съ одной стороны арка, пробитая въ стѣнѣ, вела въ фруктовый садъ, съ другой терраса спускалась въ нижній итальянскій садъ. Пройдя мимо фонтановъ и статуй, Аллэнъ дошелъ до другого разсадника, который, повидимому, вѣлъ въ какую-то отдаленную часть парка. До-сихъ-поръ не было ни видно, ни слышно ни одного человѣческаго существа, но когда Аллэнъ дошелъ до конца второго разсадника, ему что-то послышалось по другую сторону кустовъ. Онъ остановился и прислушался: два голоса громко говорили — старый голосъ, въ которомъ слышалось упрямство, и голосъ молодой, въ которомъ слышался сильный гнѣвъ.

— Напрасно, миссъ, говорилъ старый голосъ:—я не долженъ этого позволять и не позволю. Чтѣ скажетъ мистеръ Армэдэль?

— Если мистеръ Армэдэль джентльмэнъ, какимъ я его считаю, старый грубиянъ! отвѣчалъ молодой голосъ:—онъ скажетъ: «приходите ко мнѣ въ садъ, миссъ Мильрой, такъ часто, какъ только вамъ угодно, и берите столько букетовъ, сколько хотите».

Блестящіе голубые глаза Аллена лукаво сверкнули. Побуждаемый внезапной мыслью, онъ тихо дошелъ до конца разсадника, препрыгнулъ черезъ низкій заборъ и очутился въ красивомъ небольшомъ звѣринцѣ, черезъ который проходила усыпанная пескомъ дорожка, на которой стояла молодая дѣвушка спиною къ Аллену, стараясь пройти мимо старика, съ граблями въ рукахъ, упорно стоявшаго передъ нею и качавшаго головой.

— Приходите ко мнѣ въ садъ, миссъ Мильрой, такъ часто какъ только вамъ угодно, и берите столько букетовъ, сколько хотите, вскричалъ Аллэнъ, безжалостно повторяя ея собственныя слова.

Молодая дѣвушка вскрикнула и обернулась; кисейное платье, которое она придерживала рукою спереди, выпало у ней изъ рукъ и цѣлая куча цвѣтовъ разсыпалась по дорожкѣ.

Прежде чѣмъ произнесено было другое слово, упрямый ста-

ригъ выступилъ вперёдъ съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ и приступилъ къ вопросу о своихъ личныхъ интересахъ, какъ-будто ничего не случилось и никого тутъ не было, кромѣ его новаго господина и его.

— Никайше поздравляю васъ съ пріѣздомъ въ Торп-Эмброзъ, сэръ, сказалъ старецъ. — Меня зовутъ Абрагэмъ Сэдждъ; я служу въ здѣшнемъ саду болѣе сорока лѣтъ и надѣюсь, что вы позволите мнѣ остаться на моёмъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ говорилъ садовникъ, имѣя въ виду только свои собственные интересы, и говорилъ напрасно. Аллэнъ стоялъ на колѣнахъ на песочной дорожкѣ и собиралъ упавшіе цвѣты, собирая свои первыя впечатлѣнія о миссъ Мильрой съ ногъ до головы. Она была и хороша и нѣтъ; она очаровывала, разочаровывала и восхищала опять. По признаннымъ правиламъ красоты, она была слишкомъ мала и слишкомъ развита для своихъ лѣтъ, а между тѣмъ немногіе изъ мужчинъ пожелали бы, чтобы у ней была другая фигура. Ея хорошенькія ручки были такія пухленькія, что трудно было примѣтить, какъ онѣ были красны отъ избытка молодости и здоровья. Ножки граціозно извивались за старые и дурно спитые башмаки, а плечи вполне вознаграждали за поношенное кисейное платье. Тёмносѣрые глаза были прелестны чистымъ нѣжнымъ цвѣтомъ, умомъ, нѣжностью и кроткимъ весёлымъ выраженіемъ, а волосы (на сколько позволяла ихъ видѣть поношенная старая шляпа) были того свѣтлаго каштановаго цвѣта, которой, по контрасту, придаётъ красоту тёмнымъ глазамъ. Но къ этимъ привлекательностямъ присоединялись погрѣшности и несовершенства этой странной дѣвушки. Носъ ея былъ слишкомъ коротокъ, ротъ слишкомъ великъ, лицо слишкомъ кругло и румяно. Страшно-справедливая фотографія была бы къ ней безпощадна, а скульпторы классической Греціи съ сожалѣніемъ и съ поклономъ выпроводили бы её изъ своей мастерской. Несмотря на всё это, поясъ, которымъ была опоясана миссъ Мильрой, былъ всё-таки поясъ Венеры, и ключъ отпирающій всѣ сердца, она всегда носила съ собой. Прежде чѣмъ Аллэнъ поднялъ вторую пригоршню цвѣтовъ, онъ уже въ неё влюбился.

— Пожалуйста не безпокойтесь, мистеръ Армэдэль, сказала она, неохотно принимая цвѣты, которые Аллэнъ бросалъ къ ней на платье:—мнѣ такъ стыдно! Я право не имѣла серьезнаго намѣренія такъ смѣло ворваться въ вашъ садъ... Я такъ проговорилось—право! Что мнѣ сказать въ извиненіе? О, мистеръ Армэдэль, что вы должны думать обо мнѣ?

Аллэнъ вдругъ догадался, что ему слѣдуетъ сдѣлать комплиментъ и сказалъ его съ третьей пригоршней цвѣтовъ по-свѣдому, прямо и простодушно:

— Я скажу вамъ, что я думаю, миссъ Мильрой: я думаю, что самая пріятнѣйшая прогулка въ моей жизни — та, которая сегодня утромъ привела меня сюда.

Онъ казался пылокъ и красивъ. Онъ обращался не къ женщинѣ, которой уже надоѣлъ восторгъ, а къ дѣвушкѣ, только-что начинавшей жизнь женщины—и во всякомъ случаѣ ему не вредило его званіе торпъ-эмброскаго владѣльца. Выраженіе раскаянія на лицѣ миссъ Мильрой слегка исчезло; она потупила глаза, скромно и съ улыбкой смотря на цвѣты, лежащіе у ней на платьѣ.

— Я заслуживаю строгаго выговора, сказала она:—а не комплиментовъ, мистеръ Армэдэль, менѣ всего отъ васъ!

— О да, вы ихъ заслуживаете! вскричалъ опрометчивый Аллэнъ, проворно вскочивъ на ноги. — Притомъ, это не комплиментъ, это правда: вы самая хорошенькая... извините, миссъ Мильрой! на этотъ разъ я проболтался.

Между тяжелыми ношами, наложенными на женскую натуру, можетъ-быть самую тяжелою въ шестнадцать лѣтъ можетъ назваться серьезность. Миссъ Мильрой насилу удерживалась отъ смѣха — улыбнулась — опять удержалась и успѣла сохранить серьезность.

Садовникъ, всё еще стоявшій тутъ и неподвижно ждавшій удобнаго случая, увидалъ его теперь и воспользовался для своихъ личныхъ интересовъ первымъ промежуткомъ молчанія послѣ появленія Аллена на сцену.

— Я нижайше поздравлялъ васъ съ пріѣздомъ въ Торп-Эм-

брызъ, сэръ, сказалъ Абрагэмъ Сэдждъ, упорно начавъ свою рѣчь во второй разъ.—Меня зовуть...

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ произнести своё имя, миссъ Мильрой случайно взглянула на упрямое лицо садовника и уже никакъ не могла совладать съ своею серьёзностью, а громко расхохоталась. Аллэнъ, никогда не пропускавшій случая послѣдовать такому весѣлому примѣру, тоже разразился хохотомъ. Благоразумный садовникъ не удивлялся и не обидѣлся; онъ дождался новаго промежутка молчанія и опять выставилъ свои личныя выгоды въ ту минуту, когда молодые люди перестали смѣяться, чтобы перевести духъ.

— Я служилъ садовникомъ, продолжалъ Абрагэмъ Сэдждъ: — болѣе чѣмъ сорокъ лѣтъ...

— Вы будете служить садовникомъ еще сорокъ лѣтъ, если только замолчите и уберётесь отсюда! воскликнулъ Аллэнъ, какъ только смѣхъ позволилъ ему говорить.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ садовникъ, съ чрезвычайной вѣжливостью, но не выказывая признаковъ, что онъ замолчить или уйдѣтъ.

— Ну что жь? сказалъ Аллэнъ.

Абрагэмъ Сэдждъ прокашлялся и перебиралъ въ рукахъ грабли. Онъ посмотрѣлъ на свой драгоценный инструментъ съ чрезвычайнымъ интересомъ и вниманіемъ, видя, по всей вѣроятности, не длинную ручку граблей, а длинную перспективу дали, а на концѣ ея свои личныя выгоды.

— Когда для васъ будетъ удобнѣе, сэръ, продолжалъ этотъ непреклонный человѣкъ:—я желалъ бы почтительнѣйше поговорить съ вами о моёмъ сынѣ. Можетъ-быть для васъ будетъ удобнѣе послѣ, сэръ? Нижайше кланяюсь и благодарю. Сынъ мой трезвъ, привыкъ къ коцюшьямъ и принадлежитъ къ англиканской церкви.

Отрекомендовавъ такимъ образомъ свою отрасль, Абрагэмъ Сэдждъ вскинулъ на плечо свои драгоценныя грабли и медленно скрылся изъ вида.

— Если это обращикъ вѣрнаго стараго слуги, сказалъ Аллэмъ: — то я скорѣе согласенъ, чтобы меня обманывалъ новый

слуга. По-крайней-мѣрѣ *васъ* онъ уже не будетъ беспокоить, миссъ Мильрой. Всѣ цвѣтники въ саду къ вашимъ услугамъ и всѣ фрукты лѣтомъ, если только вамъ угодно будетъ приходить сюда кушать.

— О мистеръ Армэдэль, какъ вы добры! Какъ мнѣ васъ благодарить?

Аллэнъ увидалъ возможность сдѣлать новый комплиментъ— комплиментъ изысканный и въ видѣ ловушки на этотъ разъ.

— Вы можете сдѣлать мнѣ величайшую милость, отвѣчаль онъ:—вы можете помочь мнѣ получить пріятное впечатлѣніе о моёмъ садѣ.

— Боже мой! какимъ образомъ? невинно спросила миссъ Мильрой.

Аллэнъ благоразумно захопнулъ ловушку этими словами:

— Взявъ меня съ собою, миссъ Мильрой, на вашу утреннюю прогулку.

Онъ улыбнулся и подалъ свою руку. Она, съ своей стороны, увидѣла возможность немножко пококетничать. Она подала ему свою руку—покраснѣла—и вдругъ отняла её.

— Я не думаю, чтобы это было хорошо, мистеръ Армэдэль, сказала принявшись съ глубочайшимъ вниманіемъ собирать цвѣты.— Не нужно ли намъ пригласить сюда какую-нибудь пожилую даму? Кажется, мнѣ не совсѣмъ прилично ходить съ вами подъ-руку, пока я не узнаю васъ короче. Я принуждена спросить—я такъ мало образована, я такъ мало была въ обществѣ—и одинъ изъ друзей папѣ, сказалъ однажды, что моё обращеніе слишкомъ смѣло для моихъ лѣтъ. *Вы* какъ думаете?

— Я думаю, какъ хорошо, что здѣсь нѣтъ друга вашего папѣ, отвѣчаль откровенный Аллэнъ:—я поссорился бы съ нимъ непременно. Что касается общества, миссъ Мильрой, никто его не знаетъ менѣе меня; но еслибы съ нами была здѣсь пожилая дама, я долженъ сказать, что ея присутствіе было бы чрезвычайно некстати. Не угодно ли? заключилъ Аллэнъ во второй разъ предлагая свою руку.—Пойдѣмте же!

Миссъ Мильрой бросила на него косвенный взглядъ.

— Вы хуже вашего садовника, мистеръ Армэдэль! сказала

она и опять въ нерѣшимости потупила глаза.—Я увѣрена, что это нехорошо, прибавила она и черезъ минуту взяла Аллена подъ руку безъ малѣйшей нерѣшимости.

Они пошли по усыпанному маргаритками лугу, молодые, веселые и счастливые, и солнце лѣтнаго утра, безоблачно освѣщало ихъ усыпанный цвѣтами путь.

— Куда мы идѣмъ теперь? спросилъ Алленъ. — Въ другой садъ?

Она весело засмѣялась.

— Какъ это странно, мистеръ Армэдэль, что вы не знаете, когда всё это принадлежитъ вамъ! Не-уже-ли вы точно видите Торп-Эмбросъ первый разъ сегодня? Какъ это должно казаться вамъ странно! Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ больше комплиментовъ, а то, пожалуй, вы вскружите мнѣ голову. Съ нами нѣтъ пожилой дамы и я сама должна заботиться о себѣ. Позвольте мнѣ быть полезной, позвольте мнѣ показать вашу собственность. Мы выйдемъ изъ этой калитки черезъ дорогу въ паркъ, а потомъ по сельскому мостику кругомъ плантаціи—куда вы думаете? туда, гдѣ я живу, мистеръ Армэдэль, въ прехорошенькій коттеджъ, который вы отдали въ наймы папѣ. О, еслибы вы знали, какъ мы обрадовались, когда могли его получить!

Она замолчала, посмотрѣла на своего спутника и остановила еще комплиментъ на губахъ неисправимаго Аллена.

— Я брошу вашу руку, кокетливо сказала она:—если вы не перестанете! Мы очень обрадовались, получивъ коттеджъ, мистеръ Армэдэль. Папѣ сказалъ, что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ вамъ за это въ тотъ день, какъ мы получили ваше согласіе. А я сказала, что я вамъ обязана недѣлю тому назадъ.

— Вы, миссъ Мильрой? воскликнулъ Алленъ.

— Да. Вамъ можетъ-быть удивительно это слышать; но еслибы вы не отдали этотъ коттеджъ папѣ, я, кажется, имѣла бы несчастье попасть въ школу.

Алленъ вспомнилъ о монетѣ, которую онъ спускалъ на столѣ въ каютѣ въ Кэстльтоунѣ.

«Еслибы она знала, что я кидаль для этого жребій! подумаль онъ съ раскаяніемъ.

— Навѣрно вы не понимаете, почему мнѣ кажется такъ ужасно попасть въ школу, продолжала миссъ Мильрой, перетолковавъ въ другую сторону молчаніе своего спутника. — Еслибы я поступила въ школу въ дѣтствѣ, то-есть въ такихъ лѣтахъ, когда отдають другихъ дѣвушекъ, мнѣ было бы теперь всеравно, но тогда мнѣ не удалось. Это было во время болѣзни мамѣ и несчастныхъ спекуляцій папѣ; а такъ какъ папѣ некому было утѣшать кромѣ меня, я, разумѣется, осталась дома. Напрасно вы смѣетесь; я была полезна, увѣрю васъ. Я помогала папѣ переносить непріятности, сидя у него на колѣнахъ послѣ обѣда и прося его рассказывать мнѣ исторіи о всѣхъ замѣчательныхъ людяхъ, которыхъ онъ зналъ, когда бывалъ въ большомъ свѣтѣ, здѣсь и за границей. Еслибы я не развлекала его по вечерамъ, а его часы не занимали его днѣмъ...

— Его часы? повторилъ Алленъ.

— О, да! Мнѣ бы надо было сказать вамъ: у папѣ необыкновенный талантъ къ механикѣ. И вы это скажете, когда увидите его часы. Они, разумѣется, не такъ велики, но совершенно по образцу знаменитыхъ страсбургскихъ часовъ. Только подумайте: онъ началъ ихъ, когда мнѣ было восемь лѣтъ, а—хотя мнѣ минуло теперь шестнадцать—они еще не копчены! Нѣкоторые изъ нашихъ друзей ужасно удивились, что онъ принялся за такую работу, когда начались его непріятности; но папѣ тотчасъ имъ напомнилъ, что Лудовикъ XVI занялся слесарскимъ мастерствомъ, когда начались его непріятности — и тогда всѣ остались совершенно довольны.

Она замолчала и покраснѣла.

— О мистеръ Армэдэль! сказала она съ искреннимъ замѣшательствомъ на этотъ разъ:—вотъ мой несчастный языкъ опять проболтался! Я уже разговариваю съ вами, какъ-будто знала васъ нѣсколько лѣтъ! Вотъ объ этомъ-то говорилъ другъ папѣ, когда увѣрялъ, что моё обращеніе слишкомъ смѣло. Это совершенно справедливо; я ужасно скоро становлюсь фамиллярна съ тѣми...

Она вдругъ замолчала и не кончила свою фразу: «которые мнѣ нравятся».

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте! умолялъ Аллэнъ. — Я то же имѣю недостатокъ быть фамиллярнымъ, притомъ, мы *должны* быть фамиллярны: мы такіе близкіе сосѣди. Я человѣкъ довольно необразованный и не знаю какъ мнѣ это сказать, но я желаю, чтобы вашъ коттеджъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ домомъ, а мой домъ съ вашимъ коттеджемъ. Вотъ моя мысль, выраженная неуклюжими словами. Продолжайте, миссъ Мильрой, пожалуйста продолжайте!

Она улыбнулась и колебалась.

— Я не совсѣмъ помню на чомъ я остановилась, отвѣчала она: — я только помню, что мнѣ хотѣлось вамъ что-то сказать. Это всё оттого, мистеръ Армэдэль, что я иду съ вами подъ-руку; будетъ гораздо лучше, если вы согласитесь идти отдѣльно. Вы не соглашаетесь? Ну, когда такъ, скажите же мнѣ, что такое хотѣла я вамъ сказать? На чомъ я остановилась прежде чѣмъ заговорила о неприятностяхъ и часахъ papà?

— Вы были въ школѣ! отвѣчалъ Аллэнъ съ удивительнымъ усиленіемъ памяти.

— *Не* въ школѣ, хотите вы сказать, продолжала миссъ Мильрой: — по милости *вашей*. Теперь я опять могу продолжать, и это очень утѣшительно. Я говорю совершенно серьезно, мистеръ Армэдэль, что еслибы вы не согласились отдать въ наймы papà коттеджъ, меня отдали бы въ школу. Вотъ какъ это случилось: когда мы начали переѣзжать, мистриссъ Блэнчардъ была такъ добра, что прислала намъ сказать, что ея слуги въ нашемъ распоряженіи, если намъ нужна помощь. Послѣ этого намъ съ papà только оставалось пойти и поблагодарить её. Мы видѣли мистриссъ и миссъ Блэнчардъ. Мистриссъ была очаровательна, а миссъ, просто, прелестна въ траурѣ. Вы навѣрно восхищаетесь ею. Она высока, блѣдна и граціозна и, вѣроятно, совершенно оправдываетъ вашу идею о красотѣ?

— Ни чуть не бывало, отвѣчалъ Аллэнъ. — Моя идея о красотѣ въ настоящую минуту...

Миссъ Мильрой, опасаясь комплимента, тотчасъ отняла свою руку.

— Я хочу сказать, что я никогда не видалъ ни мистриссъ

Блэнчардъ, ни ея племянницы, прибавилъ Аллэнъ, поспѣшно поправившись.

Миссъ Мильрой смягчила правосудіе милосердіемъ и опять взяла Аллена подъ-руку.

— Какъ это странно, что вы никогда ихъ не видали! продолжала она.—Вамъ рѣшительно незнакомы всѣ и всё въ Торп-Эмбросъ! Вотъ, когда мы посидѣли и поговорили немножко съ миссъ Блэнчардъ, я услышала, что мистриссъ Блэнчардъ произнесла моё имя и притаила дыханіе. Она спрашивала папá: кончила ли я моё воспитаніе. Папá тотчасъ высказалъ своё главное затрудненіе. Надо вамъ знать, что моя прежняя гувернантка вышла замужъ передъ нашимъ пріѣздомъ сюда и никто изъ нашихъ друзей не могъ рекомендовать намъ другую съ умѣреннымъ жалованьемъ.

«— Мнѣ сказали, мистриссъ Блэнчардъ, люди, понимающіе это лучше чѣмъ я, сказалъ папá:—что объявлять въ газетахъ всегда рискъ. Это всё падаетъ на меня при разстроенномъ здоровьи мистриссъ Мильрой и, кажется, я долженъ кончить тѣмъ, что отдамъ мою дѣвочку въ школу. Не знаете ли вы школы, которая была бы по средствамъ бѣднаго человѣка?» Мистриссъ Блэнчардъ покачала головой—я готова была расцаловать её за это.

«— Вся моя опытность, маіоръ Мильрой, сказала эта чудесная женщина: «говорить въ пользу объявленій. Гувернантка моей племянницы была взята по объявленію, а вы можете вообразить, какъ она была намъ полезна, когда я вамъ скажу, что она жила въ нашемъ семействѣ болѣе десяти лѣтъ». Я готова была упасть на колѣна передъ мистриссъ Блэнчардъ, и сама удивляюсь, какъ я этого не сдѣлала! Папá былъ пораженъ въ то время—я это видѣла и заговорила объ этомъ опять, когда мы возвращались домой.

«— Хотя я давно не бывалъ въ свѣтѣ, моя милая, сказалъ папá:—я съ перваго взгляда узнаю знатную и умную женщину. Опытность мистриссъ Блэнчардъ поставила объявленія въ новомъ свѣтѣ—я долженъ объ этомъ подумать». Онъ объ этомъ подумалъ и—хотя онъ не признался мнѣ открыто—я знаю, что

онъ рѣшился напечатать объявленіе не позже какъ вчера. Итакъ, если папѣ благодарить васъ за коттеджъ, мистеръ Армэдэль, и я тоже благодарю васъ. Еслибы не вы, мы никогда не познакомились бы съ милою мистриссъ Блэнчардъ; а если бы не младая мистриссъ Блэнчардъ, меня отдали бы въ школу.

Прежде чѣмъ Аллэнъ успѣлъ отвѣчать, они обогнули плантацію и вышли къ коттеджу. Описывать его было бы безцелозно; вся вселенная уже знаетъ его. Это былъ типическій коттеджъ первыхъ уроковъ рисовальнаго учителя, набросанный размашистымъ карандашомъ, съ хорошенькой соломенной кровлей, съ роскошными ползучими растеніями, съ скромными рѣшотчатыми окнами, съ сельскимъ крыльцомъ, съ проволочной вѣткой—все тутъ было сполна!

— Не правда ли, какая прелесть? сказала миссъ Мильрой.—
Пожалуйста, войдите!

— Можно ли? спросилъ Аллэнъ.—А если маіоръ подумаетъ, что слишкомъ рано?

— Рано или поздно, я увѣрена, что папѣ будетъ очень радъ видѣть васъ.

Она торопливо прошла по садовой тропинкѣ и отворила дверь гостиной. Аллэнъ послѣдовалъ за нею въ маленькую комнату и увидалъ на дальнемъ концѣ ея мушину, сидѣвшаго у стариннаго письменнаго стола спиною къ гостю.

— Папѣ! вотъ вамъ сюрпризъ! сказала миссъ Мильрой, отвѣдая его отъ занятія:—мистеръ Армэдэль пріѣхалъ въ Торп-Эмбровъ и я привела его къ вамъ. . . .

Маіоръ вздрогнулъ и вскочилъ, растерявшись на минуту, немедленно оправился и подошелъ встрѣтить своего молодого хозяина, гостепріимно протянувъ руку.

Человѣкъ съ бѣльшей опытностью и съ болѣе тонкой наблюдательностью, чѣмъ Аллэнъ, прочелъ бы на лицѣ маіора Мильроя исторію его жизни. Домашнія непріятности, поразившія его, ясно обнаружались въ его согбенномъ станѣ, въ его исхудалыхъ, глубоко-морщинистыхъ щекахъ, когда онъ только-что всталъ съ своего кресла. Неизмѣнное вліяніе одного однообразнаго занятія и одной одно-

образной мысли выразилось потомъ въ его задумчивомъ обращеніи и въ его взглядѣ когда дочь заговорила съ нимъ. Черезъ минуту, когда онъ оживился нѣсколько, принимая своего гостя, онъ вполнѣ обнаружилъ свою личность. Тогда въ утомленныхъ глазахъ маіора мелькнуло слабое отраженіе его болѣе счастливой молодости. Въ задумчивомъ обращеніи маіора сдѣлалась переменна, безошибочно показывавшая дарованія, прибрѣтенныя давно въ школѣ благороднаго общества. Это былъ человекъ давно уже терпѣливо находившій прибѣжище отъ своихъ непріятностей въ одномъ механическомъ занятіи, человекъ только пробуждавшійся время отъ времени, чтобы увидѣть себя опять тѣмъ, чѣмъ онъ когда-то былъ. Обнаружившись такимъ образомъ для всѣхъ глазъ, какіе могли правильно прочесть его, маіоръ Мильрой стоялъ передъ Алленомъ въ первое утро знакомства, которому было предназначено имѣть вліяніе на жизнь Аллена.

— Искренно радъ видѣть васъ, мистеръ Армедель, сказалъ онъ, говоря однообразнымъ и тихимъ тономъ, свойственнымъ людямъ, занятія которыхъ бывають уединенны и однообразны. — Вы уже сдѣлали мнѣ одно одолженіе, принявъ меня вашимъ жильцомъ, а теперь вы дѣлаете мнѣ другое одолженіе этимъ дружескимъ визитомъ. Если вы еще не завтракали, позвольте мнѣ безъ церемоніи пригласить васъ сѣсть за нашъ маленькій столъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, маіоръ Мильрой, если я только вамъ не помѣшаю, отвѣчалъ Алленъ, восхищенный этимъ пріемомъ:—съ огорченіемъ я услыхалъ отъ миссъ Мильрой, что мистриссъ Мильрой нездорова. Можетъ быть, мой неожиданный приходъ... можетъ быть видъ незнакомца...

— Я понимаю вашу нерѣшимость, перебилъ маіоръ:—но она совершенно излишняя. Болѣзнь мистриссъ Мильрой не позволяетъ ей выходить изъ ея комнаты... Приготовлено ли уже все на столъ, душа моя? продолжалъ онъ, такъ круто перебивъ разговоръ, что болѣе внимательный наблюдатель, чѣмъ Алленъ, могъ бы подозрѣвать, что этотъ разговоръ былъ ему непріятенъ.— Ты сдѣлаешь чай?

Вниманіе миссъ Мильрой повидимому было уже занято, она не отвѣчала. Пока ея отецъ и Алленъ размѣнивались учтиво-

стями, она приводила въ порядокъ письменный столъ и разсматривала разныя вещи, разбросанныя на нёмъ, съ необузданнымъ любопытствомъ избалованнаго ребѣнка. Черезъ минуту послѣ того, какъ маіоръ заговорилъ съ нею, она увидала бумажку, спрятанную между листьями пропускной бумаги, схватила её и тотчасъ обернулась съ восклицаніемъ удивленія.

— Не-уже-ли мои глаза обманываютъ меня, папá? спросила она:—или вы точно писали объявленіе, когда я вошла?

— Я только-что кончилъ, отвѣчалъ ей отецъ.—Но, душа моя, мистеръ Армэдэль здѣсь: мы ждѣмъ завтракъ.

— Мистеръ Армэдэль всё знаетъ, отвѣчала миссъ Мильрой:—я сказала ему въ саду.

— О да! вмѣшался Аллэнъ:—пожалуйста не обращайтесь со мною какъ съ постороннимъ, маіоръ! Если это на счетъ гувернантки, то я—хоть косвенно—замѣшанъ въ этомъ.

Маіоръ Мильрой улыбнулся. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣчать, его дочь, читавшая объявленіе, обратилась къ нему во второй разъ:

— О папá! сказала она:—здѣсь есть одно, что мнѣ не нравится. Зачѣмъ вы поставили начальныя буквы имени бабушки въ концѣ? Зачѣмъ вы приглашаете ихъ писать въ домъ бабушки въ Лондонѣ?

— Душа моя! твоя мать ничего не можетъ сдѣлать, какъ тебѣ извѣстно. Что касается меня — даже еслибы я поѣхалъ въ Лондонъ и сталъ разспрашивать незнакомыхъ дамъ о ихъ характерахъ и дорованіяхъ—я на это совершенно не способенъ. Твоей бабушкѣ приличнѣе всего получать письма и наводить необходимые справки.

— Но я хочу сама читать письма, настаивалъ избалованный ребѣнокъ:—нѣкоторыя непременно будутъ забавны...

— Я не извиняюсь за такой безцеремонный пріёмъ, мистеръ Армэдэль, обратился маіоръ къ Аллэну съ спокойной и добродушной веселостію:—онъ можетъ служить вамъ предостереженіемъ—если вамъ случится жениться и имѣть дочь — чтобы не избаловать её, какъ сдѣлалъ это я, потакаая всѣмъ ея прихотямъ.

Аллэнъ засмѣялся; миссъ Мильрой настаивала.

— Притомъ, продолжала она:—я хотѣла бы сама выбрать на какія письма отвѣчать и на какія нѣтъ. Я думаю, что мнѣ слѣдуетъ имѣть голосъ въ выборѣ гувернантки для меня. Зачѣмъ не объявить, папà, чтобы письма присылались сюда, въ почтовую контору, или въ какую-нибудь лавку? Когда мы съ вами прочтѣмъ ихъ, мы можемъ послать выбранныя письма къ бабушкѣ и она можетъ навести справки и выбрать лучшую гувернантку, какъ вы уже распорядились, не оставляя *меня* совершенно въ неизвѣстности, что я считаю—навѣрно и вы, мистеръ Армэдэль?—совершенно безчеловѣчнымъ. Позвольте мнѣ перемѣнить адресъ, папà, пожалуйста, душечка!

— Мы не получимъ завтрака, мистеръ Армэдэль, если я не скажу: «да», возразилъ майоръ добродушно. — Поступай какъ хочешь, моя милая, обратился онъ къ дочери:—только бы твоя бабушка устроила для насъ это дѣло, а остальное не имѣетъ никакой важности.

Миссъ Мильрой взяла перо, зачеркнула послѣднюю строчку въ объявленіи и написала другой адресъ собственной рукой:

Обратиться письменно къ М, въ почтовую контору въ Торп-Эмбросъ въ Норфолькъ.»

— Вотъ, сказала она, поспѣшно подходя къ своему мѣсту у чайнаго стола: — теперь объявленіе можетъ отправляться въ Лондонъ, и если оно доставитъ намъ гувернантку, о папà! кто такая будетъ она?... Чай или кофе, мистеръ Армэдэль? Мнѣ право стыдно, что я заставила васъ ждать. Но такъ успокоительно, прибавила она лукаво:—кончить дѣло до завтрака!

Отецъ, дочь и гость сѣли вмѣстѣ за маленькій круглый столикъ, какъ добрые сосѣди и уже добрые друзья.

Три дня спустя, одинъ изъ лондонскихъ разсыльныхъ тоже до завтрака кончилъ *свое* дѣло. Его округомъ была улица Діана въ Пимлико, и послѣднюю изъ утреннихъ газетъ, которыя онъ разносилъ, онъ оставилъ у мистриссъ Ольдершд.

ГЛАВА III.

ПРАВА ОБЩЕСТВА.

Болѣ часа спустя послѣ того, какъ Алэнъ отправился осматривать свои владѣнія, Мидуинтеръ всталъ и наслаждался, въ свою очередь, при дневномъ свѣтѣ великолѣпиемъ новаго дома.

Освѣжившись сномъ, онъ сошелъ съ большой лѣстницы такъ же весело, какъ Алэнъ, и также заглядывалъ во всѣ обширныя комнаты нижняго жилья, внѣ себя отъ удивленія при видѣ красоты и роскоши, которыя окружали его.

«Домъ, въ которомъ я служилъ, когда былъ мальчикомъ, былъ очень красивъ, думалъ онъ: «но онъ ничего въ сравненіи съ этимъ домомъ. Желалъ бы я знать, такъ ли былъ удивленъ и восхищенъ Алэнъ, какъ я?»

Красота лѣтняго утра выманила его въ открытую дверь передней, какъ его друга прежде него. Онъ проворно сбѣжалъ съ ступеней, напѣвая мотивъ, подъ который онъ плясалъ въ былое время. Даже воспоминанія о его несчастномъ дѣтствѣ заимствовали колоритъ въ это счастливое утро отъ свѣтлаго медиума, сквозь который онъ смотрѣлъ на нихъ.

«Еслибы я не отвыкъ, думалъ онъ, облокотясь на ограду и

смотря въ паркъ: «я попробоваль бы одну изъ моихъ прежнихъ штукъ на этой чудесной травѣ.»

Онъ обернулся, примѣтилъ двухъ слугъ, разговарившихъ у кустарника, и спросилъ хозяина дома. Слуги съ улыбкой указали на садъ и сказали, что мистеръ Армэдэль пошолъ туда болѣе часа тому назадъ и встрѣтилъ тамъ миссъ Мильрой. Мидуинтеръ пошолъ по тропинкѣ черезъ кустарникъ, но, дойдя до цвѣтника, остановился, подумалъ и воротился назадъ.

«Если Алленъ встрѣтился съ этой молодой дѣвицей, сказалъ онъ самъ себѣ: «я ему не нуженъ.»

Онъ засмѣялся при этомъ неизбѣжномъ выводѣ и пошолъ осматривать красоты Торп-Эмброза съ другой стороны дома. Пройдя уголъ передней стѣны зданія, онъ спустился съ нѣсколькихъ ступеней, прошолъ по вымощенной дорожкѣ, повернулъ за другой уголъ и очутился съ задней стороны дома. Позади него простирался рядъ небольшихъ комнатъ, расположенныхъ въ-уровень съ службами. Передъ нимъ, съ дальней стороны небольшого садика, возвышалась стѣна, закрытая лавровой изгородью съ дверью на одномъ концѣ, которая вела мимо конюшенъ къ воротамъ, открывавшимся на большую дорогу. Примѣтивъ, что до-сихъ-поръ онъ нашолъ только кратчайшую дорогу къ дому, по которой ходили слуги и поставщики, Мидуинтеръ воротился назадъ и посмотрѣлъ на окно одной изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ, когда проходилъ мимо него. Людскія, что ли, были эти комнаты? Нѣтъ; людскія, очевидно, были съ другой стороны нижняго жилья, а окно, на которое онъ взглянулъ, принадлежало кладовой. Слѣдующія двѣ комнаты въ этомъ ряду обѣ были пусты. Четвертое окно, когда онъ подошолъ къ нему, представляло маленькое разнообразіе, оно служило также дверью и въ эту минуту было открыто въ садъ.

Привлеченный книжными полками, которыя онъ примѣтилъ на стѣнахъ, Мидуинтеръ вошолъ въ эту комнату. Книги, которыхъ было не много, не долго задержали его, на нихъ дозволено было взглянуть и не зачѣмъ было снимать съ полокъ.

Романы Вальтера Скотта, повѣсти миссъ Эджевортъ и многихъ ея послѣдователей, поэмы мистриссъ Гамансъ и нѣсколько разрозненныхъ томовъ иллюстрированныхъ альманаховъ того времени составляли маленькую библиотечку. Мидуинтеръ повернулся, чтобы выйти изъ комнаты, когда предметъ съ одной стороны окна, прежде непримѣченный имъ, привлѣкъ его вниманіе и остановилъ его. Это была статуэтка, стоящая на пьедесталѣ, уменьшонная копія знаменитой Ниобеи въ флорентинскомъ музеѣ. Мидуинтеръ перенёсъ свой взглядъ отъ статуэтки къ окну съ внезапнымъ сомнѣніемъ, заставившимъ сердце его сильно забиться. Это было французское окно, а статуэтка стояла передъ нимъ по лѣвую руку. Онъ выглянулъ изъ окна съ подозрѣніемъ, котораго еще не чувствовалъ; видъ разстлался передъ нимъ на лугъ и на садъ. Съ минутою воображеніе его смѣло боролось, чтобы избавиться отъ заключенія, овладѣваго имъ, и боролось напрасно. Тутъ, какъ разъ около него и какъ разъ передъ нимъ, безжалостно заставляя его воротиться отъ счастливаго настоящаго къ ужасному прошлому, была комната, которую Аллэнъ видѣлъ во Второмъ Видѣніи Сна.

Мидуинтеръ ждалъ, думая и осматриваясь вокругъ, пока думалъ. Въ его лицѣ и въ его обращеніи было удивительно мало разстройства; онъ осматрѣлъ пристально каждый предметъ въ комнатѣ, какъ-будто это открытіе скорѣе опечалило его, чѣмъ удивило. Какія-то заграничныя цыновки покрывали полъ; два тростниковые стула и простой столъ составляли всю мебель. Стѣны были обиты простыми обоями и пусты; въ одномъ мѣстѣ дверь вела во внутренность дома, въ другомъ стояла небольшая печка, въ третьемъ висѣли книжныя полки, уже примѣченныя Мидуинтеромъ. Онъ вернулся къ книгамъ и на этотъ разъ снялъ нѣкоторые съ полокъ.

Въ первой раскрытой имъ находились строчки, написанныя женскимъ почеркомъ и чернилами поблѣкшими отъ времени. Онъ прочоль:

«Джэнъ Армэдэль отъ ея возлюбленнаго отца. Торн-Эмбросъ, октябрь, 1828».

Во второй, третьей и четвертой книгахъ была та же надпись. Такъ-какъ Мидуинтеръ зналъ числа и людей, то это помогло ему вывести настоящее заключеніе изъ того, что онъ видѣлъ. Эти книги, должно быть, принадлежали матери Аллена и она, должно быть, написала своё имя въ промежутокъ ея возвращенія въ Торп-Эмбросъ съ Мадеры и рожденія ея сына. Мидуинтеръ взялъ книгу съ другой полки, изъ сочиненій мистриссъ Гемансъ. Тутъ бѣлый листъ въ началѣ книги былъ исписанъ съ обѣихъ сторонъ стихами, всё рукою мистриссъ Армэдэль. Стихи эти имѣли заглавіемъ «Прощаніе съ Торп-Эмбросомъ, мартъ 1829» — только два мѣсяца спустя послѣ рожденія Аллена.

Не имѣя никакихъ достоинствъ, эта маленькая поэма имѣла единственный интересъ въ домашней исторіи, которая въ ней рассказывалась. Та самая комната, гдѣ стоялъ Мидуинтеръ, была описана — видъ въ садъ, окно, открывавшееся въ него, книжныя полки, Ниобея и другія болѣе тѣнныя украшенія, разрушенныя временемъ. Тутъ, въ несогласіи съ братьями, убѣгая отъ своихъ друзей, вдова убитого заключилась, по собственному своему признанію, не имѣя никакихъ другихъ утѣшевій, кромѣ любви и прощенія своего отца до-тѣхъ-поръ пока не родился ея ребѣнокъ. Прощеніе отца и смерть его наполнили нѣсколько стиховъ — къ счастью, выраженія раскаянія и отчаянія были слишкомъ неопредѣленны, чтобы объяснить исторію брака на Мадерѣ читателю, не знавшему истины. Затѣмъ слѣдовалъ намѣкъ на отчужденіе писавшей отъ ея родныхъ и на приближающійся отъѣздъ изъ Торп-Эмброза; потомъ выражалась рѣшимость матери разстаться со всѣми прежними воспоминаніями; не брать съ собою ничего, даже малѣйшей бездѣлицы, которая могла бы напомнить ей о несчастномъ прошломъ, и начать ея новую жизнь въ будущемъ съ рожденіемъ ребенка, который былъ оставленъ для ея утѣшенія и былъ теперь единственнымъ предметомъ на землѣ, способнымъ еще говорить ей любви и надеждъ. Такимъ образомъ старая исторія пылкаго чувства, находящаго утѣшеніе въ фразахъ, скорѣе чѣмъ не найти утѣшенія совсѣмъ, была рассказана еще разъ.

Мидуинтеръ положилъ книгу назадъ на полку съ тяжелымъ вздохомъ и не раскрывалъ никакой другой книги.

— Здѣсь, въ деревенскомъ домѣ или тамъ, на кораблѣ, сказалъ онъ съ горечью:—слѣды преступленія моего отца слѣдуютъ за мной повсюду.

Онъ подошелъ къ окну, остановился и оглянулся на уединенную, заброшенную комнатку.

— Не-уже-ли *это* случайность? спросилъ онъ самъ себя. — Мѣсто, гдѣ страдала его мать, онъ видѣлъ во снѣ, и первое утро въ новомъ домѣ показало это мѣсто не *ему*, а *мнѣ*. О Аллэнъ! Аллэнъ! какъ это кончится?

Только-что эта мысль пробѣжала въ головѣ его, какъ онъ услышалъ голосъ Аллена, звавшего его по имени. Онъ поспѣшно вышелъ въ садъ. Въ эту самую минуту Алленъ выбѣжалъ изъ-за угла, извиняясь скороговоркой, что забылъ въ обществѣ новыхъ сосѣдей законы гостепріимства и права его друга.

— Мнѣ право не было безъ васъ скучно, сказалъ Мидуинтеръ: — и я очень-очень радъ слышать, что новые сосѣди произвели на васъ такое пріятное впечатлѣніе.

Онъ старался, говоря это, пройти на другую сторону дома, но вниманіе Аллена было привлечено открытымъ окномъ и уединенной комнаткой. Онъ немедленно вошелъ, Мидуинтеръ за нимъ, наблюдая за нимъ виѣ себя отъ безпокойства, когда Алленъ осмотрѣлся вокругъ. Ни малѣйшее воспоминаніе о сновидѣніи не возмутило спокойную душу Аллена; ни малѣйшаго намѣка на это сновидѣніе не сорвалось съ безмолвныхъ губъ его друга.

— Именно такое мѣсто, въ какомъ я ожидалъ васъ найти! весело воскликнулъ Алленъ:—маленькая, уютная комнатка безъ претензій! Знаю я васъ, мастеръ Мидуинтеръ! вы будете ускользать сюда, когда будутъ пріѣзжать гости, и мнѣ кажется, что въ этихъ печальныхъ случаяхъ и я буду слѣдовать за вами... Чтò съ вами? Вы какъ-будто больны и не въ духѣ. Голодны? Разумѣется, не простительно съ моей стороны, что я заставилъ

васъ ждать... Эта дверь ведётъ куда-нибудь, я полагаю; попробуемъ войти въ домъ кратчайшимъ путёмъ. Не бойтесь, что я не буду съ вами завтракать. Я немного ѣлъ въ коттэджѣ; я насыщаль мои глаза созерцаніемъ прелестей миссъ Мильрой, какъ говорятъ поэты. О милочка! милочка! Какъ только вы взглянете на неё, она закружитъ вамъ голову. А что касается ея отца, подождите, пока увидите его удивительные часы: они вдвое больше знаменитыхъ страсбургскихъ часовъ и такъ громко бьютъ, какъ никогда еще не случилось слышать никому!

Воспѣвая похвалы своему новому другу, Аллэнъ торопливо вѣлъ Мидунтера по каменнымъ корридорамъ нижняго этажа, которые вели, какъ онъ справедливо угадалъ, къ лѣстницѣ, сообщавшейся съ передней. Они прошли мимо людской. При видѣ кухарки и пылающаго огня, видѣвшихся въ открытую дверь кухни, Аллэнъ закричалъ, забывъ о своёмъ достоинствѣ, какъ хозяина дома:

— Ага, мистриссъ Грипперъ! вотъ вы здѣсь съ вашими горшками и кострюлями и вашимъ пылающимъ горниломъ! Пожалуйста поскорѣе завтракъ. Яица, сосиски, ветчину, почки, мармеладъ, салатъ, кофе и тому подобное. Другъ мой и я принадлежимъ къ немногимъ избраннымъ, для которыхъ особенно пріятно стирать. Мы оба гастрономы, мистриссъ Грипперъ, оба гастрономы. Вы увидите, продолжалъ Аллэнъ, когда они шли къ лѣстницѣ:—я заставлю помолодѣть это достойное существо; я лучше доктора для мистриссъ Грипперъ. Когда она смѣется, она трясётъ свои жирные бока и приводитъ въ дѣйствіе свою мускулярную систему... А! вотъ опять Сюзанна! Не прислоняйтесь къ периламъ, моя милая, если вамъ ничего толкнуть *меня* на лѣстницѣ, мнѣ будетъ пріятно толкнуть *васъ*. Она похожа на расцвѣтшую розу, когда она краснѣетъ—не правда ли? Пойдите, Сюзанна! я долженъ отдать нѣкоторыя приказанія. Особенно занимайтесь комнатою мистера Мидунтера, изъ всѣхъ силъ отряхайте пыль съ его мебели до-тѣхъ-поръ, пока не заболитъ ваши миленькія, кругленькія ручки... Вздоръ, любезный другъ! Я ихъ не знаю, я только задаю имъ работу. Ну Ричардъ, гдѣ мы будемъ завтракать? О, здѣсь! Между нами, Мидунтеръ, эти вели-

колѣпныя комнаты слишкомъ велики для меня; мнѣ кажется, что я никогда не буду въ короткихъ отношеніяхъ съ моей собственной мебелью. Мой любимый образъ жизни — болѣе уютности и не столько опрятности, кухонный стулъ и низкій потолокъ. Человѣку немного нужно на землѣ и недолго нужно это немногое. Цитата кажется невѣрною, но она выражаетъ моё мнѣніе и мы оставимъ её безъ поправокъ до слѣдующаго случая...

— Извините, перебилъ Мидуинтеръ:—васъ здѣсь ждѣтъ что-то еще непривлекчшее вашего вниманія.

Онъ нѣсколько нетерпѣливо указывалъ на письмо, лежавшее на столѣ. Онъ могъ скрыть отъ Аллена злобѣщее открытіе, сдѣланное имъ въ то утро, но не могъ преодолѣть тайнаго недо- вѣрія къ обстоятельствамъ, пробудившимся въ его суевѣрной натурѣ—инстинктивнаго подозрѣнія ко всему, что случалось, какъ ни обыкновенно или ничтожно было обстоятельство, въ первый достопамятный день, когда началась новая жизнь въ новомъ домѣ.

Аллэнъ пробѣжалъ глазами письмо и бросилъ его черезъ столъ къ своему другу.

— Я ничего не понимаю, сказалъ онъ:—а вы можете понять? Мидуинтеръ медленно прочолъ письмо вслухъ.

«Милостивый государь, надѣюсь, вы простите, что я осмѣлился послать къ вамъ нѣсколько строкъ, которыя вы найдёте по пріѣздѣ вашему въ Торп-Эмбросъ. Если неравно по какимъ-нибудь обстоятельствамъ вы не расположены поручить ваши дѣла мистеру Дарчу...

Мидуинтеръ вдругъ остановился и подумалъ.

— Дарчъ, это нашъ пріятель нотаріусъ, сказалъ Аллэнъ, предположивъ, что Мидуинтеръ забылъ это имя.—Развѣ вы не помните какъ мы спускали полкрану на столѣ въ каютѣ, когда я получилъ два предложенія на счетъ коттѣджа? Орель —маіоръ, рѣшотка—страпчій! Это страпчій.

Не отвѣчая ничего, Мидуинтеръ продолжалъ читать письмо:

«Если неравно по какимъ-нибудь обстоятельствомъ, вы не расположены поручить ваши дѣла мистеру Дарчу, я прошу позволенія сказать, что я буду очень радъ заняться вашими дѣлами, если вамъ угодно будетъ почтить меня вашимъ довѣріемъ. Вкладываю адресъ моихъ повѣренныхъ въ Лондонѣ—если вамъ угодно навести обо мнѣ справки — опять извиняясь въ моей смѣлости, имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга

А. Педгифтъ.

— По какимъ-нибудь обстоятельствамъ? повторилъ Мидуинтеръ, положивъ письмо:—какія обстоятельства могутъ помѣшать вамъ поручить ваши дѣла мистеру Дарчу?

— Ничего не можетъ помѣшать мнѣ, сказала Аллэнъ:—кромя того, что Дарчъ былъ фамилійный нотариусъ; онъ первый написалъ мнѣ въ Парижъ о моёмъ наслѣдствѣ, и если у меня случатся дѣла, разумѣется, я поручу ихъ ему.

Мидуинтеръ всё недовѣрчиво смотрѣлъ на открытое письмо, лежавшее на столѣ.

— Я очень боюсь, Аллэнъ, не случилось ли уже чего-нибудь, сказала онъ.—Этотъ человѣкъ никогда не осмѣлился бы обратиться къ вамъ съ такой просьбой, еслибы не имѣлъ причины предполагать, что онъ будетъ имѣть успѣхъ. Если вы желаете съ самаго начала привести въ порядокъ ваши дѣла, пошлите сказать мистеру Дарчу сегодня же утромъ, что вы здѣсь и пока ничего не отвѣчайте на письмо мистера Педгифта.

Прежде чѣмъ они успѣли размѣняться еще нѣсколькими словами, лакей явился съ завтракомъ. За нимъ пришолъ буфетчикъ, человѣкъ съ необыкновенно вкрадчивымъ и пріятнымъ голосомъ, съ вѣжливымъ обращеніемъ и съ носомъ похожимъ на луковицу. Всякій, кромѣ Аллэна, увидалъ бы по его лицу, что онъ вошелъ въ комнату, съ тѣмъ, чтобы сообщить своему господину нѣчто особенное. Аллэнъ, ничего не выдавшій подъ поверхностью и думавшій о письмѣ нотариуса, прямо приступилъ къ нему съ вопросомъ:

— Кто мистеръ Педгифтъ?

Буфетчикъ тотчасъ поспѣшилъ высказать свои лестныя познанія. Мистеръ Педгифтъ былъ второй изъ двухъ нотариусовъ въ городѣ; онъ не такъ давно былъ извѣстенъ, не такъ богатъ и не такъ уважаемъ, вообще какъ старый мистеръ Дарчъ. Онъ не занимался дѣлами самыхъ знатныхъ людей въ графствѣ, не бывалъ въ лучшемъ обществѣ, какъ старый мистеръ Дарчъ. Всё-таки это былъ человѣкъ способный въ своёмъ родѣ, извѣстный своей честностью и знаніемъ дѣла во всёмъ округѣ—словомъ, послѣ мистера Дарча лучший юристъ, а по наружности выше его въ томъ отношеніи, что Дарчъ былъ брюзгливый старикъ, а Педгифтъ нѣтъ.

Сообщивъ эти свѣдѣнія, буфетчикъ, благоразумно воспользовавшись выгодами своего положенія, перескользнулъ, не останавливаясь ни минуты, отъ мистера Педгифта къ дѣлу, которое привело его въ столовую. Лѣтній расчётъ приближался и фермеры привыкли, чтобы имъ давали знать за недѣлю до обѣда, который всегда давался въ тотъ день, когда они вносили свои деньги. При такихъ нетерпящихъ отлагательства обстоятельствахъ и такъ какъ еще не было сдѣлано никакихъ распоряженій и еще не назначено управляющаго въ Торн-Эмбросъ, то слѣдовало какому-нибудь довѣренному человѣку взяться за это. Этимъ довѣреннымъ человѣкомъ былъ буфетчикъ и поэтому онъ теперь осмѣлился побезпокоить своего господина на этотъ счётъ.

Тутъ Алэнъ раскрылъ-было губы, чтобы прервать буфетчика, но его самого прервали прежде, чѣмъ онъ успѣлъ произнести слово.

— Подождите! вмѣшался Мидуинтеръ, видя по лицу Алэна, что онъ подвергается опасности быть публично провозглашоннымъ въ качествѣ управителя: — подождите! повторилъ онъ настойчиво:—я прежде хочу съ вами поговорить.

Вѣжливое обращеніе буфетчика не было нарушено внезапнымъ вмѣшательствомъ Мидуинтера и его собственнымъ изгнаніемъ со сцены. Только покраснѣвшій носъ обнаружилъ чувство оскорб-

ленія, одушевлявшее его, когда онъ удалился. Надежды мистера Армэдэля угостить своего друга и себя въ этотъ день лучшимъ виномъ въ погребѣ подвергались опасности, когда буфетчикъ ушолъ въ нижній этажъ.

— Шутки въ сторону, Аллэнъ, сказалъ Мидуинтеръ, когда они остались одни: вашихъ арендаторовъ долженъ принять въ день уплаты арендныхъ денегъ тотъ, кто дѣйствительно способенъ занять мѣсто управителя. При всѣмъ моёмъ желаніи научиться, я не могу понять это дѣло въ одну недѣлю. Прошу васъ не поставьте себя въ фальшивое положеніе относительно другихъ людей изъ-за попеченій о моёмъ благосостояніи. Я никогда не прошу себѣ, если буду несчастною причиною...

— Потихе, потихе! вскричалъ Аллэнъ, изумляясь необыкновенной серьёзности своего друга.—Если я напишу въ Лондонъ съ сегодняшней почтой, чтобы тотъ человѣкъ, который прежде занимался здѣсь, пріѣхалъ сюда, останетесь ли вы довольны?

Мидуинтеръ покачалъ головой.

— Времени немного, сказалъ онъ: — а можетъ-быть этотъ человѣкъ несвободенъ. Почему бы вамъ не написать къ мистеру Дарчу? Пошлите къ нему сейчасъ и мы увидимъ можетъ ли онъ намъ помочь прежде чѣмъ отойдѣтъ почта.

Аллэнъ подошелъ къ боковому столику, на которомъ лежали письменныя принадлежности.

— Вы будете завтракать спокойно, неугомонный старикашка, сказалъ онъ и написалъ къ Дарчу съ своей обыкновенной спартацкой краткостью выраженія:

«Милостивый государь,

«Я уже здѣсь. Угодно вамъ сдѣлать мнѣ одолженіе быть моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ? Я спрашиваю васъ объ этомъ потому, что мнѣ нужно посоветоваться съ вами сейчасъ. Пожалуйста зайдите ко мнѣ сегодня и останьтесь обѣдать, если можно.

«Искренно вамъ преданный

«Аллэнъ Армэдэль.»

Прочитавъ вслухъ это сочиненіе съ нескрываемымъ восторгомъ къ быстротѣ своихъ литературныхъ способностей, Аллэнъ адресовалъ это письмо къ мистеру Дарчу и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Отвезите это письмо сейчасъ, Ричардъ, и подождите отвѣта. Если въ городѣ есть какія-нибудь новости, узнайте о нихъ и привезите ихъ съ собой. Посмотрите, какъ я распоряжаюсь моими слугами! продолжалъ Аллэнъ, подходя къ своему другу, сидѣвшему за завтракомъ:—посмотрите, какъ я вхожу въ мои новыя обязанности! Я не пробылъ здѣсь еще и дня, а уже интересуюсь моими сосѣдями.

По окончаніи завтрака оба друга пошли провести утро подъ тѣнью деревьевъ въ паркѣ. Насталъ полдень, а Ричардъ не явился. Пробылъ часъ, а всё еще не было отвѣта отъ мистера Дарча. Терпѣніе Мидуинтера не могло выдержать этой медленности; онъ оставилъ Аллена дремать на травѣ и пошелъ въ домъ узнать. Городъ находился въ двухъ миляхъ отъ Торп-Эмброза, но день былъ рыночный и Ричарда, безъ сомнѣнія, задержали его знакомые, съ которыми онъ навѣрно встрѣтился въ городѣ.

Черезъ полчаса посланный воротился и былъ посланъ сообщить отвѣтъ его господину, лежавшему подъ деревомъ въ паркѣ.

— Мистеръ Дарчъ прислалъ отвѣтъ? спросилъ Мидуинтеръ, вида, что Аллэнъ лѣжится сдѣлать этотъ вопросъ.

— Мистеръ Дарчъ былъ занятъ, сэръ; онъ приказалъ мнѣ сказать, что онъ самъ пришлѣтъ отвѣтъ.

— Есть какія новости въ городѣ? соннымъ голосомъ спросилъ Аллэнъ, не давая себѣ труда раскрыть глаза.

— Нѣтъ, сэръ, ничего особеннаго.

Подозрительно наблюдая за слугою, когда онъ далъ этотъ отвѣтъ, Мидуинтеръ примѣтилъ въ его лицѣ, что онъ говорилъ неправду. Ричардъ очевидно находился въ замѣшательствѣ и очевидно успокоился, когда молчаніе его господина позволило ему уйти. Подумавъ

нѣсколько, Мидуинтеръ пошолъ за нимъ и нагналъ удалявшагося слугу на дорожкѣ передъ домою.

— Ричардъ, сказалъ онъ спокойно: — справедливо ли я угадалъ, что въ городѣ есть какія-то новости и что вы не хотите сообщить ихъ вашему господину?

Слуга вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

— Я не знаю, какъ вы угадали это, сэръ, но не могу опровергать, что вы угадали правду.

— Скажите мнѣ въ чомъ состоятъ эти новости, а я возьму на себя отвѣтственность передать ихъ мистеру Армэдэлю.

Послѣ нѣкоторой нерѣшимости Ричардъ, довѣрчиво рассмотрѣвъ съ своей стороны лицо Мидуинтера, наконецъ рѣшился повторить то, что онъ слышалъ въ этотъ день въ городѣ.

Извѣстіе о внезапномъ пріѣздѣ Аллена въ Торп-Эмбросъ разнеслось за нѣсколько часовъ до прибытія туда слуги. Гдѣ онъ ни былъ, онъ вездѣ находилъ, что господинъ его составлялъ предметъ общихъ разговоровъ. Мнѣніе о поведеніи Аллена главныхъ лицъ въ городѣ, окрестныхъ дворянъ и главныхъ арендаторовъ помѣстья было вообще неблагопріятно. Только на-канунѣ комитетъ, составившійся для устройства публичнаго пріема новаго сквайра, рѣшилъ ходъ процесіи, серьезный вопросъ о триумфальныхъ аркахъ и назначилъ способнаго человека собирать подписку на флаги, цвѣты, фейерверкъ, угощеніе, оркестръ. Въ недѣлю деньги могли быть собраны и ректоръ написалъ бы къ мистеру Армэдэлю, прося его назначить день. А теперь Алленъ добровольно пренебрѣгъ публичнымъ пріемомъ, желавшимъ его почтить! Всѣ догадались (это, къ несчастью, было справедливо), что его секретно увѣдомили объ этомъ. Всѣ объявляли, что онъ умышленно прокрался въ свой собственный домъ, какъ воръ, ночью, чтобы избавиться отъ вѣжливости своихъ сосѣдей—словомъ, обидчивая важность маленькаго городка была задѣта за живое и не осталось и слѣда завиднаго положенія Аллена въ уваженіи его сосѣдей.

Съ минуту Мидуинтеръ смотрѣлъ съ безмолвнымъ огорче-

ніемъ на вѣстника этого непріятнаго извѣстія. Когда эта минута прошла, сознаніе въ критическомъ положеніи Аллена заставило Мидуинтера поискать средства противъ этого зла.

— Нравится ли вамъ вашъ господинъ, Ричардъ, на сколько вы могли узнать его въ это короткое время?

На этотъ разъ слуга отвѣчалъ безъ малѣйшей нерѣшимости:

— Болѣе пріятнаго и добраго господина, какъ мистеръ Армэдэль, нельзя желать.

— Если вы это думаете, продолжалъ Мидуинтеръ:—вы согласитесь сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя помогутъ вашему господину помириться съ его сосѣдами. Пойдемте въ домъ.

Онъ прошолъ въ бібліотеку и, сдѣлавъ необходимые вопросы, записалъ имена и адреса самыхъ вліятельныхъ особъ, жившихъ въ городѣ и въ окрестностяхъ. Сдѣлавъ это, онъ позвонилъ главному лакею, а Ричарда послалъ въ конюшню сказать, чтобы коляска была заложена черезъ часъ.

— Когда покойный мистеръ Блэнчардъ дѣлалъ визиты сосѣдамъ, вы ѣздили съ нимъ или нѣтъ? спросилъ онъ, когда вошелъ главный слуга.—Очень хорошо. Будьте готовы черезъ часъ ѣхать съ мистеромъ Армэделемъ.

Отдавъ это приказаніе, онъ пошелъ къ Аллену со спискомъ его сосѣдей въ рукахъ. Онъ улыбнулся нѣсколько грустно, сходя съ лѣстницы.

«Кто подумалъ бы, спрашивалъ онъ себя мысленно: «что моё лакейское знаніе господскихъ обычаевъ когда-нибудь пригодится для Аллена?»

Предметъ общаго негодованія невинно дремалъ на травѣ, шляпа спустилась ему на носъ, жилетъ разстегнулся, а панталоны поднялись кверху. Мидуинтеръ разбудилъ его безъ малѣйшей нерѣшимости и безжалостно повторилъ извѣстіе, сообщенное слугой. Алленъ принялъ это весьма спокойно.

— Чортъ ихъ побери! вотъ всё, что онъ сказалъ.—Выбуримъ еще сигару.

Мидуинтеръ взялъ сигару изъ его руки и настоялъ на томъ, чтобы онъ серьёзно взглянулъ на это дѣло и помирился съ своими оскорблёнными сосѣдями, лично отправившись къ нимъ съ извиненіемъ. Алленъ съ удивленіемъ сѣлъ на траву и вытаращилъ глаза съ испугомъ. Не-уже-ли Мидуинтеръ положительно хочетъ заставить его нарядиться во фракъ, надѣтъ круглую шляпу и чистыя перчатки? Не-уже-ли онъ серьёзно намѣревается запереть его въ коляскѣ съ лакеемъ на запяточкахъ, съ визитными карточками въ рукахъ, кататься изъ дома въ домъ и говорить дуракамъ, что онъ проситъ у нихъ извиненія въ томъ, что не позволилъ имъ выставить себя на-показъ? Если что-нибудь столь крайне нелѣпое должно быть сдѣлано, то, во всякомъ случаѣ, это не можетъ быть сдѣлано въ этотъ день: онъ обѣщала очаровательной миссъ Мильрой зайти въ коттеджъ и привести съ собой Мидуинтера. Чтò ему была за нужда до хорошаго мнѣнія окрестныхъ дворянъ? Единственныхъ друзей, какіе ему были нужны, онъ уже имѣлъ. Пусть всѣ сосѣди повернутся къ нему спиной, если хотять, торп-эмбросскій сквайръ ни капельки объ этомъ не заботится.

Позволивъ ему истощить весь запасъ его возраженій, Мидуинтеръ попробовалъ надъ нимъ своё личное вліяніе. Онъ дружески взялъ Аллена за руку:

— Я буду просить васъ о большой милости, сказалъ онъ:— если вы не хотите ѣхать къ этимъ людямъ собственно для себя, поѣзжайте къ нимъ для того, чтобы сдѣлать удовольствіе *мнѣ*.

Алленъ застоналъ съ отчаяніемъ, вытаращилъ глаза съ безмолвнымъ удивленіемъ на растревоженное лицо своего друга и добродушно уступилъ. Когда Мидуинтеръ взялъ его подъ руку и повёлъ домой, Алленъ, плачевно посмотрѣлъ на коровъ, которыя паслись спокойно въ пріятной тѣни.

— Не говорите это моимъ сосѣдямъ, сказалъ онъ:—но мнѣ хотѣлось бы помѣняться мѣстами съ одной изъ моихъ коровъ.

Мидуинтеръ оставилъ его одѣться, давъ слово воротиться, когда подадутъ коляску. Тоалетъ Аллена продолжался до-

вольно долго. Онъ началъ тѣмъ, что сталъ читать свои визитныя карточки, потомъ разсматривать свой гардеробъ и посылать своихъ сосѣдей въ адъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ придумать третій способъ къ замедленію, необходимый предлогъ неожиданно явился вмѣстѣ съ появленіемъ Ричарда, вошедшаго съ письмомъ въ рукѣ. Это былъ отвѣтъ, присланный мистеромъ Дарчемъ. Аллэнъ шумно заперъ гардеробъ и обратилъ всё вниманіе на письмо нотаріуса. Оно заключалось въ слѣдующихъ строкахъ:

«Милостивый государь,

«Я получилъ ваше письмо сегодня, въ которомъ вы удостоили сдѣлать мнѣ два предложенія, *первое*, чтобы я былъ вашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а *второе*, чтобы я пріѣхалъ сегодня къ вамъ. Относительно перваго предложенія, я прошу позволенія отказаться отъ него съ благодарностью; что касается втораго, я сообщу вамъ, что обстоятельства, дошедшія до моего вѣдома относительно коттеджа въ Торп-Эмбросъ, дѣлаютъ для меня невозможнымъ принять ваше приглашеніе. Я узналъ, милостивый государь, что моё предложеніе вы получили вмѣстѣ съ предложеніемъ майора Мильроя, и что вы отдали предпочтеніе совершенно постороннему, обратившемуся къ вамъ черезъ агента передъ человѣкомъ, который вѣрно служилъ вашимъ родственникамъ два поколѣнія и первый сообщалъ вамъ о самомъ важномъ событіи въ вашей жизни. Послѣ этого обращенія вашего уваженія къ правамъ обыкновенной вѣжливости и обыкновенной справедливости, я не могу льстить себя надеждою, что я обладаю качествами, которыя позволяютъ мнѣ занять мѣсто въ спискѣ вашихъ друзей.

«Остаюсь, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга,

«Джэмсъ Дарчъ»

— Остановите посланнаго! вскричалъ Аллэнъ, съ лицомъ плавающимъ отъ негодовавія.— Дайте мнѣ перо, бумаги и чернила!

Прекрасны люди живутъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ: всѣ сговорились дѣлать мнѣ непріятности!

Онъ схватилъ перо съ неистовымъ вдохновеніемъ.

«Милостивый государь,

«Я презираю васъ и ваше письмо...

Тутъ чернила сдѣлали пятно и писавшимъ овладѣла минутная нерѣшимость.

«Слишкомъ сильное выраженіе, подумалъ онъ: «я напишу къ нотаріусу его же хладнокровнымъ и колкимъ слогомъ.»

Онъ опять началъ на чистомъ листѣ бумаги,

«Милостивый государь,

«Вы напомнили мнѣ ирландскую поговорку: «вся взаимность съ одной стороны». *Ваша* взаимность вся съ одной стороны. Вы отказываетесь быть моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а потому жалуетесь, что я отказался быть вашимъ хозяиномъ.»

Онъ самодовольно остановился надъ этими послѣдними словами.

«Очень мило, подумалъ онъ: «и аргументъ и меткій намѣкъ. Желалъ бы я знать, откуда взялась у меня такая способность къ письмамъ?»

Онъ кончилъ своё письмо двумя фразами:

«Что касается того, что вы отказались отъ моего приглашенія, то я прошу позволенія у васъ сообщить вамъ, что мнѣ нисколько отъ того не хуже. Я равномѣрно радъ, что не имѣю съ вами никакого дѣла и какъ съ другомъ и какъ съ жильцомъ.

«Аллэнъ Армэдэль.

Онъ съ восторгомъ посмотрѣлъ на своё сочиненіе, написалъ его и велѣлъ отдать посланному.

«Толста должна быть шкура у Дарча, думалъ онъ: «если это его не проймётъ.

Стукъ колёсъ вдругъ напомнилъ ему, что онъ долженъ былъ

дѣлать визиты, и Мидуинтеръ былъ на своёмъ посту, прохаживаясь взадъ и впередъ передъ домомъ.

— Прочтите это, закричалъ онъ, бросая ему письмо нотариуса: — я написалъ ему отвѣтъ.

Онъ поспѣшилъ къ гардеробу вынуть скортукъ; въ нёмъ произошла удивительная перемѣна. Онъ не чувствовалъ теперь неохоты дѣлать визиты. Приятное волненіе, возбуждённое въ нёмъ его отвѣтомъ Дарчу, внушило ему желаніе показать себя передъ сосѣдами.

«Что ни говорили бы они обо мнѣ, а ужъ не скажутъ, что я ихъ боюсь.»

Разгоряченный этой мыслью, онъ схватилъ шляпу и перчатки и торопливо вышелъ изъ комнаты, встрѣтивъ Мидуинтера въ корридорѣ съ письмомъ нотариуса въ рукахъ.

— Не унывайте! вскричалъ Аллэнъ, увидѣвъ безпокойство на лицѣ своего друга и тотчасъ ошибочно перетолковавъ его. — Если на помощь Дарча нельзя разсчитывать, Педгифтъ можетъ намъ помочь.

— Любезный Аллэнъ, я думалъ не объ этомъ, а о письмѣ мистера Дарча. Я не защищаю этого сердитаго господина, но я боюсь, что мы должны согласиться, что онъ имѣетъ нѣкую причину жаловаться. Пожалуйста не давайте ему другую возможность обвинять васъ. Гдѣ вашъ отвѣтъ на его письмо?

— Отправленъ! отвѣчалъ Аллэнъ: — я всегда кую желѣзо пока оно горячо, что слово, то ударъ — вотъ моя манера. Пожалуйста, мой милый, не тревожьтесь на счётъ управительскихъ книгъ и дня арендной платы. Вотъ связка ключей, которую отдали мнѣ вчера; одинъ изъ нихъ отпираетъ комнату, гдѣ лежатъ книги управителя. Подите и прочтите ихъ, пока я ворочусь. Даю вамъ честное слово, что я всё устрою съ Педгифтомъ прежде, чѣмъ вы меня увидите...

— Пойдите, перебилъ Мидуинтеръ, рѣшительно останавливая его, когда онъ хотѣлъ сѣсть въ коляску: — я ничего не говорю противъ того, что мистеръ Педгифтъ, можетъ-быть, достоинъ вашего довѣрія, потому-что я не знаю ничего, что оправдывало бы

моё недовѣріе къ нему, но онъ не весьма деликатно рекомендовалъ себя и не упомянулъ, что онъ знаетъ о недружелюбномъ расположеніи къ вамъ мистера Дарча. Подождите немного прежде чѣмъ вы обратитесь къ этому незнакому для васъ человѣку, подождите пока мы переговоримъ объ этомъ сегодня.

— Подождать! возразилъ Алленъ:—развѣ я вамъ не говорилъ, что я кую желѣзо пока оно горячо? Положитесь на мою наблюдательность: я разсмотрю Педгифта насквозь и буду поступать соображаясь съ этимъ. Не задерживайте меня дольше, ради Бога. Я нахожусь въ прекрасномъ расположеніи подразнить мѣстныхъ дворянъ, и если не поѣду тотчасъ, я боюсь, что жаръ мой остынетъ.

Съ этой превосходной причиной для торопливости Алленъ поспѣшилъ сѣсть въ коляску, и прежде чѣмъ можно было остановить его, онъ уже уѣхалъ.

Глава IV.

ХОДЪ СОБЫТІЙ.

Лицо Мидуинтера помрачилось, когда коляска скрылась изъ вида.

— Я сдѣлалъ всё, что могъ, сказалъ онъ, поворачивая къ дому.—Если бы самъ мистеръ Брокъ былъ здѣсь и онъ не могъ бы сдѣлать больше.

Онъ посмотрѣлъ на связку ключей, которую Алленъ сунулъ ему въ руку, и внезапное желаніе разсмотрѣть книги управителя овладѣло его чувствительной и заботливой натурой. Спросивъ дорогу въ комнату, въ которой были положены всѣ управительскія книги и бумаги послѣ того, какъ вонтоджъ былъ отданъ въ най-

мы, Мидуинтеръ сѣлъ за письменный столъ и попробовалъ, можетъ ли онъ разобрать всѣ дѣла, относящіяся къ Торп-Эмбросскому помѣстью. Результатъ показалъ ему, какъ велико было его невѣдѣніе. Контракты, планы и даже корреспонденція показались ему написанными на неизвѣстномъ языкѣ. Воспоминанія его съ горечью обратились на два года уединенныхъ занятій въ лавкѣ книгопродавца.

«Если бы я тогда научился дѣлу, думалъ онъ, «если бы я тогда зналъ, что общество поэтовъ и философовъ слишкомъ высоко для такого бродяги какъ я!»

Онъ сѣлъ въ передней и безмолвіе ея тяжело ложилось на его унылую душу; красота ея раздражала его, какъ оскорбленіе гордаго богача.

— Да будетъ проклято это мѣсто! сказалъ онъ, схвативъ свою шляпу и палку:—мнѣ нравится голая гора, на которой я спалъ, бывало, лучше чѣмъ этотъ домъ.

Онъ нетерпѣливо спустился съ лѣстницы и остановился на дорожкѣ, соображая, съ которой стороны ему надо выйти изъ парка. Если онъ пойдѣтъ по той дорогѣ, по которой поѣхала коляска, онъ рискуетъ помѣшанъ Аллену, случайно встрѣтившись съ нимъ въ городѣ. Если онъ выйдѣтъ въ заднія ворота, онъ зналъ свой характеръ слишкомъ хорошо для того, чтобы сомнѣваться, что онъ пройдетъ мимо комнаты, видѣнной Алленомъ во снѣ, не войдя въ нее опять. Но оставалась еще одна дорога, по которой онъ пошолъ, а потомъ воротился утромъ. Теперь печего было бояться помѣшанъ Аллену и дочери маіора. Безъ дальнѣйшей нерѣшимости Мидуинтеръ отправился по саду осмотрѣть открытую мѣстность съ этой стороны помѣстья.

Разстроенная проишествіемъ этого дня, душа его была полна того ѣдкаго и свирѣпаго сопротивленія къ неизбѣжной самоуверенности богатства, о которомъ такъ любезно сожалѣютъ счастливые и богатые и которые такъ горько знакомо несчастнымъ бѣднымъ.

«Колокольчики не едятъ ничего, думалъ онъ, презрительно смотря на рѣдкіе и прелестные цвѣты, окружавшіе его: «а жар-

гаритки и ранункулы такъ же блестящи, какъ и самыя лучшія изъ васъ.»

Онъ шолъ мимо искусно проведенныхъ оваловъ и квадратовъ итальянскаго сада съ равнодушіемъ къ симетріи и замысловатости ихъ рисунка.

— Сколько фунтовъ стоили *вы?* сказалъ онъ, презрительно оглядываясь на тропинку, пройденную имъ.

Онъ вошелъ въ кустарникъ, въ который Алленъ входилъ прежде него, прошолъ звѣринецъ и сельскій мостикъ и дошелъ до коттеджа маіора. Его находчивый умъ дошелъ до справедливаго заключенія при первомъ взглядѣ на этотъ коттеджъ; онъ остановился передъ калиткой взглянуть на красивый домикъ, который никогда не былъ бы пусть и никогда не отданъ въ наймы, если бы не намѣреніе Аллена заставить своего друга занять мѣсто управителя.

Лѣтній день былъ жарокъ; лѣтній воздухъ былъ тихъ. Въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ огня были открыты. Изъ одного изъ нихъ въ верхнемъ этажѣ раздавались голоса въ тишинѣ, царствовавшей въ паркѣ, когда Мидуинтеръ остановился съ наружной стороны садоваго забора. Женскій голосъ, жесткій и пронзительный, сердито жаловался—это былъ голосъ, въ которомъ исчезли вся свѣжесть и вся мелодія и осталась только жесткая сила — раздавался громче всѣхъ. Къ нему время отъ времени примѣшивались болѣе глубокіе и спокойныя тоны, успокоительныя и сострадательныя голоса мужскаго. Хотя разстояніе было слишкомъ велико для того, чтобы Мидуинтеръ могъ разслушать слова, но онъ почувствовалъ неприличіе оставаться такъ близко и пошелъ продолжать свою прогулку. Въ ту же минуту лицо молодой дѣвушки (въ ней легко можно было узнать миссъ Мильрой по описанію Аллена) показалось въ открытомъ окнѣ. Выраженіе свѣтлаго и юнаго личика, такъ мило улыбавашагося Аллену, было утомлено и уныло. Разсѣянно посмотрѣвъ въ паркъ, она вдругъ обернулась въ комнату: повидимому ея вниманіе было привлечено какими-то словами, и воскликнула съ негодова-ніемъ:

— О мамà, мамà, какъ вы *можете* говорить подобныя вещи!

Эти слова долетѣли до ушей Мидуинтера и онъ поспѣшно удалился, прежде чѣмъ могъ услышать болѣе; но ему суждено было узнать подробнѣе домашнее положеніе маіора Мильроя. Когда Мидуинтеръ повернулъ за уголъ садоваго забора, мальчикъ изъ лавки подавалъ свѣрюкъ служанкѣ.

— Ну, какова вапа барыня сегодня? спросилъ мальчикъ съ безстыдствомъ своего сословія.

Служанка подняла руку, чтобы дать ему пощочину.

— Какова барыня? повторила она, сердито качая головой когда мальчикъ убѣжалъ; — если бы Богу было угодно прибрать барыню, то всѣмъ въ домѣ было бы хорошо.

Когда Аллэнъ съ энтузіазмомъ описывалъ обитателей коттеджа своему другу, такой зловѣщей тѣни не было на свѣтѣ картины домашняго счастья. Было ясно, что тайна жильцовъ была еще скрыта отъ хозяина. Черезъ пять минутъ Мидуинтеръ дошолъ до калитки парка,

«Не-уже-ли мнѣ суждено не видѣть и не слышать ничего сегодня, что внушило бы моему сердцу надежду на будущее? думалъ онъ, сердито хлопнувъ калиткой. «Даже жизнь тѣхъ, которымъ Аллэнъ отдалъ въ наймы коттеджъ, омрачена домашнимъ бѣдствіемъ, которое, къ несчастью, долженъ былъ открыть я!»

Онъ повернулъ на первую дорогу, лежавшую передъ нимъ, и шолъ почти не примѣчая ничего, погруженный въ свои мысли. Болѣе часа прошолъ онъ прежде чѣмъ ему пришло въ голову воротиться назадъ. Онъ посмотрѣлъ на часы и рѣшился воротиться, чтобы встрѣтить Аллена по его возвращеніи. Черезъ десять минутъ онъ дошолъ до перекрѣстка, у котораго встрѣчались три дороги, и увидалъ, что онъ не примѣтилъ по которой изъ этихъ трѣхъ дорогъ шолъ онъ. Никакой примѣты не было видно: мѣстность съ каждой стороны была пустынная и плоская, пересѣкаемая широкими канавами. Тамъ и сямъ паслись коровы, въ дали надъ ивами, обаймлявшими низкій горизонтъ, возвышалась вѣтряная мельница, но не видно было никакого дома и ни одно человѣческое существо не видѣлось въ перспективѣ трѣхъ дорогъ.

Мидуинтеръ оглянулся по единственному направленію, на которое оставалось ему взглянуть—на дорогу, которую онъ только-что прошолъ. Тамъ къ облегченію свосму онъ увидалъ человѣка, быстро приближавшагося къ нему и у котораго онъ могъ спросить куда ему идти.

Человѣкъ подошолъ, одѣтый съ головы до ногъ въ черное — движущееся пятно на блестящей бѣлой поверхности, освѣщенной солнцемъ дороги. Это былъ худощавый, пожилой, жалкой по почтенной наружности человѣкъ; на немъ былъ бѣдный старый черный фракъ, дешовый парикъ, неимѣвшій притязанія казаться его натуральными волосами. Короткіе черные панталоны обнимали, какъ старые преданные слуги, его тонкія и черныя штиблеты скрывали, какъ могли, его некрасивыя ноги. Черный крель увеличивалъ упадокъ его поношенной старой шляпы; черный шерстяной галстухъ окружалъ шею. Единственный цвѣтной предметъ былъ синій саржевый мѣшокъ, такой же тонкій, какъ онъ самъ; единственная привлекательная черта на его гладко выбритомъ старомъ лицѣ были зубы (такія же честныя, какъ и парикъ), ясно говорившіе всѣмъ любопытнымъ глазамъ: «мы ночи проводимъ на его столѣ, а дни въ его рту.»

Вся кровь, какая только находилась въ тѣлѣ этого человѣка, покрыла его щоки, когда Мидуинтеръ пошолъ къ нему на встрѣчу и спросилъ дорогу въ Торп-Эмбросъ. Его слабыя водянистыя глазки разбѣжались въ разныя стороны съ испугомъ, на который тяжело было смотрѣть. Если бы онъ встрѣтился со львомъ вмѣсто человѣка, и если бы нѣсколько словъ, обращенныхъ къ нему, выражали угрозу, а не вопросъ, онъ едва-ли могъ казаться болѣе сконфуженъ и испуганъ. Первый разъ въ жизни Мидуинтеръ увидалъ своё собственное застѣнчивое безпокойство въ присутствіи постороннихъ, отражающееся съ силою нервнаго страданія, умноженною въ десять разъ на лицѣ другого человѣка, который былъ такъ старъ, что могъ быть его отцомъ.

— Вы о чомъ говорите, сэръ, о городѣ или о замкѣ? Извините, что я спрашиваю васъ, но и тотъ и другой носятъ одно имя.

Онъ говорилъ съ робкой кротостью въ голосѣ, съ умиловив-

ляющей улыбкой и съ тревожной вѣжливостью въ обращеніи: всё это показывало, что онъ привыкъ получать грубые отвѣты взаменъ своей вѣжливости отъ тѣхъ, къ кому онъ обращался.

— Я не зналъ, что и городъ и замокъ имѣютъ одно имя, сказалъ Мидуинтеръ: — я говорю о замкѣ.

Онъ инстинктивно побѣдиль свою застыбчивость, отвѣчая на эти слова съ дружелюбіемъ, которое было рѣдко въ нёмъ въ сношеніяхъ съ посторонними.

Человѣкъ жалкій, но почтенной наружности, повидимому, съ признательностью принялъ его вѣжливость; онъ повеселѣлъ и приободрился; его худощавый палецъ указалъ на дорогу.

— Вотъ сюда, сэръ, сказалъ онъ: — а когда вы опять дойдёте до двухъ дорогъ, поверните на лѣвую. Я жалѣю, что у меня есть дѣло въ другой сторонѣ, то-есть въ городѣ, я былъ бы радъ пойти съ вами и показать дорогу. Прекрасная лѣтняя погода, сэръ, для прогулки! Вы не можете заблудиться, когда пойдёте налѣво. О, пожалуйста не говорите! я боюсь, что я задержалъ васъ, сэръ. Желаю вамъ пріятнаго возвратнаго пути и — прощайте.

Къ концу своей рѣчи онъ опять лишился мужества и пошолъ по своей дорогѣ, какъ-будто въ покушеніяхъ Мидуинтера благодарить его заключались неприятности, съ которыми слишкомъ страшно было встрѣтиться. Черезъ двѣ минуты его черная удаляющаяся фигура сдѣлалась въ дали опять движущимся пятномъ на бѣлой поверхности освѣщенной солнцемъ дороги.

Этотъ человѣкъ страннымъ образомъ мелькалъ въ мысляхъ Мидуинтера, когда онъ возвращался домой. Онъ никакъ не могъ объяснить себѣ этого. Ему никогда не приходило въ голову, чтобы ему могли напомнить его самого, когда онъ видѣлъ явные слѣды прошлаго несчастья и настоящаго нервнаго страданія въ лицѣ этого жалкаго человѣка. Онъ разсердился на своё участіе къ этому случайному прохожему на большой дорогѣ, какъ уже сердился на всё, что съ нимъ случилось въ этотъ день.

— Не-уже-ли я сдѣлалъ еще одно несчастное открытіе? спро-

силъ онъ себя нетерпѣливо: — желалъ бы я знать, увижу ли я опять этого человѣка? Кто это можетъ быть?

Время должно было отвѣтить на эти вопросы черезъ нѣсколь-
ко дней.

Аллэнъ еще не возвращался, когда Мидуинтеръ пришолъ до-
мой. Ничего не случилось, кромѣ того, что маіоръ Мильрой при-
слалъ извиниться, что «болѣзнь мистриссъ Мильрой не позволя-
етъ ему принять мистера Армэдэля сегодня». Было ясно, что
припадки страданія (или капризовъ) мистриссъ Мильрой не на
шутку нарушали домашнее спокойствіе. Выведа это естественное
заключеніе послѣ того, что онъ слышалъ близъ коттеджа три ча-
са тому назадъ, Мидуинтеръ ушолъ въ бібліотеку ждать терпѣ-
ливо между книгами возвращенія своего друга.

— Былъ уже седьмой часъ, когда въ передней послышался
знакомый веселый голосъ. Аллэнъ вбѣжалъ въ бібліотеку въ
чрезвычайномъ волненіи и безцеремонно толкнулъ Мидуинтера
на то кресло, съ котораго онъ всталъ, прежде чѣмъ тотъ ус-
пѣлъ произнести слово.

— Вотъ вамъ загадка, старикашка! закричалъ Аллэнъ:—чѣмъ
я похожъ на копыуха, управлявшаго конюшнями Аугіаса прежде
чѣмъ Геркулесъ былъ позванъ вычистить конюшни? тѣмъ, что я
долженъ былъ сохранить мое мѣсто, а я надѣлалъ бѣдъ! Зачѣмъ
вы не смѣетесь? Ей-богу онъ не видитъ этого сходства! Ну,
постарайтесь опять: чѣмъ я похожъ на...

— Ради Бога, Аллэнъ, будьте серьезны хоть на минуту! пе-
ребилъ Мидуинтеръ:—вы не знаете, съ какимъ нетерпѣніемъ
желаю я слышать, возвратите ли вы доброе мнѣніе вашихъ со-
сѣдей?

— Вотъ именно это загадка и скажетъ вамъ! возразилъ Ал-
лэнъ:—но если вы непременно хотите знать, то мое мнѣніе
таково, что вы лучше сдѣлали бы, еслибы не помѣшали мнѣ
сидѣть подъ деревомъ въ паркѣ. Я долженъ вамъ сообщить, что
я упалъ какъ-разъ тремя ступенями ниже въ уваженіи мѣст-
ныхъ дворянъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть
васъ въ послѣдній разъ.

— Вы вѣчно шутите! съ горечью сказалъ Мидуинтеръ.—Ну, если я не могу смѣяться, я могу ждать.

— Любезный другъ, я не шучу, я говорю правду. Вы услышите, что случилось; вы узнаете подробно мой первый визитъ. Общаю вамъ, что онъ можетъ служить образцомъ для всѣхъ остальныхъ. Во-первыхъ, помните, что съ самыми лучшими намереніями я началъ дурно. Когда я отправился дѣлать эти визиты, признаюсь, что я былъ сердитъ на этого стараго скота, нотариуса, и хотѣлъ свысока повести дѣло, но на дорогѣ это какъ-то прошло. Къ первому семейству я пріѣхалъ—повторяю вамъ—съ самыми лучшими намереніями. О Боже, Боже! мнѣ пришлось ждать точно въ такой же пріёмной съ красивенькой оранжереей позади ея, которыя я видѣлъ въ каждомъ домѣ, въ которыхъ былъ потомъ. Вездѣ были тѣ же самыя книги—книга религіозная, книга о герцогѣ Веллингтонѣ, книга объ охотѣ, книга ни о чемъ особенномъ съ прекрасными картинками. Явились папа съ сѣдыми волосами, мамъ въ прекрасномъ кружевномъ чепчикѣ, юноша съ розовымъ лицомъ и съ багенбардами соломеннаго цвѣта, молодая миссъ съ полненькими щочками и въ широкихъ юпкахъ. Не предполагайте, чтобы съ моей стороны было хоть сколько-нибудь недружелюбія, я со всѣми началъ тѣмъ, что всѣмъ пожалъ руку. Это изумило ихъ. Потомъ, когда я перешолъ къ неприятному предмету о публичномъ пріемѣ—даю вамъ честное слово—я чрезвычайно какъ старался извиняться. Это не произвело ни малѣйшаго эффекта, они впускали мое извиненіе въ одно ухо, а въ другое выпускали и ждали, что я еще скажу. Нѣкоторые потеряли бы бодрость; я попробовалъ съ ними другой способъ: я обратился къ хозяину дома и сказалъ:

«— Дѣло въ томъ, что я хотѣлъ избавиться необходимости держать рѣчь и сказать вамъ всѣмъ въ глаза, что вы лучшіе люди на свѣтѣ и что я предлагаю тостъ за ваше здоровье, а вы встаете и говорите, что я лучшій изъ людей и что вы благодарите меня, и такимъ образомъ каждый хвалить другого и надоѣдаетъ другому». Вотъ какъ я сказалъ самымъ непринуж-

дѣннымъ и убѣдительною образомъ. Вы думаете, что кто-нибудь принялъ это такъ же дружелюбно, какъ я? Никто! Я думаю, что они уже приготовили рѣчи для пріема, съ флагами и цвѣтами, и втайнѣ сердятся на меня, что я закрылъ имъ ротъ, когда они только-что готовились начинать. Какъ бы то ни было, когда мы доходили до рѣчей (они ли начинали или я), я падалъ въ ихъ уваженіи съ первой изъ тѣхъ трѣхъ ступеней, о которыхъ я вамъ говорилъ. Не предполагайте, чтобы я не дѣлалъ усилій приподняться опять; я дѣлалъ отчаянныя усилія. Я узналъ, что они всѣ съ нетерпѣніемъ желаютъ знать, какою жизнью я вѣлъ прежде чѣмъ получилъ въ наслѣдство Торн-Эмбросское помѣстье, и я употребилъ всѣ силы, чтобы исполнить ихъ желаніе. Что жъ изъ этого вышло, какъ вы думаете? Чортъ меня побери, если я не обманулъ ихъ ожиданіе во второй разъ! Когда они узнали, что я не былъ ни въ Итонѣ, ни въ Герроу, ни въ Оксфордѣ, ни въ Кэмбриджѣ, они онѣмѣли отъ изумленія. Мнѣ кажется, они вообразили меня какимъ-то отверженникомъ. По-крайней-мѣрѣ они вдругъ охладѣли и я упалъ второй ступенью ниже въ ихъ уваженіи. Нужды нѣтъ! Я не поддался; я обѣщалъ вамъ употребить всѣ мои силы и сдѣлалъ это. Я попробовалъ завести веселый разговоръ о сосѣдствѣ. Женщины ничего не говорили особеннаго; мужчины, къ моему удивленію, начали обо мнѣ сожалѣть. Они говорили, что я не найду ни одной своры собакъ на двадцать миль кругомъ моего дома, и хотѣли приготовить меня къ небрежности, съ какою сохранялся Торн-Эмбросскій паркъ. Я позволилъ имъ соболѣзновать, а потомъ что, вы думаете, я сдѣлалъ?

«— О! не принимайте этого къ сердцу, сказалъ я: — я ни крошки не забочусь объ охотѣ. Когда я встрѣчаю на прогулкѣ птичку, я никакъ не рѣшусь убить ея — мнѣ пріятно видѣть, какъ она летаетъ и наслаждается жизнью». Надо бы вамъ видѣть ихъ лица! Прежде они считали меня отверженникомъ, теперь сочли сумасшедшимъ. Мертвое молчаніе овладѣвало всѣми, и я свалился еще со ступени въ общемъ уваженіи. Такъ было и въ другомъ домѣ, и въ другомъ, и въ другомъ. Какой-то демонъ овла-

дѣлъ всѣми нами; то такъ, то сякъ, а обнаруживалось, что я не могъ говорить спичей, что я не получилъ университетскаго воспитанія и что я могъ находить удовольствіе въ верховой ѣздѣ, не гоняясь за несчастной лисицей, или бѣднымъ зайцемъ. Эти три несчастные мои порока не извинительны, какъ кажется, въ помѣщикѣ (особенно, когда онъ началъ тѣмъ, что уклонился отъ публичнаго пріема). Мнѣ кажется, впрочемъ, что у меня шло лучше съ жонами и дочерьми. Раньше, или позже, женщины заговаривали со мною о мистриссъ Блэнчардъ и ея племянницѣ. Мы неизмѣнно соглашались, что онѣ поступили благоразумно, уѣхавъ во Флоренцію; единственная причина, на которую опиралось наше мнѣніе, состояла въ томъ, что мы думали, что послѣ ихъ печальной потери душѣ ихъ принесётъ пользу созерцаніе образцовыхъ произведеній итальянскаго искусства. Каждая изъ дамъ — я это торжественно увѣряю — въ каждомъ домѣ, въ которомъ я былъ, рано или поздно, заговаривала о потерѣ мистриссъ и миссъ Блэнчардъ и объ образцовыхъ произведеніяхъ итальянскаго искусства. Чтѣ дѣлали бы мы, еслибы эта блестящая идея не помогла намъ — я, право, не знаю. Пріятнѣе всего въ этихъ визитахъ было то, когда мы качали головами и объявляли, что образцовыя произведенія искусства утѣшать ихъ. Чтѣ касается остальнаго, остаётся сказать только одно: чѣмъ я могъ быть въ другихъ мѣстахъ — я не знаю; мнѣ извѣстно только, что я здѣсь не на мѣстѣ. Дайте мнѣ знаться вперёдъ по-своему и съ моими немногими друзьями, и просите у меня всего, чего вы хотите на свѣтѣ, только не визитовъ къ моимъ сосѣдямъ.

Этой характеристической просьбой Алленъ кончилъ свой рассказъ. Съ минуту Мидуинтеръ молчалъ. Онъ позволилъ Аллену говорить сначала до конца, не произнеся ни слова съ своей стороны. Непріятный результатъ этихъ визитовъ послѣ того, чтѣ случилось въ этотъ день, результатъ, угрожавшій лишить Аллена мѣстнаго сочувствія при самомъ началѣ его мѣстной карьеры, лишилъ Мидуинтера силы сопротивляться вліянію его собственнаго суевѣрія. Съ усиленіемъ взглянулъ онъ на Аллена и съ усиленіемъ отвѣчалъ ему:

— Пусть будетъ по вашему желанію: — я жалѣю о томъ, что случилось, но я тѣмъ не менѣе обязанъ вамъ, Аллэнъ, за то, что вы сдѣлали, о чемъ я васъ просилъ.

Онъ оцустилъ голову на грудь и безропотность фаталиста, уже успокоившая его на разбитомъ кораблѣ, успокоила его и теперь.

«Что должно быть, то будетъ», подумалъ онъ опять. «Что могу я сдѣлать съ будущимъ и что можетъ сдѣлать онъ?»

— Развеселитесь! сказалъ Аллэнъ: — *ваши* дѣла по-крайней-мѣрѣ преуспѣваютъ. Я сдѣлалъ въ городѣ одинъ пріятный визитъ, о которомъ я вамъ еще не говорилъ. — Я видѣлъ Педгифта и его сына, который помогаетъ ему въ конторѣ. Это два самые весѣлые нотариуса, съ которыми когда-либо случалось мнѣ встрѣчаться въ моей жизни, мало того, они могутъ представить, именно того человѣка, котораго вамъ нужно, чтобы научить васъ обязанностямъ управителя.

Мидуинтеръ быстро поднялъ глаза. Недовѣріе къ открытію Аллена ясно было написано на его лицѣ, но онъ не сказалъ ничего.

— Я подумалъ о васъ, продолжалъ Аллэнъ: -- какъ только выпилъ рюмку вина съ обоими Педгифтами за наши дружескія отношенія. Превосходный хересъ; я велѣлъ купить такого же... но не объ этомъ теперь рѣчь. Въ двухъ словахъ я объяснилъ этимъ достойнымъ людямъ ваше затруднительное положеніе и въ двѣ секунды старикъ Педгифтъ понялъ всё.

— У меня въ конторѣ есть такой человѣкъ, сказалъ онъ: — и прежде чѣмъ наступитъ день аренднаго расчѣта, я съ величайшимъ удовольствіемъ отдамъ его въ распоряженіе вашего друга.

При этомъ послѣднемъ извѣстіи недовѣріе Мидуинтера выразилось словами. Онъ безпощадно сталъ разспрашивать Аллена. Оказалось, что этого человѣка звали Бэнудъ. Онъ служилъ у мистера Педгифта уже нѣсколько времени (какъ давно — Аллэнъ не могъ вспомнить). Онъ былъ прежде управителемъ у норфолькскаго помѣщика (имя было забыто) въ западномъ округѣ графства. Онъ лишился мѣста управителя по какимъ-то до-

машнымъ неприятностямъ, касавшимся его сына, въ чомъ именно онъ состояли—Аллэнъ не зналъ. Педгифтъ, ручался за него; Педгифтъ хотѣлъ прислать его въ Торп-Эмбросъ, дня за три до дня аренднаго азсчоты. Прежде его нельзя было отпустить по дѣламъ конторы Нечего было тревожиться. Педгифта разсмѣшила мысль, что съ арендаторами можетъ быть какое-нибудь затрудненіе. Дня три работы надъ управительскими книгами съ помощью человѣка, практически понимающаго это дѣло, будетъ достаточно для Мидуинтера, чтобы узнать всё для повѣрки счетовъ, а другими дѣлами можно заняться послѣ.

— Вы сами видѣли этого Бэшуда, Аллэнъ? спросилъ Мидуинтеръ.

— Нѣтъ, отвѣчала Аллэнъ:—его не было въ конторѣ. Мнѣ сказали, что онъ приличный пожилой человѣкъ, нѣсколько разстроенный своими неприятностями, нѣсколько застѣнчивый въ своёмъ обращеніи съ посторонними, но знающій дѣло вполнѣ и совершенно надёжный человѣкъ—это собственные слова Педгифта.

Мидуинтеръ помолчалъ и подумалъ. Незнакомый человѣкъ, котораго ему описывали, и тотъ, у котораго онъ спрашивалъ дорогу, были замѣчательно похожи другъ на друга. Не было ли это новымъ звеномъ въ быстро подчиняющейся цѣпи событій? Мидуинтеръ рѣшился быть вдвое осторожнѣе, когда это сомнѣніе пробѣжало въ его головѣ.

— Когда придетъ мистеръ Бэшудъ, сказалъ онъ:—позвольте мнѣ поговорить съ нимъ прежде чѣмъ всё будетъ рѣшено?

— Разумѣется! отвѣчала Аллэнъ. — А теперь пока вотъ что я сдѣлаю для васъ, прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на свои часы:— я представлю васъ самой хорошенькой дѣвушкѣ въ Норфолкѣ. Мы какъ разъ успѣемъ сходить въ коттеджъ передъ обѣдомъ. Пойдѣмте, я васъ представлю миссъ Мильрой.

— Вы не можете меня представить миссъ Мильрой сегодня, возразилъ Мидуинтеръ и повторилъ извиненіе, присланное маіоромъ.

Аллэнъ былъ удивленъ и раздосадованъ, но намѣреніе его

заслужить доброе расположеніе обитателей коттеджа не поколебалось. Послѣ нѣкотораго соображенія, онъ придумалъ способъ воспользоваться неблагоприятными обстоятельствами.

— Я выкажу приличное желаніе выздоровленія мистриссъ Мильрой, сказалъ онъ серьезно:—завтра утромъ я пошлю ей корзину земляники.

Ничего болѣе не случилось въ этотъ первый день въ новомъ домѣ.

Единственное достойное примѣчанія событіе слѣдующаго дня былъ новый обращикъ дурного характера мистриссъ Мильрой. Черезъ полчаса послѣ того, какъ корзина съ земляникой была отдана въ коттеджъ, сидѣлка больной принесла еѣ назадъ, съ краткимъ и рѣзкимъ порученіемъ, кратко и рѣзко выраженнымъ:

— Мистриссъ Мильрой кланяется и благодарить. Земляника нездорова для нея.

Если этотъ любопытный пріемъ вѣжливаго поступка былъ сдѣланъ съ намѣреніемъ раздражить Аллена, то онъ не достигъ своей цѣли. Въмѣсто того, чтобы разсердиться на мать, онъ сталъ сочувствовать дочери и сказалъ только:

— Бѣдняжка, тяжела должна быть ея жизнь съ такою матерью!

Онъ зашелъ въ коттеджъ позднѣе, но миссъ Мильрой нельзя было видѣть: она была занята наверху. Маіоръ принялъ своего гостя въ рабочемъ передникѣ, еще болѣе погруженный въ свои удивительные часы и еще менѣе доступный внѣшнимъ вліяніямъ, чѣмъ Алленъ видѣлъ его въ первомъ свиданіи. Его обращеніе было ласково, какъ прежде, но о женѣ нельзя было добиться отъ него ни слова, кромѣ того, что «мистриссъ Мильрой не лучше со вчерашняго дня».

Два слѣдующіе дня прошли спокойно и безъ всякихъ происшествій. Алленъ настойчиво заходилъ въ коттеджъ, но дочь маіора видѣлъ только мелькомъ у окна въ верхнемъ этажѣ. Ничего болѣе не слышно было отъ мистера Педдигфта и появленіе мистера Баншуда замедлялось. Мидуинтеръ не соглашался занять-

ся этимъ дѣломъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ получитъ отвѣтъ мистера Брока на письмо, которое онъ послалъ къ нему въ вечеръ ихъ приѣзда въ Торп-Эмбросъ. Онъ былъ необыкновенно молчаливъ и спокоенъ и проводилъ большую часть времени въ библиотекѣ между книгами. Время шло медленно. Мѣстные дворяне отдали Аллену визитъ, оставивъ только свои карточки. Никто больше не былъ. Погода была однообразно хороша. Алленъ сдѣлался нѣсколько растревоженъ и недоволенъ; онъ началъ сердиться на болѣзнь мистриссъ Мильрой и думать съ сожалѣніемъ о своей яхтѣ.

Слѣдующій день—двадцатый—мистеръ Педгифтъ пришолъ сказать, что его клэркъ, мистеръ Бэшудъ, лично явится въ Торп-Эмбросъ на слѣдующій день, а Мидуинтеръ получилъ отъ Брока отвѣтъ на своё письмо.

Письмо было написано 18 числа и извѣстіе, заключавшееся въ нёмъ, развеселило не только Аллена, но и Мидуинтера. Въ тотъ день, въ который мистеръ Брокъ писалъ, онъ собирался въ Лондонъ по дѣлу одного больного родственника, котораго онъ былъ опекуномъ. По окончаніи этого дѣла, онъ надѣялся найти въ столицѣ кого-нибудь изъ своихъ клерикальныхъ друзей, которые взялись бы замѣнить его въ пасторатѣ, и въ такомъ случаѣ онъ намѣревался быть въ Торп-Эмбросѣ черезъ недѣлю. Онъ хотѣлъ оставить расужденіе о многомъ о чомъ, писалъ ему Мидуинтеръ до личного свиданія. Но такъ время было важно, то относительно мѣста торп-эмбросскаго управителя онъ тотчасъ скажетъ, что онъ не видитъ почему Мидуинтеру не стараться научиться обязанностямъ управителя и не успѣть оказать драгоцѣнныя услуги его другу въ этомъ отношеніи.

Оставивъ Мидуинтера читать и перечитывать пріятное письмо ректора, точно будто онъ хотѣлъ выучить каждую фразу наизусть, Алленъ вышелъ ранѣе обыкновеннаго зайти, по обыкновенію, въ коттеджъ или, простыми словами, сдѣлать четвертое покушеніе вступить въ болѣе короткое знакомство съ миссъ Мильрой. День начался благоприятно и, повидимому, благопріятно долженъ былъ продолжаться. Когда Алленъ повернулъ за уголъ вто-

рого разсадника и вошелъ въ звѣринецъ, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ дочерью маіора, онъ увидаль миссъ Мильрой, ходившую взадъ и впередъ и, по всей вѣроятности, ожидавшую кого-то.

Она слегка вздрогнула при появленіи Аллена и безъ малѣйшей нерѣшимости пошла къ нему на встрѣчу. Она была не авантюжна. Цвѣтъ лица ея пострадалъ отъ заточенія въ домѣ и замѣтное выраженіе замѣнительства помрачало ея хорошенькое личико.

— Я не смѣю признаться, мистеръ Армэдэль, сказала она поспѣшно, прежде чѣмъ Алленъ успѣлъ произнести слово:—но я пришла сюда въ надеждѣ встрѣтить васъ. Я была очень огорчена—я только сейчасъ узнала случайно о томъ, какъ мамà приняла ягоды, которыя вы, были такъ добры, прислали ей. Извините еѣ! Она очень больна уже нѣсколько лѣтъ. Вы были такъ добры ко мнѣ и къ папà, что я никакъ не могла удержаться, чтобы не придти сюда сказать вамъ какъ я этимъ огорчена. Пожалуйста простите и забудьте, мистеръ Армэдэль.

Голосъ ея ослабѣлъ при послѣднихъ словахъ и отъ сильнаго желанія помирить его съ матерью, она положила свою руку на его руку.

Алленъ нѣсколько сконфузился. Ея очевидное убѣжденіе, что онъ обидѣлся и удивило его и огорчило. Не зная что ему дѣлать, онъ послѣдовалъ внутреннему побужденію и прежде всего взялъ руку миссъ Мильрой.

— Любезная миссъ Мильрой, если вы скажете еще слово, вы огорчите меня, отвѣчалъ онъ, безсознательно прижимая къ себѣ ближе ея руку: — я нисколько не обидѣлся. Я приписалъ это—честное слово! — болѣзни мистриссъ Мильрой. Обидѣлся! вскричалъ онъ энергически, возвращаясь къ комплинтамъ:—мнѣ хотѣлось бы, чтобы каждый день мнѣ отсылали назадъ корзину съ ягодами, еслибы только я могъ быть увѣренъ, что это заставить васъ придти сюда утромъ.

Пропавшій румянецъ миссъ Мильрой опять началъ появляться на ея щекахъ.

— О мистеръ Армэдэль! доброта ваша безконечна, сказала она:—вы не знаете какъ вы меня облегчили!

Она замолчала; весѣлость возвратилась къ ней какъ къ ребѣнку и заблестала изъ глазъ; она съ улыбкой и застѣнчиво посмотрѣла Аллэну въ лицо.

— Какъ вы думаете, спросила она скромно:—не пора ли вамъ выпустить мою руку?

Глаза ихъ встрѣтились; Аллэнь послѣдовалъ внутреннему побужденію во второй разъ. вмѣсто того, что бы выпустить ея руку, онъ поднёсъ её къ губамъ и поцаловалъ. Вся яркость пропавшаго румянца въ одно мгновеніе вернулась на лицо миссъ Мильрой. Она вырвала свою руку, какъ-будто Аллэнь обжогъ её.

— Я увѣрена, что *это* дурно, мистеръ Армэдэль, сказала она и быстро отвернулась, потому что неволью улыбулась.

— Я сдѣлалъ это въ извиненіе за... то, что я такъ долго держалъ вашу руку, пролетѣталъ Аллэнь. — Извиненіе не можетъ быть дурно или можетъ?

Бываютъ случаи (хотя не много), когда женскій умъ оцѣниваетъ обращеніе къ силѣ чистаго разсудка. Это былъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Отвлеченное предложеніе было сдѣлано въ извиненіе; она соглашалась, что это составляло разницу.

— Я только надѣюсь, сказала маленькая кокетка, лукаво смотря на Аллэна:—что вы не ошибочно представляете мнѣ это. Хотя теперь это ничего не значить, прибавила она серьезно, качая головой:—если мы и сдѣлали нѣсколько не совсѣмъ приличныхъ поступковъ, мистеръ Армэдэль, врядъ ли мы будемъ имѣть случай дѣлать ихъ еще.

— Не-уже-ли вы уѣзжаете! съ испугомъ воскликнулъ Аллэнь.

— Хуже, мистеръ Армэдэль. Моя новая гувернантка ѣдетъ.

— Ёдетъ? повторилъ Аллэнь.—Уже ѣдетъ?

— Почти ѣдетъ, слѣдовало мнѣ сказать: мы получили отвѣты на объявленіе сегодня утромъ. Папà и я распечатывали ихъ и читали и оба выбрали одно письмо изъ всѣхъ. Я выбрала его, потому-что оно было написано такъ мило, а папà выбралъ

его потому, что требованія были такъ умѣренны. Онъ пошлётъ это письмо къ бабушкѣ въ Лондонъ съ сегодняшней почтой; и если она останется довольна разспросами, то гувернантка будетъ нанята. Вы не знаете какъ ужасно я безпокоюсь: незнакомая гувернантка такъ страшна, но всё-таки это лучше, чѣмъ поступить въ школу, а я имѣю большія надежды на эту даму, потому-что она написала такое письмо! Я говорила папѣ, что это уже почти примиряетъ меня съ ея ужаснымъ, пероманическимъ племенемъ.

— Какъ её зовутъ? спросилъ Аллэнъ. — Браунъ? Грѣббъ? Скрагсъ? что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ отвратительно. Её зовутъ Гуильтъ. Ужасно непоэтично—не правда ли? Должно быть та особа, на рекомендацію которой она ссылается, порядочная дама, потому-что она живётъ въ одной части Лондона съ бабушкой... Пойдите, мистеръ Армэдэль, мы не туда идёмъ. Нѣтъ, я не могу смотрѣть на ваши хорошенькіе цѣфты сегодня, и очень вамъ благодарна, но я не могу принять вашу руку, и уже и то слишкомъ долго здѣсь оставалась. Папѣ ждѣтъ завтракъ и я должна бѣгомъ бѣжать назадъ. Благодарю васъ за ваше снисхожденіе къ мамѣ; благодарю васъ еще и еще. Прощайте.

— Вы не хотите пожать руку? спросилъ Аллэнъ.

Она подала ему руку.

— Пожалуйста, безъ извиненій, мистеръ Армэдэль, сказала она лугаво.

Опять глаза ихъ встрѣтились и опять полненькая, кругленькая ручка была поднесена къ губамъ Аллена.

— На этотъ разъ это не извиненіе, вскричалъ Аллэнъ, поспѣшно защищаясь:—это знакъ уваженія.

Она отступила на нѣсколько шаговъ и засмѣялась.

— Ужь вы не найдёте меня опять въ вашемъ саду, мистеръ Армэдэль, сказала она весело:—пока сомною не будетъ миссъ Гупльтъ.

Съ этимъ прощаніемъ она подобрала платье и опростыю побѣжала изъ звѣрища.

Аллэнъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ съ безмолвнымъ восторгомъ, пока она не скрылась изъ вида. Его второе свиданіе съ миссъ Мильрой произвело на него необыкновенное дѣйствіе. Первый разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ сдѣлался владѣльцемъ Торп-Эмброза, погрузился онъ въ серьезное соображеніе о томъ, какія обязанности палагало на него его новое положеніе въ жизни.

— Вопросъ состоитъ въ томъ, разсуждалъ Аллэнъ:—не лучше ли мнѣ помириться съ моими сосѣдами, сдѣлавшись женатымъ человѣкомъ? Я буду думать объ этомъ цѣлый день и если мысли мои не перемянутся, посоветуюсь съ Мидуинтеромъ завтра утромъ.

Когда настало утро и Аллэнъ сошелъ въ столовую, рѣшившись посоветоваться съ своимъ другомъ относительно обязанностей къ его сосѣдямъ вообще и къ миссъ Мильрой въ особенности, Мидуинтера тутъ не было. При разспросахъ оказалось, что его видѣли въ передней, что онъ взялъ письмо, полученное съ утренней почтой, и сейчасъ пошелъ въ свою комнату. Аллэнъ немедленно поднялся опять на лѣстницу и постучался въ дверь своего друга.

— Могу я войти? спросилъ онъ.

— Не теперь, было отвѣтомъ.

— Вы получили письмо? настаивалъ Аллэнъ. — Какое-нибудь дурное извѣстіе? случилось что-нибудь непріятное?

— Ничего. Я не со всѣмъ здоровъ сегодня. Не ждите меня завтракать; я приду такъ скоро, какъ только могу.

Ничего болѣе не было сказано ни тѣмъ, ни другимъ. Аллэнъ воротился въ столовую нѣсколько раздосадованный. Онъ рѣшился вступить въ совѣщаніе съ Мидуинтеромъ и вотъ это совѣщаніе было отложено на неопредѣленное время.

«Какой онъ странный! думалъ Аллэнъ: «что онъ можетъ тамъ дѣлать заперевшись одинъ?»

Онъ не дѣлалъ ничего. Онъ сидѣлъ у окна съ письмомъ, полученнымъ въ это утро. Почеркъ былъ мистера Брока, который писалъ слѣдующее:

Любезный Мидуинтеръ,

«Я буквально имѣю только двѣ минуты до отхода почты, сказать вамъ, что я сейчасъ встрѣтилъ въ Кенсингтонскомъ саду женщину, которую мы оба знаемъ подъ именемъ женщины въ красной шали. Я пошелъ за нею и за ея спутницей (пожилой дамой почтенной наружности) до ея квартиры и ясно слышалъ имя Аллена, произносимое имъ. Положитесь на меня: я не потеряю изъ вида этой женщины, пока не удостовѣрюсь, что она не замышляетъ какихъ-нибудь бѣдъ въ Торп-Эмбросъ, и ожидайте получить отъ меня извѣстiе, какъ только я узнаю чѣмъ кончится это странное открытiе.

«Истинно вамъ преданный

«Децимусъ Брокъ.»

Прочитавъ это письмо во второй разъ, Мидуинтеръ сложилъ его и спряталъ въ свой бумажникъ, рядомъ съ рассказомъ о свидѣнiи Аллена.

— Ваше открытiе не кончится *вами*, мистеръ Брокъ, сказалъ онъ. — Дѣлайте что хотите съ этой женщиной, а когда наступитъ это время, эта женщина будетъ здѣсь.

Онъ посмотрѣлся въ зеркало, увидалъ, что онъ на столько успокоился, что можетъ встрѣтиться съ Алленомъ, и пошелъ внизъ занять своё мѣсто за завтракомъ.

скрыться отъ пастора въ темнотѣ. А квартира въ Бэйсуоторѣ, въ которой любопытные не слѣдили ни за вами, ни за мной, готова поглотить насъ; въ этой квартирѣ мы можемъ избавиться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій и отвѣчать на разспросы маіора совершенно свободно. Можете вы видѣть, наконецъ, немножко подальше вашего бѣднаго стараго носа? Можеть ли что-нибудь помѣшать вамъ безопасно исчезнуть изъ Пимлико сегодня и переселиться въ новую квартиру, чтобы представить обо мнѣ рекомендацію? Фи-фи! мистриссъ Олдершд! упадите на ваши старыя колѣна и поблагодарите вашу счастливую звѣзду, что вы сегодня утромъ имѣли дѣло съ такой чертовкой, какъ я!

«Не перейти ли намъ теперь къ единственному затрудненію, о которомъ стѣдуетъ упоминать—*моему*. За мною наблюдаютъ въ этомъ домѣ, какъ же я присоединюсь къ вамъ, не заставивъ погнаться за мною пастора или его слугу?»

«Такъ-какъ я здѣсь плѣнница, я думаю, что мнѣ не остаётся другого выбора, кромѣ какъ переодѣться. Я посмотрѣла на вашу горничную. Кромѣ того, что мы обѣ бѣлокуры, ея лицо и волосы такъ не похожи на мои, какъ только возможно, но она почти моего роста и (если бы только она умѣла какъ одѣться и имѣла поменьше ногу) фигура ея гораздо лучше, чѣмъ слѣдовало бы имѣть для женщины въ ея званіи. Я думаю одѣть её въ то платье, которое было у меня въ Кенсингтонскомъ саду—выслать её изъ дома, нашъ врагъ погонится за нею—и въ это время самой ускользнуть и присоединиться къ вамъ. Разумѣется, это было бы совершенно невозможно, если бы меня видѣли съ поднятымъ воалемъ; но теперь единственное преимущество страшной огласки, которая послѣдовала за моимъ замужствомъ, заключается въ томъ, что я рѣдко показываюсь въ публикѣ и, разумѣется, никогда въ такомъ многочисленномъ городѣ, какъ Лондонъ, безъ толстаго воала, который всегда опущенъ. Если горничная надѣнетъ моё платье, я не вижу почему её нельзя признать за меня.

«Единственный вопросъ состоитъ въ томъ: можно ли положить на эту женщину? Если можно, напишите ей и прикажите,

чтобы она исполнила всё, что я ей велю. Я не скажу ей ни слова, пока не получу отъ васъ письма.

«Отвѣчайте мнѣ сегодня же. Пока мы только говорили о томъ, получу ли я мѣсто гувернантки, мнѣ было почти всё-равно какъ это кончится; но теперь, когда мы отвѣчали на объявленіе маіора Мильроя, я, наконецъ, серьезно посмотрѣла на это дѣло. Я намѣрена сдѣлаться мистриссъ Армэдэль Торп-Эмбросской, и горе мужчинѣ, или той женщинѣ которые вздумаютъ помѣшкать мнѣ!

Ваша

«Лидія Гуильтъ».

Р. S. Я опять распечатаваю мое письмо сказать вамъ, что вамъ нечего бояться, чтобы за вашимъ посланнымъ слѣдили, когда онъ будетъ возвращаться въ Пимлико. Онъ поѣдетъ въ трактиръ, гдѣ его знаютъ, отпустить кэбъ у дверей трактира и выйдетъ заднимъ ходомъ, гдѣ выходятъ только трактирщикъ и его друзья.—Л. Г.

3.—*Отъ мистриссъ Олдершидъ къ миссъ Гуильтъ.*

Улица Діана, 10 часовъ.

«Любезная Лидія, вы написали мнѣ бездушиное письмо. Если бы вы находились въ моемъ неприятномъ положеніи, измученная до нельзя, какъ въ то время, когда я писала къ вамъ, я извинила бы моего друга, если бы примѣтила, что онъ не такъ прощителенъ, какъ обыкновенно. Но порокъ настоящаго вѣка состоитъ въ недостаткѣ уваженія къ людямъ преклонныхъ лѣтъ. Ваша душа находится въ печальномъ положеніи, моя милая, и для васъ необходимъ хорошій примѣръ. Вы будете имѣть этотъ хорошій примѣръ—я прощаю вамъ.

«Успокоивъ мою душу добрымъ поступкомъ, я теперь хочу доказать вамъ (хотя я протестую противъ пошлости этого выраженія), что я могу видѣть немножко далѣе моего бѣднаго старого носа.

«Прежде я буду отвѣчать на вашъ вопросъ о горничной. Вы можете безусловно на неё положиться: она имѣла свои неприятности и научилась скромности. Она также, кажется, однихъ съ вами лѣтъ, хотя справедливость требуетъ сказать, что она нѣсколькими годами васъ моложе. Я включаю въ это письмо необходимыя распоряженія, по которымъ она будетъ во всёмъ вамъ повиноваться.

«О чомъ же теперь слѣдуетъ толковать? О вашемъ намѣреніи присоединиться ко мнѣ въ Бэйсуоторѣ. Пока вашъ планъ очень хорошъ, но его слѣдуетъ нѣсколько исправить. Есть серьезная необходимость (почему—вы это узнаете сейчасъ) обмануть пастора, болѣе чѣмъ вы намѣревались обмануть его. Я желаю, чтобы онъ увидалъ лицо горничной при такихъ обстоятельствахъ, которыя убѣдили бы его, что это лицо *ваше*. Я дѣлаю еще шагъ далѣе и желаю, чтобы онъ увидалъ, какъ горничная уѣхала изъ Лондона и думалъ, что онъ видѣлъ *васъ* отправляющейся въ Бразилію. Онъ не вѣрилъ этому путешествію, когда я сказала ему о нёмъ на улицѣ. Можетъ-быть теперь онъ повѣритъ, если вы послѣдуете предписанію, которое я теперь вамъ изложу.

«Завтра суббота. Пошлите горничную въ вашемъ платьѣ, какъ вы намѣревались, но сами не выходите и не приближайтесь къ окну. Велите этой женщинѣ спустить воаль, погулять съ полчасца и потомъ воротиться къ вамъ. Какъ только она явится, пошлите её тотчасъ къ открытому окну, велите небрежно поднять воаль и посмотрѣть изъ окна. Велите ей потомъ отойти, снять шляпку и шаль и опять подойти къ окну, а еще лучше выйти на балконъ. Она можетъ опять показаться нѣсколько разъ (только не слишкомъ часто) въ этотъ день. Въ воскресенье — такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ пасторомъ — непременно пошлите её въ церковь: если это не убѣдитъ пастора, что лицо горничной принадлежитъ вамъ и если это не заставитъ его болѣе повѣрить перемѣнѣ въ вашемъ характерѣ, чѣмъ когда я говорила ему, стало-быть, я даромъ прожила шестьдесятъ лѣтъ, душа моя, въ сей юдоли слѣзь.

«Слѣдующій день будетъ понедѣльникъ. Я смотрѣла въ объявленіи о пароходахъ и нашла, что во вторникъ изъ Ливерпуля

въ Бразилію ѣдетъ пароходъ. Ничего не можетъ быть удобнѣе; вы поѣдете въ ваше путешествіе на самыхъ глазахъ пастора. Вотъ какимъ образомъ можете вы это устроить:

«Въ часъ пошлите человѣка, который чиститъ вилки и ножи, за кэбомъ, и когда онъ приведетъ его къ вашей двери, пошлите его привести другой кэбъ, который долженъ ждать за угломъ на сквэрѣ. Пусть горничная (всѣ въ вашемъ платьѣ) поѣдетъ съ чемоданами въ первомъ кэбѣ на желѣзную дорогу. Когда она уѣдетъ, бѣгите къ тому кэбу, который будетъ ждать за угломъ и, можетъ-быть, они будутъ готовы слѣдовать за кэбомъ горничной, потому-что видѣли его у двери; но они не будутъ приготовлены слѣдовать за вашимъ кэбомъ, который былъ спрятанъ за угломъ. Когда горничная приѣдетъ на станцію и постарается спрятаться въ толпѣ (я выбрала самый многолюдный поѣздъ, въ 2 ч. 10 м., чтобы дать ей болѣе возможности) вы благополучно будете у меня; а узнаютъ они, или нѣтъ, что она не ѣдетъ въ Ливерпуль—не будетъ составлять важности въ то время. Они потеряютъ *ваши* слѣды и пусть слѣдятъ за горничной по всему Лондону, если хотятъ. Я приказала ей оставить пустые чемоданы и отправиться къ своимъ знакомымъ въ Сити и остаться тамъ, пока я къ ней не напишу.

«Какая же цѣль всего этого? Любезная Лидія, эта цѣль—ваша безопасность (и моя). Мы можемъ имѣть и успѣхъ и неудачу въ убѣжденіи пастора, что вы дѣйствительно поѣхали въ Бразилію. Если это намъ удастся, намъ нечего будетъ бояться его. Если намъ не удастся, онъ предостережетъ молодого Армэдэля остерегаться *женщины, похожей на мою горничную*, а не *женщины, похожей на васъ*. Это послѣднее очень важно: намъ неизвѣстно, можетъ-быть мистриссъ Армэдэль сказала ему ваше имя. Въ такомъ случаѣ его описаніе «миссъ Гуильтъ», которая проскользнула мимо его пальцевъ здѣсь, будетъ совершенно не похоже на «миссъ Гуильтъ», поселившуюся въ Торп-Эмбросъ, и удостовѣрить всѣхъ, что тутъ только сходство имёнъ, а не лицъ.

«Что вы теперь скажете о томъ, какъ я улучшила вашу идею? Такъ ли пуста моя голова, какъ вы думали, когда писали? Не предполагайте, чтобы я черезчуръ хвалилась моей замыслова-

тостью. Мошенники играютъ съ публикой фокусы поискуснѣ моихъ и каждую недѣлю о нихъ упоминаютъ въ газетахъ. Я желаю только показать вамъ, что моя помощь не менѣе необходима теперъ для успѣха армэдэльской спекуляціи, какъ была въ то время, когда я сдѣлала наше первое важное открытіе посредствомъ невинной наружности молодого человѣка и конторы для справокъ на Шэдисайдской площади.

«Болѣе не о чемъ говорить, сколько мнѣ извѣстно, кромѣ того, что я сейчасъ отправляюсь въ новую квартиру съ чемоданомъ, на которомъ написано моё новое имя. Послѣднія минуты мистриссъ Ольдершотъ, въ дамскомъ косметическомъ магазинѣ приходятъ къ концу, а рожденіе мистриссъ Мэндевилль, рекомендующей миссъ Гуильтъ, произойдѣтъ въ кабѣ черезъ пять минутъ. Должно-быть я еще молода сердцемъ, потому-что я уже влюбилась въ моё новое романическое имя; оно звучитъ почти такъ же пріятно, какъ мистриссъ Армэдэль Торп-Эмбросская—не правда ли? Спокойной ночи, душа моя и пріятнаго сна. Если что-нибудь случится до понедѣльника, напишите мнѣ сейчасъ по городской почтѣ. Если ничего не случится—вы поспѣете ко мнѣ какъ разъ во-время для справокъ, которыя маіоръ можетъ сдѣлать. Мои послѣднія слова: не выходите изъ дома и не приближайтесь къ окну до понедѣльника.

Любящая васъ,

«М. О.»

Глава VI.

МИДУИНТЕРЪ НЕ ВЪ СВОЁМЪ ВИДѢ.

Къ полудню двадцать-перваго числа миссъ Мильрой ходила по саду коттэджа—освобождённая отъ своей обязанности въ комнатѣ больной нѣкоторымъ улучшеніемъ въ здоровьи матери—когда

ея вниманіе было привлечено звукомъ голосовъ въ паркѣ, въ одномъ она сейчасъ узнала голосъ Аллена, другой былъ ей незнакомъ. Она раздвинула вѣтви близъ садоваго палисада и, заглянувъ сквозь нихъ, увидала Аллена, подходившаго къ калиткѣ коттеджа вмѣстѣ съ худощавымъ, смуглымъ мужчиною, ниже средняго роста, который разговаривалъ и смѣялся чрезвычайно громко. Миссъ Мильрой побѣжала въ комнаты сказать своему отцу о приходѣ мистера Армэделя и прибавить, что онъ ведётъ съ собою какого-то буйнаго гостя, по всей вѣроятности, того самого друга, который, какъ говорили, жилъ съ сквайромъ въ большомъ домѣ.

Справедливо ли угадала дочь маіора? Развѣ спутникъ сквайра, такъ громко разговаривавшій и такъ громко смѣявшійся, былъ когда-то такой обидчивый и застѣнчивый Мидуинтеръ? Именно. Въ присутствіи Аллена въ это утро произошла необыкновенная перемѣна въ спокойномъ обращеніи алленова друга.

Когда Мидуинтеръ пришолъ въ столовую, положивъ въ сторону удивительное письмо мистера Брока, Алленъ былъ слишкомъ занятъ для того, чтобы обращать на него особенное вниманіе. Нерѣшное затрудненіе выбрать день для фермерскаго обѣда было наконецъ рѣшено и обѣдъ назначенъ (по совѣту буфетчика) въ субботу двадцать-восьмого числа. Только когда Алленъ обернулся напомнить Мидуинтеру, что времени слишкомъ довольно для того, чтобы ознакомиться съ управительскими книгами, даже легкомысленное вниманіе Аллена было привлечено замѣтной перемѣной въ лицѣ его друга. Онъ громко объявилъ объ этой перемѣнѣ и его тотчасъ заставилъ умолкнуть недовольный, почти сердитый отвѣтъ. Оба друга стали завтракать безъ обыкновеннаго дружелюбія и завтракъ продолжался угрюмо, пока Мидуинтеръ нарушилъ молчаніе внезапнымъ порывомъ веселости, обнаружившей Аллену новую сторону въ характерѣ его друга.

Какъ почти во всѣхъ сужденіяхъ Аллена, заключеніе, выведенное имъ, было ошибочно. Это не была новая сторона въ характерѣ Мидуинтера, а только новый видъ постоянной борьбы въ жизни Мидуинтера.

Раздраженный тѣмъ, что Алленъ примѣтилъ въ немъ перемѣну, которую ему самому не удалось примѣтить въ зеркалѣ,

когда онъ смотрѣлся въ него, выходя изъ комнаты, чувствуя, что глаза Аллена всё вопросительно устремлены на его лицо и опасаясь вопросовъ, которые Алленъ изъ любопытства могъ ему сдѣлать, Мидуинтеръ принудилъ себя насильно изгладить впечатлѣніе, произведённое его измѣнившейся фізіономіей. Это было одно изъ тѣхъ усилій, до которыхъ только люди, съ его живымъ характеромъ и чувствительной женской организаціей, могутъ такъ рѣшительно достигнуть. Вся душа его была еще наполнена твёрдымъ убѣжденіемъ, что Рокъ сдѣлалъ одинъ великій шагъ ближе къ Аллену и къ нему послѣ открытія ректора въ Кенсингтонскомъ саду—лицо его еще обнаруживало то, что онъ выстрадалъ при возобновленіи убѣжденія, что предсмертныя предостереженія его отца приобрѣтаютъ своё ужасное право, чтобы разлучить его, во что бы то ни стало, съ единственнымъ человѣческимъ существомъ, которое онъ любилъ—въ сердцѣ его была еще боязнь, что первое таинственное видѣніе во снѣ Аллена можетъ осуществиться, прежде чѣмъ кончится этотъ день—эти тройныя узы, свитыя его собственнымъ суевѣріемъ спутали его въ эту минуту, какъ никто еще не спутывалъ, и онъ безжалостно подстрекалъ свою рѣшимость къ отчаянному усилію соперничествовать въ присутствіи Аллена съ его веселостью и хорошимъ расположеніемъ духа. Онъ разговаривалъ, смѣялся и накладывалъ на свою тарелку со всякаго блюда, стоявшаго на столѣ. Онъ шумно отпускалъ шуточки, въ которыхъ не было веселости, и рассказывалъ исторіи, въ которыхъ не было никакого интереса. Сначала онъ удивлялъ Аллена, потомъ забавлялъ его, потомъ легко приобрѣлъ его довѣріе насчетъ миссъ Мильрой. Онъ громко расхохотался, когда Алленъ объявилъ ему о своёмъ намѣреніи жениться, такъ что слуги начали думать, что странный другъ ихъ господина сошелъ съ ума. Наконецъ онъ принялъ предложеніе Аллена представить его дочери маіора и самому судить о ней такъ охотно, какъ могъ бы принять самый стоворчивый человѣкъ на свѣтѣ. Вотъ они оба подошли къ калиткѣ коттѣджа—голосъ Мидуинтера всё громче и громче заглушалъ голосъ Аллена—природное обращеніе Мидуинтера было скрыто (какъ безумно и жалко—зналъ только онъ

одинъ!) грубою маскою смѣлости — непомятой, нестерпимой смѣлости застычиваго человѣка.

Ихъ приняла въ гостиной дочь маіора.

Аллэнъ хотѣлъ представить своего друга съ надлежащей формальностью. Къ удивленію его, Мидуинтеръ перебилъ его и самъ стрекомендовался съ доверчивымъ взглядомъ, жесткимъ смѣхомъ и неловкимъ покушеніемъ на непринужденность, которое выставило его въ худшемъ видѣ. Его искусственная веселость, которую онъ постоянно подстрекалъ съ утра, теперь истерически дошла до такой степени, надъ которой онъ самъ не имѣлъ уже власти. Онъ говорилъ съ той страшной свободой, которая бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ, когда недоверчивый человѣкъ преодолѣлъ свою сдержанность. Онъ запутался въ нескончаемыя извиненія, которыя совсѣмъ не были пужны, и въ комплиментахъ, которые показались бы черезчуръ приторными даже тщеславію дикаря. Онъ смотрѣлъ то на миссъ Мильрой, то на Аллена, и шутливо объявилъ, что онъ теперь понимаетъ почему другъ его по утрамъ всегда ходитъ гулять въ одну сторону. Онъ закидалъ ея вопросами о ея матери и перебивалъ ея отвѣты замѣчаніями о погодѣ. Въ одно и то же время онъ говорилъ, что она должна чувствовать нестерпимый жаръ и увѣрялъ, что онъ завидуетъ ея прохладному кисейному платью.

Пришолъ маіоръ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать два слова, Мидуинтеръ началъ на него съ той же неистойвой фамиллярностью и съ той же самой лихорадочной говорливостью. Онъ выразилъ своё участіе къ здоровью мистриссъ Мильрой, которое показалось бы преувеличеннымъ даже и отъ друга дома. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ, что мѣшаетъ механическимъ занятіямъ маіора. Онъ передалъ въ преувеличенномъ видѣ рассказъ Аллена о часахъ и выразилъ своё нетерпѣніе видѣть эти часы въ выраженіяхъ еще болѣе преувеличенныхъ. Онъ выказалъ своё поверхностное знаніе страсбургскихъ часовъ при человѣкѣ, который изучилъ каждое колесо въ этомъ сложномъ механизмѣ и въ продолженіе многихъ годовъ своей жизни старался подражать ему.

— Я умираю, положительно умираю, маіоръ, отъ нетерпѣнія видѣть ваши удивительные часы, прибавилъ Мидуинтеръ.

Маіоръ Мильрой вошелъ въ комнату съ мыслями поглощенными, какъ обыкновенно, его механическимъ занятіемъ; но фамиллярность Мидуинтера вдругъ привела его въ себя и опять заставила сдѣлаться свѣтскимъ человѣкомъ.

— Извините, если я перебую васъ, сказалъ онъ, остановивъ Мидуинтера взглядомъ твѣрдаго удивленія.—Я видѣлъ страсбургскіе часы и мнѣ какъ-то нелѣпо слышать (простите—если я это говорю).—Что моя работа можетъ хоть сколько-нибудь сравниться съ такимъ удивительнымъ произведеніемъ. Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего подобнаго!

Онъ остановился, чтобы сдержать свой энтузіазмъ; страсбургскіе часы были для маіора Мильроя то, что имя Микель Анджело для сэра Джошуа Рейнольдса.

— Доброта мистера Армэдэля заставила его нѣсколько преувеличить, прибавилъ маіоръ, улыбаясь Аллэну и не обращая вниманія на новую попытку Мидуинтера овладѣть разговоромъ:— между большими страсбургскими часами и моими домашними есть только одно сходство: они оба показываютъ своё искусство ровно въ полдень; а такъ какъ теперь время приближается къ двѣнадцати, то если вы еще желаете взглянуть на мою мастерскую, мистеръ Мидуинтеръ, то чѣмъ скорѣе я покажу вамъ туда дорогу, тѣмъ лучше.

Онъ отворилъ дверь и, извиняясь передъ Мидуинтеромъ съ замѣтной церемонностью, вышелъ прежде него изъ комнаты.

— Что вы думаете о моёмъ другѣ? шепнулъ Аллэнъ, идя позади съ миссъ Мильрой.

— Сказать вамъ правду, мистеръ Армэдэль? шепнула она въ отвѣтъ.

— Разумѣется.

— Онъ совсѣмъ мнѣ не нравится.

— Это самый лучший и добрѣйшій человѣкъ на свѣтѣ! возразилъ откровенный Аллэнъ.—Онъ больше вамъ понравится, когда вы узнаете его короче—я въ этомъ увѣренъ.

Миссъ Мильрой сдѣлала гримасу, показывавшую совершенное

равнодушіе къ Мидуинтеру и лукавое удивленіе на стараніе Аллена выставяють достоинства своего друга.

«Не-уже-ли онъ ничего не имѣеть сказать мнѣ поинтереснѣе *этого*, спрашивала она сама себя: «послѣ того, какъ онъ вчера два раза подаловаль мою руку?»

Они вошли въ мастерскую маіора прежде чѣмъ Алленъ успѣлъ начать разговоръ о болѣе привлекательномъ предметѣ. На грубомъ деревянномъ ящикѣ, въ которомъ очевидно заключался механизмъ, стояли удивительные часы. Надъ циферблатомъ возвышался стеклянный пьедесталь, поставленный на рѣзномъ деревѣ, а на вершинѣ пьедестала помѣщалась неизбѣжная фигура Времени съ вѣчной косою въ рукѣ. Подъ циферблатомъ помѣщалась маленькая платформа, на каждомъ концѣ которой возвышались двѣ миниатюрныя будочки съ закрытыми дверями. По наружности ничего не было болѣе видно, пока не наступало магическое мгновеніе, когда часы били двѣнадцать въ полдень.

Оставалось три минуты до двѣнадцати и маіоръ Мильрой воспользовался случаемъ объяснить въ чомъ будетъ состоять явленіе. При первыхъ словахъ мысли его совершенно погрузились въ единственное занятіе его жизни. Онъ обернулся къ Мидуинтеру (который разговаривалъ всё время по выходѣ изъ гостиной) и въ обращеніи его не осталось ни малѣйшаго слѣда хладнокровнаго и рѣзкаго спокойствія, съ которыми онъ говорилъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Шумный, фамиллярный человекъ, казавшійся неприятнымъ гостемъ въ гостиной, сдѣлался пріятнымъ посѣтителемъ въ мастерской—потому-что *тутъ* онъ обладалъ всеизвиняющимъ преимуществомъ: онъ еще не видалъ удивительныхъ часовъ.

— При первомъ ударѣ двѣнадцати, мистеръ Мидуинтеръ, сказалъ маіоръ съ жаромъ: — не спускайте глазъ съ фигуры Времени: она укажетъ своею косою на стеклянный пьедесталь, потомъ вы увидите, какъ за стекломъ явится карта, на которой будетъ напечатано число и день. При послѣднемъ ударѣ двѣнадцати коса Времени приметъ своё прежнее положеніе и часы заиграють любимый маршъ моего прежняго полка, а потомъ наступитъ послѣднее представленіе: будочки, которыя вы видите

съ каждой стороны, откроются въ одно время; въ одной вы увидите часового, а изъ другой капраль съ двумя рядовыми пройдетъ черезъ платформу смѣнить часового, а потомъ исчезнетъ, оставивъ новаго часового на его посту. Я долженъ попросить у васъ извиненія за послѣднюю часть представленія. Механизмъ нѣсколько сложенъ и въ немъ есть недостатки, которыхъ, къ стыду моему, я не могъ еще до-сихъ-поръ устранить. Иногда фигуры идутъ неправильно, а иногда и правильно. Надѣюсь, что онѣ постараются, такъ-какъ вы ихъ видите въ первый разъ.

Когда майоръ, стоя возлѣ своихъ часовъ, сказалъ послѣднія слова, три слушателя, собравшись на противоположномъ концѣ комнаты, увидали, какъ часовая и минутная стрѣлки указали на двѣнадцать. Первый ударъ раздался и Время, повинувшись сигналу, привело въ движеніе свою косу: число и день явились сквозь стекло. Мидуинтеръ встрѣтилъ ихъ появленіе шумнымъ выраженіемъ удивленія, которое миссъ Мильрой приняла за грубый сарказмъ, направленный на занятіе ея отца, и Алленъ (видя, что она обидилась) старался умѣрить, дотронувшись до локтя своего друга. Между тѣмъ представленія въ часахъ продолжались. При послѣднемъ ударѣ двѣнадцати, Время опять приподняло свою косу, куранты заиграли маршъ стараго полка майора, а смѣна часовыхъ началась колебаніемъ будочекъ и внезапнымъ исчезновеніемъ майора позади часовъ.

Будочка съ правой стороны платформы отворилась такъ аккуратно, какъ только можно было желать; дверь съ другой стороны, однако, оставалась упорно закрытою. Не вѣдая объ этой остановкѣ, капраль съ двумя рядовыми явились на своемъ мѣстѣ съ строгой дисциплиной, перешли черезъ платформу, всѣ трое, дрожа всѣми членами, наткнулись на запертую дверь съ другой стороны и не произвели ни малѣйшаго движенія на неподвижнаго часового, скрывавшагося внутри. Въ механизмѣ слышалось брячанье ключей и инструментовъ майора. Капраль и два рядовые вдругъ воротились назадъ черезъ платформу, хлопнувъ дверью. Именно въ эту самую минуту другая дверь отворилась въ первый разъ и непослушный часовой появился на своемъ посту, ожидая, чтобы его смѣнили. Онъ долженъ былъ

ждать. Въ другой будкѣ ничего не случилось, кромѣ стука въ дверь, какъ-будто капраль и его рядовые съ нетерпѣніемъ просились, чтобы ихъ выпустили. Опять въ механизмѣ послышалось брячанье инструментовъ маіора; капраль и его рядовые вдругъ были выпущены на свободу и бѣшено промчались по платформѣ. Но какъ они ни торопились, до-сихъ-поръ медленный часовой на другой сторонѣ вдругъ, на зло имъ, оказался еще проворнѣе. Онъ исчезъ, какъ молнія, въ своей будкѣ, затворивъ за собой дверь, капраль и рядовые во второй разъ наткнулись на неё и маіоръ, обойдя вокругъ часовъ, невинно спросилъ своихъ зрителей: «неудобноли имъ сказать ему всё ли происходило безъ ошибки?»

Нелѣпость представленія, увеличенная серьёзнымъ вопросомъ маіора Мильроя, была такъ непреодолимо смѣшна, что гости громко расхохотались, и даже миссъ Мильрой, при всѣмъ своёмъ уваженіи къ обидчивой гордости отца, когда дѣло шло о его часахъ, не могла удержаться, чтобъ не раздѣлить весѣлости, возбужденную катастрофой съ маріонетками. Но есть границы даже для свободы смѣха, и эти границы такъ давно уже нарушались однимъ членомъ маленькаго общества, что другіе двое немедленно смолкли. Лихорадка ложной весѣлости Мидуинтера перешла въ чистый бредъ, когда кончилось представленіе. Пароксизмы его смѣха слѣдовали одинъ за другимъ съ такою силою, что миссъ Мильрой съ испугомъ отскочила отъ него и даже терпѣливый маіоръ бросилъ на него взглядъ, ясно говорившій: «уйдите отсюда!» Аллэнъ въ первый разъ въ жизни съ благо-разумнымъ побужденіемъ схватилъ Мидуинтера за руку и насильно вытащилъ его въ садъ, а потомъ въ паркъ.

— Боже мой! чтó сдѣлалось съ вами? воскликнулъ онъ, отступивъ при видѣ измученнаго лица Мидуинтера, на которое пристально взглянулъ въ первый разъ.

Съ минуту Мидуинтеръ не могъ отвѣчать. Истерическій пароксизмъ перешолъ изъ одной крайности въ другую. Онъ при-слонился къ дереву, зарыдалъ, съ трудомъ перевёлъ духъ и протянулъ руку съ безмолвной мольбою къ Аллэну дать ему время.

— Лучше бы вы не ухаживали за мною, когда у меня была горячка, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, какъ только былъ въ состояніи заговорить.—Я безуменъ и несчастенъ, Аллэнъ; я еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. Подите и попросите ихъ простить меня; мнѣ стыдно идти просить прощенія самому. Я не могу рассказать какъ это случилось, я могу только просить прощенія у васъ и у нихъ.

Онъ быстро отвернулся, чтобы скрыть своё лицо.

— Не оставайтесь здѣсь, продолжалъ онъ:—не смотрите на меня, я скоро оправлюсь.

Аллэнъ всё еще колебался и непремѣнно хотѣлъ проводить Мидуинтера до дома.

— Вы разобѣете моё сердце своей добротой, запальчиво вскричалъ Мидуинтеръ:—ради Бога оставьте меня одного!

Аллэнъ воротился въ коттэджъ и просилъ снисхожденія къ Мидуинтеру съ серьёзностью и съ простотой, которыя тотчасъ возвысили его въ уваженіи маіора, но вовсе не произвели такого благопріятнаго впечатлѣнія на миссъ Мильрой. Какъ мало ни подозрѣвала этого она сама, но она уже на столько любила Аллэна, что ревновала его къ другу.

«Какъ это нелѣпо! думала она съ сердцемъ: «какъ-будто папа и я придаёмъ какую-нибудь важность такому человѣку!»

— Вы перемѣните ваше мнѣніе маіоръ Мильрой? сказалъ Аллэнъ при разставаніи.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ маіоръ, дружески пожимая ему руку.

— И вы также, миссъ Мильрой? прибавилъ Аллэнъ.

Миссъ Мильрой сдѣлала безжалостно безцеремонный поклонъ.

— *Моё* мнѣніе, мистеръ Армэдэль, не имѣетъ ни малѣйшей важности, отвѣчала она.

Аллэнъ вышелъ изъ коттэджа недоумѣвая на счетъ внезапной холодности къ нему миссъ Мильрой. Его великая идея примириться со всѣми сосѣдами, сдѣлавшись женатымъ человѣкомъ, получила нѣкоторое измѣненіе, когда онъ заперъ за собою садовую калитку. Добродѣтель, называемая благоразуміемъ и сквайръ торп-эмброскій вдругъ познакомились между собою при этомъ

случаѣ въ первый разъ и Аллэнъ, по обыкновенію, устремился очертя голову къ нравственному улучшенію, рѣшившись ничего не дѣлать второпяхъ.

Но добродѣтель не всегда получаетъ свою награду и путь, ведущій къ ней, замѣчательно дурно освѣщенъ для такого достойнаго уваженія пути. Аллэнъ вдругъ заразился уныніемъ своего друга. Идя домой, онъ тоже началъ сомнѣваться—совсѣмъ различнымъ образомъ и совсѣмъ по другимъ причинамъ—такую ли прекрасную будущность обѣщаетъ жизнь въ Торп-Эмброзѣ, какую она обѣщала сначала.

ГЛАВА VII.

ЗАГОВОРЪ УСЛОЖНЯЕТСЯ.

Два извѣстія ждали Аллена, когда онъ воротился домой. Мидуинтеръ велѣлъ сказать ему, что «онъ пошолъ гулять и мистеръ Армэдэлъ не долженъ тревожиться, если онъ долго не вернѣтся». Человѣкъ изъ конторы мистера Педгифта приходилъ, когда оба джентльмена были у маіора, и велѣлъ сказать, что «мистеръ Бэшудъ кланяется и будетъ имѣть честь опять зайти къ мастеру Армэдэлю вечеромъ».

Къ пяти часамъ Мидуинтеръ воротился, блѣдный и молчаливый. Аллэнъ посиѣшилъ увѣрить его, что онъ помирилъ его съ обитателями коттеджа, а потомъ, чтобы переимѣнить предметъ разговора, упомянулъ о посѣщеніи Бэшуда. Умъ Мидуинтера былъ такъ озабоченъ, что онъ какъ-будто не помнилъ этого имени. Аллэнъ былъ принуждѣнъ напомнить ему, что Бэшудъ былъ пожилой клэркъ, которому Педгифтъ поручилъ быть его наставникомъ въ обязанностяхъ управителя. Онъ слушалъ, не

сдѣлавъ никакого замѣчанія, и ушолъ въ свою комнату отдохнуть до обѣда.

Оставшись одинъ, Аллэнъ пошолъ въ библіотеку посмотрѣть не можетъ ли онъ провести время за книгой. Онъ снялъ съ полки нѣсколько томовъ и опять поставилъ ихъ назадъ — тѣмъ всё и кончилось. Миссъ Мильрой умѣла какимъ-то таинственнымъ образомъ стать между читателемъ и книгою. Ея церемонный поклонъ и ея безжалостная прощальная рѣчь не выходили изъ головы Аллэна, какъ онъ ни старался ихъ забыть; по мѣрѣ того, какъ проходили праздные часы, онъ началъ всё съ большимъ нетерпѣніемъ желать занять потерянное мѣсто въ ея благорасположеніи. Опять зайти въ коттеджъ и спросить чѣмъ онъ имѣлъ несчастье оскорбить её—было невозможно. Сдѣлать вопросъ письменно въ приличныхъ выраженіяхъ—оказалось на опытѣ свыше его литературныхъ способностей. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ съ перомъ во рту и выбралъ болѣе дипломатическій способъ (который оказался въ этомъ случаѣ самымъ лёгкимъ) написать къ миссъ Мильрой такъ дружелюбно, какъ-будто не случилось ничего, и судить какое мѣсто онъ занимаетъ въ ея благорасположеніи по отвѣту, который она ему пришлётъ. Приглашеніе какое-нибудь (включающее, разумѣется, ея отца, но адресованное къ ней самой) ясно было надлежащимъ способомъ, чтобы заставить её прислать письменный отвѣтъ; но тутъ являлось затрудненіе: какого рода приглашеніе это могло быть. О балѣ нечего было и думать въ настоящемъ положеніи Аллэна относительно его сосѣдей. Объ обѣдѣ безъ пожилой дамы, которая могла бы принять миссъ Мильрой — кромѣ мистриссъ Грипперъ, которая могла только принять её въ кухнѣ — также нечего было и говорить. Какого же рода могло быть приглашеніе? Никогда не останавливаясь, когда ему нужна была помощь, а спрашивая её и направо и налѣво во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, Аллэнъ, чувствуя, что всѣ ресурсы его истощились, хладнокровно позвонилъ въ колокольчикъ и удивилъ слугу, пришедшаго на зовъ, спросивъ какія удовольствія имѣло послѣднее семейство, жившее въ Торп-Эмброузѣ, и какого рода приглашенія обыкновенно посылали они своимъ друзьямъ.

— Здѣсь жили такъ, какъ живутъ всѣ дворяне, сэръ, отвѣчалъ слуга, съ изумленіемъ смотря на своего господина: — давали обѣды и балы, а въ хорошую лѣтнюю погоду, такую какъ эта, пикники...

— Довольно! закричалъ Аллэнтъ:— именно пикникъ можетъ ей понравиться. Ричардъ, вы человѣкъ драгоцѣнный, вы можете идти внизъ.

Ричардъ удалился съ удивленіемъ, а господинъ Ричарда схватилъ перо.

«Любезная миссъ Мильрой, «съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ васъ, мнѣ вдругъ пришло въ голову, что мы можемъ устроить пикникъ. Небольшая перемѣна и развлеченіе для васъ необходимы послѣ вашего продолжительнаго заключенія въ комнатѣ мистриссъ Мильрой. Пикникъ послужитъ перемѣной и (когда вино хорошо) также и развлеченіемъ. Не спросите ли вы маіора: согласится ли онъ на пикникъ? И если у васъ есть какіе-нибудь друзья по содѣйствию, которымъ было бы пріятно быть на пикникѣ, пожалуйста пригласите ихъ, потому что у меня здѣсь нѣтъ друзей. Это будетъ вашъ пикникъ, но я доставлю всё и повезу всѣхъ. Назначьте день и у насъ будетъ пикникъ гдѣ вы хотите. Я непременно желаю устроить этотъ пикникъ.»

«Прошу васъ считать меня преданнымъ вамъ навсегда.

«Аллэнтъ Армэдэль.»

Перечитывая своё сочиненіе, прежде чѣмъ онъ его запечаталъ, Аллэнтъ откровенно признался себѣ на этотъ разъ, что оно было но совсѣмъ безукоризненно.

— Слово пикникъ повторяется слишкомъ часто, сказалъ онъ.— Нужды нѣтъ, если ей понравится эта мысль, она не будетъ на это въ претензіи.

Онъ тотчасъ же послалъ письмо съ строгимъ приказаніемъ подождать отвѣта.

Отвѣтъ явился черезъ полчаса на раздушоной бумагѣ, безъ всякихъ помарокъ, благовонный для обонянія и красивый для зрѣнія.

Отъ обнаруженія голой правды инстинктивно возмущается деликатность женской души. Никогда дѣло не было такъ изворотливо перевернуто, какъ прекрасной корреспонденткой Аллена. Самъ Маккиавель не подозрѣвалъ бы изъ письма миссъ Мильрой какъ искренно раскаявалась она въ своёмъ неудовольствіи на молодого сквайра, какъ только онъ ушолъ, и какъ сумасбродно восхищалась она, когда получила его приглашеніе. Письмо ея было сочиненіемъ образцовой молодой дѣвицы, всё душевныя ощущенія которой держатся подъ замкомъ родителями и выдаются ей въ надлежащихъ случаяхъ. Въ отвѣтѣ миссъ Мильрой слово «папà» являлось такъ же часто, какъ въ приглашеніи Аллена слово «пикникъ». «Папà» былъ такъ же внимательно добръ къ ней, какъ мистеръ Армэдэль, желая доставить ей маленькую переменъ и развлеченіе, и согласился разстаться съ своими тихими привычками и участвовать въ пикникѣ. Съ согласія «папà» она принимала съ большимъ удовольствіемъ предложеніе мистера Армэдэля и по совѣту «папà» она воспользуется доброю мистера Армэдэля и пригласить двухъ друзей ихъ, недавно поселившихся въ Торп-Эмбросѣ, на пикникъ — вдову съ сыномъ; послѣдній духовнаго званія и деликатнаго здоровья. Если въ будущій вторникъ мистеру Армэдэлю можно, то это первый день, которымъ «папà» можетъ располагать послѣ поправокъ требуемыхъ его часами. Всё остальное, по совѣту «папà», она предоставляетъ совершенно мистеру Армэдэлю, а пока съ поклономъ отъ «папà» она остается искренно преданной мистеру Армэдэлю,

«ЭЛИНОРЪ МИЛЬРОЙ».

Кто могъ бы предполагать, что писавшая это письмо прыгала отъ радости, получивъ приглашеніе отъ Аллена? Кто могъ бы подозрѣвать, что въ дневникѣ миссъ Мильрой явилась уже записъ такого рода:

«Милѣйшее, драгоцѣннѣйшее письмо, я знаю отъ кого; никогда, пока я жива, не буду неласково обращаться съ нимъ».

Аллэнъ же былъ въ восхищеніи отъ успѣха своей продѣлки. Миссъ Мильрой приняла его приглашеніе, слѣдовательно миссъ

Мильрой не сердилась на него. У него чуть-было не сорвалось съ языка сказать объ этой перепискѣ своему другу, когда они встрѣтились за обѣдомъ, но въ лицѣ и обращеніи Мидуинтера было что-то такое (даже замѣтное для Аллена), заставившее его подождать прежде чѣмъ онъ возобновить тягостный предметъ посѣщенія въ коттѣджъ. По общему согласію оба избѣгали всякій разговоръ, относившійся къ Торп-Эмброзу; даже о посѣщеніи Бэшуда, который долженъ былъ придти вечеромъ, избѣгали они упоминать. Во весь обѣдъ они занимались прежнимъ вѣчнымъ разговоромъ о корабляхъ и мореплаваніи. Буфетчикъ ушолъ, кончивъ прислуживать за столомъ, съ морской проблѣмой въ головѣ и спрашивалъ своихъ товарищей-слугъ, знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ относительныя достоинства, «подъ вѣтромъ» «за вѣтромъ» шкуны и брига.

Молодые люди просидѣли за столомъ позднѣе обыкновеннаго. Когда они вышли въ садъ съ сигарами, лѣтнія сумерки спустились на лугъ и цвѣтникъ и суживали постепенно блѣднѣющій кругъ отдаленнаго вида. Роса была сильная и, побывъ нѣсколько минутъ въ саду, они согласились пойти на болѣе сухую аллею передъ домомъ.

Они подошли къ повороту, который вѣлъ въ кустарникъ, какъ вдругъ изъ-за листьевъ позади ихъ выскользнула черная фигура—какъ тѣнь мрачно движущаяся въ тускломъ вечернемъ свѣтѣ. Мидуинтеръ вздрогнулъ при видѣ ея, и даже менѣе утонченныя нервы его друга дрогнули на одно мгновеніе.

— Что это за чортъ! воскликнулъ Алленъ.

Фигура обважила голову и медленно сдѣлала шагъ ближе. Мидуинтеръ сдѣлалъ шагъ впередъ и посмотрѣлъ пристальнѣе. Это былъ человѣкъ съ робкимъ обращеніемъ и въ траурной одеждѣ, у котораго онъ спрашивалъ дорогу въ Торп-Эмброузъ тамъ, гдѣ сходились три дороги.

— Кто вы? повторилъ Алленъ.

— Смирненно прошу вашего извиненія, сэръ, пролетѣлъ незнакомецъ, опять съ замѣшательствомъ отступивъ назадъ:— слуги мнѣ сказали, что я найду мистера Армэдэля...

— Какъ, вы мистеръ Бэшудъ?

— Да, съ вашего позволенія, сэръ.

— Извините, что я такъ грубо заговорилъ съ вами, сказалъ Аллэнъ:—но дѣло въ томъ, что вы испугали меня. Меня зовутъ Армэдэль—пожалуйста надѣньте вашу шляпу—а это мой другъ, мистеръ Мидуинтеръ, который желаетъ вашей помощи по управительскимъ дѣламъ.

— Намъ не нужно рекомендоваться, сказалъ Мидуинтеръ:—я встрѣтилъ мистера Бэшуда нѣсколько дней тому назадъ, и онъ былъ такъ добръ, что указалъ мнѣ дорогу, когда я заблудился.

— Надѣньте вашу шляпу, повторилъ Аллэнъ, когда мистеръ Бэшудъ, всё съ непокрытой головой, стоялъ и кланялся, не говоря ни слова, то одному молодому человѣку, то другому:—пожалуйста надѣньте вашу шляпу и позвольте мнѣ показать вамъ дорогу къ дому. Извините, если я вамъ замѣчу, прибавилъ Аллэнъ, когда Бэшудъ, въ какой-то нервной застѣнчивости, уронилъ свою шляпу вмѣсто того, чтобы надѣть её на голову:—но вы, кажется, нѣсколько растревожены: рюмка хорошаго вина не сдѣлаетъ вамъ вреда, прежде чѣмъ вы и мой другъ займѣтесь дѣломъ. Гдѣ вы встрѣтились съ мистеромъ Бэшудомъ, Мидуинтеръ, когда вы заблудились?

— Я не знаю здѣшнихъ окрестностей; я долженъ спросить объ этомъ мистера Бэшуда.

— Скажите намъ, гдѣ это было? продолжалъ Аллэнъ, стараясь немножко круто разогнать принуждѣнность этого человѣка, когда они всё трое возвращались въ домъ.

Мѣра природной робости Бэшуда, повидимому, переполнилась черезъ край громкимъ голосомъ Аллэна и его рѣзкимъ вопросомъ. Онъ вдался въ тотъ же самый потокъ словъ, которымъ онъ наводнилъ Мидуинтера, когда они встрѣтились въ первый разъ.

— Это было на дорогѣ, сэръ, началъ онъ, обращаясь попеременно то къ Аллэну, котораго онъ называлъ «сэръ», то къ Мидуинтеру, котораго онъ называлъ по имени:—я хочу сказать, если вы позволите, на дорогѣ къ Малому Джиль-Беку. Стран-

ное имя, мистеръ Мидуинтеръ, и странное мѣсто; я говорю не о деревнѣ, а объ окрестностяхъ—то-есть, извините, я говорю о Бродсахъ. Можетъ-быть вы слышали о Норфолькскихъ Бродсахъ, сэръ? То, что называется озерами въ другихъ частяхъ Англии, то здѣсь называется Бродсами. Бродсовъ очень много, я думаю, ихъ стоить посѣтить. Вы видѣли бы первыя изъ нихъ, мистеръ Мидуинтеръ, еслибы прошли нѣсколько далѣе того мѣста, гдѣ я имѣлъ честь встрѣтить васъ. Замѣчательно многочисленны Бродсы, сэръ, между этими окрестностями и моремъ. Около трёхъ милей отъ моря, мистеръ Мидуинтеръ, около трёхъ милей! Между ними текутъ рѣки, прекрасныя, уединенныя. Страна водянистая, мистеръ Мидуинтеръ, совершенно отдѣльная сама-по-себѣ. Туда ѣздятъ на прогулку, сэръ, въ лодкахъ. Это цѣлая сѣть озёръ. Въ холодную погоду тамъ славная охота. Дикихъ утокъ тамъ очень много. Да, Бродсы стоить посмотрѣть, мистеръ Мидуинтеръ, въ первый разъ, какъ вы пойдёте въ ту сторону. Разстояніе отсюда до Малаго Джилль-Бека, а отъ Малаго Джилля-Бека до Гардлеръ-Брода, перваго озера, не болѣе какъ...

Изъ нервной застѣнчивости, не умѣя какъ остановиться, онъ, вѣроятно, говорилъ бы о Норфолькскихъ Бродсахъ цѣлый вечеръ, еслибы одинъ изъ его слушателей не прервалъ его безцеремонно.

— Къ Бродсамъ можно отсюда съѣздить и воротиться назадъ въ одинъ день? спросилъ Аллэнъ, чувствуя, что мѣсто для пикника уже найдено.

— О, да, сэръ! — прекрасно можно съѣздить изъ этого прекраснаго замка!

Они въ эту минуту входили на ступени портика; Аллэнъ шоль впередъ и звалъ Мидуинтера и Бэшуда въ библіотеку, гдѣ была зажжена лампа. Въ промежутокъ до появленія вина Мидуинтеръ взглянулъ на своего случайнаго знакомаго на большой дорогѣ съ странною смѣсью состраданія и недовѣрія — состраданія, увеличивавшагося противъ его воли, недовѣрія упорно уменьшавшагося, какъ онъ ни старался, чтобы оно возрасло. Неудобно торча на кончикѣ стула, сидѣлъ бѣдный, унылый не-

счастливецъ въ своёмъ поношеномъ черномъ платьѣ, съ своими водянистыми глазами, въ своёмъ старомъ, честномъ парикѣ, въ своёмъ жалкомъ шерстяномъ галстухѣ и съ своими фальшивыми зубами, которые не могли обмануть никого — сидѣлъ изъ вѣжливости спокойно, то вздрагивая отъ яркаго блеска лампы, то дрожа отъ громкаго голоса Аллена; этотъ человѣкъ имѣлъ на лицѣ морщины шестидесятилѣтняго старика и обращеніе ребёнка въ присутствіи постороннихъ; онъ, конечно, представлялъ предметъ состраданія.

— Чего не боялись бы вы, мистеръ Бэшудъ, закричалъ Алленъ наливая вино: — не бойтесь этого и отъ цѣлаго бочонка не разболится голова. Расположитесь поудобнѣе; я оставляю васъ и мистера Мидуинтера говорить о дѣлахъ. Всѣ дѣла въ рукахъ мистера Мидуинтера, онъ дѣйствуетъ за меня и рѣшаетъ всё какъ знаетъ.

Онъ сказалъ эти слова въ осторожныхъ выраженіяхъ, совсѣмъ ему несвойственныхъ, и, безъ дальнѣйшихъ объясненій, прямо пошолъ къ двери. Мидуинтеръ, сидя возлѣ двери, примѣтилъ лицо его, когда онъ выходилъ. Какъ ни легко было заслужить расположеніе Аллена, мистеръ Бэшудъ какимъ-то непонятнымъ образомъ не заслужилъ его!

Собесѣдники, такъ странно походившіе характеромъ другъ на друга, остались вдвоёмъ, широко раздѣляемые — такъ казалось по наружности—отъ всякаго сочувствія; невидимо притягиваемые другъ къ другу тѣмъ магнетическимъ сходствомъ темперамента, которое перескакиваетъ всякую разницу въ лѣтахъ, или положеніи, наперекоръ всему наружному несходству въ душѣ и характерѣ. Съ той минуты, когда Алленъ выпелъ изъ комнаты, тайное вліяніе начало медленно привлекать этихъ двухъ человѣкъ другъ къ другу черезъ великую общественную пустыню, которая лежала между ними до сегодня.

Мидуинтеръ первый приблизился къ предмету свиданія.

— Могу я спросить, началъ онъ:—извѣстно ли вамъ моё положеніе здѣсь и почему я прошу вашей помощи?

Бэшудъ, всё колеблясь и всё робѣя, но очевидно успокоенный

отсутствіемъ Аллена, сѣлъ подальше на стулѣ и осмѣлился подкрѣпить себя скромнымъ глоткомъ вина.

— Да, сэръ, отвѣчалъ онъ: — по-крайней-мѣрѣ мнѣ кажется, что могу это сказать. Я долженъ научить или, можетъ-быть, я долженъ бы сказать посовѣтовать...

— Нѣтъ, мистеръ Бэшудъ, первые слова вѣрнѣе. Мнѣ со-всѣмъ неизвѣстны обязанности, которыя мистеръ Армэдэль, по добротѣ своей, возложилъ на меня. Сколько я понялъ, въ вашей способности наставить меня не можетъ быть сомнѣнія, потому-что вы сами занимали мѣсто управителя. Могу я спросить гдѣ?

— У сэра Джона Меллоушина, сэръ, въ западномъ Норфолькѣ. Можетъ быть вамъ угодно — онъ со мною — взглянуть на мой атестатъ? Сэръ Джонъ могъ бы поступить со мною добрѣе, но я жаловаться не могу; теперь всё кончено!

Его водянистые глаза сдѣлались еще водянистѣе и трепеть рукъ распространился до губъ, когда вынулъ изъ записной книжки старое письмо и положилъ его на столъ.

Атестатъ былъ написанъ очень кратко и очень холодно, но былъ удовлетворителенъ. Сэръ Джонъ считалъ справедливымъ сказать, что онъ не можетъ пожаловаться на недостатокъ способности или честности своего управителя. Еслибы домашнее положеніе мистера Бэшуда позволило ему продолжать свои обязанности по управленію имѣніями, сэръ Джонъ охотно оставилъ бы его у себя. Теперь же затрудненія, возбужденія личными дѣлами мистера Бэшуда, дѣлали невозможнымъ для него оставаться въ службѣ сэра Джона, и по этой причинѣ — только по этой — сэръ Джонъ разстался съ своимъ управителемъ. Вотъ какъ атестовалъ сэръ Джонъ мистера Бэшуда. Когда Мидуинтеръ читалъ послѣднія строчки мистера Бэшуда, онъ подумалъ о другомъ атестатѣ, еще находившемся у него, который дали ему въ школѣ, когда выгнали больного учителя на всѣ четыре стороны. Его суевѣріе (не довѣрявшее всѣмъ новымъ событіямъ и всѣмъ новымъ лицамъ въ Торп-Эмбросѣ) еще сомнѣвалось въ чело-вѣкѣ, находившемся передъ нимъ такъ же упорно, какъ прежде. Но когда, теперь, онъ старался выразить эти сомнѣнія словами, сердце упрёкаю его и онъ молча положилъ атестатъ на столъ.

Внезапное молчаніе въ разговорѣ какъ-будто испугало Бэшуда. Онъ подкрѣпилъ себя еще глоткомъ вина и, не дотрогиваясь до атестата, заговорилъ скороговоркою, какъ-будто молчаніе было для него нестерпимо.

— Я готовъ отвѣчать на всѣ вопросы, сэръ. Мистеръ Педгифтъ сказалъ мнѣ, что я долженъ отвѣчать на вопросы, потому-что ни вы, ни мистеръ Армэдэль не будете довольствоваться однимъ атестатомъ. Сэръ Джонъ не сказалъ—онъ могъ выразиться добрѣе, но я не жалуюсь—сэръ Джонъ не сказалъ по какимъ непріятностямъ я лишился моего мѣста. Можетъ-быть вамъ угодно знать?...

Онъ остановился съ замѣшательствомъ, посмотрѣлъ на атестатъ и не сказалъ ничего болѣе.

— Еслибы дѣло шло только о моихъ интересахъ, отвѣчала Мидуинтеръ:—увѣрю васъ, атестата было бы совершенно для меня достаточно; но пока я стану учиться моимъ новымъ обязанностямъ, человѣкъ, который будетъ меня учить, на самомъ дѣлѣ будетъ управителемъ имѣнія моего друга. Мнѣ очень непріятно просить васъ говорить о предметѣ, можетъ-быть тягостномъ для васъ, и во мнѣ не достаётъ опытности дѣлать такіе вопросы, какіе слѣдовало бы, но, можетъ-быть, для интересовъ мистера Армэделя мнѣ слѣдуетъ узнать болѣе или отъ васъ, или отъ мистера Педгифта, если вы это предпочтаете.

Онъ также остановился въ замѣшательствѣ, посмотрѣлъ на атестатъ и не сказалъ ничего болѣе.

Наступило минутное молчаніе. Вечеръ былъ тёплый и мистеръ Бэшудъ, между другими своими бѣдствіями имѣлъ печальный недугъ потѣть на ладоняхъ. Онъ вынулъ жалкій бумажный носовой платокъ, свёрнутый въ комокъ, и пачалъ вытирать имъ руки. Еслибы это сдѣлалъ кто-нибудь другой при подобныхъ обстоятельствахъ, это могло бы показаться смѣшно, но этотъ поступокъ отъ этого человѣка, въ такомъ кризисѣ свиданія, казался ужасенъ.

— Время мистера Педгифта слишкомъ драгоценно, сэръ, чтобы терять его для меня, сказалъ онъ.—Я расскажу то, что слѣдуетъ рассказать вамъ, если вы позволите мнѣ. Я былъ не-

счастливъ въ своёмъ семействѣ. Это несчастье трудно было переносить, хотя на словахъ это и не покажется. Жена моя...

Одной рукою онъ крѣпко схватилъ носовой платокъ, вытеръ свои сухія губы, боролся самъ съ собою и продолжалъ:

— Жена моя, сэръ, нѣсколько мнѣ мѣшала, она—я боюсь, что я долженъ признаться въ этомъ—повредила мнѣ въ глазахъ сэра Джона. Вскорѣ послѣ того, какъ я занялъ мѣсто управителя, она начала... она взяла привычку... я право не знаю, какъ это сказать... пить. Я не могъ отучить её отъ этого и не всегда могъ скрывать это отъ сэра Джона. Она раза два выводила его изъ терпѣнія, когда онъ приходилъ въ контору по дѣламъ. Сэръ Джонъ извинялъ это не очень ласково, но всё-таки извинялъ. Я не жалуюсь на сэра Джона; я... не жалуюсь теперь и на мою жену.

Онъ трепещущею рукою указалъ на жалкій креплъ, которымъ обвязана была его шляпа.

— Я ношу по ней трауръ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ:— Она умерла около года тому назадъ, въ здѣшнемъ домѣ умалишенныхъ.

Губы его начали судорожно подѣргиваться. Онъ взялъ рюмку вина и вмѣсто того, чтобы прихлебнуть, на этотъ разъ осушилъ её всю.

— Я не очень привыкъ къ вину, сэръ, сказалъ онъ, сознавая, вѣроятно, румянецъ, выступившій на лицѣ его и наблюдая вѣжливость среди несчастныхъ воспоминаній, вызываемыхъ имъ.

— Я прошу васъ, мистеръ Бэшудъ, не огорчать себя, рассказывая мнѣ болѣе, сказалъ Мидуинтеръ, не желая настаивать на признаніяхъ, которые уже довольно обнаружили горести этого несчастнаго человѣка.

— Я очень вамъ благодаренъ, сэръ, сказалъ мистеръ Бэшудъ.—Но если я не задерживаю васъ слишкомъ долго и если вамъ угодно будетъ вспомнить, что инструкціи мистера Педгифта были очень настоятельны, и кромѣ того, я только упомянулъ о моей покойной женѣ оттого, что еслибы она не выводила изъ терпѣнія сэра Джона, то всё могло бы устроиться иначе...

Онъ остановился, бросилъ неконченную фразу, въ которой онъ запутался и началъ другую:

— У меня было только двое дѣтей, сэръ: сынъ и дочь. Дочь умерла въ младенчествѣ; сынъ мой выросъ, но я черезъ него лишился моего мѣста. Я сдѣлалъ для него всё, что могъ; я опредѣлилъ его въ хорошую контору въ Лондонѣ. Его не хотѣли взять безъ денежнаго обезпеченія. Я боюсь, что это было неблагоприятно, но у меня не было богатыхъ друзей, которые могли бы помочь мнѣ — и я самъ поручился за него. Сынъ мой оказался дурнымъ человѣкомъ, сэръ. Онъ — можетъ-быть вы поймете меня, если я скажу, что онъ поступилъ нечестно. Его хозяева согласились, по моей просьбѣ, отпустить безъ судебныхъ преслѣдованій. Я просилъ очень усердно — я любилъ моего сына Джэмса — взять его домой и употреблялъ всѣ силы, чтобы исправить его. Онъ не хотѣлъ остаться со мною, онъ опять отправился въ Лондонъ; онъ — извините, сэръ, я боюсь, что я всё перепутываю, я боюсь, что я отступаю отъ главнаго пункта...

— Нѣтъ, нѣтъ, ласково сказалъ Мидуинтеръ: — если вы считаете нужнымъ рассказать мнѣ эту печальную исторію, рассказывайте, какъ хотите. Вы видѣли вашего сына послѣ того, какъ онъ уѣхалъ отъ васъ въ Лондонъ?

— Нѣтъ, сэръ, онъ еще въ Лондонѣ, сколько мнѣ извѣстно. Въ послѣдній разъ, какъ я имѣлъ о немъ извѣстіе, онъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе — не весьма честнымъ образомъ. Онъ служилъ въ Частной Справочной Конторѣ на Шэдисайдской площади.

Онъ сказалъ эти послѣднія слова очень разсѣянно, осматриваясь вокругъ въ замѣшательствѣ и напрасно стараясь отыскать потерянную нить разсказа.

Мидуинтеръ сострадательно помогъ ему.

— Вы мнѣ говорили, сказалъ онъ: — что вы лишились мѣста по милости вашего сына. Какъ это случилось?

— Вотъ какимъ образомъ, сэръ, отвѣчала Бэнгудъ, съ волненіемъ возвращаясь къ надлежащему пункту. — Его хозяева согласились отпустить его, но они обратились къ его поручителю — это былъ я. Конечно, ихъ порицать нельзя; это поручительство

покрывало ихъ потерю. Я не могъ заплатить всего, я долженъ былъ занять. Мой кредиторъ сталъ преслѣдовать меня, это, конечно, жестоко, но такъ-какъ ему нужны были деньги, онъ, конечно, поступалъ справедливо. Но вѣрно и другіе джентльмены сказали бы то же, что и сказалъ сэръ Джонъ; навѣрно и другіе не захотѣли бы оставить управителя, котораго преслѣдовала полиція и мебель котораго продавали за долги. Вотъ какъ это кончилось, мистеръ Мидуинтеръ! Я не стану задерживать васъ долѣе, вотъ адресъ сэра Джона, если вы желаете обратиться къ нему.

Мидуинтеръ великодушно отказался взять этотъ адресъ.

— Благодарю васъ, сэръ, сказала Бэшудъ, вставая.— Кажется, не о чемъ болѣе говорить, кромѣ какъ... мистеръ Педгифтъ поручится за меня, если вы желаете узнать о моёмъ поведеніи съ-тѣхъ-поръ, какъ я служу у него. Я очень обязанъ мистеру Педгифту: онъ иногда бываетъ нѣсколько грубъ со мною, но еслибы онъ не взялъ меня въ свою контору, я, кажется, поступилъ бы въ богадѣльню, когда оставилъ сэра Джона—я такъ былъ разбитъ душой.

Онъ поднялъ свою грязную старую шляпу съ пола.

— Я не буду долѣе задерживать васъ, сэръ, я съ удовольствіемъ найду опять, если вы желаете подумать прежде чѣмъ рѣшиться.

— Мнѣ не нужно думать послѣ того, что вы мнѣ сказали, горячо отвѣчалъ Мидуинтеръ, вспоминая то время, когда онъ рассказывалъ свою исторію мистеру Броку, и ждалъ великодушнаго слова, какъ теперь ждалъ чловѣкъ, находившійся передъ нимъ.—Сегодня суббота, продолжалъ онъ:—можете вы дать мнѣ первый урокъ въ понедѣльникъ утромъ? Извините, прибавилъ онъ, перебивъ многорѣчивыя выраженія мистера Бэшуда, въ которыхъ онъ выражалъ своё согласіе, и остановивъ его, когда онъ выходилъ изъ комнаты:—намъ надо рѣшить еще одно—не такъ ли? Мы еще не говорили о вашемъ вознагражденіи въ этомъ дѣлѣ, то-есть объ условіяхъ.

Онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ намекалъ на денежную

часть предмета. Бэшудъ (всё ближе и ближе подвигаясь къ двери) отвѣчалъ еще съ бѣльшимъ замѣшательствомъ:

— Сколько-нибудь, сэръ, сколько вы сочтѣте нужнымъ. Я не стану задерживать васъ долѣе... я предоставляю это рѣшить вамъ и мистеру Армэдэлю.

— Я пошлю за мистеромъ Армэдэлемъ, если вамъ угодно, сказалъ Мидуинтеръ, провозая Бэшуда въ переднюю: — но я боюсь, что онъ такъ же мало опытенъ въ этомъ, какъ и я. Можетъ-быть, если вы не противъ, мы спросимъ мистера Педгифта?

Мистеръ Бэшудъ съ жаромъ ухватился за послѣдній намёкъ, всё подвигаясь къ парадной двери.

— Да, сэръ, о, да-да! никто не можетъ знать этого лучше мистера Педгифта. Пожалуйста не беспокойте мистера Армэделя!

Его водянистые глаза сдѣлались совершенно дики отъ нервного испуга, когда онъ обернулся при свѣтѣ лампы, висѣвшей въ передней, сдѣлать эту вѣжливую просьбу. Еслибы послать за Аллэномъ, было то же, что спустить съ цѣпи свирѣпую собаку, мистеръ Бэшудъ едва-ли могъ бы быть болѣе испуганъ.

— Желаю вамъ добраго вечера, сэръ, продолжалъ онъ, выходя. — Я непременно буду въ понедѣльникъ утромъ — я надѣюсь... я думаю... я увѣренъ, что вы скоро научитесь всему, чему я могу научить васъ. Это не трудно—о! совсѣмъ не трудно. Желаю вамъ добраго вечера, сэръ. Прекрасная ночь, да, прекрасная ночь для того, чтобы возвращаться домой!

Съ этими словами, не примѣчая, въ своёмъ замѣшательствѣ, протянутой руки Мидуинтера, онъ шумно спустился со ступеней и исчезъ въ ночной темнотѣ.

Когда Мидуинтеръ повернулся, чтобы воротиться въ комнату, дверь въ столовой отворилась и его другъ вышелъ къ нему въ переднюю.

— Ушоль мистеръ Бэшудъ? спросилъ Аллэнь.

— Ушоль, отвѣчалъ Мидуинтеръ: — рассказавъ мнѣ очень печальную исторію и заставивъ меня стыдиться, что я сомнѣвался въ нёмъ безъ причины. Я условился, что онъ дастъ мнѣ первый урокъ въ понедѣльникъ утромъ.

— Хорошо, сказала Аллэнъ.—Вамъ нечего бояться, старикашка, что я стану прерывать ваши занятія. Навѣрно это впечатлѣніе ошибочно, но мнѣ не нравится мистеръ Бэшудъ.

— Навѣрно *моё* впечатлѣніе ошибочно, отвѣчалъ Мидуинтеръ нѣсколько сердито.

Въ воскресенье утромъ Мидуинтеръ вышелъ въ паркъ, ожидая почтальона, въ надеждѣ получить письмо отъ мистера Брока.

Въ обыкновенный часъ почтальонъ явился и подалъ ожидаемое письмо Мидуинтеру. Онъ распечаталъ и прочелъ эти строчки:

«Любезный Мидуинтеръ, я пишу болѣе для того, чтобы успокоить васъ, а не потому, чтобы я могъ сказать вамъ, что-нибудь опредѣлённое; въ моёмъ послѣднемъ торопливомъ письмѣ я не имѣлъ времени сказать вамъ, что старшая изъ двухъ женщинъ, которыхъ я встрѣтилъ въ Кенсингтонскомъ саду, пошла за мною и заговорила на улицѣ. Кажется, я могу назвать то, что она говорила (не дѣлая ей несправедливости) цѣпью лжи съ начала до конца. По-крайней-мѣрѣ она подтвердила меня въ подозрѣніи, что затѣвается что-что недоброе, чего Аллэнъ предназначенъ быть жертвою, и что первымъ двигателемъ заговора, та самая гнусная женщина, которая помогала замужеству его матери и ускорила ея смерть.

«Чувствуя это убѣжденіе, я не колебался для Аллэна сдѣлать то, чего не сдѣлалъ бы ни для кого на свѣтѣ. Я оставилъ мой отель и поселился съ моимъ старымъ слугою Робертомъ въ домѣ напротивъ того дома, въ которомъ живутъ обѣ эти женщины. Мы попеременно наблюдаемъ за ними—чего, какъ я увѣренъ, совершенно онѣ не подозрѣваютъ—и день и ночь. Всѣ мои чувства, какъ джентльмена и пастора, возмущаются противъ подобнаго занятія, но дѣлать нечего. Я долженъ или нарушать такимъ образомъ уваженіе къ самому себѣ, или предоставить Аллэну съ его легкомысленнымъ характеромъ защищаться противъ негодной женщины, которая, какъ я твёрдо убѣждёнъ, готовится воспользоваться самымъ безсовѣстнымъ образомъ его слабостью и молодостью. Просьба его умирающей матери не выходитъ у меня изъ головы, и да поможетъ мнѣ Господь, а я теперь унижаюсь въ моихъ собственныхъ глазахъ вслѣдствіе этого.

«За мою жертву уже было нѣкоторое вознагражденіе. Сегодня, въ субботу, я приобрѣлъ огромную выгоду — наконецъ видѣлъ лицо этой женщины. Она выходила съ опущенной воалью и воротилась домой. Я видѣлъ ея лицо безъ воаля у окна, а потомъ опять на балконѣ. Если представится случай описать ея подробно, вы будете имѣть это описаніе. Теперь мнѣ нужно только сказать, что ей на видъ тридцать-пять лѣтъ и что она со-всѣмъ не такъ хороша собой, какъ я ожидалъ (самъ не зная почему).

«Вотъ всё, что я теперь могу сказать вамъ. Если ничего болѣе не случится до понедѣльника или до вторника, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ обратиться къ моимъ нотаріусамъ за помощью, хотя мнѣ очень не хочется довѣрить это щекотливое дѣло въ чужія руки. Оставивъ, однако, въ сторонѣ мои чувства, дѣло, которое было причиною моей поѣздки въ Лондонъ, такъ важно, что имъ нельзя пренебрегать долге, такъ какъ я пренебрегаю имъ теперь. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что я увѣдомлю васъ о томъ, что будетъ, и считайте меня искренно вамъ преданнымъ.

Децимусъ Брокъ.

Мидуинтеръ положилъ письмо, такъ же какъ первое, въ свою записную книжку вмѣстѣ съ описаніемъ алленава сна.

— Сколько еще дней? спрашивалъ онъ себя, возвращаясь въ домъ:— сколько еще дней?

Немного. Время, ожидаемое имъ, было уже подъ-рукой.

Насталъ понедѣльникъ и мистеръ Бэшудъ акуратно явился въ назначенный часъ. Насталъ понедѣльникъ и Алленъ погрузился въ приготовленія къ пикнику. Онъ имѣлъ разныя свиданія и дома и внѣ дома цѣлый день. Онъ устраивалъ дѣло съ мистриссъ Грипперъ, съ буфетчикомъ, съ кучеромъ, въ ихъ трѣхъ разныхъ департаментахъ, ѣды, питья и ѣзды. Онъ отправился въ городъ совѣтоваться съ Педгифтомъ насчетъ Бродсовъ и пригласить отца и сына (такъ-какъ ему некого было больше приглашать) на пикникъ. Педгифтъ Старшій (въ своемъ департаментѣ) доставилъ общія свѣдѣнія, но просилъ извинить его отъ присутствія на пикникѣ по случаю дѣловыхъ занятій. Педгифтъ Млад-

шій (въ своемъ департаментѣ) прибавилъ всея подробности и отложивъ въ сторону занятія, принялъ приглашеніе съ величайшимъ удовольствіемъ. Возвратясь изъ конторы стряпчаго, Аллэнъ отправился въ коттеджъ маіора получить согласіе миссъ Мильрой на мѣсто, выбранное для пикника. Исполнивъ это, онъ воротился домой рѣшить послѣднее затрудненіе—затрудненіе уговорить Мидуинтера присоединиться къ поѣздкѣ къ Бродсамъ.

Аллэнъ нашолъ своего друга твёрдо рѣшившимся остаться дома. Естественное нежеланіе Мидуинтера встрѣтиться съ маіоромъ и его дочерью послѣ того, что случилось въ коттеджѣ, можно было бы преодолѣть; но рѣшимость Мидуинтера не прерывать занятій съ мистеромъ Бэшудомъ устояла противъ всехъ усилій поколебать её. Аллэнъ принуждёнъ былъ согласиться на сдѣлку. Мидуинтеръ общалъ, не весьма охотно, присоединиться къ обществу вечеромъ тамъ, гдѣ назначено было пить чай. Такимъ образомъ онъ согласился воспользоваться случаемъ стать на дружеской ногѣ съ Мильроями. Болѣе онъ не хотѣлъ уступить, даже на убѣжденія Аллена и о большемъ бесполезно было его просить.

Насталъ день, назначенный для пикника. Прекрасное утро, весѣлыя хлопоты нисколько не прельстили Мидуинтера и не заставили его перемѣнить намѣреніе. Въ назначенный часъ онъ ушолъ отъ завтрака къ мистеру Бэшуду въ управительскую контору. Они оба спокойно занялись счотами въ задней сторонѣ дома, между тѣмъ какъ въ передней шли приготовленія къ пикнику. Молодой Педгифтъ (невысокаго роста, щегольски одѣтый и съ самоувѣреннымъ обращеніемъ) пріѣхалъ не задолго до часа, назначеннаго для отъѣзда, чтобы помочь въ окончательныхъ приготовленіяхъ своимъ мѣстнымъ знаніемъ. Аллэнъ и онъ еще совѣщались, когда вдругъ явилось препятствіе. Пришли сказать, что служанка изъ коттеджа ждётъ внизу отвѣта на записку своей барышни. По запискѣ было видно, что душевныя ощущенія миссъ Мильрой преодолѣли въ ней чувства приличія. Тонъ письма былъ лихорадочный и почеркъ шолъ вкось и вкривь.

«О, мистеръ Армэдэль! писала дочь маіора: «какое несчастье! Что намъ дѣлать? папѣ получилъ сегодня утромъ письмо отъ

бабушки насчетъ новой гувернантки. Ея атестація оказалась удовлетворительна во всѣхъ отношеніяхъ и она готова пріѣхать хоть сейчасъ. Бабушка думаетъ (какъ это досадно!) что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и пишетъ, что мы должны ожидать новую гувернантку или сегодня, или завтра. Папа говоритъ (онъ всегда нелѣпо внимателенъ ко всѣмъ!) что мы не можемъ допустить миссъ Гуильтъ пріѣхать сюда (если она пріѣдетъ сегодня) и не найти никого дома. Чтò дѣлать? Я готова расплакаться отъ досады. Я получила самое дурное впечатлѣніе (хотя бабушка пишетъ, что она очаровательна) о миссъ Гуильтъ. Не можете ли вы посовѣтовать что-нибудь, мистеръ Армэдэль? Я увѣрена, что папа согласится. Не пишите—пришлите мнѣ отвѣтъ на словахъ. Я купила новую шляпку для пикника и—ахъ! какъ мучительно не знать, должна я снять её или оставить.

Искренно вамъ преданная,

«Э. М.»

— Чортъ побори миссъ Гуильтъ! вскричалъ Аллэнъ, вытаращивъ глаза на своего стряпцаго съ отчаяніемъ.

— Позвольте спросить, чтò случилось? замѣтилъ Педгифтъ Младшій.

Аллэнъ сказалъ ему. Мистеръ Педгифтъ Младшій, могъ имѣть свои недостатки, но ненаходчивость не находилась въ ихъ числѣ.

— Можно выпутаться изъ этого затрудненія, мистеръ Армэдэль, сказалъ онъ: — если гувернантка пріѣдетъ сегодня, пусть она также поѣдетъ на пикникъ.

Аллэнъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза.

— Не всѣ же лошади и экипажи въ Торп-Эмбросѣ будутъ употреблены на нашу поѣздку, продолжалъ Педгифтъ Младшій:— конечно, нѣтъ. Очень хорошо. Если миссъ Гуильтъ пріѣдетъ сегодня, она не можетъ пріѣхать прежде пяти часовъ. Хорошо. Прикажите, чтобы коляска ждала у дверей маіора къ тому времени, мистеръ Армэдэль, а я растолкую кучеру куда ѣхать. Когда гувернантка пріѣдетъ въ коттэджъ, пусть она найдётъ извинительную записочку (съ холоднымъ цыплѣнкомъ, или тамъ

съ чѣмъ-нибудь другимъ, что они приготовить ей закусить послѣ дороги), въ которой её просятъ присоединиться къ пикнику. Ей-богу, сэръ! вскричалъ весело молодой Педгифтъ: — она должна быть обидчива, если останется недовольна послѣ этого!

— Отлично! закричалъ Аллэнъ.—Ей будетъ показано всевозможное вниманіе. Я дамъ ей кабриолетъ, запряженный пони, и бѣлую упряжь; она можетъ править сама, если хочетъ.

Онъ написалъ отвѣтъ миссъ Мильрой, чтобы успокоить её и сдѣлать необходимыя распоряженія на счетъ кабриолета. Черезъ десять минутъ экипажи для гостей стояли у дверей.

— Теперь, когда мы столько хлопотали для нея, сказала Аллэнъ, говоря о гувернанткѣ, когда они выходили изъ дома:—желалъ бы я знать, приѣдетъ ли она сегодня и увидимъ ли мы её на пикникѣ?

— Это рѣшительно зависитъ отъ ея возраста, сэръ, замѣтилъ молодой Педгифтъ, произнося своё мнѣніе съ счастливой самоувѣренностью, отличавшей его.—Если она стара, она устанетъ отъ дороги и останется за холоднымъ цыплѣнкомъ въ коттэджѣ; если она молода, или я совсѣмъ не знаю женщинъ, или пони, въ бѣлой упряжи, привезутъ её на пикникъ.

Они отправились къ коттэджу маіора.

ГЛАВА VIII

НОРФОЛЬКСКІЯ ОЗЕРА.

Маленькая группа, собравшаяся въ гостиной маіора Мильроя ждать экипажей изъ Торп-Эмброза, едва-ли подала бы понятіе всякому, ничего незнающему человѣку, вошедшему туда, что это общество собралось ѣхать на пикникъ. Судя по наружности, всѣ были очень скучны, такъ что можно было подумать, что это общество собралось на свадьбу.

Даже сама миссъ Мильрой, хотя она сознавала, что очень аванжна въ свѣтломъ кисейномъ платьѣ и новой шляпкѣ съ перьями, была въ эту минуту нѣсколько нахмурена. Хотя записка Аллена нѣсколько успокоила её, что единственная великая цѣль согласить пріѣздъ гувернантки съ пикникомъ была достигнута, всё еще оставалось сомнѣніе, одобрить ли ея отецъ предложенный планъ—словомъ, миссъ Мильрой не хотѣла быть увѣренной въ удовольствіи этого дня до-тѣхъ-поръ, пока экипажъ не увезётъ её. Маіоръ, съ своей стороны, наряженный для праздника въ узкій синій фракъ, который онъ не надѣвалъ уже нѣсколько лѣтъ, и угрожаемый разлукою на цѣлый день съ своимъ старымъ товарищемъ и другомъ—часами, былъ не въ своей стихіи. Что касается друзей, приглашенныхъ по просьбѣ Аллена—вдовы (мистриссъ Пентвостъ) и ея сына (пастора Сэмюэля) молодого человѣка слабаго здоровья, людей наименѣе способныхъ по наружности увеличить весѣлость дня

трудно было бы найти во всей Англии. Молодой человекъ, играющій свою роль въ обществѣ, смотря въ зелёные очки и слушающая съ болѣзненной улыбкой, можетъ-быть чудомъ ума и источникомъ добродѣтели, но врядъ ли годится для пикника. Старая дама, страдающая глухотой и интересующаяся только своимъ сыномъ и спрашивающая каждого (по счастью, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда сынъ ея раскрываетъ губы): «что говорить мой сынъ?» заслуживаетъ состраданія по своему недугу и уваженія за свою материнскую преданность, но её не слѣдуетъ понастоящему — если только это возможно избѣжать — приглашать на пикникъ. Однако таковы были пасторъ Сэмюэль Пентикость и его мать, и за неизмѣнимъ другихъ гостей они были приглашены ѣсть, пить и веселиться на пикникъ мистера Армэдэля.

Приходъ Алэна съ его вѣрнымъ послѣдователемъ Педгифтомъ Младшимъ пробудилъ павшій духъ общества, собравшагося въ коттеджѣ. Планъ, позволявшій гувернанткѣ пріѣхать на пикникъ, если бы она пріѣхала въ этотъ день, успокоилъ даже маіора Миллроя желавшаго показать всевозможное вниманіе особѣ, которая должна была жить у него. Написавъ необходимую записку извинительную и приглашительную самымъ лучшимъ своимъ почеркомъ, миссъ Миллрой побѣжала наверхъ проститься съ матерью и воротилась съ улыбкой на лицѣ и бросая косвенный взглядъ на отца, говорившій, что теперь ничто не задерживаетъ ихъ долѣе. Общество тотчасъ направилось къ калиткѣ сада и тамъ должно было встрѣтиться лицомъ къ лицу со вторымъ великимъ затрудненіемъ этого дня: какъ шести особамъ, участвующимъ въ пивникѣ, раздѣлиться на двѣ коляски, ожидавшія ихъ?

Тутъ опять Педгифтъ Младшій выказалъ свою находчивость. Этотъ высокообразованный молодой человекъ обладалъ въ высшей степени достоинствомъ — болѣе или менѣе свойственнымъ всѣмъ молодымъ людямъ того вѣка, въ которомъ мы живёмъ — онъ могъ наслаждаться удовольствіемъ и не забывать дѣла. Такой кліентъ, какъ торп-эмбровскій владѣлецъ, рѣдко попадался его отцу и оказывать особенное, но не навязчивое вниманіе Алэну цѣлый день было дѣломъ, которое молодой Педгифтъ ни разу не терялъ изъ-

вида съ начала до конца праздника въ то самое время, какъ выказалъ себя жизнью и душою пикника. Онъ открылъ положеніе дѣла между миссъ Мильрой и Алленомъ съ одного взгляда и *тотчасъ*, чтобы услужить своему кліенту въ этомъ отношеніи, онъ предложилъ (такъ какъ онъ зналъ мѣстность) показывать дорогу первой коляскѣ и просилъ маіора Мильроя и пастора сдѣлать честь ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

— Мы пройдемъ очень интересное мѣсто для военнаго, сэръ, обратился молодой Педгифтъ къ маіору съ своей счастливой и некраснѣющей самоувѣренностью: — остатки римскаго лагеря. Отецъ мой, сэръ, продолжалъ этотъ многообѣщающій юристъ, обращаясь къ пастору:—поручилъ мнѣ спросить вашего мнѣнія насчетъ зданія новой дѣтской школы. Будьте такъ добры, скажите ваше мнѣніе, когда мы пройдемъ мимо.

Онъ отворилъ дверцу коляски и помогъ маіору и пастору сѣсть, прежде чѣмъ они успѣли сдѣлать возраженіе. Послѣдовала необходимый результатъ: Алленъ и миссъ Мильрой поѣхали въ одномъ экипажѣ, имѣя удобствомъ общество глухой старухи для того, чтобы сдерживать въ необходимыхъ границахъ комплименты сквайра.

Никогда еще Алленъ не наслаждался такимъ свиданіемъ съ миссъ Мильрой, какъ то, которое ему досталось на дорогѣ въ Броксли. Милая старушка, рассказавъ нѣсколько анекдотовъ о своемъ сынѣ, сдѣлала именно то, чего не доставало для совершеннаго блаженства ея молодыхъ спутниковъ: она сдѣлалась значительно слѣпа на этотъ случай, не только глуха. Черезъ четверть часа послѣ того какъ коляска отѣхала отъ коттеджа маіора, бѣдная старушка, сидя на мягкихъ подушкахъ и убаюкиваемая прекраснымъ лѣтнимъ воздухомъ, спокойно заснула. Единственная помѣха являлась изъ коляски, ѣхавшей впереди: не довольствуясь римскимъ лагеремъ маіора и дѣтскою школою пастора, Педгифтъ Младшій приподнимался время отъ времени съ своего мѣста и, почтительно окликивая задній экипажъ, обращалъ вниманіе Аллена провозительнымъ теноромъ и въ отборныхъ выраженіяхъ на интересные предметы на дорогѣ. Единственный способъ успокоить его было отвѣчать, какъ Алленъ:

«да, прекрасно», затѣмъ молодой Педгифтъ опять исчезалъ въ углубленіи передней коляски и брался за римлянъ и дѣтей тамъ, гдѣ оставилъ ихъ.

Мѣстоположеніе, по которому ѣхало общество, заслуживало гораздо болѣе вниманія, чѣмъ получало отъ Аллена и его друзей. Черезъ часъ Армэдэль съ своими гостями проѣхалъ къ границѣ уединенной прогулки Мидуинтера и приближался къ одному изъ самыхъ странныхъ и прелестныхъ видовъ природы, какіе только можетъ выказать мѣстоположеніе не только въ Норфолькѣ, но и во всей Англии. Мало-по-малу, мѣстоположеніе начало измѣняться, когда коляска приближалась къ отдаленнымъ и уединеннымъ озерамъ. Полей уже виднѣлось гораздо менѣе; зелѣныя пастбища съ каждой стороны разстилались шире. Кучи сухого тростника и камыша, приготовленныя для корзинщиковъ и кровельщиковъ, начали показываться на дорогѣ. Старинные коттеджи съ остроконечными кровлями исчезли, а вмѣсто нихъ появились хижины съ глиняными стѣнами. Вмѣстѣ съ старинными церковными колокольнями и съ вѣтряными и водяными мельницами, которыя до-сихъ-поръ были единственными предметами, виднѣвшимися надъ плоской равниной, теперь на всѣмъ горизонтѣ кругомъ виднѣлась бахрома подрѣзанныхъ ивъ, паруса невидимыхъ судовъ, двигавшихся на невидимой водѣ. Всѣ странныя и изумительныя аномаліи, представляемыя земледѣльческимъ округомъ, отдѣленнымъ отъ другихъ округовъ цѣпью озёръ и источниковъ — и имѣющимъ сообщенія и отправляющимъ свои произведенія по водѣ, а не по землѣ — начали являться всё чаще и чаще. Сѣти виднѣлись на заборахъ коттеджей, маленькія плоскодонныя лодки спокойно лежали между цвѣтовъ въ садахъ; работники проходили въ сложномъ костюмѣ прибрежномъ и полевомъ, въ шляпахъ, моряковъ въ сапогахъ рыбаковъ и въ блузахъ пахарей; теперь низко лежащій лабиринтъ воды, запрятанный въ таинственное уединеніе, былъ еще скрытымъ лабиринтомъ. Черезъ минуту экипажи свернули съ жесткой большой дороги въ маленький извилистый переулокъ. Колёса катились неслышно по сырой почвѣ. Показался уединенный коттеджъ съ своими сѣтями и лодками. Черезъ нѣсколько ярдовъ послѣдній кусокъ твёр-

дой земли вдругъ кончился крошечнымъ заливомъ и набережной. Еще поворотъ и справа и слѣва широкою водяною полосою блестящею и гладкою такой же чистѣйшей лазури, какъ лѣтнее небо надъ нею, разстилалось первое Норфокльское озеро.

Экипажи остановились и почтенная мистриссъ Пентикость, въ одно мгновеніе пришедшая въ себя, сурово устремила глаза на Аллена.

— Я вижу по вашему лицу, мистеръ Армэдэль, рѣзко сказала она:—что вы думаете будто я спала.

Сознаніе въ винѣ различно дѣйствуетъ на оба пола. Девять разъ изъ десяти женщина умѣетъ лучше мужчины справиться съ своей виной. Въ этомъ случаѣ смущеніе оказалось на сторонѣ мужчины. Алленъ покраснѣлъ и сконфузился; находчивая миссъ Мильрой тотчасъ расцаловала старушку съ невиннымъ смѣхомъ.

— Онъ совершенно неспособенъ, милая мистриссъ Пентикость, сказала маленькая лицемѣрка:—къ такой нелѣпости, какъ же можетъ онъ думать, что вы спали?

— Я желаю только, чтобы мистеръ Армэдэль зналъ, продолжала старушка, всё подозрѣвая Аллена:—что такъ какъ я страдаю головокруженіемъ, то я принуждена закрывать глаза въ коляскѣ. Закрывать глаза—одно, мистеръ Армэдэль, а спать—другое. Гдѣ мой сынъ?

Сэмюэль молча подошелъ къ коляскѣ въ своихъ зеленыхъ очкахъ и съ своей болѣзненной улыбкой и помогъ матери выйти.

— Тебѣ понравилась поѣздка, Сэмми? спросила старушка.— Прекрасное мѣстоположеніе—не правда ли?

Молодой Педгифтъ, на котораго пали всѣ хлопоты этой поѣздки, суетился и давалъ приказанія лодочникамъ. Маіоръ Мильрой, безстрастный и терпѣливый, сидѣлъ поодаль на перевернутомъ плоту для починки судовъ и тайкомъ взглянулъ на часы. Не-уже-ли уже полдень прошолъ? Уже второй часъ. Въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ знаменитые часы пробили въ пустой мастерской. Время подняло свою удивительную косу и капрала съ рядовыми смѣнилъ часоваго, а глаза мастера не слѣдили за ихъ подвигами, и рука мастера не поощряла ихъ. Маіоръ вздохнулъ, положивъ часы въ карманъ.

«Я боюсь, что я уже устарѣлъ для всего этого, подумаль добрый маіоръ, задумчиво осматриваясь вокругъ. «Я не нахожу, чтобы я наслаждался этимъ такъ много, какъ я думаль. Когда мы сядемъ въ лодку? желаль бы я знать. Гдѣ Нили?»

Нили—собственно говоря миссъ Мильрой—стояла позади коляски съ хозяиномъ пикника. Они были погружены въ интересное разсужденіе о ихъ собственныхъ именахъ и Алленъ такъ былъ близокъ къ предложенію своей руки, какъ только это возможно для легкомысленнаго двадцати-двухлѣтняго молодого человѣка.

— Скажите мнѣ правду, говорила миссъ Мильрой, скромно потупивъ глаза въ землю:—когда вы узнали какъ меня зовутъ, вамъ не понравилось моё имя?

— Мнѣ нравится всё, принадлежащее вамъ, энергически возразилъ Алленъ.—Я нахожу, что Элиноръ прелестное имя, а между тѣмъ, не знаю почему, мнѣ кажется, что маіоръ сдѣлаль его еще прелестнѣе, перемѣнивъ его въ Нили.

— Я вамъ скажу почему, мистеръ Армэдэль, продолжала дочь маіора очень серьёзно:—есть такіе несчастные люди на свѣтѣ, имена которыхъ—какъ бы мнѣ выразиться—совсѣмъ не идутъ къ нимъ. Я не осуждаю моихъ родителей, потому что, разумѣется, невозможно было узнать, когда я родилась, какою я выросту. Но теперь я и моё имя совсѣмъ не идёмъ другъ къ другу. Когда вы слышите, что молодую дѣвицу зовутъ Элиноръ, вамъ тотчасъ представляется высокое, прекрасное, интересное существо—совершенная противоположность со мною! Съ моею наружностью Элиноръ звучитъ смѣшно, а Нили, какъ вы сами замѣтили, какъ разъ кстати. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ничего больше! Мнѣ это надоѣло у меня въ головѣ есть другое имя, если мы уже говоримъ объ именахъ, о которомъ гораздо болѣе стоить говорить, чѣмъ о моёмъ.

Она украдкой бросила на своего собесѣдника взглядъ, довольно ясно говорившій: «это имя ваше». Алленъ сдѣлаль шагъ ближе къ ней и понизилъ голосъ (безъ малѣйшей необходимости) до таинственнаго шопота. Миссъ Мильрой опять начала разсматривать землю; она смотрѣла на неё съ такимъ необыкновен-

нымъ интересомъ, что геологъ могъ бы подозрѣвать её въ учномъ кокетствѣ съ поверхностнымъ слоємъ.

— О какомъ имени думаете вы? спросилъ Аллэнъ.

Миссъ Мильрой сдѣлала отвѣтъ въ видѣ замѣчанія поверхностному слою, и предоставила ему поступить съ нимъ, какъ онъ заблагоразсудитъ, въ качествѣ проводника звука:

— Еслибы я была мужчиной, сказала она:— хотѣла бы, чтобы меня звали Аллэномъ!

Она чувствовала, что глаза Аллена устремлены на неё и, отвернувшись, погрузилась въ созерцаніе коляски.

— Какъ это прекрасно выкрашено! воскликнула она:— желала бы я знать какъ они это дѣлаютъ?

Мужчины настаиваютъ и женщины уступаютъ. Аллэнъ не хотѣлъ перенести предметъ разговора отъ любви къ экипажамъ. Миссъ Мильрой замолчала.

— Зовите меня по имени, если оно вамъ нравится, шепнулъ онъ убѣдительно.— Назовите меня «Аллэнъ» хоть разъ, чтобы попробовать.

Она колебалась съ румянцемъ на щекахъ и очаровательной улыбкой и покачала головой.

— Я еще не могу, отвѣчала она тихо.

— А я могу назвать васъ Нили? или это еще слишкомъ скоро?

Она опять взглянула на него съ внезапнымъ проблескомъ нѣжности въ темно-сѣрыхъ глазахъ.

— Вы сами знаете лучше, шепнула она слабымъ голосомъ.

Неизбѣжный отвѣтъ чуть не сорвался съ языка Аллена. Въ ту самую минуту, однако, когда онъ раскрывалъ губы, пронзительный теноръ Педгифта Младшаго раздался въ спокойномъ воздухѣ.

— Мистеръ Армэдэль! звалъ онъ.

Въ ту же самую минуту съ другой стороны коляски зеленые очки пастора Сэмюэля услужливо показались на поискахъ и голосъ его матери (чрезвычайно проворно соединившей воду съ внезапнымъ движеніемъ въ обществѣ) расбѣянно спрашивалъ: не утонулъ ли кто-нибудь? Чувство улетаетъ, а любовь дрожитъ

при всякихъ шумныхъ демонстраціяхъ. Алленъ сказалъ: «чортъ поberi!» и пошолъ къ молодому Педгифту; миссъ Мильрой вздохнула и подошла къ отцу.

— Я всё устроилъ, мистеръ Армэдэль! вскричалъ Педгифтъ, весело встрѣчая своего кліента.—Мы всё вмѣстѣ можемъ ѣхать по водѣ: я досталъ самую большую лодку. Маленькіе ялики, прибавилъ онъ тихимъ тономъ, спускаясь съ ступеней набережной:—кромѣ того, что легко опрокидываются, не могутъ помѣстить болѣе двухъ человѣкъ съ лодочникомъ, а маіоръ сказалъ мнѣ, что онъ считаетъ своею обязанностью ѣхать съ дочерью, если мы всё поѣдемъ въ разныхъ лодкахъ. Я думалъ, что *это* не годится, сэръ, продолжалъ Педгифтъ Младшій, почтительно сдѣлавъ лёгкое удареніе на словѣ *это*?—И кромѣ того, еслибы мы посадили старую даму въ яликъ, съ ея тяжестью, она была бы по поясъ въ водѣ. Вотъ лодка мистеръ Армэдэль: что вы думаете о ней?

Лодка еще увеличила странные предметы, являшіеся на озерахъ. Это было ни что иное, какъ старый спасительный ботъ, проводившій свои преклонныя лѣта на гладкой прѣсной водѣ, послѣ бурныхъ дней молодости, проведенныхъ въ морѣ. Уютная каюта для птицелововъ въ зимнее время была устроена въ серединѣ лодки, и мачта съ парусомъ стояла впереди. Мѣста было довольно для гостей, для обѣда и для трѣхъ лодочниковъ. Алленъ одобрительно потрепалъ по плечу своего вѣрнаго намѣстника, и даже мистриссъ Пентикость, когда всё общество расположилось въ лодкѣ, стала смотрѣть на пикникъ съ сравнительно весёлой точки зрѣнія.

— Если что случится, сказала старушка, обращаясь ко всему обществу вообще:—для всѣхъ насъ есть одно утѣшеніе:—оынь мой умѣетъ плавать.

Лодка выплыла изъ залива на спокойную поверхность озера и вся красота мѣстоположенія представилась взорамъ.

Къ сѣверу и западу, когда лодка выѣхала на середину озера, берегъ лежалъ свѣтло и низко при солнечномъ сіяніи, окаймленный темно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рядами низкихъ деревьевъ, и испещренный тамъ и сямъ въ открытыхъ мѣстахъ вѣтря-

ными мельницами и коттеджами съ камышевыми кровлями. Къ югу водяная скатерть постепенно сбуживалась въ группу островковъ, замыкавшихъ видъ, а къ востоку длинная извилистая линія тростника слѣдовала за извилинами озера и замыкала весь видъ. Лѣтній воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что единственное облачко на небѣ было оставлено пароходомъ, проходившимъ за три мили на невидимомъ морѣ. Когда голоса разговаривавшихъ на лодкѣ замолкали, не слышалось ни малѣйшаго звука, кромѣ лёгкаго шума, производимаго длинными вёслами лодочниковъ, тихо толкавшихъ лодку на гладкой водѣ. Свѣтъ и шумъ его остались позади на землѣ; тишина была очаровательна — восхитительное смѣшеніе нѣжной чистоты неба и свѣтлаго спокойствія на озерѣ.

Сидя совершенно удобно въ лодкѣ, маіоръ съ дочерью съ одной стороны, пасторъ съ матерью съ другой, Аллэнъ съ Педгифтомъ между ними, общество спокойно плыло къ маленькимъ островкамъ въ концѣ озера. Миссъ Мильрой была въ восторгѣ, Аллэнъ въ восхищеніи и маіоръ разъ въ жизни забылъ свои часы. Всѣ чувствовали съ удовольствіемъ, по-свѣдому и различнымъ образомъ спокойствіе и красоту этой сцены. Мистриссъ Пентикостъ чувствовала это, какъ ясновидящая, съ закрытыми глазами.

— Оглянитесь назадъ, мистеръ Армэдэль, сказалъ молодой Педгифтъ: — мнѣ кажется, пасторъ начинаетъ наслаждаться.

Необыкновенное одушевленіе виднѣлось въ эту минуту въ обращеніи пастора. Онъ поворачивалъ голову изъ стороны въ сторону, какъ птица, прокашливался и съ кроткимъ интересомъ смотрѣлъ на общество. Повидимому для этого превосходнаго человѣка приходитъ въ хорошее расположеніе духа было точно то же, что всходить на каедру.

— Даже въ этой спокойной сценѣ, сказалъ пасторъ Сэмюэль, принося свою первую дань обществу въ видѣ замѣчанія: — душа христіанина увлекается, такъ сказать, отъ одной крайности къ другой и не помнитъ о непостоянномъ свойствѣ всѣхъ земныхъ удовольствій. Что, если эта тишина не продолжится? Что, если поднимется вѣтеръ и вода начнётъ волноваться.

— Вамъ нечего этого бояться, сэръ, сказалъ младшій Пед-

тифтъ: — здѣсь июнь самое лучшее время года и, притомъ, вы умѣете плавать.

Мистриссъ Пентикость (месмерически привлеченная, по всей вѣроятности, близкимъ сосѣдствомъ сына) вдругъ раскрыла глаза и спросила съ своей обыкновенной поспѣшностью:

— Что говорить мой сынъ?

Пасторъ Сэмюэль повторилъ свои слова тономъ, приличествовавшимъ недугу его матери. Старушка одобрительно кивнула головой и продолжала мысль своего сына:

— Ахъ! сказала мистриссъ Пентикость съ необычайнымъ облегченіемъ:—Онъ управляетъ вихрями и бурей!

— Благородныя слова! сказала пасторъ Сэмюэль:—благородныя и утѣшительныя слова!

— Если онъ будетъ продолжать такимъ образомъ: — что мы будемъ дѣлать? шепнулъ Аллэнъ.

— Я говорила вамъ, папъ, что ихъ опасно приглашать, прибавила шопотомъ миссъ Мильрой.

— Милая моя, возразилъ маіоръ: — мы никого другого не знаемъ здѣсь, и такъ какъ мистеръ Армэдэль былъ такъ добръ, что просилъ насъ пригласить нашихъ друзей, то что же мы могли сдѣлать?

— Мы не можемъ опрокинуть лодку, замѣтилъ младшій Педгифтъ съ сардонической серьезностью.—Къ несчастью, это спасительная лодка. Не могу ли я посовѣтовать закрыть ротъ господину пастору чѣмъ-нибудь съѣстнымъ, мистеръ Армэдэль? Почти три часа. Что вы скажете? не велѣтъ ли подавать обѣдъ, сэръ?

Никогда никто не былъ такъ на своемъ мѣстѣ, какъ Педгифтъ Младшій на пикникѣ. Черезъ десять минутъ лодка остановилась между тростникомъ. Торп-эмбросскія корзины были распакованы и потокъ краснорѣчія пастора былъ остановленъ на цѣлый день.

Какъ неотдѣнно важны по своимъ нравственнымъ результатамъ—и слѣдовательно какъ достохвальны сами по себѣ—ѣда и питьё! Общественныя добродѣтели сосредоточиваются въ желудкѣ. Человѣкъ, который не бываетъ лучшимъ мужемъ, отцомъ и братомъ послѣ обѣда чѣмъ до обѣда, неизлечимо порочный человѣкъ. Какія скрытныя прелести характера обнаруживаются, какія

спящія любезности пробуждаются, когда люди собираются вмѣстѣ насладиться обѣдомъ! Когда открылись корзинки изъ Торп-Эмброза, пріятное общежитіе (отрасль счастливаго союза, цивилизаци и мистриссъ Грипперъ) распространилось между обществомъ и превратило въ дружеское изліяніе враждебные элементы, изъ которыхъ это общество до-сихъ-поръ было составлено. Пасторъ Сэмюэль Пентикость доказалъ наконецъ, что онъ можетъ сдѣлать что-нибудь, доказавъ, что онъ можетъ ѣсть. Педрифтъ Младшій засіялъ ярче прежняго, насмѣшливымъ юморомъ и находчивостью. Сквайръ и его очаровательная гостья выказали тройную связь между искрометнымъ шампанскимъ, любовью, которая дѣлается смѣлѣе, и глазами, въ словарѣ которыхъ не стоитъ слова «нѣтъ». Веселое старое время воротилось на память маіору и веселыя исторійки, неразсказываемыя уже много лѣтъ, полились съ губъ маіора. Мистриссъ Пентикость, со всею силою своего почтеннаго материнскаго чувства, схватила лишнюю вилку и этимъ полезнымъ инструментомъ выбирала лучшіе куски и накладывала ихъ на тарелку пастора Сэмюэля.

— Не смѣйтесь надъ моимъ сыномъ! вскричала старушка, при-мѣтивъ веселость, возбуждаемую въ обществѣ ея поступкомъ:— это моя вина, бѣдняжка! я заставляю его ѣсть.

Въ свѣтѣ есть люди, которые, видя подобныя добродѣтели, обнаруживаемыя за столомъ такъ, какъ они не обнаруживаются нигдѣ, могутъ, несмотря на это, пользоваться блестящей привилегіей, обѣдать съ застѣганнымъ жилетомъ и въ зашнурованномъ корсетѣ! Не довѣряйте подобному чудовищу ваши нѣжныя тайны, вашу любовь и ненависть, ваши надежды и опасенія. Его сердце неправильно какъ его желудокъ, и въ немъ нѣтъ общественныхъ добродѣтелей.

Послѣдніе теплыя часы дня и первый прохладный вѣтерокъ длиннаго лѣтняго вечера встрѣтились прежде, чѣмъ поставлены были на столъ послѣднія кушанья и осушены бутылки. Общество лѣниво смотрѣло на Педрифта Младшаго, чтобы узнать, что теперь слѣдуетъ дѣлать. Этотъ неистощимый собесѣдникъ былъ готовъ на всё. Онъ уже приготовилъ новое удовольствіе прежде

чѣмъ его успѣли спросить въ чомъ будетъ состоять это удовольствіе.

— Вы любите музыку на водѣ, миссъ Мильрой? спросилъ онъ самымъ пріятнымъ тономъ.

Миссъ Мильрой обожала музыку и на водѣ и на землѣ, исключая того, когда она сама играла у себя дома на фортепьяно.

— Мы прежде выйдемъ изъ тростника, сказалъ молодой Педгифтъ.

Онъ отдалъ приказаніе лодочникамъ — исчезъ въ маленькой каютѣ и появился съ концертиною (*) въ рукѣ.

— Не правда ли, красиво, миссъ Мильрой? спросилъ онъ, указывая на начальныя буквы своего имени, выложенныя на инструментѣ перламутромъ.— Меня зовутъ Августъ, какъ моего отца. Нѣкоторые изъ моихъ друзей выпускаютъ «А» и зовутъ Густъ Младшій. Небольшая шутка далеко распространяется между друзьями — не правда ли мистеръ Армэдэль? Я пою немного, акомпанируя самъ себѣ, милостивыя государыни и государи, и если это будетъ вамъ пріятно, я буду и гордъ и счастливъ сѣсть какъ умѣю.

— Пойдите! сказала мистриссъ Пентикость:— я обожаю музыку.

Съ этимъ страшнымъ предувѣдомленіемъ старая дама раскрыла огромный кожаный мѣшокъ, съ которымъ она не разставалась ни день, ни ночь, и вынула старинный слуховой рожокъ.

— Я не люблю употреблять эту вещь, объяснила мистриссъ Пентикость: — я боюсь, что это увеличиваетъ мою глухоту, но я не хочу пропустить музыку. Я обожаю музыку. Если ты подержишь другой конецъ, Сэмми, я воткну его въ ухо. Или, душа моя, скажите ему, чтобы онъ началъ.

Молодой Педгифтъ не страдалъ застѣнчивостью, онъ тотчасъ началъ не лёгкой и современной пѣсню, какъ можно было ожидать отъ любителя его лѣтъ и характера, но патриотическими стихами, положенными на смѣлую и громогласную музыку, которая англичане очень любили въ первую половину вышшняго столѣтія.

— Скажите мнѣ, когда вамъ надоѣстъ, милостивыя государыня

(*) Редъ гармоникки.

и государи, сказали минестрель-хористъ. — Во *мнѣ* нѣтъ Тщеславія. Не хотите ли чего-нибудь сентиментальнаго для разнообразія?

Спѣвъ слушателямъ двѣ весѣлыя мелодіи, молодой Педгифтъ почтительно просилъ всё общество послѣдовать его примѣру, предлагая акомпанировать экспромтомъ.

— Продолжайте кто-нибудь! закричала мистриссъ Пентикость:—повторяю вамъ: я обожаю музыку. Для насъ этого мало— не такъ ли, Сэмми?

Пасторъ Сэмюэль не отвѣчалъ. Несчастнѣйшій имѣлъ своя причины—не въ груди, а нѣсколько ниже — чтобы молчать среди всеобщей весѣлости и всеобщихъ похвалъ. Увы! даже материнская любовь подлежить человѣческимъ недостаткамъ. Будучи уже обязанъ своей превосходной матери, пасторъ Сэмюэль былъ теперь ей обязанъ разстройствомъ желудка.

Однако никто еще не примѣтилъ признаковъ внутренняго переворота на лицѣ пастора. Всѣ упрощивали другъ друга и тѣть. Миссъ Мильрой обратилась къ хозяину праздника.

— Спойте что-нибудь, мистеръ Армэдэль, сказала она:—мнѣ было бы пріятно послушать васъ.

— Только начните, прибавилъ весѣлый Педгифтъ: — вы увидите, какъ вамъ легко будетъ продолжать.

— Очень радъ, сказалъ Аллэнъ съ своимъ обыкновеннымъ добродушіемъ:—я знаю множество мелодій, но вѣчно забываю слова. Не знаю, вспомню ли я Мурову мелодію? Моя бѣдная матушка любила учить меня Муровымъ мелодіямъ, когда я былъ мальчикомъ.

— Чѣмъ мелодіямъ? спросила мистриссъ Пентикость.—Муровымъ? Ага! Я знаю наизусть Тома Мура.

— Можетъ-быть въ такомъ случаѣ вы поможете мнѣ, если память измѣнитъ мнѣ, отвѣчалъ Аллэнъ.—Я выберу самую легкую мелодію во всей коллекціи, если вы позволите мнѣ: «Бесѣдка Эвеллины».

— Мнѣ знакомы національныя мелодіи англійскія, шотландскія и ирландскія, сказалъ Педгифтъ Младшій.—Я буду акомпанировать вамъ, сэръ, съ величайшимъ удовольствіемъ.

Онъ сѣлъ верхомъ на крышу каюты и началъ музыкальную импровизацію, изумительную для слуха—смѣсь плясоваго напѣва съ похороннымъ.

— Начиайте же, сэръ! сказали Педгифтъ Младшій съ самоувѣренной улыбкой.

Мистриссъ Пентикость подняла свой рожокъ, а Аллэнъ запѣлъ:

— О! плачь о томъ часѣ, когда въ Бесѣдкѣ Эвелины...

Аллэнъ остановился, акомпаньементъ остановился, слушатели ждали.

— Это странно! сказали Аллэнъ:—слѣдующая строчка такъ и вертится у меня на языкѣ, а вспомнить не могу. Я опять начну, если вы позволите. «О! плачь о томъ часѣ, когда въ Бесѣдку Эвелины...

— Владѣлецъ долины съ ложными обѣтами вошолъ, подсказала мистриссъ Пентикость.

— Благодарю васъ, сказали Аллэнъ.—Теперь я буду продолжать: «О! плачь о томъ часѣ, когда въ Бесѣдку Эвелины владѣлецъ долины съ ложными обѣтами вошолъ. Луна ярко сіяла...

— Нѣтъ, перебила мистриссъ Пентикость.

— Извините, такъ, возразилъ Аллэнъ: — Луна сіяла ярко...

— Луна ничего подобнаго не дѣлала, перебила мистриссъ Пентикость.

Педгифтъ Младшій, предвидя споръ, продолжалъ акомпанировать *sotto voce*.

— Собственныя слова Мура, сказалъ Аллэнъ:—такъ написано въ тетради моей матери, гдѣ списаны стихи Мура.

— Въ тетради вашей матери были ошибки, возразила мистриссъ Пентикость:—вѣдь я вамъ говорила, что наизусть знаю Тома Мура.

Миротворная концертина Педгифта Младшаго всё пѣла и стонала въ минорномъ тонѣ.

— Чтò же *дѣлала* луна? съ отчаяніемъ спросилъ Аллэнъ.

— То, чтò луна *должна* была дѣлать, сэръ, или Томъ Муръ никогда не написалъ бы этого, возразила мистриссъ Пентикость.— «Луна скрыла свой свѣтъ въ эту ночь и плакала за облаками надъ стыдомъ дѣвицы!» я желала бы, чтобы этотъ молодой че-

ловѣкъ перестала играть, прибавила мистриссъ Пентигость, выливая своё возрастающее негодованіе на Густа Младшаго.—Ужь для меня довольно его музыки: онъ прожужжалъ мнѣ уши.

— Я очень этимъ горжусь, сказалъ незастѣнчивый Педгифтъ.— Вся наука музыки состоитъ въ томъ, чтобы жужжать въ ушахъ.

— Чѣмъ прибѣгать къ аргументамъ, спокойно сказалъ маіоръ Мильрой:—не лучше ли мистеру Армэдэлю продолжать пѣть?

— Продолжайте, мистеръ Армэдэль:—прибавила дочь маіора.— продолжайте, мистеръ Педгифтъ.

— Одинъ не знаетъ словъ, другой не знаетъ музыки, сказала мистриссъ Пентигость.—Пусть ихъ продолжаютъ, если могутъ.

— Очень жалѣю, что не оправдываю вашихъ ожиданій, сказалъ Педгифтъ Младшій:—я готовъ продолжать. Ну, мистеръ Армэдэль!

Аллэнъ раскрылъ ротъ, чтобы продолжать неконченную мелодію съ того мѣста, гдѣ онъ остановился, но вдругъ пасторъ вскопчилъ весь блѣдный, судорожно прижимая руку къ средней части жилета.

— Чтò такое съ вами? спросило хоромъ всё общество.

— Я чрезвычайно нездоровъ, сказала пасторъ Сэмюэль.

На лодкѣ поднялась суматоха. «Бесѣдка Эвелины» замерла на губахъ Аллэна и даже концертина Педгифта замолкла наконецъ; тревога оказалась бесполезною. Сынь мистриссъ Пентигость имѣлъ мать, а у этой матери былъ мѣшокъ. Въ двѣ минуты медицинское искусство заняло мѣсто, оставленное вакантнымъ во вниманіи публики музыкальнымъ искусствомъ.

— Потри потихоньку, Сэмми, сказала мистриссъ Пентигость.— я выну склянку и дамъ тебѣ лекарство. Это его бѣдный желудокъ, маіоръ. Подержите кто-нибудь мой рожокъ и остановите лодку. Или, душечка, возьмите эту склянку, а вы эту, мистеръ Армэдэль и подайте мнѣ, когда онѣ мнѣ понадобятся. Ахъ, бѣдняжка! я знаю чтò съ нимъ: недостатокъ силы *здѣсь*, маіоръ—холодъ, кислота, слабость, инбирь согрѣваетъ его, сода поправляетъ, летучая соль подкрѣпляетъ. Вотъ, Сэмми, выпей, а потомъ поди и лягъ, другъ мой, въ этой конурѣ, которую называютъ каютой. Не надо

больше музыки, прибавила мистриссъ Пентикость, грозя пальцемъ владѣльцу концертины:—развѣ гимнъ—на это я согласна.

Никто не казался расположенъ пѣть гимнъ и находчивый Педгифтъ предложилъ новую идею. Лодка перемѣнила направленіе; черезъ нѣсколько минутъ общество очутилось въ маленькомъ заливѣ у островка, на концѣ котораго была уединенная хижина; дѣлѣй лѣсъ тростника замыкалъ видъ вокругъ.

— Чтò вы скажете милостивыя государыни и милостивые государи, не выйти ли на берегъ и посмотрѣть на эту хижину? спросилъ молодой Педгифтъ.

— Мы, разумѣется, согласны, отвѣчала Аллэнъ.—Я думаю, что мы нѣсколько приуныли отъ болѣзни мистера Пентикоста и мѣшка мистриссъ Пентикость, прибавилъ онъ шопотомъ миссъ Мильрой.—Намъ именно нужна перемѣна такого рода.

Онъ и молодой Педгифтъ помогли миссъ Мильрой выйти изъ лодки, потомъ вышелъ маіоръ. Мистриссъ Пентикость сидѣла неподвижно, какъ египетскій сфинксъ съ мѣшкомъ на колѣнахъ и стерегла «Сэмми» въ каютѣ.

— Мы должны еще продолжить наши удовольствія, сэръ, сказалъ Аллэнъ, помогая маіору вылѣзть изъ лодки.—Мы еще и вполонину не кончили удовольствій этого дня.

Его голосъ придавалъ такую прекрасную искреннюю увѣренность его добрымъ намѣреніямъ, что даже мистриссъ Пентикость услышала его и покачала головой зловѣщимъ образомъ.

— Ахъ! сказала со вздохомъ мать пастора:—если бы вы были такъ стары, какъ я, вы не были бы такъ увѣрены въ удовольствіяхъ этого дня.

Оприметчивость молодости останавливала осторожная старость. Отрицательное возрѣніе, самое здравое во всемъ свѣтѣ, и пентикостская философія вообще всегда бываетъ права.

ГЛАВА IX.

СУДЬБА ИЛИ СЛУЧАЙ.

Было около шести часовъ, когда Аллэнъ и его друзья вышли изъ лодки и вечернее вліяніе уже собиралось въ своей таинственности и тишинѣ надъ уединенными озерами.

Берегъ въ этихъ дикихъ областяхъ не походилъ ни на какіе другіе берега. Земля въ саду передъ коттеджемъ какъ ни казалась тверда на видъ, подавалась и просачивалась подъ ногами. Лодочники, провожавшіе пріѣзжихъ, предостерегли ихъ, чтобы они не сходили съ тропинки, и указали съвозъ просѣвки тростника и ивъ на травянистыя мѣста, по которымъ пріѣзжіе пошли бы съ увѣренностью; но гдѣ земля не могла даже сдержать тяжесть ребѣнка надъ неизвѣданной глубиной тины и воды. Уединенный коттеджъ, выстроенный изъ засмолѣныхъ досокъ, стоялъ на землѣ, укрѣпленный сваями; маленькая деревянная башня возвышалась на кровлѣ и служила обсерваторіей въ сезонъ охоты за птицами; отъ этого возвышенія глаза обнимали далѣкое пространство воды и болотъ. Еслибы житель этого коттеджа лишился своей лодки, онъ былъ бы такъ отрѣзанъ отъ всякихъ сообщеній съ городомъ или съ деревней, какъ-будто его жилище было маякомъ, а не коттеджемъ. Ни онъ, ни его семейство не жаловались на своё одиночество и не казались ни грубѣе и не

злѣе отъ этого; жена его гостепрѣимно приняла посѣтителей въ уютной комнаткѣ, съ бревенчатымъ потолкомъ и съ окнами, походившими на окна въ каютѣ корабля. Отецъ его жены разсказаль исторіи о тѣхъ знаменитыхъ дняхъ, когда контрабандисты прѣѣзжали съ моря по ночамъ, гребя по сѣти рѣкъ обвѣрнутыми вѣслами, пока не добирались до озера, и прятали въ водѣ бочки со спиртомъ подалше отъ береговой стражи. Его дикія дѣти играли въ гулючки съ посѣтителеми, а посѣтители то входили въ коттѣджъ, то выходили изъ коттѣджа, удивляясь и восхищаясь новизною всего видѣннаго ими. Единственный человекъ, примѣтившій позднее время—единственный человекъ, подумавшій объ улетающемъ времени и о Пентикостахъ, оставшихся въ лодкѣ—быль молодой Педгифтъ. Этотъ опытный лоцманъ Бродсовъ посмотрѣль на свои часы и отвѣль Аллена въ сторону при первомъ удобномъ случаѣ.

— Я не желаю торопить васъ, мистеръ Армэдэль, сказалъ Педгифтъ Младшій:—но время уходитъ, а дѣло идѣтъ о дамѣ.

— О дамѣ? повторилъ Алленъ.

— Да, сэръ, подтвердилъ молодой Педгифтъ:—о дамѣ изъ Лондона, которая должна прѣѣхать въ кабриолетѣ, запряженномъ пони съ бѣлой упряжью.

— Боже! гувернантка! вскричалъ Алленъ:—мы совсѣмъ о ней забыли!

— Не пугайтесь, сэръ, времени довольно, если только мы опять сядемъ въ лодку. Вотъ это какъ, мистеръ Армэдэль: мы рѣшили, если вы помните, пить чай на слѣдующемъ озерѣ у Гёрля Мира?

— Конечно, отвѣчалъ Алленъ:—Гёрль Миръ то мѣсто, куда другъ мой Мидуинтеръ обѣщаль прѣѣхать къ намъ на встрѣчу.

— Къ Гёрлю Миру прѣѣдетъ гувернантка, сэръ, если вашъ кучеръ исполнить мои распоряженія, продолжалъ молодой Педгифтъ.—Намъ придется пробираться часть между извилинами и поворотами узкаго пролива (который называютъ здѣсь Зундомъ) до Гёрля Мира и по моимъ расчетамъ мы должны быть на лодкѣ

черезъ пять минутъ, если затѣмъ поспѣть во-время, чтобы съѣхаться съ гувернанткой и вашимъ другомъ.

— Мы никакъ не должны развѣхаться съ вашимъ другомъ, сказалъ Аллэнъ:—и съ гувернанткой также, разумѣется. Я скажу маіору.

Маіоръ Мильрой приготовлялся въ эту минуту влѣзть на деревянную башню посмотрѣть на видъ. Всегда полезный Педгифтъ вызвался идти съ нимъ и дать всѣ необходимыя мѣстные объясненія въ половину того времени, которое употребилъ бы хозяинъ коттэджа на описаніе своихъ окрестностей постороннему.

Аллэнъ остался передъ коттэжемъ спокойнѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Его разговоръ съ молодымъ Педгифтомъ напомнилъ ему отсутствующаго друга въ первый разъ во время этой поѣздки. Аллэнъ удивлялся, что Мидуинтеръ, о которомъ онъ такъ много думалъ всегда, теперь совсѣмъ вышелъ у него изъ памяти. Что-то взволновало Аллена, подобно упреку совѣсти, когда его мысли обратились къ вѣрному другу, оставшемуся дома и прилежно трудящемуся надъ управительскими книгами для его интересовъ и для него.

«Милый товарищъ, думалъ Аллэнъ: «я такъ буду радъ видѣть его въ Мирѣ; удовольствіе этого дня не будетъ полно, пока онъ не присоединится къ намъ!»

— Ошибусь я или нѣтъ, мистеръ Армэдэль, если угадаю, что вы думаете о комъ-то? тихо спросилъ голосъ позади Аллена.

Онъ обернулся и увидалъ возлѣ себя дочь маіора. Миссъ Мильрой (не забывъ нѣжнаго свиданія, происходившаго за коляской) примѣтила своего поклонника, задумчиво стоящаго одного, и рѣшилась доставить ему новый случай, пока ея отецъ молодой Педгифтъ стояли на башнѣ.

— Вы знаете всё, отвѣчалъ Аллэнъ, улыбаясь.—Я думалъ о комъ-то.

Миссъ Мильрой украдкой посмотрѣла на него: взглядъ ея ободрялъ его говорить. Въ головѣ мистера Армэделя могло быть только одно существо послѣ того, что произошло между ними въ

то утро: воротить его къ прерванному разговору объ именахъ будетъ истиннымъ милосердіемъ.

— Я тоже думала о комъ-то, сказала миссъ Мильрой, и вызывая и отталкивая признаніе. — Если я скажу вамъ первую букву имени моего «кого-то», вы мнѣ скажете первую букву вашего?

— Я скажу вамъ всё, что вамъ угодно, отвѣчалъ Аллэнъ съ энтузіазмомъ.

Она кокетливо отступала отъ того самаго предмета, къ которому желала приблизиться.

— Скажите мнѣ прежде вашу букву, сказала она тихо, не смотря на него.

Аллэнъ засмѣялся.

— Моя первая буква «М» сказалъ онъ.

Она вздрогнула. Странно было, что онъ думалъ о ней по фамиліи, а не по имени, но это было всё-равно, если только онъ думалъ о ней.

— А ваша буква? спросилъ Аллэнъ.

Она покраснѣла и улыбнулась.

— «А» — если ужъ вы непременно хотите знать! отвѣчала она шопотомъ и неохотно.

Она еще разъ украдкой посмотрѣла на него и съ наслажденіемъ отглядывала блаженство признанія.

— Сколько слоговъ въ этомъ имени? спросила она, застѣнчиво чертя узоры по песку своимъ зонтикомъ.

Никакой мужчина хоть сколько-нибудь знающій женщинъ, не былъ бы такъ опрометчивъ въ положеніи Аллена, чтобы сказать ей правду. Аллэнъ, не знавшій совершенно женской природы и говорившій правду, сплошь да рядомъ отвѣчалъ точно на допросъ въ судѣ:

— Это имя состоитъ изъ трёхъ слоговъ.

Потупленные глаза миссъ Мильрой сверкнули на него какъ молнія.

— Изъ трёхъ! повторила она съ изумленіемъ.

Аллэнъ былъ такъ простодушенъ, что даже теперь не понялъ предостереженія.

— Я знаю, что я не мастеръ различать слоги, сказалъ онъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ:—но не думаю, чтобы я ошибался, раздѣляя имя Мидуинтеръ на три слога. Я думалъ о моёмъ другѣ... Но оставимъ мои мысли. Скажите мнѣ кто «А»— скажите мнѣ о комъ думали вы?

— О первой буквѣ въ азбукѣ мистеръ Армэдэль и я рѣшительно не скажу вамъ ничего больше.

Съ этимъ уничтожающимъ отвѣтомъ дочь маіора ушла къ лодкѣ.

Аллэнъ окаменѣлъ отъ изумленія. Если бы миссъ Мильрой дала ему пощочину (и нельзя отрицать, что она мысленно имѣла это намѣреніе), онъ едва былъ бы больше изумлёнъ.

«Что такое я сдѣлалъ? спрашивалъ онъ себя съ отчаяніемъ, когда маіоръ и молодой Педгифтъ подошли къ нему и всѣ трое отправились къ берегу. «Желалъ бы я знать, что теперь она мнѣ скажетъ.»

Она не сказала рѣшительно ничего, она даже не взглянула на Аллена, когда онъ сѣлся въ лодку. Она сидѣла съ глазами болѣе блестящими и съ румянцемъ болѣе яркимъ, чѣмъ обыкновенно, принимая глубокое участіе въ выздоровленіи пастора, въ расположеніи духа мистриссъ Пентикость, въ Педгифтѣ Младшемъ (которому она дала мѣсто возлѣ себя), въ мѣстоположеніи, во всѣхъ и во всёмъ, кромѣ Аллена, за котораго она вышла бы замужъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ пять минутъ назадъ.

«Я никогда не прощу ему, думала дочь маіора. «Думать объ этомъ гадкомъ грубіянкѣ, когда я думала о нёмъ — и чуть было не заставитъ меня признаться, прежде чѣмъ я узнала каковъ онъ! Слава Богу, мистеръ Педгифтъ сидитъ въ лодкѣ!».

Въ такомъ расположеніи духа, миссъ Нили принялась очаровывать Педгифта и приводить въ отчаяніе Аллена.

— О, мистеръ Педгифтъ! какъ вы добры, что вздумали показать намъ этотъ миленькій коттэджъ! Вы находите, что онъ похожъ на пустыню, мистеръ Армэдэль? Я совсѣмъ этого не нахожу; мнѣ очень

хотѣлось бы жить здѣсь. Что былъ бы этотъ пикникъ безъ васъ, мистеръ Педгифтъ? Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ было весело съ-тѣхъ-поръ, какъ мы сѣли въ лодку. Холодно, мистеръ Армэдэль? Какъ вы можете это говорить! Это самый тёплый вечеръ изъ всего лѣта. А музыка, мистеръ Педгифтъ; какъ вы хорошо сдѣлали, что взяли вашу концертину! Желала бы я знать, могу ли я акомпанировать вамъ на фортепьяно? Мнѣ такъ хотѣлось бы попробовать. И вы, мистеръ Армэдэль, навѣрно поёте хорошо, когда знаете слова; но, сказать вамъ по правдѣ, я терпѣть не могу Муровы мелодіи!

Такимъ образомъ съ безжалостной скоростью миссъ Мильрой дѣйствовала острымъ женскимъ орудіемъ—языкомъ, и продолжала бы дѣйствовать долѣе, еслибы Аллэнъ выказалъ необходимую ревность, или Педгифтъ подалъ малѣйшее поощреніе. Но злая судьба опредѣлила, чтобы миссъ Мильрой выбрала своими жертвами двухъ мужчинъ, совершенно неприступныхъ при существующихъ обстоятельствахъ. Аллэнъ такъ былъ несвѣдущъ въ женскихъ хитростяхъ и капризахъ, что не понималъ ничего, кромѣ того, что очаровательная Нили безрасудно сердилась на него безъ всякой причины. Осторожный Педгифтъ—какъ и слѣдуетъ умному молодому человѣку настоящаго поколѣнія — подчинялся женскому вліянію, не выпуская изъ вида своихъ интересовъ всё время. Много молодыхъ людей прошлаго столѣтія, неглупыхъ пожертвовали всѣмъ для любви. Ни одинъ молодой человѣкъ изъ десяти тысячъ настоящаго поколѣнія, *кромѣ* глупцовъ, не пожертвовалъ и полпенни. Дочери Евы всё еще наслѣдуютъ достоинства и проступки своей матери; но сыновья Адама въ это послѣднее время способны бросить назадъ знаменитое яблоко съ поклономъ и съ словами: «нѣтъ, благодарю, оно можетъ ввести меня въ бѣду». Когда Аллэнъ, удивлённый и разочарованный, отошолъ отъ миссъ Мильрой на переднюю часть лодки, Педгифтъ Младшій всталъ и пошолъ за нимъ.

«Вы премиленькая дѣвушка, думалъ этотъ дальновидный и умный молодой человѣкъ: «но кліентъ всё-таки кліентъ — и мнѣ жаль сообщить вамъ, миссъ, что это не годится». Онъ тотчасъ

принялся развлекать Аллена, обративъ его вниманіе на новый предметъ. Осенью на озерахъ будетъ бѣгъ судовъ и мнѣніе его кліента, какъ владѣльца яхты, могло быть важно для комитета.

— Это для васъ должно быть нѣчто новое, сэръ — бѣгъ судовъ на прѣсной водѣ? сказалъ онъ самымъ вкрадчивымъ тономъ.

Алленъ тотчасъ заинтересовался и отвѣчалъ:

— Совершенно новое. Пожалуйста, расскажите мнѣ.

Что касается остального общества на другомъ концѣ лодки, то оно какъ-будто хотѣло подтвердить сомнѣнія мистриссъ Пентикость относительно того, будетъ ли продолжаться удовольствіе этого дня. Естественное чувство раздраженія при обманутомъ ожиданіи, въ которое повергла её неловкость Аллена, перешло теперь въ безмолвную досаду отъ собственного чувства униженія и пораженія. Маіоръ впалъ въ свою обычную задумчивость и разсѣянность; его мысли однообразно вертѣлись съ колѣсами его часовъ. Пасторъ всё еще скрывалъ разстройство своего желудка отъ глазъ публики въ углубленіи каюты, а мать пастора съ готовымъ лекарствомъ сидѣла на сторожѣ у дверей. Женщины въ лѣтахъ мистриссъ Пентикость и съ ея характеромъ, вообще любить предаваться дурному расположенію духа.

— Такъ вотъ что вы называете удовольствіемъ! говорила старушка, качая головою съ кислой улыбкой:—Какъ глупы были мы всѣ, что оставили наши спокойные дома!

Между тѣмъ лодка тихо плыла по извилинамъ водяного лабиринта, лежавшаго между двумя озерами. Видъ съ каждой стороны теперь ограничивался только нескончаемыми рядами тростника. Не было слышно ни малѣйшаго звука ни вблизи, ни вдали, ни малѣйшаго проблеска обработанной или обитаемой земли не видѣлось нигдѣ.

— Здѣсь немножко печально, мистеръ Армэдэль, сказалъ всегда веселый Педгифтъ. — Но мы сейчасъ выйдемъ отсюда. Посмотрите сюда, сэръ: вотъ Гёрль Миръ.

Тростникъ раскрывался направо и налево и лодка вдругъ вы-

ѣхала въ широкій кругъ воды. Около ближайшей половины круга вѣчный тростникъ еще окаймлялъ край воды. Вокругъ дальней половины опять показалась земля—то печальными песочными холмами, то травянистымъ берегомъ. Въ одномъ мѣстѣ земля была занята плантаціей, въ другомъ—строеніями уединеннаго стараго кирпичнаго дома, съ дорожкой, шедшей около садовой стѣны и кончавшейся у воды. Солнце спускалось къ горизонту на чистомъ небѣ и вода, гдѣ отраженіе солнца не падало на нее, начала казаться черной и холодной. Уединеніе, бывшее успокоительно, тишина, казавшаяся очаровательной на другомъ озерѣ при дневномъ свѣтѣ, здѣсь наводили грусть и холодъ въ безмолвіи и меланхоліи кончавшагося дня.

Лодку направляли черезъ Миръ къ заливу у травянистаго берега. Двѣ плоскодонныя лодочки употребляемыя на Бродсахъ, лежали въ заливѣ, и люди занимающіеся рубкой тростника, которымъ принадлежали эти лодки, удивляясь появленію постороннихъ, молча выглядывали изъ-за угла старой садовой стѣны. Никакого другого знака жизни не виднѣлось нигдѣ. Жители Гёрля Мира не видали никакого экипажа; ни мужчина, ни женщина не приближались къ берегамъ Гёрля Мира въ этотъ день.

Молодой Педдигфтъ еще разъ посмотрѣлъ на свои часы и обратился къ миссъ Мильрой:

— Можетъ-быть вы увидите гуввернантку, когда пріѣдете въ Торп-Эмбросъ, сказалъ онъ:—но теперь вы уже не увидите еѣ здѣсь.

— Вы лучше знаете, мистеръ Армэдэль, прибавилъ онъ, обратившись къ Аллэну:—можно ли положиться, что вашъ другъ сдержитъ слово?

— Я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ Аллэнь, осматриваясь вокругъ съ видомъ обманутаго ожиданія, которое онъ не думалъ скрывать отъ отсутствія Мидуинтера.

— Очень хорошо, продолжалъ Педдигфтъ Младшій:—если мы разведёмъ огонь для чая на открытомъ мѣстѣ здѣсь, вашъ другъ найдётъ насъ по дыму. Это индійская штука отыскивать

человѣка въ степи, миссъ Мильрой—и здѣсь почти такъ же дико какъ и въ степи.

Есть искушенія—особенно небольшія—противъ которыхъ никакъ не можетъ устоять женская натура. Искушеніе направить всю силу своего вліянія, какъ единственной молодой дѣвушки во всѣмъ обществѣ, чтобы разстроить намѣреніе Аллена встрѣтиться съ его другомъ, были слишкомъ сильны для дочери маіора. Она бросила на улыбающагося Педгифта взглядъ, который долженъ былъ бы поразить его; но кто когда поражалъ нота-ріуса?

— Я нахожу, что это самое пустынное, самое скучное и самое отвратительное мѣсто, какое только случилось мнѣ видѣть! сказала миссъ Нили. — Если вы непременно хотите дѣлать здѣсь чай, мистеръ Педгифтъ, для меня не дѣлайте. Нѣтъ, я останусь въ лодкѣ, и хотя я рѣшительно умираю отъ жажды, я не дотронуся ни до чего, пока мы не воротимся къ другому озеру.

Маіоръ раскрылъ губы, чтобы возражать, къ неопisanному восторгу его дочери; мистриссъ Пентикость встала съ своего мѣста, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово и, осмотрѣвъ всю перспективу и не видя нигдѣ экипажей, спросила съ негодова-ніемъ: «не-уже-ли они воротятся опять къ тому самому мѣсту, гдѣ они оставили экипажи?» Узнавъ, что именно это и предложено и что, по свойству мѣстности экипажи не могли пріѣхать къ Гёрлю Миру, не воротившись опять назадъ въ Торп-Эмбросъ, мистриссъ Пентикость, имѣя въ виду интересы сына, тотчасъ объявила, что никакая власть на свѣтѣ не заставитъ её остаться на водѣ послѣ сумерекъ.

— Кликните мнѣ лодку! закричала старушка въ сильномъ волненіи:—гдѣ есть вода, тамъ есть и ночной туманъ, а гдѣ есть ночной туманъ, тамъ сынъ мой Сэмюэль простужается. Не говорите мнѣ о лунномъ сіяніи и о чаѣ—вы всѣ сошли съ ума! Эй! вы, двое! закричала мистриссъ Пентикость безмолвнымъ людямъ на берегу:—по шести пенсовъ каждому изъ васъ, если вы отвезёте меня и моего сына назадъ.

Прежде чѣмъ Педгифтъ успѣлъ вмѣшаться, Аллэнъ самъ рѣшилъ затрудненіе съ нетерпѣніемъ и добродушіемъ.

— Я никакъ не могу допустить мистриссъ Пентикость, чтобы вы воротились въ какой-нибудь другой лодкѣ, а не въ той, въ которой вы пріѣхали, сказалъ онъ.—Нѣтъ никакой необходимости—такъ какъ вамъ и миссъ Мильрой не нравится это мѣсто—чтобы кто-нибудь сходилъ на берегъ, кромѣ меня. Я *долженъ* выйти. Другъ мой Мидуинтеръ никогда еще не нарушалъ даннаго мнѣ слова и я не могу оставить Гёрль Миръ, пока есть возможность видѣть его здѣсь. Но нѣтъ никакого повода, чтобы я мѣшалъ вамъ по этой причинѣ. Съ вами поѣдутъ маіоръ и мистеръ Педгифтъ и вы можете воротиться къ экипажамъ до сумерекъ, если поѣдете сейчасъ. Я подожду здѣсь съ полчаса, а потомъ пріѣду къ вамъ въ лодкѣ этихъ людей.

— Вы ничего умнѣе не говорили сегодня, мистеръ Армэдэль, сказала мистриссъ Пентикость, садясь съ поспѣшностью.—Скажите же имъ, чтобы поторопились! закричала старушка, грозя лодочникамъ кулакомъ.—Скажите имъ, чтобы они поторопились!

Аллэнъ отдалъ необходимыя приказанія и вышелъ на берегъ. Осторожный Педгифтъ хотѣлъ идти за нимъ.

— Мы не можемъ оставить васъ здѣсь одного, сэръ, сказалъ онъ шопотомъ.—Маіоръ поѣдетъ съ дамами, а мнѣ позвольте остаться съ вами въ Мирѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ Аллэнъ:—на лодкѣ всѣ не въ духѣ. Если вы хотите услужить мнѣ, останьтесь съ ними и употребите всѣ силы, чтобы развеселить ихъ.

Онъ махнулъ рукой и гребцы оттолкнули лодку отъ берега. Всѣ также замахали руками, кромѣ дочери маіора, которая сидѣла поодаль отъ другихъ, закрывая лицо зонтикомъ. Крупныя слѣзы выступили на глазахъ Нили. Ея гнѣвъ противъ Аллена прошолъ и сердце ея съ раскаяніемъ стремилось къ нему съ той минуты, какъ онъ вышелъ изъ лодки.

«Какъ онъ добръ ко всѣмъ намъ! думала она: «а какая я злая!»

Всѣ великодушныя чувства ея натуры побуждали её заглядить передъ нимъ ея вину. Она встала, не обращая вниманія на

приличія, и посмотрѣла ему въ слѣдъ съ раскраснѣвшимися щегами между тѣмъ какъ онъ одинъ стоялъ на берегу.

— Не долго оставайтесь, мистеръ Армэдэль! сказала она съ отчаяннымъ невниманіемъ къ тому, что подумаетъ о ней остальное общество.

Лодка отбѣхала уже далеко, и при всей рѣшимости Нили эти слова были сказаны тихимъ голосомъ, который не дошолъ до ушей Аллена. Единственный звукъ, слышанный имъ, когда лодка добѣжала до противоположной оконечности Мира и медленно исчезла за тростникомъ, былъ звукъ концертныя. Неутомимый Педгифтъ поддерживалъ веселость общества — очевидно подчинившись вліянію мистриссъ Пентикость—разыгрывая священную мелодію.

Оставшись одинъ, Алленъ закурилъ сигару и прошолся по берегу взадъ и впередъ.

«Она могла сказать мнѣ слово на прощаньи, думалъ онъ. «Я всё устроилъ къ лучшему; я почти сказалъ ей какъ я къ ней привязанъ, а она вотъ какимъ образомъ обращается со мною!»

Онъ остановился и разсѣянно смотрѣлъ на заходящее солнце и на темнѣющую воду Мира. Какое-то невѣдомое вліяніе въ этой сценѣ украдкой прокралось въ его душу и отвлекло его мысли отъ миссъ Мильрой къ его отсутствующему другу. Онъ вздрогнулъ и осмотрѣлся вокругъ.

Жители Мира ушли за уголь стѣны; не было видно ни одного живого существа; ни малѣйшаго звука не раздавалось на всѣмъ этомъ печальномъ берегу. Даже Алленъ пришолъ въ уныніе. Было уже больше часа послѣ того времени, когда Мидуинтеръ обѣщалъ быть въ Гёрлѣ Мирѣ. Онъ хотѣлъ придти пѣшкомъ (взявъ въ проводники конюха изъ Торп-Эмброза) по перелкамъ и тропинкамъ, укорачивавшимъ разстояніе. Конюхъ зналъ мѣстность хорошо и Мидуинтеръ обыкновенно былъ акуратень въ своихъ обѣщаніяхъ. Не случилось ли чего въ Торп-Эмбросѣ? Рѣшившись не оставаться долѣе въ сомнѣніи и бездѣйствіи, Алленъ вздумалъ идти пѣшкомъ съ Мира на удачу, не встрѣтится ли съ

своимъ другомъ. Онъ тотчасъ обошолъ уголь стѣны и попросилъ хозяина коттѣджа показать ему дорогу къ Торп-Эмброзу. Этотъ человекъ свѣлъ Алэна съ дороги и указалъ на едва примѣтную просѣку въ деревьяхъ плантаціи. Бросивъ еще нѣсколько бесполезныхъ взглядовъ вокругъ, Алэнъ повернулся спиною къ Миру и направился къ деревьямъ.

Нѣсколько шаговъ тропинка шла черезъ плантацію, потомъ она вдругъ поворачивала—и вода и открытая мѣстность скрывались изъ глазъ. Алэнъ всё шолъ по травянистой тропинкѣ, не видя и не слыша ничего, пока не дошолъ до другого поворота тропинки. Повернувъ по новому направленію, онъ увидаль человѣческую фигуру, сидящую подъ деревомъ. Сдѣлавъ ближе два шага, онъ узналъ знакомое лицо.

— Мидуинтеръ! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ: — я не здѣсь долженъ былъ васъ встрѣтить? Чего вы ждете здѣсь?

Мидуинтеръ всталъ, ничего не отвѣчая. Вечерній мракъ между деревьями, скрывавшій его лицо, дѣлалъ его молчаніе вдвое страннѣе. Алэнъ продолжалъ его спрашивать:

— Вы одни сюда пришли? Я думалъ, что васъ будетъ провожать конюхъ.

На этотъ разъ Мидуинтеръ отвѣчалъ:

— Когда мы дошли до этихъ дерьевъ, я отослалъ конюха назадъ. Онъ сказалъ мнѣ, что назначенное мѣсто близко и я заблудиться не могу.

— Зачѣмъ вы остались здѣсь, когда онъ ушолъ? продолжалъ Алэнъ:—зачѣмъ вы не пошли дальше?

— Не презирайте меня, отвѣчалъ Мидуинтеръ:—у меня не хватило мужества.

— Не хватило мужества? повторилъ Алэнъ.

Онъ помолчалъ съ минуту.

— О! я знаю, продолжалъ онъ весело, положивъ руку на плечо Мидуинтера:—вы все еще дичитесь Мильроевъ. Какіе пустяки, когда я самъ сказалъ вамъ, что въ коттѣджѣ съ вами помирились.

— Я не думалъ, Алэнъ, о вашихъ друзьяхъ въ коттѣджѣ. Дѣло въ томъ, что я самъ не свой сегодня, я нездоровъ и разстроенъ нервами, бездѣлица пугаетъ меня.

Онъ остановился и задрожалъ отъ тревожной пронизательности взгляда Аллена.

— Если вы хотите знать, сказалъ онъ вдругъ: — ужась этой ночи на кораблѣ опять овладѣлъ мною; въ головѣ моей страшное стѣсненіе, въ сердцѣ страшная тоска — я боюсь, какъ бы съ нами не случилось чего-нибудь, если мы не разстанемся, пока не пройдетъ этотъ день. Я не могу нарушить обѣщанія, даннаго вамъ. Ради Бога, разрѣшите меня отъ него и отпустите назадъ.

Увѣщанія для всякаго, кто зналъ Мидуинтера, очевидно были совершенно бесполезны въ эту минуту. Алленъ исполнилъ его прихоть.

— Выйдемъ изъ этого тѣмнаго и душнаго мѣста, сказалъ онъ: — и мы поговоримъ. Вода и открытое небо въ десяти шагахъ отъ насъ. Я ненавижу лѣсъ вечеромъ—даже на меня онъ наводитъ ужась. Вы черезчуръ заработались надъ управительскими книгами. Пойдѣмте и вздохните свободно на открытомъ воздухѣ.

Мидуинтеръ подумалъ съ минуту и вдругъ покорился.

— Вы правы, сказалъ онъ:—а я, по обыкновенію, неправъ. Я теряю время и разстроиваю васъ безъ всякой цѣли. Какая глупость просить васъ отпустить меня! Положимъ, вы сказали бы «да»?

— Ну? спросилъ Алленъ.

— Ну, повторилъ Мидуинтеръ:—а что-нибудь остановило бы меня съ перваго шага—вотъ и всё. Пойдѣмте.

Они пошли молча къ Миру. При послѣднемъ поворотѣ тропинки сигара Аллена погасла. Пока онъ остановился опять зажечь её, Мидуинтеръ пошелъ впередъ и первый вышелъ на открытую мѣстность. Алленъ только-что зажогъ спичку, когда, къ удивленію его, другъ его воротился къ нему. Свѣта было довольно, чтобы показывать предметы яснѣе въ этой части плантации. Спичка выпала изъ руки Аллена, когда Мидуинтеръ подошелъ къ нему.

— Великій Боже! вскричалъ онъ, отступая назадъ: — у васъ такой видъ, какой былъ на кораблѣ!

Мидуинтеръ молча поднялъ руку. Онъ заговорилъ, дико устре-

мивъ глаза на лицо Аллена и приложившись своими бѣлыми губами къ его уху:

— Вы помните, какой я имѣлъ *видъ*, отвѣчалъ онъ попотомъ:— а помните ли что я *сказалъ*, когда вы и докторъ разговаривали о снѣ?

— Я забылъ этотъ сонъ, сказалъ Алленъ.

Когда онъ далъ этотъ отвѣтъ, Мидуинтеръ взялъ его за руку и повелъ по повороту тропинки.

— Теперь помните? спросилъ онъ, указывая на Миръ.

Солнце закатывалось на безоблачномъ западномъ небѣ. Вода Мира была окрашена пурпуромъ погасающаго свѣта. Открытая мѣстность разстилалась направо и налево, уже покрытая печальной темнотою. На ближайшемъ краю озера, гдѣ прежде всё было пустынно, стояла теперь прямо противъ заходящаго солнца фигура женщины.

Оба Армэделя стояли молча и смотрѣли на одинокую фигуру и на печальный видъ.

Мидуинтеръ заговорилъ первый:

— Ваши собственные глаза это видѣли; теперь посмотрите на ваши собственные слова.

Онъ подалъ Аллену описаніе сновидѣнія, указывая пальцемъ на строчки, въ которыхъ рассказывалось первое Видѣніе; голосъ его всё понижался, когда онъ повторилъ слова:

«Мнѣ показалось, что я остался одинъ въ темнотѣ.

«Я ждалъ.

«Темнота раскрылась и показала мнѣ видѣніе—какъ въ картинѣ—широкаго, уединеннаго пруда, окружнаго открытой мѣстностью. Надъ дальнимъ краемъ пруда я увидалъ безоблачное западное небо, покраснѣвшее отъ заходящаго солнца.

«На ближнемъ краю пруда стояла тѣнь женщины».

Онъ замолчалъ опустилъ руку, державшую рукопись; другая рука указывала на одинокую фигуру, стоящую спиною къ нимъ, противъ заходящаго солнца.

— Тутъ стоитъ живая женщина вмѣсто тѣни, сказалъ онъ:— это первое предостереженіе сна вамъ и мнѣ! Пусть будущій

разъ мы всё будемъ стоять вмѣстѣ—а вторая фигура, которая будетъ стоять вмѣсто тѣни, будетъ моя.

Даже Аллена заставило молчать страшное убѣжденіе, съ которымъ онъ говорилъ.

Во время наступившаго молчанія женская фигура двинулась и медленно пошла по берегу. Алленъ вышелъ изъ-за деревьевъ и первый предметъ, представившійся его глазамъ, былъ кабриолетъ изъ Торп-Эмброза. Онъ обернулся къ Мидуинтеру, засмѣявшись съ облегченіемъ.

— Какого вздора наговорили вы! сказалъ онъ:—и какой вздоръ слушалъ я! Это гувернантка, наконецъ!

Мидуинтеръ не отвѣчалъ. Алленъ взялъ его за руку и хотѣлъ вести. Онъ вдругъ вырвался и схватилъ Аллена обѣими руками—не пуская его къ женской фигурѣ у озера, какъ онъ не пускалъ его въ каюту корабля; опять усиліе было напрасно; опять Алленъ вырвался такъ же легко, какъ и въ первый разъ.

— Одинъ изъ насъ долженъ поговорить съ ней, сказалъ онъ:—И если вы не хотите; то заговорю я.

Только-что онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ озеру, какъ услыхалъ, или ему послышался, голосъ, слабо сказавшій ему вслѣдъ, разъ, одинъ только разъ слово: «прощайте!» онъ остановился съ чувствомъ тревожнаго удивленія и оглянулся.

— Это вы, Мидуинтеръ? спросилъ онъ.

Отвѣта не было. Поколебавшись еще съ минуту, Алленъ воротился къ плантаціи. Мидуинтеръ ушелъ. Алленъ оглянулся на озеро, не зная при этомъ новомъ непредвидѣнномъ случаѣ что ему дѣлать. Одинокая фигура перемѣнила, между тѣмъ, направленіе своей прогулки: она повернулась и шла къ деревьямъ. Она очевидно или увидала или услыхала Аллена. Невозможно было оставить женщину одну въ такомъ непріятномъ положеніи и въ такомъ уединенномъ мѣстѣ. Во второй разъ Алленъ вышелъ изъ деревьевъ на встрѣчу ей.

Когда онъ подошелъ такъ близко, что могъ увидать ея лицо, онъ остановился въ непреодолимомъ удивленіи. Ея красота, когда она, улыбаясь, посмотрѣла на него вопросительно, останови-

ла движеніе его ногъ и слова на губахъ. Имъ овладѣло сомнѣніе: гувернантка ли это?

Онъ опомнился и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, впередъ, сказалъ своё имя.

— Могу я спросить, прибавилъ онъ:— не имѣю ли я удовольствіе?...

Дама свободно и любезно dokonчила его вопросъ:

— Гувернантка маіора Мильроя, сказала она:— миссъ Гильтъ.

мочилъ голову и лицо водою и воротился прочитатъ, что онъ написалъ. Языкъ былъ едва понятенъ—фразы оставлены неконченными, слова поставлены одно вмѣсто другого—каждая строчка представляла протестъ утомлённаго мозга противъ безжалостной воли, принудившей его къ дѣйствию. Мидуинтеръ разорвалъ письмо, какъ онъ рвалъ прежнія письма, и наконецъ, изнемогая отъ борьбы, положилъ свою утомлённую голову на изголовье. Почти въ одно мгновеніе изнеможеніе овладѣло имъ и прежде чѣмъ онъ успѣлъ задуть свѣчу, онъ заснулъ.

Его разбудилъ шумъ у дверей. Солнечный свѣтъ врывается въ комнату; свѣча догорѣла; слуга ждалъ за дверью съ письмомъ въ рукѣ, полученнымъ съ утренней почтой.

— Я осмѣлился разбудить васъ, сэръ, сказала слуга, когда Мидуинтеръ отворилъ дверь:—потому-что на этомъ письмѣ написано «весьма нужное» и я думалъ, что, можетъ-быть, это письмо очень для васъ важно.

Мидуинтеръ поблагодарилъ его и взглянулъ на письмо. Оно было важно: почеркъ былъ мистера Брока.

Мидуинтеръ остановился собраться съ своими умственными способностями. Разорванныя бумаги на полу напомнили ему въ одно мгновеніе въ какомъ положеніи онъ находился. Онъ опять заперъ дверь, боясь, чтобы Аллэнъ не всталъ ранѣе обыкновеннаго и не пришолъ его спрашивать. Потомъ, чувствуя какъ-то странно очень мало интереса къ тому, что ректоръ могъ писать ему теперь — онъ распечаталъ письмо мистера Брока и прочелъ:

«Вторникъ».

«Любезный Мидуинтеръ.

«Иногда лучше сообщать прямо дурныя извѣстія въ нѣсколькихъ словахъ. Я сообщу мои извѣстія тотчасъ, въ одной фразѣ. Мои предосторожности всѣ были уничтожены: эта женщина ускользнула отъ меня.

«Это несчастье — потому что это иначе назвать нельзя — случилось вчера (въ понедѣльникъ). Въ двѣнадцатомъ часу полудни дѣло, которое привело меня въ Лондонъ, принудило от-

правиться въ Докторь-Коммонсъ и оставить моего слугу Роберта наблюдать за домомъ напротивъ нашего до моего возвращенія. Черезъ полтора часа послѣ моего ухода онъ примѣтилъ, что къ двери дома подѣхалъ пустой кэбъ. Сначала явились чемоданы и мѣшки, потомъ сама женщина въ томъ самомъ платьѣ, въ какомъ я её видѣлъ въ первый разъ. Нанявъ заранѣе кэбъ, Робертъ поѣхалъ за ней къ сѣверо-западной желѣзной дорогѣ — видѣлъ какъ она прошла въ кассу за билетомъ — не выпускалъ её изъ вида до тѣхъ-поръ, пока она вышла на платформу и тамъ, въ толпѣ и суматохѣ отправленія большого поѣзда, онъ потерялъ её. Я долженъ отдать ему справедливость и сказать, что онъ тотчасъ же нашолся какъ поступить въ этомъ непредвидѣнномъ обстоятельстве. Въмѣсто того, чтобы понапрасну терять время и отыскивать её на платформѣ, онъ осмотрѣлъ всѣ вагоны и положительно объявляетъ, что не видалъ её ни въ одномъ. Онъ увѣряетъ въ то же время, что его поиски (сдѣланные отъ двухъ часовъ, когда онъ потерялъ её изъ вида, до десяти минутъ третьяго, когда поѣздъ отправился) были, конечно, весьма не полны при такой суматохѣ. Но это послѣднее обстоятельство, по моему мнѣнью, почти ничего не значить. Я такъ твёрдо увѣренъ, что эта женщина не уѣхала съ этимъ поѣздомъ, какъ еслибы осматривалъ всѣ вагоны самъ, и я не сомнѣваюсь, что и вы совершенно согласны со мною.

«Вы теперь знаете, какъ случилось несчастье. Не будемъ терять ни времени, ни словъ на сожалѣнія. Зло сдѣлано — и мы съ вами должны найти способъ поправить его.

«То, что я уже сдѣлалъ съ своей стороны, можно рассказать въ двухъ словахъ. Вся нерѣшимость, какую я могъ прежде чувствовать относительно того, чтобы довѣрить это дѣло въ постороннія руки, превратилась съ той минуты, какъ я узналъ это извѣстie отъ Роберта. Я тотчасъ воротился въ Сити и передалъ всё дѣло моимъ повѣреннымъ по дѣламъ. Совѣщаніе было продолжительное, и когда я вышелъ изъ конторы, то часъ почти уже прошолъ, а то я написалъ бы вамъ вчера, а не сегодня. Моё свиданіе съ старшими было не очень утѣшительно. Они прямо объявили мнѣ, что серьёзные затрудненія мѣшаютъ найти цо-

терпимый слѣдъ, но они обѣщали употребить всѣ силы, и мы рѣшили какъ надо повести это дѣло, исключая одного пункта, съ которымъ мы совершенно несогласны. Я долженъ сказать вамъ въ чомъ состоитъ это несогласіе, потому что, пока дѣла удерживаютъ меня въ дали отъ Торп-Эмброза, вы единственный человѣкъ, на котораго я могу положиться, чтобы испробовать вѣрны ли мои убѣжденія.

«Стряпчіе держатся такого мнѣнія, что эта женщина съ перваго рава знала, что я наблюдаю за нею и, слѣдовательно, нечего надѣяться, чтобы она поторопилась сама явиться въ Торп-Эмбросъ; что какой вредъ ни замышляла бы она сдѣлать, она сначала сдѣлаетъ его черезъ другихъ, и что единственный благоразумный способъ дѣйствія для друзей Аллена—ждать, что скажутъ имъ событія. Моё мнѣніе діаметрически противоположно этому. Послѣ того, что случилось на желѣзной дорогѣ, я не могу опровергать, что эта женщина должно быть узнала, что я наблюдаю за нею; но она не имѣла причины предполагать, что ей не удалось обмануть меня, и я твёрдо убѣждёнъ, что въ ней достанетъ смѣлости захватить насъ врасплохъ и пріобрѣсть довѣріе Аллена, прежде чѣмъ мы приготовимся помѣшать ей. Вы и только вы (пока дѣла удерживаютъ меня въ Лондонѣ) можете рѣшить правъ я или ошибаюсь, и вы можете сдѣлать это вотъ какимъ образомъ: удостовѣрьтесь тотчасъ не пріѣхала ли съ понедѣльника въ Торп-Эмбросъ, или въ окрестности его, какая-нибудь посторонняя женщина. Если пріѣхала (въ провинціи никто не избѣгнетъ отъ вниманія), воспользуйтесь первымъ случаемъ увидѣть её и примѣйте похожа она, или нѣтъ, на примѣты которыя я напишу для васъ. Вы можете положиться на мою акуратность. Я видѣлъ эту женщину безъ воая нѣсколько разъ и въ послѣдній разъ сквозь превосходную зрительную трубку.

«1) Свѣтло ли каштановаго цвѣта ея волосы и, повидимому, не совсѣмъ густы? 2). Высокъ ли и узокъ лобъ и идѣтъ ли покати-сто къ вискамъ? 3). Слабо ли обозначены ея брови, малы ли глаза и скорѣе тѣмны чѣмъ свѣтлы — сѣрые или каріе (я, не видя её близко, не могъ удостовѣриться какіе именно)? 4) орлиный ли у ней носъ? 5) тонки ли ея губы и верхняя дѣтина? 6) не жи-

жется ли что цвѣтъ ея лица былъ первоначально блѣднымъ, испортился и перешолъ въ тусклую, болѣзненную блѣдность? 7) (и послѣднее) не узкій ли у ней подбородокъ, а на лѣвой сторонѣ какой-то знакъ — родимое пятно или шрамъ—не могу сказать что?

«Я не прибавляю ничего насчетъ выраженія ея лица, потому что вы можете видѣть её при такихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ измѣнить то выраженіе, которое видѣлъ я. Разсматривайте ея черты, которыя никакія обстоятельства переимѣнить не могутъ. Если въ окрестностяхъ Торп-Эмброза пріѣхала незнакомая тамъ женщина, и если ея лицо согласуется съ моими семью примѣтами—*вы нашли эту женщину*. Ступайте тотчасъ въ такомъ случаѣ къ ближайшему стряпчему и поручитесь моимъ именемъ и кредитомъ за всякія издержки, которыя повлечотъ надзоръ за нею ночь и день. Сдѣлавъ это, дайте мнѣ знать самымъ скорѣйшимъ способомъ; и будутъ дѣла мои кончены или нѣтъ, а я поѣду въ Норфолькъ съ первымъ поѣздомъ.

«Во всякомъ случаѣ, удастся вамъ или нѣтъ подтвердить мои подозрѣнія, напишите ко мнѣ съ первой почтой, хоть бы только для того, чтобы сказать мнѣ, что вы получили моё письмо—напишите! Я страдаю отъ безпокойства и неизвѣстности, будучи въ разлукѣ съ Алленомъ, которому помочь можете только вы. Сказавъ это, я знаю васъ такъ хорошо, что остаюсь увѣренъ, что мнѣ нечего говорить болѣе.

«Другъ вашъ навсегда

«Децимусъ Брокъ.»

Ожесточившись роковымъ убѣжденіемъ, теперь овладѣвшимъ имъ, Мидуинтеръ прочолъ признанія ректора въ пораженіи отъ первой строчки до послѣдней безъ малѣйшаго интереса или удивленія. Единственная часть письма, которую онъ прочолъ опять, былъ конецъ. Онъ прочолъ послѣдній параграфъ во второй разъ, а потомъ подождаль съ минуту, размышляя надъ нимъ.

«Я очень обязанъ добротѣ мистера Брока, думаль онъ: «и никогда болѣе не увижу мистера Брока. Это бесполезно и безнадежно; но онъ просить меня сдѣлать это—и будетъ сдѣлано.

Довольно взглянуть на неё одинъ разъ—одинъ разъ съ письмомъ въ рукѣ—и написать одну строчку, что эта женщина здѣсь!»

Опять онъ остановился въ нерѣшимости у полуоткрытой двери, опять жестокая необходимость проститься съ Алленомъ остановила его. Онъ съ сомнѣніемъ отложилъ въ сторону письмо ректора.

— Я напишу оба письма вмѣстѣ, сказалъ онъ: — одно можетъ помочь другому.

Лицо его вспыхнуло, когда эти слова сорвались съ его губъ. Онъ сознавалъ, что онъ дѣлаетъ то, что онъ еще не дѣлалъ: добровольно откладываетъ несчастный часъ, дѣлаетъ изъ мистера Брока предлогъ выиграть послѣднюю оставшуюся отсрочку—отсрочку времени.

Единственный звукъ, доносившійся до него въ открытую дверь были шаги Аллена, шумно раздававшіеся въ смежной комнатѣ. Мидуинтеръ тотчасъ вышелъ въ пустой корридоръ и, не встрѣтивъ никого на лѣстницѣ, вышелъ изъ дома. Страхъ, чтобы его рѣшимость оставить Аллена не измѣнила ему, если онъ опять увидитъ Аллена, такъ живо представилась ему утромъ, какъ живо представлялось всю ночь. Онъ вздохнулъ свободнѣе, когда сошелъ съ лѣстницы, свободнѣе отъ того, что избавился дружескаго утренняго привѣтствія отъ единственнаго человѣческаго существа, которое онъ любилъ.

Онъ вошелъ въ кустарникъ съ письмомъ Брока въ рукѣ на дорогу, которая вела въ коттеджъ маіора. Ни малѣйшаго воспоминанія не было въ его умѣ о разговорѣ, дошедшемъ до его ушей въ эту ночь. Единственная причина, побудившая его видѣть эту женщину, было порученіе ректора. Единственное воспоминаніе, руководившее имъ къ тому мѣсту, гдѣ она жила, было воспоминаніе о восклицаніи Аллена, по которому онъ узналъ гувернантку въ фигурѣ на берегу озера.

Дойдя до калитки коттеджа, Мидуинтеръ остановился. Его поразила мысль, что онъ можетъ не достигнуть своей цѣли, если будетъ смотрѣть на примѣты ректора въ присутствіи этой женщины. Во-первыхъ, ея подозрѣнія, по всей вѣроятности, будутъ возбуждены, если онъ попроситъ позволенія видѣть её (онъ рѣшился попросить какъ-нибудь, съ предлогомъ или безъ него), а

письмо въ его рукѣ можетъ подтвердить эти подозрѣнія. Она, пожалуй, сейчасъ уйдѣтъ изъ комнаты. Рѣшившись прежде твёрдо запомнить описаніе примѣтъ, а потомъ уже встрѣтиться съ нею, онъ развернулъ письмо, медленно отойдя отъ дома; онъ прочёлъ семь примѣтъ въ полной увѣренности заранѣе, что лицо этой женщины будетъ согласоваться съ ними.

Въ утренней тишинѣ парка лёгкій шумъ разносился далеко. Лёгкій шумъ отвлѣкъ вниманіе Мидуинтера отъ письма.

Онъ поднялъ глаза и увидалъ себя на краю высокаго травянистаго рва; съ одной стороны простирался паркъ, а съ другой высокая лавровая изгородь. Заборъ очевидно окружалъ заднюю часть сада коттеджа, а ровъ защищалъ отъ коровъ, пасущихся въ паркѣ. Осторожно прислушавшись къ слабому шуму, который отвлѣкъ его вниманіе отъ письма, Мидуинтеръ узналъ, что это былъ шелестъ женскаго платья. Черезъ нѣсколько шаговъ отъ него, черезъ ровъ былъ перекинутъ мостикъ, запертый калиткой и соединявшій садъ съ паркомъ. Мидуинтеръ проиоулъ въ эту калитку черезъ мостъ и, отворивъ дверь на другомъ концѣ, очутился въ бесѣдкѣ, густо покрытой ползучими растеніями, откуда разстилался видъ на весь садъ отъ одного конца до другого.

Онъ посмотрѣлъ и увидалъ двухъ женщинъ, которыя медленно удалялись отъ него къ коттеджу. Та, которая была ниже ростомъ, ни на минуту не привлекла его вниманія—онъ ни на минуту не остановился на мысли: дочь это маіора или кто другая. Глаза его были прикованы къ другой женщинѣ, которая шла по дорожкѣ сада въ длинномъ лёгкомъ платьѣ съ непринужденной, обольстительной граціей. Прямо передъ нимъ находилась опять—такъ какъ онъ уже её видѣлъ—спиною къ нему женщина на берегу озера.

Можно было надѣяться, что онъ опять сдѣлаютъ прогулку по этой дорожкѣ и повернутся къ бесѣдкѣ. Этого-то и ждалъ Мидуинтеръ. Сознаніе въ томъ, что онъ вошёлъ въ чужія владѣнія не остановило его при входѣ въ бесѣдку и не безпокоило его даже теперь. Вся тонкая чувствительность его натуры, изнемогающая подъ жестокимъ страданіемъ прошлой ночи, перестала чувствовать. Упорная рѣшимость сдѣлать то, зачѣмъ онъ сюда при-

шоль было единственнымъ вліяніемъ, одушевлявшимъ его. Онъ дѣйствовалъ, онъ даже смотрѣлъ, какъ самый твёрдый человѣкъ на свѣтѣ могъ бы дѣйствовать и смотрѣть на его мѣстѣ. Онъ имѣлъ на столько самообладанія прежде чѣмъ гувернантка и ея ученица дошли до конца дорожки, чтобы раскрыть письмо Брока и подчеркнуть свою память послѣднимъ взглядомъ на параграфъ, описывавшій ея лицо. Онъ былъ еще погружонъ въ это описаніе, когда услыхалъ шелестъ платьевъ, опять направлявшихъ къ нему. Стоя въ тѣни бесѣдки, онъ ждалъ, пока уменьшилось разстояніе между ними. Съ ея портретомъ, живо напечатлѣннымъ въ его воображеніи, при помощи свѣтлаго утренняго свѣта, глаза его допрашивали её, когда она подходила, и вотъ какіе отвѣты даю ему ея лицо:

Волосы въ описаніи ректора были свѣтло-каштановые и не густые. Волосы этой женщины, великолѣпно роскошные, имѣли непростительно замѣчательный оттѣнокъ, который предубѣжденіе сѣверныхъ націй никогда совершенно не прощаетъ—они были *рыжіе*! Лобъ въ описаніи ректора былъ высокъ, узокъ и шоль покатисто къ вискамъ; брови были слабо обозначены, глаза малы и сѣраго или каряго цвѣта. Лобъ этой женщины былъ низокъ и прямъ, широкъ къ вискамъ; брови, рѣзко и нѣжно обозначенныя, были нѣсколько темнѣе ея волосъ; глаза большіе, блестяще открытые, были чисто-голубого цвѣта, безъ малѣйшей примѣси сѣраго или зеленоватаго, такъ часто представляемаго нашему восторгу въ картинахъ или книгахъ и такъ рѣдко встрѣчаемаго въ живомъ лицѣ. Носъ въ описаніи ректора былъ орлиный. Носъ этой женщины былъ прямой и нѣжно очерченный, какъ у древнихъ статуи и бюстовъ. Губы въ описаніи ректора были тонки и верхняя длинна; цвѣтъ лица тусклый и болѣзненно-блѣдный, подбородокъ узкій и на лѣвой сторонѣ его родимое пятно или шрамъ. Губы этой женщины были полны, великолѣпны, чувственны; цвѣтъ лица ея былъ того прелестнаго оттѣнка, который сопровождаетъ такіе волосы, какіе были у нея—съ самымъ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, съ самой тёплой и мягкой бѣлизной на лбу и на шеѣ. Подбородокъ, круглый и полный, не имѣлъ ни малѣйшаго пятнышка. Она подходила ближе и ближе, всё пре-

лестиѣ и прелестиѣ при блескѣ утренняго свѣта — самымъ поразительнымъ противорѣчіемъ, какое только могли видѣть глаза или представить себѣ воображеніе съ описаніемъ въ письмѣ ректора.

И гувернантка и ученица подошли къ бесѣдѣ прежде чѣмъ примѣтили Мидуинтера, стоявшаго въ ней. Гувернантка первая увидала его.

— Это вашъ знакомый, миссъ Мильрой? спросила она спокойно, не вздрогнувъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго удивленія.

Нили тотчасъ его узнала. Предубѣжденная противъ Мидуинтера его поведеніемъ, когда его другъ представилъ его въ коттеджъ, она теперь просто ненавидѣла его какъ первую причину ея размолвки съ Алленомъ на пикникѣ. Лицо ея вспыхнуло и она отошла отъ бесѣдки съ выраженіемъ беспощаднаго удивленія.

— Онъ другъ мистера Армэдэля, отвѣчала она рѣзко: — я не знаю, что ему нужно и зачѣмъ онъ здѣсь.

— Другъ мистера Армэдэля?

Лицо гувернантки просіяло внезапнымъ интересомъ, когда она повторила эти слова. Она отвѣчала на взглядъ Мидуинтера, всё пристально устремлѣнный на неё такимъ же пристальнымъ взглядомъ.

— Съ моей стороны, продолжала Нили, сердясь на нечувствительность Мидуинтера къ ея присутствію: — я нахожу, что обращаться съ садомъ papà, какъ съ открытымъ паркомъ, очень дерзко.

Гувернантка обернулась и сдѣлала кроткій выговоръ.

— Любезная миссъ Мильрой, надо обратить вниманіе на нѣкоторыя различія. Этотъ джентльмэнъ другъ мистера и Армэдэля, вы не могли сильнѣе выразиться, еслибы это было совершенно посторонній человекъ.

— Я выражаю моѣ мнѣніе, возразила Нили, сердясь отъ сатирически снисходительнаго тона, съ которымъ гувернантка обращалась къ ней. — Это дѣло вкуса, миссъ Гуильтъ, а вкусы бываютъ разныя.

Она сердито отвернулась и пошла одна къ коттеджу.

— Она очень молода, сказала миссъ Гуильтъ какъ-бы просясь улыбкою снисхожденія Мидуинтера:—какъ вы должны сами видѣть, сэръ, она избалованный ребѣнокъ.

Она замолчала и выказала только на одно мгновеніе удивленіе при страшномъ молчаніи Мидуинтера и при его страшной настойчивости не спускать съ нея глазъ; потомъ съѣла съ очаровательной граціей и готовностью помочь ему выйти изъ фальшиваго положенія, въ которомъ онъ находился.

— Такъ какъ вы зашли въ вашей прогулкѣ уже такъ далеко, продолжала она:—можетъ быть вы сдѣлаеге мнѣ одолженіе возьмѣтесъ передать порученіе вашему другу? Мистеръ Армэдэль былъ такъ добръ, что пригласилъ меня посмотрѣть тори-эмбросскій садъ сегодня утромъ. Будьте вы такъ добры, скажите ему, что маіоръ Мильрсѣ позволяетъ мнѣ принять это приглашеніе (вмѣстѣ съ миссъ Мильрой) въ двѣнадцатомъ часу.

Глаза ея остановились на минуту съ возобновленнымъ интересомъ на лицѣ Мидуинтера. Она ждала—всѣ напрасно—хоть слово отъ него въ отвѣтъ—улыбнулась, какъ-будто его необыкновенное молчаніе скорѣе забавляло, чѣмъ сердило её, и пошла за своей ученицей въ коттеджъ.

Только когда ея послѣдній слѣдъ исчезъ, Мидуинтеръ пришолъ въ себя и старался понять хорошенько положеніе, въ которомъ онъ находился. Удивленіе, приковывавшее его къ мѣсту до этой минуты, происходило вовсе не отъ красоты гувернантки. Единственное ясное впечатлѣніе, которое она произвела на него, началось и кончилось изумительнымъ противорѣчіемъ, которое представляло ея лицо отъ одной черты до другой съ описаніемъ въ письмѣ Брока. Всѣ, кромѣ этого, было неопредѣленно и туманно — тѣмнымъ сознаніемъ о высокой изящной женщинѣ, о ласковыхъ словахъ, скромно и любезно сказанныхъ ему и ничего болѣе.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по саду, самъ не зная зачѣмъ, остановился, посмогрѣлъ туда и сюда, какъ заблудившійся, узналъ съ усиліемъ бесѣдку, какъ-будто прошло много лѣтъ стѣхъ-поръ, какъ онъ видѣлъ её, и опять пробрался на конецъ въ паркъ. Даже тутъ онъ бродилъ сначала въ одну сторону,

потомъ въ другую. Голова его еще кружилась отъ потрясенія, полученнаго имъ; всё его умственныя способности были смѣшаны. Что-то машинально побуждало его двигаться, быстро идти безъ причины и куда—онъ самъ не зналъ.

Человѣкъ даже съ менѣе впечатлительной организаціей былъ бы пораженъ теперь внезапнымъ переворотомъ чувствъ, произведеннымъ въ его душѣ событіемъ послѣднихъ минутъ.

Въ ту достопамятную минуту, когда онъ отворилъ дверь бесѣдки, никакое смутное вліяніе не волновало его чувства. Справедливо или ошибочно онъ дошелъ до окончательнаго заключенія во всемъ, что относилось къ его положенію относительно его друга, дошелъ опредѣленнымъ процесомъ мысли. Вся сила причины, побудившей его рѣшиться на разлуку съ Алленомъ, происходила отъ убѣжденія, что онъ видѣлъ въ Гёрлѣ Мирѣ роковое исполненіе Перваго видѣнія во Снѣ, и это убѣжденіе въ свою очередь необходимо опиралось на томъ убѣжденіи, что женщина одна пережившая трагедію на Мадерѣ, непременно должна быть той женщиной, которую онъ видѣлъ стоящей какъ Тѣнь во Снѣ на берегу озера. Съ этимъ твёрдымъ убѣжденіемъ онъ самъ сравнивалъ предметъ недовѣрія своего и ректора съ описаніемъ, написаннымъ самимъ ректоромъ—съ описаніемъ, старательно мелочнымъ, сдѣланнымъ человѣкомъ, на котораго можно было положиться вполне—и его собственные глаза сказали ему, что женщина, которую онъ видѣлъ на Мирѣ, и женщина, за которой Брокъ слѣдилъ въ Лондонѣ, не одна и та же. вмѣсто Тѣни во Снѣ, передъ нимъ находилась, по примѣтамъ въ письмѣ ректора, не та женщина, которая была орудіемъ Рока, а посторонняя.

Такія сомнѣнія, какія могли бы взволновать менѣе суевѣрнаго человѣка, не возродились въ его душѣ при открытіи сдѣланномъ имъ. Ему и въ голову не пришло спросить себя: не посторонняя ли орудіе Рока теперь, когда письмо убѣдило его, что посторонняя была фигуροю въ ландшафтѣ сновидѣнія. Подобная мысль не вошла и не могла войти въ его голову. Единственная женщина, которая опасалась его суевѣрія была та, которая была пригнѣтана къ жизни обомъ Армэдэлей въ первомъ поколѣніи

и къ судьбѣ обоихъ Армэдэлей во второмъ—которая была предметомъ предостереженія предсмертнаго одра его отца и первую причиною семейныхъ бѣдствій, которая проложила Аллэну путь къ Торп-Эмбросскому помѣстью—словомъ, женщина, которую онъ узналъ бы инстинктивно, еслибы не письмо мистера Брока, въ женщинѣ, которую онъ теперь видѣлъ.

Смотря на событія такъ, какъ они случились подъ вліяніемъ ошибочнаго сужденія, до котораго привёлъ его ректоръ самымъ невиннымъ образомъ, Мидуинтеръ тотчасъ ухватился за это новое заключеніе и поступилъ совершенно такъ, какъ во время своего свиданія съ мистеромъ Брокомъ на островѣ Мэнѣ.

Точно такъ, какъ онъ объявилъ тогда, что, не встрѣтившись ни разу въ своихъ путешествіяхъ по морю съ тѣмъ самымъ кораблёмъ, это служило достаточнымъ опроверженіемъ понятій о Рокѣ; такъ и теперь ухватился онъ за заключеніе, выведенное такимъ же образомъ, что всё притязаніе Сновидѣнія на его сверхъестественное происхожденіе, опровергалось тѣмъ, что вмѣсто Тѣни явилась посторонняя. Опираясь на этотъ пунктъ, поощряемый подчиниться вліянію своей любви къ Аллэну, онъ съ быстротою молніи увлёкъся неизбѣжно послѣдовавшей за тѣмъ цѣнью мыслей. Если Сновидѣніе было не предостереженіемъ съ другого міра, то слѣдовательно случай, а не судьба привёлъ ихъ ночью на разрушенный корабль, и всѣ событія, случившіяся съ-тѣхъ-поръ, какъ Аллэнъ и онъ разстались съ Брокомъ, были сами-по-себѣ безвредны, и это его суевѣріе придадо имъ другое значеніе. Менѣе чѣмъ черезъ минуту его подвижное воображеніе привело его къ тому утру въ Кэстльтоунѣ, какъ онъ открывалъ ректору тайну своего имени, когда онъ объявилъ ему, положивъ передъ нимъ письмо своего отца, лучшую вѣру, волновавшую его. Теперь опять онъ чувствовалъ какъ его сердце твёрдо держалось братской связью между Аллэномъ и имъ; теперь опять онъ могъ сказать съ пылкою искренностью прежняго времени:

— Если мысль оставить его раздираетъ мнѣ сердце, то, стало-быть, эта мысль ошибочна.

Когда это благородное убѣжденіе опять овладѣло его душой,

успокоило бурю, расчистило смутный беспорядокъ его чувствъ—торп-эмбросскій домъ и Аллэнъ, на ступеняхъ лѣстницы ожидавшій его и искавшій его глазами, бросились ему въ глаза сквозь деревья. Чувство безграничнаго успокоенія сняло съ его пылкой души всё заботы, всё сомнѣнія, всё опасенія, такъ долго тѣснившія его, и опять показало ему лучшее и болѣе ясное будущее его прежнихъ мечтаній. Глаза его наполнились слезами и онъ съ дикой пылкостью прижалъ письмо ректора къ своимъ губамъ, смотря на Аллена сквозь деревья.

«Еслибы не этотъ лоскутокъ бумажки, думалъ онъ: «моя жизнь была бы для меня однимъ продолжительнымъ горемъ и преступленіе моего отца разлучило бы насъ навсегда!»

Таковъ былъ результатъ стратагемы, показавшей мистеру Броку лицо горничной вмѣсто лица миссъ Гуильтъ. Такимъ образомъ—поколебавъ довѣріе Мидуинтера къ его собственному сужеврію въ единственномъ случаѣ, когда это сужевріе указывало на правду—хитрость старухи Олдершѡ восторжествовала надъ затрудненіями и опасностями, о которыхъ сама старуха Олдершѡ и не воображала.

Глава XI.

МИССЪ ГУИЛЬТЪ МЕЖДУ ЗЫБУЧИМЪ ПЕСКОМЪ.

1.—ОТЪ ДЕЦИМУСА БРОКА КЪ ОЗАЙЯЗУ МИДУИНТЕРУ.

Четверкъ.

«Любезный Мидуинтеръ, никакими словами не могу я описать, какое облегченіе почувствовалъ я, получивъ ваше письмо сегодня, и какъ я счастливъ, что судилъ ошибочно. Предосторожности, принятыя вами въ случаѣ, если эта женщина всё-таки

подтвердить мои опасенія, осмѣлившись пріѣхать въ Торп-Эмбросъ, по моему мнѣнію, не оставляютъ ничего желать. Вы, безъ сомнѣнія, непременно услышите о ней изъ конторы стряпчачо, котораго вы просили увѣдомить васъ о появленіи посторонней женщины въ городѣ.

«Мнѣ тѣмъ пріятнѣе узнать, какъ вполнѣ я могу положиться на васъ въ этомъ дѣлѣ, потому-что я, по всей вѣроятности, буду принуждѣнъ оставить интересы Аллена въ одиѣхъ вашихъ рукахъ долѣе, чѣмъ я предполагалъ. Мой визитъ въ Торп-Эмбросъ, я съ сожалѣніемъ принужденъ сказать, долженъ быть отложенъ на два мѣсяца. Единственный пасторъ изъ моихъ лондонскихъ товарищей, который могъ занять на-ѣремя мое мѣсто, не можетъ переѣхать съ своимъ семействомъ въ Сомерсетширъ прежде двухъ мѣсяцевъ. Мнѣ болѣе ничего не остаѣтся, какъ кончить мои дѣла здѣсь и воротиться въ мой пасторатъ въ слѣдующую субботу. Если случится что-нибудь, вы, разумѣется, немедленно дадите мнѣ знать, и въ такомъ случаѣ, несмотря ни на какія неудобства, я пріѣду въ Торп-Эмбросъ. Съ другой стороны, если всё пойдѣтъ лучше, чѣмъ мое упорное опасеніе заставляетъ меня предполагать, тогда Алленъ (которому я написалъ), долженъ ждать меня не прежде, какъ черезъ два мѣсяца.

«Никакой результатъ до-сихъ-поръ не вознаградилъ наши усилія найти слѣды, потерянные на желѣзной дорогѣ. Впрочемъ, я не запечатаю моего письма до отхода почты, на случай, не случится ли чего-нибудь новаго въ эти нѣсколько часовъ.

«Искренно вашъ навсегда

«ДЕЦИМУСЪ БРОКЪ.»

«P. S.—Я только-что получилъ извѣстіе отъ стряпчачо. Они узнали какъ звали женщину, пропавшую въ Лондонѣ. Если это открытіе (не очень важное, я боюсь) подастъ вамъ мысль о новомъ образѣ дѣйствія, пожалуйста дѣйствуйте тотчасъ. Ея имя—миссъ Гуильтъ».

2.—ОТЪ МИССЪ ГУИЛЬТЪ КЪ МИСТРИССЪ ОЛЬДЕРШО.

Коттеджъ въ Торп-Эмбросъ.

Суббота 26 іюня.

«Если вы общаете мнѣ не пугаться, мамѣ Ольдершѣ, я начну это письмо очень страннымъ образомъ, скопировавъ страницу письма, написаннаго другою. У васъ превосходная память и вы можете быть не забыли, что я получила записку отъ матери майора Мильроя (послѣ того, какъ она наняла меня въ гувернантки) прошлый понедѣльникъ. На этомъ письмѣ есть число и подпись; и вотъ первая страница: «іюня 23 1851. Милостивая государыня, пожалуйста извините меня, если я безпокою васъ, прежде чѣмъ вы поѣдете въ Торп-Эмбросъ, прибавивъ еще нѣсколько словъ о привычкахъ, наблюдаемыхъ въ домѣ моего сына. Когда я имѣла удовольствіе видѣть васъ въ два часа сегодня въ Кингстоун-Крешентъ, я должна была ѣхать въ три часа въ отдаленную часть Лондона по другому дѣлу и, въ торопливости этой минуты я забыла упомянуть о двухъ-трѣхъ вещахъ, на которыя я считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе». Остальное письмо не имѣетъ ни малѣйшей важности, но строчки, скопированныя мною, стодятъ всего вашего вниманія. Онѣ спасли меня отъ открытія, душа моя, прежде чѣмъ я пробыва у майора Мильроя недѣлю!

«Это случилось не позже вчерашняго вечера и началось и кончилось вотъ какимъ образомъ:

«Здѣсь есть одинъ джентльменъ (о которомъ я скажу послѣ болѣе), короткій другъ мистера Армэделя и называющійся страннымъ именемъ Мидуинтера. Ему удалось вчера поговорить со мною одной въ паркѣ. Какъ только онъ раскрылъ губы, я узнала, что моѣ имя было открыто въ Лондонѣ (безъ сомнѣнія, со-мерсетширскимъ пасторомъ), и что мистеръ Мидуинтеръ бытъ

выбранъ (очевидно тѣмъ же самымъ пасторомъ), чтобы удостовѣриться, не та ли сама я миссъ Гуильтъ, которая исчезла изъ Бронтона, явилась въ Торп-Эмброзѣ. Вы предвидѣли эту опасность—я помню, но едва-ли могли вообразить, что это открытіе будетъ угрожать мнѣ такъ скоро.

«Избавляю васъ отъ подробностей нашего разговора и перехожу къ концу. Мистеръ Мидуинтеръ приступилъ къ этому дѣлу очень деликатно, объявивъ, къ моему величайшему удивленію, что онъ самъ совершенно убѣжденъ, что я не та миссъ Гуильтъ, которую ищетъ его другъ, и что онъ только поступалъ такъ изъ уваженія къ безпокойству челоуѣка, котораго желанія онъ обязанъ уважать! Захочу ли я помочь ему уничтожить совершенно это безпокойство, снисходительно отвѣтивъ на одинъ простой вопросъ, который онъ не имѣлъ другого права дѣлать мнѣ, кромѣ того права, которое могло дать ему мое снисхожденіе? Пропавшая миссъ Гуильтъ пропала въ два часа прошлый понедѣльникъ въ толпѣ на платформѣ сѣверо-западной желѣзной дороги. Позволю ли я ему сказать, что въ этотъ день и въ этотъ часъ миссъ Гуильтъ, гувернантка маіора Мильроя, во все тамъ не была?»

«Мнѣ не нужно говорить вамъ, что я воспользовалась тѣмъ прекраснымъ случаемъ, который онъ подалъ мнѣ разрушить дальнѣйшія подозрѣнія. Я тотчасъ заговорила надменнымъ тономъ и показала ему письмо старой дамы. Онъ вѣжливо отказался прочесть его. Я настаивала.

«— Я не хочу, чтобы меня приняли за женщину, которая можетъ быть имѣть дурную репутацію, сказала я:—потому-что ей случилось имѣть такое имя, или назваться такимъ именемъ, какъ мое. Я настаиваю, чтобы вы прочли первую часть этого письма для моего удовлетворенія, если не для вашего».

«Онъ былъ принужденъ повиноваться и вотъ доказательства, написанныя собственною рукою матери маіора, что въ два часа прошлый понедѣльникъ я и она были вмѣстѣ въ Кингстоун-Крешентѣ, который, какъ всякій указатель скажетъ ему, находится въ Байсуотерѣ. Предоставляю вамъ вообразить его извиненія и совершеннѣйшую кротость, съ какою я принимала ихъ».

«Разумѣется, я могла бы, еслибы не сохранила письмо, сослаться на васъ или на мать маіора съ одинаковымъ успѣхомъ. Теперь же цѣль была достигнута безъ всякихъ хлопотъ и замедленій. Я доказала, что я не я; и одна изъ многочисленныхъ опасностей, угрожавшихъ мнѣ въ Торп-Эмбросѣ, уничтожена съ этой минуты. Лицо вашей горничной, можетъ быть, не очень красиво, но нельзя опровергать, что оно оказало намъ превосходную услугу.

«Довольно о прошломъ; теперь примемся за будущее. Вы услышите какъ я лажу съ людьми, окружающими меня, и будете судить сами есть, или нѣтъ возможность для меня сдѣлаться владѣтельницей Торп-Эмброза.

«Начну съ молодого Армэдэля, потому что это будетъ начало хорошее. Я уже произвела на него надлежащее впечатлѣніе, а небу извѣстно, что *этимъ* нечего хвалиться. Всякая недурная собою женщина, которая захочетъ постараться, можетъ заставить его влюбиться въ неё. Онъ болтливъ и глупъ, одинъ изъ тѣхъ шумныхъ, румяныхъ, бѣлокурыхъ, весѣлыхъ мушницъ, которыхъ я особенно ненавижу. Я была цѣлый часъ съ нимъ одна въ лодкѣ въ первый день моего приѣзда и хорошо воспользовалась моимъ временемъ, могу сказать вамъ, съ того дня до этихъ поръ. Единственное затрудненіе съ нимъ состоитъ для меня въ томъ, чтобы скрывать передъ нимъ мои чувства, особенно когда онъ превращаетъ моё отвращеніе къ нему чистую ненависть, напоминая мнѣ иногда свою мать. Право, я никогда не видала человѣка, которому я такъ охотно сдѣлала бы вредъ, если бы имѣла случай. Онъ подастъ мнѣ этотъ случай, если не случится ничего дурного, скорѣе, чѣмъ мы рассчитывали. Я только-что воротилась съ обѣда въ замкъ, гдѣ праздновался день аренднаго расчета, и вниманіе сквайра ко мнѣ и моё скромное нежеланіе принимать это уже возбудило всеобщее замѣчаніе.

«Теперь очередь моей ученицы миссъ Мильрой. Она тоже румяна и глупа, кромѣ того, неловка, веснушчата, сгорблена, дурного характера и дурно одѣвается. Её нечего бояться, хотя она ненавидитъ меня какъ чуму, что весьма для меня утѣши-

тельно, потому что я освобождена отъ нея тотчасъ послѣ уроковъ и прогулокъ. Совершенно не трудно примѣтить, что она воспользовалась, какъ умѣла, удобными случаями съ Армэдэлемъ (случаями, сказать кстати, на которые мы не рассчитывали), и она была такъ глупа, что позволила этимъ случаемъ выскользнуть у нея изъ-подъ пальцевъ. Когда я говорю вамъ, что она принуждена изъ приличія ходить съ отцомъ и со мною на маленькія увеселенія въ Торп-Эмбросъ и видѣть, какъ молодой Армэдэль восхищается мною, вы поймете, какое мѣсто я занимаю въ ея сердцѣ. Она испытываетъ моё терпѣніе выше всякой терпимости; но я вижу, что я раздражаю её, сохраняя хладнокровіе и, разумѣется, я его сохраняю. Если я разсержусь, то это будетъ за нашими уроками— не за французскимъ языкомъ, не за грамматикой, исторіей и географіей, а за музыкой. Никакими словами не могу я выразить, какъ я жалѣю ея бѣдное фортепяно. У половины дѣвушекъ, учащихся музыкѣ въ Англии слѣдовало бы отрубить пальцы для интересовъ общества, и если бы это зависѣло отъ меня, пальцы миссъ Мильрой были бы отрублены прежде всѣхъ.

«Что касается майора, едва-ли я могу занять высшее мѣсто въ его уваженіи, какое занимаю теперь. Я всегда готова приготовить ему завтракъ, а дочь его—нѣтъ. Я всегда умѣю отыскать вещи, которыя онъ затеряетъ, а дочь его—не умѣетъ. Я никогда не зѣваю, когда онъ пускается въ скучныя разсужденія, а дочь его зѣваетъ. Я люблю этого бѣднаго милаго, безвреднаго старика и не стану ничего больше говорить о нёмъ.

«Ну, не прекрасная ли это перспектива для будущаго? Моя добрая Ольдершотъ, до-сихъ-поръ еще не было ни одной перспективы безъ дурного мѣстечка въ ней. *Моя* перспектива имѣетъ два дурныя мѣста: одно изъ нихъ называется мистриссъ Мильрой, а другое—мистеръ Мидуинтеръ.

«Прежде о мистриссъ Мильрой. Не пробыла я и пяти минутъ въ коттэдждѣ въ день моего пріѣзда, какъ, что вы думаете, она сдѣлала? Она послала за мною. Это удивило меня нѣсколько—такъ какъ я слышала отъ старой дамы въ Лондонѣ, что ея невѣстка такъ больна, что не принимаетъ никого—но, разумѣется,

когда она прислала за мною, мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ пойти къ ней. Я нашла её въ постѣли страдающую отъ неизлечимой болѣзни спинного мозга; на неё, просто, страшно смотрѣть, но она въ полномъ разсудкѣ, и, если не ошибаюсь, то такой фальшивой женщины и съ такимъ сквернымъ характеромъ врядъ ли встрѣчали вы во всю вашу продолжительную жизнь. Ея чрезвычайная вѣжливость и стараніе скрыть своё лицо въ тѣни занавѣсей постели, между тѣмъ какъ моё лицо она постаралась видѣть освѣщённое свѣтомъ, заставило меня остерегаться съ той самой минуты, какъ я вошла въ комнату. Мы пробыли вмѣстѣ полчаса и я ни разу не попала въ маленькія ловушки, которыя она разставляла мнѣ. Единственная таинственность въ ея поведеніи, которую я не могла разгадать въ то время, было то, что она безпрестанно просила меня приносить вещи (въ которыхъ она очевидно не нуждалась) изъ различныхъ частей комнаты.

«Съ тѣхъ поръ событія позволили мнѣ разгадать это. Мои первыя подозрѣнія были пробуждены толками слугъ, которые удалось мнѣ подслушать, и мнѣніе моё подтвердилось мнѣніемъ сидѣлки мистриссъ Мильрой. Въ тѣ немногіе случаи, когда мнѣ случалось оставаться одной съ маіоромъ, видѣлицѣ также случалось имѣть надобность къ ея господину и она всегда забывала прежде постучаться въ дверь. Теперь вы понимаете, почему мистриссъ Мильрой послала за мною, какъ только я вошла въ ея домъ, и зачѣмъ она заставляла меня ходить взадъ и впередъ то за одной вещью, то за другой? Едва-ли въ моёмъ лицѣ и моей фигурѣ осталась какая-нибудь привлекательность, которую ревнивые глаза этой женщины уже не изучили. Я теперь уже знаю, почему отецъ и дочь воздрогнули и переглянулись, когда я въ первый разъ представилась имъ, или почему слуги еще смотрятъ на меня, вытаращивъ глаза и съ лукавымъ ожиданіемъ въ ихъ взглядѣ, когда я звоню въ колокольчикъ и прошу ихъ сдѣлать что-нибудь. Безполезно скрывать истину, мамъ Олдершотъ, между вами и мной. Когда я пошла наверхъ, въ комнату больвой, я слѣпо попала въ когти ревнивой женщины. Если бы мистриссъ Мильрой могла выгнать

меня изъ дома, она сдѣлала бы это, и утромъ и вечеромъ она ничего другого не дѣлаетъ въ своей постельной тюрьмѣ, какъ отыскиваетъ способъ къ этому.

Въ этомъ неловкомъ положеніи моему осторожному поведенію удивительно помогаетъ совершенная нечувствительность милаго, стараго маіора. Ревность жены его такое чудовищное помѣшательство, какое только можно найти въ домѣ сумасшедшихъ, это—порожденіе ея сквернаго характера, усиленнаго неизлечимой болѣзнью. Бѣдный старикъ не имѣетъ другой мысли, кромѣ какъ о своихъ механическихъ занятіяхъ, и я не думаю, чтобы онъ зналъ до сихъ поръ хороша я собой или нѣтъ. Съ этой случайностью на подмогу мнѣ я могу не бояться продѣлокъ госпожи и незваныхъ приходовъ сидѣлки, по-крайней-мѣна время. Но вы знаете, что значитъ ревнивая женщина, а я знаю, какова мистриссъ Мильрой, и признаюсь, что я вздохну свободнѣе въ тотъ день, когда Армэдэль раскроетъ свои грушныя губы, чтобы сдѣлать мнѣ предложеніе и тѣмъ заставить маіора послать въ газеты объявленіе о новой гувернанткѣ.

Имя Армэделя напоминаетъ мнѣ о его другѣ. Съ этой стороны мнѣ угрожаетъ еще ббольшая опасность и, что еще хуже, я не чувствую себя такъ хорошо вооруженною противъ мистера Мидуинтера, какъ противъ мистриссъ Мильрой.

«Всѣ въ этомъ человѣкѣ болѣе или менѣе таинственно, что мнѣ вовсе не нравится. Начать съ того, какимъ образомъ случилось, что сомерсетширскій пасторъ довѣряетъ ему? Какъ много сказалъ ему этотъ пасторъ? Почему онъ былъ такъ твѣрдо убѣжденъ, когда говорилъ со мною въ паркѣ, что я не та миссъ Гуильтъ, которую ищеть его другъ? Я не могу придумать никакого отвѣта на эти три вопроса; я не могу даже узнать кто онъ и какимъ образомъ онъ и Армэдэль познакомились между собою. Я ненавижу его... нѣтъ, не то; я только желаю разгадать его. Онъ очень молодъ, низокъ ростомъ и худощавъ, дѣятеленъ и смуглъ, съ блестящими черными глазами, которые говорятъ мнѣ ясно: «мы принадлежимъ человѣку съ умной головой и твердой волей, человѣку, который не вѣчно сидѣлъ въ деревенскомъ домѣ и указивалъ за дуракомъ». Да, я положи-

*

тельно убѣждена, что мистеръ Мидуинтеръ сдѣлалъ что-нибудь или пострадалъ отъ чего-нибудь въ своей прошлой жизни, какъ ни молодъ онъ, и я отдала бы Богъ знаетъ что для того, чтобы добраться до этого. Не сердитесь на меня, что я такъ много распространяюсь о нёмъ: онъ имѣетъ на столько вліянія надъ Армэдэлемъ, что можетъ быть весьма неудобнымъ препятствіемъ на пути моёмъ, если я не могу съ самаго начала приобрести его доброе мнѣніе.

«Ну, можете вы спросить: что же мѣшаетъ вамъ приобрести его доброе мнѣніе? Я очень боюсь, мамъ Ольдершѣ, что я приобрѣла его въ такой степени, какой я и не надѣялась. Я очень боюсь, что этотъ человѣкъ уже влюблёнъ въ меня.

«Не качайте головой и не говорите: «по прежнему тщеславна!» Послѣ всѣхъ ужасовъ, какіе я перенесла, во мнѣ не осталось тщесавія, и муцина восхищающійся мною, заставляетъ меня трепетать. Было время, признаюсь... Фи! что это я пишу? сантиментальности! сантиментальности — *вамъ!* Смѣйтесь, смѣйтесь, душа моя, а я не смѣюсь и не плачу; я чиню перо и продолжаю мой... какъ это называютъ мужчины? мой рапортъ.

«Одно, что стоитъ разузнать, это—права я или ошибаюсь на счетъ того впечатлѣнія, которое я сдѣлала на него. Позвольте... я была четыре раза въ его обществѣ. Первый разъ въ саду маіора, гдѣ мы встрѣтились неожиданно лицомъ къ лицу. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на меня какъ окаменѣлый, не говоря ни слова. Это былъ, можетъ быть, эффектъ моихъ противныхъ рыжихъ волосъ. Очень вѣроятно — припишемъ это моимъ волосамъ. Во второй разъ мы гуляли по торп-эмбросскомъ саду; молодой Армэдэль шолъ по одну сторону со мной, а моя ученица (надувшись) по другую. Вдругъ мистеръ Мидуинтеръ подходитъ къ намъ, хотя у него было дѣло въ управительской канцелярѣ, хотя онъ никогда не пренебрегалъ своей работой во всякомъ другомъ случаѣ. Лѣность, можетъ быть, или привязанность къ миссъ Мильрой, если хотите — я знаю только, что онъ всё смотрѣлъ на *меня*. Третій разъ было свиданіе въ паркѣ, о которомъ я уже вамъ говорила. Я никогда не видала человѣка, столь взволнованнаго при такомъ деликатномъ вопросѣ, сдѣлан-

номъ женщинѣ. Но *это* могло быть только неловкостью; а то, что онъ безпрестанно оглядывался, когда мы разстались, можетъ быть, значило, что онъ смотрѣлъ на видъ. Припишемъ это прекрасному виду, непременно припишемъ это виду. Четвёртый разъ, это было сегодня вечеромъ, на этомъ маленькомъ обѣдѣ. Меня заставили играть, и такъ какъ фортепьяно было хорошее, я сыграла такъ хорошо, какъ могла. Всё общество столпилось вокругъ меня и наговорило мнѣ комплиментовъ (моя прелестная ученица тоже сдѣлала мнѣ комплиментъ съ лицомъ, похожимъ на кошку передъ тѣмъ, какъ она собирается оцарапать), кромѣ мистера Мидуинтера. Онъ подождалъ пока мы уходили, а потомъ поймалъ меня одну на минуту въ передней. Онъ только-что успѣлъ взять меня за руку и сказать два слова. Сказать вамъ, какъ онъ взялъ мою руку и какъ звучалъ его голосъ, когда онъ говорилъ — совершенно бесполезно. Вы всё рассказываете мнѣ какъ покойный мистеръ Олдершотъ обожалъ васъ. Припомните, какъ первый разъ онъ взялъ вашу руку и шепнулъ два слова собственно для васъ. Чему вы приписываете его поведение въ этомъ случаѣ? Я не сомнѣваюсь, что если бы вы играли на фортепьяно въ тотъ вечеръ, то вы приписали бы это совершенно музыкѣ.

«Нѣтъ, повѣрьте моему слову, вредъ сдѣланъ. *Этотъ* человекъ не болтунъ и не дуракъ, перемѣняющій свои фантазіи такъ же скоро, какъ онъ перемѣняетъ платье—огонь освѣщающій его большіе черные глаза, когда женщина зажгла ихъ, не легко загасить ей. Я не желаю приводить васъ въ отчаяніе, я не говорю, что всѣ случайности противъ насъ. Но такъ-какъ мистриссъ Мильрой угрожаетъ мнѣ съ одной стороны, мистеръ Мидуинтеръ съ другой, то изъ всѣхъ рисковъ самое худшее будетъ потеря времени. Армэдэль уже намекалъ, такъ-какъ только подобный олухъ можетъ намекать, на тайное свиданіе. Глаза миссъ Мильрой зорки, глаза сидѣлки еще зорче, и я лишусь мѣста, если которая-нибудь изъ нихъ подстережетъ меня. Нужды нѣтъ! я должна воспользоваться случаемъ и согласиться на свиданіе съ нимъ! Только бы мнѣ поймать его одного, только бы мнѣ избѣгнуть

воркихъ глазъ этихъ женщинъ и, если его другъ не станетъ между нами, я отвѣчаю за результатъ.

«А пока имѣю ли я сказать вамъ еще что-нибудь? Нѣтъ ли еще кого въ Торп-Эмбродѣ? Нидуши! Никто изъ окрестныхъ фамилій не бываетъ здѣсь такъ, какъ Армэдэль, къ счастью, на дурномъ счету у сосѣдей. Къ нему въ домъ не пріѣзжаетъ никакая красивая и образованная женщина и никакая значительная особа не протестуетъ противъ его вниманія къ гувернанткѣ. Единственные гости, какихъ онъ могъ пригласить на сегодняшній обѣдъ, были, стряпчій съ своимъ семействомъ (жена, сынъ и двѣ дочери) и глухая старуха съ своимъ сыномъ—все совершенно незначительные люди и все покорнѣйшіе, низайшіе слуги глупаго сквайра.

«Говоря о покорнѣйшихъ и низайшихъ слугахъ, я должна упомянуть объ одномъ человѣкѣ, занимающемся въ управительской конторѣ—о жалкомъ, дряхломъ старикѣ по имени Бэшудъ. Онъ совершенно мнѣ незнакомъ и я очевидно ему совершенно не знакома, потому что онъ спрашивалъ служанку въ коттеджѣ это я. Признаваться въ этомъ значить не дѣлать мнѣ самой большаго комплимента, но тѣмъ не менѣе это правда, что я произвела самое необыкновенное впечатлѣніе на этого слабого и дряхлаго старика въ первый разъ, какъ онъ увидалъ меня. Онъ перемѣнился въ лицѣ, задрожалъ и вытаращилъ на меня глаза, какъ будто въ лицѣ моёмъ показалось ему что-то страшное. Я сама испугалась на одно мгновеніе, потому что ни одинъ еще мужчина не смотрѣлъ на меня такимъ образомъ. Видѣли вы какъ въ зоологическомъ саду кормятъ змѣю боа? Въ ея клетку сажаютъ живого кролика и есть минута, когда оба эти существа смотрятъ другъ на друга. Увѣряю васъ, мистеръ Бэшудъ напомнилъ мнѣ этого кролика!

«Зачѣмъ я упоминаю объ этомъ? я сама не знаю зачѣмъ. Можетъ-быть я уже писала слишкомъ долго и моя голова начинаетъ измѣнять мнѣ; можетъ-быть способъ обожанія мистера Бэшуда поразилъ меня своею повизной. Нелѣпность! Я сама себя волную и васъ тревожу по пустякамъ. О! какое утомительное длинное письмо написала я, и какъ блестятъ на меня звѣзды въ окно, и какая это страшно-тихая ночь! Пришлите мнѣ сонныхъ капель

и напишите милое, злое, забавное письмо. Вы получите от меня извѣстіе такъ скоро, какъ только я буду знать нѣсколько лучше какъ всё это кончится. Спокойной ночи и оставьте уголокъ въ вашемъ каменномъ старомъ сердцѣ для

«Л. Г.»

3. отъ мистриссъ ольдершѡ къ миссъ гуильтъ.

Улица Діана, Пимлико. Понедѣльникъ.

«Милая Лидія, я не нахожусь въ такомъ расположеніи духа, чтобы написать вамъ забавное письмо. Ваши извѣстія очень неутѣшительны и вашъ небрежный тонъ просто, пугаетъ меня. Сообразите деньги, какія я дала впередъ и какіе интересы затронуты для насъ обѣихъ. Ради Бога не будьте небрежны!

«Что могу я сдѣлать?—Я спрашиваю себя какъ дѣловая женщина: чѣмъ я могу помочь вамъ? Я не могу подать вамъ совѣтъ, потому что я не съ вами и не знаю какъ обстоятельства могутъ измѣниться со дня на день. Въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся теперь, я могу быть полезна только въ одномъ: я могу открыть новое препятствіе, угрожающее вамъ и, кажется, могу уничтожить его.

«Вы говорите очень справедливо, что еще не было перспективъ безъ дурного мѣста и что въ вашей перспективѣ есть два дурныя мѣста. Душа моя, у васъ могутъ быть три дурныя мѣста, если я этому не помѣшаю, и третье мѣсто называется—Брокъ. Возможно ли, что вы упоминаете о сомерсетширскѣмъ пасторѣ и не видите, что успѣхъ вашъ съ Армэдэлемъ рано или поздно будетъ переданъ пастору другомъ Армэдэля? Теперь, когда я подумаю объ этомъ, вы вдвойнѣ находитесь во власти пастора. Вы зависите отъ произвола всякаго новаго подсвѣрнія, который можетъ заставить его пріѣхать въ Торп-Эмбросъ каждый день;

вы зависите отъ произвола его вмѣшательства съ той минуты, какъ онъ услышитъ, что сквайръ компрометируетъ себя съ гувернанткою его сосѣда. Если я не могу сдѣлать ничего другого, я могу избавить васъ отъ этого прибавочнаго затрудненія. И—о Лидія! какъ проворно постараюсь я послѣ того, какъ этотъ старый негодяй оскорбилъ меня, когда я рассказывала ему эту жалобную исторію на улицѣ! Увѣряю васъ, я дрожу отъ удовольствія при этой новой возможности одурочить Брока.

«Какъ же это сдѣлать? Точно такъ, какъ мы уже это дѣлали. Онъ потерялъ «миссъ Гуилтъ» (иначе, мою горничную), вѣдь потерялъ? Очень хорошо. Онъ опять её найдётъ гдѣ бы онъ ни былъ, вдругъ поселившуюся около него. Пока она будетъ оставаться на мѣстѣ, и онъ останется, и такъ-какъ мы знаемъ, что его не будетъ въ Торп-Эмбросѣ, вы освободитесь отъ него! подозрѣнія старика надѣлали намъ много хлопотъ до-сихъ-поръ, извлекаемъ же изъ нихъ пользу, наконецъ, привяжемъ его его же подозрѣніями къ переднику моей горничной. Чрезвычайно пріятно!—Совершенно нравственное возмездіе! не такъ-ли?»

«Единственную помощь, которой я должна васъ беспокоить, вы легко можете подать. Узнайте отъ мистера Мидуинтера: гдѣ теперь пасторъ и сообщите мнѣ это съ первой почтой. Если онъ въ Лондонѣ, я сама буду помогать моей горничной мистифицировать его; если онъ въ другомъ мѣстѣ, я пошлю её къ нему съ однимъ человѣкомъ, на скромность котораго я могу положиться вполне.

«Завтра вы получите сонныя капли. А пока я скажу въ концѣ то, что уже говорила въ началѣ: не будьте небрежны! Не поощряйте поэтическихъ чувствъ, смотря на звѣзды, и не говорите, что ночь ужасно тиха. Есть люди (на обсерваторіяхъ), которымъ платятъ за то, чтобы они смотрѣли на звѣзды; — предоставьте это имъ. А что касается ночи, дѣлайте то, что судьба приказала вамъ дѣлать съ ночью, когда дала вамъ вѣки—спите.

«Любящая васъ

«Марія Олдерш.»

4. ОТЪ ДЕЦИМУСА БРОКА КЪ ОЗАЙЯЗУ МИДУИНТЕРУ.

Боскомбскій пасторатъ, Уэст-Сомерсетъ. Четверкъ июня 3.

«Любезный Мидуинтеръ, нѣсколько строкъ прежде чѣмъ уйдѣтъ почта, чтобы снять съ васъ отвѣтственность въ Торп-Эмбросѣ и извиниться передъ дамою, которая живѣтъ гвернаткою въ семействѣ маіора Мильроя.

«Миссъ Гуильтъ—или, можетъ-быть, мнѣ слѣдовало бы сказать, женщина, называющаяся этимъ именемъ — къ моему невыразимому удивленію, явилась прямо сюда, въ мой собственный приходъ! Она остановилась въ гостинницѣ съ человѣкомъ порядочной наружности, который слыветъ за ея брата. Что значилъ этотъ дерзкій поступокъ—если только онъ не обозначаетъ новаго шага въ заговорѣ противъ Аллена, шага, сдѣланнаго его новому совѣту — этого, разумѣется, я еще не могу отгадать.

«Моё мнѣніе состоитъ въ томъ, что, видя невозможность добраться до Аллена не встрѣтивъ препятствіемъ на дорогѣ меня (или васъ), они дѣлаютъ добродѣтель изъ необходимости и смѣло стараются открыть свои сообщенія черезъ меня. Человѣкъ этотъ по наружности кажется способнымъ на всякую смѣлость, и оба, онъ и эта женщина, имѣли безстыдство поклониться мнѣ, когда я встрѣтился съ ними въ деревнѣ полчаса тому назадъ. Они уже разспрашивали о матери Аллена здѣсь, гдѣ ея примѣрная жизнь можетъ выдержать самые подробные разспросы. Если они только покусятся просить денегъ въ награду за молчаніе этой женщины о поступкѣ бѣдной мистриссъ Армэдэль на Мадерѣ во время ея свадьбы, они найдутъ меня заранѣе приготовленнымъ для этого. Я написалъ съ этой почтой моимъ стряпчимъ, чтобы они прислали способнаго человѣка помочь мнѣ, и онъ останется въ па-

сторатъ, подъ такимъ именемъ, которое онъ сочтётъ лучшимъ принять при подобныхъ обстоятельствахъ.

«Вы услышите, что случится дня черезъ два.

«Искренно преданный вамъ

«Дешимуръ Брокъ».

Глава XII.

НЕБО ПОМРАЧАЕТСЯ.

Прошло девять дней и кончался десятый день съ тѣхъ поръ, какъ миссъ Гуильтъ съ своею ученицей прогуливались утромъ въ саду коттеджа.

Ночь была тёмная. Послѣ заката солнца на небѣ были признаки, предвѣщавшіе дождь. Приёмныя комнаты въ большомъ домѣ были всё пусты и тёмны. Аллена не было дома: онъ проводилъ вечеръ у Мильроевъ, а Мидуинтеръ ждалъ его возвращенія—не тамъ гдѣ онъ обыкновенно ждалъ, между книгами въ библіотекѣ, но въ маленькой комнаткѣ, въ которой жила мать Аллена въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Торн-Эмбровѣ.

Ничего не было вынесено, но многое было прибавлено въ этой комнатѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ Мидуинтеръ видѣлъ её. Книги, оставленныя мистриссъ Армэдэль, мебель, старая циновка на полу, старые обои на стѣнахъ—всё осталось не тронуто. Статуэтка Ниобей всё еще стояла на пьедесталѣ, а французское окно всё еще открывалось въ садъ. Но теперь къ сувенирамъ, оставленнымъ матерью, прибавились вещи принадлежавшія сыну. Стѣна, до-сихъ-поръ пустая, была украшена рисунками акварелью—портретъ мистриссъ Армэдэль, съ одной стороны котораго висѣлъ видъ стараго дома въ Сомерсетширѣ, а съ другой изображеніе яхты. Между книгами, на которыхъ видѣлась поблѣкшими чернилами надпись мистриссъ Армэдэль: «отъ моего отца», были другія книги, книги, надписанныя тѣмъ же почер-

комъ, по болѣе чорными чернилами: «моему сыну». Висѣло на стѣнѣ, лежало на каминѣ, было разбросано по столу множество маленькихъ вещицъ, принадлежавшихъ Аллену прежде, и необходимыхъ принадлежности его настоящихъ удовольствій и занятій, и всё прямо свидѣтельствовало, что комната, которую онъ обыкновенно занималъ въ Торп-Эмбросѣ, была та самая, которая когда-то напомнила Мидуинтеру второе видѣніе во снѣ. Здѣсь, съ странной твёрдостью не подчиняясь влиянію мѣста, окружавшаго его, которое еще такъ недавно было предметомъ его суевѣрнаго недовѣрія, другъ Аллена теперь спокойно ждалъ его возвращенія—и здѣсь, еще страннѣе, онъ смотрѣлъ на перемѣну въ домашнемъ убранствѣ, которая была сдѣлана по милости его самого. Онъ самъ сказалъ объ открытіи, сдѣланномъ имъ въ новомъ домѣ; онъ добровольно убѣдилъ сына поселиться въ комнатѣ матери.

Какія причины побудили его сказать эти слова? Причины, естественно, происходившія отъ новыхъ надеждъ и новыхъ интересовъ, теперь оживлявшихъ его.

Совершенная перемѣна произведённая въ его убѣжденіяхъ, достопамятнымъ событіемъ, которое свело его лицомъ къ лицу съ миссъ Гуилтъ, была такая перемѣна, которую было не въ его натурѣ скрывать отъ Аллена. Онъ говорилъ откровенно и такъ говорилъ, какъ было сообразно съ его характеромъ говорить. Онъ не хотѣлъ приписывать себѣ заслуги въ томъ, что онъ побѣдилъ своё суевѣріе до-тѣхъ-поръ, пока онъ безпощадно не обнаружилъ этого суевѣрія въ самомъ худшемъ и слабѣйшемъ его видѣ. Уже послѣ того, какъ онъ откровенно признался въ побужденіи, заставившемъ его оставить Аллена у озера, сталъ онъ хвалиться новой точкой зрѣнія, съ которой онъ теперь смотрѣлъ на Сновидѣніе. Тогда и только тогда заговорилъ онъ объ исполненіи перваго видѣнія, какъ докторъ на островѣ Мэнѣ могъ бы говорить.—Онъ спросилъ, какъ докторъ могъ бы спросить: «что удивительнаго, если они видѣли прудъ или озеро при захожденіи солнца, когда цѣлая сѣть озёръ находилась въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ нихъ? и что же страннаго, что они увидали женщину на Мирѣ, когда къ этому озеру вели

дороги, когда по близости его находились деревни и по этому озеру ѣздили лодки, и когда его посѣщали цѣлыя общества гуляющихъ? Такимъ образомъ опять онъ ждалъ, чтобы оправдать болѣе твёрдую рѣшимость, съ какою онъ смотрѣлъ на будущее до-тѣхъ-поръ, пока не рассказалъ прежде всего, что онъ видѣлъ теперь самъ о своихъ прошлыхъ заблужденіяхъ. Намѣреніе бросить интересы своего друга и обмануть довѣріе, оказанное ему предложеніемъ мѣста управителя, забвеніе о довѣрїи, которое Брокъ возложилъ на него, на всё заключавшееся въ этой одной мысли, чтобы оставить Аллена, на всё онъ указалъ явное противорѣчіе, обнаруживавшееся въ томъ, что онъ считалъ сновидѣніе какъ откровеніе посланное Рокомъ и въ покушенїи избѣгнуть этого рока свободою воли—труды для прїобрѣтенїя познаній въ обязанностяхъ управляющаго на будущее время и страхъ, чтобы это будущее не нашло его въ домѣ Аллена, были въ свою очередь безпощадно изложены. Въ каждомъ заблужденїи, въ каждой несостоятельности Мидуинтеръ признался съ рѣшимостью, прежде чѣмъ покусился выказать болѣе ясное и лучшее свое сужденіе—прежде чѣмъ онъ осмѣлился сдѣлать этотъ послѣдній и простой вопросъ, кончавшій всё:

— Положитесь ли на меня на будущее время? Простите ли вы и забудете ли прошлое?

Человѣкъ, который могъ такимъ образомъ раскрыть всё своё сердце безъ малѣйшей сдержанности, внушаемой уваженіемъ къ себѣ, не могъ забыть даже самый ничтожный, скрытный поступокъ, въ которомъ его слабость могла заставить его сдѣлаться виновнымъ относительно его друга. На совѣсти Мидуинтера тяжело лежало, что онъ скрылъ отъ Аллена открытіе, которое онъ долженъ былъ сдѣлать ради самыхъ дорогихъ его интересовъ—открытіе комнаты его матери.

Но одно сомнѣніе сомкнуло ему уста—сомнѣніе, въ тайнѣ ли осталось поведеніе мистриссъ Армэдэль на Мадерѣ послѣ ея возвращенія въ Англїю. Старательные разспросы, сначала между слугами, потомъ между крестьянами, старательное соображеніе немногихъ слуховъ, ходившихъ въ то время и повторѣнныхъ ему немногими людьми, помнившими ихъ, убѣдили его, нако-

нець, что семейная тайна была старательно сохранена въ семействѣ. Удостоверившись, что какіе разспросы ни дѣлалъ бы сынъ, но они не поведутъ его къ открытію, которое могло бы поколебать его уваженіе къ памяти матери, Мидуинтеръ болѣе не колебался. Онъ повѣлъ Аллена въ комнату, показалъ ему книги на полкахъ и сказалъ:

— Единственная причина, по которой я не сказалъ вамъ объ этомъ прежде, происходила отъ опасенія заинтересовать васъ комнатою, на которую я смотрѣлъ съ ужасомъ, какъ на вторую сцену, указанную въ Сновидѣніи. Простите мнѣ также и это и тогда вы простите мнѣ всё.

При любви Аллена къ памяти его матери изъ подобнаго признанія могъ произойти только одинъ результатъ: онъ полюбилъ маленькую комнатку съ перваго раза, какъ пріятный контрастъ съ величіемъ другихъ торп-эмбросскихъ комнатъ, а теперь, когда онъ узналъ, какія воспоминаія соединяются съ нею, онъ тотчасъ рѣшился сдѣлать её своею комнатою. Въ тотъ же самый день всё его вещи были перенесены въ комнату матери въ присутствіи и при помощи Мидуинтера. Такимъ образомъ произошла перемѣна въ домашнемъ устройствѣ и такимъ образомъ побѣда Мидуинтера надъ своимъ фатализмомъ, заставившая Аллена занимать ту комнату, въ которую иначе онъ можетъ быть никогда не вошелъ бы, заставила сбыться второе видѣніе во снѣ.

Спокойно прошолъ часъ, когда другъ Аллена ждалъ его возвращенія. То читая, то думая провѣлъ онъ время. Никакія неприятныя заботы, никакія тревожныя сомнѣнія не волновали его теперь. День аренднаго разсчета, котораго онъ прежде такъ опасался, насталъ и прошолъ благополучно. Болѣе дружескія сношенія были установлены между Алленомъ и его арендаторами, Бэсудъ оказался достоинъ довѣрія, оказаннаго ему, Педгифты, отецъ и сынъ, вполне оправдали доброе мнѣніе ихъ кліента. Куда ни смотрѣлъ бы Мидуинтеръ—перспектива была блестящая, будущее не имѣло облачка.

Онъ поправилъ лампу на столѣ и посмотрѣлъ въ окно на ночную темноту. Часы пробили половину двѣнадцатаго, когда онъ подошелъ къ окну, и первыя капли дождя начали па-

дать. Мидуинтеръ взялся уже рукою за колокольчикъ, чтобы позвать слугу и послать его въ коттэджъ съ дождевымъ зонтикомъ, когда вдругъ остановился, услыхавъ знакомые шаги на тропинкѣ.

— Какъ вы повдно! сказала Мидуинтеръ, когда Аллэнъ вошелъ во французское окно:— въ коттэджѣ были гости?

— Нѣтъ; только мы одни. Время какъ-то скоро прошло.

Онъ отвѣчалъ голосомъ тише обыкновеннаго и вздохнулъ, садясь на стулъ.

— Вы, кажется, не въ духѣ? спросилъ Мидуинтеръ:— что съ вами?

Аллэнъ колебался.

— Почему мнѣ не сказать вамъ? отвѣчалъ онъ черезъ минуту.

— Этого нечего стыдиться; я только удивляюсь, какъ вы сами этого не примѣтили! Разумѣется, дѣло идетъ о женщинѣ—я влюбленъ.

Мидуинтеръ засмѣялся.

— Развѣ миссъ Мильрой была очаровательнѣе пржняго сегодня? весело спросилъ онъ.

— Миссъ Мильрой! повторилъ Аллэнъ:— что это пришло вамъ въ голову? Я влюбленъ не въ миссъ Мильрой.

— Въ кого же?

— Въ кого? Есть о чемъ спрашивать! Кто же можетъ это быть, какъ не миссъ Гуильтъ?

Наступило внезапное молчаніе. Аллэнъ сидѣлъ небрежно, засунувъ руки въ карманъ и смотря въ открытое окно на лившійся дождь. Если бы онъ повернулся къ свосму другу, когда назвалъ миссъ Гуильтъ онъ, можетъ быть, нѣсколько испугался бы перемѣнѣ, которую онъ увидалъ бы въ лицѣ Мидуинтера.

— Вы вѣрно не одобряете этого? спросилъ Аллэнъ, нѣсколько подождая.

Отвѣта не было.

— Теперь поздно дѣлать возраженія, продолжалъ Аллэнъ.— Я серьезно говорю вамъ, что я въ неѣ влюбленъ.

— Двѣ недѣли назадъ вы были влюблены въ миссъ Мильрой, отвѣчалъ Мидуинтеръ спокойнымъ, медленнымъ тономъ.

— Фи! то было просто волокитство; теперь совсѣмъ другое. Я серьезно влюбленъ въ миссъ Гуильтъ.

Онъ обернулся говоря, эти слова. Мидуинтеръ тотчасъ отвернулся и наклонился надъ книгой.

— Я вижу, что вы этого не одобряете, продолжалъ Аллэнь:— вы не одобряете потому только, что она гувернантка? Но если бы вы были на моёмъ мѣстѣ, это не помѣшало бы вамъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мидуинтеръ: — я не могу сказать по совѣсти, что это помѣшало бы мнѣ.

Онъ далъ этотъ отвѣтъ неохотно и отодвинулъ свой стулъ подальше отъ лампы.

— Гувернантка не бываетъ богата, продолжалъ Аллэнь: — а герцогиня не бываетъ бѣдна — вотъ единственная разница, какую я признаю между ними. Миссъ Гуильтъ старше меня — я этого не опровергаю. Какихъ она лѣтъ по вашему мнѣнью, Мидуинтеръ? Я скажу двадцать-семь или восемь. Вы что скажете.

— Ничего. Я согласенъ съ вами.

— Вы находите, что женщина въ двадцать-восемь лѣтъ слишкомъ для меня стара? Если бы вы были сами влюблены въ двадцати-восемью лѣтнюю женщину, вы не находили бы, что она слишкомъ для васъ стара?

— Не могу сказать, чтобы я нашолъ её слишкомъ старою если...

— Если бы вы дѣйствительно её любили?

Опять не было отвѣта.

— Стало быть, если то, что она гувернантка и то, что она старше меня, не препятствіе, то что же можете вы сказать противъ миссъ Гуильтъ?

— Я ничего не говорю противъ нея.

— Но вамъ, кажется, это непріятно?

Наступило новое молчаніе. Мидуинтеръ первый прервалъ его на этотъ разъ.

— Увѣрены ли вы въ себѣ, Аллэнь? спросилъ онъ, еще ниже наклонившись надъ книгою:— дѣйствительно ли вы привязаны къ этой женщинѣ? серьезно ли вы намѣрены сдѣлать ей предложеніе?

— Я думаю серьезно объ этомъ въ эту минуту, сказалъ Аллэнь. — Я не могу быть счастливъ, я не могу жить безъ нея — клянусь моею душою; я обожаю землю; по которой она ступаетъ.

— Давно ли?...

Голосъ Мидуинтера прервался и онъ замолчалъ.

— Давно ли? повторилъ онъ:—обожаете вы землю, по которой она ступаетъ?

— Долѣе чѣмъ вы думаете. Я знаю, что я могу довѣрить вамъ всѣ мои тайны.

— Не довѣряйте мнѣ!

— Пустяки! Вамъ я довѣрюсь. Есть маленькое затрудненіе, о которомъ я вамъ еще не упоминалъ. Это—вещь довольно деликатная и мнѣ хочется посоветоваться съ вами. Между нами, я имѣлъ нѣсколько тайныхъ случаевъ съ миссъ Гуильтъ...

Мидуинтеръ вдругъ вскопился и отворилъ дверь.

— Мы поговоримъ объ этомъ завтра, сказалъ онъ.—Спокойной ночи.

Аллэнъ оглянулся съ удивленіемъ, дверь затворилась и онъ былъ въ комнатѣ одинъ.

— Онъ даже не пожалъ мнѣ руку! воскликнулъ Аллэнъ, съ удивленіемъ смотря на пустой стулъ.

Какъ только эти слова сорвались съ его губъ, какъ дверь отворилась и явился Мидуинтеръ.

— Мы не пожали другъ другу руку, сказалъ онъ рѣзко. — Богъ да благословитъ васъ, Аллэнъ! Мы поговоримъ объ этомъ завтра. Спокойной ночи.

Аллэнъ остался одинъ у окна, смотря на проливной дождь. Ему было какъ-то неловко, онъ самъ не зналъ почему.

«Мидуинтеръ всё становится страннѣе и страннѣе, думалъ онъ: «почему онъ отложилъ до завтра, когда я хочу говорить съ нимъ сегодня?»

Онъ съ нетерпѣніемъ взялъ свѣчку—опять поставилъ её—воротился къ открытому окну и посмотрѣлъ по направленію къ коттеджу.

— Желалъ бы я знать, думаетъ ли она обо мнѣ? тихо спросилъ онъ самъ себя.

Она думала о нёмъ; она только-что раскрыла свою письменную штатулку, чтобы написать къ мистриссъ Ольдершѣ и ея перо въ эту минуту написало первую строку:

«Успокойтесь. Я поймала его!».

ГЛАВА XIII.

УДАЛЕНИЕ.

Всю ночь шоль дождь, а когда настало утро, дождь всё еще продолжался.

Противъ своей обыкновенной привычки, Мидуинтеръ ждалъ въ столовой, когда вошоль туда Аллэнь. Онъ казался изнурёнъ и утомлёнъ, но въ улыбкѣ его было болѣе кротости, а въ обращеніи болѣе спокойствія, чѣмъ обыкновенно. Къ удивленію Аллэна, онъ самъ заговорилъ о предметѣ вчерашняго разговора, какъ только слуга вышелъ изъ комнаты.

— Я боюсь, что вы сочли меня очень нетерпѣливымъ и очень рѣзкимъ вчера, сказалъ онъ.—Я постараюсь загладить сегодня: я выслушаю всё, что вы желаете сказать мнѣ о миссъ Гуильтъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы беспокоить васъ, сказалъ Аллэнь:—но вашему лицу можно подумать, что вы провели дурную ночь.

— Я уже нѣсколько времени дурно сплю, спокойно отвѣчалъ Мидуинтеръ:—я чувствую себя какъ-то нехорошо. Но мнѣ кажется, я нашоль средство поправиться, не прибѣгая къ докторамъ. Послѣ я скажу вамъ подробнѣе объ этомъ. Воротимся прежде къ тому, о чомъ вы говорили вчера. Вы упомянули о какомъ-то затрудненіи...

Онъ колебался и кончилъ фразу такимъ тихимъ тономъ, что Аллэнь не разслыхалъ.

— Можетъ-быть было бы лучше, продолжалъ онъ:—если бы вы поговорили не со мной, а съ мистеромъ Броккомъ.

— Я предпочитаю говорить съ *вами*, сказалъ Аллэнъ. — Но скажите мнѣ прежде: правъ я былъ или ошибался вчера, думая, что вы не одобряете моей любви къ миссъ Гуильтъ?

Тонкіе нервные пальцы Мидуинтера начали комкать хлѣбъ на тарелкѣ. Онъ въ первый разъ отвѣлъ глаза отъ Аллэна.

— Если вы имѣете какія-нибудь возраженія, настаивалъ Аллэнъ: — мнѣ хотѣлось бы слышать ихъ.

Мидуинтеръ вдругъ опять поднялъ глаза; щоки его смертельно поблѣднѣли и сверкающіе черные глаза устремились прямо на лицо Аллэна.

— Вы любите её, сказалъ онъ: — любить ли *она васъ*?

— Вы не сочтѣте меня тщеславнымъ? отвѣчалъ Аллэнъ: — я говорилъ вамъ вчера, что я имѣлъ нѣсколько тайныхъ слушаевъ...

Глаза Мидуинтера опять опустились на крошки хлѣба, лежавшія на его тарелкѣ.

— Я понимаю, перебилъ онъ быстро: — вы ошибались вчера. Я не имѣю никакихъ возраженій.

— Чтò же вы не поздравляете меня? спросилъ Аллэнъ тревожно: — такая прелестная и такая умная женщина!

Мидуинтеръ протянулъ руку.

— Я обязанъ не только поздравить васъ, но и помочь вашему счастью, если въ чомъ могу, сказалъ онъ.

Онъ взялъ Аллэна за руку и крѣпко её пожалъ.

— Могу ли я помочь вамъ? спросилъ онъ, становясь всё блѣднѣе и блѣднѣе.

— Мой милый другъ! воскликнулъ Аллэнъ: — чтò такое съ вами? ваша рука холодна какъ лёдъ.

Мидуинтеръ слабо улыбнулся.

— У меня всегда крайности, сказалъ онъ. — Моя рука была горяча какъ огонь въ первый разъ, какъ вы взяли её въ деревенской гостинницѣ. Перейдёмъ къ тому затрудненію, о которомъ вы еще не упомянули. Вы молоды, богаты, самъ себѣ господинъ и она любитъ васъ. Какое тутъ можетъ быть затрудненіе?

— Аллэнъ колебался.

— Я право не знаю какъ сказать, отвѣчалъ онъ. — Какъ вы сейчасъ сказали, я люблю её и она любитъ меня, а между тѣмъ между нами есть какое-то затрудненіе. Влюблённые много говорятъ о себѣ—по-крайней-мѣрѣ я. Я рассказалъ ей всё о себѣ, о моей матери и какъ мнѣ досталось это имѣніе—словомъ, всё. Ну, хотя это не поражаетъ меня, когда мы вмѣстѣ, мнѣ приходитъ иногда въ голову, когда я не съ нею, что она не многое говоритъ съ своей стороны—словомъ, я знаю о ней не болѣе васъ.

— Вы хотите сказать, что вы ничего не знаете о семействѣ и родныхъ миссъ Гуильтъ?

— Именно.

— Развѣ вы никогда не спрашивали её о нихъ?

— Я упомянулъ кое-что намеренно и боюсь, что сказалъ не совсѣмъ кстати. Она приняла такой видъ, право, я не умѣю вамъ сказать, не то, чтобы недовольный—о! что это, какъ трудно найти слова! Я отдалъ бы всё на свѣтѣ, Мидуинтеръ, если бы могъ найти настоящее слово, когда оно мнѣ нужно, такъ какъ вы.

— Миссъ Гуильтъ отвѣчала вамъ что-нибудь?

— Вотъ я къ этому-то и прихожу. Она сказала: «я должна буду рассказать вамъ когда-нибудь грустную исторію, мистеръ Армэдэль, о себѣ и о моёмъ семействѣ, но вы кажетесь такъ счастливы, а обстоятельства эти такъ печальны, что у меня не достаётъ духа говорить съ вами о нихъ теперь». Она говорила со слезами на глазахъ, мой милый, со слезами на глазахъ! Разумѣется, я тотчасъ перемѣнилъ разговоръ. Какъ же теперь опять воротиться къ этому предмету деликатно, не заставляя её плакать? а мы *должны* воротиться къ нему, не для меня—я очень радъ жениться на ней прежде и слышать о ея семейныхъ несчастіяхъ потѣмъ. Но я знаю мистера Брока: если я не могу сообщить ему удовлетворительныхъ свѣдѣній о ея родныхъ, когда напишу ему объ этомъ (а я, разумѣется, долженъ это сдѣлать) онъ, разумѣется, вооружится противъ этого. Я, разумѣется, завишу самъ отъ себя и могу поступать какъ хочу; но милый старикъ Брокъ былъ такимъ добрымъ другомъ моей

бѣдной матери и такимъ добрымъ другомъ для меня... вы видите, что я хочу сказать?

— Конечно, Аллэнъ; мистеръ Брокъ былъ для васъ вторымъ отцомъ. Всякое неудовольствіе между вами о такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ это было бы самымъ печальнымъ обстоятельствомъ, какое только могло бы случиться. Вы должны увѣрить его, что миссъ Гуильтъ—въ чомъ я совершенно увѣренъ—достойна, во всѣхъ отношеніяхъ достойна...

Голосъ его замеръ противъ его воли и онъ не кончилъ фразу.

— Я самъ это чувствую, началъ Аллэнъ. — Теперь мы можемъ перейти къ тому, о чомъ я особенно желалъ посоветоваться съ вами. Если бы вы были на моёмъ мѣстѣ, Мидуинтеръ, вы умѣли бы сказать ей всё какъ слѣдуетъ: вы сказали бы это деликатно, даже еслибы сказали совершенно темно. Я не могу этого сдѣлать: я болтливъ и ужасно боюсь сказать, что-нибудь такое, что огорчить её. Семейныя несчастья—такой щекотливый предметъ, особенно съ такими утонченными и нѣжно-сердечными женщинами, какъ миссъ Гуильтъ. Можетъ быть въ ея семействѣ была какая-нибудь страшная смерть, можетъ-быть какой-нибудь ея родственникъ обезславилъ себя, какая-нибудь адская жестокость принудила бѣдняжку пойти въ гувернантки. Мнѣ пришло въ голову: не можетъ ли маіоръ помочь мнѣ. Можетъ-быть онъ зналъ о семейныхъ обстоятельствахъ миссъ Гуильтъ прежде чѣмъ нанялъ её?

— Это возможно, Аллэнъ.

— Именно, опять какъ думалъ я! Моё мнѣніе—поговорить съ маіоромъ. Еслибы я могъ узнать ея исторію отъ него сначала, я лучше бы зналъ говорить объ этомъ съ миссъ Гуильтъ потомъ. Вы совѣтуете мнѣ попробовать спросить маіора?

Мидуинтеръ отвѣчалъ не тотчасъ и отвѣчалъ не совсѣмъ охотно.

— Я право не знаю что посоветовать вамъ, Аллэнъ. Это очень щекотливый предметъ.

— Я думаю, что вы обратитесь бы къ маіору, еслибы были

на моёмъ мѣстѣ, возразилъ Аллэнъ, возвращаясь къ своему обыкновенному способу дѣлать вопросы.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Мидуинтеръ всё неохотнѣе. — Но еслибы я говорилъ съ маіоромъ, я поступилъ бы очень осторожно, на вашемъ мѣстѣ, чтобы не поставить себя въ фальшивое положеніе; я остерегался бы позволить подозрѣвать меня въ низости стараться допытаться секретовъ женщины тайно отъ нея.

Лицо Аллена вспыхнуло.

— Великій Боже! Мидуинтеръ, воскликнулъ онъ:—кто можетъ подозрѣвать меня въ этомъ?

— Никто, Аллэнъ, кто знаетъ васъ коротко.

— Маіоръ знаетъ меня; маіоръ менѣе всѣхъ на свѣтѣ станетъ подозрѣвать меня. Я желаю только, чтобы онъ помогъ мнѣ, если можетъ, говорить о щекотливомъ предметѣ съ миссъ Гуильтъ не оскорбивъ ея чувства. Что можетъ быть проще между двумя джентльмэнами?

Вмѣсто отвѣта Мидуинтеръ, всё съ принужденіемъ, самъ сдѣлалъ вопросъ:

— Вы намѣрены сказать маіору Мильрою о вашихъ намѣреніяхъ относительно миссъ Гуильтъ?

Обращеніе Аллена измѣнилось; онъ колебался и сконфузился.

— Я думалъ объ этомъ, отвѣчалъ онъ:—и намѣренъ сначала разузнать, а потомъ сказать ему или нѣтъ, какъ покажутъ обстоятельства.

Послупокъ такой осторожный, былъ такъ поразительно несообразенъ съ характеромъ Аллена, что не могъ не удивить всякаго, кто зналъ его. Мидуинтеръ прямо выказалъ своё удивленіе.

— Вы забываете моё сумасбродное волокитство за миссъ Мильрой? продолжалъ Аллэнъ, всё болѣе и болѣе конфузясь. — Можетъ-быть маіоръ примѣтилъ это и можетъ-быть думалъ, что я имѣлъ намѣреніе такое, какого я не имѣлъ. Было бы не совсѣмъ ловко—не правда ли, прямо въ глаза ему сдѣлать предложеніе его гувернанткѣ, а не его дочери?

Онъ ждалъ отвѣта, но его не было. Мидуинтеръ раскрылъ губы, чтобы заговорить и вдругъ остановился. Аллэнъ, растревоженный его молчаніемъ и вдвойнѣ растревоженный воспомина-

ніями о дочери маіора, вызванными этимъ разговоромъ, всталъ и нѣсколько нетерпѣливо прекратилъ разговоръ.

— Полно, полно! сказалъ онъ:—не принимайте такого загадочнаго выраженія въ лицѣ, не дѣлайте изъ мухи слона. У васъ такая старая, старая голова, Мидуинтеръ, на вашихъ молодыхъ плечахъ. Покончимъ всѣ эти за и противъ. Намъ вѣрены вы сказать мнѣ просто, что мнѣ негодится говорить съ маіоромъ?

— Я не могу взять на себя отвѣтственности, Аллэнъ, сказать вамъ это. Сказать еще проще: я не полагаюсь самъ на основательность совѣта, который я могу подать вамъ, въ... въ нашемъ настоящемъ положеніи относительно другъ друга. Я увѣренъ только, что не можетъ быть дурно просить васъ сдѣлать двѣ вещи.

— Что такое?

— Если вы будете говорить съ маіоромъ Мильроемъ, пожалуйста вспомните мое предостереженіе, пожалуйста подумайте о томъ, что вы скажете прежде чѣмъ станете говорить.

— Я подумаю—не бойтесь! Еще что?

— Прежде чѣмъ вы сдѣлаете какой-нибудь серьезный шагъ въ этомъ дѣлѣ, напишите къ мистеру Брокю. Общаете вы мнѣ это?

— Отъ всего моего сердца. Еще что?

— Болѣе ничего. Я сказалъ мои послѣднія слова.

Аллэнъ пошолъ къ двери.

— Пойдѣмте въ мою комнату, сказалъ онъ: — я дамъ вамъ сигару. Слуги придутъ сюда сейчасъ убирать завтракъ, а я хочу говорить о миссъ Гуильтъ.

— Не ждите меня, отвѣчалъ Мидуинтеръ:—я приду къ вамъ минуты черезъ двѣ.

Онъ не вставалъ съ мѣста, пока Аллэнъ не заперъ дверь, потомъ всталъ и взялъ изъ угла комнаты, куда онъ спряталъ за занавѣсью дорожный мѣшокъ, уложенный для путешествія. Когда онъ стоялъ у окна и думалъ съ мѣшкомъ въ рукѣ, прежнее изнурѣнное выраженіе разлилось по его лицу; онъ какъ-будто лишился послѣдней своей молодости въ одно мгновеніе.

То, что быстрая проникательность женщины открыла нѣсколь-

ко дней назадъ, болѣе медленная пронизательность музыки поняла только въ эту ночь. Огорченіе, поразившее его, когда онъ услышалъ признаніе Аллена, въ первый разъ обнаружило истину Мидуинтеру. Онъ сознавалъ, что смотрѣлъ на миссъ Гуильтъ новыми глазами и новымъ воображеніемъ въ слѣдующій разъ послѣ достопамятнаго свиданія въ саду майора Мильроя; онъ сознавалъ свой увеличившійся интересъ къ ея обществу, свой увеличившійся восторгъ къ ея красотѣ; но до-сихъ-поръ онъ не зналъ какую страсть возбудила она въ нёмъ. Узнавъ, наконецъ, что эта страсть вполнѣ овладѣла имъ, Мидуинтеръ имѣлъ мужество—котораго человѣкъ съ болѣе счастливой жизнью не имѣлъ бы—мужество вспомнить, что Алленъ говорилъ ему, и рѣшительно взглянуть на будущее сквозь свои признательныя воспоминанія о прошломъ.

Въ безсонные часы ночи онъ твёрдо рѣшился принести себя въ жертву дорогимъ интересамъ своего друга, какъ часть уплаты великаго долга признательности, какой онъ былъ обязанъ Аллену. Твёрдо дошолъ онъ до убѣжденія, что онъ долженъ побѣдить страсть, овладѣвшую имъ для Аллена, и что единственный способъ побѣдить её — уѣхать. Никакія сомнѣнія относительно этой жертвы не волновали его, когда настало утро; никакія сомнѣнія не волновали его теперь. Единственный вопросъ, заставлявшій его колебаться, состоялъ въ томъ, какъ ему оставить Торп-Эмбросъ. Хотя письмо мистера Брока избавило его отъ необходимости наблюдать въ Норфолькѣ за женщиной, которая находилась въ Сомерсетширѣ, хотя обязанности управляющаго могли быть безопасно оставлены въ испытанныхъ и надёжныхъ рукахъ мистера Бэшуда, всё-таки, допуская эти соображенія, душа Мидуинтера была неспокойна при мысли оставить Аллена въ такое время, когда въ жизни его приближался кризисъ. Онъ въ послѣдній разъ задалъ своей совѣсти этотъ вопросъ: «можешь ли ты положиться на себя, чтобы видѣть её каждый день, а ты долженъ её видѣть? можешь ты положиться на себя, чтобы слушать какъ онъ будетъ говорить о ней каждый часъ, а ты долженъ его слушать, если останешься въ этомъ домѣ?» Опять отвѣтъ явился такой, какимъ онъ былъ цѣлую

ночь; опять сердце Мидуинтера предостерегло его ради интересовъ этой дружбы, которую онъ считалъ священной—уѣхать, пока онъ могъ располагать временемъ; уѣхать прежде чѣмъ женщина, овладѣвшая его любовью, овладѣтъ его способностью къ самопожертвованію и его чувствомъ къ признательности.

Онъ машинально осмотрѣлся вокругъ комнаты. Каждое воспоминаніе о разговорѣ, только-что происходившемъ между нимъ и Аллэномъ, указывало на то же заключеніе и предостерегало его, какъ предостерегало его совѣсть ѣхать. Добросовѣстно ли упомянулъ онъ о возраженіяхъ, которыя и онъ и всякій могъ видѣть въ привязанности Аллэна? Предостерегъ ли онъ Аллэна—какъ знаніе легкомысленнаго характера его друга обязывало его сдѣлать—не довѣрять своимъ опрометчивымъ впечатлѣніямъ и испытать себя временемъ и отсутствіемъ прежде чѣмъ онъ удостовѣрится, что счастье всей его жизни зависитъ отъ миссъ Гуильтъ? Нѣтъ. Сомнѣніе безкорыстное, ли чувство заставитъ его говорить, сомкнуло его уста и будетъ смыкать и въ будущемъ, пока не пройдетъ пора говорить. Развѣ можетъ удержать Аллэна тотъ самый человѣкъ, который отдалъ бы цѣлый свѣтъ, еслибы онъ имѣлъ его, для того, чтобы встать на мѣсто Аллэна? Былъ только одинъ способъ дѣйствія для честнаго, признательнаго человѣка въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился. Удалившись отъ всякой возможности видѣть её и слышать — одинъ съ своими вѣрными воспоминаніями о томъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ своему другу—онъ могъ надѣяться преодолѣть свою страсть, какъ преодолевалъ слёзы въ своёмъ дѣтствѣ подъ палкою своего хозяина-цыгана, какъ онъ преодолевалъ горе своей одинокой юности въ лавкѣ провинціального книгопродавца.

— Я долженъ ѣхать, сказала онъ уныло, отходя отъ окна:— прежде чѣмъ она войдётъ опять въ этотъ домъ; я долженъ уѣхать прежде чѣмъ еще часъ пронесётся надъ головой моей.

Съ этимъ намѣреніемъ онъ вышелъ изъ комнаты и, выходя, сдѣлалъ невозвратный шагъ отъ настоящаго къ будущему.

Дождь всё шолъ. Мрачное небо вокругъ всего горизонта всё еще было мрачно и дождливо, когда Мидуинтеръ, одѣтый для дороги, вошелъ въ комнату Аллэна.

— Великій Боже! закричалъ Аллэнъ, указывая на дорожный мѣшокъ:—это чтò значить?

— Ничего необыкновеннаго, отвѣчалъ Мидуинтеръ: — это значить только—прощайте.

— Прощайте, повторилъ Аллэнъ, вскочивъ съ изумленіемъ.

Мидуинтеръ тихо посадилъ его опять на стулъ и самъ сѣлъ возлѣ него.

— Когда вы примѣтили сегодня утромъ, что у меня нездоровый видъ, началъ онъ:—я сказалъ вамъ, что я придумывалъ способъ поправить моё здоровье и намѣренъ поговорить съ вами объ этомъ послѣ. Это послѣ наступило теперь. Я уже нѣсколько времени былъ не въ духѣ, какъ говорится—вы сами это примѣтили, Аллэнъ, не разъ, и съ вашей обыкновенной добротой извиняли этимъ многое въ моёмъ поведеніи, которое иначе было бы непростительно даже въ вашихъ дружескихъ глазахъ.

— Милый мой, перебилъ Аллэнъ: — не-уже-ли вы намѣрены отправиться въ путь въ такой проливной дождь?

— Дождь ничего не значить, возразилъ Мидуинтеръ:—дождь и я—старые друзья. Вы нѣсколько знаете, Аллэнъ, жизнь, какую я вѣлъ прежде чѣмъ вы встрѣтились со мною. Я съ самаго дѣтства привыкъ къ трудностямъ и ко всякой погодѣ. Ночь и день, иногда нѣсколько мѣсяцевъ сряду голова моя не имѣла кровли надъ собой. Много лѣтъ я вѣлъ жизнь дикаго звѣря — можетъ-быть мнѣ слѣдовало бы сказать жизнь дикаря—между тѣмъ, какъ вы были дома и счастливы. Во мнѣ еще остались задатки бродяги... вамъ неприятно слышать, что я говорю о себѣ такимъ образомъ? Я не буду васъ огорчать, я только скажу, что комфортъ и роскошь нашей здѣшной жизни иногда, я думаю, слишкомъ обременительны для человѣка, для котораго комфортъ и роскошь кажутся чужды. Мнѣ ничего болѣе не нужно для того, чтобы поправиться, кромѣ воздуха и движенія, менѣе хорошихъ завтраковъ и обѣдовъ, мой милый другъ, чѣмъ я имѣю здѣсь. Дайте мнѣ воротиться къ тѣмъ трудностямъ, для изгнанія которыхъ нарочно устроенъ этотъ комфортѣбельный домъ; дайте мнѣ встрѣчать вѣтеръ и непогоду, какъ я привыкъ встрѣчать ихъ ребѣнкомъ; дайте мнѣ утомляться нѣсколько времени, не

имѣя экипажа подъ-рукой, и голодать, когда наступаетъ вечеръ, имѣя цѣлыя мили между ужиномъ и мной; дайте мнѣ постранствовать недѣли двѣ, Аллэнъ, пѣшкомъ къ сѣверу, къ йоркширскимъ болотамъ — и я общаю воротиться въ Торп-Эмбросъ лучшимъ собесѣдникомъ для васъ и для вашихъ друзей. Я вѣроуюсь прежде чѣмъ вы успѣете соскучиться обо мнѣ. Мистеръ Бэшудъ займется дѣлами въ конторѣ; только на недѣлю, и для моей собственной пользы отпустите меня!

— Мнѣ это не нравится, сказалъ Аллэнъ:—мнѣ не нравится, что вы оставляете меня такъ внезапно. Въ этомъ есть что-то странное и туманное. Зачѣмъ вы не попробуете ѣздить верхомъ, если вамъ нужно больше движенія? всѣ лошади въ конюшнѣ въ вашемъ распоряженіи. Во всякомъ случаѣ, вы не можете ѣхать сегодня. Посмотрите на дождь.

Мидуинтеръ посмотрѣлъ въ окно и тихо покачалъ головой.

— Я совсѣмъ не думалъ о дождѣ, сказалъ онъ. — Когда я былъ ребѣнкомъ и зарабатывалъ себѣ пропитаніе съ пляшущими собаками—зачѣмъ мнѣ думать объ этомъ теперь? Промокнуть *мнѣ* и *вамъ*, Аллэнъ, двѣ разныя вещи. Когда я служилъ у рыбака на Гебридскихъ островахъ, на мнѣ по цѣлымъ недѣлямъ не было сухой нитки.

— Но вы теперь не на Гебридскихъ островахъ, настаивалъ Аллэнъ:—я ожидаю нашихъ друзей изъ коттеджа завтра вечеромъ. Вамъ нельзя ѣхать прежде послѣзавтра. Миссъ Гуильтъ будетъ играть на фортепяно, а вы любите игру миссъ Гуильтъ.

Мидуинтеръ отвернулся застегнуть ремни на своёмъ дорожномъ мѣшкѣ.

— Доставьте мнѣ другой случай послушать миссъ Гуильтъ, когда я вѣроуюсь, сказалъ онъ, повѣсивъ голову и старательно застѣгивая ремни.

— У васъ есть одинъ недостатокъ, мой милый, и онъ въ васъ увеличивается, замѣтилъ Аллэнъ:—когда вы разъ забрали себѣ въ голову—вы самый упрямый человекъ на свѣтѣ; васъ нельзя убѣдить слушаться разсудка. Если вы *хотите* уйти, прибавилъ Аллэнъ, вдругъ вставъ, когда Мидуинтеръ молча

взялъ свою шляпу и палку:—я рѣшаюсь идти съ вами и попробовать также трудной жизни.

— Идти со мною, повторилъ Мидуинтеръ съ минутной горечью въ голосѣ:—и оставить миссъ Гуильтъ?

Аллэнъ опять сѣлъ и согласился съ силой этого возраженія въ значительномъ молчаніи. Не говоря ни слова болѣе съ своей стороны, Мидуинтеръ протянулъ руку и простился. Оба были глубоко расстроганы и оба старались скрыть своё волненіе другъ отъ друга. Аллэнъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству, которое оставляло ему твёрдость его духа: онъ старался продолжить минуту прощенія шуткою.

— Вотъ чтò я скажу вамъ, сказалъ онъ:—я начинаю сомнѣваться: совершенно ли вы вылечились отъ вашей вѣры въ сонъ? Я подозреваю, что вы просто бѣжите отъ меня.

Мидуинтеръ посмотрѣлъ на него, не зная шутить онъ или говорить серьёзно.

— Чтò вы хотите сказать? спросилъ онъ.

— Чтò вы мнѣ сказали напередъ? возразилъ Аллэнъ. — Чтò вы сказали объ этой комнатѣ и о второмъ видѣніи сна? Вотъ второе видѣніе! воскликнулъ онъ, опять вскочивъ на ноги—дождь бьётъ въ окно—вотъ дугъ и садъ—вотъ я стою тамъ, гдѣ стоялъ во снѣ—и вотъ вы стоите тамъ, гдѣ стояла тѣнь. Вся сцена вполнѣ и за окномъ и дома, и это я узналъ на этотъ разъ!

Минутная жизнь опять зашевелилась въ умершихъ останкахъ суетвѣрія Мидуинтера. Лицо его измѣнилось, онъ съ жаромъ, почти свирѣпо оспаривалъ слова Аллена.

— Нѣтъ! сказалъ онъ, указывая на мраморную фигуру, стоящую на пьедесталѣ:— сцена не полная—вы забыли кое-что по обыкновенію. Сновидѣніе ошибочно на этотъ разъ, слава Богу, совершенно ошибочно! Въ вашемъ сновидѣніи вы видѣли статую, лежащую въ обломкахъ на полу, и вы наклонились надъ ними съ волненіемъ и гнѣвомъ. А статуя стоитъ цѣла и невредима, а въ вашей душѣ нѣтъ и слѣда сердитаго чувства.

Онъ схватилъ Аллена за руку. Въ ту же минуту имъ овладѣло сознаніе, что онъ говорилъ и дѣйствовалъ такъ серьёзно,

какъ-будто вѣрилъ въ сонъ. Румянецъ опять вспыхнулъ на его лицѣ и онъ отвернулся въ смущеніи.

— Что я вамъ говорю? сказала Аллэнъ, смѣясь, нѣсколько тревожно.—Эта ночь на кораблѣ такъ же, какъ прежде, тяготитъ вашу душу.

— Ничего не тяготитъ меня, отвѣчала Мидуинтеръ съ нетерпѣніемъ: — кромѣ мѣшка моего на спинѣ и времени, которое я теряю здѣсь. Я пойду и посмотрю не прочищается ли небо.

— Вы воротитесь? спросилъ Аллэнъ.

Мидуинтеръ отворилъ французское окно и вышелъ въ садъ.

— Да, отвѣчалъ онъ съ прежней кротостью въ обращеніи: — я ворочусь черезъ двѣ недѣли. Прощайте, Аллэнъ. Желаю вамъ счастья съ миссъ Гуильтъ!

Онъ затворилъ окно и вышелъ въ садъ прежде чѣмъ его другъ успѣлъ бы опять растворить окно и послѣдовать за нимъ. Аллэнъ всталъ и сдѣлалъ шагъ въ садъ, потомъ остановился у окна и воротился къ своему креслу. Онъ такъ хорошо зналъ Мидуинтера, что чувствовалъ совершенную бесполезность пытаться слѣдовать за нимъ или воротить его. Онъ ушелъ и не было надежды видѣть его прежде двухъ недѣль. Прошло болѣе часа, дождь всё шолъ и небо всё было мрачно. Тяжелое чувство одиночества и унынія—чувство, которое его прежняя жизнь дѣлала его менѣе всего способнымъ понимать—овладѣло душою Аллена. Ужасаясь своего уединеннаго дома, онъ позвонилъ, чтобы ему подали шляпу и зонтикъ и рѣшился укрыться въ коттеджѣ маіора.

«Я могъ бы пройти нѣсколько съ нимъ, говорилъ себѣ Аллэнъ, всё думая о Мидуинтерѣ, когда надѣвалъ шляпу. «Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть какъ этотъ милый старый другъ началъ своё путешествіе.»

Онъ взялъ свой зонтикъ. Еслибы онъ примѣтилъ лицо слуги, который подалъ ему его, онъ, можетъ-быть, сдѣлалъ бы нѣсколько вопросовъ и узналъ нѣсколько извѣстій, интересныхъ для него въ его настоящемъ расположеніи духа. Теперь же онъ вышелъ, не смотря на слугу и не подозрѣвая, что слуги его зна-

ли болѣе о послѣднихъ минутахъ Мидуинтера въ Торп-Эмброуѣ чѣмъ зналъ онъ самъ. Десять минутъ назадъ бакалейникъ и мясникъ приходили получить плату по своимъ счетамъ, и они видѣли какъ Мидуинтеръ отправился въ путь. Первый встрѣтилъ его бакалейникъ недалеко отъ дома. Мидуинтеръ остановился на проливномъ дождѣ говорить съ оборваннымъ мальчишкой, язвою всего околотка. Обыкновенная дерзость этого мальчишки обнаружилась еще необузданнѣе обыкновеннаго при видѣ дорожнаго мѣшка Мидуинтера. Что же сдѣлалъ мистеръ Мидуинтеръ? Онъ остановился съ огорченіемъ на лицѣ и кротко положилъ обѣ руки на плечо мальчику. Бакалейникъ видѣлъ это собственными глазами и собственными ушами слышалъ какъ мистеръ Мидуинтеръ сказалъ:

— Бѣдняжка! я знаю какъ продуваетъ вѣтеръ и мочить дождь съвозъ оборванное платье лучше чѣмъ знаютъ многіе, имѣющіе хорошій сюртукъ на спинѣ.

Съ этими словами онъ суцулъ руку въ карманъ и наградилъ дерзость мальчика подаркомъ шиллинга.

— Здѣсь неладно, сказалъ бакалейникъ, коснувшись своего лаба:—вотъ моё мнѣніе о другѣ мистера Армэдэля!

Мясникъ видѣлъ его далѣе на другомъ концѣ города. Онъ остановился—опять на проливномъ дождѣ—и на этотъ разъ затѣмъ, чтобы посмотреть на голодную собаку, дрожащую у дверей какого-то дома.

— Я не спускалъ съ него глазъ, сказалъ мясникъ: — и что вы думаете онъ сдѣлалъ? Онъ перешолъ черезъ дорогу къ моей лавкѣ и купилъ кусокъ мяса, который годился бы и для добраго христіанина. Очень хорошо. Простился со мною, воротился назадъ и—вотъ вамъ честное слово—сталъ на колѣна на мокрыхъ ступеняхъ, вынулъ перочинный ножъ, разрѣзалъ мясо и отдалъ его собакѣ. Говорю вамъ опять: «кусокъ, годившійся для христіанина!» Я человекъ не жестокий, сударыня, заключилъ мясникъ, обращаясь къ кухаркѣ:—но мясо всё-таки мясо и, можетъ-быть, другъ вашего господина доживётъ до того, что оно понадобитсяъ бы ему самому.

Съ этимъ незабытымъ сочувствіемъ къ старому забытому

времени Мидуинтеръ оставилъ городъ за собой и скрылся изъ вида въ туманномъ дождѣ. Бакалейникъ и мясникъ видѣли его въ послѣдній разъ и обсудили великую натуру, какъ судятся всѣ великія натуры съ точки зрѣнія бакалейника и мясника.

КНИГА ЧЕТВѢРТАЯ.

ГЛАВА I.

МИСТРИССЪ МИЛЬРОЙ.

Черезъ два дня послѣ ухода Мидуинтера изъ Торп-Эмброза мистриссъ Мильрой, кончивъ свой утренній туалетъ и отпустивъ свою сидѣлку, позвонила въ колокольчикъ черезъ пять минутъ, и когда явилась эта женщина, она спросила нетерпѣливо: пришла ли почта.

— Почта? повторила сидѣлка: — развѣ у васъ нѣтъ часовъ? развѣ вы не знаете, что еще рано спрашивать о письмахъ?

Она говорила съ самоувѣренной дерзостью служанки, давно привыкшей пользоваться слабостью своей госпожи. Мистриссъ Мильрой, съ своей стороны, повидимому, привыкла къ обращенію своей сидѣлки; она отдавала приказанія спокойно, не примѣчая этого.

— Когда придѣтъ почтальонъ, сказала она:—выдѣте къ нему сами. Я ожидаю письмо, которое я должна была получить уже два дня назадъ. Я этого не понимаю. Я начинаю подозрѣвать слугъ.

Сидѣлка презрительно улыбнулась.

— Кого еще будете вы подозрѣвать? спросила она.— Не гнѣвайтесь! Я сама отворю дверь, когда почтальонъ позвонитъ, и мы посмотримъ принесу ли я вамъ письмо. Сказавъ эти слова тономъ и съ обращеніемъ женщины, успокоивающей капризнаго ребѣнка, сидѣлка, не ожидая, чтобы её выслали, ушла изъ комнаты.

Мистриссъ Мильрой медленно и съ утомленіемъ повернулась на постели, когда осталась одна. Свѣтъ отъ окна прямо падалъ на ея лицо.

Это было лицо женщины когда-то прекрасной и, по лѣтамъ, еще въ цвѣтѣ жизни. Продолжительное страданіе тѣла и продолжительная раздражительность души изнурили её до такой степени, что въ ней, какъ говорится, остались кости да кожа. На разрушеніе ея красоты было страшно смотрѣть, по милости ея отчаянныхъ усилій скрыть это отъ своихъ собственныхъ глазъ, отъ глазъ ея мужа и дочери, даже отъ глазъ доктора, лечившаго её и который долженъ былъ знать правду. Голова ея, изъ которой вылѣзли почти всѣ волосы, можетъ-быть, не была бы такъ непріятна на видъ, какъ отвратительный парикъ, подъ которымъ она старалась скрыть свою потерю. Никакое поврежденіе въ цвѣтѣ лица, никакая морщиноватость кожи не могли быть такъ ужасны на видъ, какъ румяна, густо лежавшія на ея щекахъ и бѣлая глазурь, прилѣпленная на лбу. Тонкія кружева, яркая обшивка на блузѣ, ленты на чепчикѣ, кольца на костлявыхъ пальцахъ—всё, имѣвшее цѣлью отвлечь глаза отъ перемѣны, пронесшейся надъ нею, напротивъ, привлекало взоръ на эту перемѣну, увеличивало её и силою контраста дѣлало еще ужаснѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Иллюстрированная книга модъ, въ которой женщины были представлены выказывающими свои наряды посредствомъ свободнаго употребленія своихъ членовъ, лежала на постели, съ которой больная не вставала нѣсколько лѣтъ безъ помощи сидѣлки. Ручное зеркало лежало возлѣ книги, такъ что она легко могла его достать. Она взяла зеркало, когда сидѣлка вышла изъ комнаты, и взглянула на своё лицо съ такимъ интересомъ и вниманіемъ, которыхъ она стыдилась бы въ восемнадцать лѣтъ.

— Всѣ старше и старше, всѣ худошавѣе и худошавѣе! сказала она.—Маіоръ скоро будетъ свободень; но я прежде выгону изъ дома эту рыжую шлюху!

Она бросила зеркало на одѣяло и сжала кулакъ. Глаза ея вдругъ обратились на небольшой портретъ ея мужа, висѣвшій на противоположной стѣнѣ; она поглядѣла на этотъ портретъ съ жестокимъ блескомъ глазъ хищной птицы.

— На старости лѣтъ у тебя явился вкусъ къ рыжимъ? сказала она портрету:—рыжіе волосы, золотушный цвѣтъ лица, фигура, обложенная ватой, походка какъ у балетной танцовщицы, и проворные пальцы какъ у вора. *Миссъ Гуильтъ! Миссъ* съ этими глазами и съ этой походкой!

Она вдругъ повернула голову на изголовье и засмѣялась жесткимъ, насмѣшливымъ смѣхомъ.

— *Миссъ*, повторила она нѣсколько разъ съ ядовитой выразительностью, самой безжалостной изъ всѣхъ видовъ презрѣнія—презрѣнія одной женщины къ другой.

Въ вѣкѣ, въ которомъ мы живѣмъ, нѣтъ ни одного человѣческаго существа, котораго нельзя бы извинить. Есть ли извиненіе для мистриссъ Мильрой? Пусть исторія ея жизни отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

Она вышла за маіора въ необыкновенно раннемъ возрастѣ, и онъ былъ въ такихъ лѣтахъ, что годился ей въ отцы—въ то время онъ пользовался репутаціей, и справедливо, челоуѣка воспользовавшагося вполне общественными дарами и личными преимуществами въ обществѣ женщинъ. Не получивъ большого образованія и будучи ниже своего мужа званіемъ, она приняла его внимательность подъ вліяніемъ польщоннаго тщеславія и наконецъ поддалась тому очарованію, которое маіоръ Мильрой въ молодости производилъ на женщинъ гораздо выше ея въ умственномъ отношеніи. Онъ, съ своей стороны, былъ тронутъ ея преданностью и, въ свою очередь, поддался привлекательности ея красоты, ея свѣжести и ея молодости. До того времени, когда ихъ единственная дочь достигла восьмилѣтняго возраста, ихъ супружеская жизнь была необыкновенно счастлива. Въ это время двойное несчастіе обрушилось на ихъ домъ: разстройство здоровья

жены и почти совершенная потеря состоянія мужа, и съ этой минуты домашнее счастье супруговъ кончилось.

Достигнувъ того возраста, когда мужчины вообще способнѣе подѣ тяжестью несчастья покоряться своей участи, чѣмъ сопротивляться ей, маіоръ собралъ послѣдніе остатки своего состоянія, удалился въ провинцію и терпѣливо нашолъ приобѣжище въ своихъ механическихъ занятіяхъ. Женщина, ближе подходившая къ нему по лѣтамъ, или женщина съ лучшимъ воспитаніемъ и съ болѣе терпѣливымъ характеромъ, чѣмъ его жена, поняла бы поведеніе маіора и нашла бы утѣшеніе въ его покорности судьбѣ. Мистриссъ Мильрой не находила утѣшенія ни въ чомъ. Ни природа, ни воспитаніе не помогали ей безропотно покориться жестокому бѣдствію, поразившему её въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Неизлечимая болѣзнь поразила её вдругъ и на всю жизнь.

Страданіе можетъ развить всё, что въ человѣкѣ скрывается дурного, такъ же какъ и хорошаго. Всё хорошее, что было въ натурѣ мистриссъ Мильрой, было подавлено уничтожающимъ вліяніемъ дурного. Мѣсяць за мѣсяцемъ становясь слабѣе физически, она становилась хуже нравственно. Всё, что въ ней было низкаго, жестокаго и фальшиваго, увеличилось соразмѣрно уменьшенію всего, что было когда-то великодушно, кротко и правдиво. Прежнее подозрѣніе въ готовности ея мужа впадать въ неправильности его холостой жизни, подозрѣнія, въ которыхъ въ здоровые дни тѣла и души она откровенно признавалась ему — которыхъ, какъ она удостовѣрялась раньше или позже, онъ не заслуживалъ—воротились теперь, когда болѣзнь развела её съ нимъ, въ видѣ той низкой супружеской недовѣрчивости, которая хитро скрывается, которая собирается воспламенимыми частичками, атомъ по атому въ цѣлую кучу и поджигаетъ воображеніе медленнымъ огнёмъ ревности. Никакія доказательства безпорочной и терпѣливой жизни ея мужа, никакія воззванія къ ея уваженію къ самой себѣ и къ ея дочери, сдѣлавшейся взрослой, не могли разсѣять ужаснаго ослѣпленія, происходившаго отъ ея безпомощной болѣзни и увеличивавшагося вмѣстѣ съ нею. Подобно всякимъ другимъ пунктамъ помѣшательства, это

имѣло свой отливъ и приливъ, своё время внезапныхъ вспышекъ и своё время обманчиваго спокойствія, но активное или пассивное, оно всё-таки было въ ней. Этотъ пунктъ помѣшательства обижалъ невинныхъ служанокъ и оскорблялъ постороннихъ женщинъ. Это вызывало первыя слёзы стыда и горести на глаза дочери и провело глубокія морщины на лицѣ ея мужа; это составляло тайное несчастье этого маленькаго семейства много лѣтъ, а теперь переходило даже за границы семейной жизни и должно было имѣть вліяніе на наступающія событія въ Торп-Эмбровѣ, которыя касались будущихъ интересовъ Аллена и его друга.

Взглядъ на положеніе семейныхъ дѣлъ въ коттеджѣ до приглашенія новой гувернантки необходимъ для того, чтобы понять какъ слѣдуютъ серьёзныя послѣдствія появленія миссъ Гуильтъ на сценѣ.

Когда гувернантка, жившая у нихъ много лѣтъ (женщина такихъ лѣтъ и такой наружности, что даже ревность мистриссъ Мильрой успокоилась) вышла замужъ, маіоръ сталъ смотрѣть на вопросъ о томъ, чтобы удалить дочь изъ дома гораздо серьёзнѣе, чѣмъ жена его предполагала. Съ одной стороны, онъ сознавалъ, что въ его домѣ происходили такія сцены, при которыхъ молодая дѣвушка не должна была присутствовать; съ другой стороны онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе обратиться къ единственному дѣйствительному средству — удалить свою дочь изъ дома не только въ часы уроковъ, но и въ праздничные дни. Когда борьба, подымавшаяся въ его душѣ по этому предмету, прекратилась принятымъ намѣреніемъ пригласить новую гувернантку, природная склонность маіора Мильроя—избѣгать непріятности скорѣе чѣмъ идти къ нимъ на встрѣчу, обнаружилась своимъ обыкновеннымъ образомъ. Онъ опять закрылъ глаза на свои домашнія непріятности и воротился, какъ возвращался уже сотни и сотни разъ въ прежнихъ случаяхъ, къ утѣшительному обществу своего стараго друга—часовъ.

Совсѣмъ не то было съ женою маіора. Возможность, на которую не обратилъ вниманія ея мужъ, что новая гувернантка могла быть моложе и привлекательнѣе прежней, прежде всего

представилась уму мистриссъ Мильрой. Она не сказала ничего. Втайнѣ поджидая и въ тайнѣ поддерживая своё закоренѣлое недовѣріе, она способствовала къ тому, чтобы мужъ и дочь оставили её и уѣхали на пикникъ, нарочно для того, чтобы имѣть случай видѣть новую гувернантку одну. Гувернантка явилась и тлѣющій огонь ревности вспыхнулъ въ мистриссъ Мильрой въ ту минуту, когда она и красивая гувернантка въ первый разъ посмотрѣли другъ на друга.

По окончаніи свиданія подозрѣнія мистриссъ Мильрой тотчасъ устремились на мать ея мужа. Ей было извѣстно очень хорошо, что маіоръ ни къ кому другому не могъ обратиться въ Лондонѣ для необходимыхъ свѣдѣній; ей было хорошо извѣстно, что миссъ Гуильтъ явилась по объявленію, напечатанному въ газетѣ; однако, зная это, она упорно закрывала глаза, съ слѣпымъ неистовствомъ самой слѣпой изъ всѣхъ страстей, къ фактамъ, прямо находившимся передъ нею, и вспомявъ послѣднюю изъ многочисленныхъ ссоръ между нею и свекровью, кончившихся разлукою, она убѣдила себя, что миссъ Гуильтъ была приглашена ея свекровью изъ мстительной радости сдѣлать вредъ ей. Заключение, выведенное даже слугами, свидѣтелями семейныхъ скандаловъ, и выведенное справедливо, что мать маіора, выбирая хорошо рекомендованную гувернантку для дочери своего сына, не считала своею обязанностью обратить вниманіе на то, неприятна ли будетъ красота этой гувернантки для жены маіора—никакимъ образомъ не могло войти въ голову мистриссъ Мильрой. Намѣреніе, которое ея ревность къ мужу во всякомъ случаѣ заставило бы её принять послѣ того, какъ она видѣла миссъ Гуильтъ, вдвойнѣ подтвердилось убѣжденіемъ, теперь овладѣвшимъ ею. Только что миссъ Гуильтъ заперла дверь комнаты больной, какъ она прошипѣла эти слова:

— Не пройдетъ и недѣли, моя милая, какъ вы отправитесь отсюда.

Съ этой минуты, въ безсонныя ночи и томительные дни единственная цѣль, занимавшая эту больную женщину, состояла въ томъ, чтобы найти предлогъ, какъ выслать новую гувернантку изъ дома. Помощь сидѣлки, въ качествѣ шпиона, была куп-

лена—какъ мистрисъ Мильрой привыкла покупать другія услуги, которыя ея сидѣлка не была обязана оказывать ей—подаркомъ платья изъ гардероба ея госпожи. Одинъ за другимъ, наряды, теперь бесполезные для мистрисъ Мильрой, употреблялись на то, чтобы удовлетворить жадность сидѣлки — ненасытную жадность безобразной женщины къ нарядамъ. Подкупленная такимъ щегольскимъ платьемъ, какого ей еще не давали, домашняя шпионка получила секретное приказаніе и съ гнусной радостью принялась за своё тайное дѣло.

Дни проходили, дѣло подвигалось — но ничего изъ него не выходило. И госпожа и служанка имѣли дѣло съ женщиной, которая была обѣимъ имъ подъ-пару. Безпрестанные приходы къ маіору, когда гувернантка была въ одной комнатѣ съ нимъ, не могли открыть ни малѣйшаго неприличія въ словахъ, взглядахъ или поступкахъ съ той или съ другой стороны. Подсматриванье и подслушиванье подъ дверями спальни гувернантки показали, что она долго по ночамъ не гаситъ свѣчу въ своей комнатѣ, что она стонетъ и скрежещетъ зубами во снѣ—а больше ничего. Бдительный надзоръ днёмъ доказалъ, что она аккуратно относилась на почту свои письма сама, вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ слугамъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда она могла располагать своимъ временемъ, она вдругъ пропадала изъ сада и являлась, возвращаясь одна изъ парка. Разъ, только разъ сидѣлка нашла случай пойти за ней слѣдомъ изъ сада—и миссъ Гуильтъ тотчасъ же примѣтила её въ паркѣ и спросила чрезвычайно вѣжливо: не желаетъ ли она гулять вмѣстѣ съ нею. Маленькихъ обстоятельствъ такого рода, которыхъ было совершенно достаточно для воображенія ревнивой женщины, было примѣчено множество; но обстоятельства, на которыхъ можно было бы основать достаточный поводъ къ жалобѣ маіору, не было никакихъ. День уходилъ за днёмъ, а поведеніе миссъ Гуильтъ оставалось постоянно правильно и отношенія ея къ ея хозяину и къ ея ученицѣ—постоянно безукоризненны.

Потерпѣвъ неудачу въ этомъ отношеніи, мистрисъ Мильрой старалась найти потомъ доступное мѣсто къ жалобѣ въ атестахъ гувернантки, выпросивъ отъ маіора подробное письмо,

которое мать писала ему объ этомъ; мистриссъ Мильрой читала и перечитывала его, и никакъ не мочла найти слабый пунктъ, отыскиваемый ею ни въ какой части письма. Всѣ обыкновенные вопросы въ подобныхъ случаяхъ были сдѣланы, на всё было данъ простой и добросовѣстный отвѣтъ. Единственная возможность къ придиргѣ, которую можно было найти, заключалась въ послѣднихъ фраззахъ письма.

«Я была такъ поражена — говорилось въ письмѣ — граціей, изяществомъ, обращеніемъ миссъ Гуильтъ, что я воспользовалась случаемъ, когда она вышла изъ комнаты, и спросила какимъ образомъ поступила она въ гувернантки? Самымъ обыкновеннымъ образомъ, сказали мнѣ: «грустное семейное несчастье, въ которомъ она поступила благородно. Она очень чувствительная дѣвушка и не любитъ говорить объ этомъ съ посторонними—это естественное нежеланіе, которое всегда деликатность предписывала мнѣ уважать». Услышавъ это, я, разумѣется, почувствовала такую же деликатность и съ своей стороны. Разузнавать семейныя горести бѣдняжки не принадлежало къ моей обязанности; мой долгъ было только сдѣлать то, что я сдѣлала—удостовериться, что я нанимаю способную и достойную уваженія гувернантку для моей внучки.»

Старательно сообразивъ эти строчки, мистриссъ Мильрой, при сильномъ желаніи найти эти обстоятельства подозрительными, конечно, нашла ихъ такими. А она рѣшилась развѣдать тайну семейныхъ несчастій миссъ Гуильтъ съ надеждой найти въ нихъ что-нибудь полезное для своей цѣли. Для этого было два способа: она могла или распросить гувернантку, или ту, которая поручилась за неё. Зная по опыту находчивость миссъ Гуильтъ отвѣчать на неловкіе вопросы, которые она сдѣлала ей въ первомъ свиданіи, она рѣшилась на послѣднее.

«Я прежде распрошу поручительницу, подумала мистриссъ Мильрой «потомъ и эту тварь и посмотрю согласны ли будутъ съѣ исторіи.»

Письмо было коротко. Мистриссъ Мильрой сначала увѣдомляла свою корреспондентку, что состояніе ея здоровья принуждало её оставлять дочь совершенно подъ влияніемъ и распоряженіемъ

гouvernantки, по этой причинѣ она заботилась болѣе многихъ другихъ матерей узнать во всѣхъ отношеніяхъ ту особу, которой она вполнѣ поручала свою единственную дочь; при этой заботливости еѣ можно было извинить за то, что она дѣлаеть, какъ можно было подумать, послѣ превосходной атестаціи, полученной миссъ Гуильтъ, нѣсколько бесполезныхъ вопросовъ. Послѣ этого предисловія мистриссъ Мильрой прямо приступала къ дѣлу и просила, чтобы еѣ увѣдомили объ обстоятельствахъ, принудившихъ миссъ Гуильтъ пойти въ гouvernantки.

Письмо, написанное въ этихъ выраженіяхъ, было отдано на почту въ тотъ же день. Утромъ, когда долженъ былъ получить-ся отвѣтъ, отвѣта не явилось. Настало слѣдующее утро—и все отвѣта не было. Въ третье утро нетерпѣніе мистриссъ Мильрой вышло изъ всѣхъ границъ. Она позвонила сидѣлку, какъ мы уже говорили, и приказала еѣ самой получить письмо въ это утро. Въ такомъ положеніи находились теперь дѣла, и при такихъ домашнихъ обстоятельствахъ произошолъ новый рядъ событій въ Торп-Эмбросѣ.

Мистриссъ Мильрой только-что взглянула на часы и опять протянула руку къ колокольчику, когда дверь отворилась и сидѣлка вошла въ комнату.

— Пришолъ почтальонъ? спросила мистриссъ Мильрой.

Сидѣлка положила письмо на постель, ничего не отвѣтивъ, и ждала съ нескрываемымъ любопытствомъ, какой эффектъ произведётъ оно на ея госпожу.

Мистриссъ Мильрой сорвала конвертъ въ ту же минуту и увидала печатную бумажку (которую она бросила) вокругъ письма (на которое она смотрѣла) ея собственнаго почерка! Она схватила печатную бумажку. Это былъ обычный циркуляръ почтамта, увѣдомлявшій еѣ, что ея письмо было отправлено по адресу и что той, къ кому оно было написано, не нашли.

— Что-нибудь не такъ? спросила сидѣлка примѣтивъ перемѣну въ лицѣ госпожи.

Вопросъ остался безъ вниманія. Письменная шкатулка мистриссъ Мильрой стояла на столѣ возлѣ кровати. Она вынула

изъ нея письмо, которое мать маіора писала къ сыну, и отыскала имя и адресъ миссъ Гуильтъ.

«Мистриссъ Мэндевилль, 18, Кингсдоунъ Крешентъ, Бэнсуотеръ» прочитала она, а потомъ взглянула на адресъ своего собственнаго возвращеннаго письма: никакой ошибки не было сдѣлано: адресъ былъ точно такой же.

— Что-нибудь не такъ? повторила сидѣлка, сдѣлавъ шагъ ближе къ постели.

— Слава Богу—да! вскричала мистриссъ Мильрой съ внезапнымъ порывомъ восторга.

Она швырнула циркуляръ почтамта къ сидѣлкѣ и хлопнула своими костлявыми руками по одѣялу, въ избыткѣ преждевременнаго триумфа.

— Миссъ Гуильтъ обманщица, миссъ Гуильтъ обманщица. Если я умру отъ этого, Рэчель, я велю отнести себя къ окну, чтобы посмотрѣть, какъ еѣ будетъ выгонять полиція.

— Говорить за глаза, что она обманщица одно, а доказать ей это въ лицо—другое, замѣтила сидѣлка.

Говоря это, она засунула руку въ карманъ передника и, съ значительнымъ взглядомъ на госпожу, молча вынула второе письмо.

— Ко мнѣ? спросила мистриссъ Мильрой.

— Нѣтъ, отвѣчала сидѣлка:—къ миссъ Гуильтъ.

Обѣ женщины взглянули другъ на друга и поняли одна другую, не говоря ни слова.

— Гдѣ она? спросила мистриссъ Мильрой.

Сидѣлка указала по направленію къ парку.

— Опять ушла прогуляться передъ завтракомъ—одна.

Мистриссъ Мильрой сдѣлала знакъ сидѣлкѣ наклониться ближе къ ней.

— Можете распечатать, Рэчель? шепнула она.

Рэчель кивнула головой.

— Можете запечатать опять такъ, чтобы никто не зналъ?

— Можете вы отдать мнѣ тотъ шарфъ, который идѣтъ къ вашему сѣрому платью? спросила Рэчель.

— Возьмите! нетерпѣливо сказала мистриссъ Мильрой.

Сидѣлка молча раскрыла гардеробъ, молча взяла шарфъ и молча вышла изъ комнаты. Менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ она воротилась съ распечатаннымъ конвертомъ.

— Благодарю васъ, сударыня, за шарфъ, сказала Рэчель, спокойно положивъ распечатанное письмо на одѣяло.

Мистриссъ Мильрой взглянула на конвертъ. Онъ былъ запечатанъ, какъ обыкновенно, посредствомъ камеди, которая отлѣпилась посредствомъ пара. Когда мистриссъ Мильрой вынула изъ конверта письмо, рука ея сильно дрожала, а бѣлая глазурь треснула надъ морщинами лба.

— Капли! сказала она: — я ужасно взволнована, Рэчель. Капли!

Рэчель подала капли, а потомъ отошла къ окну смотрѣть въ паркъ.

— Не торопитесь, сказала она:—еще её не видно.

Мистриссъ Мильрой всё колебалась, держа въ рукѣ эту важную бумажку. Она могла отнять жизнь у миссъ Гуильтъ, но не рѣшалась читать письмо миссъ Гуильтъ.

— Васъ мучить совѣстливость? спросила сидѣлка съ насмѣшкой: — подумайте, что вашъ долгъ къ вашей дочери требуетъ этого.

— Презрѣнная тварь! сказала мистриссъ Мильрой, и такимъ образомъ выразивъ своё мнѣніе, она распечатала письмо.

Оно очевидно было написано очень торопливо: безъ числа и подписано только начальными буквами. Оно заключалось въ слѣдующемъ:

Улица Діана.

«Любезная Лидія,

«Кэбъ ѣдетъ у дверей и мнѣ остаётся только одна минута сказать вамъ, что я принуждена оставить Лондонъ по дѣлу, на три или на четыре дня, ужъ никакъ не больше, какъ на недѣлю. Письма будутъ препровождаться ко мнѣ, если вы будете писать. Я получила вчера ваше письмо и согласна съ вами, что весьма важно откладывать такъ надолго, какъ только для васъ возможно, неловкій предметъ о васъ самихъ и о вашихъ родныхъ. Чѣмъ

лучше вы узнаете его, тѣмъ болѣе вы будете способны придумать исторію такого рода, какая наиболѣе годится. Если вы расскажете, вы должны будете её держаться, а держась её, остерегайтесь запутать и придумать её слишкомъ торопливо. Я опять напишу объ этомъ и сообщу мои идеи. А пока не рискуйте встрѣчать его слишкомъ часто въ паркѣ.—Ваша М. О.»

— Ну? спросила сидѣлка, возвращаясь къ кровати:—вы кончили?

— Встрѣчать его въ паркѣ? повторила мистриссъ Мильрой, не спуская глазъ съ письма:—*ею!* Рэчель, гдѣ маіоръ?

— Въ своей комнатѣ.

— Я этому не вѣрю.

— Какъ хотите. Мнѣ нужно письмо и конвертъ.

— Вы можете запечатать опять такъ, чтобы она не знала?

— Чтò я могу распечатать, то могу и запечатать. Еще что?

— Ничего.

Мистриссъ Мильрой опять осталась одна разсмотрѣть планъ атаки при новомъ свѣтѣ, наброшенномъ теперь на миссъ Гуильтъ.

Свѣдѣніе, полученное изъ письма гувернантки, прямо указывало, что авантюристка прокралась въ ея домъ посредствомъ ложной атестации. Но получивъ это свѣдѣніе посредствомъ вѣроломнаго поступка, въ которомъ невозможно было признаться, этимъ свѣдѣніемъ нельзя было воспользоваться для предостереженія маіора и для изгнанія миссъ Гуильтъ. Единственное полезное орудіе въ рукахъ мистриссъ Мильрой доставляло ей ея собственное возвращенное письмо, и вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы рѣшить какъ лучше и скорѣе воспользоваться имъ.

Чѣмъ долѣе мистриссъ Мильрой обдумывала это, тѣмъ казалось ей опрометчивѣе и преждевременнѣе восторгъ, который она почувствовала при первомъ взглядѣ на циркуляръ почтамта. Что женщина, поручившаяся за гувернантку, уѣхала изъ своего дома, не оставивъ никакихъ слѣдовъ послѣ себя и даже не упомянувъ объ адресѣ, по которому къ ней могли посылать письма, было обстоятельствомъ достаточно подозрительнымъ само-по-себѣ для того, чтобы упомянуть о нёмъ маіо-

ру. Но мистриссъ Мильрой, какъ ни превратно было ея мнѣніе о ея мужѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, знала на столько его характеръ, что была увѣрена, если она скажетъ ему о томъ, что случилось, то онъ откровенно обратится къ самой гувернанткѣ за объясненіемъ. Находчивость и хитрость миссъ Гуильтъ въ такомъ случаѣ доставятъ ей какой-нибудь благовидный отвѣтъ, который маіоръ, по своему пристрастію къ ней, будетъ очень радъ принять; а она въ то же время, безъ сомнѣнія, поспѣшитъ увѣдомить по почтѣ свою сообщницу въ Лондонѣ, чтобы всё было готово для надлежащаго подтвержденія съ ея стороны. Сохранять строгое молчаніе пока и сдѣлать (безъ вѣдома гувернантки) такіе розыски, какіе могутъ быть необходимы для открытія неопровержимыхъ уликъ, ясно было единственнымъ надѣжнымъ способомъ съ такимъ человѣкомъ, какъ маіоръ, и съ такою женщиною какъ миссъ Гуильтъ. Безпомощная сама, кому могла мистриссъ Мильрой поручить трудные и опасные розыски? Даже если бы можно было положиться на сидѣлку, её нельзя было отослать вдругъ ни съ того ни съ сего, не подвергаясь опасности возбудить вниманіе. Былъ ли кто-нибудь другой способный и надѣжный человѣкъ въ Торп-Эмбросѣ и Лондонѣ? Мистриссъ Мильрой перевѣртывалась съ боку на бокъ на постели, прискивая во всѣхъ закоулкахъ своего воображенія необходимое открытіе и прискивая напрасно.

«О, еслибы я только могла найти какого-нибудь человѣка, на котораго я могла бы положиться! подумала она съ отчаяніемъ. «Еслибы я только знала гдѣ отыскать кого-нибудь, чтобы помочь мнѣ!» Когда эта мысль пробѣжала въ головѣ ея, звукъ голоса ея дочери по другую сторону двери испугалъ её.

— Могу я войти? спросила Нили.

— Что тебѣ нужно? съ нетерпѣніемъ возразила мистриссъ Мильрой.

— Я принесла вамъ завтракъ, мамá.

— Мой завтракъ? съ удивленіемъ повторила мистриссъ Мильрой:—зачѣмъ Рэчель не принесла его?

Она подумала съ минутою, потомъ сказала рѣзко:

— Войди.

ГЛАВА II.

ЧЕЛОВѢКЪ НАШОЛСЯ.

Нили вошла въ комнату, неся поднось съ чаемъ, съ поджареннымъ хлѣбомъ и съ масломъ, что составляло неизмѣнный завтракъ больной.

— Что это значить? спросила мистриссъ Мильрой, говоря и смотря такимъ образомъ, какъ-будто въ комнату вошла не та служанка.

Нили поставила поднось на столъ возлѣ кровати.

— Мнѣ захотѣлось принести вамъ вашъ завтракъ, мамà, хоть одинъ разъ, отвѣчала она:—и я просила Рэчель пустить меня.

— Поди сюда, сказала мистриссъ Мильрой:—и поздоровайся со мною.

Нили повиновалась. Когда она наклонилась поцаловать мать, мистриссъ Мильрой схватила её за руку и грубо повернула къ свѣту. На лицѣ ея дочери были ясные признаки разстройства и огорченія. Смертельный трепеть ужаса пробѣжалъ по членамъ мистриссъ Мильрой въ одно мгновеніе. Она испугалась, не узнала ли миссъ Гуильтъ, что письмо ея было распечатано и не по-этому ли скрылась сидѣлка.

— Пустите меня, мамà сказала Нили, вырываясь изъ рукъ матери:—мнѣ больно.

— Скажи мнѣ зачѣмъ ты принесла мнѣ сегодня завтракъ? настаивала мистриссъ Мильрой.

— Я вамъ сказала, мамà.

— Нѣтъ! Ты сослалась на предлогъ—я это вижу по твоему лицу. Говори! что такое?

Рѣшимость Нили уступила передъ рѣшимостью матери. Она

тревожно посмотрѣла въ сторону, на вещи, стоявшія на подносѣ.

— Я была раздосадована, сказала она съ усиленіемъ: — и мнѣ не хотѣлось оставаться въ столовой; мнѣ хотѣлось придти сюда и поговорить съ вами.

— Раздосадована! Кто раздосадовалъ тебя? Что случилось? не замѣшана ли тутъ миссъ Гуильтъ?

Нили оглянулась на мать съ внезапнымъ любопытствомъ и испугомъ.

— Мамà, сказала она:—вы прочли мои мысли и увѣряю васъ вы испугали меня. Да, это миссъ Гуильтъ.

Прежде чѣмъ миссъ Мильрой успѣла сказать слово, дверь открылась и выглянула сидѣлка.

— У васъ всё есть, что нужно? спросила она такъ спокойно, какъ обыкновенно: — миссъ хотѣла непременно сама отнести вамъ подносъ. Не разбила ли она чего-нибудь?

— Отойди къ окну, мнѣ нужно говорить съ Рэчель, сказала мистриссъ Мильрой.

Какъ только дочь ея повернулась спиной, она торопливо сдѣлала знакъ сидѣлкѣ, чтобъ она подошла.

— Не случилось ли чего-нибудь непріятнаго? спросила она шопотомъ:—вы думаете, что она подозрѣваетъ насъ?

Сидѣлка отвернулась съ своей жесткой, насмѣшливой улыбкой.

— Я говорила вамъ, что это будетъ сдѣлано, отвѣчала она:— и это сдѣлано: она не имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Я ждала въ комнатѣ и видѣла какъ она взяла письмо и распечатала.

Мистриссъ Мильрой вздохнула съ облегченіемъ.

— Благодарю, сказала она такъ громко, что дочь ея услышала.—Мнѣ не нужно ничего больше.

Сидѣлка ушла, а Нили воротилась къ окну. Мистриссъ Мильрой взяла её за руку и посмотрѣла на неё внимательно и ласково обыкновеннаго. Дочь интересовала её въ это утро, потому-что дочь могла сказать что-нибудь о миссъ Гуильтъ.

— Я думала, что ты обѣщаешь быть хорошенькой, дитя, сказала она, осторожно продолжая прерванный разговоръ, наи-

менѣе прямымъ образомъ.—Но ты, кажется, не держишь обѣщанія. Ты какъ-будто не здорова и не въ духѣ. Чтò такое съ тобою?

Еслибы между матерью и дочерью было хоть какое сочувствіе, Нили, можетъ-быть, призналась бы въ правдѣ. Она, можетъ-быть, сказала бы откровенно: «я кажусь нездорова потому, что моя жизнь несчастна для меня. Я люблю мистера Армэдэля и мистеръ Армэдэль прежде любилъ меня. У насъ было маленькое несогласіе только одинъ разъ и въ которомъ я была виновата. Мнѣ хотѣлась сказать ему это и въ то время и послѣ, а миссъ Гуильтъ стоитъ между нами и не допускаетъ меня. Она сдѣлала насъ чужими; она совсѣмъ измѣнила его и отняла его отъ меня. Онъ смòтритъ на меня не такъ, какъ прежде; онъ говорить со мною не такъ; онъ никогда не остаётся со мною одинъ, какъ оставался прежде; я не могу сказать ему тѣхъ словъ, какихъ мнѣ хочется сказать; я не могу писать ему, потому-что это будетъ имѣть видъ какъ-будто я хочу воротить его ко мнѣ. Между мною и мистеромъ Армэдэлемъ всё кончилось—и въ этомъ виновата эта женщина. Цѣлый день между миссъ Гуильтъ и мною тайная вражда; и чтò бы я ни говорила, чтò бы я ни дѣлала, она всегда одержитъ надо мною верхъ и всегда сдѣлаетъ меня виноватой. Всѣ, что я видѣла въ Торп-Эмбросѣ, нравилось мнѣ, всё, чтò я дѣлала въ Торп-Эмбросѣ, доставляло мнѣ счастье прежде чѣмъ пріѣхала она. Ничто не нравится мнѣ и ничто не дѣлаетъ меня счастливою теперь!» Еслибы Нили привыкла спрашивать совѣты матери и полагаться на ея любовь, она могла бы сказать такія слова. Теперь же слѣзы выступили на ея глаза и она молча повѣсила голову.

— Ну, сказала мистриссъ Мильрой начиная терять терпѣніе:—ты хотѣла сказать мнѣ что-то о миссъ Гуильтъ. Чтò же это?

Нили удержала слѣзы и сдѣлала усилие, чтобы отвѣчать:

— Она раздражаетъ меня выше всякаго терпѣнія, мамà; я терпѣть её не могу; я сдѣлаю что-нибудь...

Нили остановилась и сердито топнула ногой.

— Я брошу что-нибудь ей въ голову, если это продолжится дольше! Я бросила бы что-нибудь и сегодня, еслибы не ушла

изъ комнаты. О! поговорите объ этомъ съ papà! найдите какую-нибудь причину, чтобы отказать ей. Я поступлю въ школу, я сдѣлаю всё на свѣтѣ, чтобы избавиться отъ миссъ Гуильтъ!

Избавиться отъ миссъ Гдильтъ! При этихъ словахъ, при этомъ отголоскѣ дочери, единственнаго главнаго желанія затаённаго въ ея собственномъ сердцѣ, мистриссъ Мильрой медленно приподнялась на постели. Чтò что значило? Не-уже-ли помощь, которая ей была нужна, являлась именно съ той стороны съ которой наименѣе всего она думала отыскивать её?

— Зачѣмъ ты хочешь избавиться отъ миссъ Гуильтъ? спросила она:—на чтò ты можешь пожаловаться?

— Ни на чтò! сказала Нили.—Вотъ это-то и раздражительно: миссъ Гуильтъ не даетъ мнѣ повода пожаловаться на что-нибудь. Она въ полномъ смыслѣ слова гнусная женщина; она сводитъ меня съ ума, а между тѣмъ она образецъ приличія во всёмъ. Можетъ быть это дурно, но мнѣ всё равно—я её ненавижу! Глаза мистриссъ Мильрой допрашивали лицо дочери какъ никогда еще не допрашивали до-сихъ-поръ. Очевидно, что-то скрывалось подъ поверхностью, что-то, можетъ быть, необыкновенно важное для ея собственной цѣли, чтò еще не обнаружилось. Она пробиралась ощупью и осторожно всё глубже и глубже въ душу Нили, всё съ болѣе и болѣе горячимъ участіемъ къ тайнѣ Нили.

— Налей мнѣ чашку чаю, сказала она:—и не волнуйся, моя милая. Зачѣмъ ты говоришь со мною объ этомъ? зачѣмъ ты не поговоришь съ твоимъ отцомъ?

— Я пробовала говорить papà, отвѣчала Нили:—но это ни къ чему не повело; онъ слишкомъ добръ для того, чтобы понять, какая это негодная женщина. Она всегда прекрасно съ нимъ обращается; она всегда старается быть ему полезной. Я не могу заставить его понять почему я терпѣть не могу миссъ Гуильтъ, я не могу заставить понять *васъ*, я только понимаю это сама.

Она хотѣла налить чай и опрокинула чашку.

— Я пойду внизъ, воскликнула Нили, залившись слезами.— Я ни на чтò не гожусь; я не могу даже налить чашку чая.

Мистрисъ Мильрой схватила её за руку и остановила. Какъ ни ничтожно было это обстоятельство, но намёкъ Нили на отношенія между маіоромъ и миссъ Гуильтъ пробудилъ ревность ея матери. Сдержанность, которую мистриссъ Мильрой налагала на себя до-сихъ-поръ, исчезла въ одно мгновеніе, исчезла даже въ присутствіи шестнадцатилѣтней дѣвушки, а эта дѣвушка была ея родная дочь.

— Останься здѣсь! сказала она съ жаромъ.—Ты пришла куда слѣдовало. Продолжай бранить миссъ Гуильтъ. Мнѣ пріятно слышать тебя; я тоже её ненавижу.

— Вы, мамá! воскликнула Нили, съ удивленіемъ смотря на мать.

Съ минуту мистриссъ Мильрой не рѣшалась сказать болѣе. Последній остатокъ воспоминаній о ея супружеской жизни въ раннѣе и счастливое время сильно побуждалъ её уважить молодость и полъ ея дочери. Но ревность не уважаетъ ничего, ни на небесахъ, ни на земли, ничего, кромѣ себя самой. Медленный огонь мученія созданнаго самой ею, день и ночь горѣвшій въ груди этой жалкой женщины, зажегъ свой смертносный огонь въ глазахъ ея, когда слѣдующія слова медленно и ядовито срывались съ ея губъ.

Если бы у тебя были глаза, ты не обратилась бы къ твоему отцу. Твой отецъ имѣетъ свои собственные причины, чтобы ничего не слышать изъ того, что ты можешь сказать, или кто бы то ни было, противъ миссъ Гуильтъ.

Многія дѣвушки въ лѣтахъ Нили не поняли бы значенія, скрывавшагося подъ этими словами. Къ несчастью этой дочери, она на столько знала свою мать, что понимала её. Нили отскочила отъ кровати съ вспыхнувшимъ лицомъ.

— Мамá! сказала она:—вы говорите ужасныя вещи Папá, добрѣйшій, милѣйшій и лучшій изъ людей... о! я не хочу этого слышать! я не хочу этого слышать!

Свирѣпый характеръ мистриссъ Мильрой тотчасъ вспыхнулъ—вспыхнулъ тѣмъ сильнѣе, что она сама чувствовала противъ своей воли, что она была неправа.

— Дерзкая дура! свирѣпо возразила она:—не-уже-ли ты

думаешь, что мнѣ нужно, чтобы ты напоминала мнѣ о томъ, чѣмъ я обязана твоему отцу? Развѣ я должна учигься какъ говорить о твоёмъ отцѣ и какъ думать о нёмъ, и какъ любить и какъ уважать его отъ такой молоденькой дѣвчонки, какъ ты! Я окончательно разочаровалась, могу сказать тебѣ, когда родилась ты—я желала сына, а не тебя, дерзкая дѣвчонка! Если ты найдёшь когда-нибудь человѣка такого сумасброднаго, который вздумаетъ на тебѣ жениться, счастливъ будетъ онъ, если ты будешь любить его хоть вполонину, хоть десятую, хоть сотую часть такъ, какъ я любила твоего отца. А! можешь плакать, когда ужъ поздно; можешь выпрашивать прощеніе матери послѣ того, какъ оскорбила её недозрѣлая дѣвчонка! Я была красивѣе, чѣмъ ты будешь когда-нибудь, когда вышла за твоего отца; я бросилась бы въ огонь и воду для твоего отца! Если бы онъ попросилъ меня отрѣзать мои руки—я сдѣлала бы это, я сдѣлала бы это для того, чтобы угодить ему.

Она вдругъ отвернулась къ стѣнѣ, забывъ дочь, забывъ мужа, забывъ всё, кромѣ мучительныхъ воспоминаній о ея погибшей красотѣ.

— Мои руки? повторила она слабымъ голосомъ:—какія руки были у меня, когда я была молода!

Она украдкой засучила рукавъ своей блузы съ трепетомъ.

— О! если бы поглядѣть на нихъ теперь, поглядѣть на нихъ теперь!...

Нили упала на колѣна возлѣ кровати и спрятала своё лицо. Съ отчаянія найти утѣшеніе и помощь гдѣ бы то ни было, она инстинктивно бросилась къ матери—и вотъ какъ это кончилось:

— О мама! умоляла она:—вы знаете, что я не имѣла намѣренія оскорбить васъ. Я не могла вынести, когда вы такъ говорили о папѣ. О! простите, простите меня!

Мистриссъ Мальрой опять повернулась на изголовье и разсѣянно посмотрѣла на дочь.

— Простить тебя? повторила она всё съ мыслями, обращенными къ прошлому и оцупью пробиравшимися къ настоящему.

— Я прошу у васъ прощенія, мамѣ, я прошу у васъ прощенія

ніа на колѣнахъ. Я такъ несчастна; мнѣ такъ нужно хоть немножко доброты! Не-уже-ли вы не простите меня?

— Подожди, возразила мистриссъ Мильрой.—А! сказала она черезъ нѣсколько времени:—теперь я знаю! Простить тебя! Да, я прощаю тебя съ однимъ условіемъ:

Она взяла руку Нили и проницательно посмотрѣла ей въ лицо.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты ненавидишь миссъ Гуильтъ? Ты имѣешь свои собственные причины ненавидѣть её и ты еще не призналась въ нихъ.

Нили опять опустила голову. Яркій румянецъ, который она скрывала, спрятавъ своё лицо, показался на ея шеѣ. Мать ея увидѣла его и дала ей время успокоиться.

— Скажи мнѣ, повторила мистриссъ Мильрой болѣе кроткимъ тономъ:—за что ты ненавидишь её?

Отвѣтъ былъ данъ неохотно, по одному слову и отрывками.

— За то, что она старается...

— Старается? что!

— Старается заставить одного человѣка, который слишкомъ...

— Слишкомъ что?

— Слишкомъ молодъ для нея....

— Жениться на ней?

— Да, мамá.

Заинтересовавшись въ крайней степени, мистриссъ Мильрой наклонилась впередъ и ласково погладила дочь по волосамъ.

— Кто это, Нили? спросила она шопотомъ.

— Вы никогда не скажете что я вамъ сказала, мамá?

— Никогда! Кто это?

— Мистеръ Армэдэль.

Мистриссъ Мильрой молча опустилась на изголовье. Ясное признаніе дочери въ первой ея любви, которое поглотило бы всё вниманіе другихъ матерей, не заняло её ни на минуту. Ея ревность, искажая всё для приспособленія къ ея собственнымъ заключеніямъ, старалась исказить услышанное ею.

«Притворство, думала она, «обманувшее мою дочь, *меня* оно не обманетъ».

— Что же, миссъ Гуильтъ удаётся? спросила она вслухъ.— Мистеръ Армэдэль начинаетъ ею интересоваться?

Нили взглянула на мать въ первый разъ. Самая трудная часть признанія была высказана; она сказала правду о миссъ Гуильтъ и открыто упомянула имя Аллена.

— Онъ чрезвычайно ею интересуется, сказала она.— Это невозможно понять; это, просто, ослѣпленіе; я не имѣю терпѣнія говорить объ этомъ!

— Какимъ образомъ ты узнала секреты мистера Армэдэля? спросила мистриссъ Мильрой.— Не-уже-ли онъ выбралъ тебя для того, чтобы сообщить о своёмъ интересѣ къ миссъ Гуильтъ?

— Меня! съ негодованіемъ воскликнула Нили.— Ужь и то довольно дурно, что онъ сказалъ папá.

При появленіи имени майора въ разсказѣ, интересъ мистриссъ Мильрой дошолъ до крайней степени. Она опять приподнялась съ изголовья.

— Сядь на стулъ, сказала она:— сядь, дитя, и разскажи мнѣ всё, каждое слово, помни, каждое слово.

— Я могу только пересказать вамъ, мамá, что сказалъ мнѣ папá.

— Когда?

— Въ субботу. Я принесла папá завтракъ въ его мастерскую, а онъ сказалъ: «у меня только-что былъ мистеръ Армэдэль и я хочу предостеречь тебя, пока я не забылъ». Я ничего не сказала, мамá, я только ждала. Папá продолжалъ, что мистеръ Армэдэль говорилъ съ нимъ о миссъ Гуильтъ и сдѣлалъ о ней вопросъ, который никто въ его положеніи не имѣлъ права спрашивать. Папá сказалъ, что онъ былъ обязанъ шути предостеречь мистера Армэдэля быть деликатнѣе и осторожнѣе впредѣ. Это не очень меня интересовало, мамá; для меня всё равно что мистеръ Армэдэль дѣлаетъ или говоритъ. Зачѣмъ мнѣ этимъ интересоваться?...

— Оставь себя въ сторонѣ, рѣзко перебила мистриссъ Мильрой:— продолжай что сказалъ твой отецъ, что онъ дѣлалъ, когда говорилъ о миссъ Гуильтъ? Какой у него былъ видъ?

— Такой, какъ обыкновенно, мамá. Онъ ходилъ взадъ и впе-

рѣдь по мастерской; я взяла его подъ-руку и стала ходить вмѣстѣ съ нимъ.

— Мнѣ не нужно знать что дѣлала *ты*, возразила мистриссъ Мильрой всё раздражительнѣе:—сказаль тебѣ отецъ въ чомъ состояль вопросъ мистера Армэдэля—сказаль или нѣтъ?

— Да, мамà. Онъ сказаль, что мистеръ Армэдэль сначала упомянулъ, что онъ очень интересуется миссъ Гуильтъ, а потомъ спросиль можетъ ли папà сказать ему что-нибудь о ея семейныхъ несчастіяхъ.

— Чтò!!! закричала мистриссъ Мильрой.

Это слово вырвалось у ней почти пронзительнымъ крикомъ и бѣлая глазурь на ея лицѣ растрескалась вездѣ.

— Мистеръ Армэдэль сказаль *это*? продолжала она, всё болѣе высовываясь изъ кровати.

Нили вскочила и старалась уложить мать на изголовье.

— Мамà, воскликнула она:—вы страдаете, вы больны! Вы испугали меня!

— Ничего, ничего, ничего! сказала мистриссъ Мильрой.

Она была такъ сильно взволнована, что не могла придумать ничего, кромѣ самаго обыкновеннаго предлога.

— Мои нервы разстроены сегодня, не обращай вниманія; я перевернусь на другую сторону. Продолжай, продолжай! я слушаю, хотя не смотрю на тебя.

Она отвернулась къ стѣнѣ и судорожно сжала дрожація руки подъ одѣяломъ.

— Я поймала её! прошептала она самой себѣ, едва дыша:— я поймала её наконецъ!

— Я боюсь, что говорила слишкомъ много, сказала Нили:—я боюсь, что я оставалась здѣсь слишкомъ долго. Не пойти ли мнѣ внизъ, мамà, и придти послѣ?

— Продолжай! машинально повторила мистриссъ Мильрой.— Чтò сказаль твой отецъ потомъ? Говориль онъ еще что-нибудь о мистерѣ Армэдэлѣ?

— Ничего больше, кромѣ того, что папà отвѣчалъ ему, возразила Нили.—Папà повториль мнѣ свои собственные слова. Онъ сказаль: за неимѣніемъ добровольныхъ признаній самой миссъ

Гуильтъ, мистеръ Армэдэль, всё, что я знаю или желаю знать—вы извините меня если я скажу всё, что нужно знать всѣмъ другимъ—это то, что миссъ Гуильтъ доставила мнѣ совершенно удовлетворительную аттестацію прежде чѣмъ она вошла въ мой домъ. Это было строго—не правда ли, мамà? Я ни сколько о нёмъ не сожалѣю: онъ вполне это заслужилъ. Потомъ папà предостерегъ меня. Онъ велѣлъ мнѣ остановить любопытство мистера Армэдэля, если онъ обратится ко мнѣ—какъ-будто онъ обратится ко мнѣ и какъ-будто я стану слушать его, если бы онъ и обратился! Вотъ и всё, мамà. Вы не будете предполагать, что я рассказала вамъ это для того, чтобы помѣшать мистеру Армэдэлю жениться на миссъ Гуильтъ? Пусть онъ женится на ней, если хочетъ—мнѣ всё-равно! сказала Нили голосомъ нѣсколько ослабѣвшимъ и съ такимъ лицомъ, разстройство котораго не согласовалось съ ея объявленіемъ о равнодушіи.—Я желаю только избавиться отъ несчастья имѣть гувернанткой миссъ Гуильтъ; я лучше пойду въ школу. Мнѣ было бы приятно вступить въ школу. Я совсѣмъ перемѣнила мои мысли объ этомъ, только у меня недостаётъ духа сказать папà. Я не знаю что такое сдѣлалось со мною, у меня недостаётъ духа ни къ чему теперь; а когда папà берётъ меня на колѣна вечеромъ и говоритъ: «поболтаемъ, Нили», онъ заставитъ меня расплакаться. Возьмете вы на себя сказать ему, мамà, что я раздумала и желаю поступить въ школу.

Слёзы выступили на глазахъ ея и она не видала, что мать даже не повернулась на изголовьи, чтобы взглянуть на неё.

— Да-да, разсѣянно сказала мистриссъ Мильрой:—ты добрая дѣвушка, ты поступишь въ школу.

Жестокая краткость отвѣта и тонъ, которыми онъ былъ данъ, сказали Нили ясно, что вниманіе ея матери было отвлечено далеко отъ нея и что бесполезно было бы продолжать свиданіе. Она встала спокойно, не сказавъ ни слова въ возраженіе. Для нея не было новостью не находить сочувствія въ своей матери. Она посмотрѣлась въ зеркало и вымыла холодною водою свое лице.

«Миссъ Гуильтъ не увидитъ, что я плакала, подумала Нили, возвращаясь къ постели проститься съ матерью.

— Я утомила васъ, мамà, сказала она кротко:—позвольте мнѣ теперь уйти и воротиться немножко позже, когда вы отдохнѣте.

— Да, повторила мать попрежнему машинально:—немножко позже, когда я отдохну.

Нили ушла. Какъ только дверь затворилась за нею, мистриссъ Мильрой позвонила сидѣлку. Несмотря на разсказъ, выслушанный ею, она такъ твёрдо, какъ прежде, держалась своихъ ревнивыхъ предположеній.

«Мистеръ Армэдэль можетъ вѣрить ей и моя дочь можетъ вѣрить ей, думала взбѣшонная женщина; «но я знаю маіора и она не можетъ обмануть меня!»

Вошла сидѣлка.

— Обложите меня подушками, сказала мистриссъ Мильрой:—и подайте мнѣ мою письменную шкатулку. Я хочу писать.

— Вы взволнованы, возразила сидѣлка:—вы не можете писать.

— Подайте мнѣ письменную шкатулку? повторила мистриссъ Мильрой.

— Еще чтò? спросила Рэчель, повторивъ свою неизмѣнную формулу, когда ставила шкатулку на постель.

— Приходите черезъ полчаса: вы мнѣ будете нужны, чтобы отнести письмо въ большой домъ.

Сардоническое спокойствіе сидѣлки оставило её на этотъ разъ.

— Господи помилуй! воскликнула она тономъ искренняго удивленія:—теперь еще чтò будетъ? Не-уже-ли вы хотите писать...

— Я буду писать къ мистеру Армэдэлю, перебила мистриссъ Мильрой:— а вы отнесёте письмо къ нему и подождёте отвѣта. Помните, ни одна живая душа, кромѣ насъ съ вами, не должна знать объ этомъ въ домѣ.

— Зачѣмъ вы пишете къ мистеру Армэдэлю? спросила Рэчель:—и почему никто не долженъ этого знать, кромѣ насъ съ вами?

— Подождите, отвѣчала мистриссъ Мильрой:—и вы увидите. Женское любопытство сидѣлки отказалось ждать.

— Я буду помогать вамъ съ открытыми глазами, сказала она:— но съ закрытыми помогать не хочу.

— О! если бы я могла владѣть моими членами! застонала мистриссъ Мильрой:—если бы я могла обойтись безъ тебя, негодная тварь!

— Вы владѣете вашей головой, возразила непроницаемая сидѣлка:—и вамъ слѣдовало бы знать, что теперь вамъ нельзя довѣряться мнѣ вполовину.

Это было грубо сказано, но было справедливо, вдвойнѣ справедливо послѣ распечатанія письма миссъ Гуильтъ. Мистриссъ Мильрой уступила.

— Чтѣ вы хотите знать? спросила она:—скажите мнѣ и оставьте меня.

— Я желаю знать о чомъ вы пишете мистеру Армэдэлю?

— О миссъ Гуильтъ.

— Какое дѣло мистеру Армэдэлю до васъ и миссъ Гуильтъ? Мистриссъ Мильрой взяла письмо, возвращенное ей почтамтомъ.

— Наклонитесь, сказала она.—Можетъ быть миссъ Гуильтъ подслушиваетъ у дверей—я скажу шопотомъ.

Сидѣлка наклонилась, не спуская глазъ съ дверей.

— Вы знаете, что почтальонъ ходилъ съ этимъ письмомъ въ Кингсдоунъ Крешентъ? сказала мистриссъ Мильрой:—и вы знаете, онъ нашолъ, что мистриссъ Мэндевилль уѣхала и никто не могъ сказать ему куда.

— Ну чтѣ же дальше? спросила шопотомъ Рэчель.

— Вотъ чтѣ. Когда мистеръ Армэдэль получитъ письмо, которое я напишу къ нему, онъ пойдѣтъ по той же дорогѣ, по какой ходилъ почтальонъ, и мы увидимъ чтѣ случится, когда онъ постучится въ дверь мистриссъ Мэндевилль.

— Какъ же вы заставите его пойти къ этой двери?

— Я скажу ему, чтобы онъ обратился къ той, которая поручилась за миссъ Гуильтъ.

— Развѣ онъ влюбленъ въ миссъ Гуильтъ?

— Да.

— А! вижу! сказала сидѣлка.

ГЛАВА III.

НА КРАЮ ОТКРЫТІЯ.

Утро свиданія мистриссъ Мильрой съ дочерью въ коттеджъ было утромъ серьёзнаго размышленія для сквайра въ большомъ домѣ. Даже добродушный характеръ Алэна не могъ выдержать неприятнаго вліянія событій послѣднихъ трѣхъ дней. Отъѣздъ Мидуинтера раздосадовалъ его; а воспоминаніе о томъ, какъ маіоръ Мильрой принялъ его разпросы о миссъ Гуильтъ, неприятно тяготило его душу. Послѣ его визита въ коттеджъ Алэнъ чувствовалъ нетерпѣніе и принужденность первый разъ въ жизни со всѣми, кто приходилъ къ нему. Онъ былъ нетерпѣливъ съ Педгифтомъ Младшимъ, который зашелъ къ нему вечеромъ сообщить о своемъ отъѣздѣ въ Лондонъ, по дѣлу, на слѣдующій день и предложить свои услуги своему кліенту; онъ чувствовалъ какую-то принужденность съ миссъ Гуильтъ на тайномъ свиданіи съ нею въ паркѣ въ это утро; ему было неловко самому съ собою, въ своей уединенной комнатѣ, гдѣ онъ сидѣлъ теперь и угрюмо курилъ.

«Я не могу жить такимъ образомъ, думалъ Алэнъ. «Если никто не хочетъ помочь мнѣ сдѣлать миссъ Гуильтъ этотъ неловкій вопросъ, я долженъ самъ придумать способъ сдѣлать его».

Какой способъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ было такъ же трудно найти, какъ и прежде. Алэнъ старался подстрекнуть свою медлительную изобрѣтательность, расхаживая взадъ и впередъ

по комнатѣ и при первомъ поворотѣ ему помѣшало появленіе лакея.

— Что такое еще? спросилъ онъ нетерпѣливо.

— Письмо, сэръ. Ждутъ отвѣта.

Аллэнъ взглянулъ на адресъ. Почеркъ былъ незнакомый. Онъ распечаталъ письмо и изъ него выпала записка, адресованная всё незнакомымъ почеркомъ: «Мистриссъ Мэндевилль, 18, Кингс-доунъ Крешентъ, Вэйсуотеръ, посылается съ мистеромъ Армэ-дэлемъ». Удивляясь всё болѣе и болѣе, Аллэнъ взглянулъ на подпись въ концѣ письма. Тамъ стояло: «Анна Мильрой».

— Анна Мильрой? повторилъ онъ. Это должно быть жена маіора. Что ей можетъ быть нужно отъ меня?

Чтобы узнать что ей нужно, Аллэнъ наконецъ сдѣлалъ то, что ему слѣдовало бы сдѣлать сначала. Онъ сѣлъ прочесть письмо.

(Секретное).

Коттэдджъ, понедѣльникъ.

«Любезный сэръ, я боюсь, что имя въ концѣ этого письма напомнитъ вамъ очень грубый пріёмъ съ моей стороны, очень добраго вниманія съ вашей. Я могу сказать только въ извиненіе, что я больная женщина и что если въ минуту раздраженія вслѣдствіе сильныхъ страданій, отослала вамъ назадъ фрукты, присланные вами мнѣ въ подарокъ, то я сожалѣла потомъ зачѣмъ я это сдѣлала. Прошу васъ приписать это письмо моему желанію заглядить хоть сколько-нибудь предъ вами вину мою и быть полезной нашему доброму другу и хозяину, если я только могу.

«Я узнала вопросъ, который вы сдѣлали моему мужу третьяго дня на счетъ миссъ Гуильтъ. Судя по тому, что я слышала о васъ, я совершенно увѣрена, что ваше желаніе узнать болѣе объ этой очаровательной особѣ происходитъ отъ самыхъ благородныхъ причинъ. Вѣря этому, я, какъ женщина—хотя неизлечимо больная—искренно готова помочь вамъ. Если вы желаете узнать семейныя обстоятельства миссъ Гуильтъ, не обращайтесь прямо къ ней самой, это зависитъ отъ васъ самихъ—и я скажу вамъ какъ.»

«Нѣсколько дней назадъ, я писала къ особѣ, рекомендовавшей миссъ Гуильтъ именно объ этомъ же. Я давно примѣтила, что гувернантка моей дочери неохотно говорить о своихъ родныхъ и друзѣхъ, и хотя я приписывала ея молчаніе совершенно благороднымъ причинамъ, я чувствовала, что моя обязанность къ моей дочери требуетъ, чтобы я разузнала объ этомъ. Отвѣтъ, полученный мною, совершенно удовлетворителенъ. Моя корреспондентка сообщаетъ мнѣ, что исторія миссъ Гуильтъ очень печальная и что ея поведение среди этихъ семейныхъ несчастій было какъ нельзя больше достойно похвалы. Обстоятельства семейныя (какъ я поняла) всѣ объяснены въ коллекціи писемъ, находящихся теперь въ рукахъ дамы, поручившейся за миссъ Гуильтъ. Эта дама готова показать мнѣ эти письма; но, не имѣя копій съ нихъ и отвѣчая за нихъ лично, она не хочетъ, если этого можно избѣжать, послать ихъ по почтѣ, и просить меня ждать пока она или я найдёмъ надёжнаго чловѣка, съ которымъ можно переслать эти письма.

«Мнѣ пришло въ голову, что вы, можетъ быть, какъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, согласитесь привезти мнѣ эти письма. Если я ошибаюсь и вы не расположены послѣ того, что я сказала вамъ, рѣшиться на безпокойство и издержки поѣздки въ Лондонъ, вамъ стоитъ только съечь моё письмо и приложенную къ нему записку и не думать больше объ этомъ. Если вы рѣшитесь сдѣлаться моимъ помощникомъ, я съ радостью даю вамъ рекомендательное письмо къ мистриссъ Мэндевилль. Вамъ нужно только взять отъ нея запечатанный пакетъ съ письмами, послать ихъ сюда по возвращеніи изъ Торп-Эмброза и ждать извѣстій отъ меня.

«Въ заключеніе мнѣ остаётся только прибавить, что я не вижу ничего неприличнаго въ томъ, чтобы вы поступили (если вы желаете) такъ, какъ я предлагаю вамъ. Миссъ Гуильтъ такъ приняла намѣки мои на ея семейныя обстоятельства, что для меня неприятно (а для васъ совершенно невозможно) спрашивать объ этомъ её. Я, конечно, могу быть оправдана, что обращаюсь къ дамѣ, поручившейся за нея, а васъ, конечно, нельзя осуждать за то, что вы возьмётесь передать запечатанный па-

кетъ отъ одной дамы къ другой. Если я найду въ этихъ письмахъ семейные секреты, которые честь запрещаетъ передать третьему лицу, я, разумѣется, буду принуждена просить васъ подождать, пока я не поговорю съ миссъ Гуильтъ. Если я не найду ничего предосудительнаго для ея чести, а напротивъ, то, что еще подниметь её въ вашемъ уваженіи, я неоспоримо оказываю ей услугу, оказавъ вамъ это довѣріе. Вотъ какъ я смотрю на это дѣло; но, пожалуйста, не позволяйте себѣ поддаваться моему вліянію.

«Во всякомъ случаѣ я могу сдѣлать только одно условіе и я увѣрена, что вы найдёте его необходимымъ. Самые невинные поступки въ этомъ нечестивомъ свѣтѣ перетолковываются въ дурную сторону. Слѣдовательно я должна просить васъ, чтобы вы сохранили это извѣщеніе въ самой строгой тайнѣ. Я пишу вамъ по секрету и ни въ какомъ случаѣ — если обстоятельства между нами не оправдаютъ — содержаніе моего письма должно остаться нами.»

Вѣрьте, любезный сэръ, искренной преданности къ вамъ

«Анны Мильрой».

Въ такой искусительной формѣ безсовѣстная жена майора составила ловушку. Безъ малѣйшей нерѣшимости Алленъ послѣдовалъ, по обыкновенію, своему внутреннему побужденію и прямо попалъ въ эту западню. Онъ и писалъ отвѣтъ и продолжалъ свои размышленія въ одно и то же время въ самомъ сбивчивомъ состояніи своихъ мыслей.

— Ей-богу, мистриссъ Мильрой очень добра!

«Милостивая Государыня...»

— Именно чего мнѣ было нужно и именно въ такое время, когда это было нужно!

«Я не знаю какъ выразить вамъ мою признательность за вашу доброту, развѣ только сказавъ вамъ, что я поѣду въ Лондонъ и привезу вамъ письма съ величайшимъ удовольствіемъ...»

— Я буду посылать ей корзину съ фруктами аккуратно каждый день всё лѣто.

«Я сейчасъ ѣду и возвращусь завтра...»

— Ахъ! только женщины умѣютъ помогать влюбленнымъ. То самое сдѣлала бы моя бѣдная мать на мѣстѣ мистриссъ Мильрой.

«Даю честное слово благороднаго человѣка, что я бережно доставляю вамъ письма и сохраняю это въ строгой тайнѣ, какъ вы желаете».

— Я далъ бы пятьсотъ фунтовъ всякому, кто научилъ бы меня какъ заговорить объ этомъ съ миссъ Гуильтъ, а эта добрышняя женщина дѣлаетъ это даромъ.

«Вѣрите, милостивая государыня, искренней признательности, вашего покорнѣйшаго слуги *Аллэна Армэдэля*».

Отдавъ свой отвѣтъ посланному мистриссъ Мильрой, Аллэнъ остановился въ минутной нерѣшимости. У него назначено было свиданіе съ миссъ Гуильтъ въ паркѣ на слѣдующее утро. Рѣшительно необходимо было дать ей знать, что онъ не можетъ быть на этомъ свиданіи; она запретила ему писать, а онъ не имѣлъ возможности видѣть её одну въ этотъ день. Въ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ онъ рѣшился дать ей знать чрезъ маіора, нацисавъ ему, что онъ ѣдетъ въ Лондонъ по дѣлу и спрашивая не можетъ ли онъ быть полезнымъ какому-нибудь члену его семейства. Устранивъ такимъ образомъ единственное препятствіе въ своему отъѣзду, Аллэнъ взглянулъ на часы и увидалъ, къ своей досадѣ, что ему остается еще цѣлый часъ до отъѣзда на желѣзную дорогу. Въ настоящемъ расположеніи его духа онъ предпочелъ бы тотчасъ же подѣтѣть въ Лондонъ.

Когда это время настало, наконецъ, Аллэнъ, проходя мимо конторы, постучался въ дверь и сказалъ сквозь нея Башуду:

— Я ѣду въ Лондонъ, завтра возвращусь.

Отвѣта не было и подошедшій слуга доложилъ, что Башудъ, не имѣя никакого дѣла въ этотъ день, заперъ контору и ушелъ нѣсколько часовъ назадъ.

На станціи Аллэнъ прежде всѣхъ встрѣтилъ Педгифта Младшаго, отправлявшагося въ Лондонъ по дѣлу, о которомъ онъ упоминалъ наканунѣ. Размѣнявшись необходимыми объясненіями, рѣшили, что оба поѣдутъ въ одномъ вагонѣ. Аллэнъ былъ радъ имѣть спутника, а Педгифтъ, радуясь, по обыкновенію, быть

полезнымъ своему клиенту, суетливо побѣжалъ брать билеты и отправлять поклажу. Ходя взадъ и впередъ по платформѣ, въ ожиданіи возвращенія своего вѣрнаго спутника, Аллэнъ вдругъ встрѣтился съ Бэшудомъ, стоявшимъ въ углу съ кондукторомъ и вкладывавшимъ письмо (по всей вѣроятности, съ денежнымъ награжденіемъ) тайно въ руку этого человѣка.

— Эй! закричалъ Аллэнъ съ своимъ обыкновеннымъ добродушіемъ: — что-нибудь важное, мистеръ Бэшудъ?

Еслибы Бэшуда поймали совершающимъ смертоубійство, онъ едва выказалъ бы бѣльшій испугъ. Сбросивъ свою старую шляпу, онъ поклонился съ обнаженной головой, дрожа съ головы до ногъ.

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ, сэръ, только письмецо, письмецо, письмецо, сказалъ Бэшудъ, ища спасенія въ повтореніи и съ поклономъ стараясь скрыться изъ глазъ своего хозяина.

Аллэнъ небрежно повернулся.

«Хотѣлось бы мнѣ полюбить этого человѣка, подумалъ онъ: «но я не могу: онъ такой проныра! Отчего ему было дрожать? Не-уже-ли онъ думаетъ, что я хочу разузнавать его секреты?»

Секретъ Бэшуда въ этомъ случаѣ болѣе касался Аллена, чѣмъ онъ воображалъ. Письмо, отданное имъ кондуктору, было ни что иное, какъ предостереженіе, написанное миссъ Гуильтъ къ мистриссъ Ольдершѡ.

«Скорѣе кончайте ваши дѣла, писала гувернантка маіора: «и немедленно возвращайтесь въ Лондонъ. Здѣсь дѣла идутъ дурно и всё это надѣлала миссъ Мильрой. Сегодня утромъ она непременно захотѣла отнести къ матери завтракъ, который всегда носить сидѣлка. Онѣ имѣли наединѣ продолжительное совѣщаніе и чрезъ полчаса я увидала, что сидѣлка проскользнула съ письмомъ по тропинкѣ, которая ведётъ въ большой домъ. Въ слѣдъ за этимъ письмомъ послѣдовалъ внезапный отъѣздъ Армэдэля въ Лондонъ, несмотря на свиданіе, назначенное со мною завтра утромъ. Это принимаетъ серьезный видъ: Дѣвочка очевидно на столько смѣла, что поднимаетъ борьбу для того, чтобы сдѣлаться мистриссъ Армэдэль торп-эмбросской и нашла какой-нибудь способъ заставить мать помочь ей. Не предпола-

гайте, чтобы я тревожилась и упала духомъ, и ничего не дѣлайте, пока не получите опять извѣстій отъ меня. Только возвращайтесь въ Лондонъ, потому что я серьезно могу нуждаться въ вашей помощи чрезъ день или два.

«Я посылаю это письмо въ Лондонъ не по почтѣ, а съ кондукторомъ полуденнаго поѣзда. Такъ какъ вы непременно хотите знать каждый мой шагъ въ Торп-Эмбросѣ, то я скажу вамъ, что мой посланный (я вѣдь не могу идти на станцію сама) тотъ странный старикъ, о которомъ я уже упоминала въ моёмъ первомъ письмѣ. Съ самого того времени онъ постоянно добивался какъ бы на меня взглянуть. Я не знаю навѣрно пугаю ли или очаровываю его; можетъ быть и то и другое вмѣстѣ. Вамъ нужно только знать, что я могу давать ему неважныя порученія, а можетъ быть современемъ и важныя.

«Э. Г.»

Между тѣмъ поѣздъ тронулся и сквайръ съ своимъ спутникомъ были уже на дорогѣ въ Лондонъ. Нѣкоторые мужчины, находясь въ обществѣ Алэна при настоящихъ обстоятельствахъ, могли бы почувствовать любопытство относительно его дѣла въ столицѣ. Вѣрный инстинктъ молодого Педгифта, какъ свѣтскаго человѣка, проникнулъ тайну безъ малѣйшаго затрудненія.

«Старая исторія, думала эта осторожная, старая голова на молодыхъ плечахъ. «Разумѣется, тутъ замѣшана женщина. Всякое другое дѣло было бы поручено *мнѣ*.»

Совершенно удовлетворенный этимъ заключеніемъ, Педгифтъ Младшій продолжалъ, не выпуская изъ вида своихъ интересовъ, стараться угождать своему клиенту по обыкновенію. Алэнъ былъ готовъ ѣхать въ такую гостинницу, какую онъ рекомендуетъ. Его неоцѣненный стряпчій прямо повёзъ его въ ту гостинницу, гдѣ Педгифтская фамилія привыкла останавливаться три поколѣнія.

— Вы не противъ прозябаемыхъ въ пищѣ, сэръ? сказалъ веселый Педгифтъ, когда кэбъ остановился у гостинницы въ Ковент-Гарденѣ.—Очень хорошо, вы можете предоставить остальное моему дѣду, моему отцу и мнѣ. Я не знаю который изъ трёхъ долѣе любимъ и уважаемъ въ этомъ домѣ. Какъ поживаете,

Уильямъ? (нашъ главный слуга, мистеръ Армэдэль). Лучше ревматизму вашей жены? А мальчикъ хорошо ходитъ въ школу? Хозяина дома нѣтъ? Всё равно, и васъ довольно. Это, Уильямъ, мистеръ Армэдэль изъ Торп-Эмброза. Я уговорилъ мистера Армэдэля испытать нашу гостинницу. Свободна у васъ спальная, о которой я писалъ? Очень хорошо. Пусть мистеръ Армэдэль займётъ её вмѣсто меня (любимая спальная моего дѣда, сэръ; номеръ пятый, во второмъ этажѣ); пожалуйста займите её — я могу спать вездѣ. Хотите тюфякъ сверхъ перины? Слышите, Уильямъ? велите Матильдѣ положить тюфякъ сверхъ перины. Здорова ли Матильда? или у ней, по обыкновенію, болятъ зубы? Главная служанка, мистеръ Армэдэль и самая необыкновенная женщина; она никакъ не разстаётся съ зубной болью въ нижней челюсти. Дѣдъ мой говорилъ ей: «выдерните зубъ!» отецъ мой говорилъ: «выдерните зубъ», я говорю: «выдерните зубъ», а Матильда остаётся глуха. Да, Уильямъ, да, если мистеръ Армэдэль согласенъ, гостинная годится. На счетъ обѣда, сэръ? Вы предпочитаете прежде кончить ваше дѣло, а потомъ воротиться къ обѣду? Не назначить ли намъ въ такомъ случаѣ обѣдъ въ половинѣ восьмого? Уильямъ, въ половинѣ восьмого. Совсѣмъ ничего не нужно приказывать, мистеръ Армэдэль. Главный слуга долженъ только кланяться отъ меня повару и самый лучший обѣдъ будетъ присланъ акуратно, минута въ минуту. Скажите: для мистера Педгифта Младшаго, Уильямъ, а то, пожалуй, мы получимъ такой обѣдъ, какой подавали моему дѣду или моему отцу, а они окажутся слишкомъ тяжелы для вашего желудка и для моего. Что касается вина, Уильямъ, то подайте за обѣдъ мое шампанское и хересь, котораго такъ не любитъ мой отецъ. Полъ обѣда клереть съ синей печатью, то вино, которое, по мнѣнію моего простодушнаго дѣда бутылка не стоила и шести пенсовъ. Ха-ха-ха! бѣдный старикъ! Пришлите мнѣ вечернія газеты и бильярдные шары, по обыкновенію, и... кажется, больше ничего пока, Уильямъ. Неопѣненный слуга, мистеръ Армэдэль, въ этомъ домѣ неопѣненные слуги. Можетъ быть эта гостинница не модная, но, ей-богу, пріютная! Кѣбъ? вы хотите кѣбъ? Не вставайте! Я два раза звонилъ въ колокольчикъ: это зна-

читъ, что кабъ нуженъ очень скоро. Могу я спросить, мистеръ Армэдэль, куда дѣла зовутъ васъ? Къ Бэйсуотеру? Вамъ всё равно выпустить меня въ паркѣ? Я имѣю привычку, когда приѣзжаю въ Лондонъ, дышать чистымъ воздухомъ между аристократіей. Вашъ преданнѣйшій слуга, сэръ, любитъ поглядѣть на красивую женщину и красивую лошадь, и въ Гайд-Паркѣ онъ совершенно въ своей стихіи.

Такъ болталъ всезнающій Педгифтъ и этими-то маленькими хитростями старался онъ заслужить хорошее мнѣніе своего кліента.

Когда, предъ обѣдомъ, спутники опять сошлись въ столовой, даже менѣе проникательный наблюдатель, чѣмъ молодой Педгифтъ, долженъ былъ бы примѣтить перемену въ обращеніи Аллена. Онъ казался раздосадованъ и барабанилъ пальцами по столу, не говоря ни слова.

— Я боюсь, что васъ что-то раздосадовало, сэръ, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались въ паркѣ, сказалъ Педгифтъ Младшій.—Извините за вопросъ. Я спрашиваю только на случай, не могу ли я быть полезенъ.

— Случилось то, чего я никакъ не ожидалъ, возразилъ Алленъ:—я не знаю какъ это понять. Мнѣ было бы приятно узнать ваше мнѣніе, прибавилъ онъ послѣ маленькой нерѣшимости:—то-есть, если вы извините, что я не войду въ подробности?

— Конечно, согласился молодой Педгифтъ:—набросайте очерками: достаточно будетъ однихъ намѣговъ. Я не вчера родился.

«О, эти женщины! подумалъ юный философъ.

— Вы знаете, что я сказалъ, когда мы подъѣхали къ этой гостинницѣ? я сказалъ, что мнѣ надо заѣхать въ одно мѣсто въ Бэйсуотерѣ.

Педгифтъ мысленно замѣтилъ первый пунктъ «въ окрестностяхъ Бэйсуотера.»

— И узнать объ одной особѣ.

Педгифтъ замѣтилъ второй пунктъ: «особа—онъ или она? Наверно она!»

— Ну, когда я подъѣхалъ къ дому и спросилъ о ней — то-

есть, объ этой особѣ—она, то-есть, эта особа—о, чортъ побери! закричалъ Аллэнъ:—я самъ помѣшаюсь и васъ сведу съ ума, если буду рассказывать мою исторію обиняками. Вотъ вамъ всё въ двухъ словахъ. Я поѣхалъ въ Кингсдоунъ Крешентъ, въ домъ подъ № 18, къ дамѣ, называющейся Мэндевилль, и когда спросилъ её, служанка сказала, что мистриссъ Мэндевилль уѣхала, не сказавъ никому куда и даже не оставивъ адреса, по которому присылать къ ней письма. Вотъ, я высказалъ наконецъ, что вы думаете объ этомъ?

— Скажите мнѣ прежде, спросилъ осторожный Педгифтъ: — какіе разспросы сдѣлали вы, когда узнали, что эта дама исчезла?

— Разспросы? повторилъ Аллэнъ:—я былъ совершенно пораженъ; я ничего не сказалъ. Какіе разспросы я долженъ былъ сдѣлать?

Педгифтъ Младшій прокашлялся и скрестилъ свои ноги какъ юристъ.

— Я не имѣю никакого желанія, мистеръ Армэдэль, началъ онъ: — разспрашивать какое у васъ было дѣло до мистриссъ Мэндевилль...

— Я надѣюсь, рѣзко перебилъ Аллэнъ:—что вы не станете разспрашивать объ этомъ. Моё дѣло до мистриссъ Мэндевилль должно остаться втайнѣ.

— Но, продолжалъ Педгифтъ, положивъ указательный палецъ одной руки въ распростертую ладонь другой:—но не могу спросить вообще такого ли рода дѣло ваше до мистриссъ Мэндевилль, что вамъ хотѣлось бы отыскать ея слѣды отъ Кингсдоуна Крешента, до ея настоящаго мѣстопребыванія?

— Конечно, отвѣчалъ Аллэнъ:—я имѣю особенную причину желать увидѣть её.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Педгифтъ Младшій: — вамъ слѣдовало сдѣлать два вопроса: котораго числа уѣхала мистриссъ Мэндевилль и какъ она уѣхала. Узнавъ это, вы должны были удостовѣриться потомъ, при какихъ обстоятельствахъ уѣхала она: не было ли у ней несогласія съ кѣмъ-нибудь, или затрудненія въ денежныхъ дѣлахъ, также уѣхала ли она одна или

съ кѣмъ-нибудь, также собственный ли это ея домъ или она нанимала въ нёмъ квартиру, также, въ послѣднемъ случаѣ...

— Пойдите! пойдите! у меня кружится голова, закричалъ Аллэнъ:—я не понимаю всѣхъ этихъ изворотовъ, я къ этому не привыкъ.

— А я къ этому привыкъ съ самаго дѣтства, сэръ, замѣтилъ Педгифтъ:—и если я могу вамъ помочь—скажите только дово.

— Вы очень добры, возразилъ Аллэнъ:—если вы можете помочь мнѣ найти мистриссъ Мэндевилль и если потомъ оставите всё въ моихъ рукахъ...

— Я оставлю всё въ вашихъ рукахъ съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ Педгифтъ Младшій.

«Я прозакладую пять противъ одного, прибавилъ онъ мысленно: «что когда придѣтъ время, ты оставишь всё въ моихъ!»

— Мы завтра вмѣстѣ поѣдемъ въ Бэйсуотерь, мистеръ Армэдэль, а пока вотъ супъ. Теперь судится Удовольствіе противъ Дѣла. Я не знаю, что вы скажете, сэръ, а я скажу, безъ минутной нерѣшимости: приговоръ въ пользу челобитчика. Сорвѣмъ наши розовые бутоны пока можемъ. Простите мою веселость, мистеръ Армэдэль. Хотя я погребѣнъ въ провинціи, но я былъ созданъ для лондонской жизни; воздухъ столицы опяняетъ меня.

Съ этимъ признаніемъ обольстительный Педгифтъ поставилъ стулъ для своего кліента и весело отдавалъ приказанія слугѣ:

— Замороженный пуншъ, Уильямъ, послѣ супа. Я ручаюсь за пуншъ, мистеръ Армэдэль: онъ сдѣланъ по рецепту моего дѣда. Онъ держалъ таверну и положилъ основаніе нашему фамильному состоянію. Я не прочь сказать вамъ, что между Педгифтами былъ публицистъ; во мнѣ нѣтъ ложной гордости. «Достоинство дѣлаетъ человѣка—говоритъ Поппе—а остальное всё кожа да прюнель». Я занимаюсь и поэзіей и музыкой, сэръ, въ мои свободные часы—словомъ, я болѣе или менѣе въ фамилярныхъ отношеніяхъ со всѣми музами. Ага! вотъ и пуншъ! Выпьемъ въ торжественномъ молчаніи за упокой моего двоюроднаго дѣда, мистеръ Педгифтъ!

Аллэнъ старался не отстать отъ своего спутника въ веселости и шутливости, но безъ успѣха. Его поѣздка въ Кингсдоунъ Крешентъ во весь вечеръ безпрестанно приходила ему на память и за обѣдомъ, и въ театрѣ, куда онъ поѣхалъ съ своимъ стряпчимъ. Когда Педгифтъ Младшій задуть свою свѣчу въ эту ночь, онъ покачалъ своей осторожной головой и съ сожалѣніемъ произнёсъ во второй разъ: «женщины».

Въ десять часовъ на слѣдующее утро неугомимый Педгифтъ былъ уже на мѣстѣ дѣйствія. Къ великому облегченію Аллена, онъ вызвался сдѣлать необходимые разспросы въ Кингсдоун-Крешентѣ, самъ лично, пока его клиентъ ждалъ близости въ кабъ, который привезъ ихъ въ гостинницу. Минутъ чрезъ пять онъ явился, разузнавъ всѣ подробности, какія только узнать было можно. Прежде всего онъ попросилъ Аллена выйти изъ экипажа и заплатить извозчику; потомъ онъ вѣжливо предложилъ свою руку и прошолъ чрезъ скверъ въ переулокъ, который былъ исключительно оживленъ, по милости извозничьей биржи. Тутъ онъ остановился и шутливо спросилъ: видитъ ли мистеръ Армэдэль, какъ теиерь поступить или необходимо сдѣлать пробу его терпѣнью объясненіемъ.

— Я не вижу ничего, кромѣ извозничьихъ колодъ, съ изумленіемъ повторилъ Алленъ.

Педгифтъ Младшій сострадательно улыбнулся и началъ объясненіе. Въ Кингсдоун-Крешентѣ это былъ домъ, въ которомъ сдавались меблированныя квартиры. Онъ настойчиво пожелалъ видѣть хозяйку. Очень милая женщина съ остатками красоты, показывавшими, что, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, она была очень хороша собой; совершенно во вкусъ Педгифта—еслибы только онъ былъ живъ въ началѣ настоящаго столѣтія—совершенно во вкусъ Педгифта. Но, можетъ-быть, мистеръ Армэдэль предпочтётъ слышать о мистриссъ Мэндевилль? Къ несчастью, рассказывать было нечего. У ней ни съ кѣмъ не было ссоры и ни одного фартинга не осталась она должна: она уѣхала и нельзя было ухватиться ни за какое объяснительное обстоятельство. Или мистриссъ Мэндевилль привыкла такъ исчезать, или тутъ крылось что-нибудь такое; чего пока нельзя было узнать. Педгифтъ узналъ котораго числа

и какимъ образомъ уѣхала она. Послѣднее поможетъ отыскать её. Она уѣхала въ кэбъ съ слугою, который ходилъ за нимъ на ближайшую биржу. Эта биржа была теперь предъ ихъ глазами; къ перевозчику слѣдовало обратиться прежде всего, сказавъ Аллену, что онъ воротится чрезъ минуту, Педгифтъ Младшій перешолъ чрезъ улицу и сдѣлалъ знакъ перевозчику пойти съ нимъ въ ближайшій трактиръ.

Чрезъ нѣсколько времени оба вышли; перевозчикъ водилъ Педгифта попеременно къ первому, третьему, четвертому и шестому извозчику, кэбы которыхъ стояли на биржѣ. Самое длинное сообщаніе происходило съ шестымъ извозчикомъ и кончилось внезапнымъ приближеніемъ шестого кэба къ тому мѣсту, на которомъ ждалъ Алленъ.

— Садитесь, сэръ, сказалъ Педгифтъ, отворяя дверцу: — я нашолъ извозчика. Онъ помнитъ эту даму, и хотя забылъ имя улицы, онъ думаетъ, что можетъ найти мѣсто, куда отвезъ её, когда будетъ находиться поблизости его. Я радъ сообщить вамъ, сэръ, Армэдэль, что до-сихъ-поръ намъ посчастливилось. Я просилъ перевозчика показать мнѣ порядочныхъ извозчиковъ на биржѣ и вышло, что одинъ изъ этихъ порядочныхъ извозчиковъ отвозилъ мистриссъ Мэндевидль. Первозчикъ клянётся, что этотъ извозчикъ честнѣйшій человекъ; онъ ѣздитъ на собственной лошади и никогда не попадался ни въ какую бѣду. Такие-то люди, сэръ, поддерживаютъ нѣру въ человѣческую натуру. Я видѣлъ его и согласенъ съ перевозчикомъ: я думаю, что мы можемъ на него положиться.

Исслѣдованіе потребовало нѣкотораго терпѣнія. Не прежде, какъ проѣхавъ пространство между Бэйсуотеромъ и Пимлико, извозчикъ поѣхалъ тише и началъ осматриваться вокругъ. Два два онъ возвращался назадъ, потомъ въѣхалъ въ уединенный переулокъ, кончавшійся стѣной, и остановился у послѣдняго дома съ лѣвой стороны.

— Здѣсь, господа, сказалъ извозчикъ, отворяя дверь кэба.

И Алленъ и его стряпчій вышли и оба взглянули на домъ съ чувствомъ инстинктивнаго недовѣрія. Строенія имѣютъ свою физиономію—особенно въ большихъ городахъ—и видъ этого отличался скрытностью. Переднія окна всѣ были закрыты и стѣны

опущены. Этотъ домъ спереди казался не болѣе другихъ домовъ на улицѣ, но сзади обманчиво растягивался. Въ нижнемъ этажѣ была лавка, но въ промежуточномъ пространствѣ между окномъ и красной занавѣсью, скрывавшей внутренность отъ глазъ, не было выставлено ничего. Съ боку была дверь лавки тоже съ красными занавѣсами за стекломъ и съ мѣдной дощечкой, на которой стояло имя: «Ольдерш»», съ другой стороны была дверь съ колокольчикомъ и тоже съ мѣдной доской, показывавшей, что съ этой стороны дома жилъ врачъ, потому-что на доскѣ стояло: «Докторъ Доуноардъ». Еслибы кирпичъ и известь могли говорить, то здѣсь они говорили ясно: «у насъ есть секреты внутри и мы намѣрены ихъ держать».

— Это не можетъ быть тотъ домъ, сказалъ Аллэнъ: — тутъ должна быть какая-нибудь ошибка.

— Вы лучше должны знать, сэръ, замѣтилъ Педгифтъ Младшій съ своей сардонической серьезностью: — вы знаете привычки мистриссъ Мэндевилль.

— Я! воскликнулъ Аллэнъ: — вамъ можетъ быть удивительно будетъ слышать — но я совсѣмъ не знаю мистриссъ Мэндевилль.

— Я вовсе этому не удивляюсь, сэръ: хозяйка въ Кингсдоун-Крешентѣ сказала мнѣ, что мистриссъ Мэндевилль старуха. Не спросить ли намъ? прибавилъ непроницаемый Педгифтъ, смотря на красныя занавѣси у окна лавки съ сильнымъ подозрѣніемъ, что за ними скрывается внучка мистриссъ Мэндевилль.

Они попробовали сначала отворить дверь лавки—она была заперта. Они позвонили—худощавая молодая женщина, съ желтымъ лицомъ, съ изорваннымъ французскимъ романомъ въ рукахъ, отворила дверь.

— Здравствуйте, миссъ, сказалъ Педгифтъ.—Дома мистриссъ Мэндевилль?

Молодая женщина съ желтымъ лицомъ съ удивленіемъ вытаращила на него глаза.

— Здѣсь не знаютъ такой, отвѣчала она рѣзко съ иностраннымъ произношеніемъ.

— Можетъ быть её знаютъ у другой двери? замѣтилъ Педгифтъ Младшій.

— Можетъ быть знаютъ, сказала молодая женщина съ жолтымъ лицомъ и захлопнула предъ нимъ дверь.

— Немножко вспыльчивая особа, сэръ, сказалъ Педгифтъ.— Я поздравляю мистриссъ Мэндевилль съ тѣмъ, что она не знакома съ ней.

Говоря это, онъ перешолъ на сторону жилища доктора Доуноарда и позвонилъ въ колокольчикъ.

На этотъ разъ дверь отворилъ слуга въ поношенной ливреѣ. Онъ тоже вытаращилъ глаза, когда было произнесено имя мистриссъ Мендевилль, и онъ тоже не зналъ такой особы.

— Очень странно! обратился Педгифтъ къ Аллэну.

— Чтѣо странно? спросилъ человекъ въ черномъ платьѣ съ тихою походкою и съ тихимъ голосомъ, вдругъ появившись на порогѣ двери пріемной.

Педгифтъ Младшій вѣжливо объяснилъ обстоятельства и пожелалъ узнать: не имѣеть ли онъ удовольствія говорить съ докторомъ Доуноардомъ.

Докторъ поклонился. Если могутъ простить это выраженіе, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ скромныхъ докторовъ, къ которымъ публика — особенно женская — имѣеть неограниченное довѣріе. Онъ имѣлъ необходимую для этого плѣшивую голову, необходимые очки, необходимый черный костюмъ и необходимо спокойную наружность. Голосъ его былъ успокоителенъ, обращеніе развязное, улыбка вкрадчивая. Какою особенной отраслью своей профессіи занимался докторъ Доуноардъ—этого не было написано на дощечкѣ его двери, но онъ жестоко ошибся въ своемъ призваніи, если не былъ дамскимъ докторомъ.

— Увѣрены ли вы, что въ имени нѣтъ ошибки? спросилъ докторъ съ сильнымъ, но скрытымъ безпокойствомъ.—Я зналъ, что иногда происходили очень большія непріятности отъ ошибки въ именахъ. Нѣтъ? дѣйствительно нѣтъ ошибки? Въ такомъ случаѣ, господа, я могу только повторить, чтѣо мой слуга уже стазалъ вамъ. Пожалуйста не извиняйтесь. Прощайте.

Докторъ ушелъ такъ же тихо, какъ явился. Слуга въ поношенной ливреѣ молча отворилъ дверь и Аллэнъ съ своимъ спутникомъ опять очутился на улицѣ.

— Мистеръ Армдэль, сказалъ Педгифтъ: — я не знаю какъ вы, а я нахожусь въ недоумѣннѣ.

— Непрiятно, отвѣчалъ Алленъ: — я только-что хотѣлъ спросить васъ, что вы будете дѣлать теперь.

— Мнѣ не нравится ни этотъ домъ, ни лавочница, ни докторъ, продолжалъ Педгифтъ: — однако я не думаю, чтобы они обманывали насъ, я не думаю, чтобы они знали мистриссъ Мэн-девилль.

Впечатлѣнiя Педгифта Младшаго рѣдко обманывали его; онъ не обманули его и въ этомъ случаѣ. Предосторожность, заставившая мистриссъ Ольдершѣ переѣхать изъ Бэйсуотера, перехитрила самоё себя, какъ это случается часто. Эта предосторожность заставила её недоувѣрять никому въ Пимлико тайну имени, которое она приняла какъ поручительница за миссъ Гуильтъ; но она не приготовилась къ непредвидѣнному случаю, какой представился теперь—словомъ, мистриссъ Ольдершѣ позаботилась обо всѣмъ, кромѣ единственной неворобразимой для нея возможности—дальнѣйшихъ разспросовъ о репутаціи миссъ Гуильтъ.

— Мы должны сдѣлать что-нибудь, сказалъ Алленъ.— Кажется, бесполезно оставаться здѣсь.

Еще никто не ставилъ Педгифта Младшаго въ тупикъ и Аллену это не удалось теперь.

— Я совершенно согласенъ съ вами, сэръ, сказалъ онъ: — мы должны сдѣлать что-нибудь. Мы опять допросимъ извозчика. Извозчикъ упорно стоялъ на своёмъ. Когда его обвинили въ томъ, что онъ ошибся домомъ, онъ указалъ на пустое окно лавки.

— Я не знаю, что вы видѣли, господа, сказалъ онъ: — но я видѣлъ въ моей живни только одно пустое окно въ лавкѣ. Это и заставило меня заомнить этотъ домъ и вотъ почему я узнаю его, когда вижу.

На обвиненіе въ томъ, что онъ ошибся или насчетъ дамы, или насчетъ дня, или дома, въ который онъ возилъ эту даму, извозчикъ твёрдо стоялъ на своёмъ. Служанка, которая занимала его на биржѣ, была тамъ хорошо извѣстна. День остался у

него въ памяти оттого, что это былъ наименѣе прибыльный день во всѣмъ году; а даму онъ запомнилъ потому, что она долго искала денегъ, а тотчасъ заплатила ему (чего никогда не случается съ пожилыми дамами) и потому, что заплатила ему, что онъ запросилъ безъ спора (чего не дѣлаетъ ни одна изъ пожилыхъ дамъ).

— Запишите мой номеръ, господа, заключилъ извозчикъ;—я готовъ подъ присягой повторить всё, что я вамъ сказалъ.

Педгифтъ записалъ номеръ извозчика, записалъ и названіе улицы и имена, стоявшія на двухъ мѣдныхъ дощечкахъ и спокойно отворилъ дверцы кэба.

— Теперь, пока мы въ потьмахъ, сказалъ онъ:—не обратятся ли намъ опять въ нашу гостиницу?

И тонъ его голоса и выраженіе лица казались серьезнѣе обыкновеннато. То обстоятельство, что мистриссъ Мэндевилль перемѣнила квартиру, не сказавъ никому куда она переѣзжаетъ и не оставивъ адреса, куда пересылать къ ней письма — обстоятельство, показавшееся неоспоримо подозрительнымъ ревнивой злости мистриссъ Мэндевилль — не произвело большаго впечатлѣнія на безпристрастное сужденіе стряпчаго Аллена. Многие часто оставляютъ свои квартиры тайнымъ образомъ по весьма уважительнымъ причинамъ. Но наружность того дома, въ который извозчикъ отвѣзъ мистриссъ Мэндевилль, поставила и характеръ и поступки этой таинственной дамы совершенно въ новомъ свѣтѣ предъ Педгифтомъ Младшимъ. Его личный интересъ въ этихъ розыскахъ внезапно увеличился и онъ началъ чувствовать любопытство разувать дѣло Аллена, котораго онъ еще не чувствовалъ.

— Не легко видѣть что мы теперь должны сдѣлать, мистеръ Армэдэль, сказалъ онъ на возвратномъ пути въ гостиницу.— Какъ вы думаете, не можете ли вы сообщить мнѣ еще какихъ-нибудь подробностей?

Алленъ колебался, Педгифтъ Младшій увидалъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко.

«Я не долженъ принуждать его, думалъ онъ: «я долженъ дать ему время и предоставить высказаться самому»,

— За неимѣніемъ всякихъ другихъ свѣдѣній, продолжалъ онъ: — не разузнать ли мнѣ насчетъ этой странной лавки и этихъ двухъ имѣнь, стоящихъ на мѣдныхъ дощечкахъ на дверяхъ? Когда я оставлю васъ, я займусь дѣлами и поѣду именно туда, гдѣ могу разузнать что-нибудь, если только есть что разузнавать.

— Я полагаю, что разузнать не сдѣлаетъ никакого вреда, отвѣчалъ Аллэнъ.

Онъ тоже говорилъ серьезнѣе обыкновеннаго; онъ тоже началъ чувствовать непреодолимое любопытство узнать больше. Какая-то смутная связь, неясно обозначенная, начала устанавливаться въ его умѣ между затрудненіемъ узнать семейныя обстоятельства миссъ Гуильтъ и затрудненіемъ отыскать ее поручительницу.

— Я выйду и поѣду пѣшкомъ, а вы поѣзжайте по вашему дѣлу, сказалъ онъ.—Мнѣ нужно сообразить кое-что; прогулка и сто-ра помогутъ мнѣ.

— Моё дѣло будетъ кончено во второмъ часу, сэръ, сказалъ Педгифтъ, когда кэбъ остановился и Аллэнъ вышелъ. — Сойдѣмся мы опять въ гостинницѣ въ два часа?

Аллэнъ кивнулъ головой и кэбъ уѣхалъ.

Глава IX.

Аллэнъ доведѣнъ до крайности.

Настало два часа. Педгифтъ Младшій какъ разъ явился вовремя. Его утренняя живость пропала; онъ поздоровался съ Аллэномъ съ своей обыкновенной вѣжливостью, но безъ своей обычной улыбки; а когда главный слуга пришолъ за приказаніями, Педгифтъ отпустилъ его, произнесъ слова, еще неслышанныя отъ Педгифта въ этой гостинницѣ:

— Пока ничего.

— Вы, кажется, не въ духѣ, сэръ, сказала Аллэнъ.— Не можемъ ли мы собрать свѣдѣнїи? Не-уже-ли никто не можетъ намъ сказать ничего о дѣлѣ въ Пимлико?

— Три человѣка говорили мнѣ о немъ, мистеръ Армэдэль, и всѣ трое сказали то же.

Аллэнъ поспѣшно придвинулъ свой стулъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ его стряпчій. Его размышленїя въ промежутокъ разлуки съ его стряпчимъ не успокоили его. Эта странная смѣсь, которую онъ чувствовалъ такъ легко и которую такъ трудно было ему опредѣлить, между затрудненїемъ узнать семейныя обстоятельства миссъ Гуильтъ и затрудненїемъ отыскать ея поручительницу, связь, уже установившаяся въ его мысляхъ, въ это время всё твѣрже и твѣрже, хотя непримѣтно, овладѣвала его душой. Его волновали сомнѣнїя, которыя онъ не могъ ни понять, ни выразить. Его мучило любопытство, которое онъ и желалъ и боялся удовлетворить.

— Я боюсь, что долженъ побезпокоить васъ однимъ или двумя вопросами, сэръ, прежде чѣмъ я приступлю къ дѣлу, сказала Педгифтъ Младшїй:— я не желаю насильно допытываться вашего довѣрїя, я только желаю знать какъ мнѣ дѣйствовать въ дѣлѣ, которое кажется мнѣ довольно неловкимъ. Можете вы сказать мнѣ, заинтересованы ли другїе, кромѣ васъ, въ нашихъ розысканїяхъ?

— И другїе заинтересованы, отвѣчала Аллэнъ:— это я могу вамъ сказать.

— Нѣтъ ли другой особы предметомъ этихъ розысканїй кромѣ мистриссъ Мэндевилль? продолжалъ Педгифтъ, глубже заглядывая въ тайну.

— Да, есть еще одна особа, сказала Аллэнъ, отвѣчая не совсѣмъ охотно.

— Эта особа женщина и молодая, мистеръ Армэдэль?

Аллэнъ вздрогнулъ.

— Какъ вы угадали это? началъ онъ и спохватился, когда было уже поздно. — Не дѣлайте мнѣ вопросовъ, продолжалъ онъ:— я не мастеръ защищаться противъ такого хитраго чело-

вѣка, какъ вы; я связанъ честнымъ словомъ не сообщать никакихъ подробностей объ этомъ дѣлѣ никому.

Педгифтъ Младшій, вѣроятно, слышалъ довольно для своей цѣли; онъ, въ свою очередь, придвинулъ свой стулъ ближе къ Аллану; онъ очевидно былъ растревоженъ и смущенъ, но его юридическая сноровка начала опять выказываться по привычкѣ.

— Я кончилъ мои вопросы, сэръ, сказалъ онъ: — и теперь долженъ сказать кое-что съ моей стороны. Въ отсутствіе моего отца можетъ-быть вы согласитесь считать меня вашимъ стряпчимъ. Послушайтесь моего совѣта и не продолжайте вашихъ розысковъ.

— Чтò вы хотите сказать? спросилъ Алланъ.

— Можетъ-быть, что извозчикъ, несмотря на его положительныя увѣренія, ошибается. Я сильно совѣтую вамъ думать, что онъ ошибается и прекратить это дѣло.

Это предостереженіе было доброжелательно, но сдѣлано слишкомъ поздно. Алланъ сдѣлалъ то, чтò сдѣлали бы девяносто-девять человѣкъ изъ ста на его мѣстѣ: онъ отказался принять совѣтъ своего стряпчаго.

— Очень хорошо, сэръ, сказала Педгифтъ Младшій: — если вы непременно хотите, пусть будетъ по-вашему.

Онъ наклонился къ уху Аллана и шепнулъ, чтò слышалъ о домѣ въ Пимлико и о людяхъ, жившихъ тамъ.

— Не осуждайте меня, мистеръ Армэдэль, прибавилъ онъ, когда невозвратныя слова были произнесены: — я старался избавить васъ отъ этого огорченія.

Алланъ перенёсъ ударъ какъ переносятъ всѣ большіе удары — молча. Его первымъ побужденіемъ было бы послѣдовать совѣту, данному ему и считать ложнымъ увѣреніе извозчика, еслибы не одно невпріятное обстоятельство, неумолимо не допускавшее его до этого. Замѣтное нежеланіе миссъ Гуильтъ говорить о своей прежней жизни пришло ему на память не прямымъ, но страшнымъ подтверженіемъ улики, соединявшей поручительницу миссъ Гуильтъ съ домомъ въ Пимлико. Одно заключеніе, только одно — заключеніе, которое всякій могъ бы вывести, услышавъ то, чтò услышалъ Алланъ и зная не болѣе его — утвердилось въ его мы-

сляхъ. Жалкая, падшая женщина, рѣшившаяся въ крайности прибѣгнуть къ помощи негодяевъ, искусныхъ въ преступномъ умѣннн скрывать дурныя дѣла — женщина, пробравшаяся въ порядочное общество и къ занятіямъ, достойнымъ уваженія, посредствомъ фальшивой репутаціи—женщина по положенію своему подвергающаяся страшной необходимости постоянно скрываться и постоянно обманывать въ томъ, что касалось ея прошлой жизни—вотъ въ какомъ видѣ представилась теперь Аллену прелестная торп-эмбросская гувернантка! Ложно, или истинно представилась? пробралась ли она въ порядочное общество и къ занятію достойному уваженія посредствомъ фальшиваго имени? Да. Наложило ли на неё ея положеніе ужасную необходимость постоянно скрывать, постоянно обманывать на счетъ ея прошлой жизни? Да. Была ли она жалкою жертвою вѣроломства какого-нибудь неизвѣстнаго человѣка, какъ Алленъ предполагалъ? *Она не была такою жалкою жертвою.* Заключение, выведенное Алленомъ—заключение, къ которому буквально привели его факты, находившіеся предъ нимъ, всё таки было далско отъ истины. Дѣйствительная исторія отношеній миссъ Гуальтъ къ дому въ Пимайко и къ людямъ, жившимъ въ нёмъ — къ дому, какъ справедливо говорили; наполненному скверными тайнами, и людямъ, какъ справедливо описывали, постоянно находившимся въ опасности попасться въ руки закона—обнаружится послѣдующими событіями, эта исторія была совсѣмъ не такъ возмутительна, но вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо ужаснѣе, чѣмъ Алленъ и его совѣтники предполагали.

— Я старался избавить васъ отъ огорченій, мистеръ Армэдэль, повторилъ Педгифтъ:—я желалъ, если только могъ, избѣжать этого, не огорчать васъ.

Алленъ поднялъ глаза и сдѣлалъ усиліе, чтобы обуздать себя.

— Вы ужасно меня огорчили, сказалъ онъ:—вы совсѣмъ разбили моё сердце. Но это не ваша вина. Я долженъ чувствовать, что вы оказали мнѣ услугу, и что я долженъ сдѣлать, я сдѣлаю, когда опять приду въ себя. Есть одно обстоятельство, прибавилъ Алленъ; послѣ минутнаго, тягостнаго размышленія:—въ которомъ слѣдуетъ тотчасъ же условиться намъ. Совѣтъ, пред-

ложенный вами теперь, вы дали съ добрымъ намѣреніемъ и это самый лучший совѣтъ, какой только можно было дать; я съ признательностью приму его. Мы никогда болѣе не будемъ говорить объ этомъ и прошу и умоляю васъ, никогда не говорить объ этомъ никому другому. Обѣщаете вы мнѣ это?

Педгифтъ далъ обѣщаніе съ очевидной искренностью, но безъ свойственной его профессіи увѣренности въ обращеніи. Огорченіе, выражавшееся на лицѣ Аллена, повидимому, страшило его. Послѣ вовсе несвойственной ему нерѣшимости, онъ вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Алленъ позвонилъ, чтобы ему подали письменныя принадлежности и вынулъ изъ записной книжки роковое рекомендательное письмо къ «мистриссъ Мэндевилль», полученное имъ отъ жены маіора.

Человѣкъ, привыкшій соображать обстоятельства и приговляться дѣйствовать обдуманно, въ настоящихъ обстоятельствахъ Аллена, почувствовалъ бы нѣкоторую нерѣшимость относительно того, какъ теперь наименѣе затруднительно и наименѣе опасно поступить. Привыкнувъ повиноваться своимъ впечатлѣніямъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, Алленъ повиновался своему впечатлѣнію и въ этомъ серьезномъ непредвидѣнномъ обстоятельстве. Хотя его привязанность къ миссъ Гуильтъ совсѣмъ была не такъ глубока, какъ онъ воображалъ, она внушила ему не обыкновенный восторгъ и не обыкновенное огорченіе, когда онъ думалъ о ней теперь; его главнымъ желаніемъ въ эту критическую минуту въ его жизни было сострадательное желаніе мужчины защитить отъ огласки и гибели несчастную женщину, лишившуюся его уваженія, но не своихъ правъ на снисхожденіе, которое могло укрыть и пощадить её.

«Я не могу воротиться въ Торп-Эмбросъ, я не могу рѣшиться говорить съ нею, или увидѣть её опять, но я могу сохранить ея несчастную тайну—и сохранию!»

Съ этой мыслью въ сердцѣ Алленъ принялся за первую и главную обязанность, которая теперь предстояла ему — обязанность увѣдомить мистриссъ Мильрой. Еслибы онъ имѣлъ болѣе умственныхъ способностей и болѣе проникательности, онъ, мо-

жетъ быть, нашолъ бы, что это письмо не легко было писать. Теперь же онъ не рассчитывалъ послѣдствій и не чувствовалъ затрудненія; его инстинктъ предупреждалъ его тотчасъ же оставить положеніе, въ которомъ онъ теперь находился относительно жены майора, и написалъ ей, что его инстинктъ совѣтовалъ ему написать, такъ быстро, какъ только перо успѣвало бѣгать по бумагѣ.

«Гостинница Деннъ, Ковент-Гарденъ, вторникъ.»

«Милостивая государыня,

«Прошу васъ извинить меня, что я не возвращаюсь въ Торп-Эмбросъ сегодня, какъ обѣщалъ. Непредвидѣнные обстоятельства принуждаютъ меня остаться въ Лондонѣ. Я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что мнѣ не удалось видѣть мистриссъ Мэндевилль, почему я и не могъ исполнить вашего порученія. Я прошу у васъ позволенія съ крайнимъ извиненіемъ возвратитъ вамъ рекомендательное письмо. Я надѣюсь, вы позволите мнѣ сказать въ заключеніе, что я очень вамъ обязанъ за вашу доброту и не осмѣлюсь болѣе употреблять её во зло.

«Я остаюсь, милостивая государыня, искренно вамъ преданный,

«Аллэнъ Армэдэль.»

Этими безыскусственными словами, всё еще не подозрѣвая характера женщины, съ которой онъ имѣлъ дѣло, Аллэнъ вложилъ оружіе, котораго она желала имѣть, въ руки мистриссъ Мильрой.

Запечатавъ письмо и написавъ адресъ, Аллэнъ былъ свободенъ подумать о себѣ и о своемъ будущемъ. Когда онъ сидѣлъ, лѣниво чертя линіи своимъ перомъ на пропускной бумагѣ, слѣзы выступили на глазахъ его въ первый разъ, слѣзы, въ которыхъ женщина, обманувшая его, не имѣла участія. Сердце его обратилось къ его умершей матери.

«Если бы она была жива, думалъ онъ:—я, можетъ быть, довѣрился бы ей и она утѣшила бы меня.»

Безполезно было думать объ этомъ. Онъ отёръ слёзы и обратилъ свои мысли съ печальной безропотностью, извѣстной всѣмъ намъ, на живые и настоящіе предметы.

Онъ написалъ нѣсколько строкъ къ Бэшуду, вкратцѣ увѣдомивъ исправлявшаго должность управителя, что его отсутствіе изъ Торп-Эмброза, вѣроятно, продолжится еще нѣсколько времени и что дальнѣйшія распоряженія, которыя окажутся необходимыми, будутъ ему присланы чрезъ Педгифта Старшаго. Когда письма были отосланы на почту, мысли Аллена опять обратились на самого себя. Опять пустое будущее, разстилавшееся передъ нимъ, ожидало пополненія, и опять сердце Аллена отступало отъ него, ища прибѣжища въ прошломъ.

На этотъ разъ другіе образы, уже не образъ матери, наполнили его душу. Всепоглощающій интересъ его юныхъ дней зашевелился въ нёмъ живѣе прежняго. Онъ подумалъ о морѣ, онъ подумалъ о своей яхтѣ, праздно лежавшей въ рыбацкѣй пристани его сомерсетширскаго дома. Имъ овладѣла прежняя страсть услышать плескъ волнъ, видѣть паруса, смотрѣть какъ яхта, которую строить помогалъ онъ самъ, будетъ опять летѣть по волнамъ. Онъ всталъ съ своей привычной впечатлительностью, чтобы спросить росписаніе часовъ и отправиться въ Сомерсетширъ съ первымъ поѣздомъ, когда описаніе вопросовъ мистера Брока и подозрѣнія въ перемѣнѣ, которую Брокъ увидитъ въ нёмъ, заставило его опять сѣсть на своё мѣсто.

«Я напишу, подумалъ онъ: «чтобы яхту приготовили, а въ Сомерсетширъ поѣду вмѣстѣ съ Мидуинтеромъ.»

Онъ вздохнулъ, когда воспоминаніе обратилось къ его отсутствующему другу. Никогда не чувствовалъ онъ пустоты, сдѣланной въ его жизни отъѣздомъ Мидуинтера такъ мучительно, какъ чувствовалъ онъ теперь въ самомъ печальномъ уединеніи — уединеніи пріѣзжаго въ Лондонъ, сидящаго одиноко въ гостиницѣ.

Педгифтъ Младшій заглянулъ въ комнату, извиняясь въ своей навязчивости. Алленъ чувствовалъ себя такъ одинокимъ и такъ брошеннымъ, что не могъ не принять съ признательностью появленіе своего спутника.

— Я не поѣду въ Торп-Эмбросъ, сказала она: — я останусь въ Лондонѣ. Я надѣюсь, вы можете остаться со мной?

Надо отдать справедливость Педгифту: онъ былъ тронуть одинокимъ положеніемъ, въ которомъ владѣлецъ огромнаго торп-эмбросскаго имѣнія теперь явился ему. Въ своихъ сношеніяхъ съ Алленомъ онъ никогда еще до такой степени не забывалъ своихъ дѣловыхъ интересовъ, какъ теперь.

— Вы совершенно правы, сэръ: оставаясь здѣсь, въ Лондонѣ, вы развлечетесь, весело сказала Педгифтъ. — Всякое дѣло можно растянуть болѣе или менѣе, мистеръ Армэдэль. Я протяну дольше мое дѣло и буду бесѣдовать съ вами съ величайшимъ удовольствіемъ. Мы оба приближаемся къ тридцатилѣтнему возрасту, сэръ — будемъ же наслаждаться. Что вы скажете, если мы пообѣдаемъ рано, поѣдемъ въ театръ, а завтра утромъ посмотримъ на выставку въ Гайд-Паркъ? Уильямъ, обѣдъ въ пять часовъ, а такъ-какъ онъ необыкновенно важенъ сегодня, я самъ поговорю съ поваромъ.

Прошолъ вечеръ — прошолъ слѣдующій день — насталъ четвергъ и Алленъ получилъ письмо. Адресъ былъ написанъ рукою мистриссъ Мильрой, и начало письма, когда Алленъ распечаталъ его, тотчасъ показало ему, что дѣло неладно.

«Коттэджъ, Торп-Эмбросъ, среда.»

(Секретное.)

«Милостивый государь, я сейчасъ получила ваше тайнственное письмо. Оно болѣе чѣмъ удивило, оно испугало меня. Показавъ вамъ съ своей стороны самую дружескую предупредительность, я вдругъ лишилась вашей довѣренности самымъ непонятнымъ и я должна прибавить самымъ невѣжливымъ образомъ. Я никакъ не могу оставить это дѣло такъ. Единственное заключеніе, каюе я могу вывести изъ вашего письма, состоитъ въ томъ, что мое довѣріе было какимъ-нибудь образомъ употреблено во зло и что вы знаете гораздо болѣе, чѣмъ хотите сказать мнѣ. Заботясь о благосостояніи моей дочери, я прошу васъ, чтобы вы сообщили мнѣ, какія обстоятельства помѣшали вамъ видѣть мистриссъ

Мэндевилль и заставили васъ отказать мнѣ въ помощи, обѣщанной вами безусловно въ вашемъ письмѣ ко мнѣ въ прошлый понедѣльникъ.

«При слабомъ состояніи моего здоровья я не могу вести продолжительную корреспонденцію. Я должна постараться предупредить всѣ возраженія, какія вы можете сдѣлать, и сказать всё въ моёмъ настоящемъ письмѣ. Въ случаѣ — который я не желаю считать возможнымъ — если вы откажетесь исполнить мою просьбу, я буду считать моею обязанностью къ моей дочери разъяснить это неприятное дѣло. Если я не получу отъ васъ удовлетворительнаго извѣстія съ первой почтой, я буду принуждена сказать моему мужу, что случившіяся обстоятельства дають намъ право освѣдомиться относительно о репутаціи поручительницы миссъ Гуильтъ. А когда онъ спроситъ меня на чомъ я основываюсь, я попрошу его обратиться къ вамъ.

«Покорная къ услугамъ вашимъ

«Анна Мильрой».

Въ такихъ выраженіяхъ жена маіора сбросила маску и дала возможность своей жертвѣ разсматривать ловушку, въ которую она поймала её. Довѣріе Алэна къ добросовѣстности мистриссъ Мильрой было такъ искренно, что ея письмо просто изумило его. Онъ смутно видѣлъ, что онъ былъ обманутъ какимъ-то образомъ и что участіе мистриссъ Мильрой къ нему совсѣмъ было не таково, какимъ оно казалось на поверхности, и онъ не видѣлъ ничего болѣе. Угроза обратиться къ маіору — на что съ женскимъ невѣдѣніемъ мужскихъ натуръ мистриссъ Мильрой полагалась, чтобы произвести эффектъ — было единственнымъ мѣстомъ въ письмѣ, которое Алэнъ читалъ съ удовольствіемъ: оно облегчило, а не испугало его.

«Если будетъ ссора, думалъ онъ: «по-крайней-мѣрѣ будетъ утѣшеніемъ имѣть дѣло съ мужчиной».

Твёрдый въ своёмъ намѣреніи защитить несчастную женщину, тайну которой, какъ Алэнъ полагалъ, онъ узналъ, онъ сѣлъ написать извиненіе женѣ маіора. Послѣ трёхъ вѣжливыхъ заявленій, по порядку, онъ удалился съ поля битвы.

«Онъ чрезвычайно сожалѣеть, что оскорбилъ мистриссъ Мильрой. Онъ не имѣлъ никакого намѣренія оскорбить мистриссъ Мильрой. Онъ остаётся искренно преданнымъ мистриссъ Мильрой». Никогда обычная краткость Аллена въ корреспонденціи не оказывала ему лучшей услуги какъ теперь. Умѣй онъ искуснѣе владѣть перомъ, онъ могъ дать своей непріятельницѣ болѣе оружіе противъ него, чѣмъ она уже имѣла.

Черезъ день угроза мистриссъ Мильрой осуществилась въ видѣ письма отъ ея мужа. Маіоръ писалъ не такъ формально, какъ его жена, но его вопросы были безошадно положительны.

Коттэджъ, Торн-Эмброузъ. Пятница, іюля 11, 1851.

(Секретное).

Милостивый государь, когда вы удостоили меня посѣщеніемъ нѣсколько дней назадъ, вы сдѣлали вопросъ, относившійся къ гувернанткѣ моей дочери, миссъ Гуильтъ, который въ то время показался мнѣ страненъ и, если вы помните, поселилъ между нами минутное замѣшательство.

«Сегодня утромъ моё вниманіе опять обратили на миссъ Гуильтъ такимъ образомъ, что это возбудило во мнѣ величайшее удивленіе. Просто сказать, мистриссъ Мильрой сообщила мнѣ, что миссъ Гуильтъ подвергнула себя подозрѣнію въ томъ, что обманула насъ ложной атестаціей. Когда я выразилъ моё удивленіе при такомъ необыкновенномъ извѣстїи и просилъ разъясненія, меня удивили еще болѣе, сказавъ, чтобы я обратился за всѣми подробностями къ мистеру Армэдэлю. Напрасно я просилъ болѣе подробныхъ объясненій отъ мистриссъ Мильрой, она упорно молчитъ и проситъ меня обратиться къ вамъ.

«Вынужденный такими необыкновенными обстоятельствами, я принуждёнъ сдѣлать вамъ нѣкоторые вопросы, на которые, я увѣренъ, на сколько знаю васъ, что вы будете отвѣчать откровенно.

«Я прошу позволенія узнать, во-первыхъ, подтверждаете вы или опровергаете увѣреніе мистриссъ Мильрой, что вы узнали:

подробности, относящіяся къ миссъ Гуильтъ, или къ ея поручительницѣ, подробности совершенно мнѣ неизвѣстныя? Во-вторыхъ, если вы подтвердите увѣреніе мистриссъ Мильрой, я желаю знать какъ вы узнали эти подробности? Въ-третьихъ и въ послѣднихъ, я прошу васъ сообщить въ чомъ состоятъ эти подробности?

«Если необходимо объяснить причину этихъ вопросовъ — что я охотно допущаю изъ чистой вѣжливости къ вамъ — я попрошу васъ вспомнить, что миссъ Гуильтъ поручена въ моёмъ домѣ самая драгоценная обязанность — воспитаніе моей дочери, и по словамъ мистриссъ Мильрой, вы можете сказать мнѣ достойна ли миссъ Гуильтъ исполнять эту обязанность.

«Мнѣ остаётся только прибавить, что такъ какъ до-сихъ-поръ ничего такого не случилось, что оправдывало бы хоть малѣйшее подозрѣніе ни о гувернанткѣ моей дочери, ни о ея поручительницѣ, то я не обращусь къ миссъ Гуильтъ за объясненіемъ до-тѣхъ-поръ, пока не получу вашего отвѣта, котораго ожидаю съ слѣдующей почтой.

Искренно вамъ преданный,

«ДЭВИДЪ МИЛЬРОЙ.»

Это ясное и прямое письмо тотчасъ разогнало смятеніе наполнявшее до-сихъ-поръ мысли Аллена; онъ увидалъ въ какую ловушку онъ попалъ. Мистриссъ Мильрой поставила его въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: или сдѣлать себя виноватымъ, отказавшись отвѣчать на вопросы ея мужа, или оправдать себя, взваливъ вину на женщину, прямо признавшись маіору, что его жена обманула его. Въ этомъ затрудненіи Алленъ поступилъ, по обыкновению, безъ всякой нерѣшимости. Слово, данное имъ мистриссъ Мильрой сохранить втайнѣ ихъ переписку всё еще связывало его, хотя она низко употребила это въ зло, и намѣреніе его осталось неизмѣннымъ: ни подъ какимъ видомъ не выдавать миссъ Гуильтъ.

«Можетъ-быть я поступилъ какъ дуракъ, думалъ онъ: «но я не нарушу моего слова и не подамъ поводъ опять выгнать на всѣ четыре стороны эту несчастную женщину.»

Онъ написалъ къ маіору, такъ же коротко и безыскусственно, какъ писалъ къ его женѣ. Онъ объявлялъ о свѣомъ нежеланіи обмануть ожиданіе друга и сосѣда, еслибы это зависѣло отъ него. Но въ этомъ случаѣ онъ не имѣлъ другого выбора. На вопросы маіора онъ не могъ отвѣчать. Онъ не умѣлъ искусно объясняться и надѣялся, что его извинять въ томъ, что онъ выражается такимъ образомъ и не скажетъ ничего больше.

Въ понедѣльникъ пришолъ отвѣтъ маіора Мильроя, окончившій переписку.

Коттаджъ, Торп-Эмбросъ. Воскресенье.

«Вашъ отказъ отвѣчать на мои вопросы, несопровождаемый дальше ни малѣйшимъ извиненіемъ для подобнаго поступка, можно истолковать только однимъ образомъ. Кромѣ того, что онъ подтверждаетъ справедливость увѣреній мистриссъ Мильрой, но онъ также набрасываетъ тѣнь на репутацію гувернатки моей дочери. По чувству справедливости къ особѣ, живущей въ моёмъ домѣ и не подавшей мнѣ никакой причины не довѣрять ей, я теперь покажу нашу переписку миссъ Гуильтъ и повторю ей разговоръ, который я имѣлъ объ этомъ съ мистриссъ Мильрой, въ присутствіи мистриссъ Мильрой.

«Еще одно слово о нашихъ будущихъ отношеніяхъ и я кончу. Мои идеи о нѣкоторыхъ предметахъ навѣрно могутъ назваться теперь идеями человѣка стариннаго покроя. Въ моё время мы держались кодекса чести, по которому сообразовали наши поступки. Согласно этому кодексу, если мужчина разузнавалъ секретно дѣла женщины, не будучи ея мужемъ, ея отцомъ или ея братомъ, онъ подвергалъ себя отвѣтственности- оправдать своё поведеніе въ глазахъ другихъ; а если онъ уклонялся отъ этой отвѣтственности, то отказывался отъ званія джентльмена. Весьма возможно, что этотъ старинный образъ мыслей уже не существуетъ болѣе; но въ мои лѣта, для меня уже поздно, принимать болѣе современныя воззрѣнія. Я чрезвычайно желаю, соображая то, что мы живѣмъ въ такой странѣ и въ такое время, когда понятіе о чести приняло полицейскій характеръ, выражаться съ крайней умѣренностью въ этомъ послѣднемъ случаѣ моихъ сно-

шеній съ вами. Позвольте мнѣ только замѣтить, что наши идеи о поведеніи, приличномъ джентльмену, совершенно расходятся и позвольте мнѣ по этому поводу просить васъ считать себя вперёдъ совершенно незнакомымъ съ моимъ семействомъ и со мной.

Вашъ покорнѣйшій слуга,

«Дэвидъ Мильрой.»

То утро, въ которое его кліентъ получилъ письмо майора, было отмѣчено самымъ чернымъ утромъ въ календарѣ Педгифта. Когда первый гнѣвъ Аллена при видѣ презрительнаго тона, которымъ его другъ и сосѣдъ произнёсъ надъ нимъ приговоръ, утихъ, онъ впалъ въ уныніе, изъ котораго не могли вывести его въ этотъ день никакія усилія его спутника. Весьма естественно обращаясь теперь, когда приговоръ изгнанія былъ произнесёнъ о своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ коттеджемъ, воспоминанія его воротились и къ Нилу съ большимъ сожалѣніемъ и съ большимъ раскаяніемъ чѣмъ до сихъ поръ.

«Если бы она выгнала меня, а не отецъ ея, было горькимъ размышленіемъ, съ какимъ Алленъ обращался теперь къ прошлому: «я ни слова не сказалъ бы противъ этого, я чувствовалъ былъ, что это мнѣ подѣломъ.»

На слѣдующій день пришло другое письмо — письмо пріятное на этотъ разъ, отъ мистера Брока. Алленъ написалъ въ Сомерсетширъ, нѣсколько дней тому назадъ, о томъ, чтобы приготовили его яхту. Письмо это нашло ректора занятымъ, какъ онъ простодушно полагалъ, тѣмъ, чтобы защищать своего бывшаго ученика противъ женщины, за которой онъ наблюдалъ въ Лондонѣ и которая, какъ онъ полагалъ, послѣдовала за нимъ въ его собственный домъ. Дѣйствуя по приказаніямъ, присылаемымъ къ ней, горничная мистриссъ Олдершотъ окончательно мистифировала Брока. Она уничтожила всякое безпокойство ректора, давъ ему письменное обязательство (отъ имени миссъ Гуильтъ) никогда не обращаться къ мистеру Армэдэлю ни лично, ни письменно! Твёрдо убѣждённый, что онъ выигралъ побѣду наконецъ, бѣдный Брокъ весело отвѣчалъ на письмо Аллена, выражая весьма естественное удивленіе, что онъ оставляетъ Торп-Эмбросъ,

но общая, что яхта будет готова и предлагая гостеприимство въ пасторатѣ самымъ радушнымъ образомъ.

Это письмо изумительно оживило Аллена. Оно внушило ему новый интересъ, совершенно не относившійся къ его прошлой жизни въ Норфолькѣ. Онъ началъ считать дни, которые должны были пройти до возвращенія его отсутствующаго друга. Былъ вторникъ. Если Мидуинтеръ воротится, какъ онъ обѣщаль, чрезъ двѣ недѣли, то въ субботу онъ будетъ въ Торп-Эмбросѣ. Записка, посланная туда къ путешественнику, можетъ привести его въ Лондонъ въ тотъ же день. И если всё пойдѣтъ хорошо, прежде чѣмъ пройдесть еще недѣля, они могутъ вмѣстѣ кататься на яхтѣ.

На слѣдующій день, къ облегченію Аллена, не было никакихъ писемъ. Веселость Педгифта симпатически увеличивалась съ веселостью его кліента. Къ обѣду онъ отдалъ приказанія слугѣ еще великолѣпнѣе прежнихъ.

Насталъ четвергъ и роковой почтальонъ принёсъ еще письмо изъ Норфолька. На сцену выступилъ новый корреспондентъ, еще не являвшійся на ней, и тотчасъ же уничтожились всѣ планы Аллена относительно поѣздки въ Сомерсетширъ.

Въ это утро Педгифтъ Младшій первый пришелъ къ завтраку. Когда вошелъ Алленъ, онъ принялъ своё прежнее обращеніе и, какъ стражчій, подалъ своему кліенту письмо съ сухимъ молчаніемъ и поклономъ.

— Это ко мнѣ? спросилъ Алленъ инстинктивно боясь новаго корреспондента.

— Къ вамъ, сэръ, отъ моего отца, отвѣчалъ Педгифтъ: — было вложено въ моёмъ письмѣ. Можетъ быть вы позволите мнѣ предупредить васъ, что извѣстіе не совсѣмъ пріятное и что намъ понадобится сегодня особенно хорошій обѣдъ; и—если только сегодня не дадутъ какую-нибудь новую нѣмецкую піесу—мнѣ кажется, мы сдѣлаемъ хорошо, если мелодически кончимъ вечеръ въ оперѣ.

— Что-нибудь не ладится въ Торп-Эмбросѣ? спросилъ Алленъ.

— Да, мистеръ Армэдэль, что-то не ладится въ Торп-Эмбросѣ.

Алленъ сѣлъ съ безропотной покорностью и распечаталъ письмо.

Большая улица, Торн-Эмбросъ, 17 июля 1851.

(Секретное.)

«Милостивый государь,

«Чувство долга къ вашимъ интересамъ заставляетъ меня не оставлять васъ долѣе въ невѣдѣннн относительно слуховъ, распространившихся здѣсь въ городѣ и въ окрестностяхъ и я съ сожалѣннємъ долженъ сказать касающихся васъ.

«Въ первый разъ это непрнятное извѣстнє дошло до меня въ прошлый понедѣльникъ. Въ городѣ говорили громко, что у маіора Мильора вышла какая-то непрнятность съ новой гувернанткой и что въ этомъ замѣшанъ мистеръ Армэдэлъ. Я не обратилъ на это вниманнє, относя это къ тѣмъ слѣтнямъ, которыя непрерывно распускаются здѣсь, и необходимы, какъ воздухъ, которымъ они дышатъ, для удобствъ обитателей здѣшняго почтеннаго города.

«Во вторникъ, однако, это дѣло явилось въ новомъ свѣтѣ. Самыя интересныя подробности повторялись лицами, заслуживающими довѣрнє. Въ среду окрестное дворянство приняло участнє въ этомъ дѣлѣ и единогласно раздѣлило мнѣннє города. Сегодня общественное мнѣннє дошло до крайней степени и я нахожусь вынужденнымъ сообщить вамъ что случилось.

«Начну сначала. Увѣряютъ, что на прошлой недѣлѣ была переписка между маіоромъ Мильроемъ и вами. Въ этой перепискѣ вы набросили очень серьезное подозрѣннє на репутацію миссъ Гуильтъ, не опредѣляя вашего обвиненнє и не представляя доказательствъ, когда къ вамъ обратились за этимъ. Вслѣдствнє этого маіоръ ечолъ своей обязанностью, увѣряя гувернантку въ своемъ твердомъ убѣжденнн въ ея достоинствахъ, увѣдомить еѣ о томъ, что случилось для того, чтобы она не имѣла причины жаловаться, что онъ скрылъ отъ нея дѣло, задѣвавшее ея репутацію. Это было очень великодушно со стороны маіора, но вы сейчасъ увидите, что миссъ Гуильтъ была еще великодушнѣе. Выразивъ свою признательность самымъ приличнымъ образомъ, она попросила позволеннє оставить свое мѣсто у маіора Мильрея.

«Относительно причины, побудившей гувернанку на этот шагъ, ходятъ различные слухи. Самое правдоподобное, одобряемое мѣстнымъ дворянствомъ; заключается въ томъ, будто миссъ Гуильтъ сказала, что она не можетъ унижить себя до того изъ уваженія къ самѣй себѣ и изъ уваженія къ ея достойной поручительницѣ—защищать свою репутацію противъ неопредѣленныхъ обвиненій, брошенныхъ на неѣ человѣкомъ сравнительно чужимъ. Въ то же время она не можетъ держаться такого образа дѣйствій, если не будетъ пользоваться свободою въ поступкахъ, которые несомвѣстны съ зависимымъ положеніемъ гувернантки. По этой причинѣ она чувствуетъ своею обязанностью оставить свое мѣсто. Но, дѣлая это, она также рѣшилась не подать повода перетолковать въ дурную сторону ея причины, оставляя эти окрестности. Не обращая вниманія на неудобство собственно для себя, она хочетъ остаться въ Торп-Эмбросѣ, чтобы подождать болѣе опредѣленныхъ обвиненій и публично опровергнуть ихъ, какъ только они примутъ осязаемую форму.

«Вотъ какое положеніе заняла эта великодушная особа, произведя прекрасный эффектъ на здѣшнее общественное мнѣніе. Очевидно, это ея интересъ, но какой-то причинѣ оставить свое мѣсто, но не оставлять этихъ окрестностей. Въ прошлый понедѣльникъ она поселилась въ дешовой квартирѣ въ предмѣстьи города. Въ тотъ же день, вѣроятно, она написала къ своей поручительницѣ, потому-что вчера маіоръ Мильрой получилъ отъ этой дамы письмо, исполненное добродѣтельнаго негодованія и требовавшее подробныхъ изслѣдованій. Письмо это было показано публично и чрезвычайно подкрѣпило положеніе миссъ Гуильтъ. Она теперь считается совершенной героиней. *Торп-Эмброскій Меркурій* помѣстилъ о ней передовую статью, и сравниваетъ её съ Іоанной д'Аркъ. Считаютъ вѣроятнымъ, что о ней будетъ упоминается въ проповѣди въ слѣдующее воскресенье. У насъ въ городѣ считается пять незамужнихъ дамъ, и всѣ пятеро были у ней. Теперь всѣ заботятся о томъ, чтобы доставить ей уроки музыки. Наконецъ, я имѣлъ честь получить визитъ отъ этой особы, въ качествѣ притѣвленной жертвы; она явилась сказать мнѣ самымъ протвѣмъ те-

номъ, что она не осуждаетъ мистера Армэдэля и что считаетъ его невиннымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, болѣе злоумышленныхъ людей. Я былъ очень остороженъ съ нею, потому что я не совсѣмъ вѣрю миссъ Гуильтъ и имѣю свои причины—причины стряпчего относительно повода, который управляютъ ея настоящими поступками.

«Я писалъ до-сихъ-поръ безъ малѣйшей нерѣшимости и замѣшательства; но, къ несчастью, въ этомъ дѣлѣ есть и серьезная и смѣшная сторона, и я долженъ неохотно приступить къ этому прежде, чѣмъ кончу моё письмо.

«Я думаю, что вамъ нельзя позволить говорить о себѣ такъ, какъ о васъ говорятъ теперь, не сдѣлавъ лично какого-нибудь шага въ этомъ дѣлѣ. Къ несчастью, у васъ здѣсь много враговъ, и самый главный между ними мой братъ мистеръ Дарчъ. Онъ всѣмъ показываетъ нѣсколько опрометчивое письмо, которое вы написали къ нему о томъ, что отдаёте въ наймы коттеджъ маіору Мильрою, а не ему; и это помогло раздражить всѣхъ противъ васъ. Просто, увѣряютъ, что вы позволили себѣ раз узнавать семейныя дѣла миссъ Гуильтъ по самымъ неблагороднымъ причинамъ, что вы старались, для собственной своей выгоды, испортить ея репутацію и лишить её покровительства маіора Мильроя, и что когда васъ просили представить доказательства въ подозрѣніяхъ, брошенныхъ вами на репутацію беззащитной женщины, вы сохраняли молчаніе, которое лишило васъ уваженія всѣхъ благородныхъ людей.

«Я надѣюсь, что бесполезно будетъ говорить, что я не приписываю ни малѣйшей вѣры этимъ гнуснымъ слухамъ; но они слишкомъ распространились для того, чтобы принимать ихъ съ презрѣніемъ. Я убѣдительно совѣтую вамъ тотчасъ возвратиться сюда и принять необходимыя мѣры для защиты вашей репутаціи, заодно со мною, какъ вашимъ законнымъ совѣтникомъ. Послѣ моего свиданія съ миссъ Гуильтъ я составилъ объ этой особѣ своё собственное мнѣніе, которое нѣтъ никакой необходимости повѣрять бумагѣ. Достаточно сказать здѣсь, что я могу предложить вамъ способъ заставить умолкнуть злые языки вашихъ сосѣдей, и за успѣхъ этого способа я поручусь моею

юридической репутаціей, если вы только поддержите меня вашимъ присутвіемъ и вашимъ авторитетомъ.

«Чтобы еще болѣе показать вамъ необходимость воротиться, я упомяну еще объ однихъ слухахъ, касающихся васъ и повторяемыхъ всѣми. Краснѣя, говорю вамъ, что ваше отсутствіе приписывается самой низкой причинѣ. Говорятъ, что вы остаётесь въ Лондонѣ потому, что боитесь показаться въ Торп-Эмбросѣ.

«Остаюсь, любезный сэръ, вашъ преданнѣйшій слуга,

«А. ПЕДГИФТЬ СТАР.»

Аллэнъ былъ въ такихъ лѣтахъ, что сильно почувствовалъ укоръ, заключавшійся въ послѣдней фразѣ письма стряпчачо. Онъ вскочилъ въ припадкѣ негодованія, обнаружившаго его характеръ Педгифту Младшему совершенно въ новомъ свѣтѣ.

— Гдѣ росписаніе? закричалъ Аллэнъ:—я съ слѣдующимъ же поѣздомъ долженъ воротиться въ Торп-Эмбросъ! Если нѣтъ поѣзда сейчасъ, я возьму экстренный. Я долженъ и хочу ѣхать сейчасъ и не посмотрю на издержки.

— Не послать ли намъ телеграмму къ моему отцу, сэръ? посоветовалъ благоразумный Педгифтъ:—это будетъ самый быстрый способъ выразить ваши чувства и самый дешовый.

— Такъ, сказала Аллэнъ. — Благодарю, что вы напомнили мнѣ это. Телеграфируйте! Скажите вашему отцу, чтобы онъ отъ моего имени уличалъ во лжи каждаго человѣка въ Торп-Эмбросѣ. Напишите это прописными буквами, Педгифтъ, напишите, прописными буквами!

Педгифтъ улыбнулся и покачалъ головой. Если онъ не зналъ другихъ видоизмѣненій человѣческой натуры, онъ вполнѣ зналъ видоизмѣненіе, которое существуетъ въ провинціальныхъ городахъ.

— Это не произведётъ на нихъ ни малѣйшаго дѣйствія, мистеръ Армэдэль, спокойно замѣтилъ онъ.—Они только станутъ лгать больше прежняго. Если вы желаете перевернуть вверхъ дномъ цѣлый городъ, это сдѣлаетъ одна строчка за пять шиллинговъ при помощи человѣческаго труда и электрическаго то-

ка (я занимаюсь нѣсколько наукою послѣ дѣловыхъ часовъ): мы бинемъ бомбу въ Торп-Эмброзъ!

Онъ приготавливалъ бомбу на бумажкѣ, говоря:

«Педгифтъ Младшій, Педгифту Старшему. Разгласите по всему городу, что мистеръ Армэдэль ѣдетъ съ слѣдующимъ поѣздомъ.»

— Побольше словъ, сказала Аллэнъ, смотря чрезъ его плечо.—Употребите болѣе сильныя выраженія.

— Предоставимъ это моему отцу, сэръ, возразилъ благоразумный Педгифтъ.—Отецъ мой тамъ на мѣстѣ, а краснорѣчіе его можетъ назваться необыкновеннымъ.

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ и отправилъ телеграмму. Теперь, когда кое-что было сдѣлано, Аллэнъ постепенно сталъ спокоенъ. Онъ опять посмотрѣлъ на письмо Педгифта и подалъ его сыну Педгифта.

— Можете вы угадать планъ вашего отца оправдать меня въ глазахъ моихъ сосѣдей? спросилъ онъ.

Педгифтъ Младшій покачалъ своей умной головою.

— Его планъ, кажется, имѣеть нѣкоторое отношеніе, сэръ, къ его мнѣнію о миссъ Гуильтъ.

Желалъ бы я знать что онъ думаетъ о ней? сказала Аллэнъ.

— Я не стану удивляться, мистеръ Армэдэль, отвѣчалъ Педгифтъ Младшій:—если его мнѣніе удивить васъ, когда вы его услышите. Отецъ мой имѣеть большую опытность въ тѣмной сторонѣ женскаго пола, и онъ учился своей профессіи въ Угольномъ судѣ.

Аллэнъ не спрашивалъ болѣе. Ему какъ-будто не хотѣлось продолжать объ этомъ разговоръ, хотя онъ самъ его началъ.

— Будемъ дѣлать что-нибудь, чтобы убить время, сказала онъ.—Улѣбимся и заплатимъ по счету.

Они уложились и заплатили. Насталъ часъ и наконецъ поѣздъ въ Норфолькъ отправился.

Пока путешественники возвращались, телеграмма подлиннѣе алленовой летѣла мимо нихъ по проволокамъ въ обратномъ направленіи — изъ Торп-Эмброза въ Лондонъ. Телеграмма была въ цифрахъ и могла быть передана такимъ образомъ:

«Отъ Лиди Гуильтъ къ Маріи Олдершидъ — пріятное извѣстіе! Онъ возвращается; я намѣрена имѣть съ нимъ свиданіе. Всѣ, кажется, хорошо. Теперь, когда я оставила коттэджъ, мнѣ нечего опасаться пытливыхъ женскихъ глазъ, и я могу ходить куда мнѣ угодно; къ счастью, мистера Мидуинтера здѣсь нѣтъ. Я еще не отчаяваюсь сдѣлаться мистриссъ Армэдэль. Чтѣ ни случилось бы, будьте увѣрены, что я не поѣду въ Лондонъ пока не удостовѣрюсь, что шпионы не послѣдуютъ за мною до вашего дома. Я не тороплюсь оставить Торп-Эмбровъ, я намѣрена даже прежде видѣться съ миссъ Мильрой.

Вскорѣ послѣ того, какъ эта телеграмма была получена въ Лондонѣ, Алленъ опять воротился домой. Былъ вечеръ — Педгифтъ Младшій только-что оставилъ его, а Педгифтъ Старшій долженъ былъ пріѣхать по дѣлу чрезъ полчаса.

Глава V.

СПОСОБЪ ПЕДГИФТА.

Послѣ совѣщанія съ сыномъ Педгифтъ Старшій отправился одинъ на свиданіе съ Алленомъ въ его домъ.

Кромѣ равницы въ лѣтахъ, сынъ былъ такимъ вѣрнымъ отраженіемъ отца, что знакомство съ однимъ Педгифтомъ почти равнялось знакомству съ обоими. Увеличьте нѣсколько ростъ и полноту Педгифта Младшаго, прибавьте смѣлость къ его юмору, спокойствіе и основательность къ его самоувѣренности — и наружность и характеръ Педгифта ^{старшаго} ~~Младшаго~~ будутъ находиться предъ вами.

Страницы поѣхалъ въ Торп-Эмбровъ въ своемъ собственномъ щегольскомъ гитѣ, запряженномъ его знаменитой быстроногой лошадыю. Онъ имѣлъ привычку самъ править, и между ничтожными наружными особенностями, въ которыхъ онъ и сынъ его

имѣли разницу, было то, что онъ выказывалъ въ своей одеждѣ спортсмѣнскій характеръ. Суконные панталоны Педгифта Старшаго узко обтягивали его ноги; сапоги и въ сухую и дождливую погоду имѣли одинаково толстую подошву; карманы сюртука покрывали ему бѣдры, а его любимый лѣтній галстухъ изъ свѣтлой кисеи съ крапинками, былъ завязанъ самымъ щегольскимъ и маленькимъ бантомъ. Онъ употреблялъ табакъ какъ и сынъ, но въ другомъ родѣ. Молодой человѣкъ курилъ, а старшій нюхалъ, и короткіе его друзья примѣчали, что онъ всегда держалъ свою «щепотку» между табакеркой и носомъ, когда собирался устроить хорошее дѣльце, или сказать хорошее словцо. Дипломатическое искусство занимаетъ широкое мѣсто въ поступкахъ всѣхъ людей, имѣвшихъ успѣхъ въ низшей отрасли закона. Дипломатія мистера Педгифта была одна и та же во всю его жизнь, при каждомъ случаѣ, когда онъ видѣлъ, что его искусство въ убѣжденіи требовалось при свиданіи съ другимъ человѣкомъ. Онъ непременно приберегалъ самый сильный аргументъ или самое смѣлое предложеніе къ концу и непременно вспоминалъ его у дверей (когда уже простился), какъ-будто это было чисто случайное соображеніе, только въ эту минуту пришедшее ему въ голову. Шутливые друзья, знавшіе по опыту этотъ образъ дѣйствія, называли это «постскриптумъ Педгифта». Немногіе въ Торп-Эмброузѣ не знали, что это значило, когда стряпчій вдругъ останавливался у открытой двери, тихо возвращался къ своему стулу, держа щепотку табаку между табакеркой и носомъ, и говоря: «кстати, вотъ что пришло мнѣ въ голову» и тотчасъ же рѣшалъ вопросъ, отъ котораго совсѣмъ отказался за минуту предъ тѣмъ.

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, котораго ходъ событій въ Торп-Эмброузѣ причудливо поставилъ на первое мѣсто. Это былъ единственный другъ подъ-рукою, къ которому Алленъ въ своёмъ одиночествѣ могъ обратиться за совѣтомъ въ часъ нужды.

— Добрый вечеръ, мистеръ Армэдаль. Очень благодаренъ вамъ за ваше быстрое вниманіе къ моему весьма непріятному письму, сказалъ Педгифтъ Старшій, весело начиная разговоръ въ ту минуту, какъ вошелъ въ домъ кліента.—Я надѣюсь, сэръ,

вы понимаете, что мнѣ не оставалось ничёго больше, какъ написать такимъ образомъ.

— Я имѣю очень мало друзей, мистеръ Педгифтъ, отвѣчалъ Аллэнъ просто: — но я увѣренъ, что вы принадлежите къ ихъ числу.

— Очень вамъ обязанъ, мистеръ Армэдэль, я всегда старался заслужить ваше доброе мнѣніе и намѣренъ, если могу, заслужить его теперь. Я надѣюсь, сэръ, что вамъ было удобно въ лондонской гостинницѣ? Мы называемъ её «нашей» гостинницей. Тамъ, въ погребѣ, есть рѣдкое старое вино, на которое я непременно обратилъ бы ваше вниманіе, еслибы имѣлъ честь быть съ вами. Мой сынъ, къ несчастью, не знаетъ никакого толка въ винахъ.

Аллэнъ чувствовалъ своё ложное положеніе въ этихъ окрестностяхъ такъ сильно, что не былъ способенъ говорить ни о чомъ, кромѣ главнаго дѣла. Вѣжливая метода его стряпчаго приблизиться къ тягостному предмету, о которомъ они должны были разсуждать, скорѣе раздражала чѣмъ успокоила его. Онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу по-свѣдому, круто и прямо.

— Гостинница была очень удобна, мистеръ Педгифтъ, и вашъ сынъ былъ очень добръ ко мнѣ. Но мы теперь не въ Лондонѣ и я желаю говорить съ вами о томъ, какъ мнѣ опровергнуть ложь, которую здѣсь разгласили обо мнѣ. Только укажите мнѣ человѣка, закричалъ Аллэнъ, возвышая голосъ и съ краской на лицѣ: — укажите человѣка, который говоритъ, что я боюсь показаться здѣсь, и я публично отхлещу его прежде чѣмъ другой день пронесётся надъ головой его.

Педгифтъ Старшій взялъ щепотку табаку и спокойно держалъ её между табакеркой и носомъ.

— Вы можете отхлестать человѣка, сэръ, но вы не можете отхлестать цѣлый городъ, сказалъ стряпчій своимъ вѣжливымъ эпиграмматическимъ тономъ. — Мы будемъ сражаться, не заимствуя оружія отъ кучера, но-крайней-мѣрѣ теперь.

— Но какъ мы начнёмъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ Аллэнъ: — какъ я могу опровергнуть гнусныя клеветы, которыя говорятъ обо мнѣ?

— Есть два способа выйти изъ вашего неловкаго положенія, сэръ, способъ короткій и способъ продолжительный, отвѣчалъ Педгифтъ Старшій: — короткій способъ—который всегда и лучший—пришлось мнѣ въ голову послѣ того, какъ я слышалъ о вашемъ поступкѣ въ Лондонѣ отъ моего сына: я такъ понялъ, что вы позволили ему, получивъ моё письмо, удостоить меня вашего довѣрія. Я вывелъ различное заключеніе изъ того, что онъ сказалъ мнѣ, которымъ я считаю необходимымъ побезпокоить васъ теперь. Пока я буду радъ узнать при какихъ обстоятельствахъ поѣхали вы въ Лондонъ дѣлать эти несчастные розыски о миссъ Гуальтъ? Вамъ самимъ пришло въ голову сдѣлать этотъ визитъ мистриссъ Мэндевилль или вы дѣйствовали подъ вліяніемъ какой-нибудь другой особы?

Аллэнъ колебался.

— Я не могу по совѣсти сказать вамъ, что это пришло въ голову мнѣ самому, отвѣчалъ онъ и не сказалъ ничего болѣе.

— Я такъ и думалъ, замѣтилъ Педгифтъ Старшій съ торжествомъ.—Краткій способъ выйти изъ нашего настоящаго затрудненія, мистеръ Армэдэль, зависитъ отъ той другой особы, подъ вліяніемъ которой вы дѣйствовали. Эта другая особа должна быть представлена вниманію публики и занять своё настоящее мѣсто. Прежде всего скажите ей имя, сэръ, и мы тотчасъ перейдёмъ къ обстоятельствамъ.

— Я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, мистеръ Педгифтъ, что мы должны взяться за продолжительный способъ, отвѣчалъ Аллэнъ спокойно:—краткій способъ я не могу принять въ этомъ случаѣ.

Люди, имѣвшіе успѣхъ въ юридической профессіи, никогда не принимаютъ «нѣтъ» за отвѣтъ. Педгифтъ Старшій имѣлъ успѣхъ въ своей профессіи и не хотѣлъ теперь принять «нѣтъ» за отвѣтъ. Но всякое упорство, включая упорство и юридическое, рано или поздно находятъ свои границы; а юристъ, вдвойнѣ укрѣпленный и продолжительной опытностью и щепотками табаку, нашолъ границы при самомъ началѣ свиданія. Невозможно, чтобъ Аллэнъ могъ уважать довѣріе, которое мистриссъ Мильрой такъ вѣроломно притворилась будто оказываетъ ему. Но

онъ имѣлъ уваженіе честнаго человѣка къ своему слову — уваженіе, прямо смотрящее на фактъ и никогда искоса не смотрящее на обстоятельства — и настойчивости Педгифта Старшаго не удалось ни на волосъ сдвинуть его съ того положенія, которое онъ занялъ. «Нѣтъ» это сильное выраженіе на англійскомъ языкѣ въ устахъ каждаго, кто имѣлъ мужество повторять его довольно часто — а Алленъ имѣлъ мужество повторять его довольно часто въ этомъ случаѣ.

— Очень хорошо, сэръ, сказалъ стряпчій, покоряясь своему пораженію безъ малѣйшаго гнѣва. — Выборъ зависитъ отъ васъ и вы выбрали. Мы возьмёмъ способъ продолжительный. Онъ начинается (позвольте мнѣ сообщить вамъ) изъ моей конторы и ведётъ (какъ я сильно подозреваю) сквозь очень грязную дорогу къ миссъ Гуильтъ.

Алленъ посмотрѣлъ на своего стряпчаго съ безмолвнымъ удивленіемъ.

— Если вы не хотите выставять особу, на которой лежитъ главная отвѣтственность въ розысканіяхъ, въ которыхъ, къ несчастію, вы запутали себя, продолжалъ Педгифтъ Старшій: — единственный другой способъ, въ нашемъ настоящемъ положеніи, состоятъ въ томъ, чтобы оправдать эти розысканія.

— А какъ это сдѣлать? спросилъ Алленъ.

— Доказавъ всему городу, мистеръ Армэдэль — то въ чомъ я твёрдо увѣренъ — что предметъ общественнаго покровительства ни что иное, какъ искательница приключеній самаго худшаго разряда, неспоримо недостойная и опасная женщина. Говоря попросту, сэръ, надо употребить и довольно времени и довольно денегъ на то, чтобы узнать правду о миссъ Гуильтъ.

Прежде чѣмъ Алленъ успѣлъ отвѣчать, въ дверь сначала послышался стукъ, а потомъ вошелъ слуга.

— Я сказалъ, чтобы мнѣ не мѣшали, раздражительно закричалъ Алленъ. — Господи Боже мой! не-уже-ли этому никогда не будетъ конца? Еще письмо!

— Да, сэръ, сказалъ слуга, подавая письмо: — и прибавилъ онъ, шепнувъ зловѣщія слова на ухо своему господину: — ждутъ отвѣта.

Аллэнъ посмотрѣлъ на адресъ письма, весьма естественно ожидая увидать почеркъ жены маіора. Ожиданіе это не осуществилось. Его корреспондентка была повидимому дама, но не мистриссъ Мильрой.

— Отъ кого это? сказала Аллэнъ, машинально смотря на Педгифта, когда распечатывалъ конвертъ.

Педгифтъ тихо постучалъ по табакеркѣ и сказалъ безъ малѣйшей нерѣшимости:

— Отъ миссъ Гуильтъ.

Аллэнъ распечаталъ письмо. Первые два слова въ этомъ письмѣ были остаткомъ двухъ словъ, только-что произнесённыхъ юристомъ. Это письмо было отъ миссъ Гуильтъ.

Аллэнъ еще разъ посмотрѣлъ на своего стряпчаго съ безмолвнымъ удивленіемъ.

— Я много ихъ зналъ въ моё время, сэръ, объяснилъ Педгифтъ съ скромностью и рѣдкой и приличной человѣку его лѣтъ.— Не такихъ красавицъ, какъ миссъ Гуильтъ—въ этомъ я согласенъ, но такихъ же зловредныхъ. Читайте ваше письмо, мистеръ Армэдэль, читайте.

Аллэнъ прочолъ:

«Миссъ Гуильтъ свидѣтельствуесть своё уваженіе мистеру Армэдэлю и желаетъ знать: удобно ли будетъ для него назначить ей свиданіе или сегодня вечеромъ, или завтра утромъ. Миссъ Гуильтъ не извиняется въ своей просьбѣ. Она полагаетъ, что мистеръ Армэдэль исполнить ея просьбу по долгу справедливости въ беззащитной женщинѣ, къ оскорбленію которой онъ былъ невиннымъ орудіемъ и которая горячо желаетъ оправдаться въ его глазахъ.»

Аллэнъ подалъ письмо стряпчему съ безмолвнымъ недоумѣніемъ и сокрушеніемъ. Лицо Педгифта выразило только одно чувство, когда онъ прочолъ письмо въ свою очередь, и отдалъ его Аллэну — чувство глубокаго восторга.

— Какой юристъ вышелъ бы изъ нея, еслибы она была муштина! воскликнулъ онъ съ жаромъ.

— Я не могу принимать этого такъ легко, какъ вы, мистеръ Педгифтъ, отвѣчалъ Аллэнъ:—это меня ужасно сокрушаетъ. Я

такъ её любилъ, прибавилъ онъ тихимъ тономъ: — я такъ её любилъ!...

Педгифтъ вдругъ сдѣлался серьёзенъ.

— Вы хотите сказать, сэръ, что вы желаете видѣться съ миссъ Гуильтъ? спросилъ онъ съ выраженіемъ искренняго испуга.

— Я не могу обращаться съ нею жестоко, возразилъ Аллэнъ. — Это ужасно растраниваетъ меня. Я послужилъ средствомъ къ оскорбленію ея безъ намѣренія—это извѣстно Богу!—я не могу послѣ этого жестоко обращаться съ нею.

— Мистеръ Армэдэль, сказалъ стряпчій: — вы сдѣлали мнѣ честь сказать, нѣсколько минутъ назадъ, что вы считаете меня вашимъ другомъ. Могу я, основываясь на этомъ, сдѣлать вамъ два вопроса, прежде чѣмъ вы прямо устремитесь къ вашей погибели?

— Дѣлайте вопросы какіе вамъ угодно, сказалъ Аллэнъ, смотря на письмо, единственное, полученное имъ отъ миссъ Гуильтъ.

— Вамъ уже была разставлена западня и вы попались въ неё. Вамъ вѣрно хочется попастьъ въ другую?

— Вы знаете отвѣтъ на этотъ вопросъ, мистеръ Педгифтъ, также хорошо, какъ и я.

— Я опять постараюсь, мистеръ Армэдэль. Мы, юристы, не легко теряемъ бодрость. Какъ вы думаете, можно ли будетъ повѣрить тому, въ чомъ миссъ Гуильтъ будетъ васъ увѣрять послѣ того, что вы и сынъ мой узвали въ Лондонѣ?

— Она можетъ объяснить то, что мы узнали въ Лондонѣ, сказалъ Аллэнъ, всё смотря на письмо и думая о рукѣ, начертавшей его.

— *Можетъ* объяснить? Любезный сэръ, она непременно объяснить! Я отдаю ей справедливость: я увѣренъ, что она докажетъ вамъ что угодно, такъ что не къ чему будетъ и придираться съ начала до конца.

Послѣдній отвѣтъ отвлѣкъ вниманіе Аллена отъ письма. Безжалостный здравый смыслъ юриста не давалъ ему пощады.

— Если вы опять увидите съ этой женщиной, сэръ, продолжалъ Педгифтъ: — вы сдѣлаете самый опрометчивый и сумасбродный поступокъ, о какомъ только случалось мнѣ смѣхаться

во всей моей продолжительной опытности. Она может имѣть только одну цѣль: приходя сюда, воспользоваться вашей слабостью къ ней. Никто не можетъ сказать до какого ложнаго шага можетъ она довести васъ, если вы подадите ей случай. Вы сами сознаёте, что вы любили её — ваше вниманіе къ ней было предметомъ всеобщихъ замѣчаній—если вы не доставили ей возможности сдѣлаться мистриссъ Армэдэль, за то вы сдѣлали всё, что могло дать ей эту возможность, и зная всё это, вы намѣреваетесь видѣться съ нею и позволить ей дѣйствовать на васъ съ ея дьявольской красотой и съ ея дьявольскимъ умомъ, въ роли вашей интересной жертвы! Вы—одинъ изъ лучшихъ жениховъ въ Англіи! Вы—добыча всѣхъ жадныхъ незамужнихъ женщинъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ; я никогда не слыхалъ ничего подобнаго, никогда не слыхалъ, во всей моей юридической опытности! Если вы положительно желаете поставить себя въ опасное положеніе, мистеръ Армэдэль, заключилъ Педгифтъ Старшій, все держа между табакеркой и своимъ носомъ щепотку табаку: — здѣсь, въ городѣ, на будущей недѣлѣ будетъ выставка звѣрища: пустите же къ себѣ тигрицу, сэръ, но не пускайте миссъ Гуильтъ.

Въ третій разъ Аллэнъ посмотрѣлъ на своего страпача и въ третій разъ страпачій отвѣчалъ ему взглядомъ нисколько несмущоннымъ.

— Вы, кажется, имѣете очень дурное мнѣніе о миссъ Гуильтъ, сказалъ Аллэнъ.

— Самое худшее мнѣніе, мистеръ Армэдэль, холодно взгляды Педгифтъ Старшій. — Мы воротимся къ этому, когда отошлёмъ посланнаго этой дамы. Хотите принять мой совѣтъ? Откажитесь видѣться съ нею!

— Я охотно отказался бы: свиданіе было бы ужасно тягостно для насъ обоихъ, сказалъ Аллэнъ. — Я охотно отказался бы, если бы зналъ какъ.

— Господи помилуй! мистеръ Армэдэль это довольно легко. Не компрометируйте себя письмомъ. Велите сказать посланному, что отвѣта нѣтъ.

Этотъ краткій способъ Алленъ положительно отказался принять.

— Я не могу и не хочу обращаться съ нею такъ грубо, сказалъ онъ.

Еще разъ упорство Педгифта Старшаго нашло себѣ границы, и еще разъ этотъ мудрый человекъ любезно согласился на сдѣлку. Получивъ обѣщаніе своего кліента не видѣться съ миссъ Гуильтъ, онъ согласился, чтобы Алленъ компрометировалъ себя письмомъ — подъ диктовку своего юриста. Это письмо было написано по образцу собственнаго слога Аллена; оно начиналось и кончалось одною фразой:

«Мистеръ Армэдэль свидѣтельствуешь своё почтеніе миссъ Гуильтъ и сожалѣешь, что онъ не можетъ имѣть удовольствія видѣть её въ Торп-Эмбровѣ».

Алленъ очень уговаривалъ поставить еще одну фразу, объясняющую, что онъ отказывался отъ просьбы миссъ Гуильтъ только изъ убѣжденія, что свиданіе бесполезно разстроить ихъ обоихъ. Но его стряпчій твердо отвергнувъ предложенную прибавку къ письму.

— Когда вы говорите «нѣтъ» женщинѣ, сэръ, замѣтилъ Педгифтъ Старшій: — всегда говорите это однимъ словомъ. Если вы объясните ей причины, она непременно подумаетъ, что вы намѣрены сказать «да».

Вынувъ этотъ маленькій брилліантъ мудрости изъ богатаго рудника своей юридической опытности, Педгифтъ Старшій послалъ отвѣтъ посланному миссъ Гуильтъ и велѣлъ слугѣ «посмотрѣть, чтобы этотъ человекъ, кто бы онъ ни былъ, точно вышелъ изъ дома».

— Теперь, сэръ, продолжалъ стряпчій: — мы воротимся, если вамъ угодно, къ моему мнѣнію о миссъ Гуильтъ. Я боюсь, что оно совсѣмъ не согласно съ вашимъ. Вы считаете её предметомъ состраданія — это совершенно естественно въ ваши лѣта, а я думаю, что её слѣдовало бы заключить въ тюрьму — это совершенно естественно въ мои лѣта. Вы сейчасъ услышите, на какихъ основаніяхъ я составилъ моё мнѣніе. Позвольте мнѣ показать вамъ, что я говорю серьезно, подтверждая это мнѣніе

практическому доказательству. Какъ вы думаете, будетъ ли миссъ Гуильтъ настаивать видѣться съ вами, мистеръ Армэдэль, послѣ отвѣта, который вы сейчасъ послали ей?

— Это совершенно невозможно! горячо закричалъ Аллэнъ.— Миссъ Гуильтъ леди и послѣ письма, которое я послалъ ей, она никогда не будетъ желать видѣться со мной.

— Въ этомъ мы не согласны, сэръ! вскричалъ Педгифтъ Старшій. — Я говорю, что она не обратитъ никакого вниманія на ваше письмо— вотъ по какой причинѣ, я не соглашался, чтобы вы писали его.— Я говорю, что она, по всей вѣроятности, ждѣтъ возвращенія своего посланнаго въ вашемъ паркѣ, или около него; я говорю, что она постарается пробраться сюда, прежде чѣмъ двадцать-четыре часа пронесутся надъ нашей головою. Вотъ, сэръ, закричалъ Педгифтъ, смотря на свои часы:— теперь только семь часовъ. Она такъ смѣла и такъ умна, что поймаетъ васъ врасплохъ сегодня же вечеромъ. Позвольте мнѣ позвать слугу, позвольте мнѣ просить васъ немедленно отдать ему приказаніе говорить, что васъ дома нѣтъ. Вамъ не слѣдуетъ колебаться, мистеръ Армэдэль. Если вы правы насчетъ миссъ Гуильтъ—это будетъ простая формальность. Если я правъ—это будетъ благоразумная предосторожность. Поддерживайте ваше мнѣніе, сэръ, прибавилъ Педгифтъ, звоня въ колокольчикъ: — я поддерживаю своё.

Аллэнъ былъ на столько раздраженъ, что готовъ былъ отдать приказаніе, но когда вошелъ слуга, воспоминанія о прошломъ овладѣли имъ и слова замерли въ его горлѣ.

— Отдайте приказаніе вы, сказалъ онъ Педгифту и быстро отошелъ къ окну.

«Ты славный человѣкъ! подумалъ старый стряпчій, смотря ему въ слѣдъ и тотчасъ угадавъ его причины. «Когти этой чертовки не оцарапаютъ тебя, если только я буду въ состояніи избавить тебя отъ этого.»

Слуга неумолимо ждалъ приказаній.

— Если миссъ Гуильтъ придѣтъ сюда, или сегодня вечеромъ, или въ какое бы то ни было время, сказалъ Педгифтъ:— мистера Армэдэля дома нѣтъ. Подождите! Если она спроситъ: когда

мистеръ Армэдэль воротится—вы не знаете. Подождите! Если она предложитъ войти и сѣсть, вы получили приказаніе никого не впускать и не позволять садиться, кромѣ тѣхъ, кто заранѣе условился съ мистеромъ Армэдэлемъ. Вотъ, я остановилъ её теперь по-крайней-мѣрѣ! закричалъ старый Педгифтъ, весело потирая руки, когда слуга вышелъ изъ комнаты.—Всѣ приказанія отданы, мистеръ Армэдэль. Мы можемъ продолжать нашъ разговоръ.

Аллэнъ отошолъ отъ огня.

— Этотъ разговоръ не весьма пріятенъ, сказалъ онъ.—Пожалуйста не обижайтесь, но я желалъ бы поскорѣе его кончить.

— Мы кончимъ его такъ скоро, какъ только возможно, сэръ, сказалъ Педгифтъ Старшій, всё настаивая какъ только юристы и женщины *могутъ* настаивать, насильно пробиваясь понемножку всё ближе и ближе къ своей цѣли.—Воротимся къ тому практическому совѣту, который я предлагалъ вамъ, когда слуга вошолъ съ запиской миссъ Гуильтъ. Я повторяю, что вамъ остался только одинъ способъ, мистеръ Армэдэль, выйти изъ вашего неловкаго положенія. Вы должны продолжать ваши розыски объ этой женщинѣ до конца, на тотъ случай (который я считаю вѣроятнымъ), что конецъ оправдаетъ васъ въ глазахъ здѣшнихъ жителей.

— Я желалъ бы, видить Богъ, чтобъ я совсѣмъ не дѣлалъ никакихъ розысковъ! сказалъ Аллэнъ:—и ничтò не заставитъ меня, мистеръ Педгифтъ, продолжать ихъ.

— Почему? спросилъ стряпчій.

— Можете ли вы спрашивать, горячо возразилъ Аллэнъ:— послѣ того, что сынъ вашъ сказалъ вамъ о томъ, что мы узнали въ Лондонѣ? Даже, если бы я имѣлъ менѣе причинъ... сожалѣть о миссъ Гуильтъ, даже еслибы это была какая-нибудь другая женщина, не-уже-ли вы думаете, что я сталъ бы допытываться секретовъ бѣднаго обманутаго созданія—а тѣмъ менѣе разглашать ихъ повсюду? Я считалъ бы себя такимъ же негодяемъ, какъ тотъ человѣкъ, который бросилъ её безпомощную на свѣтъ, если бы я сдѣлалъ что-нибудь подобное. Я удивляюсь, какъ вы можете дѣлать мнѣ этотъ вопросъ—честное слово, я

удивляюсь, какъ вы можете дѣлать мнѣ этотъ вопросъ! Дайте мнѣ вашу руку, мистеръ Армэдэль! горячо вскричалъ Педгифтъ Старшій.—Я уважаю васъ за то, что вы такъ разсердились на меня. Пусть въ городѣ говорятъ что хотятъ. Вы—джентльмэнъ, сэръ, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Выслушайте, что я вамъ скажу въ свою защиту, продолжалъ стряпчій, выпустивъ руку Аллена и тотчасъ переходя отъ чувства къ дѣлу:—предположите, что настоящее положеніе миссъ Гуильтъ совсѣмъ не таково, какимъ вы великодушно считаете его.

— Мы не имѣемъ причины этого предполагать, рѣшительно сказалъ Алленъ.

— Таково ваше мнѣніе, сэръ? настаивалъ Педгифтъ:—а мое, основанное на томъ, что гласно извѣстно здѣсь о поступкахъ миссъ Гуильтъ и о томъ, что я видѣлъ самъ въ миссъ Гуильтъ, состоитъ въ томъ, что она также далека, какъ и я отъ той сантиментальной жертвы, какою вы желаете сдѣлать её. Позвольте, мистеръ Армэдэль, вспомните, что я подвергнулъ мое мнѣніе практическому опыту и подождите осуждать мое мнѣніе сгоряча, пока событія оправдаютъ васъ. Позвольте мнѣ поставить пункты, сэръ—имѣйте снисхожденіе ко мнѣ какъ къ стряпчему—позвольте мнѣ поставить мои пункты. Вы и сынъ мой люди молодые и я не опровергаю, что обстоятельства на поверхности оправдываютъ то истолкованіе, какое вы, какъ молодые люди, придали имъ. Я старикъ и знаю, что обстоятельства не всегда можно принимать въ такомъ видѣ, въ какомъ они являются на поверхности, и я обладаю большимъ преимуществомъ въ настоящемъ случаѣ—годами юридической опытности между самыми негодными женщинами, которыя когда-либо существовали на этомъ свѣтѣ.

Алленъ раскрылъ губы, чтобы возражать и удержался, не имѣя надежды произвести хоть малѣйшее дѣйствіе. Педгифтъ Старшій поклонился, вѣжливо благодаря за воздержаніе своего кліента и немедленно воспользовался этимъ, чтобы продолжать.

— Всѣ поступки миссъ Гуильтъ показываютъ мнѣ, что она закоренѣлая Мастерница во лжи. Какъ ей только стала угрожать огласка—огласка чего-нибудь—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣ-

нія, послѣ того что вы узнали въ Лондонѣ — она извлекла самую большую пользу изъ вашего благороднаго молчанія и оставила должность у маіора въ качествѣ притѣсненной жертвы. Оставивъ этотъ домъ, что сдѣлала она? она смѣло осталась здѣсь; имѣя для этого три превосходныя цѣли: во-первыхъ, она показала всѣмъ, что она не боится выдержать новаго нападенія на ея репутацію; во-вторыхъ, она здѣсь подъ-рукою, чтобы вертѣть вами по-свѣдому и сдѣлаться мистриссъ Армэдэль, несмотря ни на что, если вы (или я) подадимъ ей къ этому случай; въ-третьихъ, если у васъ (или у меня) на столько хватить благо-разумія, чтобы не довѣрять ей, у ней также на столько хватило благоразумія съ ея стороны, чтобы не подать намъ случай слѣдовать за нею въ Лондонъ и узнать ея сообщниковъ. Развѣ такъ станетъ поступать несчастная женщина, которая лишилась своей репутаціи въ минуту слабости и противъ своей воли была вынуждена прибѣгнуть къ обману, чтобы возвратить эту репутацію?

— Ваши доказательства истинны, отвѣчалъ Алленъ съ замѣтной неохотой: — я не могу опровергать, что ваши доказательства истинны.

— Вашъ собственный здравый смыслъ, мистеръ Армэдэль, говоритъ вамъ, что я доказываю справедливо, сказалъ Подгифтъ Старшій. — Я не беру еще на себя сказать какія отношенія можетъ имѣть эта женщина къ этимъ людямъ въ Пимлико, я только увѣряю, что это не тѣ отношенія, какія предполагаете вы. Послѣ этихъ фактовъ мнѣ остается только прибавить мои личные впечатлѣнія о миссъ Гуильтъ. Я не стану оскорблять васъ, если это будетъ зависѣть отъ меня, я попытаюсь не могу ли опять выставить искусныя доказательства. Она пришла ко мнѣ въ контору (какъ я говорилъ вамъ въ моёмъ письмѣ), безъ сомнѣнія, для того, чтобы подружиться съ вашимъ страпчимъ, если можетъ; она пришла сказать мнѣ самымъ великодушнымъ образомъ, что она не осуждаетъ васъ...

— Вѣрите ли вы кому-нибудь, мистеръ Педгифтъ? перебилъ Алленъ.

— Иногда, мистеръ Армэдэль, отвѣчалъ Педгифтъ Старшій, нѣ сколько не смутившись. — Я вѣрю такъ часто, какъ только мо-

жетъ вѣрить юристъ. Будемъ продолжать, сэръ. Когда я занимался уголовными дѣлами, мнѣ на долю выпадало принимать показанія отъ подсудимыхъ женщинъ въ защиту ихъ самихъ. Какая другая разница ни была бы между ними, я примѣтилъ между тѣми, которыя были особенно злы и неоспоримо виновны, одинъ пунктъ, въ которомъ онѣ всѣ походили другъ на друга. Высокія и низкія, старыя и молодыя, красивыя и безобразныя—всѣ имѣютъ скрытную самоувѣренность, которую ничто не можетъ поколебать. На поверхности онѣ нисколько не походили другъ на друга. Нѣкоторыя приходили въ негодованіе, нѣкоторыя заливались слезами, нѣкоторыя были исполнены набожнаго упованія, а нѣкоторыя рѣшались совершить самоубійство въ эту же ночь. Но только приложите палецъ къ слабому мѣсту въ исторіи, рассказываемой ими—и конецъ бѣшенству, слезамъ, набожности, отчаянію и окажется наружу настоящая женщина, обладающая всѣми своими ресурсами съ прекрасной маленькой ложью, какъ-разъ подходящей къ обстоятельствамъ. Миссъ Гуильтъ была въ слезахъ, сэръ, въ слезахъ, которыя шли къ ней, отъ которыхъ не краснѣлъ ея носъ, а я вдругъ приложилъ палецъ къ слабому мѣсту въ ея исторіи—упалъ ея патетическій носовой платокъ съ ея прекрасныхъ голубыхъ глазъ и явилась настоящая женщина съ премилой маленькой ложью, какъ-разъ подходящей къ обстоятельствамъ! Я тутъ же почувствовалъ себя двадцатью годами моложе, мистеръ Армэдэль. Увѣряю васъ, мнѣ представилось будто я опять въ Ньюгэтѣ, съ записной книжкой въ рукахъ, и принимаю показанія въ защиту подсудимой.

— Вамъ остаётся теперь сказать, мистеръ Педгифтъ, сердито закричалъ Алленъ:—что миссъ Гуильтъ была въ тюрьмѣ!

Педгифтъ Старшій спокойно постучалъ пальцами по своей табакеркѣ и тотчасъ же отвѣчалъ:

— Она, можетъ быть, заслужила попасть въ тюрьму, мистеръ Армэдэль, но въ тотъ вѣкъ, въ который мы живёмъ, это именно самая превосходная причина для того, чтобы она никогда не была даже близъ мѣста такого рода. Тюрьма въ настоящемъ нѣжномъ расположеніи общества для такой очаровательной женщины, какъ миссъ Гуильтъ! Любезный сэръ, еслибы

она покусилась убить васъ или меня и еслибы какіе-нибудь безчеловѣчные судьи, или присяжные, рѣшили заключить её въ тюрьму, первой цѣлью современнаго общества было бы не допустить её до этого; а еслибы этого невозможно было сдѣлать, то первой цѣлью было бы выпустить её изъ тюрьмы такъ скоро, какъ только возможно. Читайте газеты, мистеръ Армэдэль, и вы увидите, что мы живѣмъ въ самое удобное время для чорныхъ овецъ стада, если только онѣ довольно черны. Я настойчиво увѣряю, сэръ, что намъ досталась самая чорная овца изъ всего стада; я настойчиво увѣряю, что вамъ досталось рѣдкое счастье въ этихъ несчастныхъ справкахъ попасть на женщину, которой случилось быть именно годнымъ предметомъ для справокъ относительно интереса общественнаго покровительства. Не соглашайтесь со мною — какъ хотите, но не составляйте окончательнаго мнѣнія о миссъ Гуильтъ, пока событія не покажутъ, которое изъ этихъ двухъ нашихъ противоположныхъ мнѣній окажется справедливымъ; лучшей пробы не можетъ быть. Я согласенъ съ вами, что ни одна благородная женщина не можетъ пытаться пробраться сюда послѣ полученія вашего письма, но я опровергаю, что миссъ Гуильтъ достойна этого названія и говорю, что она будетъ стараться пробраться сюда.

— А я говорю, что не будетъ! твёрдо возразилъ Аллэнъ.

Педгифтъ Младшій откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Наступило минутное молчаніе и среди этого молчанія раздался звонокъ. Стряпчій и его кліентъ, оба съ ожиданіемъ посмотрѣли по направленію къ передней.

— Нѣтъ! закричалъ Аллэнъ сердитѣе прежняго.

— Да! сказалъ Педгифтъ Старшій, противорѣча ему съ чрезвычайной вѣжливостью.

Они ждали что́ будетъ. Слышно было какъ открылась парадная дверь, но комната была слишкомъ далеко отъ нея для того, чтобы звукъ голосовъ также можно было слышать. Послѣ продолжительнаго промежутка послышался, наконецъ, стукъ запираемой двери. Аллэнъ быстро вскочилъ и позвонилъ въ колокольчикъ; Педгифтъ Старшій сидѣлъ съ величественнымъ спокойствіемъ и

съ наслаждаеніемъ нюхаль такую щепотку табаку, какую онъ еще не бралъ въ этотъ вечеръ.

— Кто-нибудь приходилъ ко мнѣ? спросилъ Аллэнъ, когда вошелъ слуга.

Слуга взглянулъ на Педгифта съ выраженіемъ неограниченнаго уваженія и отвѣчалъ:

— Миссъ Гуильтъ.

— Я не желаю хвастаться предъ вами, сэръ, сказалъ Педгифтъ Старшій, когда слуга ушелъ. — Но что вы думаете о миссъ Гуильтъ *теперь*?

Аллэнъ покачалъ головою съ безмолвнымъ уныніемъ и огорченіемъ.

— Время очень важно, мистеръ Армэдэль. Послѣ того, что случилось, вы всё еще не соглашаетесь принять тотъ способъ, какой я совѣтовалъ вамъ?

— Не могу, мистеръ Педгифтъ, отвѣчалъ Аллэнъ: — я не могу служить средствомъ къ тому, чтобы обезславить её здѣсь; я скорѣе согласенъ обезславить себя, какъ оно и есть.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ другое, сэръ. Извините мою настойчивость. Вы были очень добры ко мнѣ и къ моему семейству, и я имѣю въ вамъ личное участіе какъ человѣкъ и какъ стряпчій. Если вы не можете рѣшиться выставить эту женщину въ ея настоящемъ видѣ, хотите принять обыкновенныя предосторожности, чтобы не допустить её сдѣлать вредъ? Хотите согласиться поручить наблюдать за нею тайно, пока она останется здѣсь?

Во второй разъ Аллэнъ покачалъ головой.

— Это ваше окончательное рѣшеніе, сэръ?

— Окончательное, мистеръ Педгифтъ, но я всё-таки обязанъ вамъ за совѣтъ.

Педгифтъ Старшій всталъ съ кроткой покорностью судьбѣ и взялъ свою шляпу.

— Добрый вечеръ, сэръ, сказалъ онъ и печально направился къ двери.

Аллэнъ также всталъ, невинно полагая, что свиданіе кончилось. Люди, лучше знакомые съ дипломатическими привычками

его стряпчого, посовѣтовали бы ему остаться на мѣстѣ. Время, настало для «постскриптума Педгифта» и знаменательная табакерка стряпчого находилась въ эту минуту въ одной его рукѣ, когда онъ отворялъ дверь другою.

— Добрый вечеръ, сказалъ Аллэнъ.

Педгифтъ отворилъ дверь — остановился — опять заперъ дверь — таинственно воротился, держа щепотку табаку между табакеркой и своимъ носомъ и повторяя свою неизмѣнную формулу: «кстати мнѣ пришло въ голову одинъ пунктъ» и спокойно сѣлъ опять на свой стулъ.

Аллэнъ съ удивленіемъ также сѣлъ на стулъ, съ котораго только-что всталъ. Стряпчій и кліентъ опять посмотрѣли другъ на друга и нескончаемый разговоръ начался опять.

ГЛАВА VI.

ПОСТСКРИПТУМЪ ПЕДГИФТА.

— Я сказалъ, что мнѣ пришло въ голову одинъ пунктъ, сказалъ Педгифтъ.

— Да, вы сказали, отвѣчалъ Аллэнъ.

— Угодно вамъ выслушать что это такое, мистеръ Армэдэль,

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ Аллэнъ.

— Очень радъ, сэръ! Вотъ этотъ пунктъ. Я приписываю значительную важность — если ничего другого нельзя сдѣлать — чтобы надсматривать секретно за миссъ Гуильтъ, пока она останется въ Торп-Эмбросѣ. Мнѣ пришло въ голову сейчасъ, у этой двери, мистеръ Армэдэль, что, можетъ быть, вы захотите сдѣлать для безопасности другой особы то, что вы не хотите сдѣлать для себя.

— Какой другой особы? спросилъ Аллэнъ.

— Одной молодой дѣвицы, вашей близкой сосѣдки, сэръ. Назвать мнѣ её по секрету? миссъ Мильрой.

Аллэнъ вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

— Миссъ Мильрой! повторилъ онъ: — не-уже-ли *она* замѣшана въ этомъ несчастномъ дѣлѣ? Надѣюсь, что нѣтъ, мистеръ Педгифтъ, искренно надѣюсь.

— Я былъ сегодня въ коттэджѣ, сэръ, ради вашихъ интересовъ, продолжалъ Педгифтъ. — Вы услышите что тамъ случилось и судите сами: Маіоръ Мильрой очень свободно выражалъ свое мнѣніе о васъ и я счолъ нужнымъ предостеречь его. Съ этими смиренными, пустоголовыми людьми всегда такъ бываетъ: когда они расхорохорятся, упорство ихъ не урезонишь и вспыльчивость ихъ не усмиришь. Ну, сэръ, сегодня утромъ отправился я въ коттэджъ. Маіоръ и миссъ Нили были въ гостиной; миссъ совсѣмъ не была такая хорошенькая, какъ обыкновенно: мнѣ показалась она блѣдна, разстроена, растревожена. Вдругъ какъ вскочить пустоголовый маіоръ (я не дамъ вотъ *этого*, мистеръ Армэдэль, за умъ человѣка, который половину своей жизни занимается дѣланіемъ часовъ!) — вдругъ какъ вскочить пустоголовый маіоръ, да свысока и окидываетъ меня съ презрѣніемъ съ ногъ до головы. Ха-ха-ха! можетъ ли кто-нибудь съ презрѣніемъ глядѣть на меня въ мои лѣта? Я поступилъ какъ христіанинъ: я ласково кивнулъ старому часовщику.

«— Прекрасное утро, маіоръ, сказалъ я.

«— У васъ есть какое-нибудь дѣло ко мнѣ? спросилъ онъ.

«— Только одно слово», говорю я. Миссъ Нили, какъ умная дѣвушка, встала и хотѣла выйти изъ комнаты; что же сдѣлалъ ей смѣшной отецъ? онъ остановилъ её.

«— Не зачѣмъ тебѣ уходить, моя милая; мнѣ нечего говорить съ мистеромъ Педгифтомъ, сказалъ этотъ старый идіотъ, и оборачивается ко мнѣ и опять старается смотрѣть на меня свысока. «Вы стряпчій мистера Армэдэля? Если вы пришли по дѣлу, касающемуся мистера Армэдэля, прошу васъ обратиться къ моему нотаріусу». Его нотаріусъ Дарчъ, а Дарчъ довольно знаетъ *меня* по дѣламъ, могу сказать вамъ.

«— Я пріѣхалъ сюда, маіоръ, конечно, по дѣлу мистера Ар-

мэдэля, отвѣчалъ я:—но оно не касается вашего нотаріуса, по-крайней-мѣрѣ теперь. Я желаю предостеречь васъ, чтобы вы пріостановили ваше мнѣніе о моёмъ кліентѣ; а если не хотите сдѣлать этого, то будьте осторожны въ вашихъ выраженіяхъ публично. Я предостерегаю васъ, что настанетъ наша очередь и что огласка о миссъ Гуильтъ еще не кончилась». Мнѣ показалося вѣроятнымъ, что онъ разсердится на моё предостереженіе, и онъ вполнѣ оправдалъ мои ожиданія. Онъ выразился чрезвычайно запальчиво — бѣдное, слабое существо — совершенно запальчиво со мною! Я опять поступилъ какъ христіанинъ: я ласково кивнулъ ему головой и пожелалъ добраго утра. Когда я повернулся пожелать и миссъ Нили добраго утра, она уже ушла. Вы, кажется, растревожены, мистеръ Армэдэль, замѣтилъ Педгифтъ, когда Аллэнъ, почувствовавъ жало старыхъ воспоминаній, вдругъ вскочилъ со стула и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Я не буду долѣе пытаться вашего терпѣнія, сэръ, я прямо приступаю къ цѣли.

— Извините, мистеръ Педгифтъ, сказала Аллэнъ, возвращаясь къ своему мѣсту и стараясь спокойно смотрѣть на стряпцаго сквозь образъ Нили, вызванный стряпчимъ.

— Я вышелъ изъ коттѣджа, сэръ, продолжалъ Педгифтъ. — Когда я повернулъ за уголь изъ сада въ паркъ, на кого я наткнулся, какъ не на самое миссъ Нили, очевидно поджидавшую меня.

«— Я желаю поговорить съ вами нѣсколько минутъ, мистеръ Педгифтъ, сказала она. «Ужъ не думаетъ ли мистеръ Армэдэль, что я замѣшана въ этомъ дѣлѣ?» Она была сильно взволнована; на глазахъ ея были слёзы, сэръ, такого рода, какихъ моя юридическая опытность не пріучила меня видѣть. Я совершенно забылся; я просто подаль ей руку и тихо повѣлъ между деревьями. Въ прекрасномъ положеніи нашли бы меня городскіе сплѣтники, еслибы имъ случилось гулять въ этой сторонѣ!

«— Любезная миссъ Мильрой, сказала я: — почему же мистеръ Армэдэль можетъ думать, что вы замѣшаны въ этомъ?»

— Вы должны были сейчасъ сказать ей, что я совѣмъ это-

го не думаю! съ негодованіемъ воскликнулъ Аллэнъ. — Зачѣмъ вы оставили её хоть на минуту въ сомнѣніи?

— Потому-что я страпчій, мистеръ Армэдэль, сухо возразилъ Педгифтъ. — Даже въ сантиментальныя минуты подъ деревьями, подъ-руку съ хорошенькой дѣвушкой, я не могу сбросить съ себя моей юридической предосторожности. Пожалуйста, не сокрушайтесь, сэръ! Я уладилъ дѣло въ надлежащее время. Прежде чѣмъ я разстался съ миссъ Мильрой, я сказать ей, въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ, что вамъ никогда не приходила въ голову подобная мысль.

— Успокоилась ли она? спросилъ Аллэнъ.

— Она была въ состояніи обійтись безъ помощи моей руки, сэръ, отвѣчалъ старый Педгифтъ, съ прежней сухостью:—и взяла съ меня обѣщаніе хранить въ ненарушимой тайнѣ цѣль нашего свиданія. Она особенно желала, чтобы вы не слышали объ этомъ. Если вы желаете знать, почему я измѣняю ея довѣренности, я сообщу вамъ, что ея довѣренность относилась не къ кому другому, какъ къ той особѣ, которая удостоила васъ посѣщеніемъ сейчасъ—къ миссъ Гуильтъ.

Аллэнъ, опять тревожно ходившій по комнатѣ, остановился и воротился къ своему стулу.

— Это серьёзно? спросилъ онъ.

— Очень серьёзно, сэръ, отвѣчалъ Педгифтъ. — Я выдаю тайну миссъ Нили ради ея собственныхъ интересовъ. Воротимся къ тому осторожному вопросу, который я сдѣлалъ ей. Она нашла нѣкоторое затрудненіе отвѣчать, потому-что отвѣтъ заставилъ её рассказать прощальное свиданіе между ея гувернанткою и ею. Вотъ сущность ея разказа. Онѣ обѣ были однѣ, когда миссъ Гуильтъ прощалась съ своею ученицей, и вотъ ея слова пересказанныя мнѣ миссъ Нили. Она сказала:

«— Ваша мать не хотѣла позволить мнѣ проститься съ нею. Вы также не хотите?» Огвѣтъ миссъ Нили былъ замѣчательно умёнъ для дѣвушки ея лѣтъ.

«— Мы не были друзьями, сказала она:—и я думаю, что мы обѣ одинаково рады разстаться другъ съ другомъ; но я не имѣю желанія отказаться проститься съ вами». Сказавъ это, она про-

танула руку. Миссъ Гуильтъ стояла и пристально смотрѣла на неё, не принимая ея руки, и обратилась къ ней съ этими словами:

«— *Вы еще не мистриссъ Армэдэль*... Тише, сэръ! не беритесь: ничего нѣтъ удивительнаго, что женщина, имѣвшая на васъ корыстные виды, приписывала подобные же умыслы молодой дѣвушкѣ, которая ваша ближайшая сосѣдка. Позвольте мнѣ продолжать. Миссъ Нили, по ея собственному признанію (и мнѣ кажется совершенно естественно) пришла въ чрезвычайное негодование. Она признаётся, что отвѣтила:

«— Безстыдная тварь, какъ вы смѣете говорить это мнѣ!» Отвѣтъ миссъ Гуильтъ довольно замѣчательнъ: гнѣвъ съ ея стороны повидимому былъ холоденъ, тихъ, ядовитъ.

«— До-сихъ-поръ еще никто не оскорблялъ меня, миссъ Мильрой, безъ того, чтобы, рано или поздно, не раскаяться въ этомъ горько, сказала она:—*вы горько раскаетесь въ этомъ*». Она съ минуту смотрѣла на свою ученицу въ мѣртвомъ молчаніи, а потомъ вышла изъ комнаты. Миссъ Нили, кажется, почувствовала обвиненіе, сдѣланное ей относительно васъ гораздо сильнѣе, чѣмъ почувствовала угрозу. Она знала прежде, какъ всѣ знали въ домѣ, что какой-то неизвѣстный поступокъ вашъ въ Лондонѣ заставилъ миссъ Гуильтъ добровольно отказаться отъ своего мѣста. И миссъ Нили вывела теперь заключеніе изъ словъ, сказанныхъ ей, что миссъ Гуильтъ думаетъ будто она заставила васъ сдѣлать этотъ поступокъ для того, чтобы выиграть самбѣи и унижить свою гувернантку въ вашемъ уваженіи... Позвольте, сэръ, позвольте! я еще не кончилъ. Какъ только миссъ Нили оправилась, она пошла наверхъ поговорить съ мистриссъ Мильрой. Гнусное обвиненіе миссъ Гуильтъ удивило её и она пошла къ матери за разъясненіемъ и совѣтомъ. Она не получила ни того, ни другого. Мистриссъ Мильрой объявила, что она слишкомъ больна для того, чтобы разговаривать объ этомъ, и до-сихъ-поръ остаётся всё слишкомъ больною для того, чтобы объ этомъ говорить. Миссъ Нили потомъ обратилась къ своему отцу. Маіоръ остановилъ её какъ только ваше имя сорвалось съ ея языка; онъ объявилъ, что не хочетъ слышать ва-

шего имени ни отъ кого въ своёмъ домѣ. До-сихъ-поръ она ничего не знала—не знала, какимъ образомъ миссъ Гуильтъ такъ перетолковываетъ ея поступки, или какую ложь, можетъ быть, вы могли повѣрить о ней. Въ мои лѣта и въ моей профессіи я не хважусь необыкновенной мягкостью сердца, но я думаю, мистеръ Армэдэль, что положеніе миссъ Нили заслуживаетъ нашего сочувствія.

— Я всё сдѣлаю, чтобы помочь ей! съ пылкостью вскричалъ Алленъ. — Вы не знаете, мистеръ Педгифтъ, какую причину имѣю я...

Онъ спохватился и съ замѣшательствомъ повторилъ свои первые слова.

— Я сдѣлаю всё... всё на свѣтѣ, чтобы помочь ей.

— Вы дѣйствительно это думаете? мистеръ Армэдэль. Извините мой вопросъ; но вы можете весьма матеріально помочь миссъ Нили, если вы хотите.

— Какъ? спросилъ Алленъ:—только скажите мнѣ какъ?

— Уполномочивъ меня, сэръ, защитить её отъ миссъ Гуильтъ.

Пустивъ такимъ образомъ эту стрѣлу въ своего кліента, благо-разумный стряпчій подождать какое дѣйствіе она произведётъ прежде чѣмъ продолжалъ. Лицо Аллена помрачилось и онъ тревожно завертѣлся на стулѣ.

— Съ вашимъ сыномъ трудно имѣть дѣло, мистеръ Педгифтъ, сказалъ онъ:—а съ вами еще труднѣе, чѣмъ съ вашимъ сыномъ.

— Благодарю васъ, сэръ, отвѣчалъ находчивый Педгифтъ:—отъ имени моего сына и отъ моего за прекрасный комплиментъ нашей фирмѣ. Если вы непременно желаете помочь миссъ Нили, продолжалъ онъ болѣе серьёзнымъ тономъ:—я показавъ вамъ способъ. Вы ничего не можете сдѣлать для уничтоженія ея безпокойства болѣе того, что я уже сдѣлалъ. Какъ только я увѣрилъ, что у васъ и въ мысляхъ нѣтъ перетолковывать ея поведеніе, она ушла довольная. Прощальная угроза ея гувернантки, вѣжета, не осталась у ней въ памяти, а я могу сказать вамъ, мистеръ Армэдэль, что въ моей памяти она осталась. Вы знаете моё мнѣніе о миссъ Гуильтъ, знаете сами, что

миссъ Гуильтъ сдѣлала сегодня, такъ что моё мнѣніе оправдано даже въ вашихъ глазахъ. Могу я спросить, думаете ли вы послѣ всего случившагося, что эта женщина можетъ ограничиться пустыми угрозами?

На этотъ вопросъ страшно было отвѣчать. Упорно отодвигаемый отъ позиціи, которую онъ занималъ въ началѣ свиданія, непреодолимымъ натискомъ ясныхъ фактовъ, Аллэнъ въ первый разъ началъ обнаруживать признаки того, что онъ готовъ уступить относительно миссъ Гуильтъ.

— Развѣ нѣтъ другого способа защитить миссъ Мильрой, кромѣ того, о которомъ упомянули вы? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Вы думаете, что маіоръ послушаетъ васъ, если вы съ нимъ заговорите? саркастически спросилъ Педгифтъ Старшій. Я даже боюсь, что онъ *меня* не удостоитъ своимъ вниманіемъ, или, можетъ-быть, вы предпочитаете испугать миссъ Нили, сказавъ ей прямо, что мы оба находимъ её въ опасности? Или ужъ не послать ли вамъ меня къ миссъ Гуильтъ увѣдомить её, что она сдѣлала ея ученицѣ жестокою несправедливостью? Женщины такъ расположены слушаться разсудка и такъ готовы измѣнить своё мнѣніе другъ о другѣ по убѣжденіямъ другихъ, особенно когда одна женщина думаетъ, что другая разрушила ея планы къ выгодному браку. Обо *мнѣ* не думайте, мистеръ Армэдэль: я только стряпчій и могу выдержать непромокаемо еще другой проливной дождь слёзъ миссъ Гуильтъ.

— Чортъ побери, мистеръ Педгифтъ! скажите мнѣ прямо что вы хотите, чтобъ я сдѣлалъ? закричалъ Аллэнъ, наконецъ выйдя изъ себя.

— Сказать прямо, мистеръ Армэдэль, я хочу, чтобы за поступками миссъ Гуильтъ наблюдали секретно, пока она останется здѣсь. Я ручаюсь найти человѣка, который будетъ присматривать за нею деликатно и осторожно. Я согласенъ даже прекратить чрезъ недѣлю этотъ безвредный надзоръ за ея поступками, если не окажется никакой причины продолжать его. Я дѣлаю это умѣренное предложеніе, сэръ, для интересовъ миссъ Мильрой и жду вашего отвѣта: да или нѣтъ.

— Не могу ли я имѣть время сообразить, спросить Аллэнъ, доведённый до послѣдняго способа не прибѣгать къ отсрочкѣ.

— Конечно, мистеръ Армэдэль. Но не забывайте, что пока вы будете соображать, миссъ Мильрой имѣетъ привычку гулять въ вашемъ паркѣ одна, не подозрѣвая никакой опасности, и что миссъ Гуильтъ совершенно свободна воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, если только это будетъ угодно миссъ Гуильтъ.

— Дѣлайте какъ хотите! съ отчаяніемъ воскликнулъ Аллэнъ: — и ради Бога не мучьте меня болѣе!

Народное предубѣжденіе можетъ это опровергать, но юридическая профессія, практически христіанская въ одномъ отношеніи, по-крайней-мѣрѣ: изъ всего огромнаго запаса находчивыхъ отвѣтовъ, готовыхъ для человѣчества на губахъ стряпчаго, ни одинъ такъ скоро не бываетъ готовъ, какъ «кроткій отвѣтъ, успокоивающій гнѣвъ».

Педгифтъ Старшій вскочилъ на ноги съ проворствомъ юности и съ благоразумной увѣренностью старости на словахъ.

— Очень вамъ благодаренъ, сэръ, сказалъ онъ: — за вниманіе, которымъ вы удостоили меня. Поздравляю васъ съ вашимъ рѣшеніемъ и желаю вамъ добраго вечера.

На этотъ разъ знаменательная табакерка не находилась въ его рукахъ, когда онъ отворилъ дверь и онъ дѣйствительно ушолъ, не возвращаясь для втораго постскриптума.

Голова Аллена олустилась на грудь, когда онъ остался одинъ.

«Еслибы поскорѣе кончилась эта недѣля! думалъ онъ съ тоскою: «еслибы Мидуинтеръ воротился!»

Когда это желаніе сорвалось съ губъ кліента, стряпчій весело сѣлся въ свой гигъ.

— Бѣги скорѣе, старуха! закричалъ Педгифтъ Старшій, дотронувшись до своей быстрой лошади кончикомъ своего бича. — Я никогда не заставлялъ ждать даму, а сегодня у меня есть дѣло до особы твоего пола.

ГЛАВА VII.

СТРАДАНИЯ МИССЪ ГУИЛЬТЪ.

Предмѣстье маленькаго городка Торп-Эмброза со стороны ближайшей къ «Большому дому» заслужило мѣстную знаменитость, какъ самое красивое предмѣстье, какое только можно найти въ Норфолькѣ. Тутъ виллы и сады по бѣльшей части выстроены и расположены съ превосходнымъ вкусомъ; деревья въ самомъ цвѣтущемъ состояніи своего произрастанія, а вересковая степь за домами возвышается и понижается съ живописнымъ и восхитительнымъ разнообразіемъ. Это мѣсто служитъ вечернею прогулкою всѣмъ знатнымъ и свѣтскимъ людямъ и всѣмъ красавицамъ въ городѣ; а если прїѣзжій ѣдетъ кататься и предоставляетъ выборъ кучеру, то кучеръ непременно поѣдетъ туда же.

На противоположной сторонѣ, то-есть на самой дальней отъ «Большаго дома», предмѣстье (въ тысячу восемьсотъ-пятьдесятъ-первомъ году) вообще считалось прискорбнымъ предметомъ для всѣхъ, кто заботился о репутаціи города. Тутъ природа была не привлекательна, люди бѣдны, а общественный прогрессъ, выразившійся въ формѣ строеній, жалко прїостанавливался. Домъ всё становились меньше и меньше, по мѣрѣ удаленія отъ центра города, и превращались въ пустомъ открытомъ пространствѣ въ чухлые коттеджи. Строители какъ-будто бросили свою работу въ самомъ ея началѣ. Землевладѣльцы воткнули столбы на пустой землѣ и, жалобно объявляя, что эта земля отдаётся подъ строенія, пока собирали жалкую жатву, съ отчаянія пока найдутъ покупателя. Вся ненужная бумага изъ города какъ-будто выбрасывалась на это заброшенное мѣсто, и всѣ капризные дѣти приходили сюда кричать подъ надзоромъ неопытныхъ нянекъ, беспла-

вившихъ это мѣсто. Если въ Торп-Эмброзѣ кто хотѣлъ продать негодную лошадь живодѣру, то эту лошадь непременно посылали ждаты своей участи на поле, по эту сторону города. Ничего не расло въ этой пустой области, кромѣ бесплоднаго мусора, ни одно человѣческое существо не услаждало глазъ, кромѣ существъ ночныхъ — червей тамъ и сямъ на грядахъ и кошекъ повсюду на кровляхъ.

Солнце закатилось и лѣтнія сумерки становились темнѣе. Капризные дѣти плакали въ своихъ колыбеляхъ; лошадь, предназначенная живодѣру, дремала одиноко на полѣ своего заключенія, кошки украдкой ждали въ углахъ наступленія ночи. Но одно живое существо явилось въ одинокомъ предмѣстьи — мистеръ Бэшудъ. Только одинъ слабый звукъ нарушалъ страшное молчаніе — звукъ тихихъ шаговъ мистера Бэшуда.

Медленно подвигаясь мимо грудъ кирпича, возвышавшихся въ промежуточномъ разстояніи вдоль дороги, осторожно обходя старое желѣзо и изломанныя черепицы, разбросанныя тамъ и сямъ на его пути, Бэшудъ шолъ по направленію изъ окрестностей города къ одной изъ неоконченныхъ улицъ предмѣстья. Его наружность очевидно была предметомъ его особеннаго вниманія. Его фальшивые зубы были ослѣпительно бѣлы, парикъ старательно причосанъ, утренній сюртукъ, весь обновленный, свѣтился отвратительнымъ и глянцовитымъ лоскомъ дешеваго чорнаго сукна. Онъ шолъ съ нервной поспѣшностью и оглядывался вокругъ съ неопредѣленной улыбкой. Дойдя до перваго изъ чачлыхъ коттэджей, онъ въ первый разъ устремилъ свои твёрдые глаза на улицу, разстилавшуюся предъ нимъ. Черезъ минуту онъ вздрогнулъ, дыханіе его удвоилось, онъ, дрожа и краснѣя, прислонился къ неоконченной стѣнѣ. Къ нему шла вдоль улицы, еще довольно далеко, какая-то дама.

— Она идѣтъ! прошепталъ онъ съ странной смѣсью восторга и страха, и то блѣдность, то румянецъ выступали на его дико растроеномъ лицѣ. — Я желалъ бы быть землёю, по которой она ступаетъ, я желалъ бы быть перчаткой, которая у ней на рукѣ.

Онъ съ восторгомъ высказалъ эти сумасбродныя слова; онъ

произносилъ ихъ со средоточеннымъ наслажденіемъ, отъ котораго его слабая фигура дрожала съ головы до ногъ.

Легко и граціозно дама скользила ближе и ближе, пока обнаружила глазамъ мистера Бэшуда то, что инстинктъ мистера Бэшуда узналъ тотчасъ—лицо миссъ Гуильтъ. Она была одѣта съ изящной, выразительной экономіей. Самая простая соломенная шляпка, съ самыми дешевыми бѣлыми лентами, была на головѣ ея. Бѣдность скромная, но со вкусомъ, обнаруживалась въ безукоризненной опрятности и въ скромныхъ размѣрахъ свѣтлаго ситцеваго платья и узкой мантили изъ дешевой шолковой матеріи, обшитой простою бахромой. Блескъ ея страшныхъ рыжихъ волосъ смѣло выказывался въ косѣ, заплетѣнной короною надъ ея лбомъ и въ одномъ локонѣ, спускавшемся на ея лѣвое плечо; перчатки, плотно обтягивавшія ея руку, были скромнаго коричневаго цвѣта, который держится дольше всѣхъ. Одна рука приподнимала платье отъ нечистотъ дороги, другая держала букетъ самыхъ дешевыхъ цвѣтовъ. Неслышно и граціозно шла она, съ скромнымъ и правильнымъ движеніемъ ситцеваго платья;—локонъ тихо приподнимался время отъ времени отъ вечерняго вѣтра,—опустивъ голову, потупивъ глаза въ землю—въ походкѣ, въ взглядѣ, осанкѣ, въ каждомъ движеніи, вырывавшемся у нея, выражая ту тонкую смѣсь сладострастія и скромности, которая изъ всѣхъ привлекательныхъ крайностей, встрѣчающихся въ женщинѣ, самая непреодолимая въ глазахъ мужчины.

— Мистеръ Бэшудъ! воскликнула она громкимъ и звучнымъ голосомъ показывавшимъ величайшее удивленіе: — вотъ ужъ не ожидала найти васъ здѣсь! Я думала, что никто, кромѣ несчастныхъ жителей, не осмѣлится приблизиться къ этой сторонѣ города. Шш! прибавила она быстро и шопотомъ: — вы справедливо слышали, что мистеръ Армэдэль велѣлъ наблюдать за мною. За однимъ изъ этихъ домовъ скрывается человекъ, мы должны громко говорить о постороннихъ предметахъ и дѣлать видъ будто мы встрѣтились случайно. Спросите меня, что я дѣлаю. Громко! сейчасъ! Вы никогда не увидите меня опять если не перестанете дрожать и не сдѣлаете то, что я вамъ говорю!

Она говорила съ безжалостнымъ тиранствомъ въ глазахъ иго-

лосѣ — безжалостно пользуясь своею властью надъ слабымъ существомъ, къ которому она обращалась. Бэшудъ повиновался ей, голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія, и глазами, пожиравшими ея красоту, съ страннымъ очарованіемъ ужаса и восторга.

— Я стараюсь зарабатывать деньги уроками музыки, сказала она такимъ голосомъ, чтобы онъ дошелъ до ушей шпиона: — если вы можете рекомендовать мнѣ ученицъ, мистеръ Бэшудъ, вы очень обяжете меня. Были вы сегодня въ паркѣ? продолжала она, опять опустивъ свой голосъ до шопота: — былъ мистеръ Армэдэль около коттеджа? выходила миссъ Мильрой въ садъ? Нѣтъ? Это знаете навѣрно? Смотрите за ними завтра и послѣзавтра и всѣ слѣдующіе дни: они непременно встрѣтятся и помирятся, а я должна и хочу это знать.. Шш! Спрашивайте меня, по чомъ я даю уроки музыки. Чего вы боитесь? Этотъ человѣкъ подсматриваетъ за мною, а не за вами. Громче, чѣмъ вы спрашивали меня, что я дѣлаю; громче, или я не буду полагаться на васъ больше, я обращусь къ кому-нибудь другому.

Бэшудъ опять повиновался.

— Не сердитесь на меня, прошептала онъ слабымъ голосомъ, когда выговорилъ необходимыя слова.—Сердце моѣ такъ бѣется, вы убѣете меня!

— Бѣдный старикъ! прошептала она съ внезапной переменной въ обращеніи—съ небрежной сатирической нѣжностью:—зачѣмъ вамъ имѣть сердце въ ваши лѣта? Будьте здѣсь завтра въ это же время и скажите, что вы видѣли въ паркѣ. Я беру только по пяти шиллинговъ за урокъ, продолжала она болѣе громкимъ тономъ: — конечно, это не много, мистеръ Бэшудъ, я даю такіе длинные уроки и покупаю всѣмъ моимъ ученицамъ ноты за полцѣны.

Она вдругъ опять понизила голосъ и своимъ блестящимъ взглядомъ немедленно довела его до повиновенія.

— Не выпускайте мистера Армэдэля завтра изъ глазъ. Если эта дѣвчонка успѣетъ говорить съ нимъ, а я объ этомъ не узнаю, я напугаю васъ до смерти. Если я узнаю объ этомъ, я васъ поцалую! Шш! Пожелайте мнѣ добраго вѣчера и ступайте въ городъ, а меня оставьте идти другой дорогой. Вы мнѣ ненужны:

я не боюсь человека, спрятавшегося за домами, я сама могу съ нимъ раздѣлаться. Пожелайте мнѣ добраго вечера и я позволю вамъ пожать мнѣ руку. Говорите громче, и я подарю вамъ одинъ цвѣтокъ, если вы обѣщаете не влюбиться въ него.

Она опять возвысила голосъ.

— Добрый вечеръ, мистеръ Бэшудъ. Не забудьте моихъ условій: пять шиллинговъ за урокъ, а уроки продолжаются цѣлый часъ, и я достаю всѣмъ моимъ ученицамъ ноты за полцѣны, а вѣдь эта огромная выгода—не правда ли?

Она сунула ему въ руку цвѣтокъ—нахмуривъ брови приказала ему повиноваться и въ ту же минуту улыбнулась въ награду за повиновеніе—опять подняла платье надъ нечистотами дороги и ушла своею дорогою съ безпечной непринужденностью, какъ идѣтъ кошка, когда вдоволь насладились тѣмъ, что напугала мышъ.

Оставшись одинъ, Бэшудъ повернулся къ низкой стѣнѣ коттеджа, возлѣ которой онъ стоялъ, и уныло прислонившись къ ней, смотрѣлъ на цвѣтокъ въ своей рукѣ. Его прошлая жизнь научила его переносить несчастье и оскорбленіе, какъ немногіе болѣе счастливые люди могли бы ихъ перенести, но она не приготовила его чувствовать всеобладающую страсть человечества, въ первый разъ, на печальномъ концѣ своей жизни въ безпомощномъ упадкѣ мужского возраста, поблѣкшаго отъ двойного несчастья, супружескаго разочарованія и отъ родигельской горести.

«О, еслибы я опять былъ молодъ! прошептала бѣдняга, касаясь цвѣтка своими сухими и лихорадочными губами съ восторгомъ нѣжности: «можетъ быть она полюбила бы меня, когда мнѣ было двадцать лѣтъ.»

Онъ вдругъ всталъ прямо и осмотрѣлся вокругъ съ смутнымъ изумленіемъ и страхомъ.

— Она велѣла мнѣ идти домой, сказалъ онъ, съ испуганнымъ взглядомъ.—Зачѣмъ я остаюсь здѣсь?

Онъ повернулся и поспѣшилъ въ городъ—такъ боясь ея гнѣва, если она оглянется и увидитъ его, что не осмѣлился даже бросить взглядъ на дорогу, по которой она ушла, и не примѣ

тивъ шпиона, упорно преслѣдовавшаго ея шаги подъ прикрытіемъ пустыхъ домовъ и кучъ кирпича на дорогѣ.

Тихо и граціозно, осторожно сохраняя безукоризненную чистоту своего платья, не ускоряя шаговъ, не осматриваясь ни направо, ни налево, миссъ Гуильтъ продолжала идти къ открытой мѣстности. Дорога въ концѣ предмѣстья раздѣлялась на два направленія: налево тропинка извивалась къ пастбищу сосѣдней фермы, на право она шла черезъ пригорокъ къ большой дорогѣ. Остановившись на минуту подумать, но не показывая шпиону, что она подозрѣваетъ его, миссъ Гуильтъ вдругъ повернула къ пригорку.

«Я поймаю его здѣсь, сказала она сама себѣ, спокойно смотря на длинную прямую линію большой дороги.

Выйдя на мѣстность, которую она выбрала для своей цѣли, она обдумала трудности своего положенія съ совершеннымъ тактомъ и самообладаніемъ. Пройдя ярдовъ тридцать по дорогѣ, она уронила свой букетъ, нѣсколько повернулась, наклонившись поднять его, увидала человѣка, остановившагося въ ту же минуту позади нея,—и тотчасъ пошла опять, мало-по-малу ускоряя шаги до-тѣхъ-поръ, пока шла такъ скоро, какъ только могла. Шпионъ попалъ въ западню, разставленную для него. Видя, что наступаетъ ночь и боясь, что онъ потеряетъ её изъ вида въ темнотѣ, онъ быстро уменьшалъ разстояніе между ними. Миссъ Гуильтъ шла скорѣе и скорѣе, пока не услышала ясно шаги его позади себя, потомъ остановилась, повернулась и встрѣтилась съ этимъ человѣкомъ лицомъ къ нему.

— Кланяйтесь отъ меня мистеру Армэдэлю, сказала она: — и скажите ему, что я поймала васъ какъ вы подсматриваете за мной.

— Я не подсматриваю за вами, миссъ, возразилъ шпионъ, растерявшись при этихъ смѣлыхъ и прямыхъ словахъ.

Глаза миссъ Гуильтъ презрительно измѣрили его съ головы до ногъ. Это былъ слабый низенькій человѣкъ; она была выше и, можетъ быть даже, сильнѣе его.

— Сними шляпу, грубіянь, когда говоришь съ дамой, сказа-

ла она и швырнула его шляпу чрезъ канаву, возлѣ которой они стояли, въ лужу по другую сторону.

На этотъ разъ шпионъ не потерялся, онъ зналъ, также какъ и миссъ Гуильтъ, какъ она можетъ воспользоваться драгоценными минутами, если онъ повернётся къ ней спиной и перейдётъ чрезъ канаву за своей шляпой.

— Хорошо, что вы женщина, сказалъ онъ, хмурясь на неё съ обнаженной головой, при быстро наступавшей темнотѣ.

Миссъ Гуильтъ посмотрѣла искоса на длинную ливію дороги и увидала сквозь сгущавшуюся темногу одинокую фигуру человѣка, быстро приближавшагося къ ней. Нѣкоторыя женщины примѣтили бы приближеніе незнакомца въ этотъ часъ и въ этомъ уединенномъ мѣстѣ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Миссъ Гуильтъ слишкомъ была увѣрена въ могущество своего краснорѣчія, чтобы не рассчитывать заранѣе на помощь муцины, кто бы онъ ни былъ, *потому что* онъ муцина. Она посмотрѣла на шпиона съ удвоенной самоувѣренностью и во второй разъ презрительно окинула его съ ногъ до головы.

— Желала бы я знать, достанетъ ли у меня силъ швырнуть и тебя вслѣдъ за твоей шляпой, сказала она: — я прогуляюсь и подумаю объ этомъ.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ фигурѣ, подвигавшейся по дорогѣ: шпионъ шолъ за нею слѣдомъ.

— Попробуйте, сказалъ онъ грубо. — Вы женщина красивая, пожалуй, обвивайтесь вокругъ меня руками — я буду радъ.

Когда эти слова вырвались у него, онъ тоже увиделъ незнакомца въ первый разъ. Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и ждалъ. Миссъ Гуильтъ, съ своей стороны, также сдѣлала шагъ и ждала.

Незнакомецъ подходилъ лёгкими шагами привычнаго пѣшехода; онъ махалъ въ рукѣ тростью, а на плечахъ нёсъ дорожный мѣшокъ. Чрезъ нѣсколько шаговъ лицо его сдѣлалось видно; это былъ смуглый муцина; черные волосы его были покрыты пылью, а черные глаза его смотрѣли на дорогу, разстилавшуюся предъ нимъ. Миссъ Гуильтъ подошла къ нему, первый разъ выказавъ волненіе.

— Возможно ли! сказала она мягкимъ голосомъ: — не-уже-ли это вы?

Это былъ Мидуинтеръ, возвращавшійся въ Торп-Эмбросъ послѣ двухнедѣльнаго странствованія по йоркширскимъ степямъ. Онъ остановился и посмотрѣлъ на неё, едва переводя духъ отъ удивленія. Образъ этой женщины былъ у него въ мысляхъ въ ту самую минуту, когда эта женщина сама заговорила съ нимъ.

— Миссъ Гуильтъ! воскликнулъ онъ и машинально протянулъ руку.

Она взяла её и тихо пожала.

— Я была бы рада видѣть васъ во всякое время, сказала она. — Вы не знаете, какъ я рада видѣть васъ теперь! Могу я побѣзпокоить васъ просьбой поговорить съ этимъ человѣкомъ? Онъ преслѣдовалъ меня и надоѣдалъ во всю дорогу изъ города.

Мидуинтеръ прошелъ мимо нея, не говоря ни слова; какъ ни было тѣмно, шпионъ увидалъ, что ему предстоитъ, и вдругъ, повернувшись перескочилъ чрезъ канаву. Прежде чѣмъ Мидуинтеръ успѣлъ послѣдовать за нимъ, рука миссъ Гуильтъ лежала на его плечѣ.

— Нѣтъ, сказала она:—вы не знаете кто поручилъ ему это.

Мидуинтеръ остановился и посмотрѣлъ на неё.

— Странныя вещи случились послѣ того, какъ вы оставили насъ, продолжала она.—Я была принуждена оставить моё мѣсто; за мною слѣдитъ и подсматриваетъ наёмный шпионъ. Не спрашивайте кто принудилъ меня оставить моё мѣсто и кто навѣлъ шпиона, по-крайней-мѣрѣ теперь я не могу рѣшиться, сказать вамъ, пока не успокоюсь. Отпустите этого негодяя. Вамъ всё равно проводить меня до моей квартиры? это вамъ по дорогѣ. Не могу ли я попросить у васъ позволенія опереться о вашу руку? Мой небольшой запасъ мужества совершенно истощился.

Она взяла его подъ-руку и повисла на ней. Женщина, тирански распорядившаяся Бэпудомъ исчезла, женщина, бросившая шляпу шпиона въ лужу, исчезла. Робкое, дрожащее, интересное существо наполняло бѣлую кожу и дрожало въ симметрическихъ

членахъ миссъ Гуильтъ. Она приложила къ глазамъ носовой платокъ.

— Говорить, что необходимость не имѣетъ закона, слабо прошептала она.—Я обращаюсь съ вами какъ съ старымъ другомъ. Богу извѣстно какъ мнѣ нуженъ другъ!

Они пошли къ городу. Она оправилась съ трогательной твёрдостью—спрятала въ карманъ носовой платокъ и настойчиво повернула разговоръ на путешествіе Мидуинтера.

— Ужь и безъ того дурно быть вамъ въ тягость, сказала она, вѣжно опираясь на его руку:—я не должна еще разстроить васъ. Скажите мнѣ, гдѣ вы были и что вы видѣли. Заинтересуйте меня вашимъ путешествіемъ; помогите мнѣ пзбавиться себя самой.

Они дошли до скромной маленькой квартиры въ жалкомъ маленькомъ предмѣстьи. Миссъ Гуильтъ вздохнула и сняла перчатку прежде чѣмъ взяла руку Мидуинтера.

— Я пріютилась здѣсь, сказала она просто:—здѣсь опрятно и спокойно—Я слишкомъ бѣдна, чтобы желать или надѣяться большаго. Мы должны проститься, я полагаю... если только...

Она скромно колебалась и бросила быстрый взглядъ вокругъ какъ бы затѣмъ, чтобы посмотрѣть не наблюдаютъ ли за нею.

— Если только вы не захотите войти и отдохнуть немножко. Я такъ признательна вамъ, мистеръ Мидуинтеръ! Какъ вы думаете, могу ли я предложить вамъ чашку чая?

Магнетическое вліяніе ея привосновенія пробѣгало по его жиламъ, пока она говорила. Переменна и отсутствіе, на которыя онъ полагался, чтобы ослабить ея вліяніе надъ нимъ, вмѣсто того вѣроломно укрѣпили это вліяніе. Мущина исключительно чувствительный, мущина, исключительно чистый въ своей прошлой жизни, стоялъ рука объ руку въ искусительной таинственности почти съ первой женщиной, которая произвела на него всепоглощающее вліяніе своего пола. Въ его лѣта и въ ея положеніи кто могъ оставить её? Мущины (съ мужскимъ темпераментомъ) нѣтъ на свѣтѣ, который могъ бы оставить её. Мидуинтеръ вошолъ.

Глуный сонный мальчишка отворилъ дверь дома. Даже онъ,

какъ мужское существо, просіялъ подъ вліяніемъ миссъ Гуильтъ.

— Самоваръ, Джонъ, ласково сказала она:—и еще чашку и блюдечко. Я возьму вашу свѣчку зажечь мои свѣчи наверху, а потомъ не стану беспокоить васъ сегодня.

Джонъ въ одно мгновеніе проснулся и сталъ дѣятеленъ.

— Никакого безпокойства нѣтъ, миссъ, сказалъ онъ съ недовкой вѣжливостью.

Миссъ Гуильтъ взяла его свѣчу съ улыбкою.

— Какъ добры ко мнѣ люди! невинно шепнула она Мидуинтеру, показывая дорогу наверху, въ маленькую гостиную въ первомъ этажѣ.

Она зажгла свѣчи и, быстро повернувшись къ своему гостю, остановила его, когда онъ сдѣлалъ первое движеніе, чтобы снять съ плечъ дорожный мѣшокъ.

— Нѣтъ, сказала она кротко:—въ прежнее старое время дамы обезоруживали своихъ рыцарей. Я требую привилегіи обезоружить моего рыцаря.

Ея проворные пальцы опередили его у ремней и пряжекъ и она сняла съ него пыльный дорожной мѣшокъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ помѣшати ей дотронуться до него.

Они сѣли за одинъ маленькой столикъ въ комнатѣ, которая была очень бѣдно меблирована; но въ жалкихъ украшеніяхъ на каминѣ, въ двухъ прекрасно переплетенныхъ книгахъ на шифоньеркахъ, въ цвѣтахъ на столѣ и въ скромной рабочей корзинкѣ на окнѣ виднѣлась изящная разборчивость женщины, жившей тутъ.

— Не всѣ женщины кокетки, сказала она, снимая шляпку и мантилю и бережно кладя ихъ на стулъ. — Я не пойду въ мою комнату, не стану смотрѣться въ зеркало и охорашиваться—берите меня такую, какая я есть.

Руки ея двигали чайныя принадлежности на подносѣ съ тихимъ, гладкимъ проворствомъ. Ея великолѣпные волосы ярко блестя при свѣчахъ, когда она повѣртывала голову туда и сюда, отыскивая съ непринужденной граціей нужныхъ ей вещей на подносѣ. Моціонъ увеличилъ блескъ ея румянца, ускорилъ

быстрыя измѣненія въ выраженіи ея глазъ — восхитительную томность, пробывавшуюся изъ нихъ, когда она слушала и думала, умный блескъ, сіявшій изъ нихъ нѣжно, когда она говорила. Въ самомъ ничтожномъ словѣ, сказанномъ ею, въ самомъ малѣйшемъ поступкѣ, сдѣланномъ ею, было что-то тихо заманивавшее сердце человѣка, сидѣвшаго съ нею. Совершенно скромная въ обращеніи, обладающая въ совершенствѣ граціозной сдержанностью и утонченностью благовоспитанной женщины, она имѣла всю привлекательность, какая насыщаетъ глаза, всѣ привлекательности сирены, обольщающія чувства — тонкую вкрадчивость въ молчаніи, женское колдовство въ улыбкѣ.

— Ошибусь ли я, спросила она, вдругъ прекративъ разговоръ, который до-сихъ-поръ настойчиво ограничивала путешествіемъ Мидуинтера: — если угадаю, что у васъ есть что-то на душѣ — что-то такое, чего ни мой чай, ни мой разговоръ не могутъ отогнать. Такъ ли любопытны мужчины, какъ женщины? Не кажется ли это меня?

Мидуинтеръ боролся противъ очарованія глядѣть на неё и слушать её.

— Я очень желалъ бы услышать что случилось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ меня не было, сказалъ онъ: — но я еще болѣе желаю, миссъ Гуильтъ, не огорчать васъ, говоря о тягостномъ предметѣ.

Она съ признательностью на него взглянула.

— Это для васъ я избѣгала тягостнаго предмета, сказала она, играя ложкою въ поддонкахъ своей пустой чашки. — Но вы услышите объ этомъ отъ другихъ, если не услышите отъ меня. А вамъ надо знать, почему вы нашли меня въ такомъ странномъ положеніи и почему вы видите меня здѣсь. Пожалуйста помните одно прежде всего. Я не осуждаю вашего друга, мистера Армэдэля, я осуждаю тѣхъ людей, кому онъ служитъ орудіемъ.

Мидуинтеръ вздрогнулъ.

— Возможно ли, началъ онъ: чтобы Алленъ былъ виноватъ?...

Онъ остановился и съ безмолвнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на миссъ Гуильтъ. Она тихо дотронулась до руки его.

— Не сердитесь на меня за то, что я только скажу правду,

сказала она: — вашъ другъ виноватъ во всёмъ, что со мной случилось, невинно виноватъ, мистеръ Мидуинтеръ—я въ этомъ твёрдо увѣрена. Мы оба жертвы. Онъ жертва своего положенія, какъ самый богатый холостой человѣкъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ, а я жертва намѣренія миссъ Мильрой выйти за него замужъ.

— Миссъ Мильрой, повторилъ Мидуинтеръ всё болѣе и болѣе удивляясь: — самъ Аллэнъ сказалъ мнѣ...

Онъ опять остановился.

— Онъ сказалъ вамъ, что я предметъ его восторга? Бѣдняжка! онъ восхищается всѣми; его голова почти такъ пуста, какъ это, сказала миссъ Гуильтъ, глядя съ значительною улыбкою въ свою пустую чашку.

Она опустила ложку, вздохнула и опять сдѣлалась серьёзна.

— Я виновата въ суетности, что позволила ему восхищаться мною, съ раскаяніемъ продолжала она: — не имѣя извиненіемъ даже взаимность къ тому мимолётному интересу, который онъ почувствовалъ ко мнѣ. Я не унижаю его многихъ превосходныхъ качествъ или превосходнаго положенія, какое онъ можетъ предложить своей женѣ. Но сердцу женщины приказывать нельзя—нѣтъ, мистеръ Мидуинтеръ, даже счастливому владѣльцу Торп-Эмброза, который приказываетъ всѣмъ другимъ.

Она посмотрѣла ему въ лицо, произнося это великодушное чувство. Глаза его опустились предъ ея глазами и его густой румянецъ еще сгустился. Онъ почувствовалъ какъ сердце его забилося при объявленіи ея равнодушія къ Аллэну. Въ первый разъ, какъ они узнали другъ друга, его интересы теперь обнаружались предъ нимъ какъ совершенно противоположные интересамъ его друга.

— Я была виновна въ тщеславіи, что позволила мистеру Армэдэлю восхищаться мною, и пострадала за это, продолжала миссъ Гуильтъ. — Еслибы между моей ученицей и мною было хоть какое-нибудь довѣріе, я легко увѣрила бы её, что она можетъ сдѣлаться мистриссъ Армэдэль, не боясь соперничества съ моей стороны. Но миссъ Мильрой возненавидѣла меня и не довѣряла мнѣ съ самаго начала. Она, безъ сомнѣнія, смотрѣла на легкомысленное вниманіе ко мнѣ мистера Армэдэла съ своей

ревнивой точки. Ея выгоды требовали унизить меня въ его уваженіи и, весьма вѣроятно, мать помогала ей. Мистриссъ Мильрой также имѣла свои причины (о которыхъ мнѣ стыдно упоминать) желать выгнать меня изъ дома. Заговоръ удался. Меня принудили (съ помощью мистера Армэдэля) оставить мѣсто у маіора. Не сердитесь, мистеръ Мидуинтеръ, не составляйте опрометчиваго мнѣнія. Навѣрно миссъ Мильрой имѣетъ какія-нибудь хорошія качества, хотя я ихъ не примѣтила, и опять увѣряю васъ, что я не обвиняю мистера Армэдэля, я только обвиняю людей, которыми онъ служилъ орудіемъ.

— Какъ, онъ былъ ихъ орудіемъ? Какъ онъ могъ быть орудіемъ вашихъ враговъ? спросилъ Мидуинтеръ. — Пожалуйста извините моё безпокойство, миссъ Гуильтъ, доброе имя Алэна такъ же мнѣ дорого, какъ моё собственное?

Глаза миссъ Гуильтъ опять прямо обратились на него и сердце миссъ Гуильтъ невинно предалось порыву энтузіазма.

— Какъ я восхищаюсь вашёй серьёзностью! сказала она. — Какъ мнѣ нравится ваше безпокойство за вашего друга! О! еслибы женщины могли составлять подобныя дружескія связи! О! счастливые, счастливые мужчины!

Голосъ ея ослабѣлъ и услужливая чашка поглотила ея вниманіе въ третій разъ.

— Я отдала бы всю свою ничтожную красоту, сказала она: — еслибы могла найти такого друга, какого нашолъ въ васъ мистеръ Армэдэль. Я никогда не найду, мистеръ Мидуинтеръ, никогда! Воротимся къ тому, о чомъ мы говорили. Я могу только вамъ сказать какъ вашъ другъ замѣшанъ въ моихъ несчастіяхъ, рассказавъ вамъ прежде о себѣ самой. Я похожа на многихъ другихъ гувернантокъ; я жертва печальныхъ семейныхъ обстоятельствъ. Можетъ быть это во мнѣ слабость, но я терпѣть не могу упоминать о нихъ при постороннихъ. Моё молчаніе о моёмъ семействѣ и о моихъ друзьяхъ подвергаетъ меня превратнымъ толкамъ насчетъ моего зависимаго положенія. Вредитъ это мнѣ въ вашемъ уваженіи, мистеръ Мидуинтеръ?

— Сохрани Боже! съ жаромъ возразилъ Мидуинтеръ. — Нѣтъ ни одного человѣка на свѣтѣ, продолжалъ онъ, думая о своей

собственной семейной исторіи: — который имѣлъ бы лучшія причины понимать и уважать ваше молчаніе, какъ я.

Миссъ Гуильтъ схватила его руку.

— О! я знала это, сказала она: — съ той самой минуты, какъ въ первый разъ увидела васъ! Я знала, что вы также страдали, что вы также имѣли горести, которыя сохранили въ священной тайнѣ! Странная, странная симпатія! Я не вѣрю месмеризму, а вы вѣрите?

Она вдругъ опомнилась и задрожала.

— О! что я сдѣлала? что вы должны думать обо мнѣ? воскликнула она, когда Мидуинтеръ, уступая магнетическому очарованію ея прикосновенія и забывъ всё, кромѣ руки, тепло лежавшей въ его рукѣ, наклонился и поцаловалъ её. — Пощадите меня! сказала она слабымъ голосомъ, когда почувствовала горячее прикосновеніе его губъ. — Я такъ одинока, я нахожусь совершенно въ вашей власти!

Онъ отвернулся отъ нея и закрылъ лицо руками; онъ дрожалъ и она это видѣла. Она посмотрѣла на него, когда его лицо было отъ нея скрыто, она посмотрѣла на него съ скрытымъ интересомъ и удивленіемъ.

«Какъ этотъ человѣкъ любить меня! подумала она. «Я желала бы знать было ли время, когда я могла любить его?»

Молчаніе между ними не прерывалось нѣсколько минутъ. Онъ почувствовалъ ея воззваніе къ его уваженію, такъ какъ она не ожидала и не надѣялась — онъ не рѣшался ни взглянуть на неё и ни заговорить съ нею.

— Продолжать мнѣ мою исторію? спросила она. — Забыть намъ и простить съ обѣихъ сторонъ?

Снисхожденіе женщины къ выраженію мужского восторга, не выходящаго изъ границъ личного уваженія, вызвало на ея губы очаровательную улыбку. Она задумчиво посмотрѣла на своё платье и со вздохомъ страхнула съ колѣнъ нѣсколько крошекъ.

— Я вамъ говорила, продолжала она: — о моёмъ нежеланіи говорить съ посторонними о моей печальной семейной исторіи. Этимъ-то, какъ я послѣ узнала, предала я себя коварству и подозрѣнію миссъ Мильрой. Къ той дамѣ, которая поручилась за

меня, секретно обращались за справками обо мнѣ по науцѣннѣ миссъ Мильрой—я не сомнѣваюсь въ этомъ. Я съ сожалѣннѣмъ должна сказать, что это еще не всё. Какими-то тайными пройсками, которые мнѣ совершенно неизвѣстны, обманули простодушіе мистера Армэдэля и секретныя справки къ моему поручительницѣ въ Лондонъ были сдѣланы, мистеръ Мидуинтеръ, чрезъ вашего друга.

Мидуинтеръ вдругъ всталъ со стула и посмотрѣлъ на неё. Очарованіе, которое она имѣла на него, какъ оно ни было могущественно, прекратило на-время своё вліяніе теперь, когда это простое открытіе, наконецъ, прямо сорвалось съ ея губъ. Онъ посмотрѣлъ на неё и сѣлъ опять, какъ человѣкъ приведенный въ изумленіе, не произнося ни слова.

— Вспомните какъ онъ слабъ, кротко уговаривала миссъ Гуильтъ:—и извините его, какъ я его извиняю. То ничтожное обстоятельство, что онъ не наполю моему поручительницѣ по адресу, данному ему, я не понимаю почему возбудило подозрѣніе мистера Армэдэля. По-крайней-мѣрѣ онъ остался въ Лондонѣ. Чтò онъ тамъ дѣлалъ—я не могу сказать. Я рѣшительно ничего не знала, я не вѣрила никому; я была такъ счастлива въ маленькомъ кругу моихъ обязанностей, какъ только могла быть съ ученицей, привязанность которой я заслужить не могла, когда, въ одно утро, къ моему несказанному удивленію, майоръ Мильрой показалъ мнѣ корреспонденцію между нимъ и мистеромъ Армэдэлемъ. Онъ говорилъ со мною въ присутствіи своей жены. Бѣдная женщина—я на неё не жалуясь—такая болѣзнь, какою она страдаетъ, извиняетъ всё. Я желала бы дать вамъ понятіе о письмахъ между майоромъ Мильроемъ и мистеромъ Армэдэлемъ, но у меня голова женская, а я была такъ сконфужена и разстроена въ то время! я могу только сказать вамъ, что мистеръ Армэдэль сохраняетъ молчаніе о своихъ поступкахъ въ Лондонѣ и такимъ образомъ, что это молчаніе набрасываетъ тѣнь на мою репутацию. Майоръ былъ очень добръ; его довѣріе ко мнѣ осталось непоколебимо — но развѣ его довѣріе могло защитить меня противъ предубѣжденій его жены и недоброжелательства его дочери? О! какъ женщины жестоки од-

на къ другой! О! какое униженіе, еслибы мужчины знали каковы мы на самомъ дѣлѣ! Что могла я сдѣлать? Я не могла защитить себя противъ обвиненій, не основанныхъ ни на чемъ, и не могла оставаться на моёмъ мѣстѣ послѣ подозрѣнія, наброшеннаго на меня. Моя гордость (помоги мнѣ, Боже! я была воспитана какъ благородная женщина и моя чувствительность еще не притупилась), моя гордость овладѣла мною и я оставила моё мѣсто. Не огорчайтесь, мистеръ Мидуинтеръ, въ моёмъ рассказѣ есть и свѣтлая сторона. Здѣшнія дамы были необыкновенно добры ко мнѣ: я имѣю надежду получить ученицъ; я избавлена отъ неприятности опять быть въ тягость моимъ друзьямъ. Одно, на что я могу пожаловаться, кажется мнѣ жалобой справедливой. Мистеръ Армэдэль воротился сюда уже нѣсколько дней тому назадъ. Я умоляла его письменно позволить мнѣ видѣться съ нимъ, сказать мнѣ какія ужасныя подозрѣнія имѣетъ онъ обо мнѣ и позволить мнѣ оправдаться въ его уваженіи. Повѣрите ли вы этому? онъ не захотѣлъ видѣться со мною—подъ вліяніемъ другихъ, не по своей собственной волѣ—я увѣрена въ томъ! Это жестоко—не правда ли? но онъ поступилъ со мною еще болѣе жестокимъ образомъ: онъ всё еще подозрѣваетъ меня; это онъ велѣлъ подсматривать за мною. О, мистеръ Мидуинтеръ! не возненавидьте меня за то, что я говорю вамъ то, что вы должны знать! Человѣкъ, который, какъ вы видѣли, преслѣдовалъ меня и напугалъ сегодня—шпіонъ, нанятый мистеромъ Армэдэлемъ.

Мидуинтеръ опять вскочилъ на ноги и на этотъ разъ мысль его выразилась словами.

— Я не могу этому повѣрить, я не хочу этому вѣрить! воскликнулъ онъ съ негодованіемъ.—Если этотъ человѣкъ сказалъ вамъ это—онъ солгалъ. Я прошу у васъ извиненія, миссъ Гуильтъ, я прошу у васъ извиненія изъ глубины моего сердца. Пожалуйста не думайте, что я сомнѣваюсь въ васъ, я только говорю, что тутъ есть какая нибудь ужасная ошибка. Я не увѣренъ, что я понимаю какъ слѣдуетъ всё, что вы сказали мнѣ. Но эту послѣднюю гнусную низость, въ которой вы считаете Аллена виновнымъ, я понимаю. Клянусь вамъ, онъ на это не спо-

собень! Какіе-нибудь мошенники воспользовались имъ, какіе-нибудь мошенники употребили во зло его имя. Я докажу это вамъ, если вы только дадите мнѣ время. Позвольте мнѣ уйти и тотчасъ разъяснить это. Я не могу оставаться сповоенъ; я не могу переносить мысли объ этомъ, я не могу даже наслаждаться удовольствіемъ быть здѣсь. О! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ:— я увѣренъ, что вы понимаете мои чувства послѣ того, что сказали вы—я такъ понимаю васъ!

Онъ остановился въ замѣшательствѣ. Глаза миссъ Гуильтъ опять смотрѣли на него и руки миссъ Гуильтъ опять нашли путь къ его рукѣ.

— Вы самый великодушный человѣкъ на свѣтѣ, сказала она нѣжно:—я повѣрю всему, чему вы велите мнѣ повѣрить. Ступайте, прибавила она шопотомъ, вдругъ выдернувъ свою руку и отвернувшись отъ него: — и для васъ и для меня вамъ надо уйти.

Его сердце сильно забилося; онъ посмотрѣлъ на неё, когда она опустила на стулъ и приложила къ глазамъ носовой платокъ. Онъ съ минуту колебался, а потомъ схватилъ свой дорожный мѣшокъ съ пола и поспѣшно ушолъ, не оглянувшись на миссъ Гуильтъ, не бросивъ на неё прощальнаго взгляда.

Она встала, когда дверь затворилась за нимъ.

Какъ только миссъ Гуильтъ осталась одна, съ нею тотчасъ сдѣлалась переменна. Румянецъ пропалъ съ ея щокъ, красота исчезла изъ ея глазъ, лицо страшно ожесточилось послѣ безмолвнаго отчаянія.

— Это еще подлѣе чѣмъ то, за что я взялась сначала, сказала она:—обманывать его.

Хотя нѣсколько минутъ по комнатѣ взадъ и впередъ, она уныло остановилась предъ зеркаломъ, висѣвшимъ надъ каминномъ.

— Ты странное существо! прошептала она, облокотясь на каминъ и томно смотря на собственное своё отраженіе въ зеркалѣ.—Осталась ли у тебя совѣсть и не пробудилъ ли её этотъ человѣкъ?

Отраженіе ея лица въ зеркалѣ медленно измѣнялось. Румя-

нець выступилъ на ея щеки, восхитительная томность начала опять лучиться изъ глазъ. Губы тихо раздвинулись и ускоренное дыханіе начинало помрачать поверхность стекла. Послѣ минутнаго погруженія въ свои мысли, она отступила отъ зеркала, вздрогнувъ отъ ужаса.

— Что я дѣлаю? спросила она съ внезапнымъ удивленіемъ. — Развѣ я съ ума сошла, что думаю о нёмъ *такимъ* образомъ?

Она насмѣшливо захохотала и съ шумомъ открыла свою письменную шкатулку, стоявшую на столѣ.

— Давно пора поговорить съ матушкой Езавелью, сказала она и сѣла писать къ мистриссъ Ольдершд.

«Я встрѣтилась съ Мидуинтеромъ, писала она: «при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и извлекла изъ этого случая всевозможную выгоду. Онъ только-что ушолъ отъ меня къ своему другу, мистеру Армэдэлю, и завтра случится одно изъ двухъ хорошихъ обстоятельствъ. Если они не поссорятся, двери Торпъ-Эмброза опять откроются для меня по ходатайству Мидуинтера. Если они поссорятся, я буду несчастною причиною этой ссоры и проберусь въ Торпъ-Эмбросъ сама изъ чисто христіанскаго желанія помирить ихъ.»

Она колебалась надъ слѣдующей фразой, написала нѣсколько словъ, вычеркнула ихъ, а потомъ вдругъ разорвала письмо на доскутки, а перо бросила на другой конецъ комнаты. Быстро повернувшись на своёмъ стулѣ, посмотрѣла на стулъ, на которомъ сидѣлъ Мидуинтеръ; нога ея тревожно топала по полу а носовой платокъ она засунула, какъ клянь, въ сжатые зубы. «Какъ ты ни молодъ, думала она, обращаясь мысленно къ тому, кто только-что сидѣлъ на этомъ пустомъ стулѣ: «въ *твоей* жизни было что-то необыкновенное и я должна это узнать:—и узнаю!»

Часы въ домѣ пробили часъ и заставили её опомниться. Она вздохнула и, воротившись къ зеркалу, съ утомленіемъ стала разстѣгивать себѣ платье, съ утомленіемъ сняла пуговицы съ шемизетки и положила ихъ на каминь. Безпечно посмотрѣла она на отражавшуюся въ зеркалѣ красоту ея груди и шеи, расплетая волосы и откинувъ ихъ на плечи.

«Что еслибы онъ увидалъ меня теперь? подумала она.

Она обернулась къ столу и со вздохомъ погасила одну свѣчу а другую взяла въ руку.

— Мидуинтеръ! сказала она, проходя въ свою спальную:— я не вѣрю въ его имя прежде всего.

Прошло болѣе часа, прежде чѣмъ Мидуинтеръ дошелъ до большого дома.

Два раза, хотя этотъ путь былъ ему извѣстенъ, сходилъ онъ съ большой дороги. Событія этого вечера: свиданіе съ миссъ Гуильтъ послѣ двухнедѣльныхъ думъ о ней, необыкновенная переменна, случившаяся въ ея положеніи послѣ того, какъ онъ видѣлъ её въ послѣдній разъ, странныя отношенія къ ней Аллена— всё соединилось, чтобы набросить въ его мысли страшное смѣтеніе. Темнота облачной ночи увеличила его замѣшательство. Даже знакомыя торп-эмбросскія ворота показались ему незнакомы. Онъ самъ не понималъ какъ онъ дошелъ до этого мѣста.

Передній фасадъ дома былъ тѣмень и уже запертъ на ночь. Мидуинтеръ обошелъ къ задней сторонѣ. Звукъ мужскихъ голосовъ, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, долетѣлъ до его слуха. Онъ скоро различилъ голоса перваго и втораго лакея, а предметъ ихъ разговора составлялъ ихъ господинъ.

— Я готовъ прозакладывать вамъ полкроны, что его чрезъ недѣлю выгонять отсюда, сказалъ первый лакей.

— Идѣть! отвѣчалъ второй.—Его не такъ легко выгнать какъ вы думаете.

— Нѣтъ? возразилъ первый.—Его закидаютъ грязью, если онъ останется здѣсь. Опять вамъ говорю: ему мало еще той каши, которую онъ заварилъ. Я знаю навѣрно, что онъ велѣлъ подсматривать за гувернанткой.

При этихъ словахъ Мидуинтеръ машинально удержался прежде чѣмъ повернулъ за уголъ дома. Первое сомнѣніе въ успѣхъ его посредничества обдало его холодомъ. Вліяніе, производимое публичной оглаской, дѣйствуетъ съ силою, противоположною обыкновеннымъ механическимъ законамъ. Отголосокъ его сильнѣе чѣмъ самый звукъ. Къ первому звуку мы можемъ оставаться, глухи, но отголосокъ поражаетъ непреодолимо. Пока Мидуин-

теръ шоль, его единственнѣмъ желаніемъ было найти Аллена неспящимъ и говорить съ нимъ немедленно. Его единственною надеждой было выиграть время, чтобы бороться съ новыми сомнѣніями и заставить замолчать новыя предчувствія; онъ желалъ болѣе всего услышать теперь, что Алленъ уже лёгъ спать. Онъ обшоль за уголъ дома и явился предъ слугами, курившими трубки въ заднемъ саду. Какъ только удивленіе позволило имъ заговорить, они предложили разбудить своего господина. Алленъ пересталъ ждать своего друга въ этотъ вечеръ и лёгъ спать полчаса назадъ.

— Баринъ непремѣнно приказалъ тотчасъ доложить ему какъ только вы воротитесь.

— А я непремѣнно прошу, возразилъ Мидуинтеръ:—чтобы вы не беспокоили его.

Слуги съ удивленіемъ переглянулись, когда Мидуинтеръ взялъ свѣчу и ушоль.

ГЛАВА VШ.

ОНА СТАНОВИТСЯ МЕЖДУ НИМИ.

Назначенные часы для различных домашних событий были совершенно неизвѣстны въ Торп-Эмброзѣ. Неправильный во всѣхъ своихъ привычкахъ, Аллэнъ не имѣлъ опредѣленнаго времени (съ единственнымъ исключеніемъ обѣденнаго) ни днёмъ, ни ночью. Онъ уходилъ спать рано или поздно и вставалъ рано или поздно, смотря по своей склонности. Слугамъ было запрещено будить его и мистриссъ Гриперъ привыкла готовить завтракъ какъ могла съ того времени, какъ огонь въ кухнѣ былъ только-что разведёнъ, до того времени, когда часы показывали полдень.

Къ девяти часамъ утра послѣ своего возвращенія Мидуинтеръ постучался въ дверь Аллена и, войдя въ комнату нашолъ её пустой. Разузнавъ между слугами, Мидуинтеръ узналъ, что Аллэнъ всталъ въ это утро прежде чѣмъ проснулся его камердинеръ и что горячая вода для бритья была принесена одной изъ служанокъ, которая еще не знала о возвращеніи Мидуинтера. Никому не случилось видѣть господина ни на лѣстницѣ, ни въ передней; никто не слыхалъ какъ онъ звонилъ въ колокольчикъ, чтобы ему подали завтракъ—словомъ, никто ничего не зналъ о нёмъ, кромѣ того, что было очевидно для всѣхъ — что его не было въ домѣ.

Мидуинтеръ вышелъ на большое крыльцо. Онъ сталъ на верху лѣстницы, соображая, по какому направленію отправиться ему

отыскивать своего друга. Неожиданное отсутствіе Аллена еще болѣе увеличило тревогу его души. Онъ былъ въ такомъ расположеніи духа, когда бездѣлицы раздражаютъ человѣка и фантазіи имѣютъ могущество воспламенять или приводить въ уныніе его воображеніе.

Небо было облачное, вѣтеръ дулъ порывами съ юга; для глазъ, опытныхъ въ погодѣ, было очевидно, что будетъ дождь. Пока Мидуинтеръ еще колебался, одинъ изъ конюховъ прошолъ мимо него по дорожкѣ внизу. Оказалось, когда Мидуинтеръ спросилъ его, что онъ лучше слугъ зналъ, куда отправился его баринъ. Онъ видѣлъ какъ Алленъ прошолъ мимо конюшень болѣе чѣмъ часъ тому назадъ и вышелъ въ паркъ заднею дорогою съ букетомъ въ рукѣ.

Съ букетомъ въ рукѣ? Этотъ букетъ непонятно тяготилъ душу Мидуинтера, когда онъ обошелъ кругомъ, въ надеждѣ встрѣтить Аллена, къ задней сторонѣ дома.

«Что значитъ этотъ букетъ? спрашивалъ онъ себя съ непонятнымъ чувствомъ раздраженія и сердито толкнувъ ногою камень, поавшійся ему на дорогѣ.

Букетъ значилъ, что Алленъ, по обыкновенію, послѣдовалъ своему внутреннему побужденію. Единственное пріятное впечатлѣніе, оставшееся на его душѣ послѣ свиданія съ Педдифтомъ Старшимъ, было сдѣлано разговоромъ стряпчаго о его разговорѣ съ Нили въ паркѣ. Безпокойство, чтобы онъ не имѣлъ о ней ошибочнаго мнѣнія, такъ серьезно выраженное дочерью майора, поставило её въ глазахъ Аллена въ непреодолимо привлекательномъ видѣ, какъ единственное лицо между всѣми его сосѣдями, которое имѣло нѣкоторое уваженіе къ его доброму мнѣнію. Болѣзненно чувствительный къ своему одиночеству, теперь, когда не было Мидуинтера, чтобы служить ему собесѣдникомъ въ пустомъ домѣ, жаждая въ своёмъ уединеніи добраго слова и дружескаго взгляда, онъ началъ думать всё съ болѣе сильнымъ сожалѣніемъ о веселомъ молоденькомъ личикѣ, такъ пріятно соединявшемся съ его первыми счастливыми днями въ Торп-Эмброузѣ. Сознать такое чувство значило съ характеромъ Аллена дѣйствовать, соображаясь съ нимъ, опрометчиво, куда бы его это

ни повело. Онъ выходилъ вчерашнимъ утромъ отыскивать Нили съ примиряющимъ букетомъ цвѣтовъ, не имѣя яснаго понятія о томъ, что онъ ей скажетъ если встрѣтится съ нею, и не найдя её на мѣстѣ ея обыкновенныхъ прогулокъ, онъ характеристически рѣшился на слѣдующее утро сдѣлать вторую попытку съ новымъ примирительнымъ букетомъ. Всё еще не зная о возвращеніи своего друга, онъ отошелъ довольно далеко отъ дома, дѣлая поиски въ такой сторонѣ парка, гдѣ онъ еще не былъ.

Пройдя нѣсколько ярдовъ за конюшни и не видя никакихъ слѣдовъ Аллена, Мидуинтеръ воротился и ждалъ возвращенія своего друга, медленно ходя взадъ и впередъ по маленькому садику съ задней стороны дома.

Время отъ времени онъ разсѣянно взглядывалъ на комнату, прежде бывшую комнатою мистриссъ Армадэль, которую теперь (по его убѣжденіямъ) обыкновенно занималъ его сынъ—комнату съ статуэткой на пьедесталѣ и съ французскимъ окномъ, когда-то напомнившую ему Второе Видѣніе во Снѣ. Тѣнь мужчины, которую Алленъ видѣлъ стоящую напротивъ его у длиннаго окна, видъ на дугъ и цвѣтникъ, дождь, бившій въ стекла, паденіе статуэтки, разлетѣвшейся въ дребезги на полу—эти предметы и событія въ видѣніи, такъ живо представлявшіяся когда-то его воспоминаніямъ, теперь всё были вытѣснены болѣе поздними воспоминаніями и оставлены блѣднѣть на тускломъ заднемъ планѣ времени. Онъ могъ проходить мимо этой комнаты растревоженный и одинъ и ни разу не подумать о лодкѣ, сорванной съ привязи при лунномъ сіяніи, и о ночи проведенной на разрушенномъ кораблѣ!

Къ десяти часамъ хорошо знакомый звукъ голоса Аллена вдругъ послышался по направленію къ конюшнямъ. Еще чрезъ минуту, онъ показался изъ сада. Его вторичные утренніе поиски за Нили, по всей вѣроятности, опять кончились неудачею. Букетъ всё еще былъ у него въ рукахъ и онъ съ безропотной покорностью судьбѣ подарилъ его одному изъ дѣтей кучера.

Мидуинтеръ сдѣлалъ шагъ къ конюшнямъ и вдругъ остановился: онъ сознавалъ, что его положеніе къ другу уже измѣнилось относительно миссъ Гуильтъ, и первый взглядъ на Аллена

наполнилъ его душу внезапнымъ недовѣріемъ къ вліянію гувернантки надъ нимъ, что было почти недовѣріемъ къ себѣ самому. Онъ зналъ, что онъ возвращался въ Торп-Эмбросъ съ намѣреніемъ признаться въ страсти, овладѣвшей имъ, и настоять, если окажется необходимо, на второмъ и болѣе продолжительномъ отсутствіи для жертвы, какую онъ хотѣлъ сдѣлать для счастья своего друга. Что теперь случилось съ этимъ намѣреніемъ? Извѣстіе объ измѣнившемся положеніи миссъ Гуильтъ и ея добровольное признаніе въ ея равнодушія къ Аллену разметали по вѣтру это намѣреніе. Первые слова, которыми онъ встрѣтилъ бы своего друга—еслибы ничего не случилось съ нимъ на обратномъ пути домой—уже были изгнаны съ его губъ. Онъ отступилъ, чувствуя это, и боролся съ инстинктивной честностью относительно Аллена, чтобъ освободиться въ послѣднюю минуту отъ вліянія миссъ Гуильтъ.

Распорядившись съ бесполезнымъ букетомъ, Алленъ прошолъ въ садъ и въ ту же минуту узналъ Мидуинтера съ громкимъ крикомъ удивленія и восторга.

— Наяву я вижу или во снѣ? воскликнулъ онъ, схвативъ друга за обѣ руки.—Милый старый дружище, Мидуинтеръ, выскочилъ ты изъ-подъ земли или свалился съ облаковъ?

Пока Мидуинтеръ не объяснилъ тайну своего неожиданнаго появленія со всѣми малѣйшими подробностями, онъ не могъ угоризить Аллена сказать хоть слово о самомъ себѣ. Когда онъ заговорилъ, онъ плачевно покачалъ головою и смягчилъ свой громкій голосъ, прежде осмотрѣвшись кругомъ, не слышатъ ли его слуги.

— Я научился быть осторожнымъ послѣ того, какъ вы ушли и оставили меня, сказалъ Алленъ. — Любезный другъ, вы не имѣете ни малѣйшаго понятія, что случилось и въ какой ужасной бѣдѣ нахожусь я въ эту минуту!

— Вы ошибаетесь, Алленъ: я слышалъ болѣе о томъ, что случилось, нежели вы предполагаете.

— Какъ! о той ужасной кашѣ, въ которую я попалъ съ миссъ Гуильтъ, о ссорѣ съ маюромъ, объ адскихъ сплѣтняхъ сосѣдей? Не-уже-ли вы...

— Да, спокойно перебилъ Мидуинтеръ: — я слышалъ обо всёмъ этомъ.

— Господи помилуй! какъ, развѣ вы останавливались въ Торп-Эмбросѣ, возвращаясь назадъ? заходили въ кофейную гостиницы? встрѣтились съ Педгифтомъ? были въ читальной и видѣли то, что они называютъ свободой книгопечатанія въ городской газетѣ?

Мидуинтеръ помолчалъ прежде чѣмъ отвѣтилъ и посмотрѣлъ на небо. Тучи непримѣтно собрались надъ ихъ головами и первая капля дождя начинала падать.

— Войдите сюда, сказалъ Аллэнъ:—пойдѣмте завтракать отсюда.

Онъ повѣлъ Мидуинтера въ открытое французское окно въ свою гостаную. Вѣтеръ дулъ съ этой стороны дома и дождь хлесталъ имъ въ слѣдъ. Мидуинтеръ вошелъ послѣдній и заперъ окно. Аллэнъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта, прерваннаго погодою, что не могъ дождаться пока они войдутъ въ столовую. Онъ остановился у окна и прибавилъ еще два къ ряду своихъ вопросовъ:

— Какъ вы могли слышать обо мнѣ и миссъ Гуильтъ? кто вамъ сказалъ?

— Сама миссъ Гуильтъ, серьезно отвѣчалъ Мидуинтеръ.

Обращеніе Аллена перемѣнилось, какъ только имя гувернантки сорвалось съ губъ Мидуинтера.

— Я желалъ бы, чтобы вы выслушали прежде мой рассказъ, сказалъ онъ.—Гдѣ вы встрѣтились съ миссъ Гуильтъ?

Наступило минутное молчаніе. Оба всё еще стояли у окна, погруженные въ интересъ минуты; оба забывали, что они хотѣли укрыться отъ дождя въ столовой наверху.

— Прежде чѣмъ я отвѣчу на вашъ вопросъ, сказалъ Мидуинтеръ нѣсколько принужденно:—я желаю спросить васъ кое-о-чемъ, Аллэнъ, съ своей стороны. Не-уже-ли правда, что вы причиною, что миссъ Гуильтъ оставила домъ маіора Мильроя?

Наступило новое молчаніе. Разстройство, начинавшее выказываться въ обращеніи Аллена, замѣтно увеличивалось.

— Это нѣсколько длинная исторія, началъ онъ:—я былъ об-

мануть, Мидуинтеръ. Меня обманула особа, которая—я не могу удержаться, чтобы этого не сказать—которая заставила меня обѣщать то, чего я не долженъ былъ обѣщать, и сдѣлать то, чего лучше мнѣ не дѣлать бы. Я не нарушаю моего обѣщанія, говоря вамъ. На вашу скромность я положиться могу—не такъ ли? Вы никогда не скажете ни слова—не правда ли?

— Пойдите! возразилъ Мидуинтеръ.—Не довѣряйте мнѣ секретовъ, не принадлежащихъ вамъ. Если вы дали обѣщаніе, не играйте имъ, даже говоря съ такимъ короткимъ другомъ, какъ я.

Онъ кротко и ласково положилъ свою руку на плечо Аллена.

— Я не могу не видѣть, что я нѣсколько растревожилъ васъ, продолжалъ онъ:—я не могу не видѣть, что на мой вопросъ не такъ легко отвѣчать, какъ я надѣялся и предполагалъ. Не подождать ли намъ немножко? не пойти ли наверхъ и позавтракать прежде?

Алленъ слишкомъ горячо желалъ представить всё поведеніе своему другу въ настоящемъ видѣ, чтобы обратить вниманіе на предложеніе Мидуинтера. Онъ тотчасъ же заговорилъ съ жаромъ, не отходя отъ окна.

— Любезный другъ на этотъ вопросъ совершенно легко отвѣчать, только...

Онъ колебался.

— Только это требуетъ того, на что я не мастеръ, это требуетъ объясненія.

— Вы хотите сказать, спросилъ Мидуинтеръ серьезно, но такъ же кротко, какъ и прежде:—что вы должны прежде оправдаться, а потомъ отвѣчать на мой вопросъ?

— Именно! сказалъ Алленъ съ видомъ облегченія.—Вы попали мнѣ въ точку, по обыкновенію.

Лицо Мидуинтера помрачилось въ первый разъ.

— Съ сожалѣніемъ слышу это, сказалъ онъ.

Голосъ его понижился и глаза опустились въ землю, когда онъ это говорилъ. Дождь полился сильнѣе и билъ прямо въ закрытыя окна.

— Вы сожалѣете! повторилъ Аллэнъ. — Любезный другъ, вы еще не слышали подробностей; подождите пока я объяснюсь.

— Вы не мастеръ на объясненія, сказалъ Мидуинтеръ, повторяя собственныя слова Аллена. — Не ставьте самого себя въ невыгодное положеніе, не объясняйте.

Аллэнъ посмотрѣлъ на него съ безмолвнымъ недоумѣніемъ и удивленіемъ.

— Вы мой другъ, мой самый лучший и самый дорогой другъ, продолжалъ Мидуинтеръ: — я не могу допустить васъ оправдываться передо мною, какъ-будто я вашъ судья или какъ-будто я сомнѣваюсь въ васъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на Аллена и скромно и ласково.

— Притомъ, продолжалъ онъ:—я думаю, что если я пороюсь въ мои воспоминанія, то могу предупредить ваше объясненіе. Мы имѣли разговоръ передъ моимъ уходомъ о весьма щекотливыхъ вопросахъ, которые вы намѣревались предложить маіору Мильрою. Я помню, что я предостерегалъ васъ, я помню, что я имѣлъ дурныя предчувствія объ этомъ. Справедливо ли угадаю я, если скажу, что эти вопросы нѣкоторымъ образомъ способствовали поставить васъ въ фальшивое положеніе? Если правда, что вы были причиною, что миссъ Гуильтъ оставила своё мѣсто, это также правда—вѣрить этому значить отдавать вамъ справедливость—что вредъ, сдѣланный вами, былъ сдѣланъ невинно.

— Да, сказалъ Аллэнъ, говоря въ первый разъ нѣсколько принужденно. — Сказать это, значить отдать мнѣ справедливость.

Онъ остановился и началъ разсѣянно пробовать пальцемъ линіи по тусклой поверхности стекла.

— Вы не похожи на другихъ людей, Мидуинтеръ, вдругъ продолжалъ онъ съ усиленіемъ: — и я всё-таки желалъ бы, чтобы вы выслушали подробности.

— Я выслушаю, если вы желаете, отвѣчалъ Мидуинтеръ: — но я увѣренъ, что вы неохотно были причиною, что миссъ Гуильтъ оставила своё мѣсто. Если это рѣшено между вами и мною, я думаю, что намъ не нужно больше говорить. Кромѣ того, я долженъ сдѣлать другой вопросъ, гораздо важнѣе, вопросъ, который

меня принуждаетъ сдѣлать то, что я видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами вчера.

Онъ остановился съ невольнымъ нежеланіемъ продолжать.

— Не пойти ли намъ навверхъ? вдругъ спросилъ онъ, направляясь къ двери и стараясь выиграть время.

Это было бесполезно. Опять комната, которую они оба были свободны оставить, комната, которую одинъ изъ нихъ два раза уже старался оставить, держала ихъ какъ бы въ плѣну. Ничего не отвѣчая, даже повидимому не слыхавъ предложенія Мидуинтера идти навверхъ, Аллэнъ пошелъ за нимъ машинально къ противоположной сторонѣ окна. Тамъ онъ остановился.

— Мидуинтеръ! вдругъ вскричалъ онъ съ внезапнымъ удивленіемъ и испугомъ: — между нами есть что-то странное; вы не похожи на себя. Что это такое?

Взявшись уже за ручку двери, Мидуинтеръ обернулся и посмотрѣлъ назадъ. Минута настала. Его опасеніе сдѣлать другу несправедливость выказалась въ принужденности словъ, взглядовъ и поступковъ до того замѣтной, что даже Аллэнъ её примѣтилъ. Теперь оставалось только одно: ради дорогихъ интересовъ дружбы, соединявшей ихъ, говорить тотчасъ и говорить смѣло.

— Между нами есть что-то странное, повторилъ Аллэнъ: — ради Бога что это такое?

Мидуинтеръ отнялъ свою руку отъ двери и опять воротился къ огню; онъ занялъ, по необходимости то мѣсто, которое оставилъ Аллэнъ. Это было на той сторонѣ окна, гдѣ стояла статуэтка. Эта маленькая фигурка, поставленная на пьедесталѣ, была какъ разъ позади Мидуинтера съ его правой руки. Никакихъ признаковъ перемѣны не видѣлось на бурномъ небѣ. Дождь всё билъ врось черезъ садъ прямо въ стекла.

— Дайте мнѣ вашу руку, Аллэнъ.

Аллэнъ подаль руку и Мидуинтеръ крѣпко держалъ её, пока говорилъ.

— Между нами есть что-то странное, началъ онъ: — надо поправить то, что касается до васъ близко и что еще не было поправлено. Вы спрашивали меня теперь: гдѣ я встрѣтился съ

миссъ Гуильтъ. Я встрѣтился съ нею, возвращаясь сюда, на большой дорогѣ съ дальней стороны города. Она умоляла меня защитить её отъ человѣка, который преслѣдовалъ её и пугалъ. Я самъ собственными глазами видѣлъ этого негодяя и захватилъ бы его, еслибы меня не остановила миссъ Гуильтъ. Она сослалась для этого на весьма странную причину. Она сказала, что я не знаю кто нанялъ его подсматривать за ней.

Румянецъ Аллена вдругъ сгустился; онъ быстро посмотрѣлъ въ окно на проливной дождь. Въ ту же минуту Мидуинтеръ выпустилъ его руку и наступило молчаніе. Мидуинтеръ первый заговорилъ опять:

— Позднѣ вечеромъ миссъ Гуильтъ объяснилась. Она сказала мнѣ двѣ вещи: что человѣкъ, который преслѣдовалъ её, былъ наёмный шпионъ. Я удивился, но не могъ этого оспаривать. Потомъ она сказала мнѣ, Алленъ—а я думаю всѣмъ сердцемъ и всей душою, что это ложь, которую кто-нибудь выдалъ за правду — она сказала мнѣ, что этотъ шпионъ навялъ *вамъ*.

Алленъ тотчасъ отвернулся отъ окна и прямо посмотрѣлъ Мидуинтеру въ лицо.

— Я *долженъ* объясниться на этотъ разъ, сказалъ онъ рѣшительно.

Смертельная блѣдность, свойственная ему въ минуты сильнаго волненія, выступила на щекахъ Мидуинтера.

— Еще объясненіе, сказалъ онъ и отступилъ на шагъ, съ внезапнымъ и вопросительнымъ страхомъ устремивъ глаза на лицо Аллена.

— Вы не знаете, что знаю я, Мидуинтеръ. Вы не знаете, что я сдѣлалъ всё по основательной причинѣ; мало того, я не положился на себя—я послушался добраго совѣта.

— Вы слышали, что я сказалъ теперь? недовѣрчиво спросилъ Мидуинтеръ:—вы навѣрно не слушали меня.

— Я не пропустилъ ни слова, возразилъ Алленъ. — Говорю вамъ опять: вы не знаете того, что я знаю о миссъ Гуильтъ. Она угрожала миссъ Мильрой. Миссъ Мильрой въ опасности, пока ея гувернантка останется въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Мидуинтеръ изгналъ дочь маіора изъ разговора презрительнымъ движеніемъ руки.

— Я ничего не хочу слышать о миссъ Мильрой, сказалъ онъ:—не смѣшивайте миссъ Мильрой... Великій Боже! Аллэнъ, не-уже-ли я долженъ понять, что шпионъ, подсматривавшій за миссъ Гуильтъ, исполняетъ своё скверное ремесло съ вашего одобренія?

— Разъ навсегда, любезный другъ, хотиге вы или нѣтъ дать мнѣ объясниться?

— Объясниться! вскричалъ Мидуинтеръ и глаза его запылали, а горячая креолская кровь прямо бросилась въ лицо. — Объяснить наёмъ шпиона? Какъ! выгнавъ миссъ Гуильтъ изъ дома маіора, вмѣшавшись въ ея семейныя дѣла, вы употребляете самое гнусное изъ всѣхъ средствъ—наёмнаго шпиона! Вы заставляете подсматривать за женщиной, которую, сами вы говорили мнѣ, вы любили, только двѣ недѣли тому назадъ! женщину, которую вы думали сдѣлать вашей женой! Я не вѣрю этому, я не вѣрю этому. Или голова измѣняетъ мнѣ? Съ Аллэномъ ли Армэдэлемъ говорю я? Аллэнъ ли Армэдэль смотритъ на меня?... Пойдите! вы дѣйствуете подъ какимъ-то ошибочнымъ мнѣніемъ. Катой-то низкій человекъ прокрался въ вашу довѣренность и сдѣлалъ это отъ вашего имени, не сказавъ вамъ этого сначала.

Аллэнъ воздерживался съ удивительнымъ терпѣніемъ и съ удивительнымъ вниманіемъ къ характеру его друга.

— Если вы настойчиво отказываетесь выслушать меня, я долженъ подождать, пока настанетъ моя очередь.

— Скажите мнѣ, что не вы наняли этого человека и я выслушаю васъ охотно.

— Предположите, что могла быть необходимость, о которой вы ничего не знаете, нанять его.

— Я не признаю необходимости для низкихъ преслѣдованій беззащитной женщины.

Минутный румянецъ раздраженія—минутный, не болѣе—пробѣжалъ по лицу Аллана.

— Вы, можетъ быть, не считали бы ея такой беззащитной, сказалъ онъ:—еслибы вы знали правду.

— И вы скажете мнѣ правду? спросилъ Мидуинтеръ:— когда вы отказались выслушать ея оправданіе!— вы, заперевшій дверь вашего дома передъ нею!

Аллэнъ всё еще воздерживался, но усиліе начало наконецъ казаться очевиднымъ.

— Я знаю, что у васъ горячій характеръ, сказалъ онъ:— но, несмотря на это, ваша запальчивость крайне удивляетъ меня. Я не могу объяснить её, развѣ только...

Онъ колебался съ минуту, а потомъ кончилъ фразу съ своей обыкновенной откровенностью:

— Развѣ только вы сами влюблены въ миссъ Гуильтъ.

Послѣднія слова подлили масла на огонь; они лишили правду всякаго прикрытія и выставили её прямо на глаза; а инстинктъ Аллена угадалъ и главная причина участія Мидуинтера къ миссъ Гуильтъ обнаружилась.

— Какое право, вы имѣете говорить это? спросилъ Мидуинтеръ, возвысивъ голосъ и съ угрожающими глазами.

— Я сказалъ вамъ, просто отвѣчалъ Аллэнъ:— когда я думалъ, что я самъ въ неё влюблёнъ... Полно, полно! мнѣ кажется немножко жестоко, даже если вы влюблены въ неё, вѣрить всему что она говоритъ вамъ и не позволять мнѣ сказать слова. Такимъ-то образомъ вы рѣшаете между нами?

— Да; такимъ! закричалъ Мидуинтеръ, взбѣшонный вторымъ намѣкомъ Аллена на миссъ Гуильтъ. — Когда меня просятъ выбирать между наёмщикомъ шпіона и жертвою шпіона, я беру сторону жертвы!

— Не испытывайте меня такъ жестоко, Мидуинтеръ: я также могу выйти изъ себя, какъ и вы.

Аллэнъ остановился, выдерживая борьбу съ собой. Бѣшеная страсть, выражавшаяся на лицѣ Мидуинтера, отъ которой болѣе прѣстѣдательная и болѣе великодушная натура, можетъ быть, отступила бы съ ужасомъ, вдругъ тронула Аллена безыскусственной тѣсною, которая въ эту минуту была чувствомъ почти великимъ. Онъ подошелъ съ влажными глазами и протянулъ руку.

— Вы только-что просили меня дать вамъ руку, сказалъ

онъ: — и я далъ вамъ её. Хотите вспомнить прежнее время и дать мнѣ вашу руку, пока еще не поздно?

— Нѣтъ! бѣшено закричалъ Мидуинтеръ. — Я могу опять встрѣтить миссъ Гуильтъ и мнѣ понадобится моя рука, чтобы распорядиться съ вашимъ шпиономъ!

Онъ отступалъ вдоль стѣны по мѣрѣ того, какъ приближался Алленъ, такъ что пьедесталь, на которомъ стояла статуэтка, очутился впереди, а не позади его. Въ безуміи страсти, онъ не видалъ ничего, кромѣ лица Аллена, находившагося прямо передъ нимъ. Въ безуміи страсти, онъ протянулъ правую руку, когда отвѣчалъ Аллену, и грозно потрясъ ею въ воздухѣ; она ударилась о пьедесталь и чрезъ минуту статуэтка полетѣла на полъ и разбилась въ дребезги.

Дождь всё билъ въ стѣкла. Оба Армэдэля стояли у окна какъ двѣ тѣни во Второмъ Видѣніи Сна. Алленъ наклонился надъ обломками статуэтки и, одинъ по одному, поднялъ ихъ съ пола.

— Оставьте меня, сказалъ онъ, не поднимая глазъ:—или мы оба раскаемся.

Не говоря ни слова, Мидуинтеръ медленно отступилъ назадъ. Онъ во второй разъ взялся за ручку двери и въ послѣдній разъ обернулся на комнату. Ужасъ ночи, проведенной на разрушенномъ кораблѣ, опять овладѣлъ имъ и пламя страсти вмигъ поухло.

— Сновидѣніе! прошепталъ онъ, едва дыша: — опять сновидѣніе!

Дверь была отворена съ другой стороны и вошелъ слуга доложить, что завтракъ поданъ. Мидуинтеръ взглянулъ на слугу испуганнымъ, беспомощнымъ отчаяньемъ на лицѣ.

— Выведите меня, сказалъ онъ:—здѣсь тѣмно и комната кишится передо мною!

Слуга взялъ его за руку и молча вывелъ изъ комнаты.

Когда дверь затворилась за ними, Алленъ подобралъ послѣдній обломокъ разбитой фигуры. Онъ сѣлъ одинъ у стола и закрылъ лицо руками. Самообладаніе, которое онъ мужественно охранялъ при постоянномъ раздраженіи, теперь измѣнилось ему, онъ, въ уныломъ одиночествѣ его комнаты и при пер-

вой горечи чувства, что Мидуинтеръ возсталъ противъ него какъ всѣ, онъ залился слезами.

Минуты шли одна за другою: медленно тянулось время. Мало-по-малу признаки новаго разстройства въ погодѣ начали показываться въ лѣтней грозѣ. Тѣнь быстро сгущавшейся темноты распространилась по небу. Дождь уменьшился вмѣстѣ съ вѣтромъ. Наступила минутная тишина. Вдругъ дождь опять полился какъ катарактъ и тихій раскатъ грома торжественно пронёсся въ замирающемъ воздухѣ.

ГЛАВА IX.

ОНА ЗНАЕТЪ ПРАВДУ.

1. Отъ мистера Бешуда къ миссъ Гуилмтъ.

Торп-Эмбросъ іюля 20, 1851.

Милостивая государыня, я получилъ вчера съ посланнымъ вашу обязательную записку, въ которой вы приказываете мнѣ имѣть съ вами только письменныя сообщенія, пока есть причина полагать, что за всѣми посѣтителями, бывающими у васъ, наблюдаютъ. Позволяется ли мнѣ сказать, что я ожидаю съ почтительнымъ нетерпѣніемъ того времени, когда я опять буду наслаждаться единственнымъ, истиннымъ счастьемъ, когда-либо испытаннымъ мною—счастьемъ лично обращаться къ вамъ.

«Исполняя ваше желаніе не пропустить нынѣшняго дня (воскресенья), не примѣтивъ что происходитъ въ большомъ домѣ, я взялъ ключи и пошелъ сегодня утромъ въ контору управителя. Я, объяснилъ мой приходъ слугамъ, сказавъ имъ, что у меня есть дѣло, которое мнѣ необходимо кончить въ самое короткое время. Этотъ же самый предлогъ годился бы и для мистера

Армэдэля, еслибы мы встрѣтились, но этой встрѣчи не случилось.

«Хотя я припоздъ въ Торп-Эмброзъ, какъ мнѣ казалось довольно рано, я всё-таки опоздалъ, чтобы видѣть или слышать серьёзную ссору, случившуюся только-что передъ моимъ приходомъ между мистеромъ Армэдэлемъ и мистеромъ Мидуинтеромъ.

«Всѣ свѣдѣнія, какія я сообщаю вамъ объ этомъ дѣлѣ, узналъ я отъ одного изъ слугъ. Этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ голоса обоихъ этихъ джентльменовъ, громко раздававшихся въ гостиной мистера Армэдэля. Онъ скоро пошелъ доложить о завтракѣ и нашолъ мистера Мидуинтера въ такомъ ужасномъ волненіи, что долженъ былъ помочь ему выйти изъ комнаты. Слуга старался уговорить его лечь и успокоиться: онъ не захотѣлъ, сказавъ, что подождётъ нѣсколько въ одной изъ ближнихъ комнатъ и просилъ оставить его одного. Только-что слуга сошелъ внизъ, какъ услышалъ, что парадная дверь открылась и затворилась. Онъ побѣжалъ назадъ и увидалъ, что мистеръ Мидуинтеръ ушелъ. Въ то время лилъ дождь и вскорѣ загремѣлъ громъ и блеснула молнія. Конечно, ужасно выходить въ такую погоду. Слуга думаетъ, что мистеръ Мидуинтеръ нѣсколько разстроенъ въ умѣ. Искренно надѣюсь, что нѣтъ. Мистеръ Мидуинтеръ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, съ которыми я встрѣчался въ продолженіе моей жизни, ласково обращавшійся со мной.

«Услыхавъ, что мистеръ Армэдэль всё еще сидитъ въ гостиной, я пошелъ въ контору управителя (которая, можетъ быть вы помните, находится на той же сторонѣ дома) и оставилъ дверь полуоткрытою, а окно открылъ, ожидая и слушая всё, что могло бы случиться. Милостивая государыня, было время, когда я могъ находить подобное положеніе въ домѣ моего хозяина не совсѣмъ приличнымъ. Позвольте мнѣ поспѣшить увѣрить васъ, что теперь я совсѣмъ не такъ чувствую. Я горжусь всякимъ положеніемъ, въ какомъ я могу быть полезенъ вамъ.

«Положеніе погоды казалось совершенно неблагоприятно для возобновленія тѣхъ сношеній между мистеромъ Армэдэлемъ и миссъ Мильрой, которыхъ вы ожидаете съ такой увѣренностью

и о которых съ такимъ нетерпѣніемъ желаете получить увѣдомленіе. Однако довольно странно, что именно вслѣдствіе такой погоды я могу теперь сообщить вамъ тѣ самыя свѣдѣнія, какихъ вы требуете. Мистеръ Армэдэль и миссъ Мильрой встрѣтились часъ тому назадъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

«При началѣ грозы я увидѣлъ какъ одинъ изъ конюховъ выбѣжалъ изъ конюшни и началъ, какъ онъ поступался въ окна комнаты его господина, мистеръ Армэдэль отворилъ окно и спросилъ, что ему нужно. Конюхъ сказалъ, что его послала жена кучера. Она видѣла изъ своей комнаты надъ конюшнями (которая выходитъ въ паркъ), что миссъ Мильрой совершенно одна, укрылась отъ дождя подъ деревомъ. Такъ какъ эта часть парка была довольно далеко отъ коттеджа маіора, жена кучера подумала, что, можетъ быть, ея господинъ желаетъ послать и попросить барышню къ нему въ домъ, особенно какъ она стала при начинающейся грозѣ въ весьма опасное положеніе.

«Какъ только мистеръ Армэдэль выслушалъ конюха, онъ пошелъ за непромокаемыми вещами и зонтикомъ и самъ побѣжалъ вмѣсто того, чтобы послать слугъ. Черезъ нѣсколько времени онъ и конюхъ воротились и между ними шла миссъ Мильрой, защищаемая ими отъ дождя.

«Я узналъ отъ одной изъ служанокъ, которая провожала молодую дѣвицу въ спальную и подавала ей всѣ сухія вещи, которыя ей оказались нужны, что миссъ Мильрой, потомъ проводили въ гостиную и что мистеръ Армэдэль находился тамъ съ нею. Единственный способъ послѣдовать вашимъ предписаніямъ и узнать что происходило между ними, состоялъ въ томъ, чтобы обойти вокругъ дома по проливному дождю и забраться въ оранжерею (которая отерывается въ гостиную) чрезъ наружную дверь. Меня не остановило ничто, милостивая государыня, чтобы оказать вамъ услугу; я буду молвить охотно каждый день, чтобы угодить вамъ; притомъ, хотя съ перваго взгляда, я могу показаться пожилымъ человѣкомъ, промокнуть отъ дождя, не можетъ имѣть для меня очень серьезныхъ послѣдствій. Увѣряю васъ, что я не такъ старъ, какъ кажусь, и что гораздо крѣпче сложеніемъ, чѣмъ кажется на видъ.

«Я не могъ пройти въ оранжереѣ такъ близко, чтобы видѣть что происходитъ въ гостиной, не рискуя быть увидѣннымъ, но почти весь разговоръ доходилъ до меня, кромѣ тѣхъ минутъ, когда они понижали голоса. Вотъ сущность того что я слышалъ:

«Я понялъ, что миссъ Мильрой была убѣждена, противъ воли укрыться отъ грозы въ домѣ мистера Армэдэля. Она сказала такъ по-крайней-мѣрѣ и слышалъ на двѣ причины. Первая та, что ея отецъ запретилъ все сношеніе между коттеджемъ и большимъ домомъ. Мистеръ Армэдэль опровергнулъ это возраженіе, объявивъ, что ея отецъ отдалъ это приказаніе потому, что совсѣмъ не понималъ причины дѣла, и умоляя еѣ не обращаться съ нимъ такъ жестоко, какъ обращался маіоръ. Я подозреваю, что онъ вступилъ въ нѣкоторыя объясненія по этому поводу, но такъ какъ онъ понизилъ голосъ, я не въ состояніи сказать въ чемъ они состояли. Его выраженія, когда я ихъ слышалъ, были сбивчивы и не грамматичны, однако, кажется, они были довольно вняты, чтобы убѣдить миссъ Мильрой, что отецъ ея дѣйствовалъ подъ ошибочнымъ впечатлѣніемъ обстоятельствъ. По-крайней-мѣрѣ я заключаю такъ, потому что, какъ я потомъ услышалъ разговоръ, молодая дѣвица перешла къ второму возраженію, противъ ея присутствія въ домѣ—возраженію, состоявшему въ томъ, что мистеръ Армэдэль очень дурно поступилъ съ ней и вполне заслуживалъ, чтобы она никогда не говорила съ нимъ опять.

«Въ этомъ случаѣ Армэдэль не старался защищаться. Онъ согласился съ нею, что онъ поступилъ очень дурно; онъ согласился съ нею, что онъ вполне заслуживалъ, чтобы она не говорила съ нимъ опять. Въ то же время, онъ умолялъ еѣ вспомнить, что онъ претерпѣлъ наказаніе. Онъ находился въ немилости у сосѣдей и его дорогой другъ, его единственный короткий другъ на свѣтѣ въ это самое утро также обратился противъ него, какъ и всѣ. Далекъ или близко нѣтъ ни одной живой души, которую онъ любилъ, чтобы утѣшить его или сказать ему дружеское слово. Онъ былъ одинокъ и несчастенъ и сердце его жаждало доброты—и это было его единственное

извиненіе, что онъ просилъ миссъ Мильрой забыть и простить прошлое.

«Я боюсь, что я долженъ предоставить вамъ судить самой о дѣйствіи, какое эти слова произвели на молодую дѣвицу, потому что, хотя я очень старался, я никакъ не могъ услышать что она сказала. Я почти слышалъ, что она заплакала, а мистеръ Армэдэль умолялъ её не плакать и успокоить его сердце. Они много шептались, что чрезвычайно досаждало меня. Я потомъ испугался, когда мистеръ Армэдэль вышелъ въ оранжерею нарвать цвѣтовъ. Онъ, къ счастью, не дошелъ до того мѣста, гдѣ я спрятался, и вошелъ въ гостиную, гдѣ опять происходилъ разговоръ (я подозреваю очень близко къ другу), котораго, къ моему величайшему сожалѣнію, я не могъ разслушать. Пожалуйста простите мнѣ, что я такъ мало имѣю сообщить вамъ. Я могу только прибавить, что когда гроза прошла, миссъ Мильрой ушла съ цвѣтами въ рукахъ, а мистеръ Армэдэль проводилъ её изъ дома. Моё смиренное мнѣніе состоитъ въ томъ, что у него былъ могущественный другъ, во всё время свиданія, въ привязанности къ нему молодой дѣвицы.

«Вотъ всё, что я могу сказать теперь, за исключеніемъ еще одного обстоятельства, о которомъ я слышалъ и о которомъ я стыжусь упомянуть. Но ваше слово—законъ и вы приказали мнѣ, ничего отъ васъ не скрывать.

«Разговоръ ихъ разъ обратился, милостивая государыня, на васъ. Мнѣ послышалось, что миссъ Мильрой произнесла слово «тварь» и я увѣренъ, что мистеръ Армэдэль, сознавая, что онъ когда-то восхищался вами, прибавилъ, что обстоятельства послѣ того показали ему «его сумасбродство». Я привожу его собственное выраженіе — оно заставило меня задрожать отъ негодованія. Если мнѣ позволено будетъ сказать, то я скажу, что мущина, восхищающійся миссъ Гуильтъ, живётъ въ раю. Уваженіе, если ничего другого, должно было бы замкнуть уста мистера Армэдэля. Я знаю, что мистеръ Армэдэль мой хозяинъ, но послѣ того, какъ онъ назвалъ сумасбродствомъ свой восторгъ къ вамъ (хотя я временно занимаю мѣсто его управителя), я вполне презираю его.

«Надѣюсь, что я имѣлъ счастье удовлетворительно исполнить ваше приказаніе и горячо желая заслужить ваше постоянное довѣріе, я остаюсь, милостивая государыня,
вашъ признательный и преданный слуга

«Феликсъ Бэшудъ».

2. — *Отъ мистриссъ Ольды къ миссъ Гуилтъ.*

«Лица Діана, понедѣльникъ, 21 іюня»

«Любезная Лидія, я бѣшеною васъ нѣсколькими строками, онѣ написаны подѣ вліяніемъ чувства долга относительно меня самбѣ въ нашемъ настоящемъ положеніи относительно другъ друга.

«Я совсѣмъ не довольна тономъ вашихъ двухъ послѣднихъ писемъ и еще менѣе довольна тѣмъ, что вы оставили меня сегодня утромъ безъ всякаго письма, когда мы условились, въ сомнительномъ положеніи нашихъ надеждъ, что я буду получать отъ васъ письма каждый день. Я могу только перетолковать ваше поведеніе однимъ образомъ, я могу только вывести заключеніе, что дѣла въ Торн-Эмбросѣ, дурно управляемыя, пошли дурно.

«Настоящая цѣль моего письма не упрекать васъ, зачѣмъ я буду тратить понапрасну время, слова и бумагу, я только желаю напомнить вамъ нѣкоторыя соображенія, которыя вы, кажется, расположены забыть. Сказать вамъ ихъ самыми простыми словами? Да, я скажу, потому что, при всѣхъ моихъ недостаткахъ, я олицетворенная откровенность.

«Во-первыхъ, я имѣю такія же выгоды, какъ и вы, чтобы вы сдѣлались мистриссъ Армэдэль торн-эмброской; во-вторыхъ, снабдила васъ (не говоря о хорошихъ совѣтахъ) всѣми деньгами, необходимыми для достиженія нашей цѣли; въ-третьихъ, я имѣю отъ васъ росписки въ каждомъ фардингѣ, данномъ мною вамъ взаимно; въчетвертыхъ и въ послѣднихъ, хотя я снисхо-

дигельна къ ошибкамъ въ качествѣ друга, въ качествѣ дѣловой женщины, моя милая, я не позволю шутить съ собою. Вотъ всё, Лидія, по-крайней-мѣрѣ теперь.

«Пожалуйста не предполагайте, что я пишу въ гнѣвѣ, я только огорчена и обезкуражена. Еслибы у меня были крылья голубки, я улетѣла бы и успокоилась.

Любящая васъ,

МАРІЯ ОЛЬДЕРШО.

3. — Отъ мистера Бэшуда къ миссъ Гуилтъ.

Торп-Эмбросъ, 21 іюля.

«Милостивая государыня, вы, вѣроятно, получите эти строки чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ моё вчерашнее письмо дойдѣтъ до васъ. Я отправилъ моё первое письмо вчера вечеромъ, а это отправлю до полудня сегодня.

«Настоящая цѣль этого письма—сообщить вамъ еще извѣстіе изъ этого дома. Съ невыразимымъ счастьемъ сообщаю вамъ, что неблагородное вмѣшательство мистера Армэдэля въ ваши частныя дѣла кончилось. Подсматриваніе за вашими поступками прекращается сегодня. Я пишу, милостивая государыня, со слезами на глазахъ — со слезами радости, вызванными чувствами, которыя я осмѣлился выразить въ моёмъ первомъ письмѣ (первый параграфъ къ концу). Простите мнѣ этотъ личный намѣкъ. Я могу говорить съ вами (я не знаю почему) гораздо удобнѣ перомъ, чѣмъ языкомъ.

«Позвольте мнѣ успокоиться и продолжать рассказъ.

«Я только-что пришолъ въ контору управителя сегодня утромъ, когда мистеръ Педдигфъ Старшій прошолъ за мною вслѣдъ въ большой домъ видѣться съ мистеромъ Армэдэлемъ вслѣдствіе назначеннаго свиданія. Безполезно говорить, что я тотчасъ оставилъ всё дѣла, какими долженъ былъ заняться, чувствуя, что, можетъ быть, дѣло идѣтъ о вашихъ интересахъ.

Весьма пріятно прибавить также, что на этотъ разъ обстоятельства благопріятствовали мнѣ. Я могъ встать подъ окномъ и слышать весь разговоръ.

«Мистеръ Армэдэль объяснился тотчасъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ. Онъ приказалъ, чтобы шпионъ, нанятый подсматривать за вами, тотчасъ былъ отпущенъ. Когда Педгифтъ Старшій просилъ его объяснить эту внезапную переменъ, онъ не скрылъ, что она была слѣдствіемъ того, что произошло между мистеромъ Мидуинтеромъ и имъ наканунѣ. Слова мистера Мидуинтера, какъ ни были жестоки и несправедливы, тѣмъ не менѣе убѣдили его, что никакая необходимость не можетъ извинить поступка такого низкаго, какъ употребленіе шпиона, и по этому убѣжденію онъ теперь рѣшился дѣйствовать.

«Если бы не ваши положительные приказанія не скрывать отъ васъ ничего, что происходитъ здѣсь и относится къ вамъ, мнѣ право было бы стыдно передать что мистеръ Педгифтъ сказалъ съ своей стороны. Я знаю, что онъ ласково поступилъ со мною. Но еслибы онъ былъ мой родной братъ, я не могъ бы простить ему тона, какимъ онъ говорилъ о васъ, и упорства съ какимъ онъ старался заставить мистера Армэделя переменить его намѣренія.

«Онъ началъ нападкама на мистера Мидуинтера: онъ объявилъ, что мнѣнію мистера Мидуинтера нельзя было слѣдовать, потому что было совершенно ясно, что вы, милостивая государыня, вертѣли имъ какъ хотѣли. Не произведя никакого дѣйствія своимъ грубымъ намѣкомъ (которому никто, знающій васъ, ни на минуту не можетъ повѣрить), мистеръ Педгифтъ заговорилъ о миссъ Мильрой и спросилъ мистера Армэделя: развѣ онъ отказался отъ намѣренія защищать её. Что это значить—я придумать не могу; я могу только передать это для вашихъ собственныхъ соображеній. Мистеръ Армэдэль коротко отвѣтилъ, что онъ имѣетъ свой собственный планъ защищать миссъ Мильрой и что обстоятельства переменились съ этой стороны, или что-то въ этомъ родѣ. Мистеръ Педгифтъ всё настаивалъ; онъ продолжалъ (стыжусь упоминать) переходить отъ худого къ худшему. Онъ старался потомъ убѣдить мистера Армэделя подать

просьбу въ судъ противъ тѣхъ, которые болѣе другихъ осуждали его поведеніе въ сосѣдствѣ, съ цѣлью — я право не знаю, какъ это написать — чтобъ заставить васъ явиться свидѣтельницами въ судѣ. Еще хуже, когда мистеръ Армэдэль сказалъ: «нѣтъ». Мистеръ Педгифтъ, который, какъ я предположилъ по звуку его голоса, готовъ былъ выйти изъ комнаты, хитро воротился и предложилъ послать за лондонскимъ сыщикомъ только для того, чтобы взглянуть на васъ.

«— Вся эта тайна о настоящей репутаціи миссъ Гуильтъ, сказалъ онъ: — можетъ разъясниться вопросомъ о личности. Выписать сюда сыщика изъ Лондона не можетъ стоить очень дорого, а постараться узнать извѣстно ея лицо или нѣтъ въ главной полиціи стоить того. Я опять увѣряю васъ, милостивѣйшая государыня, что я повторяю только эти гнусныя слова изъ чувства обязанности къ вамъ. Я дрожалъ — увѣряю васъ, я дрожалъ съ головы до ногъ, когда слышалъ ихъ.

«Продолжаю, потому что я долженъ сказать вамъ еще кое-что.

«Мистеръ Армэдэль (къ его чести — я этого не опровергаю, хотя не люблю его) всё говорилъ «нѣтъ». Его, какъ казалось, раздражала настойчивость мистера Педгифта и онъ сказалъ довольно вспыльчиво:

«— Вы убѣдили меня въ послѣдній разъ, какъ мы говорили объ этомъ, сдѣлать то, чего я искренно стыдился потомъ. Вамъ не удастся, мистеръ Педгифтъ, убѣдить меня во второй разъ». Это его слова. Мистеръ Педгифтъ какъ-будто самъ обидѣлся.

«— Если вы такимъ образомъ принимаете мои совѣты, сэръ, сказалъ онъ: «чѣмъ менѣе вы будете выслушивать ихъ впредь, тѣмъ лучше. Вы и ропщете и ваше личное задрѣтаніе въ этомъ дѣлѣ между вами и миссъ Гуильтъ, и вы настаиваете въ самую критическую минуту поступать по-свѣдому, что, по-мѣду кончится дурно. Послѣ того, что я уже сказалъ и сдѣлалъ въ этомъ серьезномъ дѣлѣ, я не могу согласиться продолжать дѣйствовать съ связанными руками и не могу бросить его съ честью для себя, когда всё знаютъ, что я вашъ

стряпчій. Вы не оставляете мнѣ другого выбора, сэръ, крамѣ какъ отказать отъ чести быть вашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

«— Мнѣ даль, это слышать, сказалъ мистеръ Армадаль: — но я уже слишкомъ пострадалъ за то, что вмѣшивался въ дѣла миссъ Гуильтъ. Я не могу и не хочу дѣйствовать болѣе въ этомъ дѣлѣ.

«— Вы можете не дѣйствовать болѣе, сэръ, сказалъ мистеръ Педгифтъ: — и я не буду болѣе дѣйствовать, потому что оно перестало быть для меня дѣловымъ интересомъ. Но помяните мое слово, мистеръ Армэдаль: вы еще не покончили съ этимъ дѣломъ. Любопытство кого-нибудь другого можетъ продолжать съ того пункта, на которомъ вы и я остановились, и чья-нибудь другая рука можетъ пустить свѣтъ на миссъ Гуильтъ.

«Я передаю ихъ выраженія, милостивая государыня, почти слово въ слово, какъ мнѣ кажется. Это произвело на меня невыразимое впечатлѣніе; это наполнило меня — я самъ не знаю почему — совершенно паническимъ страхомъ. Я совѣмъ не понимаю этого и еще менѣе понимаю то, что случилось немедленно послѣ этого.

«Голосъ мистера Педгифта, когда онъ сказалъ эти послѣднія слова, раздался ужасно близко ко мнѣ. Онъ, должно быть, говорилъ у открытаго окна и я боюсь, что онъ, должно быть, видѣлъ меня подъ окномъ. Я успѣлъ, прежде чѣмъ онъ вышелъ изъ дома, спокойно выйти изъ лавровыхъ кустовъ, но не воротиться въ контору. Я пошелъ по дорожкѣ къ домику привратника какъ-будто иду по какому-нибудь конторскому дѣлу.

«Мистеръ Педгифтъ скоро догналъ меня въ гитѣ и остановился.

«— Такъ вы любопытствуете на счетъ миссъ Гуильтъ, сказалъ онъ. — Удовлетворяйте ваше любопытство — я этому не препятствую». Я, натурально, растревожился, но спросилъ его что онъ хочетъ сказать. Онъ не отвѣчалъ, онъ только посмотрѣлъ на меня изъ гиты очень страннымъ образомъ и засмѣялся.

«— Мнѣ случалось видѣть вещи даже страннѣе этого, сказалъ онъ вдругъ самъ себѣ и уѣхалъ.

«Я осмѣлился обезпечить васъ этимъ послѣднимъ происше-

ствіемъ, хотя оно, можетъ быть, покажется вамъ вовсе неважнымъ, въ надеждѣ, что вашъ высокій умъ будетъ въ состояніи объяснить его. Мои бѣдныя умственныя способности, признаюсь, никакъ не могутъ понять что хотѣлъ сказать мистеръ Педгифтъ. Я знаю только то, что онъ не имѣлъ права обвинить меня въ такомъ дерзкомъ чувствѣ, какъ любопытство относительно дамы, къ которой я питаю горячее уваженіе и восторгъ. Не смѣю выразиться въ болѣе пламенныхъ выраженіяхъ.

«Мнѣ остаётся только прибавить, что моё положеніе здѣсь позволяетъ мнѣ постоянно служить вамъ, если вы желаете. Мистеръ Армэдэль только-что приходилъ въ контору и сказалъ мнѣ коротко, что въ отсутствіе мистера Мидуинтера я всё долженъ пока занимать его должность. Остаюсь, милостивая государыня, искренно преданный вамъ

Феликсъ Бэшудъ.

4. — *Отъ Аллена Армэдэля къ Децимусу Броку.*

Торп-Эмбровъ, вторникъ.

«Любезный мистеръ Брокъ, я нахожусь въ большихъ неприятностяхъ. Мидуинтеръ поссорился со мною и оставилъ меня; мой страпчій поссорился со мною и оставилъ меня; и (кромя милой миссъ Мильрой, которая простила мнѣ) всё сосѣди повернулись ко мнѣ спиной. Я очень несчастенъ и одинокъ въ моёмъ собственномъ домѣ. Пожалуйста, пріѣзжайте ко мнѣ: вы единственный другъ, оставшійся у меня и мнѣ такъ хочется всё рассказать вамъ. N. B.—Честное слово джентльмена: я не виновать.

Любящій васъ

Аллэнъ Армэдэль.

«P. S. Я пріѣхалъ бы къ вамъ (потому что это мѣсто совершенно опротивѣло мнѣ), но я имѣю причину не уѣзжать далеко отъ миссъ Мильрой именно теперь».

5. — *Отъ Роберта Стэпльтона къ Аллану Армэдалю.*™

Боскомбскій пасторать, четвергъ утромъ.

«Многоуважаемый сэръ, я вижу письмо вашего почерка на столѣ вмѣстѣ съ другими письмами, которыя, съ сожалѣніемъ долженъ сказать, мой господинъ не можетъ распечатать, потому что онъ нездоровъ. Онъ лежитъ въ медлительной лихорадкѣ. Докторъ говоритъ, что эта болѣзнь произошла отъ утомленія и безпокойства, которыя баринъ мой не имѣлъ силъ перенести. Это кажется вѣроятно, потому что я былъ съ нимъ, когда онъ ѣздилъ въ Лондонъ въ прошломъ мѣсяцѣ, и его собственное дѣло и забота смотрѣть за особой, которая вполнѣдствіи ускользнула отъ насъ, утомляли и тревожили его всё время, также какъ и меня.

«Баринъ мой говорилъ о васъ дня два тому назадъ. Ему, по видимому, не хотѣлось, чтобы вы знали его болѣзнь, если ему сдѣлается не хуже. Но я думаю, что вы должны узнать. Ему не хуже—можетъ быть крошечку лучше. Докторъ говоритъ, что его нужно окружить большимъ спокойствіемъ и отнюдь не волновать, поэтому, пожалуйста, не обращайтесь вниманія на это, то-есть не пріѣзжайте въ пасторать. Докторъ приказалъ мнѣ сказать, что на это нѣтъ никакой необходимости, что это только разстроитъ моего господина въ его настоящемъ положеніи.

«Я опять буду писать къ вамъ, если вы желаете. Прошу принять увѣреніе въ моёмъ искреннемъ почтеніи и остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга

Робертъ Стэпльтонъ.

«P. S. Яхта оснащена и выкрашена; ждѣтъ вашихъ приказаній. Она чудо какъ красива!»

6. — *Отъ мистриссъ Ольдершѣ къ миссъ Гуильтъ.*

Улица Діана, іюля 24.

«Миссъ Гуильтъ, часъ почты проходилъ три утра сряду и не приносилъ мнѣ отвѣта на моё письмо. Или вы съ намѣреніемъ оскорбляете меня или вы оставили Торп-Эмбросъ? Въ томъ и другомъ случаѣ я не намѣрена долѣе переносить ваше поведеніе. Законъ принудить васъ заплатить если я не могу.

«Вашей первой росписки (въ тридцать фунтовъ) срокъ въ слѣдующій четверкъ 29. Еслибы вы поступали съ уваженіемъ ко мнѣ, я возобновила бы эту росписку съ удовольствіемъ. Теперь же представляю её ко взысканію; а если она не будетъ заплачена, я поручу моему повѣренному поступить надлежащимъ образомъ.

«Ваша

«МАРІА ОЛЬДЕРШѢ».

7. — *Отъ миссъ Гуильтъ къ мистриссъ Ольдершѣ.*

7. Райская площадь, Торп-Эмбросъ, іюля 25.

«Мистриссъ Ольдершѣ, такъ какъ, вѣроятно, время вашего повѣреннаго чего-нибудь да стоитъ, я пишу, чтобы помочь ему, когда онъ будетъ поступать надлежащимъ образомъ. Онъ найдётъ меня ожидающую ареста въ первомъ этажѣ дома подъ выше-означеннымъ адресомъ. Въ моёмъ настоящемъ положеніи съ моими настоящими мыслями, самая лучшая услуга, какую вы можете оказать мнѣ, это — запереть меня въ тюрьму.

«Л. Г.».

8. — *Отъ мистриссъ Ольдершѣ къ миссъ Гуильтъ.*

Улица Діана, 26 іюля.

«Моя возлюбленная Лидія, чѣмъ долѣе я живу въ этомъ нечестивомъ свѣтѣ, тѣмъ яснѣе вижу, что собственный харак-

теперь женщинъ самый худшій врагъ, съ какимъ имъ приходится бороться. Какую печальную корреспонденцію завели мы! какой грустный недостатокъ самообладанія, моя милая, съ вашей стороны и съ моей!

«Позвольте мнѣ, какъ старшей по лѣтамъ, первой сдѣлать необходимыя извиненія, первой краснѣть за недостатокъ самообладанія. Ваше жестокое пренебреженіе, Лидія, заставило меня написать то письмо. Я такъ чувствительна къ дурному обращенію отъ особы, которую я люблю и которой восхищаюсь, и хотя мнѣ минуло шестьдесятъ, я всё еще (къ несчастью, для себя) молода сердцемъ. Примите мои извиненія, что я взялась за перо, когда мнѣ слѣдовало прибѣгнуть къ моему носовому платку. Простите вашей преданной Маріѣ за то, что она еще молода сердцемъ!

«Но, милая моя—хотя, признаюсь, я вамъ угрожала — какъ жестоко съ вашей стороны воспользоваться моимъ словомъ! какъ жестоко съ вашей стороны, еслибы вашъ долгъ былъ въ десять разъ больше, считать меня способной (что я ни говорила бы) въ гнусномъ безчеловѣчии арестовать моего задушевнаго друга! Боже! заслужила ли я, чтобы воспользовались моимъ словомъ такимъ безжалостнымъ образомъ послѣ столькихъ лѣтъ нѣжной короткости, соединявшей насъ? Но я не жалуясь, я только оплакиваю бренность нашей общей человѣческой природы. Будемъ ожидать такъ мало другъ отъ друга, какъ только возможно, милая моя; мы обѣ женщины и не отъ насъ зависитъ это перемѣнить. Когда я размышляю о происхожденіи нашего несчастнаго пола — я удивляюсь нашимъ добродѣтелямъ и нисколько не удивляюсь нашимъ недостаткамъ.

«Я немножко завралась, я забылась въ серьезныхъ мысляхъ. Одно послѣднее слово, моя дорогая, что мое желаніе имѣть отвѣтъ на это письмо происходитъ совершенно отъ моего желанія имѣть отъ васъ извѣстіе опять въ вашемъ прежнемъ дружескомъ тонѣ и нисколько не относится къ любопытству узнать что вы дѣлаете въ Торп-Эмброзѣ — кромѣ такого любопытства, какое вы сами можете одобрить. Нужно ли мнѣ прибавлять, что я прошу васъ, какъ милости для меня, возобновить на обыкно-

венныхъ условіяхъ? Я говорю о записочкѣ, которой будетъ срокъ въ слѣдующій вторникъ и осмѣливаюсь предложить еще на шесть недѣль.

«Ваша съ истинно материнскими чувствами,

«МАРІЯ ОЛЬДЕРШО».

9. — *Отъ миссъ Гуильтъ къ мистриссъ Ольдершю.*

Райская площадь, іюля 27.

«Я только-что получила ваше послѣднее письмо. Безстыдная дерзость его оживила меня. Развѣ можно обращаться со мною какъ съ ребѣнкомъ? можно?—сначала грозить, а потомъ, если угрозы не помогаютъ, употреблять ласки? Ласкайте же меня; вы узнаете, мой материнскій другъ, съ какимъ ребѣнкомъ вы имѣете дѣло.

«Я имѣла причину, мистриссъ Ольдершю, къ молчанію, которое такъ серьезно оскорбило васъ. Я боялась—да, дѣйствительно боялась повѣрить вамъ тайну моихъ мыслей. Эта боязнь не волнуетъ меня теперь. Сегодня утромъ моё единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы вполнѣ отблагодарить васъ за тѣ выраженія, въ какихъ вы писали ко мнѣ. Послѣ старатаго соображенія, я думаю, что хуже ничего я не могу вамъ сдѣлать, какъ разсказать то, что вы горите нетерпѣніемъ знать. Вотъ я сижу у моего письменнаго прибора и намѣрена разсказать вамъ. Вы услышите что случилось въ Торп-Эмбросъ: вы увидите мои мысли такъ ясно, какъ я вижу ихъ сама. Если вы не раскаетесь горько, когда дойдѣте до конца этого письма за то, что не держали въ вашей первой рѣшимости и не заперли меня въ тюрьму, чтобы я не надѣлала вреда, когда имѣли на это случай, моё имя не Лидія Гуильтъ.

«На чомъ остановилось моё послѣднее письмо — я не помню да и не забочусь. Разбирайте какъ можете, я ворочусь не далѣе какъ за недѣлю навадъ, то-есть къ прошлому воскресенью.

«Утромъ была гроза; къ полудню стало прѣснѣе. Я не

выходила: я ждала Мидуинтера или письма отъ него (вы удивляетесь, что я не пишу «мистеръ» передъ его именемъ, мы сдѣлались такъ коротки, моя милая, что «мистеръ» было бы совершенно неумѣстно.) Онъ разстался со мною наканунѣ при весьма интересныхъ обстоятельствахъ. Я сказала ему, что другъ его, Армэдэль, преслѣдовалъ меня посредствомъ наёмнаго шпиона. Онъ не хотѣлъ этому вѣрить и прямо пошелъ въ Торп-Эмбросъ разъяснить это. Я дала ему поцаловать мою руку, когда онъ уходилъ. Онъ обѣщаль придти на другой день (въ воскресенье). Я чувствовала, что приобрѣла надъ нимъ вліяніе и была увѣрена, что онъ сдержитъ слово.

«Ну, гроза прошла, какъ я уже сказала; погода прояснилась; народъ шолъ въ праздничныхъ платьяхъ; я сидѣла и мечтала у моего жалкаго фортепяно, взятаго напрокатъ, мило одѣтая и очень авантажная, а Мидуинтеръ всё не являлся. Уже поздно; и когда я начала обижаться, мнѣ принесли письмо; оно было оставлено какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ, который немедленно ушолъ. Я посмотрѣла на письмо. Наконецъ Мидуинтеръ—письменно, а не лично. Я начала обижаться больше прежняго, потому что, какъ я вамъ сказала, я думала, что я употребила моё вліяніе надъ нимъ съ ббльшей пользою.

«Это письмо, когда я прочла его, направило мои мысли по новому направленію. Оно удивило, заинтересовало, привело меня въ недоумѣніе. Я думала, думала, думала о нёмъ цѣлый

«Онъ начиналъ тѣмъ, что просилъ у меня прощенія, что сомнѣвался въ томъ, что я сказала ему. Мистеръ Армэдэль самъ это подтвердилъ. Они поссорились (какъ я предвидѣла) и онъ и человѣкъ, который когда-то былъ самымъ дорогимъ другомъ его на землѣ, разстались навсегда. До-сихъ-поръ я не удивлялась. Меня забавляло, что онъ говорилъ такимъ сумасброднымъ образомъ, что онъ и его другъ разстались навсегда; и спрашивала себя, что онъ подумаетъ, когда я приведу въ дѣйствіе мой планъ и проберусь въ большой домъ подъ предлогомъ примирить ихъ?»

«Но вторая часть письма заставила меня призадуматься. Вот она въ его собственныхъ словахъ:

«Только послѣ борьбы съ самимъ собою (и никакія слова не могутъ выразить какъ тяжела была эта борьба) рѣшился я писать, а не говорить съ вами. Безжалостная необходимость требуетъ моей будущей жизни. Я долженъ оставить Торп-Эмброзъ, я долженъ оставить Англию не колеблясь, не оглядываясь назадъ. Есть причины, страшныя причины, съ которыми я безумно шутилъ для того, чтобы мистеръ Армэдэль никогда не видалъ меня и не слышалъ обо мнѣ опять послѣ того, что случилось между нами. Я долженъ ѣхать, никогда болѣе не жить подъ одною кровлею, никогда болѣе не дышать однимъ воздухомъ съ этимъ человѣкомъ. Я долженъ скрыться отъ него подъ чужимъ именемъ; я долженъ поставить горы и моря между нами. Меня предупреждали, какъ никогда никто не предупреждалъ человѣка. Я вѣрю — я не смѣю сказать вамъ почему — я вѣрю, что если очарованіе, которое вы имѣете надо мною, привлечотъ меня опять къ вамъ, гибельныя послѣдствія выйдутъ изъ этого для человѣка, чья жизнь такъ странно соединена съ вашей и моей жизнью, для человѣка, который когда-то былъ *вашимъ* обожателемъ и *моимъ* другомъ; а между тѣмъ, когда я чувствую это, вижу въ моёмъ воображеніи такъ ясно, какъ вижу небо надъ головой моей, какая-то слабость во мнѣ еще отступаетъ отъ жертвы никогда не видаться съ вами. Я борюсь съ этимъ какъ человѣкъ борется съ силою своего отчаянія. Я подходилъ такъ близко часъ тому назадъ, чтобы видѣть домъ, гдѣ вы живёте и опять принудилъ себя уйти, чтобы не видать его. Могу ли я принудить себя уѣхать далѣе теперь, когда письмо моё написано — теперь, когда бесполезное признаніе вырвалось у меня и я признался, что люблю васъ первой и послѣдней любовью? Пусть время отвѣтитъ на этотъ вопросъ, я не смѣю писать или думать объ этомъ болѣе.

«Это были послѣднія слова. Такимъ страннымъ образомъ кончалось письмо.

«Я почувствовала лихорадку любопытства узнать, что онъ хотѣлъ сказать. Разумѣется, довольно легко было понять, что онъ

любить меня. Но что онъ хотѣлъ сказать словами, что его предостерегали? почему онъ никогда не долженъ жить подъ одной кровлей, не дышать однимъ воздухомъ съ молодымъ Армэдэлемъ? Какая ссора могла принудить одного человѣка скрываться отъ другого подъ чужимъ именемъ и поставить моря и горы между ними? А болѣе всего, еслибы онъ воротился и допустилъ меня очаровать его, почему это могло быть гибелью для ненавистнаго олуха, который обладаетъ большимъ богатствомъ и живётъ въ большомъ домѣ?

«И никогда не горѣла такимъ желаніемъ въ моей жизни, какимъ горѣла теперь, чтобы видѣть его и сдѣлать ему эти вопросы. Я сдѣлалась совершенно суевѣрна насчетъ этого, по мѣрѣ того, какъ день проходилъ. Мнѣ подали къ обѣду сладкій ~~желе~~ и вишневый пудингъ. Я начала гадать, воротится ли онъ, косточками на блюдѣ! Воротится, нѣтъ, воротится нѣтъ— и такъ далѣе, кончилось «нѣтъ». Я позвонила въ колокольчикъ и велѣла убрать вещи. Я свирѣпо противорѣчила судьбѣ. Я сказала: «онъ воротится» и ждала его.

«Вы не знаете, какое для меня удовольствіе сообщить вамъ всѣ эти маленькія подробности. Считайте — мой задушевный другъ, моя вторая мать — считайте деньги, которые вы дали мнѣ вѣрными въ надеждѣ, что я сдѣлаюсь мистриссъ Армэдель, а теперь подумайте, что я чувствую такое горячее участіе къ другому мужчине. О мистриссъ Ольдершбъ, какое я нахожу наслажденіе раздражать васъ!

«День клонился къ вечеру. Я опять позвонила и послала ваять росписаніе желѣзныхъ дорогъ. Съ какими поѣздами можетъ онъ ѣхать въ воскресенье? Национальное уваженіе къ воскресенью удружило мнѣ. Былъ только одинъ поѣздъ, который отправился за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ онъ писалъ ко мнѣ. Я пошла посмотрѣться въ зеркало. Оно сдѣлало мнѣ комплиментъ, противорѣча гаданью вишнёвыми косточками. Зеркало моё говорило: «спрячься за оконную занавѣсь, онъ не пропуститъ длиннаго одинокаго вечера, не воротившись опять взглянуть на этотъ домъ». Я спряталась за оконную занавѣсь и ждала съ его письмомъ въ рукѣ.

«Унылый воскресный свѣтъ померкъ и унылая воскресная тишина на улицѣ еще болѣе стихла. Настали сумерки и я услышала шаги, раздававшіеся въ тишинѣ. Сердце моё забилося — только подумайте о томъ, что у меня еще осталось сердце. Я сказала себѣ «Мидуинтеръ!» и это былъ Мидуинтеръ.

«Онъ шолъ медленно, останавливаясь на каждыѣ трѣхъ шагахъ. Бевобразное маленькое окно моей гостиной какъ-будто манило его противъ воли. Подождавъ пока, онъ остановился нѣсколько поодаль отъ дома, но всё въ виду моего окна, я одѣлась и вышла заднимъ ходомъ въ садъ. Хозяинъ и его семья сидѣли за ужиномъ и никто меня не видалъ. Я отворила дверь въ стѣнѣ и вышла чрезъ переулочекъ на улицу. Въ эту неловкую минуту я вдругъ вспомнила, что забыла прежде: шпиона, подстерегающаго меня, который, безъ сомнѣнія, ждалъ гдѣ-нибудь недалеко отъ дома.

«Было необходимо имѣть время подумать и было невозможно (въ состояніи души моей) позволить Мидуинтеру уйти, не поговоривъ съ нимъ. Въ большихъ затрудненіяхъ почти рѣшаешь тотчасъ, если рѣшаешься. Я рѣшилась назначить съ нимъ свиданіе на слѣдующій вечеръ и сообразить въ промежутокъ какъ устроить это свиданіе такъ, чтобы оно могло избѣгнуть наблюдения. Я чувствовала въ то время, что любопытство будетъ мучить меня цѣлыя сутки; но какой другой выборъ имѣла я? Условиться съ Мидуинтеромъ въ секретномъ свиданіи при шпионѣ Армедэя, значило отказать совершенно отъ возможности сдѣлаться владѣтельницей Торп Эмброза.

«Найдя старое ваше письмо въ моёмъ карманѣ, я вернулась въ переулочекъ и написала на пустомъ листѣ крошечнымъ карандашомъ, висѣвшимъ на моей часовой цѣпочкѣ: «Я должна и хочу говорить съ вами. Сегодня это невозможно, но будьте на улицѣ завтра въ это время, а потомъ оставьте меня навсегда, если хотите. Когда вы прочтѣте, догоните меня и скажите, пройду мимо, не останавливаясь и не оглядываясь: «да, я общаю».

«Я сложила бумагу и вдругъ подошла къ нему сзади. Онъ ведрогнулъ и обернулся; я сунула записку ему въ руку, пожала ему руку и прошла. Не успѣла я сдѣлать десять шаговъ, какъ

услыхала, что онъ идѣтъ сзади меня. Не могу сказать, чтобы онъ не оглаживался: я видѣла какъ его большіе черные глаза, блестящіе въ сумеркахъ, пожирали меня съ головы до ногъ; но во всёмъ другомъ онъ сдѣлалъ, какъ я ему сказала:

«— Я не могу отказать вамъ ни въ чемъ, шепнулъ онъ:— я общаю». Онъ прошолъ и оставилъ меня. Я не могла не подумать, какъ этотъ олухъ, Армэдэль, испортилъ бы всё на его мѣстѣ.

«Я старалась всю ночь придумать способъ сдѣлать наше свиданіе на слѣдующій вечеръ непримѣтнымъ, и старалась напрасно. Даже утромъ я начала чувствовать, что письмо Мидуинтера какимъ-то непонятнымъ образомъ привело меня въ отупленіе.

«Въ понедѣльникъ утромъ сдѣлалось еще хуже. Пришло извѣстіе отъ моего вѣрнаго союзника, мистера Бэшуда, что миссъ Мильрой и Армэдэль встрѣтились и опять сдѣлались друзьями. Можете себѣ представить въ какомъ я была положеніи! Часа два спустя, явилось еще письмо отъ мистера Бэшуда—на этотъ разъ съ добрыми извѣстіями. Вредный идіотъ въ Торп-Эмбровѣ выказалъ наконецъ довольно здраваго смысла, чтобы устыдиться самого себя. Онъ рѣшился отказать шпіону въ этотъ же самый день и вслѣдствіе этого поссорился съ своимъ стряпчимъ.

«Такимъ образомъ препятствіе, которое—я была слишкомъ глупа—чтобы удалить отъ себя, обязательно было отъ меня удалено! Нечего было болѣе тревожиться на счетъ свиданія съ Мидуинтеромъ и было довольно времени сообразить, какъ мнѣ поступить теперь, когда миссъ Мильрой и ея драгоценный пастишонокъ опять сошлись. Повѣрите ли вы, письмо, или самъ человекъ—не знаю что—такъ овладѣли мною, что какъ я ни старалась, я не могла думать ни о чемъ другомъ, и это въ то время, когда я имѣла причины бояться, что миссъ Мильрой на дорогѣ перемѣнитъ своё имя на имя Армэдэля и когда я знала, что мой тяжелый долгъ еще не заплаченъ ей. Было ли когда подобное развращеніе — не могу этого объяснить; не можете ли вы?

«Наконецъ настали сумерки. Я выглянула изъ окна—онъ былъ тутъ!

«Я тотчасъ вышла къ нему; мой хозяева, какъ прежде, были слишкомъ погружены въ ѣду и питьё, чтобы примѣчать что-нибудь другое.

«— Насъ не должны видѣть здѣсь, шепнула я:—я пойду первая, а вы за мной.

«Онъ ничего не сказалъ въ отвѣтъ. Что происходило въ его душѣ—я не имѣю притязанія угадывать, но, придя на свиданіе, онъ какъ-будто готовъ былъ воротиться назадъ.

«— Вы какъ-будто боитесь меня, сказала я.

«— Я васъ боюсь, отвѣчалъ онъ:—и васъ и себя.

«Это было неодобрительно; это было нелестно, но я находилась въ такомъ неистовомъ любопытствѣ на этотъ разъ, что еслибы онъ былъ еще грубѣе, я не обратила бы на это вниманія. Я сдѣлала нѣсколько шаговъ къ новымъ зданіямъ, остановилась и оглянулась на него.

«— Развѣ я должна просить васъ объ этомъ, какъ о милости, сказала я: — послѣ того, какъ вы дали мнѣ обѣщаніе и послѣ такого письма, какое вы написали ко мнѣ?

«Что-то вдругъ измѣнило его; онъ въ одно мгновеніе былъ возлѣ меня».

«— Извините меня, миссъ Гуальтъ, ведите меня куда вамъ угодно.

«Послѣ этого отвѣта онъ отступилъ нѣсколько назадъ и я слышала, какъ онъ сказалъ себѣ: «что должно быть, то будетъ. Что я могу тутъ сдѣлать и что можетъ она?».

«Едва-ли слова—потому что я ихъ не поняла—а должно быть тонъ, которымъ онъ произнёсъ ихъ, заставилъ меня почувствовать мгновенный ужасъ. Я была почти готова, не имѣя малѣйшей причины для этого, проститься съ нимъ и уйти. Это несвойственно было *мнѣ*, скажете вы. Дѣйствительно такъ. Это продолжалось не болѣе одного мгновенія. Ваша возлюбленная Лидія скоро образумилась.

«Я пошла къ неоконченнымъ коттеджамъ, потомъ за городъ. Мнѣ было бы гораздо болѣе по вкусу повести его въ домъ и говорить съ нимъ при свѣчахъ, но я уже разъ рисковала; а въ этомъ мѣстечкѣ, изобилующемъ сплѣтнями и въ моёмъ критиче-

скомъ положеніи, я боялась рисковать. О садѣ тоже нельзя было думать, потому что хозяинъ куритъ тамъ трубку послѣ ужина. Ничего больше не оставалось, какъ вывести его изъ города.

«Время отъ времени я оглядывалась: онъ всё шолъ въ одномъ разстояніи, какъ призракъ, молча слѣдовавшій за мною.

«Я должна остановить письмо на нѣкоторое время. Церковные колокола начали трезвонить и этотъ шумъ сводитъ меня съ ума. Въ нынѣшнее время, когда у всѣхъ есть часы, зачѣмъ колокола напоминаютъ намъ, когда начинается служба?

«Наконецъ кончился трезвонъ и я могу продолжать.

«Я находилась въ нѣкоторомъ сомнѣніи куда его отвести. Большая дорога была съ одной стороны, но хотя она казалась пуста, кто-нибудь могъ пройти по ней, когда мы менѣе всего этого ожидали. Другая дорога шла чрезъ рощу. Я повела его въ рощу.

«На опушкѣ деревьевъ, съ другой стороны была яма, въ которой лежали упавшія деревья, а за ямой небольшая лужа, блестящая и блестящая въ сумеркахъ. Длинные пастбища разстилались на дальнемъ берегу, надъ ними сгущался туманъ и видѣлась длинная линія коровъ, медленно возвращавшихся домой.

«—Пойте сюда, сказала я тихо;—и сядьте возлѣ меня здѣсь.

«Зачѣмъ я вдаюсь въ такія подробности обо всемъ этомъ—я сама не знаю. Это мѣсто сдѣлало на меня непонятно-сильное впечатлѣніе и я не могла не описать его. Если я дурно кончу—«Вѣдемъ, напримѣръ, на эшафотъ? я думаю, что послѣднее, что я увижу прежде чѣмъ палачъ дѣрнетъ за верѣвку, будетъ маленькая, блестящая лужа и длинные туманные пастбища и коровы, возвращающіяся домой въ сгущающейся темнотѣ. Не пугайтесь, достойное созданіе! мое воображеніе иногда строитъ со мною странныя штуки, а въ этой части моего письма на-вѣрное есть еще остатки лаудана, который я принимала въ прошлую ночь.

«Онъ подошелъ—страшно и тихо, какъ лунатикъ—подошелъ и сѣлъ возлѣ меня. Или ночь была очень душна, или я была въ лихорадкѣ, только я не могла вынести на себѣ плащъ, не могла выносить чертагокъ. Потребность взглянуть на него и увидеть,

что значить его странное молчаніе и невозможность сдѣлать это въ темнотѣ, раздражили мои нервы до того, что я чуть-было не вскрикнула. Я взяла его за руку попробовать не поможетъ ли это мнѣ. Рука его горѣла и тотчасъ же сжала мою руку. О молчаніи послѣ *этого* нельзя было и думать. Единственный безопасный способъ состоялъ въ томъ, чтобы тотчасъ же начать говорить съ нимъ.

«— Не презирайте меня, сказала я: — я была принуждена привести васъ къ этому уединенному мѣсту; я лишусь репутаціи если насъ увидятъ вмѣстѣ.

«Я нѣсколько подождала. Его рука опять предостерегла меня, не продолжать молчанія. Я рѣшилась *заставить* его говорить на этотъ разъ.

«— Вы заинтересовали и напугали меня, продолжала я: — Вы написали мнѣ очень странное письмо. Я должна знать, что это значить.

«— Поздно спрашивать. Вы выбрали дорогу и я выбралъ дорогу, съ которой уже нельзя вернуться назадъ.

«Онъ далъ этотъ странный отвѣтъ тономъ совершенно для меня новымъ, такимъ, который растревожилъ меня еще болѣе чѣмъ его молчаніе.

«— Слишкомъ поздно! повторилъ онъ: — слишкомъ поздно! Теперь остается только сдѣлать мнѣ одинъ вопросъ.

— Какой?

«Когда я сказала это, внезапный трепеть перешолъ изъ ~~его~~ руки въ мою и немедленно показалъ мнѣ, что мнѣ лучше было бы молчать. Прежде чѣмъ я успѣла пошевелиться, прежде чѣмъ я успѣла подумать, онъ обнялъ меня.

«— Спросите меня, люблю ли я васъ, прошепталъ онъ.

«Въ эту самую минуту голова его упала на мою грудь и какая-то невыразимая мука, терзавшая его, вырвалась наружу, какъ это бываетъ *съ нами*, въ рыданіяхъ и слезахъ.

«Моё первое впечатлѣніе было самое дурацкое. Я была готова дѣлать нашъ обыкновенный протестъ и защищаться нашимъ обыкновеннымъ образомъ. Къ счастью, или къ несчастью — я право не знаю, я лишилась чувствительности юности и удержа-

ла первое движеніе моихъ рукъ и первыя слова на моихъ губахъ. О Боже! какою старою чувствовала я себя, когда онъ рыдалъ на груди моей! Какъ я думала о томъ времени, когда онъ могъ бы обладать моею любовью! А теперь онъ обладалъ только, моею тальей.

«Желала бы я знать, жалѣла ли я о нёмъ? Впрочемъ, это всё-равно. По-крайней-мѣрѣ рука моя поднялась и пальцы мои нѣжно стали перебирать его волосы. Страшныя воспоминанія о другомъ времени воротились ко мнѣ и заставили меня затрепетать, когда я коснулась его волосъ, однако я продолжала это дѣлать. Какія дуры женщины!

«— Я не стану упрекать васъ, сказала я крѣтко:—я не скажу, что вы жестоко пользуетесь моимъ положеніемъ. Вы страшно взволнованы; я дамъ вамъ время подождать и успокоиться.

«Зайдя такъ далеко, я остановилась сообразить, какъ мнѣ сдѣлать ему вопросы, которые я горѣла нетерпѣніемъ сдѣлать; но я была слишкомъ смущена, я полагаю, или можетъ-быть, слишкомъ нетерпѣлива, чтобы сообразить. Я высказала то, что занимало главное мѣсто въ моихъ мысляхъ, въ словахъ прежде приходившихъ мнѣ на умъ.

«— Я не вѣрю, чтобы вы меня любили, сказала я:—вы пишете мнѣ странныя вещи, вы пугаете меня таинственностями. Что вы хотѣли сказать въ вашемъ письмѣ словами: «что для мистера Армэдэля будетъ гибелью, если вы воротитесь ко мнѣ?» Какая опасность можетъ быть для мистера Армэдэля?..

«Прежде чѣмъ я успѣла окончить этотъ вопросъ, онъ вдругъ поднялъ голову и отнялъ отъ меня руки. Я, повидимому, коснулась какого-нибудь тягостнаго предмета, который привѣлъ его въ себя. Не я отступала отъ него, а онъ отступалъ отъ меня. Я обидѣлась — сама не знаю почему—но обидѣлась и поблагодарила его съ самой горькой выразительностью за то, что онъ вспомнилъ объ уваженіи должномъ мнѣ, наконецъ!

«— Вы вѣрите сновидѣніямъ? вдругъ сказалъ онъ самымъ страннымъ и рѣзкимъ образомъ, не обращая вниманія на то, что я ему сказала. — Скажите мнѣ, продолжалъ онъ, не давая мнѣ времени отвѣчать:—имѣли вы, или ваши родственники, ка-

кѣя-нибудь сношенія съ отцомъ, или матерью Армэдэля? Были вы или кто-нибудь изъ вашихъ родныхъ, на островѣ Мадерѣ?

«Поймите моё удивленіе, если можете. Холодъ пробѣжалъ по моимъ членамъ. Очевидно онъ зналъ тайну того, что случилось, когда я находилась въ услуженіи у мистриссъ Армэдэль на Мадерѣ, по всей вѣроятности, прежде чѣмъ онъ родился! Это было довольно удивительно само-по-себѣ. И онъ очевидно имѣлъ свои причины соединять *меня* съ этими происшествіями— это было еще удивительнѣе.

«— Нѣтъ, сказала я, какъ только могла рѣшиться заговорить:—я ничего не знаю о его отцѣ и матери.

«— И ничего объ островѣ Мадерѣ?

«— Ничего объ островѣ Мадерѣ.

«Онъ отвернулся и началъ говорить самъ съ собой:

«— Странно! такъ, какъ я стоялъ на мѣстѣ Тѣни у окна, она стояла на мѣстѣ Тѣни у пруда!

«При другихъ обстоятельствахъ его странное поведеніе могло бы испугать меня; но послѣ его вопроса о Мадерѣ во мнѣ былъ такой сильный страхъ, что онъ не давалъ мѣста обыкновенному испугу. Не думаю, чтобы насчетъ чего-нибудь въ моей жизни я имѣла такое твёрдое намѣреніе, какъ теперь насчетъ того, чтобы узнать, какъ онъ узналъ объ этомъ и кто онъ таковъ. Для меня было ясно, что я возбудила въ нёмъ какое-то скрытное чувство моимъ вопросомъ объ Армэдэлѣ, чувство, которое было такъ же сильно въ своёмъ родѣ, какъ его чувство ко *мнѣ*. Куда дѣвалось моё вліяніе надъ нимъ? Я не могла придумать, куда оно дѣвалось, но я могла и стала дѣйствовать такъ, чтобы заставить его почувствовать это вліяніе опять.

«— Не обращайтесь со мною жестоко, сказала я:—я не поступила съ *вами* жестоко теперь. О мистеръ Мидуинтеръ! здѣсь такъ пустынно, такъ тѣмно, не пугайте меня!

«— Не пугать васъ?

«Въ одно мгновеніе онъ былъ опять возлѣ меня.

«— Не пугать васъ!

«Онъ повторилъ эти слова съ такимъ удивленіемъ, какъ-будто

я разбудила его и обвинила его въ чомъ-нибудь, что онъ сказалъ во снѣ.

«У меня вертѣлось на языкѣ, видя, какъ я его удивила, напасть на него врасплохъ и спросить, почему мой вопросъ объ Армэдэлѣ произвѣлъ такую перемѣну въ его обращеніи ко мнѣ? но послѣ того, что уже случилось, я боялась слишкомъ скоро возвращаться къ этому предмету. Что-то, называющееся инстинктомъ, предостерегло меня оставить Армэдела въ покоѣ пока и говорить съ нимъ прежде о немъ самомъ. Какъ я уже говорила вамъ въ одномъ изъ прежнихъ моихъ писемъ, я примѣтила въ его обращеніи и наружности нѣкоторые признаки, убѣдившіе меня, что, несмотря на его молодость, онъ сдѣлалъ, или вытерпѣлъ что-то необыкновенное въ своей прошлой жизни. Я спрашивала себя каждый разъ, какъ видѣла его, всё съ большимъ и большимъ подозрѣніемъ: то ли онъ, чѣмъ казался? Первое и главное моѣ сомнѣніе состояло въ томъ, настоящимъ ли своимъ именемъ онъ называется. Имѣя сама тайны въ моей прошлой жизни и въ былое время нѣсколько разъ принимая вымышленныя имена, я, вѣроятно, оттого скорѣе подозрѣваю другихъ, когда нахожу въ нихъ что-нибудь таинственное. Какъ бы то ни было, имѣя въ головѣ это подозрѣніе, я рѣшилась испугать его, какъ онъ испугалъ меня, неожиданнымъ вопросомъ съ моей стороны—вопросомъ о его имени.

«Пока я думала, думалъ и онъ, и какъ скоро оказалось—о томъ, что я сказала ему.

«— Я такъ огорчонъ, что испугалъ васъ, шепнулъ онъ съ тою кротостью и съ тѣмъ смиреніемъ, которыя мы такъ искренно презираемъ въ мужчинѣ, когда онъ говоритъ съ другими женщинами, и которыя мы всё такъ любимъ, когда онъ говоритъ съ нами: — я самъ не знаю о чомъ я говорилъ, продолжалъ онъ: — мои мысли страшно разстроены. Пожалуйста простите меня, если вы можете: я самъ не свой сегодня.

«— Я не сержусь, сказала я: — мнѣ нечего прощать. Мы оба неблагоразумны, мы оба несчастны.

«Я положила мою голову на его плечо.

«— Вы точно любите меня! спросила я вѣжно, шопотомъ.

«Рука его опять обвилась вокругъ меня и я почувствовала какъ быстрое бѣненіе его сердца сдѣлалось еще быстрее.

«— Еслибы вы только знали, шепнулъ онъ въ отвѣтъ: — еслибы вы знали...

«Онъ не могъ сказать ничего болѣе. Я почувствовала какъ лицо его склонялось къ моему и, опустивъ голову ниже, остановила его въ ту самую минуту, какъ онъ хотѣлъ поцаловать меня.

«— Нѣтъ, сказала я: — я болѣе ничего, какъ женщина, приглянувшаяся вамъ, а вы обращаетесь со мною какъ-будто я ваша будущая жена.

«— *Будьте* моей женой! шепнулъ онъ съ жаромъ и старался приподнять мою голову.

«Я склонила её ниже. Ужась прежнихъ воспоминаній, извѣстныхъ вамъ, овладѣлъ мною и заставилъ меня задрожать, когда онъ просилъ меня быть его женой. Не думаю, чтобы я лишилась чувствъ, но что-то похожее на обморокъ заставило меня зажмурить глаза. Въ ту минуту, какъ я закрыла ихъ, мракъ какъ-будто раскрылся, словно блеснула молнія, и призраки *тѣхъ другихъ мужчинъ* явились въ этомъ страшномъ отверстіи и глядѣли на меня.

«— Говорите со мною, шепнулъ онъ нѣжно: — моя возлюбленная, мой ангель, говорите со мной!

«Голосъ его помогъ мнѣ оправиться; во мнѣ осталось довольно смысла, чтобы вспомнить, что время проходитъ, а я еще не сдѣлала ему вопросъ о его имени.

«— Положимъ, что я имѣла бы къ вамъ такія же чувства, какія вы имѣете ко мнѣ, сказала я: — положимъ, что я любила бы васъ такъ нѣжно, что довѣрила бы вамъ всё счастье моей будущей жизни...

«Я остановилась на минуту, чтобы перевести духъ. Было невыносимо-тихо и душно — воздухъ какъ-будто замеръ съ наступленіемъ ночи.

«— Честнымъ ли образомъ вы женитесь на мнѣ, продолжала я: — если женитесь подъ вашимъ настоящимъ именемъ?

«Руки его выпустили станъ мой и я почувствовала, какъ онъ

вздригнулъ. Послѣ этого онъ сидѣлъ возлѣ меня неподвижно, холодно, молча, какъ-будто мой вопросъ поразилъ его онѣмѣніемъ. Я обвила рукою вокругъ его шеи и положила мою голову на его плечо: несмотря на чары, какія я наложила на него, моё приближеніе къ нему какъ-будто нарушило эти чары.

«— Кто вамъ сказалъ?... спросилъ онъ и вдругъ остановился.— Нѣтъ, продолжалъ онъ: — никто не могъ сказать вамъ. Что заставляетъ васъ подозрѣвать?...

«Онъ опять остановился.

«— Никто не говорилъ мнѣ, отвѣчала я: — и я не знаю что заставляетъ меня подозрѣвать. У женщинъ бывають иногда странныя фантазіи. Настоящее ли ваше имя Мидуинтеръ?

«— Я не могу обманывать васъ, продолжалъ онъ послѣ небольшого промежутка молчанія. — Мидуинтеръ не настоящее моё имя.

«Я придвинулась къ нему еще ближе.

«— Какое же ваше имя? спросила я.

«Онъ колебался. Я приподняла моё лицо такъ, что моя щека коснулась его щеки. Я настаивала, приложивъ мои губы къ самому его уху.

«— Какъ! вы не имѣете ко мнѣ довѣрія даже теперь! не имѣете довѣрія къ женщинѣ, которая почти призналась, что она любитъ васъ, которая почти согласилась быть вашей женой!

«Онъ повернулъ своё лицо ко мнѣ и во второй разъ старался поцаловать меня, а я во второй разъ остановила его.

«— Если я скажу вамъ моё имя, сказалъ онъ:—я долженъ сказать вамъ больше.

«Щека моя опять дотронулась до его щеки.

«— Почему же нѣтъ? сказала я.—Какъ могу любить я человека—а еще менѣе выйти за него замужъ—если онъ чуждастся меня?

«Я думала, что на это не можетъ быть отвѣта, но онъ отвѣчалъ:

«— Это ужасная исторія, сказалъ онъ:—она можетъ помрачить всю вашу жизнь, если вы её узнаете, какъ она помрачила мою.

«Я обвила его другой моею рукою и настаивала:

«— Скажите мнѣ—я не боюсь, скажите мнѣ.

«Онъ началъ уступать моей другой рукѣ.

«— Вы будете хранить это какъ священную тайну? спросилъ онъ: «это никогда никому не будетъ извѣстно, кромѣ васъ и меня?»

«Я обѣщала хранить это втайнѣ. Я ждала съ ненстовымъ нетерпѣніемъ. Два раза старался онъ начать и два раза мужество измѣняло ему.

«— Не могу! заговорилъ онъ съ какой-то дикой горестью:— не могу сказать.

«Моё любопытство или, лучше сказать, мой гнѣвъ преодолѣлъ всякое обузданіе. Онъ раздражилъ меня до того, что я не заботилась о томъ, что я говорю и дѣлаю. Я вдругъ крѣпко обняла его и прижалась губами къ его губамъ.

«— Я люблю васъ, шепнула я съ поцалуемъ. *Теперь* скажете ли вы мнѣ?

«Съ минуту онъ былъ безмолвенъ. Я не знаю съ намѣреніемъ ли я свела его съ ума, незнаю, неволью ли я сдѣлала это въ порывѣ бѣшенства—ничего не знаю навѣрно, кромѣ того, что я перетолковала его молчаніе въ противную сторону. Я оттолкнула его съ яростью чрезъ минуту послѣ того, какъ поцаловала его.

«— Я ненавижу васъ! сказала я:—вы свели меня съ ума и заставили забытья. Оставьте меня! Я не боюсь темноты. Оставьте меня сейчасъ и никогда не выдайтесь со мной.

«Онъ схватилъ меня за руку и остановилъ. Онъ заговорилъ новымъ голосомъ: онъ вдругъ *приказалъ*, какъ только мужчины могутъ приказывать:

«— Сядьте! Вы возвратили мнѣ моё мужество, вы узнаете кто я.

«Въ безмолвіи и темнотѣ, которыя окружали насъ, я повиновалась ему и сѣла. Въ безмолвіи и темнотѣ онъ опять обнялъ меня и сказалъ кто онъ.

«Повѣрить ли вамъ его исторію? сказать ли вамъ его настоящее имя? Показать ли вамъ, какъ я грозила, мысли, вызванныя

моимъ свиданіемъ съ нимъ и всѣмъ что случилось со мною послѣ того?

«Или сохранить его тайну какъ я обѣщала? и также сохранить мою собственную тайну, кончивъ это утомительное, длинное письмо въ ту самую минуту, когда вы горите нетерпѣніемъ узнать болѣе.

«Это серьёзные вопросы, мистрисъ Олдершотъ, гораздо серьёзнѣе, чѣмъ вы предполагаете. Я имѣла время успокоиться и начинаю видѣть то, чего я не видала, когда взялась за перо, чтобы писать къ вамъ—благоразумную необходимость смотрѣть на послѣдствія. Не напугала ли я сама себя, стараясь напугать васъ. Можетъ быть, какъ ни странно это можетъ показаться, это дѣйствительно возможно.

«Я стояла у окна послѣднія двѣ минуты и думала. Много есть времени думать прежде чѣмъ уйдѣтъ почта. Люди только еще теперь выходятъ изъ церкви.

«Я рѣшила отложить въ сторону моё письмо и взглянуть на мой дневникъ. Сказать попросту, я должна посмотрѣть чѣмъ я рискую, если я рѣшусь довѣриться вамъ, а мой дневникъ покажетъ мнѣ то, что моя утомленная голова не можетъ разсчитать теперь безъ помощи. Я писала исторію моихъ дней (а иногда и моихъ ночей) акуратнѣе обыкновеннаго въ послѣднюю недѣлю, имѣя свои причины быть особенно осторожной въ этомъ отношеніи при настоящихъ обстоятельствахъ. Если я кончу то дѣло, которое теперь я намѣреваюсь сдѣлать, было бы безумствомъ полагаться на мою память. Малѣйшая забывчивость о самомъ ничтожномъ обстоятельстве, случившемся послѣ вечера, въ который происходило моё свиданіе съ Мидуинтеромъ, до настоящаго времени, можетъ быть совершенной гибелью для меня.

«— Совершенной гибелью для нея? скажете вы:—о какого рода гибели говорить она?

«— Подождите немножко, пока я спрошу мой дневникъ, могу ли я сказать вамъ.

ловѣка, у котораго обманомъ отняли невѣсту, можно порицать за то, что онъ заперъ дверь каюты и оставилъ человекѣа, обманувшаго его, утонуть на погибающемъ кораблѣ. Да, эта женщина не стояла того.

«Что же такое, какъ мнѣ кажется, касается меня?»

«Я знаю навѣрно, что меня касается одно важное обстоятельство. Я знаю, что Мидуинтеру — я должна называть его этимъ гадкимъ, ложнымъ именемъ, а то смѣшаю обоихъ Армэдэлей прежде чѣмъ кончу — я знаю навѣрно, что Мидуинтеру совершенно неизвѣстно что я тотъ самый двѣнадцатилѣтній чертенокъ, который служилъ мистриссъ Армэдэль на Мадерѣ и копировалъ письма, будто бы получаемыя изъ Вест-Индіи. Не многія двѣнадцатилѣтнія дѣвушки могутъ подражать мужскому почерку, а потомъ молчать объ этомъ, какъ я; но теперь это всё равно. Что за нужда, что только вѣра Мидуинтера въ сновидѣніе единственная причина, заставляющая его соединять меня съ Алэнномъ Армэдэлемъ, и съ его отцомъ, и матерью. Я спрашивала его: не-уже-ли онъ считаетъ меня на столько старую, что я могла знать ихъ обоихъ? Онъ сказалъ мнѣ «нѣтъ»: бѣдняжка, самымъ невиннымъ образомъ. Сказалъ ли бы онъ «нѣтъ», если бы видѣлъ меня теперь? Не подойти ли мнѣ къ зеркалу и посмотрѣть, видно ли по лицу, что мнѣ тридцать-пять лѣтъ, или продолжать писать? Я буду продолжать писать.

«Еще одно обстоятельство преслѣдуетъ меня почти такъ же упорно, какъ имена.

«Желала бы я знать, права ли я, полагаясь, что суетвѣріе Мидуинтера поможетъ мнѣ держать его поодаль. Послѣ того, какъ я увлеклась волненіемъ минуты и позволила себѣ сказать болѣе чѣмъ слѣдовало, онъ непременно будетъ приставать ко мнѣ, онъ непременно воротится съ ненавистнымъ эгоизмомъ и нетерпѣніемъ мущины въ подобныхъ вещахъ къ вопросу о томъ, чтобы жениться на мнѣ, поможетъ ли мнѣ Сновидѣніе остановить его? Онъ попеременно то вѣрилъ, то не вѣрилъ ему, и наконецъ по собственному признанію опять сталъ ему вѣрить. Могу ли я сказать, что и я также вѣрю? Я имѣю лучшія причины сдѣлать это чѣмъ онъ знаетъ. Я не только та женщина,

которая помогла замужству мистриссъ Армэдэль, помогая ей обмануть ея родного отца, я та самая женщина, которая хотѣла утопиться, та самая женщина, которая способствовала ряду событій, доставившихъ Армэдэлю его состояніе, та самая женщина, которая приѣхала въ Торп-Эмбросъ для того, чтобы выйти за него замужъ за его богатство, и еще странѣе, я та самая женщина, которая стояла на мѣстѣ Тѣни у пруда! Это, можетъ-быть, случайное стеченіе обстоятельствъ, но оно странно. Я начинаю воображать, что и я также вѣрю Сновидѣнію!

«Что, если я скажу ему: «я думаю такъ, какъ думаете вы; я говорю то, что вы говорили въ вашемъ письмѣ ко мнѣ: разстанемся прежде чѣмъ вредъ сдѣланъ. Оставьте меня, прежде чѣмъ оправдается третье Видѣніе во Снѣ. Оставьте меня; поставьте горы и моря между вами и человѣкомъ, который носить ваше имя?»

«Что, если, съ другой стороны, его любовь ко мнѣ сдѣлаетъ его равнодушнымъ ко всему другому? Что, если онъ скажетъ опять эти отчаянные слова, которыя я понимаю теперь: «что должно быть, то будетъ. Что я могу тутъ сдѣлать и что можетъ она?» Что, если... что, если...

«Не хочу писать больше. Я терпѣть не могу писать! Это не облегчаетъ, напротивъ, мнѣ становится хуже. Я сдѣлалась болѣе неспособна думать обо всемъ, о чемъ я думать *должна*, чѣмъ когда я сѣла писать. Далеко за полночь. Завтрашній день уже насталъ, а я такъ безпомощна какъ самая глупая женщина на свѣтѣ! Постель — единственное годное мѣсто для меня.

«Постель? Если бы десяти лѣтъ какъ не бывало и если бы я вышла за Мидуинтера по любви, я, можетъ-быть, теперь, прежде чѣмъ лечь въ постель, зашла бы на цыпочкахъ въ дѣтскую взглянуть спокойно ли спать мои дѣти въ ихъ колыбелькахъ. Желала бы я знать, любила ли бы я моихъ дѣтей, если бы они у меня были? Можетъ — да, можетъ-быть—нѣтъ. Это все равно.

«*Вторникъ, десять часовъ утра.* — Кто изобрѣлъ лауданъ? Я благодарю его изъ глубины моего сердца, кто бы онъ ни былъ. Если бы сошлись всѣ несчастные страдальцы душою и тѣломъ, которыхъ онъ успокоилъ, пропѣть ему похвалы, какой бы это

былъ хоръ! Я имѣла шесть восхитительныхъ часовъ забвенія; я проснулась съ спокойною душою, я написала чудесное письмо Мидуинтеру, я выпила прекрасную чашку чая съ истиннымъ наслажденіемъ, я прохладилась за утреннимъ туалетомъ съ необыкновеннымъ чувствомъ облегченія — и всё это посредствомъ крошечной сляночки капель, которую я вижу на камнѣ моей спальни въ эту минуту. Капли, вы, чудо какъ хороши! если я не люблю ничего другого, то люблю *васъ*.

«Моё письмо къ Мидуинтеру было послано по почтѣ, и я велѣла ему отвѣчать мнѣ такимъ же образомъ.

«Я не беспокоюсь насчетъ его отвѣта, онъ можетъ отвѣчать только однимъ образомъ. Я просила время подумать, потому что мои семейныя обстоятельства, требуютъ соображенія ради его интересовъ точно также, какъ и моихъ. Я обязалась сказать ему какія это обстоятельства (желала бы я знать, что я ему скажу?) при слѣдующемъ нашемъ свиданіи и просила его пока держать въ тайнѣ всё случившееся между нами. А что онъ будетъ дѣлать въ тотъ промежутокъ, когда я буду соображать, я оставляю на него собственную волю — только напоминаю ему, что въ нашемъ настоящемъ положеніи, если онъ останется въ Торп-Эмбросѣ, то это можетъ повести къ разспросамъ о его причинахъ, и что если онъ будетъ пытаться видѣться со мною (пока наше положеніе другъ другу нельзя открыто объявить), то это можетъ повредить моей репутаціи. Я предложила писать къ нему если онъ желаетъ, и кончила обѣщаніемъ сдѣлать промежутокъ нашей необходимой разлуки такимъ короткимъ, какъ только могу.

«Это простое непринужденное письмо — которое я могла бы написать ему вчера вечеромъ, еслибы его рассказъ не засѣлъ у меня въ головѣ — имѣетъ одинъ недостатокъ: я это знаю. Оно, конечно, отстраняетъ его, пока я закидываю сѣти и ловлю золотую рыбку въ большомъ домѣ во второй разъ, но оно также оставляетъ неловкій день расчета съ Мидуинтеромъ, если мнѣ удастся. Какъ мнѣ съ нимъ справиться? Что мнѣ дѣлать? Я должна бы взглянуть на эти два вопроса такъ смѣло, какъ обыкновенно, но какъ-то моё мужество измѣняется мнѣ и мнѣ

не хочется рѣшать *это* затрудненіе до-тѣхъ-поръ, пока наступитъ время и когда оно *должно* быть рѣшено. Признаться мнѣ моему дневнику, что мнѣ жаль Мидуинтера и что мнѣ неприятно думать о томъ днѣ, когда онъ услышитъ, что я сдѣлалась хозяйкою въ большомъ домѣ?

«Но я еще не хозяйка и не могу сдѣлать шага по направленію къ большому дому, пока не получу отвѣта на моѣ письмо и пока не узнаю, что Мидуинтеръ не будетъ мнѣ мѣшать. Терпѣніе! терпѣніе! Я должна забыться за моимъ фортепьяно. Вотъ Лунная Соната разложена на попитрѣ и прельщаетъ меня. Желала бы я знать, достанетъ ли у меня силъ разыграть её или она заставитъ меня задрожать отъ таинственности и ужаса какъ намедни?»

«*Пять часовъ.*—Я получила его отвѣтъ. Малѣйшая моя просьба для него—приказаніе. Онъ уѣхалъ и посылаетъ мнѣ свой лондонскій адресъ. «Двѣ причины—пишетъ онъ—помогаютъ мнѣ примириться съ разлукой съ вами. Первая та, что *вы* этого желаете и что это не надолго; вторая, что, мнѣ кажется, я могу устроить въ Лондонѣ, чтобы увеличить моими трудами мой доходъ. Я никогда не желала богатства для себя; но вы не знаете, какъ я начинаю уже цѣнить роскошь и утонченность, которыя деньги могутъ доставить для моей жены». Бѣдняжка! я почти жалѣю зачѣмъ я написала къ нему такимъ образомъ; я почти жалѣю, что не прогнала его отъ меня совсѣмъ.

«Представляю себѣ, еслибы матушка Ольдершѡ увидала эту страницу въ моёмъ дневникѣ! Я получила отъ нея письмо сегодня утромъ, письмо, напоминающее мнѣ о моихъ обязательствахъ и сообщающее, что она подозреваетъ, что всё пошло дурно. Пусть её подозреваетъ, я не стану трудиться отвѣчать ей, я не хочу позволить этой негодной старухѣ надоѣдать мнѣ въ моёмъ настоящемъ положеніи.

«День прекрасный: мнѣ нужно прогуляться; я не должна думать о Мидуинтерѣ. Не надѣтъ ли мнѣ шляпку и сдѣлать опытъ въ большомъ домѣ? Всё клонится въ мою пользу. Шпіонъ не преслѣдуетъ меня и никакой стряпчій не помѣшаетъ мнѣ на этотъ разъ. Довольно ли я хороша сегодня? Ну да, довольно

хороша, чтобы побѣдить маленькую, неуклюжую, неловкую, веснущатую дѣвочку, которой слѣдовало бы еще сидѣть на скамьѣ въ школѣ и быть привязанной къ доскѣ, чтобы выпрямить ея сгорбленные плечи.

«Дѣтская такъ и слышится во всёмъ, что онѣ лепечуть, Кромѣ того, отъ нихъ всегда пахнетъ хлѣбомъ съ масломъ!»
«Какъ восхитительно Байронъ описалъ этихъ дѣвчонокъ!

«*Восемь часовъ.*—И только-что воротилась изъ дома Армэдэля. Я видѣла его, говорила съ нимъ и конецъ всего этого можно сказать въ двухъ простыхъ словахъ: мнѣ не удалось. Столько же возможности для меня сдѣлаться мистриссъ Армэдэль торп-эмбросской, сколько англійской королевой.

«Написать мнѣ къ Ольдершѣ? Воротиться мнѣ въ Лондонъ? Нѣтъ, прежде надо подумать немножко. Нѣтъ, еще не теперь.

«Дайте мнѣ подумать; я имѣла полную неудачу—неудачу при всѣхъ обстоятельствахъ, клонившихся въ пользу успѣха. Я поймала его одного на дорожкѣ передъ домомъ: онъ чрезвычайно смутился, но въ то же время былъ совершенно готовъ выслушать меня. Я пробовала тронуть его сначала спокойно, потомъ со слезами и тому подобнымъ. Я взяла на себя роль бѣдной, невинной женщины, которую онъ оскорбилъ. Я сконфузила, я заинтересовала, я убѣдила его. Я заговорила съ такимъ чувствомъ о его разлукѣ съ его другомъ, разлукѣ, которой я была невинной причиной, что заставило его противное, румяное лицо совершенно поблѣднѣть и просить меня наконецъ не огорчать его. Но какія бы другія чувства ни возбудила я въ немъ, я не пробудила его прежнія чувства ко мнѣ: я видѣла это по его глазамъ, когда онъ смотрѣлъ на меня; я чувствовала это по его пальцамъ, когда онъ пожималъ мнѣ руку. Мы разстались друзьями, но не болѣе.

«Развѣ для этого, миссъ Мильрой, устояла я отъ искушенія утро за утромъ, когда знала, что вы гуляете въ паркѣ? Я пропустила время и позволила вамъ занять моѣ мѣсто въ расположеніи Армэдэля, пропустила? Я никогда еще не сопротивлялась искушенію, не пострадавъ за это какимъ бы то ни было образомъ. Еслибы я послѣдовала моимъ первымъ мыслямъ въ тотъ

день, когда я простилась съ вамъ, молодая дѣвица — хорошо, хорошо! теперь это всё равно. Передо мною будущее; вы еще не мистриссъ Армэдэль, и я скажу вамъ еще одно: на комъ ни женился бы онъ, онъ никогда не женится на васъ. Если я не отплачу вамъ другимъ образомъ — вѣрите мнѣ, что бы тамъ ни вышло, а я отплачу вамъ въ этомъ!

«Къ удивленію моему, я не взбѣшена. Въ послѣдній разъ, когда я находилась въ такомъ хладнокревномъ состояніи, при серьезной досадѣ, вышло что-то изъ этого, чего я не смѣю написать даже въ моёмъ собственномъ дневникѣ. Я не стану удивляться, если теперь изъ этого выйдетъ что-нибудь.

«Возвращаясь назадъ, я зашла въ квартиру Бэшуда въ городѣ. Его не было дома и я оставила ему записку, въ которой велѣла ему придти поговорить со мною вечеромъ. Я намѣрена снять съ него обязанность подсматривать за Армэдэлэмъ и миссъ Мильрой. Я еще не придумала способъ разрушить ея надежды въ Торп-Эмбросѣ такъ, какъ она разрушила мои. Но когда наступитъ время и я придумаю, я не знаю до чего доведётъ меня чувство оскорбленія, и тогда, можетъ-быть, неудобно, а можетъ быть и опасно имѣть повѣреннымъ такую мокрую курицу, какъ Бэшудъ.

«Я подозреваю, что я болѣе разстроена всѣмъ этимъ, чѣмъ предполагала. Исторія Мидуинтера опять начинается преслѣдовать меня безъ всякаго къ тому повода.

«Тихій, торопливый, дрожащій стукъ въ дверь съ улицы! Я знаю кто это: только рука стараго Бэшуда можетъ стучаться такимъ образомъ.

«*Деять часовъ.* — Я только-что отвязалась отъ него. Онъ удивилъ меня, явившись въ новомъ видѣ.

«Оказалось (хотя я его не примѣтила), что онъ былъ въ большемъ домѣ, пока я гуляла съ Армэдэлэмъ, онъ видѣлъ какъ мы разговаривали на дорожкѣ и послѣ слышалъ, что говорили слуги, которые также видѣли насъ. Мудрое мнѣніе въ людской состоитъ въ томъ, что «мы помирились» и что господинъ ихъ, вѣроятно всё-таки женится на мнѣ. «Онъ влюбленъ въ ея рыжіе волосы» — вотъ какое изящное выраженіе употребили въ кух-

нѣ «Барышня не можетъ справиться съ ней въ этомъ — и худо придѣтся барышнѣ». Какъ я ненавижу грубыя привычки низкаго класса!

«Пока старикъ Бэшудъ разсказывалъ мнѣ это, мнѣ показалось, что онъ конфузился и терялся болѣе обыкновеннаго. Но я не примѣтила того, что съ нимъ было въ дѣйствительности до-тѣхъ-поръ, пока не сказала ему, что онъ долженъ предоставить дальнѣйшее наблюденіе надъ мистеромъ Армэдэлемъ и миссъ Мильрой мнѣ. Каждая капля крови, какая только есть въ слабомъ тѣлѣ этого стараго существа, какъ-будто сбѣжала съ его лица. Онъ сдѣлалъ необыкновенное усиліе; онъ имѣлъ такой видъ, какъ-будто готовъ упасть мѣртвымъ съ испуга отъ своей собственной смѣлости; но онъ всё-таки сдѣлалъ вопросъ, лепеча и заикаясь и отчаянно комкая въ обѣихъ рукахъ свою отвратительную шляпу.

«— Извините, миссъ Гуи... Гуи... Гуильтъ! не-уже-ли вы выходите замужъ за мистера Армэдэля?» Ревнуетъ — если я видѣла ревность на лицѣ муѣины, то я видѣла её на его лицѣ — онъ ревнуетъ къ Армэдэлю—въ его лѣта! Еслбы я была въ духѣ, я захохотала бы ему въ лицо. Теперь же я разсердилась и потеряла всякое съ нимъ терпѣніе. И сказала ему, что онъ старый дуракъ и приказала ему спокойно заниматься своимъ обыкновеннымъ дѣломъ, пока я не пришло ему сказать, что онъ мнѣ опять нуженъ. Онъ покорился по обыкновенію, но было что-то необъяснимое въ его водянистыхъ, старыхъ глазахъ, когда онъ простился со мною, чего я ещё никогда не примѣчала въ нихъ прежде. Любви предстоить честь производить всякаго рода странныя преобразованія. Не-уже-ли дѣйствительно возможно, что любовь сдѣлала мистера Бэшуда на столько мужественнымъ, что онъ даже разсердился на меня?

«Середа. — Моё знаніе привычекъ миссъ Мильрой внушило мнѣ вчера вечеромъ подозрѣніе, которое я сочла нужнымъ разъяснить сегодня утромъ.

«Она всегда имѣла обыкновеніе, когда я жила въ коттеджѣ, гулять рано утромъ передъ чаемъ. Когда я сообразила, что я часто пользовалась этимъ самымъ временемъ для моихъ секрет-

ныхъ свиданій съ Армэдэлемъ, мнѣ пришло въ голову, что моя бывшая ученица, можетъ-быть, вырываетъ листъ изъ моей книги и что я могу сдѣлать какія-нибудь полезныя открытія, если направлю мои шаги къ саду маіора въ надлежащій часъ. Я лишила себя капель, чтобы проснуться рано, провела, вслѣдствіе этого, ужасную ночь, встала въ шесть часовъ и пошла изъ моей квартиры къ коттэджу по свѣжему утреннему воздуху.

«Не пробывъ я и пяти минутъ у забора сада, какъ увидѣла, что она вышла. Она также, повидиному, провела дурную ночь: глаза ея были тяжелы и красны, а губы и щоки какъ-будто распухли, точно она плакала. Очевидно, у ней было что-то на душѣ; что то, какъ скоро оказалось, заставившее её выйти изъ сада въ паркъ. Она шла (если только можно назвать ходьбой походку съ такими ногами, какъ у нея!) прямо къ бесѣдкѣ, отворила дверь, перешла черезъ мостъ и всё быстрѣе и быстрѣе направлялась къ нижней части парка, туда, гдѣ деревья гуще. Я шла за нею слѣдомъ по открытому пространству совершенно непримѣтно отъ нея—она была такъ озабочена; а когда она замедлила шаги между деревьями, я тоже была между деревьями и не боялась, что она увидитъ меня.

«Скоро послышались тяжелые шаги, направлявшіеся къ намъ чрезъ густой кустарникъ. Я знала эти шаги такъ же хорошо, какъ и она.

«— Вотъ я здѣсь», сказала она слабымъ голосомъ. Я стояла за деревьями въ нѣсколькихъ шагахъ, не зная съ которой стороны выйдетъ Армэдэль изъ кустарника. Онъ вышелъ со стороны противоположной тому дереву, за которымъ я стояла. Они сѣли вмѣстѣ на валу. Я сѣла за деревомъ и смотрѣла на нихъ сквозь кустарникъ и слышала безъ малѣйшаго затрудненія каждое слово, произнесенное ими.

«Разговоръ начался его замѣчаніемъ о томъ, что она казалась не въ духѣ, и его вопросомъ не случилось ли чего непріятнаго въ коттэджѣ. Хитрая дѣвчонка, не теряя времени, сдѣлала необходимое впечатлѣніе на него: она начала плакать. Онъ, разумѣется, взявъ её за руки старался, по-своему, грубо и прямо утѣшить её. Нѣтъ, её нельзя было утѣшить. Её ожидала жал-

кая перспектива; она не спала цѣлую ночь, всё думая объ этомъ. Отецъ призвалъ её въ свою комнату вчера вечеромъ, говорилъ съ ней о ея воспитаніи и сказалъ ей, что она должна поступить въ школу. Мѣсто найдено, условія сдѣланы и какъ только будутъ готовы ея платья, она должна ѣхать.

«— Пока эта противная миссъ Гуильтъ была въ домѣ, говорила эта образцовая дѣвица: — я охотно приступила бы въ школу — мнѣ хотѣлось поступить; но теперь совсѣмъ другое, я думаю теперь не такъ: я слишкомъ стара для школы, я разбита сердцемъ, мистеръ Армэдэль». Тутъ она остановилась, какъ-будто хотѣла сказать еще что-то и бросила на него взглядъ, ясно окончившій фразу: «я совсѣмъ разбита сердцемъ, мистеръ Армэдэль, что теперь, когда мы опять стали друзьями, я должна уѣхать отъ васъ!» Такое безстыдство, котораго постыдилась бы взрослая женщина, способна выказать только молодая дѣвица на «скромности» которой такъ упорно настаиваютъ противные сантименталисты настоящаго времени!

«Даже олухъ Армэдэль понялъ её. Запутавшись въ лабиринтъ словъ, которыя не повели ни къ чему, онъ взялъ её — нельзя сказать за талию, потому-что у ней ея нѣтъ — а за китовые усы ея корсажа, и предложилъ ей, въ видѣ спасенія отъ школы, выйти за него замужъ.

«Еслибы я могла убить ихъ обоихъ въ эту минуту, поднявъ мой мизинецъ, я ни малѣйше не сомнѣваюсь, что я подняла бы его. Теперь же я только ждала посмотрѣть, что сдѣлаетъ миссъ Мильрой.

«Она повидимому сочла необходимымъ — чувствуя, я полагаю, что она встрѣтилась съ нимъ безъ вѣдома отца и не забывая, что я прежде нея была предметомъ расположенія мистера Армэдэля — выразить добродѣтельное негодованіе. Она удивилась, какъ онъ могъ подумать объ этомъ послѣ его поведения съ миссъ Гуильтъ и послѣ того, какъ отецъ ея запретилъ ему бывать у него въ домѣ! Развѣ онъ хочетъ заставить её почувствовать какъ неизвинительно забылась она? Развѣ это достойно джентльмэна предлагать то, что онъ зналъ также хорошо, какъ и она, было невозможно? и такъ далѣе, и такъ далѣе. Каждый

мущина съ мозгомъ въ головѣ зналъ бы, что значить вся эта пустая болтовня. Армэдэль принялъ это такъ серьёзно, что началъ оправдываться. Онъ объявилъ съ своей грубой откровенностью, что онъ имѣетъ серьёзное намѣреніе, что онъ можетъ помириться съ ея отцомъ и что если маіоръ непремѣнно захочетъ обращаться съ нимъ какъ съ чужимъ, то молодые мужчины и молодыя дѣвицы, въ ихъ положеніи, часто вѣнчаются секретно, и отцы и матери, которые не хотѣли простить имъ прежде, прощаютъ имъ послѣ. Такое дерзко-прямое признаніе въ любви, разумѣется, оставило миссъ Мильрой только два выбора: признаться, что она думала «да», когда говорила «нѣтъ», или рѣшиться на новую вспышку. Она была такъ лицемѣрна, что предпочла новую вспышку.

«— Какъ вы смѣете, мистеръ Армэдэль! Ступайте прочь сейчасъ! Это необдуманно, это бездушно, это совершенно неприлично говорить мнѣ такія вещи!» и такъ далѣе, и такъ далѣе. Это кажется невѣроятно, но тѣмъ не менѣе справедливо, что онъ былъ такъ положительно глупъ, что повѣрилъ ей на слово. Онъ просилъ у ней прощенія и уполъ какъ ребѣнокъ, котораго поставили въ уголъ — самый презрѣнный предметъ въ видѣ мужчины, на какой только случалось глазамъ смотрѣть.

«Она подождала послѣ того, какъ онъ ушелъ, чтобы успокоиться, а я ждала за деревьями посмотрѣть какъ ей удастся. Глаза ея украдкой устремились на тропинку, по которой онъ ушелъ. Она улыбнулась (справедливѣе было бы сказать: сдѣлала гримасу, съ такимъ ртомъ какъ у нея), сдѣлала нѣсколько шаговъ на цыпочкахъ посмотрѣть ему въ слѣдъ, опять вернулась назадъ и вдругъ зарыдала. Меня не такъ легко обмануть, какъ Армэдэля, и я очень ясно видѣла что всё это значить.

«Завтра, подумала я про-себя, ты опять будешь въ паркѣ, миссъ, совершенно случайно. На слѣдующій день ты заставишь его сдѣлать тебѣ предложеніе во второй разъ. Черезъ день онъ осмѣлится упомянуть опять о секретномъ бракѣ и ты только прилично сконфузишься, а еще черезъ день, если онъ предложитъ тебѣ планъ и если твой вѣщи уже уложены для школы, ты выслушаешь его». Да-да, время всегда на сторонѣ мужчины, гдѣ

замѣшана женщи́на, если му́жина будетъ на столько терпѣливъ, что позволить времени помочь ему.

«Я оставила её воротиться къ коттеджу и она совсѣмъ не примѣтила, что я подсматривала за нею. Я ждала между деревьями и думала. Дѣло въ томъ, что на меня сдѣлало впечатлѣніе то, что я видѣла и слышала такимъ образомъ, который не весьма легко описать. Это поставило всё передо мною въ новомъ свѣтѣ; это показало мнѣ — то, что я и не подозрѣвала до сегодняшняго утра — что, она дѣйствительно любить его.

«Какъ ни тяжело мой долгъ къ ней, *теперь* нечего бояться, чтобы я не заплатила ей его до послѣдняго фартинга. Не малымъ бы торжествомъ было для меня встать между миссъ Мильрой и ея честолюбиемъ сдѣлаться одной изъ главныхъ дамъ въ графствѣ. Но гораздо болѣе, гдѣ замѣшана первая любовь, встать между миссъ Мильрой и желаніемъ ея сердца. Не вспомнить ли мнѣ мою собственную молодость и пощадить её? Нѣтъ! Она лишила меня единственной возможности разорвать цѣпь, связывающую меня съ прошлой жизнью, о которой слишкомъ ужасно подумать. Я брошена въ такое положеніе, въ сравненіи съ которымъ положеніе отверженника, ходящаго по улицѣ, сносно и достойно зависти. Нѣтъ, миссъ Мильрой, нѣтъ, мистеръ Армэдэль; я никого изъ васъ не пощажу!

«Я воротилась уже нѣсколько часовъ; я думала и ничего не придумала. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я получила это странное письмо отъ Мидуинтера въ прошлое воскресенье, моя обыкновенная находчивость въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ оставила меня. Когда я не думаю о нёмъ или о его исторіи, мысли мои совершенно притупляются. Я, всегда знавшая что дѣлать въ другихъ случаяхъ, не знаю, что мнѣ дѣлать теперь. Разумѣется, было бы довольно легко предупредить маіора Мильроя о поступкахъ его дочери; но маіоръ любитъ свою дочь, Армэдэль съ нетерпѣніемъ желаетъ примириться съ нимъ, Армэдэль богатъ и готовъ побориться пожилому человѣку — рано или поздно они опять будутъ друзьями и дѣло кончится свадьбой. Предупредить маіора Мильроя значитъ только затруднить ихъ на время; этимъ нельзя разлучить ихъ навсегда.

«Какой же для этого способъ—я не вижу. Я могу вырвать у себя волосы! Я могу сжечь домъ! еслибы подъ цѣлымъ міромъ была проведена пороховая дорожка, я могла бы зажечь её и разрушить цѣлый міръ... я въ такомъ бѣшенствѣ, въ такой ярости на самой себя, что не вижу никакого способа!

«Бѣдный, милый Мидуинтеръ! Да, *милый*. Мнѣ всё равно, я одинока и беспомощна. Мнѣ нужно кого-нибудь кто кротокъ и ласковъ, чтобы ухаживать за мной; я желала бы, чтобы его голова опять лежала на груди моей; мнѣ хочется ѣхать въ Лондонъ и выйти за него замужъ... Съ ума, что ли, я сошла? Да, всѣ люди такіе несчастные какъ я, сумашедшіе. Я должна подойти къ окну и освѣжиться воздухомъ. Не выпрыгнуть ли мнѣ изъ окна? нѣтъ; это обезображиваетъ и слѣдствіе коронаера позволяетъ такъ многимъ видѣть обезображенное тѣло.

«Воздухъ оживилъ меня. Я начинаю вспоминать, что на моей сторонѣ время по-крайней-мѣрѣ. Никто не знаетъ, кромѣ меня, о ихъ тайныхъ встрѣчахъ въ паркѣ рано утромъ. Если ревнивый старикъ Бэшудъ, у котораго достанетъ хитрости на всё, вздумаетъ подематривать за Армэдэлемъ для собственныхъ своихъ интересовъ, онъ сдѣлаетъ это въ обыкновенное время, когда пойдѣтъ въ управительскую контору. Онъ ничего не знаетъ о раннихъ привычкахъ миссъ Мильрой и придѣтъ въ большой домъ только когда Армэдэль воротится туда. Я еще недѣлю могу подождать и наблюдать за ними и выберу время, удобное для меня, чтобы вмѣшаться въ ту минуту, когда увижу, что онъ преодолеваетъ ея нерѣшимость и убѣждаетъ её сказать «да».

«Вотъ я жду здѣсь, не зная какъ дѣло кончится съ Мидуинтеромъ въ Лондонѣ; кошелёкъ мой становится пустѣе и пустѣе и нѣтъ никакой надежды, чтобы новыя ученицы наполнили его; старуха Олдершò непременно станетъ требовать своихъ денегъ назадъ, когда узнаетъ, что мнѣ не удалось; безъ надежды, безъ друзей, безъ будущности — погибшая женщина! Ну, я скажу опять, опять и опять—мнѣ всё равно! Здѣсь я останусь, если продамъ съ себя платье, если наймусь въ трактиръ играть для скотовъ въ буфетѣ; здѣсь я останусь до-тѣхъ-поръ, пока не на-

ступить время и я не найду способъ разлучить навсегда Армэдэля съ миссъ Мильрой!

«Семь часовъ.—Есть ли какіе признаки, что время наступило? Право не знаю; есть признаки переменъ, по-крайней-мѣрѣ, въ моёмъ положеніи въ здѣшнихъ окрестностяхъ.

«Двѣ изъ самыхъ старыхъ и безобразныхъ дамъ, заступившихся за меня, когда я оставила домъ маіора Мильроя, сейчасъ были у меня, объявивъ себя съ нестерпимымъ безстыдствомъ со-страдаельныхъ англичанокъ, депутатами отъ моихъ покровительницъ. Оказалось, что извѣстіе о моёмъ примиреніи съ Армэдэлемъ разнеслось изъ людской большого дома въ городъ. Единогласное мнѣніе моихъ «покровительницъ» (и мнѣніе маіора Мильроя также, котораго спрашивали), что я поступила съ непростительнымъ благоразуміемъ, отправившись въ домъ Армэдэля и говоря въ дружескихъ выраженіяхъ съ человѣкомъ, поведеніе котораго сдѣлало его посмѣшищемъ въ окрестностяхъ. Совершенное отсутствіе самоуваженія въ этомъ дѣлѣ подало поводъ къ слухамъ, что я искусно пользуюсь моею красотою и что я, можетъ-быть, кончу тѣмъ, что заставлю Армэдэля жениться на мнѣ. Мои покровительницы, разумѣется, были слишкомъ сострадаельны, чтобы повѣрить этому. Онѣ только почувствовали необходимость увѣщевать меня въ христіанскомъ духѣ и предостеречь, что вторая подобная неосторожность съ моей стороны принудитъ всѣхъ моихъ лучшихъ другихъ отнять отъ меня защиту и покровительство, которыми я пользуюсь теперь.

«Обратившись ко мнѣ поочередно въ такихъ выраженіяхъ (очевидно затверженныхъ прежде), мои двѣ гостьи выпрямились на своихъ стульяхъ и посмотрѣли на меня какъ бы говоря: «можетъ-быть вы часто слышали о добродѣтели, миссъ Гуильтъ, но мы не думаемъ, чтобы вы видѣли её когда-нибудь въ полномъ цвѣтѣ до-тѣхъ-поръ, пока мы не навѣстили васъ».

«Видя, что онѣ намѣрены раздражить меня, я сохраняла хладнокровіе и отвѣчала имъ самымъ кроткимъ, самымъ тихимъ и самымъ благороднымъ образомъ. Я примѣтила, что христіанское милосердіе почтенныхъ людей извѣстнаго класса начинается, когда они раскрываютъ свои молитвенники въ одиннадцать часовъ

утра въ воскресенье, и кончается, когда они закрываютъ ихъ въ часъ пополудни. Ничто такъ не удивляетъ и не оскорбляетъ людей такого рода, какъ напомнить имъ о ихъ христіанской обязанности въ будни. Основываясь на этомъ я заговорила:

«— Что же я сдѣлала дурного? спросила я невинно. — Мистеръ Армэдэль оскорбилъ меня, а я пошла къ нему въ домъ и простила ему оскорбленіе. Навѣрно тутъ должна быть какая-нибудь ошибка, милостивыя государыни. Не-уже-ли вы пришли сюда затѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ выговоръ за то, что я сдѣлала христіанскій поступокъ?»

«Двѣ Горгоны встали. Я твёрдо убѣждена, что нѣкоторыя женщины имѣютъ не только кошачьи лица, но и кошачьи хвосты. Я твёрдо убѣждена, что хвосты этихъ двухъ кошекъ медленно раздулись подъ ихъ юпками въ четыре раза больше ихъ надлежащей величины.

— Мы были приготовлены къ гнѣву, миссъ Гуильтъ, сказали онѣ:—но не къ нечестивости. Желаемъ вамъ добраго вечера.

«Итакъ онѣ оставили меня и миссъ Гуильтъ исчезаетъ отъ покровительственнаго вниманія окрестныхъ жителей.

«Желала бы я знать, что выйдетъ изъ этой пустяшной ссоры? Изъ этого выйдётъ одно, что я уже вижу. Слухи дойдутъ до ушей миссъ Мильрой; она будетъ настаивать, чтобы Армэдэль оправдался, а Армэдэль удостовѣритъ её въ своей невинности, сдѣлавъ новое предложеніе. Это, по всей вѣроятности, ускоритъ дѣло между ними—по-крайней-мѣрѣ это ускорило бы со мной. Еслибы я была на ея мѣстѣ, я сказала бы себѣ: «я завладѣю имъ, пока могу». Если завтра утромъ не будетъ дождя, я думаю, что я опять прогуляюсь рано въ паркъ.

«*Далмочъ.*—Такъ какъ я не могу принимать капель при предстоящей мнѣ утренней прогулкѣ, то я должна отказаться отъ всякой надежды заснуть и буду продолжать мой дневникъ. Даже принявъ ванну, я сомнѣваюсь лежала ли бы моя голова на моёмъ изголовьи спокойно нынѣшнюю ночь. Когда маленькое волненіе послѣ сцены съ «покровительницами» прошло, меня стали волновать дурная предчувствія, которыя оставили мнѣ мало возможности при настоящихъ обстоятельствахъ заснуть.

«Не могу вообразить почему прощальныя слова, сказанныя Армэдэлю этимъ старымъ скотомъ стряпчимъ, прищли мнѣ на память? Вотъ они повторены въ письмѣ Бэшуда: «любопытство кого-нибудь другого можетъ продолжать съ того пункта, на которомъ вы и я остановились и чья-нибудь другая рука можетъ пустить свѣтъ на миссъ Гуильтъ».

«Что онъ хотѣлъ сказать этимъ? и что онъ хотѣлъ сказать послѣ, когда нагналъ стараго Бэшуда на дорогѣ и предлагалъ ему удовлетворить его любопытство. Или этотъ ненавистный Педгифтъ дѣйствительно полагаетъ, что есть какая-нибудь возможность...? Смѣшно! Мнѣ стоитъ только *взглянуть* на это слабое старое лицо—и оно не осмѣлится приподнять свой мизинецъ, если я не велю ему. Чтобы онъ вздумалъ развѣдать мою прошлую жизнь, какъ-бы не такъ! Люди, въ десять разъ его умнѣе и во сто разъ искуснѣе, пробовали и остались при томъ, съ чего начали.

«Однако я не знаю, можетъ быть было бы лучше, если бы я воздержалась, когда Бэшудъ былъ здѣсь намеренъ, и можетъ быть было бы еще лучше, если бы я увидѣлась съ нимъ завтра и изъявила бы ему моё расположеніе, поручивъ ему сдѣлать что-нибудь для меня. Не велѣтъ ли ему присматривать за обоими Педгифтами и разузнать, нѣтъ ли возможности, чтобы они пытались возобновить свои отношенія къ Армэдэлю. Это невѣроятно; но если я дамъ старику Бэшуду это порученіе, оно польститъ чувству его важности, относительно меня и въ то же время будетъ имѣть превосходную цѣль отдалить его отъ меня.

«*Четверкъ, девять часовъ утра*—я только-что воротилась изъ парка. Разъ я оказалась вѣрной предсказательницей: они опять сидѣли вдвоемъ также рано, въ томъ же уединенномъ мѣстѣ, между деревьями. Миссъ уже знала о моёмъ посѣщеніи и тонъ ея сообразовался съ этимъ.

«Сказавъ обо мнѣ два-три слова, которыя я обѣщаю ему не забывать, Армэдэль принялъ тотъ самый способъ убѣдить её въ своёмъ постоянствѣ, который—я знала заранѣе—онъ будетъ принуждѣнъ принять. Онъ повторилъ своё предложеніе съ

прекраснымъ эффектомъ на этотъ разъ. Послѣдовали слѣзы, подалуи и увѣренія; моя бывшая ученица открыла наконецъ своё сердце самымъ невиннымъ образомъ. Она призналась, что домъ становится ей нестерпимымъ, что тамъ ей чуть-чуть меньше непріятно чѣмъ въ школѣ. Характеръ матери становится запальчивѣе и несноснѣе каждый день! Сидѣлка, единственная особа, имѣвшая на неё вліяніе, ушла, потерявъ терпѣніе. Отецъ всё болѣе и болѣе погружался въ свои часы и всё твёрже рѣшался отослать её изъ дома, по причинѣ непріятныхъ сценъ, происходившихъ съ ея матерью почти каждый день. Я выслушивала эти домашнія признанія въ надеждѣ услышать каіе-нибудь планы о будущемъ; и моё терпѣніе послѣ немалого принужденія было наконецъ вознаграждено.

«Первый совѣтъ (это было естественно съ такимъ дуракомъ, какъ Армэдэль) подала миссъ Мильрой. Она выразила мысль, которой, признаюсь, я не ожидала отъ нея, она предположила, чтобы Армэдэль написалъ къ ея отцу, и сдѣлала еще умнѣе: предупредила всякое опасеніе, чтобы онъ не сдѣлалъ какой ошибки, сказавъ ему, что онъ долженъ былъ написать. Онъ долженъ былъ выразить глубокое огорченіе, что майоръ удалилъ его отъ себя и просить позволенія зайти въ коттеджъ сказать нѣсколько словъ въ своё оправданіе. Вотъ и всё. Письмо не должно было отсылаться въ этотъ день, потому-что ждали сидѣлокъ на мѣсто отказавшейся сидѣлки мистриссъ Мильрой и принимать ихъ и разспрашивать не сдѣлаетъ ея отца—такъ какъ онъ не любитъ подобныя вещи—расположеннымъ снисходительно принять просьбу Армэдэля. Въ пятницу надо послать письмо, а въ субботу утромъ, если, къ несчастью, отвѣтъ будетъ неблагоприятенъ, они могутъ сойтись опять. «Мнѣ непріятно огорчать моего отца: онъ всегда былъ, такъ добръ ко мнѣ. И не будетъ никакой надобности обманывать его, Аллэнъ, если мы можемъ помирить васъ съ нимъ опять». Это были послѣднія слова, сказанныя маленькой лицемѣркой, когда я оставила ихъ.

Что сдѣлаетъ майоръ, это покажетъ суббота. Я не буду объ этомъ думать до тѣхъ поръ, пока не наступитъ и не пройдетъ суббота. Они еще не обвѣнчаны, и я опять говорю, хотя ничего еще

не могу придумать, не бывать имъ никогда мужемъ и женой.

«Возвращаясь домой, я застала Бэшуда за завтракомъ съ его жалкимъ старымъ чорнымъ чайникомъ, съ конеечнымъ хлѣбомъ, съ дешовымъ прогорѣлымъ масломъ и заштопанной грязной скатерью. Мнѣ тошно подумать объ этомъ.

«Я приласкала и утѣшила этого жалкаго старика, такъ что даже слѣзы выступили на его глазахъ и онъ весь покраснѣлъ отъ удовольствія. Онъ взялся присматривать за Педгифтами съ чрезвычайной готовностью. Педгифтъ старшій, по его описанію, разъ разсердившись, самый упорный человекъ на свѣтѣ; ничто не убѣдитъ его уступить, пока Армэдэль не уступить съ своей стороны. Педгифтъ младшій вѣроятнѣе рѣшится на попытку примиренія, по-крайней-мѣрѣ таково мнѣніе Бэшуда. Теперь, впрочемъ, нѣтъ большой важности, что ни случилось бы такъ или иначе. Единственное важное обстоятельство заключается въ томъ, чтобы покрѣпче привязать къ себѣ пожилого обожателя. И это сдѣлано.

«Почта опоздала сегодня утромъ. Она только-что пришла теперь и я получила письмо отъ Мидуинтера.

«Письмо очаровательное; оно льститъ мнѣ и заставляетъ меня трепетать какъ-будто я опять сдѣлалась молодою дѣвушкою. Онъ не дѣлаетъ мнѣ упрековъ за то, что я не писала къ нему, не торопитъ меня выйти за него замужъ. Онъ только сообщаетъ мнѣ новыя извѣстія. Онъ получилъ чрезъ своихъ нотариусовъ надежду поступить корреспондентомъ въ газету, предпринимаемую въ Лондонѣ. Это занятіе заставитъ его уѣхать на континентъ, что согласовалось бы съ его желаніями на будущее время, но онъ не можетъ серьезно взглянуть на это предложеніе прежде чѣмъ удостовѣрится, согласуется ли оно также и съ моими желаніями. Онъ не знаетъ другой воли, кромѣ моей, и предоставляетъ мнѣ рѣшить, упомянувъ о назначенномъ ему времени, когда его отвѣтъ долженъ быть данъ. Въ это время, разумѣется (если я согласна на его отъѣздъ за границу), я должна выйти за него замужъ. Но объ этомъ нѣтъ ни слова въ его письмѣ. Онъ ни о чомъ не проситъ, кромѣ моихъ пи-

семь, чтобы помочь ему провезти этотъ промежутокъ, пока мы въ разлукѣ другъ съ другомъ.

«Вотъ его письмо, не очень длинное, но въ прѣмилыхъ выраженіяхъ.

«Мнѣ кажется я могу проникнуть тайну его желаній уѣхать за границу. Дикая мысль поставить горы и моря между нимъ и Армэдэлемъ еще не вышла у него изъ головы. Какъ-будто онъ или я можемъ избѣгнуть того, что опредѣлила намъ судьба — если предположить, что мы имѣемъ судьбу—поставивъ нѣскольکو сотъ или тысячъ миль между Армэдэлемъ и нами! Какая странная нелѣпость и несообразность! А между тѣмъ, какъ мнѣ нравится его нелѣпость и не сообразность! развѣ я не вижу ясно, что я причиною всего этого? Кто сбиваетъ этого умнаго человѣка съ прямого пути вопреки его волѣ? Кто дѣлаетъ его слишкомъ слѣпымъ для того, чтобы видѣть противорѣчіе въ его собственномъ поведеніи, которое онъ видѣлъ бы ясно въ поведеніи другого человѣка? Какъ я имъ интересуюсь! какъ опасно близко я къ тому, чтобы закрыть мои глаза на прошлое и позволить себѣ полюбить его! (Замѣтка на память). Написать Мидуинтеру очаровательное письмоце и послать ему поцалуѣ; а такъ какъ ему дано время прежде чѣмъ онъ пошлѣтъ отвѣтъ, то попросить и мнѣ времени, прежде чѣмъ я скажу ему хочу или нѣтъ я ѣхать за границу.

Прим. Ред. Мы повторяемъ здѣсь заявленіе, напечатанное нами въ январской книжкѣ «Собранія» при началѣ романа «Армэдэль», что мы не можемъ принять отвѣтственности окончанія романа въ этомъ году. Мы дали все, что вышло въ Лондонѣ по настоящее время и повзгоряемъ опять: для постоянныхъ подписчиковъ «Собранія» это не составляетъ разницы; для невозобновляющихъ же подписки одинъ необоначенный романъ среди множества оконченныхъ не уменьшаетъ достоинства изданія, въ которомъ каждый романъ имѣетъ отдѣльную нумерацію и можетъ переплетаться особо.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДНЕВНИКА МИССЪ ГУИЛЬТЬ (*).

«Пять часовъ.» — Скучный визитъ отъ хозяйки; захотѣлось ей поболтать и сообщить мнѣ новости, которыя, по ея мнѣнію, должны интересовать меня.

«Я узнала, что она знакома съ бывшей сидѣлкой мистриссъ Мильрой и провожала свою пріятельницу до станціи въ этотъ день; онѣ, разумѣется, говорили о дѣлахъ въ коттэджѣ и упомянули обо мнѣ въ разговорѣ. Я совершенно ошибаюсь, если вѣрить словамъ сидѣлки, думая, что миссъ Мильрой посовѣтовала Армэдэлю обратиться въ Лондонъ къ дамѣ, рекомендовавшей меня. Миссъ Мильрой ничего объ этомъ не знала и всё произошло отъ безумной ревности ея матери, настоящее непріятное положеніе дѣла въ коттэджѣ происходитъ отъ той же причины. Мистриссъ Мильрой твёрдо убѣждена, что я остаюсь въ Торп-Эмбросѣ, потому-что имѣю секретныя средства видѣться съ маіоромъ, которыя ей невозможно узнать. Съ этимъ убѣжденіемъ въ душѣ, она сдѣлалась такъ неугомонна, что никто не соглашается ухаживать за нею; и рано или поздно, а маіоръ, несмотря на его нежеланіе, будетъ принуждёнъ отдать её на попеченіе доктора.

«Вотъ сущность того, что моя несносная хозяйка сказала мнѣ. Безполезно говорить, что это нисколько меня не интересовало. Даже, если можно положиться на увѣренія сидѣлки—въ которыхъ я сомнѣваюсь—это для меня не важно теперъ. Я знаю, что миссъ

(*) Это продолженіе романа Армэдэль прилагается для подписчиковъ «Собранія» 1865 г., возобновившихъ подписку на 1866 годъ.

Мильрой уничтожила мою возможность сдѣлаться мистриссъ Армэдэль Торп-Эмброской, и ни до чего мнѣ больше нѣтъ дѣла. Если точно ея мать одна была причиною, что моя ложная атестация открылась, то она, по-крайней мѣрѣ, страдаетъ за это. Итакъ, я прощаюсь съ мистриссъ Мильрой. Не дай мнѣ, Боже! видѣть котѣдждь сквозь очки моей хозяйки!

Десять часовъ.—Бѣшудъ только что оставилъ меня; приносилъ извѣстія изъ большого дома. Педгифтъ Младшій сдѣлалъ попытку къ примиренію и не имѣлъ успѣха. Я единственная причина этой неудачи. Армэдэль готовъ помириться, если Педгифтъ Старшій будетъ избѣгать впередъ всѣхъ случаевъ несогласія между ними, никогда не упоминая о миссъ Гуильтъ. Однако такъ случилось, что Педгифтъ отецъ—съ своимъ мнѣніемъ обо мнѣ и о моихъ поступкахъ—считаетъ своею обязанностью не соглашаться на это. Итакъ, стряпчій и кліентъ попрежнему въ ссорѣ и Педгифты не мѣшаютъ мнѣ.

А препятствіе съ ихъ стороны могло быть весьма неловкое, если бы Армэдэль послѣдовалъ совѣту Педгифта Старшаго. Я говорю о томъ, еслибы кто-нибудь изъ лондонскихъ полицмэновъ былъ приглашонъ взглянуть на меня. Даже и теперь это вопросъ: не носить ли мнѣ опять толстаго воала, который я всегда ношу въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ. Единственное затрудненіе состоитъ въ томъ, что это возбудитъ вниманіе въ такомъ маленькомъ любопытномъ городкѣ, когда я надѣну толстый воаль въ первый разъ въ лѣтнюю погоду.

«Уже почти девять часовъ—и я провозилась съ своимъ дневникомъ дольше чѣмъ я предполагала. Никакія слова не могутъ описать, какую скуку и какое уныніе чувствую я. Зачѣмъ я не принимаю сонныхъ капель и не ложусь въ постель? Завтра не будетъ свиданія между Армэдэлемъ и миссъ Мильрой, такъ что я не должна рано вставать. Стараюсь ли я въ сотый разъ придумать какъ мнѣ дѣйствовать впередъ, стараюсь ли при моей усталости, быть тою находчивой женщиной, какая была прежде, прежде чѣмъ всѣ эти непріятности скопились и лишили меня сна? или я боюсь лечь въ постель, когда это мнѣ наиболѣе необходимо? Я не знаю, я утомлена и несчастна; я кажусь стран-

но стара и дурна. При малѣйшемъ поводѣ я, пожалуй, буду такъ глупа, что расплачусь. Къ счастью, никто не подаётъ мнѣ этого поводъ. Желала бы я знать, какова ночь?

«Ночь облачная, луна показывается изрѣдка и поднимается вѣтеръ. Я слышу какъ онъ слонетъ между коттѣджами на концѣ улицы. Я думаю, что мои нервы немножко разстроены. Я сейчасъ испугалась тѣни на стѣнѣ. Только минуты черезъ двѣ образумилась я на столько, чтобъ примѣтить гдѣ стоитъ свѣча и увидать, что это тѣнь моя собственная.

Тѣни напоминаютъ мнѣ о Мидуинтерѣ, а если не тѣни, то что-нибудь другое. Я должна еще разъ взглянуть на его письмо, а потомъ непременно лягу въ постель.

«Я кончу тѣмъ, что полюблю его. Если я останусь долѣе въ этомъ одинокомъ, неизвѣстномъ состояніи—въ такой нерѣшимости, столь несогласующейся съ моимъ характеромъ, я кончу тѣмъ, что полюблю его. Какое безумство! какъ-будто я могу опять полюбить мужчину!

«Что, если я вдругъ рѣшусь и выйду за него замужъ? Какъ онъ ни бѣденъ, онъ дастъ мнѣ имя и положеніе, если я сдѣлаюсь его женой. Посмотримъ, каково будетъ это имя—его настоящее имя, если я соглашусь принять его.

«Мистриссъ Армедель! прекрасно!

«Мистриссъ Аллэнъ Армедель!—еще лучше!

«Мои нервы *должны* быть разстроены. Теперь меня испугаль мой собственный почеркъ! какъ это странно! всякій могъ бы испугаться: сходство обоихъ имёнъ никогда не поражало меня прежде. За кого бы изъ нихъ я ни вышла, моё имя было бы одинаково; я была бы мистриссъ Армедель, если бы вышла за бѣлокураго Армеделя, живущаго въ большомъ домѣ. И я могу всё такъ быть мистриссъ Армедель, если выйду за черноволосаго Аллена въ Лондонѣ. Писать это, чувствовать, что могло что-нибудь изъ этого выйти и видѣть, что не выходитъ ничего, почти сводить меня съ ума.

«Какъ *можетъ* что-нибудь выйти изъ этого? Если я поѣду въ Лондонъ и обвѣнчаюсь съ нимъ подъ его настоящимъ именемъ (какъ, разумѣется, я должна вѣнчаться), позволить ли онъ мнѣ по-

свить это имя? При всѣхъ своихъ причинахъ скрывать своё настоящее имя онъ будетъ настаивать—нѣтъ, онъ слишкомъ меня любить для этого—онъ станетъ умолять меня носить имя, принятое имъ. Мистриссъ Мидуинтеръ—отвратительно! Озайязъ—тоже, когда я захочу назвать его просто по имени какъ слѣдуетъ женѣ—хуже чѣмъ отвратительно!

А между тѣмъ была бы причина исполнить его желаніе, если бы онъ просиль меня. Положимъ, что дуракъ въ большомъ домѣ уѣдетъ отсюда холостымъ, и положимъ, что въ его отсутствіе, кто-нибудь изъ знавшихъ его услышитъ о мистриссъ Алэнъ Армэдэль, они сейчасъ примутъ её за его жену. Еслибы они даже увидали меня, еслибы я пріѣхала сюда подъ этимъ именемъ и если его тутъ не будетъ для опроверженія этого, его слуги первые скажутъ: «мы знали, что онъ женится на ней!» А мои покровительницы, которыя теперь, какъ мы поссорились, будутъ рады повѣрить обо мнѣ всему, присоединятся къ хору sotto voce. «Только подумайте, милая моя: слухи, такъ оскорбившіе насъ, оказались справедливы!» Нѣтъ, если я выйду за Мидуинтера, я постоянно буду ставить моего мужа и себя въ ложное положеніе, или я должна отказаться отъ его настоящаго имени, его хорошенькаго, романическаго имени у дверей церкви.

«Мой мужъ! Какъ-будто я дѣйствительно выйду за него! Я не выйду за него—и дѣлу конецъ!

Половина одиннадцатаго—О Боже! о Боже! какъ мои виски бьются и какъ болятъ мои усталые глаза! На меня смотритъ луна въ окно. Какъ быстро маленькія облачка убѣгаютъ отъ вѣтра! то они скрываютъ луну, то открываютъ её. Какія странныя формы принимаютъ жолтыя пятна и опять теряютъ ихъ въ одно мгновеніе! Нѣтъ для меня спокойствія и тишины, куда я ни оглянулась бы. Свѣчка мерцаетъ и само небо имѣетъ какой-то безпокойный видъ!

«Въ постель! въ постель! какъ говорить лэди Макбетъ. Кстати, желала бы я знать что сдѣлала бы лэди Макбетъ въ моёмъ положеніи? Она убила бы кого-нибудь какъ только начались ея непріятности—вѣроятно Армэдэля.

Пятница, утро.—Ночь была спокойна опять по милости

моихъ капель. Я пила утромъ чай въ лучшемъ расположеніи духа и получила утреннее привѣтствіе въ видѣ письма отъ мистриссъ Олдершѣ.

«Моё молчаніе произвело своё дѣйствіе на матушку Гезавель. Она приписываетъ его настоящей причинѣ и наконецъ показываетъ свои когти. Если я не въ состояніи заплатить ей тридцать фунтовъ, взятые подъ росписку, которой срокъ въ слѣдующій вторникъ, она дастъ знать своему повѣренному, чтобы онъ «поступилъ надлежащимъ образомъ». *Если* я не въ состояніи заплатить. Когда я расплачусь съ своей хозяйкой сегодня, у меня не останется и пяти фунтовъ! Нѣтъ и тѣни надежды, чтобы я получила деньги до вторника; а здѣсь у меня нѣтъ ни одного короткаго знакомаго, который повѣрилъ бы мнѣ шесть пенсовъ, Затрудненіямъ, окружавшимъ меня, недоставало только одного для довершенія ихъ и это одно наступило.

«Мидуинтеръ, разумѣется, помогъ бы мнѣ, еслибы я могла рѣшиться просить у него помощи; но *это* будетъ значить, что я намѣрена выйти за него. Не-уже-ли моё отчаяніе и безпомощность до того велики, что я кончу такимъ образомъ? Нѣтъ еще.

«Голова моя тяжела; я должна выйти на свѣжій воздухъ и подумать объ этомъ.

«*Два часа.*—Мнѣ кажется я заразилась суевѣріемъ Мидуинтера. Я начинаю думать, что событія насильно влекутъ меня къ какой-то цѣли, которую я еще не вижу, но которая, по моему убѣжденію, уже недалеко.

«Я была оскорблена—умышленно оскорблена при свидѣтельствахъ—миссъ Мильрой.

«Прохаживаясь, по обыкновенію, въ самыхъ немногочисленныхъ мѣстахъ и стараюсь, не весьма успѣшно, придумать что мнѣ предпринять, я вспомнила, что мнѣ нужны перья и почтовая бумага и пошла въ городъ. Было бы благоразумнѣе послать въ лавку за тѣмъ, что было мнѣ нужно. Но мнѣ надоѣла и я сама и мои уединенныя комнатки, и я пошла сама по той простой причинѣ, что всё-таки это было какое-нибудь дѣло.

«Только-что я вошла въ лавку и спросила что мнѣ нужно,

когда вошла еще покупательница. Мы обѣ подняли глаза и тотчасъ узнали другъ друга: миссъ Мильрой.

«За прилавкой стояли женщина и мальчикъ, кромѣ челоуѣка, который показывалъ мнѣ вещи. Женщина вѣжливо обратилась къ приходшей покупательницѣ:

«— Чѣмъ мы можемъ служить вамъ, миссъ?

«Она прямо посмотрѣла мнѣ въ лицо и отвѣчала:

«— Ничего, теперь. Я приду послѣ, когда ваша лавка будетъ пуста.

«Она ушла. Трое людей, находившихся въ лавкѣ, молча посмотрѣли на меня. Я, съ своей стороны, молча заплатила за мои покупки и ушла. Не могу отрицаться, что въ моемъ тревожномъ и разстроенномъ состояніи эта дѣвчонка уязвила меня.

«Въ минутной слабости—это было ни что иное—я хотѣла заплатить ей злостью за злость и прошла даже всю улицу, направляясь въ коттеджу майора, чтобъ рассказать ему объ утреннихъ прогулкахъ его дочери, но образумилась и тотчасъ воротилась домой. Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Мильрой! временная непріятность въ коттеджѣ, которая кончится тѣмъ, что отецъ проститъ вамъ, а Армэдель воспользуется его снисхожденіемъ, не заплатитъ моего долга вамъ. Я не забываю, что ваше сердце отдано Армэдалю и что майоръ, какъ онъ ни говоритъ, всегда до-сихъ-поръ уступалъ вамъ. Можетъ-быть моя голова становится глупѣе, но она еще не совсѣмъ измѣнила мнѣ.

«Между тѣмъ письмо мистриссъ Ольдершопъ упорно ждетъ отвѣта, а я еще не знаю что мнѣ съ нимъ дѣлать. Отвѣчать на него или нѣтъ? Пока это всё равно; еще останется нѣсколько часовъ до ухода почты.

«Не попроситъ ли мнѣ денегъ займа у Армэдала? Мнѣ было бы пріятно выманить что-нибудь у него, и я думаю, что въ его настоящемъ положеніи, относительно миссъ Мильрой, онъ сдѣлаетъ всё, чтобъ освободиться отъ меня; съ моей стороны это было бы очень низко. Фи! Когда мы ненавидимъ и презираемъ челоуѣка, какъ я презираю и ненавижу Армэдала, какое намъ дѣло, что она будетъ считать насъ низкими?

«Однако, моя гордость—или что-нибудь другое, я не знаю что—возмущается отъ этого.

«Половина третьяго—только половина третьяго. О! какъ страшно скучны эти длинные лѣтніе дни! Я никакъ не могу всё думать и думать; я должна чѣмъ-нибудь облегчить мою душу. Не сѣсть ли за фортепяно? Нѣтъ, я не въ состояніи. Работать? Нѣтъ, я опять стану думать, если примусь за иголку. Муцина, на моёмъ мѣстѣ, началъ бы пьянствовать. Я не муцина и пьянствовать не могу. Я займусь моими платьями и приведу въ порядокъ мои вещи.

«Прошло ли часъ! Болѣе часа, а будто не болѣе минуты.

«Я не могу пересматривать эти листочки, но знаю, что я написала гдѣ-то эти слова: «Я чувствую, что ближе и ближе подвигаюсь къ какой-то цѣли, еще скрытой для меня». Теперь цѣль уже не скрыта, облако спало съ моего ума, слѣпота исчезла съ глазъ—я вижу эту цѣль! я вижу эту цѣль!

«Она сама явилась ко мнѣ—я её не искала. Даже на моей смертной постели я могла бы присягнуть съ чистой совѣстью, что я её не искала.

«Я пересматривала мои вещи, я занимаюсь такимъ пустымъ и ничтожнымъ дѣломъ какъ... какъ самая пустая и ничтожная женщина на свѣтѣ. Я пересматривала мои платья и бѣлье. Что могло быть невѣнчѣе? И дѣти пересматриваютъ свои платья и своё бѣлье.

«День былъ такой длинный и мнѣ такъ было скучно! Я прежде задалась моими чемоданами. Сначала я пересмотрѣла большой чемоданъ, который обыкновенно я оставляю открытымъ, а потомъ маленький, который у меня всегда запертъ.

«Переходя отъ одной вещи къ другой, я наконецъ дошла до связки писемъ, лежавшей на днѣ, писемъ человѣка, для котораго когда-то я пожертвовала всѣмъ и вытерпѣла всё, человѣка, сдѣлавшаго меня такою, какова я теперь. Разъ сто рѣшалась я съечь эти письма и всё не сжигала. На этотъ разъ я только сказала: «я не стану читать этихъ писемъ» и всё-таки прочла.

«Негодяй, фальшивый, малодушный, бездушный негодяй! на что мнѣ теперь нужны его письма? О, какое несчастье быть

женщиной! О! о! къ какой низости наше воспоминаніе о мушнѣ можетъ насъ довести, когда наша любовь къ нему исчезла и прошла! Я прочла эти письма—я была такъ одинока и такъ несчастна, я прочла эти письма.

«Я дошла до послѣдняго, до того письма, которое онъ написалъ, чтобъ ободрить меня, когда я колебалась, когда страшное время приближалось; письмо, которое оживило меня, когда моя рѣшимость измѣнила мнѣ въ послѣдній часъ. Я читала строчку за строчкой, когда наконецъ дошла до этихъ словъ:

«... Меня выводятъ изъ терпѣнія такія нелѣпости, какія ты написала мнѣ. Ты говоришь, что я заставляю тебя сдѣлать то, чтò выше мужества женщины. Не-уже-ли? Я могу указать тебѣ на любую коллекцію процесовъ англійскихъ и заграничныхъ, чтобъ показать какъ ты ошибаешься. Но можетъ-быть таковыхъ коллекцій у тебя подъ-рукою нѣтъ, и я укажу тебѣ на процессъ, упомянутый въ вчерашней газетѣ. Обстоятельства совсѣмъ не похожи на *наши*, но примѣръ рѣшимости въ женщинѣ стѣбитъ твоего вниманія.

«Ты найдешь между судебными дѣлами замужною женщину, обвиненную въ томъ, что она выдала себя за пропавшую вдову капитана, служившаго на купеческомъ кораблѣ, который утонулъ, какъ предполагали. Имя и фамилія мужа (живого) подсудимой, и имя офицера (очень обыкновенна) случайно были одинаковы. Можно было получить деньги (въ которыхъ очень нуждался мужъ подсудимой, къ которому она была искренно привязана), еслибы этотъ обманъ удался. Женщина всё взяла на себя. Мужъ ея былъ боленъ и его преслѣдовали за долги. Всѣ обстоятельства, какъ ты можешь прочесть сама, были въ ея пользу и она такъ хорошо воспользовалась ими, что сами юристы признавались, что она могла бы имѣть успѣхъ, еслибы предполагаемый утопленникъ не оказался живъ и не поспѣлъ во время, чтобъ уличить её. Эта сцена происходила въ конторѣ стряпчаго и обнаружилась въ показаніяхъ въ судѣ. Женщина была хороша собой, а морякъ былъ человекъ добрый. Онъ сначала хотѣлъ, еслибы судьи позволили ему, освободить её. Онъ сказалъ ей между прочимъ:

«— Вы не рассчитывали, чтобъ утонувшій воротился живой— не такъ ли, сударыня?

«— Это счастье для васъ, что я не рассчитывала отвѣчала она:—вы спаслись отъ моря, но не спаслись бы отъ *меня*.»

«— А что сдѣлали бы вы, еслибы вы знали, что я возвращаюсь? сказалъ морякъ.

«Она посмотрѣла ему прямо въ лицо и отвѣчала:

«— Я убила бы васъ.

«Вотъ какъ вы думаете, такая женщина написала бы мнѣ, что я заставляю её сдѣлать то, что выше мужества женщины? И такая красивая женщина какъ ты! Ты заставила бы нѣкоторыхъ мушинъ въ моёмъ положеніи пожалѣть, что она не на твоёмъ мѣстѣ.»

«Я не читала далѣе. Когда я дошла до этихъ словъ, они блеснули на меня какъ молнія. Въ одно мгновеніе я увидала всё такъ ясно, какъ теперь. Это ужасно! это неслыханно! это превосходить смѣлостью всё смѣлыя предпріятія; но если только я могу укрѣпить себя для того, чтобъ рѣшиться на одну страшную необходимость, это сдѣлается. *Я могу олицетворить богатую вдову Аллена Армэдэля Торн-Эмброскаго, если могу считатьъ на смерть Аллена Армэдэля въ известное время.*

«Вотъ, простыми словами, страшное искушеніе, подъ которымъ я теперь изнемогаю. Это ужасно не въ одномъ отношеніи, потому-что оно явилось изъ того другого искушенія, которому я поддаюсь въ прошлое время.

«Да, вотъ письмо, ожидавшее меня въ чемоданѣ для достиженія цѣли, о которой вовсе не думалъ негодяй, написавшій его. Вотъ процессъ, приведенный въ примѣръ только для того, чтобъ подразнить меня, совершенно непохожій на моё тогдашнее дѣло—вотъ онъ ѣдалъ меня сквозь всё перемѣны моей жизни, пока, наконецъ, сталъ похожъ на моё дѣло.

«Это могло бы испугать всякую женщину, но даже и это не самое худшее. Всё это находилось въ моёмъ дневникѣ много уже дней, а я этого и не знала! Каждая пустая фантазія, вырывавшаяся у меня, стремилась тайно къ этой единственной цѣли, а я не видала и не подозрѣвала этого, пока чтеніе письма не

поставило передо мною моихъ мыслей въ новомъ свѣтѣ, пока я не увидала тѣнь моихъ собственныхъ обстоятельствъ, вдругъ отразившюся на этомъ особенномъ обстоятельствѣ въ процессѣ той другой женщины!

Это сдѣлается, если я только буду въ состояніи рѣшиться на необходимое: это сдѣлается, *если я могу разсчитывать на смерть Аллена Армэдэля въ известное время.*

«Всё легко, кромѣ его смерти. Весь рядъ собтій, отъ которыхъ я слѣпо терпѣла болѣе недѣли, всё до одного — хотя я была такъ глуна, что не видала этого — служили въ мою пользу.

«Тремя смѣлыми шагами — только тремя! — эта цѣль можетъ быть достигнута. Пусть Мидуинтеръ женится на мнѣ секретно подъ своимъ настоящимъ именемъ — первый шагъ! Пусть Армэдэль уѣдетъ изъ Торп-Эмброза холостымъ и умрётъ въ какомъ-нибудь отдалённомъ мѣстѣ между чужими — шагъ второй!

«Ну, зачѣмъ же я колеблюсь? зачѣмъ не перейти къ шагу третьему и послѣднему?

«Я перейду. Шагъ третій и послѣдній — моё появленіе послѣ того, какъ извѣстіе о смерти Армэдэля дойдѣтъ сюда, въ качествѣ его вдовы съ моимъ брачнымъ свидѣтельствомъ въ рукахъ для предьявленія моихъ правъ. Это ясно какъ полуденное солнце. По милости сродства и осторожности, съ какою скрывалось это сродство, я могу быть женою черноволосаго Аллена Армэдэля, неизвѣтно никому, кромѣ моего мужа и себя самой и могу слыть вдовою бѣлокурога Аллена Армэдэля, имѣя доказательствомъ брачное свидѣтельство, которому повѣрятъ самые недовѣрчивые люди на свѣтѣ.

Какъ подумаю, что я всё это написала въ моёмъ дневникѣ! Какъ подумаю, что я представляла себѣ это самое положеніе и ничего болѣе не видѣла въ нёмъ въ то время, какъ причину — еслибы я вышла за Мидуинтера — согласиться бывать въ свѣтѣ подъ чужимъ именемъ, принятымъ моимъ мужемъ!

Что меня страшитъ? — опасеніе препятствій, опасеніе, что это можетъ открыться?

«Гдѣ же препятствія? какъ это можетъ открыться?

«Меня всё здѣсь подозрѣваютъ, что я интригую, чтобъ сдѣ-

латься владѣтельницей торп-эмбровской. Мнѣ одной извѣстно, какое направленіе приняли наклонности Армэдэля. Никто на свѣтѣ, кромѣ меня, не знаетъ еще о его раннихъ утреннихъ свиданіяхъ съ миссъ Мильрой. Если будетъ необходимо различить ихъ, я могу это сдѣлать каждую минуту, написавъ безымянное письмо майору. Если будетъ необходимо удалить Армэдэля изъ Торп-Эмброза, я могу заставить его уѣхать отсюда черезъ три дня. Онъ самъ сказалъ мнѣ, когда я говорила съ нимъ послѣдній разъ, что онъ поѣдетъ на край свѣта, чтобъ помириться съ Мидуинтеромъ, если Мидуинтеръ согласится на это. Мнѣ стѣбитъ только заставить Мидуинтера написать изъ Лондона и просить примиренія, и Мидуинтеръ будетъ мнѣ повиноваться и Армэдэль поѣдетъ въ Лондонъ. Каждое затрудненіе вначалѣ сглаживается подъ моею рукою. Съ каждымъ послѣдующимъ затрудненіемъ я могу справиться сама. Во всемъ этомъ смѣломъ предпріятіи—какъ оно ни кажется отчаянно, если я выдамъ себя за вдову одного человѣка, между тѣмъ, какъ я буду женою другого—нѣтъ рѣшительно никакой необходимости, требующей соображенія, кромѣ одной страшной необходимости: смерти Армэдэля.

«Его смерти! это могла быть ужасная необходимость для всякой другой женщины; но должно ли это быть ужасно для меня?»

«Я ненавижу его ради его матери; я ненавижу его ради его самого. Я ненавижу его за то, что онъ украдкой отъ меня съѣздилъ въ Лондонъ и навелъ справки обо мнѣ. Я ненавижу его за то, что онъ принудилъ меня оставить моѣ мѣсто прежде чѣмъ я этого желала. Я ненавижу его за то, что онъ разстроилъ всѣ мои надежды выйти за него замужъ и опять заставилъ меня вести мою несчастную жизнь. Но послѣ того, что я уже сдѣлала въ прошлое время, какъ я могу? какъ я могу?»

«Дѣвушка, также—та дѣвушка, которая стала между нами, которая отняла его отъ меня, которая открыто оскорбила меня на медни—какъ эта дѣвушка, которая отдала ему своё сердце, почувствуетъ это, если онъ умрётъ! Какъ я отмщу ей, если я это сдѣлаю! А когда я буду принята какъ вдова Армэдэля—какое

торжество для меня! Торжество! это будетъ болѣе чѣмъ торжество, это будетъ спасеніе для меня. Имя, на котораго посягнуть не можетъ никто, скроетъ меня отъ прошлой жизни. Удобства, роскошь, богатство и положеніе въ обществѣ, тысячу-двѣсти фунтовъ вѣрнаго ежегоднаго дохода, обезпеченнаго завѣщаніемъ, которое извѣстно нотаріусу, независимо отъ того, что могъ бы онъ сказать или сдѣлать самъ! я никогда не имѣла тысячу-двѣсти фунтовъ въ годъ. Въ самое счастливое моё время у меня не было и половины этого дохода собственно мнѣ принадлежащаго. Что у меня есть теперь? Осталось всего-на-все пять фунтовъ и надежда на будущей недѣлѣ попасть въ тюрьму за долги.

«Но, о! послѣ того, что я уже сдѣлала въ прошлое время, какъ могу я? какъ могу я?»

«Нѣкоторыя женщины, на моёмъ мѣстѣ и при моихъ воспоминаніяхъ, чувствовали бы иначе; нѣкоторыя женщины сказали бы: «легче во второй, чѣмъ въ первый разъ». Почему я не могу? почему я не могу?»

«О! сатана искушаетъ меня, а не-уже-ли нѣтъ ангела поблизости, который поставилъ бы временное препятствіе между мною и завтрашнимъ днёмъ, препятствіе, которое смогло бы мнѣ отказать отъ этого?»

«Я поддамся этому, поддамся, если стану писать или думать объ этомъ; я оставлю эти листки и пойду опять на воздухъ. Мнѣ необходимо поговорить съ кѣмъ-нибудь о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Я поведу гулять хозяйку и ея дѣтей. Мы пойдёмъ посмотрѣть что-нибудь. Въ городѣ есть какая-то выставка; я поведу ихъ туда. Я не такая уже злая женщина, когда постараюсь; а моя хозяйка была добра ко мнѣ. Умъ мой нѣсколько займётся, когда я увижу, что она и дѣти ея будутъ веселиться.»

«Минуту назадъ я оставила эти листки, какъ сказала, а теперь опять раскрыла ихъ, я сама не знаю почему. Мнѣ кажется мой мозгъ перевернулся. Я чувствую точно будто что то вышло у меня изъ головы; я чувствую, что я должна найти это здѣсь.»

«Я нашла! *Мидуинтеръ!!!* возможно ли, что, думала о причи-

нахъ за и противъ цѣлый часъ, нѣсколько разъ читала имя Мидуинтера, серьёзно намѣревалась выйти за него и ни разу не вспоминала, что даже если устранятся всѣ другія препятствія, то онъ *одинъ*, когда настало время, будетъ непреодолимымъ препятствіемъ на моёмъ пути? Не-уже-ли соображенія о смерти Армэдэля поглотили меня до *такой* степени? Я такъ полагаю. Я не могу другимъ образомъ объяснить такой необыкновенной забывчивости съ моей стороны.

«Не остановиться ли мнѣ и не подумать ли объ этомъ, какъ я подумала обо всёмъ остальномъ? Не спросить ли мнѣ себя: не будетъ ли Мидуинтеръ, когда настанетъ время, такимъ же непреодолимымъ препятствіемъ, каковымъ онъ кажется теперь? Нѣтъ! какая нужда думать объ этомъ? Я рѣшилась преодолѣть искушеніе; я рѣшилась доставить удовольствіе моей хозяйкѣ и ея дѣтямъ; я рѣшилась закрыть мой дневникъ и онъ будетъ закрытъ.

«*Шесть часовъ.* — Болтовня хозяйки нестерпима, дѣти хозяйки надоедаютъ мнѣ. Я оставила ихъ и прибѣжала сюда до отхода почты написать строчку мистриссъ Ольдершѡ.

«Опасеніе поддаться искушенію всё сильнѣе овладѣвало мною. Я рѣшилась преградить себѣ возможность поступить по моей волѣ. Мистриссъ Ольдершѡ послужить для меня спасеніемъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я её знаю. Если я не заплачу ей по роспискѣ, она угрожаетъ посадить меня въ тюрьму. Ну, пусть она арестуетъ меня. Въ томъ расположеніи духа, въ какомъ я нахожусь теперь, самое лучшее что могло бы случиться для меня, это—чтобъ меня увезли изъ Торп-Эмброза волею или неволею. Напишу, что меня можно найти здѣсь, напишу ей прямо, что самую лучшую услугу, какую она можетъ оказать мнѣ, это—запереть меня въ тюрьму!

«*Семь часовъ.* — Письмо отправлено на почту. Я начинала чувствовать нѣкоторое облегченіе, когда дѣти пришли поблагодарить меня за то, что я водила ихъ на выставку. Дѣвочка совсѣмъ разстроила меня; она очень бойка и волосы у нея почти такого цвѣта, какъ у меня. Она сказала:

«— Я буду похожа на васъ, когда вырасту, не правда ли?» Ея глупая мать сказала:

«— Пожалуйста, извините её, миссъ» и, смѣясь, увела её изъ комнаты. Похожа на меня! Я вовсе не люблю этого ребѣнка но думать, что она будетъ похожа на *меня!*

«*Суббота, утро.* — Я хорошо поступила разъ въ жизни, по внутреннему побужденію, написавъ такимъ образомъ къ мистриссъ Ольдершѣ. Единственное случившееся новое обстоятельство оказалось въ мою пользу.

«Маіоръ Мильрой отвѣчалъ на письмо Армэдэля, просившаго позволеніе зайти въ коттеджъ и оправдаться. Дочь прочла это письмо молча, когда Армэдэль подаль ей его на ихъ свиданіи сегодня утромъ въ паркѣ. Но они разговаривали потомъ объ этомъ письмѣ такъ громко, что я слышала. Маіоръ упорно стоитъ на своёмъ. Онъ говоритъ, что его мнѣніе о поведеніи Армэдэля было составлено не по слухамъ, а по собственнымъ письмамъ Армэдэля, и онъ не видитъ причины измѣнять заключеніе, къ которому онъ дошолъ, когда переписка между ними прекратилась.

«Это маленькое обстоятельство, я признаюсь, ускользнуло изъ моей памяти. Оно могло кончиться неприятно для *меня.* Если бы маіоръ Мильрой не такъ упорно держался своего мнѣнія, Армэдэль могъ бы оправдаться; его помолвка съ миссъ Мильрой была бы признана и всякая возможность для меня имѣть вліяніе на это дѣло прекратилась бы. Теперь же они должны скрывать свою помолвку въ строгой тайнѣ, и миссъ Мильрой, не осмѣлившаяся подходить къ большому дому послѣ того, какъ гроза принудила её искать тамъ убѣжища, врядъ ли осмѣлится подойти и теперь. Я могу разлучить ихъ, когда захочу, безымѣннымъ письмомъ къ маіору; я могу разлучить ихъ, когда захочу!

«Послѣ разсужденія о письмѣ, они начали говорить о томъ, что имъ теперь предпринять. Строгость маіора, какъ скоро оказалось, произвела обыкновенный результатъ. Армэдэль заговорилъ опять о побѣгѣ — и на этотъ разъ она слушала его. Её всё принуждаетъ къ этому. Платья ея готовы, а лѣтнія вакаціи въ школѣ, выбранной для нея, кончаются въ концѣ слѣдующей недѣли. Когда я оставила ихъ, они уговорились сойтись опять и рѣшить что-нибудь въ понедѣльникъ.

«Послѣднія слова, сказанныя имъ передъ тѣмъ, какъ я ушла, взволновали меня нѣсколько. Онъ сказалъ:

«— По-крайней-мѣрѣ одно затрудненіе, Нили, не должно тревожить насъ: у меня много денегъ.

«Потомъ онъ подаловалъ её. Возможность лишить его жизни показалась мнѣ легче, когда онъ заговорилъ о деньгахъ и поцаловалъ её.

«Пошло нѣсколько часовъ, и чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе я опасаясь пустого промежутка между тѣмъ временемъ, когда мистриссъ Олдерпѣ обратится къ закону и защититъ меня отъ меня самой. Можетъ быть было бы лучше, еслибъ я осталась дома сегодня. Но какъ я могла? Послѣ оскорбленія, которое она сдѣлала мнѣ вчера, я порывалась взглянуть на неё.

«Сегодня воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ. Меня не могутъ арестовать за долгъ прежде среды. Отъ моихъ жалкихъ пяти фунтовъ осталось только четыре! А онъ сказалъ ей, что у него много денегъ! А она краснѣла и дрожала, когда онъ цаловалъ её! Можетъ быть было бы лучше для него, лучше для нея, лучше для меня, если бы срокъ моего долга кончился вчера и полиція захватила меня сію минуту.

«Что, если бы у меня были средства уѣхать изъ Торп-Эмброза съ слѣдующимъ поѣздомъ, отправиться за границу и занять себя какимъ-нибудь новымъ интересомъ между новыми людьми? Могла ли бы я это дѣлать, скорѣе чѣмъ размышлять о томъ лёгкомъ способѣ лишить его жизни, который проложитъ путь ко всему другому?

«Можетъ быть. Но откуда достану я денегъ? Кажется, дня два тому назадъ, мнѣ приходилъ въ голову способъ достать денегъ? Да, это—низкая идея попросить Армэдэля помочь мнѣ! Хорошо, поступлю низко одинъ разъ, я дамъ ему возможность сдѣлать великодушное употребленіе изъ туго набитаго кошелька, о которомъ онъ размышляетъ съ такимъ утѣшеніемъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Сердце моё смягчилось бы ко всякому чловѣку, который ссудилъ бы меня деньгами въ моей теперешней крайности; и если Армэдэль дастъ мнѣ денегъ, то можетъ быть

моё сердце смягчится и къ нему. Когда я пойду? Сейчас! Я не дамъ себѣ времени почувствовать униженіе этого поступка и перемѣнить моё намѣреніе.

Три часа. — Я отмѣчаю часъ. Онъ самъ рѣшилъ свою участь. Онъ оскорбилъ меня.

«Да! я разъ вынесла это отъ миссъ Мильрой, а теперь вынесла во второй разъ отъ самого Армэдэля. Оскорбленіе — замѣтное, безжалостное, умышленное оскорбленіе днёмъ!

«Я прошла городъ и сдѣлала нѣсколько сотъ шаговъ по дорогѣ, которая ведётъ къ большому дому, когда увидѣла Армэдэля, подходящаго ко мнѣ. Онъ шолъ очень скоро, вѣроятно, зачѣмъ-нибудь въ городъ. Въ ту самую минуту, какъ онъ увидалъ меня, онъ остановился, покраснѣлъ, снялъ шляпу, колебался и повернулъ назадъ въ переулокъ, который, какъ мнѣ извѣстно, приведетъ его къ противоположному направленію отъ того, по которому онъ шолъ, когда увидалъ меня. Его поступокъ говорилъ такъ ясно, какъ слова: «миссъ Мильрой можетъ объ этомъ услышать: я не смѣю подвергнуться риску, чтобъ меня увидала говорящимъ съ вами». Мужчины поступали со мною жестокосердо и говорили мнѣ жестокія вещи, но еще ни одинъ мужчина на свѣтѣ не бѣгалъ отъ меня какъ отъ проказонной, какъ-будто заражавшей самый воздухъ своимъ присутствіемъ!

«Не говорю ничего болѣе. Когда онъ отошолъ отъ меня въ этотъ переулокъ, онъ пошолъ къ своей смерти. Я написала къ Мидуинтеру, чтобъ онъ ожидалъ меня въ Лондонъ на будущей недѣлѣ и всё приготовилъ къ нашему скорому браку.

Четыре часа. — Полчаса назадъ, я надѣла шляпку, чтобъ самой отнести на почту письмо къ Мидуинтеру, а вотъ я еще въ своей комнатѣ, съ душой раздираемой сомнѣніями, а письмо моё лежитъ на столѣ.

«Армэдэль не участвуетъ въ недоумѣніи, теперь раздирающемъ меня. Это Мидуинтеръ заставляетъ меня колебаться. Могу ли я сдѣлать одинъ изъ трѣхъ шаговъ, которые приведутъ меня къ цѣли, безъ моей обыкновенной предосторожности смотрѣть на послѣдствія? Могу ли я выйти за Мидуинтера, не зная заранѣе какъ уничтожить препятствіе имѣть мужа, когда наступитъ вре-

мя, которое превратитъ меня изъ жены живого Армэдэля, въ вдову Армэдэля умершаго.

«Почему я не могу думать объ этомъ, когда я знаю, что я *должна* думать объ этомъ? Почему я не могу такъ твёрдо взглянуть на это, какъ гляжу на всё остальное? Я чувствую его поцалуи на губахъ моихъ; я чувствую его слёзы на груди моей; я чувствую какъ его руки обвиваютъ меня. Онъ далеко отсюда въ Лондонъ, а между тѣмъ онъ здѣсь и не даётъ мнѣ думать объ этомъ!

«Почему не могу я немного подождать? Почему мнѣ не предоставить времени помочь мнѣ? Времени? Сегодня суббота. Какая нужда думать объ этомъ, если я не хочу? Сегодня почта въ Лондонъ нейдѣтъ; я *должна* ждать. Если я отдамъ письмо на почту, оно не пойдѣтъ. Притомъ, я можетъ-быть завтра получу извѣстiе отъ мистриссъ Ольдершд. Я должна подождать отъ нея письма. Я не могу считать себя свободной женщиной, пока не узнаю что намѣрена дѣлать мистриссъ Ольдершд. Необходимо подождать до завтра. Я сниму шляпку и запру письмо въ письменную шкатулку.

«Воскресенье утромъ.»—Нельзя устоять! Обстоятельства одно за другимъ побуждаютъ меня; они толпятся, толпятся и толкаютъ меня всё къ одному.

«Я получила отвѣтъ мистриссъ Ольдершд. Эта негодная тварь ползаетъ передо мною и льститъ мнѣ. Я могу видѣть такъ ясно, какъ бы она призналась мнѣ, что она подозрѣваетъ, что я намѣрена успѣть въ Торп-Эмбросъ безъ ея помощи. Видя, что угрозы со мною бесполезны, она старается теперь мнѣ льстить. Я опять ея возлюбленная Лидiа! Она обижается, какъ я могла вообразить, что она была дѣйствительно намѣрена арестовать своего задушевнаго друга, и умоляетъ меня, какъ милость для нея, возобновить росписку!

«Я говорю еще разъ: ни одно человѣческое существо не могло бы устоять противъ этого. Сколько разъ я старалась избавиться искушенiя и каждый разъ обстоятельства гонять меня! Я не могу бороться долѣе. Почта, отвозящая мои письма сего-

дня вечеромъ отвезётъ и моё письмо къ Мидуинтеру между прочими.

«Сегодня вечеромъ! Если я позволю себѣ ждать до вечера, еще что-нибудь можетъ случиться. Если я позволю себѣ ждать до вечера, я опять могу поколебаться. Мнѣ надоѣло мучиться нерѣшимостью. Я должна и хочу облегчить себя въ настоящемъ, чего бы то ни стоило въ будущемъ. Моё письмо къ Мидуинтеру сведётъ меня съ ума, если дольше останется у меня въ моей шкатулкѣ. Я могу отдать его на почту черезъ десять минутъ— и отдамъ!

«Сдѣлано. Первый изъ трёхъ шаговъ, ведущихъ меня къ цѣли, сдѣланъ. Душа моя стала спокойнѣе, письмо отдано на почту.

«Мидуинтеръ получить его завтра. Прежде конца этой недѣли всѣ должны видѣть какъ Армэдэль оставить Торп-Эмбросъ, и всѣ должны видѣть, что я оставляю Торп-Эмбросъ вмѣстѣ съ нимъ.

«Взглянула ли я на послѣдствія моего брака съ Мидуинтеромъ? Нѣтъ! Знаю ли я какъ уничтожить препятствіе, которое я встрѣчу въ моёмъ мужѣ, когда наступитъ время, которое превратитъ меня изъ жены живого Армэдэля въ вдову Армэдэля умершаго?

«Нѣтъ! когда наступитъ время, я должна уничтожить это препятствіе какъ могу. Стало-быть я слѣпо рѣшаюсь — относительно Мидуинтера—на этотъ страшный рискъ? Да, слѣпо. Не лишилась ли я разсудка? Весьма вѣроятно, Или я такъ люблю его, что не рѣшаюсь прямо взглянуть на это? Вѣроятно. Кому до этого нужна?

«Я не хочу, не хочу, не хочу думать объ этомъ! Развѣ у меня нѣтъ собственной воли? и не-уже-ли я не могу, если хочу, думать о чомъ-нибудь другомъ?

«Вотъ раболѣнное письмо матушки Іезавели. Есть о чомъ думать о другомъ. Я буду отвѣчать на это письмо. Я расположена написать матушкѣ Іезавели.

Конецъ письма миссъ Гуилтъ къ мистриссъ Олдерридъ.

«... Я сказала вамъ, когда прервала моё письмо, что я подо-

жду, прежде чѣмъ кончу, и спрошу мой дневникъ: могу ли я безопасно сказать вамъ что я теперь собираюсь сдѣлать? Ну, я спрашивала и мой дневникъ отвѣтилъ: «не говорите ей!» При такихъ обстоятельствахъ я кончаю моё письмо—съ низайшими извиненіями, что оставляю васъ во мракѣ.

«А, вѣроятно, скоро буду въ Лондонѣ — и могу сказать вамъ словесно, что считаю не безопаснымъ написать. Помните: я не даю обѣщанія! Всё будетъ зависѣть оттого, какъ я буду расположена къ вамъ въ то время. Я не сомнѣваюсь въ вашей скромности, но (при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ) я не такъ увѣрена въ вашемъ мужествѣ.

«Л. Г.»

«— Весьма вамъ благодарна за позволеніе возобновить россписку. Я отказываюсь воспользоваться вашимъ предложеніемъ. Деньги будутъ готовы, когда надо будетъ ихъ платить. У меня теперь есть другъ въ Лондонѣ, который заплатитъ, когда я попрошу его. Желаете вы знать, кто этотъ другъ? Вы будете желать знать еще кое-что, мистриссъ Олдерщѣ, прежде чѣмъ нѣсколько дней пронесутся надъ вашей головой и моей.»

ГЛАВА XI.

ЛЮБОВЬ И ЗАКОНЪ.

Утромъ въ понедѣльникъ двадцать-восьмого іюля миссъ Гуильтъ, опять подсматривавшая за Алэнномъ и Нили, дошла до своего обыкновеннаго обсерваціоннаго поста въ паркѣ своимъ обыкновеннымъ оловяннымъ пугѣмъ.

Она нѣсколько удивилась, найдя Нили одну на мѣстѣ свиданія. она еще серьезнѣе удивилась, когда опоздавшій Алэнъ явился черезъ десять минутъ съ большой книгой подъ мышкой и сказалъ

въ извиненіе, что онъ опоздалъ, потому что онъ всё отыскивалъ книги и нашолъ только одну, которая повидимому могла вознаграждать хоть сколько-нибудь Нили и его самого за трудъ пересматривать её.

Еслибы миссъ Гуильтъ подождала еще въ паркѣ въ прошлую субботу и услышала прощальныя слова любовниковъ, она безъ труда поняла бы столько же, какъ и Нили, тайну книги, присеянной Алленомъ, и извиненіе его въ томъ, что онъ опоздалъ.

Въ жизни есть одинъ исключительный случай — бракъ, когда даже самыя молоденькія дѣвушки становятся способными (болѣе или менѣе истерически) взглянуть на послѣдствія. Въ прощальную минуту субботняго свиданія воображеніе Нили вдругъ устремилось къ будущему и она совершенно смутила Аллена, спросивъ, наказывается ли закономъ побѣгъ? Память напомнила ей, что она читала гдѣ-то, когда-то, въ какой-то книгѣ (вѣроятно, въ романѣ) о побѣгѣ съ ужаснымъ концомъ: невѣсту притащили домой въ истерикѣ, а жениха приговорили томиться въ тюрьмѣ и обстригли всё его прекрасные волосы по приговору парламента. Положимъ, что она могла бы согласиться на побѣгъ—на что она положительно отказывалась дать обѣщаніе—она должна прежде узнать, не надо ли опасаться, что, кромѣ пастора и пономаря, полиція вмѣшается въ ея замужство. Алленъ, какъ мущина, долженъ знать, и къ Аллену она обратилась за свѣдѣніями съ этимъ предварительнымъ увѣреніемъ, что она въ тысячу разъ скорѣе умрѣтъ отъ разбитаго сердца, чѣмъ послужить невиннымъ средствомъ къ тому, что онъ будетъ томиться въ тюрьмѣ и что обрѣжутъ его волосы по приговору парламента.

— Надъ этимъ нечего смѣяться, рѣшительно сказала Нили въ заключеніе:—я отказываюсь даже думать о нашемъ бракѣ, пока не успокоюсь насчетъ закона.

— Но я ничего не знаю о законѣ, даже столько, сколько знаете вы, сказалъ Алленъ.—Къ чорту законъ! Мнѣ всё-равно, если волосы мои будутъ обстрижены. Рискнемъ на это!

— Рискнуть? съ негодованіемъ повторила Нили. — Развѣ вы не имѣете уваженія ко *мнѣ*? Я не хочу рисковать! Гдѣ есть во-

ля, тамъ есть и возможность. Вы должны сами справиться съ закономъ.

— Отъ всего моего сердца, сказала Аллэнъ.—Какъ?

— Разумѣется, изъ книгъ. Въ вашей огромной библіотекѣ въ большомъ домѣ должно быть множество свѣдѣній. Если вы истинно любите меня, вы не откажетесь пересмотрѣть заглавіе нѣсколькихъ тысячъ книгъ для меня.

— Я пересмотрю заглавіе десяти тысячъ! съ жаромъ закричала Аллэнъ.—Скажите мнѣ, что я долженъ пересмотрѣть?

— Законы, разумѣется! Когда вы увидите «Законъ» въ заглавіи, раскройте эту книгу и отыщите «Бракъ»—прочтите каждое слово, а потомъ придите и объясните мнѣ. Что? вы думаете, что на вашу голову нельзя положиться въ такой простой вещи, какъ эта?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала Аллэнъ.—Не можете ли вы помочь мнѣ?

— Разумѣется, могу, если вы не можете справиться безъ меня. Законы, можетъ быть, трудны, но они не могутъ быть труднѣе музыки, а я должна и хочу узнать всё. Привезите мнѣ всѣ книги, какія можете найти, въ понедѣльникъ утромъ въ тачкѣ, если ихъ будетъ много и если вы не можете устроить иначе.

Результатомъ разговора было появленіе Аллена въ паркѣ съ томомъ «Комментарій» Блэкстона подъ рукою, въ роковое утро понедѣльника, когда письменное согласіе миссъ Гуильтъ на бракъ было отдано Мидуинтеру. Тутъ опять, какъ во всѣхъ другихъ примѣрахъ съ людьми, великое разногласіе элементовъ смѣшного и ужаснаго были столкнуты вмѣстѣ тѣмъ тонкимъ закономъ контраста, который составляетъ одинъ изъ законовъ человеческой жизни. Среди всѣхъ сгущающихся complicationъ, нависшихъ надъ ихъ головами—съ тѣнью замышляемаго убійства, прокрадывавшагося уже къ одному изъ нихъ, изъ тайнаго убѣжища, скрывавшаго миссъ Гуильтъ—они оба сидѣли, не сознавая будущаго, съ книгой между ними, и принялись изучать законъ о бракѣ съ серьезной рѣшимостью понять, которая въ двухъ такихъ молодыхъ людяхъ была чрезвычайно смѣшна сама-по-себѣ.

— Найдите это мѣсто, сказала Нили, какъ только они удобно усѣлись.—Мы должны раздѣлить трудъ. Вы будете читать, а я записывать.

Она вынула небольшую записную книжку и карандашъ и раскрыла её посрединѣ, тамъ, гдѣ была пустая страница съ правой и лѣвой стороны. На верху правой страницы она написала слова: *Хорошее*, на верху лѣвой страницы—*Дурное*.

— «Хорошее» значить, когда законъ будетъ на нашей сторонѣ, объяснила она: а «Дурное»—когда законъ противъ насъ. Мы будемъ писать хорошее и дурное напротивъ одно другого на обѣихъ страницахъ, а когда дойдёмъ до конца, подведёмъ итогъ и будемъ дѣйствовать соображаясь съ нимъ. Говорятъ, что дѣвушки не понимаютъ дѣлъ. Не-уже-ли не понимаютъ? Не смотрите на меня, смотрите на книгу и начинайте.

— Не хотите ли вы поцаловать меня прежде? спросилъ Аллэнъ.

— Очень не хочу. Въ нашемъ серьёзномъ положеніи, когда мы оба должны изощрить намъ умъ, я удивляюсь, какъ вы можете желать чего-нибудь подобнаго!

— Я желаю для того, сказалъ безсовѣстный Аллэнъ: — что я чувствую, это прояснить мнѣ мысли.

— О! если это прояснить вамъ мысли, это другое дѣло. Я, разумѣется, должна прояснить ваши мысли чего бы мнѣ это ни стоило. Только будьте осторожны съ Блэкстономъ, шепнула она кокетливо:—а то вы смѣшаете страницу.

Въ разговорѣ настала пауза. Блэкстонъ и записная книга вмѣстѣ скатились на землю.

— Если это опять случится, сказала Нили, поднимая записную книгу, между тѣмъ какъ ея глаза и щоки сіяли: — я буду сидѣть къ вамъ спиной во всё время. Будете вы продолжать?

Аллэнъ нашолъ страницу во второй разъ и, очертя голову, погрузился въ бездонную бездну англійскихъ законовъ.

— Страница двѣсти-восьмая, началъ онъ:—«Законъ о мужѣ и женѣ». Вотъ этого я не понимаю: «надо замѣтить вообще, что законъ смотритъ на бракъ какъ на контрактъ». Что это значить? Я думалъ, что контрактъ, это—бумага, которую подписываютъ

подрядчики, когда обѣщаютъ вывести рабочихъ въ условленное время; а когда это время наступаетъ (какъ говорила моя бѣдная матушка), рабочіе никогда не уходятъ.

— О любви нѣтъ ничего? спросила Нили. — Посмотрите нѣсколько ниже.

— Ни слова. Онъ всё время твердитъ о своёмъ проклятомъ контрактѣ.

— Экій злодѣй! Перейдѣмъ къ чему-нибудь другому, болѣе къ намъ подходящему.

— Вотъ это больше къ намъ подходитъ: «Неспособности». «Если соединяются люди юридически неспособные, это—блудный, а не супружескій союзъ». Блэкстонъ любитъ длинные слова—не правда ли? Желалъ бы я знать, что онъ подразумѣваетъ подъ словомъ «блудный?» «Первая изъ этихъ юридическихъ неспособностей прежній бракъ, и имѣя въ живыхъ другого мужа или другую жену...

— Пойдите! перебила Нили:—я должна это записать.

Она серьёзно сдѣлала первую запись на страницѣ озаглавленной: «хорошее»:

«Я не имѣю мужа, а Алленъ не имѣетъ жены, мы оба не женаты въ настоящее время.

— Пока всё хорошо; замѣтилъ Алленъ, смотря черезъ ея плечо.

— Продолжайте, сказала Нили.—Что далѣе?

— «Слѣдующая неспособность, продолжалъ Алленъ: — несовершеннѣйшее. Лѣта потребныя для супружества, четырнадцать въ мужинѣ и двѣнадцать въ женщинѣ.» Блэкстонъ начинаетъ довольно рано; по крайней мѣрѣ! весело вскричалъ Алленъ.

Нили была слишкомъ занята дѣломъ, чтобъ сдѣлать замѣчаніе съ своей стороны. Она записала опять на страницѣ «хорошей»:

«Я въ такихъ лѣтахъ; что согласиться могу и Алленъ тоже».

— Продолжайте! сказала она, смотря черезъ плечо чтеца:—Бросимъ эти разсужденія Блэкстона о томъ, какъ мужъ въ надлежащихъ лѣтахъ, а жена моложе двѣнадцати. Гнусный человѣкъ! жена моложе двѣнадцати! Перейдите къ третьей неспособности, если она есть.

«— Третья неспособность, продолжалъ Аллэнъ: — неимѣніе разсудка.

Нили немедленно сдѣлала третью запись на сторонѣ «хорошей»:

«Аллэнъ и я въ полномъ разсудкѣ.»

— Перейдите къ другой страницѣ.

Аллэнъ перешолъ.

— «Четвёртая неспособность относится къ близости родства. Четвёртая запись немедленно явилась на хорошей сторонѣ записной книжки:

«Онъ любить меня, а я люблю его и мы вовсе не родня другъ другу.

— Есть еще что-нибудь? спросила Нили, нетерпѣливо стуча по своему подбородку кончикомъ карандаша.

— Много еще, отвѣчалъ Аллэнъ:—и всё гіероглифами. Посмотрите: «Marriage Acts, 4 geo. id. с. 76. and 6 and 7 Will. id. с. 85 с. (q)». Тутъ вѣрно разсудокъ Блэкстона немного помутился. Не посмотрѣтъ ли намъ далѣе, не образумился ли онъ на слѣдующей страницѣ?

— Подождите немножко, сказала Нили: — что это я вижу въ серединѣ?

Она читала съ минуту молча, черезъ плечо Аллена, а потомъ вдругъ съ отчаяніемъ всплеснула руками.

— Я знала, что я была права! воскликнула она. — О, Боже! вотъ это здѣсь!

— Гдѣ? спросилъ Аллэнъ:—я ничего не вижу о томъ, чтобы томиться въ тюрьмѣ и обстригать волосы, развѣ только это подразумѣвается въ гіероглифахъ. 4 geo. id. значить «посадить его въ тюрьму» а с. 85. (q) послать за цырюльникомъ.

— Пожалуйста, будьте серьезнѣе, увѣщевала Нили.—Мы оба сидимъ на вулканѣ. Вотъ, сказала она, указывая на одно мѣсто:—прочтите! Вотъ *это* можетъ быть образумить васъ на счетъ нашего положенія.

Аллэнъ проважлялся, а Нили держала карандашъ наготовѣ на неприятной сторонѣ записи, то-есть, на страницѣ озаглавленной «Дурное.»

— «И такъ какъ цѣль нашего закона, началъ Аллэнъ:—предупреждать браки людей моложе двадцати-одного года безъ согласія родителей или опекуновъ...»

Нили сдѣлала первую запись на сторонѣ «Дурной»:

«Мнѣ только семнадцать лѣтъ и обстоятельства запрещаютъ мнѣ признаться папѣ въ моей привязанности.»

— «...Постановлено, что въ случаѣ оглашенія въ церкви брака лица моложе двадцати-одного года, которое не вдовець и не вдова, считающіеся эманципированными...»

Нили еще записала на «дурной» сторонѣ:

«Аллэнъ не вдовець, а я не вдова, слѣдовательно никто изъ насъ не эманципированъ.»

— «...Если отецъ или опекунъ, открыто изъясняетъ своё несогласіе въ то время, какъ оглашаютъ въ церкви...»

— Папѣ непремѣнно это сдѣлаетъ...

— «...Такія оглашенія считаются недѣйствительными». Я здѣсь переведу духъ, если вы позволите, сказалъ Аллэнъ.—Блэстонъ могъ бы написать болѣе короткими фразами, если уже не могъ совсѣмъ покороче. Развеселитесь, Нили: должны быть какіе-нибудь другіе способы вѣнчанья, кромѣ этого окольнаго пути, который кончается оглашеніемъ и недѣйствительностью. Адская тарабарщина! Я самъ могъ бы написать глаже.

— Мы еще не дошли до конца, сказала Нили:—Недѣйствительность ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что будетъ.

— Что бы это ни было, возразилъ Аллэнъ:—мы поступимъ съ этимъ какъ съ лекарствомъ: примемъ за разъ и покончимъ.

Онъ продолжалъ читать:

— «А позволеніе обвиняться безъ оглашенія не будетъ дано, если одинъ изъ вѣнчающихся не присягнётъ, что нѣтъ никакой помѣхи насчетъ родства...» Ну, въ этомъ я могу присягнуть съ чистой совѣстью! Что дальше? «Одна изъ вѣнчающихся сторонъ должна въ продолженіе двухъ недѣль, непосредственно предшествующихъ этому позволенію, жить въ своемъ обыкновенномъ мѣстѣ жительства, въ томъ приходѣ, гдѣ должно происходить вѣнчаніе». Я съ величайшимъ удовольствіемъ проживу двѣ недѣли въ собачьей конурѣ. Всё это, Нили, очень просто.

Вы зачѣмъ качаете головой? продолжать—и я увижу? О! очень хорошо, я буду продолжать. Вотъ мы становились здѣсь: «А когда одна изъ сказанныхъ сторонъ не будучи ни вдовою, ни вдовцомъ, будетъ моложе двадцати-одного года, должно прежде присягнуть, что согласіе лица или лицъ, согласіе которыхъ требуется, было получено, или что нѣтъ такого лица, которое имѣетъ право давать согласіе. Согласіе требуемое есть согласіе...

При этихъ послѣднихъ грозныхъ словахъ Аллэнъ вдругъ остановился...

— Согласіе отца, повторилъ онъ со всей надлежащей серьезностью въ лицѣ и въ обращеніи: — въ этомъ я присягнуть не могу!

Нили отвѣчала выразительнымъ молчаніемъ. Она подала ему записную книжку съ окончательной записью на сторонѣ «Дурной» въ такихъ выраженіяхъ:

«Нашъ бракъ невозможенъ, или Аллэнъ долженъ совершить клятвопреступленіе...

Любовники посмотрѣли другъ на друга черезъ непреодолимое препятствіе Блэкстона въ безмолвномъ смущеніи.

— Загройте книгу съ безропотной покорностью сказала Нили.—Я не сомнѣвалась, что мы найдѣмъ и полицію и тюрьму и стрижку волосъ—всѣ наказанія за клятвопреступленіе, именно какъ я! говорила вамъ, если посмотримъ на слѣдующую страницу. Но намъ нечего смотрѣть: мы уже довольно нашли. Всѣ кончено для насъ. Я должна въ субботу отправляться въ школу, а вы должны забыть меня такъ скоро, какъ только для васъ возможно. Можетъ быть мы встрѣтимся съ вами послѣ и вы будете вдовцомъ, а я вдовой и жестокой законъ будетъ считать насъ эманципированными, когда для насъ не будетъ въ этомъ никакой пользы. Въ то время я навѣрно буду стара и дурна и вы навѣрно перестанете любить меня и всё кончится могилой, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Прощайте, заключила Нили, вставая печально и со слезами на глазахъ.—Оставаться здѣсь значить только продолжать наше несчастье, если только вы не имѣете предложить мнѣ чего-нибудь другого.

— Я имѣю предложить кое-что, вскричалъ легкомысленный

Аллэнъ:—это совершенно новая идея. Не хотите ли попробовать кузнеца въ Гретна Гринѣ (*)?

— Никакія причины на свѣтѣ, съ негодованіемъ отвѣчала Нили:—не заставляйте меня вѣнчаться у кузнеца!

— Не обижайтесь, умоляя Аллэнъ:—я придумываю къ лучшему. Множество людей въ нашемъ положеніи обращались къ кузнецу и нашли его не хуже пастора, да еще и любезнымъ человѣкомъ въ придачу. Всѣ-равно! Мы должны попробовать новую стрѣлу у нашего лука.

— У насъ нечего пробовать, возразила Нили.

— Повѣрьте моему слову, настаивалъ Аллэнъ:—должны быть способы обойти Блэкстона, безъ влятвопреступленія, если бы только мы ихъ знали. Это дѣло юридическое и мы должны посоветоваться съ какимъ-нибудь юристомъ. Конечно, это рискъ; но кто ничѣмъ не рискуетъ, тотъ ничего не получитъ. Чтò вы скажете о молодомъ Педгифтѣ? Онъ прекрасный человѣкъ. Я увѣренъ, что ему мы можемъ довѣрить нашу тайну.

— Ни за чтò на свѣтѣ! воскликнула Нили.—Вы-то готовы повѣрить ваши тайны этому противному и пошлòму человѣку, а я не хочу повѣрять ему моихъ. Я ненавижу его. Нѣтъ! продолжала она, вспыхнувъ и сердито топнувъ ногою по травѣ:—я положительно запрещаю вамъ повѣрять эту тайну кому бы то ни было въ Торп-Эмбросѣ: они тотчасъ стануть подозрѣвать меня и это тотчасъ разнесется по всему городу. Пусть моя привязанность будетъ несчастна, замѣтила Нили, поднося платокъ къ глазамъ:—пусть папа прекратитъ её въ самомъ дѣлѣ, но я не хочу, чтобы её оскорбляли городскія сплѣтни!

— Полно, полно! сказалъ Алиэнъ:—я ни слова не скажу въ Торп-Эмбразѣ, право не скажу!

Онъ остановился и подумалъ.

— Есть еще способъ! вскричалъ онъ, просіявъ въ одно мгновеніе:—передъ нами еще цѣлая недѣля; я вамъ скажу чтò я сдѣлаю: я поѣду въ Лондонъ...

(*) Влюбленные, вѣнчающіеся безъ вѣдома родителей, обращаются въ Гретна-Гринъ къ кузнецу, который вѣнчаетъ по обрядамъ англиканской церкви, и этотъ бракъ считается дѣйствительнымъ.

Раздался внезапный шелестъ—который не слышали ни тотъ ни другая—между дсревьями, за которыми пряталась миссъ Гуильтъ. Одно затрудненіе (затрудненіе отозвать Аллена въ Лондонъ) теперь обѣщало быть устраненнымъ по собственной волѣ Аллена.

— Въ Лондонъ? повторила Нили, съ удивленіемъ поднявъ глаза.

— Въ Лондонъ, продолжалъ Алленъ:—это кажется довольно далеко отъ Торп-Эмброза? Подождите и не забывайте, что дѣло идётъ о законѣ. Очень хорошо; я знаю въ Лондонѣ нота-ріусовъ, которые устроили для меня дѣло, когда я вступилъ во владѣніе этимъ имѣніемъ; вамъ съ ними надо посоветоваться. А если они не захотятъ вмѣшаться въ это дѣло, то ихъ главный клэркъ, одинъ изъ лучшихъ людей, какихъ только случалось мнѣ встрѣчать. Я помню, что я просилъ его кататься со мною на яхтѣ; и хотя онъ ѣхать не могъ, но сказалъ, что онъ все-таки благодаренъ за мое приглашеніе. Вотъ этотъ человекъ поможетъ мнѣ. Блэкстонъ младенецъ въ сравненіи съ нимъ. Не говорите, что это нелѣпо, не говорите, что это похоже на *меня*. Пожалуйста, выслушайте меня! Я ни слова не упомяну ни о васъ, ни о вашемъ отцѣ; я опишу васъ «молодой дѣвушкой, къ которой я искренно привязанъ». А если пріятель мой, клэркъ, спроситъ меня, гдѣ вы живёте, я скажу на сѣверѣ Шотландіи, или на западѣ Ирландіи, или гдѣ вы захотите. Пріятель мой, клэркъ, никого не знаетъ въ Торп-Эмброзѣ—это уже рекомендація)—и въ пять минутъ научитъ меня чтò дѣлать—а это другая рекомендація. Если бы вы знали его! Онъ одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые являются разъ или два въ столѣтіе — такой человекъ, который не допуститъ васъ сдѣлать ошибку если вы постараетесь. Я долженъ сказать ему только (вкратцѣ): «Любезный другъ, я хочу жениться секретно, безъ влятвопреступленія», а онъ долженъ сказать мнѣ только (вкратцѣ): «Вы должны сдѣлать то и то, а должны избѣгать того и того». Мнѣ ничего другого не слѣдуетъ дѣлать, какъ только слѣдовать его инструкціямъ, а вамъ ничего другого не слѣдуетъ дѣлать,

кромѣ того, что всегда дѣлаетъ невѣста, когда женихъ готовъ и-
дѣтъ!

Рука его обвилась вокругъ стана Нили, а губы указали мо-
раль послѣдней фразы съ тѣмъ молчаливымъ краснорѣчіемъ,
которое всегда такъ удачно убѣждаетъ женщину противъ ея
воли. Всѣ замышляемыя возраженія Нили перешли въ одинъ
слабый вопросъ:

— Положимъ, что я отпущу васъ, Аллэнъ? шепнула она, тре-
вожно играя пуговицей на его манишкѣ: — вы долго будете въ
отсутствіи?

— Я уѣду сегодня, сказала Аллэнъ: — съ одиннадцатичасо-
вымъ поѣздомъ и ворочусь завтра, если я съ моимъ пріятелемъ,
клеркомъ, могу рѣшить всё за одинъ разъ; а если нѣтъ, то въ
среду, ужь никакъ не позже.

— Вы будете писать ко мнѣ каждый день? упрасивала Нили,
прижимаясь къ Аллэну еще ближе. — Я изнемогу отъ недоумѣ-
нія, если вы не обѣщаете писать ко мнѣ каждый день.

Аллэнъ обѣщаль писать два раза въ день, если она захотѣ-
ла писанье писемъ, стоющее столькихъ усилій другимъ мужчинамъ,
не было усиліемъ для него.

— И помните, что ни сказали бы вамъ эти люди въ Лондонѣ,
продолжала Нили: — я настаиваю, чтобы вы воротились ко мнѣ.
Я положительно отказываюсь бѣжать, если вы не пріѣдете за
мною.

Аллэнъ обѣщаль во второй разъ своимъ честнымъ словомъ
и во весь голосъ. Но Нили даже и тогда не осталась довольна;
она непремѣнно хотѣла знать, точно ли Аллэнъ увѣренъ, что
онъ любитъ её. Аллэнъ призваль небо въ свидѣтели своей увѣ-
ренности: и тотчасъ получилъ другой вопросъ за свои труды:
могъ ли онъ торжественно объявить, что онъ никогда не пожа-
лѣеть, что увѣзъ Нили изъ дома? Аллэнъ опять призваль небо
въ свидѣтели громче прежняго. Всѣ бесполезно! алчный аппе-
титъ женщины къ нѣжнымъ увѣреніямъ жадалъ еще большаго.

— Я знаю, что скоро случится, настаивала Нили: — вы уви-
дите какую-нибудь другую дѣвушку красивѣе меня и захотите
жениться на ней, а не на мнѣ!

Когда Аллэнъ раскрывалъ губы для окончательнаго увѣренія, бой часовъ въ большомъ домѣ слабо раздался вдали. Нили вскочила. Это былъ часъ утренняго чая въ коттэджѣ — другими словами: настала пора разстаться. Въ послѣднюю минуту сердце Нили устремилось къ отцу, а голова опустилась на грудь Аллэна, когда она говорила ему: «прощайте.»

— Папа всегда былъ добръ ко мнѣ, Аллэнъ, прошептала она, тревожно удерживая его, когда онъ хотѣлъ уйти: — мнѣ кажется такъ нехорошо и жестоко убѣжать отъ него и обвиняться втайнѣ. О! подумайте прежде чѣмъ вы поѣдете въ Лондонъ, не возможно ли сдѣлать его добрѣе и справедливѣе къ вамъ?

Вопросъ былъ бесполезенъ: рѣшительно неблагоприятный пріёмъ маіоромъ аллэнова письма пришолъ на память Нили и далъ ей отвѣтъ въ то время, какъ она произносила эти слова. Съ дѣвическимъ порывомъ она оттолкнула Аллэна прежде чѣмъ онъ успѣлъ заговорить, и нетерпѣливо сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ ушолъ. Столкновение противорѣчащихъ волненій, которыя она сдерживала до-сихъ-поръ, вырвалось наружу противъ ея воли послѣ того, какъ она махнула Аллэну рукою въ послѣдній разъ и онъ исчезъ въ чащѣ деревьевъ. Когда Нили, съ своей стороны, отправилась въ путь, ея долго сдерживаемыя слезы потекли обильно наконецъ и сдѣлали уединенную прогулку обратно къ коттэджу самой печальной перспективой какую Нили не видала уже давно.

Когда она торопилась домой, листья раздвинулись позади нея и миссъ Гуильтъ тихо вышла на открытое пространство. Она стояла тутъ съ торжествомъ, высокая, прекрасная и рѣшительная; ея прелестный румянецъ сгустился, когда она смотрѣла на удаляющуюся фигуру Нили лёгкими шагами торопливо уходящую по травѣ.

— Плачь, дура! сказала она своимъ спокойнымъ и звучнымъ голосомъ и съ презрительной улыбкой: — плачь, какъ ты еще не плакала до-сихъ-поръ! Ты въ послѣдній разъ видѣла своего возлюбленнаго.

Глава XII.

СКАНДАЛЪ НА СТАНЦІИ.

Часомъ позже хозяйка миссъ Гуильтъ была внѣ себя отъ изумленія, а болтливые языки дѣтей неукротимо возмущались. «Непредвидѣнные обстоятельства» вдругъ принудили жилищу перваго этажа отказаться отъ квартиры и ѣхать въ Лондонъ въ этотъ день съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ.

— Пожалуйста распорядитесь, чтобъ въ половинѣ одиннадцатаго была здѣсь карета, сказала миссъ Гуильтъ своей изумленной хозяйкѣ.—И извините меня, моя добрѣйшая, если я попрошу не мѣшать мнѣ до-тѣхъ-поръ, пока пріѣдетъ карета.

Она заперлась въ своей комнатѣ и отперла письменную шкатулку.

— Какъ мнѣ написать письмо къ маіору? сказала она.

Минутное соображеніе, повидимому, заставило еѣ рѣшиться. Она выбрала самое худшее перо и написала число на запачканномъ листѣ бумаги, кривыми, неуклюжими буквами, кончившимися чернильнымъ пятномъ, сдѣланнымъ нарочно. Остановливаясь иногда подумать немножко, она написала письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Милостивѣйшій государь, совѣсть побуждаетъ меня сказать вамъ то что, мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ узнать. Вамъ слѣдуетъ узнать о поступкахъ миссъ, вашей дочери, съ молодымъ мистеромъ Армэдэлемъ. Я желала бы и даже совѣтую вамъ удостовѣриться поскорѣе, туда ли она ходитъ, куда вы желаете, чтобъ ходила она, когда отправляется гулять по утрамъ передъ завтракомъ. Я не мѣшала бы, еслибъ съ обѣихъ сторонъ была истинная любовь; но я не думаю, чтобъ молодой человекъ имѣлъ

искреннее намѣреніе жениться на миссъ; я хочу сказать, что миссъ такъ только ему приглянулась. Другая особа, которой имя не будетъ упомянуто между нами, владѣть его сердцемъ. Пожалуйста извините, что я не подписываю своего имени. Я особа ничтожная и это можетъ навлечь на меня неприятности. Вотъ всё пока, сэръ, отъ

Доброежелательной вамъ особы.

— Еслибы я была записная сочинительница романовъ, сказала миссъ Гуильтъ, складывая письмо:—я и тогда не могла бы написать естественнѣе отъ имени служанки.

Она написала адресъ маіора Мильроя, съ восторгомъ посмотрѣла въ послѣдній разъ на грубый и неуклюжій почеркъ, написанный ея нѣжною рукою, и встала сама отнести письмо на почту, прежде чѣмъ приступила къ серьезному дѣлу — укладывать свои вещи.

«Странно! думала она, когда письмо было отдано на почту и она воротилась приготовляться къ отъѣзду въ своей комнатѣ: «я отправляюсь на страшный рискъ, и никогда не находилась въ лучшемъ расположеніи духа.»

Чемоданы были готовы, когда пріѣхала карета и миссъ Гуильтъ облеклась (къ лицу, по обыкновенію) въ свой дорожный костюмъ. Толстый воаль, который она привыкла носить въ Лондонѣ, появился въ первый разъ на ея сельской соломенной шляпкѣ.

— На желѣзной дорогѣ иногда встрѣчаешь такихъ грубыхъ мушницъ, сказала она хозяйкѣ:—и хотя я скромно одѣваюсь, мои волосы такъ замѣтны.

Она была нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, но никогда не казалась такъ кротка и привлекательна, такъ любезно дружелюбна, какъ въ минуту отъѣзда. Простодушные хозяева дома расстрогались, прощаясь съ нею; она непремѣнно хотѣла пожать руку хозяину, говорила съ нимъ самымъ милымъ тономъ и улыбалась самою любезною улыбкою.

— Вы были такъ добры ко мнѣ, вы обращались со мною какъ родная мать, сказала она хозяйкѣ:—и вы непремѣнно должны поцаловать меня на прощанье.

Она расцаловала дѣтей съ смѣсью юмора и нѣжности, на что восхитительно было смотрѣть, и подарила имъ шиллингъ на кэбъ.

— Еслибы я была такъ богата, что вмѣсто шиллинга могла дать соверень, шепнула она матери: — какъ была бы я рада!

Неуклюжій мальчикъ, бывшій на побѣгушкахъ, стоялъ у двери кареты; онъ былъ безобразень, курносъ, съ огромнымъ ртомъ, но женская страсть очаровывать всѣхъ захватила и его, за немѣнѣемъ лучшаго.

— Милый, грязненькій Джонъ, сказала она ласково у двери кареты:—я такъ бѣдна, что могу дать тебѣ только пять пенсовъ и пожелать всего лучшаго. Послушайся моего совѣта, Джонъ: вырости красавцемъ и найди себѣ миленькую невѣсту. Спасибо тебѣ тысячу разъ!

Она дружески потрепала его по щекѣ двумя пальцами, обтнутыми перчаткой, улыбнулась, кивнула головой и сѣла въ карету.

— Теперь за Армэдэля! сказала она себѣ, когда карета отѣхала.

Опасеніе Аллена не опоздать къ поѣзду привело его на станцію ранѣе обыкновеннаго. Взявъ билетъ и отдавъ чемоданъ носильщику, онъ сталъ ходить по платформѣ и думать о Нили, когда услышалъ шелестъ дамскаго платья позади себя и, обернувшись, очутился лицомъ къ лицу съ миссъ Гуильтъ.

На этотъ разъ убѣжать было нельзя. По правую руку Аллена была стѣна, по лѣвую рельсы, позади тѣннель, а впереди миссъ Гуильтъ, спрашивавшая самымъ кроткимъ голосомъ не въ Лондонѣ ли ѣдетъ мистеръ Армэдэль. Алленъ вспыхнулъ отъ досады и удивленія. Онъ, по всему видимому, ждалъ поѣзда, чемоданъ его стоялъ по близости, а на чемоданѣ приклеенъ билетъ: «Въ Лондонъ». Какой отвѣтъ, кромѣ правды, могъ онъ дать послѣ этого? Могъ ли онъ позволить поѣзду уѣхать безъ него и потерять драгоценные часы, столь важные для Нили и для него? Невозможно! Алленъ съ отчаяніемъ подтвердилъ печатное заявленіе на чемоданѣ и искренно пожелалъ очутиться на другомъ концѣ свѣта, когда сказалъ эти слова.

— Какъ это пріятно! отвѣчала миссъ Гуильтъ.—Я тоже ѣду въ Лондонъ. Могу я просить васъ, мистеръ Армэдэль, какъ такъ вы, кажется, одни, быть моимъ провожатымъ въ этомъ путешествіи?

Аллэнъ посмотрѣлъ на небольшое собраніе путешественниковъ и друзей ихъ, собравшихся на платформѣ: это всё были торп-эмбродцы. Онъ, вѣроятно, былъ извѣстенъ по наружности, также какъ и миссъ Гуильтъ, каждому изъ нихъ. Съ отчаянія, колеблясь еще замѣтнѣе прежняго, онъ вынулъ сигарку.

— Я очень буду радъ, сказалъ онъ съ смущеніемъ, которое было почти оскорбительно при настоящихъ обстоятельствахъ.— Но я то, что люди, которыхъ тошнить отъ сигары, называютъ рабомъ куренія.

— Я ужасно люблю сигары! сказала миссъ Гуильтъ съ уменьшившейся живостью и веселостью.—Это одно изъ преимуществъ мужчинъ, которому я всегда завидовала. Я боюсь, мистеръ Армэдэль, вы подумаете, что я вамъ навязываюсь. Оно, конечно, похоже. Дѣло въ томъ, что мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ по секрету о мистерѣ Мидуинтерѣ.

Въ эту минуту пріѣхалъ поѣздъ. Оставивъ въ сторонѣ Мидуинтера, Аллэнъ не могъ изъ самой обыкновенной вѣжливости не покориться необходимости. Послѣ того, какъ онъ былъ причиною, что она оставила мѣсто у маіора Мильроя, послѣ того, какъ онъ съ намѣреніемъ уклонился отъ встрѣчи съ нею на большой дорогѣ, отказаться ѣхать въ Лондонъ въ одномъ вагонѣ съ миссъ Гуильтъ значило сдѣлать прямую грубость, которая рѣшительно была невозможна.

«Чортъ её побери! внутренно говорилъ Аллэнъ, сажая свою спутницу въ пустой вагонъ, любезно отданный въ его распоряженіе кондукторомъ при всѣхъ на станціи.

— Васъ не будутъ беспокоить, сэръ, шепнулъ Аллэну кондукторъ съ улыбкой, поднося руку къ шляпѣ.

Аллэнъ съ величайшимъ удовольствіемъ приколотилъ бы его.

— Пойдите! закричалъ онъ изъ окна:—мнѣ не нужно особеннаго вагона.

Это было бесполезно; кондукторъ не слыхалъ, машина засвистѣла и поѣздъ полетѣлъ въ Лондонъ.

Избранное общество друзей, провожавшихъ уѣхавшихъ, оставшееся на платформѣ, собралось тотчасъ же въ кружокъ съ станціоннымъ зрителемъ въ серединѣ.

Станціонный зритель, мистеръ Макъ, былъ человѣкъ популярный въ окрестностяхъ; онъ имѣлъ два общественныя достоинства, неизмѣнно дѣйствующія на большинство англичанъ: онъ былъ старый военный и не употреблялъ въ разговорѣ много словъ. Конклавъ на платформѣ непременно захотѣлъ знать его мнѣніе, прежде чѣмъ компрометироваться собственнымъ своимъ. Разумѣется само собою, что со всѣхъ сторонъ посыпались замѣчанія; мнѣніе каждаго объ этомъ предметѣ кончалось вопросомъ къ станціонному зрителю:

— Она его поймала, вѣдь поймала?

— Она воротится, «мистриссъ Армэдаль», вѣдь воротится?

— Онъ лучше выбралъ бы миссъ Мильрой, вѣдь лучше?

— Миссъ Мильрой выбрала его. Она была у него въ большомъ домѣ, вѣдь была?

— Совсѣмъ нѣтъ. Стыдно портить репутацію дѣвушки. Её застала гроза по близости: онъ былъ принуждѣнъ предложить ей убѣжище и съ-тѣхъ-поръ она не подходила къ дому. Миссъ Гуильтъ была тамъ безъ всякой грозы и миссъ Гуильтъ уѣхала съ нимъ въ Лондонъ въ особенномъ вагонѣ, что вы скажете, мистеръ Макъ?

— Глупъ же этотъ Армэдаль со всѣми своими деньгами: влюбился въ рыжую, годами девятью старше его! Ей цѣлыхъ тридцать. Вотъ что я говорю, мистеръ Макъ. А вы что скажете?

— Старше или моложе, она будетъ хозяйкой въ Торп-Эмброузѣ, и я скажу надо покориться этому приличія ради; а мистеръ Макъ, какъ человѣкъ свѣтскій, видитъ это въ такомъ же свѣтѣ, какъ и я—не такъ ли, сэръ?

— Господа! сказалъ станціонный зритель своимъ рѣзкимъ, военнымъ тономъ и съ своимъ непроницаемымъ военнымъ обращеніемъ:—она чертовски красивая женщина. А я, еслибы былъ въ лѣтахъ мистера Армэдаля, я такого мнѣнія, что еслибы я ей понравился, она могла бы выдти за *меня*.

Выразивъ это мнѣніе, станціонный зритель повернулъ на-

право и неприступно заперся, какъ въ крѣпости, въ своей конторѣ.

Граждане торп-эмброскіе посмотрѣли на запертую дверь и серьёзно покачали головой. Мистеръ Макъ обманулъ ихъ ожиданія. Мнѣніе, открыто признающее слабость человѣческой натуры, никогда не бываетъ популярно.

— Это всё-равно, что сказать, что каждый изъ насъ могъ бы на ней жениться, еслибы мы были въ лѣтахъ мистера Армэдэля!

Таково было общее впечатлѣніе на конклавѣ, когда митингъ былъ отложенъ до другого раза и члены начали расходиться.

Послѣдній ушолъ старый джентльмэнъ съ медленной походкой, имѣвшій привычку оглядываться вокругъ. Остановившись въ дверяхъ, этотъ наблюдательный человѣкъ осмотрѣлъ глазами всю платформу и увидалъ за угломъ стѣны пожилого человѣка, котораго до-сихъ-поръ никто не видалъ.

— Господи помилуй! вскричалъ старый джентльмэнъ, подвигаясь шагъ за шагомъ впередъ: — не-уже-ли это мистеръ Бэшудъ?

Это былъ Бэшудъ — Бэшудъ, котораго любопытство разрѣшить тайну внезапнаго отъѣзда Аллена въ Лондонъ привело на станцію, — Бэшудъ, видѣвшій и слышавшій за угломъ стѣны то, что всё видѣли и слышали и на котораго, вѣроятно, это произвело необыкновенное впечатлѣніе. Онъ стоялъ прислонившись къ стѣнѣ, какъ окаменѣлый, прижавъ одну руку къ обнаженной головѣ, а въ другой держа шляпу, стоялъ съ тусклымъ румянцемъ на лицѣ, съ тусклой пристальностью въ глазахъ, прямо смотря на черную глубину тѣннеля, какъ-будто лондонскій поѣздъ исчезъ въ немъ только сію минуту.

— У васъ голова болитъ? спросилъ старый джентльмэнъ: — послушайте моего совѣта: ступайте домой и лягте.

Бэшудъ слушалъ машинально съ своимъ обычнымъ вниманіемъ и отвѣчалъ машинально съ своей обычной вѣжливостью и тихимъ тономъ, какъ человѣкъ въ полудремотѣ:

— Да, сэръ, я пойду домой и лягу.

— Вотъ это хорошо! замѣтилъ старый джентльмэнъ, направ-

ляясь, къ двери:—и примите пилюлю, мистеръ Бэшудъ, примите пилюлю.

Черезъ пять минутъ сторожъ, запирая станцію, нашолъ Бэшуда всё еще стоящаго съ обнаженной головой у стѣны и всё прямо смотрѣвшаго въ черную глубину тѣннеля, какъ-будто лондонскій поѣздъ исчезъ сію минуту.

— Ступайте, сэръ, сказалъ сторожъ: — я долженъ запереть станцію. Вы нездоровы? вамъ дурно? Выпейте горькой водки.

Бэшудъ отвѣчалъ сторожу точно такъ, какъ отвѣчалъ старому джентльмену:

— Да, я выпью горькой водки.

Сторожъ взялъ Бэшуда за руку и вывелъ.

— Найдёте здѣсь, сказалъ онъ, указывая на кабакъ:—и очень хорошую водку.

— Я найду здѣсь, машинально повторилъ Бэшудъ:—и найду хорошую водку.

Его воля казалось парализована, его дѣйствія зависѣли рѣшительно отъ того, что другіе говорили ему. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ питейному дому, пошатнулся и ухватился за фонарный столбъ. Носильщикъ, послѣдовавшій за нимъ, опять схватилъ его за руку.

— Вы уже пили! воскликнулъ сторожъ, съ внезапно возбужденнымъ участіемъ:—чего? пива?

Бэшудъ своимъ тихимъ тономъ повторилъ послѣднее слово. Время подходило къ обѣду сторожа. Но когда простолудинъ-англичанинъ примѣтитъ пьянаго, его сочувствіе къ нему дѣлается неограниченно. Сторожъ пересталъ думать о своёмъ обѣдѣ и заботливо помогъ Бэшуду дойти до питейнаго дома.

— Горькая водка опять поставитъ васъ на ноги, шепнулъ сострадательный помощникъ упившагося человѣческаго рода.

Еслибы Бэшудъ дѣйствительно былъ пьянъ, дѣйствіе средства сторожа были бы чудесны. Какъ только рюмка была осушена, спиртуозный напитокъ сдѣлалъ своё дѣло: ослабленная нервная система Бэшуда, ошеломлённая ударомъ, упавшимъ на неё, забударажилась, какъ лошадь отъ удара шпорами; тусклій румянецъ на щекахъ, тусклая пристальность взора исчезли. Послѣ

минутнаго усиля Бэшудъ возвратилъ память на столько, чтобъ поблагодарить сторожа и спросить, не хочетъ ли онъ самъ выпить чего-нибудь. Достойный человѣкъ тотчасъ принялъ дозу своего лекарства—въ видѣ предохранительнаго средства—и пошелъ домой обѣдать, какъ только могутъ ходить люди, которые физически разгорячены горькой водкой, а нравственно возвышены исполненіемъ добраго дѣла.

Всѣ еще странно разстроенный, но сознавшій теперь, куда онъ шолъ, Бэшудъ въ свою очередь вышелъ изъ питейнаго дома черезъ нѣсколько минутъ. Онъ шолъ машинально въ своей поношенной черной одеждѣ, двигаясь какъ пятно на бѣлой поверхности, освѣщенной солнцемъ дороги, какъ Мидуинтеръ видѣлъ его въ тотъ день, когда они встрѣтились въ первый разъ. Дойдя до того мѣста, гдѣ онъ долженъ былъ выбирать между дорогой, которая вела въ городъ, и той, которая вела въ большой домъ, онъ остановился, будучи не въ состояніи рѣшить и даже не заботясь объ этомъ.

— Я отищу ей! прошепталъ онъ, всѣ еще погруженный въ своё ревнивое бѣшенство противъ женщины, обманувшей его. — Я отищу ей, повторилъ онъ, громче: — еслибы мнѣ пришлось истратить мои послѣднія деньги!

Нѣсколько развратныхъ женщинъ проходили по дорогѣ въ городъ и услышали его.

— Ахъ ты старый негодяй! закричали онѣ съ непомерною вольностью своего класса: — что ни сдѣлала бы она, тебѣ по дѣломъ!

Грубость ихъ голосовъ испугала его, понималъ ли онъ слова или нѣтъ. Онъ укрылся отъ дальнѣйшихъ оскорбленій на болѣе уединенную доргу, которая вела къ большому дому.

На уединенномъ мѣстѣ близъ дороги онъ остановился и сѣлъ. Онъ снялъ шляпу и приподнял свой молодежавый парикъ съ своей плѣшивой головы, стараясь съ отчаяніемъ преодолѣть неизмѣнное убѣжденіе, тяготившее его душу какъ свинець — убѣжденіе, что миссъ Гуильтъ съ умысломъ обманывала его съ начала до конца. Это было бесполезно. Никакія усиля не могли освободить его отъ преобладающаго впечатлѣнія и отъ одной

отвѣтной идеи, вызванной этимъ убѣжденіемъ—идеи мщенія. Онъ опять всталъ, надѣлъ шляпу и быстро пошолъ впередъ, потомъ повернулся, не зная почему, и медленно пошолъ назадъ.

— Еслибы я одѣвался щеголеватѣе, говорилъ съ отчаяніемъ бѣдняга:—еслибы я былъ нѣсколько смѣлѣе съ нею, она можетъ быть не посмотрѣла бы на то, что я старъ!

Припадокъ гнѣва вернулся къ нему. Онъ сжалъ кулакъ и свирѣпо погрозилъ имъ въ пустомъ воздухѣ.

— Я отмщу ей, повторилъ онъ: — я отмщу ей, еслибы мнѣ пришлось издержать мои послѣднія деньги.

То вліяніе которое, она прибрѣла надъ нимъ, страшно выказывалось въ томъ, что его мстительное чувство за обиду не могло оторваться отъ нея къ человѣку, котораго онъ считалъ своимъ соперникомъ. И въ бѣшенствѣ, какъ въ любви, его душа и тѣло были поглощены миссъ Гуильтъ.

Черезъ минуту стукъ колёсъ, приближавшихся сзади, испугалъ его; онъ обернулся и посмотрѣлъ. Къ нему быстро подъѣзжалъ Педгифтъ старшій точно такъ, какъ это было прежде, въ тогъ разъ, когда онъ слушалъ подъ окномъ большого дома и когда стряпчій прямо обвинилъ его въ любопытствѣ на счетъ миссъ Гуильтъ!

Въ одно мгновеніе неизбежное воспоминаніе ворвалось въ его душу. Миѣніе о миссъ Гуильтъ, которое онъ услышалъ, какъ стряпчій выражалъ Аллену, прощаясь съ нимъ, пришло ему на память вмѣстѣ съ саркастическимъ одобреніемъ Педгифта насчетъ розысковъ, на которые его собственное любопытство можетъ покуситься.

«Я могу еще быть съ нею, подумалъ онъ: «если мистеръ Педгифтъ поможетъ мнѣ!»

— Пойдите, сэръ! закричалъ онъ, когда гигъ поровнялся съ нимъ.—Если вы позволите, сэръ, я желаю поговорить съ вами.

Педгифтъ старшій замедлил бѣгъ своей прыткой лошади, не останавливаясь, и сказалъ:

— Приходите въ контору черезъ полчаса.—Теперь я занятъ.

Не ожидая отвѣта, не примѣчая поклона Бэшуда, онъ опять погналъ лошадь и исчезъ изъ глазъ черезъ минуту.

Бэшудъ опять присѣлъ въ тѣнистомъ мѣстечкѣ у дороги. Онъ, повидимому, былъ неспособенъ чувствовать никакой обиды, кромѣ той, которую ему сдѣлала миссъ Гуильтъ. Онъ не только не сердился, онъ даже былъ радъ безцеремонному обращенію Педгифта съ нимъ.

— Черезъ полчаса, сказалъ онъ, безропотно. — Довольно времени, чтобъ успокоиться; а мнѣ время нужно. Мистеръ Педгифтъ поступилъ съ большой добротою, хотя, можетъ быть, безъ намѣренія.

Стѣсненіе въ головѣ опять принудило его снять шляпу, онъ положилъ её на колѣна, погружившись въ глубокія мысли; лобъ его былъ потушенъ, а дрожащіе пальцы одной руки разсѣянно барабанили по тульѣ шляпы. Если бы Педгифтъ старшій увидѣвъ его сидящимъ тутъ, могъ заглянуть въ будущее, это однообразное постукиванье по шляпѣ имѣло бы силу, какъ ни было оно слабо, остановить стряпчаго на дорогѣ. Это была исхудалая, жалкая, старая рука исхудалаго, жалкаго старика, но, несмотря на всё это (употребляя собственное выраженіе Педгифта при его прощальномъ предсказаніи Аллену), этой рукѣ было предназначено «бросить свѣтъ на миссъ-Гуильтъ».

ГЛАВА XIII.

СЕРДЦЕ СТАРИКА.

Акуратно въ назначенное время, по истеченіи получаса, о Бэшудѣ доложили въ конторѣ, какъ о человѣкѣ, желающемъ видѣть мистера Педгифта по его собственному назначенію.

Стряпчій съ досадой поднялъ глаза съ бумагъ: онъ совершенно забылъ встрѣчу на дорогѣ.

— Посмотри что ему нужно, сказалъ Педгифтъ старшій

Педгифту младшему, работавшему въ одной комнатѣ съ нимъ:— и если нѣтъ ничего важнаго, вели ему придти въ другое время.

Педгифтъ младшій быстро исчезъ и также быстро вернулся.
— Ну что? спросилъ отецъ.

— Онъ непонятнѣе обыкновеннаго, отвѣчалъ сынъ: — я ничего не могъ отъ него добиться, кромѣ того, что онъ непременно хочетъ видѣть васъ. Моё мнѣніе, продолжалъ Педгифтъ младшій съ своей обычной сардонической серьёзностью: — что съ нимъ сейчасъ сдѣлается припадокъ и что онъ желаетъ васъ отблагодарить за вашу постоянную доброту къ нему, удостоивъ сообщить вамъ свои собственные воззрѣнія на этотъ счетъ.

Педгифтъ старшій обыкновенно оплачивалъ всѣмъ — включая и его сына — ихъ же собственнымъ оружіемъ.

— Потрудись вспомнить, Аугустусъ, возразилъ онъ:—что мой кабинетъ не зала суда. За плохую шуткой не всегда слѣдуетъ *здесь* взрывъ хохота. Проси сюда мистера Бэшуда.

Мистеръ Бэшудъ вошелъ, а Педгифтъ младшій ушелъ.

— Вамъ не надо пускать ему кровь, сэръ, шепнулъ неисправимый шутникъ, проходя за спинкой отцовскаго кресла: — горячія бутылки къ подошвамъ, горчичникъ на животъ — вотъ современное леченіе.

— Садитесь, Бэшудъ, сказалъ Педгифтъ старшій, когда они остались одни: — и не забывайте, что время — деньги. Скажите всё, что бы это тамъ ни было, какъ можно скорѣе, какъ можно короче.

Эти предварительныя наставленія рѣзко, но не грубо сказанныя, скорѣе увеличили, чѣмъ уменьшили мучительное волненіе, которымъ страдалъ Бэшудъ. Онъ пролепеталъ какія-то невнятные слова, задрожалъ еще болѣе обыкновеннаго, когда благодарилъ Педгифта, и прибавилъ извиненіе, что беспокоитъ своего патрона въ дѣловые часы.

— Всѣмъ здѣсь извѣстно, мистеръ Педгифтъ, что время ваше драгоцѣнно. О, да! о, да! чрезвычайно драгоцѣнно! чрезвычайно драгоцѣнно! Извините меня, сэръ, я сейчасъ скажу. Ваша доброта или, лучше сказать, ваши дѣла... нѣтъ, ваша добро-

та дала мнѣ подождать съ полчаса, и я подумалъ о томъ, что я хочу сказать, приготовился и скажу вкратцѣ.

Сказавъ это, онъ замолчалъ съ мучительнымъ, растеряннымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ всё придумалъ мысленно, но когда настало время, смущеніе не позволяло ему говорить. А Педгифтъ молча ждалъ; его лицо и обращеніе равномерно выражали ту безмолвную цѣну времени, которую каждый паціентъ, посѣщавшій знаменитаго доктора, каждый кліентъ, совѣтовавшійся съ стряпчимъ, имѣющимъ большую практику, знаетъ такъ хорошо.

— Вы слышали новости, сэръ? пролепеталъ Бэшудъ съ отчаянія высказавъ главную мысль, преобладавшую въ головѣ его, просто потому, что у него не было никакой другой мысли.

— Это касается *меня*? спросилъ Педгифтъ старшій безжалостно кратко и безжалостно приступая къ самому дѣлу.

— Это касается одной дамы, сэръ... одного молодого человѣка долженъ бы я сказать, въ которомъ вы принимаете участіе. Что вы думаете, мистеръ Педгифтъ? Мистеръ Армэдэль и миссъ Гуильтъ поѣхали вмѣстѣ сегодня въ Лондонъ — одни, сэръ, одни въ особенномъ вагонѣ. Какъ вы думаете: онъ женится на ней? И вы тоже думаете какъ всѣ, что онъ женится на ней?

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ съ внезапнымъ румянцемъ на лицѣ и съ внезапной энергіей въ обращеніи. Его сознаніе въ цѣнности времени стряпчаго, его убѣжденіе въ снисхожденіи къ нему стряпчаго, его природная застѣнчивость и робость — всё вмѣстѣ уступило одному всепоглощающему интересу — услышать отвѣтъ Педгифта. Онъ въ первый разъ въ жизни сдѣлалъ этотъ вопросъ громкимъ голосомъ:

— На сколько я знаю мистера Армэделя, сказалъ стряпчій, вдругъ сдѣлавшись суровъ въ выраженіи лица и въ обращеніи: — я думаю, что онъ способенъ жениться на миссъ Гуильтъ десять разъ, если миссъ Гуильтъ заблагоразсудитъ сдѣлать ему предложеніе. Ваше извѣстіе нисколько меня не удивляетъ, мистеръ Бэшудъ. Мнѣ жаль его. Я могу сказать это по совѣсти, хотя онъ пренебрѣгъ моимъ совѣтомъ. А мнѣ еще больше жаль, продолжалъ онъ, смягчившись въ душѣ при воспоминаніи о своёмъ

свиданіи съ Нили въ паркѣ подь деревьями: — миѣ еще больше жаль одну особу, которую я не назову. Но какое миѣ дѣло до этого? и скажите ради Бога, что такое съ вами? продолжалъ онъ, примѣтивъ въ первый разъ страдальческую наружность Бэшуда, отчаяніе на лицѣ Бэшуда, вызванное его отвѣтомъ. — Вы нездоровы, или что-нибудь скрывается за всѣмъ этимъ, что вы боитесь высказать? Я не понимаю. Вы пришли сюда — сюда, въ мой собственный кабинетъ, въ дѣловые часы, только затѣмъ, чтобы сказать миѣ, что мистеръ Армэдэль имѣлъ глупость испортить навсегда свою будущность? Я предвидѣлъ это давно, мало того, я даже сказалъ ему въ послѣднемъ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ въ большомъ домѣ.

При этихъ послѣднихъ словахъ Бэшудъ вдругъ пріободрился. Замѣчаніе стряпчато о разговорѣ въ большомъ домѣ возвратило его въ одно мгновеніе къ той цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду.

— Вотъ о чемъ, сказалъ онъ съ жаромъ: — вотъ о чемъ я желалъ говорить съ вами, вотъ къ чему я приготовлялся въ мысляхъ. Мистеръ Педгифтъ, сэръ, въ послѣдній разъ какъ вы были въ большомъ домѣ, когда вы уѣзжали въ вашемъ гигѣ, вы нагнали меня на дорогѣ.

— Кажется, моя лошадь быстрае на ходу чѣмъ вы, Бэшудъ. Продолжайте, продолжайте! Я полагаю, что мы дойдѣмъ, наконецъ до того къ чему вы мѣтите.

— Вы остановились и заговорили со мною, сэръ, продолжалъ Бэшудъ, всё съ большей бодростью приближаясь къ цѣли. — Вы сказали, что подозрѣваете меня въ любопытствѣ насчетъ миссъ Гуильтъ и прибавили (я помню ваши собственные слова, сэръ) — и прибавили, что я могу удовлетворить своё любопытство, что вы этому не препятствуете.

Педгифту старшему въ первый разъ показалось это такъ интересно, что захотѣлось послушать еще.

— Я помню что-то въ этомъ родѣ, отвѣчалъ онъ: — помню также, что миѣ показалось замѣчательно какъ вамъ случилось быть — мы не употребимъ болѣе оскорбительнаго выраженія — какъ разъ подь окномъ мистера Армэделя, когда я говорилъ съ нимъ,

Разумѣется, это могла быть случайность, но больше походило на любопытство. Я могу судить только по наружности, заключилъ Педгифтъ, приправляя свой рассказъ щепоткой табаку:— а наружность, Бэшудъ, была рѣшительно противъ васъ.

— Не опровергаю этого, сэръ. Я только упомянулъ объ этомъ обстоятельстве потому, что желалъ признаться вамъ, что я точно любопытенъ на счетъ миссъ Гуильтъ.

— Почему? спросилъ Педгифтъ старшій, видя нѣчто подъ поверхностью лица и обращенія Бэшуда, но нисколько не догадываясь что это могло быть.

Наступило молчаніе на минуту. Минута прошла, Бэшудъ прибѣгнувъ къ средству, которое обыкновенно принимаютъ робкіе и ненаходчивые люди, поставленные въ такое же положеніе, когда не могутъ найти отвѣта. Онъ просто повторилъ только что сдѣланное имъ увѣреніе. Я чувствую, сэръ, сказалъ онъ съ смѣсью угрюмости и робости:—нѣкоторое любопытство о миссъ Гуильтъ.

Наступило новое молчаніе. Несмотря на свою опытную проицательность и знаніе свѣта, стряпчій приполъ еще въ бѣльшее недоумѣніе. Дѣло Бэшуда представляло единственную человѣческую загадку, которую онъ наименѣе способенъ былъ рѣшить. Хотя годъ за годомъ мы бываемъ свидѣтелями въ тысячѣ случаевъ безсовѣстнаго лишенія наслѣдства ближайшихъ родственниковъ, неестественнаго нарушенія самыхъ священныхъ узъ, плачевнаго разрыва старой и твѣрдой дружбы, единственно по милости того могучаго эгоизма, который можетъ возродить въ сердцѣ старика половая страсть, соединеніе любви съ дряхлостью и сѣдыми волосами, всё-таки не возбуждаетъ во всѣхъ другой мысли, кромѣ сумасбродной невѣроятности или сумасбродной нелѣпости. Если бы свиданіе, происходившее въ кабинетѣ Педгифта, происходило за обѣденнымъ его столомъ, когда вино расположило бы его душу къ болѣе юмористическому расположенію, можетъ быть онъ догадался бы въ чомъ дѣло; но въ свои дѣловые часы Педгифтъ старшій имѣлъ привычку смотрѣть на причины людскія серьезно съ дѣловой точки зрѣнія, и по этой самой причинѣ онъ просто былъ неспособенъ понять такую поразитель-

ную невѣроятность, такую страшную нелѣпость, что Бэшудъ былъ влюблѣнъ.

Нѣкоторые люди, на мѣстѣ стряпчаго, постарались бы разъяснить дѣло, упорно повторяя свой вопросъ. Педгифтъ старшій благоразумно отложилъ вопросъ до-тѣхъ-поръ, пока не подвинулъ разговора еще на шагъ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ:—вы чувствуете любопытство насчетъ миссъ Гуильтъ, далѣе что?

Ладони Бэшуда начали увлажняться подъ вліяніемъ его волненія, какъ въ то время, когда онъ рассказывалъ исторію о своихъ домашнихъ горестяхъ Мидуинтеру въ большомъ домѣ. Опять онъ свертѣлъ носовой платокъ въ комокъ и тихо перекидывалъ его съ одной руки на другую.

— Могу я спросить, сэръ, началъ онъ:—предполагая, что вы имѣете очень неблагоприятное мнѣніе о миссъ Гуильтъ, вы, кажется, совершенно убѣждены...

— Милый мой, перебилъ Педгифтъ старшій:—зачѣмъ вамъ сомнѣваться въ этомъ? Вы стояли подъ открытымъ окномъ мистера Армэдэля во всё время, пока я съ нимъ говорилъ, и я полагаю, что ваши уши были не совсѣмъ закрыты.

Бэшудъ не прерывалъ стряпчаго. Жало сарказма было приглушено болѣе благородной болью, возбужденной въ пѣмъ раной, нанесенной ему миссъ Гуильтъ.

— Вы, кажется, совершенно убѣждены, сэръ, продолжалъ онъ:—что въ прошедшей жизни этой дамы есть обстоятельства, которыя обезславили бы её, если бы были обнаружены въ настоящее время?

— Окно было отперто въ большомъ домѣ, Бэшудъ, и ваши уши были, я полагаю, не совсѣмъ закрыты.

Всё не чувствуя жала, Бэшудъ настаивалъ болѣе прежняго.

— Или я очень ошибаюсь, сказалъ онъ:—или ваша продолжительная опытность въ подобныхъ вещахъ сказала вамъ, сэръ, что, можетъ быть, миссъ Гуильтъ даже извѣстна полиціи?

Терпѣніе Педгифта старшаго истощилось.

— Вы въ этой комнатѣ уже десять минутъ, сказалъ онъ:—

можете вы или не можете сказать мнѣ простыми словами что вамъ нужно отъ меня?

Простыми словами: съ страстью преобразовавшей его, съ страстью сдѣлавшей изъ него мужчину (по собственнымъ словамъ миссъ Гуильтъ), горѣвшей на его впалыхъ щекахъ, Бэшудъ отвѣчалъ на вызовъ стряпчаго:

— Я желаю сказать, сэръ, что я въ этомъ отношеніи держусь одного мнѣнія съ вами. Я думаю, что въ прошлой жизни миссъ Гуильтъ есть нѣчто нехорошее, что она скрываетъ отъ всѣхъ, и я желаю это узнать.

Педгифтъ старшій увидаль представившійся случай и тотчасъ обратился къ вопросу, который онъ отложилъ:

— Зачѣмъ? спросилъ онъ во второй разъ.

Во второй разъ Бэшудъ колебался. Могъ ли онъ признаться, что онъ имѣлъ безумство влюбиться въ неѣ и низость сдѣлаться для нея шпиономъ? Могъ ли онъ сказать: «она обманывала меня съ самаго начала, а теперь бросила, когда цѣль ея достигнута. Лишивъ меня моего счастья, лишивъ меня моей чести, лишивъ меня моей послѣдней надежды въ жизни, она бросила меня и не оставила мнѣ ничего, кромѣ тайнаго и тихаго, сильнаго и неизмѣннаго желанія мести,—мести, которую я могу имѣть, если могу отравить ея успѣхъ, выставивъ ея погрѣшности публично,—мести, которую я куплю (что значить для меня золото или жизнь?) на послѣдній фартингъ накопленныхъ мною денегъ и послѣдней капли моей стоячей крови». Могъ ли онъ сказать это человѣку, который ожидалъ его отвѣта? нѣтъ; онъ могъ только молчать.

Лицо стряпчаго опять приняло суровое выраженіе.

— Одинъ изъ насъ долженъ говорить, сказалъ онъ:—и такъ какъ вы, очевидно, не хотите, то я заговорю. Я могу только объяснить ваше необыкновенное желаніе узнать секреты миссъ Гуильтъ двумя способами. Причина, побуждающая васъ, или чрезвычайно низкая—не обижайтесь Бэшудъ, я только предполагаю—или чрезвычайно благородная. Такъ какъ мнѣ извѣстенъ вашъ честный характеръ и ваше благородное поведеніе, я тотчасъ обязанъ оправдать васъ въ низости. Я полагаю, что вы также неспособны какъ и я—я не могу сказать болѣе—извлечь денежные

выгоды изъ того, что вы узнаете изъ прошлой жизни миссъ Гуильтъ. Продолжать мнѣ далѣе, или вы предпочтѣте сами откровенно открыть мнѣ свои мысли?

— Я предпочлъ бы не прерывать васъ, сэръ, сказалъ Бэшудъ.

— Какъ хотите. Оправдавъ васъ отъ низкой причины, я перехожу къ благородной. Очень можетъ быть, что вы необыкновенно признательны, а мистеръ Армэдэль былъ замѣчательно добръ къ вамъ. Давъ вамъ мѣсто помощника Миндунтера, онъ такое получилъ довѣріе къ вашей честности и способности, что теперь, когда его другъ оставилъ его, онъ всѣ дѣла отдалъ въ ваши руки. Моя опытность въ человѣческой натурѣ не считаетъ вѣроятнымъ — хотя всё-таки это возможно — чтобы вы были такъ признательны за это довѣріе и такое принимали участіе въ судьбѣ вашего хозяина, что не можете видѣть какъ онъ въ своемъ одинокомъ положеніи стремится прямо къ безмолвію и гибели, не сдѣлавъ усилія, чтобы спасти его. Скажу въ двухъ словахъ: вы думаете, что мистера Армэделя можно не допустить жениться на миссъ Гуильтъ, если его можно предупредить вѣ-время о ея дѣйствительной репутаціи? И вы желаете быть тѣмъ человѣкомъ, который откроетъ ему глаза? Если это такъ...

Онъ остановился съ изумленіемъ. Дѣйствуя по какому-то непреодолимому побужденію, Бэшудъ вскочилъ. Онъ стоялъ съ своимъ дряблымъ лицомъ, вдругъ освѣтившимся какой-то внутренней лучезарностью, которая заставила его казаться моложе двадцатью годами; онъ стоялъ усиливаясь заговорить и обѣими руками махалъ на стряпчаго съ умоляющимъ видомъ.

— Скажите опять, сэръ, сказалъ онъ съ жаромъ, прежде чѣмъ Педгифтъ старшій успѣлъ опомниться отъ удивленія. — Вопросъ о мистерѣ Армэдэлѣ, сэръ! еще только одинъ разъ — только одинъ разъ! пожалуйста, мистеръ Педгифтъ!

Разсматривая лицо Бэшуда съ своей опытной наблюдательностью и недовѣрчивостью, Педгифтъ старшій сдѣлалъ ему знакъ сѣсть и во второй разъ сдѣлалъ вопросъ.

— Думаю ли я, сказалъ Бэшудъ, повторяя смыслъ, но не слова вопроса: — что мистера Армэделя можно разлучить съ миссъ Гуильтъ, если ему показать какова она на самомъ дѣлѣ? Да, сэръ!

И желаю ли я быть тѣмъ человѣкомъ, который это сдѣлаетъ? Да, сэръ! да, сэръ!! да, сэръ!!!

— Это довольно странно, замѣтилъ стряпчій, всё недовѣрчиво смотря на Бэшуда:—что вы такъ сильно взволновались оттого, что мой вопросъ попалъ въ цѣль!

Вопросъ попалъ въ такую цѣль о какой Педгифтъ и не воображалъ. Онъ освободилъ душу Бэшуда въ одно мгновение отъ смертнаго гнѣта его одной преобладающей идеи—мести и показалъ ему цѣль, которой онъ можетъ достигнуть, открывъ тайны миссъ Гуильтъ, которая ни разу не пришла ему въ голову до этой минуты. Бракъ, который онъ слѣпо считалъ неизбѣжнымъ, можно было остановить не для пользы Аллена, а для его собственной—а женщину, которую онъ считалъ потерянной для себя, можно было еще приобрести, несмотря на обстоятельства. Голова его кружилась при мысли объ этомъ. Его собственная рѣшимость почти утратила его своей ужасной несообразностью съ обыкновенными привычками его ума и со всѣми обычными поступками его жизни.

Не получая отвѣта на свой послѣдній вопросъ, Педгифтъ старшій подумалъ, прежде чѣмъ опять заговорилъ.

«Одно ясно, рассуждалъ стряпчій самъ съ собою: «въ настоящей причинѣ, побуждающей его дѣйствовать, онъ боится признаться. Мой вопросъ, очевидно, подаль ему возможность сбить меня съ толку и онъ тотчасъ ухватился за него. Этого довольно для меня. Еслибъ я былъ стряпчимъ мистера Армэдэля, эту тайну стоило бы разузнать; теперь же мнѣ нѣтъ никакой нужды гонять Бэшуда отъ одной лжи къ другой, пока я добьюсь отъ него правды. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до этого и я предоставляю ему свободу слѣдовать по его окольному пути его окольными способами.»

Дойдя до этого заключенія, Педгифтъ старшій отодвинулъ свое кресло и всталъ, чтобъ окончить свиданіе.

— Не бойтесь, Бэшудъ, началъ онъ.—Предметъ нашего разговора истощился, по крайней-мѣрѣ съ моей стороны. Мнѣ остаѣтся сказать только нѣсколько словъ и вы знаете, что у меня въ привычкѣ говорить послѣднія слова, когда я встану съ своего мѣс-

та. Чтò другое остаётся для меня неизвѣстно, а я сдѣлалъ одно открытiе, по-крайней мѣрѣ: я узналъ, чтò вамъ нужно отъ меня, наконецъ: вамъ нужно, чтобы я вамъ помогъ.

— Если вы будете такъ добры, сэръ? пролепеталъ Бэшудъ:— если вы удостоите высказать мнѣ ваше мнѣнiе и подать совѣтъ...

— Постоите, Бэшудъ! Мы отдѣлимъ эти два предмета. Стряпчiй можетъ высказать своё мнѣнiе какъ всякiй другой человекъ; но когда стряпчiй подаётъ совѣтъ—это касается его профессii. Охотно выскажу я вамъ своё мнѣнiе; я не скрывалъ его ни отъ кого. Я думаю, что въ жизни миссъ Гуильтъ были происшествiя, которыя, еслибы ихъ узнать, заставили бы даже мистера Армэдэля, какъ онъ ни ослѣплёнъ, бояться жениться на ней—предполагая, разумѣется, что онъ точно намѣренъ на ней жениться—потому-что, хотя и наружность показываетъ это, всё-таки это одно предположенiе. Чтò же касается способа, посредствомъ котораго пятна на репутацii этой женщины могли бы обнаружиться, она можетъ обвиняться черезъ двѣ недѣли по особенному разрѣшенiю, если захочетъ—въ *эту* часть вопроса я положительно отказываюсь входить. Это значило бы говорить въ качествѣ стряпчаго и дать вамъ юридическiй совѣтъ, а въ этомъ я положительно отказываю вамъ.

— О сэръ! не говорите этого, умоляя Бэшудъ.—Не отказывайте мнѣ въ величайшей милости—въ вашемъ драгоценномъ совѣтѣ! У меня такая жалкая голова, мистеръ Педгифтъ! я такъ старъ и такъ вялъ, сэръ, я такъ жалко пугаюсь и теряюсь, когда дѣло выходитъ изъ моихъ обыкновенныхъ привычекъ! Это очень естественно, что вы гнѣваетесь на меня за то, что я отнимаю ваше время: я знаю, что время—деньги для такого умнаго человека, какъ вы. Извините меня, пожалуйста извините меня, если я осмѣлюсь сказать, что я скопилъ кое-что, нѣсколько фунтовъ, сэръ. Я одинокъ, никто отъ меня не зависитъ, я, конечно, могу истратить накопленные мною деньги какъ хочу?

Оставаясь слѣпъ ко всѣмъ другимъ соображенiямъ, кромѣ желанiя задобрить Педгифта, онъ вынулъ грязный, старый, изорванный бумажникъ и старался дрожащими пальцами раскрыть его на столѣ.

— Спрячьте вашъ бумажникъ, сказалъ Педгифтъ старшій.— Люди побогаче васъ пробовали прибѣгать къ этому аргументу со мною и нашли, что есть стряпчіе (не на театрѣ), которыхъ подкупить нельзя. Я не хочу вмѣшиваться въ это дѣло при настоящихъ обстоятельствахъ. Если вы желаете знать почему, я сообщу вамъ, что миссъ Гуильтъ перестала интересоваться мною съ того дня, какъ я пересталъ быть стряпчимъ мистера Армэдаля. Я могу имѣть и другія причины, кромѣ этой, о которыхъ не считаю нужнымъ уминать. Причина, объяснённая мною, совершенно достаточна. Ступайте своей дорѣгой и берите эту отвѣтственность на себя. Вы можете отважиться приблизиться къ когтямъ миссъ Гуильтъ и остаться неопарапаннымъ. Время это покажетъ. А пока желаю вамъ добраго утра и, признаюсь къ моему стыду, что я до нынѣшняго дня не зналъ какой вы герой.

На этотъ разъ Бэшудъ почувствовалъ жало. Не говоря болѣе ни слова убѣденія или просьбы, не сказавъ даже «прощайте»; онъ пошелъ къ двери, тихо отворилъ её и вышелъ изъ комнаты.

Прощальное выраженіе на его лицѣ и внезапное молчаніе его не пропали для Педгифта старшаго.

— Бэшудъ кончить дурно, сказалъ стряпчій, собирая свои бумаги и возвращаясь къ своей прерванной работѣ.

Перемѣна на лицѣ Бэшуда, сдѣлавшагося угрюмымъ и сдержаннымъ, была такъ ему несвойственна, что даже это примѣтили Педгифтъ младшій и клэрки, когда Бэшудъ проходилъ черезъ контору. Привыкнувъ насмѣхаться надъ старикомъ, они обратили въ комическую сторону эту замѣтную перемѣну въ нёмъ. Глухой къ безжалостнымъ насмѣшкамъ, которыми его осыпали со всѣхъ сторонъ, Бэшудъ остановился напротивъ Педгифта младшаго и внимательно посмотрѣвъ ему въ лицо, сказавъ спокойно и разсѣянно, какъ человѣкъ, думающій вслухъ:

— Желалъ бы я знать, захотите ли вы помочь мнѣ.

— Раскройте сейчасъ счетъ, сказалъ Педгифтъ младшій клэркамъ:— на имя мистера Бэшуда. Поставьте стулъ для мистера Бэшуда, а возлѣ скамеечку на случай, если она понадобится ему. Дайте мнѣ десть атласистой бумаги и коробочку стальныхъ перьевъ записывать дѣло мистера Бэшуда, и тотчасъ увѣдомьте

моего отца, что я оставляю его и самъ открываю контору подъ покровительствомъ мистера Бэшуда. Садитесь, сэръ, пожалуйста садитесь и откровенно выразите ваши чувства.

Всё оставаясь глухъ къ насмѣшкамъ, которыхъ онъ былъ предметомъ, Бэшудъ ждалъ, чтобъ шутки Педгифта младшаго истопились, а потомъ тихо отошолъ.

— Миѣ слѣдовало знать, сказалъ онъ такъ же разсѣяннo, какъ прежде:—что онъ весь въ отца; онъ и на моёмъ смертномъ одрѣ будетъ насмѣхаться надо мною.

Онъ остановился съ минуту у дверей, машинально глядя шляпу рукою и вышелъ на улицу.

Яркое солнце ослѣпило его глаза, стукъ проѣзжающихъ экипажей пугалъ его. Онъ повернулъ въ боковую улицу и закрылъ глаза рукою.

«Лучше пойду я домой, подумалъ онъ: «запрусь и буду думать объ этомъ».

Онъ нанималъ квартиру въ небольшемъ домѣ, въ бѣдномъ кварталѣ. Онъ тихо прошолъ на верхъ. Единственная маленькая комнатка, занимаемая имъ, жестоко терзала его, куда бы онъ не повернулся, безмолвными воспоминаніями о миссъ Гуильтъ. На каминѣ стояли цвѣты, которые она дарила ему въ разное время, всѣ давно увядшіе и всѣ давно сохранявшіеся на пьедесталѣ изъ китайскаго фарфора, подъ стекляннѣмъ колпакомъ. На стѣнѣ висѣла плохая раскрашенная гравюра, представлявшая женщину, гравюра, которую Бэшудъ поставилъ въ рамку и подъ стекло, потому-что въ ней что-то напоминало ему лицо миссъ Гуильтъ. Въ его неуклюжей старой краснаго дерева шкапулкѣ лежали немногія письма миссъ Гуильтъ, краткія и повелительныя, писанныя къ нему въ то время, когда онъ подсматривалъ и подслушивалъ въ Торп-Эмбровѣ, чтобы угодить ей. Повернувшись спиною къ этому, онъ уныло сѣлъ на диванъ, замѣнявшій ему постель; надъ нимъ висѣлъ щегольской голубой галстухъ, который онъ купилъ, потому-что она сказала ему, что она любить яркіе цвѣта, и который у него не достало смѣлости надѣть ни разу, хотя онъ вынималъ его каждое утро съ намѣреніемъ надѣть. Обыкновенно спокойный въ своихъ поступкахъ,

обыкновенно сдержанный въ разговорѣ, онъ теперь схватилъ галстухъ, какъ-будто это была живая вещь, которая могла чувствовать, и съ ругательствомъ швырнулъ его на другой конецъ комнаты.

Время проходило, и хотя его рѣшимость помѣшать браку миссъ Гуилтъ не поколебалась, онъ попрежнему былъ далѣкъ отъ того, чтобъ придумать способъ, который могъ бы привести его къ цѣли. Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ мрачнѣе казались ему его поступки въ будущемъ.

Онъ опять всталъ съ такимъ же утомленіемъ, какъ сѣлъ, и подошелъ къ шкапу.

— Я чувствую лихорадочную жажду, сказалъ онъ:—можетъ быть мнѣ поможетъ чашка чая.

Онъ раскрылъ чайницу и отсыпалъ свою малую порцію чая не такъ бережливо, какъ обыкновенно.

— Даже руки не служатъ мнѣ сегодня! подумалъ онъ, собирая просыпанный чай и бережливо всыпая его опять въ чайницу.

Въ эту прекрасную лѣтнюю погоду былъ разведѣнъ огонь только въ кухнѣ. Бѣшудъ сошелъ внизъ за кипяткомъ съ чайникомъ въ рукѣ.

Въ кухнѣ никого не было, кромѣ хозяйки; она принадлежала къ числу тѣхъ многочисленныхъ англійскихъ матронъ, которыхъ путь въ этомъ мірѣ былъ терновый и которыя поставляли себѣ печальнымъ удовольствіемъ, когда имъ представится случай, разсматривать оцарапанную и обливающуюся кровью ногу другихъ людей въ одномъ положеніи съ ними. Ея единственный порокъ былъ очень легкій—любопытство и, между многими добродѣтелями, перевѣшивавшими этотъ порокъ, было ея необыкновенное уваженіе къ Бѣшуду, какъ къ жильцу, который акуратно платилъ за квартиру и образъ жизни котораго былъ очень тихій, а обращеніе вѣжливое столько лѣтъ сряду.

— Что вамъ угодно, сэръ? спросила хозяйка:—кипятку? Когда же бывало, чтобъ вода кипѣла именно въ то время, когда она вамъ нужна? И огонь-то не горитъ порядкомъ! Подождите, я подкину полѣна два, если вы подождѣте. Боже, Боже! вы из-

вините меня, сэръ, если я скажу, что у васъ сегодня самый болѣзненный видъ!

Принужденіе, наложенное на себя Бэшудомъ, начало сказываться. Та безпомощность, которую онъ выказалъ на станціи, опять появилась на его лицѣ и въ обращеніи, когда онъ поставилъ чайникъ на кухонный столъ и сѣлъ.

— Я имѣю непріятности, сказалъ онъ спокойно:—и нахожу, что ихъ теперь труднѣе переносить чѣмъ прежде.

— Ужь не говорите! застонала хозяйка.—Я готова лечь въ гробъ хоть сейчасъ. Вы слишкомъ одиноки, сэръ. Когда имѣешь непріятности, сэръ, облегчаетъ, хотя не очень много, когда раздѣлишь ихъ съ другимъ. Еслибы ваша супруга была теперь жива, какое утѣшеніе нашли бы въ ней—не правда ли?

Выраженіе страданія пробѣжало по лицу Бэшуда. Хозяйка невольно напомнила ему несчастья его супружеской жизни. Онъ давно бывалъ принуждѣнъ успокоить ея любопытство насчетъ его семейныхъ дѣлъ, сказавъ ей, что онъ вдовецъ и что его домашнія обстоятельства были несчастливы, но болѣе онъ ничего ей не повѣрялъ. Печальную исторію, которую онъ рассказывалъ Мидуинтеру о пьяницѣ-женѣ, окончившей жизнь въ домѣ умалишенныхъ, онъ не хотѣлъ повѣрять болтливой женщинѣ, которая пересказала бы еѣ всѣмъ въ домѣ.

— Я всегда говорю моему мужу, сэръ, когда онъ начинаетъ горевать, продолжала хозяйка, хлопоча около чайника: «что ты дѣлалъ бы теперь, Самъ, безъ меня?» Когда страсть его не преодолѣетъ—сейчасъ закипитъ, мистеръ Бэшудъ—онъ говоритъ: «Елисавета, я не могу дѣлать ничего», когда страсть преодолѣетъ, онъ говоритъ: «попробую сходить въ кабакъ». Ахъ! у меня есть тоже непріятности! Человѣкъ, съ взрослыми сыновьями и дочерьми, шатается по кабакамъ! Я не припомню, сэръ, были ли у васъ сыновья и дочери. Кажется, вы говорили, что у васъ были. Дочери, вѣдь... ахъ, да! онѣ всѣ умерли.

— У меня была только одна дочь, терпѣливо возразилъ Бэшудъ:—только одна и она умерла прежде чѣмъ ей минулъ годъ.

— Только одна? повторила сострадательная хозяйка. — Сейчасъ закипитъ, пожалуйста мнѣ чайникъ. Только одна! Ахъ! пог-

да одинъ ребёнокъ, тогда еще тяжелѣе. Вы, кажется, сказали только одинъ?

Съ минуту Бэшудъ смотрѣлъ на хозяйку помутившимися глазами и не отвѣчая ей. Напомнивъ невольно о женѣ, которая обезславилла его, она теперь также невольно вызвала непріятное воспоминаніе о сынѣ, который разорилъ его и бросилъ. Въ первый разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ рассказывалъ свою исторію Мидуинтеру въ первомъ свиданіи съ нимъ въ большомъ домѣ, его мысли опять обратились къ горькому разочарованію и несчастью прошлаго. Опять онъ подумалъ о прошлыхъ дняхъ, когда онъ поручился за своего сына и когда безчестный поступокъ этого сына принудилъ его продать всё, что онъ имѣлъ, чтобъ заплатить штрафъ.

— Я имѣю сына, сказалъ онъ, примѣтивъ, что хозяйка смотритъ на него съ безмолвнымъ и грустнымъ удивленіемъ: — я сдѣлалъ что могъ, чтобъ помочь ему имѣть въ свѣтѣ успѣхъ, и онъ очень дурно поступилъ со мною.

— Не-уже-ли? спросила хозяйка повидимому съ большимъ участіемъ.— Поступилъ дурно съ вами и почти разбилъ ваше сердце. Ахъ! онъ за это заплатится рано или поздно. Не бойтесь! Гдѣ онъ теперь и чѣмъ онъ занимается, сэръ?

Этотъ вопросъ былъ почти такой же, какъ и тотъ, который сдѣлалъ Мидуинтеръ, когда Бэшудъ описалъ ему свои обстоятельства. Бэшудъ отвѣчалъ на него почти точно такими же словами, какъ тогда:

— Сынъ мой въ Лондонѣ, сколько мнѣ извѣстно. Онъ занимаетъ не весьма почетное мѣсто—частнаго полицейскаго сыщика...

При этихъ словахъ онъ вдругъ остановился. Лицо его вспыхнуло, глаза засверкали; онъ отодвинулъ чашку, которую только что налилъ, и всталъ. Хозяйка отступила на шагъ. Въ лицѣ ея жильца было что-то такое, чего она не видала до-сихъ-поръ.

— Надѣюсь, что я не оскорбила васъ, сэръ, сказала она, возвративъ своё самообладаніе и готовая обидѣться съ своей стороны.

— Совсѣмъ напротивъ, совсѣмъ напротивъ! возразилъ онъ,

съ необыкновеннымъ жаромъ и торопливостью. — Я вспомнилъ кое-что очень важное. Я долженъ идти навверхъ... письмо, письмо, письмо. Я ворочусь выпить чай. Извините меня, я очень вамъ обязанъ: вы были очень добры—теперь, если вы позволите, я съ вами прощусь.

Къ изумленію хозяйки, онъ дружески пожалъ ей руку и пошолъ къ двери, оставивъ и чайникъ и чай.

Онъ заперся въ своей комнатѣ. Нѣсколько времени онъ стоялъ придерживаясь за каминъ и стараясь перевести духъ, который у него захватывало отъ волненія. Какъ только онъ могъ опять сдѣлать движеніе, онъ отперъ свою письменную шкатулку.

— Вотъ вамъ, Педгифтъ, и сынъ! сказалъ онъ, щолкнувъ пальцами и садясь.—У меня также есть сынъ!

Въ дверь раздался стукъ, тихій, внимательный и осторожный. Растревоженная хозяйка пожелала узнать не боленъ ли мистеръ Бэшудъ и повторить во второй разъ, что она искренно желаетъ знать, не оскорбила ли она его.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричалъ онъ черезъ дверь: — я совсѣмъ здоровъ—я пишу, пишу... Пожалуйста, извините меня.

«Она женщина добрая, женщина превосходная, думалъ онъ, когда хозяйка ушла. «Я сдѣлаю ей маленькій подарокъ. Мои мысли такъ разстроены, что я никогда не подумалъ бы объ этомъ, еслибы не она. О! тамъ ли еще служить мой сынъ! О, еслибы я сумѣлъ написать къ нему письмо, которое заставило бы его пожалѣть обо мнѣ:»

Онъ взялъ перо и долго думалъ, думалъ тревожно, долго, прежде чѣмъ взялъ бумагу. Медленно, со многими терпѣливыми паузами новаго раздумья и съ большимъ стараніемъ, чѣмъ обыкновенно, чтобъ сдѣлать почеркъ свой чоткимъ, онъ написалъ слѣдующія строки:

«Любезный Джэмсъ, я боюсь, что ты удивишься, увидѣвъ мой почеркъ. Пожалуйста, не предполагай, что я буду просить у тебя денегъ, или упрекать, что ты заставилъ меня заплатить штрафъ за мою поруку за тебя... Я, напротивъ, готовъ забыть прошлое.

«Ты можешь (если еще служишь въ конторѣ частныхъ сыщи-

ковъ) оказать мнѣ большую услугу. Я очень растревоженъ на счетъ одной особы, въ которой я принимаю участіе. Эта особа дама. Пожалуйста, не насмѣхайся надъ этимъ признаніемъ, если можешь. Еслибъ ты зналъ, какъ я теперь страдаю, я думаю, ты былъ бы скорѣе готовъ сожалѣть обо мнѣ, чѣмъ насмѣхаться надъ мной.

«Я вошолъ бы въ подробности, но я знаю твой запальчивый характеръ и боюсь истощить твоё терпѣніе. Можетъ быть довольно будетъ сказать, что я имѣю причину полагать, что прошлая жизнь этой дамы была не очень достойна уваженія и мнѣ интересно—интереснѣе чѣмъ могутъ выразить слова, узнать—какова была ея прошлая жизнь и узнать это не позже, какъ черезъ двѣ недѣли отъ настоящаго времени.

«Хотя мнѣ мало извѣстны дѣловые приѣмы въ такой конторѣ, какъ твоя, я могу понять, что если я не скажу адреса этой дамы, то мнѣ ничѣмъ нельзя помочь. Къ несчастью, мнѣ неизвѣстенъ ея настоящій адресъ. Я только знаю, что она поѣхала въ Лондонъ сегодня, въ сопровожденіи джентльмена, у котораго я служу и который (какъ я полагаю) напишетъ мнѣ о деньгахъ черезъ нѣсколько дней.

«Можетъ ли это обстоятельство помочь намъ? Я осмѣливаюсь сказать «намъ», потому-что я уже рассчитываю, милый сынъ, на твою добрую помощь и совѣтъ. Пусть деньги не становятся между нами: я скопилъ кое-что и всё это въ твоёмъ распоряженіи. Пожалуйста, напиши ко мнѣ съ первой почтой. Если ты употребишь всѣ силы, чтобъ прекратить страшное недоумѣніе, которое теперь терзаетъ меня, ты загладишь всё горе и разочарованіе, которыя ты причинилъ мнѣ въ прошлыя времена, и обяжешь меня такъ, что этого не забудетъ никогда

Любящій тебя отецъ

«Феликсъ Бэшудъ.»

Подождавъ немного, чтобъ осушить глаза, Бэшудъ прибавилъ число и адресъ, надписавъ письмо. «Въ контору частныхъ сыщиковъ, Шэдисайдская площадь, Лондонъ.» Сдѣлавъ это, онъ

тотчасъ вышелъ и отдалъ на почту письмо самъ. Это было въ понедѣльникъ, и если отвѣтъ будетъ присланъ съ первой почтой, то онъ долженъ быть полученъ въ среду утромъ.

Промежуточный день, вторникъ, Бэшудъ провёлъ въ управительской конторѣ, въ большомъ домѣ. Онъ имѣлъ двойную причину, чтобы занять свои мысли такъ глубоко, какъ только возможно, различными занятіями, относившимися къ управленію имѣніемъ. Во-первыхъ, занятія помогали ему сдерживать поживавшее его нетерпѣніе, съ какимъ онъ ожидалъ наступленія слѣдующаго дня; во-вторыхъ, чѣмъ далѣе подвинетъ онъ дѣла по конторѣ, тѣмъ свободнѣе будетъ онъ съѣздить къ сыну въ Лондонъ, не привлекая подозрѣнія на себя открытымъ пренебреженіемъ интересовъ, порученныхъ ему.

Около полудня во вторникъ смутные слухи о чомъ-то неладномъ въ коттеджѣ дошли (черезъ слугъ маіора Мильроя) до слугъ въ большомъ домѣ и посредствомъ этого источника пытались безуспѣшно привлечь вниманіе Бэшуда, непроницаемо устремленное на другіе предметы. Маіоръ и миссъ Нили, заперлись вдвоёмъ для какого-то таинственнаго совѣщанія, и наружность миссъ Нили, по окончаніи этого свиданія, ясно показывала, что она плакала. Это случилось въ понедѣльникъ, а на слѣдующій день (то есть въ этотъ вторникъ) маіоръ изумилъ прислугу, объявивъ коротко, что дочери его нуженъ морской воздухъ и что онъ самъ отвезётъ её съ слѣдующимъ поѣздомъ въ Лаустофтъ. Оба уѣхали вмѣстѣ, оба очень серьёзные и молчаливые, но, повидимому, несмотря на это, добрыми друзьями. Мнѣніе въ большомъ домѣ приписывало этотъ домашній переворотъ ходившимъ слухамъ объ Алленѣ и миссъ Гуильтѣ. Мнѣніе въ коттеджѣ отвергало такое разрѣшеніе загадки по практическимъ причинамъ. Миссъ Нили сидѣла взаперти въ своей комнатѣ отъ понедѣльника до вторника до самаго того времени, какъ отецъ увёзъ её. Маіоръ въ этотъ же самый промежутокъ не говорилъ ни съ кѣмъ; а мистриссъ Мильрой, при первой попыткѣ ея новой сидѣлки сообщить ей о слухахъ, ходившихъ по городу, заставила её замолчать, впавъ въ сильнѣйшій припадокъ гнѣва какъ только было произнесено имя миссъ Гуильтѣ. Разумѣется,

должно было случиться что-нибудь заставшее маіора Мильроя уѣхать такъ внезапно съ дочерью изъ дома, но ужь, конечно, не скандалёзный побѣгъ мистера Армэделя днёмъ съ миссъ Гуильтъ.

Прошоль день, прошоль вечеръ, не случилось ничего, кромѣ чисто-домашняго событія въ коттэдждѣ; ничего не случилось (потому-что ничего въ натурѣ вещей *не могло* случиться), чтобъ разсѣять ошибочное предположеніе, на которое рассчитывала миссъ Гуильтъ, предположеніе, раздѣляемое съ Бэшудомъ всёмъ Тэрп-Эмбросомъ, что она уѣхала въ Лондонъ съ Алэнномъ, какъ его будущая жена.

Въ среду утромъ почтальонъ, войдя въ ту улицу, гдѣ жилъ Бэшудъ, былъ встрѣченъ самимъ Бэшудомъ, который съ такимъ нетерпѣніемъ желалъ узнать есть ли къ нему письмо, что вышелъ безъ шляпы. Къ нему было письмо, письмо, такъ горячо имъ ожидаемое отъ его безпутнаго сына.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Бэшудъ младшій отвѣчалъ на просьбу отца помочь ему, послѣ того, какъ на всю жизнь испортилъ его будущность:

Шэдисайдская площадь, вторникъ, іюля 29.

«Милый папаша, мы имѣемъ кой-какой навѣкъ обращаться съ тайнами, но тайственность вашего письма совсѣмъ сбила меня съ толку. Не рассчитываете ли вы на интересныя и скрытныя слабости какой-нибудь очаровательной женщины? или, послѣ вашего знакомства съ супружеской жизнью, вы собираетесь дать мнѣ мачиху въ ваши лѣта, какъ бы то ни было, клянусь моею жизнью, ваше письмо заинтересовало меня.

«Помните, я не шучу, хотя отъ этого искушенія устоять не легко, напротивъ, я уже отдалъ вамъ четверть часа моего драгоценнаго времени. Мѣсто, изъ котораго написано ваше письмо, показалось мнѣ знакомо. Я справился съ своей записной книжкой и узналъ, что меня посылали въ Торп-Эмбросъ не очень давно наводить частныя справки по порученію одной старухи, которая была слишкомъ хитра, чтобъ сказать намъ своё настоящее имя и адресъ. Разумѣется, мы тотчасъ принялись за

дѣло и узнали кто она. Её зовутъ мистриссъ Олдершѡ, и если вы намѣрены дать мнѣ въ мачихи её, я очень совѣтую подумать прежде чѣмъ вы сдѣлаете её мистриссъ Бэшудъ.

«Если это не мистриссъ Олдершѡ, всё, что я могу сдѣлать пока, это — сказать вамъ, какъ вы можете узнать адресъ неизвѣстной дамы. Приѣзжайте въ Лондонъ сами, какъ только вы получите письмо отъ джентльмэна, уѣхавшаго съ нею (надѣюсь, для васъ, что онъ не молодъ и не красивъ) и зайдите сюда. Я пошлю кого-нибудь помочь вамъ наблюдать за его отелемъ или квартирой, и если онъ имѣетъ сообщенія съ этой дамой, или эта дама съ нимъ, вы можете считать ея адресъ узнаннымъ съ той минуты. Какъ только я узнаю ея личность и гдѣ она живётъ: вы увидите всѣ ея очаровательные секреты такъ ясно, какъ видите бумагу, на которой вашъ любящій сынъ теперь пишетъ къ вамъ.

«Одно слово объ условіяхъ. Я готовъ столько же, какъ и вы, помириться съ вами; но хотя я сознаюсь, что вы истратились для меня когда-то, я не могу тратиться для васъ. Мы должны условиться, что вы будете платить за всѣ издержки по этимъ справкамъ. Намъ можетъ быть придется употребить женщинъ, служащихъ въ нашей конторѣ, если ваша дама слишкомъ хитра или слишкомъ хороша собою для того, чтобъ за ней могъ наблюдать мужчина. Надо будетъ нанимать извощиковъ, платить на почту за письма, ходить въ театры, если она тамъ бываетъ, платить церковнымъ сторожамъ, если она серьезнаго характера и ходить въ церковь слушать нашихъ популярныхъ проповѣдниковъ и тому подобное. Мои услуги вы будете имѣть даромъ, но я не могу тратиться для васъ. Только помните это и всё сдѣлается по-вашему. Мы забудемъ прошлое.

Вашъ любящій сынъ

«ДЖЭМСЪ ВЕШУДЪ».

Въ восторгѣ, что наконецъ къ нему явилась помощь, отецъ приложилъ къ губамъ отвратительное письмо сына.

— Мой добрый мальчикъ! нѣжно прошепталъ онъ:—мой милый, добрый мальчикъ!

Онъ положилъ письмо и погрузился въ новый потокъ мыслей. Слѣдующій вопросъ, который предстояло рѣшить, былъ очень важный—вопросъ времени. Педрифтъ сказалъ Бэшуду, что миссъ Гуильтъ можетъ быть обвинена черезъ двѣ недѣли. Одинъ день изъ четырнадцати уже прошолъ, а другой проходилъ. Бэшудъ нетерпѣливо ударилъ рукою по столу, спрашивая себя: какъ скоро недостатокъ въ деньгахъ принудитъ Аллена написать къ нему изъ Лондона.

— Завтра? спрашивалъ онъ себя.—Или послѣ завтра?

Завтра прошло и ничего не случилось. Насталъ слѣдующій день и пришло письмо—дѣловое, какъ онъ ожидалъ, о деньгахъ, какъ онъ ожидалъ, а въ постскриптумѣ стоялъ адресъ, кончавшійся словами: «можете рассчитывать, что я останусь здѣсь до дальнѣйшаго увѣдомленія».

Онъ свободно вздохнулъ и тотчасъ началъ — хотя до поѣзда, отправлявшагося въ Лондонъ, оставалось еще два часа—укладывать свои вещи въ дорожный мѣшокъ. Последняя положенная имъ вещь была голубой атласный галстухъ.

— Она любить яркіе цвѣта, сказалъ онъ: — и можетъ-быть еще увидитъ меня въ этомъ галстухѣ.

ГЛАВА XIV.

ДНЕВНИКЪ МИССЪ ГУИЛЬТЪ.

Лондонъ, 28 іюля понедѣльникъ вечеромъ.

«Я едва въ состоянці держать голову—такъ я устала! но въ моёмъ положеніи я не смѣю полагаться на память. Прежде чѣмъ лягу спать, я должна, по обыкновенію, записать событія этого дня.

«До-сихъ поръ счастливый оборотъ въ мою пользу (долго не было этого оборота) продолжается повидимому. Я успѣла принудить Армэдэля—грубіана надо было принудить! — уѣхать изъ Торп-Эмброза въ Лондонъ въ одномъ вагонѣ со мной въ глазахъ всѣхъ бывшихъ на станціи. Много было сплѣтниковъ и всѣ вытаращили на насъ глаза и очевидно всѣ выводили заключенія. Или я не знаю Торп-Эмброза, или теперь тамъ ходятъ большіе толки о мистерѣ Армэдэлѣ и миссъ Гуильтѣ.

Мнѣ было нѣсколько трудно съ нимъ первые полчаса. Кондукторъ (чудесный человекъ! я была такъ ему благодарна!) заперъ насъ вдвоёмъ, ожидая получить полкроны. Армэдэль подозрѣвалъ меня и показаль это ясно. Мало-по-малу я укротила моего дикаго звѣря отчасти тѣмъ, что не выказывала любопытства о причинѣ его поѣздки въ Лондонъ, а отчасти заинтересовавъ его другомъ его Мидуинтеромъ, особенно распространившись о случаѣ, представлявшемся теперь примиренія между

ними. Я тянула на этотъ тонъ до-тѣхъ-поръ, пока заставила его разговариваться и занимать меня, какъ мущина обязанъ занять даму, которую онъ имѣеть честь провожать по желѣзной дорогѣ.

«Но вся его безтолковая голова была, разумѣется, занята его собственными дѣлами и миссъ Мильрой. Никакими словами нельзя выразить какую неловкость выказалъ онъ, стараясь говорить о себѣ, не упоминая о миссъ Мильрой. Онъ серьезно сообщалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ въ Лондонъ по дѣлу крайне для него интересному. Пока это секретъ, но онъ надѣялся, что онъ скоро сообщитъ мнѣ объ этомъ; это уже сдѣлало большую разницу въ томъ, какъ онъ смотрѣлъ на сплетни, ходившія о немъ въ Торп-Эмбровѣ; онъ былъ слишкомъ счастливъ для того, чтобы обращать вниманіе на то, что сплетники говорили о немъ теперь, и онъ скоро заставитъ ихъ замолчать, явившись въ новомъ видѣ, который удивитъ ихъ всѣхъ. Такъ онъ болталъ съ твёрдымъ убѣжденіемъ, что я не догадываюсь ни о чомъ. Трудно было не расхохотаться, когда я вспомнила о моёмъ безымѣнномъ письмѣ къ маіору; но я успѣла воздержаться, хотя должна признаться, съ большими усиліями. Когда время проходило, я начала чувствовать страшное волненіе; это положеніе, какъ мнѣ кажется было выше моихъ силъ. Я была съ нимъ одна, разговаривая самымъ невиннымъ, свободнымъ, дружескимъ образомъ, а всё время имѣла въ мысляхъ лишить его жизни, когда наступитъ минута, какъ стереть пятно съ моей перчатки. Это кипятило мою кровь и заставляло горѣть мои щеки. Я раза два засмѣялась громче чѣмъ слѣдовало и задолго до того, какъ мы пріѣхали въ Лондонъ, я сочла нужнымъ спрятать моё лицо подъ опущеннымъ воалемъ.

«Доѣхавъ до станціи, не было никакого затрудненія заставить его поѣхать со мною въ кэбъ въ ту гостинницу, гдѣ остановился Мидуинтеръ. Онъ съ нетерпѣніемъ желалъ помириться съ своимъ милымъ другомъ—главное, я не сомнѣваюсь, потому, что онъ желаетъ, чтобы милый другъ помогъ ему въ побѣгѣ. Затрудненіе, разумѣется, заключалось въ Мидуинтерѣ. Моя внезапная поѣздка въ Лондонъ не позволила мнѣ написать къ

нему и преодолѣть его суетвѣрное убѣжденіе, что ему и его бывшему другу лучше быть въ разлукѣ. Я сочла благоразумнымъ оставить Армэдэля въ кабѣ у дверей, а самѣй пойти въ гостиницу приготовить для него дорогу.

Къ счастью, Мидуинтеръ былъ дома. Его восторгъ, когда онъ увидалъ меня нѣсколько ранѣе чѣмъ надѣялся, имѣлъ въ себѣ что-то заразительное, я полагаю. Фи! я могу признаться въ правдѣ моему дневнику! Была минута, когда я забыла всё на свѣтѣ, кромѣ насъ двоихъ также совершенно, какъ и онъ. Я точно опять сдѣлалась дѣвочкой, пока не вспомнила объ олухѣ въ кабѣ. Тогда я тотчасъ сдѣлалась опять тридцати-пяти-лѣтней женщиной.

«Лицо Мидуинтера измѣнилось, когда онъ узналъ кто внизу и, какъ мнѣ и хотѣлось, онъ не разсердился, а огорчился. Онъ уступилъ, однако, очень скоро не моимъ причинамъ, потому что я не представляла ему никакихъ, а моимъ просьбамъ. Его прежняя привязанность къ его другу можетъ-быть имѣла свою долю въ томъ, чтобы убѣдить его противъ его воли, но, по моему мнѣнію, онъ дѣйствовалъ совершенно подъ вліяніемъ его любви ко мнѣ.

«Я ждала въ гостиной пока онъ пошолъ внизъ, такъ что я не знаю что произошло между ними, когда они въ первый разъ увидѣли другъ друга. Но какая разница между этими двумя людьми, когда они пришли вмѣстѣ ко мнѣ! они оба были взволнованы, но какъ различно! Ненавистный Армэдэль такой шумный, красный, неуклюжій; милый, привлекательный Мидуинтеръ, такой блѣдный и спокойный, съ такою кротостью въ голосѣ, когда онъ заговорилъ, и съ такою нѣжностью въ глазахъ каждый разъ, какъ они обращались на меня. Армэдэль не обращалъ на меня никакого вниманія, точно будто меня не было въ комнатѣ. Онъ обращался ко мнѣ безпрестанно въ разговорѣ; онъ безпрестанно взглядывалъ на меня посмотрѣть что я думаю, между тѣмъ какъ я молча сидѣла въ углу и наблюдала за ними: онъ захотѣлъ проводить меня до квартиры и избавить меня отъ хлопотъ съ извозчикомъ и поклажей. Когда я поблагодарила его и отказалась, Армэдэль не скрывалъ своего удовольствія при на-

деждѣ освободиться отъ меня и завладѣть своимъ другомъ. Я оставила его опирающимся своими неловкими локтями о столъ; онъ царапалъ письмо (безъ сомнѣнія, къ миссъ Мильрой) и кричалъ слугѣ, что ему нужна спальная въ гостинницѣ. Я, разумѣется, рассчитывала, что онъ остановится тамъ, гдѣ остановился его другъ. Пріятно было видѣть, что моё ожиданіе оправдалось и знать, что онъ теперь у меня на глазахъ.

«Объщая дать Мидуинтеру знать, гдѣ онъ можетъ видѣть меня завтра, я уѣхала въ кабѣ отыскивать квартиру для себя.

«Съ нѣкоторыми затрудненіями мнѣ удалось найти сносную гостиную и спальную въ этомъ домѣ, гдѣ хозяева совершенно мнѣ незнакомы. Заплативъ за недѣлю впередъ, я осталась съ тремя шиллингами и девятью пенсами въ кошельгѣ. Невозможно просить денегъ у Мидуинтера, такъ какъ онъ уже заплатилъ за меня мистриссъ Ольдеридъ. Я должна завтра заложить свои часы съ цѣпочкой: этого мнѣ дестанетъ недѣли на двѣ на всё необходимое и даже болѣе. Въ это время, и еще скорѣе, Мидуинтеръ женится на мнѣ.

Юня 29. Два часа.—Рано утромъ я написала въ Мидуинтеру, что онъ найдётъ меня здѣсь въ три часа. Сдѣлавъ это, я посвятила утро двумъ дѣламъ. Объ одномъ едва ли стоитъ упомянуть: я пошла занять денегъ подъ закладъ часовъ и цѣпочки; я получила больше чѣмъ ожидала, и болѣе (даже если я куплю себѣ два дешовыя лѣтнія платья), чѣмъ я истрачу до моей свадьбы.

«Другое дѣло было гораздо серьёзнѣе; оно привело меня въ контору стряпчаго.

«Я хорошо сознавала вчера вечеромъ (хотя я слишкомъ была утомлена, чтобы записать это въ моёмъ дневникѣ), что я не могу увидѣться съ Мидуинтеромъ сегодня, *не сдѣлавъ видъ*, по крайней-мѣрѣ, что я откровенно объясняю ему мои обстоятельства. Исключая одного необходимаго соображенія, котораго я должна стараться не забывать, я нисколько не затрудняюсь выдумать ему исторію, какая мнѣ вздумается, потому-что до-сихъ поръ я никому не рассказывала никакихъ исторій о себѣ. Мидуинтеръ уѣхалъ въ Лондонъ прежде чѣмъ была возможность

приступить къ этому предмету. Что касается Мильроевъ (доставивъ имъ необходимую атестацію) я, по счастью, могла уклоняться отъ всѣхъ ихъ вопросовъ, относившихся собственно ко мнѣ самой. Наконецъ, когда я старалась помириться съ Армэдэлэмъ на дорожкѣ передъ домомъ, онъ имѣлъ глупость великодушничать и не позволилъ мнѣ защищать мою репутацію. Когда я выразила сожалѣніе о томъ, что я вышла изъ себя и угрожала миссъ Мильрой и приняла его увѣреніе, что моя воспитанница никогда не имѣла намѣренія сдѣлать мнѣ вредъ, онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобъ выслушать хоть слово о моихъ собственныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ я не связана никакими моими увѣреніями и могу рассказать какую захочу исторію — съ единственной помѣхой, о которой я уже упоминала. Что ни выдумала бы я, я должна сохранить роль, въ которой я явилась въ Торп-Эмбросѣ, потому-что съ извѣстностью, которою пользуется мое другое имя, мнѣ ничего другого не остается, какъ обвиняться съ Мидуинтеромъ подъ моимъ дѣвическимъ именемъ «миссъ Гуильтъ».

«Это-то» соображеніе и привело меня въ контору стряпчаго. Я чувствовала, что я должна узнать, прежде чѣмъ увижусь съ Мидуинтеромъ, какія неловкія обстоятельства могутъ послѣдовать за замужствомъ вдовы, если она скроетъ своё вдовье имя.

«Не зная никакого другого юриста, на котораго я могла бы положиться, я смѣло пошла къ тому, который защищалъ моё дѣло въ то ужасное прошлое время моей жизни, о которомъ я имѣю болѣе причинъ чѣмъ прежде стараться не вспоминать теперь. Онъ былъ удивленъ и, какъ я ясно видѣла, вовсе не радъ меня видѣть; не успѣла я раскрыть ротъ, какъ онъ уже выразилъ надежду, что я *опять* (онъ сдѣлалъ сильное удареніе на этомъ словѣ) не пришла совѣтоваться съ нимъ о себѣ. Я поняла намѣкъ и сдѣлала видъ будто пришла спросить, для очень удобнаго лица въ подобныхъ случаяхъ — отсутствующей пріятельницы. Стряпчій очевидно понялъ всё, но онъ имѣлъ хитрость обратить въ свою пользу «мою пріятельницу». Онъ сказалъ, что будетъ отвѣчать на вопросы изъ вѣжливости къ дамѣ, которой предста-

вительницей служу я, но долженъ поставить условіемъ, чтобъ эта консультація далѣе не пошла.

«Я приняла его условія, потому-что мнѣ понравилось искусство, съ какимъ онъ умѣлъ держать меня на приличномъ разстояніи, не нарушая законовъ благоприличія. Въ двѣ минуты я выслушала его, запомнила всё и ушла.

«Какъ ни была коротка консультація, она сказала мнѣ всё, что я желала знать. Я ничѣмъ не рискую, вѣнчаясь съ Мидуинтеромъ подъ моимъ дѣвическимъ, а не вдовымъ именемъ. Бракъ можетъ быть нарушенъ только въ такомъ случаѣ, когда мой мужъ узнаетъ объ обманѣ и приметъ мѣры, чтобъ уничтожить нашъ бракъ законнымъ порядкомъ. Это отвѣтъ адвоката его собственными словами. Онъ тотчасъ успокоилъ меня — въ этомъ отношеніи по-крайней-мѣрѣ — на счетъ всѣхъ будущихъ опасеній. Единственный обманъ, который откроетъ мой мужъ — и то если онъ будетъ при этомъ — будетъ тотъ обманъ, который поставитъ меня на мѣсто и дастъ мнѣ доходъ вдовы Армэдэля; а въ то время я сама уничтожу навсегда мой бракъ.

«Половина третьяго! Мидуинтеръ будетъ здѣсь черезъ полчаса. Я должна посмотрѣться въ зеркало, какой у меня видъ. Я должна вызвать мою изобрѣтательность и сочинить мой маленький домашній романъ. Тревожитъ ли меня это? Чтò-то трепещетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было прежде моё сердце. Въ тридцать-то пять лѣтъ! и послѣ такой жизни, какъ моя!

Шесть часовъ. — Онъ только что ушелъ. День нашей свадьбы уже рѣшонъ.

«Я стараюсь успокоиться и нѣсколько придти въ себя. Не могу. Я воротилась къ этимъ листкамъ. Многое надо написать на нихъ съ-тѣхъ-поръ, какъ Мидуинтеръ былъ здѣсь, что близко касается меня.

«Начну съ того, о чомъ я болѣе всего ненавижу вспоминать, такъ что чѣмъ скорѣе порѣшить съ этимъ, тѣмъ лучше; начну съ жалкой нити неправдъ, сказанныхъ мною о моихъ семейныхъ огорченіяхъ.

«Въ чомъ можетъ заключаться тайна вліянія этого человѣка на меня? Какъ это онъ измѣняетъ меня такимъ образомъ,

что я едва узнаю себя? Я походила на себя вчера въ вагонѣ съ Армэдэлемъ. Конечно, ужасно было разговаривать съ живымъ человекомъ во всё это продолжительное путешествіе и знать всё время, что я намѣрена быть его вдовой, а между тѣмъ я находилась только въ лихорадочномъ волненіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ я, ни разу не останавливаясь, разговаривала съ Армэдэлемъ; но отъ первой лжи, сказанной мною Армэдэлю, я похолодѣла, когда увидала, что онъ вѣритъ ей. Я почувствовала истерическое сжатіе въ горлѣ, когда онъ умолялъ меня не открывать ему моихъ огорченій. А разъ — я прихожу въ ужасъ, когда подумаю объ этомъ — разъ, когда онъ сказалъ: «еслибы я могъ любить васъ болѣе, я еще болѣе полюбилъ бы васъ теперь» я чуть-было не сдѣлалась измѣнницей самой себѣ, я чуть-было не закричала ему: «ложь! это всё ложь!» Я дьяволь въ человѣческомъ образѣ! Женитесь на самой развратной женщинѣ, шатающейся по улицамъ, и вы женитесь на женщинѣ лучше меня!...» Да, видя какъ увлажняются его глаза, слыша какъ голосъ его дрожить въ то время, какъ я обманываю его, я была потрясена. Я видѣла сотни мушинъ красивѣе и умнѣе его. Чтò этотъ человекъ возбудилъ во мнѣ? Не-уже-ли это любовь? Я думала, что я никогда уже не буду болѣе любить. Развѣ женщина не любитъ, когда жестокость мужчины заставляетъ её утопиться? Одинъ мужчина довѣлъ меня до этого послѣдняго отчаянія въ давнопрошедшіе дни... Или моё несчастье въ то время происходило отъ другого, а не отъ любви? Не-уже-ли я дожила до тридцати-пяти лѣтъ и только теперь чувствую чтò такое любовь — теперь, когда уже слишкомъ поздно? Смѣшно! Кромѣ того, къ чему спрашивать? Развѣ я это знаю? Какая женщина это знаетъ? Чѣмъ болѣе мы думаемъ объ этомъ, тѣмъ болѣе мы себя обманываемъ. Желала бы я родиться звѣремъ: моя красота, можетъ-быть, была бы мнѣ тогда полезна, она, можетъ-быть, доставила бы мнѣ тогда добраго господина.

«Вотъ цѣлая страница моего дневника наполнена, я ничего еще не написала такого, чтò могло бы принести мнѣ малѣйшую пользу. Надо и здѣсь рассказать мою жалкую исторію, пока событія еще свѣжи въ моей памяти, а то какъ мнѣ сослаться на неё въ

послѣдующихъ обстоятельствахъ, когда я, можетъ быть, буду при-
нуждена говорить о ней опять?

«Ничего не было новаго въ томъ, что я сказала ему; это былъ
пошлый вздоръ романовъ, наполняющихъ библіотеки для чтенія.
Умершій отецъ, потерянное состояніе, безпутные братья, кото-
рыхъ я боюсь, больная мать, содержимая моими трудами... нѣтъ!
не могу этого писать! Я ненавижу, презираю себя, когда вспо-
ню, что онъ повѣрилъ этому, потому-что я это говорила, что
онъ былъ этимъ огорченъ, потому-что это была моя исторія! Я
подвергнуся случайности противорѣчить себѣ—я рискну откры-
тіемъ и разореніемъ—всѣмъ, скорѣе, чѣмъ распространяться
далѣе объ этомъ презрѣнномъ обманѣ.

«Моя лодъ наконецъ кончилась. Онъ заговорилъ со мною о
самомъ себѣ и о своихъ надеждахъ. О! какимъ было облегче-
ніемъ вернуться къ этому въ то время! Какое облегченіе вер-
нуться къ этому теперь!

«Онъ принялъ предложеніе, о которомъ онъ писалъ мнѣ въ Торн-
Эмбросъ, и онъ теперь взять въ заграничные корреспонденты
одной газеты. Прежде всего онъ долженъ ѣхать въ Неаполь. Желала
бы я, чтобъ это было какое-нибудь другое мѣсто, потому-что у
меня съ Неаполемъ связаны воспоминанія, которыхъ я не желала
бы возобновлять. Условились такъ, что онъ оставитъ Англію не
позже одиннадцатаго числа этого мѣсяца. Въ это время я должна
ѣхать съ нимъ какъ его жена.

«Относительно брака нѣтъ никакого затрудненія. Всѣ кажется
такъ легко, что я начинаю опасаться какого-нибудь несчастья.
Предложеніе скрывать это втайнѣ—что мнѣ затруднительно было
бы сдѣлать—сдѣлалъ онъ. Такъ какъ онъ женится на мнѣ подъ
своимъ собственнымъ именемъ—именемъ, которое онъ скрывалъ
отъ всѣхъ, кромѣ меня и Брока—онъ не хочетъ, чтобъ при брач-
ной церемоніи присутствовалъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кто его знаетъ,
другъ его Армэдэль менѣе всѣхъ. Онъ уже въ Лондонѣ недѣлю.
Когда пройдетъ другая недѣля, онъ предлагаетъ взять позволе-
ніе и обвѣнчаться въ церкви, принадлежащей къ приходу, въ
которомъ находится гостиница. Это единственные необходимыя
формальности. Мнѣ стоить только сказать «да» (онъ увѣрилъ

меня) и не чувствовать безпокойства о будущемъ. Я сказала «да» съ такимъ страшнымъ безпокойствомъ о будущемъ, что боялась, чтобъ онъ этого не увидаль. Какія минуты послѣдовали за этимъ, когда онъ шепталъ мнѣ восхитительныя слова, а я спрятала лицо моё на груди его!

«Я скоро опомнилась, заговорила съ нимъ объ Армэдэлѣ, имѣя свои причины знать о чомъ они говорили между собою послѣ того, какъ я оставила ихъ вчера.

«Тонъ, которымъ Мидуинтеръ отвѣчалъ, показывалъ, что онъ говоритъ подъ вліяніемъ сдержанности, наложенной на него признаніемъ его друга. За долго до того, какъ онъ кончилъ, я увидала въ чѣмъ состояло это признаніе. Армэдэль совѣтовался съ нимъ (именно, какъ я ожидала) на счетъ побѣга. Хотя, кажется, Мидуинтеръ былъ противъ того, чтобъ увести дѣвушку тайно, онъ повидимому изъ деликатности не очень отговаривалъ; вспомнивъ (несмотря на огромную разницу въ обстоятельствахъ), что онъ самъ собирается жениться тайно. Я поняла, по-крайней-мѣрѣ, что его слова произвели мало дѣйствія и что Армэдэль уже исполнилъ своё нелѣпое намѣреніе посовѣтоваться съ главнымъ клеркомъ въ конторѣ его лондонскихъ нотаріусовъ.

«Дойдя до этого, Мидуинтеръ сдѣлалъ вопросъ, который, какъ я ожидала, онъ долженъ былъ сдѣлать раньше или позже. Онъ спросилъ: воспротивлюсь ли я тому, чтобъ о нашей помолвкѣ онъ подъ строжайшимъ секретомъ сообщилъ своему другу.

«— Я поручусь, сказалъ онъ: — что Алленъ сохранитъ втайнѣ всякое моё признаніе. А я, когда настанетъ время, постараюсь моимъ вліяніемъ на него не допустить его и присутствовать на свадьбѣ и не узнать (чего онъ не долженъ знать никогда), что я ношу одно имя съ нимъ. Это поможетъ мнѣ, продолжалъ Мидуинтеръ: «говорить сильнѣе о предметѣ, который привелъ его въ Лондонъ, если я отплачу за откровенность, съ какою онъ говорилъ мнѣ о своихъ частныхъ дѣлахъ, такую же откровенностью съ моей стороны».

«Мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ дать необходимое позволеніе, и я дала. Для меня чрезвычайно важно знать на что рѣшится майоръ Мильрой относительно своей дочери и Армэделя,

по полученіи моего безымѣннаго письма; и если я не приобрѣту довѣрія Армэдэля, я совершенно убѣждена, что я не узнаю ничего. Когда онъ будетъ знать, что я выхожу за Мидуинтера и всё, что онъ будетъ рассказывать своему другу, онъ раскажетъ мнѣ.

«Когда мы рѣшили, что Армэдэлю будетъ вѣрена моя тайна, мы начали опять говорить о себѣ. Какъ бѣжало время! Какимъ сладкимъ было очарованіемъ забыть всё въ его объятіяхъ! какъ онъ любить меня! Ахъ, бѣдняжка! какъ онъ любить меня!

«Я общала встрѣтиться съ нимъ завтра въ Регентскомъ паркѣ. Чѣмъ меньше его видать здѣсь, тѣмъ лучше. Конечно, люди въ этомъ домѣ для меня чужіе, но, можетъ-быть, благоразумнѣе сохранять наружный видъ, какъ-будто я еще въ Торп-Эмброзѣ и не производить впечатлѣнія даже на нихъ, что Мидуинтеръ помолвленъ со мною. Если будутъ наводить справки впослѣдствіи, когда я рѣшусь на великій рискъ, свидѣтельство моей лондонской хозяйки чего-нибудь да будетъ стоить.

«Этотъ негодный старикъ Бэшудъ! Написавъ о Торп-Эмброзѣ, я вспомнила о нёмъ. Что онъ скажетъ, когда до него дойдутъ городскія сплѣтні, что Армэдэль увезъ меня въ Лондонъ въ особенномъ вагонѣ? Это, право, слишкомъ нелѣпо въ человѣкѣ такихъ лѣтъ и такой наружности, какъ Бэшудъ осмѣлиться влюбиться!...

Юля 30.—Новости, наконецъ! Армэдэль получилъ извѣстіе отъ миссъ Мильрой. Мое безымѣнное письмо произвело эффектъ. Дѣвочку ужъ увезли изъ Торп-Эмброза и весь планъ побѣга разлетѣлся по вѣтру вдругъ и навсегда. Это сущность того, что Мидуинтеръ рассказалъ мнѣ, когда я встрѣтилась съ нимъ въ паркѣ. Я притворилась чрезвычайно удивленной и выказала женское любопытство узнать подробности.

«— Я не ожидаю, чтобы моё любопытство удовлетворилось, сказала я: — потому-что я и мистеръ Армэдэль болѣе ничего, какъ короткіе знакомые.

— Вы болѣе чѣмъ знакомая для Аллена, сказалъ Мидуинтеръ.— Имѣя ваше позволеніе довѣриться ему, я уже сказалъ ему, какъ вы близки и дороги для меня.

«Услышавъ это, я сочла нужнымъ, прежде чѣмъ стану спрашивать о миссъ Мильрой, позаботиться о моихъ собственныхъ интересахъ и узнать, какое дѣйствіе произвело на Армэдэля извѣстіе о моемъ приближающемся бракѣ. Очень можетъ быть, что онъ еще подозрѣваетъ меня и что справки, наводимыя имъ въ Лондонѣ по наущенію мистриссъ Мильрой, еще тяготятъ его душу.

«— Былъ удивлѣнъ мистеръ Армэдэль, спросила я: — когда вы сказали ему о нашей помолвкѣ и о томъ, что она должна оставаться втайнѣ отъ всѣхъ?

— Онъ казался очень удивлѣнъ, отвѣчалъ Мидуинтеръ:—услышавъ, что вы выходите за меня. Онъ сказалъ только, когда я сообщилъ ему, что это надо держать втайнѣ, что, вѣроятно, семейныя причины съ вашей стороны заставляютъ не разглашать объ этомъ бракѣ.

«— А чтó вы сказали, когда онъ сдѣлалъ это замѣчаніе? освѣдомилась я.

«— Я сказалъ, что семейныя причины съ моей стороны, отвѣчалъ Мидуинтеръ:—и счолъ нужнымъ прибавить—соображая, что Аллэнъ позволилъ себѣ увлечься недовѣріемъ къ вамъ въ Торп-Эмбросѣ—что вы рассказали мнѣ всю вашу печальную семейную исторію и вполнѣ оправдали ваше нежеланіе говорить о вашихъ семейныхъ обстоятельствахъ.

«Я опять вздохнула свободно. Онъ сказалъ именно то, чтó нужно и именно такъ, какъ слѣдовало сказать.

«— Благодарю васъ, отвѣчала я:—за то, что вы возстановили меня въ уваженіи вашего друга. Желаетъ онъ видѣть меня? прибавила я, чтобы воротиться къ миссъ Мильрой и ея побѣгу.

«— Онъ очень желаетъ васъ видѣть, отвѣчалъ Мидуинтеръ.— Онъ очень огорченъ, бѣдняжка! Я старался утѣшить его, но горестъ его скорѣе уступить женскому сочувствію, чѣмъ моему.

«— Гдѣ онъ теперь? спросила я.

«Онъ былъ въ гостинницѣ и я тотчасъ предложила идти туда. Это многолюдное мѣсто и (съ опущеннымъ воалемъ) я менѣе боюсь компрометировать себя чѣмъ въ моей тихой квартирѣ. Притомъ для меня чрезвычайно важно знать, чтó теперь сдѣ-

лаетъ Армэдэль, при этой совершенной перемѣнѣ обстоятельствъ, потому-что я такъ должна распорядиться его поступками, чтобъ удалить его изъ Англій, если я могу. Мы взяли кэбъ—таково было моё нетерпѣніе симпатизировать съ огорченнымъ любовникомъ, что мы взяли кэбъ!

«Во всю мою жизнь я не видала ничего смѣшнѣе поведенія Армэдэла при двухъ неожиданныхъ извѣстіяхъ, что его возлюбленную увезли отъ него и что я выхожу за Мидуинтера. Сказать, что онъ походилъ на ребѣнка, было бы пасквилемъ на всѣхъ дѣтей, не родившихся идиотами. Онъ поздравилъ меня съ наступающимъ замужствомъ и проклиналъ неизвѣстную злодѣйку, написавшую безымѣнное письмо, не думая, что онъ говоритъ съ этою самою особою. То онъ покорно сознавался, что маіоръ Мильрой дѣйствуетъ по праву отца, то обвинялъ маіора въ томъ, что онъ не имѣетъ чувствъ ни для чего, кромѣ своей механики и своихъ часовъ; то онъ вскочить со слезами на глазахъ и объявляетъ, что его «дорогая Нили» сущій ангель на землѣ; потомъ опять мрачно сядетъ и думаетъ, что такая мужественная дѣвушка могла бы убѣжать къ нему въ Лондонъ. Черезъ полчаса такихъ нелѣпыхъ вспышекъ я успѣла успокоить его; а потомъ нѣсколько нѣжныхъ разспросовъ доставили мнѣ то, зачѣмъ я именно пришла въ гостиницу—письмо миссъ Мильрой.

«Оно было глупо, длинно и сбивчиво—словомъ, такое письмо могла написать только дура. Я должна была пробѣжать множество пошлыхъ сантиментальностей и сѣтованій и терять время и терпѣніе надъ приторными вспышками чувства и противными поцалуями, обведенными чернилами. Однако мнѣ удалось наконецъ добратся до свѣдѣній, которыхъ я желала. Вотъ они:

«Маіоръ, по полученіи моего безымѣннаго письма, тотчасъ послалъ за дочерью и показалъ ей письмо.

«— Ты знаешь какую тягостную жизнь веду я съ твоей матерью? Не сдѣлай её тягостнѣе, Нили, обманывая меня.

«Вотъ всё, что сказалъ бѣдный джентльменъ. Я всегда любила маіора, и хотя онъ боялся это показать, я знаю, что онъ любилъ меня. Его слова (если вѣрить ея разсказу) пронзили ей сердце. Она заплакала и призналась во всѣмъ.

«Давь ей время оправиться (еслибы онъ далъ ей поощрину, это было бы лучше), маіоръ сдѣлалъ нѣкоторые вопросы и убѣдился (какъ убѣдилась и я), что сердце или воображеніе, или, какъ бы она ни называла это, его дочери принадлежать Армэдэлю. Это открытіе очевидно и огорчило и удивило его. Онъ колебался и нѣсколько времени поддерживалъ своё неблагопріятное мнѣніе о любовникѣ миссъ Нили. Но слѣзы и просьбы дочери (какъ это похоже на слабость милого старика!) поколебали его наконецъ. Хотя онъ твёрдо отказалъ дать теперь же согласіе на помолвку, онъ согласился простить невозволительныя свиданія въ паркѣ и испытать, годится ли Армэдэль быть ему зятемъ, съ нѣкоторыми условіями.

«Эти условія состоятъ въ томъ, чтобы на шесть мѣсяцевъ прервать всѣ сношенія и личныя и письменныя между Армэдэлемъ и миссъ Мильрой. Это время должно быть употреблено молодымъ человѣкомъ какъ онъ найдетъ лучшимъ, а молодую дѣвицей для окончанія своего воспитанія въ школѣ. Если, когда пройдётъ полгода, оба не перемѣнятъ мыслей и если поведеніе Армэдэля въ этотъ промежутокъ поправитъ мнѣніе маіора о нёмъ, ему будетъ позволено явиться въ качествѣ жениха миссъ Мильрой, а еще черезъ полгода, если всё пойдѣтъ хорошо, можетъ совершиться и свадьба.

«Право я могла бы распаловать милого маіора, если бы была близко отъ него! Еслибы я стояла возлѣ него и диктовала условія сама, я не могла бы потребовать ничего лучше этого. Шесть мѣсяцевъ разлуки между Армэдэлемъ и миссъ Мильрой! въполовину этого времени—когда всѣ сообщенія будутъ прерваны между ними—стало бы со мною дѣлается особенное несчастье, если я не одѣнусь въ надлежащій трауръ и не выдамъ себя публично за вдову Армэдэля.

«Но я забываю о письмѣ дѣвочки. Она объясняетъ причины, по которымъ отецъ сдѣлалъ эти условія, собственными словами отца. Маіоръ говорилъ такъ умно и съ такимъ чувствомъ, что не оставилъ ни дочери, ни Армэдэлю ничего другого, кромѣ какъ покориться. На сколько я могу припомнить, онъ выразился съ миссъ Нили такими или почти что такими словами:

«— Не думай, что я поступаю съ тобою жестоко, другъ мой, я просто прошу тебя испытать мистера Армедела. Это не только справедливо, но и необходимо, чтобъ ты не имѣла съ нимъ сообщеній нѣсколько времени, и я покажу тебѣ почему. Во-первыхъ, если ты поступишь въ школу—необходимыя правила въ такихъ мѣстахъ, необходимыхъ для другихъ дѣвушекъ—не позволять тебѣ видѣться съ мистеромъ Армэдэлэемъ, или получать письма отъ него; а если ты хочешь сдѣлаться владѣтельницей Торп-Эмброза, ты должна поступить въ школу, потому что и тебѣ и мнѣ было бы стыдно, когда ты, занимая значительное положеніе, не будешь имѣть образованія, котораго ожидаютъ отъ всѣхъ дамъ въ этомъ званіи. Во-вторыхъ, я желаю знать будетъ ли мистеръ Армэдэль продолжать думать о тебѣ такъ, какъ онъ думаетъ теперь, не будучи поощряемъ въ своей привязанности свиданіями съ тобою, или извѣстіями о тебѣ. Если я ошибаюсь, считая его легкомысленнымъ и ненадежнымъ, и если твоѣ мнѣніе о немъ справедливо, это значитъ подвергать его несправедливому испытанію—истинная любовь переживаетъ болѣе продолжительную разлуку чѣмъ шестимѣсячная. А когда это время пройдетъ, когда я буду наблюдать за нимъ самъ еще шесть мѣсяцевъ и стану думать о немъ такъ же хорошо, какъ думаешь ты, даже тогда, другъ мой, послѣ этой всей страшной отсрочки, ты будешь замужемъ прежде чѣмъ тебѣ минетъ восемнадцать лѣтъ. Подумай объ этомъ, Нили и покажи, что ты любишь меня и довѣряешь мнѣ, принявъ моѣ предложеніе. Я самъ не буду имѣть сношеній съ мистеромъ Армэдэлэемъ. Предоставляю тебѣ написать ему какъ мы рѣшили. Онъ можетъ отвѣчать однимъ письмомъ, только однимъ, чтобы сообщить тебѣ своѣ рѣшеніе. Послѣ этого, ради твоей репутаціи, ничего не должно быть болѣе говорено и это слѣдуетъ держать въ строжайшей тайнѣ пока пройдутъ промежуточные полгода.»

«Вотъ какъ говорилъ маіоръ. Его обращеніе съ этой дѣвчонкой произвело на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ все другое въ письмѣ. Оно заставило меня подумать (меня, изъ всѣхъ людей на свѣтѣ менѣе способную на это) о томъ, что называется «нравственнымъ затрудненіемъ». Намъ постоянно говорить,

что между добродѣтелью и порокомъ нѣтъ никакихъ возможныхъ отношеній. Не-уже-ли нѣтъ? Вотъ маіоръ Мильрой сдѣлалъ именно то, что превосходный отецъ, вмѣстѣ добрый и благоразумный, любящій и твёрдый, сдѣлалъ бы въ подобныхъ обстоятельствахъ, и этимъ самымъ поведеніемъ онъ теперь проложилъ дорогу для *меня* такъ гладко, какъ еслибъ былъ выбраннымъ сообщникомъ этого гнуснаго созданія — миссъ Гуильтъ. Вотъ какимъ образомъ я разсуждаю! Но я въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, что на всё способна сегодня. Я уже много мѣсяцевъ не казалась такъ молода и весела!

«Возвращаюсь въ письмо въ послѣдній разъ, оно такъ скучно и такъ глупо, что я никакъ не могу не отвлекаться отъ него собственными размышленіями для облегченія.

«Торжественно объявивъ, что она намѣрена пожертвовать собою желаніямъ отца (дерзость выдать себя за жертву послѣ того что случилось, превосходить всё слышанное или читанное мною!), миссъ Нили потомъ упомянула, что маіоръ предложилъ отвезти её въ приморскій городъ для перемѣны воздуха, продолженіе того короткаго времени, которое должно пройти прежде чѣмъ она поступитъ въ школу. Армэдэль долженъ былъ отвѣчать ей съ слѣдующей почтой на имя отца въ Лоуистофтъ. Затѣмъ съ послѣдней вспышкой вѣжныхъ увѣреній, нацарапанныхъ на углу страницы, письмо кончилась. (N. V.) цѣль маіора отвезти её въ приморскій городокъ довольно ясна. Онъ еще не довѣряетъ Армэдэлю и благоразумно не допускалъ nepозволенныхъ свиданій въ паркѣ, прежде чѣмъ дѣвушка поступитъ въ школу.

«Когда я окончила съ письмомъ—я просила позволенія прочесть въ нёмъ нѣкоторыя мѣста, которыми я особенно восхищалась во второй и въ третій разъ—мы всё стали совѣщаться дружески о томъ, что Армэдэлю дѣлать.

«Онъ сначала имѣлъ глупость не соглашаться на условія маіора Мильроя. Онъ объявилъ съ своимъ противнымъ румянымъ лицомъ, представлявшимъ изображеніе скотскаго здоровья, что онъ не переживётъ шестимѣсячной разлуки съ своей возлюбленной Нили. Мидуинтеру (какъ легко можно вообразить) стало

стыдно за него и онъ вмѣстѣ со мною сталъ уговаривать его образумиться. Мы показали ему, что было бы ясно для всякаго, кромѣ олуха, что благородство и даже приличіе предписываютъ ему послѣдовать покорности молодой дѣвушки.

«— Подождите — и она будетъ вашей женой, сказала я.

«— Подождите — и вы принудите маіора перемѣнить свое несправедливое мнѣніе о васъ, прибавилъ Мидуинтеръ.

«Когда двое умныхъ людей вбивали ему въ голову здравый смыслъ, бесполезно говорить, что голова его уступила и онъ покорился.

«Уговоривъ его принять условія маіора (я позаботилась предостеречь его, прежде чѣмъ онъ написалъ къ миссъ Мильрой, что моя помолвка съ Мидуинтеромъ должна оставаться въ такой же строгой тайнѣ отъ нея, какъ отъ другихъ), надо было рѣшить прежде всего его будущій образъ дѣйствій. У меня были готовы надлежащіе аргументы, чтобъ остановить его, если онъ предложитъ воротиться въ Торп-Эмбросъ. Но онъ не предложилъ ничего подобнаго, напротивъ, онъ объявилъ самъ, что ничто не заставитъ его воротиться. И мѣсто и люди тамъ сдѣлались для него ненавистны. Теперь миссъ Мильрой не будетъ встрѣчаться съ нимъ въ паркѣ, а Мидуинтеръ бесѣдовать съ нимъ въ уединенномъ домѣ.

«— Я скорѣе пойду ломать камни на дорогѣ, было его умнымъ и веселымъ замѣчаніемъ: — чѣмъ верочусь въ Торп-Эмбросъ.

«Первый совѣтъ потомъ подаль Мидуинтеръ. Хитрый старикъ, надѣлавшій столько хлопотъ мистриссъ Ольдершотъ и мнѣ, былъ боленъ, но послѣднее время ему сдѣлалось лучше.

«— Зачѣмъ не поѣхать въ Сомерсетширъ? сказалъ Мидуинтеръ: — и увидѣться съ вашимъ и моимъ добрымъ другомъ, мистеромъ Брокомъ?

«Армэдэль съ радостью ухватился за это предложеніе. Онъ желалъ, во-первыхъ, видѣть «милаго старика Брока», а во-вторыхъ — свою яхту. Онъ останется еще нѣсколько дней въ Лондонѣ съ Мидуинтеромъ, а потомъ охотно поѣдетъ въ Сомерсетширъ. Но послѣ-то что жъ?

«Увидѣвъ удобный случай, я подоспѣла на выручку на этотъ разъ.

«— У васъ есть яхта, мистеръ Армэдэль, сказала я: — а вы знаете, что Мидуинтеръ ѣдетъ въ Италію. Когда вамъ надоѣстъ Сомерсетширъ, зачѣмъ не сдѣлать поѣздку по Средиземному морю и увидѣться съ вашимъ другомъ и съ женою вашего друга, въ Неаполь?»

«Я сдѣлала намѣкъ на «жену его друга» съ самой приличной скромностью и замѣшательствомъ. Армэдэль былъ въ восторгѣ. Я упомянула о самомъ лучшемъ способѣ занять скучное время. Онъ вскочилъ и пожалъ мою руку въ экстазѣ признательности. Какъ я ненавижу людей, которые могутъ выражать свои чувства, сжимая до боли руки другихъ людей!

«Мидуинтеру, также какъ и Армэдэлю, было приятно моё предложеніе, но онъ видѣлъ затрудненіе въ исполненіи его. Онъ считалъ яхту слишкомъ маленькой для крейсировки въ Средиземномъ морѣ и думалъ, что слѣдуетъ нанять судно побольше. Другъ его думалъ иначе. Я оставила ихъ разсуждать объ этомъ вопросѣ. Для меня было совершенно довольно удостовѣриться, во-первыхъ, что Армэдэль не воротится въ Торн-Эмбровъ и угворить его, во-вторыхъ, ѣхать за границу. Онъ можетъ ѣхать какъ онъ хочетъ. Я сама предпочла бы маленькую яхту, потому-что была бы надежда, что маленькая яхта могла оказать мнѣ неоцѣненную услугу—утопить его...

«*Пять часовъ.* — Сознанія, что будущіе поступки Армэдэля будутъ находиться подъ моимъ контролемъ, такъ меня взволновало, когда я воротилась на свою квартиру, что я была принуждена выйти опять и сдѣлать что-нибудь. Мнѣ было необходимо заняться новымъ интересомъ, я и отправилась въ Цимлико покончить съ мистриссъ Ольдерипъ.

«Я пошла пѣшкомъ и рѣшила дорогою, что я поссорюсь съ ней. Такъ какъ по одной моей роспискѣ уже заплачено, а Мидуинтеръ охотно заплатитъ по двумъ другимъ по наступленіи срока, то мои настоящія отношенія къ негодной старухѣ такъ независимы, какъ я могла бы пожелать. Я всегда съ ней слажу, когда между нами доходить до прямой ссоры и нахожу её удиви-

тельно вѣжливой и обязательной, какъ только дамъ ей почувствовать, что моя воля сильнѣе ея воли. Въ мѣмъ настоящемъ положеніи она можетъ быть полезна мнѣ разнымъ образомъ, еслибы я могла приобрѣсти ея помощь, не довѣряя ей тайнъ, которыя рѣшилась теперь болѣе прежняго держать про себя одну. Это была моя мысль, когда я шла въ Пимлико. Во-первыхъ, разстроить нервы мистриссъ Ольдершѣ, а потомъ повернуть её какъ захочу, обѣщало мнѣ интересное занятіе на цѣлый день.

«Когда я пришла въ Пимлико, меня ждалъ сюрпризъ. Домъ былъ запертъ не только со стороны мистриссъ Ольдершѣ, но и со стороны доктора Дауноарда. Замѣкъ висѣлъ на двери лавки, а какой-то человѣкъ караулилъ; конечно, онъ могъ быть простымъ празднопшатающимся, но, по моему мнѣнію, очень походилъ на переодѣтаго полисмэна.

«Зная какимъ опасностямъ подвергается докторъ въ практикѣ того рода, какую занимается онъ, я тотчасъ догадалась, что случилось нѣчто серьезное и что хитрая мистриссъ Ольдершѣ компрометирована на этотъ разъ. Не останавливаясь, не дѣлая никакихъ разспросовъ, я сѣла въ первый проѣзжавшій кэбъ и поѣхала на почту, куда, я распорядилась, чтобъ были пересланы письма, которыя будутъ получены послѣ моего отъѣзда изъ Торп-Эмброза.

«Тамъ оказалось письмо къ «миссъ Гуильтъ». Дочеркъ былъ мисстриссъ Ольдершѣ и въ нёмъ сообщалось мнѣ, что докторъ попалъ въ серьезные затрудненія, что она сама, къ несчастью, замѣшана въ это дѣло и что они оба скрываются пока. Письмо кончалось порядочно злобными фразами о моёмъ поведеніи въ Торп-Эмбросѣ и предостереженіемъ, что я еще услышу о мистриссъ Ольдершѣ. Меня облегчило это ея письмо, потому что она была бы вѣжлива и раболѣпна, еслибы подозрѣвала что у меня есть въ виду. Я сожгла это письмо какъ только принесли свѣчи. Пока всё сношенія между матушкой Лезавелью и мною кончились. Теперь я должна одна совершить всё мое грязное дѣло — и можетъ быть будетъ безопаснѣе, если я не поручу этого ничьимъ другимъ рукамъ, кромѣ своихъ собственныхъ.

Юля 31. — Еще полезныя свѣдѣнія для меня. Я опять сошлась съ Мидуинтеромъ въ паркѣ (подъ предлогомъ, что моя репутація можетъ пострадать, если онъ слишкомъ часто будетъ бывать у меня), и узнала послѣднія извѣстія объ Армэдэлѣ послѣ того, какъ я ушла изъ гостинницы вчера.

Когда онъ написалъ къ миссъ Мильрой, Мидуинтеръ воспользовался случаемъ поговорить ему о необходимыхъ дѣловыхъ распоряженіяхъ во время его отсутствія изъ Торп-Эмброза. Рѣшили, что слугамъ будетъ выдаваться жалованье на столъ и что Бэшудъ останется въ своей должности. (Мнѣ какъ-то не нравится появленіе Бэшуда при моихъ настоящихъ интересахъ, но нечего дѣлать). Слѣдующій вопросъ — о деньгахъ тотчасъ былъ рѣшонъ самимъ Армэдэлемъ. Всѣ его наличныя деньги — большая сумма — долженъ Бэшудъ отдавать въ банкъ Куттса на имя Армэдэля. Онъ сказалъ, что это избавить отъ скуки писать письма къ своему управляющему и позволить тотчасъ взять сколько ему нужно, когда онъ поѣдетъ за границу. Планъ, предложенный такимъ образомъ, былъ самый простой и безопасный и былъ одобренъ Мидуинтеромъ, и тѣмъ и кончилось бы дѣловое совѣщаніе, еслибы объ этомъ вѣчномъ Бэшудѣ опять не было упомянуто въ разговорѣ, что продолжило разговоръ совсѣмъ въ новомъ направленіи.

«Мидуинтеру пришло въ голову, что не слѣдуетъ возлагать всю отвѣтственность по Торп-Эмброзу на Бэшуда. Не имѣя къ нему ни малѣйшей недовѣрчивости, Мидуинтеръ чувствовалъ, однако, что надъ Бэшудомъ слѣдуетъ поставить кого-нибудь, къ кому онъ могъ бы обратиться въ какомъ-нибудь непредвидѣнномъ обстоятельствѣ. Армэдэль не сдѣлалъ на это возраженія, онъ только спросилъ кто это будетъ?»

«Отвѣтъ не легко было дать. Можно было взять одного изъ стряпчихъ торп-эмбросскихъ, но Армэдэль находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ обоими. О примиреніи съ такимъ горькимъ врагомъ, какъ стряпчій Дарчъ, нечего было и говорить; а поставить Педгифта въ его прежнее положеніе значило бы безмолвнымъ одобреніемъ со стороны Армэдэля гнуснаго поведенія стряпчаго со мною, что не согласовалось бы съ уваженіемъ»

емъ, которое онъ чувствовалъ къ женщицѣ, которая скоро должна была сдѣлаться женою его друга. Послѣ дальнѣйшихъ разсужденій Мидуинтеръ подалъ новый совѣтъ, повидимому уничтожившій затрудненіе. Онъ предложилъ Армэдэлю написать къ одному почтенному стряпчему въ Норуичѣ, объяснилъ ему своё положеніе въ общихъ выраженіяхъ и просилъ, чтобы онъ взялся за его дѣла и занялъ мѣсто совѣтника и начальника Бэшуда, когда потребуютъ обстоятельства. Норуичъ недалеко отъ Торп-Эмброза по желѣзной дорогѣ и Армэдэль не видѣлъ никакого возраженія на это предложеніе и общалъ написать къ норуичскому стряпчему. Боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ какой-нибудь ошибки, если напишетъ безъ помощи, Мидуинтеръ написалъ ему письмо начерно и Армэдэль теперь списываетъ это письмо и пишетъ Бэшуду, чтобы онъ отдавалъ деньги въ банкъ Куттса.

«Эти подробности такъ сухи и неинтересны, что я сначала не рѣшалась записать ихъ въ мой дневникъ, но, поразмысливъ, убѣдилась, что онѣ слишкомъ важны для того, чтобы пройти ихъ молчаніемъ. Если смотрѣть на нихъ съ моей точки зрѣнія, онѣ значатъ, что Армэдэль самъ отрѣзалъ отъ себя всё сообщенія съ Торп-Эмбросомъ, даже письменно. *Онъ почти что умеръ для всѣхъ оставленныхъ имъ тамъ.* Причины, которыя привели къ такому результату, конечно, заслуживаютъ лучшаго мѣста, какое я могу удѣлить имъ на этихъ страницахъ.

Августа 1. — Нечего записывать, кромѣ того, что я провела спокойный и счастливый день съ Мидуинтеромъ. Онъ нанялъ коляску и мы поѣхали въ Ричмондъ и обѣдали тамъ. Послѣ сегоднешняго дня невозможно обманывать себя долѣе. Чтò ни вышло бы изъ этого, я люблю его.

«Я впала въ уныніе какъ только онъ оставилъ меня. Мною овладѣло убѣжденіе, что гладкое и счастливое теченіе моихъ дѣлъ послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ, слишкомъ гладко и удачно для того, чтобы продолжаться. Меня что-то тяготитъ сегодня потяжелѣе тяжелаго лондонскаго воздуха.

Августа 2. Три часа. — Мои предчувствія, какъ и предчувствія другихъ людей, часто обманывали меня, но я почти боюсь, что моё вчерашнее предчувствіе было пророческое на этотъ разъ.

«Я пошла послѣ завтрака къ модисткѣ въ этихъ окрестностяхъ заказать нѣсколько лѣтнихъ нарядовъ, а оттуда въ гостиницу Мидуинтера условиться съ нимъ о новой поѣздкѣ за городъ. Я ѣздила въ кабѣ къ модисткѣ и въ гостиницу, но когда я возвращалась, мнѣ опротивѣлъ несносный запахъ въ кабѣ (вѣрно кто-нибудь въ немъ курилъ); я вышла и дошла пѣшкомъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ я примѣтила, что за мною слѣдуетъ незнакомый мужчина.

«Можетъ быть это ничего не значить, кромѣ того, что какой-нибудь праздношатающійся былъ пораженъ моею фигурой и вообще моею наружностью. Моё лицо не могло сдѣлать на него впечатлѣнія, потому-что оно было закрыто по обыкновенію воалемъ. Отъ модистки или отъ гостиницы слѣдовалъ ли онъ за мною—я не могу сказать, не знаю также навѣрно послѣдовалъ ли онъ за мною до дверей моей квартиры; я только знаю, что я потеряла его изъ вида прежде чѣмъ воротилась домой. Нечего дѣлать, надо ждать что скажутъ событія. Если въ томъ, что я примѣтила, есть что-нибудь серьёзное, я скоро это узнаю.

Пять часовъ.—Это серьёзно. Десять минутъ назадъ, я была въ своей спальнѣ, которая сообщается съ гостиной. Я вышла изъ спальнѣ, когда услышала незнакомый голосъ на площадкѣ—голосъ женскій. Черезъ минуту дверь гостиной вдругъ отворилась и этотъ женскій голосъ сказалъ:

«— Эти комнаты вы отдаёте въ наймы?»

«Хотя хозяйка, стоявшая позади, отвѣчала: «нѣтъ; выше», эта женщина прямо вошла въ мою спальную, какъ-будто она не слыхала. Я только-что успѣла захлопнуть дверь ей подъ носомъ прежде чѣмъ она увидѣла меня. Послѣдовали необходимыя объясненія и извиненія между хозяйкой и незнакомкой, а потомъ я опять осталась одна.

«Я не имѣю времени писать долѣе. Ясно, что кто-то старается узнать меня, и еслибы не моё проворство, эта незнакомая женщина достигла бы своей цѣли, застигнувъ меня врасплохъ. Она и мужчина, слѣдовавшій за мною на улицѣ, какъ я подозреваю, дѣйствуютъ заодно; а вѣроятно, на заднемъ планѣ скрывается кто-нибудь чѣмъ интересамъ они служатъ. Не

мистриссъ ли Ольдершѣ нападаетъ на меня въ темнотѣ? или кто же другой? Всё равно кто бы это ни былъ, моё настоящее положеніе слишкомъ критическое, имъ шутить нельзя. Я сегодня должна же выѣхать изъ этого дома и не оставить за собою слѣдовъ, по которымъ могли бы отыскать меня въ другомъ мѣстѣ.

Августа Э.—Улица Гэри, Тоттенгэмская Дорога.—Я уѣхала вчера (написавъ извиненіе Мидуинтеру, въ которомъ моя больная мать была достаточной причиною для моего исчезновенія) и нашла убѣжище здѣсь. Это стоило мнѣ денегъ, но моя цѣль достигнута: никто не могъ прослѣдить за мною отъ Новой Дороги до настоящаго адреса.

«Заплативъ моей хозяйкѣ необходимый штрафъ за то, что оставляю её безъ предувѣдомленія, я устроила такъ, что ея сынъ отвезётъ мои вещи въ кэбъ на ближайшую желѣзную дорогу и пришлётъ мнѣ билетъ въ письмѣ на почту. Пока онъ поѣхалъ въ одномъ кэбѣ, я уѣхала въ другомъ съ немногими вещами, необходимыми на ночь въ моёмъ дорожномъ мѣшкѣ. Я прямо поѣхала къ модисткѣ, въ магазинъ которой, какъ я замѣтила вчера, есть задній ходъ къ конюшнямъ. Я вошла въ магазинъ, оставивъ кэбъ ждать меня у дверей.

«— Меня преслѣдуетъ какой-то мущина, сказала я:—и я хочу освободиться отъ него. Вотъ деньги извозчику. Подождите десять минутъ, а потомъ отдайте деньги извозчику и выпустите меня сейчасъ заднимъ ходомъ.

Черезъ минуту я была у конюшень, а тамъ на ближней улицѣ, на другой, на третьей, сѣла въ проѣзжавшій омнибусъ и опять была свободна.

«Отрѣзавъ всё сообщенія между мною и моею послѣднею квартирой, я позаботилась прежде всего (въ случаѣ, если подстерегаютъ Мидуинтера и Армэдэля) прекратить всё сношенія, по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько дней, между мною и гостинницей. Я написала къ Мидуинтеру—опять ссылаясь на мою мать—что я связана обязанностями сидѣлки и что пока мы должны сообщаться только письменно. Такъ какъ я еще не знаю кто мой скрытный врагъ, я не могу сдѣлать болѣе для своей защиты, чѣмъ сдѣлала теперь.

Августа 4.—Оба друга написали ко мнѣ изъ гостинницы. Мидуинтеръ выражаетъ сожалѣніе о нашей разлукѣ въ самыхъ нѣжныхъ словахъ. Армэдэль просить помочь ему въ весьма неловкихъ обстоятельствахъ. Письмо отъ маіора Мильроя было препровождено къ нему изъ большаго дома и онъ прислалъ это письмо ко мнѣ.

«Выѣхавъ изъ приморскаго города и помѣстивъ свою дочь въ школу, прежде выбранную для нея (въ окрестностяхъ Или), маіоръ воротился въ Торп-Эмбросъ въ концѣ послѣдней недѣли и въ первый разъ услыхалъ толки объ Армэдэлѣ и обо мнѣ и немедленно написалъ объ этомъ Армэдэлю.

«Письмо сурово и коротко. Маіоръ Мильрой считаетъ эти слухи недостойными вѣроятія, потому-что онъ находитъ невозможнымъ вѣрить въ такое хладнокровное вѣроломство, которое заключалось бы въ этой огласкѣ, еслибы эта огласка была справедлива; онъ просто пишетъ для того, чтобы предостеречь Армэдэля, что если онъ впередъ не будетъ осторожнѣе въ своихъ поступкахъ, то долженъ отказаться отъ всякихъ притязаній на руку миссъ Мильрой. «Я не ожидаю и не желаю отвѣта (такъ кончается письмо) потому что не желаю получать увѣреній на словахъ. По вашему поведенію—только по вашему поведенію я буду судить о васъ. Позвольте мнѣ также прибавить, что я положительно запрещаю вамъ считать это письмо предлогомъ для того, чтобъ нарушить условія, заключенныя между нами и опять писать къ моей дочери. Вамъ не нужно оправдываться въ ея глазахъ, потому-что я, къ счастью, увѣзь ея изъ Торп-Эмброса, прежде чѣмъ эти гнусные слухи успѣли дойти до нея, и я позабочусь для нея, чтобъ ея не взволновали и не разстроили слухи объ этомъ тамъ, гдѣ она теперь.»

«Армэдэль просить меня (такъ какъ я невинная причина новыхъ нападокъ на его репутацію) написать къ маіору и оправдать его, упомянувъ, что онъ не могъ изъ простой вѣжливости не проводить меня въ Лондонъ. Прощаю дерзость этой просьбы изъ уваженія къ новостямъ, которыя онъ сообщаетъ мнѣ. Это еще обстоятельство въ мою пользу, что торп-эмбросскія слѣтки не дойдутъ до ушей миссъ Мильрой. Съ ея характерамъ (если она

услышать объ этомъ) она могла бы сдѣлать что-нибудь отчаянное для того, чтобъ объявить свои притязанія на своего возлюбленнаго и такимъ образомъ серьезно компрометировать меня. Относительно же того, какъ мнѣ поступить съ Армэдэлемъ, это довольно легко. Я успокою его общаніемъ написать маіору Мильрою и я возьму смѣлость ради собственныхъ интересовъ не сдержатъ слова.

«Сегодня не случилось ничего подозрительнаго. Кто ни были бы мои враги, они потеряли меня изъ вида и до того времени, какъ я оставлю Англію, они не найдутъ меня. Я была на почтѣ и получила билетъ на мои вещи, присланный мнѣ, какъ я распорядилась, изъ дома на Новой Дорогѣ. Вещи мои я еще оставлю на станціи пока не увижу яснѣе какъ мнѣ дѣйствовать.

«Августа 5.—Опять два письма изъ гостинницы. Мидуинтеръ напоминаетъ мнѣ самыми милыми словами, что онъ жилъ уже довольно въ одномъ приходѣ для того, чтобы имѣть право взять позволеніе обвиняться со мною. Если я намѣрена сказать «нѣтъ», то теперь настало это время. Я не могу сказать «нѣтъ». Вотъ—вся правда, стало быть и дѣло кончено!

«Письмо Армэдэля прощальное. Онъ благодаритъ меня за доброе согласіе писать къ маіору и прощается со мною до свиданія въ Неаполѣ. Онъ узналъ отъ своего друга, что есть причины, лишающія его удовольствія присутствовать на нашей свадьбѣ. При такихъ обстоятельствахъ его ничто не удерживаетъ въ Лондонѣ; онъ сдѣлалъ всѣ дѣловыя распоряженія; онъ ѣдетъ въ Сомерсетширъ съ вечернимъ поѣздомъ и, погостивъ нѣсколько времени у Брока, отправится въ Средиземное море (не смотря на возраженія Мидуинтера) на своей собственной яхтѣ.

«Въ письмѣ былъ вложенъ футляръ съ кольцомъ — подарокъ Армэдэля къ моей свадьбѣ; это рубинъ, но довольно маленькій и оправленный въ самомъ дурномъ вкусѣ. Онъ подарилъ бы миссъ Мильрой кольцо въ десять разъ дороже, еслибы это былъ ея свадебный подарокъ. По моему мнѣнію, нѣтъ существа противнѣе скупого молодого человѣка. Желала бы я знать утопить ли его эта маленькая яхта?

«И такъ взволнована и раздражена, что сама не знаю о

чомъ я пишу. Не то, чтобъ я боялась наступающихъ событій, я только чувствую, какъ-будто меня гонять скорбе, чѣмъ, я желаю, идти. Такимъ образомъ, если не случится ничего, Мидуинтеръ женится на мнѣ въ концѣ этой недѣли. И тогда!...

Августа 6. — Еслибы что-нибудь могло удивлять меня теперь, меня удивили бы извѣстия, дошедшія до меня сегодня.

«Воротившись въ гостиницу сегодня утромъ, по полученіи позволенія вѣнчаться, Мидуинтеръ нашолъ телеграмму, ждавшую его. Армэдэль увѣдомлялъ его, что мистеру Броку сдѣлалось хуже и что докторъ не подаютъ никакой надежды на его выздоровленіе. По желанію умирающаго, Армэдэль зовѣтъ Мидуинтера проститься съ нимъ и умоляетъ не терять ни минуты, а ѣхать съ слѣдующимъ поѣздомъ.

Въ торопливомъ письмѣ, сообщающемъ мнѣ это, Мидуинтеръ говоритъ мнѣ также, что когда я получу это письмо, то онъ будетъ уже на пути къ западу. Онъ обѣщаетъ написать подробно, когда увидитъ мистера Брока, съ вечерней почтой.

«Это извѣстіе имѣетъ для меня интересъ, котораго Мидуинтеръ не подозрѣваетъ. Только одно человѣческое существо, кромѣ меня, знаетъ тайну его происхожденія и имени — и это старикъ, который ждетъ его теперь на смертномъ одрѣ. Что они скажутъ другъ другу въ послѣднюю минуту? Не воротитъ ли ихъ какое-нибудь случайное слово къ тому времени, когда я служила у мистриссъ Армэдэль на Мадерѣ? Будутъ ли они говорить обо мнѣ?»

Августа 7. — Я получила обѣщанное письмо. Они не размѣнялись прощальными словами, всё кончилось прежде чѣмъ Мидуинтеръ доѣхалъ до Сомерсетшира. Армэдэль встрѣтилъ его у калитки пастората съ извѣстіемъ, что мистеръ Брокъ умеръ.

«Я стараюсь бороться противъ этого; но послѣ страннаго стеченія обстоятельствъ, столпившихся вокругъ меня нѣсколько недѣль, въ этомъ послѣднемъ происшествіи есть что-то потрясающее мой нервы. Только одна возможность быть узнавшею стояла на пути моёмъ, когда вчера я раскрыла мой дневникъ. Когда я раскрываю его сегодня, эта возможность устранена

смертью Брока. Это что-нибудь значить. Я желала бы знать что.

«Похороны будутъ въ субботу утромъ. Мидуинтеръ будетъ на нихъ съ Армэдземъ, но онъ прежде хочетъ воротиться въ Лондонъ и пишетъ, что онъ заѣдетъ ко мнѣ вечеромъ, въ надеждѣ видѣть меня прямо со станціи. Даже еслибы въ этомъ заключался рискъ, я увидѣлась бы съ нимъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Но риска нѣтъ, если онъ пріѣдетъ со станціи, а не изъ гостинницы.

«*Пять часовъ.* — Я не ошиблась, полагая, что мои нервы совершенно разстроены. Бездѣлицы, которыя въ другое время не заставили бы меня призадуматься ни на минуту, тяготятъ меня теперь.

«Два часа тому назадъ, съ отчаянія, не зная какъ провести день, я вздумала сходить къ модисткѣ, которая шьетъ мнѣ лѣтнее платье. Я имѣла намѣреніе пойти примѣрить его вчера, но это ускользнуло у меня изъ памяти отъ волненія, въ которое меня привело извѣстіе о Брокѣ. Я пошла сегодня, желая сдѣлать что-нибудь, что помогло бы мнѣ освободиться отъ себя самой. Я воротилась, чувствуя себя еще растревоженнѣе и еще унылѣе, чѣмъ я чувствовала себя когда вышла, потому что я воротилась боясь, что я могу имѣть причины раскаяться зачѣмъ не оставила моѣ неоконченное платье у модистки.

«На этотъ разъ со мною ничего не случилось на улицѣ. Долько въ той комнатѣ, гдѣ примѣриваютъ платья, были возбуждены мои подозрѣнія и мнѣ пришло въ голову, что покушеніе узнать меня, которое я разстроила, еще не было оставлено и что нѣкоторыя изъ работницъ магазина были тутъ замѣшаны, если не сама хозяйка.

«Могу ли я объяснить себѣ причину этого впечатлѣнія? Дай-ка, я подумаю.

«Я примѣтила два обстоятельства, которыя выходили изъ обыкновеннаго порядка вещей: во-первыхъ, въ комнатѣ находилось вдвое больше женщинъ чѣмъ, было нужно. Это казалось подозрительно, а между тѣмъ я могла объяснить это многими способами. Теперь въ работѣ застой, и развѣ я не знаю по опытно-

сти, что я женщина такого рода, къ которой другія женщины всегда чувствуютъ злобное любопытство? Во-вторыхъ, мнѣ показалось, что одна изъ присутствующихъ довольно странно всё заставляла меня поворачиваться въ одну сторону, лицомъ къ стеклянной двери за занавѣсью, которая вела въ рабочую комнату, впрочемъ, она сказала причину, когда я спросила её объ этомъ. Она сказала, что свѣтъ падаетъ лучше на меня съ той стороны; и когда я обернулась, окно доказало справедливость ея словъ. Всѣ-таки эти бездѣлицы произвели на меня такое дѣйствіе въ то время, что я нарочно осталась недовольна платьемъ, чтобъ имѣть предлогъ примѣрить его опять, прежде чѣмъ скажу гдѣ я живу, чтобы его прислали ко мнѣ. Навѣрно это чистая фантазія. Можетъ быть теперь это чистая фантазія. Мнѣ всё равно, я буду дѣйствовать по инстинкту (какъ говорятъ) и откажусь отъ платья — простыми словами: я не ворочусь къ модисткѣ.

«Полночь.—Мидуинтеръ навѣстилъ меня какъ обѣщалъ. Прополь часъ послѣ того, какъ мы простились, а я всё еще сижу съ перомъ въ рукѣ и думаю о нёмъ. Никакими словами нельзя описать того, что произошло между нами. Я могу только написать на этихъ страницахъ конецъ всего этого, а конецъ состоитъ въ томъ, что онъ поколебалъ мою рѣшимость. Первый разъ съ тѣхъ-поръ, какъ я увидала лёгкій способъ прекратить жизнь Армэдэля въ Торп-Эмбросѣ, я чувствую, какъ-будто чело-вѣкъ, котораго я обрекла на смерть въ моихъ мысляхъ, имѣетъ возможность спастись отъ меня.

«Любовь ли моя къ Мидуинтеру такъ измѣнила меня или его любовь ко мнѣ овладѣла не только всѣмъ, что я желаю дать ему, но и всѣмъ тѣмъ, что я желаю отъ него скрыть? Я чувствую какъ-будто я забыла о себѣ—я хочу сказать забыла о себѣ для него — цѣлый вечеръ. Онъ былъ очень взволнованъ тѣмъ, что случилось въ Сомерсетширѣ и заставилъ и меня почувствовать такое же уныніе и горестъ. Хотя онъ не признавался на словахъ, однако я знаю, что смерть Брока испугала его, какъ несчастное предзнаменованіе для нашего бра-

ка—я это знаю, потому что и мнѣ также это кажется дурнымъ предзнаменованіемъ. Суевѣріе—его суевѣріе такъ сильно овладѣло мною, что когда мы успокоились и онъ заговорилъ о будущемъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что онъ долженъ или отказаться отъ своего условія съ редакторами газетъ, или поѣхать за границу, какъ онъ обязался, въ слѣдующій понедѣльникъ—я просто испугалась мысли, что нашъ бракъ такъ скоро послѣдуетъ за похоронами Брока и сказала Мидуинтеру подъ впечатлѣніемъ минуты:

«— Поѣзжайте и начните вашу новую жизнь одиѣ! поѣзжайте и оставьте меня здѣсь ждать болѣе счастливыхъ времѣнь».

«Онъ взялъ меня въ свои объятія. Онъ вздыхалъ и цаловалъ меня съ ангельской нѣжностью, онъ сказалъ—о! какъ нѣжно и какъ грустно!

«— У меня нѣтъ теперь жизни отдѣльно отъ васъ».

«Когда эти слова сорвались съ его губъ, въ моей головѣ промелькнула мысль какъ отголосокъ: «зачѣмъ не прожить мнѣ всѣхъ дней, оставшихся мнѣ, счастливо и невинно въ такой любви, какъ эта?» Я не могу этого объяснить, не могу этого понять. Въ то время въ головѣ моей явилась эта мысль, и эта мысль еще во мнѣ. Я вижу свою руку, когда пишу эти слова, и спрашиваю себя, дѣйствительно ли это рука Лидіи Гуильтъ?

«Армэдэль...

«Нѣтъ! Никогда не буду писать, никогда не буду думать больше объ Армэдэлѣ».

«Да! Напишу еще разъ, буду думать еще разъ о немъ, потому что я успокоиваюсь, зная, что онъ уѣзжаетъ и что море раздѣлитъ насъ прежде чѣмъ я выйду замужъ. Его прежній домъ уже не будетъ для него домомъ теперь, когда за потерю матери послѣдовала потеря его лучшаго и ранняго друга. Послѣ похоронъ онъ рѣшился ѣхать въ тотъ же день за границу. Мы встрѣтимся, а можетъ быть и не встрѣтимся въ Неаполѣ. Измѣнюсь ли я, если мы встрѣтимся, желала бы знать! желала бы я знать!

«Августа 8. — Письмо отъ Мидуинтера. Онъ воротился въ Сомерсетширъ, чтобы быть готовымъ къ завтрашнимъ похоро-

намъ, и воротится сюда (простившись съ Армэдэлэмъ) завтра вечеромъ.

«Послѣднія формальности къ нашему браку были исполнены. Я должна сдѣлаться женою Мидуинтера въ слѣдующій понедѣльникъ, не позже половины одиннадцатаго — что дастъ намъ время, по окончаніи обряда, прямо изъ церкви отправиться на желѣзную дорогу и начать наше путешествіе въ Неаполь въ тотъ же день.

«Сегодня—суббота—воскресенье! Я времени не боюсь; время пройдетъ. Я и себя не боюсь, если только могу выбросить всѣ мысли изъ головы моей, кромѣ одной: я люблю его! День и ночь, пока не наступитъ понедѣльникъ, я ни о чемъ не буду думать, кромѣ этого: я люблю его!

«*Четыре часа.*—Другія мысли толпятся въ головѣ моей противъ моей воли. Мои вчерашнія подозрѣнія были не простыя фантази: модистка замѣшана въ этомъ. Моё сумасбродство, когда я воротилась къ ней, дало возможность отыскать мои слѣды. Я совершенно увѣрена, что я не давала этой женщинѣ моего адреса, а между тѣмъ моё новое платье было прислано ко мнѣ сегодня въ два часа.

«Его принёсъ человекъ со счотомъ и съ вѣжливыми словами, что такъ какъ я не пришла въ назначенное время примѣрить опять, то платье было кончено и присылается ко мнѣ. Онъ засталъ меня въ корридорѣ и мнѣ не осталось ничего болѣе, какъ заплатить по счету и отпустить его. Что-нибудь другое при оборотѣ, принятомъ событіями, было бы чистымъ сумасбродствомъ. Посланный не тотъ человекъ, который слѣдовалъ за мною на улицѣ, но другой шпіонъ, подсланный подсмотреть за мною (въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія) объявилъ бы, что онъ ничего не знаетъ, если бы я заговорила съ нимъ. Модистка сказала бы мнѣ въ лицо, еслибы я отправилась къ ней, что я дала ей мой адресъ. Единственная полезная вещь, которую мнѣ остаётся сдѣлать теперь, это—изощрить мои способности для собственной моей безопасности и выйти изъ фальшиваго положенія, въ которое меня поставила моя собственная опрометчивость—если я могу.

«*Семь часовъ.*—Я опять приободрилась. Мнѣ кажется, что я скоро выпутаюсь.

«Я только-что воротилась съ продолжительной поѣздки въ кѣбѣ. Во-первыхъ, я ѣздила на станцію Западной дороги взять вещи, которыя я отослала туда изъ моей прежней квартиры, потомъ на станцію Юго-восточной желѣзной дороги оставить мои вещи (написанныя на имя Мидуинтера), ждать меня до нашего отправленія въ понедѣльникъ; потомъ на почту отдать письмо къ Мидуинтеру, адресованное въ пасторатъ, которое онъ получитъ завтра утромъ; наконецъ опять сюда, на мою квартиру, съ которой я уже не тронусь до понедѣльника.

«Моё письмо къ Мидуинтеру — я въ этомъ не сомнѣваюсь — поведётъ къ тому, что онъ поможетъ (совершенно невинно) предосторожностямъ, которыя я принимаю для моей безопасности. Непродолжительность времени, въ понедѣльникъ, принудитъ его расплатиться по счету въ гостинницѣ и отвезти свои вещи прежде вѣнца. Я прошу его только отвезти вещи самому на Юго-восточную желѣзную дорогу (для того, чтобы сдѣлать бесполезными всѣ вопросы, за которыми могутъ обратиться къ слугамъ гостинницы) и, сдѣлавъ это, съѣхать со мною у дверей церкви вмѣсто того, чтобы заѣзжать за мною сюда. Остальное не касается никого, кромѣ меня. Когда наступитъ вечеръ воскресенья или утро понедѣльника, было бы большое несчастье — такъ какъ я теперь свободна отъ всякихъ помѣхъ — еслибы я не могла во второй разъ ускользнуть отъ людей, подстерегающихъ за мною.

«Казалось бы. бесполезно писать къ Мидуинтеру сегодня, когда онъ возвращается ко мнѣ завтра вечеромъ. Но невозможно просить о томъ, о чомъ я была принуждена просить его, не взявъ опять предлогомъ мои семейныя обстоятельства; а такъ какъ я должна была это сдѣлать—надо признаться въ правдѣ—я написала къ нему, потому что послѣ того, что я выстрадала въ послѣдній разъ, я не могу никогда опять обманывать его въ лицо.

«*Августа 9—два часа.* — Я встала рано сегодня въ болѣе

уныломъ расположеніи духа, чѣмъ обыкновенно. Начало жизни, такъ какъ начало каждаго дня, было для меня скучно и безнадѣжно уже нѣсколько лѣтъ. Мнѣ снилось всю ночь—не Мидуинтеръ и моя супружеская жизнь, какъ я надѣялась—но противный разговоръ узнать меня, по милости котораго меня выгоняютъ изъ одного мѣста въ другое, какъ преслѣдуемаго звѣря. Никакое новое открытіе не просвѣтило меня во снѣ. Я могла только угадать во снѣ то, что я угадываю наяву, именно, что мистриссъ Олдершѡ врагъ, нападающій на меня во мракѣ. Кромѣ старика Бэшуда (о которомъ было бы смѣшно думать въ такомъ серьезномъ дѣлѣ), кто другой, кромѣ мистриссъ Олдершѡ, можетъ имѣть цѣль для того, чтобъ вмѣшиваться въ мои поступки въ настоящее время?

«Моя безпокойная ночь произвела одинъ удовлетворительный результатъ: она дала мнѣ возможность пріобрѣсти расположеніе здѣшней служанки и обезпечить всю помощь, какую она можетъ дать мнѣ, когда наступитъ время ускользнуть отсюда.

«Служанка примѣтила утромъ, что я блѣдна и растревожена. Я призналась ей, что я выхожу замужъ и что у меня есть враги, которые хотятъ разлучить меня съ моимъ женихомъ. Это сейчасъ возбудило ея сочувствіе, а подарокъ десяти шиллинговъ сдѣлалъ остальное. Въ промежуткахъ домашнихъ работъ, она пробыла со мною почти всё утро и я узнала, между прочимъ, что ея женихъ гвардейскій солдатъ и что она надѣется увидѣться съ нимъ завтра. У меня осталось довольно денегъ, какъ ихъ ни мало, чтобы вскружить голову любому солдату въ британской арміи, и если человѣкъ, назначенный подстергать за мною завтра, мужчина, я думаю, что можетъ быть его вниманіе будетъ завтра непріятно отвлечено отъ миссъ Гуильтъ.

«Мидуинтеръ пріѣхалъ сюда въ послѣдній разъ съ желѣзной дороги въ половинѣ десятаго. Какъ я проведу скучные, скучные часы до вечера? Кажется, я закрою ставни въ спальнѣ и уплюсь сладостнымъ забвеніемъ изъ склянки съ каплями.

Одиннадцать часовъ.—Мы разстались въ послѣдній разъ до того дня, который сдѣлаетъ насъ мужемъ и женой.

«Онъ оставилъ меня, какъ оставлялъ прежде съ предметомъ всепоглощающаго интереса, о которомъ я буду думать въ его отсутствіе. Я примѣтила въ нёмъ перемѣну, какъ только онъ вошелъ въ комнату. Когда онъ разсказалъ мнѣ о похоронахъ и о разлукѣ съ Армэдэлемъ на яхтѣ, хотя онъ говорилъ съ глубокимъ чувствомъ, онъ выказалъ самообладаніе, которое ново для меня. Было то же, когда нашъ разговоръ обратился на наши надежды въ будущемъ. Онъ былъ очень раздосадованъ, узнавъ, что мои семейныя непріятности не позволяютъ намъ сойтись завтра и очень растревоженъ мыслью, что долженъ оставить меня одну отправляться въ понедѣльникъ въ церковь. Но подъ всѣмъ этимъ была какая-то надежда и какое-то спокойствіе, что произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я была принуждена замѣтить это.

«— Вы знаете какія странныя фантазіи овладѣли мною послѣднее время, сказала я:—сказать вамъ, какая фантазія овладѣла мною теперь? Я не могу не думать, что съ-тѣхъ-поръ, какъ мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ, съ вами случилось что-то чего вы мнѣ еще не разсказали.

«— Случилось, отвѣчалъ онъ:—и вы должны это знать.

«Съ этими словами, онъ вынулъ записную книжку а оттуда два письма. На одно онъ взглянулъ и положилъ назадъ; другое онъ положилъ на столъ передо мной. Придерживая его рукою, онъ опять заговорилъ:

«— Прежде чѣмъ я скажу вамъ что это и какъ досталось мнѣ, я долженъ признаться вамъ въ томъ, что я отъ васъ скрываю. Въ этомъ признаніи идётъ дѣло ни о чемъ болѣе серьёзномъ, какъ о моей слабости.

«Онъ потомъ признался мнѣ, что возобновеніе его дружбы съ Армэдэлемъ было помрачено, во весь періодъ ихъ сношеній въ Лондонѣ, его суевѣрными предчувствіями. Каждый разъ, какъ они оставались вдвоёмъ, страшныя слова его отъца на смертномъ одрѣ и ужасное подтвержденіе ихъ предостереженіемъ Сновидѣнія, не выходили у него изъ головы. День за днёмъ, убѣжденіе, что послѣдствія гибельныя для Армэдэла выйдутъ изъ воз-

обновленія ихъ дружбы и отъ моего участія къ достиженію этого, всё сильнѣе и сильнѣе приобрѣтали надъ нимъ вліяніе. Онъ повиновался зову, призывавшему его къ постели ректора съ твёрдымъ намѣреніемъ признаться въ своёмъ предчувствіи наступающаго несчастія мистеру Брокъ, и суетвѣріе его подтвердилось исполнѣн, когда онъ узналъ, что смерть вошла въ домъ прежде него и разлучила ихъ на этомъ свѣтѣ навсегда. Онъ воротился въ похоронамъ съ тайнымъ чувствомъ облегченія при мысли разстаться съ Армэдэлемъ и съ тайнымъ намѣреніемъ не допускать встрѣчи съ нимъ въ Неаполѣ, о которой они условились. Съ этимъ намѣреніемъ въ сердцѣ онъ пошолъ одинъ въ комнату, приготовленную для него въ пасторатѣ, и распечаталъ письмо, которое нашолъ на столѣ. Письмо было найдено только въ этотъ день—подъ вратью, на которой умеръ Брокъ. Оно всё было исписано рукою ректора и адресовано къ Мидуинтеру.

«Сказавъ мнѣ это почти въ такихъ же словахъ, въ какихъ я написала, онъ поднялъ руку съ письма, лежавшаго на столѣ между нами.

«— Прочтите, сказалъ онъ:—и мнѣ не нужно будетъ говорить вамъ, что моя душа опять стала спокойна и что я пожалъ руку Аллена на прощанье съ сердцемъ болѣе достойнымъ аллановой любви.

«Я прочла письмо. Въ моей душѣ не нужно было побѣждать суетвѣрія, въ сердцѣ моёмъ не могло возбудиться чувство признательности къ Армэдэлю, а между тѣмъ дѣйствіе, которое это письмо имѣло на Мидуинтера, исполнѣ согласовалось съ дѣйствіемъ, произведеннымъ этимъ письмомъ на меня.

«Напрасно было просить его оставить у меня это письмо, чтобъ я могла прочесть его опять (какъ я желала), когда я останусь одна: онъ рѣшился не выпускать его изъ рукъ, онъ рѣшился держать его у себя вмѣстѣ съ другою бумагою, которую онъ вынулъ изъ бумажника и на которой написано Свидѣніе Армэдала. Я могла только выпросить у него позволеніе списать это письмо, и на это онъ согласился охотно. Я списала письмо въ его присутствіи и теперь помѣщаю его въ

свой дневникъ, чтобъ отмѣтить день одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ въ моей жизни.

Боскомскій пасторатъ, августа 2.

«Любезный Мидуинтеръ. Въ первый разъ послѣ начала моей болѣзни я нашолъ вчера довольно силъ, чтобъ пересмотрѣть мои письма. Одно изъ писемъ было отъ Аллена и лежало нераспечатаннымъ на моёмъ столѣ цѣлыхъ десять дней. Онъ пишетъ ко мнѣ въ большомъ огорченіи, что между вами вышло большое несогласіе и что вы оставили его. Если вы еще помните, что происходило между нами, когда вы открыли мнѣ всю вашу душу на островѣ Мэнѣ, вы поймете, какъ я обдумывалъ эти несчастныя извѣстія въ ночь, которая теперь прошла, и не удивитесь, узнавъ, что я проснулся сегодня утромъ, чтобы сдѣлать усиліе и написать къ вамъ. Хотя я вовсе не отчаиваюсь въ своёмъ выздоровленіи, я не смѣю въ мои лѣта слишкомъ полагаться на надежду выздоровленія. Пока время еще моё, я долженъ употребить его на пользу Аллена и вашу.

«Я не знаю обстоятельствъ, разлучившихъ васъ съ вашимъ другомъ. Если моё мнѣніе о вашемъ характерѣ не основано на обманчивой мечтѣ, единственное вліяніе, которое могло повести васъ къ отчужденію отъ Аллена, есть вліяніе того злого духа суетвѣрія, которое я когда-то выкинулъ изъ вашего сердца и которое я опять преодолѣю, если угодно Богу, если у меня останется силъ высказать письменно мои мысли къ вамъ въ этомъ письмѣ.

«У меня нѣтъ намѣренія опровергать ваше мнѣніе, что люди могутъ быть предметомъ сверхъестественнаго вмѣшательства во время ихъ странствованія по этому свѣту. Говоря какъ человекъ разсудительный, я признаюсь, что не могу доказать вамъ, что вы ошибаетесь. Единственная цѣль, которой я желаю достигнуть, состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить васъ освободиться отъ парализирующаго фатализма язычниковъ и дикарей и смотрѣть на таинственность, которая приводитъ васъ въ недоумѣніе и на несчастныя предчувствія, устрашающія васъ, съ хри-

стианской точки зрѣнія. Если я могу успѣть въ этомъ, я очищу вашу душу отъ призранныхъ сомнѣній, которыя теперь тяготятъ её, и соединю васъ опять съ вашимъ другомъ съ тѣмъ, чтобы вы не разлучались съ нимъ никогда.

«Я не имѣю средствъ видѣть васъ; я могу только послать это письмо къ Аллену, чтобы онъ препроводилъ его къ вамъ, если онъ знаетъ или можетъ узнать вашу настоящій адресъ. Поставленный въ такое положеніе относительно васъ, я обязанъ сообщить всё, что *можетъ* быть соображено въ вашу пользу. Я увѣренъ, что съ вами или съ Алленомъ случилось что-нибудь не только подтвердившее въ вашей душѣ фаталистическое убѣжденіе, въ которомъ умеръ вашъ отецъ, но и прибавившее новое и страшное значеніе предостереженію, которое онъ сдѣлалъ вамъ на своёмъ предсмертномъ одрѣ.

«Въ этомъ-то отношеніи я буду вамъ возражать; въ этомъ-то отношеніи я обращусь ко всему высокому въ вашей натурѣ и къ вашему здравому смыслу.

«Сохраните ваше настоящее убѣжденіе, что случившіяся событія (каковы бы они ни были) нельзя примирять съ обыкновенными случайностями и обыкновенными человѣческими законами и смотрите на ваше собственное положеніе съ лучшимъ и болѣе яснымъ свѣтомъ, чѣмъ ваше суевѣріе набрасываетъ на него. Что вы? Вы безпомощное орудіе въ рукахъ Рока. Вы осуждены, не имѣя никакой возможности сопротивляться, навлечь несчастье и слѣдную погибель на человѣка, съ которымъ вы безвредно и признательно соединили себя узами братской любви. Всѣ нравственно твёрдое въ вашей волѣ и нравственно чистое въ вашихъ стремленіяхъ ничего не можетъ сдѣлать противъ наслѣдственнаго побужденія васъ ко злу, возбужденному преступленіемъ, которое отецъ вашъ совершилъ прежде чѣмъ вы родились. Чѣмъ кончается это убѣжденіе? оно кончается мракомъ, въ которомъ вы теперь заблудились,—въ противорѣчіяхъ, въ которыхъ вы теперь терлетесь,—въ упорномъ молчаніи, которымъ человѣкъ оскверняетъ свою собственную душу и унижаетъ себя до уровня погибающихъ скотовъ.

«Смотрите, мой бѣдный страдающій братъ, смотрите, мой жестоко испытанный, мой возлюбленный другъ, выше этого! Опровергайте сомнѣнiя, осаждающiя васъ, съ христіанскимъ мужествомъ и съ христіанскою надеждою—и ваше сердце опять обратится къ Аллену и ваша душа опять успокоится. Чтѣ ни случилось бы, Господь милосердъ, Господь премудръ: всё естественное или сверхъестественное случается черезъ Него. Тайна зла, приводящая въ недоумѣнiе нашу слабую душу, горестъ и страданiя, терзающiя насъ въ этой краткой жизни, не опровергаютъ одну великую истину, что судьба человека въ рукахъ его Создателя и что блаженный Сынъ этого Господа умеръ для того, чтобы сдѣлать насъ достойнѣе нашей судьбы. Ничто, исполняемое съ покорностью премудрости Всемогущаго не можетъ быть дурно. Не существуетъ никакого зла, изъ котораго, повинаясь Его законамъ, не вышла бы добра. Будьте вѣрны той правдѣ, которой научаетъ насъ Христосъ. Поощряйте въ себѣ, каково вы бы ни были обстоятельства, всё любящее, всё признательное, всё терпѣливое, всё прощающее къ вашимъ ближнимъ, и смиренно и довѣрчиво предоставьте всё остальное Богу, создавшему васъ, и Спасителю, любившему васъ больше своей собственной жизни.

«Въ этой вѣрѣ я жилъ съ Божьей помощью и съ Божьимъ милосердiемъ съ самой моей юности. Я прошу васъ убѣдительно, прошу васъ съ довѣрiемъ придерживаться также этой вѣры: это главная причина всего добра, какое я когда-либо сдѣлалъ, всего счастья какое я когда-либо зналъ; это освящаетъ мой нравъ, это поддерживаетъ мою надежду, это успокоиваетъ и утѣшаетъ меня, лежащаго здѣсь неизвѣстно для жизни или для смерти. Пусть это поддерживаетъ, утѣшаетъ и освѣщаетъ васъ. Это поможетъ вамъ въ самомъ торжествѣ отроченiи, какъ помогло мнѣ; это покажетъ вамъ другую цѣль въ событiяхъ, которыя свели васъ и Аллена, чѣмъ та, которую предвидѣлъ вашъ виновный отецъ. Я не опровергаю, что съ вами уже случились странныя вещи. Еще болѣе странныя вещи могутъ случиться скоро, до которыхъ можетъ быть я не доживу. Помните, если наступитъ это время, что я умираю въ твёрдомъ убѣжденiи, что ваше влiанiе

надъ Алэнномъ не можетъ быть никакое другое, кромѣ хорошаго. Великая жертва искушенія—говорю съ благоговѣніемъ—имѣетъ отраженіе и на людяхъ даже на этомъ свѣтѣ. Если опасность будетъ угрожать Алэнну—вы, чей отецъ отнялъ жизнь его отца—вы, а никто другой будетъ тотъ человѣкъ, котораго Провидѣніе назначить спасти его.

«Пріѣзжайте ко мнѣ, если я останусь живъ. Возвращайтесь къ другу, который любитъ васъ, останусь я живъ или умру.—Любящій васъ до гроба.

«ДЕЦИМУСЪ БРОКЪ.»

«Вы а никто другой будетъ тотъ человѣкъ, котораго Провидѣніе назначить спасти его!»

«Эти слова потрясли меня до глубины души. Эти слова заставили меня почувствовать будто мертвецъ вышелъ изъ могилы и положилъ свою руку на то мѣсто въ моёмъ сердцѣ, гдѣ скрывается страшная тайна, неизвѣстная ни одному живому существу, кромѣ меня самой. Одна часть письма уже сбылась. Опасность, которую она предвидитъ, угрожаетъ Армэдэлю въ эту минуту—и угрожаетъ ему черезъ меня!

«Если благоприятны обстоятельства, которыя довели меня до сихъ поръ, доведутъ меня до конца, и если послѣднее земное убѣжденіе этого старика предсказало правду, Армэдэль спасётся отъ меня, что бы я ни дѣлала. А Мидуинтеръ будетъ жертвой, которая спасётъ его жизнь.

«Это ужасно! это невозможно! этого никогда не будетъ! Только при одной мысли объ этомъ рука моя дрожитъ и сердце замираетъ. Я благословляю трепеть, обезсиливающій меня! я благословляю дурноту, отъ которой я слабѣю! я благословляю эти слова въ письмѣ, которыя оживили дремавшія мысли, пришедшія ко мнѣ первый разъ дня два назадъ. Тяжело ли теперь, когда событія гладко и безопасно всё ближе и ближе придвигаютъ меня къ цѣли—тяжело ли преодолевать искушенія идти дальше? Нѣтъ! Если есть хоть одна возможность, что съ Мидуинтеромъ можетъ случиться вредъ, этого спасенія достаточно для того, чтобы за-

ставить меня рѣшиться — достаточно, чтобы придать мнѣ силы поѣхать эти искушенія для него. Я еще никогда не любила его; никогда, никогда, никогда такъ, какъ люблю теперь!

«*Суббота, августа 10.*—Канунъ дня моей свадьбы! Закрываю эту тетрадь съ тѣмъ, чтобы никогда не писать въ ней, никогда не раскрывать её опять.

«Я одержала великую побѣду: я растоптала подъ ногами мою злость. Я невинна; я счастлива опять. Мой возлюбленный! мой ангелъ! Когда, завтра, я сдѣлаюсь твоею, я не хочу имѣть въ сердцѣ ни одной мысли, которая не была бы *твоей* мыслью также какъ и моей.

ГЛАВА XV.

ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

Было девять часовъ утра, въ понедѣльникъ 11 августа. Въ комнатѣ одной изъ старинныхъ гостинницъ сидѣлъ Бэшудъ, пріѣхавшій въ Лондонъ по зову сына и наканунѣ остановившійся въ гостинницѣ.

Онъ никогда не казался такъ жалко старъ и беспомощенъ, какъ теперь. Лихорадка то надежды, то отчаянія иссушила и измучила его. Углы его лица сдѣлались острѣе; очеркъ лица осунулся. Его одежда указывала на грустную перемену въ немъ безжалостно и оскорбительно; никогда, даже въ юности, не носилъ онъ такой одежды какъ теперь. Съ отчаяннымъ намѣреніемъ не оставлять никакой возможности произвести впечатлѣніе на миссъ Гуэльтъ, онъ бросилъ свою печальную черную одежду; онъ даже

собрался съ мужествомъ, чтобъ надѣть голубой галстухъ. На нёмъ былъ верховой сюртукъ свѣтло-сѣрый. Онъ заказалъ его съ тонко мстительнымъ намѣреніемъ по фасону сюртука, который онъ видѣлъ на Аллэнѣ. Его жилетъ былъ бѣлый, панталоны красиваго лѣтнаго фасона съ широкими клѣтками. Парикъ его былъ намасленъ и надушонъ и расчесанъ на обѣ стороны, чтобъ скрыть морщины на вискахъ. Онъ былъ предметъ, достойный посмѣянiя, онъ былъ предметъ, достойный слѣзъ. Его враги—если такое жалкое существо могло имѣть враговъ—простили бы ему, увидѣвъ его въ этомъ новомъ платьѣ. Его друзья—если у него остались друзья—были бы менѣе огорчены, еслибы увидали его въ гробу, чѣмъ въ такомъ видѣ. Въ непрерывной тревогѣ ходилъ онъ по комнатѣ съ одного конца до другого; то смотрѣлъ на свои часы, то выглядывалъ изъ окна, то бросалъ взоръ на столъ, уставленный сытнымъ завтракомъ—всё съ тѣми же пристальнымъ, тревожнымъ, вопросительнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Когда вошелъ слуга съ чайникомъ кипятку, онъ обратился къ нему въ пятидесятый разъ съ тѣми же самыми словами, которыя это несчастное существо повидимому было способно произносить въ это утро:

— Сынъ мой будетъ къ завтраку, сынъ мой очень разборчивъ. Мнѣ нужно всё самое лучшее, и горячее и холодное, чай и кофе, и всё остальное, слуга, всё остальное.

Въ пятидесятый разъ онъ повторялъ эти тревожныя слова, въ пятидесятый разъ непроницаемый слуга давалъ тотъ же успокоительный отвѣтъ:

— Всё будетъ въ порядкѣ, сэръ, вы можете предоставить это мнѣ.

Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги, дверь отворилась и давно ожидаемый сынъ небрежно вошелъ въ комнату, съ красивой, маленькой, черной кожаной сумкой въ рукахъ.

— Отлично, старикашка! сказалъ Бэпудъ младшій, осматривая одежду отца съ улыбкой сардоническаго поощренiя. — Вы готовы хоть сейчасъ подъ вѣнецъ съ миссъ Гуильтъ!

Отецъ взялъ за руку сына и старался вторить его смѣху.

— Ты такой веселый, Джемми, сказалъ онъ, называя сына фа-

миллярнымъ именемъ, которымъ онъ привыкъ называть его въ болѣе счастливые дни:—ты всегда былъ веселъ, другъ мой и въ дѣтствѣ. Садись, я заказалъ для тебя вкусный завтракъ, всё самое лучшее! всё самое лучшее! Какъ пріятно видѣть тебя. О Боже, Боже! какъ пріятно видѣть тебя!

Онъ замолчалъ и сѣлъ за столъ; лицо его горѣло отъ усилія сдерживать нетерпѣніе, пожирившее его.

— Расскажи мнѣ о ней, вдругъ сказалъ онъ, отказавшись отъ усилія. — Я умру, Джемми, если буду ждать долѣе. Скажи мнѣ! скажи мнѣ!

— По одной вещи за разъ, сказалъ Бэпудъ младшій, нисколько не трогаясь нетерпѣніемъ отца. — Не позавтракать ли намъ прежде, а потомъ заняться этой дамой. Потихише, старичокъ, потихише!

Онъ положилъ на стулъ свою кожаную сумку и сѣлъ напротивъ отца спокойно, улыбаясь и напѣвая пѣсенку.

Никакой обыкновенный наблюдатель, примѣняясь къ обыкновеннымъ правиламъ анализа, не могъ бы узнать характера Бэпуда младшаго по его лицу. Его молодежавшій видъ, которому способствовали свѣтлые волосы и полныя, гладкія щоки, его непринужденное обращеніе и вѣчно готовая улыбка, его глаза, безбоязненно встрѣчавшіеся съ глазами каждаго, съ кѣмъ онъ говорилъ—всё соединилось для того, чтобы производить вообще благопріятное впечатлѣніе. Никакіе глаза, привыкшіе читать характеры, кромѣ можетъ-быть однихъ глазъ изъ десяти тысячъ, не могли бы проникнуть гладко обманчивую поверхность этого человѣка и увидать его такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, гнуснымъ существомъ, приспособленнымъ для своего употребленія гнусною потребностью общества. Онъ сидѣлъ тутъ, довѣренный шпіонъ современныхъ времёнъ, которыхъ дѣла постоянно расширяются; онъ сидѣлъ, необходимый сыщикъ для прогреса нашей національной цивилизаціи какъ человѣкъ, который въ этомъ случаѣ по-крайней-мѣрѣ былъ законнымъ и разумнымъ произведеніемъ призванія, употреблявшаго его; какъ человѣкъ готовый при малѣйшемъ подозрѣніи (если малѣйшее подозрѣніе платяго ему) подсмотрѣть подъ ванну постель и въ щолку

вашей двери; этот человекъ былъ бы бесполезенъ для тѣхъ, кто употреблялъ его, если бы онъ могъ чувствовать хоть малѣйшій отгѣнокъ человѣческаго сочувствія въ присутствіи своего отца, который заслуженно лишился бы своего мѣста, еслибы при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ былъ лично доступенъ чувству состраданія или стыда.

— Потихе, старичокъ! повторялъ онъ, поднимая крышки съ блюдъ и заглядывая въ каждое: — потихе!

— Не сердись на меня, Джемми, упрасивалъ отецъ: — постарайся, если можешь, подумать, какъ я долженъ быть растревожень. Я получилъ твоё письмо вчера утромъ. Я долженъ былъ пріѣхать изъ Торп-Эмброва, я долженъ былъ провести страшно длинный вечеръ и страшно длинную ночь, когда твоё письмо сказала мнѣ, что ты узналъ кто она, а болѣе не сообщало ничего. Незвѣстность тяжело переносить, Джемми, когда дойдѣшь до моихъ лѣтъ. Чтò помѣшало тебѣ, другъ мой, пріѣхать ко мнѣ сюда вчера вечеромъ?

— Обѣдецъ въ Ричмондѣ, отвѣчала Бэшудъ младшій.— Дайте-ка мнѣ чаю.

Бэшудъ старался исполнить эту просьбу, но рука, которою онъ поднималъ чайникъ, такъ дрожала, что чай не попалъ въ чашку, а вылился на скатерть.

— Мнѣ очень жаль, я не могу не дрожать, когда я растревожень, сказалъ старикъ, когда сынъ взялъ чайникъ у него изъ рукъ.— Я боюсь, что ты сердисься на меня, Джемми, за то чтò случилось, когда я въ послѣдній разъ былъ въ Лондонѣ. Признаюсь, я упорно и безразсудно сопротивлялся возвращенію въ Торп-Эмбросъ. Теперь я умнѣе. Ты былъ совершенно правъ, взявъ всё на себя, какъ только я показалъ тебѣ даму подъ воалемъ, когда мы увидали её выходящую изъ гостиницы; и ты былъ совершенно правъ, отославъ меня въ тотъ же день къ моему дѣлу въ управительскую контору Большого Дома.

Онъ наблюдалъ за дѣйствіемъ этихъ уступокъ на своего сына и нерѣшительно осмѣлился на новую просьбу:

— Если ты не хочешь сказать мнѣ теперь ничего другого,

продолжалъ онъ слабымъ голосомъ: — скажи мнѣ, какъ ты её отыскалъ? Скажи, Джемми, скажи!

Бэшудъ младшій поднялъ глаза съ своей тарелки.

— Это я вамъ скажу, отвѣчалъ онъ: — отыскиваніе миссъ Гуильтъ стоило болѣе денегъ и взяло болѣе времени, чѣмъ я ожидалъ; и чѣмъ скорѣе мы порѣшимъ это, тѣмъ скорѣе мы перейдемъ къ тому, что вы желаете знать.

Безъ малѣйшаго упрѣка, отецъ положилъ свой грязный старый бумажникъ и свой кошелёкъ на столъ передъ сыномъ. Бэшудъ младшій заглянулъ въ кошелёкъ, примѣтилъ съ презрительнымъ возвышеніемъ бровей, что въ нёмъ находился только одинъ sovereignъ и мелкое серебро, и возвратилъ его въ цѣлости. Въ бумажникѣ оказалось четыре пяти фунтовыхъ билета. Бэшудъ младшій взялъ себѣ три билета и подаль бумажникъ обратно отцу съ поклономъ, выражавшимъ насмѣшливую признательность и саркастическое уваженіе.

— Тысячу разъ благодарю васъ, сказалъ онъ: — часть этихъ денегъ пойдѣтъ людямъ въ нашей конторѣ, а остальная мнѣ. Одинъ изъ глупѣйшихъ поступковъ, любезный сэръ, сдѣланныхъ мною въ моей жизни, былъ, когда я написалъ вамъ, въ то время, какъ вы въ первый разъ совѣтовались со мною, что вы можете имѣть мои услуги даромъ. Какъ вы видите, я спѣшу поправить ошибку. Часъ или два въ свободное время я былъ готовъ вамъ отдать. Но это дѣло взяло нѣсколько дней и вышло изъ порядка обыкновенныхъ дѣлъ. Я сказалъ вамъ, что я не могу тратиться для васъ: я написалъ это въ моёмъ письмѣ самыми простыми словами.

— Да-да, Джемми, я не жалуясь, мой другъ, я не жалуясь. Оставьте деньги. Скажи мнѣ, какъ ты узналъ кто она?

— Кромѣ того, продолжалъ Бэшудъ младшій, продолжая непроницаемо оправдываться: — я доставилъ вамъ выгоды моей опытности — я сдѣлалъ это дешёво; это стоило бы вдвое дороже, еслибы другой человекъ взялся за это. Другой человекъ подстергалъ бы и мистера Армэдэля также какъ и миссъ Гуильтъ; я избавилъ васъ отъ этой издержки. Вы увѣрены, что мистеръ

Армэдэль хочет на ней жениться; очень хорошо; въ такомъ случаѣ, въ то время какъ мы наблюдаемъ за *нею*, мы наблюдаемъ и за *нимъ*. Узнайте гдѣ женщина и вы узнаете, что муштина не можетъ быть далеко.

— Совершенно справедливо, Джемми. Но какъ же это миссъ Гуильтъ надѣлала тебѣ столько хлопотъ?

— Она чертовски-хитрая женщина, сказалъ Бэшудъ младшій. — Вотъ какъ это было: она ускользнула отъ насъ въ магазинѣ модистки. Мы устроились съ модисткой и разсчитывали, что можетъ-быть она воротится примѣрить платье, которое она заказала. Самыя хитрыя женщины теряютъ свой умъ изъ десяти разъ девять, когда дѣло идѣтъ о новомъ платьѣ — и даже миссъ Гуильтъ имѣла опрометчивость воротиться. Это всё, что было намъ нужно. Одна женщина изъ нашей конторы помогала ей примѣрить новое платье и поставила её такъ, чтобы её могъ видѣть одинъ изъ нашихъ людей, стоявшій за дверью. Онъ немедленно догадался кто она, основываясь на томъ, что ему было сказано о ней, потому-что она женщина знаменитая въ своёмъ родѣ. Разумѣется, мы на это не положились. Мы отыскали ея новый адресъ и взяли человѣка изъ Скотланд-Ярда, который зналъ её, если мнѣніе нашего человѣка было справедливо. Человѣкъ изъ Скотланд-Ярда превратился въ посланнаго модистки и отнёсъ миссъ Гуильтъ ея платье. Онъ увидалъ её въ корридорѣ и тотчасъ узналъ. Вы счастливы, могу вамъ сказать. Миссъ Гуильтъ лицо публичное. Еслибы мы имѣли дѣло съ женщиной менѣе знаменитой, она могла бы стоить намъ нѣсколькихъ недѣль розысковъ и вамъ пришлось бы заплатить сотни фунтовъ. Въ дѣлѣ миссъ Гуильтъ достаточно было одного дня, а на другой день вся исторія ея жизни, написанная чернилами на бумагѣ, была въ моихъ рукахъ. Вотъ она теперь лежитъ въ моей черной сумкѣ, старичокъ.

Бэшудъ-отецъ бросился къ сумкѣ съ жадными глазами и протянутой рукой; Бэшудъ-сынъ, вынулъ изъ жилета ключикъ, подмигнувъ, покачалъ головой и опять положилъ ключъ въ карманъ.

— Я еще не кончилъ завтракать, сказалъ онъ. — Поттише, любезный сэръ, поттише.

— Я не могу ждать! закричалъ старикъ, напрасно стараясь сохранить самообладаніе. — Теперь половина десятаго! Сегодня двѣ недѣли какъ она уѣхала въ Лондонъ съ мистеромъ Армэдэлемъ; она могла обвѣнчаться съ нимъ черезъ двѣ недѣли! Она можетъ обвѣнчаться съ нимъ сегодня! Я не могу ждать! я не могу ждать!

— Нельзя знать что вы можете сдѣлать, пока вы не попробуете, возразилъ Бэшудъ младшій. — Попробуйте и вы узнаете, что вы *можете* ждать. Что сдѣлалось съ вашимъ любопытствомъ? продолжалъ онъ, замысловато подкладывая въ огонь по одному полѣну за разъ. — Зачѣмъ вы не спрашиваете меня, зачѣмъ я называю миссъ Гуильтъ лицомъ публичнымъ? Зачѣмъ вы не желаете знать какимъ образомъ имѣю я исторію ея жизни написанную чернилами на бумагѣ? Если вы сядете, я вамъ скажу, если вы не сядете, я ограничусь завтракомъ.

Бэшудъ тяжело вздохнулъ и воротился къ своему креслу.

— Я желалъ бы, чтобы ты не такъ любилъ шутить, Джемми, сказалъ онъ:—я желалъ бы, мой милый, чтобы ты не такъ любилъ шутить.

— Шутить? повторилъ сынъ.—Въ глазахъ нѣкоторыхъ людей это было бы довольно серьезно, могу вамъ сказать. Миссъ Гуильтъ была подъ уголовнымъ судомъ и бумаги въ этой черной сумкѣ—ея слѣдственное дѣло. Вы называете это шуткой?

Отецъ вскочилъ и посмотрѣлъ черезъ столъ на своего сына съ улыбкой восторга, на которую страшно было смотрѣть.

— Она была подъ уголовнымъ судомъ! вскричалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ удовольствія:—она была подъ уголовнымъ судомъ!

Онъ тихо и продолжительно засмѣялся и съ восхищеніемъ щолкнулъ пальцами.

— Ха-ха-ка! *Это* испугаетъ мистера Армэдэля.

Сына, несмотря на то, что онъ былъ бездѣльникъ, испугаль взрывъ замкнутой страсти, который вырвался у отца при этихъ словахъ.

— Не волнуйтесь, сказалъ онъ угрюмо, сдерживая насмѣшливое обращеніе, съ которымъ онъ говорилъ до-сихъ-поръ.

Бѣшудъ опять сѣлъ и провѣлъ по лбу носовымъ платкомъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, кивая и улыбаясь своему сыну:—нѣтъ, нѣтъ, я не буду волноваться, какъ ты говоришь, я могу теперь ждать, Джемми, я могу теперь ждать.

Онъ ждалъ съ непоколебимымъ терпѣніемъ. Время отъ времени онъ кивалъ головой, улыбался и шепталъ про-себя:

— Это испугаетъ мистера Армэдэля!

Но ни словомъ, ни взглядомъ, ни движеніемъ не дѣлалъ онъ попытки, чтобы поторопить сына. Бѣшудъ младшій кончилъ свой завтракъ медленно, изъ чистаго хвастовства закурилъ сигару, посмотрѣлъ на отца и, видя его всё также непоколебимо терпѣливымъ, открылъ наконецъ черную сумку и разложилъ бумаги на столѣ.

— Какъ вы хотите, чтобы я говорилъ, спросилъ онъ:—долго или коротко? У меня здѣсь вся ея жизнь. Адвокату, защищавшему еѣ во время ея процесса, было приказано сильно возбуждать сочувствіе присяжныхъ; онъ очертя голову кинулся въ несчастья ея прошлой жизни и растрогалъ всѣхъ въ судѣ самымъ искуснымъ образомъ. Послѣдовать мнѣ его примѣру? Желаете вы знать всё о ней подробно съ того времени, когда она носила коротенькія платица и панталончики съ оборкой, или предпочитаете тотчасъ перейти къ ея первому появленію на скамьѣ подсудимыхъ?

— Я желаю знать всё о ней подробно, съ жаромъ отвѣчалъ отецъ:—самое худшее и самое лучшее, особенно худшее. Не щади моихъ чувствъ, Джемми, что бы тамъ ни было, не щади моихъ чувствъ! Не могу ли я самъ взглянуть на бумаги?

— Нѣтъ, не можете: это будетъ для васъ всё равно, что тарабарская грамота. Благодарите вашу судьбу за то, что у васъ есть такой умный сынъ, который умѣетъ выбрать сердцевину изъ этихъ бумагъ и придать ей настоящій вкусъ. Въ Англій не найдется и десяти человѣкъ, которые могли бы рассказать вамъ исторію этой женщины такъ, какъ могу расска-

зять я. Это талантъ, старичокъ, и талантъ такого сорта, который даётся не многимъ—и вотъ онъ гдѣ.

Онъ ударилъ себя по лбу и взялся за первую страницу рукописи, лежавшей передъ нимъ съ нескрываемымъ торжествомъ при мысли выказать своё искусство, что было первымъ выраженіемъ истиннаго чувства, обнаруженнаго имъ.

— Исторія миссъ Гуильтъ начинается, сказалъ Бэшудъ младшій: — на рынкѣ въ Торп-Эмброзѣ. Однажды, этакъ съ четверть столѣтія назадъ, странствующій шарлатанъ, торговавшій и духами и лекарствами, пріѣхалъ въ городъ въ своей повозкѣ и показалъ, какъ живой примѣръ превосходства своего умыванья, помады и тому подобнаго, хорошенькую дѣвочку съ прекраснымъ цвѣтомъ лица и чудными волосами. Её звали Ольдершѣ; у него была жена, помогавшая ему въ парфюмерской части его торговли, и послѣ его смерти она вела торговлю одна. Послѣдніе годы ей повезло; она та самая хитрая старуха, которая не такъ давно нанимала меня сыщикомъ. Что касается хорошенькой дѣвочки, вы знаете также хорошо, какъ и я, кто она. Пока шарлатанъ говорилъ рѣчь народу и указывалъ на волосы дѣвочки, молодая дѣвица, проѣзжавшая по рынку, остановила свой экипажъ послушать что тамъ такое, увидала дѣвочку и тутъ же пристрастилась къ ней. Эта молодая дѣвица была дочь мистера Блэнчарда Торп-Эмброзскаго. Она поѣхала домой и заинтересовала своего отца судьбою невинной жертвы шарлатана. Въ тотъ же вечеръ за Ольдершѣ послали изъ большаго дома и стали ихъ спрашивать. Они объявили себя ея дядею и тёткою—разумѣется ложь! — и охотно согласились позволить ей ходить въ деревенскую школу пока они останутся въ Торп-Эмброзѣ, когда это предложеніе было сдѣлано имъ. Это было приведено въ исполненіе на слѣдующій же день, а черезъ день Ольдершѣ исчезли и оставили дѣвочку на рукахъ сквайра! Очевидно она не оправдала ихъ ожиданія въ качествѣ объявленія — и вотъ какимъ образомъ они позаботились обезпечить её на всю жизнь. Это первый актъ комедіи для васъ! Довольно ясно до-сихъ-поръ, не такъ ли?

— Довольно ясно, Джемми, для людей умныхъ, но я старъ и тупъ. Я не понимаю одного: чья же была она дочь?

— Весьма умный вопросъ! Съ сожалѣніемъ долженъ сообщить вамъ, что на него никто не можетъ отвѣчать, включая и миссъ Гуильтъ. Бумаги съ которыми я справляюсь, основаны, разумѣется, на ея собственныхъ показаніяхъ, изслѣдованныхъ ея адвокатомъ. Она могла только припомнить, когда её спросили, что её била и морила голодомъ, гдѣ-то въ деревнѣ, женщина, бравшая на воспитаніе дѣтей. У этой женщины была бумага, въ которой было сказано, что дѣвочку звали Лидіей Гуильтъ и она получала годовую плату (отъ нотариуса) до восьмилѣтняго возраста дѣвочки. Въ это время плата прекратилась. Нотариусъ не могъ дать никакихъ объясненій. Никто не пріѣзжалъ навѣщать дѣвочку, никто не писалъ. Ольдершѡ увидали её и подумали, что она можетъ служить имъ вмѣсто объявленія; женщина отдала её за бездѣлицу Ольдершѡ, а Ольдершѡ отдали её совсѣмъ Блэнчардамъ. Вотъ исторія ея происхожденія, родства и воспитанія. Она можетъ быть дочерью герцога и лавочника. Обстоятельства могутъ быть романческія въ высшей степени или самыя пошлыя. Представьте себѣ что хотите — ничто не остановитъ васъ. Когда вы кончите предаваться вашей фантазіи, скажите, я переверну листокъ и стану продолжать.

— Пожалуста продолжай, Джемми! пожалуста продолжай!

— Потомъ начинается какая-то семейная тайна, продолжалъ Бэшудъ младшій, перевернувъ бумаги. — Брошеной дѣвочкѣ наконецъ посчастливилось. Она понравилась милой молодой дѣвицѣ, у которой былъ богатый отецъ; её баловали въ большомъ домѣ и много занимались ею какъ новой игрушкой миссъ Блэнчардъ. Вскорѣ мистеръ Блэнчардъ и дочь его уѣхали за границу и взяли дѣвочку съ собой какъ горничную миссъ Блэнчардъ. Когда они воротились, дочь была уже вдова, а хорошенькая горничная, вмѣсто того, чтобы воротиться съ ними въ Торп-Эмбросъ, вдругъ очутилась одна-одинѣхонька въ одной школѣ во Франціи. Она была отдана въ это первоклассное заведеніе, гдѣ ея содержаніе и воспитаніе были обезпечены до-гѣхъ-поръ, пока она не выйдетъ

замужъ и не пристроится, съ условіемъ, чтобы она никогда не возвращалась въ Англию. Это всё подробности, какія можно было убѣдить её сообщить стряпчему, писавшему эти бумаги. Она не хотѣла сказать что случилось за границей; она не хотѣла даже, послѣ столькихъ прошедшихъ лѣтъ, сказать замужнее имя своей госпожи. Разумѣется, совершенно ясно, что она знала какую-то семейную тайну и что Блэнчарды платили за неё въ школу на континентѣ для того, чтобы удалить её. Равномѣрно ясно, что она никогда не сохранила бы эту тайну, еслибы не видѣла способа воспользоваться ею для собственныхъ выгодъ когда-нибудь вперёдъ. Чертовски умная женщина, которая не даромъ таскалась по свѣту и видѣла превратности жизни за границей и дома у себя!

— Да-да, Джемми, совершенно справедливо. Скажи, пожалуйста, какъ долго оставалась она во французской школѣ?

Бэшудъ младшій справился съ бумагами.

— Она оставалась въ школѣ, отвѣчалъ онъ:—до семнадцати лѣтъ. Въ это время въ школѣ случилось нѣчто кратко описанное въ этихъ бумагахъ какъ «нѣчто непріятное», а дѣло было просто въ томъ, что учитель музыки влюбился въ миссъ Гуильтъ. Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ, имѣвшій жену и семейство, и видя что обстоятельство не оставляетъ ему никакой надежды, онъ взялъ пистолетъ и вообразивъ, что у него въ головѣ есть мозгъ, размозжилъ его. Доктора спасли его жизнь, но не разсудокъ; онъ кончилъ тамъ, гдѣ ему было бы лучше начать—въ домѣ сумасшедшихъ. Такъ какъ красота миссъ Гуильтъ была причиной этого скандала, то, разумѣется, было невозможно—хотя оказалось, что она была совершенно невинна въ этомъ дѣлѣ—чтобъ она оставалась въ школѣ послѣ того, что случилось. Увѣдомили ея «друзей» (Блэнчардовъ). Друзья перевели её въ другую школу, въ Брюссель на этотъ разъ... О чомъ вы вздыхаете? Въ чомъ теперь затрудненіе?

— Я не могу не пожалѣть о бѣдномъ учителѣ музыки, Джемми. Продолжай!

— Судя по ея собственному разсказу, и миссъ Гуильтъ о

нѣмъ жалѣла. Она приняла серьезный оборотъ и была «обращенная» (какъ они это называютъ) одною дамою, у которой она жила передъ отъѣздомъ въ Брюссель. Патеръ въ Вельгійской школѣ, кажется, былъ человекъ разумный и видѣлъ, что чувствительность дѣвушки принимала опасно вволнованное состояние. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ её успокоить, онъ занемогъ и его смѣнилъ другой патеръ, который былъ фанатикъ. Вы поймете какое участіе онъ принялъ въ этой дѣвушкѣ и какимъ образомъ онъ дѣйствовалъ на ея чувства, когда я вамъ скажу, что черезъ два года послѣ пребыванія своего въ школѣ, она объявила о своемъ намѣреніи кончить жизнь въ монастырѣ! Можете вытратить глаза: миссъ Гуильтъ, какъ затворница, есть женскій феноменъ, который не часто приходится видѣть. Женщины престранныя существа!

— Поступила она въ монастырь? спросилъ Бэшудъ.—Ей это позволили, такой молодой и одинокой и никто не отсоветовалъ ей?

— Блэнчардовъ спрашивали, такъ, для формъ, продолжалъ Бэшудъ младшій.—Они не были противъ того, чтобъ она заперлась въ монастырь, какъ вы можете вообразить. Самое пріятное письмо, какое они получили отъ нея — и за это поручусь—было то письмо, въ которомъ она прощалась съ ними на этомъ свѣтѣ навсегда. Обязатели этого католическаго монастыря, разумѣется, не хотѣли себя компрометировать. Правила ихъ не позволяли ей постричься пока она не выдержитъ годовой испусть; а если она возымѣетъ сомнѣніе, то держать испусть еще годъ. Она выдержала испусть первый годъ и возымѣла сомнѣніе, выдержала второй годъ и на этотъ разъ отказалась отъ постриженія безъ дальнѣйшей нерѣшимости. Ея положеніе было довольно неловкое, когда она опять очутилась на свободѣ. Сестры въ монастырѣ потеряли къ ней участіе, содержательница школы отказалась взять её въ учительницы на томъ основаніи, что она слишкомъ хороша собой для этого мѣста; патеръ считалъ её во власти дьявола. Ничего не оставалось болѣе какъ написать опять къ Блэнчардамъ и просить ихъ помочь ей начать жизнь учительни-

дей музыки. Она написала къ своей прежней госпожѣ. Ея прежняя госпожа очевидно сомнѣвалась въ искренности намѣренія дѣвушки постричься въ монахини и воспользовалась случаемъ, поданнымъ ей прощальнымъ письмомъ, чтобы прервать всѣ дальнѣйшія сообщенія съ своей бывшей горничной. Письмо миссъ Гуильтъ было возвращено почтовою конторою. Она навела справки и узнала, что мистеръ Блэнчардъ умеръ, а его дочь уѣхала изъ Торп-Эмброза въ какое-то неизвѣстное мѣсто. Она потомъ написала къ наслѣднику, получившему Торп-Эмбросское имѣніе; на письмо отвѣчали его нотаріусы, которымъ было велѣно призвать на помощь законъ при первомъ покушеніи ея выманить деньги отъ какого бы ни было члена Торп-Эмбросской фамиліи. Ей оставалась послѣдняя возможность узнать адресъ мѣстопребыванія ея бывшей госпожи. Семейные банкиры, къ которымъ она написала, отвѣчали, что имъ не велѣно давать адреса этой дамы никому, не испросивъ прежде позволенія ея самой. Это послѣднее письмо рѣшило вопросъ—миссъ Гуильтъ не могла сдѣлать ничего болѣе. Имѣя деньги въ своемъ распоряженіи, она могла бы поѣхать въ Англію и заставить Блэнчардовъ два раза подумать прежде чѣмъ они поведутъ дѣло слишкомъ свысока. Не имѣя ни полпенни, она была беспомощна. Такъ какъ она не имѣла ни денегъ, ни друзей, вы можете удивляться, какъ она содержала себя играя на фортепяно въ концертной залѣ въ Брюсселѣ. Разумѣется, мужчины осаждали её со всѣхъ сторонъ, но нашли её нечувствительной какъ камень. Одинъ изъ этихъ отверженныхъ джентльменовъ былъ иностранецъ и познакомилъ её съ своей соотечественницей, имя которой не могутъ произнести англійскія губы. Будемъ называть её по ея титулу баронессой. Обѣ женщины понравились другъ другу при свиданіи — и новая сцена открылась въ жизни миссъ Гуильтъ. Она сдѣлалась чтицей и компаньонкой баронессы. Всё шло хорошо и гладко на поверхности; всё было испорчено и дурно подъ поверхностью.

— Въ какомъ отношеніи, Джемми? пожалуйста подожди немножко и скажи мнѣ въ какомъ отношеніи.

— Въ этомъ отношеніи. Баронесса любила путешествовать и

её всегда окружалъ избранный кругъ друзей, которые были одного образа мыслей съ нею. Они переѣзжали изъ одного города на континентѣ въ другой и были такими очаровательными людьми, что вездѣ находили знакомства. Ихъ знакомые приглашались на приемные дни къ баронессѣ и карточные столы составляли неизмѣнную принадлежность мебели баронессы. Видите ли вы теперь, или я долженъ вамъ сказать, въ строжайшей тайнѣ, что карты не считались преступными на этихъ пиршествахъ и что счастье въ концѣ мѣсяца неизмѣнно переходило на сторону баронессы и ея друзей. Это всё были шулеры и во мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія—не знаю какъ въ васъ—что обращеніе и наружность миссъ Гуильтъ дѣлали её драгоцѣннымъ членомъ общества въ видѣ приманки. Ея собственное показаніе состоитъ въ томъ, что она не знала что происходитъ и со всѣмъ не понимала карточной игры, что у ней не было ни одного друга на свѣтѣ, къ кому она могла бы обратиться, что она любила баронессу по той простой причинѣ, что баронесса была ея искреннимъ и добрымъ другомъ съ начала до конца. Вѣрьте этому или нѣтъ, какъ хотите. Пять лѣтъ путешествовала она по континенту съ этими шулерами высшаго полѣта и, можетъ быть находилась бы съ ними и до-сихъ-поръ, еслибы баронесса не поймала въ Неаполѣ богатаго англичанина по имени Уолдрона... Ага! это имя поразило васъ—не такъ ли? Вы вмѣстѣ со всѣми читали процессъ знаменитой мистриссъ Уолдронъ и вы знаете теперь кто миссъ Гуильтъ; мнѣ не нужно вамъ говорить?

Онъ остановился и посмотрѣлъ на отца съ внезапнымъ недоумѣніемъ. Бѣшуда совсѣмъ не поразило открытіе, вдругъ сдѣланное ему. Послѣ перваго естественнаго удивленія, онъ взглянулъ на сына съ самообладаніемъ, которое было чрезвычайно странно при существующихъ обстоятельствахъ. Въ его глазахъ былъ новый блескъ, а въ лицѣ новый румянецъ. Еслибы было возможно подумать это о человѣкѣ въ его положеніи, онъ какъ-будто ободрился, а не пришелъ въ уныніе отъ того, что онъ слышалъ.

— Продолжай, Джемми, сказалъ онъ спокойно:—я одинъ изъ

тѣхъ немногихъ, которые не читали процесса, я только о нёмъ слышалъ.

Всё еще внутренне удивляясь, Бэшудъ младшій оправился и продолжалъ:

— Вы всегда были и всегда будете отставать отъ вѣка, сказалъ онъ. — Когда мы дойдёмъ до процесса, я могу рассказать вамъ о нёмъ столько, сколько нужно знать. Пока мы должны воротиться къ баронессѣ и къ мистеру Уолдрону. Нѣсколько вечеровъ сряду англичанинъ позволилъ шулерамъ дѣйствовать, другими словами: онъ платилъ за преимущество ухаживать за миссъ Гуильтъ. Когда ему показалось, что онъ произвёлъ на неё необходимое впечатлѣніе, онъ безъ всякаго милосердія обнаружилъ весь заговоръ. Въмѣшалась полиція. Баронеса очутилась въ тюрьмѣ, а миссъ Гуильтъ была поставлена между двумя выборами: или принять покровительство Уолдрона, или опять быть брошенной въ свѣтъ. Она была изумительно добродѣтельна или изумительно хитра—это какъ вамъ угодно. Къ удивленію Уолдрона, она сказала ему, что можетъ примириться съ перспективой остаться одной на свѣтѣ и что онъ долженъ или сдѣлать ей честное предложеніе или оставить её навсегда. Кончилось тѣмъ, чѣмъ кончается всегда, когда мужчина ослѣпляетъ, а женщина рѣшительна. Къ неудовольствію родныхъ и друзей, Уолдронъ сдѣлалъ изъ необходимости добродѣтель и женился на ней.

— Сколько ему было лѣтъ? поспѣшно спросилъ Бэшудъ старшій.

Бэшудъ младшій расхохотался.

— Онъ могъ быть вашимъ сыномъ, сказалъ онъ: — и такъ богатъ, что могъ набить вашъ драгоценный бумажникъ тысячами билетами! Не потупляйте вашу голову. Это былъ несчастный бракъ, хотя онъ былъ такъ молодъ и такъ богатъ. Они жили за границей и сначала довольно хорошо. Онъ, разумѣется, сдѣлалъ новое завѣщаніе какъ только женился и великолѣпно обезпечилъ жену подъ нѣвнымъ вліяніемъ медоваго мѣсяца. Но женщины современемъ надобѣдаютъ какъ и другія вещи, и въ одно прекрасное утро Уолдронъ проснулся съ сомнѣніемъ въ душѣ: не по-

ступилъ ли онъ какъ дуракъ. Онъ былъ человѣкъ дурного характера; онъ былъ недоволенъ самъ собой и, разумѣется, даль женѣ почувствовать это. Сначала онъ поссорился съ нею, потомъ сталъ подозрѣвать её и сдѣлался свирѣпо ревнивъ къ каждому мужинѣ, который входилъ въ домъ. Дѣтей у нихъ не было они переѣзжали съ одного мѣста на другое, какъ влекла его ревность, и наконецъ воротились въ Англію послѣ четырехлѣтняго супружества. У него былъ уединенный старый домъ между йоркширскихъ болотъ, и тамъ онъ заперся съ своей женой, не пуская въ домъ ни одной живой души, кромѣ собакъ и слугъ. Только одинъ результатъ, разумѣется, могъ выйти изъ такого обращенія съ рѣшительной молодой женщиной. Можетъ быть это судьба, а можетъ быть и случай, но, когда женщина въ отчаяніи непременно найдется мужчина, готовый этимъ воспользоваться. Въ этомъ случаѣ этимъ мужчиной былъ капитанъ Мануэль, уроженецъ Кубы и (по его разсказу) отставной офицеръ испанскаго флота. Онъ встрѣтился съ прелестной женой Уолдрона на возвратномъ пути въ Англію, успѣлъ говорить съ нею несмотря на ревность ея мужа, и послѣдовалъ за нею въ мѣсто ея заточенія, въ домъ Уолдрона между болотъ. Капитана описываютъ хитрымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ — въ родѣ отважнаго пирата съ отгнѣнкомъ таинственности, которая такъ нравится женщинамъ...

— Она не такая, какъ другія женщины, вдругъ перебилъ Бэшудъ сына.—А ей?...

Голось его ослабѣлъ и онъ замолчалъ не докончивъ вопроса.

— А ей нравился ли капитанъ? подсказалъ Бэшудъ младшій, снова засмѣявшись.—По ея собственному разсказу она обожала его; въ то же время ея поведеніе (по ея словамъ) было совершенно невинно. Спობражая какъ внимательно подсматривалъ за нею мужъ, это показаніе (какъ оно ни невѣроятно) должно быть справедливо. Около шести недѣль они ограничивались секретной перепиской; кубскій капитанъ (въ совершенствѣ говорившій и писавшій по-англійски) успѣлъ привлечь на свою сторону одну изъ служанокъ въ йоркширскомъ домѣ. Какъ это могло кончиться — намъ нечего трудиться разубнавать: Уолдронъ самъ до-

вѣлъ дѣло до кризиса. Дошла ли до него вѣсть о тайной перепискѣ или нѣтъ — это неизвѣстно, но вѣрно то, что онъ вернулся однажды домой съ прогулки верхомъ въ болѣе свирѣпомъ расположеніи духа, чѣмъ обыкновенно, что жена выказала ему обращикъ того рѣшительнаго духа, который ему еще не удалось переломить—и это кончилось тѣмъ, что онъ ударилъ её по лицу хлыстомъ. Я боюсь, мы должны сознаться, что это было поведеніе неблагородное; но по наружности хлысть произвёлъ самыя удивительныя результаты. Съ этой минуты она покорилаь такъ, какъ еще никогда не покорялась прежде. Двѣ недѣли послѣ этого онъ дѣлалъ чтò хотѣлъ—она не поперечила ему; онъ говорилъ, чтò хотѣлъ—она не противорѣчила ни однимъ словомъ. Нѣкоторые мужчины можетъ-быть подозрѣвали бы, что этотъ внезапный переворотъ скрываетъ что-нибудь опасное подъ поверхностью. Смотрѣлъ ли на это Уолдронъ съ такой же точки зрѣнія—я не могу вамъ сказать, извѣстно только то, что прежде чѣмъ знакъ хлыста сошелъ съ лица его жены, онъ занемогъ и черезъ два дня умеръ. Чтò вы скажете на это?

— Я скажу, что онъ это заслужилъ! сказалъ Бэшудъ, ударивъ кулакомъ по столу, когда сынъ остановился и посмотрѣлъ на него.

— Докторъ, лечившій умершаго, думалъ не такъ, какъ вы, сухо замѣтилъ Бэшудъ младшій:—онъ пригласилъ двухъ другихъ докторовъ и всё трое отказались дать свидѣтельство о смерти. Послѣдовало обыкновенно судебное слѣдствіе. Показанія докторовъ и слугъ указывали въ одну и ту же сторону и мистриссъ Уолдронъ была предана суду, по обвиненію въ отравленіи мужа. Послали въ Лондонъ за первокласснымъ уголовнымъ стряпчимъ снять показаніе съ подсудимой для ея защиты, и тогда были написаны эти бумаги. Чтò такое случилось? чтò вамъ теперь нужно?

Вдругъ вскочивъ съ мѣста, Бэшудъ протянулся черезъ столъ и старался взять бумаги отъ сына.

— Я хочу на нихъ взглянуть! вскричалъ онъ съ жаромъ: я

хочу посмотрѣть, что въ нихъ говорится о капитанѣ изъ Кубы. Это онъ всё надѣлалъ, Джемми, я поклянусь, что это онъ надѣлалъ всё!

— Никто въ этомъ не сомнѣвался изъ тѣхъ, кто зналъ тайну этого дѣла въ то время, возразилъ ему сынъ:—но никто не могъ этого доказать. Сядьте опять и успокойтесь. О капитанѣ Мануэлѣ тутъ нѣтъ ничего, кромѣ тайнаго подозрѣнія стряпчачо о немъ, по которому адвокатъ, для котораго стряпчій приготавлилъ эти бумаги, могъ дѣйствовать или нѣтъ, какъ онъ разсудить. Съ начала до конца она выгораживала капитана. При началѣ дѣла она сдѣлала два показанія стряпчему; оба онъ подозрѣвалъ ложными, во-первыхъ, она объявила, что она невинна въ этомъ преступленіи. Это его не удивило, разумѣется; его кліенты вообще имѣли привычку обманывать его такимъ образомъ; во-вторыхъ, признаваясь въ тайной перепискѣ съ кубскимъ капитаномъ, она объявила, что письма съ обѣихъ сторонъ относились только къ замышляемому побѣгу, на который варварское обращеніе ея мужа заставило её согласиться. Стряпчій, натурально, захотѣлъ видѣть письма.

«— Онъ сжогъ всё мои письма, а я сожгла всё его», было единственнымъ отвѣтомъ, котораго онъ добился. Очень было возможно, что капитанъ Мануэль сжогъ ея письма, когда узналъ, что въ домѣ производится слѣдствіе; но стряпчій зналъ по опытности (какъ и я знаю также), что когда женщина любить мужчину, то девяносто-девять разъ изъ ста, несмотря на рискъ, она сохранитъ его письма. Когда подозрѣнія его пробудились въ этомъ отношеніи, стряпчій секретно навѣлъ справки объ иностранномъ капитанѣ и узналъ, что онъ нуждался въ деньгахъ, какъ только можетъ нуждаться иностранный капитанъ. Въ то же время онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ своей клиентки: какого наслѣдства ожидала она отъ своего покойнаго мужа. Она отвѣчала въ большомъ негодованіи, что между бумагами ея мужа было найдено завѣщаніе, секретно написанное только за нѣсколько дней до его смерти, въ которомъ ей было отказано изъ всего огромнаго богатства только пять тысячъ фунтовъ.

«— Развѣ было другое завѣщаніе? сказалъ стряпчій:—уничтоженное этимъ новымъ? «Да, было, завѣщаніе отданное ей самою, завѣщаніе, написанное тотчасъ послѣ ихъ свадьбы.

«— Обезпечивавшее хорошо его вдову?

«— Обезпечивавшее её въ десять разъ больше того, чѣмъ ей было отказано во второмъ завѣщаніи.

«— Не упоминала ли она объ этомъ первомъ завѣщаніи, теперь уничтоженномъ, капитану Мануэлю?» Она увидала ловушку, разставленную ей, и сказала безъ малѣйшей нерѣшимости:

«— Нѣтъ, никогда!» Этотъ отвѣтъ подтвердилъ подозрѣнія стряпчаго. Онъ старался напугать её увѣреніемъ, что она можетъ заплатить жизнью за то, что обманываетъ его такимъ образомъ. Съ обычнымъ упорствомъ женщинъ, она оставалась непоколебима попрежнему. Капитанъ, съ своей стороны, вѣлъ себя примѣрнымъ образомъ. Онъ признался, что замышлялъ о побѣгѣ, объявилъ, что онъ сожигалъ всѣ ея письма тотчасъ по полученіи, изъ заботливости о ея репутаціи; онъ оставался въ окрестностяхъ, самъ вызвался явиться въ судъ. Ничего не было узнано, что по закону могло уличить его въ преступленіи, или что могло бы вызвать его въ залу суда въ день процесса, иначе какъ свидѣтелемъ. Я самъ не думаю, чтобъ могло быть хоть малѣйшее нравственное сомнѣніе (какъ говорится), что Мануэль не зналъ о завѣщаніи, по которому его любовницѣ доставалось пятьдесятъ тысячъ и что онъ былъ готовъ, въ силу этого обстоятельства, жениться на ней по смерти Уолдрона. Если кто подучалъ её самой освободиться отъ мужа, сдѣлавшись вдовой, то это навѣрно былъ капитанъ, и если она не успѣла при такомъ надзорѣ достать ядъ сама, то этотъ ядъ вѣрно былъ присланъ къ ней въ письмѣ капитана...

— Я не вѣрю, чтобъ она употребила ядъ, если онъ и былъ къ ней присланъ! воскликнулъ Бэшудъ.—Я думаю, что капитанъ самъ отравилъ ея мужа!

Бэшудъ младшій, не обращая вниманія на перерывъ, сложилъ бумаги, которыя теперь уже не были нужны, положилъ ихъ въ сумку и вмѣсто нихъ вынулъ печатный памфлетъ.

— Вотъ одно изъ опубликованныхъ отчетовъ процесса, сказали онъ: — который вы можете прочесть въ свободное время, если хотите. Мы не должны теперь терять времени, входя въ подробности. Я уже говорилъ вамъ, какъ искусно ея адвокатъ приготовилъ себѣ путь для того, чтобъ представить обвиненіе въ убійствѣ, какъ окончательное бѣдствіе изъ многихъ дѣйствій, уже постигшихъ невинную женщину. Два законные пункта имѣлись для ея защиты (послѣ этого предварительнаго крючка): во-первыхъ, не было улики, что она имѣла въ рукахъ ядъ, а вовторыхъ, врачи, хотя положительно утверждали, что мужъ ея умеръ отъ яда, не согласовались между собою въ томъ, какой именно ядъ отравилъ его. Это были оба хорошіе пункта и обоими адвокатъ воспользовался хорошо; но улики съ другой стороны опровергали всё. Доказали, что подсудимая имѣла не менѣе трёхъ причинъ, чтобъ убить своего мужа: онъ обращался съ нею почти съ безиримѣрной жестокостью; онъ оставлялъ ей по завѣщанію (она не знала, что оно уничтожено) обладательницей большого состоянія послѣ его смерти и она по своему собственному признанію намѣревалась бѣжать съ другимъ. Выставивъ эти причины, обвиненіе показало, потомъ по уликамъ, непоколебавшимся ни въ чомъ, что только одна особа въ домѣ, которая имѣла возможность дать ядъ, была подсудимая. Что могли сдѣлать присяжные и судья при такихъ уликахъ? Приговоръ былъ «виновна» разумѣется, и судья объявилъ, что онъ съ этимъ согласенъ. Съ женщинами въ залѣ суда сдѣлалась истерика, да и съ мужчинами было не лучше. Судья рыдалъ, адвокаты дрожали. Она была приговорена къ смерти въ такой сценѣ, какой еще не видывали въ залѣ англійскаго уголовного суда. А она и теперь жива и здоровѣхонька и можетъ сдѣлать какой хочетъ вредъ и отравить для собственныхъ удобствъ каждаго мужчину, каждую женщину, каждаго ребѣнка, которымъ случится стать на ея пути. Преприятная женщина! Оставайтесь съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ, любезный сэръ, потому-что законъ сказалъ ей на самомъ простомъ англійскомъ языкѣ: «мой очаровательный другъ, я за васъ не боюсь!»

— Какъ она была прощена? спросилъ Бэшудъ едва дыша.— Мнѣ говорили въ то время, но я забылъ. Не вмѣшался ли въ это дѣло Секретарь Внутреннихъ Дѣлъ? (*) Если такъ, я уважаю Секретаря Внутреннихъ Дѣлъ, я скажу, что онъ достойнымъ образомъ занимаетъ своё мѣсто.

— Совершенно справедливо, старичокъ! возразилъ Бэшудъ младшій.— Секретарь Внутреннихъ Дѣлъ былъ низайшимъ и покорнѣйшимъ слугою просвѣщенной прессы и онъ достойнымъ образомъ занималъ своё мѣсто. Возможно ли, чтобъ вы не знали какъ она спаслась отъ висѣлицы? Если вы не знаете, я долженъ вамъ сказать. Вечеромъ послѣ процесса, двое-трое литераторовъ отправились въ двѣ-три газетныя конторы и написали двѣ-три раздирающихъ душу статьи объ этомъ процесѣ. На утро публика вспыхнула какъ порохъ; подсудимую допрашивали передъ судомъ любителей въ столбцахъ газетъ. Всѣ, неимѣвшие никакого понятія объ этомъ, схватились за перо и пустились въ печать (по обязательному позволенію издателя). Доктора, не лечившіе больного и не присутствовавшіе при осмотрѣ тѣла, объявляли дюжинами, что онъ умеръ естественной смертью. Адвокаты безъ дѣлъ, не слышавшіе уликъ, напали на присяжныхъ, слышавшихъ ихъ, и осудили судью, который засѣдалъ въ судѣ прежде чѣмъ многіе изъ нихъ родились. Публика слѣдовала за адвокатами, докторами, литераторами, которые пустили это въ ходъ. Законъ, которому они платили за то, чтобъ онъ защищалъ ихъ, серьёзно исполнялъ свою обязанность... Ужасно! ужасно! Британская публика возстала, какъ одинъ человекъ, противъ своего собственнаго устройства и Секретарь Внутреннихъ Дѣлъ отправился къ судѣ. Судья твёрдо стоялъ на своёмъ. Онъ въ то время нашолъ приговоръ справедливымъ и теперь это находилъ.

«— Но положимъ, сказалъ Секретарь Внутреннихъ Дѣлъ:— что обвиненіе попыталось бы доказать ея виновность другимъ образомъ, а не такъ, какъ оно доказывало, что сдѣлали бы тогда вы и присяжные?» Разумѣется, судья не могъ этого ска-

(*) Званіе, равняющееся нашему министру.

зять. Это успокоило Секретаря Внутренних Дѣлъ. А когда онъ получилъ согласіе судьи представить улики врачей на разсмотрѣніе одному знаменитому доктору а когда знаменитый докторъ, принявъ сострадательную точку зрѣнія, сослался прежде всего на то что онъ не достаточно знаетъ подробностей этого дѣла въ пользу обвинѣнной, Секретарь Внутренних Дѣлъ остался совершенно доволенъ. Смертный приговоръ подсудимой былъ брошенъ подъ столъ. Но самое лучшее еще было впереди. Вы знаете, что случилось, когда публика вдругъ осталась съ нѣжнымъ предметомъ своего сочувствія на шеѣ? Тотчасъ одержало верхъ общее впечатлѣніе, что она не была достаточно невинна, чтобъ её выпустить изъ тюрьмы! Накажите её немножко—вотъ въ какомъ состояніи находилось общественное чувство—накажите её немножко, господинъ секретарь, по общимъ нравственнымъ основаніямъ. Небольшой пріёмъ лёгкаго судебного лекарства, если вы насъ любите—и мы будемъ совершенно спокойны на этотъ счетъ до конца нашей жизни.

— Не шути надъ этимъ! вскричалъ отецъ:—не шути, не шути, не шути, Джемми! Не-уже-ли её судили опять? Они не могли! они не смѣли! Никого нельзя судить два раза за одно и то же преступленіе.

— Её можно было судить во второй разъ за второе преступленіе, возразилъ Бэшудъ младшій:—и её судили. Къ счастью, для успокоенія общественнаго мнѣнія, она очертя голову устремилась на вознагражденіе себя за обиду (какъ это дѣлаютъ женщины), когда узнала, что мужъ, вмѣсто пятидесяти тысячъ, отказалъ ей только пять. Наканунѣ слѣдствія запертый ящикъ стола въ уборной Уолдрона, въ которомъ лежали драгоценныя каменья, былъ найдёнъ отпертымъ и пустымъ; а когда подсудимую арестовали, драгоценныя камни были найдены вынутыми изъ оправы и зашитыми въ ея корсетъ. Она считала это справедливымъ вознагражденіемъ себѣ. Законъ объявилъ это воровствомъ, слѣланнымъ у душеприкащиковъ покойнаго. Меньшее преступленіе—оставлено безъ вниманія при обвиненіи въ убійствѣ—должно было возобновить для того, чтобы спасти наружный видъ

въ глазахъ публики. Ходъ правосудія былъ остановленъ въ одномъ процесѣ, а теперь требовалось опять дать правосудію ходъ въ другомъ процесѣ. Она была потребована въ судъ за воровство послѣ того, какъ была прощена за убійство. Мало того, еслибы ея красота и ея несчастье не сдѣлали сильнаго впечатлѣнія на ея стряпчаго, ей пришлось бы не только выдержать другой процесъ, но и лишиться пяти тысячъ фунтовъ, на которое давало ей право второе завѣщаніе и которые были бы отнаты у нея, какъ отъ воровки, казной.

— Я уважаю ея стряпчаго! я восхищаюсь ея стряпчимъ! воскликнулъ Бэшудъ:—мнѣ было бы пріятно взять его за руку и сказать ему это.

— Онъ не поблагодарилъ бы васъ, еслибы вы это сдѣлали, повторилъ Бэшудъ младшій:—онъ находился подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, что никто не знаетъ, кромѣ его, какъ онъ спасъ наслѣдство мистриссъ Уолдронъ...

— Извиня, Джемми, перебилъ отецъ:—не называй её мистриссъ Уолдронъ. Говори о ней, пожалуста, подъ тѣмъ именемъ, которое она носила когда была невинна, молода и дѣвочкой въ школѣ. Тебѣ не будетъ непріятно для меня называть её миссъ Гуильтъ?

— Нисколько! мнѣ рѣшительно всё равно какъ её ни называть. Бросьте вашу сантиментальность! перейдѣмъ къ фактамъ. Вотъ чтò сдѣлала ея стряпчій прежде чѣмъ начался второй процесъ». Онъ сказалъ ей, что она непременно будетъ найдена виновною *опять*.

«— И на этотъ разъ, продолжалъ онъ:—публика не будетъ препятствовать ходу закона. Есть у васъ старый другъ, на кого вы могли бы положиться. У ней не было ни одного стараго друга.

«— Очень хорошо; когда такъ, вы должны положиться на меня, сказалъ стряпчій.—Подпишите эту бумагу, будто вы продали мнѣ всё ваше состояніе. Когда наступитъ время, я постараюсь устроить это дѣло съ душеприкащиками вашего мужа, а потомъ передамъ деньги вамъ, укврѣнивъ ихъ надлежащимъ образомъ (въ случаѣ, если вы выйдете замужъ опять) собственно за

вами. Казна въ другихъ сдѣлкахъ такого рода часто отказывается отъ своего права оспаривать законность продажи, и если казна поступить съ вами не суровѣе чѣмъ съ другими, когда вы выйдете изъ тюрьмы, у васъ будетъ пять тысячъ для того, чтобы опять начать жизнь». Очень мило со стороны стряпчачаго когда её готовились судить за то, что она обворовала душеприкащиковъ, доставить ей возможность обворовать казну—не правда ли? Ха-ха! Вотъ каковъ свѣтъ!

Послѣднее усиліе сарказма сына было оставлено безъ вниманія отцомъ.

— Въ тюрьмѣ! сказалъ онъ самъ себѣ.—О Боже! послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій опять въ тюрьмѣ!

— Да, сказалъ Бэшудъ младшій, вставая и потягиваясь. — Вотъ какъ это кончилось. Приговоръ былъ: виновна. Её приговорили къ двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Она высидѣла своё время и вышла, сколько мнѣ помнится, года три назадъ. Если вы желаете знать что она сдѣлала, когда вышла на свободу и какъ жила потомъ, я могу рассказать вамъ кое-что объ этомъ въ другой разъ, когда у васъ будетъ въ бумажникѣ лишнихъ билета два. Пока вы знаете всё, что вамъ нужно знать. Нѣтъ ни тѣни сомнѣнія, что эта очаровательная дама имѣетъ на себѣ двойное пятно: она была обвинена въ убійствѣ и сидѣла въ тюрьмѣ за воровство. Вы получили довольно за ваши деньги, не считая того, что моё мастерское изложеніе дѣла пошло задаромъ. Если въ васъ есть хоть какая-нибудь признательность, вы должны сдѣлать что-нибудь великолѣпное для вашего сына. Еслибы не я, я скажу вамъ что вы сдѣлали бы, старичокъ? Если бы вы могли поступить какъ хотѣли, вы женились бы на миссъ Гуильтъ.

Бэшудъ вскочилъ и пристально посмотрѣлъ сыну въ лицо.

— Если бы я могъ поступить какъ хотѣлъ, я женился бы на ней теперь.

Бэшудъ младшій отступилъ на шагъ.

— Послѣ всего, что я вамъ сказалъ? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Послѣ всего, что ты мнѣ сказалъ.

— Съ возможностью быть отравленнымъ въ первый разъ, какъ вамъ случилось бы оскорбить её?

— Съ возможностью быть отравленнымъ отвѣчалъ Бэшудъ:— черезъ двадцать-четыре часа.

Шпіонъ конторы частныхъ сыщиковъ опять опустилсѣ на своё мѣсто, уstraшенный словами и выраженіемъ лица своего отца.

— Сошолъ съ ума! сказалъ онъ самъ себѣ:— просто сошолъ съ ума!

Бэшудъ взглянулъ на свои часы и торопливо схватилъ шляпу съ бокового столика.

— Мнѣ бы хотѣлось слышать остальное, сказалъ онъ:— мнѣ хотѣлось бы слышать каждое слово, которое ты можешь сказать о ней, до самаго конца. Но время, страшно бѣгущее время уходитъ. Можетъ быть они уже теперь обвинены.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ Бэшудъ младшій, становясь между отцомъ и дверью.

— Я иду въ гостинницу, сказалъ старикъ, стараясь пройти мимо сына:— я хочу видѣться съ мистеромъ Армэдэлемъ.

— Для чего?

— Для того, чтобы рассказать ему всё, что ты рассказалъ мнѣ.

Онъ остановился, давъ этотъ отвѣтъ.

Страшная улыбка торжества, уже разъ являвшаяся на лицѣ его, опять появилась.

— Мистеръ Армэдэль молодъ, передъ мистеромъ Армэдэлемъ лежитъ цѣлая жизнь, сказалъ онъ, цѣпляясь за руку сына своими трепещущими пальцами:— что не пугаетъ меня, испугаетъ его.

— Подождите, сказалъ Бэшудъ младшій. — Вы увѣрены попрежнему, что на ней женится мистеръ Армэдэль?

— Да-да-да! Пусти меня, Джемми, пусти меня!

Шпіонъ сталъ спиною къ двери и соображалъ съ минуту. Армэдэль былъ богатъ. Армэдэля (если и онъ также не сошолъ съ ума) можно было заставить заплатить дорогія деньги за свѣдѣнія, которыя спасутъ его отъ безславнаго брака съ миссъ Гуильтъ.

«Въ моёмъ карманѣ можетъ очутиться фунтовъ сто, если я самъ примусь за это, думаль Бэшудъ младшій. «А мнѣ не достанется и полпенни, если я предоставлю это отцу.»

Онъ взялъ шляпу и свою кожаную сумку.

— Можете ли вы запомнить всё это въ вашей старой, пустой головѣ? спросилъ онъ съ самымъ непринуждённымъ безстыдствомъ. — Гдѣ вамъ! Я отправлюсь съ вами и помогу вамъ. Чтò вы думаете объ этомъ?

Отецъ съ восторгомъ бросился на шею къ сыну.

— Никакъ не могу, Джемми, сказалъ онъ прерывающимся тономъ. — Ты такъ ко мнѣ добръ. Возьми остальной билетъ, другъ мой—я какъ-нибудь обойдусь безъ него—возьми остальной билетъ.

Сынъ распахнулъ дверь настежь и великодушно повернулся спиною къ бумажнику, который подавалъ ему отецъ.

— Чортъ побери, старичокъ! я не такой корыстолюбивый, сказалъ онъ съ притворно-глубокимъ чувствомъ. — Сирячьте вашъ бумажникъ и пойдёмъ.

«Если я возьму послѣдній пятифунтовой билетъ моего почтеннаго родителя, думаль онъ, спускаясь съ лѣстницы, »почему я знаю можетъ быть онъ захочетъ взять половину, когда увидить деньги Армэдэля!»

— Пойдёмте же! продолжалъ онъ:—мы возьмёмъ кэбъ и поймемъ счастливаго женишка прежде чѣмъ онъ отправится въ церковь!

Они наняли кэбъ на улицѣ и поѣхали въ гостинницу, которая была мѣстопробываніемъ Мидуинтера и Аллена. Какъ только дверца кэба затворилась, Бэшудъ тотчасъ воротился къ миссъ Гуильтъ.

— Расскажи мнѣ остальное, сказалъ онъ, взявъ сына за руку и нѣжно поглаживая её.—Будемъ говорить о ней во всю дорогу до гостинницы. Помоги мнѣ провести это время, Джемми, помоги мнѣ провести это время.

Бэшудъ младшій былъ очень веселъ отъ надежды увидѣть деньги Армэдэля. Онъ до самага конца забавлялся надъ безпокойствомъ отца.

— Посмотримъ, помните ли вы то, чтò я вамъ говорилъ, на-

чалъ онъ.—Въ этой исторіи есть одно дѣйствующее лицо, которое исчезло безъ всякаго объясненія. Можете вы сказать мнѣ, кто это?

Онъ разсчитывалъ на то, что отецъ его не будетъ въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ, но память Бэшуда во всѣмъ, что относилось къ миссъ Гуильтъ, была также ясна и тверда какъ у его сына.

— Мошешникъ-иностранецъ, который подучилъ её и заставилъ выгородить его, рискуя ея собственной жизнью, сказалъ онъ безъ малѣйшей нерѣшимости.— Не говори о нёмъ, Джемми, не говори о нёмъ!

— Я *долженъ* говорить о нёмъ, возразилъ тотъ. — Вѣдь вы желаете знать что сдѣлалось съ миссъ Гуильтъ, когда она вышла изъ тюрьмы? Очень хорошо, я могу вамъ сказать. Она сдѣлалась мистриссъ Мануэль... Не кчему таращить на меня глаза; я это знаю официально. Въ концѣ прошлаго года къ намъ въ контору пришла одна иностранка съ доказательствами, что она была законно обвинена съ капитаномъ Мануэлемъ, когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Англію. Она только недавно узнала, что онъ опять здѣсь и имѣла причину полагать, что онъ женился на другой женщинѣ въ Шотландіи. Наши люди наводили необходимыя справки. Сравненіе чиселъ показало, что шотландскій бракъ происходилъ именно въ то время, когда миссъ Гуильтъ сдѣлалась свободна. Дальнѣйшія изслѣдованія показали намъ, что вторая мистриссъ Мануэль была ни кто иная, какъ героиня знаменитаго уголовного процесса — и мы этого тогда не знали, но знаемъ теперь — вашу очаровательный другъ миссъ Гуильтъ.

Голова Бэшуда упала на грудь. Онъ крѣпко сжалъ свои трепещущія руки и молча ждалъ услышать остальное.

— Раввеселитесь, продолжалъ его сынъ: — она была столько же жена капитана, сколько и вы; мало того, самъ капитанъ теперь уже вамъ не помѣха. Въ одинъ туманный день въ прошломъ декабрѣ, онъ ускользнулъ отъ насъ и отправился на континентъ — никто не зналъ куда. Онъ истратилъ всѣ пять тысячъ второй мистриссъ Мануэль въ то время, которое прошло (года

два или три) съ тѣхъ поръ. какъ она вышла изъ тюрьмы, и удивительно было откуда онъ досталъ денегъ на дорожныя издержки. Оказалось, что онъ получилъ ихъ отъ второй мистриссъ Мануэль. Она наполнила его пустые карманы и довърчиво ждала въ жалкой лондонской квартирѣ извѣстiя отъ него, чтобъ прiѣхать къ нему какъ только онъ поселится за границей! Откуда она достала деньги? можете вы спросить довольно естественно. Этого никто не могъ сказать въ то время. Моё мнѣнiе состоитъ въ томъ, что должно быть еще была жива ея прежняя госпожа и миссъ Гуильтъ наконецъ извлекла выгоду изъ фамильной тайны Блэнчардовъ. Разумѣется, это одна догадка; но есть одно обстоятельство, дѣлающее эту догадку правдоподобной для меня. Въ то время у ней была одна пожилая прiятельница, которая была способна помочь ей отыскать адресъ ея госпожи. Можете вы угадать имя этой пожилой прiятельницы? Гдѣ вамъ! Разумѣется мистриссъ Олдершд!

Бѣшудъ вдругъ поднялъ глаза.

— Зачѣмъ она обратилась, спросилъ онъ: — къ женщинѣ, которая бросила её, когда она была ребѣнкомъ?

— Не могу сказать, отвѣчалъ сынъ:—равнѣ только она обратилась къ ней для своихъ великолѣпныхъ волосъ. Мнѣ не нужно говорить вамъ, что тюремныя ножницы обрѣзали локоны миссъ Гуильтъ, и прошу позволенiя прибавить, что мистриссъ Олдершд—самая знаменитая женщина въ Англіи относительно возстановленiя волосъ и лицъ женскаго пола. Сложите дважды-два и можете быть вы согласитесь со мною, что въ этомъ случаѣ они составятъ четыре.

— Да-да, дважды-два—четыре, нетерпѣливо повторилъ отецъ.— Но я желаю знать кое-что другое. Получила ли она отъ него извѣстiе? Прислалъ ли онъ за нею послѣ того, какъ уѣхалъ за границу?

— Капитанъ? Какъ это могло придти вамъ въ голову? Развѣ онъ не истратилъ всѣ ея деньги и развѣ не скрылся на континентѣ отъ нея? Она навѣрно ожидала отъ него извѣстiя, потому-что она упорно продолжала вѣрить ему. Но я готовъ про-
закладывать вамъ, что она никогда не видала болѣе его почерка.

Мы въ конторѣ употребили всѣ силы, чтобъ открыть ей глаза, мы прямо ей сказали, что у него жива его первая жена и что она не имѣетъ на него ни малѣйшаго права. Она не хотѣла намъ вѣрить, хотя мы показывали ей доказательства. Упряма, дьявольски упряма! Навѣрно она ждала нѣсколько мѣсяцевъ прежде чѣмъ отказалась отъ послѣдней надежды увидѣть его опять.

Бэшудъ быстро выглянулъ изъ окна.

— Куда могла она обратиться за прибѣжищемъ? сказалъ онъ не сыну, а себѣ.—Что могла она сдѣлать?

— Судя по моей опытности въ женщинахъ, замѣталъ Бэшудъ младшій, услыхавъ слова отца:—я сказалъ бы, что она, вѣроятно, пробовала утопиться. Но это опять только догадка—только догадка объ этой части ея исторіи. Я ничего не знаю о поступкахъ миссъ Гуильтъ весною и лѣтомъ настоящаго года. Можетъ быть она съ отчаянія покушалась на самоубійство; можетъ быть она была причиною тѣхъ справокъ, которыя я дѣлалъ для мистриссъ Олдершотъ. Навѣрно вы увидите её сегодня и можетъ быть, если вы употребите ваше вліяніе, вы заставите её самое кончить свою исторію.

Бэшудъ, всё смотрѣвшій изъ окна, вдругъ взялъ за руку сына.

— Тише! тише! воскликнулъ онъ въ сильномъ волненіи:—мы пріѣхали наконецъ. О Джемми! пощупай, какъ бьется мое сердце! Вотъ гостинница.

— Какой толкъ въ вашемъ сердцѣ, сказалъ Бэшудъ младшій.—Ждите здѣсь, пока я пойду навести справки.

— Я пойду съ тобой! закричалъ отецъ:—я не могу ждать! говорю тебѣ, я не могу ждать!

Они вмѣстѣ пошли въ гостинницу и спросили мистера Армэдэля.

Отвѣтъ, послѣ нѣкоторой нерѣшимости и остановки, былъ тотъ, что мистеръ Армэдэль уѣхалъ шесть дней назадъ; второй слуга прибавилъ, что другъ мистера Армэдэля, мистеръ Мидуинтеръ, уѣхалъ только утромъ. Когда уѣхалъ мистеръ Армэдэль? куда-то въ провинцію. Куда уѣхалъ мистеръ Мидуинтеръ?—никто не зналъ.

Бэшудъ посмотрѣлъ на сына съ безмолвнымъ отчаяніемъ.

— Взоръ и пустяки! сказалъ Бэшудъ младшій, грубо толкая отца въ кэбъ:—мы найдемъ его у миссъ Гуильтъ.

Старикъ взялъ руку сына и поцаловалъ её.

— Благодарю тебя, милый мой, сказалъ онъ съ признательностью: — благодарю тебя за то, что ты утѣшаешь меня.

Кэбу велѣли ѣхать ко второй квартирѣ миссъ Гуильтъ.

— Оставайтесь здѣсь, сказалъ шпионъ, выходя и запирая отца въ кэбъ: — я намѣренъ самъ заняться этимъ дѣломъ.

Онъ постучался въ дверь.

— Я принёсъ записку къ миссъ Гуильтъ, сказалъ онъ, входя въ корридоръ, какъ только дверь отворили.

— Она уѣхала, отвѣчала служанка: — вчера вечеромъ.

Бэшудъ младшій не терялъ больше словъ съ служанкой; онъ настоялъ, чтобы увидѣть хозяйку; хозяйка подтвердила извѣстiе отъ отъѣздъ миссъ Гуильтъ.

— Куда она отправилась?

Хозяйка не могла сказать. Какъ она оставила квартиру? пѣшкомъ въ которомъ часу? въ девятомъ. Чтò же онъ сдѣлалъ съ своей поклажей? у ней не было поклажи. Приходилъ къ ней вчера какой-нибудь мужчина? никто не приходилъ видѣться съ миссъ Гуильтъ.

Лицо отца, блѣдное и дикое, выглядывало изъ окна кэба, когда сынъ спустился съ лѣстницы.

— Её нѣтъ здѣсь, Джемми? спросилъ онъ слабымъ голосомъ:— её нѣтъ здѣсь?

— Молчите! закричалъ шпионъ, врожденная грубость котораго вышла наконецъ на поверхность:—я еще не кончилъ свои разспросы.

Онъ перешолъ черезъ дорогу и вошелъ въ кофейную, находившуюся прямо противъ того дома, изъ котораго онъ только что вышелъ.

У окна сидѣли два человѣка, разговаривая съ безпокойствомъ.

— Который изъ васъ былъ вчера дежурный въ десятомъ часу вечера? спросилъ Бэшудъ младшій, вдругъ подходя къ нимъ и дѣлая вопросъ быстрымъ, повелительнымъ шопотомъ.

— Я, сэръ, отвѣчалъ одинъ неохотно.

— Вы потеряли изъ вида домъ? Да, я это вижу.

— Только на минуту, сэръ. Какой-то грубиянъ солдатъ во-
шлъ...

— Этого довольно, сказалъ Бэшудъ младшій. — Я знаю, что сдѣлалъ солдатъ и кто послалъ его сдѣлать это. Она опять ускользнула отъ насъ. Вы величайшій осёлъ! Считайте себя въ отставкѣ.

Съ этими словами и съ ругательствомъ для того, чтобы придать имъ больше выразительности, онъ вышелъ изъ кофейной и воротился къ кэбу.

— Она уѣхала! закричалъ отецъ. — О Джемми, Джемми! я это вижу по твоему лицу!

Онъ упалъ въ уголь кэба съ слабымъ жалобнымъ крикомъ. — Они обвѣнчаны! стоналъ онъ.

Руки его повисли, шляпа свалилась съ головы.

— Останови ихъ! воскликнулъ онъ, вдругъ опомнившись и схвативъ сына съ бѣшенствомъ за воротникъ скюртука.

— Ступай назадъ въ гостинницу! закричалъ Бэшудъ младшій извозчику. — Не шумите! прибавилъ онъ, свирѣпо обернувшись къ отцу. — Мнѣ нужно подумать.

Весь лоскъ сошлъ съ него въ это время. Его гнѣвъ былъ возбуждѣнъ; его гордость — даже такой человѣкъ имѣлъ свою гордость — была глубоко оскорблена. Два раза пытался онъ про- вести женщину и два раза эта женщина провела его.

Онъ вышелъ изъ кэба, доѣхавъ до гостинницы во второй разъ, и пробовалъ подкупить слугъ деньгами. Результатъ этого опыта доказалъ ему, что они не могли продать никакія свѣдѣнія. Послѣ минутнаго размышленія онъ, прежде чѣмъ вышелъ изъ гостинницы, спросилъ дорогу къ приходской церкви.

«Можетъ быть стѣять попытаться, подумалъ онъ, сказавъ адресъ извозчику.

— Скорѣе! закричалъ онъ, посмотрѣвъ прежде на свои часы, а потомъ на отца. — Минуты драгоценны, а старикъ-то начинаетъ слабѣть.

Это была правда. Всё еще способный слышать и понимать, Бэшудъ уже былъ неспособенъ говорить; онъ уцѣпился обѣими

руками за злую руку сына и съ отчаяніемъ опустилъ голову на его отвернувшееся плечо.

Приходская церковь стояла въ сторонѣ отъ улицы, защищаемая воротами и рѣшотками и окруженная открытымъ пространствомъ. Оттолкнувъ отца, Бэшудъ младшій прямо отправился въ ризницу. Клэркъ, убравшій книги, и помощникъ его, вѣшавшій стихарь, были единственными людьми въ ризницѣ, когда онъ вошелъ туда и попросилъ позволенія взглянуть на брачныя записи этого утра.

Клэркъ важно раскрылъ книгу и отошелъ отъ стола, на которомъ она лежала. Въ книгѣ въ это утро было записано три брака, и первыя двѣ подписи на страницѣ были: «Аллэнъ Армэдэль!» и «Лидія Гуильтъ!»

Даже шпіонъ — не знавшій правды, не подозрѣвавшій къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ могло повести утреннее происшествіе—даже шпіонъ вздрогнулъ, когда глаза его упали на страницу. Это совершилось! Чтб ни вышло бы изъ этого, это совершилось! Свидѣтельство брака, который былъ и справедливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ложенъ относительно заключеній, къ которымъ онъ могъ повести, было записано въ книгѣ. Собственнымъ почеркомъ Мидуинтера, вслѣдствіе рокового сходства имѣнъ было доказательство, которое могло убѣдить всякаго, что не Мидуинтеръ, а Аллэнъ былъ мужемъ миссъ Гуильтъ!

Бэшудъ младшій закрылъ книгу и возвратилъ еѣ клэрку. Онъ спустился съ лѣстницы, угрюмо засунувъ руки въ карманы. Серьезный ударъ былъ нанесенъ его дѣловому самолюбію.

Стороожъ встрѣтилъ его у церковной стѣны. Онъ подумалъ съ минуту, стоить ли истратить шиллингъ на разспросы этому челоуѣку и рѣшилъ утвердительно. Если бы ихъ можно было прослѣдить и нагнать, то была бы возможность даже и теперь увидѣть деньги Армэдэля.

— Какъ давно, спросилъ онъ:—первая чета, обвѣчавшаяся здѣсь сегодня, вышла изъ церкви?

— Около часа, отвѣчалъ стороожъ.

— Какъ они отправились?

Стороожъ медлилъ отвѣчать на второй вопросъ, пока не спря- таль въ карманъ деньги.

— Вы не прослѣдите ихъ отсюда, сэръ, сказалъ онъ, когда получилъ свой шиллингъ:—они ушли пѣшкомъ.

— И вы больше ничего не знаете?

— Ничего не знаю, сэръ.

Оставшись одинъ, даже сыщикъ Частной Справочной Конто- ры остановился на минуту прежде чѣмъ воротился къ отцу, ждавшему въ кэбѣ у воротъ. Онъ былъ выведенъ изъ этой не- рѣшимости внезапнымъ появленіемъ извозчика за оградой церкви.

— Я боюсь, что старый джентльмэнъ занемогъ, сэръ, сказалъ извозчикъ.

Бэшудъ младшій сердито нахмурился и воротился къ кэбу. Когда онъ отворилъ дверцу и заглянулъ въ кэбъ, отецъ его наклонился впередъ и посмотрѣлъ на него съ губами безмолвно шевелившимися и съ блѣдностью и съ неподвижностью, разли- шейся по всему остальному лицу.

— Она провела насъ, сказалъ ппюнь:—они обвѣчались сего- дня утромъ.

Тѣло старика съ минуту качалось со стороны въ сторону; еще черезъ минуту глаза его закрылись, а голова упала впередъ, на переднюю скамейку кэба.

— Вези въ больницу! закричалъ сыщикъ: — съ нимъ обмо- рокъ. Вотъ что выходитъ изъ того, что я отступилъ отъ моего пу- ти, чтобы угодить отцу! пробормоталъ онъ, угрюмо поднимая го- лову Бэшуда и развязывая его галстухъ.—Прекрасное утреннее занятіе! клянусь моей душой, прекрасное утреннее занятіе!

Больница была близко и дежурный докторъ на своёмъ посту.

— Оправится онъ? грубо спросилъ Бэшудъ младшій.

— Кто вы? спросилъ докторъ рѣзко съ своей стороны.

— Его сынъ.

— Не думалъ бы этого, отвѣчалъ докторъ, взявъ лекарство, подаваемое ему сидѣлкой и отходя отъ сына къ отцу съ видомъ облегченія, котораго не трудился скрывать.—Да, прибавилъ онъ минуты черезъ двѣ:—вашъ отецъ оправится на этотъ разъ.

— Когда его можно будетъ перевезти отсюда?

— Часа черезъ два.

Шпіонъ положилъ карточку на столъ.

— Я прїѣду самъ или пришлю за нимъ, сказалъ онъ:—я полагаю, что я теперь могу ѣхать, если оставляю моё имя и мой адресъ.

— Съ этими словами онъ надѣлъ шляпу и ушолъ.

— Какой скотъ! сказала сидѣлка.

— Нѣтъ, спокойно возразилъ докторъ:—онъ человекъ.

Въ десятомъ часу вечера Бэшудъ проснулся въ своей постели въ гостинницѣ. Онъ проспалъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ его привезли изъ больницы, и душа его и тѣло теперь медленно оправлялись.

Свѣча горѣла на столѣ возлѣ кровати и на нёмъ лежало письмо. Почеркъ былъ его сына и въ письмѣ заключались слѣдующія слова:

«Любезный батюшка, привеза васъ благополучно изъ больницы въ гостинницу, я думаю, что могу похвалиться, что я исполнилъ мой долгъ къ вамъ и могу считать себя свободнымъ заняться своими дѣлами. Занятія помѣшаютъ мнѣ видѣться съ вами сегодня, и не думаю, чтобы я былъ въ вашихъ обрестностяхъ завтра утромъ. Мой совѣтъ вамъ воротиться въ Торп-Эмбросъ и оставаться при вашихъ занятіяхъ въ управительской конторѣ. Гдѣ бы ни былъ мистеръ Армэдэль, онъ долженъ, рано или поздно, написать къ вамъ по дѣламъ. Помните, что я впередъ умываю мои руки отъ всего этого дѣла. Но если вы хотите продолжать его, моё мнѣніе таково, что хотя вы не могли помѣшать его браку, вы можете разлучить его съ женой.

«Пожалуста заботьтесъ о себѣ.

«Вашъ любящій сынъ

«Джемсъ Бэшудъ».

Письмо выпало изъ слабыхъ рукъ старика.

«Какъ жаль, что Джемми не могъ придти ко мнѣ сегодня! подумалъ онъ, «но всё-таки какъ онъ добръ, что посовѣтовалъ мнѣ!

Онъ съ утомленіемъ повернулся на изголовьи и прочолъ письмо во второй разъ.

— Да, сказалъ онъ: — мнѣ ничего больше не осталось, какъ воротиться. Я слишкомъ бѣденъ и слишкомъ старъ, чтобы пуститься за ними въ погоню.

Онъ зажмурилъ глаза. Слѣзы медленно струились по его морщинистымъ щекамъ.

— Я надѣлалъ хлопотъ Джэмми, прошепталъ онъ слабымъ голосомъ. — Я боюсь, что я надѣлалъ неприятныхъ хлопотъ бѣдному Джэмми!

Черезъ минуту слабость обезсилила его и онъ опять заснулъ.

Часы сосѣдней церкви пробили десять часовъ. Когда часы пробили этотъ часъ, поѣздъ, который долженъ былъ поспѣть къ пароходу — съ Мидуинтеромъ и его женой въ числѣ другихъ пассажировъ, быстро приближался къ Парижу. Когда часы пробили этотъ часъ, вахтенный на яхтѣ Аллена увидалъ Лэнд-Эндскій маякъ и направилъ судно къ Ушанту и Финистерре.

ГЛАВА I.

ДНЕВНИКЪ МИССЪ ГУИЛЬТЬ.

Неаполь. Октября 10. — Сегодня минуло два мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ я объявила, что я закрыла мой дневникъ съ тѣмъ, чтобы никогда его не открывать.

«Зачѣмъ я нарушила мою рѣшимость?»

«Зачѣмъ я воротилась къ этому тайному другу моихъ несчастныхъ и нехорошихъ часовъ? Затѣмъ, что я одинока болѣе прежняго, хотя мой мужъ работаетъ въ смежной комнатѣ. Моё несчастье женское и хочетъ высказаться — здѣсь, скорѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, моей второй личности, въ этой книгѣ, если некому далѣе слушать меня.

«Какъ я была счастлива въ первые дни послѣ нашего брака и какимъ счастливымъ сдѣлала я его! Минуло только два мѣсяца и это уже можетъ назваться прошедшимъ! Я стараюсь припомнить что я могла сказать или сдѣлать дурного съ своей стороны—что онъ могъ сказать или сдѣлать дурного съ его стороны—и ничего не могу припомнить недостойнаго моего мужа, ничего недостойнаго меня. Я не могу даже указать дня, когда туча въ первый разъ поднялась между нами.

«Я могла бы это перенести, если бы менѣе его любила. Я могла бы преодолѣть тайну нашего отчужденія, если бы онъ высказалъ перемѣну, происшедшую въ немъ также грубо, какъ другіе мужчины выказали бы её.

«Но этого не случилось и не случится никогда. Не въ его натурѣ заставлять страдать другихъ. Ни одного жестокаго слова, ни одного жестокаго взгляда не вырывается у него. Только по ночамъ я слышу какъ онъ вздыхаетъ во снѣ; и иногда, когда

я вижу его задумчивымъ по утрамъ, знаю я, какъ безнадежно лишуюсь я любви, которую онъ когда-то чувствовалъ ко мнѣ. Онъ скрываетъ это, или старается скрывать для меня. Онъ исполненъ кротости, доброты, но сердце его уже не на губахъ его, когда онъ цалуетъ меня теперь; его рука не говоритъ мнѣ ничего, когда касается моей. Каждый день часы, которые онъ посвящаетъ своему ненавистному писанію, становятся длиннѣе, каждый день онъ становится молчаливѣе въ тѣ часы, которые отдаётъ мнѣ.

«При всѣмъ томъ я ни на что пожаловаться не могу — ничего не было такого замѣтнаго, что оправдывало бы мои замѣчанія. Его разочарованіе боится высказаться открыто; его безропотность увеличивается такими неудовимыми степенями, что даже моя бдительность не можетъ видѣть ея приращеніе. Разъ пятьдесятъ въ день я чувствую желаніе кинуться къ нему на шею и сказать: «ради Бога, сдѣлай со мною что-нибудь, только не обращай со мною такимъ образомъ!» и разъ пятьдесятъ въ день слова эти удерживаются въ моёмъ сердцѣ жестокимъ сознаніемъ его поведенія, которое не даётъ мнѣ предлога высказать ихъ. Я думала, что я перенесла самое сильное страданіе, какое только могла почувствовать, когда мой первый мужъ ударилъ меня по лицу хлыстомъ. Я думала, что я знаю самое крайнее отчаяніе въ тотъ день, когда я узнала, что тотъ другой негодай, негодай ещё подлѣйшій, бросилъ меня. Вѣкъ живи—вѣкъ учись. Есть еще страданіе сильнѣе того, которое я почувствовала отъ хлыста Уолдрона, есть отчаяніе еще болѣе горькое, чѣмъ то, которое я узнала, когда Мануэль бросилъ меня.

«Не стара ли я для него? Навѣрно еще нѣтъ! Не лишилась ли я красоты моей? Ни одинъ мушкетеръ не проходитъ мимо меня на улицѣ безъ того, чтобы глаза его не сказали мнѣ, что я хороша по прежнему.

«Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! тайна лежитъ глубже этого! Я думала и передумывала объ этомъ, пока мною не овладѣла страшная мысль. Онъ былъ благороденъ и добръ въ своей прошлой жизни, а я была зла и обесчлавлена. Кто можетъ сказать, какую страшную бездну можетъ это вырыть между нами неизвѣстно для меня и для него? Это глупость; это сумасбродство; но когда я лежу возлѣ

него въ темнотѣ, я спрашиваю себя: не вырывается ли у меня безсознательное сознаніе въ истинѣ въ той тѣсной короткости, которая теперь соединяетъ насъ? Не осталось ли чего-нибудь отъ ужасовъ моей прошлой жизни, что еще невидимо не оставляетъ меня? и не чувствуетъ ли онъ вліянія этого чувствительно; но непонятно для него самаго? О! не-уже-ли нѣтъ очистительнаго могущества въ такой любви, какъ моя? Не уже-ли на моёмъ сердцѣ остались зачумлённые мѣста, которыя не можетъ омыть моё раскаяніе?

«Кто можетъ это сказать? Въ нашей супружеской жизни что-то не ладится — я могу только это повторить. Есть какое-то враждебное вліяніе, котораго ни онъ, ни я не можемъ прослѣдить и которое разлучаетъ насъ другъ съ другомъ всё болѣе и болѣе каждый день. Ну, я полагаю, что я окрѣпну современемъ и научусь переносить.

«Мимо моего окна только-что проѣхала коляска съ мило одѣтой дамой. Возлѣ нея сидитъ ея мужъ, а напротивъ ея дѣти. Въ ту минуту, когда я увидала её, она смѣялась и разговаривала очень весело; блестящая, весёлая, счастливая женщина! Ахъ, милэди! когда вы были моложе, еслибы вы были предоставлены самой себѣ и брошены въ свѣтъ какъ я.

«*Октября 11.* — Одиннадцатаго числа (два мѣсяца назадъ) мы были обвѣнчаны. Онъ ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ, когда мы проснулись, и я ему. Но я вздумала воспользоваться этимъ случаемъ за завтракомъ, чтобы опять привлечь его къ себѣ.

«Не думаю, чтобъ я когда-нибудь занималась такъ моимъ туалетомъ; не думаю, чтобъ я когда-нибудь казалась лучше собой, когда сошла внизъ въ это утро. Онъ завтракалъ одинъ и я нашла на столѣ бумажку, на которой было написано нѣсколько словъ въ извиненіе. Онъ писалъ, что почта въ Англію уходитъ сегодня и что его письмо въ газету должно быть кончено. На его мѣстѣ я отпустила бы десять почтъ скорѣе, чѣмъ завтракать безъ него. Я пошла къ нему въ комнату; онъ сидѣлъ погружившись душою и тѣломъ въ своё ненавистное писанье.

«— Не можешь ли ты удѣлить мнѣ время сегодня? спросила я.

«Онъ вздрогнулъ и вскочилъ.

«— Конечно, если ты желаешь.

«Онъ даже не взглянулъ на меня, говоря эти слова. Самый звукъ его голоса сказалъ мнѣ, что весь его интересъ сосредоточивался въ перѣ, которое онъ только-что оставилъ.

«— Я вижу, что ты занятъ, сказала я: — я не желаю этого.

Прежде чѣмъ я затворила дверь, онъ уже воротился къ своему письменному столу. Я часто слышала, что жены авторовъ по бѣльшей части несчастныя женщины. Теперь я знаю почему.

«Я полагаю, какъ я сказала вчера, что я научусь эт переносить. (Кстати, какой вздоръ написала я вчера! Какъ мнѣ было бы стыдно если бы это видѣлъ кто-нибудь другой, кромѣ меня!) Надѣсь, что вздорная газета, въ которой онъ пишетъ, не будетъ имѣть успѣха; надѣюсь, что его глупое письмо соудеть осмѣяно какой-нибудь другой газетой, какъ только попадетъ въ печать!

«Что я буду дѣлать цѣлое утро? Выйти я не могу: идётъ дождь. Если я открою фортепьяно, я помѣшаю прилежному журналисту, который пишетъ въ смежной комнатѣ. О Боже! въ моей торп-эмброзской квартирѣ было скучно, но здѣсь еще скучнѣе. Не читать ли мнѣ? Нѣтъ; книги меня не интересуютъ; я ненавижу всё авторское племя. Мнѣ кажется, я пересмотрю эти страницы и опять переживу жизнь, когда я строила планы и находила новое развлеченіе для занятій на каждый часъ дня.

«Онъ могъ бы взглянуть на меня, хотя *былъ* такъ занятъ своей статьей. Онъ могъ бы сказать: «какъ мило одѣта ты сегодня»; онъ могъ бы вспомнить... всё равно что бы тамъ ни было. Онъ только помнитъ газету.

«*Девятнадцать часовъ.* — Я читала и думала и, по милости моего дневника, провела часъ.

«Какое было время — какая жизнь была въ Торп-Эмброзѣ! Я удивляюсь, какъ я не помѣшалась. Сердце у меня бьется, щоки мои горятъ, когда я читаю теперь объ этомъ.

«Дождь всё идётъ, а журналистъ всё пишетъ. Я не намѣрена опять думать объ этомъ прошломъ времени, а между тѣмъ о чемъ другимъ могу я думать?

«Положимъ — я только говорю положимъ — я чувствовала бы теперь, какъ чувствовала, когда ѣхала въ Лондонъ съ Армэдэлемъ и когда видѣла способъ лишить его жизни, такъ ясно, какъ видѣла его самого во всё продолженіе пути?...

«Я пойду и выгляну изъ окна; я пойду считать проходящихъ.

«Прошли мимо похороны, съ кающимися въ черныхъ капюшонахъ и съ восковыми факелами, гаснущими отъ дождя, и съ колокольчиками и съ причтомъ, тянущимъ своё однообразное пѣніе. Пріятное зрѣлище встрѣтило меня у окна! Я ворочусь къ своему дневнику.

«Положимъ, что я не измѣнилась бы — я только говорю положимъ — какой видъ имѣлъ бы теперь Большой Рискъ, которому я прежде замышляла подвергнуться?

— Я обвѣнчалась съ Мидуинтеромъ подъ его настоящимъ именемъ. Сдѣлавъ это, я сдѣлала первый шагъ изъ тѣхъ трёхъ шаговъ, которые должны были привести меня черезъ смерть Армэдэля къ состоянію и положенію его вдовы. Это—всё равно какъ-бы невинны ни были мои намѣренія въ день свадьбы—а они были невинны — это одно изъ неизбѣжныхъ послѣдствій брака. Сдѣлавъ первый шагъ — если бы я имѣла намѣреніе сдѣлать второй шагъ, а я этого намѣренія не имѣю—въ какихъ отношеніяхъ нахожусь я при настоящихъ обстоятельствахъ? Предостерегаютъ ли они меня попятиться назадъ, желала бы я знать? или поощряютъ меня идти впередъ?

«Мнѣ интересно разсчитать возможности на успѣхъ; а я легко могу вырвать листокъ и уничтожить его, если перспектива будетъ слишкомъ поощрительна.

«Мы живѣмъ здѣсь (ради экономіи) далѣко отъ дорогого англійскаго квартала, въ предмѣстьи города со стороны Портичи. Мы не сдѣлали знакомствъ съ нашими соотечественниками: наша бѣдность мѣшаетъ намъ; застѣнчивость Мидуинтера мѣшаетъ намъ, а съ женщинами моя наружность мѣшаетъ намъ. Мужчины, отъ которыхъ мой мужъ получаетъ свѣдѣнія для газеты, встрѣчаются съ нимъ въ кофейной и никогда не приходятъ сюда. Я не поощряю его приводить ко мнѣ постороннихъ, потому-что, хотя прошло нѣсколько лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я была въ Неа-

полѣ, я не могу знать навѣрно живутъ ли еще здѣсь тѣ, кого я знала прежде здѣсь. Мораль всего этого (какъ говорится въ дѣтскихъ книжкахъ), что ни одинъ свидѣтель не былъ въ этомъ домѣ, который могъ бы объявить, если бы впоследствии въ Англии произошло слѣдствіе, что мы жили здѣсь съ Мидуинтеромъ какъ мужъ и жена. Вотъ въ какихъ отношеніяхъ нахожусь я къ настоящимъ обстоятельствамъ.

«Потомъ Армэдэль. Не заставило ли его какое непредвидѣнное обстоятельство имѣть сношенія съ Торп-Эмбровомъ? Нарушилъ ли онъ условія, наложенныя на него мѣоромъ, и не объявилъ ли себя женихомъ миссъ Мильрой съ-тѣхъ-поръ, какъ я видѣла его въ послѣдній разъ?»

«Ничего подобнаго не случилось. Никакое непредвидѣнное обстоятельство не измѣнило его положенія — относительно меня. Я знаю все, что съ нимъ случилось послѣ его отъѣзда изъ Англии изъ писемъ, которыя онъ пишетъ Мидуинтеру и которыя Мидуинтеръ показываетъ мнѣ.

«Во-первыхъ, онъ потерпѣлъ крушеніе. Его яхта дѣйствительно старались утопить его и ей неудалось! Случилось (какъ Мидуинтеръ предостерегалъ его, что это можетъ случиться на такомъ маленькомъ суднѣ) буря. Ихъ бросило на португальскій берегъ. Яхта разлетѣлась въ дребезги, но люди, бумаги и всё прочее было спасено. Экипажъ былъ отосланъ въ Бристоль съ рекомендаціей хозяина, которая уже доставила матросамъ мѣста на заграничномъ кораблѣ. А хозяинъ ѣдетъ сюда. Онъ останавливался въ Лиссабонѣ, потомъ въ Гибралтарѣ и старался понапрасну въ обоихъ мѣстахъ достать другую яхту. Его третья попытка будетъ сдѣлана въ Неаполѣ, гдѣ стоитъ англійская яхта для продажи или найма. Онъ не имѣлъ надобности написать домой послѣ крушенія, потому что онъ взялъ изъ банка Кутса всю сумму денегъ, которая была внесена туда. А такъ-какъ онъ не имѣлъ наклонности возвращаться въ Англію — потому что мистеръ Брокъ умеръ, миссъ Мильрой была въ школѣ, а Мидуинтеръ здѣсь—и у него нѣтъ ни одной близкой души, которая встрѣтила бы его по пріѣздѣ. Видѣтъ насъ и новую яхту—его двѣ единственныя цѣлѣ. Миду-

интеръ ждѣть его уже цѣлую недѣлю и онъ можетъ войти въ эту самую комнату въ ту самую минуту, какъ я пишу.

«Это искусительныя обстоятельства, когда всѣ обиды, вынесенныя мною отъ его матери и отъ него, еще живы въ моемъ воспоминаніи, когда миссъ Мильрой съ увѣренностью готовится занять мѣсто во главѣ его стола; когда моя мечта жить счастливо и невинно любовью Мидуинтера исчезла навсегда и вмѣсто нея не осталось ничего, что помогло бы мнѣ противъ себя самой. Я желала бы, чтобъ дождь не шолъ, я желала бы, чтобъ я могла выйти.

«Можетъ быть что-нибудь помѣшаетъ Армэдэлю пріѣхать въ Неаполь. Когда онъ писалъ послѣдній разъ, онъ ждалъ въ Гибралтарѣ англійскаго парохода, чтобъ пріѣхать сюда. Ему, можетъ быть, надоѣстъ ждать парохода или, можетъ быть, онъ услышитъ о яхтѣ, продающейся гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь. Маленькая птичка шепчетъ мнѣ на ухо, что, можетъ быть, это былъ бы самый благоразумный поступокъ въ его жизни, если онъ не сдержитъ своего обѣщанія пріѣхать къ намъ въ Неаполь.

«Не вырвать ли мнѣ листъ, на которомъ были написаны эти оскорбительныя вещи? Нѣтъ. Мой дневникъ такъ хорошо переплетѣнъ, что было бы положительно жестоко вырвать листъ. Займусь я безвредно чѣмъ-нибудь другимъ. Чѣмъ бы, наприкладъ? моей шкатулкой съ вещами: я приберу мою шкатулку и вычищу вещицы, еще оставшіяся у меня послѣ моихъ несчастій.

«Я опять закрыла мою шкатулку. Первая вещь, попавшаяся мнѣ въ шкатулкѣ, былъ дрянной подарокъ Армэдэля мнѣ на свадьбу — дешовенькое рубиновое кольцо. Это тотчасъ же раздражило меня. Вторая вещь, попавшаяся мнѣ, была склянка съ каплями. Я начала разсчитывать глазами сколько капель понадобится, чтобъ перенести живое существо за черту разграниченія между сномъ и смертью. Зачѣмъ я съ испугомъ закрыла шкатулку прежде чѣмъ кончила разсчотъ — я не знаю, но я заперла. И вотъ я опять воротилась къ своему дневнику, хотя мнѣ не о чемъ, рѣшительно не о чемъ писать. О, скучный день!

скучный день! Не-уже-ли ничего не случится, чтобъ развлечь меня въ этомъ противномъ мѣстѣ?

Октября 12. — Важное письмо Мидуинтера въ газету было отправлено съ вчерашней почтой. Я имѣла сумасбродство предполагать, что можетъ быть онъ удостоить меня своимъ вниманіемъ сегодня—ничуть не бывало! Онъ провѣлъ тревожную ночь послѣ своихъ письменныхъ занятій и всталъ съ головной болью и въ самомъ уныломъ расположеніи духа. Когда онъ находится въ этомъ состояніи, его любимое лекарство—воротиться къ своимъ прежнимъ бродяжническимъ привычкамъ и шататься одному неизвѣстно гдѣ. Онъ для вида предложилъ мнѣ сегодня утромъ (зная, что у меня нѣтъ амазонки) нанять для меня какую-то влячу, если я желаю сопутствовать ему. Я предпочла остаться дома. Я хочу имѣть красивую лошадь и щегольскую амазонку, или совсѣмъ ѣздить не буду. Онъ ушолъ, не пытаясь убѣдить меня перемѣнить мысли. Я, разумѣется, не перемѣнила бы ихъ; но онъ всё-таки могъ бы попытаться уговорить меня.

«Я могу раскрыть фортепьяно въ его отсутствіе — это одно утѣшеніе, и я очень расположена играть — это другое. Есть одна сонета Бетговена (я забыла которая), всегда напоминающая мнѣ о погибшихъ душахъ въ аду. Ну, мои пальцы, поведите меня сегодня къ погибшимъ душамъ!

Октября 13. — Наши окна выходятъ на море. Сегодня въ полдень мы увидали подходящій пароходъ съ развѣвающимся англійскимъ флагомъ. Мидуинтеръ пошолъ на пристань на случай, не тотъ ли это пароходъ изъ Гибралтара, на которомъ ѣдетъ Армэдэль.

«Два часа. — Это пароходъ изъ Гибралтара. Армэдэль прибавилъ еще одну къ длинному списку своихъ ошибокъ — онъ сдержалъ слово: приѣхать къ намъ въ Неаполь.

«Какъ это кончится теперь?»

«Кто это знаетъ?»

ГЛАВА II.

ДНЕВНИКЪ МИССЪ ГУИЛЬТЪ.

Октября 16. — Два дня пропущены въ моёмъ дневникѣ! Я сама не могу сказать почему, развѣ только оттого, что Армэдэль раздражаетъ меня сверхъ мѣры. Одинъ видъ его напоминаетъ мнѣ Торп-Эмбросъ. Мнѣ кажется, я боялась того, что я могла написать о нёмъ въ послѣдніе два дня, еслибы позволила себѣ поддаться опасному удовольствію раскрыть эти страницы.

«Сегодня утромъ я ничего не боюсь и поэтому беру опять моё письмо.

«Есть ли границы, желала бы я знать, для скотской глупости нѣкоторыхъ мушнъ? Я думала, что я узнала границы Армэделя, когда была его сосѣдкой въ Норфолькѣ, но моя позднѣйшая опытность въ Неаполѣ показываетъ мнѣ, что я ошибаюсь. Онъ безпрестанно приходитъ къ намъ и уходитъ отъ насъ (онъ пріѣзжаетъ къ намъ въ лодкѣ изъ гостинницы Санта-Лучія, гдѣ онъ ночуетъ), и разговоръ его постоянно составляютъ два предмета: яхта, продающаяся въ здѣшней пристани, и миссъ Мильрой. Да, онъ выбираетъ *меня* повѣренной его преданной привязанности къ дочери маіора! «Такъ пріятно говорить объ этомъ съ женщиной!» Вотъ всё извиненіе, какое онъ счолъ необходи-

мымъ для привлеченія моего сочувствія — моего сочувствія! къ разговору о «его драгоценной Нили» по пятидесяти разъ въ день. Онъ очевидно убѣждёнъ (если только онъ думаетъ объ этомъ), что я забыла, также совершенно, какъ и онъ, всё, что когда-то было между нами, когда я приѣхала въ Торп-Эмбросъ. Такое рѣшительное отсутствіе самой обыкновенной деликатности и самага обыкновеннаго такта въ человѣкѣ, который, по всей вѣроятности, имѣетъ человѣческую кожу, а не ослиную шкуру, и который говоритъ, если только уши не обманываютъ меня, а не ревѣтъ, совершенно невѣроятно, когда подумаешь объ этомъ. Но это, однако, справедливо. Онъ спросилъ меня — онъ просто спросилъ меня, вчера вечеромъ — сколько сотъ фунтовъ въ годъ жена богатаго человѣка можетъ тратить на свои наряды.

«— Не назначьте слишкомъ низкую цѣну, прибавилъ идиотъ, нестерпимо ухмыляясь. — Нили должна одѣваться какъ одна изъ самыхъ нарядныхъ щеголихъ въ Англіи, когда я женюсь на ней.

«И это онъ смѣлъ сказать мнѣ послѣ того, какъ онъ былъ у моихъ ногъ и когда я лишилась его, по милости миссъ Мильрой! мнѣ, одѣтой въ платье изъ альпака, и имѣющей мужа, который живётъ работою въ газетѣ!

«Лучше не стану распространяться объ этомъ; лучше буду думать и говорить о чомъ-нибудь другомъ.

«О яхтѣ. Я объявляю, что, какъ облегченіе послѣ разговора о миссъ Мильрой, яхта кажется мнѣ преинтереснымъ предметомъ. Она — прекрасное судно; ея марсели (что бы это ни было) особенно замѣчательны тѣмъ, что сдѣланы изъ краснаго дерева; но, при всѣхъ этихъ достоинствахъ она имѣетъ тотъ недостатокъ, что она стара — это большая неприятность, а экипажъ и шкиперъ, по расправѣ съ ними, были отосланы въ Англію — это также неприятно. Всё-таки, если новый экипажъ и новаго шкипера можно найти здѣсь, такимъ красивымъ судномъ при всѣхъ его недостаткахъ, пренебрегать нельзя. Можно бы нанять её на одну поѣздку и посмотреть, какъ она поведётъ себя. (Если она будетъ одного мнѣнія со мною, ея поведение удивитъ ея новаго владѣльца)! Пробная поѣздка рѣшитъ какіе недостатки она имѣетъ и какія поправки требуетъ ея несчастный

возрасть. И тогда будетъ время рѣшить купить её или нѣтъ. Таковъ разговоръ Армэдэля, когда онъ не разговариваетъ о своей «драгоценной Нили». А Мидуинтеръ, который не можетъ удѣлать время отъ своей работы для жены, можетъ удѣлать часы для своего друга и предлагать ихъ безусловно моею непобѣдимой соперницѣ, новой яхтѣ.

«Сегодня я не буду болѣе цсать. Если такая изящная дама, какъ я, можетъ чувствовать зудъ въ своихъ пальцахъ, какъ тигрица, я, заподозрила бы себя въ такомъ положеніи въ настоящую минуту. Но съ моимъ обращеніемъ и съ моимъ образованіемъ, разумѣется, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Мы всё знаемъ, что изящная дама не имѣетъ страстей.

Октября 17. — Мидуинтеръ получилъ сегодня утромъ письмо отъ негровладѣльцевъ, то-есть лондонскихъ журналистовъ, которое заставило его работать прилежнѣе прежняго. «Армэдэль приходилъ за завтракомъ и потомъ за обѣдомъ. За завтракомъ разговоръ былъ о яхтѣ, за обѣдомъ о миссъ Мидьрой. Я была удостоена приглашеніемъ ѣхать съ Армэдэлемъ завтра въ Толедо и помочь ему купить подарки для предмета его любви. Я же разсердилась на него, я просто отказалась. Могутъ ли слова выразить удивленіе, въ которое меня приводитъ моя терпѣливость? Никакія слова не могутъ выразить его.

Октября 18. — Армэдэль приходилъ сегодня къ утреннему чаю, чтобъ застать Мидуинтера прежде чѣмъ онъ запрѣтся работать.

Разговоръ былъ такой же, какъ вчера вечеромъ. Армэдэль нанялъ яхту. Агентъ (сожалѣя о его совершенномъ невѣдѣніи языка) помогъ ему найти переводчика, но не можетъ помочь ему найти экипажъ. Переводчикъ вѣжливъ и обязателенъ, но морского дѣла не понимаетъ. Помощь Мидуинтера необходима, и Мидуинтера просятъ (а онъ соглашается) работать прилежнѣе прежняго, чтобъ найти время помочь его другу. Когда экипажъ найдутъ, достоинства и недостатки яхты будутъ испробованы поѣздкой въ Сицилію и Мидуинтеръ долженъ ѣхать, чтобъ высказать своё мнѣніе. Наконецъ (если она не захочетъ остаться въ одиночествѣ) дамская каюта отдаётся въ распоряженіе жены

Мидуинтера. Всё это было рѣшено за чайнымъ столомъ и кончилось однимъ изъ изящныхъ комплиментовъ Армэдэля мнѣ:

«— Я намѣренъ взять съ собой на яхту Нили, когда мы обвѣнчаемся. А у васъ такой хорошей вкусъ; вы можете сказать мнѣ всё, что должно быть въ дамской каютѣ.

«Если нѣкоторыя женщины производятъ на свѣтъ такихъ людей, должны ли другія женщины позволить имъ жить? Это дѣло мнѣнія. Я этого не думаю.

«Меня сводитъ съ ума то, что я вижу ясно, что Мидуинтеръ находитъ въ обществѣ Армэдэля и въ его новой яхтѣ убѣжище отъ меня. Онъ всегда веселѣе, когда здѣсь Армэдэль. Онъ забываетъ меня съ Армэдэлемъ точно такъ, какъ забываетъ меня за своей работой. И я это переношу! Какая я образцовая жена! какая я превосходная христіанка!

Октября 19.—Новости! Мидуинтеръ страдаетъ нервной головою болью, и всё-таки работаетъ, чтобъ имѣть время оставаться съ своимъ другомъ.

Октября 21.—Мидуинтеру хуже. Онъ сердитъ, дикъ, неприступенъ послѣ двухъ дурно проведенныхъ ночей и двухъ дней за непрерывною работою. При всякихъ другихъ обстоятельствахъ онъ воспользовался бы предостереженіемъ и пересталъ бы работать; но теперь онъ не смотритъ ни на какія предостереженія. Онъ всё работаетъ также усиленно, какъ и прежде, для Армэдэля. Какъ долго продлится моё терпѣніе?

Октября 22.—Вчера оказалось, что Мидуинтеръ напрягаетъ свой мозгъ болѣе того, что мозгъ можетъ перенести. Когда онъ заснулъ, онъ былъ страшно неспокоенъ, стоналъ, говорилъ, скрежеталъ зубами. Изъ нѣсколькихъ словъ, услышанныхъ мною, онъ, кажется, сначала видѣлъ во снѣ жизнь, которую онъ вѣлъ въ дѣтствѣ, когда былъ мальчикомъ и странствовалъ съ танцующими собаками, потомъ ему снилось какъ онъ провѣлъ съ Армэдэлемъ ночь на сломанномъ кораблѣ; къ утру онъ сталъ спокойнѣе. Я заснула и, проснувшись вскорѣ, увидѣла, что я одна. Первый взглядъ, брошенный вокругъ, показалъ мнѣ, огонь, горѣвшій въ уборной Мидуинтера. Я тихо встала и пошла взглянуть на него.

«Онъ сидѣлъ на безобразномъ огромномъ старинномъ креслѣ, которое я приказала вынести въ уборную, съ глазъ долой, когда мы переѣхали сюда. Голова его была откинута назадъ, одна рука небрежно перекинута черезъ ручку кресла, другая рука лежала на колѣнахъ. Я подошла ближе и увидала, что онъ изнемогъ отъ усталости, когда читалъ или писалъ, потому что передъ нимъ были на столѣ книги, перья, чернила и бумага. Зачѣмъ онъ всталъ такъ тайно въ такой часъ утра? Я посмотрѣла на бумаги, лежавшія на столѣ: онѣ всѣ были сложены аккуратно (какъ онъ всегда держитъ ихъ) съ однимъ исключеніемъ: письмо мистера Брока лежало раскрытое на другихъ бумагахъ.

«Я опять посмотрѣла на Мидуинтера и въ первый разъ примѣтила другую писаную бумагу, лежавшую подъ рукою, которая покоилась на колѣнахъ. Нельзя было взять этой бумаги не подвергаясь риску разбудить его. Часть рукописи, однако, не была покрыта его рукою. Я посмотрѣла на это мѣсто, чтò онъ ушолъ прочесть тайкомъ, кромѣ письма Брока, и разобрала на столько, чтобъ узнать, что это было описаніе Сна Армедэля.

«Это второе открытіе тотчасъ заставило меня лечь въ постель съ серьезнымъ предметомъ для размышленій.

«Когда мы проѣзжали Францію, отправляясь сюда, застѣнчивость Мидуинтера была тотчасъ побѣждена очень пріятнымъ человѣкомъ, ирландскимъ докторомъ, котораго мы встрѣтили въ вагонѣ желѣзной дороги и который просто настоялъ, чтобы вступить съ нами въ дружескія отношенія. Узнавъ, что Мидуинтеръ посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ, нашъ спутникъ предостерегалъ его не проводить много часовъ къ ряду за его письменнымъ столомъ.

«— Ваше лицо говоритъ мнѣ болѣе чѣмъ вы думаете, сказалъ докторъ. — Если вы поддадитесь искушенію насиловать вашъ мозгъ, вы почувствуете это скорѣе чѣмъ многіе другіе. Когда вы увидите, что ваши нервы разстроены черезчуръ, не пренебрегайте предостереженіемъ — бросьте ваше перо.

«Послѣ моего вчерашняго открытія въ уборной мнѣ кажется, что нервы Мидуинтера уже начали оправдывать мнѣніе доктора.

Если разстройство ихъ состояло въ томъ, чтобъ мучить его прежнимъ суевѣрнымъ страхомъ, въ нашей жизни скоро будетъ перемѣна. Я съ любопытствомъ буду ждать не овладѣетъ ли опять Мидуинтеромъ убѣжденіе, что намъ обимъ предназначено навлечь гибельную опасность на Армэдэля. Если такъ, я знаю что случится: онъ не сдѣлаетъ ни шага, чтобъ помочь своему другу найти экипажъ для яхты и навѣрно откажется ѣхать съ Армэдэлемъ или отпустить меня съ нимъ, на пробную поѣздку.

Октября. 23. — Письмо мистера Брока, по всей вѣроятности, не потеряло еще своего вліянія. Мидуинтеръ опять работаетъ сегодня и съ такимъ же стараніемъ выгадываетъ время, которое онъ можетъ проводить съ своимъ другомъ.

Два часа. — Армэдэль здѣсь по обыкновенію; желаетъ знать когда Мидуинтеръ можетъ быть къ его услугамъ. На этотъ вопросъ еще нельзя дать опредѣленнаго отвѣта, потому-что всё зависитъ отъ способности Мидуинтера продолжать свою работу, Армэдэль съль съ чувствомъ обманутаго ожиданія; онъ зѣвалъ и засунулъ въ карманы свои огромныя, неуклюжія руки. Я взяла книгу. Скотъ не понималъ, что я желала остаться одна; онъ опять принялся за невыносимый предметъ разговора — о миссъ Мильрой и о всѣхъ нарядахъ, какіе она будетъ имѣть, когда онъ женится на ней: о ея верховой лошади, о ея кабриолетѣ, о ея прелестной гостиной на верху въ большомъ домѣ и такъ далѣе. Всё что я могла имѣть, миссъ Мильрой будетъ имѣть — *если я позволю ей.*

Шесть часовъ. — Опять этотъ вѣчный Армэдэль! Полчаса тому назадъ, Мидуинтеръ воротился съ своей работы съ головокруженіемъ и съ истощеніемъ силъ. Мнѣ ужасно хотѣлось цѣлый день музыки и я узнала, что въ театрѣ дають *Норму*. Мнѣ пришло въ голову, что часа два, проведенные въ оперѣ, могутъ принести пользу Мидуинтеру и мнѣ, и я сказала: «почему не взять бы намъ ложу въ театрѣ Сан-Карло сегодня?» Мидуинтеръ отвѣчалъ съ скучнымъ видомъ, что онъ недовольно богатъ для того, чтобъ брать ложу. Армэдэль при этомъ похвалился своимъ туго набитомъ кошелькомъ съ нестерпимымъ хвостовствомъ:

— Я довольно богатъ, старикашка, а это одно и то же.

«Съ этими словами онъ взялъ свою шляпу и, топаня своими огромными, какъ у слона, ногами, пошёлъ брать ложу. И смотрѣла ему вслѣдъ изъ окна, когда онъ шёлъ по улицѣ. «Твоя вдова, имѣя тысячу-двѣсти фунтовъ годового дохода, думала я, будетъ въ состоянiи брать ложу въ театрѣ, когда захочетъ, не будучи обязана никому». Пустоголовый негодяй свисталъ, когда шёлъ въ театръ, и щедро бросалъ мелкое серебро каждому нищему, бѣжавшему за нимъ.

Полночь. — Наконецъ я опять одна. Достанетъ ли у меня силъ написать исторiю этого страшнаго вечера именно такъ, какъ всё случилось? Я имѣю довольно силъ, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ перевернуть новый листъ и попробовать.

«Мы поѣхали въ Сан-Карло. Глупость Армэделя выказалась даже въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ взять ложу. Онъ смѣшалъ оперу съ комедiей и выбралъ ложу позлѣ сцены, думая, что главная цѣль въ оперѣ—видѣть лица пѣвцовъ какъ можно яснѣе! Къ счастью для нашихъ ушей, прелестныя мелодiи Беллини по большей части имѣютъ нѣжный и деликатный акомпаньементъ, а то оркестръ оглушилъ бы насъ.

«Я сначала сѣла въ ложѣ позади, потому-что невозможно было знать, нѣтъ ли въ театрѣ кого-нибудь изъ моихъ прежнихъ друзей, но нѣжная музыка постепенно выманила меня изъ моего заточенiя. Я была такъ очарована, заинтересована, что я безсознательно наклонилась впередъ и посмотрѣла на сцену.

«Меня заставило примѣтить мою неосторожность открытiе, которое на минуту буквально оледенило мою кровь. Одинъ изъ пѣвцовъ, между хорами друидъ, смотрѣлъ на меня пока пѣлъ вмѣстѣ съ остальными. Его голова была закрыта длинными, бѣлыми волосами, а нижняя часть лица совершенно покрыта развѣвающейся бѣлой бородой, приличной его роли; но глаза которыми онъ смотрѣлъ на меня, принадлежали человѣку, кого я больше всѣхъ на свѣтѣ имѣю причины опасаться увидѣть опять — Мануэлю!

«Если бы со мною не было скляночки съ нюхательнымъ спиртомъ, я думаю, что я лишилась бы чувствъ. Теперь же я ото-

двинулась назадъ въ тѣнь. Даже Армэдэль примѣтилъ во мнѣ внезапную перемену, и онъ и Мидуинтеръ спросили не больна ли я. Я сказала, что мнѣ жарко, но что, вѣроятно, мнѣ сейчасъ будетъ лучше, а потомъ отодвинулась назадъ и старалась собраться съ мужествомъ. Мнѣ удалось возвратить самообладанія на столько, чтобъ опять посмотрѣть на сцену. не показываясь, какъ только хоръ снова вышелъ на сцену. Опять я увидѣла этого человѣка, но, къ моему несказанному облегченію, онъ ни разу не взглянулъ на мою ложу. Это пріятное равнодушіе заставило меня подумать, что я видѣла необыкновенно случайное сходство и болѣе ничего. Я еще держусь этого заключенія, послѣ того, какъ имѣла время подумать, но мои мысли успокоились бы болѣе, если бы я могла видѣть всё лицо этого человѣка, безъ сценическаго переодѣванья.

«Когда занавѣсъ упала послѣ перваго акта, началось представленіе скучнаго балета (по нелѣпому итальянскому обычаю) прежде чѣмъ опера продолжалась. Хотя я оправилась отъ перваго испуга, я не могла, однако, оставаться спокойна въ театрѣ: я боялась всякаго рода невозможныхъ приключеній; и когда Мидуинтеръ и Армэдэль спросили меня, я сказала имъ, что я не такъ здорова, чтобъ оставаться на всё время представленія.

«Въ дверяхъ театра Армэдэль сталъ прощаться, но Мидуинтеръ — очевидно опасаясь провести вечеръ со мною — просилъ его ужинать, если я позволю. Я сдѣлала необходимое приглашеніе и мы всё трое воротились сюда.

«Десять минутъ спокойствія въ моей комнатѣ (съ помощью одеклона съ водой) привели меня въ себя. Я пришла за ужиномъ. Мушцины приняли моё извиненіе, что я увезла ихъ изъ оперы съ любезнымъ увѣреніемъ, что я никого изъ нихъ не заставила пожертвовать удовольствіемъ. Мидуинтеръ объявилъ, что онъ до такой степени измученъ работою, что не можетъ заботиться ни о чомъ, кромѣ двухъ великихъ наслажденій, не имѣющихся въ театрѣ — спокойствія и свѣжаго воздуха. Армэдэль сказалъ — какъ настоящій англичанинъ, гордясь своей собственной тупостью относительно искусствъ — что онъ ни крошечки не понялъ въ опе-

рѣ. Непріятнѣе всѣхъ—онъ имѣлъ одолженіе прибавить—было мнѣ, потому-что я понимала иностранную музыку и находила въ ней удовольствіе, какъ всѣ дамы вообще. Его драгоцѣнная Нили...

«Я была не въ состояніи слышать о его «драгоцѣнной Нили» послѣ того, что я вынесла въ театрѣ. Или отъ раздраженія нервъ, или отъ одеклона, бросившагося мнѣ въ голову, но только одно имя этой дѣвочки заставило меня вспыхнуть; я старалась обратить вниманіе Армэдэля на ужинъ. Онъ очень былъ благодаренъ, но онъ не имѣлъ аппетита. Я предложила ему вина — вина здѣшняго; наша бѣдность позволяетъ намъ имѣть только одно это вино. Онъ опять былъ очень благодаренъ. Иностранное вино также мало приходилось ему по вкусу, какъ и иностранная музыка; но онъ выпьетъ такъ-какъ я прошу его, и выпьетъ моё здоровье постаринному: съ его желаніями счастливаго времени, когда мы всѣ встрѣтимся въ Торп-Эмбровѣ и когда въ домѣ будетъ принимать меня хозяйка.

«Съ ума что ли онъ сошолъ, дѣйствуя такимъ образомъ? Нѣтъ, его лицо отвѣчало за него. Онъ находился подъ впечатлѣніемъ той мысли, что онъ говорить особенно пріятныя вещи для меня.

«Я посмотрѣла на Мидуинтера. Можетъ быть онъ увидалъ бы какія-нибудь причины для того, чтобы переменить разговоръ еслибы посмотрѣлъ на меня, но онъ сидѣлъ молча на стулѣ, раздраженный, утомлѣнный, потушивъ глаза и задумавшись.

«Я встала и отошла къ окну. Всё не понимая своей неловкости, Армэдэль пошелъ за мною. Еслибы у меня достало силъ вышвырнуть его изъ окна въ море, я навѣрно сдѣлала бы это въ эту минуту. Не имѣя достаточно силъ, я пристально стала смотрѣть на заливъ и сдѣлала ему намѣкъ самый явный и самый грубый, какой только могла придумать, чтобы уйти:

— Прекрасная ночь для прогулки, сказала я: — если вы желаете воротиться въ гостинницу пѣшкомъ.

«Я сомнѣваюсь слышала ли онъ мои слова, по-крайней-мѣрѣ они не произвели на него никакого дѣйствія. Онъ стоялъ и саниментально смотрѣлъ на луну, и вздохнулъ. Я предчувствовала что будетъ, если не закрою ему ротъ, заговоривъ прежде его:

«— При всей вашей любви въ Англїи, сказала я: — вы должны признаться, что такого луннаго сіянія тамъ не бываетъ.

«Онъ разсѣянно посмотрѣлъ на меня и опять вздохнулъ.

«— Желалъ бы я знать, такая ли чудная ночь въ Англїи, какъ здѣсь? сказалъ онъ. — Желалъ бы я знать смотритъ ли моя милочка на луну теперь и думаетъ ли она обо мнѣ?»

«Я не могла далѣе выдержать, я накинулась на него тотчасъ.

«— Боже мой, мистеръ Армадэль! воскликнула я: — не-уже-ли въ томъ свѣтѣ, въ которомъ вы живёте, есть только одинъ предметъ достойный разговора? Миѣ до смерти надоѣла миссъ Мильрой. Пожалуйста, говорите о чомъ-нибудь другомъ.

«Его широкое и глупое лицо покраснѣло до его отвратительныхъ жолтыхъ волосъ.

«— Извините, пролепеталъ онъ съ какимъ-то утрюмымъ удивленіемъ: — я не предполагалъ...

«Онъ остановился съ замѣшательствомъ и посмотрѣлъ на Мидуинтера. Я поняла, что значитъ этотъ взглядъ. «Я не предполагалъ, чтобъ она ревновала къ миссъ Мильрой послѣ того, какъ сдѣлалась *вашей* женой!» Вотъ что сказалъ бы онъ Мидуинтеру, еслибы я оставила ихъ въ комнатѣ однихъ!

«Какъ-бы то ни было, Мидуинтеръ услышалъ насъ. Прежде чѣмъ я успѣла заговорить — прежде чѣмъ Армадэль успѣлъ прибавить слово — онъ кончилъ недоконченную фразу своего друга тономъ, который я слышала, и съ выраженіемъ лица, которое я видѣла въ первый разъ.

«— Вы не предполагали, Адленъ, сказалъ онъ: — чтобъ дамы могли такъ легко раздражаться.

«Первое ироническое слово, первый презрительный взглядъ, слышанный мною отъ него! И Армадэль этому причиною!

«Грѣвъ мой вдругъ прошолъ, вмѣсто него явилось другое чувство, тотчасъ придавшее мнѣ твёрдость и заставившее меня молча выйти изъ комнаты.

«Я сѣла одна въ спальню. Я имѣла нѣсколько минутъ для своихъ мыслей, которыя я не намѣрена передавать словами, да же на этихъ тайныхъ страницахъ. Я встала и отперла — всё

равно что бы там ни было. Я подошла къ изголовью Мидуинтера и взяла — всё равно, что ни взяла я. Последнее, что я сдѣлала, прежде чѣмъ я вышла изъ спальни, было, посмотреть на мои часы. Было половина одиннадцатаго, часъ, въ который Армэдэль всегда оставлялъ насъ. Я тотчасъ воротилась къ обоямъ мущинамъ, добродушно подошла къ Армэдэлю и сказала ему:

«Нѣтъ! Поразмысливъ хорошенько, я не напишу того что я ему сказала или что я сдѣлала потомъ. Мнѣ опротивѣлъ Армэдэль! его имя безпрестанно встрѣчается въ томъ, что я пишу. Я пропущу то, что случилось въ слѣдующій часъ — отъ половины одиннадцатаго до половины двѣнадцатаго — и стану продолжать мой рассказъ съ того времени, какъ Армэдэль оставилъ насъ. Могу ли рассказать что случилось, какъ только нашъ гость повернулся спиной, между Мидуинтеромъ и мною въ нашей спальней? Зачѣмъ и это также не пропустить? Зачѣмъ волновать себя, записывая это? Я не знаю! Зачѣмъ я веду дневникъ? Зачѣмъ искусный воръ, описанный напередъ въ англійскихъ газетахъ, оставилъ именно то, что могло уличить его — каталогъ всѣхъ украденныхъ имъ вещей? Почему мы не бываемъ разсудительны во всѣхъ нашихъ поступкахъ? Зачѣмъ я не всегда остерегаюсь и никогда не бываю послѣдовательна, какъ злодѣй въ романѣ? Зачѣмъ? зачѣмъ? зачѣмъ?»

«Мнѣ это всё равно! Я должна записать что случилось между Мидуинтеромъ и мною сегодня, *потому-что* я должна. На это есть причина, на которую никто не можетъ отвѣчать, включая и меня.

«Была половина двѣнадцатаго. Армэдэль ушелъ. Я надѣла блузу и сѣла сдѣлать волосы на ночь, когда меня удивилъ стукъ въ дверь и вошелъ Мидуинтеръ.

«Онъ былъ страшно блѣденъ. Глаза его смотрѣли на меня съ ужаснымъ отчаяніемъ. Онъ не отвѣчалъ, когда я выразила удивленіе, что онъ пришелъ гораздо раньше обыкновеннаго; онъ даже не отвѣчалъ мнѣ, когда я спросила его, не боленъ ли онъ. Повелительно указавъ на кресло, съ котораго я встала, когда

онъ вошелъ въ комнату, онъ велѣлъ мнѣ опять сѣсть, а потомъ черезъ минуту прибавилъ:

— Я долженъ поговорить съ тобой серьезно.

«Я подумала, о томъ что я сдѣлала — или нѣтъ, что я старалась сдѣлать — въ промежутокъ между половиною одиннадцатаго и половиною двѣнадцатаго, о чемъ я не упомянула въ моёмъ дневникѣ — и смертельная тоска ужаса, которую я не чувствовала въ то время, овладѣла мною теперь. Я опять сѣла, какъ мнѣ было велѣно, не говоря съ Мидуинтеромъ и несмотря на него.

«Онъ прошолся по комнатѣ, а потомъ подошелъ ко мнѣ.

«— Если Алленъ придѣтъ завтра, началъ онъ: — и если ты его увидишь...

«Голосъ его ослабѣлъ и онъ не сказалъ ничего далѣе. Въ сердцѣ его было какое-то страшное горе, которое преодолевало его. Но бываетъ время, когда его воля становится желѣзною. Онъ еще прошолся по комнатѣ и подавилъ своё горе. Онъ воротился ко мнѣ и остановился передо мною.

«— Когда Алленъ придѣтъ сюда завтра, продолжалъ онъ: — пусти его въ мою комнату, если онъ захочетъ видѣть меня. Я скажу ему, что я нашолъ невозможнымъ кончить работу, которою я теперь занимаюсь, такъ скоро, какъ я надѣялся, и что, слѣдовательно, онъ долженъ найти экипажъ для своей яхты безъ моей помощи. Если онъ, съ досадой обманутаго ожиданія, обратится къ тебѣ — не подавай ему надежды, что я успѣю освободиться, чтобы помочь ему, если онъ будетъ ждать. Уговори его найти помощь у постороннихъ и заняться яхтой, не говоря ни слова. Чѣмъ болѣе занятія отвлекутъ его отъ нашего дома и чѣмъ менѣе ты будешь уговаривать его оставаться здѣсь, тѣмъ будетъ мнѣ пріятнѣе. Не забывай этого и не забывай также послѣдняго наставленія, которое я теперь дамъ тебѣ. Когда яхта будетъ готова выступить въ море и когда Алленъ пригласитъ насъ ѣхать съ нимъ, я желаю, чтобы ты положительно отказалась ѣхать. Онъ будетъ стараться уговорить тебя передумать, потому-что я, съ своей стороны, положительно откажусь оставить тебя одну

въ этомъ чужомъ домѣ и въ этой чужой странѣ. Всё равно что онъ ни говорилъ бы, ничто не должно заставить тебя переменить твое намѣреніе. Откажись положительно и окончательно! Откажись, я настаиваю на этомъ; ступать ногою на новую яхту!

«Онъ кончилъ спокойно и твёрдо; голосъ его не ослабѣлъ и на лицѣ его не было признаковъ смятенія. Чувство удивленія, которое я могла бы почувствовать при странныхъ словахъ, съ которыми онъ обратился ко мнѣ, затерялось въ чувствѣ облегченія, которое они принесли мнѣ. Страхъ услышать *другія слова*, ожидаемая мною, оставилъ меня также неожиданно, какъ и охватила. Я опять могла смотрѣть на него; я опять могла говорить съ нимъ.

«— Можешь положиться, отвѣчала я: — что я сдѣлаю именно то, что ты приказалъ мнѣ. Должна ли я повиноваться тебѣ смѣло? Или я могу узнать причину странныхъ приказаній, отданныхъ мнѣ?

«Лицо его помрачилось и онъ сѣлъ по другую сторону моего туалета съ тяжелымъ, безнадежнымъ вздохомъ.

«— Ты можешь узнать причину, сказалъ онъ: — если желаешь.

«Онъ подождалъ нѣсколько и думалъ.

«Ты имѣешь право узнать причину, продолжалъ онъ: — потому-что ты сама замѣшана въ этомъ.

«Онъ опять нѣсколько подождалъ и опять продолжалъ:

«— Я только однимъ образомъ могу объяснить странную просьбу, съ которою я сейчасъ обратился къ тебѣ. Я долженъ просить тебя вспомнить что случилось въ той комнатѣ, прежде чѣмъ Алленъ оставилъ насъ сегодня.

«Онъ посмотрѣлъ на меня съ страннымъ выраженіемъ въ лицѣ. Одно мгновеніе мнѣ показалось, что онъ чувствуетъ состраданіе ко мнѣ; въ другое — какъ-будто онъ чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе. Я опять начала бояться; я молча ждала его слѣдующихъ словъ:

«— Я знаю, что я работала слишкомъ прилежно послѣднее время, продолжалъ онъ: — и что мои нервы страшно разстроены. Очень можетъ быть, что въ моёмъ настоящемъ положеніи, я бессознательно перетолковала или исковеркала обстоятельства, те-

перь происходи́вція. Ты сдѣлаешь мнѣ одолженіе, если свѣришь мои воспомина́нія съ твоими. Если моя фантазія преувеличила что-нибудь, если моя память обманула меня въ чомъ-нибудь, я умоляю тебя остано́вить меня и сказа́ть мнѣ это.

«Я на столько владѣла собою, чтобъ спросить, на какія обстоя́тельства онъ намекаетъ и каки́мъ образомъ я лично въ нихъ замѣшана.

«— Ты лично въ нихъ замѣшана вотъ каки́мъ образомъ, отвѣчалъ онъ: — обстоя́тельства, о которыхъ я упоминаю, начина́ются съ того, какъ ты сказа́ла Аллену о миссъ Мильрой, какъ мнѣ по́казалось, весьма необдуманно и нетерпѣливо. Я боюсь, что и я сказа́лъ также запальчиво съ моей стороны и прошу у тебя изви́ненія въ томъ, что я сказа́лъ въ минуту раздраженія. Ты ушла изъ комнаты. Послѣ непродолжительнаго отсутствія ты воротилась и сдѣлала совершенно приличное изви́неніе Аллену, которое онъ принялъ, съ своей обыкновенной добро́той и кротостью. Въ это время ты и онъ стояли у стола, на которомъ былъ поданъ ужинъ, и Алленъ продолжалъ разгово́ръ, уже прежде начатый между вами о неаполитанскомъ ви́нѣ. Онъ сказа́лъ, что навѣрно современемъ оно́ ему понравится и просилъ позволенія выпить еще рюмку вина, которое было у насъ на столѣ. Такъ ли я говорю?»

«Слова почти замирали на моихъ губахъ, но я принудила себя отвѣчать, что онъ говоритъ всё какъ было.

«— Ты взяла графинъ изъ рукъ Аллена, продолжалъ Мидуинтеръ: — ты сказа́ла ему добродушно: «Вы вѣдь не любите вино, мистеръ Армэдэль. Позвольте мнѣ сдѣлать кое-что болѣе по вашему вкусу. У меня есть рецептъ какъ дѣлать лимона́дъ. Угодно вамъ попробовать?» Этими словами ты сдѣлала ему предложе́ніе и онъ согласился. Попросилъ ли онъ также позволенія посмотре́ть и узнать какъ дѣлается лимона́дъ? и не сказа́ла ли ты ему, что ты лучше дашь ему рецептъ письменно, если онъ захочетъ его имѣть?»

«На этотъ разъ слова замерли на моихъ губахъ. Я могла только наклонить голову и отвѣчать «да» безмолвно. Мидуинтеръ продолжалъ:

«Аллэнъ засмѣялся и подошолъ къ окну посмотриѣть на заливъ; я пошолъ съ нимъ. Черезъ нѣсколько времени Аллэнъ замѣтилъ шутливо, что одинъ видъ наливаемой тобою жидкости придавалъ ему жажду. Когда онъ это говорилъ, я отвернулъ отъ окна. Я подошолъ къ тебѣ и сказалъ, что лимонадъ готовится долго. Ты дотронулась до меңа, когда я отходилъ, и подала мнѣ стаканъ, наполненный до краевъ. Въ это время Аллэнъ отвернулъ отъ окна и я подалъ ему стаканъ. Тутъ нѣтъ ошибки?»

«Быстрое бѣненіе моего сердца почти задушало меңа. Я могла трелько покачать головой, я не могла сдѣлать ничего болѣе.

«— Я видѣлъ какъ Аллэнъ поднёсъ стаканъ къ губамъ. А ты видѣла? Я видѣлъ какъ лицо его поблѣднѣло въ одно мгновение. Ты видѣла? Я видѣлъ какъ стаканъ выпалъ изъ рукъ его на землю. Я видѣлъ какъ онъ зашатался и подхватилъ его прежде чѣмъ онъ упалъ. Правда ли всё это? Ради Бога, допроси свою память и скажи мнѣ, правда ли всё это?»

«Бѣненіе моего сердца какъ-будто прекратилось на одно мгновение. Черезъ минуту что-то свирѣпое, что-то безумное пробѣжало въ головѣ моей. Я вскочила, вспыхнувъ отъ бѣшенства и, не обращая вниманія на послѣдствія, съ отчаянія была готова сказать всё.

«— Твои вопросы и твои взгляды оскорбительны! *Развѣ ты думаешь, что я хотѣла отправить его?*

«Эти слова сорвались съ моихъ губъ противъ моей воли. Эти слова были послѣднія, какія женщина въ моемъ положеніи должна была бы произнести. Однако я ихъ произнесла!

«Онъ всталъ съ испугомъ и подалъ мнѣ скляночку съ нюхательнымъ спиртомъ.

— Полно, полно! сказалъ онъ: — ты также разстроена всѣмъ что случилось сегодня. Ты говоришь дикія и неприятныя вещи. Великій Боже! какъ ты могла такъ перетолковать мои слова? Успокойся — пожалуйста успокойся!

«Онъ могъ бы точно также говорить объ успокоеніи дикому животному. Имѣвъ безуміе сказать эти слова, я потомъ имѣла безумство воротиться къ лимонаду, несмотря на то, что Мидуинтеръ упрощивалъ меңа молчать.

«— Я сказала тебѣ что я налила въ стаканъ, какъ только мистеръ Армэдэль лишился чувствъ, продолжала я настойчиво защищаясь, когда на меня не напали. — Я сказала тебѣ, что я взяла бутылку съ водкой, которую ты держишь возлѣ твоей кровати и влила водку въ лимонадъ. Какъ я могла знать, что онъ имѣетъ нервное отвращеніе отъ запаха и вкуса водки? Онъ сказалъ мнѣ это самъ, когда пришолъ въ себя: «я самъ виноватъ; мнѣ слѣдовало предупредить васъ, чтобы вы не бляли водки». Не напомнилъ ли онъ тебѣ потомъ о томъ времени, когда вы были вмѣстѣ на островѣ Мэнѣ и когда докторъ сдѣлалъ такую же ошибку, какъ и я?

«Я сильно напирала на мою невинность — и съ нѣкоторымъ основаніемъ. Чѣмъ бы я ни была, я горжусь тѣмъ, что я не лицемерка. Я была *невинна* — относительно водки. Я влила еѣ въ лимонадъ съ чистымъ невѣдѣніемъ нервной особенности Армэдэля, чтобъ скрыть вкусъ — всё равно чего бы ни было. Еще я горжусь тѣмъ, что я никогда не отступаю отъ моего предмета.

«Мидуинтеръ смотрѣлъ на меня съ минуту, какъ-будто думалъ, что я лишилась разсудка; потомъ подошолъ ко мнѣ и опять остановился передо мною.

«— Если ничто другое не увѣритъ тебя, что ты совершенно ошибочно перетолковываешь мои слова, сказалъ онъ: — и что я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія осуждать тебя — прочти это.

«Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и разложилъ еѣ передъ моими глазами. Это было описаніе армэдэлева сна. Въ одно мгновеніе вся тяжесть была снята съ моей души. Я опять владела собой, я наконецъ поняла Мидуинтера.

«— Ты знаешь что это? спросилъ онъ. — Помнишь, что я говорилъ тебѣ въ Торп-Эмбросѣ объ алленовомъ снѣ? Я говорилъ тебѣ, что два изъ трѣхъ видѣній уже сбылись. Теперь я говорю тебѣ, что третье видѣніе сбылось въ этомъ домѣ въ нынѣшнюю ночь.

«Онъ перевернулъ листы рукописи и указалъ на строчки, которыя онъ желалъ, чтобъ я прочла.

«Я прочла эти или почти эти слова изъ описанія сновидѣнія, какъ Мидуинтеръ написалъ съ собственныхъ словъ Аллена:

«Темнота открылась въ третій разъ и показала мнѣ тѣнь женщины и тѣнь мужчины вмѣстѣ. Тѣнь мужчины стояла ближе, тѣнь женщины стояла позади. Оттуда, гдѣ она стояла, слышался звукъ будто тихо лившейся жидкости. Я видѣлъ какъ она дотронулась до тѣни мужчины одной рукой, а другою подала ему рюмку. Онъ взялъ рюмку и подаль её мнѣ. Въ ту минуту, когда я поднёсъ её къ губамъ, смертельная слабость овладѣла мною съ головы до ногъ. Когда я опомнился, тѣнь исчезла и третье видѣніе кончилось».

«Съ минутой, я была также поражена этимъ страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, какъ и Мидуинтеръ.

«Онъ положилъ одну руку на открытую рукопись, а другую тяжело дотронулся до моей руки.

«— *Теперь* ты понимаешь для чего я пришолъ сюда? спросилъ онъ.— *Теперь* ты видишь, что послѣдняя надежда, за которую я могу уцѣпиться, состояла въ томъ, что твоя память о происшествіи сегодняшняго вечера доказала бы, что моя память ошиблась? *Теперь* ты знаешь почему я не хочу помогать Аллену? почему я не поѣду съ нимъ въ море? Зачѣмъ я лгу и заставляю тебя лгать, чтобъ удалить моего лучшаго и дорогого друга изъ этого дома?

«— Развѣ ты забылъ письмо мистера Брока? спросила я.

«Онъ запальчиво ударилъ рукою по открытой рукописи.

«— Еслибы мистеръ Брокъ дожилъ до того, чтобъ видѣть то, что мы видѣли сегодня, онъ чувствовалъ бы такъ какъ я, онъ сказалъ бы то же, что говорю я.

«Голосъ его таинственно понизился и его большіе черные глаза сверкнули на меня, когда онъ далъ этотъ отвѣтъ.

«Три раза тѣни видѣнія предостерегали Аллена въ его снѣ, продолжалъ Мидуинтеръ: — и три раза эти тѣни воплотились въ послѣдствіи въ тебя и въ меня! Ты, а никто другая, стояла на мѣстѣ этой женщины у пруда. Я, а не кто другой стоялъ на мѣстѣ мужчины у окна. И ты и я вмѣстѣ, когда послѣднее видѣніе показало тѣни вмѣстѣ, стояли на мѣстѣ мужчины и женщины. Для *этого*, насталь несчастный день, когда я встрѣтился съ тобою въ первый разъ. Для *этого*, твоё вліяніе привлекло меня къ тебѣ,

когда мой добрый геній предостерегалъ меня бѣжать отъ тебя. На нашей жизни тяготѣеть проклятіе! наши шаги преслѣдуются рокомъ. Будущность Аллена зависитъ отъ его разлуки съ нами тотчасъ и навсегда. Надо прогнать его изъ того мѣста, гдѣ мы живѣмъ и изъ того воздуха, которымъ мы дышемъ. Надо принудить его жить между чужими: самые худшіе и самые злые изъ нихъ будутъ для него безвреднѣе пастъ! Пусть уйдѣтъ его яхта, хотя онъ на колѣнахъ просилъ бы насъ, безъ тебя и безъ меня, и пусть онъ узнаетъ какъ я любилъ его въ другомъ мѣрѣ, а не въ этомъ; тамъ гдѣ злые перестаютъ мучить, а утомлённые отдыхаютъ!

Горе побѣдило его; голосъ его прервался рыданіями, когда онъ произнёсъ эти послѣднія слова. Онъ взялъ со стола описаніе свидѣнія и оставилъ меня также внезапно, какъ пришолъ.

«Когда я услышала, какъ затворилась за нимъ дверь, мысли мой воротились къ тому, что онъ сказалъ обо мнѣ. Вспомнивъ «несчастный день», когда мы въ первый разъ увидели другъ друга и «добраго генія», предостерегаващаго его бѣжать отъ меня, я забыла всё другое. Всё равно что я ни чувствовала бы, я не призналась бы въ этомъ, еслибы даже говорила съ другомъ. Кому нужна до горя такой женщины, какъ я? Кто вѣритъ этому горю? притомъ онъ говорилъ подъ влияніемъ безумнаго суевѣрія, опять овладѣващаго имъ. Для него есть всевозможное извиненіе, для меня—никакого. Если я не могу не любить его, несмотря ни на что, я должна покориться послѣдствіямъ и страдать. Я заслуживаю страдать; я не заслуживаю ни любви, ни состраданія ни отъ кого. Великій Боже! какъ я глупа! И какъ неестественно показалось бы всё это, еслибы было написано въ книгѣ!

«Пробило часъ. Я еще слышу какъ Миддунтеръ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Онъ думаетъ, я полагаю; ну я, тоже могу думать. Что мнѣ теперь дѣлать? Подожду и увижу. Событія принимаютъ иногда страннѣйшій оборотъ и событія могутъ оправдать фатализмъ любезнаго человека, находящагося въ смежной комнатѣ и проклинающаго день, когда онъ въ первый разъ увидалъ меня. Онъ можетъ быть доживетъ до того, что будетъ проклипать этотъ день

по другимъ причинамъ. Если я та женщина, на которую указываетъ сновидѣніе, скоро передо мною явится другое искушеніе— и въ лимонадѣ Армэдэля уже не будетъ водки, если я приготовлю его во второй разъ.

Октября 24. — Только двѣнадцать часовъ прошло послѣ моей вчерашней записи въ моёмъ дневникѣ, а уже явилось другое искушеніе и побѣдило меня!

«На этотъ разъ мнѣ не оставалось другого выбора. Немедленное открытіе всей моей жизни и погибель угрожали мнѣ — мнѣ не оставалось ничего другого, какъ уступить необходимости защитить самоё себя. Простыми словами: не случайное сходство испугало меня въ театрѣ вчера. Хористъ въ оперѣ былъ самъ Мануэль!

«Не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ Мидуинтеръ вышелъ изъ гостиной въ кабинетъ, хозяйкина служанка пришла съ грязной запиской въ рукахъ. Одного взгляда на почеркъ адреса было достаточно. Онъ узналъ меня въ ложѣ и балетъ между дѣйствіями оперы далъ ему возможность послѣдовать за мною до дома. Я вывела ясное заключеніе въ ту минуту, которая прошла прежде чѣмъ я распечатала письмо. Онъ увѣдомлялъ меня въ двухъ строчкахъ, что онъ ждѣтъ въ переулкѣ, ведущемъ къ берегу, и что если я не приду къ нему черезъ десять минутъ, онъ перетолкуетъ моё отсутствіе приглашеніемъ ему самому явиться въ домъ.

«То, что я вынесла вчера, должно быть ожесточило меня, я полагаю; по-крайней-мѣрѣ, прочтя это письмо, я почувствовала себя прежней женщиной, какъ уже не чувствовала нѣсколько мѣсяцевъ. Я надѣла шляпку и вышла изъ дома, какъ ни въ чемъ не бывало.

«Онъ ждалъ меня при входѣ въ улицу.

«Въ ту минуту, какъ мы встрѣтились лицомъ къ лицу, вся моя несчастная жизнь съ нимъ воротилась ко мнѣ. Я подумала какъ онъ обманулъ моё довѣріе; я подумала о жестокой насмѣшкѣ ложнаго брака, которымъ онъ обманулъ меня, зная, что жива его жена; я подумала о томъ времени, какъ я пришла въ такое отчаяніе отъ того, что онъ меня бросилъ, что попыталась на мою жизнь. Когда я вспомнила всё это и когда сравненіе между

Мидуинтеромъ и низкимъ, презрѣннымъ негодеемъ, которому я когда-то вѣрила, ворвалось въ мою душу, я узнала въ первый разъ что чувствуетъ женщина, когда въ ней не осталось ни малѣйшаго слѣда уваженія къ самой себѣ. Еслибы онъ лично оскорбилъ меня въ эту минуту, я, кажется, покорила бы этому.

«Но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оскорблять меня въ грубомъ значеніи этого слова. Я находилась въ его власти и его способъ дать мнѣ это почувствовать состоялъ въ томъ, что онъ обращался со мною съ насмѣшливымъ раскаяніемъ и уваженіемъ. Я позволила ему говорить что онъ хотѣлъ, не прерывая его, несмотря на него, не позволяя даже моему платью коснуться его, когда мы шли вмѣстѣ по болѣе спокойной сторонѣ берега. Я примѣтила жалкое состояніе его одежды, алчный блескъ его глазъ, когда взглянула на него въ первый разъ. И я знала, что это кончится, какъ оно и окончилось — требованіемъ денегъ.

«Да, отнявъ отъ меня послѣдній фартингъ моихъ собственныхъ денегъ и послѣдній фартингъ изъ того, что я успѣла вытянуть отъ моей бывшей госпожи, онъ обернулся ко мнѣ, когда мы стояли на берегу моря, и спросилъ могу ли я по совѣсти допустить его носить такой сюртукъ и зарабатывать жалкое пропитаніе, служа хористомъ въ оперѣ!

«Отвращеніе, скорѣе чѣмъ негодованіе, побудило меня заговорить съ нимъ наконецъ.

«— Вамъ нужны деньги, сказала я. — А что, если я такъ бѣдна, что не могу вамъ дать?

«— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ: — я буду принуждѣнъ напомнить вамъ, что вы сокровище само-по-себѣ, и я буду въ тягостной необходимости предъявить мои права на васъ одному изъ тѣхъ двухъ джентльменовъ, которыхъ я видѣлъ съ вами въ оперѣ — къ тому, разумѣется, кого теперь вы удостоиваете вашимъ предпочтеніемъ и который живѣтъ теперь свѣтомъ вашихъ улыбокъ.

«Я не отвѣчала, потому-что мнѣ нечего было отвѣчать. Оспаривать его права на меня было бы понапрасну терять время. Онъ зналъ, также хорошо какъ и я, что онъ не имѣлъ на меня и

тѣни права. Но одна попытка на это поведётъ—какъ онъ хорошо зналъ — къ тому, чтобы открыть всю мою прошлую жизнь.

«Всё сохраняя молчаніе, я посмотрѣла на море. Я сама не знаю зачѣмъ, развѣ только я инстинктивно хотѣла смотрѣть куда бы то ни было, только не на него.

«Небольшая лодка приближалась къ берегу. Рулевой былъ скрытъ отъ меня парусомъ; но лодка была такъ близко, что я узнала флагъ на мачтѣ. Я посмотрѣла на часы: да, это Армэдэль ѣхалъ изъ Санта-Лучіи, въ его обыкновенное время посѣтить насъ по своему обыкновенію.

«Прежде чѣмъ я заткнула часы за поясъ — способъ выпутаться изъ ужаснаго положенія, въ которое я была поставлена, показался мнѣ такъ ясно, какъ я вижу его теперь.

«Я повернула къ высокой части берега, куда было вытащено нѣсколько рыбачьихъ лодокъ, совершенно скрывавшихъ насъ отъ тѣхъ, которыя вышли бы на берегъ внизу. Видя, вѣроятно, что я имѣю какое-нибудь намѣреніе, Мануэль шолъ за мною, не говоря ни слова. Какъ только мы укрылись за лодками, я принудила себя опять на него взглянуть.

«— Что сказали бы вы, спросила я: — если бы я была богата, а не бѣдна? Что сказали бы вы, если бы я могла дать вамъ сто фунтовъ?

«Онъ вздрогнулъ. Я видѣла ясно, что онъ не ожидалъ получить даже и половины названной мною суммы. Безполезно прибавлять, что языкъ его лгалъ, между тѣмъ какъ лицо говорило правду, и когда онъ отвѣчалъ мнѣ, отвѣтомъ его было:

«— Этого не довольно.

«— Положимъ, продолжала я, не обращая вниманія на то, что онъ сказалъ: — что я могу показать вамъ способъ достать вдвое больше этого — втрое — впятеро болѣе, достанетъ ли въ васъ смѣлости протянуть руку и взять?

«Алчный блескъ опять сверкнулъ въ его глазахъ. Голосъ его понизился отъ нетерпѣливаго ожиданія моихъ слѣдующихъ словъ:

«— Кто этотъ человѣкъ? спросилъ онъ: — и въ чемъ состоитъ рискъ?

«Я тотчасъ отвѣчала ему въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ. Я

бросила ему Армадэля, какъ могла бы бросить кусокъ мяса хищному звѣрю, преслѣдовавшему меня.

«— Человѣкъ этотъ богатый молодой англичанинъ, сказала я. — Онъ только-что нанялъ яхту *Доротей* въ здѣшней гавани и ему нуженъ шкиперъ и экипажъ. Вы были офицеромъ въ испанскомъ флотѣ — вы превосходно говорите по-англійски и по-итальянски — вы хорошо знакомы съ Неаполемъ. Богатый молодой англичанинъ не знаетъ итальянскаго языка, а переводчикъ, помогающій ему, ничего не понимаетъ въ мореплаваніи. Онъ не знаетъ что ему дѣлать, по недостатку помощи въ этомъ чужомъ городѣ; онъ знаетъ свѣтъ не болѣе этого ребѣнка, который вонъ тамъ копаетъ ямы палкою въ песокъ, и всѣ свои деньги онъ носитъ при себѣ банковыми билетами. Вотъ каковъ этотъ человѣкъ! А рискъ оцѣните сами.

«Алчный блескъ въ его глазахъ становился всё блестяще и блестяще при каждомъ словѣ, произносимомъ мною. Онъ очевидно былъ готовъ рѣшиться на рискъ прежде чѣмъ я кончила.

«— Когда я могу видѣть этого англичанина? спросилъ онъ торопливо.

«Я перешла къ носу рыбацкѣй лодки и увидала, что Армадэль въ эту минуту выходилъ на берегъ.

«— Вы можете видѣть его теперь, отвѣчала я, указывая на это мѣсто.

«Послѣ продолжительнаго взгляда на Армадэля, беззачто шедшаго по покатиному берегу, Мануаль отступилъ опять подъ прикрытіе лодки; онъ подождалъ съ минуту, заботливо обдумывая, и сдѣлалъ мнѣ другой вопросъ шопотомъ на этотъ разъ,

«— Когда яхта будетъ снаряжена, сказалъ онъ: — и англичанинъ уйдетъ изъ Неаполя, сколько друзей поѣдутъ съ нимъ?

«У него здѣсь только два друга, отвѣчала я: — тотъ, другой джентльманъ, котораго вы видѣли вчера со мною въ оперѣ, и я. Онъ пригласилъ насъ обоихъ ѣхать съ нимъ, а когда наступитъ время, мы оба откажемся.

«— Вы за это ручаетесь?

«— Положительно ручаюсь,

«Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и, отвернувшись отъ ме-

ня, опять думаль. Я могла только видѣть, что онъ снялъ шляпу и обтёръ лобъ носовымъ платкомъ. Я могла только слышать, что онъ съ волненіемъ говорилъ самъ съ собою на своёмъ родномъ языкѣ.

«Въ нёмъ была переменна, когда онъ воротился. Лицо его посинѣло и пожелтѣло, а глаза смотрѣли на меня съ отвратительнымъ недовѣріемъ.

«— Одинъ послѣдній вопросъ, сказалъ онъ и вдругъ подошолъ ближе ко мнѣ, и вдругъ заговорилъ съ замѣтнымъ удареніемъ на слѣдующихъ словахъ:

«— *Вамъ какія выгоды въ этомъ?*

«Я съ испугомъ отступила отъ него. Вопросъ напомнилъ мнѣ, что у меня *есть* выгоды въ этомъ дѣлѣ, которыя совершенно относились къ тому, чтобы разъединить Мануэля и Мидуинтера. До-сихъ-поръ я только помнила, что фатализмъ Мидуинтера очистишь мнѣ дорогу, предоставивъ Армэдэля всякому постороннему, который могъ ему помочь. До-сихъ-поръ единственная цѣль, бывшая у меня въ виду, состояла въ томъ, чтобы защитить себя, пожертвовавъ Армэдэлемъ отъ огласки, угрожавшей мнѣ. Я не говорю лжи въ моёмъ дневникѣ; я не притворяюсь будто чувствовала хоть малѣйшее вниманіе къ кошельку Армэдэля или къ безопасности армэдэлевой жизни. Я ненавидѣла его слишкомъ сильно для того, чтобы заботиться о томъ, какія пропасти откроетъ мой языкъ подъ его ногами. Но я точно *не* видѣла (пока этотъ послѣдній вопросъ не былъ предложенъ мнѣ), что, служа своимъ собственнымъ умысламъ, Мануэль могъ бы, если бы онъ осмѣлился на всё для денегъ, служить также моимъ умысламъ. Единственное безпокойство защитить себя отъ огласки передъ Мидуинтеромъ наполняло всё мои мысли (я полагаю), за исключеніемъ всего другого.

«Видя, что я не отвѣчаю, Мануэль повторилъ свой вопросъ въ новой формѣ.

«— Вы бросили мнѣ вашего англичанина, сказалъ онъ:—какъ ломоть Церберу. Сдѣлали ли бы вы это такъ охотно, если бы не имѣли на это своихъ причинъ? Я повторяю мой вопросъ: *вы* имѣете въ этомъ выгоду? какую?»

«— Я имѣю двѣ выгоды, отвѣчала я: — выгоду принудить васъ уважать здѣсь моё положеніе и выгоду освободиться отъ васъ навсегда!

«Я говорила съ смѣлостью, которую онъ еще не слыхалъ отъ меня. Чувство, что я дѣлаю негодяя орудіемъ въ моихъ рукахъ и принуждаю его слѣпо помогать моему намѣренію въ то время, когда онъ помогаетъ себѣ, пробудило моё мужество и заставило меня почувствовать, что я стала опять похожа на себя.

«Онъ засмѣялся.

«— Сильныя выраженія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, составляютъ преимущество дамъ, сказалъ онъ.— Вы можете, или нѣтъ освободиться отъ меня навсегда—мы предоставимъ будущему рѣшить этотъ вопросъ. Но ваша другая выгода въ этомъ дѣлѣ приводитъ меня въ недоумѣніе. Вы сказали мнѣ всё, что мнѣ нужно знать объ англичанинѣ и его яхтѣ и не сдѣлали условій прежде чѣмъ заговорили. Позвольте спросить, какъ вы можете принудить меня, какъ вы говорите, уважать ваше положеніе здѣсь?

«— Я скажу вамъ какъ, возразила я. — Вы услышите мои условія. Я требую, чтобы вы меня оставили черезъ пять минутъ; я требую, чтобы вы никогда не подходили къ тому дому, гдѣ я живу, и запрещаю вамъ имѣть сношенія какимъ бы то ни было образомъ со мною или съ тѣмъ другимъ джентльмэномъ, котораго вы видѣли со мною въ театрѣ...

«— А если я не соглашусь? перебилъ онъ: — что вы сдѣлаете въ такомъ случаѣ?

«— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала я: — я скажу два слова по секрету богатому англичанину — и вы останетесь хористомъ въ оперѣ.

«— Смѣлая вы женщина, если считаете, что я имѣю уже умыслы на англичанина и что успѣю въ нихъ. Почему вы знаете...

«— Я знаю *васъ*, сказала я: — и этого довольно.

«Настало минутное молчаніе между нами. Онъ смотрѣлъ на меня, я смотрѣла на него. Мы поняли другъ друга.

«Онъ заговорилъ первый. Злодѣйская улыбка замерла на губахъ его и голосъ опять недовѣрчиво понизился до самаго тихаго тона.

«— Я принимаю ваши условія, сказалъ онъ: — пока вы будете молчать, буду молчать и я, развѣ только узнаю, что вы обманули меня, въ такомъ случаѣ наше условіе прекратится и вы увидите меня опять. Я завтра явлюсь къ англичанину съ необходимой аттестаціей для пріобрѣтенія его довѣрія. Скажите мнѣ его имя.

«Я сказала.

«— Дайте мнѣ его адресъ.

«Я дала и повернулась, чтобъ оставить его.

«— Одно послѣднее слово, сказалъ онъ. — На морѣ иногда случаются несчастья. На столько ли вы интересуетесь этимъ англичаниномъ, если съ нимъ случится несчастье, чтобъ желать знать что случилось съ нимъ?

«Я остановилась и съ своей стороны стала соображать. Очевидно я не убѣдила его, что я не имѣю никакихъ выгодъ, отдавая деньги (и какъ вѣроятное послѣдствіе), жизнь Армэдэля, на его произволь. И теперь было также ясно, что онъ хитро старается присоединить себя къ моей тайной цѣли (какова бы она ни была), открывъ средства сообщенія между нами въ будущемъ. Нельзя было колебаться насчетъ того, какъ отвѣчать ему при подобныхъ обстоятельствахъ. Если «несчастье», на которое онъ намекалъ, дѣйствительно случится съ Армэдэлемъ, я не имѣла надобности въ увѣдомленіи Мануэля. Стоило только поискать между столбцами англійскихъ газетъ и я узнаю всё, съ той прибавочной выгодой, что газеты скажутъ правду. Я церемонно поблагодарила Мануэля и отказалась отъ его предложенія.

«— Нисколько не интересуясь этимъ англичаниномъ, сказала я: — я не желаю знать что съ нимъ случится.

«Онъ смотрѣлъ на меня съ минуту съ пристальнымъ вниманіемъ и съ такимъ участіемъ ко мнѣ, какого онъ еще не показывалъ.

«— Какую игру ни играли бы вы, возразилъ онъ, говоря медленно и значительно:— я не имѣю притязанія узнавать; но я всё-таки осмѣлюсь предсказать: *вы выиграете!* Если мы встрѣтимся когда-нибудь, вспомните, что я это сказалъ.

«Онъ снялъ шляпу и съ серьезнымъ видомъ поклонился мнѣ.

«— Ступайте своею дорогою, сударыня, а мнѣ предоставьте идти моимъ путёмъ.

«Съ этими словами онъ избавилъ меня отъ непріятности видѣть его. Я подождала съ минуту одна, чтобъ оправиться на воздухъ, а потомъ воротилась домой.

«Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, когда я вошла въ гостиную, былъ Армэдэль!

«Онъ ждалъ, чтобъ видѣть меня и просить употребить моё влияніе надъ его другомъ. Я сдѣлала необходимый вопросъ, что это значило и узнала, что Мидуинтеръ сказалъ именно то, что хотѣлъ сказать, когда говорилъ со мною. Онъ объявилъ, что не можетъ кончить работу для газеты такъ скоро, какъ надѣялся, и совѣтовалъ Армэдэлю найти экипажъ для яхты, не ожидая никакой помощи съ его стороны.

«Мнѣ только оставалось, когда я услышала это, исполнить обѣщаніе, данное мною Мидуинтеру, когда онъ давалъ мнѣ распоряженія какъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ. Досада Армэдэля, когда онъ увидалъ, что я рѣшилась не вмѣшиваться, выразилась въ такой формѣ, которая была личнымъ для меня оскорбленіемъ. Онъ отказался вѣрить моимъ повторяемымъ увѣреніямъ, что я не имѣла никакого влиянія, которое могла бы употребить въ его пользу.

«— Если бы я былъ женатъ на Нили, сказалъ онъ: — она могла бы дѣлать изъ меня всё, что хотѣла; и я увѣренъ, что и вы, когда захотите, можете дѣлать всё, что захотите, съ Мидуинтеромъ.

«Если бы ослѣплённый дуралеѣ хотѣлъ заглушить послѣднюю слабую борьбу угрызенія и состраданія, которая еще шевелилась въ моёмъ сердцѣ, онъ не могъ бы сказать ничего губительнаго этого! Я бросила на него взглядъ, который заставилъ его замолчать. Онъ вышелъ изъ комнаты, ворча про-себя:

«— Хорошо говорить о снаряженіи яхты. Я ни слова не говорю на здѣшнемъ тарабарскомъ языкѣ, а переводчикъ думаетъ, что и рыбакъ и матросъ одно и то же. Пусть меня повѣсятъ, если я знаю, что мнѣ дѣлать теперь съ яхтой!

«Онъ, вѣроятно, будетъ завтра знать. И если онъ придѣтъ сюда по обыкновенію, я также узнаю.

Октября 25, десять часовъ вечера.—Мануэль завладѣлъ имъ.

«Онъ только-что оставилъ насъ, пробывъ болѣе часа и говоря всё время только о своёмъ удивительномъ счастьи въ томъ, что онъ нашолъ именно ту помощь, какая была ему нужна, въ то именно время, когда она всего нужнѣе для него.

«Въ полдень онъ пошелъ на пристань съ своимъ переводчикомъ, напрасно стараясь заставить себя понять бродяжническому береговому народонаселенію. Когда онъ отказывался отъ этого съ отчаяніемъ, незнакомецъ, стоявшій возлѣ (я полагаю, Мануэль слѣдовалъ за нимъ на пристань изъ гостинницы) ласково вмѣшался поправить дѣло. Онъ сказалъ:

«— Я говорю на вашемъ и на ихъ языкѣ, сэръ. Я знаю Неаполь хорошо и привыкъ къ морю по моей профессіи. Не могу ли я помочь вамъ?

«Послѣдовалъ неизбежный результатъ. Армэдэль навязалъ всё затрудненіи вѣжливому незнакомцу по-своему, безрасудно и опрометчиво. Его новый другъ, однако, настоялъ самымъ благороднымъ образомъ исполнить обычныя формальности прежде чѣмъ согласится взять это дѣло въ свои руки. Онъ попросилъ позволенія явиться къ мистеру Армэдэлю съ атестатами о его репутаціи и способностяхъ. Въ тотъ же самый день пришолъ онъ въ гостинницу со всѣми своими бумагами и «съ самой печальной исторіей» его страданій и лишеній какъ «политическаго изгнанника», какую когда-либо слышалъ Армэдэль. Это свиданіе рѣшило всё. Мануэль ушелъ изъ гостинницы съ порученіемъ найти экипажъ для яхты и занять мѣсто шкипера на пробной поѣздкѣ.

«Я тревожно наблюдала за Мидуинтеромъ, пока Армэдэль рассказывалъ намъ эти подробности, и потомъ, когда онъ вынулъ атестаты новаго шкипера, которые онъ принёсъ съ собою для своего друга.

«Съ минуту суевѣрныя предчувствія Мидуинтера затерялись въ его естественномъ безпокойствѣ за его друга. Онъ рассмотрѣлъ бумаги—послѣ того какъ онъ сказалъ мнѣ, что чѣмъ скорѣе Армэдэль попадетъ въ руки постороннихъ, тѣмъ лучше—съ самымъ пристальнымъ вниманіемъ и съ самымъ дѣловымъ недоверіемъ.

Безполезно говорить, что атестаты были вполнѣ правильны и удовлетворительны. Когда Мидуинтеръ возвратилъ ихъ, на щекахъ его вспыхнулъ румянецъ; онъ какъ-будто почувствовалъ несообразность своего поведенія и примѣтилъ въ первый разъ, что я тутъ и также это примѣчаю.

«— Противъ атестатовъ ничего возразить нельзя, Аллэнъ. Я радъ, что вы наконецъ получили помощь, которую желали найти.

«Вотъ всё, что онъ сказалъ при разставаньи. Какъ только Армэдэль ушелъ, я болѣе не видала Мидуинтера: онъ опять заперся на ночь въ своей комнатѣ.

«Теперь у меня осталось только одно безпокойство. Когда яхта будетъ готова выйти въ море и когда я откажусь занять дамскую каюту, не измѣнитъ ли Мидуинтеръ своего намѣренія и откажется ли ѣхать безъ меня?

Октября 26—Уже начало будущаго испытанія Письмо отъ Армэдаля къ Мидуинтеру, которое Мидуинтеръ сейчасъ принёсъ ко мнѣ, вотъ оно:

«Любезный Мидъ, я такъ занятъ, что не могу придти сегодня. Кончайте вашу работу ради Бога! Новый шкиперъ чловѣкъ рѣдкій. Онъ уже досталъ англичанина, котораго онъ знаетъ, въ помощники шкипера, и положительно увѣренъ собрать экипажъ дня черезъ четыре. Я умираю отъ желанія подышать морскимъ воздухомъ и вы также, или вы не морякъ. Снасти поставлены, запасы прибываютъ на яхту и мы поставимъ паруса завтра или послѣзавтра. Я никогда въ жизни не былъ такъ веселъ. Напомните обо мнѣ вашей женѣ и скажите ей, что она сдѣлаетъ мнѣ одолженіе, если приѣдетъ тотчасъ и распорядится насчетъ всего, что ей будетъ нужно въ дамской каютѣ.»

«Преданный вамъ А. А.»

«Подъ этимъ было подписано рукою Мидуинтера: «Вспомни, что я сказалъ тебѣ. Напиши! такимъ образомъ это покажется ему не такъ жестоко и извинись передъ нимъ, что не можешь ѣхать на яхтѣ...»

«Я написала не теряя ни минуты. Чѣмъ скорѣе Мануэль узнаетъ (а онъ непременно узнаетъ это отъ Армэдэля), что обѣщаніе не ѣхать на яхтѣ уже дано съ моей стороны, тѣмъ безопаснѣе я буду чувствовать себя.

Октября 27.—Письмо отъ Армэдэля въ отвѣтъ на моё. Онъ выражаетъ церемонныя сожалѣнія, что лишается моего общества въ пробной поѣздкѣ, и вѣжливо надѣется, что Мидуинтеръ убѣдитъ меня переменить намѣреніе. Подождётъ немного и узнаетъ, что и Мидуинтеръ не поѣдетъ съ нимъ!...

Октября 30.—Ничего новаго, до сегодняшняго дня. Сегодня переменна въ нашей жизни совершилась наконецъ.

«Армэдэль явился утромъ въ самомъ шумно-веселомъ расположеніи духа объявить, что яхта готова выступить въ море и спросить, когда Мидуинтеръ можетъ перебраться на яхту. Я сказала ему, чтобы онъ самъ узналъ объ этомъ въ комнатѣ Мидуинтера. Онъ оставилъ меня съ послѣдней просьбой передумать объ отвязѣ ѣхать съ нимъ. Я отвѣчала послѣднимъ извиненіемъ, что настаиваю въ моемъ намѣреніи и сѣла къ окну ждать событій свиданія въ смежной комнатѣ.

«Вся моя будущность зависѣла отъ того, что происходило между Мидуинтеромъ и его другомъ. Всё шло такъ гладко до сихъ-поръ. Единственная опасность состояла въ томъ, чтобы Мидуинтеръ не измѣнилъ своего намѣренія или, лучше сказать, своего фатализма въ послѣднюю минуту. Если онъ позволитъ Армэдэлю уговорить себя ѣхать съ нимъ, раздраженіе Мануэля противъ меня не остановится ни зачѣмъ, онъ вспомнитъ, что я поручилась ему, что Армэдэль поѣдетъ изъ Неаполя одинъ, и онъ способенъ рассказать всю мою прошлую жизнь Мидуинтеру прежде чѣмъ яхта выйдетъ изъ гавани. Когда я думала объ этомъ и когда медленныя минуты слѣдовали одна за другою и до моего слуха не доходило ничего, кромѣ шума голосовъ въ смежной комнатѣ, моё недоумѣніе сдѣлалось почти невыносимо. Напрасно было стараться приковать вниманіе къ тому, что происходило на улицѣ. Я машинально глядѣла изъ окна и не видала ничего.

«Вдругъ, не могу сказать, черезъ долгое или скорое время

шумъ голосовъ прекратился; дверь отворилась и Армэдэль показался на порогѣ одинъ.

«Прощайте, сказала онъ грубо:—надѣюсь, что когда я жѣнюсь, жена моя не причинитъ Мидуинтеру такого разочарованія, какое жена Мидуинтера причинила мнѣ!»

«Онъ бросилъ на меня сердитый взглядъ, сердито поклонился мнѣ и, круто повернувшись, вышелъ изъ комнаты.

«Я опять видѣла людей на улицѣ; я видѣла спокойное море и мачты кораблей въ гавани, гдѣ стояла яхта. Я могла думать, я могла опять дышать свободно! Слова, спасшія меня отъ Мануэля—слова бывшія смертнымъ приговоромъ Армэдэля—были сказаны. Яхта должна была уйти безъ Мидуинтера и безъ меня!

Моё первое чувство восторга почти свело меня съ ума, но это было чувство мгновенное. Сердце моё замерло, когда я подумала о Мидуинтерѣ, который былъ одинъ въ смежной комнатѣ.

«Я пошла въ корридоръ послушать и не услышала ничего. Я тихо постучалась въ его дверь и не получила отвѣта. Я отворила дверь и заглянула: онъ сидѣлъ у стола, закрывъ лицо руками. Я молча смотрѣла на него и увидѣла сверкающія слёзы, струившіяся сквозь его пальцы.

«— Оставь меня, сказала онъ, не отнимая рукъ отъ лица.— Я долженъ одинъ это перенести.

«Я воротилась въ гостиную. Кто можетъ понять женщину? Мы даже сами не понимаемъ себя. То, что онъ отослалъ меня отъ себя такимъ образомъ, поразило меня въ самое сердце. Я не думаю, чтобы самая невинная и самая кроткая женщина почувствовала это сильнѣе меня. И это послѣ того, что я сдѣлала! это послѣ того, о чемъ я думала за минуту передъ тѣмъ, какъ вошла въ его комнату! Кто можетъ это объяснить? Никто, а я менѣе всѣхъ!»

Черезъ полчаса дверь его отворилась и я услышала, какъ онъ торопливо сошелъ съ лѣстницы. Я выбѣжала, не давъ себѣ времени подумать, и спросила, не могу ли я идти вмѣстѣ съ нимъ. Онъ не остановился и не отвѣчалъ. Я воротилась къ окну и видѣла какъ онъ быстро шолъ по улицѣ задомъ къ Неаполю и къ морю.

«Теперь я понимаю, что онъ не слыхалъ меня; въ то время я сочла его неизвинительно и грубо жестокимъ ко мнѣ. Я надѣла шляпку въ принадлежѣ бѣшенства противъ него, послала за коляской и велѣла кучеру везти меня куда онъ захочетъ. Онъ отвѣзъ меня, какъ отвозилъ другихъ прїѣзжихъ, въ музей смотрѣть статуи и картины. Я ходила изъ комнаты въ комнату съ разгорѣвшимся лицомъ; всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на меня. Я пришла опять въ себя, сама не знаю какъ. Я воротилась въ коляску и велѣла кучеру везти меня назадъ какъ можно скорѣе, я сама не знаю какъ. Я сбросила манто и шляпку и опять сѣла къ окну. Видъ моря охладилъ меня. Я забыла о Мидуинтерѣ и думала объ Армэдэлѣ и о его яхтѣ. Не было ни малѣйшаго вѣтра, не было ни облачка на небѣ; широкія воды залива были такъ гладки, какъ зеркало.

«Солнце закатывалось, краткія сумерки настали и исчезли. Я напилась чаю и сидѣла у стола думая и мечтая. Когда я опомнилась и воротилась къ окну, вошла луна, но спокойное море было спокойно попрежнему.

«Я еще смотрѣла, когда увидала Мидуинтера на улицѣ, возвращающагося назадъ. Я на столько успокоилась, что вспомнила его привычки и угадала, что онъ пробовалъ снять тяжесть съ души своей одинокою и продолжительной прогулкой. Когда я услышала, что онъ воротился въ свою комнату, я была слишкомъ осторожна, чтобы опять беспокоить его; я ожидала, когда онъ самъ вздумаетъ прїйти ко мнѣ.

— Скоро я услышала какъ отворилось его окно и увидѣла изъ моего окна, какъ онъ вышелъ на балконъ и, посмотрѣвъ на море, поднялъ руки на воздухъ. На этотъ разъ онъ подождать, облокотясь на перила балкона и смотря пристально на море, которое поглощало всё его вниманіе.

«Долго-долго онъ не шевелился; потомъ вдругъ я увидала какъ онъ вздрогнулъ; черезъ минуту онъ упалъ на колѣна съ сложенными руками, держась за перила балкона.

«— Господь да помилуетъ и сохранитъ тебя, Алленъ! сказалъ онъ набожно. — Прощай навсегда!

«Я посмотрѣла на море. Дулъ тихій вѣтерокъ и струистая

поверхность воды сверкала при тихомъ лунномъ сіяніи. Я опять посмотрѣла — и между мною и полосой луннаго свѣта прошло медленно длинное, черное судно съ высокими, похожими на привидѣніе парусами, скользя по водѣ гладко и неслышно какъ змѣя.

«Вѣтеръ поднялся къ вечеру и яхта Армэдэля поплыла на пробную поѣздку.

ГЛАВА III.

ДНЕВНИКЪ ПРЕРЫВАЕТСЯ.

Лондонъ, ноябрь 19. — Я опять одна въ большомъ городѣ; одна въ первый разъ послѣ нашей свадьбы. Около недѣли тому назадъ, я отправилась въ путь на родину, оставивъ Мидуинтера въ Туринѣ.

Дни были такъ наполнены событіями съ начала этого мѣсяца, а я была такъ утомлена и душою и тѣломъ большую часть времени, что мой дневникъ оставался въ пренебреженіи; только нѣсколько отмѣтокъ, написанныхъ такъ торопливо и сбивчиво, что я сама едва понимаю ихъ, напоминаютъ мнѣ о томъ, что случилось послѣ того вечера, какъ яхта Армэдэля ушла изъ Неаполя. Я попробую, не могу ли привести ихъ въ порядокъ безъ дальнейшей потери времени; я попробую не могу ли я припомнить обстоятельства по порядку, какъ они слѣдовали одно за другимъ съ начала мѣсяца.

Третьяго ноября будучи еще въ Неаполѣ, Мидуинтеръ получилъ торопливое письмо отъ Армэдэля изъ Мессины. «Погода, писалъ онъ: была прекрасная и яхта сдѣлала самый быстрый переѣздъ, какой только могли припомнить. Экипажъ съ виду грубъ; но капитанъ Мануэль и его помощникъ англичанинъ (послѣдній описанъ добрѣйшимъ существомъ) прекрасно управлялись съ нимъ». Послѣ этого счастливаго начала Армэдэль, разумѣется, продолжалъ поѣздку и по совѣту шкипера рѣшился посѣтить нѣкоторыя гавани въ Адриатикѣ, которыя, по описанію капитана, стоило видѣть.

«Слѣдоваль постскриптумъ, объяснявшій, что Армэдэль торопился писать, чтобъ поспѣть къ неаполитанскому пароходу, и что онъ опять распечаталъ письмо, прибавить кое-что забытое имъ. Наканунѣ отъѣзда яхты онъ былъ у банкира взять «нѣсколько сотенъ залотомъ» и думалъ, что забылъ тамъ сигарочницу: это была его любимая вещица и онъ спросилъ Мидуинтера сдѣлать ему одолженіе постараться найти её и сберечь для него до будущаго свиданія.

«Вотъ сущность письма.

«Я старательно его обдумала, когда Мидуинтеръ опять оставилъ меня одну по прочтеніи письма. Я думаю, что Мануэль не даромъ убѣдилъ Армэдэля крей сировать въ Адриатическомъ морѣ, въ которомъ гораздо менѣе встрѣчается кораблей, чѣмъ въ Средиземномъ. Выраженія, въ которыхъ упоминалось о такой ничтожной потерѣ какъ сигарочница, также поразили меня, какъ предвѣщаніе того, что будетъ. Я заключила, что банковые билеты Армэдэля были размѣнены на золото не по его собственной предусмотрительности и знанію дѣль. Я подозреваю, что вліяніе Мануэля было также употреблено въ этомъ случаѣ — и опять не безъ причины. Въ промежуткахъ, во время безсонной ночи, эти соображенія безпрестанно приходили мнѣ въ голову и время отъ времени указывали упорно на необходимость для меня воротиться въ Англію.

«Какъ попасть туда, особенно безъ Мидуинтера—я не могла придумать въ ту ночь. Я старалась, разрѣшить это затрудненіе и заснула, истощенная къ утру, не придумавъ ничего.

«Нѣсколько часовъ спустя, когда я была одѣта, пришолъ Мидуинтеръ съ извѣстіемъ, полученнымъ съ утренней почтой отъ лондонскихъ журналистовъ. Издатели газетъ получили отъ редактора такой благопріятный отзывъ о его корреспонденціи изъ Неаполя, что рѣшились дать ему мѣсто съ бѣльшей отвѣтственностью и съ бѣльшимъ жалованьемъ въ Туринѣ. Его инструкціи были приложены къ письму и его просили, не теряя времени ѣхать изъ Неаполя къ его новому посту.

«Услышавъ это, я успокоила его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ предложить вопросъ, тревожившій его, согласна ли я на пере-

ѣздъ. Туринъ имѣлъ въ моихъ глазахъ большую привлекательность въ томъ отношеніи, что онъ находится на дорогѣ въ Англію. Я увѣрила Мидуинтера тотчасъ, что я готова ѣхать такъ скоро, какъ только возможно.

«Онъ поблагодарилъ меня за готовность сообразоваться съ его планами съ бѣльшей кротостью и ласковостью чѣмъ я видѣла въ немъ послѣднее время. Пріятныя извѣстія объ Армэдэлѣ, полученныя наканунѣ, повидимому, пробудили его изъ тупого отчаянія, въ которое онъ былъ погруженъ послѣ отъѣзда яхты. А теперь надежда повышения въ его профессіи, а болѣе всего надежда оставить роковое мѣсто, въ которомъ третье видѣніе сновидѣнія оправдалось, окончательно (какъ онъ признался самъ) равнесило и облегчило его. Онъ спросилъ, прежде чѣмъ ушолъ сдѣлать распоряженія къ нашему отъѣзду, ожидаю ли я имѣть извѣстія отъ моихъ «родныхъ» изъ Англіи и сдѣлать ли ему распоряженія на счетъ того, чтобъ мои письма пересылались вмѣстѣ съ его письмами *poste restante* *) въ Туринъ. Я тотчасъ поблагодарила его и приняла предложеніе. Его предложеніе внушило мнѣ мысль тотчасъ, какъ только онъ его сдѣлалъ, что моими мнимыми «семейными обстоятельствами» опять можно воспользоваться какъ причиною неожиданнаго отъѣзда изъ Италіи въ Англію.

«Девятаго числа мы поселились въ Туринѣ.

«Тринадцатаго, Мидуинтеръ — будучи тогда очень запятъ — спросилъ, не хочу ли я избавить его отъ потери времени и сходить за письмами, которыя можетъ быть были пересланы намъ изъ Неаполя. Я ожидала случая, который онъ теперь предлагалъ мнѣ, и рѣшилась ухватиться за него, не давая себѣ времени колебаться. Къ намъ не было писемъ *poste restante*. Но когда онъ сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ по моѣмъ возвращеніи, я сказала ему, что для меня было письмо съ непріятными извѣстіями изъ «дома». Моя «магъ» была опасно больна и меня умоляли не теряя времени сѣсть въ Англію, чтобы видѣться съ нею.

«Кажется, совершенно неповятно теперь, когда я далеко отъ Мидуинтера, но тѣмъ не менѣе справедливо, что я не могла,

*) Съ удержаніемъ на почтѣ.

даже теперь, сказать ему умышленную ложь безъ трепета и стыда, что другіе люди сочтутъ и что я сама считаю совершенно несообразнымъ съ такимъ характеромъ, какъ мой. Несообразно или нѣтъ, а я это чувствовала. А что еще страннѣе — можетъ быть мнѣ слѣдовало бы сказать безумнѣе — если бы онъ настаивалъ въ своёмъ первомъ намѣреніи провожать меня въ Англію, скорѣе чѣмъ позволить мнѣ ѣхать одной, я твёрдо вѣрю, что я повернулась бы спиной къ искушенію во второй разъ и заставила бы себя успокоиться опять въ старой мечтѣ проводить жизнь счастливо и безвредно въ любви моего мужа.

«Обманываю ли я себя въ этомъ? Эго всё равно — навѣрно обманываю. Всё равно, что могло бы случиться. Теперь важно только то, что случилось.

«Это кончилось тѣмъ, что Мидуинтеръ позволилъ мнѣ убѣдить его, что я довольно стара для того, чтобы заботиться о себѣ во время поѣздки въ Англію, и что онъ обязанъ относительно журналистовъ, ввѣрившихъ ему свои интересы, не оставлять Туррина тотчасъ послѣ того, какъ онъ поселился тамъ. Онъ не страдалъ, прощаясь со мною такъ, какъ страдалъ, когда видѣлъ въ послѣдній разъ своего друга. Я это видѣла и, какъ слѣдуетъ, оцѣнила безпокойство, выраженное имъ насчетъ того, чтобъ я писала къ нему. Наконецъ я совершенно преодолѣла мою слабость къ нему. Ни одинъ мушкетёръ, истинно любившій меня, не поставилъ бы своей обязанности къ журналистамъ выше своей обязанности къ женѣ. Я ненавижу его за то, что онъ позволилъ мнѣ убѣдить его! Мнѣ кажется, онъ былъ радъ избавиться отъ меня; мнѣ кажется, онъ увидѣлъ въ Туринѣ какую-нибудь женщину, которая понравилась ему. Ну, пусть его слѣдуетъ своей новой фантазіи, если захочетъ! Я скоро буду вдовой мистера Армэдэля Торп-Эмброскаго — и какое мнѣ будетъ тогда дѣло до того, кого онъ любитъ или не любитъ?

«О происшествіяхъ въ дорогѣ не стѣбитъ упоминать и мой пріѣздъ въ Лондонъ уже записанъ на верху новой страницы.

«Сегодня же единственное хоть сколько-нибудь важное дѣло, сдѣланное мною послѣ того, какъ я пріѣхала въ дешовую и спокойную гостинницу, въ которой я нахожусь теперь, было

послать за хозяиномъ и попросить его помочь мнѣ отыскать задніе нумера «Таймза». Онъ вѣжливо предложилъ мнѣ проводить меня завтра утромъ въ какое-то мѣсто въ Сити, гдѣ держатъ всѣ газеты сряду по нумерамъ. До завтра я должна сдержать, какъ только могу, моё нетерпѣніе узнать объ Армэдэлѣ. Итакъ, я прощаюсь съ прелестнымъ отраженіемъ меня самой, которое является на этихъ страницахъ!

Ноября 20.—Еще нѣтъ никакихъ извѣстій въ газетахъ. Я внимательно пересмотрѣла каждый номеръ съ того дня, когда письмо Армэдэла было написано изъ Мессины, до 20 числа, и я знаю навѣрно, что если и случилось что-нибудь, то въ Англии еще это неизвѣстно. Терпѣніе! Газеты будутъ приноситься ко мнѣ каждое утро и теперь каждый день можетъ мнѣ показать то, чтò я болѣе всего желаю видѣть.

Ноября 21.—Опять нѣтъ извѣстій. Я сегодня написала къ Мидуинтеру для сохраненія приличій.

«Когда письмо было написано, я впала въ сильное уныніе—я сама не знаю почему—и чувствовала такое сильное желаніе видѣть кого-нибудь, что, съ отчаянія, не зная куда идти въ другое мѣсто, я отправилась въ Пимлико на случай, что, можетъ быть, мистриссъ Ольдершотъ воротилась въ свою прежнюю квартиру.

«Тамъ оказались перемѣны послѣ того, какъ я тамъ была. Та сторона дома, которую занималъ докторъ Данардъ, была еще пуста, но лавка повеселѣла отъ пребыванія тамъ модистки и портняхи. Эти люди, когда я вошла спросить, были мнѣ незнакомы. Они, однако, безъ всякой нерѣшимости дали мнѣ адресъ мистриссъ Ольдершотъ, когда я спросила его, изъ чего я заключаю, что маленькое «затрудненіе», принудившее её спрятаться въ прошломъ августѣ, кончилось для нея. А чтò касается доктора, въ лавкѣ не знали или не хотѣли мнѣ сказать, чтò сдѣлалось съ нимъ.

«Не знаю, видѣ ли Пимлико нагналъ на меня дурноту, или это отъ злости—право не знаю; но когда я достала адресъ мистриссъ Ольдершотъ, я чувствовала, что она послѣдняя особа на свѣтѣ, которую я желала видѣть. Я взяла кѣбъ и велѣла кучеру ѣхать въ ту улицу, гдѣ она живѣтъ, а потомъ воротиться въ гостин-

ницу. Я сама не знаю, что со мною, развѣ только я становлюсь нетерпѣливѣе каждый часъ, ожидая свѣдѣній объ Армэдэлѣ. Будетъ ли будущность менѣе мрачна, желала бы я знать. Завтра суббота. Подниметъ ли покрывало завтрашняга газета?

Ноября 22. — Субботняя газета подняла покрывало. Слова будутъ напрасны, чтобъ выразить паническое изумленіе, въ которомъ я пишу. Я никакъ этого не ожидала; я не могу повѣрить или понять теперь, что случилось. Вѣтры и волны сдѣлались моими сообщниками! Яхта пошла ко дну и всѣ до одной души погибли!

«Вотъ описаніе, вырѣзанное изъ газеты:

«Несчастье на морѣ. — Извѣстія дошли до королевской яхтенной *Эскадры* и до страхователей, которое не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, мы съ сожалѣніемъ должны сказать, о совершенной гибели пятаго числа этого мѣсяца яхты *Доротея* и всѣхъ находившихся, до одной души. Подробности слѣдующія. На разсвѣтъ шестого числа, итальянскій бригъ *Надежда*, ѣхавшій изъ Венеціи въ Марсалу, встрѣтилъ пловучіе предметы у мыса Спортивенто (на самой южной оконечности Италіи), которые привлекли любопытство людей на бригѣ. Наканунѣ была сильная и неожиданная буря, свойственная этимъ южнымъ морямъ, какой не запомнятъ нѣсколько лѣтъ. *Надежда* тоже была въ опасности, когда продолжалась эта буря, и капитанъ и экипажъ заключили, что это слѣды кораблекрушенія и спустили лодку разсмотрѣть вещи, плавающія на водѣ. Курятникъ, сломанныя доски были первыми признаками случившагося несчастья; потомъ нашлась легкая мебель изъ каюты, исковерканная и сломаная. И наконецъ печально интересная вещь — спасительная бочка, къ которой была привязана закупоренная бутылка. Эти послѣднія вещи съ остатками каютной мебели были привезены на *Надежду*. На спасительной бочкѣ стояло имя судна: *Доротея*. К. Я. Э. (Королевской Яхтенной Эскадры.) Когда раскупорили бутылку, въ ней нашли листъ бумаги, на которомъ были торопливо начертаны карандашомъ слѣдующія строки: «У мыса Спортивенто, черезъ два дня по выходѣ изъ Мессины. Ноября 5, 4 ч. п. п. (это былъ часъ, въ который лагъ-бугъ итальянскаго брига показы-

валъ самую сильную бурю) обѣ наши лодки унесены моремъ. Руль сломался и на кормѣ открылась течь—этого мы уже не можемъ выдержать. Помоги намъ Боже! мы тонемъ. (Подписано) Джоуъ Миченденъ, помощникъ шкипера». Доѣхавъ до Марсалы, капитанъ брига подалъ рапортъ британскому консулу и оставилъ найденныя вещи у него. Розыски въ Мессинѣ показали, что несчастное судно прибыло туда изъ Неаполя. Въ этой послѣдней гавани узнали, что *Доротея* была нанята у агента владѣльца англичаниномъ, мистеромъ Армэдэлемъ, изъ Торп-Эмброза въ Норфолькѣ. Были ли съ мистеромъ Армэдэлемъ на яхтѣ друзья—не узнано; но, къ несчастью нѣтъ сомнѣнія, что самъ злополучный джентльмэнъ выѣхалъ на яхтѣ изъ Неаполя и что онъ также находился на этомъ суднѣ, когда оно вышло изъ Мессины».

«Такова исторія кораблекрушенія, какъ газеты рассказываютъ её въ ясныхъ и краткихъ выраженіяхъ. Голова моя кружится; смущеніе моё такъ велико, что я думаю о пятидесяти разныхъ вещахъ, стараясь думать объ одной. Я должна ждать — одинъ день болѣе или менѣе ничего не значить — я должна ждать, пока буду въ состояніи взглянуть на моё новое положеніе, не будучи имъ ошеломлена.

Ноября 23. Восемь часовъ утра.—Я встала часъ тому назадъ и увидала ясно какъ мнѣ слѣдуетъ поступить для перваго шага, который я должна сдѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ.

«Для меня чрезвычайно важно узнать что дѣлается въ Торп-Эмброзѣ и было бы въ крайней степени опрочетливо, пока я еще ничего не знаю объ этомъ, осмѣлиться показаться туда. Остаётся только написать туда къ кому-нибудь, и единственный человѣкъ, къ которому я могу написать — Бэшудъ.

«Я только-что кончила письмо. Оно озаглавлено: «секретное» и подписано: «Лидія Армэдэль». Въ нёмъ нѣтъ ничего, что могло бы компрометировать меня, если старый дуракъ смертельно оскорбленъ моимъ обращеніемъ съ нимъ и со злости покажетъ моё письмо другимъ. Но я не думаю, чтобы онъ это сдѣлалъ. Человѣкъ въ эти лѣта прощаетъ женщинѣ всё, если только женщина подастъ ему надежду. Я прошу сго, какъ о личномъ долженіи, сохранить нашу переписку въ тайнѣ. Я намекнула,

что моя жизнь съ моимъ покойнымъ мужемъ была не очень счастлива и что я почувствовала какъ я неблагоразумно поступила, выйдя за *молодого* человѣка. Въ постскриптумѣ я захожу еще далѣе и смѣло пишу эти утѣшительныя слова:

«Я могу объяснить, любезный мистеръ Бэшудъ, что могло показаться ложно и обманчиво въ моёмъ поведеніи съ вами, когда вы дадите мнѣ случай лично увидѣться съ вами». Еслибы ему было только шестьдесятъ лѣтъ, я сомнѣвалась бы въ результатѣ; но ему за шестьдесятъ и я думаю, что онъ дастъ мнѣ случай лично съ нимъ увидѣться.

Десять часовъ. — Я разсматривала копію съ моего брачнаго свидѣтельства, которую я позаботилась взять въ день свадьбы, и примѣтила, къ моему невыразимому смущенію, препятствіе къ моему появленію въ званіи армедэлевой вдовы, которое я теперь вижу въ первый разъ.

«Описаніе Мидуинтера (подъ его именемъ) какъ показываетъ это свидѣтельство согласно, во всѣхъ возможныхъ подробностяхъ съ примѣтами Армэдэля Торп-Эмброскаго, если бы я вышла за него. Имя и фамилія: «Аллэнъ Армэдэль. Лѣта двадцать-одинъ годъ, вмѣсто двадцати двухъ лѣтъ, что можно легко принять за ошибку. Состояніе—Холостой. Званіе—Джентльмэнъ. Мѣстопробываніе во время брака—гостинница Френта, въ улицѣ Дарли. Имя и фамилія отца: Аллэнъ Армэдэль. Званіе отца: Джентльмэнъ. Каждая подробность (кромѣ разницы въ лѣтахъ) относится какъ къ одному, такъ къ другому. Но положимъ, что когда я покажу копію съ брачнаго свидѣтельства, какой-нибудь навязчивый страпчій захочетъ взглянуть на подлинникъ? Почеркъ Мидуинтера совершенно не похожъ на почеркъ его покойнаго друга. Рука, которою онъ написалъ: «Аллэнъ Армэдэль» въ книгѣ, не можетъ быть принята за почеркъ, которымъ Армэдэль Торп-Эмброскій привыкъ подписывать своё имя.

«Могу ли я безопасно дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ съ такой пропастью, какую я вижу подъ своими ногами? Какъ могу я сказать? Гдѣ я могу найти опытнаго человѣка, чтобы посовѣтовать мнѣ? Я должна закрыть мой дневникъ и подумать.

Семь часовъ. — Мои надежды опять измѣнились послѣ моей

послѣдней записи. Я получила предостереженіе быть осторожнѣе впередъ, которымъ я не пренебрегу, и (кажется) умѣла достать совѣтъ и помощь, которыя мнѣ нужны.

«Напрасно придумывая къ кому обратиться въ затрудненіи, стѣсняющемъ меня, я сдѣлала изъ необходимости добродѣтель и отиравилась сдѣлать мистриссъ Ольдершѣ сюрпризъ визитомъ ея возлюбленной Лидіи! Почти бесполезно прибавлять, что я рѣшилась осторожно допытать её и не проговориться въ моихъ важныхъ секретехъ.

«Кислая и торжественная старая служанка впустила меня въ домъ. Когда я спросила ея госпожу, мнѣ напомнили съ самой горькой выразительностью, что я сдѣлала неприличнѣйшій поступокъ, пріѣхавъ въ воскресенье. Мистриссъ Ольдершѣ была дома только потому, что нездоровье не позволило ей быть въ церкви. Служанка думала, что она наврядъ приметъ меня. Я, напротивъ, думала, что она непременно удостоитъ меня свиданіемъ ради своихъ выгодъ, если я скажу моё имя «миссъ Гуильтъ» — и оказалось, что я была права. Меня заставили подождать нѣсколько минутъ, а потомъ ввели въ гостиную.

«Тамъ сидѣла матушка Іезавель съ видомъ женщины покоящейся на пути къ небу, въ платьѣ стального цвѣта, съ сѣрыми митенками на рукахъ, въ строго простомъ чепчикѣ на головѣ и съ книгой съ проповѣдями на колѣнахъ. Она набожно закатила подъ лобъ глаза при видѣ меня, и первыя слова сказанныя ею, были:

— О, Лидія! Лидія! зачѣмъ вы не въ церкви?

«Если бы я была не такъ озабочена, внезапное представленіе мистриссъ Ольдершѣ въ совершенно новой ролѣ могло бы позабавить меня, но я не была расположена смѣяться и (такъ-какъ всѣ мои росписки были уплачены) я не была обязана воздерживаться отъ свободы рѣчи.

«—Вздоръ и пустяки! сказала я. — Спрячьте въ кармапъ ваше воскресное лицо. У меня есть для васъ новости съ-тѣхъ-поръ, какъ я вамъ писала изъ Торп-Эмброза.

«Только-что я упомянула о Торп-Эмбросѣ, бѣлки старой лицемерки опять показались и она наотрѣвъ отказалась выслушать

еще слово отъ меня о моихъ поступкахъ въ Норфолькѣ. Я настаивала, но совершенно бесполезно. Мистриссъ Ольдершотъ только качала головой, стонала и сообщила мнѣ, что ея отношенія къ суэтамъ міра сего кончились навсегда.

«— Я родилась опять, Лидія, сказала безстыдная старуха, вытирая глаза: — ничто не заставитъ меня возвращаться къ этой вашей печестивой спекуляціи на счетъ сумасброства богатаго молодого человѣка.

«Услышавъ это, я тотчасъ оставила бы её, если бы одно соображеніе не удержало меня еще на минуту.

«Легко было видѣть, что обстоятельства (какія бы они ни были), принудившія мистриссъ Ольдершотъ скрываться во время моего перваго пріѣзда въ Лондонъ, были достаточно серьезны, чтобъ принудить её бросить, или по-крайней-мѣрѣ сдѣлать видъ, ея прежнія занятія. И едва ли было менѣе ясно, что она нашла выгоды — всѣ въ Англіи находятъ это выгоднымъ — прикрыть внѣшнюю сторону своей репутаціи гладкимъ лоскомъ лицемѣрія. Это, однако, было не моё дѣло, и я сдѣлала бы эти размышленія виѣ, а не внутри дома, если бы мои выгоды не требовали испытать искренность преобразованія мистриссъ Ольдершотъ — на сколько это относилось къ ея прошлымъ отношеніямъ ко мнѣ. Въ то время, когда она снаряжала меня для нашего предпріятія, я помню, что я подписала документъ, дававшій ей прекрасныя денежныя выгоды, если я сдѣлаюсь мистриссъ Армэдэль Торп-Эмбросской. Возможность воспользоваться этою бѣдовою бумагою въ качествѣ побнаго камня, была такъ искусительна, что устоять противъ нея не было возможности. Я попросила мего набожнаго друга позволенія сказать одно послѣднее слово, прежде чѣмъ я оставлю ея домъ.

«— Такъ какъ вы не интересуетесь болѣе моею нечестивой спекуляціей въ Торп-Эмбросѣ, сказала я: — можетъ бы вы возвратите мнѣ бумагу, подписанную мною, когда вы не были такою примѣрною особою, какъ теперь?

«Безстыдная старая лицемѣрка тотчасъ зажмурила глаза и задрожала.

«— Это значить: Да или Нѣтъ? спросила я.

«— По нравственныхъ и религіозныхъ причинамъ, Лидія, это значить нѣтъ, отвѣчала мистрисъ Ольдершѳъ.

«— По нечестивымъ и мірскимъ причинамъ, возразила я: — я прошу у васъ позволенія поблагодарить васъ за то, что вы показали мнѣ ваши когти.

«Теперь, дѣйствительно не могло быть сомнѣнія насчетъ цѣли, которую она имѣла въ виду. Она не хотѣла больше рисковать и давать мнѣ займы денегъ; она предоставляла мнѣ выиграть или проиграть одной. Если я проиграю — она не будетъ компрометирована; если я выиграю — она предъявитъ бумагу, подписанную мною, и воспользуется ею безъ угрызений. Въ моемъ настоящемъ положеніи значило понапрасну терять время и слова на бесполезныя возраженія. Я запомнила объ этомъ предостереженіи для будущаго употребленія и встала, чтобъ уйти.

«Въ ту минуту, какъ я вставала со стула, въ парадную дверь раздался сильный стукъ. Мистрисъ Ольдершѳъ очевидно узнала кто это. Она встала торопливо и позвонила въ колокольчикъ.

«— Я нездорова и не могу видѣть никого, сказала она, когда вошла служанка. — Подождите нѣсколько минутъ, прибавила она, круто повернувшись ко мнѣ, когда женщина пошла отворять дверь.

«Съ моей стороны это была маленькая, очень маленькая злость — я знаю, но противъ удовольствія сдѣлать наперекоръ матушкѣ Іезавели, даже въ бездѣлицѣ, нельзя было устоять.

«— Я не могу ждать, сказала я: — вы только-что напомнили мнѣ, что мнѣ слѣдуетъ быть въ церкви.

Прежде чѣмъ она успѣла отвѣтить, я вышла изъ комнаты.

«Когда я стала погою на первую ступень лѣстницы, парадная дверь отворилась и мужской голосъ спросилъ дома ли мистрисъ Ольдершѳъ.

«Я тотчасъ узнала голосъ: докторъ Дануардъ!

«Докторъ повторилъ слова служанки тономъ, показывавшимъ его раздраженіе на то, что его не пускали дальше двери.

— Ваша госпожа нездорова и не можетъ принимать гостей? Отдайте ей эту карточку, сказала докторъ: — и скажите ей, что я ожидаю, что на слѣдующій разъ, какъ я приду, она будетъ здорова на столько, чтобы принять *меня*.

«Если бы его голосъ не сказалъ мнѣ ясно, что онъ не чувствуетъ дружескаго расположенія къ мистриссъ Ольдершѡ, я навѣрно отпустила бы его, не предъявивъ правъ на его знакомство. Но теперь я почувствовала желаніе поговорить съ нимъ, или съ кѣмъ бы то ни было, кто сердился на матушку Іезавель. Я полагаю, что это происходило болѣе отъ моей злости на неё. Какъ бы то ни было, я сошла со ступенекъ и, тихо слѣдуя за докторомъ, нагнала его на улицѣ.

«Я узнала его голосъ, узнала и его спину, когда шла позади него. Но когда я назвала его по имени и когда онъ, вздрогнувъ, обернулся и сталъ со мною лицомъ къ лицу, я послѣдовала его примѣру и также вздрогнула съ своей стороны. Лицо доктора превратилось въ лицо совершенно незнакомаго мнѣ человѣка; его лысина скрылась подъ искусно сѣдоватымъ парикомъ. Онъ отпустилъ бакенбарды и выкрасилъ ихъ подъ пару своимъ новымъ волосамъ. Отвратительно круглые очки торчали на его носу вмѣсто красиваго лорнета, который онъ обыкновенно держалъ въ рукѣ, и черный галстухъ съ огромнымъ воротничкомъ являлся недостойнымъ преемникомъ клерикальнаго бѣлаго галстуха прежнихъ времёнъ. Отъ человѣка, котораго я когда-то знала, ничего не осталось, кромѣ полноты стана, вврадчивой вѣжливости и гладкости въ обращеніи и въ голосѣ.

«— Очень радъ видѣть васъ опять, сказалъ докторъ, осматриваясь вокругъ нѣсколько тревожно и поспѣшно вынимая свою карточку. — Но, любезная миссъ Гуильтъ, позвольте мнѣ поправить небольшую ошибку съ вашей стороны. Докторъ Даунуардъ изъ Пимлико умеръ и похоронѣнъ, и вы чрезвычайно меня обяжете, если никогда, ни въ какомъ случаѣ, не упомянете о немъ опять.

«Я взяла карточку, которую онъ подалъ мнѣ и увидала, что я теперь говорю съ «Докторомъ Ле-Ду, живущимъ въ Лечебницѣ въ Фэруэтер-Валѣ, въ Гэмстидѣ!»

«— Вы, кажется, нашли необходимымъ, сказала я: — измѣнить многое съ-тѣхъ-поръ, какъ я видѣла васъ въ послѣдній разъ? Ваше имя, ваше мѣстопробываніе, нашу наружность...

«— И мою практику, перебилъ докторъ. — Я купилъ отъ чело-вѣка непредпріимчиваго и недостаточнаго имя, дипломъ и лечебницу для приѣма нервныхъ больныхъ. Мы уже принимаемъ нѣсколькихъ привилегированныхъ друзей. Придите и навѣстите насъ. Вы идѣте въ мою сторону? Не угодно ли вамъ взять меня подъ-руку и сказать мнѣ, какой счастливой случайности я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ опять.

«Я рассказала ему обстоятельства именно такъ, какъ они случились, и прибавила (имѣя въ виду удостовѣриться въ его сношеніяхъ съ его прежней союзницей въ Пимлико), что я очень удивилась услышавъ, что мистриссъ Ольдершѣ не приняла такого стараго друга, какъ онъ. Какъ докторъ ни былъ остороженъ, его обращеніе, когда онъ получилъ моѣ замѣчаніе, тотчасъ меня удостовѣрило, что мои подозрѣнія о его несогласіи съ мистриссъ Ольдершѣ были основательны. Улыбка его исчезла и онъ съ раздраженіемъ утвердилъ на носу свои отвратительные очки.

«— Простите мнѣ, если я предоставляю вамъ вывести свои заключенія, сказалъ онъ. — Я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что разговоръ о мистриссъ Ольдершѣ вовсе для меня непріятенъ при существующихъ обстоятельствахъ. Одно дѣловое затрудненіе, относящееся къ нашему товариществу въ Пимлико, совершенно неинтересно для такой молодой и блистательной женщины, какъ вы. Скажите мнѣ ваши новосты. Вы оставили ваше мѣсто

въ Торп-Эмбросѣ? Вы живёте въ Лондонѣ? Не могу ли я, по моей профессіи или иначе, сдѣлать что-нибудь для васъ?

«Этотъ послѣдній вопросъ былъ гораздо важнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Прежде чѣмъ я отвѣчала на него, я почувствовала необходимость разстаться съ докторомъ и подумать.

— Вы были такъ добры, докторъ, что просили меня сдѣлать вамъ визитъ, сказала я. — Въ вашемъ спокойномъ домѣ, въ Гемпстидѣ, я можетъ быть найду что-нибудь сказать вамъ, чего я не могу сказать въ этой шумной улицѣ. Когда вы бываете дома въ вашей лечебницѣ? Найду я васъ тамъ сегодня нѣсколько попозже?

«Докторъ увѣрилъ меня, что онъ возвращается туда и просилъ назначить часъ. Я сказала: «къ полудню» и, сославшись на необходимость быть въ другомъ мѣстѣ, сѣла въ первый омнибусъ, проѣзжавшій мимо.

«— Не забудьте адреса, сказалъ докторъ, сажая меня.

«— У меня есть ваша карточка, отвѣчала я, и такъ мы разстались.

«Я воротилась въ гостинницу, пошла въ свою комнату и очень тревожно обдумала всё.

«Серьезное препятствіе подписи на брачномъ свидѣтельствѣ всё еще стояло на моей дорогѣ также непреодолимо, какъ и прежде. Всякая надежда получить помощь отъ мистриссъ Олдершо прекратилась. Я могла только смотрѣть на неё теперь какъ на врага, скрытаго во мракѣ — врага, въ этомъ я не могла болѣе сомнѣваться, который слѣдилъ за мною и подстерегалъ меня, когда я была въ Лондонѣ въ послѣдній разъ. Къ какому другому совѣтнику могла я обратиться за совѣтомъ, который мое несчастное навѣдѣніе закона и дѣлъ принуждало меня искать у челоѣка гораздо опытнѣе чѣмъ я? Могла ли я обратиться къ стряпчему, съ которымъ я совѣтовалась, когда хотѣла вѣнчаться съ Мидуинтеромъ подъ моимъ дѣвическимъ именемъ? Невозможно! Не говоря уже ничего о холодномъ пріемѣ, когда я видѣла его въ послѣдній разъ, совѣтъ, который мнѣ былъ нуженъ на этотъ разъ, относился (какъ бы ни скрывала я факты) къ обману — обману такого рода, которому не согласится по-

могать никакой порядочный стряпчій, если онъ дорожить своей репутаціей. Не было ли какого-нибудь другого такого же свѣдущаго человѣка извѣстнаго мнѣ? Былъ одинъ, только одинъ — докторъ, умершій въ Пимлико и опять ожившій въ Гэмпстидѣ.

«Я знаю, что это человѣкъ совершенно безсовѣстный, что онъ имѣетъ опытность въ дѣлахъ, которая мнѣ нужна; и такой хитрый, такой искусный и такой дальновидный человѣкъ, какого только можно найти въ Лондонѣ. Кромѣ этого, я сдѣлала два важныя открытія, относившіяся къ нему въ это утро. Во-первыхъ, онъ находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ мистриссъ Ольдершотъ — что защитило бы меня отъ всякой опасности, чтобы они оба не соединились противъ меня, когда я довѣрюсь ему; во-вторыхъ, обстоятельства всё еще принуждали его старательно срывать свою личность — что дало мнѣ надъ нимъ вліяніе ни въ какихъ отношеніяхъ не ниже того, которое я могу дать ему надо мною. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ именно такой человѣкъ, какого мнѣ было нужно для моей цѣли, а всё я не рѣшалась идти къ нему, не рѣшалась больше часа, сама не зная почему.

«Было два часа преже чѣмъ я окончательно рѣшилась сдѣлать доктору визитъ. Послѣ этого я провела еще часъ, опредѣляя до самой точной степени на сколько я окажу ему довѣрія. Наконецъ я послала за кэбомъ и отправилась къ трѣмъ часамъ пополудни въ Гэмпстидъ.

«Я съ нѣкоторымъ затрудненіемъ нашла Лечебницу.

«Фэруэтер-Вэль оказалось новой мѣстностью, находящейся за Гэмпстидомъ съ южной стороны. День былъ пасмурный и это мѣсто казалось очень уныло. Мы подъѣзжали къ нему по новой дорогѣ, извиравшейся между деревьями, которая когда-то была аллеей парка какого-нибудь загороднаго дома. Въ концѣ этой дороги мы выѣхали на дикую, открытую мѣстность, съ полуоконченными виллами, разбросанными на ней, и съ отвратительной кучей досокъ, тачекъ и строительныхъ матеріаловъ всякаго рода разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ. Въ одномъ углу этой унылой мѣстности стоялъ большой печальной

наружности домъ, окруженный пустымъ неоконченнымъ садомъ, гдѣ не было ни куста, ни цвѣтка, на который страшно было смотрѣть. На открытой желѣзной калиткѣ, которая вела въ эту ограду, была новая мѣдная доска съ словами «Лечебница», написанными на ней огромными черными буквами. Колокольчикъ, когда извожикъ позвонилъ, раздался въ пустомъ домѣ какъ погребальный звонъ, а блѣдный, съ дряблымъ лицомъ, старый слуга, въ черномъ платьѣ, отворившій дверь, имѣлъ видъ какъ-будто вышелъ изъ могилы, чтобы исполнить эту обязанность. Онъ напустилъ на меня запахъ сырой извѣстки и новаго лака, а за мною впустилъ въ комнаты сквозной порывъ сырого ноябрьскаго воздуха. Я не примѣтила этого въ то время, но, набрасывая эти строки, теперь я вспомнила, что я дрожала, когда переходила черезъ порогъ.

«Я сказала моё имя слугѣ: «мистриссъ Армэдэль» и меня ввели въ пріёмную. Даже огонь потухалъ отъ сырости въ каминѣ. Единственныя книги на столѣ были сочиненія доктора въ тёмномъ коричневомъ переплѣтѣ, а единственный предметъ, украшавшій стѣны—дипломъ (въ красивой рамкѣ и подъ стекломъ), который докторъ купилъ вмѣстѣ съ иностраннымъ именемъ.

«Минуты черезъ двѣ хозяйинъ Лечебницы вошелъ и съ несѣлымъ удивленіемъ поднялъ вверхъ руки при видѣ меня.

«— Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія кто такая «мистриссъ Армэдэль» сказалъ онъ. — И *вы* также перемѣнили ваше имя? Какъ же хитро поступили вы, не сказавъ мнѣ объ этомъ, когда мы встрѣтились сегодня утромъ! Пожалуйста въ мой уголокъ — я не могу держать такого стараго и дорогого друга, какъ вы, въ пріёмной паціентовъ.

«Уголокъ доктора находился съ задней стороны дома, выходившей на поля, и деревья предназначенныя къ срубкѣ, но еще не срубленныя строителемъ. Противныя мѣдныя, кожаныя и стеклянныя вещи, искривленныя, какъ-будто это были имѣющіе чувство предметы, изгибавшіяся въ болѣзненной агоніи, наполняли одинъ конецъ комнаты. Большой книжный шкапъ съ стеклянными дверцами занималъ всю противоположную стѣну и выставлялъ на своихъ полкахъ длинные ряды стеклянныхъ банокъ, въ

которыхъ плавали въ жолтой жидкости кація-то неопредѣлённаго вида мёртвыя существа тускло бѣлаго цвѣта. Надъ каминомъ висѣла коллекція фотографическихъ портретовъ мужчинъ и женщинъ, въ двухъ большихъ рамахъ, висѣвшихъ рядомъ съ большимъ пространствомъ между ними. Рама съ лѣвой стороны заключала изображеніе нервныхъ страданій, рама съ правой стороны выказывала послѣдствія сумасшествія, а пространство между ними было занято изящно раскрашенной бумагой, на которой былъ написанъ девизъ: «Предупредить болѣзнь лучше чѣмъ лечиться».

«— Вотъ я здѣсь съ моимъ гальваническимъ аппаратомъ, съ моими сохранѣнными образцами и со всѣми тому подобными принадлежностями, сказалъ докторъ поставивъ для меня кресло у камина.—А вотъ моя Система безмолвно обращается къ вамъ надъ вашей головою, въ видѣ изложенія, которое я осмѣливаюсь представить съ полнымъ чистосердечіемъ. Это не домъ сумасшедшихъ, любезная мистриссъ Армэдэль. Пусть другіе лечатъ сумасшествіе если хотятъ—я останавливаю его. До-сихъ-поръ у меня въ домѣ еще нѣтъ больныхъ. Но мы живѣмъ въ такомъ вѣкѣ, когда нервное разстройство (сродни помѣшательству) постоянно увеличивается и современемъ больные будутъ. Я могу ждать какъ Гэрви ждалъ, какъ Дженнеръ ждалъ. А теперь положите вашу ногу на каминную рѣшотку и расскажите мнѣ о себѣ. Вы, разумѣется, замужемъ? И какое хорошенькое имя! Примите мои сердечныя поздравленія; вы имѣете два величайшія счастья, какія только могутъ достаться женщинамъ: Мужа и Домъ...

«Я прервала искренній потокъ поздравленій доктора при первой возможности:

«— Я замужемъ; но мои обстоятельства вовсе не обыкновеннаго свойства, сказала я серьезно. — Моё настоящее положеніе не имѣетъ того счастья, которое, какъ обыкновенно предполагаютъ, достается на долю женщины. Я уже нахожусь въ положеніи весьма опасномъ.

«Докторъ придвинулъ свой стулъ ближе ко мнѣ и тотчасъ принялъ своё прежнее докторское обращеніе и свой прежній откровенный тонъ.

«— Если вы желаете посоветоваться со мною, сказалъ онъ

тихо: — вы знаете, что я въ своё время хранилъ много опасныхъ тайнъ, вы знаете также, что я имѣю два драгоценныя качества для совѣтника. Я не очень щекотливъ и на меня можно положиться безусловно.

«Я колебалась даже теперь, въ послѣдній часъ сидя съ нимъ одна въ его комнатѣ. Для меня было бы такъ странно довѣриться кому бы то ни было, кромѣ меня самой! А между тѣмъ какъ мнѣ было не довѣриться другому въ такомъ затрудненіи, которое касалось юридическаго вопроса?

«— Это какъ вамъ угодно, прибавилъ докторъ. — Я никогда не вызывало довѣрія, я только принимаю его.

«Нечего было дѣлать; пріѣхала я сюда не колебаться, а говорить. Я рискнула и заговорила:

«— Дѣло, о которомъ я желаю посоветоваться съ вами, не относится къ вашей докторской опытности (какъ вы кажется думаете). Но я думаю, что вы можете помочь мнѣ, если я довѣрюсь вашей обширной опытности человѣка свѣтскаго. Предупреждаю васъ заранѣе, что я непременно удивлю, а можетъ быть и испугаю васъ.

«Съ этимъ предисловіемъ я начала мою исторію и рассказала ему то, что рѣшилась ему рассказать—не болѣе.

«Съ самаго начала я не скрыла моего намѣренія выдать себя за вдову Армэдэля и упомянула безъ всякой сдержанности (зная, что докторъ можетъ отправиться въ контору и самъ посмотрѣть завѣщаніе) большой доходъ, который достанется мнѣ въ случаѣ моего успѣха. Нѣкоторыя изъ обстоятельствъ я сочла нужнымъ измѣнить или скрыть. Я показала ему извѣстіе, напечатанное въ газетѣ о гибели яхты, но не сказала ему ничего о неаполитанскихъ происшествіяхъ. Я сообщила ему о точномъ сходствѣ двухъ имёнъ; предоставивъ ему вообразить, что это сходство случайное. Я сказала ему, какъ важенъ пунктъ въ этомъ дѣлѣ, что мой мужъ скрылъ своё настоящее имя въ глубокой тайнѣ отъ всѣхъ, кромѣ меня; но (для того, чтобы предупредить сношенія между ними) я старательно скрыла отъ доктора подъ какимъ именемъ Мидуинтеръ жилъ всю жизнь. Я призналась, что я оставила моего мужа на континентѣ; но когда докторъ

сдѣлалъ этотъ вопросъ, я предоставила ему заключить — при всей моей рѣшимости я не могла сказать ему этого положительно—что Мидуинтеръ зналъ о замышляемомъ обманѣ и что онъ нарочно остался за границей, чтобы не компрометировать меня своимъ присутствіемъ. Сгладивъ это затрудненіе — или, какъ я теперь чувствую совершивъ эту низость—я воротилась къ самой себѣ и къ истинѣ. Я упомянула обо всѣхъ обстоятельствахъ, относившихся къ моему браку, о поступкахъ Армэдэля и Мидуинтера, поступкахъ дѣлавшихъ открытіе обмана (посредствомъ показаній другихъ людей) совершенной невозможностью.

«— Я упомянула вамъ обо всѣмъ, сказала я въ заключеніе:— что касается цѣли, имѣющей въ виду. Теперь мнѣ остаётся сказать вамъ прямо о весьма серьёзномъ препятствіи, стоящемъ на моёмъ пути.

«Докторъ, который слушалъ до-сихъ-поръ не прерывая меня, попросилъ позволенія сказать нѣсколько словъ съ своей стороны прежде чѣмъ я продолжала.

«Эти «нѣсколько словъ» оказались вопросами—умными, пытливыми, подозрительными вопросами—на которые однако я оказалась способною отвѣчать съ небольшою скрытностью и даже вовсе безъ скрытности, потому-что они относились почти во всѣмъ къ обстоятельствамъ, при которыхъ я выходила замужъ, и къ возможности за и противъ моего законнаго мужа; если онъ вздумаетъ предъявить свои права на меня современемъ.

«Мои отвѣты сообщили доктору, во-первыхъ, что я такъ устроила дѣла въ Торп-Эмброзѣ, что произвела общее впечатлѣніе будто Армэдэль намѣренъ на мнѣ жениться; во-вторыхъ, что прежняя жизнь моего мужа не можетъ сдѣлать на него благоприятное впечатлѣніе въ глазахъ свѣта; въ-третьихъ, что мы были обвиняемы, не имѣя свидѣтелей не знавшихъ насъ, въ большой приходской церкви, въ которой въ это же утро были обвиняемы двѣ другія четы, не говоря уже о дюжинѣ другихъ паръ (смѣшавшихъ всякое воспоминаніе о насъ въ головѣ церковнослужителей), которые вѣнчались послѣ того. Когда я сообщила доктору эти факты, и когда онъ въ послѣдствіи удостовѣрился, что я и Мидуинтеръ уѣхали за границу тотчасъ по вы-

ходѣ изъ церкви, и что матросы, служившіе на той яхтѣ, на которой Армэдэль уѣхалъ изъ Сомерсетшира (до моего брака), теперь находятся на другихъ корабляхъ и на другомъ концѣ свѣта—его довѣріе къ моимъ надеждамъ ясно выразилось на его лицѣ.

«— На сколько я могу видѣть, сказала онъ: — права вашего мужа на васъ (послѣ того, какъ вы заступите мѣсто вдовы умершаго мистера Армэделя) не будутъ основаны ни на чемъ, кромѣ его простыхъ увѣреній, и *это* я думаю, вы можете безопасно опровергнуть. Извините моё наружное недовѣріе къ этому джентльмену; но между нимъ и вами можетъ случиться въ будущемъ недоразумѣніе, и чрезвычайно желательно удостовѣриться заранѣе именно въ томъ, что онъ можетъ или не можетъ сдѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ. Теперь, когда мы покончили съ главнымъ препятствіемъ, которое я вижу на пути вашего успѣха, перейдемъ къ тому препятствію, которое *вамъ* кажется важнѣе послѣ него.

«Я сама хотѣла перейти къ этому. Тонъ, которымъ докторъ говорилъ о Мидуинтерѣ, хотя я сама была причиною того, страшно мнѣ досаждалъ и пробудилъ на минуту старое сумасбродное чувство, которое, какъ мнѣ казалось, я усыпила навсегда. Я устремилась къ возможности перемѣнить предметъ разговора, упомянула о разницѣ въ церковныхъ книгахъ между рукою, которою Мидуинтеръ подписалъ имя: Алленъ Армэдэль, и рукою, которою Армэдэль Торп-Эмбросскій привыкъ подписывать своё имя, съ послѣпностью, которая повидимому показалась доктору смѣшна.

«— *Это* всё? спросилъ онъ, къ моему чрезвычайному удивленію и облегченію. — Милая мистриссъ Армэдэль, пожалуйста успокойтесь! Если стряпчіе умершаго Армэделя захотятъ видѣть доказательства вашего брака, они не обратятся къ церковнымъ книгамъ для этого — могу васъ увѣрить.

«— Какъ! воскликнула я съ удивленіемъ:—вы хотите, сказать, что запись въ церковныхъ книгахъ не служить доказательствомъ моего брака?

«— Это служить доказательствомъ, сказалъ докторъ: — что вы были обвиняемы съ кѣмъ-то, но это не служить доказатель-

ствомъ, что вы были обвиняемы съ мистеромъ Армэдэлемъ Торп-Эмбровскимъ. Джекъ Нокизъ или Томъ Стайлзъ—извините, пошлость примѣра—могли получить позволеніе обвиняться безъ оглашенія и отправиться въ церковь, чтобы обвиняться съ вами подъ именемъ мистера Армэдэля—и церковная книга (какъ это могло быть иначе?) должна была въ такомъ случаѣ невинно помогать обману. Я вижу, что я удивляю васъ. Когда вы начали рассказывать это интересное дѣло, вы удивили *меня*—теперь я могу въ этомъ признаться — сдѣлавъ такъ много ударенія на любопытномъ сходствѣ между двумя именами. Вы могли приступить къ смѣлому и романическому предпріятію, въ которое вы теперь вступили, не имѣя никакой необходимости выходить замужъ за вашего настоящаго супруга. Всякій другой человѣкъ пригодился бы точно также, только еслибы онъ согласился назваться мистеромъ Армэдэлемъ.

«Я разсердилась на это.

«— Всякій другой человѣкъ *не* годился бы точно также, немедленно возразила я. — Если бы не сходство именъ, я и не подумала бы вовсе объ этомъ предпріятіи.

«Докторъ согласился, что онъ выразился слишкомъ опрометчиво.

«—Я сознаюсь, что этотъ личный взглядъ на предметъ ускользнулъ отъ меня, сказалъ онъ. — Однако воротимся къ дѣлу. Впродолженіе того, что я могу назвать исполненной привлеченій медицинской жизни, мнѣ случалось не разъ вступать въ сношенія съ юристами и имѣть случай примѣчать ихъ поступки въ дѣлахъ—назовемъ ихъ домашней юриспруденціей. Я совершенно увѣренъ, что я не ошибаюсь, сообщая вамъ, что доказательство, которое потребуютъ представители мистера Армэдэля, будетъ похваленіе свидѣтеля, присутствовавшаго при вѣнчаніи, который можетъ поручиться за личность жениха и невесты по своему личному знакомству съ ними.

«— Но я уже говорила вамъ, сказала я: — что тамъ не было никакого свидѣтеля.

«— Именно, возразилъ докторъ. — Въ такомъ случаѣ вамъ нуженъ, прежде чѣмъ вы сдѣлаете шагъ въ этомъ дѣлѣ — извини-

те за выраженіе — готовый свидѣтель, обладающій рѣдкими нравственными и личными средствами, на котораго можно было бы положиться въ томъ отношеніи, что онъ приметъ на себя нужную роль и сдѣлаетъ передъ судьей необходимое показаніе. Вы знаете такого человѣка? спросилъ докторъ, откидываясь на спинку кресла и смотря на меня съ чрезвычайной невинностью.

«— Я только знаю васъ, сказала я.

«Докторъ тихо засмѣялся.

«— Какъ это похоже на женщину! замѣтилъ онъ съ самой досадной веселостью: — какъ только она видитъ свою цѣль, она стремится къ ней очертя голову самымъ ближайшимъ путѣмъ. О женщины! женщины!

«— Оставьте въ покоѣ женщинъ, торопливо перебила я: — мнѣ нуженъ серьезный отвѣтъ: да или нѣтъ.

«Докторъ всталъ и обвѣлъ рукою вокругъ комнаты съ чрезвычайной важною и достоинствомъ.

— Вы видите это обширное заведеніе, началъ онъ: — вы можете по возможности опредѣлить до какой степени мнѣ дороги его благоденствіе и успѣхъ. Вашъ превосходный природный смыслъ долженъ скзать вамъ, что начальникъ этой лечебницы долженъ быть человѣкъ самой неващтанной репутаціи...

«— Зачѣмъ терять такъ много словъ, перебила я: — когда достаточно одного слова? Вы хотите сказать нѣтъ!

«Владѣлецъ лечебницы вдругъ перешолъ къ роли моего довѣреннаго друга.

«— Въ эту минуту ни да ни нѣтъ, сказалъ онъ: — Дайте мнѣ время до завтрашняго полудня: къ тому времени я обязуюсь быть готовъ къ одному изъ двухъ: или совсѣмъ отказаться отъ этого дѣла, или приняться за него всѣмъ сердцемъ и всею душой. Вы согласны на это? Очень хорошо, очень хорошо! Мы можемъ оставить этотъ предметъ до завтра. Куда я могу захватить нѣ вамъ, когда я рѣшу что мнѣ дѣлать?

«Я не видѣла никакого препятствія отдать ему мой адресъ въ гостинницѣ. Я позаботилась явиться туда какъ «мистриссъ Армедэль», а Мидуинтеру дала адресъ ближайшей почтовой конторы, куда онъ долженъ адресовать отвѣты на мои письма. Мы

назначили часъ, въ которой докторъ долженъ заѣхать ко мнѣ, и устроивъ это дѣло, я встала, отказываясь отъ предложенія закусить и показать мнѣ весь домъ. Его настойчивость поддерживать наружное приличіе послѣ того, какъ мы поняли другъ друга, сдѣлалась мнѣ противна. Я ушла отъ него такъ скоро, какъ только могла, и вернулась къ моему дневнику въ моей комнатѣ. Мы посмотримъ, какъ это кончится завтра; мнѣ сдаётся, что мой довѣренный другъ скажетъ: да».

«*Ноября 24.*—Докторъ сказалъ да, какъ я предполагала, но на условіяхъ, которыхъ я никогда не ожидала. Условіе, по которому я приобрѣла его услуги, состоитъ ни болѣе ни менѣе въ томъ, чтобы я заплатила ему, когда займу мѣсто армедэлевой вдовы, половину моего годового дохода, другими словами: шестьсотъ фунтовъ!

Я протестовала противъ этого требованія всякими, способами какіе только могла придумать. Всё это ни къ чему не повело. Докторъ объяснился со мною съ самой обязательной откровенностью. Онъ сказалъ, что ничего, кромѣ случайныхъ затрудненій въ его положеніи въ настоящее время, не могло заставить его вмѣшаться въ это дѣло. Онъ откровенно признался, что онъ истощилъ свои собственныя средства и средства другихъ людей, которыхъ онъ называлъ своими покровителями на покупку и окончательное устройство лечебницы. При подобныхъ обстоятельствахъ шестьсотъ фунтовъ были для него цѣлью. За эту сумму онъ готовъ былъ подвергнуться серьёзному риску совѣтовать помогать мнѣ. Ни однимъ фартингомъ менѣе не прельститъ его сумма — и онъ оставитъ дѣло съ своими лучшими и дружескими желаніями въ моихъ рукахъ!

«Это кончилось единственнымъ способомъ, какимъ только могло кончиться. Мнѣ не оставалось другого выбора, какъ принять это условіе и предоставить доктору устроить это дѣло тотчасъ, какъ онъ хочетъ. Когда это дѣло было устроено между нами, я должна отдать ему справедливость и сказать, что онъ не выказалъ намѣренія дать травѣ вырости подъ его ногами. Онъ спросилъ перо, чернила и бумагу и посоветовалъ открыть компанію въ Торп-Эмбросѣ съ сегодняшней почтой.

«Мы условились въ формѣ письма, которое я написала, а

онъ тотчасъ же переписалъ. Я не входила въ подробности, я просто извѣщала, что я вдова умершаго мистера Армэдэля, что я секретно обвинчалась съ нимъ, что я воротилась въ Англию, когда онъ отправился на яхтѣ изъ Неаполя, и что я владыкаю въ моё письмо копію съ моего брачнаго свидѣтельства, какъ формальность, которую, я полагаю, было въ обыкновеніи исполнять. Письмо было адресовано къ «Представителямъ покойнаго Аллена Армэдэля, эсквайра, въ Торп-Эмбросъ въ Норфолькѣ». Самъ докторъ отвёсъ письмо на почту.

« Я жду результатовъ съ такимъ волненіемъ, съ такимъ нетерпѣніемъ теперь, когда первый шагъ сдѣланъ. Мысль о Мидуинтерѣ преслѣдуетъ меня, какъ привидѣніе. Я опять писала къ нему, какъ прежде, для поддержанія приличія. Я думаю, что это будетъ моё послѣднее письмо. Мужество моё колеблется, расположеніе духа становится уныло, когда мои мысли возвращаются въ Туринъ. Я не болѣе способна соображать о Мидуинтерѣ въ эту минуту, какъ и прежде. День расчота съ нимъ, прежде отдалённый и сомнительный, можетъ настать теперь—я сама не знаю, какъ скоро. А я еще слѣпо полагаюсь на случайности.

«*Ноября 25.*—Сегодня въ два часа докторъ опять зашелъ ко мнѣ, какъ мы условились. Онъ ходилъ къ своимъ стряпчимъ (разумѣется, не повѣряя имъ ничего) просто для того, чтобы доказать мой бракъ. Результатъ подтверждаетъ то, что онъ уже мнѣ говорилъ. Ось, на которой будетъ вертѣться всё дѣло, если мои права будутъ оспаривать, это—вопросъ о личности; и можетъ быть окажется необходимо для свидѣтеля дать показаніе въ присутствіи судей на этой недѣлѣ.

«Въ такомъ положеніи дѣла докторъ считаетъ важнымъ, чтобы мы были не далеко другъ отъ друга и предлагаетъ найти спокойную квартиру для меня по сосѣдству съ нимъ. Я совершенно готова отправиться куда бы то ни было потому-что между другими странными фантазіями, овладѣвшими мною, у меня есть мысль, что я болѣе буду потеряна для Мидуинтера, если выйду изъ окрестностей того мѣста, куда онъ адресуетъ ко мнѣ письма. Я не спала и думала о нёмъ опять прошлую ночь. Сего-

дня утромъ я окончательно рѣшилась не писать къ нему болѣе.

«Пробывъ у меня полчаса, докторъ оставилъ меня, освѣдомившись прежде желаю ли я идти вмѣстѣ съ нимъ въ Гэмпстидъ отыскивать квартиру. Я сообщила ему, что у меня есть дѣло, которое задержитъ меня въ Лондонѣ. Онъ спросилъ меня какое это дѣло.

«— Вы увидите, отвѣчала я:—завтра или послѣзавтра.

«Со мною сдѣлался первый трепеть, когда я осталась одна. Моё дѣло въ Лондонѣ, кромѣ того, что оно было серьёзно въ глазахъ женщины, воротило мои мысли къ Мидуинтеру вопреки моей волѣ. Переѣздъ на новую квартиру напомнилъ мнѣ о необходимости одѣться прилично моей новой роли. Настало время надѣть *вдовій трауръ*.

«Первымъ моимъ дѣломъ, когда я надѣла шляпку, было—достать денегъ. Я достала то, что мнѣ было нужно для роли армэдэевой вдовы отъ продажи подарка Армэдэля мнѣ на свадьбу — рубиковаго кольца! Оно оказалось болѣе драгоценной вещью, чѣмъ я предполагала. По всей вѣроятности мнѣ долго не придётся беспокоиться о деньгахъ.

«Отъ бриллианщика я пошла къ большой траурной лавкѣ въ Регентской улицѣ. Въ двадцать четыре часа (если я не согласна ждать долѣе) тамъ обязались одѣть меня въ мой вдовій костюмъ съ головы до ногъ. Я имѣла еще лихорадочную минуту, когда ушла изъ лавки; и для дополненія сильныхъ ощущеній въ этотъ тревожный день меня ожидалъ сюрпризъ по моёмъ возвращеніи въ гостиницу. Мнѣ доложили, что меня ждётъ какой-то пожилой джентльменъ. Я отворила дверь моей гостиной—тамъ былъ старикъ Бэшудъ!

«Онъ получилъ моё письмо сегодня утромъ и отправился въ Лондонъ съ первымъ поѣздомъ, чтобы отвѣчать мнѣ лично. Я ожидала многого отъ него, но, конечно, не ожидала *этого*. Это польстило мнѣ. Я объявляю, что это польстило мнѣ.

«Я пропусеваю восторгъ и упрѣки, стоны и слѣзы, скучныя разглагольствованія противнаго старика объ одинокихъ мѣсяцахъ, проведѣнныхъ имъ въ Торн-Эмбросѣ, гдѣ онъ углублялся въ

мисси о томъ, что я бросила его. Онъ былъ чрезвычайно краснорѣчивъ иногда — но мнѣ не нужно здѣсь его краснорѣчія. Безполезно говорить, что я поправила съ нимъ всё дѣло и разузнала его чувства прежде чѣмъ спросила о новостяхъ. Какъ пріятно иногда женское тщеславіе! Я почти забыла мой рискъ и мою отвѣтственность, стараясь казаться очаровательной. Минуты двѣ я чувствовала тёплый трепеть торжества. Это было торжество — даже съ старикомъ! Черезъ четверть часа я заставила его улыбаться и хихикать, съ восторгомъ прислушиваться къ моимъ малѣйшимъ словамъ и отвѣчать на всѣ вопросы, которые я дѣлала ему, какъ послушнаго маленькаго ребёнка.

«Вотъ рассказъ о торп-эмбровскихъ дѣлахъ, какъ я осторожно добилась отъ него слово за слово:

«Во-первыхъ, извѣстіе о смерти Армэдэля дошло до миссъ Мильрой. Оно такъ поразило её, что отецъ ея былъ принуждёнъ взять её изъ школы. Она коротилась въ коттеджъ и докторъ каждый день бываетъ у нея. Сожалѣю ли я о ней? Да, я сожалѣю о ней точно такъ, какъ она когда-то сожалѣла обо мнѣ!

«Потомъ, положеніе дѣлъ въ большомъ домѣ, которое я ожидала понять съ нѣкоторымъ трудомъ, оказалось совершенно понятно и вовсе не такъ безнадежно. Только вчера стряпчіе съ обѣихъ сторонъ пришли въ соглащенію. Мистеръ Дарчъ (фамилійный нотаріусъ Блэнчардовъ и жестокій врагъ Армэдэля въ прежнее время) представляетъ интересы миссъ Блэнчардъ ближайшей наслѣдницы имѣнія, которая, какъ оказывается, была въ Лондонѣ уже нѣсколько времени по своимъ собственнымъ дѣламъ. Мистеръ Смартъ изъ Норвича (которому было поручено надзирать за Бэшудомъ въ управительской конторѣ) представляетъ покойнаго Армэдэля, и вотъ что стряпчіе рѣшили между собой:

«Мистеръ Дарчъ, дѣйствуя за миссъ Блэнчардъ, потребовалъ владѣнія имѣніемъ и право получить доходы по расчету за рождественскій срокъ, отъ ея имени. Мистеръ Смартъ, съ своей стороны, согласился, что просьба фамиліаго стряпчаго имѣетъ большой вѣсъ. Онъ не видитъ, при настоящемъ положеніи дѣла, чтобы онъ могъ оспаривать смерть Армэдэля и соглашается не

сопротивляться этой просьбѣ, если мистеръ Дарчъ согласится съ своей стороны принять отвѣтственность въ томъ, что онъ вступаетъ во владѣніе отъ имени миссъ Блэнчардъ. Это мистеръ Дарчъ уже сдѣлалъ и имѣніе находится теперь во владѣніи миссъ Блэнчардъ.

«Послѣдствіемъ этого образа дѣйствій будетъ (какъ думаетъ Бэшудъ) поставить мистера Дарча въ положеніе человѣка, который рѣшитъ имѣю ли я право на положеніе вдовы и на ея деньги. Такъ какъ доходъ вдовы опредѣленъ съ имѣнія, то онъ долженъ выйти изъ кармана миссъ Блэнчардъ, а слѣдовательно вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выплачивать его, будетъ вопросомъ для стряпчачаго миссъ Блэнчардъ. Завтрашній день, вѣроятно, рѣшитъ справедливъ ли этотъ взглядъ, потому что моё письмо къ представителямъ Армэдэля должно быть получено въ большомъ домѣ сегодня утромъ.

«Вотъ чтó старикъ Бэшудъ разсказалъ мнѣ. Возвративъ моё вліяніе надъ нимъ и узнавъ отъ него всё свѣдѣнія, я должна была прежде всего сообразить какую пользу извлечь изъ него въ будущемъ. Онъ былъ совершенно въ моихъ рукахъ, потому что его мѣсто въ управительской конторѣ уже занялъ повѣренный миссъ Блэнчардъ и Бэшудъ горячо упрашивалъ позволить ему остаться и служить моимъ интересамъ въ Лондонѣ. Не было ни малѣйшей опасности позволить ему остаться, потому что я, разумѣется, оставила его при его убѣжденіи, что я дѣйствительно вдова Армэдэля Торп-Эмбросскаго. Но, пользуясь ресурсами доктора, я не нуждалась ни въ какой помощи въ Лондонѣ, и мнѣ пришло въ голову, что я могу сдѣлать Бэшуда гораздо полезнѣе, если отправлю его въ Норфолькъ наблюдать тамъ за событіями для моихъ интересовъ.

«Онъ горько разочаровался (имѣя очевидно въ виду ухаживать за мною въ моёмъ вдовьемъ положеніи!), когда я сказала ему къ какому заключенію я пришла. Но нѣсколько убѣдительныхъ словъ и скромный намёкъ, что онъ можетъ питать надежды въ будущемъ, если будетъ служить мнѣ съ повинovenіемъ въ настоящемъ, удивительно примирили его съ необходимостью исполнить мое желаніе. Онъ спросилъ «инструкцій», когда пришла

пора оставить меня и воротиться въ Норфолькъ съ вечернимъ поѣздомъ. Я не могла дать ему никакихъ инструкцій, потому что я не имѣла еще ни малѣйшаго понятія о томъ, что сдѣлаютъ или чего не сдѣлаютъ стряпчіе.

«— Но если что-нибудь случится, настаивалъ онъ: — чего я не пойму, что мнѣ дѣлать такъ далеко отъ васъ?»

«Я могла дать ему только одинъ отвѣтъ:

«— Не дѣлайте ничего, сказала я: — что ни случилось бы, молчите и напишите, или пріѣзжайте тотчасъ въ Лондонъ посоветоваться со мною.

«Съ этими прощальными наставленіями мы условились въ регулярной перепискѣ. Я позволила Бэшуду подаловать мою руку и отправила его на желѣзную дорогу.

«Теперь, когда я опять одна и могу думать спокойно о свиданіи между мною и моимъ пожилымъ поклонникомъ, я припоминаю нѣкоторую перемѣну въ обращеніи старика Бэшуда, которая приводила меня въ недоумѣніе въ то время и приводитъ въ недоумѣніе еще и теперь.

«Даже въ первыя минуты волненій, когда онъ увидалъ меня, мнѣ показалось, что глаза его покоились на моемъ лицѣ съ новымъ интересомъ, пока я разговаривала съ нимъ. Кромѣ этого, онъ сказалъ потомъ нѣсколько словъ о своей одинокой жизни въ Торп-Эмбросѣ, въ которыхъ подразумѣвалось, что его поддерживало въ его одиночествѣ чувство увѣренности о его будущихъ сношеніяхъ со мною, когда мы встрѣтимся. Если бы онъ былъ моложе и смѣлѣе (и если бы подобное открытіе было возможно), я почти готова была бы подозрѣвать его въ томъ, что онъ узналъ кое-что о моей прошлой жизни, внушившее ему увѣренность сдерживать меня, если я вздумаю опять обмануть и бросить его. Но подобная мысль въ отношеніи старика Бэшуда, просто, нелѣпа. Можетъ быть я черезчуръ взволнована неизвѣстностью и безпокойствомъ моего настоящаго положенія; можетъ быть чистыя фантазіи и подозрѣнія сбиваютъ меня съ толку, какъ бы то ни было, меня занимаютъ теперь болѣе серьезныя предметы чѣмъ старикъ Бэшудъ. Завтрашняя почта можетъ сказать мнѣ что думаютъ представители Армедэля о правахъ армедэлевой вдовы.

«*Ноября 26.* — Отвѣтъ получонъ сегодня въ письмѣ (какъ предпологала Бэшудъ) мистера Дарча. Угрюмый старый стряпчий отвѣчаетъ на моё письмо въ трёхъ строчкахъ. Прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ какой-нибудь шагъ или выразитъ какое-нибудь мнѣніе на этотъ счётъ, ему нужны доказательства личности и брачнаго свидѣтельства—и онъ осмѣливается сообщить, что прежде чѣмъ мы пойдёмъ далѣе, желательно было бы дать ему возможность обратиться къ моимъ повѣреннымъ!

«*Два часа.* — Докторъ зашолъ векоръ послѣ двѣнадцати часовъ сказать, что онъ нашолъ квартиру для меня на двадцать минутъ ходьбы отъ Лечебницы. Взамѣнъ его новостей, я показала ему письмо мистера Дарча. Онъ тотчасъ отнёсъ его къ своимъ стряпчимъ и воротился съ необходимыми свѣдѣніями для моего руководства. Я отвѣчала мистеру Дарчу, препроводивъ къ нему адресъ моихъ повѣренныхъ — то есть стряпчихъ доктора — не дѣлая никакихъ комментарій о желаніи, выраженномъ имъ о доказательствахъ моего брака. Вотъ всё, что могло быть сдѣлано сегодня. Завтрашій день принесётъ съ собою событія чрезвычайно интересныя, потому что завтра докторъ сдѣлаетъ показаніе передъ судьёй, завтра же я переѣду въ мою новую квартиру въ вдовьемъ траурѣ.

«*Ноября 27.* — *Феруэтерская вилла.* — Показаніе было сдѣлано со всеми необходимыми формальностями. А я перѣхала въ мою новую квартиру въ моёмъ вдовьемъ костюмѣ.

«Мнѣ слѣдовало бы придти въ волненіе при началѣ этого новаго акта въ драмѣ и при отважной роли, которую я играю въ ней сама. Странно сказать, я спокойна и уныла. Мысль о Мидуинтерѣ преслѣдуетъ меня и въ моёмъ новомъ жилищѣ и страшно тяготитъ меня въ эту минуту. Я не боюсь, чтобы случилось что-нибудь въ промежуткѣ, который долженъ еще пройти прежде чѣмъ я публично займу мѣсто армэдэлевой вдовы. Но когда наступитъ это время и когда Мидуинтеръ найдётъ меня (а найти меня онъ долженъ рано или поздно) въ моей фальшивой роли и въ положеніи, захваченномъ мною—*тогда*, я спрашиваю себя, что случится? Отвѣтъ является, какъ явился мнѣ сегодня утромъ, когда я надѣвала вдовье платье.

И теперь, какъ тогда, въ моей душѣ поселилось предчувствіе, что онъ убьетъ меня. Еслибы не было слишкомъ поздно отступить... Нелѣпость! Закрою мой дневникъ.

«*Ноября 28.*—Стряпчие получили письмо отъ мистера Дарча и послали ему показаніе свидѣтеля съ первой почтой.

«Когда докторъ принёсъ мнѣ это извѣстіе, я спросила его, извѣстенъ ли его стряпчимъ мой настоящій адресъ, и узнавъ, что онъ еще не сообщилъ его имъ, я просила его продолжать сохранять его втайнѣ. Докторъ засмѣялся.

«— Вы боитесь, что мистеръ Дарчъ подкрадется къ намъ и лично атакуетъ васъ? спросилъ онъ.

«Я согласилась съ этимъ обвиненіемъ, какъ съ самымъ легкимъ способомъ заставить его исполнить мою просьбу.

«— Да, сказала я: — я боюсь мистера Дарча.

«Я нѣсколько ободрилась послѣ ухода доктора: есть пріятное ощущеніе безопасности въ мысли, что никто изъ постороннихъ не знаетъ моего адреса. Я довольно спокойна душевно сегодня, чтобы примѣтить, какъ мнѣ къ лицу мой вдовій трауръ и чтобы заставить себя быть любезной съ людьми въ домѣ.

«Мидуинтеръ опять разстроилъ меня прошлую ночь, но я преодолѣла призрачное заблужденіе, овладѣвшее мною вѣчера. Теперь я убѣдилась, что я не должна опасаться насилія отъ него, когда онъ узнаетъ что я сдѣлала; а еще менѣе можно опасаться, чтобы онъ унизился до представленія своего права на женщину, которая такъ обманула его, какъ я. Единственное серьезное испытаніе, которому я буду подвержена, когда наступитъ день расчета, будетъ заключаться въ томъ, чтобы поддержать мою фальшивую роль въ его присутствіи. Послѣ этого меня спасутъ его презрѣніе и отвращеніе. Въ тотъ день, когда я отрекусь отъ него передъ нимъ, я увижу его въ послѣдній разъ.

«Буду ли я способна отречься отъ него передъ нимъ? Буду ли я способна смотрѣть на него и говорить съ нимъ какъ-будто онъ никогда не былъ для меня болѣе чѣмъ другъ? Какъ могу я это знать, пока не наступитъ время? Была ли когда на свѣтѣ такая ослѣпленная дура, какъ я, чтобы писать о немъ, когда это только побуждаетъ меня думать о немъ? Я приму новую рѣши-

мость. Съ этого времени его имя болѣе не будетъ являться на этихъ страницахъ.

«Понедѣльникъ, декабря 1. — Послѣдній мѣсяцъ истекающаго стараго года, тысяча восемьсотъ пятьдесятъ-перваго! Еслибы я позволила себѣ оглянуться назадъ, какой жалкій годъ увидѣла бы я прибавленнымъ ко всемъ другимъ жалкимъ истекшимъ годамъ! Но я приняла намѣреніе смотрѣть только впередъ и намѣрена сдержать его.

«Мнѣ нечего записывать о послѣднихъ двухъ дняхъ, кромѣ того, что двадцатьдевятого числа я вспомнила о Бэшудѣ и написала къ нему о моёмъ новомъ адресѣ. Въ то утро стряпчіе опять получили извѣстіе отъ мистера Дарча. Онъ увѣдомляетъ о полученіи показанія, но откладываетъ извѣстить о рѣшеніи, къ которому онъ пришолъ, до-тѣхъ-поръ, пока не спишется съ душеприкащиками завѣщанія покойнаго мистера Блэнчарда, и пока не получитъ окончательныхъ инструкцій отъ своей клиентки, миссъ Блэнчардъ. Стряпчіе доктора объявили, что это послѣднее письмо, просто, уловка для того, чтобы выиграть время, съ какою цѣлью — они, разумѣется, не могли отгадать. Самъ докторъ говоритъ шутливо, что это обыкновенная цѣль стряпчихъ для того, чтобы подать длинный счетъ. Мнѣ кажется, что мистеръ Дарчъ подозрѣваетъ что-то и что его цѣль стараться выиграть время...

«Десять часовъ вечера. — Я написала эту послѣднюю неконченную фразу (къ четырёмъ часамъ пополудни), когда меня испугалъ стукъ кѣба, подъѣхавшаго къ двери. Я подошла къ окну и только-что успѣла увидать старика Бэшуда, выходившаго изъ кѣба съ проворствомъ, къ которому я не сочла бы его способнымъ. Я такъ мало ожидала страшнаго открытія, предстоящаго мнѣ черезъ минуту, что я повернулась къ зеркалу и спрашивала себя, что чувствительный старикъ скажетъ мнѣ о моёмъ вдовьемъ чепчикѣ.

«Какъ только онъ вошелъ въ комнату, я увидала, что случилось какое-то серьезное несчастье. Глаза его были дики, парикъ сдвинулся на сторону. Онъ подошелъ ко мнѣ съ странной смѣсью торопливости и смущенія.

— Я сдѣлалъ, какъ вы велѣли мнѣ, шепнулъ онъ, едва переводя духъ. — Я промолчалъ и прямо пріѣхалъ къ вамъ.

«Онъ схватилъ меня за руку прежде чѣмъ я успѣла заговорить, съ смѣлостью, совершенно новою въ немъ для меня.

— О! какъ могу сказать я это вамъ? вырвалось у него. — Я внѣ себя, когда подумаю объ этомъ!

«— Когда вы можете говорить, сказала я, сажая его на стулъ:—говорите. Я вижу по вашему лицу, что вы привезли мнѣ извѣстія изъ Торп-Эмброза, которыхъ я не ожидала.

«Онъ засунулъ руку въ карманъ сюртука и вынулъ письмо. Онъ посмотрѣлъ на письмо и посмотрѣлъ на меня.

«— Извѣстія... извѣстія... извѣстія, которыхъ вы не ожидали, пролепеталъ онъ: — но не изъ Торп-Эмброза!

«— Не изъ Торп-Эмброза?

«— Нѣтъ. Съ моря!

«Первый проблескъ истины засіялъ на меня при этихъ словахъ. Я не могла говорить, я могла только протянуть руку къ нему за письмомъ. Онъ еще не рѣшался отдать его мнѣ.

«— Я не смѣю... я не смѣю! сказалъ онъ себѣ безмысленно. — Это потрясеніе можетъ быть для нея смертельно.

«Я выхватила у него письмо. Одного взгляда на почеркъ адреса было довольно. Руки мои опустились на мои колѣна, крѣпко сжавъ письмо. Я сидѣла окаменѣвъ, двигаясь, не говоря, не слыша ни одного слова изъ того, что Бэшудъ говорилъ мнѣ, и медленно осваиваясь съ ужасной истиной. Человѣкъ, на личность вдовы котораго я предъявляла права, былъ живъ! Напрасно отравила я лимонадъ въ Неаполѣ, напрасно предала его обманомъ въ руки Мануэля. Два раза я разставляла для него силки и два раза Армэдэль спасся отъ меня!

«Я опять образумилась и нашла плачущаго Бэшуда на колѣнахъ у моихъ ногъ.

«— Вы, кажется, разсердились, бормоталъ онъ: — вы разсердились на меня? О! еслибы вы только знали, какія надежды имѣлъ я, когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, и какъ жестоко это письмо разбило ихъ всѣхъ въ прахъ!

«Я оттолкнула жалкаго старика отъ себя, но очень тихо.

«— Шш! сказала я: — не огорчайте меня теперь, мнѣ нужно спокойствіе — я должна прочитать письмо.

«Онъ покорно отошелъ на другой конецъ комнаты. Я слышала какъ онъ сказалъ самъ себѣ съ бессильной злостью:

«— Если бы море раздѣляло мои мысли, то оно утопило бы его!

«Я медленно развернула письмо, чувствуя, между тѣмъ, странную неспособность устремить мое вниманіе на тѣ самыя строчки, которыя я горѣла нетерпѣніемъ прочесть. Но зачѣмъ распространяться далѣе объ ощущеніяхъ, которыхъ я описать не могу? Гораздо ближе будетъ къ цѣли, если я перепишу все письмо для будущихъ ссылокъ на этой страницѣ моего дневника.

«Фіуме, Иллирія, ноября 21, 1851.

«Мистеръ Бэшудъ.

«Городъ, изъ котораго я пишу къ вамъ, удивитъ васъ и вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете какимъ образомъ я пишу къ вамъ изъ гавани Адриатическаго моря.

«Я былъ жертвой злодѣйскаго покушенія воровства и убійства. Воровство удалось, и только по милосердію Господа не удалось убійство.

«Я нанялъ яхту болѣе мѣсяца тому назадъ въ Неаполѣ, и отправился (съ радостью думаю теперь), не имѣя съ собою друзей, въ Мессину. Изъ Мессины я отправился въ Адриатическое море. Черезъ два дня насъ застигла буря. Бури поднимаются и утихаютъ очень скоро въ тѣхъ странахъ. Яхта держала себя благородно — право у меня слезы на глазахъ теперь, когда я подумаю, что она на днѣ моря! Къ солнечному закату буря начала уменьшаться, а къ полночи, кромѣ небольшого волненія, море стало довольно спокойно. Я пошелъ въ каюту немного усталый (я помогалъ управляться съ яхтой пока продолжалась буря) и заснулъ черезъ пять минутъ. Часа черезъ два меня разбудило что-то упавшее въ мою каюту въ щель вентилятора въ верхней части двери. Я вскочилъ и нашолъ лоскутокъ бумажки, въ которую былъ завѣрнутъ ключъ и на которой было написано съ внутренней стороны почеркомъ, который было не очень легко прочесть.

«До-сихъ-порѣ я не имѣлъ ни тѣни подозрѣнія, что я нахожусь въ морѣ одинъ съ шайкою злодѣевъ (кромѣ одного), которые не останутся ни зачѣмъ. Я находился въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ шкиперомъ (самымъ худшимъ злодѣемъ изъ всей шайки) и еще въ лучшихъ съ его англійскимъ помощникомъ. Такъ какъ матросы все были иностранцы, то мнѣ нечего было съ ними говорить. Они исполняли своё дѣло и ни ссоръ и ничего непріятнаго не случалось. Если бы ктонибудь узналъ мнѣ, прежде чѣмъ я легъ въ постель ночью послѣ бури, что шкиперъ, экипажъ и помощникъ шкипера (который казался сначала не лучше остальныхъ) были все въ заговорѣ, чтобъ украсть у меня деньги, а потомъ утопить меня на моей собственной яхтѣ, я затѣялся бы ему въ лицо. Помните это; а потомъ представьте себѣ (потому что право я не могу вамъ разсказать), что я долженъ былъ подумать, когда я развернулъ бумагу, въ которой былъ завѣрнуть ключъ, и простите, что я теперь списываю (съ письма помощника):

«Сэръ, встаньте въ постели, пока не услышите, что спускаютъ лодку съ штирборда—или вы будете убиты. Ваши деньги украдены и черезъ пять минутъ дно яхты будетъ прорублено, а дверь вашей каюты забита гвоздями. Мертвые ничего не могутъ разсказать, а шкиперъ намѣренъ оставить доказательства на морѣ, что яхта пошла ко дну со всеми находившимися на ней. Это его выдумка и мы все замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. Я никакъ не могу удержаться, чтобъ не дать вамъ возможность спасти вашу жизнь. Возможность плохая, но я не могу сдѣлать болѣе. Я самъ буду убитъ, если не подамъ вида, что дѣйствую вмѣстѣ со всеми. Ключъ отъ двери вашей каюты я бросаю вамъ въ этомъ письмѣ. Не пугайтесь, когда вы услышите стукъ молотка: я буду забивать вашу дверь и у меня въ рукѣ будутъ короткіе гвозди вмѣстѣ съ длинными, и употреблю только короткіе. Подождите, пока вы услышите какъ лодка со всеми нами спущена на море, а потомъ выломите дверь каюты, прислонившись къ ней спиной. Яхта проливаетъ съ четверть часа послѣ того, какъ въ ней будутъ посверлены дыры. Бросьтесь въ море съ лѣвой стороны и держите яхту между вами и лодкой: вы найдёте множество разнаго хлама, выброшеннаго нарочно, на которомъ вы можете прѣддержаться. Ночь тихая, морѣ гладкое и можетъ быть какой-нибудь корабль подберётъ васъ, пока вы будете еще живы. Я не могу сдѣлать болѣе. — Искренно вамъ преданный «Д. М».

«Когда я дошелъ до этихъ послѣднихъ словъ, я услышалъ стукъ молотка. Не думаю, чтобы я былъ трусливѣе многихъ, но была минута, когда потъ облилъ меня какъ дождь. Я опомнился

прежде чѣмъ прекратился стукъ молотка, и началъ думать объ особѣ, очень дорогой для меня въ Англїи, я сказалъ себѣ: «я попытаюсь спасти мою жизнь, хотя вся возможность къ спасенію противъ меня».

«Я положилъ письмо отъ особы, о которой я упомянулъ, въ одну изъ бутылокъ въ моей шкагулкѣ, вмѣстѣ съ предостерегательнымъ письмомъ помощника на случай, если я доживу до того, чтобы увидѣть его опять. Я повѣсилъ эту бутылку и фляжку съ уиски на перевязь на шею, и сначала одѣлся въ моёмъ смущеніи, потомъ одумался и опять раздѣлся, чтобы плыть только въ рубашкѣ и подштанникахъ. Въ то время, какъ я сдѣлалъ это, стукъ молотка прекратился и настала такая тишина, что я могъ слышать, какъ вода вливалась въ прозверленное дно яхты. Потомъ я услышалъ шумъ лодки и сидѣвшихъ въ ней злодѣевъ (исключая моего друга помощника), спускавшихся съ правой стороны. Я подождалъ пока услышу шумъ вѣселъ на водѣ, а потомъ прислонился спиною къ двери. Помощникъ шкипера сдержалъ своё обѣщаніе: я легко отворилъ, выползъ на палубу, подъ прикрытіемъ больверка, на четверенькахъ и бросился въ море съ лѣвой стороны. На морѣ плавало множество вещей; я схватилъ первую попавшуюся мнѣ вещь—курятникъ—и отплылъ вмѣстѣ съ нимъ ярдовъ двѣсти, оставляя яхту между мною и лодкой. Отплывъ на это разстояніе, я почувствовалъ припадокъ дрожи и остановился (боясь судорогъ) чтобы, проглотить водки изъ моей фляжки. Закупоривъ опять фляжку, я оглянулся назадъ и увидаль, что яхта тонеть.

Еще черезъ минуту между мною и лодкой не было ничего, кромѣ обломковъ, будто бы послѣ кораблекрушенія нарочно брошенныхъ, чтобы носиться по морю. Сіяла луна. И еслибы на лодкѣ была зрительная труба, то мнѣ кажется, они могли бы видѣть мою голову, хотя я старательно держалъ курятникъ между мною и ими.

«Они гребли вѣслами и я слышалъ громко спорившіе голоса. Послѣ того, что показалось мнѣ вѣкомъ, я примѣтилъ о чомъ шолъ споръ. Носъ лодки былъ вдругъ повѣрнуть въ мою сторону. Какой-то злодѣй, поумнѣе остальныхъ (навѣрно шкиперъ),

очевидно уговорил их воротиться къ тому мѣсту, гдѣ потонула яхта, и удостовѣриться, что я пошолъ ко дну вмѣстѣ съ нею.

«Они были уже на половинѣ дороги разстоянія, раздѣлявшаго насъ, и я считалъ себя погибшимъ, когда услыхалъ крикъ одного изъ нихъ и увидаль, что лодка вдругъ остановилась. Минуты черезъ двѣ лодку опять повернули и стали грести отъ меня, какъ люди старающіеся спасти свою жизнь.

«Я посмотрѣлъ въ одну сторону, къ землѣ, и ничего не увидаль; я посмотрѣлъ въ другую сторону, къ морю, и увидаль то, что экипажъ лодки примѣтилъ прежде меня—парусъ вдали, становившійся всё виднѣе и больше при лунномъ сіяніи, чѣмъ долѣе я на него смотрѣлъ. Черезъ четверть часа корабль могъ услышать мой крикъ и экипажъ подобралъ меня.

«Это всё были иностранцы и совершенно оглушили меня своей болтовней. Я пробовалъ объясниться знаками, но прежде чѣмъ я успѣлъ заставить ихъ понять меня, со мною сдѣлался еще припадокъ дрожи и меня отнесли внизъ. Я не сомнѣваюсь, что корабль шолъ своимъ путѣмъ, но я не былъ въ состояніи узнать о нёмъ что-нибудь. Передъ утромъ я былъ въ горячкѣ и съ того времени я не помню ничего до-тѣхъ-поръ, пока очнулся здѣсь и увидаль себя на попеченіи венгерскаго кушца, получателя товаровъ (какъ они это называютъ) береговаго корабля, который спасъ меня. Онъ говоритъ по-англійски также хорошо и даже лучше чѣмъ я, и обращается со мною съ добротой, которую у меня не достанетъ словъ расхвалить. Когда онъ былъ молодой человѣкъ, онъ самъ былъ въ Англии, учился торговому дѣлу и говоритъ, что воспоминанія о нашемъ отечествѣ привлекли его сердце къ англичанину. Онъ снабдилъ меня платьемъ, далъ мнѣ денегъ, чтобы пуститься въ путь, какъ только докторъ позволитъ мнѣ ѣхать домой. Если со мною не возобновится припадокъ болѣзни, я буду въ состояніи ѣхать черезъ недѣлю послѣ этого. Если я поспѣю къ почтовой каретѣ въ Триестъ и вынесу усталость, я возвращусь въ Торп-Эмбросъ черезъ недѣлю или дней десять, ужь никакъ не долѣе послѣ того, какъ вы получите моё письмо. Вы согласитесь со мною, что это страшно длинное письмо, но я никакъ не могу. Я, ка-

жется, отсталъ отъ моей прежней привычки выразаться кратко и кончить на первой страницѣ. Впрочемъ, я теперь уже кончаю, потому что мнѣ ни о чемъ болѣе не остается упомянуть, громъ о причинѣ почему я пишу о томъ, что случилось со мною, а не жду пока приѣду домой и расскажу всё изустно.

«Я думаю, что моя голова еще отуманена моей болѣзною. По-крайней-мѣрѣ мнѣ только сегодня утромъ пришло въ голову, что какой-нибудь корабль, вѣроятно, прошелъ мимо того мѣста, гдѣ яхта пошла ко дну и подобралъ мебель и другія вещи, выброшенная изъ нея въ море. Въ такомъ случаѣ какіе-нибудь ложные слухи о томъ, что я утонулъ, могли достигнуть Англій. Если это случилось (я молю Бога, чтобы это было неосновательное опасеніе съ моей стороны), ступайте прямо въ коттеджъ майора Мильроя, покажите ему это письмо—я написалъ его столько же для него, сколько и для васъ — а потомъ дайте ему вложенную записку и спросите его не оправдываютъ ли по его мнѣнію обстоятельства мою надежду, что онъ отправитъ эту записку къ миссъ Мильрой. Я не могу объяснить почему я не пишу прямо къ майору или къ миссъ Мильрой, а къ вамъ. Я могу только сказать, что есть уважительныя причины, которыя я обязался честью не нарушать, принуждающія меня дѣйствовать такимъ окольнымъ путемъ.

«Я не прошу васъ отвѣчать на это письмо, потому что я буду на возвратномъ пути домой, я надѣюсь за долго до того, какъ ваше письмо можетъ дойти до меня въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ. Что бы вы ни дѣлали, не теряя ни минуты, ступайте къ майору Мильрою. Известна ли погибель яхты въ Англій или нѣтъ—ступайте!

«Искренне вамъ преданный

«Аллэнъ Армэдэль.»

« Я подняла глаза, когда дошла до конца письма и увидала въ первый разъ, что Бэшудъ всталъ съ своего стула и помѣстился прямо противъ меня. Онъ пристально изучалъ мое лицо съ пытливымъ выраженіемъ чловѣка, который старается прочесть мои мысли. Глаза его вновю одурачились, встрѣтившись

съ моими, и онъ воротился къ своему стулу. Считаю меня дѣйствительно обвинянною съ Армэдэлемъ, старался ли онъ примѣтить хорошее или дурное извѣстіе, по моему мнѣнію, было извѣстіе и спасеніе Армэдэля? Тогда не было времени входить съ нимъ въ объясненія. Первое, что слѣдовало сдѣлать, это—тотчасъ же извѣстить доктора. Я подозвала Бэщуда къ себѣ и подала ему руку.

«— Вы оказали мнѣ услугу, сказала я: — которая дѣлаетъ насъ еще болѣе короткими друзьями чѣмъ прежде. Я послѣ скажу вамъ болѣе объ этомъ и о другихъ вещахъ, интересующихъ насъ обонхъ. Теперь я хочу, чтобы вы дали мнѣ письмо мистера Армэдэля (которое я обѣщаю вамъ привезти назадъ) и подождать здѣсь, пока я возвращусь. Сдѣлаете вы это для меня, мистеръ Бэщудъ?»

«Онъ отвѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ все, о чемъ я его попрошу. Я пошла въ спальную и надѣла шляпку и шаль.

«— Дайте мнѣ узнать нарѣдно нѣкоторые обстоятельства прежде чѣмъ я оставлю васъ, продолжала я, когда была готова выѣхать.—Вы никому, кромѣ меня, не показывали этого письма?»

«— Ни одна живая душа не видала его, кромѣ насъ двоихъ.

«— Что вы сдѣлали съ запиской къ миссъ Мидьрой?»

«Онъ вынулъ ея изъ кармана. Я быстро ея пробѣжала: увидала, что въ ней нѣтъ ни малѣйшей важности, и тотчасъ же бросила ея въ огонь. Сдѣлавъ это, я оставила Бэщуда въ гостиной и отправилась въ лечебницу съ письмомъ Армэдэля въ рукахъ.

«Докторъ выѣхалъ и слуга не могъ сказать положительно въ какое время онъ воротится. Я отправилась въ его кабинетъ и написала нѣсколько строгъ, приговорявшихъ его къ извѣстію, которое я привезла съ собою. Я запечатала мою записку вмѣстѣ съ письмомъ Армэдэля въ конвертъ и оставила до его возвращенія; потомъ я сказала слугѣ, что я опять зайду черезъ часъ, и ушла.

«Безполезно было возвращаться въ мою квартиру и говорить съ Бэщудомъ прежде чѣмъ я узнаю что докторъ намѣренъ дѣлать. Я ходила по близости взадъ и впередъ по новымъ улицамъ,

перекрёстамъ и сквѣрамъ съ какимъ-то тупымъ, онѣмѣлымъ чувствомъ, которое не допускало не только добровольнаго упражненія мысли, но и всякаго ощущенія тѣлесной усталости. Я вспомнила, что то же самое чувство тяготило меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ то утро, когда тюремные служители пришли за мною, чтобы вести меня въ судъ, гдѣ дѣло шло о моей жизни. Вся эта страшная сцена опять пришла ко мнѣ на память самымъ страннымъ образомъ, какъ-будто въ этой сценѣ участвовало какое-нибудь другое лицо. Раза два я спрашивала себя тяжолымъ безчувственнымъ образомъ, за чѣмъ меня не повѣсили.

«Когда я воротилась въ лечебницу, мнѣ сказали, что докторъ воротился уже съ полчаса и что онъ былъ въ своей комнатѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая меня.

«Я пошла къ нему въ кабинетъ и нашла его сидящимъ у камина, повѣсивъ голову и опираясь руками о колѣна. На столѣ возлѣ него, кромѣ письма Армэдэля и моей записки, я увидала въ небольшомъ кругу свѣта, бросаемаго лампой, открытый Указатель желѣзныхъ дорогъ. Не замышлялъ ли онъ о побѣгѣ? Не возможно было узнать по его лицу, когда онъ взглянулъ на меня, что онъ замышлялъ, или какъ этотъ ударъ поразилъ его, когда онъ узналъ, что Армэдэль живъ.

«— Сядьте около камина, сказалъ онъ: — сегодня сыро и холодно.

«Я сѣла молча. Докторъ съ своей стороны, молча потиралъ колѣна передъ огнѣмъ.

«— Вы ничего не имѣете сказать мнѣ? спросила я.

«Онъ всталъ и вдругъ снялъ абажуръ лампы такъ, что свѣтъ упалъ на моѣ лицо.

«— Вы кажется нездоровы, сказалъ онъ. — Что съ вами?

«— Голова моя тяжела, а глаза горять, отвѣчала я. — Вѣрно отъ погоды.

«Странно было, какъ мы оба удалялись отъ одного важнаго предмета, о которомъ разсуждать мы сошлись.

«— Я думаю, что чашка чаю сдѣлаетъ вамъ пользу, замѣтилъ докторъ.

«Я приняла его предложеніе и онъ приказалъ подавать

чай. Пока чай подавали, онъ ходилъ, взалъ и впередъ по комнатѣ, а я сидѣла у камина и ни слова не было сказано между нами. Чай оживилъ меня и докторъ примѣтилъ перемену къ лучшему въ моёмъ лицѣ. Онъ сѣлъ напротивъ меня у стола и наконецъ заговорилъ:

«— Еслибы у меня было десять тысячъ фунтовъ въ эту минуту, я отдалъ бы ихъ съ тѣмъ, чтобы не компрометировать себя въ вашей отчаянной спекуляціи на смерть мистера Армэдэля.

«Онъ сказалъ эти слова рѣзко, почти запальчиво, что странно не согласовалось съ его обыкновеннымъ обращеніемъ. Былъ ли онъ самъ испуганъ или старался испугать меня? Я рѣшилась заставить его объясниться прежде всего относительно того, что касалось меня.

«— Позвольте на минуту, докторъ, сказала я:—вы обвиняете меня въ томъ, что случилось?

«— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ онъ угрюмо:—ни вы и никто не могъ предвидѣть что случилось. Когда я говорю, что я отдалъ бы десять тысячъ, чтобы не участвовать въ этомъ дѣлѣ, я не осуждаю никого, кромѣ себя. А когда я скажу вамъ потомъ, что я не позволю воскресенію мистера Армэдэля погубить меня, не воспротивившись этому всѣми силами, я скажу вамъ одну изъ самыхъ простыхъ истинъ, когда-либо сказанныхъ мною мужчиной или женщиной во всю мою жизнь. Не предполагайте, чтобы я гнусно отдѣлялъ мои интересы отъ вашихъ въ общей опасности, теперь угрожающей намъ обоимъ. Я просто указываю разницу въ рискѣ, которому мы взаимно подвергались. Вы не употребили всѣхъ вашихъ ресурсовъ на обзаведеніе лечебницы; вы не сдѣлали ложнаго показанія передъ судьею, которое наказывается закономъ какъ влѣтвопреступленіе...

«Я опять его перебила. Его эгоизмъ сдѣлалъ мнѣ болѣе пользы, чѣмъ его чай: онъ пробудилъ мою бодрость.

«— Оставимъ въ покоѣ вашъ и мой рискъ и приступимъ къ дѣлу, сказала я.—Я вижу на вашемъ столѣ Указатель желѣзныхъ дорогъ: ужь не собираетесь ли вы бѣжать?

«— Бѣжать? повторилъ докторъ:—вы, кажется, забываете, что мои послѣднія деньги употреблены на это заведеніе.

«— Стало быть вы остаётесь здѣсь?

«— Непремѣнно!

«— А что вы намѣрены дѣлать, когда мистеръ Армэдэль придеть въ Англiю?

«Одинокая муха, послѣдняя изъ своего рода, пощажонная зимою, слабо жужжала около лица доктора. Онъ схватилъ её, прежде чѣмъ, отвѣчалъ мнѣ, и протянулъ черезъ столъ въ своей сжатой рукѣ.

«— Если бы эту муху называли Армэдэль, сказалъ онъ:— и если бы вы поймали его, какъ я поймалъ её теперь, что сдѣлали бы вы?

«Глаза его, устремлённые на моё лицо до-сихъ-поръ, значительно повернулись, когда онъ сдѣлалъ свой вопросъ, на моё вдовье платье. Я также посмотрѣла на моё платье. Трепетъ старой смертельной ненависти и стараго смертельнаго рѣшенія пробѣжалъ по мнѣ опять.

«— Я убила бы его, отвѣчала я.

«Докторъ вскочилъ (всё держа муху въ рукѣ) и посмотрѣлъ на меня. — черезчуръ театрално — съ выраженiемъ крайняго ужаса.

«— Убиди бы его! повторилъ докторъ въ пароксизмѣ добродѣтельнаго испуга. — Насиле—убiйство—въ моей лечебницѣ! Вы захватили у меня духъ!

«Я уловила его глаза, когда онъ выражался съ такимъ искусственнымъ негодоваиемъ, рассматривая меня съ пытливымъ любопытствомъ, которое, чтобы не сказать болѣе, не согласовалось съ пылкостью его языка и горячностью тона. Онъ тревожно засмѣялся, когда наши глаза встрѣтились, и возвратилъ своё гладко доврчивое обращенiе въ ту минуту, которая прошла, прежде чѣмъ, онъ заговорилъ опять.

«— Прошу тысячу извиненiй, сказалъ онъ:— мнѣ слѣдовало знать, что слова дамы нельзя принимать буквально. Позвольте мнѣ напомнить вамъ, однако, что обстоятельство слишкомъ серьёзно для... позвольте сказать, всякаго преувеличенiя или шутки. Вы услышите что я предлагаю, безъ дальнѣйшихъ предисловiй.

«Онъ остано­вил­ся и продолжалъ фигу­раль­но, упо­треб­ляя му­ху, за­клю­чи­тель­ную въ его ру­кѣ.

«— Вотъ мис­теръ Армэдэль. Я могу вы­пус­тить его или удер­жать, какъ хо­чу—и онъ это знаетъ. Я говорю ему, продол­жалъ докторъ, шу­тливо обра­щаясь къ му­хѣ: «Дайте мнѣ надле­жа­щее обез­пече­ние, Мис­теръ Армэдэль, что вы не пред­при­мете ничего про­тивъ этой да­мы или меня—и я вы­пущу васъ изъ ру­ки. Отка­жете, и ка­ковъ бы ни былъ рискъ, я васъ удержу». Можете ли вы сом­нѣ­ваться, ка­ковъ будетъ ран­ьше или позже от­вѣтъ мис­тера Армэ­дэ­ля? Можете ли вы сом­нѣ­ваться, ска­залъ докторъ, при­норов­ляя дѣй­ствіе къ сло­вамъ и вы­пуская му­ху:—что это кон­чится къ со­вер­шен­ному удо­воль­ствію, всѣхъ сто­ронъ та­кимъ об­ра­зомъ?

«— Я не скажу те­перь, от­вѣ­чала я:— сом­нѣ­ваюсь я или нѣтъ. Дайте мнѣ пре­жде увѣ­риться, что я по­нимаю васъ. Вы пред­ла­гаете, если я не оши­баюсь, за­переть д­вери этого мѣ­ста за мис­те­ромъ Армэ­дэ­лемъ и не вы­пус­кать его до тѣхъ поръ, пока онъ не со­гла­сится на усло­вія, ко­тор­я наши ин­те­ресъ тре­буетъ пред­ло­жить ему? Могу ли я спро­сить въ та­комъ слу­чаѣ, какъ вы намѣ­рены за­с­та­вить его войти въ ло­ву­шку, ко­торую вы раз­ста­вили для него здѣсь?

«— Я пред­ла­гаю, ска­залъ докторъ, по­ложивъ ру­ку на Ука­за­теля желѣз­ныхъ до­ро­гъ:—удосто­вѣ­риться, во­первыхъ, въ ка­кое время ка­ждый вечеръ въ этомъ мѣ­сѣцѣ при­хо­дятъ въ Лон­донъ поѣз­ды изъ Дувра и Фольк­сто­на, а потомъ я пред­ла­гаю по­слать че­ло­вѣка, извѣ­стнаго мис­те­ру Армэ­дэ­лю и на ко­торого вы и я можемъ по­ло­житься, ждать при­ѣзда поѣз­довъ и встре­тить мис­те­ра Армэ­дэ­ля въ ту ми­ну­ту, когда онъ вы­йдетъ изъ ва­гона.

«— Вы при­ду­ма­ли, спро­сила я:—кто дол­женъ быть этотъ че­ло­вѣкъ?

«— Тотъ самый къ ко­му адре­совано это пи­сьмо, ска­залъ докторъ, взявъ пи­сьмо Армэ­дэ­ля.

«От­вѣтъ испу­галъ меня. Не-уже-ли было воз­можно, что онъ и Бэ­шудъ зна­ли другъ дру­га? Я не­мед­ленно сдѣ­лала этотъ во­просъ.

«— До се­го­дняш­няго дня я даже не слы­хала имен­наго этого

господина, сказалъ докторъ: — я просто слѣдовалъ процесу выводовъ разсужденія, которымъ мы обязаны безсмертному Бэкону. Какъ это важное письмо попало въ ваши руки? Я не могу оскорблять васъ предположеніемъ, что оно было украдено. Слѣдовательно оно досталось вамъ съ согласія и позволенія человѣка, въ которому оно адресовано. Слѣдовательно этотъ человѣкъ пользуется вашимъ довѣріемъ. Слѣдовательно онъ первый пришелъ мнѣ въ голову. Вы видите процессъ выводовъ? Очень хорошо. Позвольте мнѣ сдѣлать нѣсколько вопросовъ о мистерѣ Бэшудѣ, прежде чѣмъ мы пойдѣмъ далѣе.

«Вопросы доктора, по обыкновенію, вели прямо къ цѣли. Мои отвѣты сообщили ему, что мистеръ Бэшудъ былъ управителемъ Армэдэля, — что онъ получилъ это письмо въ Торп-Эмбросѣ сегодня утромъ и привѣзъ его прямо ко мнѣ съ первымъ поѣздомъ, — что онъ не показывалъ его и не говорилъ о немъ передъ отъѣздомъ ни маіору Мильрою и никому другому, — что я получила отъ него эту услугу не повѣривъ ему моей тайны, — что я имѣла съ нимъ сношеніе какъ вдова Армэдэля, — что онъ скрылъ это письмо только повинувъсь вообще предосторожности, которую я предписала ему молчать, если въ Торп-Эмбросѣ случится что-нибудь странное, пока онъ не посоветуется со мною, и наконецъ, что причина, по которой онъ исполнилъ такъ, какъ я ему велѣла въ этомъ случаѣ, состояла въ томъ, что и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, мистеръ Бэшудъ былъ слѣпо преданъ моимъ интересамъ»

«На этомъ мѣстѣ вопроса глаза доктора начали смотрѣть на меня недовѣрчиво изъ-за его очковъ.

«— Въ чемъ заключается тайна этой слѣпой преданности мистера Бэшуда вашимъ интересамъ? спросилъ онъ.

«Я колебалась съ минуту — изъ состраданія къ Бэшуду, а не къ себѣ.

«— Если вамъ надо знать, отвѣчала я: — то мистеръ Бэшудъ въ меня влюбленъ.

«— Да-да! воскликнулъ докторъ съ видомъ облегченія: — я начинаю теперь понимать: онъ молодежь?

«— Старикъ.

«Докторъ откинулся на спинку кресла и тихо захохоталъ.

«— Всё лучше и лучше! сказалъ онъ: — Онъ именно такой человѣкъ, какой намъ нуженъ. Кто годится болѣе управителя мистера Армэдэля на то, чтобы встрѣтить его, когда онъ воротится въ Лондонъ. И кто такъ способенъ употребить вліяніе на мистера Бэшуда надлежащимъ образомъ, какъ не очаровательный предметъ восторга мистера Бэшуда?

«— Нельзя было сомнѣваться, что Бэшудъ годился для цѣли доктора и что на моё вліяніе можно положиться для того, чтобы заставить Бэшуда служить этой цѣли. Затрудненіе заключалось не въ этомъ, а въ томъ вопросѣ, который я сдѣлала доктору нѣсколько минутъ назадъ и который остался безъ отвѣта. Я сдѣлала этотъ вопросъ опять.

«— Положимъ, что управитель мистера Армэдэля встрѣтитъ своего хозяина на желѣзной дорогѣ, сказала я: — могу я спросить еще разъ, какъ онъ убѣдитъ мистера Армэдэля пріѣхать сюда?

«— Не считайте меня невѣжей, возразилъ докторъ самымъ кроткимъ тономъ: — если я спрошу съ своей стороны: какъ мужчины убѣждаютъ дѣлать девять разъ изъ десяти сумасбродные поступки въ ихъ жизни? Ихъ убѣждаетъ вашъ очаровательный полъ. Слабая сторона каждаго мужчины сторона женская. Намъ надо только найти женскую сторону мистера Армэдэля — пощекотать его съ этой стороны и привезти его къ намъ шолковымъ шнуркомъ. Я примѣчаю здѣсь, продолжалъ докторъ, отгрывая письмо Армэдэля: — ссылку на какую-то молодую дѣвицу, ссылку, обещающую намъ многое. Гдѣ записка, которую мистеръ Армэдэль адресовалъ къ миссъ Мильрой?

«Вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему, я съ внезапнымъ порывомъ вскочила съ своего мѣста. Какъ только докторъ упомянулъ о миссъ Мильрой — всё, что я слышала отъ Бэшуда о ея болѣзни и о причинѣ ея, пришло мнѣ на память. Я увидала способъ приманить Армэдэля въ лечебницу такъ ясно, какъ видѣла по другую сторону стола доктора, удивлявшагося необыкновенной перемѣнѣ во мнѣ. Какое наслажденіе заставить, наконецъ, миссъ Мильрой быть полезной моимъ интересамъ!

«— Оставьте записку въ покоѣ, сказала я; — она сожжена изъ предосторожности. Я могу сказать вамъ всё (и даже болѣе), чѣмъ эта записка могла мнѣ сказать. Миссъ Мильрой разрубаеть узелъ! миссъ Мильрой прекращаетъ затрудненіе! Она тайно помолвлена съ нимъ. Она услышала ложные слухи о его смерти и съ тѣхъ поръ была серьёзно больна въ Торч-Эмбросѣ. Когда Бэшудъ встрѣтитъ его на станціи, его первый вопросъ непремѣнно будетъ...

«— Вижу, воскликнулъ докторъ, перебивая меня: — мистеру Бэшуду ничего болѣе не остаётся, какъ помочь истинѣ отъѣнкомъ вымысла. Когда онъ скажетъ своему хозяину, что ложные слухи дошли до миссъ Мильрой, ему стоить только прибавить, что этотъ ударъ повредилъ ей голову и что она находится здѣсь подъ медицинскимъ надзоромъ. Безподобно! безподобно! Мы будемъ имѣть его въ лечебницѣ такъ скоро, какъ только самая скорая извозничья лошадь въ Лондонѣ можетъ привезти его къ намъ. И замѣтите! никакого риска, никакой необходимости довѣряться другимъ. Это не домъ сумасшедшихъ, это патентованное заведеніе; здѣсь не нужно докторскихъ свидѣтельствъ. Поздравляю васъ, поздравляю самого себя. Позвольте мнѣ подать вамъ Указатель желѣзныхъ дорогъ, просить васъ засвидѣтельствовать мое уваженіе мистеру Бэшуду и указать ему на страницу, загнутую для него въ надлежащемъ мѣстѣ, на которое ему слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

«Вспомнивъ, какъ долго я заставляла Бэшуда ждать меня, я тотчасъ взяла книгу и пожелала доктору добраго вечера безъ дальнѣйшихъ церемоній. Когда онъ вѣжливо отворилъ для меня дверь, онъ безъ малѣйшей необходимости, и хотя я не сказала ни слова, которое могло бы повести его къ этому, обратился къ вспыскѣ добродѣтельнаго испуга, вырвавшейся у него въ началѣ нашего свиданія.

«— Я надѣюсь, сказала я: — что вы забудете и простите мой странный недостатокъ такта и проникательности, когда — словомъ, когда я поймалъ муху. Я доложительно краснѣю за мою собственную глупость, какъ я могъ придать буквальный смыслъ шуткѣ дамы! Насице въ моей лечебницѣ! воскликнулъ докторъ

опять пристально устремивъ глаза на моё лицо: — насиліе въ этомъ просвѣщенномъ девятнадцатомъ столѣтіи! Было ли когда что до такой степени смѣшное? Застегните ваше манто прежде чѣмъ выйдете отсюда — такъ холодно и сыро! Не проводить ли мнѣ васъ? не послать ли съ вами моего лакея? А! вы были всегда независимы, всегда, если я могу такъ выразиться, сама себѣ хозяйка! Могу я придти завтра утромъ и узнать что вы рѣшили съ мистеромъ Бэшудомъ?

«Я сказала: «да», и наконецъ ушла отъ него. Черезъ четверть часа я воротилась въ мою квартиру и служанка мнѣ сказала, что «пожилой господинъ» еще ждѣтъ меня.

«У меня не достало духа, или терпѣнія — право не знаю чего — терять много словъ на то, что произошло между мною и Бэшудомъ. Было такъ легко, такъ унижительно легко дѣргать верёвочку этой бѣдной старой куклы куда я захочу! Я не встрѣтила такихъ затрудненій, какия я принуждена была бы встрѣтить съ человѣкомъ моложе, или менѣе ослѣпленнымъ восторгомъ ко мнѣ. Я оставила объясненія намѣковъ на миссъ Мильрой въ письмѣ Армэдэля, которые, натурально, привели въ недоумѣніе Бэшуда, до будущаго времени. Я даже не побезпокоилась выдумать вѣроятныя причины, чтобы пожелать ему встрѣтить Армэдэля на станціи и заманить его хитростью въ лечебницу доктора. Я только нашла необходимымъ упомянуть о томъ что я написала Бэшуду по моёмъ пріѣздѣ въ Лондонъ, потомъ что я послѣ сказала ему, когда онъ лично отвѣчалъ на моё письмо въ гостинницѣ.

«— Вы уже знаете, сказала я: — что моё замужство было несчастливо; выведите изъ этого какия хотите заключенія и не принуждайте меня сказать вамъ такъ ли пріятно извѣстіе о спасеніи мистера Армэдэля, какъ слѣдовало бы быть для его жены.

«Этого было довольно для того, чтобы заставить засіять его дряблѣе, старое лицо и оживить опять его увядшія старыя надежды. Мнѣ стоило только прибавить: «если вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ прошу, всё равно какъ бы непонятна и таинственна показалась вамъ моя просьба, и если вы примете мои увѣренія, что сами вы не подвергнетесь никакому риску и получите

надлежащее объясненіе въ надлежащее время — вы будете имѣть такія права на мою признательность и на моё вниманіе, какія не имѣлъ еще ни одинъ человекъ на свѣтѣ!... мнѣ стоило только сказать эти слова и сопровождать ихъ взглядомъ и пожать его руку украдкой — и онъ былъ у моихъ ногъ, слѣпо стремясь повиноваться мнѣ. Если бы онъ могъ только видѣть что я думала о себѣ... но это всё равно, онъ не видалъ ничего.

«Прошло нѣсколько часовъ послѣ того, какъ я отослала его (взявъ съ него обѣщаніе молчать, снабдивъ его инструкціями и росписаніемъ часовъ желѣзной дороги) въ гостинницу вокзалъ станціи, гдѣ онъ долженъ оставаться до-тѣхъ-поръ, пока Армэдэль явится на платформѣ. Волненіе, овладѣвшее мною въ началѣ вечера, прошло, и мною овладѣло опять тупое онѣмѣлое чувство. Не-уже-ли моя энергія измѣняется мнѣ, желала бы я знать, именно въ то время, когда она болѣе всего мнѣ нужна? или мною овладѣваетъ какое-то предчувствіе несчастья, котораго я еще не могу понять?»

«Я была расположена просидѣть здѣсь еще нѣсколько часовъ, предаваясь подобнымъ мыслямъ и позволяя имъ превращаться въ слова, если бы мой дневникъ далъ мнѣ возможность на это. Но моё лѣнивое перо было, однако, такъ прилежно, что добралось до конца тетради. Я дошла до послѣдняго мѣста, оставшагося на послѣдней страницѣ, и нравится мнѣ это или нѣтъ, а я должна закрыть тетрадь на этотъ разъ совсѣмъ.

«Прощай, мой старыи другъ и товарищъ многихъ несчастныхъ дней! Такъ какъ мнѣ нечего любить другого, я почти подозреваю, что я безразсудно любила *тебя*.

«Какая я дура!»

КНИГА ПОСЛѢДНЯЯ.

ГЛАВА I.

НА СТАНЦИИ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Вечеромъ второго декабря Бэшудъ въ первый разъ занялъ свой обсервационный постъ на станціи Юго-Восточной Желѣзной Дороги. Это было шестью днями ранѣе того числа, которое Аллэнъ назначилъ для своего возвращенія. Но докторъ, посоветовавшись съ своею медицинскою опытностью, счолъ вѣроятнымъ, что «мистеръ Армэдэль могъ въ свои завидныя лѣта выздоровѣть скорѣе, чѣмъ могли ожидать его докторъ». Вслѣдствіе этого, предосторожности ради, Бэшуду было велѣно начать ожидать прибытія поѣздовъ на другой день послѣ того, какъ онъ получилъ письмо отъ своего хозяина.

Отъ второго до седьмого декабря управитель акуратно ждалъ на платформѣ, видѣлъ, какъ подъѣзжали поѣзды и удостовѣрялся каждый вечеръ, что всѣ прїѣзжіе были незнакомы ему. Отъ второго до седьмого декабря миссъ Гуильтъ (мы возвращаемся къ имени, подъ которымъ она болѣе извѣстна на этихъ страницахъ) получала его ежедневное донесеніе иногда лично, иногда письменно. Докторъ, которому сообщались эти донесенія, получалъ ихъ въ свою очередь съ невозмутимой увѣренностью въ принятой предосторожности, до утра восьмого числа. Въ этотъ день раздраженіе отъ продолжительной неизвѣстности произвело перемѣну къ худшему въ измѣнчивомъ расположеніи духа миссъ Гуильтъ, примѣтную для каждаго изъ окружавшихъ еѣ и которая даже довольно страннымъ образомъ отразилась такою же замѣтной перемѣной въ обращеніи доктора, когда онъ сдѣлалъ миссъ Гуильтъ свой обычный визитъ. По случайности столь необыкновенной, что его враги могли бы подозрѣвать, что это была вовсе не случайность, въ то утро, въ которое

миссъ Гуильтъ потеряла терпѣніе, докторъ также потерялъ свою увѣренность въ первый разъ.

— Нѣтъ извѣстій, разумѣется, сказалъ онъ, садясь съ тяжелымъ вздохомъ.—Хорошо! хорошо!

Миссъ Гуильтъ съ раздраженіемъ подняла на него глаза съ своей работы.

— Вы, кажется, въ необыкновенно уныломъ расположеніи сегодня, сказала она.—Чего вы боитесь теперь?

— Обвиненіе въ боязни, торжественно отвѣчалъ докторъ:— нельзя опрометчиво бросить ни на одного мужчину, даже когда онъ принадлежитъ къ такой мирной профессіи какъ моя. Я не боюсь. Я—какъ вы правильнѣе выразились сначала—въ необыкновенно уныломъ расположеніи духа. Я по природѣ, какъ вамъ извѣстно, сангвиникъ, и вижу только сегодня то, что, безъ моей привычной склонности къ надеждѣ, я могъ и долженъ бы видѣть недѣлю тому назадъ.

Миссъ Гуильтъ съ нетерпѣніемъ бросила свою работу.

— Если бы слова стоили денегъ, сказала она:—наслажденіе въ болтовнѣ обошлось бы для васъ нѣсколько дорого.

— Что я могъ и долженъ былъ бы видѣть, повторилъ докторъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на слова миссъ Гуильтъ:—недѣлю тому назадъ? Говоря попросту, я вовсе не такъ увѣренъ, какъ былъ прежде, что мистеръ Армэдэль согласится безъ борьбы на условія, которыя мои выгоды, въ меньшей степени чѣмъ ваши, требуютъ наложить на него. Замѣйте! Я не оспариваю, что намъ удастся заманить его въ Лечебницу, я только сомнѣваюсь, окажется ли онъ такимъ стоворчивымъ, какъ я сначала предполагалъ, когда мы заманимъ его сюда. Что, если онъ смѣлъ, упрямъ, продолжалъ докторъ, въ первый разъ поднимая глаза и съ пристальной пытливостью устремляя ихъ на миссъ Гуильтъ:—что если онъ будетъ выдерживать цѣлыя недѣли, цѣлые мѣсяцы, какъ люди въ подобномъ положеніи выдерживали прежде него? Что выйдетъ изъ этого? Рискъ держать его насильно въ заключеніи увеличивается съ накапливающимися процентами и становится огромнымъ! Мой домъ въ эту минуту готовъ для пациентовъ; пациенты могутъ явиться черезъ недѣлю;

паціенты могуць імѣць сообщеніе съ мистеромъ Армэдэлемъ, или мистеръ Армэдэль можетъ імѣть сообщеніе съ паціентами. Записка можетъ быть вынесена изъ дома и можетъ достигнуть до коммисіонеровъ, наблюдающихъ за домами умалишенныхъ. Даже когда дѣло идѣтъ о частномъ заведеніи, такъ какъ мое, этимъ господамъ стоитъ только обратиться къ лорду-канцлеру за позволеніемъ и войти (ей-богу войти въ мою Дечебницу) и обыскать домъ съ верху, до низу! Я не желаю обезкуражить васъ, я не желаю васъ пугать, я не имѣю намѣренія сказать, что способы, принятые нами для нашей безопасности, не самыя лучшіе, какіе находятся въ нашемъ распоряженіи. Я только прошу васъ вообразить, какъ коммисіонеры войдутъ въ мой домъ, а потомъ сообразить послѣдствія... послѣдствія! повторилъ докторъ, сурово поднимаясь съ своего мѣста и взявъ шляпу какъ-будто имѣлъ намѣреніе уйти изъ комнаты.

«— Вы имѣете еще что сказать? спросила миссъ Гуильтъ.

«— Можете вы сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе съ вашей стороны? возразилъ докторъ.

Онъ стоялъ съ шляпою въ рукѣ и ждалъ. Минуты двѣ оба смотрѣли молча другъ на друга. Миссъ Гуильтъ заговорила первая:

— Мнѣ кажется, я понимаю васъ, сказала она, вдругъ возвративъ свое спокойствіе.

— Извините, возразилъ докторъ, приложивъ руку къ уху:— что вы сказали?

— Ничего.

— Ничего?

— Если вамъ случится поймать другую муху сегодня, сказала миссъ Гуильтъ, съ горькимъ саркастическимъ удареніемъ на словахъ:— я способна оскорбить васъ другою «шуточкой».

Докторъ поднялъ вверхъ обѣ руки съ умоляющей вѣжливостью и на лицѣ его опять выразилась веселость.

— Жестоко, процитала онъ кротко;— что вы не простили мнѣ даже теперь этой несчастной ошибки!

— Что другое имѣете вы сказать? я жду, сказала миссъ Гуильтъ.

Она презрительно повернула кресло къ окну и опять взяла

свою работу. Докторъ сталъ позади нея и положилъ руку на спинку ея кресла.

— Во-первыхъ, я долженъ сдѣлать вопросъ, сказалъ онъ:—а во-вторыхъ, посоветовать мѣру необходимую предосторожность. Если вы удостоите меня вашимъ вниманіемъ, я прежде сдѣлаю вопросъ.

— Я слушаю.

— Вы знаете, что мистеръ Армэдэль живъ, продолжалъ докторъ:—знаете, что онъ возвращается въ Англію, зачѣмъ же вы продолжаете носить вашъ вдовій трауръ?

Она отвѣчала ему безъ малѣйшей нерѣшимости, продолжая заниматься своей работой:

— Потому-что я сангвиническаго характера, также какъ и вы, и намѣрена полагаться на случайности до самаго конца. Мистеръ Армэдэль можетъ еще умереть на возвратномъ пути.

— А если онъ пріѣдетъ живой, тогда что?

— Тогда остаётся еще одна случайность.

— Какая, позвольте спросить?

— Онъ можетъ умереть въ вашей Лечебницѣ.

— Милостивая государыня, возразилъ докторъ густымъ басомъ, который онъ сохранялъ для вспышекъ добродѣтельнаго негодованія:—подождите! Вы говорите о случайностяхъ, продолжалъ онъ, переходя къ болѣе мягкому разговорному тону:—да! да! разумѣется. Я понимаю васъ на этотъ разъ. Даже искусство излеченія зависитъ отъ произвола случайностей, даже такая лечебница, какъ моя, можетъ быть застигнута смертью. Именно, именно! повторилъ докторъ соглашаясь съ вопросомъ съ крайнимъ безпристрастіемъ.—Я допускаю случайности—если вы хотите положиться на нихъ. Замѣтите: я говорю *если* вы хотите положиться на нихъ.

Наступила новая минута молчанія—молчанія такого глубокаго, что въ комнатѣ ничего не было слышно, кромѣ звука иглоки миссъ Гуильтъ, продѣваемой сквозь ея работу.

— Продолжайте, сказала она:—вы еще не кончили.

— Правда, отвѣчалъ докторъ:—сдѣлавъ мой вопросъ, я долженъ еще посоветовать вамъ мѣру предосторожности. Вы уви-

дите, что я, съ своей стороны, не расположенъ полагаться на случайности. Размышленіе убѣдило меня, что мы съ вами) говоря о мѣстности) не такъ удобно живѣмъ, какъ мы могли бы жить на непредвидѣнный случай. Кэбовъ мало въ этой быстро уллучшающейся мѣстности. Я живу на двадцать минутъ ходьбы отъ васъ; вы живѣте на двадцать минутъ ходьбы отъ меня. Я ничего не знаю о характерѣ мистера Армэдэля; вы знаете его хорошо. Можетъ быть окажется необходимо—крайне необходимо—вдругъ обратиться къ вашему болѣе короткому знакомству съ нимъ. Какъ же я это сдѣлаю, если мы не будемъ находиться близко другъ отъ друга, подъ одною кровлей? Для интересовъ насъ обоихъ я приглашаю васъ переселиться въ мою лечебницу на короткое время.

Быстрая иголка миссъ Гуилтъ вдругъ остановилась.

— Я понимаю васъ, сказала она опять также спокойно, какъ прежде.

— Извините, отвѣчалъ докторъ съ новымъ припадкомъ глухоты и опять поднося руку къ уху.

Она засмѣялась про-себя тихимъ, страшнымъ смѣхомъ, который испугалъ даже доктора, такъ что онъ отнялъ свою руку отъ спинки ея кресла.

— Переселиться въ вашу Лечебницу? повторила она. — Вы совѣтуетесь съ наружнымъ приличіемъ во всѣмъ другомъ — намѣрены ли вы посовѣтоваться съ приличіемъ, принимая меня въ вашъ домъ.

— Всенепремѣнно! отвѣчалъ докторъ съ энтузіазмомъ. — Я удивляюсь, какъ вы дѣлаете мнѣ этотъ вопросъ? Знали ли вы когда человѣка моей профессіи, который пренебрегалъ бы наружнымъ приличіемъ? Если вы удостоите принять моѣ приглашеніе, вы вступите въ мою Лечебницу въ самой безукоризненной роли—роли пациентки.

— Когда вамъ нуженъ мой отвѣтъ?

— Можете вы рѣшить сегодня?

— Нѣтъ.

— Завтра?

— Да. Вы имѣете еще что сказать?

— Больше ничего.

— Оставьте же меня. Я не соблюдаю приличій. Я желаю быть одна — и говорю это. Съ добрымъ утромъ.

— О женщины! женщины! сказалъ докторъ опять воротившись къ своему весёлому расположенію духа. — Какая восхитительная впечатлительность! какая очаровательная небрежность въ томъ, что онѣ говорятъ или какъ онѣ говорятъ! О! какъ женщины вербшительны, застѣнчивы и какъ имъ трудно угодить! Прощайте.

Миссъ Гуильтъ встала и презрительно посмотрѣла ему вслѣдъ изъ окна, когда дверь улицы затворилась и онъ вышелъ изъ дома.

— Самъ Армэдэль принудилъ меня къ этому въ первый разъ, сказала она. — Мануэль принудилъ меня къ этому во второй разъ. Не-уже-ли я позволю тебѣ, трусливому злодѣю, принудить меня къ этому и въ послѣдній разъ.

Она отошла отъ окна и задумчиво посмотрѣла въ зеркало на свой вдовій трауръ.

День прошолъ — а она не рѣшила ничего. Настала ночь — а она еще колебалась; настало новое утро — а страшный вопросъ еще оставался безъ отвѣта. Съ ранней почтой получила она письмо: это было обычное донесеніе Бэйюда. Опять онъ поджидать пріѣзда Аллена и опять напрасно.

— Я хочу имѣть болѣе времени! запальчиво рѣшила она. — Ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не заставитъ меня рѣшиться скорѣе, чѣмъ я хочу!

За завтракомъ въ это утро (девятаго декабря) докторъ былъ застигнутъ въ своемъ кабинетѣ визитомъ миссъ Гуильтъ.

— Мнѣ нуженъ еще день, сказала она, какъ только слуга затворилъ за нею дверь.

Докторъ посмотрѣлъ на неѣ прежде чѣмъ отвѣчалъ, и увидалъ ясно на ея лицѣ какъ будетъ опасно довести еѣ до крайности.

— Время уходитъ, возразилъ онъ самымъ убѣдительнымъ тономъ: — почему мы знаемъ, можетъ-быть мистеръ Армэдэль будетъ здѣсь сегодня.

— Мнѣ нуженъ еще день! повторила она громко и запальчиво.

— Согласенъ! сказалъ докторъ, тревожно смотря на дверь. — Не говорите слишкомъ громко: слуги могутъ слышать васъ. Помните, прибавилъ онъ: — я полагаюсь на вашу честь, чтобы не принуждать меня къ дальнѣйшей отсрочкѣ.

— Вы лучше положитесь на мое отчаяніе, сказала она, и оставила его.

Докторъ облунилъ яйцо и тихо засмѣялся.

«Совершенно справедливо, моя милая! подумалъ онъ. «Я помню куда отчаяніе привело тебя въ прошлое время, и мнѣ кажется я могу положиться, что оно приведетъ тебя туда же и теперь.»

Безъ четверти въ восемь Бэнудъ занялъ свой обсервационный постъ, какъ обыкновенно, на платформѣ станціи желѣзной дороги у Лондонскаго моста.

Онъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; онъ улыбался и ухмылялся съ неудержимымъ восторгомъ. Сознаніе, что онъ сохранялъ въ резервѣ способы вліянія на миссъ Гуильтъ въ силу того, что ему была извѣстна ея прошлая карьера, не имѣло доли въ преобразованіи, которое теперь обнаруживалось въ немъ. Это поддерживало его мужество въ его одинокой жизни въ Торп-Эмбросъ и внушило ему ту увѣренность въ обращеніи, которую примѣтила даже миссъ Гуильтъ; но съ той минуты, какъ онъ опять занялъ прежнее мѣсто въ ея благо-расположеніи, это было уничтожено въ немъ электрическимъ потрясеніемъ ея прикосновенія и ея взгляда. Его тщеславіе — тщеславіе, которое въ мушкетерахъ его дѣтъ есть только прикрытое отчаяніе — опять подняло его теперь къ седьмому небу глупаго счастья. Онъ опять ей вѣрилъ, какъ вѣрилъ щегольскому новому зимнему пальто, которое онъ носилъ, какъ вѣрилъ красивой трости (принадлежности начинающагося дендизма юношей, выходящихъ изъ дѣтства), которою онъ махалъ въ рукѣ. Онъ напѣвалъ — это драхное, старое существо, которое не было съ самаго дѣтства — напѣвалъ, ходя по платформѣ; отрывки, какіе могъ вспомнить какой-то старой пѣсни.

Поезда ожидали въ восемь часовъ въ этотъ вечеръ. Въ пять минутъ девятого раздался свистъ. Еще черезъ пять минутъ пассажиры выходили на платформу.

Слѣдуя полученнымъ инструкціямъ, Бэшудъ пробрался сквозь толпу къ линіи вагоновъ и, не примѣтивъ знакомаго лица при этомъ первомъ осмотрѣ, присоединился къ пассажирамъ, чтобы осмотрѣть ихъ во второй разъ въ пріёмной комнатѣ таможи. Онъ осмотрѣлся вокругъ комнаты и удостовѣрился, что всѣ лица, находившіяся тамъ, незнакомы ему, когда вдругъ услыхалъ позади себя голосъ воскликнувшей:

— Не-уже-ли это мистеръ Бэшудъ?

Онъ обернулся въ нетерпѣливомъ ожиданіи и очутился лицомъ къ лицу съ послѣднимъ человѣкомъ на свѣтѣ, котораго онъ желалъ увидѣть.

Этотъ человѣкъ былъ Мидуантеръ.

ГЛАВА II.

Въ домъ.

Примѣтивъ замѣшательство Бэшуда (послѣ брошеннаго взгляда на черемѣну въ его наружности), Мидуантеръ заговорилъ первый.

— Я вижу, что я удивилъ васъ, сказалъ онъ: — вы вѣрно отыскивали кого-нибудь другого? Получили вы извѣстіе отъ Аллена? возвращается онъ уже домой?

Вопросъ объ Алленѣ, хотя онъ естественно пришолъ бы въ голову всякому въ положеніи Мидуантера, въ эту минуту увеличилъ замѣшательство Бэшуда. Не зная какъ выпутаться изъ критическаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ, Бэшудъ прибѣгнулъ къ простому отрицанію.

— Я ничего не знаю о мистерѣ Армэдэлѣ — нѣтъ, сэръ, я ничего не знаю о мистерѣ Армэдэлѣ, отвѣчалъ онъ съ бесполезной торопливостью. — Добро пожаловать назадъ въ Англію, сэръ, продолжалъ онъ, перемѣняя разговоръ съ своей обыкновенной тревогою въ словахъ. — Я не зналъ, что вы были за границей... какъ давно мы не имѣли удовольствія... я не имѣлъ удовольствія... Веселились вы, сэръ, за границей? Такіе различные обычаи отъ нашихъ... да-да-да... такіе различные обычаи отъ

нашихъ! Долго останетесь вы въ Англіи теперь, когда воротитесь?

— Я самъ не знаю, отвѣчалъ Мидуинтеръ. — Я былъ принуждѣнъ измѣнить мои планы и неожиданно прѣхать въ Англію.

Онъ колебался; обращеніе его измѣнилось и онъ прибавилъ болѣе тихомъ тономъ:

— Серьезное безпокойство заставило меня воротиться. Я не могу сказать каковы будутъ мои планы до-тѣхъ-поръ, пока это безпокойство не пройдетъ.

Свѣтъ отъ фонаря падалъ на его лицо и Бэшудъ примѣтилъ въ первый разъ, что онъ очень перемѣнился и похудѣлъ.

— Миѣ жаль, сэръ — право миѣ очень жаль. Не могу ли быть вамъ полезенъ? спросилъ Бэшудъ, говоря подъ вліяемъ отчасти своей тревожной вѣжливости, отчасти своихъ восминаній о томъ, что Мидуинтеръ сдѣлалъ для него въ Торп-Эмбросѣ въ прошлое время.

Мидуинтеръ поблагодарилъ его и грустно отвернулся.

— Я боюсь, что вы не можете быть полезны, мистеръ Бэшудъ: — тѣмъ не менѣе я очень обязанъ за ваше предложеніе.

Онъ остановился и соображалъ нѣсколько времени.

— Что если она не больна? что если случилось какое-нибудь несчастье? продолжалъ онъ, говоря самъ съ собою и шепотомъ повѣртываясь къ управителю: — Если она оставила свою комнату, можетъ быть ея слѣды найдутся, если узнать въ Торп-Эмбросѣ.

Любопытство Бэшуда было тотчасъ возбуждено. Его теперь интересовали всѣ женщины ради миссъ Гуильтъ.

— Вы отыскиваете какую-нибудь даму, сэръ? спросилъ онъ.

— Я отыскиваю, сказалъ Мидуинтеръ просто: — мою жену.

— Вы женились, сэръ! воскликнулъ Бэшудъ: — вы женились до-тѣхъ-поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ? Могу я помѣлиться спросить...

Глаза Мидуинтера тревожно опустились въ землю.

— Вы знали эту особу, сказалъ онъ: — я женился на миссъ Гуильтъ.

Управитель отскочилъ назадъ, какъ отскочилъ бы отъ заря-

женнаго пистолета поднятаго къ головѣ его. Глаза его сверкнули, какъ-будто онъ вдругъ лишился разсудка, и нервный трепеть, которому онъ былъ подверженъ, пробѣжалъ по нѣмъ съ головы до ногъ.

— Что такое съ вами? спросилъ Мидуинтеръ.

Отвѣта не было.

— Что же такого удивительнаго въ томъ, что миссъ Гуильтъ моя жена? продолжалъ онъ нѣсколько нетерпѣливо.

— *Ваша* жена? повторилъ Бэшудъ съ отчаяніемъ: — Мистриссъ Армэдэль...

Онъ удержался съ отчаяннымъ усиліемъ и не сказалъ ничего болѣе.

Изумленіе, овладѣвшее управителемъ, тотчасъ же отразилось на лицѣ Мидуинтера; имя, подъ которымъ онъ втайнѣ обвинчалъ съ своей женой, сорвалось съ губъ послѣдняго человѣка на свѣтѣ, которому онъ думалъ оказать своё довѣріе! Онъ взялъ за руку Бэшуда и увелъ его къ болѣе тихой сторонѣ платформы чѣмъ та, гдѣ они до-сихъ-поръ говорили другъ съ другомъ.

— Вы говорили о моей женѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о *мистриссъ Армэдэль*, сказалъ онъ: — что вы хотѣли этимъ сказать?

Опять отвѣта не было. Будучи совершенно не способенъ понять что-нибудь кромѣ того, что онъ запутался въ какое-то серьезное затрудненіе, совершенно для него таинственное, Бэшудъ старался высвободиться изъ руки, удерживавшей его и старался напрасно. Мидуинтеръ сурово повторилъ вопросъ:

— Я спрашиваю васъ опять: что вы хотѣли этимъ сказать?

— Ничего... сэръ! даю вамъ честное слово, что я не хотѣлъ сказать ничего!

Онъ чувствовалъ какъ рука Мидуинтера всё крѣпче сжимала его руку; онъ видѣлъ даже въ темнотѣ отдаленнаго угла, въ которомъ они стояли, что запальчивость Мидуинтера вспыхнула и что ею нельзя было шутить. Крайность его опасности внушила ему единственную способность, которою обладаетъ робкій человѣкъ, когда его принуждаетъ сила стать лицомъ къ лицу съ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ — способность ко лжи.

— Я только хотѣлъ сказать, сэръ, сказалъ онъ съ отчаян-

имъ усилиемъ глядѣть и говорить съ увѣренностью:—что мистеръ Армэдэль удивится...

— Вы сказали *мистриссъ* Армэдэль.

— Нѣтъ, сэръ... честное слово вы ошибаетесь... право ошибаетесь! Я сказалъ *мистеръ* Армэдэль... какъ могъ я сказать что-нибудь другое? Пожалуйста отпустите меня, сэръ — мнѣ некогда. Увѣрю васъ, что мнѣ страшно некогда.

Мидуинтеръ еще съ минуту удерживалъ его и въ эту минуту бѣшилъ что ему дѣлать.

Онъ справедливо сказалъ, что возвращеніе его въ Англію происходило отъ безпокойства о его женѣ — безпокойство естественно возбужденнаго (послѣ акуратнаго полученія отъ нея письма черезъ день или черезъ два дня) внезапнымъ прекращеніемъ корреспонденціи между ними съ ея стороны на цѣлую недѣлю. Первое смутное, ужасное подозрѣніе, о другой причинѣ, къ ея молчанію, а не какого-нибудь несчастья или болѣзни, которымъ онъ до-сихъ-поръ приписывалъ это, поразило его вдругъ внезапнымъ холодомъ, какъ только онъ услышалъ, что управитель жену его называлъ *мистриссъ* Армэдэль. Маленькія неправильности въ ея перепискѣ съ нимъ, которыя онъ до-сихъ-поръ только считалъ странными, теперь пришли къ нему на память и показались ему также подозрительны. До-сихъ-поръ онъ вѣрилъ причинамъ, выставленнымъ ею, когда она не дала ему другого опредѣленнаго адреса, чтобъ отвѣчать на ея письма, кромѣ адреса почтовой конторы. Теперь въ первый разъ онъ сталъ подозрѣвать, что эти причины просто были предлоги. До-сихъ-поръ онъ имѣлъ намѣреніе, пріѣхавъ въ Лондонъ, разспросить въ одномъ единственномъ мѣстѣ, которое было ему извѣстно, какъ влючь къ ея слѣдамъ, по тому адресу, который она дала ему, будто бы квартиры, гдѣ жила «ея мать». *Теперь* (по причинѣ, которую онъ боялся даже опредѣлить самому себѣ, но которая была такъ сильна, что пересиливала всѣ другія соображенія въ его головѣ) онъ рѣшился прежде всего разъяснить, почему Бэшуду извѣстна тайна, которая была брачною тайной между нимъ и его женой. Всякій прямой вопросъ управителю, въ настоящемъ расположеніи его духа, очевидно былъ бы бесполезенъ. Оружіе обма-

на было въ этомъ случаѣ насильно вложено въ руки Мидуинтера. Онъ выпустилъ руку Бэшуда и принялъ его объясненіе.

— Извините, сказалъ онъ:—я не сомнѣваюсь, что вы правы. Пожалуйста припишите мою грубость безпокойству и усталости. Желая вамъ добраго вечера.

Станція въ это время была почти пуста; пассажиры этого поѣзда собрались для разсмотрѣнія ихъ поклажи въ пріёмной таможнѣ. Было не легко по наружности проститься съ Бэшудомъ, а на самомъ дѣлѣ не терять его изъ вида. Но прежняя жизнь Мидуинтера съ его хозяиномъ-цыганомъ была такого рода, что пріучила его къ такимъ продѣлкамъ, какія онъ теперь былъ принуждѣнъ принять. Онъ отошолъ къ линіи пустыхъ вагоновъ, отворилъ дверь одного изъ нихъ, какъ бы отыскивая что-то оставленное имъ, и примѣтилъ, что Бэшудъ направляется къ ряду кэбовъ съ противоположной стороны платформы. Мидуинтеръ въ одну минуту прошолъ къ длинному ряду экипажей со стороны дальней отъ платформы; онъ сѣлъ во второй кэбъ съ лѣвой стороны черезъ минуту послѣ того, какъ Бэшудъ вошолъ въ первый кэбъ съ правой стороны.

— Я заплачу вдвое, сказалъ онъ извощику:—если вы не потеряете изъ виду кэбъ, который ѣдетъ передъ нами и поспѣете за нимъ, куда бы онъ ни поѣхалъ.

Еще черезъ минуту оба экипажа отѣхали отъ станціи.

Клэркъ сидѣлъ въ своей будочкѣ у воротъ и записывалъ куда ѣдутъ проѣзжавшіе кэбы. Мидуинтеръ услышалъ, что извощикъ, который вѣзъ его, закричалъ: «Гэмпстидъ!» когда проѣзжалъ мимо окна клэрка.

— Зачѣмъ вы сказали Гэмпстидъ? спросилъ онъ, когда они выѣхали со станціи.

— Потому что извощикъ, ѣхавшій передо мною, сказалъ Гэмпстидъ, сэръ, отвѣчалъ кучеръ.

Во время утомительной поѣздки къ сѣверо-западному предметью, Мидуинтеръ спрашивалъ безпрестанно видѣнъ ли еще кэбъ; кучеръ безпрестанно отвѣчалъ:

— Прямо передъ нами.

Быль десятый часъ, когда извощикъ остановилъ наконецъ

своихъ лошадей. Мидуинтеръ вышелъ и увидѣлъ передъ собою кэбъ, ожидавшій удверей какого-то дома. Какъ только онъ удостовѣрился, что извозчикъ былъ тотъ самый, котораго нанялъ Бэшудъ, онъ заплатилъ обѣщанную награду и отпустилъ свой кэбъ.

Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ передъ домою. Смутно страшное подозрѣнiе, возбужденное въ его душѣ на станціи желѣзной дороги, приняло въ это время опредѣленную форму, которая была для него ненавистна. Безъ малѣйшаго основанiя онъ вдругъ слѣпо заподозрилъ вѣрность своей жены и слѣпо сталъ подозрѣвать, что Бэшудъ служить ей посредникомъ. Ужасаясь своей облѣзненной фантазiи, онъ рѣшился записать нумеръ дома и названiе улицы, а потомъ, чтобы не обижать понапрасно свою жену, тотчасъ обратиться по адресу, который она дала ему, какъ адресъ того дома, гдѣ жила ея мать. Онъ вынулъ свѣю записную книгу и пошелъ къ углу улицы, когда примѣтилъ, что извозчикъ, привезшій Бэшуда, смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и удивленiемъ. Мысль разспросить извозчика, пока онъ имѣлъ случай, немедленно пришла ему въ голову. Онъ вынулъ полкроны изъ кармана и положилъ её въ руку извозчика.

— Господинъ, котораго вы привезли со станціи, вошелъ въ этотъ домъ? спросилъ онъ.

— Да, сэръ.

— Вы слышали, спрашивалъ ли онъ кого-нибудь, когда дверь была отворена?

— Онъ спрашивалъ даму, сэръ, мистриссъ...

Кучеръ колебался.

— Это было имя необыкновенное, сэръ; я его узнаю, если лять его услышу.

— Мидуинтеръ?

— Нѣтъ, сэръ.

— Армэдэль?

— Точно такъ, мистриссъ Армэдэль.

— Вы увѣрены, что онъ спросилъ мистриссъ, а не мистера?

— Я такъ увѣренъ, какъ можетъ быть увѣренъ человекъ, не обратившій на это особеннаго вниманiя, сэръ.

Сомнѣніе, заключавшееся въ этомъ послѣднемъ отвѣтѣ, заставило Мидуинтера рѣшиться тутъ же разузнать въ чомъ дѣло. Онъ поднялся на ступени двери. Когда онъ поднималъ руку къ колокольчику, сила его волненія физически преодолѣла его на минуту. Странное ощущеніе, какъ-будто что-то выпрыгнуло изъ его сердца къ мозгу, заставило закружиться его голову. Онъ удержался за перила лѣстницы, выставилъ лицо на воздухъ и рѣшительно вдалъ, пока слабость его пройдетъ. Потомъ онъ позволилъ въ колокольчикъ.

— Дома?...

Онъ хотѣлъ сказать «мистриссъ Армэдэль», когда служанка отворила дверь, но даже его рѣшимость не могла заставить это имя сорваться съ его губъ.

— Дома ваша госпожа? спросилъ онъ.

— Дома, сэръ.

Служанка повела его въ заднюю гостиную и представила его маленькой старушкѣ, съ обязательнымъ обращеніемъ и блестящими глазами.

— Тутъ есть какая-то ошибка, сказалъ Мидуинтеръ:— Я лалъ видѣть...

Опять онъ старался произнести имя и опять у него не стало силъ.

— Мистриссъ Армэдэль? подсказала маленькая старушка улыбкой.

— Да.

— Проводи господина наверхъ, Дженни.

Служанка повела Мидуинтера въ гостиную второго этажа.

— Какъ о васъ доложить, сэръ?

— Никакъ.

Бэшудъ, только-что кончилъ своё донесеніе о томъ, что чилось на станціи, самовластная повелительница Бэшуда сидѣла онѣмѣвъ отъ удара, поразившаго её, когда дверь комнаты отворилась и Мидуинтеръ явился на порогѣ. Онъ сдѣлалъ шагъ въ комнату и машинально заперъ за собою дверь. Онъ стоялъ въ мёртвомъ молчаніи и смотрѣлъ на свою жену съ проникательностью, которая была уасна по своему неестествен-

ному самообладанію и обнимала её твёрдо однимъ пытливымъ взглядомъ съ головы до ногъ.

Въ мёртвомъ молчаніи, съ своей стороны, встала она со стула, въ мёртвомъ молчаніи стала она прямо передъ мужемъ въ своёмъ вдовьемъ траурѣ на каминномъ коврѣ.

Онъ сдѣлалъ шагъ ближе къ ней и опять остановился; онъ поднялъ руку и указалъ своимъ тонкимъ, смуглымъ пальцемъ на ея платье.

— Что это значить? спросилъ онъ, не теряя своего страшнаго самообладанія и не шевеля своей распростертой рукой.

При звукѣ его голоса грудь ея, тяжело дышавшая—что было единственнымъ внѣшнимъ признакомъ внутренней агоніи, мучившей её—вдругъ перестала волноваться. Она стояла непроницаемо молчалива, такъ неподвижно, что нельзя было примѣтить дышетъ ли она, какъ-будто его вопросъ поразилъ её смертельно, а протянутая рука окаменела.

Онъ сдѣлалъ еще шагъ ближе и повторилъ свои слова голосомъ еще тише и спокойнѣе, чѣмъ говорилъ въ первый разъ. Еще одна минута молчанія, еще одна минута бездѣйствія могли быть для нея спасеніемъ, но роковая сила ея характера восторжествовала въ этомъ кризисѣ ея судьбы и его. Блѣдная, неподвижная, съ дикимъ взоромъ встрѣтила она страшный непредвидѣнный случай съ страшнымъ мужествомъ и произнесла невозвратныя слова, которыми она отрекалась отъ мужа.

— Мистеръ Мидуинтеръ, сказала она тономъ, неестественно жесткимъ и неестественно внятнымъ:—ваше знакомство не даётъ вамъ права говорить со мною такимъ образомъ.

Таковы были ея слова. Она не поднимала глазъ, когда произносила ихъ; а когда произнесла, послѣдній слабый свѣтъ ея румянца исчезъ съ ея щокъ.

Наступило молчаніе. Всѣ пристально смотря на неё, онъ старался напечатлѣть въ умѣ слова, съ которыми она обратилась къ нему.

— Она называетъ меня «мистеромъ Мидуинтеромъ», сказалъ онъ медленно и шопотомъ. Она говоритъ «о нашемъ знакомствѣ».

Онъ подождалъ немного и осмотрѣлся вокругъ комнаты. Его

блуждающіе глаза встрѣтили Бэшуда въ первый разъ. Онъ увидалъ управителя, который стоялъ у камина дрожа и наблюдая за нимъ.

— Я когда-то оказалъ вамъ услугу, сказалъ онъ:—а вы когда-то сказали мнѣ, что вы не благодарный человѣкъ. Довольно ли вы мнѣ признательны, чтобы отвѣчать мнѣ, если я васъ спрошу о чомъ-нибудь?

Онъ опять подождалъ. Бэшудъ всё стоялъ дрожа у камина и молча наблюдал за Мидуинтеромъ.

— Я вижу, что вы смотрите на меня, продолжалъ Мидуинтеръ:—развѣ во мнѣ есть какая-нибудь перемѣна, которой я самъ не сознаю? Развѣ я вижу предметы, которыхъ не видите вы? Развѣ я слышу слова, которыхъ не слышите вы? Развѣ я смотрю и говорю какъ человѣкъ не въ своёмъ умѣ?

Опять онъ ждалъ и опять молчаніе не прерывалось. Глаза Мидуинтера начали сверкать; свирѣпая кровь, которую онъ наслѣдовалъ отъ матери, медленно и густо покрыла его блѣдныя щоки.

— Та ли это женщина, спросилъ онъ:—которую вы знали прежде и которая называлась миссъ Гуильтъ?

Опять жена его собралась съ своимъ роковымъ мужествомъ, опять она произнесла роковыя слова:

— Вы принуждаете меня сказать, что вы употребляете во имя наше знакомство и забываете надлежащее уваженіе ко мнѣ.

Онъ обернулся къ ней такъ внезапно и свирѣпо, что съ Бэшуда сорвался крикъ испуга.

— Вы жена моя или нѣтъ? спросилъ онъ сквозь сжатые

— Я не жена ваша, отвѣчала она.

Онъ, шатаясь, отступилъ назадъ, оцупывая рукою за что-нибудь ухватиться, какъ человѣкъ, находящійся въ темнотѣ; онъ такъ-то прислонился къ стѣнѣ и посмотрѣлъ на женщину, которая спала на груди его и въ глаза ему отреклась отъ него.

Бэшудъ стоялъ, пораженный ужасомъ возлѣ нея.

— Войдите сюда, шепнулъ онъ:—увлекая её къ двери, которая вела въ смежную комнату:—ради Бога скорѣе! онъ убьётъ васъ!

Она отсторонила старика рукою; она посмотрѣла на него съ внезапнымъ блескомъ на своёмъ безстрастномъ лицѣ, она отвѣчала ему губами, на которыя медленно порывалась страшная улыбка.

— Пусть онъ убьётъ меня! сказала она.

Когда эти слова сорвались съ ея губъ, онъ отпрыгнулъ отъ стѣны съ крикомъ, раздавшимся по всему дому. Бѣшенство сумасшедшаго сверкнуло на неё изъ его тусклыхъ глазъ и угрожало ей его поднятыми руками; онъ приблизился къ ней на разстояніе протянутой руки—и вдругъ остановился. Густой румянецъ исчезъ съ его лица въ ту самую минуту, какъ онъ остановился; вѣки его опустились, протянутыя руки задрожали и упали безпомощно. Онъ грохнулся, какъ мёртвый и какъ мёртвый лежалъ на рукахъ жены, которая отреклась отъ него.

Она опустилась на полъ и положила его голову на свои колѣна; она схватила руку управителя, спѣшившаго помочь ей, и сжала её какъ въ тискахъ.

— Бѣгите за докторомъ, сказала она:—и не пускайте сюда никого, пока онъ придѣтъ.

Въ ея глазахъ и въ ея голосѣ было что-то такое, что заставило бы всякаго человѣка на свѣтѣ молча повиноваться ей. Молча Бэшудъ покорился и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Какъ только она осталась одна, она подняла его съ своихъ колѣнъ. Обнявъ его обѣими руками, эта жалкая женщина приподняла его безжизненное лицо къ своему лицу и стала его бачать на груди своей съ агоніей нѣжности, которая не нашла бы выреченія въ слезахъ, и съ горячимъ угрызеніемъ, которое могло бы выразиться словами. Молча прижимала она его къ груди, молча покрывала поцалуями его лобъ, щоки и губы. Ни малѣйшаго звука не сорвалось съ губъ ея, пока она не услышала шумъ шаговъ, торопливо поднимавшихся на лѣстницу; потомъ тихій стонъ сорвался съ губъ ея, когда она взглянула на него въ послѣдній разъ и опять положила голову его на свои колѣна прежде чѣмъ вошли посторонніе.

Когда отворилась дверь, она увидала прежде всѣхъ хозяйку и управителя. За ними шёлъ докторъ, жившій въ этой улицѣ. Ужасъ и красота ея лица, когда она подняла на него глаза,

поглотили всё вниманіе доктора, за исключеніемъ всего другого. Она должна была сдѣлать ему знакъ головою, она должна была указать ему на безчувственнаго человѣка, прежде чѣмъ успѣла обратить его вниманіе на пациента и отвлечь это вниманіе отъ себя.

— Умеръ онъ? спросила она.

Докторъ отнёсъ Мидуинтера на диванъ и приказаль отворить окна.

— Это обморокъ, сказалъ онъ:—и больше ничего.

При этомъ отвѣтѣ силы измѣнили ей въ первый разъ. Она вздохнула глубоко и съ облегченіемъ и облокотилась о каминь. Только одинъ Бэшудъ примѣтилъ, что она изнемогаетъ отъ волненія. Онъ довёлъ её къ противоположному концу комнаты, гдѣ стояло кресло, и предоставилъ хозяйкѣ подавать доктору то, что онъ требоваль.

— Вы будете здѣсь ждать, пока онъ опомнится? шепнулъ управитель, смотря на диванъ и дрожа.

Этотъ вопросъ возвратилъ ей чувство ея положенія — сознание безжалостной необходимости, на которую это положеніе теперь принуждало её смѣло наступить. Съ тяжолымъ вздохомъ посмотрѣла она на диванъ, совѣтовалась съ собою съ минуту и отвѣчала на вопросъ Бэшуда вопросомъ съ своей стороны:

— Здѣсь ли еще тотъ кэбъ, который привѣзъ васъ съ желѣзной дороги?

— Здѣсь.

— Поѣзжайте сейчасъ въ Лечебницу и ждите тамъ у воротъ, пока я къ вамъ приду.

Бэшудъ колебался. Она подняла на него глаза и однимъ взглядомъ выслала его изъ комнаты.

— Больной опомнился, сказала хозяйка, когда управитель затворилъ дверь. — Онъ только-что перевёлъ духъ.

Она поклонилась съ безмолвнымъ отвѣтомъ, встала, опять посоветовалась съ собою — во второй разъ посмотрѣла на диванъ — потомъ прошла въ свою спальную.

Черезъ нѣсколько времени докторъ отошолъ отъ дивана и сдѣлалъ хозяйкѣ знакъ стать поодаль. Тѣлесное выздоровленіе

паціента было надежно. Ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ ждать и предоставить его разуму медленно воротить сознание о томъ, что случилось.

— Гдѣ она? были первыя слова, которыя онъ сказалъ доктору и хозяйкѣ, тревожно наблюдавшимъ за нимъ.

Хозяйка постучалась въ дверь спальни и не получила отвѣта; она вошла въ комнату и нашла её пустою. На туалетѣ лежалъ лоскутокъ бумажки съ деньгами для доктора. На бумажкѣ написаны были эти строки, очевидно набросанныя въ сильномъ волненіи и очень торопливо:

«Мнѣ невозможно оставаться здѣсь сегодня послѣ того, что случилось. Я возвращусь завтра за моими вещами и заплачу, что я вамъ должна».

— Гдѣ она? опять спросилъ Мидуинтеръ, когда хозяйка воротилась одна въ гостиную.

— Ушла, сэръ.

— Не вѣрю!

Старушка вспыхнула.

— Если вы знаете ея почѣръ, сэръ, отвѣчала она, подавая ему бумажку: — можетъ быть вы повѣрите этому.

Онъ посмотрѣлъ на бумагу.

— Я прошу у васъ извиненія, сказалъ онъ, отдавая ей назадъ бумагу: — я прошу у васъ извиненія отъ всего моего сердца.

Въ его лицѣ, когда онъ сказалъ эти слова, было что-то такое, болѣе чѣмъ уничтожившее раздраженіе старушки, даже тронувшее её внезапнымъ состраданіемъ къ человѣку, который оскорбилъ её.

— Я боюсь, что подъ всѣмъ этимъ кроются какія-нибудь ужасныя непріятности, сэръ, сказала она просто. — Не желаете ли вы, чтобы я передала какое-нибудь порученіе этой дамѣ, когда она воротится?

Мидуинтеръ всталъ и прислонился на минуту къ дивану.

— Я самъ принесу завтра моё порученіе, сказалъ онъ. — Я долженъ видѣть её прежде чѣмъ она оставитъ вашъ домъ.

Докторъ проводилъ своего паціента на улицу.

— Не могу ли я проводить васъ домой? сказалъ онъ ласково.—

Вамъ лучше не идти пѣшкомъ, если это далеко; вамъ не надо утомляться, вамъ не надо простудиться въ эту холодную ночь.

Мидуинтеръ взялъ его за руку и поблагодарилъ его.

— Я привыкъ къ тяжелой ходьбѣ и къ холоднымъ ночамъ, сэръ, сказалъ онъ: — и я не такъ легко утомляюсь, даже когда кажусь такимъ разбитымъ, какъ теперь. Если вы покажете мнѣ ближайшій выходъ изъ этихъ улицъ, я думаю, что тишина загородной мѣстности и тишина ночная помогутъ мнѣ. Мнѣ предстоитъ завтра очень серьезное дѣло, прибавилъ онъ болѣе тихимъ тономъ: — и я не могу успокоиться или заснуть, пока не обдумаю этого сегодняшнюю ночь.

Докторъ понялъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ обыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ далъ необходимыя указанія безъ всякихъ дальнѣйшихъ замѣчаній и расстался съ своимъ пациентомъ у его дверей.

Оставшись одинъ, Мидуинтеръ остановился и молча посмотрѣлъ на небо. Ночь прояснилась; сіяли звѣзды — тѣ звѣзды, которыя онъ въ первый разъ научился узнавать отъ своего цыгана-хозяина на горѣ. Въ первый разъ мысли его съ сожалѣніемъ вернулись къ его дѣтскимъ днямъ.

«О моя прежняя жизнь! подумалъ онъ съ тоскою. «Я не зналъ до-сихъ-поръ, какъ счастлива была моя прежняя жизнь!»

Онъ опомнился и пошелъ къ открытой мѣстности. Лицо его помрачалося, когда онъ оставлялъ улицы за собою и подвигался къ уединенію и къ темнотѣ, которыя простирались передъ нимъ.

— Сегодня она отрекалась отъ своего мужа, сказалъ онъ: — завтра она узнаетъ своего властелина.

ГЛАВА Ш.

ПУРПУРОВЫЙ ФЛАГОНЪ.

Кэбъ ждалъ у дверей, когда миссъ Гуильтъ подошла къ Лечебницѣ. Бэшудъ вышелъ её встрѣтить; она взяла его подь-руку и отвела на нѣсколько шаговъ, такъ, чтобы не слыхалъ извощикъ.

— Думайте обо мнѣ что хотите, сказала она, не поднимая съ лица толстаго чорнаго воала:— но не говорите со мною сегодня. Поѣзжайте назадъ въ вашу гостинницу какъ-будто не случилось ничего. Встрѣчайте, по обыкновенію, поѣздъ завтра, а потомъ приѣзжайте ко мнѣ въ Лечебницу. Поѣзжайте не говоря ни слова и я повѣрю, что на свѣтѣ есть одинъ человекъ, который истинно любить меня. Если же вы останетесь и будете дѣлать вопросы, я прощусь съ вами тотчасъ и навсегда.

Она указала на кэбъ. Еще черезъ минуту, кэбъ отъѣхалъ отъ Лечебницы и вѣзъ Бэшуда въ гостинницу. Она открыла желѣзную калитку и медленно подошла къ двери дома. Дрожь пробѣжала по ея членамъ, когда она позвонила въ колокольчикъ. Она горько засмѣялась.

— Опять дрожу! сказала она себѣ. — Кто подумалъ бы, что во мнѣ осталось такъ много чувства?

Разъ въ жизни лицо доктора сказало правду, когда дверь отворилась въ одиннадцатомъ часу вечера и миссъ Гуильтъ вошла въ комнату.

— Господи помилуй! воскликнулъ онъ съ видомъ изумленія: — что это значитъ?

— Это значитъ, отвѣчала она: — что я рѣшила сегодня вмѣсто того, чтобы рѣшить завтра. вы, такъ хорошо знающіе женщинъ, должны знать, что онѣ дѣйствуютъ по внутреннему побужденію. Меня привело сюда внутреннее убѣжденіе. Примите меня или бросьте, какъ хотите.

— Принять васъ или бросить? повторилъ докторъ, возвративъ своё присутствіе духа. — Какія вы ужасныя употребляете выраженія! Ваша комната сейчасъ будетъ готова. Гдѣ ваша поклажа? Вы мнѣ позволите послать за нею? Нѣтъ? Вы можете обойтись безъ вашей поклажи сегодня? Какая удивительная твёрдость! Вы сами пойдёте за нею сегодня? Какая необыкновенная независимость! Снимите вашу шляпку. Присядьте къ огню! Что могу я вамъ предложить?

— Предложите мнѣ самое сильное усыпительное средство, какое вамъ случалось составлять въ своей жизни, отвѣчала она: — и оставьте меня въ покоѣ до-тѣхъ-поръ, пока наступитъ время его принять. Я серьёзно хочу быть вашей пациенткой! прибавила она свирѣпо, когда докторъ покушался возражать. — Я буду самой бѣшеной изъ бѣшенныхъ, если вы раздражите меня сегодня!

Начальникъ Лечебницы тотчасъ же сдѣлался серьёзень и кротокъ какъ врачъ.

— Сядьте въ этотъ тёмный уголъ, сказалъ онъ. — Васъ не потревожитъ никто. Черезъ полчаса ваша комната будетъ готова и усыпительное лекарство на столѣ.

«Это было для нея болѣе тяжолой борьбой, чѣмъ я ожидалъ, думалъ онъ, выходя изъ комнаты и направляясь къ своей аптекѣ съ противоположной стороны передней. «Великій Боже! какое ея дѣло до своей совѣсти, послѣ такой жизни, какую вела она!

Аптека была наполнена всѣми послѣдними изобрѣтеніями по медицинской части. Но одна изъ четырёхъ стѣнъ не была занята полками и тамъ пустое пространство было заставлено красивымъ, стариннымъ шкапомъ изъ рѣзнаго дерева, странно несогласовавшимся съ простой полезной наружностью этого мѣста вообще. Съ каждой стороны шкапа двѣ трубы были вдѣ-

ланы въ стѣнѣ, сообщаясь съ верхними областями дома и съ ярлыками, на одной трубѣ: «Къ Дежурному Аптекарю», а на другой: «Къ главной сидѣлкѣ». Докторъ связалъ нѣсколько словъ во вторую трубу, когда вошелъ въ комнату. Явилась пожилая женщина, получила приказаніе приготовить спальную мистриссъ Армэдэль, поклонилась и ушла.

Оставшись одинъ въ аптекѣ, докторъ отперъ среднее отдѣленіе шкапа и внутри обнаружилась коллекція бутылокъ, содержавшихъ различные яды, употребляемые въ медицинѣ. Вынувъ опиумъ, необходимый для усыпительнаго пріема, и поставивъ склянку на прилавокъ, докторъ воротился къ шкапу, заглянулъ въ него—сомнительно покачалъ головой—и подошелъ къ открытымъ полкамъ на противоположной сторонѣ комнаты. Тамъ, нѣсколько сообразивъ, онъ вынулъ изъ ряда большихъ склянокъ, находившихся передъ нимъ, одну съ желтой жидкостью; поставивъ эту склянку на столъ, онъ вернулся къ шкапiku, отперъ боковое отдѣленіе, гдѣ стояла стеклянная посуда. Измѣривъ её глазами, онъ выбралъ красивый пурпуровый флаконъ, высокій и узкій по формѣ, съ стеклянной же пробкой, и наполнилъ его желтой жидкостью, оставивъ только небольшое количество на днѣ склянки, и опять заперъ флаконъ тамъ, откуда его взялъ; потомъ поставилъ бутылку на прежнее мѣсто, наполнивъ её водою изъ цистерны, находившейся, въ аптекѣ, смѣшанной съ химическими жидкостями въ небольшомъ количествѣ, что сдѣлало эту склянку (по наружности) совершенно такою, какова она была, когда онъ снялъ её съ полки. Сдѣлавъ эти таинственные поступки, докторъ тихо засмѣялся и воротился къ своимъ трубамъ позвать провизора.

Провизоръ явился въ бѣломъ передникѣ отъ пояса до ногъ. Докторъ торжественно написалъ рецептъ успокоительнаго питья и подалъ его провизору.

— Нужно немедленно Бенджаминъ, сказалъ онъ тихимъ и меланхолическимъ голосомъ.—Большая дама—мистриссъ Армэдэль, № комнаты-1 во второмъ этажѣ. Ахъ, Боже мой! Боже мой! расбѣянно застоялъ докторъ:—болѣзнь серьезная, Бенджаминъ—болѣзнь серьезная.

Онъ раскрылъ совершенно новую книгу заведенія и записаль болѣзнь подробно, съ краткою выпиской рецепта.

— Вы отлили лавданъ? Поставьте его на мѣсто, закройте шкафъ и отдайте мнѣ ключъ. Готово лекарство? Надпишите на сигнатурѣ «принять передъ сномъ» и отдайте сидѣлкѣ, Бенджаминъ— отдайте сидѣлкѣ.

Пока губы доктора отдавали эти приказанія, руки доктора была заняты отпираньемъ ящика подъ конторкою, на которой лежала записная книга. Онъ вынулъ изъ ящика красиво напечатанные билеты для впуска въ Лечебницу, отъ 2 до 4 часовъ пополудни, и вписаль число слѣдующаго дня «10 декабря». Когда двѣнадцать этихъ билетовъ были завѣрнуты въ двѣнадцать литографированныхъ конвертовъ, онъ потомъ заглянулъ въ списокъ семействъ, жившихъ въ окрестностяхъ, и надписаль конверты съ списка. Позвонивъ въ колокольчикъ на этотъ разъ, вмѣсто того, чтобъ говорить въ трубу, онъ отдалъ явившемуся слугѣ письма и велѣлъ разнести ихъ на слѣдующее утро.

— Кажется, этого довольно, сказалъ докторъ, ходя по аптекѣ, когда слуга вышелъ:—я думаю, что этого довольно.

Пока онъ былъ погруженъ въ свои размышленія, сидѣлка явилась доложить, что комната дамы готова, и докторъ формально воротился въ кабинетъ сообщить эти свѣдѣнія миссъ Гуильтъ. Она не пошевелилась съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ её оставилъ. Она встала изъ своего тѣмнаго угла, когда онъ сообщилъ ей это извѣстiе и, не говоря ни слова, не поднимая воали, ускользнула изъ комнаты какъ призракъ.

Послѣ краткаго промежутка сидѣлка опять пришла внизъ сказать нѣсколько словъ наединѣ своему хозяину.

— Дама приказала вызвать её завтра въ семь часовъ, сэръ, сказала она:—она намѣрена сама поѣхать за своей поклажей и хочетъ, чтобы её ждалъ у дверей кэбъ, какъ только она одѣнется. Что мнѣ дѣлать?

— Дѣлайте то, что дама вамъ приказала, сказалъ докторъ.— На неё можно положиться, она вернѣтся въ Лечебницу.

Въ Лечебницѣ завтракали въ половинѣ девятого. Къ этому

времени миссъ Гуильтъ всё устроила въ своей квартирѣ и воротилась съ своей поклажей. Доктора изумила поспѣшность его паціентки.

— Зачѣмъ тратить понапрасно столько энергіи? спросилъ онъ, когда они встрѣтились за завтракомъ.—Зачѣмъ такъ торопиться, когда передъ вами всё утро?

— Просто нетерпѣніе! сказала она коротко.—Чѣмъ дольше я живу, тѣмъ нетерпѣливѣе я становлюсь.

Докторъ, примѣтившій, прежде чѣмъ она заговорила, что лицо ея казалось страшно блѣдно и старо въ это утро, замѣтилъ, когда она отвѣчала ему, что ея выраженіе—по природѣ подвижное въ необыкновенной степени—ни чуть не измѣнилось, когда она говорила. Въ губахъ ея не было обычнаго одушевленія, въ глазахъ обычнаго характера. Онъ никогда не видалъ её такъ непроницаемо и холодно спокойной, какъ видѣлъ её теперь.

«Она наконецъ рѣшилась, подумалъ онъ: «я могу сказать ей сегодня то, чего не могъ сказать вчера».

Вмѣсто предисловія къ предстоящимъ замѣчаніямъ онъ бросилъ взглядъ на ея вдовій трауръ.

— Теперь, когда вы привезли ваши вещи, началъ онъ:—позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ снять этотъ чепчикъ и надѣть другое платье.

— Зачѣмъ?

— Помните, что вы мнѣ говорили дня два тому назадъ? Вы сказали, что есть возможность, что мистеръ Армэдэль умрётъ въ моей Лечебницѣ?

— Я скажу это опять, если вы хотите.

— Возможность весьма невѣроятна, продолжалъ докторъ, глухой, какъ всегда, ко всякимъ неловкимъ перерывамъ:—это едва ли возможно вообразить! Но пока есть хоть какая-нибудь возможность, то о ней стѣдуетъ поразмыслить. Положимъ, онъ умрётъ—умрётъ скоропостижно и неожиданно, и слѣдствіе коронара въ домѣ сдѣлается необходимо. Что мы должны дѣлать въ такомъ случаѣ? Мы должны сохранить тѣ роли, въ которыхъ мы компрометировали себя—вы, какъ его вдова, я какъ свидѣтель вашего брака—и въ этихъ роляхъ добиваться самаго подроб-

наго слѣдствія. Если—что весьма невѣроятно—онъ умрётъ именно въ то время, когда мы желаемъ этого, я думаю—я могу даже сказать—я рѣшился признаться, что мы знали о его спасеніи отъ кораблекрушенія и въ томъ, что мы научили Бэшуда заманить его въ домъ посредствомъ ложнаго показанія на счетъ миссъ Мильрой. Когда послѣдуютъ неизбѣжные вопросы, я предложу доказать, что онъ обнаружилъ симптомы умственного расстройства вскорѣ послѣ вашего брака; что его помѣшательство состояло въ томъ, чтобъ не признавать васъ своей женой и увѣрять, будто онъ помолвленъ съ миссъ Мильрой; что вы такъ побоялись по этому поводу, когда услышали, что онъ живъ и возвращается назадъ, что пришли въ нервное волненіе, потребовавшее моихъ попеченій; что по вашей просьбѣ и чтобъ утишить ваше нервное волненіе, я навѣстилъ его, какъ врачъ, и спокойно приманилъ его въ домъ, потакая его помѣшательству—что совершенно позволительно въ подобномъ случаѣ—и наконецъ, что я могу засвидѣтельствовать, что его мозгъ былъ пораженъ этой таинственной болѣзью, совершенно неизлѣчимою, совершенно губельною, относительно которой медицинская наука находится еще во мракѣ. Такой образъ дѣйствія (въ случаѣ весьма невѣроятномъ, предполагаемомъ нами) будетъ и для вашихъ интересовъ и для моихъ неоспоримо самымъ надлежащимъ способомъ дѣйствія—и такое платье, при настоящихъ обстоятельствахъ носить не слѣдуетъ.

— Сейчас мнѣ снять? спросила она, вставая изъ-за стола и не дѣлая никакихъ замѣчаній на сказанное ей.

— Еще успѣете до двухъ часовъ, сказалъ докторъ.

Она посмотрѣла на него съ томнымъ любопытствомъ — и только.

— Отчего только до двухъ? спросила она.

— Потому что сегодня день впуска посѣтителей, а впускъ назначенъ отъ двухъ до четырехъ.

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ посѣтителей?

— Просто вотъ какое. Я считаю важнымъ, чтобы порядочные и безкорыстные свидѣтели видѣли васъ въ моёмъ домѣ въ роли дамы, которая лечится у меня.

— Ваша причина кака-то далёкая. Это ваша единственная причина?

— Моя милая, мизая мистриссъ Армэдэль! возразилъ докторъ: — скрываю ли я что-нибудь отъ васъ? Ужь, конечно, вы должны знать меня лучше.

— Да, сказала она съ утомлённымъ презрѣніемъ: — это довольно тупо съ моей стороны не понять васъ до-сихъ-поръ. Пришлите сказать наверхъ, когда я буду вамъ нужна.

Она оставила его и воротилась въ свою комнату.

Настало два часа; черезъ четверть часа явились посѣтители. Какъ ни мало прошло времени послѣ приглашенія, какъ ни мрачна казалась Лечебница снаружи, приглашенія доктора тѣмъ не менѣе были приняты женскими членами тѣхъ семействъ, къ которымъ они были адресованы. Въ жалкомъ однообразіи жизни, которую ведётъ большинство изъ средняго сословія въ Англіи, всё то пріятно женщинамъ, что представляетъ имъ безвредное прибѣжище противъ установленнаго правила, что всё человѣческое счастье начинается и кончается дома. Когда повелительныя потребности торговой страны ограничили представителей мужского пола, между докторскими посѣтителями, однимъ слабымъ старикомъ и однимъ соннымъ мальчикомъ, женщины бѣдняжки въ числѣ не менѣе шестнадцати — старыя и молодыя, замужнія и незамужнія — ухватились за золотой случай погрузиться въ общественную жизнь. Гармонически соединѣнные двумя общими предметами, которые они имѣли въ виду — во-первыхъ, посмотреть другъ на друга, а во-вторыхъ, взглянуть на Лечебницу — онѣ потянулись нарядной процессіей въ желѣзную калитку, принявъ такой видъ, какъ-будто онѣ всякое выраженіе удовольствія считали неприличнымъ для дамъ, что было весьма замѣтно и на что нельзя было глядѣть безъ презрительнаго состраданія.

Владѣлецъ Лечебницы принималъ гостей своихъ въ передней, держа подъ-руку миссъ Гуильтъ. Алчущіе глаза каждой женщины не обратили никакого вниманія на доктора, какъ-будто подобнаго человѣка и не существовало; и устремившись на незнакому даму, въ одно мгновеніе поглотили её съ ногъ до головы.

— Моя первая жилица, сказалъ докторъ, представляя миссъ Гуильтъ: — эта дама пріѣхала только вчера поздно вечеромъ и пользуется настоящимъ случаемъ (единственнымъ, которое мои утреннія занятія позволили ей дать), чтобы осмотрѣть Лечебницу. Позвольте мнѣ, милостивая государыня, продолжать оны, оставляя миссъ Гуильтъ и подавая руку старшей дамѣ между гостями. — Растроенныя нервы — домашнія непріятности, шепнулъ оны по секрету. — Милая женщина! печальныя обстоятельства!

Оны тихо вздохнулъ и повѣлъ пожилую даму черезъ переднюю.

За нимъ хлынула толпа посѣтителей; миссъ Гуильтъ молча проводила ихъ и шла одна — между ними, но не съ ними — послѣ всѣхъ.

— Садъ, милостивыя государыни и государи, сказалъ докторъ, обѣртываясь и не обращая къ посѣтителямъ: — какъ бы изволите видѣть, находится отчасти въ неоконченномъ состояніи. При всякихъ обстоятельствахъ я обратилъ бы моё вниманіе на садъ, имѣя подъ-рукою Гэмпстидъ, такъ какъ прогулки въ экипажѣ и верхомъ входятъ въ составъ моей системы. Въ меньшей степени, но также необходимо просить вашего снисхожденія за нижній этажъ, на которомъ мы стоимъ. Пріёмная и кабинетъ съ той стороны, аптека съ другой (на которую я сейчасъ обращаю ваше вниманіе) окончены. Но большая гостиная еще въ рукахъ обойщиковъ. Въ этой комнатѣ (когда стѣны высохнутъ, ни минутой прежде) жильцы мои будутъ собираться для веселаго общества. Ничего не пожалѣю, что можетъ улучшить, возвысить и украсить жизнь на этихъ счастливыхъ собраніяхъ. Каждый вечеръ, напимѣръ, будетъ музыка для тѣхъ, кто её любитъ.

Тутъ между посѣтителями сдѣлалось лёгкое движеніе. Мать семейства прервала доктора. Она пожелала узнать, включалось ли и воскресенье въ каждый вечеръ; а если такъ, то какая же будетъ это музыка?

— Священная, разумѣется, отвѣчалъ докторъ. — Гендель въ воскресенье вечеромъ и Гайднъ время отъ времени. Но я хотѣлъ сказать, что музыка не единственное развлеченіе, которое я предлагаю моимъ нервнымъ больнымъ. Занимательное чтеніе приготовлено для тѣхъ, кто предпочитаетъ книги.

Между гостями опять произошло движеніе. Другая мать се-

мейства пожелала узнать, романы ли подразумеваются подъ занимательнымъ чтеніемъ.

— Только такіе романы, которые я самъ выбралъ и прочиталъ, отвѣчалъ докторъ. — Ничего неприятнаго, сударыня! Въ настоящей жизни много бываетъ неприятнаго, но по этой самой причинѣ намъ этого не нужно въ книгахъ. Англійскій романистъ, входящій въ мой домъ (иностранные романисты не допускаются) долженъ понимать своё искусство какъ здравомыслящій англійскій читатель понимаетъ его въ наше время. Онъ долженъ знать, что нашъ чистый современный вкусъ, наша высшая современная нравственность предписываютъ ему дѣлать для насъ двѣ вещи, когда онъ ишетъ книгу. Мы требуемъ отъ него, чтобы онъ заставлялъ насъ смѣяться иногда и всегда внушалъ намъ спокойное чувство.

Между посѣтителями опять сдѣлалось движеніе, возбужденное на этотъ разъ одобреніемъ чувствъ, слышанныхъ ими. Докторъ, благоразумно остерегаясь уничтожить благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ, прекратилъ разговоръ о гостинной и повѣлъ посѣтителей на верхъ. Какъ и прежде, общество послѣдовало за нимъ—и, какъ прежде, миссъ Гуильтъ молча шла позади всѣхъ. Одна за одною, дамы смотрѣли на неё, желая заговорить, и видѣли на лицѣ ея что-то такое, совершенно для нихъ непонятное, сдерживавшее на ихъ губахъ доброжелательныя слова. Преобладающее впечатлѣніе состояло въ томъ, что хозяйнѣ Лечебницы деликатно скрываетъ истину и что его первая жилища помѣшана.

Докторъ вѣлъ гостей — останавливаясь время отъ времени, чтобы старушка, опиравшаяся о его руку, могла перевести духъ—прямо на верхъ. Остановивъ посѣтителей въ корридорѣ и указавъ рукою на нумерованныя двери, открывавшіяся съ каждой стороны, онъ пригласилъ гостей заглянуть или въ которую-нибудь или во всѣ комнаты, какъ имъ угодно.

— Нумера отъ перваго до четвертаго, милостивыя государыни и милостивые государи, сказалъ докторъ: — заключаютъ спальни прислуги. Нумера отъ четвертаго до восьмого назначены для бѣднаго класса больныхъ, которыхъ я принимаю на условіяхъ,

только покрывающихъ мои издержки—не болѣе. Для пріема этихъ бѣдныхъ страдающихъ необходимо, чтобы они были набожны и рекомендованы двумя пасторами. Это мои единственныя условія, но я настаиваю на нихъ. Пожалуйста замѣтите, что комнаты всѣ съ вентиляторами, а кровати желѣзныя, и будьте такъ добры, обратите вниманіе, когда мы опять спустимся во второй этажъ, что тамъ есть дверь, которая можетъ запереть всякое сообщеніе между вторымъ этажемъ и верхнимъ, когда это необходимо. Комнаты во второмъ этажѣ, до котораго мы теперь дошли (за исключеніемъ моей комнаты), всѣ назначены для пріема больныхъ дамъ. Опытность убѣдила меня, что чрезвычайная чувствительность женской организаціи требуетъ, чтобы спальни были высоко расположены для бѣльшей чистоты и свободнаго круговращенія воздуха. Здѣсь дамы находятся непосредственно подъ моимъ надзоромъ, между тѣмъ какъ мой помощникъ (котораго я ожидаю черезъ недѣлю) смотритъ за мужчинами въ нижнемъ этажѣ. Замѣтите опять, когда мы спускаемся въ этотъ нижній или первый этажъ, вторую дверь, замыкающую сообщеніе ночью между двумя этажами для всѣхъ, кромѣ моего помощника и меня. А теперь, когда мы дошли до мужской половины дома и когда вы примѣтили устройство заведенія, позвольте мнѣ представить вамъ обращикъ моей системы леченія. Я могу представить вамъ практическій примѣръ, введя васъ въ комнату, устроенную по моимъ указаніямъ, для удобства самыхъ сложныхъ нервныхъ страданій и нервнаго умопомѣшательства, какія только попадались мнѣ.

Онъ отворилъ дверь на одномъ концѣ корридора, дверь подъ номеромъ четвертымъ.

— Посмотрите, милостивыя государыни и милостивые государи, сказалъ онъ: — и если примѣтите что-нибудь замѣчательное, пожалуйста скажите.

Комната была не очень велика, но хорошо освѣщена однимъ широкимъ окномъ. Удобно меблированная, она отличалась отъ другихъ подобныхъ спаленъ только тѣмъ, что въ ней не было камина. Когда посѣтители это примѣтили, имъ было сообщено, что комната нагрѣвалась зимою посредствомъ горячей воды; а

потомъ ихъ пригласили обратно въ корридоръ, чтобъ показать имъ то, чего они не могли примѣтить сами.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово, милостивыя государины и милостивые государи, сказалъ докторъ: — буквально одно слово, о нервныхъ разстройствахъ. Каковъ ходъ леченія, когда нравственная тревога разбила васъ и вы обращаетесь къ вашему доктору? Онъ видитъ васъ, выслушаетъ и дастъ вамъ два рецепта: одинъ написанъ на бумагѣ и составляется въ аптекѣ; другой даётся словесно въ благопріятную минуту, когда вы отдаёте доктору за визитъ, и состоитъ въ общемъ предписаніи сохранять душевное спокойствіе. Давъ этотъ превосходный совѣтъ, докторъ оставляетъ васъ избѣгать всѣхъ непріятностей вашими собственными усиліями, до его слѣдующаго пріѣзда. Здѣсь выступаетъ моя система и помогаетъ вамъ. Когда я вижу, что для васъ необходимо сохранить душевное спокойствіе, я устроиваю это для васъ. Я ставлю васъ въ среду дѣйствія, въ которой не допускаются десять тысячъ бездѣлицъ раздражающихъ нервныхъ людей дома. Я бросаю непроходимый нравственный окопъ между досадою и вами. Найдите дверь, хлопающую въ *этомъ* домѣ, если можете! Поймайте слугу въ *этомъ* домѣ, который брячалъ бы чашками, когда уносить подносы! Найдите лающихъ собакъ, кричащихъ пѣтуховъ, стучащихъ молоткомъ работниковъ, визгливыхъ людей *здѣсь*—и я обязуюсь закрыть мою Лечебницу завтра же! Развѣ эти непріятности ничего не значатъ для нервныхъ людей? Спросите ихъ! Могутъ они избавиться отъ этихъ непріятностей дома? Спросите ихъ! Развѣ десять минутъ раздраженія при лаѣ собаки или плачущаго ребѣнка не разстроитъ той пользы, которую принесетъ нервному больному мѣсяцъ медицинскаго леченія? Въ Англии не найдётся ни одного свѣдущаго доктора, который осмѣлился бы отрицать это. Моя система основана на этихъ простыхъ правилахъ. Я утверждаю, что медицинское леченіе нервныхъ больныхъ совершенно подчинено нравственному леченію. Нравственное леченіе вы находите здѣсь. Это нравственное леченіе, рачительно продолжаемое цѣлый день, слѣдуетъ за больнымъ въ его комнату, ночью

успокаиваетъ его, безъ вѣдома его самого — вы видите какимъ образомъ.

Докторъ остановился перевести духъ и въ первый разъ съ тѣхъ-поръ, какъ посѣтители вошли въ домъ, посмотрѣлъ на миссъ Гуильтъ. Первый разъ съ своей стороны она вышла впередъ и посмотрѣла на доктора. Послѣ минутной остановки въ видѣ кашля, докторъ продолжалъ:

— Положимъ, милостивыя государыни и милостивые государи, что мой больной только-что поступилъ ко мнѣ. Его воображеніе наполнено нервными фантазіями и капризами, которые его друзья (съ самыми лучшими намѣреніями) по невѣдѣнію раздражали дома. Напримѣръ, они боялись за него ночью. Они припуждали, чтобы кто-нибудь спалъ съ нимъ въ комнатѣ, или запрещали ему, изъ опасенія какого-нибудь несчастья, запираеть дверь. Онъ приходитъ ко мнѣ въ первую ночь и говоритъ:

«— Я не хочу, чтобы кто-нибудь спалъ у меня въ комнатѣ.

«— Никто не будетъ спать.

«— Я непременно хочу запереть мою дверь.

«— Заприте». Онъ запираетъ свою дверь и, успокоенный, становится расположенъ къ довѣрію, расположенъ ко сну оттого, что ему позволено поступить по-своему. «Всѣ это очень хорошо, можете вы сказать: «но положимъ, что-нибудь случится, положимъ, что съ нимъ сдѣлается припадокъ ночью, тогда что?» Вы увидите! Эй, мой юный другъ, вдругъ обратился докторъ къ сонному мальчику:— послушайте! Вы будете бѣднымъ больнымъ, а я добрымъ докторомъ. Ступайте въ эту комнату и заприте дверь. Вы заперли? Очень хорошо. Вы думаете, что я не могу войти къ вамъ, если захочу? Я подожду, пока вы заснѣте, прижму эту бѣлую пуговку, спрятанную въ парпетѣ этой наружной стѣны — замокъ неслышно отворяется и я вхожу въ комнату когда захочу. То же самое дѣлается и съ окномъ. Мой капризный больной не хочетъ отворять окна ночью, когда ему слѣдуетъ отворить. Я опять ему потакаю.

«— Непременно заприте, любезный сэръ!» Какъ только онъ заснѣтъ, я прижму черную ручку, спрятанную здѣсь въ углу стѣны—окно въ комнатѣ не слышно отворяется, какъ вы видите.

Положимъ капризный больной непременно хочетъ отворить окно когда ему слѣдуетъ затворить его. Пусть его! пусть его! Я прижму другую ручку, когда онъ уляжется въ постель, и окно тихо закроется въ одну минуту. Ничто не раздражаетъ его, милостивыя государыни и милостивые государи, его рѣшительно не раздражаетъ ничто! Но я еще съ нимъ не кончилъ. Эпидемическая болѣзнь, несмотря на всѣ мои предосторожности, можетъ войти въ эту Лечебницу и сдѣлать необходимымъ очищеніе комнаты больного. Или болѣзнь больного можетъ усложниться еще другою, кромѣ нервной болѣзни, положимъ, напримѣръ, одышкою. Въ первомъ случаѣ необходимо окуриванье, во второмъ — прибавленіе кислорода въ воздухѣ подаетъ облегченіе, Эпидемическій нервный больной скажетъ: «Я не хочу, чтобы у меня курили подъ носомъ!» Страдающій одышкою нервный больной приходитъ въ ужасъ при мысли о химическомъ взрывѣ въ комнатѣ. Я неслышно окуриваю одного, я неслышно окисляю другого посредствомъ простого аппарата, прикрѣпленнаго снаружи въ углу. Онъ защищенъ деревяннымъ ящикомъ, запертъ моимъ ключомъ и сообщается посредствомъ трубы съ внутренностью комнаты. Посмотрите!

Бросивъ взглядъ на миссъ Гуильтъ, докторъ отперъ крышку деревяннаго ящика и обнаружилъ большую каменную банку съ стеклянной трубой, обложенной пробкой и сообщавшейся съ стѣной. Бросивъ еще взглядъ на миссъ Гуильтъ, докторъ опять заперъ крышку и спросилъ самымъ кроткимъ образомъ, понятна ли его система?

— Я могъ бы показать вамъ разные другіе способы въ томъ же родѣ, продолжалъ онъ, показывая дорогу внизъ: — но это будетъ только повтореніе того же. Нервный больной, который всегда можетъ поступать по-своему, никогда не раздражается, а нервный больной никогда не раздражающійся, всегда выздоравливаетъ. Пожалуйста посмотрѣть аптеку, милостивыя государыни, аптеку, а потомъ кухню.

Опять миссъ Гуильтъ пошла позади посѣтителей и ждала одна, пристально смотря на комнату, которую докторъ отворялъ, и на аппараты, которые докторъ показывалъ. Опять, хотя ни

одного слова не было сказано между ними, она его поняла. Она знала также хорошо, какъ если бы онъ признался въ этомъ, что онъ хитро поставилъ передъ нею необходимое искушеніе, при свидѣтеляхъ, которые могли засвидѣтельствовать о поверхностно невинныхъ поступкахъ видѣнныхъ ими, если бы случилось, что-нибудь серьёзное. Аппаратъ, первоначально сдѣланный для медицинскихъ хитростей доктора, очевидно долженъ былъ быть направленъ для другого употребленія, о которомъ самъ докторъ, вѣроятно, не воображалъ до-тѣхъ-поръ. И вѣроятно, что въ этотъ же самый день это другое употребленіе будетъ ей секретно сообщено въ настоящую минуту, въ присутствіи настоящаго свидѣтеля.

— Армэдэль умрётъ на этотъ разъ, сказала она сама себѣ, медленно спускаясь съ лѣстницы: — докторъ убьётъ его моими руками.

Посѣтители были въ аптекѣ, когда она присоединилась къ нимъ. Всѣ дамы восхищались красотой стариннаго шкапика и всѣ дамы пожелали видѣть, что тамъ внутри. Докторъ, бросилъ взглядъ на миссъ Гуильтъ и добродушно покачалъ головою.

— Для васъ нѣтъ ничего интереснаго внутри, сказалъ онъ: — ничего, кромѣ ряда маленькихъ дрянныхъ склянокъ съ ядами, употребляемыми въ медицину, которую я держу подъ замкомъ и ключомъ. Пойдѣте въ кухню милостивыя государыни, и удостойте меня вашимъ совѣтомъ о хозяйственныхъ дѣлахъ внизу.

Онъ опять взглянулъ на миссъ Гуильтъ, когда общество проходило черезъ переднюю, и взглядъ его ясно говорилъ: «ждите здѣсь».

Черезъ четверть часа докторъ изложилъ свои воззрѣнія на страпню и діету, а посѣтители (снабженные объявленіями), прощались съ нимъ у дверей.

— Совершенно умственное наслажденіе! говорили они другъ другу, опять направляясь изящной процесіей въ желѣзную ванитку. Какой умный человѣкъ!

Докторъ воротился въ аптеку, разсѣянно напѣвая про-себя и не обращая никакого вниманія на тотъ уголъ, въ которомъ стояла миссъ Гуильтъ.

Послѣ минутной нерѣшимости она пошла за нимъ. Когда она вошла въ аптеку, тамъ былъ помощникъ, позванный хозяиномъ за минуту передъ тѣмъ.

— Докторъ, сказала она холодно и машинально, какъ бы повторяя урокъ:—мнѣ также любопытно, какъ и другимъ дамамъ, взглянуть на вашъ хорошенькій шкапикъ. Теперь, когда онѣ ушли, не покажете ли вы внутренность его мнѣ.

Докторъ засмѣялся самымъ пріятнымъ образомъ.

— Старая исторія! сказалъ онъ. — Запертая комната Синей Бороды и женское любопытство! Не уходите, Бенджаминъ, не уходите. Чтò вамъ интереснаго смотрѣть на медицинскую склянку только потому, что эта склянка съ ядомъ?

Она во второй разъ повторила свой урокъ:

— Мнѣ интересно посмотрѣть на неё и думать, что если она попадётся въ руки кого-нибудь, какія страшныя вещи можетъ она сдѣлать!

Докторъ взглянулъ на своего помощника съ сострадательной улыбкой.

— Любопытно, Бенджаминъ, сказалъ онъ: — какой романическій взглядъ неучоныя люди имѣютъ объ этихъ нашихъ снадобьяхъ. Если *это* интересуетъ васъ, прибавилъ онъ, опять обращаясь къ миссъ Гуильтъ: — то вамъ не зачѣмъ просить меня отпереть вамъ шкапикъ, вамъ стоить только осмотрѣть кругомъ полки въ этой комнатѣ. Въ этихъ склянкахъ находятся всякаго рода медицинскія вещества самыя невинныя и самыя полезныя сами-по-себѣ, которыя, въ соединеніи съ другими веществами и съ другими жидкостями, становятся ядами столь же страшными и столь же смертельными какъ тѣ, которые я держу въ моёмъ шкапикѣ подъ замкомъ и ключомъ.

Она посмотрѣла на него съ минуту и перешла на противоположную сторону комнаты.

— Покажите мнѣ одну склянку, сказала она.

Всѣ улыбаясь также добродушно, какъ и прежде, докторъ исполнилъ прихоть своей нервной больной. Онъ указалъ на склянку, изъ которой онъ наканунѣ вылилъ жолтую жидкость и кото-

рую опять наполнилъ смѣсью собственнаго изобрѣтенія такого же цвѣта.

— Видите эту склянку, сказалъ онъ:—эту круглую, красивую скляночку? Это всё равно, что ни было бы внутри ея; возьмёмъ эту склянку и назовёмъ её, если хотите, нашимъ собственнымъ именемъ. Не назвать ли намъ её «нашимъ Сильнымъ Другомъ?» Очень хорошо. Нашъ Сильный Другъ самъ-по-себѣ самое безвредное и полезное лекарство. Онъ свободно раздаётся каждый день десяткамъ тысячъ больныхъ во всёмъ цивилизованномъ мірѣ. Онъ не появлялся романически въ уголовныхъ судахъ, онъ не возбуждалъ интереса въ романахъ, онъ не игралъ ужасной роли на сценѣ. Это невинное, безобидное существо, которое не беспокоитъ никого необходимостью запереть его. Но поставьте его въ прикосновеніе съ чѣмъ-нибудь другимъ, познакомьте его съ нѣкоимъ минеральнымъ веществомъ вообще доступнаго рода, разбитымъ на куски; запаситесь шестью приёмами нашего Сильнаго Друга и выливайте эти приёмы на куски, упомянутые мною въ промежуткѣ не болѣе чѣмъ пять минутъ. Множество маленькихъ пузырьковъ будетъ подниматься, когда вы будете лить; соберите газъ въ этихъ пузырькахъ и перенесите его въ запертую комнату, и хоть самъ Самсонъ находишь въ этой запертой комнатѣ, нашъ Сильный Другъ убьётъ его черезъ полчаса, убьётъ его медленно такъ, что онъ не увидитъ ничего, не почувствуетъ никакого запаха, не почувствуетъ ничего, кромѣ дремоты. Убьётъ его и ничего не скажетъ цѣлой коллегіи врачей, если они будутъ анатомировать его послѣ смерти, кромѣ того, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара или отъ воспаления въ лёгкихъ! Что вы думаете объ *этомъ* относительно таинственности и романизма? Такъ ли же интересенъ теперь нашъ безвредный Сильный Другъ, какъ еслибы онъ пользовался страшною популярною знаменитостью мышьяка или трехнины, которые я держу запертыми здѣсь. Не предполагайте, что я увеличиваю! Не предполагайте, будто я выдумываю вздоръ для того, чтобы обморочить васъ, какъ дѣти говорятъ. Спросите Бенджамина, сказалъ докторъ, обращаясь къ своему помощнику и устремивъ глаза на миссъ Гуильтъ: — спросите Бенджамина, повторилъ онъ, дѣлая

удареніе на каждомъ словѣ: — если шесть пріёмовъ этой склянки, налитые черезъ пять минутъ при условіяхъ, высказанныхъ мною, произведутъ результатъ, мною описанный.

Провизоръ, скромно восхищаясь миссъ Гуильтъ издали, вздрогнулъ и покраснѣлъ. Ему, просто, было пріятно маленькое вниманіе, включившее его въ разговоръ.

— Докторъ совершенно правъ, обратился онъ къ миссъ Гуильтъ съ самымъ ловкимъ поклономъ: — испаренія газа продолжающіяся полчаса, будутъ постепенно достаточны, и, прибавилъ провизоръ молча обращаясь къ своему хозяину, чтобы тотъ позволилъ ему выказать химическія познанія: — объёма газа достаточно будетъ наконецъ—если я не ошибаюсь, сэръ—чтобы быть гибельнымъ для всякаго человѣка, который войдётъ въ комнату, менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ.

— Неоспоримо, Бенджаминъ, возразилъ докторъ: — но я думаю, что намъ пока довольно химіи, обратился онъ къ миссъ Гуильтъ. — Со всевозможною готовностью исполнить каждое ваше желаніе, я осмѣливаюсь предложить болѣе весѣлый предметъ. Не оставить ли намъ аптеку прежде чѣмъ она представитъ еще предметы для разспросовъ вашему дѣятельному уму? Нѣтъ? Вы желаете видѣть опытъ? Вы желаете посмотрѣть какъ составляются маленькіе пузырьки? Ну-ну! въ этомъ нѣтъ ничего вреднаго. Мы покажемъ мистриссъ Армэдэль пузыри, продолжалъ докторъ тономъ отца, исполняющаго прихоть избалованнаго ребѣнка: — посмотрите, не найдёте ли вы намъ нужные камешки Бенджаминъ. Навѣрно работники (они такіе неопрятные!) оставили что-нибудь въ этомъ родѣ около дома.

Провизоръ вышелъ изъ комнаты.

Какъ только онъ ушелъ, докторъ началъ открывать и затворять ящики въ разныхъ мѣстахъ съ видомъ человѣка, который торопится найти и не знаетъ гдѣ отыскать.

— Господи помилуй! воскликнулъ онъ, вдругъ остановившись у ящика, изъ котораго онъ вынулъ наганушъ пригласительные билеты: — это чтѣ такое? Ключъ? Дубликатъ ключа отъ моего аппарата наверху! О Боже, Боже! какъ я становлюсь небреженъ, сказалъ докторъ, вдругъ обращаясь къ миссъ Гуильтъ. — Я

не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, что у меня есть этотъ второй ключъ. Я никогда бы его не хватился, увѣряю васъ; я никогда бы его не хватился, еслибы кто-нибудь вынулъ его изъ этого ящика.

Онъ суетливо перешолъ на другой конецъ комнаты, не заперевъ ящика и не вынувъ ключа.

Молча миссъ Гуильтъ слушала, пока онъ кончилъ; молча проскользнула она къ ящику, молча вынула ключъ и спрятала его въ карманъ передника.

Провизоръ воротился съ обломками каменьева, собранныхъ въ тазу.

— Благодарствуйте, Бенджаминъ, сказалъ докторъ:—пожалуйста облейте ихъ водой, пока я принесу склянку.

Такъ-какъ непріятные случаи бывають иногда въ наилучше устроенныхъ семействахъ, такъ и неловкость встрѣчается иногда съ наилучше приученными руками. Когда докторъ снималъ съ полки склянку, она выскользнула изъ его рукъ и разбилась въ дребезги на полу.

— О пальцы мои, пальцы! закричалъ докторъ съ видомъ комической досады:—зачѣмъ вы это сыграли со мною такую злую шутку? Ну-ну-ну, дѣлать нечего. У насъ нѣтъ этого больше, Бенджаминъ?

— Ни одной капли, сэръ.

— Ни одной капли! повторилъ докторъ. — Милостивая государыня, какъ мнѣ извиняться передъ вами? Моя неловкость сдѣлала невозможнымъ сегодня нашъ маленькій опытъ. Напомните мнѣ завтра, чтобы выписать еще этого, Бенджаминъ, и пожалуйста не беспокойтесь поправлять этотъ безпорядокъ. Я пришлю сюда слугу подтеретьъ. Нашъ Сильный Другъ довольно безвреденъ теперь, милостивая государыня, въ соединеніи съ деревяннымъ поломъ. Мнѣ очень жаль, право мнѣ очень жаль, что я обманулъ ваше ожиданіе.

Съ этими успокоительными словами онъ предложилъ руку миссъ Гуильтъ и вывелъ её изъ аптеки.

— Вы кончили со мною теперь? спросила она, когда они были въ передней.

— О Боже, Боже! какъ вы это говорите! воскликнулъ докторъ. — Обѣдъ въ шесть часовъ, прибавилъ онъ съ вѣзливой выразительностью, когда она отвернулась отъ него съ презрительнымъ молчаніемъ и медленно пошла на верхъ въ свою комнату.

Часы самые тихіе — неспособные разстроить раздражительныя нервы — были прикрѣплены въ стѣнѣ надъ площадкой перваго этажа въ Лечебницѣ. Въ ту минуту, когда стрѣлка показывала безъ четверти шесть, тишина въ верхнихъ областяхъ тихо нарушилась шелестомъ платья миссъ Гуильтъ. Она шла по корридолу перваго этажа, остановилась у закрытаго аппарата, прикрѣпленнаго снаружи у комнаты подь номеромъ Четвёртымъ, прислушивалась съ минуту, потомъ отперла крышку ключомъ.

Открытая крышка набросила тѣнь на внутренность ящика. Миссъ Гуильтъ сначала увидала то, что она уже видѣла — банку и стеклянную трубу, обложенную пробкой. Она вынула трубу и, осмотрѣвшись вокругъ, примѣтила на подоконникѣ, находившемся возлѣ, восковую свѣчку, прикрѣпленную въ желѣзному пруту, которой зажигали газъ. Она взяла пруть и, вложивъ его въ отверстіе, которое занимала труба, начала мѣшать имъ въ банкѣ. Лёгкія брызги какой-то жидкости и скрипъ какого-то твёрдаго вещества, которое она мѣшала, было два звука, доносившіеся до ея ушей. Она вынула пруть и осторожно дотронулась кончикомъ языка до мокроты, оставшейся на прутѣ. Осторожность была совершенно бесполезна въ этомъ случаѣ: жидкость была вода.

Вложивъ трубу на прежнее мѣсто, миссъ Гуильтъ примѣтила что-то блестящее въ пустомъ пространствѣ возлѣ банки. Она вынула эту вещь, которая и казалась пурпуровымъ флакономъ. Жидкость, которою онъ былъ наполненъ, тёмно виднѣлась сквозь прозрачное и цвѣтное стекло; шесть тоненькихъ бумажекъ были прикрѣплены въ правильныхъ промежуткахъ, раздѣлявшихъ жидкость, заключавшуюся въ флаконѣ на шесть равныхъ частей.

Теперь нельзя было сомнѣваться, что аппаратъ былъ таёно приготовленъ для нея — аппаратъ, отъ котораго она одна (исключая доктора) имѣла ключъ.

Она поставила флаконъ на прежнее мѣсто и заперла крышку ящика. Съ минуту она смотрѣла на него съ ключомъ въ рукѣ. Вдругъ исчезнувшій румянецъ опять выступилъ на ея лицѣ; обыкновенное одушевленіе воротилось на нёмъ первый разъ въ этотъ день. Она обернулась и, запыхавшись, поспѣшила на верхъ, въ свою комнату во второмъ этажѣ. Торопливыми руками схватила она изъ гардероба своё манто и изъ кардонки шляпу.

— Я не въ тюрьмѣ! закричала она пылко.—Я могу владѣть моими членами! Я могу идти—всё-равно куда бы то ни было, только бы мнѣ выйти изъ этого дома!

Надѣвъ манто и держа шляпку въ рукѣ, она перешла черезъ комнату къ двери. Еще минута и она была бы въ корридорѣ. Въ эту минуту въ головѣ ея промелькнуло воспоминаніе о мужѣ, отъ котораго она отперлась. Она вдругъ остановилась и бросила манто и шляпку на постель.

— Нѣтъ, сказала она:—бездна выкопана между нами — худшее сдѣлано!

Постучались въ дверь. Голосъ доктора вѣжливо напомнилъ ей, что уже шесть часовъ. Она отперла дверь и остановила его, когда онъ сходилъ внизъ.

— Въ какое время придѣтъ сегодня поѣздъ? спросила она шопотомъ.

— Въ десять часовъ, отвѣчалъ докторъ такимъ голосомъ, который всѣ могли слышать.

— Въ какой комнатѣ остановится мистеръ Армэдэль, когда придѣтъ?

— Въ какой комнатѣ хотите вы, чтобы онъ остановился?

— Въ комнатѣ подъ номеромъ Четвёртымъ.

Докторъ до самаго конца поддерживалъ наружный видъ.

— Пусть будетъ номеръ Четвёртый, сказалъ онъ любезно.— Только, разумѣется, если номеръ Четвёртый не будетъ занятъ въ это время.

Прошолъ вечеръ, настала ночь.

За нѣсколько минутъ до десяти часовъ Бэшудъ опять былъ на своёмъ посту и опять ожидалъ прибытія поѣзда.

Дежурный инспекторъ, знавшій его по наружности и лично

удостовѣрившійся, что его акуратное появленіе на станці желѣзной дороги не заключало въ себѣ умысловъ на кошельки и чемоданы пассажировъ, примѣтилъ два новыя обстоятельства относительно Бэшуда въ этотъ вечеръ. Во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы обнаружить свою обыкновенную весѣлость, онъ казался растревоженъ и унылъ; во-вторыхъ, пока онъ поджидалъ поѣзда, за нимъ, въ свою очередь, наблюдалъ худощавый, смуглый, средняго роста человекъ, который оставилъ свою поклажу (надписанную на имя Мидуинтера) въ таможнѣ наканунѣ и воротился черезъ полчаса тому назадъ, чтобы её рассмотреть.

Что привело Мидуинтера на станцію желѣзной дороги и почему онъ также поджидалъ поѣзда желѣзной дороги?

Онъ дошолъ до Гендона въ своей одинокой прогулкѣ наканунѣ, зашолъ въ деревенскую гостинницу и проспалъ (просто отъ изнеможенія) поздніе часы утра, которыми воспользовалась его предусмотрительная жена. Когда онъ воротился на ея квартиру, хозяйка могла только сообщить ему, что ея жилища совершенно расплатилась съ нею и отправилась (куда—ни она, ни служанка не знали) болѣе чѣмъ два часа тому назадъ.

Посвятивъ немного времени на разспросы, результатъ которыхъ убѣдилъ его, что слѣдъ потерянь, Мидуинтеръ вышелъ изъ дома и машинально продолжалъ свой путь къ болѣе шумнымъ и центральнымъ частямъ столицы. При свѣтѣ, наброшенномъ теперь на характеръ его жены, было бы совершенно бесполезно отправиться по адресу, который она ему дала, какъ адресъ ея матери. Онъ пошолъ по улицамъ, рѣшившись найти её, и тщетно стараясь придумать средства для своей цѣли, пока имъ не овладѣло опять чувство усталости. Когда онъ остановился отдохнуть и собраться съ силами въ первой гостинницѣ, случайный споръ между слугою и пріѣзжимъ о потерянномъ чемонадѣ напомнилъ ему о его собственной поклажѣ, оставленной на станці желѣзной дороги и немедленно обратилъ его мысли на обстоятельства его встрѣчи съ Бэшудомъ. Еще черезъ минуту мысль, что онъ напрасно отыскивалъ дорогу по улицамъ, промелькнула въ головѣ его. Еще черезъ минуту онъ рѣшился попробовать опять найти управителя поджидающаго пріѣзда че-

ловѣка, котораго онъ очевидно ожидалъ съ вечернимъ поѣздомъ наканунѣ.

Мидуинтеръ не зналъ о слухахъ, распространившихся о смерти Аллена въ морѣ, и не узналъ въ страшномъ свиданіи съ женой съ какой дѣлюю она надѣла вдовій трауръ, и его первыя подозрѣнія о ея невѣрности неизбежно перешли въ убѣжденіе, что она измѣнила ему. Онъ могъ только дать единственное истолкованіе, тому, что она открыто отперлась отъ него и приняла имя, подъ которымъ онъ тайно на ней женился. Ея поведеніе принудило его вывести заключеніе, что она вступила въ какую-нибудь постыдную связь и низкимъ образомъ обезпечила себя такимъ положеніемъ, въ которомъ, она знала, какъ для него будетъ противно и непріятно предъявлять на неѣ свои права. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ теперь наблюдалъ за Бэшудомъ въ твёрдой увѣренности, что тайное убѣжище его жены было извѣстно гнусному служителю ея порсковъ—и смутно подозрѣвая, когда время уходило, что неизвѣстный человѣкъ, оскорбившій его, и неизвѣстный путешественникъ, пріѣзда котораго поджидалъ управитель, было одно и то же лицо.

Поѣздъ опоздалъ въ этотъ вечеръ, а вагоны были наполнены болѣе обыкновеннаго, когда пріѣхали наконецъ. Мидуинтеръ запутался въ толпу, суетившуюся на платформѣ, и усиливаясь вырваться изъ нея, въ первый разъ потерялъ Бэшуда изъ вида.

Прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ онъ опять увидалъ управителя, съ жаромъ разговаривавшаго съ человѣкомъ въ широкомъ косматомъ пальто, который стоялъ къ Мидуинтеру спиной. Забывъ всякую осторожность и сдержанность, которыя онъ наложилъ на себя до появленія поѣзда, Мидуинтеръ немедленно подошелъ къ нимъ. Бэшудъ увидалъ его грозное лицо и молча отступилъ. Человѣкъ въ широкомъ пальто обернулся посмотреть куда смотрѣлъ управитель, и обнаружилъ Мидуинтеру при полномъ свѣтѣ фонаря, лицо Аллена!

Съ минуту оба стояли безмолвно, рука въ руку и смотря другъ на друга. Алленъ опомнился первый.

— Слава Богу за это! сказалъ онъ набожно.—Я не спрашиваю, какъ вы пріѣхали сюда, довольно того, что вы пріѣхали.

Непріятныя извѣстія уже встрѣтили меня, Мидуинтеръ. Только вы можете утѣшить меня и помочь ихъ перенести.

Голось его слабѣлъ при послѣднихъ словахъ и онъ не сказалъ ничего болѣе.

Тонъ, которымъ онъ говорилъ, заставлялъ Мидуинтера обратиться къ прежнему старому признательному участію къ его другу, которое когда-то было главнымъ интересомъ въ его жизни. Онъ преодолѣлъ своё собственное несчастье въ первый разъ послѣ того, какъ оно его постигло, и тихо отведя Аллена въ сторону, спросилъ что случилось.

Отвѣтъ—сообщивъ ему о разнесшихся слухахъ на счетъ мнимой смерти Аллена — увѣдомилъ его (основываясь на словахъ Бэшуда), что это извѣстіе дошло до миссъ Мильрой и что плачевный результатъ нанесеннаго удара принудилъ майора отдать его дочь въ окрестности Лондона подъ медицинскій надзоръ.

Прежде чѣмъ Мидуинтеръ сказалъ слово съ своей стороны, онъ съ недовѣрчивостью оглянулся. Бэшудъ послѣдовалъ за ними. Бэшудъ поджидалъ, что они будутъ дѣлать.

— Онъ ожидалъ вашего пріѣзда здѣсь, чтобы рассказать вамъ это о миссъ Мильрой? спросилъ Мидуинтеръ, смотря на Аллена.

— Да, сказалъ Алленъ. — Онъ былъ такъ добръ, что ожидалъ здѣсь каждый вечеръ, чтобы сообщить мнѣ это извѣстіе.

Мидуинтеръ опять замолчалъ. Усиліе примирить заключеніе, выведенное имъ изъ поступковъ жены съ открытіемъ, что Бэшудъ ожидалъ прібытія Аллена было безуспѣшно. Единственная возможность узнать настоящее разрѣшеніе тайны заключалась въ томъ, чтобы напасть на управителя съ единственной доступной стороны, которую онъ самъ открылъ для нападенія. Онъ положительно увѣрялъ наканунѣ, что ничего не знаетъ объ Алленѣ, или что онъ интересуется возвращеніемъ Аллена въ Англію. Поймавъ Бэшуда въ одной лжи, сказанной ему, Мидуинтеръ тотчасъ сталъ подозрѣвать что онъ Аллену сказалъ другую ложь. Онъ ухватился за возможность тотчасъ же изслѣдовать его показаніе о миссъ Мильрой.

— Какъ вы узнали эти печальныя извѣстія? спросилъ онъ, вдругъ обернувшись къ Бэшуду.

— Отъ маіора, разумѣется, сказалъ Аллэнъ прежде чѣмъ управитель успѣлъ отвѣтить.

— Какой докторъ лечитъ миссъ Мильрой? настаивалъ Мидуинтеръ, всё обращаясь къ Бэшуду.

Во второй разъ управитель не отвѣчалъ; во второй разъ Аллэнъ отвѣтилъ за него:

— У этого человѣка иностранная фамилія, сказалъ Аллэнъ.— Онъ содержитъ Лечебницу близъ Гэмпстида. Какъ, вы сказали, называется это мѣсто, Бэшудъ?

— Фэруэтер-Вэль, сказалъ управитель, по необходимости отвѣчая своему хозяину, но отвѣчая очень неохотно.

Адресъ Лечебницы тотчасъ напомнилъ Мидуинтеру, что онъ жену свою нашолъ вчера въ Фэруэтерѣ. Онъ началъ видѣть свѣтъ сквозь темноту, тускло въ первый разъ. Инстинктъ, являющійся въ непредвидѣнныхъ случаяхъ, прежде чѣмъ болѣе медленный процессъ разсудка возьмётъ своё, тотчасъ довёлъ его до заключенія, что Бэшудъ — навѣрно дѣйствовавшій подъ вліяніемъ его жены, вчера — можетъ быть и теперь дѣйствуетъ подъ ея вліяніемъ. Онъ настойчиво извѣдывалъ показанія управителя съ убѣжденіемъ, которое всё твѣрже и твѣрже становилась въ его умѣ, что это показаніе было ложно и что въ этомъ замѣшана его жена.

— Маіоръ въ Норфолькѣ? спросилъ онъ: — или съ дочерью въ Лондонѣ?

— Въ Норфолькѣ, сказалъ Бэшудъ.

Отвѣтивъ этими словами на вопросительный взглядъ Аллена, а не на вопросъ Мидуинтера, Бэшудъ колебался, въ первый разъ посмотрѣлъ Мидуинтеру прямо въ лицо и вдругъ прибавилъ:

— Я не согласенъ, чтобъ меня подвергали допросу, сэръ. Я знаю, что я сказалъ мистеру Армэдэлю и не знаю ничего больше.

Слова и голосъ, которымъ они были сказаны, не походили на обыкновенный тонъ и на обыкновенный разговоръ Бэшуда. Въ

его лицѣ было угрюмое уныніе, а въ глазахъ тайное недо-
вѣріе и отвращеніе, когда онъ глядѣлъ на Мидуинтера и что
Мидуинтеръ самъ примѣтилъ теперь въ первый разъ. Прежде
чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить на необыкновенную вспышку управи-
теля, Аллэнъ вмѣшался и сказалъ:

— Не считайте меня нетерпѣливымъ, сказалъ онъ: — Но
становится поздно, а до Гэмпстида далеко. Я боюсь, что лечеб-
ница будетъ заперта.

Мидуинтеръ вздрогнулъ.

— Не-уже-ли вы поѣдете въ Лечебницу сегодня? воскликнулъ
онъ.

Аллэнъ взялъ руку своего друга и крѣпко её пожалъ.

— Еслибы вы любили её такъ, какъ я, шепнулъ онъ: — вы
не захотѣли бы отдохнуть, вы не могли бы заснуть пока не
увидались бы съ докторомъ и не выслушали всего хорошаго или
худого, что онъ могъ бы вамъ сказать. Бѣдняжечка! кто знаетъ,
еслибы она только могла видѣть меня живымъ и здоровымъ...

Слёзы выступили на его глазахъ и онъ молча отвернулся.
Мидуинтеръ посмотрѣлъ на управителя.

— Отойдите, сказалъ онъ:—мнѣ нужно говорить съ мистеромъ
Армэдэлемъ.

Въ его глазахъ было что-то такое, съ чѣмъ нехорошо было
шутить. Бэшудъ отошолъ такъ, что ему нельзя было слышать,
но видѣть онъ могъ. Мидуинтеръ съ любовью положилъ руку на
плечо друга.

— Аллэнъ, сказалъ онъ: — я имѣю причины...

Онъ остановился. Могъ ли онъ сказать эти причины прежде
чѣмъ онъ понялъ ихъ самъ, да еще въ такое время и при та-
кихъ обстоятельствахъ? невозможно!

— Я имѣю причины продолжалъ онъ: — совѣтовать вамъ не
слишкомъ вѣрить тому, что мистеръ Бэшудъ вамъ говоритъ. Не
говорите ему этого, но послушайте моего предостереженія.

Аллэнъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего друга.

— Это вы всегда любили мистера Бэшуда! воскликнулъ онъ:—
это вы довѣрились ему, когда онъ въ первый разъ пришолъ въ
большой домъ!

— Можетъ быть я ошибался, Аллэнъ; а вы были правы. Хотите подождать, пока мы телеграфируемъ маіору Мильрою и получимъ его отвѣтъ? Хотите переждать эту ночь?

— Я сойду съ ума, если буду ждать ночь, сказала Аллэнъ. — Вы еще болѣе растрожили меня. Если я не долженъ говорить объ этомъ съ мистеромъ Бэшудомъ, я долженъ и хочу ѣхать въ Лечебницу и узнать: тамъ она или нѣтъ отъ самого доктора.

Мидуинтеръ видѣлъ, что всё будетъ бесполезно. Для пользы Аллена оставалось предпринять только одно.

— Позвольте вы мнѣ ѣхать съ вами? спросилъ онъ.

Лицо Аллена просіяло въ первый разъ.

— Добрый, милый другъ! воскликнулъ онъ. — Я именно объ этомъ хотѣлъ васъ просить.

Мидуинтеръ сдѣлалъ знакъ управителю.

— Мистеръ Армэдэль ѣдетъ въ Лечебницу, сказалъ онъ: — а я хочу проводить его. Приведите извозчика и поѣжайте съ нами.

Онъ ждалъ, желая посмотрѣть будетъ ли повиноваться мистеръ Бэшудъ. Бэшуду строго было приказано, когда Аллэнъ пріѣдетъ, не терять его изъ вида, но такъ-какъ неожиданное появленіе Мидуинтера могло служить объясненіемъ его поступка, то ему ничего болѣе не оставалось, какъ повиноваться. Съ угрюмой покорностью исполнилъ онъ данное ему приказаніе. Ключи отъ багажа Аллена были отданы слугѣ-иностранцу, котораго онъ привѣзъ съ собой, и слугѣ велѣно было ждать приказаній господина въ гостинницѣ у станціи желѣзной дороги. Черезъ нѣсколько минутъ габъ выѣхалъ со станціи; Мидуинтеръ и Аллэнъ сидѣли внутри, а Бэшудъ съ кучеромъ на козлахъ.

Въ двѣнадцатомъ часу въ эту ночь миссъ Гуильтъ, стоя одна у окна, освѣщавшаго корридоръ Лечебницы во второмъ этажѣ, услышала стукъ приближавшихся колѣсъ. Этотъ звукъ, быстро увеличивавшійся въ тиши уединенной мѣстности, остановился у желѣзной калитки. Черезъ минуту она увидала, какъ габъ подъѣхалъ къ двери дома.

Ночь сначала была туманная, но небо теперь прояснилось и сіяла луна. Она отворила окно, чтобы посмотрѣть и послушать.

При свѣтѣ луны она увидала Аллена, вышедшаго изъ кѣба и обернувшася, что то сказать человѣку, сидящему внутри. Голосъ, отвѣчавшій ему прежде чѣмъ онъ явился въ свою очередь, сказалъ ей, что спутникъ Аллена былъ ея мужъ. То же самое окаменѣніе, которое овладѣло ею при свиданіи съ нимъ наканунѣ, овладѣло ею и теперь. Она стояла у окна блѣдная и неподвижная, разстроенная, постарѣвшая, какъ стояла, когда въ первый разъ встрѣтила его во вдовьемъ траурѣ. Бэшудъ, прокрившійся одинъ во второй этажъ сдѣлать донесеніе, узналъ, какъ только на неѣ взглянулъ, что это донесеніе было излишнее.

— Это не моя вина — вотъ всё, что онъ сказалъ, когда она медленно повернула голову и посмотрѣла на него: — они встрѣтились и ихъ нельзя было разлучить.

Она глубоко вздохнула и сдѣлала Бэшуду знакъ, чтобы онъ молчалъ.

— Подождите немного, сказала она: — я знаю всё.

Отвернувшись отъ него при этихъ словахъ, она медленно прошла по корридору до самаго дальняго конца, повернулась и воротилась къ Бэшуду съ нахмуреннымъ лбомъ и опущенной головой — вся ея грація и красота исчезли, остались только врожденныя грація и красота въ движеніяхъ ея членовъ.

— Вы желаете говорить со мною? спросила она, между тѣмъ какъ мысли ея были далеко отъ него, а глаза разсѣянно смотрѣли на него, когда она дѣлала этотъ вопросъ.

Онъ собрался съ мужествомъ такъ, какъ никогда еще не собирался въ ея присутствіи.

— Не доводите меня до отчаянія! закричалъ онъ рѣзко. — Не смотрите на меня такимъ образомъ теперь, когда я узналъ...

— Что вы узнали? спросила она съ минутнымъ удивленіемъ на лицѣ, удивленіемъ, исчезнувшимъ прежде чѣмъ Бэшудъ собрался съ духомъ, чтобы продолжать.

— Не мистеръ Армэдэль отнялъ васъ у меня, отвѣчалъ Бэшудъ: — а мистеръ Мидуинтеръ. Я вчера узналъ это по вашему лицу. Зачѣмъ вы подписали ваше имя «Армэдэль», когда писали ко мнѣ? Зачѣмъ вы и теперь еще называетесь «мистриссъ Армэдэль?»

Онъ сказалъ эти смѣлыя слова съ большими промежутками, съ усиленіемъ сопротивляться ея вліянію надъ нимъ, усиленіемъ, которое было и жалко и страшно видѣть. Она въ первый разъ посмотрѣла на него смягченными глазами.

— Я жалѣю, что не пожалѣла о васъ, когда мы встрѣтились въ первый разъ, сказала она кротко: — какъ жалѣю о васъ теперь.

Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобъ продолжать и сказать ей слова, которыя онъ настроилъ себя сказать, когда ѣхалъ со станціи желѣзной дороги. Эти слова темнѣ намекали на то, что онъ знаетъ ея прошлую жизнь; слова, предостерегавшія её — что бы она ни сдѣлала, какія преступленія ни совершила бы — подумать два раза прежде чѣмъ она обманетъ его и опять бросить. Въ такихъ выраженіяхъ онъ обѣщалъ себѣ обратиться къ ней. Онъ подобралъ фразы, ничего не доставало, кромѣ усилія выговорить ихъ — и даже теперь, послѣ того, что онъ сказалъ и всего, на что онъ осмѣлился, онъ не могъ сдѣлать этого усилія! Съ безпомощной признательностью, даже за такую малость, какъ ея состраданіе, онъ стоялъ и смотрѣлъ на неё и плакалъ безмолвными женственными слезами, падающими изъ глазъ стариковъ.

Она взяла его за руку и заговорила съ нимъ съ замѣтнымъ терпѣніемъ, но безъ малѣйшаго признака волненія съ своей стороны:

— Вы уже ждали по моей просьбѣ, сказала она. — Подождите до завтра и вы узнаете всё. Если вы не вѣрите ничему другому, что я вамъ говорила, вы можете повѣрить тому, что я говорю вамъ теперь: *это кончится сегодня.*

Когда она сказала эти слова, шаги доктора слышались на улицѣ. Бѣшудъ отошелъ отъ нея и сердце его забилось невыразимой надеждой.

— Это кончится сегодня! повторилъ онъ про-себя, едва переводя духъ и отходя на дальній конецъ корридора.

— Пожалуйста не беспокойтесь, весело сказалъ докторъ, когда они встрѣтились. — Миѣ нечего говорить такого, мистриссъ Армэдаль, что вы или всѣ другіе не могли бы слышать.

Бэшудъ продолжалъ идти на дальнѣй конецъ корридора, всё повторяя:

— Это кончится сегодня!

Докторъ прошелъ мимо него съ противоположной стороны и подошолъ къ миссъ Гуильтъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, слышали, началъ онъ самымъ спокойнымъ тономъ: — что мистеръ Армэдэль прѣхалъ. Позвольте мнѣ прибавить, милостивая государыня, что нѣтъ ни малѣйшей причины для нервнаго волненія съ вашей стороны. Ему не противорѣчили ни въ чемъ и онъ такъ спокоенъ и сговорчивъ, какъ только могутъ пожелать его лучшіе друзья. Я сообщилъ ему, что ему невозможно сегодня имѣть свиданіе съ этой молодой дѣвицей, но что онъ можетъ увидать ея (съ надлежащими предосторожностями) очень рано утромъ, какъ только она проснется завтра. Такъ-какъ по близости нѣтъ гостиницы, я долженъ былъ при такихъ особенныхъ обстоятельствахъ предложить ему гостепріимство въ Лечебницѣ. Онъ принялъ его съ величайшей признательностью и поблагодарилъ самымъ благороднымъ и трогательнымъ образомъ за мое стараніе успокоить его. Вполнѣ пріятно и вполнѣ удовлетворительно до-сихъ-поръ! Но случилось-было маленькое препятствіе — теперь счастливо побѣжденное — которое я считаю нужнымъ упомянуть вамъ прежде чѣмъ мы разойдемся на ночлеги.

Проложивъ себѣ путь этими словами (такъ что Бэшудъ могъ его слышать) для показанія, которое онъ прежде изъявилъ намѣреніе сдѣлать въ случаѣ, если Алланъ умрѣтъ въ Лечебницѣ, докторъ хотѣлъ продолжать, когда его вниманіе было привлечено звукомъ внизу точно будто скрипомъ двери, которую старались отворить.

Онъ немедленно сошолъ внизъ и отперъ дверь, соединявшую первый и второй этажи, которую онъ заперъ за собой, когда шолъ наверхъ. Но человѣкъ, старавшійся отпереть дверь — если только дѣйствительно кто-нибудь старался — былъ проворнѣе его. Онъ посмотрѣлъ вдоль корридора и черезъ лѣстницу въ переднюю и, не примѣтивъ ничего, воротился къ миссъ Гуильтъ, опять заперевъ дверь.

— Извините меня, продолжалъ онъ: — мнѣ послышалось что-то въизу. Касательно маленькаго препятствія, о которомъ я сейчасъ говорилъ, позвольте мнѣ сообщить вамъ, что мистеръ Армэдэль привѣзъ съ собою друга, носящаго странное имя Мидуинтера. Вы знаете этого господина? спросилъ докторъ съ подозрительной тревогою въ глазахъ, странно опровергавшей изученное равнодушіе его тона.

— Я знаю, что онъ старій другъ мистера Армэдэля, сказала она. — И онъ...

Голосъ измѣнилъ ей и глаза ея опустились передъ твёрдой пронизательностью доктора. Она преодолѣла минутную слабость и кончила свой вопросъ:

— И онъ также остаётся здѣсь ночевать?

— Мистеръ Мидуинтеръ имѣетъ грубое обращеніе и подозрительный характеръ, возразилъ докторъ, пристально наблюдая за нею. — Онъ имѣлъ грубость насильно остаться здѣсь какъ только мистеръ Армэдэль принялъ моё приглашеніе.

Онъ остановился, чтобъ примѣтить дѣйствіе этихъ словъ на неё. Такъ-какъ она оставила его въ совершенномъ невѣдѣніи предосторожностью, съ какою она избѣгала упоминать объ имени, принятомъ ея мужемъ въ ихъ первомъ свиданіи, подозрѣнія доктора натурально были весьма неопредѣленны. Онъ слышалъ, что голосъ измѣнилъ ей, видѣлъ какъ измѣнилось ея лицо. Онъ подозрѣвалъ только, что она что-то скрываетъ о Мидуинтерѣ— и больше ничего.

— Вы позволили ему остаться? спросила она. — На вашемъ мѣстѣ, я выгнала бы его.

Непроницаемое спокойствіе ея тона сказало доктору, что ея самообладаніе не будетъ поколеблено въ этотъ вечеръ. Онъ опять вступилъ въ роль врача, съ которымъ мистриссъ Армэдэль совѣтовалась объ умственномъ разстройствѣ мистера Армэдэля.

— Еслибы я долженъ былъ совѣтоваться только съ моими чувствами, сказалъ онъ: — я не скрываю отъ васъ, что я (какъ вы говорите) выгналъ бы мистера Мидуинтера. Но я видѣлъ, что мистеръ Армэдэль не желаетъ разставаться съ своимъ другомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ оставалось только одно—

опять исполнить его прихоть. Объ опасности раздражать его— не говоря уже ничего, прибавилъ докторъ на минуту обращаясь къ истинѣ:—о моёмъ естественномъ опасеніи съ такимъ характеромъ, какъ у вашего друга, огласки и растройства въ домѣ— нечего было думать ни минуты. Мистеръ Мидуинтеръ остаётся здѣсь ночевать и занялъ (мнѣ слѣдовало бы сказать, что онъ настоялъ на томъ) комнату возлѣ мистера Армэдэля. Посовѣтуйте мнѣ, милостивая государыня, въ этомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ, заключилъ докторъ, придавая самое сильное выраженіе своимъ словамъ:— въ какія комнаты помѣстить ихъ въ первомъ этажѣ?

— Помѣстите мистера Армэдэля въ комнатѣ подь номеромъ Четвёртымъ.

— А его друга возлѣ него въ комнатѣ подь номеромъ третьимъ? сказалъ докторъ.— Хорошо! хорошо! хорошо! можетъ быть это самыя удобныя комнаты. Я сейчасъ сдѣлаю распоряженія. Не торопитесь уходить, мистеръ Бэшудъ, весело закричалъ онъ, дойдя до верха лѣстницы.— Я оставилъ ключъ моего помощника вонъ на томъ подоконникѣ, и мистриссъ Армэдэль можетъ выпустить васъ изъ дверей у лѣстницы когда ей угодно. Не сидите слишкомъ поздно, мистриссъ Армэдэль! Ваша нервная система требуетъ много сна. «Нѣжный возстановитель утомлённыхъ натуръ—успокоительный сонъ». Богъ да благословить васъ! Спокойной ночи!

Бэшудъ воротился съ дальняго конца корридора, всё обдумывая въ невыразимомъ ожиданіи того, что должно было случиться въ эту ночь.

— Уйти мнѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вы должны остаться. Я сказала, что вы узнаете всё, если подождёте до утра. Ждите здѣсь.

Онъ колебался и осматривался вокругъ.

— Докторъ, пролепеталъ онъ:— мнѣ послышалось, что докторъ сказалъ...

— Докторъ не станетъ мѣшать мнѣ ни въ чомъ, что я сдѣлаю въ этомъ домѣ сегодня. Я говорю вамъ, чтобы вы остались.

Въ верхнемъ этажѣ есть пустыя комнаты, займите одну изъ нихъ.

Бэшудъ почувствовалъ, что имъ опять овладѣла дрожь, когда онъ посмотрѣлъ на неё.

— Могу я спросить... началъ онъ.

— Не спрашивайте ни о чомъ. Вы мнѣ нужны.

— Пожалуйста скажите мнѣ...

— Я не скажу вамъ ничего, пока не пройдетъ ночь и не станетъ утро.

Его любопытство преодолѣло его боязнь. Онъ настаивалъ:

— Это что-нибудь страшное? прошепталъ онъ: — слишкомъ страшное для того, чтобы сказать это мнѣ?

Она топнула ногою съ внезапной вспышкой нетерпѣнія.

— Слушайте! сказала она, схвативъ ключъ отъ двери съ подоконника: — вы совершенно правы, что не довѣряете мнѣ, вы совершенно правы, что не слѣдуете за мною далѣе во мракѣ. Ступайте, прежде чѣмъ домъ будетъ запертъ. Я могу обойтись безъ васъ.

Она пошла къ лѣстницѣ съ ключомъ въ одной рукѣ и со свѣчой въ другой.

Бэшудъ молча пошелъ за нею. Никто, знавшій то, что онъ зналъ о ея прежней жизни, не могъ бы примѣтить, что эта женщина была доведена до послѣдней крайности и сознательно стояла на краю преступленія. Въ первомъ ужасѣ открытія онъ освободился отъ вліянія, которое она имѣла надъ нимъ — онъ думалъ и дѣйствовалъ какъ человѣкъ, опять имѣющій свою собственную волю.

Она вложила ключъ въ дверь и обернулась къ нему прежде чѣмъ отперла её, свѣтъ отъ свѣчи падалъ на лицо ея.

— Забудьте меня и простите мнѣ, сказала она: — мы болѣе не встрѣтимся.

Она отперла дверь, и когда Бэшудъ прошелъ мимо нея, подала ему руку. Онъ устоялъ противъ ея взгляда, онъ устоялъ противъ ея словъ, но магнитическое очарованіе ея прикосновенія побѣдило его въ послѣднюю минуту.

го этажа въ комнату подь нумеромъ Четвертымъ.

— Я не могу васъ оставить, сказалъ онъ, удѣвившись за руку, которую она подала ему. — Чтò долженъ я дѣлать?

— Пойдѣте и посмотрите, отвѣчала она, не давая ему ни минуты на размышленіе.

— Примѣтьте эту комнату, шепнула она.

Взглянувъ на лѣстницу, чтобъ посмотрѣть одни ли они, она воротилась съ нимъ къ противоположному концу корридора. Тамъ, напротивъ окна, освѣщавшаго корридоръ на другомъ концѣ, была небольшая комната съ узкой рѣшоткой въ верхней части двери, эта комната была спальная помощника доктора. Изъ этой комнаты, изъ рѣшотки, видны были спальныя съ каждой стороны корридора, такъ что помощникъ могъ видѣть всѣ неправильныя поступки больныхъ находившихся подь его надзоромъ, а они не могли догадаться, что онъ наблюдаетъ за ними. Миссъ Гуильтъ отворила дверь и они вошли въ пустую комнату.

— Ждите здѣсь, сказала она: — пока я схожу на верхъ, и запритесь, если хотите. Вы будете въ темнотѣ, но газъ зажжотся въ корридорѣ. Оставайтесь у рѣшотки и смотрите, чтобы мистеръ Армэдэль вошелъ въ ту комнату, которую я указала вамъ, и чтобы онъ не вышелъ изъ нея потомъ. Если вы хоть на минуту спустите глаза съ этой комнаты прежде чѣмъ я ворочусь, вы будете раскаяваться въ этомъ до самаго конца вашей жизни. Если вы сдѣлаете такъ, какъ я говорю, вы увидите меня завтра и можете требовать награды. Поскорѣе отвѣчайте: Да или Нѣтъ?

Онъ не могъ отвѣчать словами; онъ поднёсъ ея руку къ своимъ губамъ и съ восторгомъ поцаловалъ её. Она оставила его въ комнатѣ. Онъ видѣлъ въ рѣшотку какъ она проскользнула по корридору къ двери на лѣстницѣ; она прошла въ неё и заперла; потомъ настала тишина.

Скоро раздалися голоса служанокъ. Двѣ служанки пришли положить простыни на постели въ комнатахъ подь нумерами третьимъ и четвертымъ. Эти женщины были самаго веселаго расположенія духа, смѣялись и разговаривали другъ съ другомъ въ открытыя двери комнатъ. Наконецъ больныя пріѣзжаютъ къ

ихъ хозяину говорили онѣ:—домъ скоро приметъ весёлый видъ, если дѣла будутъ идти такимъ образомъ.

Черезъ нѣсколько времени постели были готовы и служанки воротились въ тотъ этажъ, гдѣ была кухня и гдѣ паходплись спальныя слугъ. Потомъ опять настала тишина.

Потомъ послышался голосъ доктора. Онъ явился въ концѣ корридора и показалъ Аллену и Мидуинтеру дорогу въ ихъ комнаты, всѣ они пошли въ комнату подъ номеромъ Четвертымъ. Черезъ нѣсколько времени вышелъ докторъ первый. Онъ подождать, пока Мидуинтеръ вышелъ и съ церемоннымъ поклономъ указалъ ему на дверь подъ номеромъ третьимъ. Мидуинтеръ вошелъ въ комнату не говоря ни слова и заперся тамъ. Докторъ, оставшись одинъ, отошелъ къ двери у лѣстницы и отперъ её—потомъ подождать въ корридорѣ, тихо посвистывая.

Голоса осторожно тихіе послышались черезъ минуту въ передней. Явились провизоръ и главная сидѣлка, направляясь къ своимъ спальнямъ наверху дома. Провизоръ молча поклонился и прошолъ мимо доктора; служанка молча поклонилась и пошла за провизоромъ. Докторъ отвѣчалъ на ихъ поклоны вѣжливымъ движеніемъ руки, и опять, оставшись одинъ, постоялъ съ минуту всё тихо посвистывая; потомъ подошелъ къ двери подъ номеромъ Четвертымъ и отперъ ящикъ съ аппаратомъ, прикрѣпленный въ углу стѣны. Приподнявъ крышку и заглянувъ, онъ пересталъ свистать, вынулъ длинный пурпуровый флаконъ, разсмотрѣлъ его при свѣтѣ газа, опять поставилъ назадъ и заперъ ящикъ. Сдѣлавъ это, онъ подошелъ на цыпочкахъ къ открытой двери у лѣстницы и заперъ её съ внутренней стороны, по обыкновенію.

Бѣшудъ видѣлъ какъ онъ подходилъ къ аппарату, Бешудъ примѣтилъ какимъ образомъ онъ отошелъ къ двери у лѣстницы. Опять чувство невыразимаго ожиданія заставило забиться его сердце. Ужасъ медленно, холодно, смертельно прокрался къ его рукамъ и направилъ ихъ въ темпотѣ къ ключу, оставленному для него съ внутренней стороны двери. Онъ повернулъ его съ неопредѣленнымъ недоумѣніемъ къ тому, что можетъ потомъ случиться, и ждалъ.

Минуты проходили медленно и не случилось ничего. Тишина была ужасная; уединеніе въ корридорѣ было наполнено невидимымъ вѣроломствомъ. Онъ началъ считать, чтобы занять свои мысли — отдалить отъ себя возрастающій страхъ. Числа, когда онъ ихъ нащептывалъ, медленно дошли до сотни, а всё еще не случилось ничего. Онъ началъ вторую сотню, дошолъ до двадцати — когда Мидуинтеръ вдругъ явился въ корридорѣ хотя ни малѣйшій звукъ не обнаружилъ его движенія въ его комнатѣ.

Мидуинтеръ постоялъ съ минуту и прислушивался — подошолъ къ лѣстницѣ и заглянулъ внизъ, въ переднюю. Потомъ во второй разъ въ этотъ вечеръ онъ попробовалъ отпереть дверь у лѣстницы и во второй разъ нашолъ её запертою. Послѣ минутнаго размышленія онъ попробовалъ отпереть двери спальни по правую руку, заглянулъ въ каждую и увидаль, что онѣ пусты; потомъ онъ подошолъ къ двери той комнаты, гдѣ былъ спрятанъ управитель, тутъ опять замокъ не пустилъ его. Онъ прислушался и взглянулъ на рѣшотку — не слышно было никакого звука, не видно было никакого свѣта внутри.

— Не сломать ли мнѣ дверь и удостовѣриться? сказалъ самъ себѣ Мидуинтеръ. — Нѣтъ, это подастъ поводъ доктору выгнать меня изъ дома.

Онъ отошолъ и заглянулъ въ двѣ пустыя комнаты въ томъ ряду, гдѣ находились комнаты, занимаемыя Алленомъ и имъ, потомъ отошолъ къ окну у лѣстницы въ корридорѣ. Тамъ ящикъ съ аппаратомъ привлѣкъ его вниманіе. Когда онъ напрасно старался открыть его, подозрѣнія его опять пробудились. Онъ искалъ вдоль корридора и примѣтилъ, что ни у одной спальни не было ничего подобнаго. Опять онъ подошолъ къ окну, опять посмотрѣлъ на аппаратъ и отвернулся отъ него съ движеніемъ; ясно показывавшимъ, что онъ старался и никакъ не могъ угадать, что это могло быть.

Потерпѣвъ вездѣ неудачу, Мидуинтеръ не подавалъ, однако, вида, что онъ хочетъ воротиться въ свою спальную. Онъ стоялъ у окна, устремивъ глаза на дверь алленовой комнаты и думалъ. Еслибы Бэшудъ, украдкой наблюдавшій за нимъ въ рѣшотку, могъ видѣть въ эту минуту и душу его, какъ видѣлъ тѣло,

сердце его, можетъ быть, забилося бы еще сильнѣе въ ожиданіи слѣдующаго событія, которое намѣреніе Мидуинтера могло вызвать черезъ минуту.

Чѣмъ были заняты его мысли, когда онъ стоялъ одинъ, ночью, въ этомъ незнакомомъ домѣ? Мысли его были заняты прикрѣпленіемъ несвязныхъ впечатлѣній, мало-по-малу, къ одному пункту. Онъ убѣдился съ самаго начала, что какая-то скрытная опасность угрожала Аллену въ Лечебницѣ, и его неопредѣленное недовѣріе къ этому мѣсту, къ его женѣ (онъ былъ твѣрдо убѣжденъ, что она находится подъ одной кровлей съ нимъ); къ доктору, который, повидимому, пользовался ея довѣріемъ столько же, какъ и Бэшудъ—теперь упорно сосредоточилось на комнатѣ Аллена. Онъ отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій соединить своё подозрѣніе о заговорѣ противъ его друга, съ оскорбленіемъ, сдѣланнымъ ему самому наканунѣ — усилій, которыя повели бы его, еслибы онъ могъ поддержать ихъ, къ открытію обмана, замышляемаго его женой, и его мысли, затемненныя и сбитыя съ толгу тревожными вліяніями, инстинктивно нашли прибѣжище въ впечатлѣніи фактовъ, какъ они являлись, съ тѣхъ-поръ, какъ онъ вошелъ въ этотъ домъ. Всѣ, что онъ примѣтилъ внизу подало ему мысль, что если Алленъ почуветь въ Лечебницѣ, то черезъ это будетъ достигнута какая-то тайная цѣль. Всѣ, что онъ примѣтилъ наверху, подавало ему поводъ думать, что вся опасность заключалась въ алленовой комнатѣ. Достигнуть этого заключенія и рѣшиться разстроить заговоръ, каковъ бы онъ ни былъ, занявъ мѣсто Аллена, было для Мидуинтера минутнымъ дѣломъ. Когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительною опасностью, то великая натура этого человѣка инстинктивно освободилась отъ слабостей, стѣснявшихъ её въ болѣе счастливыя и безопасныя времена. Даже ни тѣни прежняго суевѣрія не оставалось въ душѣ его теперь: никакое роковое недовѣріе къ себѣ не разстроило его твѣрдой рѣшимости. Одно только послѣднее сомнѣніе, которое волновало его, когда онъ стоялъ у окна и думалъ, заключалось въ томъ, можетъ ли онъ убѣдить Аллена перебраться съ нимъ комнатами, не вступая въ объясненіе, могущее заставить Аллена подозрѣвать истину...

Въ ту минуту, которая прошла, когда онъ ждалъ, не спуская глазъ съ комнаты, сомнѣніе его разрѣшилось — онъ нашолъ тривіальный, но достаточный предлогъ для того, что онъ пріискивалъ. Бэшудъ видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ двери, Бэшудъ слышалъ, какъ онъ тихо постучался и прошепталъ:

— Аллэнъ, вы въ постели?

— Нѣтъ, отвѣчалъ голосъ изнутри. — Войдите.

Онъ повидимому хотѣлъ войти въ комнату, но вдругъ остановился, какъ-будто вспомнилъ что-то.

— Подождите минуту, сказалъ онъ черезъ дверь и, отвернувшись, прямо пошелъ къ крайней комнатѣ.

— Если кто-нибудь подстерегаетъ за нами оттуда, сказалъ онъ вслухъ: — пусть его подстерегаетъ сквозь это!

Онъ вынулъ носовой платокъ и заткнулъ имъ промежутки рѣшотки. Принудивъ такимъ образомъ шпиона (если онъ тамъ былъ) или обнаружить себя, снявъ носовой платокъ, или оставаться слѣпымъ ко всему, что потомъ случится, Мидуинтеръ вошелъ въ комнату Аллена.

— Вы знаете, какіе жалкіе у меня нервы, сказалъ онъ: — и какъ я дурно сплю, даже когда совсѣмъ здоровъ. Я никакъ не могу заснуть. Окно въ моей комнатѣ стучитъ каждый разъ какъ подуетъ вѣтеръ. Я жалѣю зачѣмъ оно не такъ крѣпко, какъ ваше.

— Любезный другъ, сказалъ Аллэнъ: — мнѣ всё равно, если окно стучитъ. Перемѣнимся комнатами. Какой вздоръ! Зачѣмъ вамъ извиняться передо мною? Развѣ я не знаю, какъ легко бездѣлицы разстраиваютъ ваши раздражительныя нервы? Теперь, когда докторъ успокоилъ меня на счетъ моей бѣдной Нили, я начинаю чувствовать усталость отъ дороги и ручаюсь, что я засну вездѣ до завтрашняго утра.

Онъ взялъ свой дорожный мѣшокъ.

— Намъ надо поторопиться, прибавилъ онъ, указывая на свою свѣчу. — Мнѣ оставили не очень большую свѣчу, чтобы лечь спать.

— Идите тише, Аллэнъ, сказалъ ему Мидуинтеръ, отворяя

дверь: — намъ не надо дѣлать шума въ домѣ въ такое позднее время.

— Да-да, отвѣчала Алэнъ шопотомъ. — Спокойной ночи. Я надѣюсь, что вы заснёте также хорошо, какъ и я.

Мидуинтеръ проводилъ Алэна въ комнату подь номеромъ третьимъ и примѣтилъ, что и его свѣча (которую онъ тамъ оставилъ) была также коротка, какъ и алэнова.

— Спокойной ночи, сказалъ онъ и опять вышелъ въ корридоръ. Онъ прямо подошелъ къ рѣшоткѣ и опять сталъ глядѣть и прислушиваться. Носовой платокъ оставался точно такъ, какъ онъ его оставилъ и изнутри не слышалось никакого шума. Онъ медленно воротился вдоль корридора и въ послѣдній разъ подумалъ о принятыхъ имъ предосторожностяхъ. Не-уже-ли не было никакого другого способа, кромѣ того, который онъ пробовалъ теперь? Никакого. Открытая защита—тогда какъ свойство опасности и отъ кого она могла происходить, были равномерно неизвѣстны—была бы бесполезна сама-по-себѣ и хуже чѣмъ бесполезна по своимъ послѣдствіямъ, заставивъ людей въ домѣ остерегаться. Не имѣя ни одного факта, который могъ бы оправдать для другихъ его недовѣріе къ тому, что могло случиться въ эту ночь; неспособный поколебать довѣрчивость Алэна въ благовидную вѣрность, которую докторъ представилъ ему, Мидуинтеръ могъ придумать только одно для безопасности своего друга — перемѣну комнату — могъ слѣдовать только одной политикѣ, что ни могло бы случиться, политикѣ, въ ожиданіи событій.

— Я могу положиться только на одно, сказалъ онъ самъ себѣ, обводя глазами корридоръ: — я могу подождать на то, что я не засну.

Бросивъ взглядъ на часы, висѣвшіе на противоположной стѣнѣ, онъ вошелъ въ комнату подь номеромъ Четвертымъ. Писался стукъ запиравшейся двери, за которымъ послѣдовалъ звукъ повернутаго ключа; потомъ опять въ домѣ воцарилась мертвая тишина.

Мало-по-малу, ужась управителя въ тишинѣ и темнотѣ преодолѣлъ его страхъ снять носовой платокъ. Онъ осторожно приподнялъ одинъ уголокъ платка — подождать — посмотреть — и на-

конецъ собрался съ мужествомъ, чтобы вынуть весь платокъ. Спрятавъ его сначала въ свой карманъ, онъ подумалъ о послѣдствіяхъ, если его найдутъ на нёмъ, и бросилъ его въ уголъ комнаты. Онъ задрожалъ бросая его, посмотрѣлъ на свои часы и сталъ у рѣшотки ждать миссъ Гуильтъ.

Было безъ четверти часъ. Луна перешла съ боку на передній фасадъ Лечебницы. Время отъ времени свѣтъ ея сіялъ на окнѣ корридора, когда промежутокъ въ бѣгущихъ облакахъ пропускалъ его. Поднялся вѣтеръ и слабо пѣлъ свою плачевную пѣсню, проносясь время отъ времени надъ пустою мѣстностью впереди дома.

Часовая стрѣлка обошла половину круга на циферблатѣ. Когда она дошла до четверти второго, миссъ Гуильтъ тихо вышла въ корридоръ.

— Выдѣте, шепнула она въ рѣшотку: — и ступайте за мной.

Она воротилась къ лѣстницѣ, съ которой только-что спустилась, тихо затворила дверь послѣ того, какъ Бэшудъ послѣдовалъ за нею, и поднялась на площадку второго этажа. Тутъ она сдѣлала ему вопросъ, который не осмѣлилась сдѣлать внизу.

— Ввели мистера Армэдэля въ комнату подъ номеромъ Четвёртымъ?

Бэшудъ, ни говоря ни слова, наклонилъ голову.

— Отвѣчайте мнѣ словами: выходилъ мистеръ Армэдэль изъ комнаты послѣ того?

Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— Вы совсѣмъ не теряли изъ вида комнату подъ номеромъ четвёртымъ съ тѣхъ поръ, какъ я оставила васъ?

Онъ отвѣчалъ:

— *Совсѣмъ.*

Что-то странное въ его обращеніи, что-то незнакомое въ его голосѣ, когда онъ далъ этотъ послѣдній отвѣтъ, привлекло ея вниманіе. Она взяла свѣчу со стола, на который поставила её, и направила свѣтъ на Бэшуда. Глаза его были вытаращены; зубы стучали. Всё показывало ей, что онъ былъ приведёнъ въ ужасъ, ничто не говорило ей что этотъ ужасъ былъ возбуж-

дѣнь сознаниемъ, что онъ обманываетъ её первый разъ въ его жизни, въ глаза. Еслибы она угрожала ему не такъ открыто, когда поставила его караулить, еслибы она говорила съ бѣльшей сдержанностью о свиданіи, которое должно было вознаграждать его утромъ, можетъ быть онъ признался бы въ истинѣ; теперь же его сильнѣйшія опасенія и нѣжнѣйшія надежды были равномѣрно заинтересованы въ томъ, чтобы сказать ей роковую ложь, которую онъ сказалъ теперь — роковую ложь, которую онъ повторилъ, когда она сдѣлала вопросъ во второй разъ.

Она взглянула на него, обманутая послѣднимъ человекомъ на свѣтѣ, котораго она могла подозрѣвать въ обманѣ — человекомъ, котораго она обманула сама.

— Вы, кажется, очень взволнованы, сказала она спокойно. — Эта ночь была слишкомъ тяжела для васъ. Ступайте наверхъ и отдохните. Вы найдёте дверь одной изъ комнатъ открытую; это комната, которую вы должны занять. Спокойной ночи.

Она поставила свѣчу на столъ и подала Бэпуду руку. Онъ съ отчаяніемъ удержалъ её за эту руку, когда она обернулась, чтобы оставить его. Его ужасъ при мысли о томъ, что могло случиться, когда она останется одна, вынудилъ его выговорить слова, которыя онъ побоялся бы сказать во всякое другое время.

— Не ходите, умоляю онъ шопотомъ:—о! не ходите, не ходите, не ходите внизъ сегодня.

Она освободила свою руку и сдѣлала ему знакъ взять свѣчу.

— Вы увидите меня завтра, сказала она:—теперь ни слова болѣе!

Ея сильная воля побѣдила его въ эту послѣднюю минуту, какъ побѣждала всегда. Онъ взялъ свѣчу и ждалъ, пристально слѣдя за ней глазами, когда она спускалась съ лѣстницы. Холодъ декабрьской ночи, казалось, пробрался къ ней, несмотря на теплоту въ домѣ. Она надѣла длинную, тяжёлую чёрную шаль и крѣпко закутала ею грудь. Корона, которую она носила изъ своихъ волосъ, повидимому, была слишкомъ тяжела для головы ея. Она расплела её и разбросала волосы по плечамъ. Старикъ смотрѣлъ на ея развѣвающіеся волосы, которые отдѣлялись своимъ

красноватымъ цвѣтомъ отъ черной шали—на ея гибкую руку съ длинными пальцами, когда она скользила по периламъ — на гладкую обольстительную грацію каждаго движенія, которое всё далѣе и далѣе отдаляло её отъ него.

— Ночь пройдётъ скоро, сказалъ онъ самъ себѣ, когда миссъ Гуильтъ исчезла съ его глазъ:—я буду мечтать о ней, пока наступитъ утро.

Она заперла дверь у лѣстницы, когда прошла въ неё, прислушалась и удостовѣрилась, что ничто не шевелится; потомъ прошла по корридору къ окну. Облокотившись о подоконникъ, она смотрѣла на ночную темноту. Тучи закрывали въ эту минуту окно; ничего нельзя было видѣть сквозь темноту, кромѣ газовыхъ рожковъ разбросанныхъ по предмѣстью. Отойдя отъ окна, она посмотрѣла на часы: было двадцать минутъ второго.

Въ послѣдній разъ рѣшимость, овладѣвшая ею въ началѣ этой ночи, когда она узнала, что мужъ ея въ этомъ домѣ, заняла главное мѣсто въ ея мысляхъ. Въ послѣдній разъ внутренній голосъ сказалъ ей: «подумай нѣтъ ли другого способа!» Она обдумывала это до-тѣхъ поръ, пока часовая стрѣлка не указала на полчаса.

— Нѣтъ, сказала она, всё думая о своёмъ мужѣ:—осталось только идти до самого конца. Онъ не сдѣлаетъ того, зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда, онъ не произнесётъ словъ, которыя сказать пріѣхалъ онъ сюда, когда узнаетъ, что его поступокъ можетъ сдѣлать меня предметомъ публичной огласки, а его слова послать меня на эшафотъ!

Румянецъ ея вспыхнулъ и она улыбнулась съ ужасной ironieй, посмотрѣвъ въ первый разъ на дверь комнаты.

— Я буду твоей вдовой, сказала она:—черезъ полчаса!

Она отперла ящикъ съ аппаратомъ и взяла въ руку пурпуровый флаконъ. Замѣтивъ время по часамъ, она опустила въ стеклянную трубку первый изъ шести отдѣльныхъ пріёмовъ, которые были размѣнены для нея бумажкой.

Поставивъ опять флаконъ въ ящикъ, она прислушалась у отверстія трубки—ни малѣйшаго звука не достигло до ея слуха; смертельный процессъ дѣлалъ своё дѣло въ смертельной тиши-

нѣ. Когда она приподнялась и подняла глаза, луна сіяла въ окно и жалобный вѣтеръ стихъ.

О время! время! Еслибы только это могло начаться и кончиться первымъ пріёмомъ! Она сошла внизъ въ переднюю, ходила взадъ и впередъ и прислушивалась у открытой двери, которая вела на кухонную лѣстницу. Она опять поднялась наверхъ, опять спустилась внизъ. Первый изъ пяти минутныхъ промежутковъ былъ безконечный. Время точно стояло неподвижно. Незвѣстность сводила съ ума.

Промежутокъ прошолъ. Когда она взяла флаконъ во второй разъ и налила второй пріёмъ, тучи застлали свѣтъ луны и ночной видъ изъ окна медленно помрачился. Тревога, гонявшая её на лѣстницу и съ лѣстницы, взадъ и впередъ по передней, оставила её также внезапно, какъ и застигла. Она ждала во второй промежутокъ, облокотясь о подоконникъ и смотря безъ всякой сознательной мысли въ чорную ночь. Вой запоздалыхъ собакъ доносился къ ней по вѣтру въ промежуткахъ изъ какой-то отдалѣнной части предмѣстья. Она слѣдила тупымъ вниманіемъ за слабымъ звукомъ, какъ онъ замиралъ въ тишинѣ, и прислушивалась, какъ онъ начинался опять, съ ожиданіемъ, которое было еще тупѣе. Руки ея лежали, какъ свинецъ, на подоконникѣ, лобъ ея былъ прислоненъ къ стеклу не чувствуя холода. Только когда луна опять выбралась изъ облаковъ, вдругъ она опомнилась. Она быстро обернулась и посмотрѣла на часы: прошло семь минутъ послѣ второго пріема.

Когда она схватила флаконъ и вылила жидкость въ трубку въ третій разъ, полное сознаніе ея положенія вернулось къ ней. Горячка опять запылала въ ея крови и свирѣпо вспыхнула на щеккахъ. Быстро и тихо прошла она съ одного конца корридора до другого, сложивъ руки подъ шалью и время отъ времени взглядывая на часы.

Прошло три изъ слѣдующихъ пяти минутъ и опять неизвѣстность начала сводить её съ ума. Пространство въ корридорѣ сдѣлалось слишкомъ тѣсно для безграничной тревоги, овладѣвшей ея члечами. Она опять пошла въ переднюю и кружилась вокругъ нея какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ. При третьемъ поворотѣ она

почувствовала, какъ что-то тихо трётся о ея платье. Кошка пришла въ открытую дверь кухни, большая, тёмнобурая, общезыжительная кошка, весело мурлыкавшая и слѣдовавшая за нею какъ бы для компаніи. Она взяла на руки кошку, которая съ наслажденіемъ тёрлась своей гладкошерстой головою о ея подбородокъ, когда она наклонила къ ней лицо.

— Армэдэль терпѣть не можетъ кошекъ, шепнула она на ухо животному. — Пойдѣмъ посмотрѣть какъ Армэдэль будетъ убитъ.

Черезъ минуту ея собственная страшная фантазія напугала её. Она съ трепетомъ бросила кошку и согнала её внизъ. Съ минуту еще она стояла, потомъ опрометью взбѣжала на лѣстницу. Мужъ опять прокрался въ ея мысли, мужъ угрожалъ ей опасностью, которая еще не приходила ей въ голову. Что, если онъ не спитъ? Что, если онъ придѣтъ къ ней и найдѣтъ её съ пурпуровымъ флаконъ въ рукахъ?

Она прокралась къ двери подъ номеромъ третьимъ и прислушалась: оттуда слышалось только медленное, правильное дыханіе спящаго человѣка. Подождая съ минуту, чтобы дать чувству облегченія успокоить себя, она слѣзла шагъ къ двери подъ номеромъ четвертымъ и остановилась. У этой двери бесполезно было слушать. Докторъ сказалъ ей, что сначала придѣтъ Сонъ, также вѣрно, какъ потомъ Смерть въ отравленномъ воздухѣ. Она посмотрѣла на часы, время настало для четвертаго приѣма.

Рука ея начала сильно дрожать, когда она наполнила трубку въ четвёртый разъ. Боязнь мужа опять воротилась въ ея сердце. Что, если какой-нибудь шумъ разбудитъ его прежде шестого приѣма? Что, если онъ вдругъ проснѣтся (какъ онъ часто просыпался) безъ всякаго шума?

Она осмотрѣла корридоръ; крайняя комната, въ которой былъ спрятанъ Бэшудъ, представилась ей какъ мѣсто убѣжища.

«Я могу войти туда, подумала она. Оставилъ онъ ключъ?»

Она отворила дверь, чтобы посмотрѣть, и увидала носовой платокъ, брошенный на полъ. Не Бэшуда ли этотъ платокъ, оставленный тутъ нечаянно? Она осмотрѣла углы платка; во второмъ углу она нашла имя своего мужа!

Первымъ ея побужденіемъ было поспѣшить къ лѣстницѣ, раз-

будить управителя и потребовать объясненія. Черезъ минуту она вспомнила о пурпуровомъ флаконѣ и объ опасности оставить корридоръ. Она обернулась и посмотрѣла на дверь подъ номеромъ третьимъ. Мужъ ея, по свидѣтельству носового платка, непременно выходилъ изъ своей комнаты, а Бэшудъ ей не сказалъ. Въ своей ли комнатѣ онъ теперь? Въ пылу волненія, когда этотъ вопросъ пробѣжалъ въ головѣ ея, она забыла открытіе, сдѣланное ею за минуту передъ тѣмъ. Опять она прислушалась у двери; опять услышала медленное, правильное дыханіе спящаго человѣка. Въ первый разъ еѣ успокоило свидѣтельство ея слуха. На *этотъ* разъ, когда ея подозрѣнія и ея испугъ увеличились въ десять разъ, она рѣшилась положиться только на свидѣтельство своихъ глазъ.

— Всѣ двери отворяются тихо въ этомъ домѣ, сказала она сама себѣ:—мнѣ нечего бояться, что я разбуду его.

Тихо, понемногу отворила она незапертую дверь и заглянула въ отверстіе довольно широкое. При томъ не многомъ свѣтѣ, котораго она впустила въ комнату, только голова спящаго виднѣлась на изголовьи. Такъ ли она казалась черна противъ бѣлаго изголовья, какъ казалась голова ея мужа, когда онъ лежалъ въ постели? Было ли дыханіе также легко, какъ дыханіе ея мужа, когда онъ спалъ?

Она шире отворила дверь и заглянула въ комнату при болѣе яркомъ свѣтѣ.

Тамъ лежалъ человѣкъ, на жизнь котораго она покусилась въ третій разъ, спокойно спалъ онъ въ комнатѣ, отданной ея мужу, и въ воздухѣ, который не могъ сдѣлать вреда никому.

Неизбѣжное заключеніе пересилило еѣ въ эту минуту. Нестово поднявъ кверху руки, она опять вышла въ корридоръ. Дверь Аллена захлопнулась — но не такъ шумно, чтобы разбудить его. Она обернулась, когда дверь затворилась. Съ минуту она стояла и смотрѣла на неѣ, какъ обезумѣвшая женщина. Черезъ минуту инстинктъ побудилъ еѣ къ дѣйствию прежде чѣмъ разсудокъ пробудился. Въ двухъ шагахъ она была у двери подъ номеромъ Четвертымъ.

Дверь была заперта. Она дико и неловко начала искать въ

стѣнѣ шпичку, которую прижималъ докторъ, когда показывалъ комнату посѣтителѣмъ. Два раза она не попала на неё. Въ третій разъ глаза помогли рукамъ, она нашла шпичку и прижала её. Пружина подалась и дверь уступила.

Безъ малѣйшей нерѣшимости она вошла въ комнату. Хотя дверь была открыта, хотя такое короткое время прошло послѣ четвёртаго пріёма, такъ что только половина нужнаго количества газа была вызвана, отравленный воздухъ охватилъ её, какъ сильная рука за горло, какъ проволока стиснувшая голову. Она нашла мужа на полу, въ ногахъ кровати, его голова и одна рука были обращены къ двери, какъ онъ проснулся отъ первой дремоты и упалъ, усиливаясь выйти изъ комнаты. Отчаянно сосредоточивъ силы—на чтò женщины способны въ непредвидѣнныхъ случаяхъ—она приподняла Мидуинтера и вытащила его въ корридоръ. Голова ея кружилась, когда она положила его и доползла на колѣнахъ къ комнатѣ, чтобъ запереть её и не допустить отравленный воздухъ проникнуть въ корридоръ. Заперевъ дверь, она ждала, не смѣя смотрѣть на мужа, чтобъ собраться съ силами, приподняться и подойти къ огню надъ лѣстницею. Когда окно было открыто, когда подулъ пронзительный воздухъ ранняго зимняго утра, она осмѣлилась воротиться къ мужу, приподняла его голову и въ первый разъ пристально посмотрѣла ему въ лицо.

Смерть ли разлила мѣртвенную блѣдность по лбу его и щекамъ и свинцовый оттѣнокъ на вѣкахъ и губахъ?

Она развязала его галстухъ, растегнула жилетъ и выставила на воздухъ горло и грудь. Приложивъ свою руку къ сердцу, положивъ его голову къ себѣ на грудь, такъ что она была обращена къ окну, она ждала, чтò будетъ. Время проходило, время довольно короткое для того, чтобы считать его минутами по часамъ, а между тѣмъ довольно продолжительное для того, чтобы въ ней воротилось воспоминаніе о всей ея супружеской жизни съ нимъ—довольно продолжительное, для того, чтобы созрѣла рѣшимость, зародившаяся въ ея душѣ какъ единственный результатъ, который могъ выйти изъ этого обзора. Когда глаза ея покоились на нёмъ, странное спокойствіе медленно разливалось

по ея лицу. Она имѣла видъ женщины, которая рѣшилась одинаково встрѣтить возможность на его выздоровленіе, какъ принять увѣренность въ его смерти.

У ней еще не вырвалось ни крика, ни слезы, когда прошелъ промежутокъ и она почувствовала первое слабое биеіе его сердца и услышала первое слабое дыханіе его губъ. Она молча наклонилась къ нему и поцаловала его въ лобъ. Когда она опять подняла глаза, жесткое отчаяніе смягчилось на ея лицѣ. Въ ея глазахъ была какая-то мягкая лучезарность, которая освѣтила всю ея фюзіономію какъ бы внутреннимъ свѣтомъ, и сдѣлала её опять миловидной и женственной.

Она положила мужа и, снявъ съ себя шаль, положила её подъ голову его.

— Это могло быть трудно, мой возлюбленный, сказала она, чувствуя, что слабое биеіе его сердца усилилось.—Ты сдѣлалъ это теперь легче.

Она встала и, отвернувшись отъ мужа, примѣтила пурпуровый флаконъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она его оставила послѣ четвертаго приѣма.

«Ахъ, подумала она спокойно, «я забыла моего лучшаго друга—я забыла, что еще не всё вылито.

Твѣрдою рукою, съ покойнымъ внимательнымъ лицомъ, она налила въ трубку въ пятый разъ.

— Еще пять минутъ, сказала она, когда опять поставила флаконъ и посмотрѣла на часы.

Она задумалась—и эта задумчивость только помрачила серьезное и кроткое спокойствіе ея лица.

— Не написать ли мнѣ ему прощальнаго слова? спросила она себя.— Не сказать ли ему всей правды прежде чѣмъ я оставлю его навсегда?

Ея маленькій оправленный въ золото карандашикъ висѣлъ вмѣстѣ съ другими брелоками на ея часовой цѣпочкѣ. Посмотрѣвъ на него съ минуту, она стала на колѣна возлѣ мужа и засунула руку въ карманъ его сюртука: его записная книжка была тутъ. Какія-то бумаги выпали изъ нея, когда миссъ Гуинльтъ отперла застѣжку. Одна изъ этихъ бумагъ было то письмо, ко-

торое Мидуинтеръ получилъ съ смертнаго одра Брока. Она перевернула два листа почтовой бумаги, на которой ректоръ написалъ слова, оказавшіяся теперь справедливыми — и нашла послѣднюю страница послѣдняго листа пустою. На этой страницѣ она написала свои прощальныя слова, стоя на колѣнахъ возлѣ мужа.

«Я хуже всего того, что ты могъ подумать худого обо мнѣ. Ты спасъ Армэдэля, перемѣнившись съ нимъ комнатами сегодня и ты спасъ его отъ *меня*. Ты можешь угадать теперь чьей вдовой я выдала бы себя, если бы ты не спасъ ему жизни; узнаешь на какой злодѣйствѣ ты женился, когда женился на женщинѣ, пишущей эти строки. Всё-таки у меня бывали невинныя мипуты и тогда я нѣжно любила тебя. Забудь меня, мой возлюбленный въ любви женщины, которая будетъ лучше меня. Я можетъ быть сама была бы этой лучшей женщиной, еслибы не вина презрѣнной жизни прежде чѣмъ ты встрѣтился со мною. Теперь это всё равно. Я могу загладить весь вредъ, который я сдѣлала тебѣ только моей смертью. Мнѣ не трудно умереть теперь, когда я знаю, что ты останешься живъ. Даже моё злодѣйство имѣетъ свою заслугу — оно не удалось. Я никогда не была счастлива.»

Она опять сложила письмо и вложила его въ руку Мидуинтера, чтобы оно привлекло его вниманіе, когда онъ придѣтъ въ себя. Когда она тихо сомкнула его пальцы на бумагѣ и подняла глаза, послѣдняя минута послѣдняго промежутка бросилась ей въ глаза указываемая часами. Она наклонилась надъ нимъ и дала ему прощальный поцалуй.

— Живи, мой ангелъ, живи! нѣжно прошептала она, коснувшись своими губами его губъ. — Вся твоя жизнь передъ тобою — счастливая жизнь и почотная, если ты освободишься отъ *меня*!

Съ послѣдней, медленной нѣжностью, она откинула его волосы со лба.

— Любить тебя не было заслугою, сказала она: — ты одинъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые нравятся всѣмъ женщинамъ.

Она вздохнула и оставила его. Это была ея послѣдняя слабость. Она утвердительно склонила голову передъ часами, какъ-будто это было живое существо, говорящее съ нею — и послѣдній

разъ наполнила трубку послѣднею каплею оставшеюся въ флаконѣ.

Исчезавшая луна слабо свѣтила въ окно. Положивъ руку на дверь комнаты, она повернулась и посмотрѣла на свѣтъ, медленно исчезающій съ пасмурнаго неба.

— О, Боже, прости меня! сказала она. — О Христось! будь свидѣтелемъ, что я страдала!

Еще съ минуту мѣшкала она на порогѣ, мѣшкала для своего послѣдняго взгляда въ этотъ свѣтъ — и обратила этотъ взглядъ на него.

— Прощай! сказала она нѣжно.

Дверь комнаты отворилась — и затворилась за ней. Наступилъ промежутокъ тишины.

Потомъ послышался глухой и внезапный звукъ, похожій на паденіе.

Потомъ опять настала тишина.

Часовыя стрѣлки, слѣдуя по своему неуклонному пути, показывали минуты утра одну за одною, когда онѣ проходили. Была десятая минута съ-тѣхъ-поръ, какъ дверь комнаты отворилась прежде чѣмъ Мидуинтеръ пошевелился и усиливаясь приподняться, почувствовалъ въ своей рукѣ письмо.

Въ эту самую минуту въ двери у лѣстницы повернулся ключъ и докторъ, вопросительно смотря въ роковую комнату, увидалъ пурпуровый флаканъ на подоконникѣ и лежащаго на полу чело-вѣка, старавшагося приподняться.

Э П И Л О Г Ъ.

ГЛАВА I.

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ НОРФОЛКА.

Отъ мистера Педифта старшаго (изъ Торп-Эмброза) къ мистеру Педифту младшему (въ Парижъ). Декабря 20.

«Любезный Аугустусъ,

«Твое письмо я получилъ вчера. Ты, кажется, пользуешься своею молодостью (какъ ты это называешь) да еще и горячо. Ну, наслаждайся твоимъ свободнымъ временемъ. И я пользовался моею юностью, когда былъ въ твоихъ лѣтахъ, и съ удивленіемъ говорю, я еще этого не забылъ.

«Ты спрашиваешь у меня цѣлый бюджетъ новостей, а особенно объ этомъ таинственномъ дѣлѣ въ Лечебницѣ.

«Любопытство, мой милый сынъ, есть качество, которое (особенно въ нашей профессіи) иногда приводитъ къ великимъ результатамъ. Однако я сомнѣваюсь найдешь ли ты, чтобы оно привело ко многому въ этомъ случаѣ. Всѣ, что я знаю о тайнѣ въ Лечебницѣ, я узналъ отъ мистера Армэдэля, а ему совершенно неизвѣстны многіе важные пункты. Я уже сообщалъ тебѣ, какъ ихъ заманили въ домъ и какъ они провели тамъ ночь. Къ этому я могу теперь прибавить, что навѣрно съ мистеромъ Мидуинтеромъ случилось что-нибудь лишившее его сознания и

что докторъ, который, кажется, былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, повѣлъ дѣло свысока и настояль, чтобы ему поступить по-своему въ его собственной Лечебницѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что несчастная женщина (какимъ бы образомъ ни случилась съ нею смерть) была найдена мѣртвою, что коронеръ произвёлъ слѣдствіе, что показанія свидѣтелей обнаружили, что она поступила въ домъ какъ пациентка, а медицинское изслѣдованіе показало, что она умерла отъ апоплексическаго удара. Я думаю, что мистеръ Мидунтеръ имѣетъ свои причины не давать показанія, которыя онъ могъ бы дать. Я имѣю также причины подозрѣвать, что мистеръ Армэдэль, изъ уваженія къ нему, послѣдовалъ его примѣру, и что приговоръ на слѣдствіи, (не обвинявшій никого), происходилъ, подобно многимъ другимъ приговорамъ въ такомъ же родѣ, отъ совершенно поверхностнаго изслѣдованія обстоятельствъ.

«Я твёрдо убѣждёнъ, что ключъ ко всей этой тайнѣ можно найти въ покушеніи этой несчастной женщины выдать себя за вдову мистера Армэдэля. когда извѣстіе о его смерти явилось въ газетахъ. Но что сначала побудило её къ этому и какимъ непостижимымъ процессомъ обмановъ могла она убѣдить мистера Мидунтера жениться на ней (какъ доказываетъ брачное свидѣтельство) подъ именемъ мистера Армэдэля — этого не знаетъ даже самъ мистеръ Армэдэль. Пунктъ этотъ не былъ затронутъ при слѣдствіи по той простой причинѣ, что слѣдствіе касалось только обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея смерть. Мистеръ Армэдэль, по просьбѣ своего друга, увидѣлся съ миссъ Блэнчардъ и убѣдилъ её заставить старика Дарча молчать насчетъ правъ, которыя она предъявила на вдовой доходъ. Такъ-какъ это право не было еще признано, то даже нашъ чопорный собратъ согласился разъ въ жизни исполнить просьбу. Показаніе доктора, что его пациентка была вдова джентльмена, по имени Армэдэля; также было оставлено безъ изслѣдованія, такимъ образомъ дѣло и загнушили. Она похоронена на большомъ кладбищѣ, возлѣ того мѣста, гдѣ она умерла. Никто, кромѣ мистера Мидунтера и мистера Армэдэля (который настояль, чтобы ѣхать съ нимъ) не провожалъ её до могилы, и ничего не было напи-

сапо на ея надгробномъ памятникѣ кромѣ, начальной буквы ея имени и дня ея смерти. Итакъ, послѣ всего вреда, сдѣланнаго ею, она наконецъ успокоилась — итакъ два человѣка, которыхъ она оскорбила, простили ей.

«Есть ли что еще сказать объ этомъ предметѣ прежде чѣмъ мы его оставимъ? Справляясь съ твоимъ письмомъ, я нахожу, что ты коснулся еще другого пункта, который можетъ быть заслуживаетъ минутнаго вниманія.

«Ты спрашиваешь есть ли причины полагать, что докторъ вышелъ изъ этого дѣла съ руками дѣйствительно такими чистыми, какъ онѣ кажутся? Любезный Аугустусъ, я полагаю, что докторъ участвовалъ въ этой бѣдѣ гораздо болѣе, чѣмъ мы узнаемъ когда-нибудь, и воспользовался добровольнымъ молчаніемъ мистера Мидуинтера и мистера Армэдэля, какъ мошенники часто пользуются несчастіями и необходимостями честныхъ людей. Это доказанный фактъ, что онъ участвовалъ въ ложномъ показаніи относительно миссъ Мильрой, которое заманило двухъ джентльменовъ въ его домъ — и этого одного обстоятельства (послѣ моей опытности въ уголовномъ судѣ) довольно для *меня*. Уликъ же противъ него нѣтъ никакихъ; а что касается до того поразить ли его Возмездіе, я могу только сказать, что я искренно надѣюсь, что возмездіе наконецъ окажется хитрѣе его. Пока на это еще мало надежды. Я слышалъ, что друзья и поклонники доктора хотятъ поднести ему свидѣтельство (выражающее ихъ сочувствіе къ печальному обстоятельству, набросившему облако на открытіе его Лечебницы, и ихъ неуменьшившееся довѣріе въ его честность и искусство какъ врача). Мы живѣмъ, Аугустусъ, въ вѣкѣ чрезвычайно благопріятномъ для преуспѣванія всякаго мошенничества, которое позаботится поддерживать благопріличіе. Въ этомъ просвѣщенномъ девятнадцатомъ столѣтіи я смотрю на доктора какъ на одного изъ нашихъ будущихъ дѣятелей.

«Обращаясь теперь къ болѣе пріятному предмету, чѣмъ Лечебница, я могу сказать тебѣ, что миссъ Нили выздоровѣла и, помоему смиренному мнѣнію, еще похорошѣла. Она гоститъ въ Лондонѣ у одной родственницы, и мистеръ Армэдэль удостоивряетъ еѣ въ томъ, что онъ живъ (въ случаѣ, если бы она за-

была объ этомъ) акуратно каждый день. Они будутъ вѣнчаться весной, если только смерть мистриссъ Мильрой не заставитъ отложить свадьбу. Доктора думаютъ, что бѣдная мистриссъ Мильрой приближается къ кончинѣ; это можетъ продолжаться нѣскольکو недѣль или нѣсколько мѣсяцевъ—они сказать не могутъ. Она очень измѣнилась — спокойна и кротка и чрезвычайно ласкова съ мужемъ и дочерью. Но въ ея болѣзни эта счастливая пере-мѣна признакъ приближающейся кончины съ медицинскою точки зрѣнія. Бѣдному старому маіору трудно это растолковать. Онъ только видитъ, что она опять сдѣлалась также добра, какъ была когда онъ женился на ней, и теперь сидитъ по цѣлымъ часамъ у ея постели и рассказываетъ ей о своихъ удивительныхъ часахъ.

Мистеръ Мидуинтеръ, о которомъ ты теперь ожидаешь, что я скажу что-нибудь, быстро выздоравливаетъ. Надѣлавъ сначала безпокойства своимъ докторамъ (которые объявили, что онъ страдаетъ отъ какого-то серьёзнаго нервнаго потрясенія, произведѣннаго обстоятельствами, о которыхъ упорное молчаніе ихъ паціента оставляло ихъ въ неизвѣстности), онъ поправился такъ, какъ только люди съ его нервнымъ темпераментомъ (опять ссылаясь на докторовъ) *могутъ* поправляться. Онъ живетъ въ одной квартирѣ съ мистеромъ Армэдэлемъ. Я видѣлъ его на прошлой недѣлѣ, когда былъ въ Лондонѣ. Лицо его обнаруживаетъ признаки изнеможенія и слезъ, что грустно видѣть въ такомъ молодомъ человѣкѣ. Но онъ говорилъ о себѣ и о своемъ будущемъ съ мужествомъ и съ надеждою, которымъ люди вдвое старѣе его (если онъ страдалъ такъ, какъ я подозреваю) могли бы, позавидовать. Если я что-нибудь понимаю въ людяхъ, то это человѣкъ необыкновенный и мы услышимъ еще о нёмъ не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ.

«Ты удивишься, какъ я попалъ въ Лондонъ. Я поѣхалъ съ возвратнымъ билетомъ (отъ субботы до понедѣльника) насчетъ этого спорнаго дѣла нашихъ агентовъ. Мы крѣпко поспорили. Но довольно странно, мнѣ пришло въ голову одинъ пунктъ, когда я всталъ, чтобы уйти, я воротился къ своему креслу и тотчасъ же рѣшилъ вопросъ. Разумѣется, я останавливался въ нашей гостинницѣ въ Ковендгарденѣ. Уильямъ, слуга, спрашивалъ

о твоёмъ здоровьи съ любовью отца, а Матильда, служанка, сказала, что ты почти уговорилъ её въ послѣдній разъ выдернуть гнилой зубъ изъ нижней челюсти. Я пригласилъ бы второго сына нашего агента (юношу, котораго ты прозвалъ Мустафа, когда онъ надѣлалъ этой страшной каши на счетъ турецкихъ фондовъ), обѣдать у меня въ воскресенье. Вечеромъ случилось одно небольшое обстоятельство, о которомъ стѣбитъ упомянуть, такъ какъ оно относится къ той старухѣ, которой не было дома, когда ты и мистеръ Армэдэль ѣздили въ тотъ домъ въ Пимлиго въ прошлыя времена.

Мустафа походилъ на всѣхъ васъ молодыхъ людей настоящаго времени; онъ пришолъ въ тревожное состояніе послѣ обѣда.

«— Поѣдемте въ какое-нибудь публичное увеселеніе, мистеръ Педгифтъ, сказалъ онъ.

«— Въ публичное увеселеніе? Да вѣдь сегодня воскресенье, говорю я.

«— Это не мѣшаетъ, сэръ, говоритъ Мустафа: — на театрѣ не позволяютъ представлять по воскресеньямъ, а на каедрѣ не препятствуютъ. Поѣдемте посмотрѣть послѣднюю новую актрису нашего времени.

«Такъ какъ онъ не хотѣлъ болѣе пить вина, то не оставалось ничего болѣе, какъ ѣхать. Мы отправились въ одну улицу въ Уэст-Эндѣ и нашли её заставленную экипажами. Если бы это было не воскресенье, я подумалъ бы, что мы ѣдемъ въ оперу.

«— Чтѣ я вамъ говорилъ? сказалъ Мустафа, ведя меня въ открытую дверь, на которой была прибита афиша. Я только-что примѣтилъ, что я отправляюсь на одну изъ «воскресныхъ вечернихъ рѣчей о суетахъ міра сего, говорѣнныхъ грѣшницей, служившей имъ», когда Мустафа толкнулъ меня и шепнулъ:

«— Полкроны самая фешонэбельная плата.

«Я очутился между двумя степенными и молчаливыми джентльмэнами, съ блюдами въ рукахъ, уже чрезвычайно наполненными фешонэбельной платой. Мустафа положилъ на одно блюдо, а я на другое. Мы прошли черезъ двери въ длинную комнату, наполненную людьми. Тамъ, на платформѣ, на дальнемъ концѣ, читала рѣчь женщина, и эта женщина была мистриссъ

Ольдершѣ! Ты никогда ничего не слышала краснорѣчивѣе въ твоей жизни. Пока я слушала её, она ни разу не остановилась за словомъ. Послѣ этого воскреснаго вечера я во всю мою жизнь не буду считать краснорѣчіе большимъ дарованіемъ. Сущность же проповѣди заключалась въ разсказѣ объ опытности мистриссъ Ольдершѣ между расточительными женщинами, съ обильными примѣрами самаго благочестиваго и кающагося свойства. Ты спросишь, какаго рода были слушатели. Большую частью женщины, Аугустусъ — и, кажется, всё старыя свѣтскія вѣдьмы, которыхъ мистриссъ Ольдершѣ раскрашивала въ свое время, смѣло сидѣвшія въ переднихъ мѣстахъ, съ нарумяненными щеками, съ набожнымъ наслажденіемъ, по истинѣ изумительнымъ! Я оставилъ Мустафу слушать до конца, а самъ думалъ, выходя, о томъ, что Шекспиръ сказалъ гдѣ-то: «Боже, какіе мы дураки!»

«Не осталось ли чего разсказать тебѣ, прежде чѣмъ я кончу мое письмо? Только одно могу я припомнить.

«Несчастный старикъ Бэшудъ подтвердилъ мои опасенія, которыя я сообщалъ тебѣ о нёмъ, когда его привезли сюда изъ Лондона. Нечего сомнѣваться, что онъ лишился и того немногаго разсудка, какой онъ имѣлъ. Онъ совершенно безвреденъ и совершенно счастливъ. Онъ жилъ бы очень хорошо, если бы только мы могли не допускать его выходить въ своей новой парѣ платьевъ и съ улыбкою приглашать всякаго на свою свадьбу съ красивѣйшей женщиной въ Англіи. Это кончается тѣмъ, что мальчишки кидаютъ въ него грязью и онъ, весь запачканный, возвращается ко мнѣ со слезами. Только что вычистятъ ему платье, онъ опять впадаетъ въ свою любимую мечту и чванно расхаживаетъ передъ церковью, какъ женихъ ожидающій миссъ Гуильтъ. Намъ надо пристроить куда-нибудь бѣднаго старика на то немногое время, которое остаётся ему прожить. Кто подумалъ бы, что вредъ, сдѣланный красотой этой женщины, могъ даже достигнуть до нашего престарѣлаго клэрка?

«Прощай пока, мой милый. Если ты увидишь какую-нибудь особенно красивую табакерку въ Парижѣ, вспомни — хотя твой

отецъ презираетъ аттестатами — что онъ не прочь принять подарокъ отъ своего сына.

«Любящій тебя,

«А. ПЕДГИФТЪ СТАРШІЙ.»

«Постскриптумъ.—Мнѣ кажется; что извѣстіе помѣщонное во французскихъ газетахъ о гибельной ссорѣ между иностранными моряками на одномъ изъ Линарскихъ острововъ и о смерти ихъ капитана, можетъ быть касается тѣхъ мошенниковъ, которые обокрали мистера Армэдэля и потопили его яхту. *Такіе* люди, къ счастью для общества, не могутъ всегда поддерживать благоприличіе, и въ ихъ случаѣ, Плуты и Возмездіе иногда приходятъ въ столкновение другъ съ другомъ.»

ГЛАВА II.

МИДУИНТЕРЬ.

Весна дошла до конца апрѣля. Былъ капунъ свадьбы Аллена. Мидуинтеръ и онъ разговаривали въ большомъ домѣ до поздней ночи, такъ что давно пробило полночь и свадебный день уже насталъ.

По ббльшей части разговоръ шолъ о планахъ и проектахъ жениха. Только тогда уже, когда оба друга встали, чтобы лечь спать, Алленъ настоялъ, чтобы Мидуинтеръ поговорилъ о себѣ.

— Мы уже, довольно говорили о *моёмъ* будущемъ, началъ онъ по-своему прямо и рѣзко. — Скажемъ что-нибудь теперь, Мидуинтеръ, о *вашемъ* будущемъ. Вы обѣщали мнѣ, я знаю, что если вы займётесь литературой, то она не разлучитъ насъ, и что если побѣдете путешествовать по морю, вы вспомните, когда воротитесь, что мой домъ—вашъ домъ. Но это послѣдняя

возможность, которую мы имѣемъ поговорить вдвоёмъ по старому, и признаюсь, мнѣ хотѣлось бы знать...

Голосъ его ослабѣлъ и глаза наполнились слезами. Онъ не кончилъ фразы.

Мидуинтеръ взялъ его за руку и помогъ ему, такъ-какъ онъ часто ему помогаль договаривать слова, прошлое время.

— Вамъ хотѣлось бы знать, Аллэнъ, сказалъ онъ: — что я не принесу съ собою больного сердца на вашъ свадебный день? Если вы мнѣ позволите воротиться на минуту къ прошлому, я думаю, что я могу исполнить ваше желаніе.

Они опять сѣли. Аллэнъ видѣлъ, что Мидуинтеръ былъ взволнованъ.

— Зачѣмъ вамъ огорчаться? спросилъ онъ ласково:—зачѣмъ возвращаться къ прошлому.

— По двумъ причинамъ, Аллэнъ. Я долженъ былъ бы давно поблагодарить васъ за то, что вы молчали для меня о дѣлѣ, которое должно было казаться вамъ очень страннымъ. Вы знаете какое имя стоитъ въ моёмъ брачномъ свидѣтельствѣ, а между тѣмъ вы не говорили объ этомъ изъ опасенія огорчить меня. Прежде чѣмъ вы вступите въ вашу новую жизнь, объяснимся объ этомъ въ первый и послѣдній разъ. Я прошу васъ — какъ еще одинъ лишній знакъ вашей доброты ко мнѣ—принять моё увѣреніе (какъ ни странно должно это показаться вамъ), что я невиненъ въ этомъ дѣлѣ, и умоляю васъ вѣрить, что причины, которыя заставляютъ меня не объяснять этого, одобрилъ бы самъ мистеръ Брокъ, еслибы онъ былъ живъ.

Этими словами онъ сохранилъ тайну двухъ имёнъ и оставилъ память объ алленовой матери такую же, какою онъ нашолъ её священной памятью въ сердцѣ ея сына.

Еще одно слово, продолжалъ онъ:—одно слово, которое перенесётъ насъ на этотъ разъ отъ прошедшаго къ будущему. Было сказано, и справедливо, что изъ Зла можетъ произойти Добро. Ужасъ и несчастье ночи, извѣстной вамъ, заставили умолкнуть сомнѣніе, когда-то дѣлавшее мою жизнь несчастной отъ неосновательной тревоги относительно васъ и меня. Теперь между нами уже не будетъ тучъ, нагнанныхъ моимъ суетвѣріемъ.

И не могу сказать вамъ по совѣсти, что я теперь болѣе готовъ чѣмъ когда мы были на островѣ Мэнъ, смотрѣть на вашу сонъ съ болѣе рациональной точки зрѣнія. Хотя я знаю какое необыкновенное стеченіе обстоятельствъ постоянно случается въ жизни всѣхъ насъ, я всё-таки не могу объяснить простымъ стеченіемъ обстоятельствъ исполненіе видѣній, которыя мы видѣли нашими собственными глазами. Я могу только искренно сказать за себя и это я думаю удовлетворить васъ, что я научился смотрѣть на смыслъ сновидѣнія съ новой точки зрѣнія. Я вѣрилъ когда-то, что оно было послано вамъ для того, чтобы возбудить ваше недоверіе къ одинокому человѣку, котораго вы приняли къ своему сердцу какъ брата. Я *знаю* теперь, что это сновидѣніе явилось вамъ какъ заблаговременное предувѣдомленіе допустить его къ вашему сердцу еще ближе. Поможетъ ли это вамъ удостовѣриться, что и я также стою съ надеждою на рубежѣ новой жизни, и что пока мы будемъ живы, братъ, ваша любовь и моя никогда не будутъ раздѣлены?

Они молча пожали другъ другу руку. Алленъ опомнился первый. Онъ отвѣчалъ нѣсколькими ласковыми словами, которыя были самыми лучшими съ какими онъ могъ только обратиться къ своему другу.

— Я слышалъ всё что желалъ слышать о прошломъ, сказалъ онъ:—и знаю то, что я болѣе всего желалъ бы знать о будущемъ. Всѣ говорятъ, Мидуинтеръ, что вамъ предстоитъ карьера—и я думаю, что всѣ правы. Кто знаетъ, какія вещи могутъ случиться прежде чѣмъ мы постарѣемъ нѣсколькими годами.

— Кому *нужно* знать? спокойно сказалъ Мидуинтеръ. — Что ни случилось бы, Господь милосердъ, Господь премудръ. Эти слова когда-то написалъ мнѣ вашъ дорогой старый другъ. Съ этою вѣрою я могу оглядываться безъ ропота на прошедшіе годы и могу смотрѣть, безъ сомнѣнія, на годы наступающіе.

Онъ всталъ и отошелъ къ окну. Пока они разговаривали, темнота прошла. Первый свѣтъ новаго дня встрѣтилъ Мидуинтера, когда онъ посмотрѣлъ въ окно и нѣжно покоился на его лицѣ.